

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2025. 20(4)
АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
13906, Polarstone Ct., Houston,
TX, USA 77044

Тел.: +1 202 8437792 (США)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

- А. С. Черкас (г. Хьюстон, США)
гл. редактор – д-р ист. наук
- Д. Даровец (г. Венеция, Италия)
- П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)
- Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
- Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)
- Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)
- Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Дж. Санборн (Пенсильвания, США)
- В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)
- С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)
- Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)
- Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)
- М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.12.2025 г.

Заказ № 86.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай II, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2025. 20(4)
AMERICAN HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
13906, Polarstone Ct., Houston,
TX, USA 77044

Тел.: +1 202 8437792 (USA)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

A. C. CHERKAS (HOUSTON, USA)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 12/01/2025

Order № 86.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas II is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire”

C O N T E N T S

ARTICLES

Battle Helmets in Kazakh Heroic Epics O.M. Agatay, A.G. Ibrayeva, O.D. Mysyr, S.M. Gizzatov	1625
Road and Transport Network and Infrastructure of the Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan in the New Times from the Point of View of the Global-Historical Approach O.Yu. Nikonova, G.Kh. Samigulov	1637
The Russian Government and Institute of Tarkhanism in the Kazakh Society (XVIII–XIX centuries) O.I. Issenov, G.Z. Balgabayeva, A.A. Absadyk, Zh.A. Shaukenov	1649
The Epistolary Heritage of Bopay Khanum in the Context of Russian-Kazakh Communications in the first half of the 18th century Z.K. Kartova, N.A. Abuov, A.Z. Zhumanova, G.S. Ilyassova	1659
A Historiographical Analysis of Descriptions of the Kazakh People’s Way of Life in the Works of Russian Travelers and Researchers of the Russian Empire Era (18th–19th centuries) B.T. Kaliyeva, E.O. Bulanov, G.B. Tleubekova, K.T. Santayeva	1671
Traditional Kazakh Agriculture in the Research of Russian Scholars and Travelers of the 18th–19th centuries A.U. Toktabay, N.A. Dossymbetov	1686
The Development of Kazakh-Russian Trade Relations in the Activities of Sultan Abulfeis of the Middle Zhuz (1760s – early 1780s) G.K. Kenzhebayev, Z.Y. Kabuldinov, D.A. Chernienko, T.A. Apendiyev	1700
Archival Documents as Authentic Sources of Customary Law of the Perm Peoples in the 18th – early 20th centuries O.A. Plotskaya, Yu.E. Kurilyuk, I.T. Eratov, T.S. Bessonova	1710
Lord Gordon Riots in the Assessment of Historians: a Social Protest or an Anticatholic Uprising? M.S. Stetkevich, T.V. Chumakova, E.S. Stetkevich	1718
State and Legal Regulation of Salt Production and Sale in the Russian Empire in the second half of the 18th – mid-19th centuries O.M. Dolidovich, I.Y. Makarchuk, E.N. Starovoitova, M.A. Petrov	1730
The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 2 A.V. Bedrik, N.S. Tkalenko	1740
Activities of Prince N.G. Repnin as Governor-General of the Kingdom of Saxony (1813–1815) O.Y. Zakharova, S.I. Degtyarev, N.A. Kotelnitsky	1752
Historical Memory and Acculturation of the Russian Empire in the North-Eastern Caucasus during the Caucasian War A.A. Gazieva, M.M. Vagabov	1758
System of Ransoming Russian Subjects from the Central Asia in the 1820s and the Orenburg Border Commission Criticism of It A.Yu. Peretyatko	1765
An Archival-Historical Analysis of the Siberian Committee's Documents on the Implementation of Administrative-Territorial Reforms in Kazakh Steppe during the 19th century D.Zh. Kussainov, A.A. Kaskabassova, G.B. Zhakibayeva	1778

Countess P.S. Uvarova and Her “Readings” for the Peasants of the Porechye Estate: New Features for a Historical Portrait (based on Archival Materials) Yu.G. Kokorina	1791
The Impact of Business Unions and Associations on the Economic Policy of the State in the second half of the 19th – early 20th centuries P.S. Seleznev, V.V. Zubov	1801
Sir Benjamin F. Howard (1835–1908): Soldier, Police Officer, Mason A.C. Cherkas	1811
Establishment of Shelters for Children of Lower Ranks of Guards Regiments Stationed in St. Petersburg in the first half of the 19th century Y.G. Grigoryan, K.V. Bogatyreva, Yu.V. Ivanishkina, I.V. Karpenko	1823
Horizons of Historical Memory of 19th century Kazakh Enlighteners and the Influence of the Intellectual Traditions of the Russian Empire T.T. Dalayeva, I.V. Krupko	1832
The Evolution of State Policy Towards “Non-Tolerated” Religious Denominations in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century (based on materials from Western and Northwestern Kazakhstan) Zh.D. Mustafina, A.T. Maden, B.K. Sugurbayeva	1843
The Turkestan Governor-Generalship in the Geopolitical Rivalry between the Russian and British Empires over the Afghan border issue (1860–1870s) R.N. Tursunov, D.Q. Jumaniyazov, Sh.S. Gofforov, O.J. Urakova	1852
Timiryazev Agricultural Academy on the Pages of Periodicals of the 19th – early 20th centuries R.A. Tleptsok	1865
The Forming and Development of Physical Culture and Sport in the City of Krasnoyarsk (XIX – beginning of XX centuries) N.R. Novoseltsev, R.M. Chistyakov, D.V. Rakhinskii, A.S. Kovalev	1876
Features of the Social and Medical Examination of the Mentally Ill in the Yenisei Province in the second half of the 19th – early 20th centuries A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, D.V. Rakhinsky, O.I. Savin	1884
Tashkent in the Imperial Project of Russian Colonization of the Turkestan Region in the second half of the 19th – early 20th centuries: Discourse and Practices S.M. Matkarimova, S.T. Davlatova, N.X. Botirova, G.K. Masharipova	1897
Specifics of the Development of the Sanitary and Epidemiological Service of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries: the Turkestan Aspect T.T. Raishev, O.P. Kobzeva, Zh.E. Turekulova, G.A. Egamberdieva	1907
Yenisei Diocesan Orthodox Missionary Society in 1870–1881 N.M. Leshchinskaia, E.A. Sertakova, M.S. Koptseva, S.O. Zotov	1921
To the Issue of Muslim Educational Institutions and Enlightenment Societies in the Kazakh Steppe (late 19th – early 20th centuries) S.O. Smagulova, Zh.A. Kudaibergenova, N.K. Dyusenova, T.A. Bekbayeva	1932
The Content and Significance of N.M. Yadrintsev's Expedition to the Altai Mountain District in 1880 A.V. Golovinov, Zh. Ibragimov, V.A. Dolzhikov, K.A. Ishekov	1940
Sanitation and Imperial Order: Muslim Cemeteries in Turkestan Zh.A. Akimbek, L.S. Dinasheva	1950

Entrepreneurship and Trade in the Semirechye Region at the end of the XIX – beginning of the XX centuries G.Zh. Mukazhanova, K.M. Kabarova, T.V. Vorotilina, A.S. Ivlyushkin	1958
“Yakuts” by Origin among Officials in the Yakut Region (late 19th – early 20th centuries) T.G. Karchaeva, G.M. Lushchayeva, A.S. Zhulaeva, N.V. Pakhomova	1970
Demographic Changes in the Syr-Darya Region at the turn of the XIX–XX centuries in the Context of the Confessional Composition of the Population A.B. Yessimova, Z.Kh. Valitova, A.Zh. Myrzakhmetova, B.I. Karipbayev	1979
The Features of Transport Communications Development in Pre-Revolutionary Krasnoyarsk E.A. Akhtamov, T.V. Izluchenko, D.N. Gergilev, A.A. Gruzdev	1991
The Problem of the Political Modernization of Russia in the Ideology of Neo-Populism (late 19 th – early 20 th centuries) A.Yu. Viazinkin, O.L. Protasova, K.V. Samokhin	2002
On the Activities of the Sochi Garden and Agricultural Experimental Station in 1894–1902 K.V. Taran	2014
Architectural Monuments of the City of Pavlodar: A Historical and Cultural Study (late 19th – early 20th centuries) M.I. Rakhimov, N.U. Shayakhmet, K.K. Battalov, B.Zh. Elmuratova	2025
To the Issue of the Quality of Church Allotments in Parishes of Siberian Dioceses at the beginning of the 20th century D.N. Belyanin, V.N. Razgon, A.V. Razgon	2035
“The Other” in Late Imperial Russia: Chinese Migrants in Perm Province in the Early XX century A.A. Avdashkin	2048
The International “Odysseys” of Kazakh Political and Public Figure Shaimerden Kosshygulov (early 20th century) S. Zhumatay, D.P. Kozhamzharova, Zh.A. Ganibayeva, S.M. Syzdykov	2056
The Formation of Civic Identity in the “Poteshnie” Movement in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Part 2 I.A. Bulatov, D.N. Kovaleva, Iu.M. Bystrova	2066
A.A. Shakhmatov's Archive as a Source for Studying E.Yu. Perfetsky's Scholar Work on Hungarian Rus K.B. Egorova	2078
The Influence of the Russian-French Convention of 1911 on the Development of Copyright in the Russian Empire E.A. Sviridova, R.V. Mamedov, G.F. Ruchkina, T.V. Larina	2086
Letters from the Front as a Historical Source (Using the Example of the Olonets Province) A.A. Baibarin, S.B. Zinkovskii, A.V. Murashova, O.V. Popova	2097
The Volunteer Movement in the Amur Region during the First World War O.E. Chuikov, I.A. Gordeev, I.V. Tyurin, N.V. Grigorieva	2103
Mechanisms for the Provision of the Forced migrants' Educational Needs in Siberia during the First World War A.S. Kuzmenko, L.E. Marinenko, E.A. Grigoryeva	2111
Student Labor Squads as a New Form of Volunteer Aid During the World War I (based on the Materials of the Tsaritsyn Region) I.N. Litvinova, O.A. Karagodina	2121

**To the Issue of the Creation of Partisan Detachments during the First World War
(1914–1918). Part 1**

G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, I.N. Kuksin 2133

**To the Issue of the Creation of Partisan Detachments during the First World War
(1914–1918). Part 2**

G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, I.N. Kuksin 2141

East European Historical Society (2015–2025): A Review of Its Work

I.Yu. Cherkasova, L.A. Koroleva, V.S. Nikitina 2150

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1625-1636
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1625

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Battle Helmets in Kazakh Heroic Epics

Otkirbay M. Agatay ^a, Akmaral G. Ibrayeva ^a, Olzhas D. Mysyr ^{a, *}, Sayalbek M. Gizatov ^b

^aNational Museum of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^bAstana International University, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article explores the elements of protective armament – specifically the combat helmet of Turkic nomads of Eurasia during the Medieval and Early Modern periods – based on a comprehensive analysis of written, material, and visual sources. The study focuses on examples found in Kazakh heroic epics. The Kazakh folklore data utilized in this research had not previously been introduced into academic discourse or translated into foreign languages. The study identifies original names of combat helmets as described in the images of *batyr*-warriors depicted in Kazakh heroic epics. It is revealed that during the Medieval and Early Modern periods, Turkic nomadic warriors of Kazakhstan and adjacent territories used combat helmet such as the *dulyga*. Some traditional male headwear worn by Central Asian Turkic peoples, particularly Kazakhs, during peacetime – such as *qalpaq*, *telpek*, *borik*, and *qalqan* – acquired military significance due to morphological and typological similarities, and became established in traditional military terminology. Additionally, the examined epics provide information on how the warriors' helmets were worn, certain structural features, external decorations, and other details. These findings show a high degree of correlation with written, material, and visual sources. The epic works under study also describe characteristic features of Oirat warriors' helmets, particularly the dome shape resembling a Buddhist stupa, which is fully consistent with material and visual evidence. Furthermore, it is found that the term *qalqan*, traditionally meaning “shield”, is used in several epic narratives from Mangystau, the Southern Urals, the Syr Darya region, Central Kazakhstan, and Semirechye to also denote combat helmet.

Keywords: cultural code, museum collections, steppe warriors, Kazakhs, combat helmets, helmets.

1. Введение

Изучение традиционного вооружения и военного дела тюркоязычных и монголоязычных кочевников Евразии Средневековья и Нового времени на основе их фольклорного наследия представляет собой новое направление в историографии и в оружейведении. Указанные источники нередко позволяют реконструировать специфику оружия и доспехов, а также раскрыть их этнокультурное и этнофункциональное значение в системе материальной культуры тюркских кочевников Евразии. Среди фольклорных жанров наибольшее значение для таких исследований имеют героические эпосы, содержащие обширные сведения о наступательном и защитном вооружении кочевников Великой степи.

Известно, что казахские героические эпосы, как и фольклорные материалы в целом, в исторических и историографических исследованиях, как правило, рассматриваются лишь в качестве

* Corresponding author

E-mail addresses: odaurenuly@mail.ru (O.D. Mysyr), agatayotkirbay@gmail.com (O.M. Agatay), ibrayeva.ag@gmail.com (A.G. Ibrayeva), sayalbek@mail.ru (S.M. Gizatov)

вспомогательных источников, призванных подкреплять уже установленные факты. В ряде случаев они и вовсе остаются вне поля зрения историков, ограничиваясь анализом в рамках фольклористических, филологических и лингвистических подходов.

В связи с этим в настоящей статье мы ставим задачу рассмотреть казахские героические эпосы в качестве базового источника при исследовании оружия и доспехов, в частности боевых наголовий кочевников Казахстана и сопредельных территорий в период Средневековья и Нового времени, сопоставляя его с другими типами источников.

Защитное наголовье, предназначенное для предохранения головы и шеи воина от ударов наступательного оружия противника, в казахских героических эпосах упоминается под названием *дулыға*, то есть собственно *шлем*. Это защитное снаряжение в древности изготавливалось евразийскими кочевниками сначала из кожи и войлока, а позднее, с развитием металлургии, из цельной бронзы и других металлов. Со временем, благодаря развитию сложных техник украшения – инкрустации, чеканки, гравировки, – боевые шлемы стали одними из самых ценных и дорогих элементов защитного вооружения.

Согласно отечественной оружейведческой литературе, боевые наголовья относятся к «средствам защиты головы». Они включают *железную шапку* и *шлем* как виды боевых наголовий. Далее они классифицируются по типам: к железным шапкам относятся *мисюрки* и *кольчатые башлыки*, а к шлемам – *составные*, *стёганые* и *пластинчатые* шлемы. Кроме того, на основе типологического и технологического изучения боевых наголовий из музейных коллекций и иконографических материалов, оружейвед К.С. Ахметжан делит казахские шлемы по материалу изготовления – на классы; по назначению – на виды; по технике изготовления – на отделы и группы; по форме тульи и навершия – на типы, подтипы и их варианты (Ахметжан, 2007: 88-90, 152-154).

Специалисты-оружиеведы Л.А. Бобров и Ю.С. Худяков на основе комплексного изучения боевых наголовий кочевников Центральной Азии и Южной Сибири позднего Средневековья и Нового времени систематизировали их по материалу изготовления на классы; по принципу крепления составных элементов – на отделы; по форме поперечного сечения – на группы; по конфигурации купола, включая тулью и навершие – на типы; по наличию дополнительных элементов, украшающих купол, декоративных деталей и особенностей оформления пластин – на варианты (Бобров, Худяков, 2008: 417). В специальной оружейведческой литературе принято определять боевые наголовья, как правило, по форме тульи и/или купола. Например, различают конические, сфероконические, цилиндрические, полусферические, сфероцилиндрические шлемы и др. (Бобров, Худяков, 2008: 16-17).

2. Материалы и методы

Основу данного исследования составляют материалы казахских героических эпосов, а именно: *Қырымның қырық батыры* («Сорок батыров Крыма») (Бабалар сөзі, 2008b: Т. 50), *Қамбар батыр* (Бабалар сөзі, 2007a: Т. 43), *Қобыланды батыр* (Бабалар сөзі, 2006a: Т. 35; Бабалар сөзі, 2006b: Т. 36; Бабалар сөзі, 2006c: Т. 37; Бабалар сөзі, 2006d: Т. 38), *Қисса Қамбар* (Бабалар сөзі, 2007a: Т. 43), *Орта жүз Олжабай батыр* («Олжабай-батыр из Среднего жуза») (Бабалар сөзі, 2010c: Т. 59), *Ертедегі Шора батыр* («Чура-батыр былых времён») (Бабалар сөзі, 2007b: Т. 45), *Сабалақ, Әбілмансұр, Абылай хан* (Бабалар сөзі, 2010a: Т. 57), *Бөгенбай батырдың бірінші жорығы* («Первый поход Богенбай-батыра») (Бабалар сөзі, 2010b: Т. 58), *Қарасай, Қазы* (в версии Кобылаша Бекмагамбетова) (Бабалар сөзі, 2008a: Т. 46), *Райымбек батыр* (Бабалар сөзі, 2010c: Т. 59).

К письменным источникам исследования относятся: монгольский словарь XIV века *Мукаддимат ал-Адаб* (Поппе, 1938), *Продолжение Древней российской вивлиофики* (ПДРВ, 1791), записки русского поручика Я.П. Гавердовского, совершившего экспедиции по казахским степям и Средней Азии в начале XIX века (История Казахстана..., 2007), древнетюркский словарь *Диуани Лұғат ат-Түрк* Махмуда Кашгари (Махмуд ал-Кашгари, 2005), цинская хроника *Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи* (Бобров, Пастухов, 2021), составленная во второй половине XVIII века, и др. Вещественные материалы представлены археологическими находками из средневековых погребений в Ковали, Липовце, Ротмистровке (Федоров-Давыдов, 1966), а также из захоронения воина на западе Казахстана (Актобе) (Маргулан, Агеева, 1948), а также предметами вооружения из собраний Национального музея Республики Казахстан, Центрального государственного музея Республики Казахстан (Ахметжан, 2007), Зайсанского историко-краеведческого музея (Бобров, Агатай, 2023), ойратским сфероцилиндрическим шлемом (Бобров, Орленко, 2020) и шлемом с маской-личиной из Оружейной палаты Московского Кремля (Пятышева, 1968). Иконографические источники представлены изображениями шлемов на надгробиях и других культовых сооружениях Западного Казахстана (Самашев, Жетібаев, 2005), связанных с казахскими воинами Нового времени.

В настоящем исследовании использовались типологический, сравнительно-описательный методы, методы верификации и корреляции полученных результатов, а также методы перевода и анализа фольклорных источников (Бобров, Ожередов, 2021: 12; Агатай и др., 2023: 667). В ходе сопоставительного анализа защитного вооружения применялся комплексный метод, основанный на сравнении фольклорных, письменных, вещественных и изобразительных источников.

В исследовании использованы классификации, типологии и терминологический аппарат, разработанные учёными-оружиеведами К.С. Ахметжаном, Ю.С. Худяковым и Л.А. Бобровым (Ахметжан, 2007; Бобров, Худяков, 2008).

3. Результаты

В тюрко-монгольских героических эпосах вооружению и доспехам уделяется особое внимание. В эпических произведениях оружие и доспехи являются одними из наиболее часто упоминаемых элементов в описании образа воина-батыра после боевого коня. Особое внимание при этом уделяется высокому качеству и ценности оружия, что подчёркивает его значимость в сюжетах и эпизодах. Поэтому всестороннее изучение этого традиционного материального элемента в эпосе и определение его исторического реализма является важной научной задачей.

В эпосе вооружение героя, как правило, описывается в двух основных эпизодах: во-первых, в момент приобретения им личного оружия и доспехов перед походом (статическое описание); во-вторых, в ходе поединка с вражеским батыром, когда это оружие используется в действии (динамическое описание) (Липец, 1984: 63). Например, в эпизодах поединков, описываемых в эпосах, воины, выходя на бой, нередко оскорбляют друг друга, требуют признать поражение и отдать оружие (в том числе коня и одежду), что вызывает ярость и гнев у противника. Из героических эпосов видно, что представители знати и батыры уделяли особое внимание своему вооружению: перед походом оружие и снаряжение передавалось сыновьям, таким образом становясь наследием, передаваемым из поколения в поколение.

По данным археологических исследований, письменных и изобразительных источников, известны различные типы шлемов, использовавшихся у саков, усуней (Чотбаев, 2013: 102, 128, 130, 137), хунну и сяньби (Горелик, 1993: 161-166, 174-175), древних тюрков (Худяков, 1986: 163), а также у кипчаков и монголов эпохи Средневековья (Федоров-Давыдов, 1966: 32-34; Иванов, Кригер, 1988: 13; Бисембаев, 2003: 134). На надгробиях Западного Казахстана и других культовых сооружениях изображены шлемы кочевых воинов Нового времени (Самашев, Жетібаев, 2005: 49).

В казахских героических эпосах наиболее часто упоминаемым элементом защитного вооружения воина является *дулыга* (шлем). В трудах по оружиеведению принято считать, что это наименование восходит к древнемонгольскому термину *дуулга*, обозначающему боевой шлем. Однако, согласно исследованиям алтаиста Дж. Клосона, его происхождение связано с древнетюркским корневым словом *tu:ğ* (знамя, штандарт), которое через словообразующие аффиксы – *liğ/lyq* приобретает форму *tuğliğ*, означающую «имеющий знамёна» или «наголовье со штандартом» (Clouston, 1972: 469).

В известном труде Н.Н. Поппе *Мукаддимат ал-Адаб*, посвящённом языкам тюрко-монгольских племен Золотой Орды, термин *дулыга* приводится в форме «*da'ūlyga* دوولغا» и включён в список тюркских слов, которые не имеют перевода на монгольский язык, либо же встречаются и в монгольском (Поппе, 1938: 403). В этимологическом словаре монгольских языков боевой шлем определяется как *duyulya*, и указывается, что этот термин восходит к тюркским языкам (Санжеев и др., 2015: 197).

Главные герои-батыры, представленные в ногайлинско-казахских эпосах, использовали шлем в качестве важной составной части защитного вооружения. По-видимому, представители элиты и состоятельные воины зачастую получали такие изделия в качестве подарков или трофеев от соседних государств. Согласно письменным источникам, ногайские *биш*, *мурзы* и представители влиятельной знати нередко получали их от монархов сопредельных стран в ходе дипломатических миссий и союзных соглашений. Так, в 1535 году ногайский *мурза* Исмаил, направляя послание московскому великому князю Ивану IV, просил у него денежные средства и защитный доспех: «...Другом нас себе назовешь, и ты нам куны дай. Да прислал бы ми еси пушечника, да пищальника и с пищалью, да полный доспех с шеломом...» (ПДРВ, 1791: 266). Однако на территории Казахстана у тюркских и других народов, населявших её с древних времён, всегда существовали мастерские и кузницы, производившие разные типы наступательного и защитного вооружения, а также имелись особые воинские формирования, искусно владевшие определёнными видами оружия (Ахметжан, 2007: 159-167, 172-176).

В рассматриваемых нами эпосах сказители подчёркивают, что их герои, отправляясь в поход, непременно надевали шлем. Так, в одном из эпизодов эпоса *Қырымның қырық батыры* («Сорок батыров Крыма») главный герой готовится к военному походу:

Взяв шлем в руки,

Прося у Аллаха благословения на путь,

Он садится на вороного коня (Бабалар сөзі, 2008b: Т. 50; 304) (здесь и далее перевод с казахского языка на русский выполнен У.М. Агатаем – прим. авт.).

Как известно, казахские ханы, султаны и знатные батыры нередко давали оружие и доспехам имена и наносили на них тексты из священной книги Корана или имя пророка Мухаммеда. Подобные надписи рассматривались как обереги – талисманы, которые, по народным верованиям, должны были оберегать владельца от неудач, гибели и прочих бед, открывая ему путь к победе. Подобные

роскошные шлемы представлены в экспозициях музеев Республики Казахстан. Так, в Центральном государственном музее Республики Казахстан хранится один оригинальный образец цельнокованного сфероконического шлема типа *кула-худ* (Рисунок 1).

Рис. 1. Шлем из Центрального государственного музея РК (КП-10337/1) (фото К.К. Мусина).

Боевой шлем украшен арабской каллиграфией с религиозными текстами, а к ободу шлема прикреплена кольчужная бармица, защищающая шею и плечи (Ахметжан, 2007: 153, 157).

В казахских героических эпосах обычно не описываются подробные конструктивные особенности боевых шлемов. Однако в эпосе *Қамбар батыр* в версии Абубакира Диваева мы обнаруживаем общую структуру боевого шлема главного героя:

*Составной шлем из стали,
Он надевает на лоб* (Бабалар сөзі, 2007а: Т. 43; 157).

Составные (клёпаные) шлемы являются одним из наиболее распространённых типов боевых наголовий в составе традиционных казахских доспехов. Один из оригинальных образцов составного (клёпанного) стального шлема цилиндроконической формы хранится в фондах Зайсанского историко-краеведческого музея. В результате исследования данного боевого шлема было установлено, что он является шлемом казахского или могольского воина, изготовленным в эпоху становления Казахского ханства и дошедшим до наших дней (Бобров, Агатай, 2023: 687-697).

Составные стальные шлемы, судя по внешней конструктивной форме, имели различные варианты. Один из них – боевой шлем, именуемый *қалпақ* (*колпак*). По мнению казахского оружейоведа К.С. Ахметжана, тулья таких шлемов повторяла форму казахского традиционного мужского головного убора – *қалпақ*, то есть имела коническую и/или сфероконическую форму.

В зависимости от материала изготовления они назывались: *темір қалпақ* («железный колпак»), *алтын қалпақ* («золотой колпак») и т. п. (Ахметжан, 2007: 155).

Например, в эпосе *Қобыланды батыр* версии сказителя Мергенбая упоминается данный вид шлема:

*Золотой қолпак-дулыга,
Сияет на лбу* (Бабалар сөзі, 2006d: Т. 38; 140).

В целом, боевые шлемы казахской военно-политической элиты позднего Средневековья и Нового времени отличались художественным, изысканным исполнением. Это подтверждается этнографическими материалами.

Так, в экспозиции Национального музея Республики Казахстан хранится клёпаный конический шлем с золотой насечкой, принадлежавший казахским ханам и султанам XVII–XVIII веков (Рисунок 2), а в коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан находится роскошный сфероконический составной шлем, козырёк которого украшен кораллом, бирюзой и халцедоном (Рисунок 3).

Рис. 2. Шлем из Национального музея РК (КРҰМ-10808) (фото К.К. Мусина)

Рис. 3. Шлем из Центрального государственного музея РК (КП-25849/1) (фото К.К. Мусина)

Согласно исследованиям Л.А. Боброва, последний был изготовлен ойратским оружейником, а впоследствии доработан казахским или среднеазиатским ювелиром (Bobrov, Salnikov, 2017: 344, 353). Рассматриваемые шлемы являются значимыми экспонатами в составе оружейных коллекций казахстанских музеев.

Ещё одним видом боевого наголовья, упоминаемым в казахских героических эпосах, является кольчужный шлем, который в оружейведении обозначается термином *баишык*. К примеру, мы полагаем, что такой шлем описан в эпосе *Қобыланды батыр*, в версии Нурпеиса Байганина, хотя, по всей видимости, сказитель использовал иное описание для его обозначения:

Кольчужный доспех,

С воротником от шлема? (Бабалар сөзі, 2006b: Т. 36; 147).

Упомянутый термин восходит к древнетюркскому слову *bašly*, что означает «имеющий голову» или «с головой» (Наделяев и др., 1969: 88). В русском языке он используется для обозначения капюшона традиционной одежды. Боевое наголовье изготавливалось исключительно из кольчужного плетения и носилось поверх мягкого матерчатого подшлемника или тюбетейки. Один из оригинальных образцов кольчужного капюшона-*баишыка* представлен в экспозиции Национального музея Республики Казахстан (Бобров и др., 2024: 672, 675).

Эти кольчатые наголовья получили распространение в эпоху позднего Средневековья и Нового времени в мусульманских государствах Азии, а также в армиях Казахских ханств и улусов. Со временем они стали востребованы и среди джунгарских и калмыцких воинов, получив известное распространение (Бобров, Худяков, 2008: 470-471; Бобров и др., 2024: 683).

Одним из названий боевого наголовья, встречающихся в героических эпосах, является шлем, обозначаемый термином *телпек*. Этимология данного термина восходит к чагатайскому «*تېلپەك* – *tēlpāk*», которое использовалось для обозначения одного из видов головных уборов среднеазиатских тюрков (Doerfer, 1965: 662). Поэтому шлем получил это название, так как по форме напоминал традиционный мужской головной убор народов Средней Азии – тюбетейку. Подобный оригинальный боевой шлем казахского или среднеазиатского воина XVIII–XIX веков хранится в фондах Центрального государственного музея Республики Казахстан (Ахметжан, 2007: 153).

В оружейведении данный тип боевого наголовья классифицируется как кольчужно-пластинчатый шлем, известный под названием *мисюрка*. По своей конструкции он повторяет форму казахской, узбекской тюбетейки: изготавливался из плоского, округлого металлического навершия, к краям которого прикреплялись кольчужные плетения, защищавшие лоб, виски, шею и плечи воина. Мисюрка надевалась в качестве дополнительного защитного наголовья под шлем, то есть воин одновременно использовал два вида боевого наголовья (Ахметжан, 2007: 156).

Упоминания о совместном ношении шлема и мисюрки встречаются в казахских героических эпосах. Так, в казанской версии эпоса *Қисса Қамбар* упоминаются мисюрка и шлем одного из главных героев – Келмембета:

*С медным телтеком-мисюркой,
Зурнами, что звенят громко,
Со шлемом, что ярко блестит,
Едет Келмембет* (Бабалар сөзі, 2007а: Т. 43; 62).

Кроме того, в эпических произведениях содержатся указания на обратный порядок ношения: сначала надевался шлем, а затем поверх него – мисюрка. По всей видимости, в данном случае сказитель допустил смешение в описании порядка ношения двух типов воинских наголовий. Например, в эпосе *Орта жүз Олжабай батыр* («Олжабай-батыр из Среднего жуза») содержится фрагмент, как главный герой надевает свои боевые наголовья:

*Поверх шлема,
Плотно надел телтек-мисюрку* (Бабалар сөзі, 2010с: Т. 59; 73).

Наряду с этим, в фольклорных источниках встречаются упоминания о том, что кайма боевой мисюрки делается золотой насечкой. Например, в эпосе *Ертедегі Шора батыр* («Чура-батыр былых времён») в версии сказителя Мусабая описывается мисюрка Боздака – врага главного героя Чуры:

*Телтек-мисюрка с золотой каймой,
Когда надевал он на голову* (Бабалар сөзі, 2007b: Т. 45; 49).

Из этих примеров видно, что сказители, прибегая к приёмам гиперболизации, стремились описать предметы и вооружение любимых героев в приукрашенном, внушительном и эстетически выразительном виде.

В целом, мисюрка использовалась воинами Великой степи, в том числе казахскими, вплоть до конца Нового времени. Этот факт подтверждается как письменными, так и иконографическими источниками. Например, в начале XIX века русский поручик Я.П. Гавердовский, путешествуя по Бухарскому эмирату и проходя через аулы Младшего жуза, записал следующее: «К военной одежде их принадлежат сделанные из железных колец кольчуги или панцири и из железных же листов плоские шапки» (*История Казахстана...*, 2007: 76). Описанный предмет, несомненно, представляет собой телтек-мисюрку, рассматриваемую в данном исследовании.

Образцы подобных железных шлемов без кольчужных элементов, использовавшихся казахскими воинами, можно также увидеть на скульптурных памятниках, созданных в этнографическое время на территории Западного Казахстана (Самашев, Жетібаев, 2005: 26, 27, 36, 49).

По всей видимости, традиция называть боевые шлемы по названию традиционных головных уборов кочевников уходит корнями в глубокую древность. Это объясняется тем, что при изготовлении шлема старались воспроизвести его внешнюю форму по образцу соответствующего головного убора. Таким образом, шлемы не только выполняли защитную функцию, но и сохраняли элементы культурной преемственности и семантического значения.

Согласно классификации К.С. Ахметжана, такие составные элементы боевых шлемов, как *төбе* (навершие), *жиек* (околыш), *желкелік* (назатыльник), *құлағы* (науши), также получили наименования, соответствующие деталям традиционного головного убора. Поэтому, с учётом этих особенностей, боевые наголовья казахов по покрою и форме купола делятся на четыре основных типа: *қалпақ* (колпак), *бөрік* (шапка), *күләпара* (капюшон-кулапара) и *телтек* (тюбетейка) (Ахметжан, 2007: 87, 90).

Это основано на фольклорных источниках. Так, в рассматриваемых эпических произведениях упоминается тип боевого наголовья – *бөрік*, что дословно переводится как *шапка*. Например, в эпосе *Сабалақ, Әбілмансұр, Абылай хан* рассказывается, как юный Абылай во время войны с джунгарами надевает свой *бөрік*-шлем:

*Надев железный бөрік-шлем и подпоясавшись,
Кипел он от потерь казахского войска* (Бабалар сөзі, 2010а: Т. 57; 333).

Упомянутый шлем *бөрік*-шапка, на наш взгляд, стал обозначением определённого типа шлема, тулья которого имеет полусферическую или сферокопническую форму, поскольку он воспроизводил очертания традиционного мужского головного убора казахов. В целом, термин *бөрік* известен с эпохи древних тюрков. Так, в слове *Диуани Лұғат ат-Түрк* Махмуда Кашгари он упоминается в значении «برك – шапка» (Махмуд ал-Кашгари, 2005: 336).

Боевое наголовье *бөрік* упоминается в письменных источниках вместе с одним из его составных элементов – *төбе* («навершие»). Например, в китайском источнике XVIII века *Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи* содержатся сведения о шлемах казахов, кыргызов и других мусульманских народов. Так, например: «*Дуюйлэга* (都裕勒噶也) – шлем. Внутри имеет шапку (кит. мао 帽, [которая], покрывая [голову] спереди, достигает лба, раскидываясь сзади, достигает шеи, свисая слева и справа достигает обеих ушей. Называют *ту-бо-бэй-эр-ку* (圖卜貝爾庫)» (Бобров, Пастухов, 2021: 203). Из данного предложения ясно, что под термином «*дуюйлэга*» подразумевается собственно «шлем», а под словом «*ту-бо-бэй-эр-ку*» – шапка-подшлемник. Оружиееды и специалисты Л.А. Бобров и А.М. Пастухов предполагают, что последний мог означать мягкие головные уборы

казахов, такие как *далбай*, *малахай* или *кулэпара*, которые носились под шлемом (Бобров, Пастухов, 2021: 203).

В целом, согласно классификации традиционного казахского вооружения, предложенной оружейником К.С. Ахметжаном, шлемы типа *бөрік* имеют невысокое округлое тулье, изготавливались либо из цельного металла, либо из нескольких составных частей, а по нижнему краю снабжались металлическим ободом или выступающей кромкой, слегка выходящей за пределы корпуса шлема. Основным признаком, отличающим данные шлемы от других типов, является, прежде всего, их округлая форма тульи (Ахметжанов, 1996: 125-126).

Помимо структурных и морфологических особенностей шлемов, представленных в приведённых примерах, в казахском героическом эпосе упоминаются и другие характерные черты боевых наголовий. Так, в эпосе *Бөгенбай батырдың бірінші жорығы* («Первый поход Бөгенбай-батыра») описывается образ калмыцкого хана Караная и его шлем:

Он сильнее всякого смертного,

На голове у него шлем – словно башня (Бабалар сөзі, 2010b: Т. 58; 112).

Как видно из этих строф, речь идёт о шлемах ойратских воинов. Исследуя шлемы ойратских воинов, известные по изобразительным и этнографическим источникам, мы пришли к выводу, что по своей конструкции они действительно воспроизводят архитектурную форму религиозно-культурного сооружения буддийской традиции – *субургана* (буддийскую ступу). Некоторые образцы таких сфероцилиндрических шлемов достигали общей высоты около 0,5 метра (Бобров, Худяков, 2008: 440-445; Бобров, Орленко, 2020: 72-103).

Появление подобных боевых наголовий, вероятно, было связано с религиозными причинами. Дело в том, что в XVI–XVIII веках буддизм получил широкое распространение среди монголоязычных народов Центральной Азии и Южной Сибири, что, в свою очередь, значительно повлияло не только на их политическую систему и духовную жизнь, но и на военную культуру. В результате буддийская символика оказала влияние на технику изготовления защитного вооружения монголов и ойратов. На наш взгляд, появление таких сфероцилиндрических шлемов у ойратов следует рассматривать именно в контексте «религиозного вооружения» (Bobrov et al., 2022: 91-98). Мы полагаем, что шлемы ойратских воинов указанной формы оставили заметный след и в творчестве казахских сказителей периода казахо-джунгарских войн.

Следующий тип боевого наголовья, косвенно известный нам из казахского героического эпоса, является *томагалы дулыга*, что переводится как «шлем с маской-личиной». Так, например, в Оружейной палате Московского Кремля хранятся цельнокованные сфероконические шлемы с масками, принадлежавшие тюркским воинам позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Иконографическое оформление этих шлемов с масками-личинами было тщательно изучено Н.В. Пятышевой, которая пришла к выводу, что антропологические черты масок характерны для среднеазиатских тюрков XIV–XVI веков. Кроме того, стиль оформления и форма навершия шлема во многом напоминают верхушку центрального купола знаменитого мавзолея Тадж-Махал в городе Агра (Индия) (Пятышева, 1968: 230–231), как и в случае с ойратским шлемом, навершие которого по форме сходно с культовым сооружением.

Археологические данные подтверждают, что шлемы с масками-личинами были найдены в средневековых погребальных памятниках степной зоны Восточной Европы. Например, исследователь Г.А. Фёдоров-Давыдов пишет об этих шлемах следующее: «Два шлема с портретными масками Ковали 53 (№753), Липовец (№774) – и одна маска со следами позолоты – Ротмистровка (№802), известные в настоящее время, найдены в кочевнических курганах. Шлем из погребения Ковали имеет четыре желобчатых углубления, спускающихся вниз от шпилья, и золотую серьгу в правом ухе маски» (Фёдоров-Давыдов, 1966: 34).

Вместе с тем, один шлем с маской-личиной был обнаружен в 1937 году на западе Казахстана в захоронении средневекового(?) воина, расположенном в 4 километрах от города Актобе. Так, археологи А.Х. Маргулан и Е.И. Агеева сообщают: «Рядом с черепом, ещё при жизни разрубленном ударом меча и зарубцевавшемся, лежал шлем из листовой бронзы. По тулье шлема идёт инкрустированная золотом полоса. У шлема имелись наушники из железных колец, на передней части шлема забрало (на ободке шлема отчётливо видно место, к которому прикреплялось забрало)» (Маргулан, Агеева, 1948: 127).

Мы хотели бы подкрепить эти данные фольклорными источниками. В эпосе *Кобыланды батыр* в версии сказителя Кулзака, в контексте борьбы Кобыланды-батыра с сефевидами-кызылбашами, возможно, упоминается шлем с маской-личиной:

Золоченый шлем, медный телпек-мисюрку,

Плотно надев, закрыл глаза [лицо?] (Бабалар сөзі, 2006a: Т. 35; 193).

В данном отрывке эпоса сказитель прямо не упоминает шлем с маской-личиной, поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что у Кобыланды был именно такой шлем. Однако, учитывая строку эпоса, в которой говорится, что Кобыланды-батыр «плотно надев, закрыл глаза», а также принимая во внимание, что никакой шлем не надевается до глаз (обычно он надевается до лба или

бровей и может иметь наносник), можно осторожно предположить, что в данном фрагменте речь может идти именно о шлеме с маской-личиной.

Учитывая приведённые данные и на основе вышеуказанных параллелей, можно с определённой долей уверенности утверждать, что военачальники и воины Золотой Орды, постордынских ханств и *орд* позднего Средневековья и раннего Нового времени использовали шлемы с масками-личинами, конструктивно схожие с боевыми наголовьями, хранящимися в Оружейной палате Московского Кремля.

Ещё одним типом боевого наголовья, упоминаемым в казахском фольклоре, является шлем, обозначаемый термином *қалқан*. Данный термин происходит от древнетюркского «*قَلْقَان* – щит» (Махмуд ал-Кашгари, 2005: 412). В комплексе традиционного казахского вооружения, а также в оружьеведении данный термин, как правило, используется исключительно в значении защитного элемента, предназначенного для прикрытия тела, груди, рук и других частей тела воина. Однако при комплексном изучении приведённых выше сведений из фольклорных источников мы приходим к выводу, что иногда данный термин применялся сказителями именно в отношении боевых шлемов.

Так, например, в эпосе *Қобыланды батыр* в версии Садуакаса Дилмана встречается следующее выражение: «Надел щит на голову» (Бабалар сөзі, 2006с: Т. 37; 415-416); в эпосе *Қарасай, Қазы* в версии Кобылаша Бекмагамбетова: «Издали внушал он грозный вид, С круглым шлемом в виде щита» (Бабалар сөзі, 2008а: Т. 46; 60); в эпосе *Орта жүз Олжабай батыр*: «На голову надел и щит» (Бабалар сөзі, 2010с: Т. 59; 51); а также в эпосе *Райымбек батыр*: «Взял и надел калкан, На голове он сверкал» (Бабалар сөзі, 2010с: Т. 59; 93-94).

Если внимательно проанализировать приведённые примеры из эпосов, можно заметить, что сказители из разных регионов Казахстана (Мангистау, Южное Приуралье, Сырдарья, Центральный Казахстан, Семиречье) употребляли термин «*қалқан*» в значении боевого наголовья. Таким образом, есть все основания утверждать, что в традиционном казахском вооружении термин *қалқан* (*щит*) являлся синонимом слова *дулыға* (*шлем*) или, что более вероятно, мисюрки.

4. Заключение

Подводя итог настоящего исследования, можно заключить, что в казахских героических эпосах боевые наголовья обозначаются следующими наименованиями: *дулыға*, *қалпақ*, *башлық*, *телпек*, *бөрік*, *қалқан*. Кроме того, в этих произведениях нами были выявлены различные словосочетания, относящиеся к боевым шлемам, такие как *құрама болат дулыға* («составной шлем из стали»), *алтын қалпақ дулыға* («золотой шлем-колпак»), *шығыршықты дулыға* («кольчужный шлем»), *жез телпек* («медный телпек-мисюрка»), *қармал жиек алтын телпек* («золотой телпек-мисюрка с окаймлённым ободком»), *темір бөрік* («железный бөрік-шапка»), *мұнарадай дулыға* («шлем, подобный башне»), *алтынды қалпақ* («золоченный шлем-колпак»), *томагалы дулыға* («шлем с маской-личиной»), *дулыға қалқан шеңберлі* («круглый шлем в виде щита») и др.

Сопоставление описаний боевых наголовий в казахских героических эпосах с оригинальными образцами шлемов в письменных источниках, археологических памятниках, музейных коллекциях и зафиксированных в изобразительных источниках, свидетельствует о высоком уровне корреляции фольклорных данных с другими источниками. Разумеется, произведения устного народного творчества характеризуются присущими им чертами гиперболизации и мультипликации, преувеличением событий и сюжетов, торжественностью и экспрессивной выразительностью. Эти особенности, безусловно, представляют собой общие черты фольклорного наследия народов всего мира. Однако несложно убедиться в том, что отдельные элементы материальной культуры (в частности, предметы вооружения), описываемые в эпосах, отражают реалии этнокультурной жизни общества, породившего данные героические эпосы. Более того, казахский героический эпос получил признание многих отечественных и зарубежных фольклористов именно благодаря своей высокой степени исторического реализма.

В связи с этим мы утверждаем, что наименования боевых шлемов, их описания, приведённые в рассматриваемых казахских героических эпосах, по своему морфологическому происхождению восходят, как минимум, к эпохе средневековых тюрко-монгольских племён, создавших государство Улус Джучи – Золотую Орду, а также к государственным образованиям, возникшим на её территории, в частности к Казахскому ханству. В целом, названия, формы и типы этих боевых наголовий имеют древние корни в традиционном комплексе вооружения казахов, претерпевшие на протяжении веков постоянные изменения и развитие, а также находившиеся в процессе культурного обмена среди народов Великой степи. Анализ шлемов, хранящихся в музейных коллекциях Казахстана, показывает, что данный вид защитного снаряжения использовался казахскими воинами вплоть до начала XX века.

5. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства культуры и информации Республики Казахстан (BR22082508 «Жизнь в движении: культурный код казахской степной цивилизации»).

Литература

Агатай и др., 2023 – *Агатай У.М., Сабитов Ж.М., Досымбетов Н.А.* Стрелы-джебе в ногайлинско-казахском героическом эпосе // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья.* 2023. №15. С. 665-686.

Ахметжан, 2007 – *Ахметжан К.С.* Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкітап, 2007. 216 с.

Ахметжанов, 1996 – *Ахметжанов Қ.С.* Жараған темір кигендер (батырлардың қару-жарағы, әскери өнері, салт-дәстүрлері). Алматы: РГЖИ «Дәуір», 1996. 256 б.

Бабалар сөзі, 2006b – *Косан С.* (ред.). Бабалар сөзі: Батырлар жыры. Т. 36. Астана: Фолиант, 2006. 480 б.

Бабалар сөзі, 2006d – *Косан С.* (ред.). Бабалар сөзі: Батырлар жыры. Т. 38. Астана: Фолиант, 2006. 332 б.

Бабалар сөзі, 2006a – *Косан С.* (ред.). Бабалар сөзі: Батырлар жыры. Т. 35. Астана: Фолиант, 2006. 392 б.

Бабалар сөзі, 2006c – *Косан С.* (ред.). Бабалар сөзі: Батырлар жыры. Т. 37. Астана: Фолиант, 2006. 480 б.

Бабалар сөзі, 2007a – *Косан С.* (ред.). Бабалар сөзі: Батырлар жыры. Т. 43. Астана: Фолиант, 2007. Т. 43. 416 б.

Бабалар сөзі, 2007b – *Косан С.* (ред.). Бабалар сөзі: Батырлар жыры. Т. 45. Астана: Фолиант, 2007. 465 б.

Бабалар сөзі, 2008a – *Косан С.* (ред.). Бабалар сөзі: Батырлар жыры. Т. 46. Астана: Фолиант, 2008. 512 б.

Бабалар сөзі, 2008b – *Косан С.* (ред.). Бабалар сөзі: Батырлар жыры. Т. 50. Астана: Фолиант, 2008. 464 б.

Бабалар сөзі, 2010a – *Қасқабасов С., Қорабай С.* (ред.). Бабалар сөзі: Тарихи жырлар. Т. 57. Астана: Фолиант, 2010. 408 б.

Бабалар сөзі, 2010b – *Қорабай С.* (ред.). Бабалар сөзі: Тарихи жырлар. Т. 58. Астана: Фолиант, 2010. 432 б.

Бабалар сөзі, 2010c – *Қасқабасов С., Қосан С.* (ред.). Бабалар сөзі: Тарихи жырлар. Т. 59. Астана: Фолиант, 2010. 400 б.

Бисембаев, 2003 – *Бисембаев А.А.* Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2003. 232 с.

Бобров, Агатай, 2023 – *Бобров Л.А., Агатай У.М.* Могульский или ранний казахский шлем XV – начала XVII вв. из собрания Зайсанского историко-краеведческого музея // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья.* 2023. №15. С. 687-697.

Бобров и др., 2024 – *Бобров Л.А., Агатай У.М., Хасенов С.С.* Кольчатое наголовье второй половины XVI – середины XIX вв. из собрания Национального музея Республики Казахстан // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья.* 2024. №16. С. 670-685.

Бобров, Ожередов, 2021 – *Бобров Л.А., Ожередов Ю.И.* Доспех воина Джамсарана. Центральнаяазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.

Бобров, Орленко, 2020 – *Бобров Л.А., Орленко С.П.* «Калмыцкие» сфероцилиндрические шлемы из собрания Музеев Московского Кремля // *Историческое оружие в музейных и частных собраниях.* М.: БуксМАрт, 2020. Вып. 2. С. 72-103.

Бобров, Пастухов, 2021 – *Бобров Л.А., Пастухов А.М.* Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» // *Монголоведение.* 2021. Т. 13, №2. С. 186-221.

Бобров, Худяков, 2008 – *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Горелик, 1993 – *Горелик М.В.* Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. / Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 149-179.

Иванов, Кригер, 1988 – *Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.

История Казахстана..., 2007 – *Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т.* (сост.). История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 5. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 620 с.

Липец, 1984 – *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.

Маргулан, Агеева, 1948 – *Маргулан А.Х., Агеева Е.И.* Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.) // *Известия АН КазССР. Серия археологическая.* 1948. №46. Вып. 1. С. 125-135.

- Махмуд ал-Кашгари, 2005 – Ауэзова З.-А.М. (пер., ред.). Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
- Наделяев и др., 1969 – Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. (ред.). Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- ПДРВ, 1791 – Продолжение Древней российской вивлиофики. Императорская Академия наук. СПб.: 1791. Ч. 7. 353 с.
- Поппе, 1938 – Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1938. Ч. I. С. 1–89, ч. 2. С. 90–452.
- Пятышева, 1968 – Пятышева Н.В. Восточные шлемы с масками в Оружейной палате московского Кремля // Советская археология. 1968. №3. С. 227-232.
- Самашев, Жетібаев, 2005 – Самашев З., Жетібаев Ж. Қазақ петроглифтері (Көне тамыры мен сабақтастығы). Алматы: Иль-Тех-Кітап, 2005. 134 б.
- Санжеев и др., 2015 – Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Швернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. 224 с.
- Федоров-Давыдов, 1966 – Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (археологические памятники). М.: Издательство Московского университета, 1966. 273 с.
- Худяков, 1986 – Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 267 с.
- Чотбаев, 2013 – Чотбаев А. Вооружение древних кочевников казахских степей. Астана: Издательская группа Астанинского филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 200 б.
- Bobrov et al., 2022 – Bobrov L.A., Kabuldinov Z.E., Agatay O.M. An Oirat Sphero-Cylindrical Helmet and Arming Cap from the Central State Museum Collection of the Republic of Kazakhstan // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2022. Vol. 50. Is. 4. Pp. 91-98.
- Bobrov, Salnikov, 2017 – Bobrov L.A., Salnikov A.V. Rivetednarrowly-Plate helmet from the Collection of the Central State Museum of Kazakhstan // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2. Pp. 342-357.
- Clauson, 1972 – Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1972. 1034 p.
- Doerfer, 1965 – Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1965. B. II. 671 s.

References

- Agatay i dr., 2023 – Agatay, O.M., Sabitov, Zh.M., Dossymbetov, N.A. (2023). Strel'y-dzhebe v nogaylinsko-kazakhskom geroicheskom epose [Arrows-Jebe and the Noghaic-Kazakh Heroic Epos]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya*. 2023. 15: 665-686. [in Russian]
- Akhmetzhan, 2007 – Akhmetzhan, K.S. (2007). Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov [Ethnography of Kazakh Traditional Weaponry]. *Almaty: Almatykitap*, 216 p. [in Russian]
- Akhmetzhanov, 1996 – Akhmetzhanov, K.S. (1996). Zharafan temir kigender (batyrlardyң karu-zharary, әskeri өneri, salt-dәstirleri) [Those Who Wear Iron (Weapons of Heroes, Military Art, Traditions)]. *Almaty: RGZHI "Daur" AO "Tomol"*, 256 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2006a – Kosan, S. (ed.). (2006). Babalar sozi: Batyrlar zhyry [The Word of the Ancestors: Heroic Epics]. Vol. 35. Astana: Foliant, 392 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2006b – Kosan, S. (ed.). (2006). Babalar sozi: Batyrlar zhyry [The Word of the Ancestors: Heroic Epics]. Vol. 36. Astana: Foliant, 480 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2006c – Kosan, S. (ed.). (2006). Babalar sozi: Batyrlar zhyry [The Word of the Ancestors: Heroic Epics]. Vol. 37. Astana: Foliant, 480 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2006d – Kosan, S. (ed.). (2006). Babalar sozi: Batyrlar zhyry [The Word of the Ancestors: Heroic Epics]. Vol. 38. Astana: Foliant, 332 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2007a – Kosan, S. (ed.). (2007). Babalar sozi: Batyrlar zhyry [The Word of the Ancestors: Heroic Epics]. Vol. 43. Astana: Foliant, 416 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2007b – Kosan, S. (ed.). (2007). Babalar sozi: Batyrlar zhyry [The Word of the Ancestors: Heroic Epics]. Vol. 45. Astana: Foliant, 465 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2008a – Kosan, S. (ed.). (2008). Babalar sozi: Batyrlar zhyry [The Word of the Ancestors: Heroic Epics]. Vol. 46. Astana: Foliant, 512 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2008b – Kosan, S. (ed.). (2008). Babalar sozi: Batyrlar zhyry [The Word of the Ancestors: Heroic Epics]. Vol. 50. Astana: Foliant, 464 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2010a – Kaskabasov, S., Korabay, S. (eds.). (2010). Babalar sozi: Tarikhi zhyrlar [The Word of the Ancestors: Historical Epics]. Vol. 57. Astana: Foliant, 408 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2010b – Korabay, S. (ed.). (2010). Babalar sozi: Tarikhi zhyrlar [The Word of the Ancestors: Historical Epics]. Vol. 58. Astana: Foliant, 432 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2010c – Kaskabasov, S., Kosan, S. (eds.). (2010). Babalar sozi: Tarikhi zhyrlar [The Word of the Ancestors: Historical Epics]. Vol. 59. Astana: Foliant, 400 p. [in Kazakh]

- Bisembaev, 2003** – *Bisembaev, A.A.* (2003). Arheologicheskie pamyatniki kochevnikov srednevekovyaya Zapadnogo Kazakhstana (VIII–XVIII vv.) [Archaeological Monuments of the Medieval Nomads of West Kazakhstan 8th–18th centuries]. Ural'sk: Zapadno-Kazakhstanskii oblastnoi tsentr istorii i arkheologii, 232 p. [in Russian]
- Bobrov et al., 2022** – *Bobrov, L.A., Kabuldinov, Z.E., Agatay, O.M.* (2022). An Oirat Spherocylindrical Helmet and Arming Cap from the Central State Museum Collection of the Republic of Kazakhstan. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 50(4): 91-98.
- Bobrov i dr., 2024** – *Bobrov, L.A., Agatay, O.M., Khasenov, S.S.* (2024). Kol'chatoye nagolov'ye vtoroy poloviny XVI – serediny XIX vv. iz sobraniya Natsional'nogo muzeya Respubliki Kazakhstan [Mail coif of the second half of the 16th – mid 19th centuries from the collection of the national museum of the Republic of Kazakhstan]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya*. 16: 670-685. [in Russian]
- Bobrov, Agatay, 2023** – *Bobrov, L.A., Agatay, O.M.* (2023). Mogul'skiy ili ranniy kazakhskiy shlem XV – nachala XVII vv. Iz sobraniya Zaysanskogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya [A Moghul or early Kazakh helmet of the 15th – early 17th century from the collection of Zaisan regional museum of local history]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya*. 15: 687-697. [in Russian]
- Bobrov, Khudyakov, 2008** – *Bobrov, L.A., Khudyakov, Yu.S.* (2008). Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [The Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Period (15th – the first half of the 18th century)]. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 776 p. [in Russian]
- Bobrov, Orlenko, 2020** – *Bobrov, L.A., Orlenko, S.P.* (2020). «Kalmytskiye» sferotsilindricheskiye shlemy iz sobraniya Muzejev Moskovskogo Kremlya ['Kalmyk' Spherocylindrical Helmets from the Moscow Kremlin Museums Collection]. *Istoricheskoe oruzhie v muzeinykh i chastnykh sobraniyakh*. M.: BuksMart. Vyp. 2. Pp. 72-103. [in Russian]
- Bobrov, Ozheredov, 2021** – *Bobrov, L.A., Ozheredov, Yu.I.* (2021). Dospekh voina Dzhamsharana. Tsentral'noaziatskii pantsir'-«kuyak» iz sobraniya MAES TGU [Armor of the warrior Jamsaran: Central Asian 'Kuyak' armor from the museum of Siberian archaeology and ethnography, Tomsk state university]. Novosibirsk: IPTs NGU, 228 p. [in Russian]
- Bobrov, Pastukhov, 2021** – *Bobrov, L.A., Pastukhov, A.M.* (2021). Vooruzheniye i znamenaya musul'manskogo naseleniya Vostochnogo Turkestana i sopredel'nykh territoriy serediny XVIII v. po materialam «Tsin'din Khuan''yuy Siyuy tuchzhi» [Weapons and banners of muslim population in east Turkestan and Adjacent territories, mid-18th century: a case study of Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi]. *Mongolovedenie*. 13(2): 720103. [in Russian]
- Bobrov, Salnikov, 2017** – *Bobrov, L.A., Salnikov, A.V.* (2017). Rivetednarrowly-Plate helmet from the Collection of the Central State Museum of Kazakhstan. *Bylye Gody*. 44(2): 342-357.
- Chotbayev, 2013** – *Chotbayev, A.* (2013). Vooruzheniye drevnikh kochevnikov kazakhskikh stepey [The Armament of the Ancient Nomads of the Kazakh Steppes]. Astana: Izdatel'skaya gruppa Astaninskogo filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana, 200 p. [in Russian]
- Clauson, 1972** – *Clauson, G.* (1972). An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1034 p.
- Doerfer, 1965** – *Doerfer, G.* (1965). Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, b. II. 671 s. [in German]
- Fedorov-Davydov, 1966** – *Fedorov-Davydov, G.A.* (1966). Kochevniki Vostochnoy Yevropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov (arkheologicheskiye pamyatniki) [East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites]. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 273 p. [in Russian]
- Gorelik, 1993** – *Gorelik, M.V.* (1993). Zashchitnoye vooruzheniye stepnoy zony Yevrazii i primykayushchikh k ney territoriy v I tys. n.e. [Defensive Armament of the Eurasian Steppe Zone and Adjacent Territories in the 1st Millennium AD]. *Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk. Pp. 149-179. [in Russian]
- Istoriya Kazakhstana..., 2007** – *Yerofeyeva, V., Zhanayev, B.T.* (compilers). (2007). Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. 5. [History of Kazakhstan in Russian Sources of the 16th–20th Centuries. Vol. 5]. Almaty: Daik-Press, 620 p. [in Russian]
- Ivanov, Kriger, 1988** – *Ivanov, V.A., Kriger, V.A.* (1988). Kurgany kypchakskogo vremeni na yuzhnom Urale (XII–XIV vv.) [Kypchak Barrows in the Southern Urals (12th–14th cc.)]. M.: Nauka, 92 p. [in Russian]
- Khudyakov, 1986** – *Khudyakov, Yu.S.* (1986). Vooruzheniye srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Armament of the Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka, 267 p. [in Russian]
- Lipets, 1984** – *Lipets, R.S.* (1984). Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose [Images of the Batyr and his horse in the Turkic-Mongolian epic]. M.: Nauka, 264 p. [in Russian]
- Mahmud al-Kashgari, 2005** – *Auezova, Z.-A.M.* (transl., ed.). (2005). Mahmud al-Kashgari. Diwan Lughat at-Turk. Almaty: Daik-Press, 1288 p. [in Russian]

Margulan, Ageeva, 1948 – Margulan, A.Kh., Ageeva, Ye.I. (1948). Arkheologicheskiye raboty i nakhodki na territorii Kazakhskoy SSR (s 1926 po 1946 gg.) [Archaeological Work and Remains on the Territory of the Kazakh SSR (from 1926 to 1946)]. *Izvestiya AN KazSSR. Seriya arkheologicheskaya*. 46(1): 125-135. [in Russian]

Nadelyaev i dr., 1969 – Nadelyaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R., Sherbak, A.M. (eds.). (1969). *Drevnetyurkskii slovar'* [Old Turkic Vocabulary]. *Drevnetyurkskii slovar'*. L.: Nauka, 677 p. [in Russian]

PDRV, 1791 – Prodolzhenie Drevney rossiyskoy vivliofiki [Continuation of the Ancient Russian Library]. SPb. Imperatorskaya Akademiya nauk. SPb.: 1791. Ch. 7. 353 p., 353 p. [in Russian]

Poppe, 1938 – Poppe, N.N. (1938). *Mongol'skiy slovar' Mukaddimat al-Adab* [Mongolian dictionary Mukaddimat al-Adab]. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1938. Ch. I. Pp. 1-89, ch. 2. Pp. 90-452. [in Russian]

Piatysheva, 1968 – Piatysheva, N.V. (1968). Vostochnyye shlemy s maskami v Oruzheyroy palate moskovskogo Kremlya [Muslim Helmets with Masks in the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3: 227-232. [in Russian]

Samashev, Zhetibayev, 2005 – Samashev, Z., Zhetibayev, Zh. (2005). *Kazak Petroglifleri (Kazakh Petroglyphs)*. Almaty: "Il-Tekh-Kitap", 134 p. [in Kazakh]

Sanzheev i dr., 2015 – Sanzheev, G.D., Orlovskaya, M.N., Shevernina, Z.V. (2015). *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t.* [Etymological Dictionary of the Mongolic Languages: In 3 Vols]. M.: IV RAN. T. 1. 224 p. [in Russian]

Боевые наголовья в казахских героических эпосах

Уткирбай Мылтыкбайулы Агатай ^a, Акмарал Госмановна Ибраева ^a, Олжас Дауренулы Мысыр ^{a, *}, Саялбек Махамбетович Гиззатов ^b

^a Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

^b Международный университет Астана, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье на основе комплексного анализа письменных, вещественных и изобразительных источников исследуются элементы защитного вооружения, в частности боевые наголовья тюркских кочевников Евразии эпохи Средневековья и Нового времени, встречающиеся в материалах казахских героических эпосов. Привлечённые данные казахского фольклора ранее не вводились в научный оборот и не переводились на иностранные языки. В ходе комплексного исследования были выявлены оригинальные названия боевых шлемов в образах *батыров*-воинов, представленных в казахских героических эпосах. В частности, выявлено, что в период Средневековья и Нового времени тюркские воины-кочевники Казахстана и сопредельных территорий использовали боевые наголовья как *дулыга*. Некоторые традиционные мужские головные уборы среднеазиатских тюрков, в частности казахов, носившиеся в мирное время, по морфологическому и типологическому сходству получили военное значение, например, *қалпақ*, *телпек*, *бәрік*, *қалқан*, и закрепились в традиционной военной терминологии. Кроме того, в рассматриваемых эпосах получены сведения о том, как надевались боевые шлемы батыров-воинов, их некоторые конструктивные особенности, внешнее украшение и прочие детали. Установлено, что эти данные практически полностью коррелируют с письменными, вещественными и изобразительными источниками. В исследуемых эпических произведениях также отмечаются характерные особенности шлемов ойратских воинов – в частности, форма тульи, напоминающей буддийскую ступу, что полностью соответствует данным вещественных и изобразительных источников. Вместе с тем, выявлено, что термин *қалқан*, который традиционно обозначал *щит*, в ряде эпических произведений сказителей Мангистау, Южного Приуралья, Сырдарьи, Центрального Казахстана и Семиречья также используется в значении боевого наголовья.

Ключевые слова: культурный код, музейные коллекции, воины степи, казахи, боевые наголовья, шлемы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: odaurenuly@mail.ru (О.Д. Мысыр), agatayotkirbay@gmail.com (У.М. Агатай), ibrayeva.ag@gmail.com (А.Г. Ибраева), sayalbek@mail.ru (С.М. Гиззатов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1637-1648
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1637

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Road and Transport Network and Infrastructure of the Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan in the New Times from the Point of View of the Global-Historical Approach

Olga Yu. Nikonova ^a, Gayaz Kh. Samigulov ^{a, b, *}

^a South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

^b Scientific Research Center “Dasht-i-Kipchak”, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

Historical roads are one of the rather traditional and at the same time not well enough studied topics. The proposed publication examines a peculiar connection – Northern Kazakhstan and the Southern Urals, as two interconnected areas of the functioning of the global road network in Eurasia. This territory as a whole has been included in the system of Eurasian movements since ancient times, but the specifics of the road development is determined by landscape and topographic features. In the steppe, the road routes determine the presence of water sources and fords across rivers, in the mountains – the presence of passes convenient for the passage of pack animals or wheeled transport. Northern Kazakhstan and the Urals are united by the fact that the roads that passed here were mainly transit in nature. These routes connected centers located in Central Asia, Europe and Siberia.

The situation changed somewhat in the 18th century AD, when the Orenburg border line emerged and exchange yards were founded in the cities of Orenburg, Orsk, and Troitsk. These exchange yards functioned as large trading centers, where goods were exchanged and sold. In addition, they served as transit points. Thus, goods brought to the Troitsk exchange yard on camels could then be sent to the Makaryevskaya or Irbitskaya fair by horse-drawn convoy. Border trade was accompanied by the involvement of the local population, in particular, the Kazakhs. The Kazakhs were regular participants in trade at exchange yards, bringing cattle for sale, bringing skins. They also were guarding caravans.

Keywords: exchange, trade, Kazakhstan, Siberia, route.

1. Введение

Появление транснациональной и глобальной истории, теоретические основы которых были сформулированы в 1980-е гг., привело к оживлению дискуссий о соотношении «центра» и «периферии». Труды, опирающиеся на глобально-исторический подход, могут использовать приёмы сравнения различных цивилизаций, изучать трансграничные или транснациональные феномены. Новые возможности открываются для исследователей, занимающихся историей регионов, которые размышляют над вариантами решения проблемы «центр-периферия», когда «центр» ассоциируется с прогрессом и цивилизационными достижениями, а «периферия» - с отсталостью и варварством. Уральские исследователи давно предлагают переосмыслить устаревшую оппозицию и избавиться понятие «периферия» от негативных коннотаций. С точки зрения И.В. Побережникова, К.И. Зубкова, Г.Н. Шумкина, при работе над проблемами региональной истории необходимо учитывать геополитическое значение территории, её роль в процессах колонизации и миграционном движении, экономический потенциал (Урал в контексте..., 2014).

На наш взгляд, бинарные интерпретационные модели становятся в высшей степени дискуссионными при изучении определённых феноменов транснационального значения. Например,

* Corresponding author

E-mail addresses: gayas_@mail.ru (G.Kh. Samigulov)

их можно поставить под вопрос, поместив в фокус исследования транспортную инфраструктуру и трансграничные связи региона. Внимание к транспортным и торговым путям позволяет переосмыслить фактор «периферийности», указав на её выгоды и значение для модернизации отношений на прилегающих территориях.

2. Материалы и методы

При подготовке настоящей статьи были использованы материалы, хранящиеся в различных архивах Республики Казахстан и Российской Федерации, а также опубликованные источники. Важную роль в изучении истории дорог и транспортной инфраструктуры играют, прежде всего, картографические источники. Они позволяют, с одной стороны, уточнить трассы конкретных дорог, с другой – детализировать варианты их использования. Например, план-карта Уфимской провинции 1736 г. (см. [Рисунок 2](#)), хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) (Москва, Российская Федерация), даёт представление об основных дорогах Южного Урала на момент составления документа. В контексте нашего повествования важны и некоторые опубликованные ранее графические материалы, в частности, карта С.У. Ремезова «Начертание изящное граду Кунгуру и всему Кунгурскому уезду» 1703 г. (см. [Рисунок 3](#)), где показаны трансуральские пути, проходившие по Сылвенско-Чусовскому коридору. «Служебная чертежная книга» С.У. Ремезова, созданная одним из первых картографов Сибири и Урала с 1699 по 1734 г., была оцифрована в 2021 г. и доступна на сайте Национальной электронной библиотеки РФ в разделе «Книжные памятники». История перипетий с разрешениями на использование трансуральских дорог воссоздаётся с помощью документов, опубликованных в дореволюционных изданиях (например, в «Полном своде законов Российской империи», «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете»). Материалы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) (Оренбург, Российская Федерация) (фонд 1 – Оренбургская экспедиция, фонд 6 – Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора и др.), Государственного архива Свердловской области (ГАСО) (Екатеринбург, Российская Федерация) (фонд 24 – Главное правление Казанских и Сибирских заводов, фонд 59 – Чертежная Главного правления и др.) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан) (фонд 4 – Оренбургская пограничная комиссия) позволяют проследить вовлечённость некоторых групп казахского населения в караванную торговлю в качестве проводников и охранников, а иногда и грабителей. В фонде Троицкой таможни Объединённого государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) (Челябинск, Российская Федерация) (фонд И-28) можно найти списки прибывающих и отбывающих караванов, сведения о происхождении торговцев и характеристику товаров, направлявшихся из Средней Азии в европейскую часть России. В настоящую статью вошла незначительная часть выявленных нами материалов.

При работе с информацией авторы использовали принципы глобально-исторического подхода, рассказывающего «об ограниченных (то есть “неглобальных”) пространствах, но с учетом глобальных связей и общих структурных условий» ([Конрад, 2018: 30](#)). Анализ картографического материала потребовал знакомства с методами исторической географии. Также при написании статьи были использованы исторические реконструкции, сделанные другими авторами ранее (например, реконструкции А.Д. Таирова). При интерпретации роли транснациональных акторов в создании, развитии и использовании транспортной инфраструктуры важными были концепции теории модернизации и фронтальной модернизации, разрабатываемые уральскими исследователями ([Побережников, 2011; 2014](#) и др.).

3. Обсуждение

Тема дорог, путей, транспортной инфраструктуры Южного Зауралья и Северного Казахстана в Новое время не может похвастаться богатой историографией, что обусловлено сложностью реконструкции предмета изучения и очевидным выходом его за рамки истории в сферу междисциплинарных исследований. Различные аспекты этой темы освещали в своих трудах новосибирский исследователь О.Н. Катионов и его ученики, благодаря которым составлены каталоги карт Сибири и Дальнего Востока и обзоры электронных ресурсов ([Катионов, 2008](#)), учёные Сибирского отделения РАН В.А. Ламин и А.И. Тимошенко ([Ламин, Тимошенко, 2012](#)); о зауральских транспортных и миграционных путях писали Д.Н. Маслюженко ([Маслюженко, Рябинина, 2017](#)), А.Д. Таиров ([Таиров, 1995; Таиров, 2016](#)), Г.Х. Самигулов ([Самигулов, Свистунов, 2007; Самигулов, 2013; 2013а](#)). Чаще всего тема дорог возникает в связи с двумя важными исследовательскими полями – историей торговли и историей русской колонизации. В работе А.Д. Таирова «Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья» предложена детальная реконструкция караванных путей XVII–XIX вв. в урало-казахстанских степях, предпринята попытка выявления устойчивости транспортной инфраструктуры ([Таиров, 1995](#)). Таиров сравнивает данные письменных источников и результаты археологических раскопок, опирается на исследования других авторов. Это даёт ему основание утверждать, что многие зафиксированные письменно пути передвижения людей и товаров на Урале сформировались ещё в I тысячелетии до н. э. Конкретные маршруты определялись рядом естественных факторов: удобством дороги для пересечения

природных препятствий, близостью водоемов и относительно безопасных ночёвок. Расстояние однодневных переходов составляло, по оценкам исследователя, от 25 до 60 км. Казахские авторы также достаточно давно и плотно занимаются вопросами дорожной истории своей страны (Маргулан, 1949; Маргулан, 1950; Байпаков, 2007; Кольцов и др., 2019). Однако фокус их исследований в основном сосредоточен на Великом Шёлковом пути, в той его части, что проходила по территории Казахстана и сопредельных территорий. В историографии реконструируется транспортная сеть с опорой на карты, созданные в эпоху Нового времени и более поздние периоды, прослеживается политическая история создания инфраструктуры – участия в ней государственных органов и конкретных деятелей. Менее изученной является проблема акторов создания и функционирования инфраструктуры – заинтересованных групп населения, пользователей дорог, посредников, бенефициаров и проигравших категорий. Не совсем ясным представляется вопрос о контактах пользователей инфраструктуры (торговцев, караванных проводников, охранников и др.) с местным населением и представителями государства. Некоторым из данных аспектов будет уделено внимание в настоящей статье.

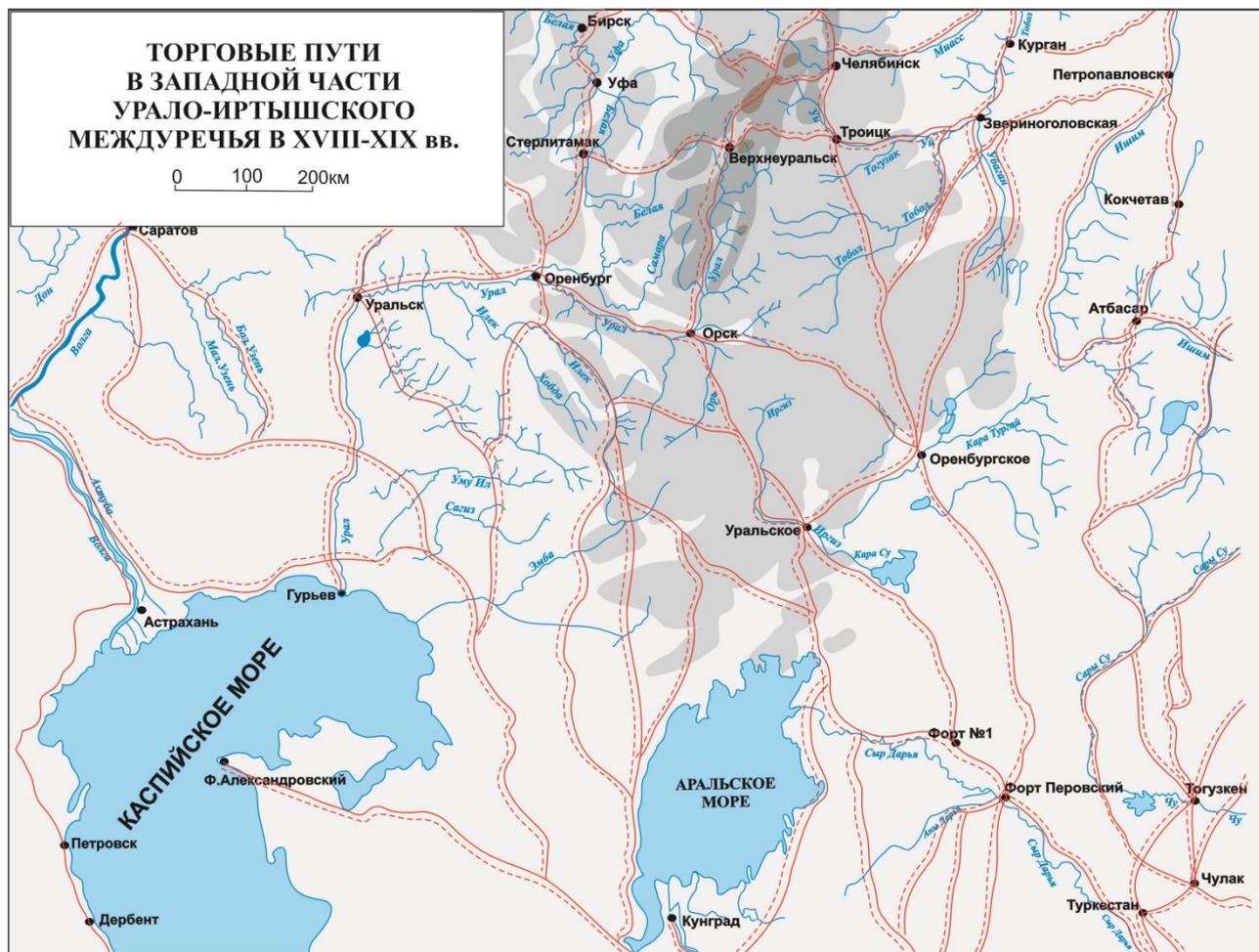
Караванные и торговые пути пересекали Урал условно с запада на восток, образуя коридор для продвижения европейских товаров в Сибирь и далее в Китай. Коммуникации, протянувшиеся с юго-востока на северо-запад, открывали азиатским товарам ворота на ярмарки европейской части континента. Также активно функционировали пути, ориентированные по условной линии север – юг. Они соединяли лесные территории со степью и далее с городами Центральной Азии.

Большинство исследователей, занимающихся коммуникациями Евразии, сходятся во мнении, что караванные пути – это скорее направления, состоявшие из разветвлённой сети маршрутов, соединявшихся в определённых точках – местах водопоя, отдыха, сходящихся у переправ через реки и горных перевалов. Сеть дорог не была стабильной, какие-то трассы могли периодически терять значение из-за того, что караваны подвергались нападениям кочевых народов или в результате природных катаклизмов. По мнению А.Д. Таирова, в древние периоды основные направления торговли среднеазиатских государств менялись. В VI–III вв. до н.э. она, вероятно, ориентировалась на Приуралье и в меньшей степени на Зауралье и Притоболье. Со II в. до н.э. караваны с юга направлялись главным образом в Западную Сибирь (в Притоболье и Прииртышье). Вероятно, с VII–VIII вв. н.э. всё большее значение приобретают пути, ведущие в Приуралье и Прикамье, и главным центром торговли со Средней Азией становится Волжская Булгария. Это направление сохраняет свою значимость до XV – начала XVI в., когда основные торговые артерии вновь устремляются в Зауралье и Западную Сибирь (Таиров, 1995: 33). Таким образом, считает Таиров, возможно, что сложившиеся ещё в I тысячелетии до н.э. караванные и торговые пути без значительных изменений просуществовали до конца XIX в.

Путь на Оренбург, а со второй половины XVIII в. – на Троицк, открывал среднеазиатским купцам европейские рынки. Важную роль в торговле играл Троицкий меновой двор. Согласно реконструкции А.Д. Таирова, дороги к Троицку вели из Бухары через пески Кызылкум к переправе через Сырдарью в местечке Уч-Каюк, затем вверх по Сырдарье к Яныкургану, через степи к озеру Телеколь, мимо озера Арысколь к переправам через реки Калмаккырган, Кайдагул и Улы-Жиланшик, откуда направлялись к укреплению Оренбургскому (нынешний Тургай) на реке Тургай (Таиров, 1995: 10-11).

От Троицка можно было двинуться дальше на север – через Кичигино к Челябинску, затем через Тюбук на Екатеринбург. Следуя на север вдоль рек Караболка и Синара, через Усть-Багаряк можно было добраться до Каменск-Уральского. Из Челябинска можно было двигаться в восточном направлении вдоль рек Миасс и Исеть к Ялutorовску на Тоболе, а далее в Тюмень и Тобольск. В западном направлении через Челябинск проходила дорога к Бирску на реке Белая (маршрут Челябинск–Чебаркуль–Миасс–Златоуст–Сатка–Месягутово–Караидель). Южнее этого направления пролегла дорога от Троицка вверх по рекам Уй, Кидыш и Урляда к Верхнеуральску, а далее к верховьям реки Белая (Белорецк), вдоль Белой на юг, до устья реки Кара, верхний рек Большой Нугуш, Зиган и Селеук – к Стерлитамаку.

У караванного тракта Бухара–Троицк было несколько ответвлений. Одно из них от укрепления Оренбургское направлялось на северо-восток, через Наурзумский бор к южной части озера Кушмурун. Отсюда дорога шла вдоль реки Убаган (по её левому или правому берегу) к станции Звериноголовской на реке Тобол. От Звериноголовской, двигаясь долиной Тобола, можно было попасть в Тобольск или Тюмень. Второе крупное ответвление отходило от основной магистрали севернее озера Уркач. Отсюда оно направлялось на северо-восток, к лесу Ара (правый берег Тобола, восточнее современного Костаная). Далее дорога шла вдоль Тобола к станции Усть-Уйской и Звериноголовской. Двигаясь же к реке Кайранкалык, по её долине и долиной реки Убаган, можно было сразу выйти к Звериноголовской. Третья ветка отходила от укрепления Оренбургского на северо-запад, к Орску, и шла вдоль реки Улькайяк, южнее озера Айке, между озёрами Жетыколь и Шалкар-Ега-Кара, по левобережью реки Большой Кумак (Рисунок 1) (Таиров, 1995: 11).

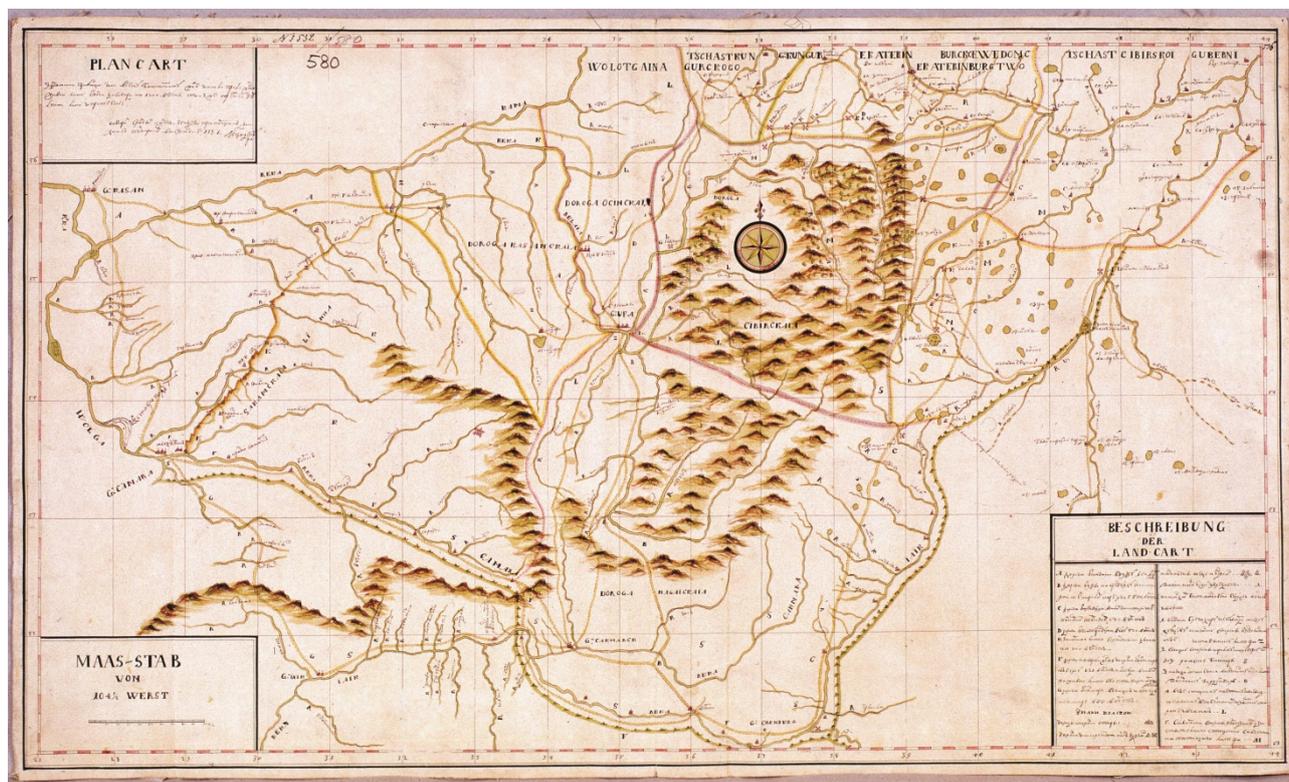
Рис. 1. Торговые и караванные пути Урало-Иртышского междуречья XVIII–XIX вв. Реконструкция А.Д. Таирова (Таиров, 1995: 44)

От дорог, соединявших южные государства и торговые города с Поволжьем, Уралом и Сибирью, обратимся к путям, соединявшим Запад и Восток. Отчасти накладываясь на сеть, реконструированную А.Д. Таириным, отчасти дополняя и расширяя её, дороги, проходившие через южное Зауралье, также представляли собой разветвлённый набор трасс, которые в источниках получали самые разные названия – Сибирской, «Старой Казанской», иногда «Уральской» (Дмитриев, 1900: 36-37; Самигулов, Свистунов, 2007: 67; Самигулов, 2011). Наиболее полное графическое представление сети, по мнению исследователей, можно найти на план-карте Уфимской провинции М. Пестрикова (Рисунок 2).

Дорога из Казани в Уфу обозначена литерой «А», и с Яика (из Ногаев) в Уфу – литерой «В». Дорога под буквой «С» шла от Прикаспия по р. Яик и далее на север вдоль Уральского хребта. Одно из ответвлений этого пути проходило через место впадения р. Увельки в р. Уй, где позже была заложена Троицкая крепость (г. Троицк), и вело на северо-восток, мимо оз. Касли. Вышеописанная дорога пересекалась с южным путём из Казани в Сибирь и Среднюю Азию, варианты которого отмечены на карте 1736 г. литерами «F» и «G». Буквой «D» обозначена дорога из Уфы в Екатеринбург, которая шла от Уфы на север, вдоль хребта и по долине р. Уфы, а затем вливалась в Сылвенско-Исетскую дорогу (северный вариант Старой Казанской дороги, будущий Большой Сибирский тракт). Этот путь имел ответвление, которое пересекало горы в районе озёр Касли и Иртыш и далее шло мимо р. Караболки на р. Исеть и далее к Ялуторовску, но оно не обозначено на карте. Ещё одна дорога, не отмеченная литерой на карте 1736 г., шла от Уфы прямо на восток, пересекая Уральский хребет в районе современной Сатки и Златоуста. Таким образом, в районе озёр Касли и Иртыш образовался своеобразный «транспортный узел».

Рассмотрим вопрос об акторах дорожной инфраструктуры – организаторах и пользователях дорог – на примере Сибирского пути, который играл определяющую роль в процессах раннего проникновения русских переселенцев и торговцев в Сибирь. До конца XVI в. для перехода через Урал обычно поднимались из Камы на р. Вишеру, шли по ней до верховьев и переваливали через Урал на верховья Лозьвы. После падения Казанского ханства стало возможным с Волги подниматься в Приуралье вверх по Каме. Кроме северной дороги через Чердынь, использовали и южный путь –

с Камы на р. Белую, затем на р. Уфу и с её верховьев – на верховья р. Исети или р. Миасса (*История Урала, 1976: 47*). Сухопутный отрезок упоминается в источниках и в историографии под названием Бабиновской дороги, проложенной в 1595–1597 гг. посадским человеком Артемием Бабиновым из Сольвычегодска. В обзорных трудах обычно указывают, что эта дорога «почти двести лет служила главным и кратчайшим путем в Сибирь от Соликамска до верховьев р. Туры, где в 1598 г. был заложен Верхотурский острог с таможней» (*Ламин, Тимошенко, 2012: 37*). Однако только «указной», то есть официально разрешённой для проезда в Сибирь дорогой, коммуникации не ограничивались. Отрезки трансконтинентальных путей зачастую получали свои локальные наименования (*Самигулов, 2013*), которые фиксировались в исторических документах и позднее вносили путаницу в понимание транспортной инфраструктуры.

Рис. 2. План-карта Уфимской провинции М. Пестрикова, составлена в декабре 1736 г. (РГАДА. Ф. 192. Оп. 2. Карты Оренбургской губернии. Д. 5)

По мнению исследователей, ответвления от Сибирского тракта и альтернативные Бабиновской дороге маршруты до середины XVII в. использовались преимущественно нерусским населением (*Дмитриев, 1894: 169*) или караванами с местными проводниками, которые хотели обойти таможенные заставы. Постепенно дороги включались в трансконтинентальные пути, причиной чему становились государственные интересы, в числе которых были сбор ясака с инородцев, казённая торговля, военные нужды. Примером такого процесса может служить Кунгурская дорога, которая нанесена на карте С. Ремезова (*Рисунок 3*). Более удобная, чем другое ответвление – Верхотурская дорога, – она проходила по территории, где Уральские горы практически сходят на нет, использовать её можно было круглый год. Для введения Кунгурской дороги в «торговый и государственный оборот» потребовалось вмешательство государственного чиновника В.Н. Татищева.

Татищев понимал, что потребность в вариативной сети дорог становится всё более настоятельной с рубежа XVII–XVIII вв., поскольку начинается активное строительство вододействующих металлургических заводов на Урале, что подразумевало доставку руды, припасов, регулярную явку приписных крестьян и т.д. Однако быстро реализовать свои идеи Татищеву не удалось. В 1739 г. вышел указ императрицы Анны Иоанновны, подтверждавший запрет ездить другими дорогами помимо Верхотурья: «Наикрепчайшими указами запретить, чтобы купцы с товарами и с деньгами, також и других всяких чинов люди, как в Сибирь ездил, так и оттуда в Россию возвращались чрез Верхотурье по прежнему... того ради во всех тех местах, чрез которые вновь дороги проложены, учредить крепкия заставы и наикрепчайшее приказать, ежели кто теми, вновь проложенными дорогами, не явясь в Верхотурье поедет, и на которой нибудь заставе пойманы будут, у таких людей все их товары и пожитки, хотя бы явлены или не явлены были, кофисковать,

присылать в Сибирский приказ; а оных плутов, не пропуская в Сибирь, отсылать в Москву, в Сибирский приказ, за караулом» (ПСЗРИ, 1830: Т. X., № 7741: 717-718).

Рис. 3. Карта С.У. Ремезова «Изящное вновь начертание граду Кунгуру и всему Кунгурскому уезду». 1703 г. Красным пунктиром на карте обозначены дороги (Ремезов, 2021: 67–68).

В ходе установления контроля над территорией Башкирии, работы Оренбургской экспедиции по подготовке и строительству первого Оренбурга и Верхнеяицкой пристани началось создание крепостей по дорогам, которыми осуществлялся подвоз припасов для нужд строящегося Оренбурга (1736–1738 гг.). В 1743–1744 гг. была организована Уйская пограничная линия, которая разделяла территорию зауральской части Оренбургской губернии и Казахскую степь. Крепости традиционно ставились на самых угрожаемых направлениях, в случае с Уйской линией это означало, что укрепления контролировали места наиболее удобных переправ через р. Уй. Таким образом, крепости были приурочены к трассам исторических дорог. На одном из самых значимых путей была поставлена Троицкая крепость. В 1752 г. Сенат по представлению Неплюева и Тевкелева обращается к императрице Елизавете Петровне с прошениями открыть прямой путь «из России» в Сибирь, «для того наипаче, что Троицкая крепость к Сибири весьма близкая, а чрез Верхотурье во оную, так же и в Оренбург из Сибири, ездить весьма далеко и убыточно, торг же при оной Троицкой крепости для Российскаго купечества, также как и в Оренбурге, полезный зачинается еще вновь, и тем надежда подается привлечению и Средней Киргис-Кайсацкой Орды...» (Об отворении..., 1860: 35–36). И хотя запрет ещё сохранялся, Неплюев и Тевкелев писали в Сенат, что «...из Сибири через Верхотурье не только в Троицкую, но и в Оренбург ездить весьма далеко и убыточно, и никто не ездит» (Об отворении..., 1860: 33-34).

4. Результаты

Главными пользователями трансконтинентальной дорожной сети были торговцы. Торговые пути, пересекавшие транзитное пространство Южного Зауралья и Северного Казахстана с северо-запада на юго-восток, были артериями русско-китайской торговли. В конце XVII – начале XVIII в. Россия вывозила железо, сукно, а самое главное – меха («мягкую рухлядь»). Сибирские меха везли

сначала в Москву, в Сибирский приказ, а затем казёнными караванами отправляли в Китай (Березницкий, 2017: 8). Пушную торговлю с Китаем активно вели сибирские купцы (Шахеров, 2022: 129-130). В Кяхте в 1750–1780 гг. пушнина формировала около 85 % стоимости российского экспорта. Из Китая в Россию доставляли шёлк, ремень, золото, предметы искусства, из китайских городов Чугучак и Кульджу – китайский чай.

С 1727 г. основным транзитным пунктом для караванной торговли России с Китаем стала Петропавловская крепость. А.Д. Таиров так описывает дорогу из Петропавловска в Северо-Западный Китай (Чугучак и Кульджу). Сначала путь шёл по «ханской» дороге до озера Шортандыколь (примерно в 70 км к северо-западу от Акмолинска) на Ерементаусские горы, переходил реки Оленты, Шидерты, Ацису, горы Желтау и выходил на Егендыбулак. Далее, пересекая восточные склоны гор Бакты, спускался в долины рек Даганделы, Баканас и подходил к городу Сергиополю (Аягузу). От Сергиополя, пересекая хребет Тарбагатай, караваны выходили к Чугучаку; или через Семиречье, Джунгарский Алатау (по долине реки Или) – к Кульдже. Существовали и другие варианты этого пути, которые так или иначе были привязаны к основному тракту (Таиров, 1995: 9).

Постепенно всё большую роль в центральноазиатской торговле приобретала Троицкая крепость. Стоит отметить, что пионерами меновой торговли при Троицкой крепости были казахи. Через два года после основания у стен крепости уже шёл активный меновой торг с киргиз-кайсаками. Р.Н. Гизатуллин указывает, что инициатором торга с казахской стороны был влиятельный представитель Среднего Жуза Абай-Султан (Гизатуллин). Но известен и другой сюжет: полковник Бахметев, командовавший Уйской линией, в августе 1746 г. прислал в Исетскую провинциальную канцелярию сообщение о том, что «приехавшие де к нему кочующих по сю сторону Тобола, на речке Каяте, киргиз-кайсаков/коих де тут немалолюдно/ киргизы, два человека, просили мены, чего для, по силе Ея Императорскаго Величества Указов и позволено им приезжать в сентябре в первых числах и на баранов хлеб менять» (ОГАЧО. Ф. И-63. Оп. 1. Д. 1. Л. 649–649об.). После этого провинциальная канцелярия, по просьбе Бахметева, разослала по территориям провинции указы о том, что желающие менять с казахами хлеб на баранов, должны приехать в первых числах сентября к Троицкой крепости.

Быстрому развитию троицкой торговли способствовало выгодное положение крепости на старинной караванной дороге в Сибирь. Прибыльный торг побудил Оренбургского губернатора И.И. Неплюева и бригадира¹ А.И. Тевкелева войти в Правительствующий Сенат с представлением: «Для произведения с киргиз-кайсаками торгу и мены, сверх Оренбургской, в Троицкой крепости, торг и мену необходимо учредить определено» (Гизатуллин, Самигулов, 2013). Указом Оренбургского губернатора в 1749 г. воеводе Исетской провинции – подполковнику П. Бахметеву – было приказано построить на правом берегу р. Уй, в 105 сажнях от крепости, Меновой двор и таможенню². Вскоре Троицкий меновой двор стал крупным центром торговли с казахами Среднего жуза, ташкентцами, кашгарцами и бухарцами. Троицкая ярмарка по товарообороту в XVIII в. уступала только Нижегородской и Ирбитской (Гизатуллин, 2019: 59-60).

Основным видом торговли в Троицке была караванная, причём не только для среднеазиатских купцов, но и для русских. Р.Н. Гизатуллин приводит данные о численности прибывавших и выходивших из Троицка караванов, свидетельствующие о преобладании привозной торговли (Гизатуллин, 2019: 63): в 1858–1860 гг. количество прибывавших караванов составляло от 52 до 108, а вышло из Троицка в сторону Центральной Азии от 3 до 7 караванов.

Среди среднеазиатских купцов преобладали бухарцы и торговцы из Ташкента, причём первые численно значительно опережали все другие категории. К приезжим купцам, согласно регистрационной книге 1854 г., относились также казахи (киргиз-кайсаки) (ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 493. Лл. 5–14об.).

Важными акторами торговли были так называемые посредники. Так как среднеазиатские ханства длительное время запрещали немусульманам торговлю на своей территории, а также ввели «не магометан» двойные пошлины, чаще всего караваны, отправлявшиеся из Троицка на восток, сопровождали посредники из числа татар (Гизатуллин, 2019: 60).

При начале меновой торговли при Троицкой крепости предметами обмена и торговли были скот, шкуры и зерно. Казахи традиционно пригоняли к стенам менового двора козлов, лошадей, баранов и быков. Масштабы торговли скотом на протяжении XVIII–XIX вв. постоянно росли, чему способствовал экспорт сала. Мелкий рогатый скот забивался на месте, в Троицке, шкуры отправляли на Мензелинскую ярмарку, мясо продавали в горнозаводскую зону, а сало перетапливали и отправляли за границу через Петербургский порт (Гизатуллин, 2019: 63).

¹ Бригадир – воинское звание между полковником и генералом, Тевкелев получил его в период своего пребывания в Санкт-Петербурге, до назначения «Товарищем», т.е. заместителем И.И. Неплюева.

² Троицкая пограничная таможня была упразднена в сентябре 1868 г. в связи с ликвидацией Оренбургской и Западно-Сибирской таможенных линий (ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 1388. Л. 15). Закрытие Троицкой таможни также было обусловлено политически и связано с завоеванием Средней Азии, переносом границы империи в Туркестан, куда были перемещены таможенный округ и его управление.

Когда в торговлю включились купцы из Центральной Азии, список товаров расширился. Во второй половине XIX в. на Троицкой таможене взимали пошлину со следующих товаров: бумага пряденая, хлопчатая, бумажная продукция (бязь белая, крашеная, выбойки, занавески, кушаки, одеяла, халаты), кожи сырые разные, мерлушки бухарские, киргизские; барсуки, волки, корсаки, кошки степные, лисы сырые, сурки сырые; пух козий, рога сайгачьи, сало, сарацинское пшено, соль; фрукты (кишмиш, фисташки); шёлковые и полушёлковые изделия (кутни, платки, сусы¹, халаты); шерсть верблюжья, шерстяные изделия (армяки, ковры, кошмы); конский волос, кожи савровые, овчины выделанные, паласы; рыба солёная и несолёная, ремни, шапки (ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 493. Лл. 1 об.–4). Согласно сводным данным, привоз в Троицк превышал вывоз, по объёмам торговли традиционно доминировало среднеазиатское направление.

Во второй половине XIX в. среди городов, откуда в Троицк привозили товары, появился китайский Чугучак – административный центр уезда на севере Синьцзяна. В 1845 г. казанский купец, татарин Абдулвали Абубакиров привёл из Чугучака первый караван с чаем (Гизатуллин, 2019: 64). Татарские купцы из Троицка освоили путь с Оренбургской линии в Кашгарию, установили деловые отношения с местными торговцами. Из Западного Китая они доставляли в Троицк различные товары, которые сбывались затем на ярмарках в Ирбите и в Нижнем Новгороде. Российские торговцы доставляли в Чугучак преимущественно сукно и хлопчатобумажные ткани (плис, нанка, миткаль, корольки и пр.) (Шкунов, 2017: 141).

Караванная торговля была сопряжена со значительными рисками. Одним из них были частые грабежи караванов. Этот факт расширяет галерею пользователей транспортной инфраструктуры за счёт разбойников и проводников-охранников. Интересный документ из фондов ГАОО позволяет реконструировать дополнительные роли, которые брали на себя казахи в караванной торговле – возчиков и охранников. В 1815 г. старшина казахского рода жашпас, титулярный советник Кубек Шукуралиев, обратился к оренбургскому губернатору с просьбой о выделении ему квартиры в г. Троицке. Он обосновал свою просьбу так: «Немалое уже время имею я пребывание с семьею своею в здешнем городе Троицке по приглашению розсийских купцов, которые имеют отправление из России в Бухарию таваров и для препровождения туда и в обратный путь, нахожусь я со стороны розсийских купцов от нападающих иногда в пути хищных людей, обстоятелем²» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2578. Л. 1). Губернское правление предложило ему построить в Троицке свой дом, и он запросил разрешение заготовить на постройку 1500 брёвен и выделить место для двора. В поддержку Шукуралиева выступил троицкий комендант подполковник Фефилатьев, написав губернатору Волконскому: «Вашему сиятельству доношу: старшина Шукуралиев, как известно Вашему сиятельству со скотом и имуществом своим с давнего времени находится во внутренней стороне и по торговле здешней ярмонки с Азиатскими народами в караванном извозе делает пользу; потому что вошки киргисцы яшпасаго рода // большою частию подведомственны ему и лучшим родоначальникам, имеющим связь родства с ним, Шукуралиевым, для чего и все дела караваннаго извоза идут по ево распоряжению. Между тем и прочия ордынския до торговли и других предметов относящиеся по сохраняемому к нему г(осподину) Шукуралиеву от киргисцов уважению, производятся через него ж с желаемою для здешней стороны пользою. И так, чтобы больше удержать сего старшину в здешних пределах и привлечь к продолжению полезных занятий, то я считаю должным дать ему дозволение построить в городе Троицке собственной свой дом, ис чего может быть польза и та, что не будет нужды отводить для него особую квартиру, которая по обязанности каждаго гражданина, будет занята в свою очередь казенным постоем. По количеству же просимаго им лесу // судить должно, что старшина Шукуралиев построит довольно обширный дом, которой может служить на приезд султанов и прочих киргиских родоначальников, располагающихся всегда по обывательским квартирам» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2578. Л. 8–9). Известен и обратный пример. В 1786 г. купец Абрам Прокофьев отправил из Орска караван в Бухару, «при препровождении Чумекейского рода киргизцов», но в дороге караван был ограблен казахами нескольких родов при участии султана Артука и самих сопровождавших караван (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 32. Л. 32–35об.).

5. Заключение

Дороги, проходившие через уральскую территорию, превращали её в транзитное пространство, доступное для торговли, передвижения людей и постепенно осваиваемое и заселяемое русскими переселенцами. Таможенные заставы и русские слободы служили местом сбора пошлин и пополняли государственную казну, в них накапливались богатства, вокруг них формировались пространства хозяйственной и торговой активности. Торговые пути имели надрегиональное значение, способствовали интеграции региона в мировую хозяйственную систему.

Транзитные пути, которые вели из европейской части континента в азиатскую, представляли собой устойчивые транспортные траектории, функционировавшие на протяжении XVII–XIX вв. Традиционным для дорожной инфраструктуры евразийской территории было активное участие

¹ Суса – персидская шёлковая и полушёлковая полосатая ткань.

² Возможно, подразумевалось «отстоятелем» от глагола «отстаивать», т. е. защищать.

государства в развитии и контроле транспортных путей, которое проявлялось в существовании казённых торговых караванов в XVIII в., в создании системы русских слобод. Государственная власть регламентировала передвижение по дорогам с помощью специальных чиновников. В числе главных пользователей дорожной сети были не только торговцы, но и возчики, проводники, охранники, переводчики, которые представляют собой транснациональных посредников не только между разными странами, но и между разными культурами. Троицкая крепость, основанная в 1743 г., стала центром притяжения для бухарцев, русских и татарских купцов, местом, где концентрировалась экономическая и социальная активность казахов. Устойчивая транспортная сеть, связывавшая среднеазиатские торговые города, Китай с европейской частью России и Сибирью, способствовала формированию транснациональных пространств и появлению транснациональных акторов. Территории, через которые проходили караванные торговые пути, встраивались в систему мировой торговли и мирового разделения труда.

6. Благодарности

Работа подготовлена и опубликована при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН AP26103999).

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>.

Литература

- Байпаков, 2007** – *Байпаков К.* Великий Шелковый путь (на территории Казахстана). Алматы: «Адамар», 2007. 496 с.
- Березницкий, 2017** – *Березницкий С.В.* Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 266 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области.
- Гизатуллин** – *Гизатуллин Р.Н.* Торг в Троицкой крепости // *Троицк74.ру. Сайт города.* [Электронный ресурс]. URL: <https://troitsk74.ru/history/fair/> (дата обращения: 25.11.2024).
- Гизатуллин, 2019** – *Гизатуллин Р.Н.* Торговый Троицк // *Край, заслуживший свои победы.* Челябинск: [б.и.], 2019. С. 59-65.
- Гизатуллин, Самигулов, 2013** – *Гизатуллин Р.Н., Самигулов Г.Х.* Троицк, город (270 лет со времени основания) / *Календарь знаменательных и памятных дат на 2013 год.* Челябинск: ЧОУНБ, 2013. С. 131-147.
- Дмитриев, 1894** – *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. V: Покорение угорских земель и Сибири. Пермь: издание автора, 1894. 227 с.
- Дмитриев, 1900** – *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. VIII: К истории Зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: издание автора, 1900. 75 с.
- История Урала, 1976** – *История Урала.* В 2-х тт. / под ред. И.С. Капцуговича. Т. 1. Пермь: Пермское книжное издательство, 1976. 396 с.
- Катионов, 2008** – *Катионов О.Н.* Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. 372 с.
- Кольцов и др., 2019** – *Кольцов П.М., Байтанаев Б.А., Гаджиев М.С.* Инфраструктура северной ветви Великого Шелкового пути на участках: Западный Казахстан – Нижнее Поволжье – Подонье – Северный Кавказ // *Поволжская археология.* 2019. № 4. С. 8-22.
- Конрад, 2018** – *Конрад С.* Что такое глобальная история? М.: НЛЮ, 2018. 312 с.
- Ламин, Тимошенко, 2012** – *Ламин В.А., Тимошенко А.И.* Роль транспортных путей в освоении Сибири // *Уральский исторический вестник.* 2012. № 2 (35). С. 37-47.
- Маргулан, 1949** – *Маргулан А.Х.* Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала // *Вестник АН Казахской ССР.* 1949. № 1. С. 68-79.
- Маргулан, 1950** – *Маргулан А.Х.* Историко-топографический фон восточной Бетпак-Далы // *Вестник АН Казахской ССР.* 1950. № 6 (63). С. 61-72.
- Маслюженко, Рябинина, 2017** – *Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А.* Торговые, военные и дипломатические дороги Тюменского и Сибирского ханства: западное направление // *III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей.* Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 195–198.
- Об отворении..., 1860** – Об отворении нового пути в Сибирь помимо Верхотурья // *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.* Вып. 3: июль-сентябрь. Раздел: Смесь. М., 1860. С. 30-40.
- ОГАЧО** – Объединённый государственный архив Челябинской области.
- Побережников, 2011** – *Побережников И.В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки.* 2011. № 4(96). С. 191-203.

Побережников, 2014 – *Побережников И.В.* Урал в контексте Российской цивилизации: теоретико-методологические принципы исследования // *Урал в контексте Российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация.* Екатеринбург: АСПУР, 2014. С. 10-40.

ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. Т. X. 1737-1739 гг. СПб., 1830. 990 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Ремезов, 2021 – *Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири // *НЭБ. Книжные памятники.* [Электронный ресурс]. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/sluzhebnyaya-chertezhnaya-kniga-teksty-i-chertezhi> (дата обращения: 01.10.2025).

Самигулов, 2011 – *Самигулов Г.Х.* Историография «казанских дорог» // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки.* 2011. № 9 (226). С. 50-53.

Самигулов, 2013 – *Самигулов Г.Х.* Дорога: часть и целое: осмысление дороги в разных масштабах восприятия // *Научный диалог.* 2013. № 6(18). С. 75-87.

Самигулов, 2013а – *Самигулов Г.Х.* Трансформация дорожной сети Южного Зауралья в XVII–XVIII веках // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2013а. № 6 (297): История. Вып. 54. С. 5-8.

Самигулов, Свистунов, 2007 – *Самигулов Г.Х., Свистунов В.М.* Что такое Старая Казанская дорога? // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Одесса; Омск: «Издательский дом «Наука», 2007. С. 66-72.

Таиров, 1995 – *Таиров А.Д.* Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, Центр Аркаим, 1995. 45 с.

Таиров, 2016 – *Таиров А.Д.* Караванные пути в Урало-казахстанских степях // *Евразийский вектор: проблемы международного образования: сборник статей.* Челябинск: Издательский центр ЮурГУ, 2016. С. 94-119.

Урал в контексте..., 2014 – Урал в контексте Российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. Екатеринбург: АСПУР, 2014. 172 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Шахеров, 2022 – *Шахеров В.П.* К вопросу о характере пушного промысла Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // *Иркутский историко-экономический ежегодник.* Иркутск: Байкальский государственный университет, 2022. С. 127–135.

Шкунов, 2017 – *Шкунов В.Н.* Сынцзян в системе российско-китайской торговли в XIX в. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2017. Т. 19. №. 3–1. С. 139-145.

References

Bajpakov, 2007 – *Bajpakov, K.* (2007). Velikij Shelkovyj put (na territorii Kazahstana) [The Great Silk Road (on the territory of Kazakhstan)]. Almaty: «Adamar». 496 p. [in Russian]

Bereznickij, 2017 – *Bereznickij, S.V.* (2017). Karavannaya trgovlya Rossii s Kitaem i otechestvennaya nauka XVIII veka [Caravan trade between Russia and China and domestic science of the 18th century AD]. Sankt-Peterburg: MAE RAN. 266 p. [in Russian]

CGA RK – Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv respubliky Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Dmitriev, 1894 – *Dmitriev, A.A.* (1894). Permskaya starina [Perm antiquity]. Issue V: Pokorenie ugarskih zemel i Sibiri [Conquest of the Ugric lands and Siberia]. Perm: izdanie avtora. 227 p. [in Russian]

Dmitriev, 1900 – *Dmitriev, A.A.* (1900). Permskaya starina [Perm antiquity]. Issue VIII: K istorii Zauralskoj trgovli. Bashkiriya pri nachale russkoj kolonizacii [On the history of the Trans-Ural trade. Bashkiria at the beginning of Russian colonization]. Perm: izdanie avtora. 75 p. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archives of the Orenburg Region].

GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State Archive of the Sverdlovsk region].

Gizatullin – *Gizatullin, R.N.* Torg v Troickoj kreposti. [Trade in Troitsk fortress]. [Electronic resource]. URL: <https://troitsk74.ru/history/fair/> (data of access: 25.11.2024). [in Russian]

Gizatullin, 2019 – *Gizatullin, R.N.* (2019). Torgovyj Troick [Trading Troitsk]. *Kraj, zasluživshij svoi pobedy.* Chelyabinsk: [b.i.]. Pp. 59-65. [in Russian]

Gizatullin, Samigulov, 2013 – *Gizatullin, R.N., Samigulov, G.H.* (2013). Troitsk, gorod (270 let so vremeni osnovaniya) [Troitsk, city (270 years since its foundation)]. *Kalendar znamenatelnyh i pamyatnyh dat na 2013 god.* Chelyabinsk: ChOUNB. Pp. 131-147. [in Russian]

Istoriya Urala, 1976 – *Istoriya Urala.* V 2-h tt. [History of the Urals. In 2 volumes]. Pod red. I.S. Karpugovicha. T. 1. Perm: Permskoe knizhnoe izdatelstvo, 1976. 396 p. [in Russian]

Kationov, 2008 – *Kationov, O.N.* (2008). Moskovsko-Sibirskij trakt kak osnovnaya suhoputnaya transportnaya kommunikaciya Sibiri XVIII–XIX vv. [Moscow-Siberian road as the main land transport communication in Siberia during the 18th–19th centuries AD]. Novosibirsk: Izd. NGPU. 372 p. [in Russian]

Kol'tsov et al., 2019 – *Kol'tsov, P.M., Baitanaev, B.A., Gadzhiev, M.S.* (2019). Infrastruktura severnoj vetvi Velikogo Shelkovogo puti na uchastkah: Zapadnyj Kazahstan – Nizhnee Povolzhe – Podone – Severnyj

- Kavkaz [Infrastructure of the northern branch of the Great Silk Road in the sections: Western Kazakhstan – Lower Volga Region – Podonye – North Caucasus]. *Povolzhskaya arheologiya*. 4: 8-22. [in Russian]
- Konrad, 2018** – Konrad, S. (2018). Chto takoe globalnaya istoriya? [What is global history?]. M.: NLO. 312 p. [in Russian]
- Lamin, Timoshenko, 2012** – Lamin, V.A., Timoshenko, A.I. (2012). Rol transportnyh putej v osvoenii Sibiri [The role of transport routes in the settling Siberia]. *Uralskij istoricheskij vestnik*. 2(35): 37-47. [in Russian]
- Margulan, 1949** – Margulan, A.H. (1949). Drevnie karavannye puti cherez pustynyu Betpak-Dala [Ancient caravan routes through the Betpak-Dala Desert]. *Vestnik AN Kazahskoj SSR*. 1: 68-79. [in Russian]
- Margulan, 1950** – Margulan, A.H. (1950). Istoriko-topograficheskij fon vostochnoj Betpak-Daly [Historical and topographical background of eastern Betpak Dala]. *Vestnik AN Kazahskoj SSR*. 6 (63): 61-72. [in Russian]
- Maslyuzhenko, Ryabinina, 2017** – Maslyuzhenko, D.N., Ryabinina, E.A. (2017). Torgovye, voennye i diplomatische dorogi Tyumenskogo i Sibirskogo hanstva: zapadnoe napravlenie [Trade, military and diplomatic roads of Tyumen and Siberian Khanate: western direction]. *III Mezhdunarodnyj kongress srednevekovoj arheologii evrazijskih stepej*. Vladivostok: Dalnauka. Pp. 195-198. [in Russian]
- Ob otvorenii ..., 1860** – Ob otvorenii novogo puti v Sibir pomimo Verhoturya [On the opening of a new route to Siberia besides Verkhoturys]. *Chteniya v Obshestve istorii i drevnostej rossijskij pri Moskovskom universitete*. Vyp. 3: iyul-sentyabr. Razdel: Smes'. Moscow, 1860. Pp. 30-40. [in Russian]
- OGACHO** – Ob'edinennyi gosudarstvennyi arhiv Chelyabinskoi oblasti [United State Archives of the Chelyabinsk Region].
- Poberezhnikov, 2011** – Poberezhnikov, I.V. (2011). Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizaciya [Asian Russia: Frontier, Modernization]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 4(96): 191-203. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2014** – Poberezhnikov, I.V. (2014). Ural v kontekste Rossijskoj civilizacii: teoretiko-metodologicheskie principy issledovaniya [The Urals in the context of Russian civilization: theoretical and methodological principles of research]. *Ural v kontekste Rossijskoj civilizacii: teoretiko-metodologicheskaya konceptualizaciya*. Ekaterinburg: AsPUR. Pp. 10-40. [in Russian]
- PSZ-I** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of laws of the Russian Empire. The first collection].
- Remezov, 2021** – Remezov, S.U. (2021). Chertezhnaya kniga Sibiri. [Drawing book of Siberia.] [Electronic resource]. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/sluzhebnyaya-chertezhnaya-kniga-teksty-i-chertezhi> [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv drevnih actov [The Russian State Archive of Ancient Acts].
- Samigulov, 2011** – Samigulov, G.H. (2011). Istoriografiya «kazanskij dorog» [Historiography of the “Kazan roads”]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Socialno-gumanitarnye nauki. 9(226): 50-53. [in Russian]
- Samigulov, 2013** – Samigulov, G.H. (2013). Doroga: chast i celoe: osmyslenie dorogi v raznyh masshtabah vospriyatiya [Road: part and whole: understanding the road at different scales of perception]. *Nauchnyj dialog*. 6(18): 75-87. [in Russian]
- Samigulov, 2013a** – Samigulov, G.H. (2013a). Transformaciya dorozhnoj seti Yuzhnogo Zauralya v XVII–XVIII vekah [Transformation of the road network of the Southern Trans-Urals in the XVII–XVIII centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya Istorija. 54. 6(297): 5-8. [in Russian].
- Samigulov, Svistunov, 2007** – Samigulov, G.H., Svistunov, V.M. (2007). Chto takoe Staraya Kazanskaya doroga? [What is the Old Kazan Road?]. *Integraciya arheologicheskij i etnograficheskij issledovanij*. Odessa; Omsk: «Izdatelskij dom «Nauka». Pp. 66-72. [in Russian]
- Shaherov, 2022** – Shaherov, V.P. (2022). K voprosu o haraktere pushnogo promysla Vostochnoj Sibiri v XVIII – pervoj polovine XIX v. [On the nature of the fur trade in Eastern Siberia during the 18th – first half of the 19th century AD]. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. Irkutsk: Bajkalskij gosudarstvennyj universitet. Pp. 127-135. [in Russian]
- Shkunov, 2017** – Shkunov, V.N. (2017). Sinczyan v sisteme rossijsko-kitajskoj torgovli v XIX v. [Xinjiang in the system of Russian-Chinese trade in the 19th century AD]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 19. 3–1: 139-145. [in Russian]
- Tairov, 1995** – Tairov, A.D. (1995). Torgovye kommunikacii v zapadnoj chasti Uralo-Irtyshskogo mezhdurechya [Trade communications in the western part of the Ural-Irtysh interfluve]. Chelyabinsk: ChelGU, Centr Arkaim. 45 p. [in Russian]
- Tairov, 2016** – Tairov, A.D. (2016). Karavannye puti v Uralo-kazahstanskij stepyah [Caravan routes in the Ural-Kazakhstan steppes]. *Evrazijskij vektor: problemy mezhdunarodnogo obrazovaniya*. Chelyabinsk: Izdatelskij centr YuurGU. Pp. 94-119. [in Russian]
- Ural v kontekste..., 2014** – Ural v kontekste Rossijskoj civilizacii: teoretiko-metodologicheskaya konceptualizaciya [The Urals in the context of Russian civilization: theoretical and methodological conceptualization]. Ekaterinburg: AsPUR. Pp. 10-40. [in Russian]

Дорожно-транспортная сеть и инфраструктура Южного Зауралья и Северного Казахстана в Новое время с точки зрения глобально-исторического подхода

Ольга Юрьевна Никонова ^a, Гаяз Хамитович Самигулов ^{a, b, *}

^a Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

^b Научно-исследовательский центр «Дешт-и-Кыпчак», Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Исторические дороги – одна из традиционных и при этом не очень изученных тем. В предлагаемой публикации Северный Казахстан и Южный Урал рассматриваются как два взаимосвязанных участка функционирования глобальной дорожной сети Евразии. Эти территории с древности были включены в систему евразийских перемещений. Специфика формирования дорог определялась ландшафтно-топографическими особенностями. В степи трассы дорог определяли наличие источников воды и бродов через реки, в горах – наличие перевалов, удобных для прохода вьючных животных или колёсного транспорта. Северный Казахстан и Южный Урал объединяет то, что дороги, проходившие здесь, имели преимущественно транзитный характер. Эти пути соединяли центры, располагавшиеся в Центральной Азии, Европе, Сибири. Ситуация немного изменилась в XVIII в., когда возникла Оренбургская пограничная линия и были организованы меновые дворы при городах Оренбург, Орск, Троицк, которые выполняли функции крупных торговых центров. Кроме того, они же служили перевалочными пунктами, рядом с ними были организованы таможни (например, Троицкая таможня). Товары, довезённые до Троицкого менового двора на верблюдах, дальше могли отправиться на Макарьевскую или Ирбитскую ярмарку гужевым обозом. И наоборот, товары, прибывшие из европейской части империи, отправлялись далее в Среднюю Азию традиционным караванным способом. Приграничная торговля была прибыльным делом, привлекавшим местное население. Из Троицка караваны часто сопровождали татары-переводчики. Караваны, следовавшие в Троицк, охраняли представители казахских жузов, кочевавших в приграничье. Казахи также были постоянными участниками торговли на меновых дворах, пригоняли на продажу скот, привозили шкуры животных.

Ключевые слова: обмен, торговля, Северный Казахстан, Южный Урал, Сибирь, Средняя Азия, транзитный маршрут, караванные пути.

---

* Корреспондирующий автор

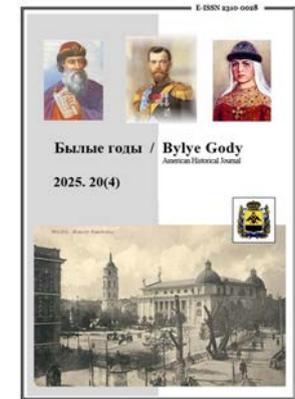
Адреса электронной почты: gayas_@mail.ru (Г.Х. Самигулов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1649-1658
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1649

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Russian Government and Institute of Tarkhanism in the Kazakh Society (XVIII–XIX centuries)

Otegen I. Issenov ^a, Gaukhar Z. Balgabayeveva ^{a, *}, Almasbek A. Absadyk ^a, Zhangeldy A. Shaukenov ^a

^aA. Baitursynuly Kostanay Regional University, Kostanay, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the revival of the institution of tarkhan in Kazakh society, tracing its origins back to ancient times. The study analyzes the terminological meaning of the word tarkhan, the role played by social groups who held this position, their level of social status, as well as the historical foundations and evolution of the tarkhan institution.

Among the ancient nomadic peoples of the Eurasian steppes, such as the Scythians and Magyars, the title of tarkhan was used to refer to judges. During the era of the great Turkic state – the Turkic Khaganate – tarkhans served as high-ranking state and military officials. In the 1740–1750s, the Russian Empire continued its policy toward the Kazakh Khanate, which included, in cooperation with Kazakh khans and sultans, the revival of the medieval Turkic-Mongol office of tarkhan among judges and noble warriors close to the khan's authority.

Tarkhans who had received official charters from the Russian government were granted special rights and privileges, which distinguished them within the social hierarchy of Kazakh society. The possession of such formal documentation enhanced their authority both within the Horde and in the eyes of the imperial administration. Owing to their status, the tarkhans served as intermediaries between the Russian authorities and the steppe population, facilitating the implementation of the Empire's political and administrative initiatives at the local level.

After achieving its key political objectives related to consolidating imperial control over the Kazakh steppes, the Russian government abolished the institution of tarkhan by special decree, considering it obsolete in the context of the newly established system of administrative governance on the annexed territories.

Keywords: Kazakh Khanate, tarkhans, Russian Empire, politics, position, society, title, status.

1. Введение

Институт тарханства в рамках традиционной системы управления казахского общества имеет глубокие исторические корни. В период Тюркского каганата был известен титул тархана, который показывал принадлежность к высшим сословиям военно-родовой аристократии. В процессе включения казахских степей в состав Российской империи в XVIII веке институт тарханства претерпел значительные изменения. С целью привлечения выдающихся представителей казахского общества к сотрудничеству с российским правительством был возобновлён институт тарханства в социально-политической структуре казахского общества. Присвоение тарханского звания становилось инструментом в реализации политики Российской империи, направленной на укрепление своих позиций в регионе. Важно отметить, что до настоящего времени вопросы, связанные с исторической ролью тарханов и института тарханства, оставались недостаточно исследованными в рамках исторической науки. Эти аспекты определяют актуальность проводимого

* Corresponding author

E-mail addresses: balgabaeva.gauhar@mail.ru (G.Z. Balgabayeveva)

исследования, целью которого является более глубокое понимание процесса институционализации тарханов в контексте казахской и российской истории.

2. Материалы и методы

В качестве основного источниковедческого материала для настоящего исследования использованы документы, хранящиеся в Объединённом государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация), Архиве внешней политики Российской Империи МИД РФ (АВПРИ) (Москва, Российская Федерация). В процессе изучения данной темы использовали архивные дела, впервые введённые в научный оборот. Указанные источники способствуют более глубокому пониманию целей и задач, которые преследовало российское правительство, внедряя институт тарханства в казахском обществе. Существенное значение для анализа данной проблемы приобретают мемуары путешественников, военных и дипломатов исследуемой эпохи, в которых отражены ценные сведения о политических, социально-экономических и культурных сферах казахского народа. Например, в дневнике П.И. Рычкова, офицера специально сформированного военного соединения, преследовавшего волжских калмыков, бежавших в Джунгарию в 1771 году, приводятся сведения о первых казахских тарханах Жанибеке и Есете, об их посольской службе в казахско-русских отношениях (Рычков, Рычков, 1995: 88). В материалах, собранных исследователем Е.К. Мейендорфом во время поездки из Оренбурга в Бухару, приводятся данные о деятельности казахских тарханов Жусупа Сырымовича, Жоламана Тленшиевича и др. (Мейендорф, 1975: 180). Военный инженер, генерал-лейтенант русской армии И.Ф. Бларамберг в своей работе оставил данные о Жоламане тархане (Бларамберг, 1848: 152).

В качестве методологической основы данного исследования использован цивилизационный подход, позволивший всесторонне осветить процессы общественно-политического развития в исследуемом регионе. Для анализа основных аспектов заявленной проблематики были применены различные методы исторического познания, способствовавшие глубокой проработке материала.

Историко-сравнительный метод дал возможность провести сопоставительный анализ общественно-политического развития казахского общества до и после осуществления реформ российским правительством. Кроме того, в исследовании применён историко-системный метод, позволивший рассматривать изучаемые явления и процессы как целостные исторические системы, с акцентом на их внутреннюю структуру и выполняемые функции. Также использовался дедуктивный метод, на основе которого осуществлялся сбор эмпирических данных и формулировка исследовательских гипотез.

3. Обсуждение

Исследования ряда учёных и мемуаристов сосредоточены на описании истории и деятельности традиционных институтов управления в казахском обществе. В работе И.Г. Андреева отмечается, что царское правительство финансировало 1000 рублей в год на вовлечение народов, проживающих вблизи русских военных крепостей, в поддержку своей политики, в том числе приводятся данные, что Кульсарыи Кулеке тарханы получали денежное вознаграждение в размере 100 рублей (Андреев, 1998: 121).

Среди русских исследователей, изучавших казахскую историю, В.В. Вельяминов-Зернов выделяется специальным исследованием проблем Тарханского института. В частности, он целенаправленно изучил тему тарханства в башкирском обществе XVIII века (Вельяминов-Зернов, 1853: 48).

Е.Б. Бекмаханов проанализировал политику царского правительства в плане ликвидации казахской системы управления и осветил причинно-следственные связи, вызвавшие обострение во взаимоотношениях народов (Бекмаханов, 1957). На основе архивных данных М. Вяткин описал историю батыра Сырыма, который имел тарханское звание и длительный период возглавлял национально-освободительное движение (Вяткин, 2002). Н.Г. Аполлова в своих работах рассмотрела казахско-русские отношения XVIII–XIX веков и их влияние на хозяйственное состояние казахского общества. Аполлова, описывая политическую деятельность тарханов XVIII века Шакшака Жанибека и Тамы Есета, показывает, что их авторитет признавался современниками на уровне влияния ханов (Аполлова, 1948). Общественно-политическая структура, социальная система казахского общества исследованы в работе С.З. Зиманова (Зиманов, 1960). Н.Е. Бекмаханова рассматривает участие Даутбай тархана в войне русских крестьян под предводительством Е. Пугачева в 1773–1775 годах (Бекмаханова, 1968).

Исторические труды, изданные за годы независимости Республики Казахстан, характеризуются наличием новых концептуальных подходов к изучаемой проблеме. Работы этих учёных отличаются содержанием большого количества архивных источников. Материалы документов содержат сведения, которые отражают деятельность тарханов в казахском обществе XVIII–XIX веков.

4. Результаты

В 1740–1750-е годы Российская империя последовательно продолжала политику по включению Казахского ханства в орбиту своего политического и административного влияния, стремясь к

постепенному присоединению его территории. Основной задачей имперской стратегии являлось ослабление централизованной ханской власти в трёх казахских жузах. Несмотря на усилия хана Младшего жуза Абулхаира, стремившегося вести переговоры с российским правительством от имени всех казахских ханов и султанов, представители царской власти последовательно придерживались тактики разделения. Имперская дипломатия целенаправленно вела отдельные переговоры с представителями каждого жуза, тем самым препятствуя консолидации казахской элиты и координации её действий на международной арене.

Используя инструменты «мягкой силы», российская администрация щедро одаривала казахских правителей, предоставляя им почести и знаки внимания. Вместе с этим использовался дипломатический опыт усиления влияния в кругу аристократии методом возрождения средневекового тюрко-монгольского титула тарханства. Подобный способ воздействия показал свой эффект в отношении правящих слоёв калмыков и башкир.

Российская империя успешно применила политику возрождения института тарханства башкирского народа. Об институте тарханства в башкирском обществе сохранилось очень много документального материала. В одной из архивных записей есть информация об укреплении титула тархана среди башкиров: «Тарханство у башкирского народа существует еще со времен царя Ивана Васильевича. С тех пор, как они стали подчиняться власти царской России, за заслуги перед царским правительством башкирам давали чин тархана» (ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 134).

Проявившие активность в переговорах о принятии хана Младшего жуза Абулхаира под покровительство царской власти, башкирские батыры Алдар Есенгелдин и Таймас Шаймов, оказались в числе награждённых тарханским титулом. С 1742 года начинается период вручения тарханского титула проявившим поддержку царскому курсу казахским биям и батырам. Присвоение титула тархана биям и батырам из властвующей элиты Казахского ханства, проявившим симпатию и поддерживавшим политику царской власти в Казахском крае, берёт своё начало с 1742 года. Первыми, кто получил от царской России титул тархана, были родоначальник рода Аргын, батыр и бий Среднего жуза Жанибек Кошкарулы (1693–1751), батыр и бий рода Жетиру Младшего жуза Есет (1669–1757).

Первый титул тархана с грамотой императрицы Елизаветы был вручён правительством царской России Шакшаку Жанибеку Кошкарулы 30 августа 1742 года (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1. Л. 70).

Вручение батыру Жанибеку титула тархана имело свою политическую подоплёку. В 30–40-е годы XVIII века, когда угроза Джунгарского нашествия усилилась, казахская элита разделилась на две группы. Одна из них придерживалась политики примирения с джунгарами и предлагала вести с ними переговоры, в то время как другая, опираясь на поддержку царской России, настаивала на ведении непримиримой борьбы против джунгар. Исследователи назвали эти группы «джунгарская партия» и «русская партия». Батыр Жанибек был в группе «русской партии». Объединив усилия с ханом Младшего жуза Абулхаиром, он организовал влиятельных казахских биев и батыров к борьбе против джунгар. В 40-е годы XVIII века джунгарский правитель Галдан Церен достиг значительных побед в битве против казахов и имел явное военное превосходство. Он сумел захватить в плен влиятельного казахского султана Абылая. С целью укрепления джунгарского влияния он пытался заключить соглашение между Джунгарским ханством и казахской правящей элитой с обязательным условием предоставления последними своих детей в заложники. В 1743 году от джунгарского нойона Септена поступило аналогичное требование и Шакшаку Жанибеку. Батыр категорически отказался выполнить требование джунгара о заложничестве, с целью дать отпор этой попытке, написал письмо Оренбургскому губернатору, своим единомышленникам-биям Среднего жуза Казыбеку и Кабану, а также бунтарю-башкиру Карасакалу, вступившему в борьбу с Галданом Цереном за джунгарский престол (Моисеев, 1991: 121).

В русских письменных источниках сохранились слова Шакшака Жанибека, высказанные против требования отдать сына в заложники в качестве гаранта джунгарским правителям: «Моя стрела достигнет калмыков прежде, чем мой сын дойдет до них в качестве заложника» (Жәнібек тархан, 1994: 182).

Жанибек-батыр склонялся к дипломатической политике ведения большой торговли с царской Россией, расширения пастбищ казахских родов и племён. В 1739 году он обращается с письменным прошением к императрице о переходе Среднего жуза через Яик (Урал). В 1743 году договаривается с Урусовым о ведении прямой торговли с приграничными городами России и сам лично поддерживает интересы России в организации торговли в Казахской степи и Средней Азии (Моисеев, 1991: 151).

Профессор И. Ерофеева отмечает: «Однако у казахов и башкир значение титула тархан было не во всем одинаковым, так как первые в отличие от своих северных соседей ясак и другие налоги в пользу Российского государства вообще не платили и обязанность нести военную службу на внешних рубежах империи на них не возлагалась. Тем не менее, для батыра Жанибека и других “знатных” казахских старшин тарханское звание имело большую привлекательность, поскольку юридически оформляло их наивысший статус внутри своего сословия и более весомую по сравнению с прочими старшинами функциональную роль в системе управления степными кочевниками, расширяло личный иммунитет и тем самым фактически уравнивало обладателей этого титула по занимаемому

привилегированному положению в казахских жузах с младшими ханами» (Ерофеева, 2017: 103). Статус батыра Жанибека описал в своих донесениях в управление Сената начальник Оренбургской комиссии И. Неплюев: «Батыр Шакшак Жанибек авторитетен одинаково в Младшем и Среднем жузах. Авторитет не хуже, чем у хана» (КРО, 1964: 254).

Тот факт, что при вручении Российским правительством тарханского звания батырам и биям Младшего жуза выбор пал на батыра Есета, имел под собой политическое основание. Во-первых, родоначальник Жетиру Есет батыр был предводителем в войне казахов с калмыками Урала (Жайык) и Волги (Едиля). Он же был в ставке наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука в качестве аманата. Находясь в плену в течение семи лет у волжских калмыков (КРО, 1961: 202), он хорошо владел калмыцким языком. Во-вторых, в 1730 году Есет батыр являлся одним из тех, кто поддержал Абулхаир-хана в его решении о присоединении Младшего жуза к России. Вместе с тем батыра, поддерживавшего хорошие отношения с башкирами, Российская власть старалась сделать сторонником своей политики. Всё это делалось для того, чтобы отделить друг от друга казахские, калмыцкие, башкирские кочевые народы и подстрекать их к конфликтам между собой.

Правительство России 3 июля 1743года вручило представителю Младшего жуза, родоначальнику Жетиру батыру Есету, тарханную грамоту, в которой было указано, что звание является личным и не наследуется его потомками (Бижанов, 1969: 162). Теперь несколько слов о том, почему правительство царской России вручило Жанибек-батыру и Есет-батыру две разные тарханские грамоты. Это было связано с желанием имперской власти подчеркнуть неодинаковое отношение к двум батырам Орды и пробудить в них зависть, подстёгиваемую обыкновенной человеческой слабостью, и в дальнейшем способствовать возникновению трещины в отношениях родоначальников двух жузов, имеющих статус малых ханов. К тому же царское правительство преследовало цель возвеличить тарханов в посреднических и политических отношениях до уровня ханов и султанов. К примеру, в протоколе о посещении в 1749году инаугурации по случаю избрания султана Нуралы Абулхаирулы ханом указывается имя Жанибека тархана. Также Жанибек тархан участвовал и в официальных переговорах с ханами. Вместе с этим были организованы партикулярные приёмы в честь него.

Российское государство использовало два способа такого дипломатического приёма. Первый – переговоры между официальными делегациями. В них участвуют только хан и султаны, управляющие улусами и приравненные к ханам. Второй – согласно европейскому протоколу, главу государства, возглавляющего делегацию, принимают отдельно. Это называется «партикулярные переговоры». Также Малым суверенам в составе делегации на такой партикулярной основе устраивали такие же персональные приёмы (Кекілбайұлы, 1998: 347).

Тарханов Жанибека и Есета Российское правительство принимало в обоих статусах. Уже это свидетельствует о том, что статусы казахских тарханов в межгосударственных политических отношениях были высокими. Правительство России придерживалось политики ослабить ханскую власть, возродив средневековый тюркский институт тарханства и вклинившись во внутренний, закономерно сложившийся национальный механизм защиты. Конечная цель – постепенно ввести в систему социального устройства традиционного казахского общества элементы структуры российского управления. Царское правительство преследовало свои интересы: во-первых, разрушить целостное национальное сознание народа, во-вторых, превратить тарханов в надёжных чиновников администрации царской России на местах. Таким образом, оно стало открыто развивать институт тарханства и привлекать представителей казахской знати в своём управлении.

Джунгары, в свою очередь, тоже предпринимали меры, чтобы оказывать влияние на казахских ханов и султанов. Эта политика сводилась к традиционному взятию аманатов, то есть заложников, а также сватовству и желанию породниться через браки своих детей. В дальнейшем джунгарский хунтайджи начал оказывать влияние через раздачу тарханского титула. За поддержание хороших отношений с джунгарами-калмыками джунгарский хунтайджи в 1744 году присвоил Малайсары-батыру из племени Басентиин рода Аргын звание тархана (Ерофеева, 2017: 115). Малайсары Токтауылулы (1700–1754) приходился джунгарам племянником.

Как отмечалось выше, в XVIII веке ханы и султаны, батыры и бии Среднего жуза разделились в зависимости от приверженности к конкретному соседнему государству. Политику России поддерживали Шакшак Жанибек, Атыгай Кулсары из рода Аргын, а Джунгар – батыры Малайсары и Олжабай из рода Аргын.

Тархан Малайсары Токтауылулы выступал за заключение перемирия между двумя ханствами и прекращение казахско-калмыцкой войны. В переговорах с джунгарами он прямо сказал хану ГалдануЦерену: «...У нас и в Россию со всех родов в аманаты не требуют, а ты хочешь быть больше Великороссийского государства» (Исенов, 2020: 23) и тем самым умерил требования джунгаро-калмыцких правителей по поводу заложников от казахов. Джунгарский хунтайджи присваивал храбрым и патриотично настроенным батырам звания тархана, стремясь таким образом подчинить их своему политическому влиянию.

Существовало тарханское звание с правом наследования. За сыном тархана сохранялось право называться тарханом и пользоваться тарханскими полномочиями отца. Такая наследственная

тарханная грамота была вручена Жанибеку Кошкарулы. Сыну Жанибека тархана, Даутбаю, распоряжением воинской коллегии в 1759 году было присвоено звание тархана (Бекмаханов, 1957: 42). Внук Жанибека тархана, Муса Даутбайулы, также унаследовал звание тархана (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4290. Л. 315–316). В декабре 1848 года правнук Шакшака Жанибека тархана, Мусаулы Шеген-бий, ходатайствовал о предоставлении ему тарханской грамоты, положенной ему по наследству. Царская администрация отказала ему в просьбе, ограничившись лишь вручением ему золотой медали и жалованием шубы (ОГАОО. Ф.6. Оп. 10. Д. 4290. Л. 315–316).

После кончины Абулхаира-хана, в период правления хана Нуралы, сохранялась практика вручения российским правительством тарханских грамот казахским биям и батырам. К примеру, 16 июля 1749 года бию рода Жаппас Младшего жуза Утетлеу Кошкарулы была вручена тарханная грамота (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 88). В Младшем жузе 19 ноября 1787 года на должность главного старшины было утверждено семь человек: из рода Алим – Сарытай-бий, Каракобек-бий Кушайбиулы, Муратбек Айбашулы; из рода Байулы – батыр Сырым Датулы, Каратау-бий Гумырызакулы; из рода Жетиру – батыр Тленши Бокенбайулы, батыр Жанболат Карабанулы. Каждый из них имел право на ежегодную субсидию в размере 100 рублей серебром, а также предоставлялось жалованье и хлебное зерно. Вместе с должностью главного старшины Сырым Датулы и Бокенбаю Тленшиулы Российское правительство присвоило и наследственное звание тархана (Вяткин, 2002: 230). Таким образом, российская администрация преследовала следующие цели: 1) вмешательство в управление казахским обществом через главных старшин; 2) повышение социального статуса главных старшин в казахском обществе с целью ограничения власти ханов и султанов. Обязанности главных старшин заключались в исполнении распоряжений и указаний генерал-губернатора, пограничной экспедиции и судебных органов Российской империи, а также в контроле работы простых старшин и расправ. Из обязанностей главных старшин видно, что, во-первых, назначая на эту должность родоначальников-биев и известных батыров, царское правительство привлекало представителей традиционной власти казахского общества на службу Российской империи; во-вторых, возложение ответственности на главных старшин за исполнение в Орде распоряжений и указаний царской администрации обеспечивало стабильность в Младшем жузе; в-третьих, предоставление жалования на эту должность способствовало исключению протестов, которые могли бы возникнуть у биев и батыров против указаний царского правительства.

Присвоение наследственного звания тархана батыру Сырым Датулы из рода Байбакты, батыру Тленши Бокенбайулы из рода Табын и батыру Каракобеку Косбайулы из рода Торткара было постепенной реализацией плана ослабления власти султанов. В период, когда Казахская степь стала колонией Российской империи, вместе со званием тархана начали предоставляться определённые льготы и денежные вознаграждения. К примеру, царская администрация выплачивала тарханам батыра Среднего жуза Кулсары и его сына Кулеке 100 руб. серебром (Андреев, 1998: 112).

Присваивая тарханские грамоты и звания главных старшин представителям простого народа, царская администрация стремилась искусственно уравнивать их статус с положением султанов, происходивших из аристократических родов.

Таким образом, можно выделить основные политические направления, которых придерживалось Российское правительство в ликвидации системы государственного управления казахского общества – института ханства: правительство России для ликвидации традиционного института ханства в Казахском государстве и лишения его самостоятельности и независимости вновь возродило средневековый институт тарханства и внедрило его в систему политического управления казахского общества. В этот период в казахском обществе наблюдался кризис традиционной системы родового управления, затронувший все сферы жизнедеятельности народа. Влиятельным родоначальникам присваивались звания старшины, главного старшины, тархана и, посредством замены родоначальников главными старшинами, российская администрация превращала их в чиновников, осуществляющих политику царского правительства на местах (Yermenbayeva, 2017: 465).

С 40-х годов XVIII века казахские ханы начали назначаться Российской администрацией и утверждаться распоряжением правительства. С целью ослабления влияния казахской аристократии – ханов и султанов – царская администрация намеренно стремилась соблюдать баланс между ними и представителями простого народа – биями и батырами, активно используя для этого институт тарханства. В казахском обществе тарханы по своему влиянию не уступали ханам и султанам (Рычков, Рычков, 1995: 13). Царское правительство намеренно не предоставляло звание тархана представителям аристократии – султанам, руководствуясь принципами имперского курса ограничения власти потомков династии чингизидов. В частности, султан Абылай просил у царского правительства о предоставлении ему и его потомкам звания наследственного тархана. 24 ноября 1769 года султан Абылай написал письмо Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу. Он обратился с просьбой обеспечить его людям свободу перемещения в укреплениях и на ярмарках, а также попросил для себя статус тархана, который пожизненно наследует его род, и предоставить ему самому возможность каждые 2-3 года заменять своих детей, находящихся в качестве аманатов (заложников). Султан высказал желание, чтобы в случае принятия всех его просьб, всё это должно быть записано в

тарханной грамоте (КРО, 1961: 694-695). Царское правительство оставило прошение Абылая-султана без ответа.

Правительство России, внедрившее институт тарханства в социально-общественную структуру Среднего и Младшего жузов, не стало вводить его в Старшем жузе. Рассмотрим причины этой тактики более подробно.

Во-первых, российское правительство управляло родами Старшего жуза через старших султанов. Во-вторых, по примеру действия российского правительства, которое вручало звание тархана в Младшем и Среднем жузах, китайские и кокандские правители с целью усиления государственного влияния в Старшем жузе одаривали знатных султанов и биев-родоначальников такими чинами и титулами, как «ван», «гун», «тайджи» (из существовавших пяти степеней таких воинских званий), назначали жалованье, подносили подарки. В результате подобной политики один и тот же султан из Старшего жуза получал звания нескольких стран. К примеру, китайский чин «гун» китайский император в 1773 году дал впервые возглавлявшему 25 родов Старшего жуза Адилю-султану. Начиная с 1773 года султаны Старшего жуза, поддерживавшие хорошие отношения с китайцами, начали получать чин «гун», а некоторые казахские правители – титул «тайджи». Этот китайский титул передавался потомкам Адиля-султана на правах наследования (Спанұлы, 2008: 30). Также известно, что китайский царь удостоил Абылая-султана титулом «ван».

Учитывая вышеизложенное, правительство Российской империи рассматривало возможность введения института тарханства в Старшем жузе как средства управления и укрепления своего влияния. Однако реализация данной инициативы вступала в противоречие с официальной реформаторской линией, проводимой в казахских степях в 1860-е годы, направленной на централизацию власти и унификацию административной системы в пределах империи. По этим политическим причинам институт тарханства не был внедрён царским правительством в Старшем жузе. Как свидетельствуют исторические источники того времени, наиболее влиятельным представителям знати Старшего жуза российское правительство наряду с вручением золотых и серебряных медалей стало массово присваивать воинские звания и чины: поручика, секунд-майора, премьер-майора, штабс-офицера, коллежского офицера, подполковника.

Соответствующие источники представлены двумя большими группами грамот. Первая группа грамот содержит материалы относительно пожалования земель и угодий определенным персонам за заслуги. Более 90 % всех жалованных грамот изучаемого времени составляют так называемые вотчинные грамоты, согласно которым часть земельных владений получателя грамоты переводилась из поместья в вотчину. Вторая группа – иммунитетные грамоты, которые характеризовались малочисленностью в изучаемый период. Непосредственное отношение к этой группе документов имеют грамоты относительно утверждения городских и сословных прав, прав ведения торговли, прав организации промыслов и производств, постоянного и временного освобождения от податей и повинностей, а также данные на звания и должности (Комочев, 2022: 19).

Изучение тарханских грамот как источника позволяет определить их политическое значение. В сложившейся политической обстановке вручение этих грамот следует рассматривать как традицию награждения со стороны правительства России участников боевых действий или представителей вновь присоединённых территорий (Комочев, 2016: 23).

Тарханские грамоты были средством поощрения и приближения к российскому правительству местных авторитарных лидеров (Комочев, 2022: 23). Закономерно умозаключение об использовании тарханских привилегий в казахских жузах в период XVIII–XIX веков, для необходимости оценивания заслуг получателя и возвышения его статуса в глазах его ближайшего окружения, которое находилось в зависимости. Таким образом, тарханская грамота по сути являлась одним из элементов формирования управленческой структуры для подчинения местного населения царской власти (Комочев, 2022: 54).

Российское правительство в казахских степях опиралось, с одной стороны, на свой государственный аппарат, а с другой – на феодальную верхушку казахского общества. К феодальной верхушке казахского общества принадлежали также тарханы. С целью привлечь казахских феодалов на свою сторону Россия вынуждена была признать привилегированное положение части феодально-родовой знати. Так, султанам и биям, а также тарханам разрешалось владеть зимними стойбищами и летовками на правах частной собственности, охранявшейся властями. Они же назначались на высшие должности в местном административном аппарате (Бекмаханов, 1966: 28).

Вместе с тем царское правительство стремилось установить в Казахстане своё безраздельное господство. С этой целью в 20-х годах XIX века оно приступило к окончательной ликвидации ханской власти и организации новой системы управления края.

В результате социально-политических и экономических процессов, происшедших в первой половине XIX века на территории современного Казахстана, изменяется и классовая структура общества.

Выразилось это в утрате некоторыми социальными группами своего прежнего значения. Появляются новые социальные группы, роль и влияние которых, наоборот, возрастает. Так, если старшие султаны и султаны-правители находились на службе у царской администрации обладали

властью над казахским населением, то представители феодальной знати, не получившие официальных должностей от царского правительства, утратили правораспоряжаться своими родами. Однако и власть старших султанов и султанов-правителей была сильно ограничена. Они утверждались в должности царской администрацией, им запрещалось взимать налоги, вступать в сношения со среднеазиатскими правителями. Все действия султанов контролировали царские чиновники. Если раньше султан мог поступать с рядовыми казахами, как ему заблагорассудится, и управы на него негде было искать, то теперь любой казах мог жаловаться на султана русским властям. Привлечение к управлению Казахской степью лишь отдельных представителей высшего сословия и ограничение их полномочий способствовало тому, что феодальная группа султанов потеряла своё прежнее влияние и власть.

Российское правительство ограничило также права казахских биев-родоначальников. Согласно уставу, управители родов стали назначаться царским правительством. Кроме того, из ведения биев были изъяты крупные уголовные дела (Бекмаханов, 1966: 30).

В исследуемый период тарханы не имели особого приоритета и освобождались только от уплаты налогов. В отчёте временного совета по управлению Внутренней Ордой о правах тарханов говорится: «Они, вместе с султанами и ходжами, были освобождены от личных выплат, и если у них были тарханские грамоты, полученные от хана, они не имели других привилегий». В первой половине XIX века тарханы как особая социальная группа не играли существенной роли в общественно-экономической жизни казахов (Бекмаханов, 1957: 42).

С целью дальнейшего утверждения своей власти в казахском обществе, царским правительством были предприняты новые преобразования в административной и судебной системе края. По «Положению» 1891 года волостные и аульные старшины фактически стали полновластными хозяевами в Казахской степи (Бекмаханов, 1957: 42).

В результате многолетних научных изысканий на основе сведений из архивных фондов составлен (неполный) список казахских тарханов, живших в XVIII–XIX веках, чьи имена оставались неизвестны широкой общественности (Исенов, 2017: 258).

Список казахских тарханов XVIII–XIX веков:

Абдрахман Есенбайулы – из Младшего жуза, XIX в., Аманша Сенгирбайулы – из Младшего жуза, XIX в., Асанбай Кожобекулы – из Младшего жуза, XIX в., АтыгайКулсары – из Среднего жуза, XVIII в., Байжигит Жантлеуулы – из Среднего жуза, XVIII в., Бекболат Байшеркешулы – из Младшего жуза, XIX в., Бекболат Бекболулы – из Среднего жуза, XIX в., Бостыбай Тленшиулы – из Младшего жуза, XIX в., Даутбай Жанибекулы – из Среднего жуза, XVIII в., Есенбай Кожобекулы – из Младшего жуза, XIX в., Есенгелди Жанмурзаулы – из Младшего жуза, XIX в., Есет Кокиулы – из Младшего жуза, XVIII в., Жаманшы Сангырыкулы – из Младшего жуза, XIX в., Жанкуршын Саламасулы – из Младшего жуза, XIX в., Жанибек Кошкарулы – из Среднего жуза, XVIII в., Жоламан Тленшиулы – из Младшего жуза, XIX в., Жусип Сырымұлы – из Младшего жуза, XIX в., Кенжебек Сатылыкулы – из Младшего жуза, XIX в., Кенжебек Сатылыкулы – из Младшего жуза, XIX в., Коккоз Күсипулы – из Младшего жуза, XIX в., Коккоз Сыпыраулы – из Младшего жуза, XIX в., Казы Сырымұлы – из Младшего жуза, XIX в., Каракобек Косбайулы – из Младшего жуза, XVIII в., Кудайберген – из Среднего жуза, XVIII в., Майхы Мусаулы – из Младшего жуза, XIX в., Малайсары Басентиинулы – из Среднего жуза, XVIII в., Муса Даутбайулы – из Среднего жуза, XIX в., Мухамедгали Есенбайулы – из Младшего жуза, XIX в., Нурмағамбет Тобетулы – из Младшего жуза, XIX в., Оразмаммет – из Среднего жуза, XVIII в., Утетлеу Кошкаулы – из Младшего жуза, XVIII в., Рабай Едигеулы – из Младшего жуза, XIX в., Сердалы Сейитулы – из Младшего жуза, XIX в., Сулеймен Коккозулы – из Младшего жуза, XIX в., Сыпыра Қарабатырулы – из Младшего жуза, XVIII в., Сырым Датұлы – из Младшего жуза, XVIII–XIX вв., Таубай – из Среднего жуза, XVIII в., Тобет Рабайулы – из Младшего жуза, XIX в., Тленши Бокенбайулы – из Младшего жуза, XVIII в., Хайрулла Есенбайулы – из Младшего жуза, XIX в.

Список потомственных тарханов XVIII–XIX веков:

из Среднего жузааргын Жанибек Кошкарулы, сын – Даутбай Жанибекулы, внук – Муса Даутбайулы; из Младшего жуза Сырым Датұлы, сыновья Жусуп Сырымұлы и Казы Сырымұлы. Табын Тленши Бокенбайулы, его сыновья – Бостыбай Тленшиулы и Жоламан Тленшиулы. Из рода алаша Сыпыра Карабатырулы, сын Коккоз Сыпыраулы, внук – Сулеймен Коккозулы. Тама Есенбай Кожобекулы, сыновья – Хайрулла Есенбайулы, Абдрахман Есенбайулы и Мухамедгали Есенбайулы. (Исенов, 2017: 258).

5. Заключение

Таким образом, российскому правительству удалось реализовать одну из ключевых задач своей политики в отношении казахских степей — ослабление традиционной системы социального устройства казахского общества. Одним из инструментов этой политики стало введение института тарханства, который способствовал перераспределению власти и преференций внутри знати.

Тарханы Внутренней Орды получали особый правовой статус: они освобождались от телесных наказаний и налоговых обязательств, что выделяло их из общей массы населения и усиливало их

зависимость от имперской администрации. Кроме того, они пользовались покровительством хана, что делало их важными посредниками между российской властью и казахским обществом, а также способствовало укреплению влияния империи в регионе через формирование лояльных социальных групп.

Указанные во врученных тарханных грамотах привилегии и полномочия действительно соблюдались. Звание тархана во Внутренней Орде передавалось потомкам по мужской линии. Тарханы Внутренней Орды по своему правовому положению приравнивались к султанам. В XVIII–XIX веках большинство тарханов во Внутренней Орде относились к особой социальной группе в местных органах ханской власти, в аульных общинах. От налогов и пошлин освобождались только тарханы, имеющие тарханные грамоты.

Достигнув своих политических целей в Казахской степи, правительство России в 1869 году специальным указом Правительствующего Сената приняло решение об упразднении института тарханства в казахском обществе. Во второй половине XIX века царское правительство отказалось от практики использования института тарханства.

Впоследствии в систему управления казахским обществом были внедрены институты хорунжих, есаулов, сотников, аульных старшин. Данные институты были призваны пополнить ряды чиновников, которые будут верно служить российскому правительству.

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи МИД РФ.

Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. 112 с.

Апполова, 1948 – Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948. 255 с.

Бларамберг, 1842 – Бларамберг И.Ф. Военно-статическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевский) и Зауральской (Малой) Орды Оренбургского ведомства. Военно-статическое обозрение Российской империи. Т. 16. Ч. 1, СПб., 1848. 322 с.

Бекмаханов, 1957 – Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 342 с.

Бекмаханов, 1966 – Бекмаханов Е.Б. Очерки истории Казахстана XIX в.: пособие для учителей. Алма-Ата: Мектеп, 1966. 189 с.

Бекмаханова, 1968 – Бекмаханова Н.Е. Легенда о Невидимке (Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773-1775 годах). Алма-Ата: «Казахстан», 1968. 190 с.

Бижанов, 1969 – Бижанов М. Социальные категории казахского общества XVIII века в трудах русских ученых. Казахстан в XV-XVIII веках (вопросы социально-политической истории). Алма-Ата: Изд. Наука Казахской ССР, 1969. 162 с.

Вельяминов-Зернов, 1865 – Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношение России со Средней Азией со времени кончины Абулхайр хана (1748–1765) // *Оренбургские губернские ведомости*. 1853. № 4-48.

Источники для изучения..., 1865 – Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1865. 48 с.

Вяткин, 2002 – Вяткин М. Батыр Сырым. Алматы: Санат, 2002. 344 с.

Ерофеева, 2018 – Ерофеева И.И. Ар – намыстың Ақтангері Қазақ батыры Бөкенбай Қарабатырұлы / Ауд. Мейірхан Ақдәулетұлы. Алматы: Servise Press. 2018. 260 с.

Ерофеева, 2017 – Ерофеева И.И. Между всеми старшинами знатнейший. Первый казахский тархан Жанибек Кошқарұлы. Алматы: Фонд Мухтара Ауэзова, 2017. 308 с.

Жәнібек тархан, 2017 – Жәнібек тархан: Деректі повесть және поэмалар мен құжаттар. Алматы: Айқап баспасы, 1994. 256 б.

Жетпісбай, 1994 – Жетпісбай Н.Ы. Жоламан Тіленшіұлы бастаған ұлт-азаттық көтеріліс // *Отан тарихы*. 2017. № 4. 120-142 бб.

Зиманов, 1958 – Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата: АН КазССР, 1958. 296 с.

Исенов, 2017 – Исенов Ө.И. Қазақ қоғамындағы тархандар институты тарихы (XVIII-XIX ғғ.). Қостанай: Шапақ ЖШС баспасы, 2017. 258 б.

Исенов, 2020 – Исенов Ө.И. Малайсары тархан Токтауылұлы (1700-1754 жж.) // *Қазақ тарихы ғылыми-әдістемелік журнал*. 2020. №6 (183). 22-24 бб.

КРО, 1961 – Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках (Сборник документов и материалов). Алма-Ата: АН Каз ССР, 1961. 254 с.

Кекілбайұлы, 1998 – Кекілбайұлы Ә. Азаттықтың ақ таңы (Уақыт мінбесінен айтылған сөз). Алматы: Қазақстан, 1998. 347 б.

Комочев, 2022 – Комочев Н.А. Жалованные грамоты русских царей светским лицам 1613–1696 гг.: опыт реконструкции корпуса источников. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. 212 с.

Мейендорф, 1975 – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. 180 с.

- Моисеев, 1991** – Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII-XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- ОГАОО** – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- Рычков, Рычков, 1995** – Рычков П.И., Рычков Н.П. Капитан жазбалары. Алматы: Ана тілі. 1995. 104 б.
- Спанұлы, 2008** – Спанұлы Т.М. Тезек төре: оның өмірі және қызметі.: Тарих ғылым. канд. ... автореф. Орал, 2008. 30 б.
- Yermenbayeva et al., 2017** – Yermenbayeva G.K., Balgabayeva G.Z., Isenov O.I. Transformation of the Traditional Power of Kazakhs in the Russian Empire (on the example of the Kazakhs of the Orenburg Department) // *Bylye Gody*. 2017. 44(2): 460-467. DOI: 10.13187/bg.2017.2.460

References

- Andreev, 1998** – Andreev, I.G. (1998). Opisanie Srednei Ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. Almaty. 112 p. [in Russian]
- Appolova, 1948** – Apollova, N.G. (1948). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-h godah XVIII veka [The annexation of Kazakhstan to Russia in the 1730s]. Alma-Ata, 255 p. [in Russian]
- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Imperii MID RF) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (Russian Foreign Ministry)].
- Bekmakhanov, 1957** – Bekmakhanov, E.B. (1957). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii [The accession of Kazakhstan to Russia]. Moskva: Izd-vo AN SSSR. 342 p. [in Russian]
- Bekmakhanov, 1966** – Bekmakhanov, E.B. (1966). Ocherki istorii Kazakhstana XIX v.: posobie dlya uchitelei [Essays on the history of Kazakhstan in the 19th century: a manual for teachers]. Alma-Ata: Mektep. 189 p. [in Russian]
- Bekmakhanova, 1968** – Bekmakhanova, N.E. (1968). Legenda o Nevidimke (Uchastie kazakhov v Krest'yanskoi voine pod rukovodstvom Pugacheva v 1773–1775 godakh) [The Legend of the Invisible Man (Participation of the Kazakhs in the Peasant War under the leadership of Pugachev in 1773–1775)]. Alma-Ata, «Kazakhstan». 190 p. [in Russian]
- Bizhanov, 1969** – Bizhanov, M. (1969). Sotsial'nye kategorii kazakhskogo obshchestv XVIII veka v trudakh russkikh uchennykh [Social categories of Kazakh society of the 18th century in the works of Russian scientists]. Alma-Ata: Izd. Nauka Kazakhskoi SSR, 162 p. [in Russian]
- Blaramberg, 1848** – Blaramberg, I.F. (1848). Voenno-staticheskoe obozrenie zemli kirgiz-kaisakov Vnutrennei (Bukeevskii) i Zaural'skoi (Maloi) Ordy Orenburgskogo vedomstva [Military-static survey of the land of the Kirghiz-Kaisaks of the Inner (Bukeevsky) and Trans-Ural (Little) Horde of the Orenburg Department]. Voenno-staticheskoe obozrenie Rossiiskii imperii. SPb. T. 16. P. 1. 322 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2017** – Erofeeva, I.I. (2017). Mezhdru vsemi starshinami znatneishii. Pervyi kazakhskii tarkhan Zhanibek Koshkaruly [Among all the elders, the most noble. The first Kazakh tarkhan Zhanibek Koshkaruly]. Almaty: Fond Mukhtara Auezova. 308 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2018** – Erofeeva, I.I. (2018). Ar – Namystyn Aktangeri Kazak batyry Bokenbai Karabatyruly. [The hero of honor, the Kazakh hero Bokenbai Karabatyruly]. Aud. M. Akdauuletuly. Almaty: Servise Press. 260 p. [in Kazakh]
- Isenov, 2017** – Isenov, O.I. (2017). Kazak kogamyndagy tarkhandar instituty tarikhy (XVIII-XIX ff.) [History of the institution of tarkhans in Kazakh society (18th-19th centuries)]. Monografiya. Kostanai: Shapaq ZhShS baspasy. 258 p. [in Kazakh]
- Isenov, 2020** – Isenov, O.I. (2020). Malaisary tarkhan Toktaulyly (1700–1754 zhzh.) [Malaysary Tarkhan Toktaulyly (1700–1754)]. *Kazakhtarikhy žylymi-ədistemelik zhurnal*. 6(183): 22-24. [in Kazakh]
- Istochniki dlya izucheniya..., 1865** – Istochniki dlya izucheniya tarkhanstva, zhalovannogo bashkiram russkimi gosudaryami [Sources for studying the Tarkhanate granted to the Bashkirs by Russian sovereigns]. SPb. 48 p. [in Russian]
- Kekilbaiyly, 1998** – Kekilbaiyly, Ə. (1998). Azattyktyñaktany [The dawn of freedom] (Uakyt minbesinenaitylgansoz). Almaty: Kazakstan. 347 p. [in Kazakh]
- Komochev, 2022** – Komochev, N.A. (2022). Zhalovannyegramoty russkikh tsarsareisvetskim litsam 1613-1696 gg.: opyt rekonstruktsii korpusa istochnikov [Charters of the Russian Tsars to Secular Persons 1613–1696: An Experience of Reconstructing the Corpus of Sources]. Otv. red. S.M. Kashtanov. M.: Institut slavyanovedeniya RAN. 212 p. [in Russian]
- KRO, 1961** – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vekakh [Kazakh-Russian relations in the 16th-18th centuries] (Sbornik dokumentov i materialov). Alma-Ata: AN Kaz SSR. 1961. 254 p. [in Russian]
- Meiendorf, 1975** – Meiendorf, E.K. (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu Travel from Orenburg to Bukhara [Travel from Orenburg to Bukhara] M.: Nauka. 180 p. [in Russian]
- Moiseev, 1991** – Moiseev, V.A. (1991). Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi (XVII-XVIII vv.) [Dzungar Khanate and Kazakhs (17th-18th centuries)]. Alma-Ata: Gylym, 238 p. [in Russian]
- ОГАОО** – Об"единенный государственный архив Оренбургской области [United State Archives of the Orenburg Region].

- Rychkov, Rychkov, 1995 – Rychkov, P.I., Rychkov, N.P. (1995). Kapitan zhazbalary [Captain's notes]. Almaty: Ana tili. 104 p. [in Russian]
- Spanuly, 2008 – Spanuly, T.M. (2008). Tezek tore: onyn omiri zhane kyzmeti [The Tezek tribe: its life and work]: Tarikhgylym. kand. ... avtoref. Oral. 30 p. [in Kazakh]
- Vel'yaminov-Zernov, 1853 – Vel'yaminov-Zernov, V.V. (1853). Istoricheskie izvestiya o kirgiz-kaisakakh i snoshenie Rossii so Srednei Aziei so vremeni konchiny Abulkhairkhana (1748–1765) [Historical news about the Kirghiz-Kaisaks and the relations between Russia and Central Asia since the death of Abulkhair Khan (1748–1765)]. *Orenburgskie gubernicheskie vedomosti*. №4-48. [in Russian]
- Vyatkin, 2002 – Vyatkin, M. (2002). Batyr Syrym. [Batyr Syrym]. Almaty: Sanat. 344 p. [in Russian]
- Yermenbayeva et al., 2017 – Yermenbayeva, G.K., Balgabayeva, G.Z., Isenov, O.I., Nauryzbayeva, E.K. (2017). Transformation of the Traditional Power of Kazakhs in the Russian Empire (on the example of the Kazakhs of the Orenburg Department). *Bylye Gody*. 44(2): 460-467. DOI: 10.13187/bg.2017.2.460
- Zhanibek tarkhan, 1994 – Zhanibek tarkhan. Derekti povest' zhane poemalar men kuzhattar. [Zhanibek Tarkhan: A documentary story and poems and documents]. Almaty. Aikap baspasy, 1994. 256 p. [in Kazakh]
- Zhetpisbai, 2017 – Zhetpisbai, N.Y. (2017). Zholaman tilenshly bastagan ult-azattyk koterilis [National liberation uprising led by ZholamanTlenshiuly]. *Otan tarikhly*. 4: 120-142. [in Kazakh]
- Zimanov, 1958 – Zimanov, S.Z. (1958). Obshchestvennyi stroi kazakhov pervoi poloviny XIX veka [Social system of the Kazakhs in the first half of the 19th century]. Alma-Ata: ANKazSSR, 296 p. [in Russian]

Российское правительство и институт тарханства в казахском обществе (XVIII–XIX века)

Отеген Ихсанович Исенов ^a, Гаухар Зкряновна Балгабаева ^{a,*}, Алмасбек Ахметович Абсадық ^a, Жангельды Арсенович Шаукенов ^a

^a Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается процесс возрождения института тарханства в казахском обществе, которое берёт своё начало в древний период. В работе представлен анализ причин возникновения тарханства, рассмотрено значение термина «тархан», изучены причинно-следственные связи возникновения тарханства в казахском обществе XVIII–XIX веков, описаны социальный статус и степень политического влияния обладателей данного титула.

У древних кочевников Евразийских степей, таких как скифы и мадьяры, тарханами называли судей. Во времена существования великого государства тюрков – Тюркского каганата – тарханы выполняли функции государственных служащих и воинов. В 40–50-е годы XVIII века Россия продолжила свою политику в отношении Казахского ханства. Россия совместно с казахскими ханами и султанами возобновила средневековую тюркско-монгольскую должность тархана среди судей и батыров, приближенных к ханской власти.

Получившие специальные грамоты от российского правительства тарханы обладали особыми правами и привилегиями, которые предопределяли их статус в социальной иерархии казахского народа. Обладание тарханским титулом возвышало их положение в казахском обществе и в представлении царской администрации. Благодаря своему положению тарханы выполняли функцию посредников между российской властью и степным населением, способствуя реализации политических и административных инициатив империи на местах. Предоставление тарханского статуса было частью стратегии Российской империи, направленной на усиление своего влияния в регионе. В результате осуществления длительного курса усиления имперского контроля во всех казахских территориях царское правительство специальным указом отменило институт тарханства, который с учётом сформированной модели управления имперского характера, утратил своё значение.

Ключевые слова: Казахское ханство, тарханы, Российская империя, политика, должность, общество, титул, статус.

* Корреспондирующий автор

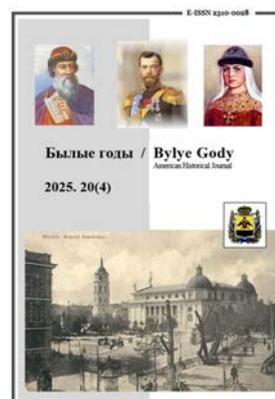
Адреса электронной почты: balgabaeva.gauhar@mail.ru (Г.З. Балгабаева)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1659-1670
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1659

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Epistolary Heritage of Bopai Khanum in the Context of Russian-Kazakh Communications in the first half of the 18th century

Zaure K. Kartova ^a, Nurbolat A. Abuov ^{b, *}, Aiman Z. Zhumanova ^c, Gaukhar S. Ilyassova ^a

^a Manash Kozybayev North Kazakhstan university, Petropavlosk, Republic of Kazakhstan

^b Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan

^c Karaganda Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article explores the role of female rulers in Russian-Kazakh diplomatic communications through the example of Bopai (Batima) Khanym, the wife of Abulkhair Khan. By analyzing the content of diplomatic correspondence, the authors conducted a textological analysis of more than 20 documents, examining forms of communication and the distinctive features of Bopai Khanym's diplomatic strategy. The research is based on historical sources and archival materials, providing deeper insight into the role of women in the politics and diplomacy of the Kazakh Khanate. The study focuses on Bopai Khanym's diplomatic correspondence with officials and rulers of the Russian Empire in the first half of the 18th century, reflecting her influence on the political processes of the Kazakh Khanate. The letters are treated as objects of microhistorical, prosopographical, and contextual analysis.

The volume of letters to Russian officials significantly increased after the death of her husband, when she, as a fully empowered regent ruler, began addressing both political matters and everyday concerns. Her correspondence serves as an important source for studying the epistolary legacy of Kazakh rulers in the context of intergovernmental communication with the Russian state. The uniqueness of these documents lies in their varying tones and the features of "female" diplomacy, which significantly enrich the study of the epistolary genre.

Special attention is paid to the private matters contained in the letters, including economic issues and personal requests. The letters also shed light on topics such as the fate of hostages (amanats), the strengthening of the political status of her husband Abulkhair Khan and her sons Nuraly, Yeraly, and Ayshuak in the eyes of the Tsarist authorities, and other historical events. These aspects may serve as additional sources for the nuanced interpretation of relations during the period of the Khanate's nominal incorporation or its protectorate-client status under the Russian Empire.

Keywords: Bopai Khanym, female rulers, diplomacy, Russian-Kazakh relations, 18th century, historical sources.

1. Введение

Установление постоянных дипломатических контактов с Российской империей приводит к многократному увеличению писем от казахских правителей, увеличению самих акторов дипломатической переписки. В качестве адресантов дипломатических писем между Российской империей и Казахским ханством чаще всего выступали ханы, султаны, степная элита, имевшая возможность в приграничных территориях проводить регулярное взаимодействие с администрацией Российской империи. В дипломатической переписке и политическом процессе также участвовали жёны и дочери казахских ханов. Часть писем Бопай ханым, Фатимы ханши, Тайкары ханым введена в

* Corresponding author

E-mail addresses: abuovnur@mail.ru (N.A. Abuov)

научный оборот и была опубликована ранее, часть активно выявляется в результате эвристических и источниковедческих исследований в современной отечественной науке.

В основном документы переписки рассматривались зарубежными и отечественными исследователями сквозь призму политических и дипломатических отношений, в которые были вовлечены монархи соседних государств. Меньше всего они становились объектом изучения повседневной истории, просопографических, биографических и контекстуальных исследований. Изучение писем правительниц Казахского ханства демонстрирует, что учёными не проводился анализ и не придавалось должное внимание частным просьбам, содержащимся в письмах, будь то хозяйственные вопросы или личные просьбы. В то же время изучение фактов из повседневности того периода, как выдача пленных, поиск беглых людей, условия пребывания аманатов в крепостях, барымта, регулирование широкого спектра торгово-экономических вопросов и другие исторические факты, позволяют более детально интерпретировать взаимоотношения двух государств периода протектората-протекже Российской империи.

2. Материалы и методы

Материалами для научного анализа являются документы переписки Бопай ханым с российской администрацией и правителями, относящиеся к 30–50 гг. XVIII в. Источниковой базой научного исследования являются дипломатические письма и документы, которые хранятся в фондах следующих архивов: Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) (Оренбург, Российская Федерация), Архива внешней политики Российской Империи (АВПРИ) (Москва, Российская Федерация). В Государственном архиве Оренбургской области в Ф-3 «Оренбургская губернская канцелярия, г. Оренбург Оренбургской губернии 1743–1782 гг.» находятся дела, в которых имеется переписка казахских правителей с императорами и чиновниками Российской империи. В Архиве внешней политики Российской Империи в Фонде № 22 представлены дипломатические письма, в основном в подлинниках, в т. ч. доклады на «высочайшее имя», документы по вопросам внешней политики. В фондах этих архивов сохранены письма Бопай ханым, написанные правителям и чиновникам Российской империи, которые требуют системного источниковедческого изучения. Ряд документов переписки Бопай ханым содержится в сборниках материалов по истории международных отношений Казахстана и государств Центральной Азии с Российской империей (*Казахско-русские...*, 1964).

Данные источники следует изучать с помощью междисциплинарных методов, которые подразумевают анализ содержащихся в источниках лингвистических обозначений, опредмечивание и уточнение общих понятий, индуктивный анализ информации источников. Например, данные письма относятся к эпистолярному жанру, и к ним широко применимы методы лингвистического и филологического анализа. Также следует провести текстологическое описание исторических источников и историко-биографические очерки об авторах этих документов.

Изучение данного комплекса источников должно осуществляться на уровне новых теоретико-методологических подходов; из специально-исторических методов широко использованы историко-сравнительный, историко-типологический методы, предполагающие изучение событий и явлений в их взаимообусловленности и динамическом развитии. В статье использован просопографический метод, когда на основе изучения биографии исторических лиц, относящихся к определённой эпохе или государству, можно извлечь полную информацию таким способом, что она приобретает дополнительное значение и способна выявить связи и примеры влияния исторических процессов. Таким образом, просопографический метод позволил привести различную биографическую информацию к систематизированному и однообразному виду.

Общей исследовательской установкой при написании статьи стал комплексный многоаспектный подход к изучению письменных источников, сохранивших историческую информацию в дипломатических письмах и документах переписки казахской ханши с российскими чиновниками.

3. Обсуждение

Одним из актуальных направлений современных исследований является изучение истории дипломатических взаимоотношений казахских правителей с соседними государствами. В качестве адресантов часто выступали жёны и дочери казахских правителей, которые имели легитимные полномочия в решении важных политических вопросов в Казахском ханстве. Наибольшее количество дипломатических писем принадлежит правительнице Младшего жуза, супруге Абулхаир хана – Бопай ханым (1690–1780 гг.).

Историографию по данной проблематике можно условно разделить на две группы: первая из которых представляет собой значительную группу гендерных исследований, раскрывающих тематику жизни и политической деятельности женщин конкретной исторической эпохи. Вторая группа исследований посвящена непосредственно изучению личности Бопай ханым, её политическому статусу и роли в истории Младшего жуза в контексте коммуникаций Российской империи и Казахского ханства.

К первой группе исследований по гендерной истории можно отнести труды Д. Уэзерфорда (Weatherford, 2010), Б. Учок (Учок, 1982), В. Маглинова (Маглинов, 2017), К.А. Наднеевой (Наднеева, 2015), Р.Ю. Почекаева и И.Н. Почекаевой (Почекаев, Почекаева, 2012), Н.А. Атыгаева (Атыгаев, 2017) и других. Научные изыскания английского учёного Д.Уэзерфорда (Weatherford, 2010) и турецкой исследовательницы Б.Учок (Учок, 1982) посвящены женщинам-правительницам в средневековых мусульманских государствах, жёнам великих ханов, повлиявшим и изменившим ход истории в своих государствах. Д. Уэзерфорд на примере дочерей Чингисхана делает вывод, что монгольские женщины обладали равными правами с мужчинами, включая право на участие в управлении и военных действиях. Их влияние простиралось от Центральной Азии до Европы, о чём свидетельствуют хроники, дипломатические документы (Weatherford, 2010). В работе турецкой исследовательницы Бахрие Учок содержится 30 биографических очерков о правительницах и регентшах в государствах мусульманского Востока в XII–XVII веках. Книга является ценным источником для изучения роли женщин в истории, их влияния на мировые процессы и исторические события (Учок, 1982). В. Маглинов, изучая биографию жён великих ханов, рассматривает, как правительницы влияли на политику, социальную сферу и культуру Монгольской империи. В исследовании предлагается новый взгляд на роль женщин в истории, уникальность гендерной модели Великой империи, влияние правительниц на назначение наследников, ведение войн и дипломатические отношения (Маглинов, 2017). К.А. Наднеева детализирует образ монгольской женщины-правительницы, в которой главной доминантой становится не её внешность, а высокие духовные качества (Наднеева, 2015: 84). Имея аналогичный предмет изучения, эти труды значительно расширяют спектр просопографических исследований по гендерной истории.

Труды российских коллег Р.Ю. Почекаева, И.Н. Почекаевой (Почекаев, Почекаева, 2012), В. Маглинова (Маглинов, 2017) большей частью являются биографическими историческими исследованиями, анализирующими влияние «женского фактора» на политику золотоордынских и постордынских государств. Совместный труд российских учёных Р.Ю. Почекаева и И.Н. Почекаевой «Властительницы Евразии: история и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв.» раскрывает малоизвестную, но ключевую роль женщин в истории. В нём даётся описание жизнедеятельности ханш и регентш, дочерей и жён правителей – представительниц тюрко-монгольских (чингизидских) государств, делается попытка научного анализа причин их прихода к власти, правового и личного статуса, их материального положения. Это биографические очерки о 25 правительницах периода XIII–XIX вв., начиная от супруги Чингисхана Борте до поэтессы Надиры, управлявшей Кокандским ханством (Почекаев, Почекаева, 2012). В монографии представлены биографии двух казахских ханш – Михр султан, ставшей узбекской ханшей в XVI в., и известной в истории Казахского ханства Айганым ханым (1783–1853 гг.). Айганым также вела активную переписку с Азиатским Департаментом Министерства внутренних дел и Сибирским Комитетом в Петербурге (Почекаев, Почекаева, 2012: 268). Переписка ханши с российскими чиновниками, её политическое влияние на взаимоотношения с Россией стали основой для историко-сравнительного анализа текста дипломатических писем Бопай ханым.

Интерес представляет статья казахстанского учёного-медиевиста Н.А. Атыгаева о судьбах казахских женщин при дворах иностранных правителей (XV–XVII вв.). Речь идёт о дочерях казахских ханов, волею судьбы в результате династических браков оказавшихся за пределами родины. В исторических источниках приводятся их лакабы или тахаллусы (прозвища или псевдонимы) вместо подлинных имён; многие из них в переводе имеют значения «Казақ ханым» (Атыгаев, 2017: 32). Это дочь Бурундук хана, узбекская ханша Михр султан ханум, дочь Касым хана Аман бике ханым, дочь Адик султана, могульская ханша Чучык ханым, влияние которых при дворах ханов было очень значительным. В данных исследованиях создана методологическая база для изучения роли женщин в политике. Она способствовала исследованию уникальной информации об исторических личностях и групповой идентификации, в ходе которой устанавливается круг лиц, в число которых входит личность, интересующая авторов, идентифицируется роль данного лица в создании изучаемого текста источника (Данилевский, 2024: 78).

Вторую группу исследований составляют труды отечественных учёных, в которых разнопланово раскрывается роль Бопай ханым как исторической личности, даётся оценка её политики и проводится анализ отдельных аспектов её деятельности, в том числе таких, как эпистолярное наследие. В отечественной историографии биографические исследования, посвящённые жизни Бопай ханым, проведены учёными К.М. Жаулиным (Жаулин, 2018), С.К. Өтениязовым (Өтениязов, 2007; Өтениязов, 2018), А. Тайжановым (Тайжанов, 2018). Историко-литературные исследования Н.Тілдебаевой (Тілдебаева, 2021) и М.Айымбетова (Айымбетов, 2023) также раскрывают образ одной из влиятельнейших женщин Казахского ханства.

Одним из первых авторов, оставивших исторические сведения о Бопай ханым, был английский путешественник и живописец Джон Кэстль. В 1736 г., в период своей миссии в Оренбургском крае, он оставил рисунки и подлинные уникальные сведения о семье Абулхаир хана. Таким образом, мы можем представить визуальный образ Бопай ханым и составить представление о её роли в качестве старшей жены Абулхаир хана, взаимоотношениях с детьми. Джон Кэстль отмечает, что Бопай ханым, увидев

портрет Ералы султана, находящегося в аманатах (заложниках), начинает целовать рисунок, и её эмоциональное состояние выглядит очень естественным для любящей матери (Кэстль, 1998: 32).

Значительный вклад в изучение истории династии Абулхаиридов, эпистолярного наследия Бопай ханым и Абулхаир хана был сделан известным учёным И.В. Ерофеевой (Ерофеева, 1997; Ерофеева, 2007). Автором проведено исследование по политической истории казахских ханов и ханских династий XVIII – середины XIX в., опубликована значительная часть дипломатической переписки казахской ханши с Оренбургским губернатором, тайным советником И.И. Неплюевым и бригадиром А.И. Тевкелевым, написанными с 1745 по 1752 г., а также письмо российской императрице Анне Иоанновне (Ерофеева, 2014). Фундаментальная монография не имела цели провести текстологический анализ и использовать содержание писем в исторических построениях. Тем не менее, это было первое научное исследование, в котором проведена систематизация большого комплекса из 811 актовых источников, принадлежащих 26 казахским правителям, в том числе и Бопай ханым (Ерофеева, 2014: 208-230).

М. Айымбетов в историческом романе «Бопай-ханум» анализирует военно-политическую жизнь ханской ставки, противостоящей русской власти в непростой период для истории казахского народа. Реалистично описывает особую роль Бопай ханым в судьбе Абулхаир хана. На основе легенд и устных источников через личностную историю сделана попытка провести историческую реконструкцию того периода. В ряде научных статей С.К. Отениязова детально изучены исторические факты о периоде правления Абулхаир хана и Бопай ханым (Отениязов, 2007; Отениязов, 2018). Статус женщин-правительниц степных государств раскрыт на примере жизни Бопай ханши и в труде отечественного учёного А. Тайжанова (Тайжанов, 2018).

Таким образом, следует отметить, что большая часть отечественных научных исследований написана в контексте биографических исследований и историко-литературных публикаций. До настоящего времени изучение эпистолярного наследия Бопай ханым как важного исторического источника по политическим коммуникациям в период установления протектората не становилось предметом отдельного исследования, так как не проводилось текстологического анализа дипломатических писем. Выявление и анализ новых писем Бопай может раскрыть особенности и характер делопроизводства, историческую картину взаимоотношений правителей Казахского ханства и Российской империи. Исследователям ещё предстоит системная работа по выявлению и пополнению источников, принадлежащих жёнам и дочерям казахских ханов. Конечная цель аналогичных просопографических исследований – сбор информации о событиях, которые определяют жизнь исторической личности, изучение не отдельных историй человеческой жизни, а лишь их общих аспектов (Наднева, 2015: 85). В качестве нашего предмета исследования выступают: социальная стратификация, процесс принятия решений, функционирование политических институтов власти и межгосударственных коммуникаций на примере дипломатических писем Бопай ханым.

4. Результаты

По мере изменения статуса Казахского государства и вовлечения казахских правителей в орбиту взаимодействий с Российской империей увеличивается количество документов переписки, обогащается их содержательная часть. В письмах демонстрируются частные просьбы, появляется новый дополнительный спектр политических прошений и личных просьб, ранее не присущих казахским правителям. Так, именно после установления в XVIII в. отношений протектората Абулхаира хана и российской администрации появляются письма Бопай ханым, которая вела достаточно активную переписку, увеличившуюся после гибели её супруга.

Необходимо отметить, что письма правительниц тюрко-монгольского мира довольно часто встречаются в дипломатической переписке между правителями государств. Так, согласно источникам, жена Узбек хана Тайдула ханша имела значительное политическое влияние и популярность в Золотой Орде. Хорошо изученными в источниковедческом плане являются её письма русским митрополитам: речь идёт о ярлыках, выданных ханшей русским митрополитам, в частности епископу Иоанну от 1347 г., митрополиту Феогносту от 1351 г., митрополиту Алексию от 1354 г. (Григорьев, 2004: 45-72). Сохранены её письма венецианским правителям и дипломатическое письмо римского папы Бенедикта XII Тайдуле ханше (Почекаев, Почекаева, 2012: 191). При жизни мужа Тайдула участвовала в государственных политических мероприятиях, в её функции входило покровительство христианской религии. Есть исторические свидетельства о том, что правительница участвовала в приёме Узбек ханом арабского путешественника Ибн-Баттуты (Почекаев, Почекаева, 2012: 192). Ярлыки ханши Тайдулы – одни из первых письменных документов, выданных жёнами ханов – правительницами тюрко-монгольских государств.

Преемственность с делопроизводством Золотой Орды была сохранена во всех постордынских государствах. Хорошо известна грамота казахской ханши Михр Султан ханум, дочери Бурундук хана. Вакуфный ярлык (вахф-наме) составлен в XVI в. по распоряжению Михр Султан ханум, жены Мухаммед Темур султана, сына правителя Мавераннахра Мухаммед Шайбан хана (Собрание восточных..., 1998: 384). Вахф-наме относится к двум медресе в Самарканде, первое из которых

называлось Мадраса-йи алийе, которое было начато Шейбани-ханом и закончено Михр султан ханум, построившей во дворе этого медресе (алийе) суфу. Рядом с ней построено было ещё одно медресе. Р.Ю. Почекаев называет первое медресе – Олия или Джанубия, а второе – Северным или Шимолия (Почекаев, Почекаева, 2012: 152). В грамоте приведено подробное описание этих медресе и вакуфных земель, закреплённых за ними, с определением их границ и условий их пользования. Михр султан ханум также собирала книги для научной библиотеки, ею при медресе Шимолия была построена суфия – усыпальница, в которой она и была похоронена. Там же нашли последнее пристанище её свёкор Шайбани хан (умер в 1500–1510 гг.) и муж Мухаммед Тимур (умер в 1514–1515 гг.) (Почекаев, Почекаева, 2012: 155). Её стараниями медресе превратились в архитектурные памятники, имели прекрасную отделку и регулярно ремонтировались.

Менее изученными на данный момент являются письма жён и дочерей казахских ханов. Дисперсно они изучались в составе сборников материалов по истории международных отношений Казахстана и государств Центральной Азии с Российской империей. В известном труде И.В. Ерофеевой упоминается о 84 письмах-посланиях ханских жён: 24 письма Бопай ханым, супруги Абулхаир хана; 22 – младшей жены хана Вали – Айганым; 14 – младшей жены Арынгазы хана – Медины; 11 – старшей жены того же правителя – Кенже (Яхшии); 5 – старшей жены Букея I – Атан; 4 письма – старшей жены Кенесары – Кунимжан; 3 – младшей жены Ширгазы I – Анай; 1 – старшей жены Жанторе – Менли (Ерофеева, 2014: 27).

В сборнике документов о султанах и батырах Среднего жуза (вторая половина XVIII в.) опубликован перевод письма жены Урус султана Алтын Ханбабаевой командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.А. Деколону (Султаны и батыры..., 2018: 266-267). Оно носит частный характер, в нём изложена просьба о разрешении зимовки для скота. Письмо написано в ноябре 1772 г. перед приближением зимы – самого тяжёлого периода для кочевников. Так как муж Алтын ханым находился у Абылай хана, она сама была вынуждена заботиться о хозяйственных делах, в частности о разрешении зимовки киргиз-кайсаков Басентинской волости близ Коряковского форпоста, а также обратиться с просьбой отпустить две скирды сена для мелкого скота (Султаны и батыры..., 2018: 267). Письмо было заверено личной печатью ханши, наличие которой свидетельствует о легитимности её действий в решении хозяйственных вопросов родов Среднего жуза. Таким образом, огромное количество документов актового характера свидетельствует о достаточно активной роли жён и дочерей правителей тюрко-монгольских государств во взаимоотношениях стран. Многие из них были достаточно образованы и сведущи в вопросах межгосударственной политики, знали порядок делопроизводства и дипломатического этикета.

Наиболее ярко это видно по эпистолярному наследию старшей и самой авторитетной жены Абулхаир хана, Бопай (Батимы) ханым, которой принадлежит большое количество писем и посланий российским чиновникам. В устных источниках встречается достаточно противоречивая информация о том, что Абулхаир хан на момент женитьбы на Бопай был в возрасте 23 лет и не был ранее женат, что, скорее всего, не соответствует действительности. Гораздо убедительнее является факт рождения хана в 1680 г., что доказано в трудах казахстанского историка И.В. Ерофеевой, и на момент избрания ханом в 1709 г. Младшего жуза и женитьбы на Бопай ханым он был в возрасте 29 лет (Ерофеева, 2007: 265). Бопай было 19 лет, союз их был построен на взаимной симпатии и уважении. В отношении Бопай ханым часто употребляют значение «Бара байбише», что имеет в казахской среде два значения: одно из них – жена овдовевшего мужчины, так как первая супруга Абулхаир хана, попав в плен к джунгарам, умерла. Второе значение подразумевает – уважаемую старшую супругу, хранительницу семейного очага (Өтениязов, 2018: 12).

Родилась Бопай ханым не раньше 1680 г. в состоятельной семье и унаследовала качества, необходимые для ведения успешной политической карьеры. Бопай была дочерью одного из известных казахских султанов Младшего жуза Суюндика, сестрой влиятельного султана Дербесалы и авторитетного батыра Мырзабека (Жаулин, 2018: 8). Абулхаир хан, поняв, что его жена обладает незаурядным организаторским талантом, пытался привлечь её к общественным и политическим делам, что не противоречило его цели создания семейной династии правления. Вовлечение Абулхаир ханом своей жены Бопай ханым в общественно-политическую жизнь Младшего жуза стало одним из дополнительных ресурсов по усилению его авторитета в Казахском ханстве, а затем и усилению роли его семьи в казахско-русских отношениях. Таким образом, Бопай ханым на долгие годы становится политическим союзником и советником своего супруга Абулхаир хана, авторитетным соправителем в родах Младшего и Среднего жузов.

В 30-40-х гг. XVIII в. Бопай активно участвовала во всех внутри- и внешнеполитических мероприятиях Абулхаира хана. В последний год жизни Абулхаира она не только была участником многолюдных курултаев знатных представителей Младшего и Среднего жузов, но и выступала с речью по обсуждаемым актуальным вопросам общественно-политической жизни казахов (Өтениязов, 2007: 321). Чиновники Оренбургского края отмечали её сильный характер и врождённый политический такт при решении важных вопросов взаимодействия с российской стороной. Авторитет степной правительницы был очень высок в родах Младшего и Среднего жузов. Об этом свидетельствует тот исторический факт, что после смерти супруга в поддержку просьбы Бопай ханым

о назначении Нуралы главным ханом 8 влиятельных биев двух жузов возглавили от её имени делегацию к российской императрице (Жаулин, 2018: 4). После смерти Абулхаира хана она самостоятельно осуществляла дипломатические контакты с чиновниками Оренбургской пограничной администрации. У неё была также была собственная печать в форме вензеля. Подтверждается это данными А.И. Левшина, который пишет, что ханша «имела персональную печать» со своим именем и «по уму своему, Бопай пользовалась отличным уважением всей Меньшей орды и имела иногда весьма сильное влияние на управление оной» (Левшин, 2009: 217). Социальный статус ханши заметно отличался от жён других казахских ханов той исторической эпохи и более позднего времени благодаря её ораторскому искусству и политической дальновидности. После её красноречивого выступления было принято решение о подписании султанами Младшего жуза прошения о протекторате Анне Иоанновне, с её именем связывают строительство города Актобе как форпоста для коммуникаций с российской стороной (Тайжанов, 2018: 23).

Письма Бопай ханым являются ярким дополнением в реконструкции исторических событий середины XVIII в., раскрывающих историю Младшего жуза и взаимоотношений с российской администрацией. В одном из первых писем, написанных Бопай ханым в период протектората и выстраивания политических коммуникаций с Россией, она открыто демонстрирует свой пиетет императрице Анне Иоанновне. В письме, направленном императрице от 5 января 1732 г., ханша называет себя «Вашего императорского величества всенижайшая раба Абулхаир-хана ханша Пупай-ханым при нижайшем поздравлении послала в презент десять лисиц» (Ерофеева, 2014: 210). Понятие «раба» здесь необходимо трактовать неоднозначно, скорее всего, это было веянием того периода, когда в России были императрицы-женщины, и дипломатические связи с ханшей степного государства не ставили её на одну ступень с ними. В знак установления новых отношений между двумя государствами ханша преподносит подарки, о чем пишет в своём письме следующее: «И все владельцы, ханы и салтаны, приказали с подданных своих на платеж ясаку в.и.в. збирать лисиц и корсаков, о чем к вашему величеству з доношениями посланцев своих отправили», и подтверждает готовность степной знати Младшего жуза быть подданными России (Ерофеева, 2014: 210).

В этот период Абулхаир хан вёл переписку с широким кругом лиц, имеющих высокий социально-политический статус, и решал важные вопросы межгосударственных отношений. В нашем распоряжении имеются письма, направленные российской императрицам Анне Иоанновне и Елизавете Петровне; одно письмо хана Абулхаира персидскому шаху Надиру. Также его адресатами являлись Астраханский губернатор тайный советник В.Н. Татищев, тайный советник И.И. Неплюев, комендант Орской крепости полковник В.Г. Пальчиков, полковник А.И. Тевкелев (Ерофеева, 2014: 208-230). Часть этих писем являлась ответными на письма, которые он получал от российских чиновников, другая часть была написана по инициативе самого казахского правителя. Активная роль Абулхаира в межгосударственных отношениях поддерживалась Бопай ханым, которая всячески стремилась к дальнейшему укреплению политической власти мужа и утверждению новой степной династии Абулхаиридов. Необходимо отметить, что сыновья Абулхаира и Бопай ханым, начиная с конца XVIII в., стали реальной политической силой: трое из пяти их сыновей стали ханами, девять внуков получили ханские титулы в Казахском ханстве и двое были хивинскими ханами (Лапин, 2012: 106).

После смерти Абулхаир хана Бопай ханым, пользуясь своим авторитетом в жузе, стала поддержкой и протекже своих сыновей перед царской властью в утверждении их основными ханами в Младшем жузе. Связано это, в первую очередь, с ситуацией безвластия после смерти Абулхаира и необходимостью регулирования приграничных проблем, возникающих в период протектората, а позднее – в колониальный период. Адресатами её писем с просьбой-требованием были бригадир А.И. Тевкелев (письмо от 4 ноября 1748 г.), тайный советник И.И. Неплюев (письма от 6 октября 1748 г.; 4 ноября 1748 г.; 20 мая 1749 г.; 22 июля 1749 г.). В письме императрице Елизавете Петровне она открыто заявляет о своём статусе регентши и законной супруги: «Нашей всемилостивой падишах прошение пишет законная супруга Абулхаир-хана Малого жуза казахского йурта Попай-ханым...». Например, в письме императрице Елизавете Петровне от 5 октября 1748 г. Бопай ханым просила об утверждении сына Нуралы в статусе главного хана Казахского ханства (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 8. Л. 93об.). В письме тайному советнику И.И. Неплюеву от 22 июля 1749 г. благодарит за то, что «по всемилостивейшему е.и.в. указу сын мой Нуралы чрез ваше высокопр-во торжественно возведен на ханство и.е.и.в. з золотыми гербами всемилостивейшим патентом и протчими ея величества высочайшей милости знаками снабден» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4. Л. 255об.).

В период начала правления Нуралы хана в статусе главного хана Младшего жуза она выступает в качестве наставника и гаранта своих сыновей. Например, в письме бригадиру А.И. Тевкелеву от 3 октября 1751 г. она оправдывает неудобные российской власти решения Нуралы хана его неопытностью в управлении народом и пребыванием в печали из-за смерти отца (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 5. Л. 25-26об.). Содержание письма раскрывает дипломатичность Бопай ханым, напоминает об её авторитете и влиянии, которым она пользуется в Младшем жузе. Письмо достаточно объёмное, демонстрирует сложность отношений, которые были продиктованы давлением российских властей на молодого хана Нуралы, выстраиванием интриг даже между братьями. Частный случай, описываемый в письме, показывает то, что российские власти ставили неудобные разнонаправленные условия,

таким образом добиваясь нужных для имперской власти решений от Нуралы хана. Но эти действия могли идти вразрез с интересами Казахского ханства, тем самым дискредитируя власть и влияние хана в Младшем жузе. Ханша Бопай, прекрасно понимая тайны дипломатии, пыталась сгладить «острые углы», стараясь уладить конфликтную ситуацию.

Создание условий для султанов, находящихся в статусе аманатов, и их защита становятся одной из основных тем ряда писем Бопай ханым в первой половине XVIII в. Например, дуальность содержания писем об аманатах объяснима следующими причинами: во-первых, система аманатства (заложничества) сыновей казахских правителей была официальным условием договорённостей о подданстве; во-вторых, она глубоко затрагивала частные права и интересы самих ханов. Её письмо бригадиру А.И. Тевкелеву от 19 августа 1748 г. выражает просьбу и содержит заботу о её сыне Айшуак султани, который был в этот период в статусе аманата в Оренбурге. Как заботливая мать, она беспокоилась о здоровье и безопасности, времяпровождении своего сына. В связи с этим в письме излагается просьба об обеспечении достойных условий жизни султана за пределами дома и возможности встреч с ним через доверенных лиц. В письме она пишет: «Я, Попай-ханша, а ваша сноха, желаю вам на бесчисленные лета доброго здоровья... Что же наше детище Айчувак-салтан ныне уже не наш, но стал быть ваш, которого прошу забавлять и всячески увещевать, чтоб ему было нескушно, да и во всех наших прозвбах не оставить. Ныне же я о здравии вашем рано и господа бога молю, и всегда того желаю, чтоб между нами бесперерывно люди ездили» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4. Л. 277-278). В адресанте письма, называя себя снохой, она указывает на существовавшие братские доверительные отношения между А. Тевкелевым и Абулхаир ханом. В письме тайному советнику И.И. Неплюеву от 23 июня 1749 г. Бопай ханым пишет о смене в статусе аманата своего сына, султана Айшуака, на Адиль султана и просит также обеспечить ему все необходимые условия для жизни в неволе. «Сына моего ж Адиль-салтана нижайше ж прошу в высокой милости своей и в увеселении содержать, ибо он и у нас здесь в веселии обращался» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4. Л. 257). Она также выражает благодарность тайному советнику И.И. Неплюеву за достойный приём и аудиенцию Нуралы хана и других биев, о чём они рассказали на поминках (асе) в память Абулхаир хана.

Ещё одним блоком писем Бопай ханым к российским чиновникам стали письма, связанные с гибелью Абулхаир хана и требованием суда над его убийцей, Барак султаном. В период 1748–1752 гг., вплоть до гибели султана Барака, она являлась главным организатором осуществления семейного плана Абулхаиридов о кровной мести. Содержание писем тайному советнику И.И. Неплюеву (28 августа 1748 г.; 13 сентября 1748 г.; 20 апреля 1749 г.), бригадиру А.И. Тевкелеву (28 августа 1748 г.; 6 октября 1748 г.; 26 мая 1752 г.), джунгарскому хану Цэван-Доржи-Аджа-Намжилу (3 сентября 1749 г.) посвящено реализации плана кровной мести Барак султану. Так, в письме бригадиру А.И. Тевкелеву от 28 августа 1748 г. Бопай ханым предлагает задержать в Оренбурге «кашкарцов четыре человека киргисцов, а именно – Ильголдеева брата Намаса, Дюшебаева сына Исыналея, Ходженазарова сына, да Наралеева брата Бигилдея, да еще поехавших для торгу в Оренбург с лошадьми Сырымбетев брат с товарищи, которых изволите приказать удержать затем, что они хана убили, и об них вам обстоятельно донести может Кидайбиев сын Кошкулак, понеже он при том был и видел. И ежели б тех людей приказали удержать, то б они Барака, поймав, отдали» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4. Л. 298-301).

У неё был свой план по наказанию Барак султана, но его не поддерживала российская сторона. Об этом отчётливо свидетельствует текст письма, написанного бригадиру А.И. Тевкелеву от 6 октября 1748 г. Бопай ханым в письме доводит до сведения, что представители семьи Абулхаир хана не предприняли самостоятельных мер по мести Барак султану, и они пока удерживают свою волю лишь благодаря наставлениям российской власти: «При сем доношу: уже вам довольно известно, что хана нашего Барак по злобе неприятельски убил до смерти, и хотя оно нам несносно и нестерпимо досадно есть, однако ж ваше наставление, приняв за благо, против толь печальной стрелы, вооружився щитом сердца своего, удержались» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 301об., 303). Ещё одной причиной её нерешительности в осуществлении плана мести являлось то, что она не могла пойти против решения суда биев, которые оправдали действия султана Барака (Ерофеева, 2014: 301-302).

Из содержания письма становится ясным, что, несмотря на многочисленные просьбы о поимке и учинении мести над султаном Барак из-за убийства хана Абулхаира, этого не произошло. Тем не менее ханша Бопай не забывала о своей трагедии и при удобном случае пыталась это осуществить с помощью российской власти или без неё. В письме она ставит в известность бригадира А.И. Тевкелева о том, что она со своими сыновьями едет на Курултай в Средний жуз. Её слова в письме передают глубину переживаний, сожаление и печаль о том, что справедливость не случилась. Эмоциональное состояние Бопай ханым после смерти мужа можно понять по содержанию и тональности письма, адресованного 13 сентября 1748 г. тайному советнику И.И. Неплюеву: «И при таком моем случае, не имев себе сердечного увещателя, в таком состоянии, что хотя горящей огонь водою залить можно, но мое сердце столько горит, что воду может зжечь» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 127-129).

Ханша Бопай в связи с организацией поимки и дальнейшей мести Барак султану обращалась также и к джунгарскому хану Цэван-Доржи-Аджа-Намжилу. Так, в письме от 3 сентября 1749 г. она обращается с просьбой заключить династийный брак: «Родитель наш при жизни своей

говаривал: хотя-де сверстник мой Галдан-Чирин и умер, но после ево остались вы, хотя и молоды, но весьма благоразумны и разсудительны, и за то, любя вас, намерен был учинить себе сыном. ...И мы, последуя оному родителю нашего намерению, действительно исполнить, т. е., любя вас, фамилию свою с вашею совокупить желаем, следственно, то учиним, чего при прежних ханах не бывало» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4. Л. 281 об.). К такому решению они склонялись из-за желания достичь своей цели и расправиться с Барак султаном. В письме Бопай ханым излагает свою просьбу: «Вследствие чего того злодея, которой убил отца нашего, а имянно – Барака (ибо, ежели по вышеписанному свойство с вами возьмеем, то он, Барак, общей наш неприятель будет), искореня всею ево фамилию и товарищей ево, к нам пришлите, ибо он находится в вашем ведомстве» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4. Л. 281об.).

Следует отметить, что ханша Бопай была достаточно уверена в благосклонности приёма своих послов и в принятии положительного решения своей просьбы, о чем свидетельствуют следующие строки: «В протчем словесно донесет посланной наш Карабаш-салтан и Пичкан-Ханжан. При сем и вам, зятю нашему Аджан-хану, в презент одну саблю послали» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4. Л. 281об.). Хотя на момент отправки письма он ещё зятем не являлся. Её планы о кровной мести были остановлены смертью Барака султана, отравленного правителем Джунгарии Цэван-Доржи в 1752 г.

Проведя анализ писем, следует выделить ещё одну группу писем бытового плана, что говорит о разносторонней деятельности Бопай ханым. Эти письма адресованы Оренбургскому губернатору, тайному советнику И.И. Неплюеву, и бригадиру А.И. Тевкелеву и написаны в период 1745–1752 гг. В письме от 19 сентября 1745 г. Оренбургскому губернатору, тайному советнику И.И. Неплюеву, она просит также отправить ей благовония, духи, румяна, мыло, а также лекарство афьян из Оренбурга. «Да при сем же прошу прислать мне выхухоли, гвоздики, бадьяну и всяких благовонных духов, белого мыла, белил и румян, да таких лекарств, чтоб во всех улусах таких не было, от чего бы могли быть старые люди молодыми; да лекарства ж, называемого афьян» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 312-313).

В своих письмах Бопай ханым демонстрирует дружеские и доверительные отношения с российскими чиновниками, очередной раз обращаясь к ним с личной просьбой о доставке галантереи и продуктов питания. Большая часть просьб о доставке определённых продуктов и товаров была высказана в связи с организацией поминок Абулхаир хана. В письме от 6 октября 1748 г. бригадиру А.И. Тевкелеву об этом свидетельствуют следующие строки: «А ныне, ежели б ном бренадо оне (прислать) одного верблюда и на нем пшеничной муки для поминовения хана, а ежели бог благоволит, будущю весною необходимо потребно покрыть бывшую ханскую кибитку зеленым или синим сукном, того ради в надежде вашей к нам дружбы, о том, о присылке оного сукна, вас, утруждая, прошу и уповаю, что, вы в том не оставите» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 301об., 303).

Данные просьбы были возможны вследствие тех дружеских отношений, которые заложил ещё в период принятия подданства Абулхаир хан с российскими чиновниками. Следует отметить, что российская сторона всегда охотно поддерживала казахских ханш в их просьбах. Так, например, на двухмесячное пребывание в Петербурге и аудиенцию с императором Павлом I «ханской дочери» Нуралы хана Тайкары с супругом, коллежским асессором Нур-Мухаммед Ходжа Абжелиловым, из казны было запрошено 2708 руб. 99 коп. и 592 руб. 99 коп. на дорогу, отдельно выделена сумма 1700 руб. на покупку дома, также выделено 27 руб. на аренду жилья. На деле расходы на содержание и пребывание Тайкары ханши в Санкт-Петербурге с 31 декабря 1798 г. по 8 марта 1799 г. оказались значительно больше (Кундакпаева, 2015: 51). Айганым ханым также получала официальное жалование, и если ей нужно было официально выехать в Омск, она требовала выплаты «прогонных» денег на поездку. Её просьбы охотно поддерживались, так как «русские власти неоднократно старались подчеркнуть, что их правовые преобразования в Казахстане во многом позволили улучшить положение казахских женщин, сделать их более правоспособными и независимыми от воли мужей, братьев и пр.» (Почекаев, Почекаева, 2012: 267). Женщины-правительницы умело использовали царскую власть для своих потребностей, стараясь извлечь материальную пользу и моральную поддержку для членов своей семьи и родов, которыми управляли.

Из содержания писем Бопай ханым следует, что взаимоотношения с А.И. Тевкелевым у семьи Абулхаир хана были особого рода. Если в других письмах в качестве адресанта она указывала себя «Абулхаирхановой ханши Пупай», «законная супруга Абулхаир-хана Попай-ханым», «Я, Попай-ханша», то при обращении к А.И. Тевкелеву Бопай ханым уже называла себя снохой (келин). В её письмах-просьбах отчётливо акцентировался характер дружеских и родственных связей. Абулхаир хан также очень доверял Тевкелеву, которого считал тюрком, и в своём письме Анне Иоанновне от 1733 г. писал о нём, что он в «киргис-кайсацком обычаи и поведении довольно известен» (Лапин, 2012: 83). Знание им традиций и культуры казахского народа, естественно, облегчало установление коммуникаций с казахскими ханами. Сам же А. Тевкелев, умело используя благосклонность Абулхаир хана, продвигал колониальные интересы Российской империи. О складывании доверительных отношений между акторами деловой переписки свидетельствуют письма, в которых Бопай ханым высказывает участие по поводу безвременной кончины супруги А.И. Тевкелева. В своём письме от 26 мая 1752 г., адресованном бригадиру, она пишет: «А как ныне ис письма, присланного от вас, усмотрела, что божиим посещением супруга ваша преставилась и тем

приключила вам горестное нещастие, то и сама в такое несостояние пришла, что сердце мое яко облитое кровью стало и глаза слез наполнились» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 5. Л. 68, 68об.). Её искреннее участие связано с той поддержкой, которую повсеместно по решению российской администрации оказывал А.И. Тевкелев семье Абулхаир хана после его гибели. Бопай ханым за годы переписки использовала всю свою политическую мудрость для налаживания добрососедских отношений с чиновниками Российской империи.

5. Заключение

Таким образом, письма Бопай ханым являются важным источником по истории дипломатических взаимоотношений Казахского ханства с Россией в первой половине XVIII в. Одним из ключевых акторов этого процесса, несомненно, была Бопай ханым. Её дипломатическую переписку в жанре эпистолярного наследия можно структурно объединить в три блока. Первый блок писем связан с укреплением политического статуса её мужа Абулхаира и политического влияния сложившейся династии Абулхаиридов. Она активно лоббировала интересы своих сыновей перед царской властью в утверждении их в роли ханов, отстаивала их интересы, когда они были аманатами. Можно утверждать, что, используя дипломатические ресурсы и политическое влияние на роды Младшего жуза, заручившись поддержкой казахской элиты, она смогла создать после смерти Абулхаир хана благоприятные условия для укрепления и установления новой династии правителей Абулхаиридов. Большая часть её писем посвящена выстраиванию доверительных отношений с российскими чиновниками, укреплению власти своих сыновей в Младшем жузе.

Второй блок писем Бопай ханым связан с безвременной кончиной её мужа от рук Барак султана. Содержание этих писем демонстрирует, что она являлась главным организатором осуществления плана кровной мести. В период 1748–1752 гг. ею было написано 7 писем российским чиновникам высокого ранга о необходимости наказания султана Барака. Активная позиция Бопай ханым в деле осуществления поимки и устройства суда над Баракком не осталась без внимания российских властей. Несмотря на то, что она не смогла добиться исполнения своей воли, она дала понять российским чиновникам, что заслуги Абулхаир хана необходимо учитывать и чтить память о нём. Своими дальнейшими действиями, заключением династийного брака с джунгарским ханом Цэван-Доржи-Аджа-Намжилу, она доказала, что их семья не утратила позиций и своего влияния даже после смерти Абулхаир хана.

Третий блок писем демонстрирует деловые качества Бопай ханым, и в них отражаются её личные просьбы. Как и полагается особе, которая носила статус регентши-правительницы, она прекрасно была осведомлена в вопросах модного этикета того периода, использовала имеющиеся ресурсы для укрепления своего имущественного благосостояния и внешнего имиджа среди подвластного населения. Она также отслеживала наличие необходимых лекарств и женской галантереи в своём ханском дворе, просила предоставить ей необходимые продукты питания для приёма высоких гостей, в том числе и вина. Вместе с этим Бопай ханым принимала активные действия по организации увековечивания памяти своего мужа, занималась поминальными асами и строительством мазара. Её письма носили как официальный характер в этикетной части, так и в то же время могли заканчиваться совершенно неофициальным стилем пожеланий здоровья и просьбами частного характера (присылка лекарств, тканей, пряностей, помощь в организации поминального обеда, беспокойство о здравии сыновей-аманатов и т. д.).

Бопай ханым в ходе своей политической деятельности стремилась установить доверительные отношения с приграничными чиновниками и царствующими особами, прекрасно осознавая нарастающее влияние Российской империи. В её эпистолярном наследии можно увидеть и позицию сильной, властной женщины, и пострадавшей вдовы великого правителя, которая ищет защиты и покровительства у российских чиновников. Следует признать неопределимый вклад Бопай в упрочение новой ханской династии Абулхаиридов, которая, по меркам средневековых традиций правления, в условиях событий нового геополитического аспекта существовала достаточно длительный срок.

6. Благодарности

Исследование выполнено в ходе реализации научного проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему «Текстологическое изучение и источниковедческий анализ нарративных документов правителей Казахского ханства периода XV–XVIII веков» (ИРН AP19676930).

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи.
 Айымбетов, 2023 – Айымбетов М. Бопай-ханум: исторический роман // Перевод с каз. яз. Д. Жантемировой. Астана: Фолиант, 2023. 216 с.
 Атыгаев, 2017 – Атыгаев Н.А. Казахские женщины при дворах иностранных правителей (XV–XVII вв.) // *Электронный научный журнал. Edu.e-history.kz*. 2017. № 1 (9) С. 25–38.
 ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

- Григорьев, 2004 – Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. 276 с.
- Данилевский, 2024 – Данилевский И.Н. Историческая текстология; учебное пособие. 2-е изд. пересмотр. М., 2024. 556 с.
- Ерофеева, 1997 – Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. // *Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Материалы к летнему университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана.* Алматы, 1997. С. 46-144.
- Ерофеева, 2007 – Ерофеева И.В. Хан Абулхаир полководец, правитель и политик. Алматы, 2007. 484 с.
- Ерофеева, 2014 – Ерофеева И.В. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Т. I. Алматы: «АБДИ Компани», 2014. 692 с.
- Жаулин, 2018 – Жаулин К.М. Бопай ханым – саяси мемлекеттік қайраткер (1690–1780 ж.ж.) // «Әбілқайыр хан мен Бопай ханымның өмір жолы және ұлт тарихындағы орны»: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясының материалдары. Ақтау, 2018. С. 3-7.
- Казахско-русские..., 1964 – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). (Сборник документов и материалов) / Сост.: Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1964. 575 с.
- Кундакпаева, 2015 – Кундакпаева Ж. Тойкара ханум-яркая звезда правящего дома казахов периода заката ханской власти // «Қазақ хандығы тұсындағы ханымдар мен арулар»: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. Астана, 2015. С. 146-154.
- Кэстль, 1998 – Кэстль Джон. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, Хану Киргиз-кайсацкой орды. Алматы, 1998. С. 30-34.
- Лапин, 2012 – Лапин Н.С. Деятельность О.А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-1790-е годы). Астана, 2012. 384 с.
- Левшин, 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / Под ред. М. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Маглинов, 2017 – Маглинов В. Жены великих ханов // *Журнал «Степные вести»*. 6 марта 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://tegrk.ru/archives/10412> (дата обращения: 03.06.2025).
- Наднеева, 2015 – Наднеева К.А. Многоуровневый образ женщины монголоязычных народов // *Философия права*. 2015. № 6 (73). С. 84-88.
- Өтениязов, 2007 – Өтениязов С. Әбілқайыр мен Бопай. Адай ата. 3 том. Алматы, 2007, 458 б.
- Өтениязов, 2018 – Өтениязов С. Әбілқайыр мен Бопай сұлу // «Әбілқайыр хан мен Бопай ханымның өмір жолы және ұлт тарихындағы орны»: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясының материалдары. Ақтау, 2018. С. 7-15.
- Почекаев, Почекаева, 2012 – Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии: история и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.
- Собрание восточных..., 1998 – Собрание восточных рукописей Академии наук Республики Узбекистан. История. Сост. к. фил. наук Д.Ю. Юсупова, Р.П. Джалилова. Ташкент: Из-во ФАН АН РУз, 1998. 384 с.
- Султаны и батыры..., 2018 – Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.): сборник документов / сост. В. А. Сирик. Алматы: Литера-М, 2018. 560 с.
- Тайжанов, 2018 – Тайжанов А. Қазақ әйелдерінің әлеуметтік мәртебесін анықтаудағы Бопай ханымның орны // «Әбілқайыр хан мен Бопай ханымның өмір жолы және ұлт тарихындағы орны»: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясының материалдары. Ақтау, 2018. С. 21-25.
- Тілдебаева, 2021 – Тілдебаева Н. Бопай ханым: Тарихи әңгіме. Алматы, 2021. 34 б.
- Учок, 1982 – Учок Б. Женщины-правительницы в мусульманских государствах. Пер. З. Буниятов. М., 1982. 176 с.
- Weatherford, 2010 – Weatherford J. The Secret History of the Mongol Queens: How the Daughters of Genghis Khan Rescued His Empire. 2010. 360 p.

References

- AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archives of Foreign Policy of the Russian Empire].
- Aiyumbetov, 2023 – Aiyumbetov, M. (2023). Bopai-khanum: istoricheskii roman [Bopai Khanum: a historical novel]. Perevod s kaz.yaz. D. Zhantemirovoi. Astana: Foliant, 216 p. [in Russian]
- Atygaev, 2017 – Atygaev, N.A. (2017). Kazakhskie zhenshchiny pri dvorakh inostrannykh pravitelei (XV–XVII vv.) [Kazakh women at the courts of foreign rulers (XV–XVII centuries)]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal. Edu.e-history.kz*. 1(9): 25-38. [in Russian]
- Grigor'ev, 2004 – Grigor'ev, A.P. (2004). Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam: istochnikovedcheskii analiz zolotoordynskikh dokumentov [Collection of Khan's Labels to Russian Metropolitans: a source analysis of the Golden Horde documents]. Sankt-Peterburg, 276 p. [in Russian]
- GAORo – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archives of the Orenburg Region].

- Danilevskii, 2024** – *Danilevskii, I.N.* (2024). Istoricheskaya tekstologiya: uchebnoe posobie [Historical textology; textbook]. 2-e izd.peresmotr. M., 556 p. [in Russian]
- Erofeeva, 1997** – *Erofeeva I.V.* (1997). Kazakhskie khany i khanskie dinastii v XVIII – seredine XIX vv. [Kazakh Khans and Khanate dynasties in the XVIII – mid-XIX centuries]. *Kul'tura i istoriya Tsentral'noi Azii i Kazakhstana: problemy i perspektivy issledovaniya. Materialy k letnemu universitetu po istorii i kul'ture Tsentral'noi Azii i Kazakhstana*. Almaty. Pp. 46-144. [in Russian]
- Erofeeva, 2007** – *Erofeeva, I.V.* (2007). Khan Abulkhair polkovodets, pravitel' i politik [Khan Abulkhair, commander, ruler and politician]. Almaty, 484 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2014** – *Erofeeva, I.V.* (2014). Pis'ma kazakhskikh pravitelei. 1675–1780 gg. Epistol'yarnoe nasledie kazakhskoi pravyashchei elity 1675–1821 godov [Letters of the Kazakh rulers. 1675–1780. The epistolary legacy of the Kazakh ruling elite of 1675–1821]. T. 1. Almaty: «ABDI Kompani», 692 p. [in Russian]
- Kazakhsko-russkie..., 1964** – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vekakh (1771–1867 gody). (Sbornik dokumentov i materialov) [Kazakh-Russian relations in the XVIII–XIX centuries (1771–1867). (Collection of documents and materials)]. Sost.: F.N. Kireev, V.Ya. Basin, T.Zh. Shoinbaev i dr. Alma-Ata: Izd-vo «Nauka», 575 p. [in Russian]
- Kundakpaeva, 2015** – *Kundakpaeva, Zh.* (2015). Toikara khanum-yarkaya zvezda pravyashchego doma kazakhov perioda zakata khanskoi vlasti. [Toikara Khanum is the star of the right House of the Kazakhs on the stage of Zakat khanskoy vlasti]. «*Kazaq khandyzy tısyndaıy khanymdar men arular*»: *khalykaralyq gylimi-tazhiribelik konferentsiya materialdary*. Astana. 304 p. Pp. 146-154. [in Russian]
- Kestl', 1998** – *Kestl', D.* (1998). Dnevnik puteshestviya v godu 1736-m iz Orenburga k Abulkhairu, Khanu Kirgiz-kaisatskoi ordy [Diary of a journey in 1736 from Orenburg to Abulkhair, Khan of the Kirghiz-Kaisatsky Horde]. Almaty. Pp. 30-34. [in Russian]
- Lapin, 2012** – *Lapin, N.S.* (2012). Deyatel'nost' O.A. Igel'stroma v kontekste kazakhsko-rossiiskikh vzaimootnoshenii (1780–1790-e gody) [O.A. Igelstrom's activity in the context of Kazakh-Russian relations (1780s–1790s)]. Astana: Saryarka, 384 p. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaysak, hordes and steppes]. Pod obshch. red. M. Kozybaeva. Almaty: Sanat, 656 p. [in Russian]
- Maglinov, 2017** – *Maglinov, V.* (2017). Zheny velikikh khanov [Wives of the Great Khans]. *Zhurnal «Stepnye vesti»*. 6 marta 2017. [Electronic resource]. URL: <https://tegrk.ru/archives/10412> (date of access: 03.06.2025). [in Russian]
- Nadneeveva, 2015** – *Nadneeveva, K.A.* (2015). Mnogourovnevnyi obraz zhenshchiny mongoloyazychnykh narodov [The multilevel image of a woman of the Mongolian-speaking peoples]. *Filosofiya prava*. 6(73): 84-88. [in Russian]
- Oteniyazov, 2007** – *Oteniyazov, S.* (2007). Abilkhaiyr men Bopai [Abulkhair and Bopay]. Adai ata. T. 3. Almaty, 458 p. [in Kazakh]
- Oteniyazov, 2018** – *Oteniyazov, S.* (2018). Abilkaiyr men Bopai sulu. «Abilkaiyr khan men Bopai khanymnyn omir zholy zhane ult tarikhyndagy orny»: khalykaralyk gylimi-tazhiribelik konferentsiyasynyn materialdary [Abulkhair and the beauty of Bohai]. Aktau, 271 p. Pp. 7-15. [in Kazakh]
- Pochekaev, Pochekaeva, 2012** – *Pochekaev, R.Yu., Pochekaeva, I.N.* (2012). Vlastitel'nitsy Evrazii: istoriya i mify o pravitel'nitsakh tyurko-mongol'skikh gosudarstv XIII-XIX vv. [The rulers of Eurasia: the history and myths of the rulers of the Turkic-Mongolian states of the 13th-19th centuries]. SPb: Evraziya, 384 p. [in Russian]
- Sobranie vostochnykh..., 1998** – Sobranie vostochnykh rukopisei Akademii nauk Respubliki Uzbekistan. Istoriya [Collection of Oriental Manuscripts of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. History]. Sost. k.fil.nauk D.Yu. Yusupova, R.P. Dzhililova. Tashkent. Iz-vo FAN AN RUz. 1998, 384 p. [in Russian]
- Sultany i batyry..., 2018** – Sultany i batyry Srednego zhuza (vtoraya polovina XVIII v.): sbornik dokumentov [Sultans and batyrs of the Middle Zhuz (the second half of the XVIII century): collection of documents]. Sost. V. A. Sirik. Almaty: Litera-M, 2018. 560 p. [in Russian]
- Taizhanov, 2018** – *Taizhanov, A.* (2018). Kazak aielderinin aleumettyk martebesin anyktaudagy Bopai khanymnyn orny [The place of Mrs. Bopay in determining the social status of Kazakh women]. «*Abilkaiyr khan men Bopai khanymnyn omir zholy zhane ult tarikhyndagy orny*»: *khalykaralyk gylimi-tazhiribelik konferentsiyasynyn materialdary* Aktau. 271 p. Pp. 21-25. [in Kazakh]
- Tildebaeva, 2021** – *Tildebaeva, N.* (2021). Bopai khanyim: Tarikhi әңgim. [Ms. Bopay: A historical story]. Almaty, 34 p. [in Kazakh]
- Uchok, 1982** – *Uchok, B.* (1982). Zhenshchiny-pravitel'nitsy v musul'manskikh gosudarstvakh [Women rulers in Muslim States]. Per. Z. Bunyatov. Moskva, 176 p. [in Russian]
- Zhulin, 2018** – *Zhulin, K.M.* (2018). Bopai khanyim – sayasi memleketтик kairatker (1690–1780 zh.zh.) [Mrs. Bopai – political statesman (1690-1780)]. «*Abilkaiyr khan men Bopai khanymnyn omir zholy zhane ult tarikhyndagy orny*»: *khalykaralyk gylimi-tazhiribelik konferentsiyasynyn materialdary*. Aktau, 271 p. [in Kazakh]

Weatherford, 2010 – *Weatherford, J.* (2010). *The Secret History of the Mongol Queens: How the Daughters of Genghis Khan Rescued His Empire.* 360 p.

Эпистолярное наследие Бопай ханым в контексте русско-казахских коммуникаций в первой половине XVIII в.

Зауре Кенесовна Картова ^a, Нурболат Аскерович Абуов ^{b, *}, Айман Зейнелгабденовна Жуманова ^c, Гаухар Сапорбековна Ильясова ^a

^a Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Петропавловск, Республика Казахстан

^c Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли женщин-правительниц в русско-казахских дипломатических коммуникациях на примере деятельности Бопай (Батима) ханым, супруги Абулхаир хана. Авторы, изучая содержание дипломатических писем, провели текстологический анализ более 20 документов, рассмотрели формы коммуникации и особенности дипломатической стратегии Бопай ханым. Исследование основывается на исторических источниках и архивных материалах, позволяя глубже понять роль женщин в политике и дипломатии Казахского ханства. В центре внимания – дипломатическая переписка Бопай ханым в первой половине XVIII в. с чиновниками и правителями Российской империи, отражающая её влияние на политические процессы Казахского ханства. Письма представлены в качестве объекта изучения повседневной истории, просопографических и контекстуальных исследований.

Количество писем российским чиновникам резко возрастает после гибели её супруга, когда она, как полноправный правитель-регент, начинает решать вопросы как политического характера, так и повседневной жизни. Её письма - это важный источник для исследования эпистолярного наследия казахских правителей в контексте межгосударственных коммуникаций с Российским государством. Уникальность документов состоит в том, что в них прослеживается различная тональность, особенности «женской» дипломатии, что существенно обогащает изучение эпистолярного жанра.

Особое внимание обращается на частные вопросы, содержащиеся в письмах, будь то хозяйственные проблемы или личные просьбы. Освещение в письмах таких фактов, как судьба аманатов, укрепление политического статуса её мужа Абулхаир хана и сыновей Нуралы, Ералы и Айшуака перед царской властью в утверждении их власти, а также других исторических событий, может служить дополнительным источником, тонко интерпретирующим взаимоотношения периода номинального включения ханства или периода протектората-протекте Российской империи.

Ключевые слова: Бопай ханым, женщины-правительницы, дипломатия, русско-казахские отношения, XVIII век, исторические источники.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: abuovnur@mail.ru (Н.А. Абуов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1671-1685
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1671

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A Historiographical Analysis of Descriptions of the Kazakh People's Way of Life in the Works of Russian Travelers and Researchers of the Russian Empire Era (18th–19th Centuries)

Bekzat T. Kaliyeva^a, Erzhan O. Bulanov^{a,*}, Gulzhan B. Tleubekova^a, Kulimkoz T. Santayeva^a

^aZhetysu University named after Iliyas Zhansugurov, Taldykorgan, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the XVIII–XX centuries, the Russian Empire began to show great interest in the Kazakh land. The main reasons and goals of the state policy were to annex the Kazakh lands to Russia. The tsarist government closely examined the natural riches, social and economic situation of the Kazakh land. For this purpose, travelers, exploration expeditions and scientists were sent to the Kazakh steppe. The first authors who described the image of the Kazakh people were officials of the Russian administration, lawyers, orientalists and researchers. From the 50s of the XVIII century in Russia the first thoughts and conclusions concerning the origin of the Kazakh people, meaning and sense of the word “Kazakh” began to be expressed. This is evidenced by the fact that in connection with the strengthening and deepening of the political and economic influence of the Russian Empire in the territory of Kazakhstan in the late XVIII – first half of the XIX centuries, the studies of Russian authors on the history of the Kazakh people begin to acquire a wide range. Until the middle of the XIX century the works of Russian researchers were mainly devoted to the following topics: geographical location of the Kazakh land, ethnography of the Kazakh people, ethnogenesis of the Kazakh people, explanation of the ethnonym ‘Kazakh’, tribal structure and composition of the Kazakh people, population, economy, migration problem, trade relations. Among Russian researchers, famous authors were P.I. Rychkov, I.V. Gaverdovsky, G.F. Miller, I.G. Georgi, I.P. Falk, P.S. Pallas, S.V. Bronevsky, E.K. Meyendorff, I.M. Muravyov, and others. The materials of three expeditions organised by the Russian Empire were published in the works of Kirillov, Grigoriev, and Rummyantsev. The works, written for different purposes, contain a large amount of materials, but they require critical analysis.

The article of the study aims to draw the attention of historians to the mentioned works, which are of great importance both from the point of view of historical research and source studies. Special attention is paid to the reliability and documentary significance of their works.

Keywords: Russian Empire, reconnaissance expeditions, colonization, Kazakh steppe, ethno genesis, way of life, everyday life, traditions.

1. Введение

В XVIII–XIX вв. в Российской империи начинает проявляться большой интерес к земле казахов. Основной целью имперской политики государства было присоединение казахских земель к России. Царское правительство приступило к детальному обследованию природных богатств края и социально-экономического положения местного населения. С этой целью в Казахскую степь едут учёные и путешественники, направляются разведывательные экспедиции.

Первыми авторами, описавшими образ жизни казахского народа, были юристы и чиновники различных уровней российской администрации, а также исследователи и учёные-востоковеды. С 50-х гг. XVIII в. в России стали высказываться первые гипотезы и заключения относительно происхождения казахского народа, значения и смысла этнонима «казах». С усилением и углублением политико-

* Corresponding author

E-mail addresses: erzhan_bulanov@mail.ru (E.O. Bulanov), tynysbekovna@mail.ru (B.T. Kaliyeva)

экономического влияния Российской империи на территории Казахстана в конце XVIII – первой половине XIX в. труды российских авторов по истории казахского народа начинают затрагивать более широкий спектр. До середины XIX в. они были посвящены в основном следующим темам: географическое положение Казахской степи; этнография и этногенез казахского народа; происхождение и толкование этнонима «казах»; родоплеменная структура казахского народа; численность и состав населения; формы хозяйства; проблема миграции; торговые отношения.

Среди русских исследователей наиболее известными авторами являются П.И. Рычков, И.В. Гавердовский, Г.Ф. Миллер, И.М. Муравьев, П.С. Паллас, И.П. Фальк, С.Б. Броневский, Е.К. Мейендорф, И.Г. Георги и другие. Материалы трёх экспедиций, организованных Российской империей, опубликованы в трудах И.К. Кирилова, В.В. Григорьева и П.П. Румянцева. Написанные в разных целях, они содержат большое количество сведений, требующих критического анализа.

2. Материалы и методы

База источников исследования состоит из нескольких групп материалов XVIII–XIX вв.:

1) архивные документы; 2) материалы экспедиций; 3) труды путешественников.

К первой группе относятся архивные материалы, полученные из Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан). Такие, как фонд 2300 – «Коллекция копий документов по истории Казахстана, поступивших из зарубежных архивов»; фонд 44 – «Семиреченское областное правление Министерства внутренних дел. г. Верный Верненского уезда Семиреченской области»; фонд 4 – «Оренбургская пограничная комиссия Министерства иностранных дел. г. Оренбург 1859–1868. Областное правление оренбургскими киргизами Министерства внутренних дел. г. Оренбург». В фонде 2300 хранятся документы, переданные из нескольких фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В нём в основном представлены сведения о Казахской степи, составленные чиновниками и путешественниками, а также членами экспедиций, направленных в степь царскими властями. В названном фонде в подборке «Документов российских властей о Казахской степи» наиболее интересными и значимыми являются записи, сделанные поручиком И.В. Гавердовским во время пребывания в плену у казахов, документы доктора Саввы Большого о быте казахов, описание казахского народа Ф.А. Бюлером, а также сведения о занятиях местного казахского населения земледелием, составленные генералом А.Л. Данзасом. Документы этого фонда впервые входят в научный оборот в настоящей статье.

Материалы второй группы представляют собой записи участников различных экспедиций, прибывавших в Степной край, труды путешественников и исследователей. Одним из первых таких трудов являются путевые заметки П.И. Рычкова «Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 г.» (Рычков, 1772: 85). В записках Г.Ф. Миллера (Миллер, 1937: 242), И.Г. Андреева (Андреев, 1796: 165), Х. Барданеса (Барданес, 2007: 16-36) характеризуется социально-экономическое положение в регионе, зафиксированное авторами в дневниках во время путешествий по землям казахов. В трудах И.Г. Георги (Георги, 1776: 196), И.П. Фалька (Фальк, 1824: 280) и П.С. Палласа (Паллас, 1773: 359), также представленных в этой группе источников, даны сведения о Казахской степи, образе жизни и быте казахов, о демографической ситуации.

В заметках русских путешественников второй половины XVIII – первой половины XIX в. С.Б. Броневского (Броневский, 1836: 628), Я.П. Гавердовского (ЦГА РК. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19208. Л. 45-48), а также Е.К. Мейендорфа (Мейендорф, 1826: 102), И.М. Муравьева (Муравьев, Карский, 1822: 175) и других имеются сведения о географии казахских земель, истории региона и деятельности чиновников низших органов российской администрации, включая личные наблюдения, характеризующие отношение местного населения к царской власти. Материалы трёх экспедиций, организованных Российской империей, опубликованы в трудах И.К. Кирилова (Кирилов, 1900: 126), В.В. Григорьева и П.П. Румянцева (Румянцев, 1910: 347). Записи вышеуказанных экспедиций являются отчётами о выполнении поручений царского правительства в отношении Казахской степи. В этих документах также имеются различные сведения о регионе. В ряду полезных источников данной группы можно привести и труд Н. Боголюбова «В плену у киргизов. Рассказ старушки. Истинное происшествие» (Боголюбов, 1890: 95). В нём приводится подробный рассказ человека, находившегося какое-то время в неволе у степняков, даются сведения о бытовой жизни местного населения.

Третью группу изученных исследованием источников составляют работы путешественников, таких как Е.К. Мейендорф «Путешествие из Оренбурга в Бухару» (Мейендорф, 1826), И.П. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей» (Георги, 1776) и других.

В методологии исследования были использованы принципы историзма и объективизма: образ жизни казахов XVIII–XIX вв. рассматривается в трудах учёных и путешественников Российской империи. В исследовании, основанном на архивных материалах и трудах российских учёных, использовались методы сопоставления, сравнительного анализа и интерпретации исторических

данных. Это позволило не только раскрыть содержание документа, но и определить его значимость для конкретного исторического периода, а также его роль в более широком эпистолярном контексте.

В статье применён подход к исследованию повседневности казахского народа, акцентированный на детальном анализе быта, условий существования и менталитета казахов.

3. Обсуждение

Исследования о казахском народе и его быте, а также проведение Россией разведывательных работ в степном регионе было начато в XVIII в. Первыми авторами, описавшими образ жизни казахского народа, были чиновники царской администрации, юристы, учёные-востоковеды, путешественники. Труды, преследующие разные цели, содержат большое количество информации, однако их необходимо подвергать критическому анализу.

Известно, что с 50-х гг. XVIII в. в России стали высказываться первые гипотезы и заключения относительно происхождения казахского народа, значения и смысла этнонима «казах». В связи с усилением и углублением политико-экономического влияния Российской империи на территорию Казахстана в конце XVIII – первой половине XIX в. исследования российских авторов по истории и жизни казахского народа начинают охватывать широкий предметный спектр. Их труды до середины XIX в. были посвящены в основном географическому положению казахских земель, этнографии и этногенезу казахского народа, толкованию этнонима «казак», родоплеменной структуре и составу казахского народа, численности населения, формам хозяйствования, проблеме миграции, торговым отношениям.

С завершением присоединения Казахстана к России в 60-х гг. XIX в. масштабы изучения казахского народа заметно увеличиваются, его историей и современным положением начинают заниматься специальные научные учреждения и организации. Обретают актуальность новые темы исследований. Вся эта работа отражается на бумажных носителях.

Историографический обзор изучения и анализа источников в настоящей научной работе можно разбить на материалы трёх периодов: 1) дореволюционные источники; 2) труды советского периода; 3) исследования периода независимости.

В трудах, написанных до 1917 г., в основном рассматриваются вопросы по географии расселения казахского народа, его этнографии и социальной истории. Среди этих работ особое место занимает исследование П.И. Рычкова «История Оренбургская (1630–1750)» (Рычков, 1896: 186). В нём автор описывает общественное устройство и экономическое положение тех регионов Казахской степи, в которых он побывал. Также Рычков запечатлел на бумаге свои наблюдения во время поездки. К аналогичным исследованиям можно отнести книгу В.В. Радлова «Из Сибири. Страницы дневника» (Радлов, 1989: 525). В этой книге автор провёл сравнительное исследование казахского народа с другими этносами. В результате им были выявлены преимущества в культуре, быте казахского народа, высказаны критические замечания в адрес А.И. Левшина.

Одним из основных трудов, относящихся к дореволюционному периоду, можно назвать книгу А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (Левшин, 1832: 333). Работа Левшина представляет собой фундаментальное исследование по географии, истории и этнографии казахского народа. В ней автор подробно описывает географическое положение и природу казахских степей, историю казахского народа с древних времён до конца XVIII в., сообщает множество оригинальных сведений о его образе жизни, хозяйстве, быте и культуре. Необходимо отметить, что основной причиной, по которой мы рассматриваем эти работы, является то, что это были первые крупные исследования по истории казахского народа, и вместе с тем есть возможность проанализировать их на основе критического подхода.

В работе М.Н. Галкина «Этнография и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю», изданной в 1868 г., представлены материалы о расселении и жизни народов Средней Азии (Галкин, 1868: 286). Однако в данной книге отсутствуют сведения о социально-экономическом положении казахского народа.

В вышедшем в 1900 г. труде А.И. Добросмылова «Материалы по истории России» имеются сведения об экспедиции И.К. Кирилова в Казахскую степь (Добросмылов, 1900: 126). Но ни в одном из комментариев не раскрыты конкретные цели экспедиции Кирилова.

Теперь остановимся на исследованиях, вышедших в советское время и имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме. В 1960–1980 гг. социально-экономическое положение в Казахстане XVIII–XIX вв. рассматривается в труде В.С. Толочко «Проблемы истории Казахстана XIX века в военной периодической печати», в частности, анализируется жизнь казахского народа на основе отчётов и заявлений военного управления (Толочко, 1977: 28).

Наряду с этим некоторые сведения рассматриваемого периода приводятся в научной работе Д. Кабдиева «Прогрессивные русские исследователи о проблемах развития экономики дореволюционного Казахстана» (Кабдиев, 1978: 25).

В исследовании М.К. Бижанова «Казахстан второй четверти XVIII века в трудах и записках русских исследователей» упоминаются воспоминания о крае русских учёных и путешественников, побывавших в Казахской степи (Бижанов, 1967: 27).

Кроме того, И.В. Ерофеева в своей кандидатской диссертации «Казахстан второй половины XVIII века – первой половины XIX века в трудах и записках русских ученых и путешественников» впервые всесторонне анализирует произведения русских краеведов И. Андреева и Х. Барданеса, оставивших труд о географии, быте казахского народа XVIII в. (Ерофеева, 1979: 32). Также она даёт ценные сведения о социально-экономическом развитии и бытовой жизни казахов.

В своей работе «Экспедиция И.Д. Бухгольца и создание прииртышских крепостей в начале XVIII в.» Ж.К. Касымбаев остановился на деятельности экспедиций в Казахскую степь, но истинная значимость целей и задач проведения данных экспедиций не обозначена (Касымбаев, 1974: 405).

Вопросы демографической ситуации казахского народа в первой половине XIX в., описанные в досоветской военной периодике, представлены в работе Н.Е. Бекмахановой (Бекмаханова, 1980: 258). Вышеуказанной тематике посвящено и несколько статей Д.И. Дулатовой (Дулатова, 1984: 272). Из данных исследований мы черпаем сведения о динамике развития казахского населения в рассматриваемый период.

В статье А. Сабырханова «Идея Востока Петра I» (Сабырханов, 1982: 225) дана история географического размещения населения в Казахстане в XVII–XVIII вв., а в материале А.К. Абилева анализируются история экспедиции Бухгольца в казахские земли, а также труды членов Второй академической экспедиции по истории и этнографии казахского народа (Абилев, 1988: 165).

Очевидно, что с момента провозглашения независимости Казахстан начал прикладывать значительные усилия к изучению собственной истории – с древних времён до современности. После обретения страной суверенитета появилась возможность написать объективную и достоверную историю Казахской степи, избавившись от колониальных стереотипов. Например, проблемы этногенеза казахов и отечественной этнологии исследовал Н.Э. Масанов (Масанов, 2007: 375). В этой работе были сделаны независимые выводы относительно существования и развития кочевого населения, его расселения, однако не содержится всесторонний анализ характера и образа жизни казахского народа, рассматриваемых в нашей работе.

Следует отметить и кандидатскую диссертацию С.К. Косанбаева на тему «История изучения этнологии казахов (XVIII в. – 40-е годы XIX в.)» (Косанбаев, 2001: 25). Но в данном исследовании не приводятся сведения, содержащиеся в дневниках русских чиновников, которые побывали в казахском плену.

В работе «Кочевая цивилизация казахов» Н.Э. Масанов останавливается на некоторых особенностях кочевой цивилизации (Масанов, 1995: 288), и в ней также раскрывается этимология названий, имеющих отношение к казахскому народу.

Труд С.Е. Толыбекова «Кочевое общество казахов в XIX – начале XX вв.» вышел в свет в 1997 г. (Толыбеков, 1997: 633). В своей работе автор остановился на характеристике и оценивании кочевого народа, вместе с тем не осветил вопросы социального положения казахского общества.

Проблемы исследования хозяйства народов Средней Азии и Казахстана конца XVIII – начала XX в. и историография аграрных изменений данного периода стали объектом докторской диссертации О.Х. Мухатовой (Мухатова, 2016: 403).

Следует отметить работу Э. Саида «Ориентализм», где оценивается устоявшаяся история стран Востока (Саид, 2006: 625). Благодаря этому труду определены два основных понятия – «мы» и «они», а также даны некоторые косвенные представления о том, что Казахская степь рассматривалась глазами русских как чужая. Мысль Саида развита в трудах Х. Адипа «Российская история и спор об ориентализме» (Адип, 2005: 332) и Н. Найта «Григорьев в Оренбурге. Русский ориентализм на службе» (Найт, 2006: 356), в которых отмечается, насколько правдивы представленные данные, и рассматриваются вопросы, вызвавшие спор между авторами.

«Толковый словарь» В.И. Даля – один из трудов, внёсших вклад в объяснение и раскрытие понятия «казахский народ» (Даль, 1866: 388). В работе О.Е. Сухих «Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX веков» (Сухих, 2006: 27) рассматриваются труды русских литераторов и исследователей о казахском народе. Однако в указанных работах мы видим, что русские авторы воспринимают Казахскую степь и народ как «чужие» и не раскрывают суть и значение присвоенного народу этнонима «казак», в то время как дискуссии, связанные с понятиями «другие, чужие», «иные люди», в настоящее время идут на страницах многих периодических изданий.

Таким образом, уровень изучения проблемы большинством упомянутых авторов ограничивается рассмотрением вопроса только с упором на этнографическое, географическое, социально-экономическое положение казахского народа. А этнические названия, характерные для объяснения истории и происхождения казахского народа, описание Степного края русскими авторами, рассматривавшими здешний народ в качестве «других», не изучены.

4. Результаты

Историко-этнографическое и географическое изучение Казахской степи русскими учёными началось во второй половине XVIII в. и продолжалось до середины XIX в. Одно из посольств было отправлено в Среднюю Азию в 1800 г. Его участники не являлись профессиональными дипломатами,

это были инженеры горного ведомства Михаил Поспелов и Тимей Бурнашев. 1 мая 1800 г. Бурнашев и Поспелов выступили из Ямышевской крепости и, пройдя по степи через реку Нура, преодолев пустыню Бетпак-Дала, прибыли в Ташкент. В ходе выполнения порученного задания русские путешественники написали путевые заметки «Об особенностях дороги через киргиз-кайсацкую степь».

Ещё более интересные материалы о территории Казахской степи доставил в Россию поручик Я.П. Гавердовский. Записи были сделаны во время его поездки с торговым караваном в Бухару. Заметив неподдельный интерес поручика к предстоящему путешествию, царское правительство поручило ему несколько попутных заданий. Оставленные Гавердовским записи были изданы Г.И. Спасским в 1823 г. Они представляют большой интерес для историков, так как в записях содержится много сведений о повседневной жизни казахов.

Об этнографии Казахской степи интересные сведения оставил русский путешественник Филипп Назаров. В его труде «Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии» можно встретить ряд неизвестных ранее фактов.

Районы Северного Казахстана в 1815–1816 гг. исследовали две экспедиции, прибывшие из Оренбурга. Одна экспедиция пробыла в Степном крае два месяца, а вторая, под руководством И.П. Шангинина, – четыре месяца. На основе собранных ими материалов вышел сборник «Дневные записки».

На территорию Старшего жуза в 1825 г. была послана военная экспедиция. К тому же в этом регионе уже работала экспедиция Шубинина (ИКРИ, 2006: 175-178).

В 20-х гг. XIX в. русские исследователи приступают к описанию Казахской степи на уровне мировой науки того времени. Одной из таких работ стала запись Е.К. Мейендорфа о казахском народе, имеющаяся в первом томе его труда «Путешествие из Оренбурга в Бухару».

Среди авторов, внёсших весомый вклад в изучение казахского народа, был генерал-губернатор Восточно-Сибирской губернии С.Б. Броневский – автор нескольких трудов на историко-этнографическую тематику (Кабдиев, 1978: 625-628). Броневский был высокообразованным человеком, около 20-ти лет (1808–1827 гг.) проработавшим в округе «сибирских киргизов». Он собрал ряд материалов о земледельческом хозяйстве казахского народа, рассматривал развитие науки в его среде. В 1829–1830 гг., завершив свои исследования, губернатор выпустил большой труд «Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды». Главные темы этой книги – хозяйство казахов, духовное и религиозное положение, национальная культура, традиции и образ жизни.

В 20-х гг. XIX в. Казахскую степь пристально изучал учёный-востоковед Г.И. Спасский. Он обнаружил и обнародовал множество сведений о родоплеменной системе казахов. В то время на страницах периодических изданий, инициированных этим исследователем, часто публиковались труды по четырём основным темам: 1) статьи по археологии и палеографии Восточного Казахстана; 2) очерки об освоении производства и сельском хозяйстве региона; 3) записи о военно-научных и дипломатических экспедициях в Казахстан и Среднюю Азию; 4) историко-этнографические исследования Спасского о казахском народе («Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды»). В 1820 г. он первым напечатал казахскую народную сказку «Едиге».

В XVIII–XIX вв. по инициативе российского правительства множество путешественников, историков, чиновников и учётных отделов проводили в Степном крае исследовательские работы и отсылали отчёты в центральные управления. Перед прибывшими в Казахскую степь русскими историками и путешественниками ставились разные задачи. Таким образом, с первой четверти XVIII в. начались экспедиции, изучавшие регион в разных направлениях (Паллас, 1773: 76-84).

Руководители этих экспедиций начали изучать и описывать казахский народ с разных сторон. Одна из первых таких экспедиций – посольство под руководством Б. Брянцева, отправилась в путь 5 марта 1718 г. (Байболсынова, 2006: 24). В её задачи входило возвращение пленных, захваченных Абулхаир-ханом в 1717 г., подписание соглашения о неприкосновенности послов и караванов, проходящих через земли Младшего жуза, а также сбор сведений о входящих в жуз племенах.

18 мая 1734 г. вышло правительственное указание, состоящее из 41 пункта. Согласно этому указанию, была создана сверхсекретная группа, получившая название «Оренбургская экспедиция». Её руководителем назначили И.К. Кирилова, ранее работавшего секретарём сенатора, а в помощники дали переводчика Коллегии иностранных дел. В соответствии с пунктами указания, планировалось направить в казахские земли разведывательные экспедиции, которым строго поручалось исследовать земли Казахского ханства, его площадь, население, военно-политическое положение и социально-экономическую структуру. С этой целью и начала свою работу экспедиция Кирилова, положившая в 1734–1737 гг. начало освоению Оренбургского края. В состав экспедиции включили около двухсот участников разных специальностей. 15 июня экспедиция выдвинулась из Санкт-Петербурга, а 15 августа прибыла к месту назначения.

В своём первом письме Министерству внешних дел Кирилов написал: «...Киргиз-кайсаки такие же, как калмыки и башкиры, дикий, легкомысленный народ». Подобная характеристика казахского народа руководителем экспедиции была обусловлена рядом причин, но прежде всего стремлением показать царскому правительству культурную отсталость народа (Кирилов, 1900: 59). В результате

работы экспедиции был создан и издан труд под названием «Цветущее состояние Всероссийского государства» – о населении и хозяйстве Оренбургского края (ЦГА РК. Ф. 4. Оп.1. Д. 250. Л. 17).

Была также направлена на территорию Казахстана Вторая академическая экспедиция, в которой участвовали такие учёные и исследователи, как И.И. Лепехин, П.С. Паллас, В.Ф. Зуев, И.Г. Георги, П.Б. Иноходцев, И.П. Фальк, П.И. Рычков и многие другие (Рычков, 1896: 15-22). Итогом её деятельности явилось издание в 1759 г. труда П.И. Рычкова «История Оренбургская (1730–1750)». В этой работе имеются краткие этнографические сведения о родоплеменном составе трёх жузов и территории их расселения, легенды о происхождении казахского народа, информация о его занятиях, традициях, обрядах, религиозных взглядах и оружии. Вместе с тем это был первый научный труд по истории Казахстана, в котором рассматривались такие вопросы, как вхождение казахских земель в состав России и развитие русско-казахских отношений (Рычков, 1772: 75-78). Анализируя данное исследование, можно отметить большой интерес учёного к жизни казахского народа. Рычков был широко известен в научной среде и читательской аудитории.

В науке того времени успешно себя проявили два Рычкова – отец и сын. Оба занимались историей и географией. Старший Рычков, Петр Иванович, был первым член-корреспондентом Петербургской Академии наук. Его сын Николай Петрович Рычков написал труд о Казахской степи под названием «Дневник поездки в киргизско-кайсацкие степи» (Рычков, 1772: 107), изданный в Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге.

Приход младшего Рычкова в науку, служившего прежде в армии, произошёл, несомненно, под влиянием отца. В своём вышеупомянутом труде он уделил большое внимание военному искусству и оружию казахов. Также из его дневника можно узнать о казахских жузах, численности населения, этнографии, казахских традициях и обычаях, легендах о происхождении народа. К сожалению, младший Рычков умер в 38 лет и не оставил большого наследия по исследованию истории казахов. «Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 г.» Н.П. Рычкова первоначально были записаны как дневник на основе материалов, собранных отцом и сыном во время поездки в Казахстан, а затем опубликованы в качестве сборника (Рычков, 1772: 107).

Нужно отметить, что названные материалы о культуре, традициях и жизни казахского народа представляют сегодня большую ценность для воссоздания микроисторической, то есть повседневной, жизни казахов, которая является актуальной темой современных исследований.

В целом указанные выше посольства и экспедиции – источник множества сведений о быте, религии, особенностях жизни казахского народа, зафиксированных в путевых записях и дневниках.

Изучение территории казахского ханства проводилось и под руководством Академии наук, созданной в 1724 г. по указу Петра I. В начальный период в Академии работали и ведущие иностранные учёные. В 1747 г. по академическому регламенту отдел общественных наук был сокращён и преобразован в академический университет, а его ректором был назначен историограф Г.Ф. Миллер.

Г.Ф. Миллер (1705–1783) – известный русско-немецкий историк XVIII в. С 1730 г. являлся профессором истории Императорской Академии наук и художеств. Его научная деятельность началась в 1725 г., когда двадцатилетний парень со степенью бакалавра приехал в Россию и был принят в только что образованную Петербургскую Академию наук адъюнктом по истории. В первые годы своей деятельности он активно занимался изучением различных данных о восточных народах, прежде всего архивных документов, хранившихся в Петербурге и Москве (Миллер, 1937: 115-116). «Большая часть этих народов, – писал Миллер, – находится под властью русских, с ними обращается российское правительство, и, что наиболее важно, у них есть опытные переводчики для всех языков. Это обстоятельство заставляет меня, помимо постоянной деятельности, занимающейся историей России, приступить к дополнительному труду, занимающемуся именно историей народов Востока» (Миллер, 1937: 116-117).

Он принял активное участие в работе Второй Камчатской экспедиции (1733–1743), организованной Адмиралтейств-коллегией, разработав уникальное руководство под названием «Об истории народов», которое рассматривало необходимость более тщательного историко-этнографического изучения населения исследуемых регионов. Будучи членом экспедиции, Г.Ф. Миллер побывал во многих крепостях, построенных царским правительством на землях казахов вдоль Иртыша, в частности, в Железинске, Ямышевске, Семипалатинске, Усть-Каменогорске, а также в Омске и Тобольске. Здесь он тщательно изучил местные архивы и сделал копии многих документов. Позже они вошли в сборник из 50-ти документов под названием «Портфели Миллера». Поскольку подлинники позже были окончательно утрачены для науки, эта деятельность учёного заслуживает высокой оценки. В ряде случаев копии сделанных Миллером архивных документов можно рассматривать как первоисточники (Миллер, 1937: 120-122).

Осмотрев русские крепости на территории Восточного Казахстана, Г.Ф. Миллер сделал первую географическую зарисовку обозначенных районов. В начале января 1735 г. он выслал в Сенат две ландкарты: первая – карта реки Иртыш, вторая – карта степного пространства между Иртышом и Обью.

В 1750 г. была издана книга Г.Ф. Миллера «История Сибири» (Миллер, 2008: 22-25), где впервые была освещена история Северного Казахстана в составе Сибирского ханства. Помимо

этого труда, интерес для изучения истории Казахстана представляют его статьи «Известия о песочном золоте в Бухарии» и «Известия о торгах сибирских».

С 30-х гг. XVIII в. изучение Казахской степи научными экспедициями стало опираться как на центральные, так и на местные силы. Этот подход стал началом формирования нового научного направления, характерного для русской историографии в целом. Работы, выполненные местными авторами, послужили в дальнейшем поводом для проведения этнографических исследований русскими учёными.

Одним из таких местных краеведов был первый член-корреспондент Петербургской АН П.И. Рычков, служивший в составе Оренбургской экспедиции с момента её создания. Вначале он был руководителем совета при губернаторе Оренбурга И.И. Неплюеве, позже вёл дела в Оренбургской колониальной администрации. Становление его как учёного шло непосредственно под влиянием выдающихся русских учёных и общественных деятелей, историков И.К. Кирилова, Г.Ф. Миллера, В.Н. Татищева. Благодаря постоянной поддержке известных исследователей и государственных деятелей Рычков стал широко известен в российских научных кругах, что обеспечило взлёт его научной карьеры. В 1740–1741 гг. Рычкову было поручено разработать проект военно-научной экспедиции на Аральское море. Кроме того, он регулярно выполнял поручения губернатора Астраханской губернии В.Н. Татищева по сбору экономических, географических, исторических и этнографических материалов о Казахской степи и Средней Азии, а также тщательно изучал восточные источники. По долгу своей службы особое внимание он уделял изучению казахского народа (Рычков, 1772: 70-72).

Во второй половине XVIII в. большую роль в истории всестороннего изучения Казахстана Россией сыграли экспедиции, деятельность местных краеведов и последовательные визиты русских посольств в Казахскую степь с дипломатическими и торговыми целями. Все это способствовало дальнейшему накоплению географических и историко-этнографических знаний о регионе. Как правило, российские посольства и различные экспедиции преследовали две важные государственные задачи: первая – изучение возможности расширения торговли России с Востоком; вторая – укрепление политического влияния России в Казахской степи и Средней Азии. Поэтому содержание основных документов экспедиций определялось данными обстоятельствами.

Одним из руководителей Второй Академической экспедиции (1768–1774 гг.) был шведский натуралист И.П. Фальк (1727–1774). В 1763 г. по рекомендации известного европейского учёного К. Линнея он был приглашён на работу в Российскую Академию наук и стал директором Петербургского ботанического сада. Можно привести характеристику Казахской степи и проживающего в ней народа, данную Фальком по итогам экспедиции: «Всех киргизов имеется три орды (по кирг. Dshius): Большая, Средняя и Малая. Большая орда совершенно отдельна от двух других, за ней обычай закрепил наименование буруты. Орды Малая и Средняя кочуют обе в пределах одной и той же степной территории, бок о бок друг с другом. Чтобы избежать всяких повторений, я буду описывать обе эти орды одновременно, так как у них совершенно одни и те же установления, один и тот же уклад существования, и обе уже связаны с Россией рядом политических отношений. Издавна киргизы разделились на три отдельных орды, т.е. скопища (Horden, или Orden), а каждая орда – на десять центурий, или тысяч. “Кергер”, люди степи, – так называют киргизы Большую Орду (Koerger). Обе других орды присвоили себе наименование “кирказак” от слова “кир” – пустыня, и “казак” – смельчак [в тексте “казак” переводится как Wagehals]» (Фальк, 1824: 132-135).

Членом Второй Академической экспедиции был также учёный из Швеции И.Г. Георги (1729–1802), внёсший большой вклад в изучение Казахстана XVIII в. Он посетил казахские аулы вдоль Урала и Волги вначале с И.П. Фальком, а позже с П.С. Палласом.

Георги дал следующую характеристику казахам: «У киргизцев вид точно такой же милый и свободный, как у казанских татар. Глаза у них, которые потемнее, может быть, и от того единственно, что они более сжимают веки по причине желтеющих степей и ослепляющего снега, веселы, а не грозны. Они одарены от природы изрядным разумом, любят пустоши, пышны, прокладны, ласковы, любострастны и, следовательно, не кровожадны. Грабительства их, также жестокость и несправедливость можно почесть паче следствиями сурового и необузданного их рода жизни, нелепого стремления к мщению и ложных понятий о чести и смелости, нежели природным влечением, почему они совокупно с распространением торговли с Россиею нарочито и во нравах своих исправляются. Женщины их похваляются за домовитость, за добросердечие и за соболезнование о невольниках, которым облегчают они часто побеги и не без собственной своей опасности» (Георги, 1776: 85-87).

Для исследования богатств Казахской степи было организовано немало других экспедиций. Например, в 80-х гг. XVIII в. сюда приезжали инженеры С. Гулков, А. Литвинов, Е. Стрижков, К. Снегиров, Б. Телятников. Находившиеся у степняков русские пленники также сообщали важные сведения о казахском народе. Один из них – унтер-офицер Ф.С. Ефремов (1750–1811). В 1774 г. он был схвачен людьми Емельяна Пугачёва под Оренбургом, при бегстве попал в плен к казахам. Те продали его затем в бухарское рабство. Он вернулся в Россию через Англию лишь в 1782 г. Вселенское блуждание Ефремова длилось почти 8 лет. Уже находясь в Петербурге, он стал писать книги –

не только о своей жизни на чужой земле, но и о народе той страны, где побывал. В 1786 г. вышла в свет первая книга Ф.С. Ефремова под названием «Богатства киргизской земли, климат и обитатели», где имеется глава, посвящённая казахскому народу.

Можно также привести труды русских учёных, в которых описывались целебные качества лекарственных трав Казахской степи. Русский учёный, ботаник, врач Иоганн Сиверс, проявлявший большой интерес к жизни казахского народа, в своих трудах называл казахов «кыргызами»; он оставил ценное описание и дал высокую оценку казахскому народу. Из писем И. Сиверса П.С. Палласу в 1793 г., известных под названием «Письма из Казахстана», можно получить множество сведений о казахской земле (Сиверс, 2006: 68-69). В них сообщается о том, что на территорию Казахстана Сиверс приехал через российский город Барнаул. В 1792 г. впервые ступил на земли Восточного Казахстана. Во время поездки в качестве гостя бывал вечерами в казахских юртах. Из его записей виден характер жизни казахского народа, его гостеприимство. «Хозяин дома, в котором я остановился, – писал он. – киргиз (казах), был гостеприимным, жизнерадостным, быстрым, воспитанным, уважаемым человеком. Имя его Хайял. Этот человек работал в моем караване за 12 сомов» (Сиверс, 2006: 69-70).

В одной из следующих записей сообщаются данные о хозяйстве казахов. В частности, Сиверс отмечал: «В Усть-Каменогорске мне понравилась река Кокпекты. Потому что в этой реке много рыбы. По дороге мы увидели пшеницу, посеянную в поле. Увидев посеянную пшеницу, между людьми в караване возникли разногласия. По мнению одних, пшеницу сеяли русские, а не казахи. Разрешить этот конфликт смогли только казахи, жившие в казахском доме рядом с нами. Казахи сказали нам, что по дороге мы увидим ещё много полей с пшеницей. Здесь редко идут дожди, поэтому поля поливают руками. Говорили, что для полива урожая часто нанимают людей. А богатые казахи, отмечали они, вообще не занимаются такой тяжёлой работой. На протяжении всего пути я встречался и знакомился со многими казахами, убеждаясь, что они не такие дикие, как описывали их другие путешественники. Казахи не такие дикие, уродливые люди» (Сиверс, 2006: 70-71). То есть мы видим, что казахи не жили в нищете, как их порой описывали другие русские учёные. Хотя эти описания не отражают полностью жизнь казахов того времени.

Следует отметить достоверность данных, записанных Сиверсом. Следующим немаловажным моментом является описание отношения казахов к алкоголю. Данную ситуацию И. Сиверс описывает так: «...вечером перед сном мы поспорили с казахами, а спорить с кыргызами не так просто, надо иметь терпение. Познакомившись со многими казахами, надо отметить, что в сравнении с другими азиатами-кочевниками они не любят спиртное. За столом я предлагал многим казахам вино, но ни один из них не принял его. Некоторые кочевники готовят напитки из чистого молока, а казахи и здесь выделяются своими особенностями. Только в некоторых случаях пришедшим гостям они могут предложить кислое кобылье молоко “кымыз” (кумыс)» (Сиверс, 2006: 70-71).

И. Сиверс рассказывает ещё один интересный факт – большое значение, которое казахи придавали использованию кумыса для лечения больных. Об этом можно прочитать в следующем отрывке: «...хочу рассказать о двух примерах пользы кумыса для здоровья человека: в первом случае человеческий организм восстанавливается в течение шести месяцев. Во втором случае, выздоровление человека, болеющего в течение двух лет кожным заболеванием. Я уверен, что с помощью данного напитка можно вылечить от чесотки, туберкулёза и других болезней» (Сиверс, 2006: 68-69).

А вот ещё несколько отрывков из записок Иоганна Сиверса, которые дают представление о казахах, их образе жизни и быте: «...мы двигаемся от Нура Зайсана к низовьям реки Базар. Здесь мы увидели пасущихся на пастбищах овец, лошадей, коров. Также видели женщин, поющих песни. Одежда на них не похожа на одежду европейских женщин. Мы дали им всё что было в наших силах. От дружественных взглядов казахов мы ничего не жалели. Продвигаясь дальше по пути, мы встретили около десятка разбойников. Но с ними дружественно расстались. Потому что научились находить с ними общий язык. И ещё одну вещь надо отметить: если у казахов возникал спор, его разрешал совет аксакалов. Трусость – черта, присущая характеру казахов» (Сиверс, 2006: 69-70).

Однако в рукописи «Казахи справедливый и радушный народ» Н.П. Рычков высказывает противоположное мнение: «...киргиз-кайсацкий народ – храбрый народ» (Рычков, 1772: 107).

«7 июля. Сегодня мы дошли до своей улицы на Тарбагатае, – пишет Сиверс. – Здешние казахи принесли нам большой турсук, наполненный кумысом. На следующий день меня пригласили в гости в дом казаха по имени Алжигит. Его жене и дочерям я принёс в качестве подарков иглы и кольца. Для женщин этого края данные подарки очень важные. Всю домашнюю работу выполняют женщины. А мужчины любят пасти скот, есть и спать. Мясо казахи, по традиции, едят руками, не используя ложки и вилки. Женщины обычно не едят вместе с мужчинами. У женщин волосы длинные, и они вплетают в волосы различные украшения» (Сиверс, 2006: 70-71).

Приведённая характеристика соответствует обычаям и традициям нашего народа, которых мы придерживаемся и сегодня. В работе «Обычаи казахов» вновь упоминается, что наш «народ действительно ест пищу руками, и это называется “бесбармак”».

Сиверс в записи от 9 июля сообщает о похоронах «в доме одного кыргыза» и говорит, что здешняя традиция проводов покойного «похожа на традиции качинских татаров» (Сиверс, 2006: 71-72). Кто же такие качинские татары, и почему учёный сравнивает их с казахами?

Известный востоковед-тюрколог Василий Радлов в своём труде «Из Сибири (страницы дневника)» останавливается на абаканских татарах, которые состоят из четырёх крупных племён: качинцев, сагайцев, койбалдаров и кызыльцев. «Первые три племени живут в Абаканской долине. Качинцы себя часто называют кас (кач, каси)» (Радлов, 1989: 456-464). Отмечается, что в основном это тюрки. В тот период качинские татары общались с казахами. Отсюда, видимо, схожесть традиций погребения усопших. С XVIII в. качинцев стали называть хакасами, этот сибирский народ и поныне носит данное имя.

Учёный-географ середины XVIII в., академик Петербургской Академии наук и управитель отдела статистики Географического общества П.И. Кёппен оставил свои записи о казахском народе, о его быте, традициях, социально-экономическом положении. Важно, что он показан не диким, а общительным и гостеприимным. «В Тарбагатае я встретился с казахами, — пишет он, — и понял, что они хороший народ. Они очень хорошо встретили нас» (Кёппен, 1855: 59-70).

Вместе с академиком И.П. Фальком во Второй Академической экспедиции в Казахскую степь участвовал и Христофор Барданес, грек из Молдавии, хирург и учёный, чья жизнь изобилвала невероятными событиями. Он дважды посещал земли казахов. Выполняя поручения академика Фалька, Барданес собрал новые сведения и интересные факты о казахском народе и его земле, которую охарактеризовал как сожжённую жёлтую степь (Янушкевич, 2003: 157-159).

В 1771 г. для разведки в степь из Сибири был послан большой караван. Х. Барданес присоединился к нему. Это была его вторая поездка в казахские земли. 23 июня у Ишима, близ Петропавловской крепости он встретился с Николаем Рычковым, сыном Петра Ивановича Рычкова, которого знал по его книге «Топография Оренбургской губернии». Барданесу было дано особое поручение — собрать по пути следования сведения о природных, географических и этнографических данных. Он был одним из первых русских и европейских путешественников, совершивших два самостоятельных маршрута в казахские степи, углубившись в местные поселения и достигнув реки Зайсан.

В 1768–1774 гг. Х. Барданес участвовал, как уже говорилось выше, в комплексной российской Академической экспедиции. Результаты своего исследования по истории и этнографии казахских земель он изложил в специальной монографии. В ней впервые в русской науке была предпринята попытка дать всестороннюю системную характеристику Казахстана, включающую в себя целый ряд физических и географических характеристик страны и историко-этнографических данных (Галкин, 1868: 273-275).

В трудах русских путешественников и учёных большое внимание уделялось вопросу расселения населения на территории казахской степи. Особенно много об этом сказано в работах П.И. Рычкова, Х. Барданеса, Я.П. Гавердовского, И.Г. Андреева, С.В. Броневского, А.И. Левшина и других исследователей Казахской степи и Средней Азии.

Особое внимание обращалось и на вопросы происхождения казахского народа. Иногда авторы монографий и путевых заметок даже пытались исследовать этимологию этнонима «казах». Однако во всех официальных русских документах и исторической литературе народу присваивались устоявшиеся наименования: «киргизы» или «киргиз-кайсаки». Некоторые авторы (Г.Ф. Миллер, Х. Барданес, И.Г. Андреев, А.И. Левшин и др.) утверждали, что имя «киргиз» было дано казахам европейцами, хотя и в прошлом, и сегодня они себя так не называют. В этимологическом контексте имя «казак» связывали со значениями «воин» или «всадник» (Галкин, 1868: 80-85).

В трудах русских путешественников и исследователей довольно хорошо описаны некоторые традиции и обычаи казахского народа: церемония свадьбы, различные праздники, погребальные обряды, конные скачки (байга), национальные игры молодёжи и состязания акынов (айтыс). Х. Барданес, рассказывая о местных ремёслах, отмечал, что образцы моделей одежды ничем не уступают европейским. И.Г. Андреев большую часть своего внимания посвятил традициям казахского народа и описал 11 обрядов, бытовавших в казахском обществе XVIII-XIX вв. Музыкальное искусство казахского народа нашло отражение в трудах Г.И. Спасского и Е.К. Мейендорфа (Спасский, 1818: 352).

Главное место в устном литературном творчестве казахского народа исследователями было отведено легендам. В них во многом ярко отражены социально-экономические отношения казахов, национальная психология, уровень быта.

В сведениях русских учёных и путешественников отмечается большой интерес к Казахской степи, который не угасал и позднее. Экономическое и этнографическое развитие казахских земель рассматривалось на основе торговых отношений, причём торговые пути оценивались не только с экономической стороны, но и как стратегическая зона.

Исследования о развитии торговли на территории Казахской степи в XIX в. можно разделить на два направления: развитие торговых путей со странами Средней Азии и Китаем и развитие собственной торговли в Казахстане.

Освоение казахского рынка шло по двум секторам: первый — возможности местного сырья, его добычи, объёма и качества; второй — выпуск на отечественной основе. Особое внимание уделялось

развитию торговли в казахских городах. По данным И.П. Фалька, ежегодный таможенный сбор в Оренбургской крепости доходил до 40–50 тысяч сомов. По записям П.С. Палласа, цена одного барана в Семипалатинске составляла в среднем от 50 до 80 копеек. Об экономическом положении казахского народа во второй половине XVIII в. и начале XIX ст. написано большое количество трудов, так как оно вызывало у исследователей большой интерес. Продолжая записи Палласа, Казахстан стал для России не только источником сырья, но и важным регионом для развития торговых отношений со странами Средней Азии, Восточного Туркестана, Китая и др. С 1755 по 1819 г. «...один за другим в Россию начали прибывать одиннадцать послов. Они просили льгот для своих государств» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 490. Л. 85-92). Русско-казахские торговые отношения из года в год укреплялись и развивались. Политические связи между Россией и казахскими ханствами не только ускорили экономическое развитие региона, но и оказали влияние на экономику самой империи.

Русские учёные и путешественники, описывая хозяйство казахов 2-й половины XVIII – начала XIX в., отмечали способы и методы выращивания скота, увеличение его продуктивности, уход за ним, использование земель, связанных с кочёвками, писали о местах зимнего и летнего кочевания, указывали его направления и маршруты.

По данным исследований, казахи разводили в основном лошадей, верблюдов, коров и овец. Их скотоводческое хозяйство было в основном ориентировано на получение мясной и молочной продукции. Кроме того, это был и источник одежды (шерсть, кожа, шкуры). И.Г. Георги писал о производстве каракуля. Он отмечал, что каракулем занимались только бедные (кто имел мало скота) либо богатые баи. К тому же его производство было связано с природно-климатическими условиями (ЦГА РК. Ф. 2300. Оп. 13. Д. 26. Л. 15-22). В записках П.С. Палласа и Х. Барданеса говорится, что территория наиболее массового разведения лошадей расположена в юго-восточной части Казахстана. На юге большей частью выращивали овец. Казахи Младшего жуза разводили преимущественно верблюдов.

Во 2-й половине XVIII в. русско-казахские экономические связи усиливались через торговлю скотом. В процессе развития этих отношений овцы долгое время играли роль денег. Даже в первой половине XIX в. эта мера не потеряла своей актуальности: определённое количество овец являлось номинальной стоимостью товара. По данным П.И. Рычкова, в 40-е гг. XVIII в. в оренбургские и тройские земли было вывезено от 30 до 50 тыс. овец. В 1769 г., по расчётам И.П. Фалька, в Оренбург вывезено 140 тыс. овец, а в 1770 г. – 132 тыс. овец. В 20-е гг. XIX в. число овец, вывезенных в оренбургские земли, превысило 400 тыс.

Во 2-й половине XVIII – начале XIX в. казахскому обществу было свойственно не только скотоводство, но и земледелие. Сведения о развитии земледелия на землях Южного Казахстана были найдены в архивном документе А.Л. Данзаса: «...первый заключается в том, что киргизы не занимались этим делом издавна. Киргизы занимались посевом только для собственных нужд. А в зимнее время, естественно, занимались своим хорошо развитым кочевым скотоводческим хозяйством. Во-вторых, они сталкиваются с трудностями при обработке земли. Почему киргиз не может сеять урожай на большой площади, он сеет только на небольшой площади. На этой площади сеет несколько пудов ячменя. Они чистили каналы, идущие с самой Каракалпакии, и направляли водопроводы на посевные площади. Возле каждого канала, сооружённого для полива, хозяин патрулировал несколько ночей подряд. Даже это могло продолжаться до тех пор, пока не прорастёт пшеница. Киргизы часто сажали просо, потому что оно давало хороший урожай. А из ячменя и пшеницы не получали особого урожая, поэтому их сеяли на небольшом участке земли.

Если бы киргиз большую часть своих посевных площадей засеял ячменём, а пшеницу и просо в малом количестве, он получил бы очень мало урожая, можно сказать, даже совсем немного. Центрами пашни считались те места, где были проложены каналы, водопроводы. Потому что в этих местах получали хороший урожай» (ЦГА РК. Ф. 2300. Оп. 10. Д. 86,87,88. Л. 75-88).

Таким образом, российские экспедиции или официальные поездки, проводившиеся в тот период, были организованы для достижения определённых целей. При этом труды исследователей содержат богатый материал о казахском народе, его образе жизни, культуре и быте, обычаях и традициях. Этому способствовали и задачи экспедиций, которые были ориентированы на изучение Степного края, ознакомление с его природными ресурсами и социально-экономическим положением. Следует также отметить, что если одни русские учёные были направлены в Казахскую степь со специальными заданиями, то другие приезжали исключительно из научно-познавательного интереса. Поэтому к их трудам нужно относиться критически.

5. Заключение

Воспоминания, дневники, записки путешественников, монографии историков, этнографов и других российских исследователей XVIII – начала XIX в., содержащие сведения о Казахской степи и образе жизни казахского народа того времени, являются ценными источниками для современных исследований.

Первая половина XVIII в. стала значимым этапом русской науки в изучении Казахстана. Документы этого периода характеризуются не только богатством собранных сведений, но и недостаточной изученностью ряда сложных историко-этнографических проблем. В значительной мере

эти явления обусловлены тем, что стала активно проводиться политика России на Востоке, заинтересованная в освоении природных богатств Казахской степи и расширении русско-казахской и транзитной торговли со Средней Азией.

Во второй половине XVIII – начале XIX в. русских учёных и путешественников интересовали все стороны экономической жизни Степного края – как традиционные хозяйственные, так и торговые, охотничьи и производственные.

Литература

Абилев, 1988 – *Абилев А.К.* Русская историография истории Казахстана XVIII – начала XX веков. Караганда: КарГУ, 1988. 165 с.

Адип, 2005 – *Адип Х.* Российская история и спор об ориентализме. Сборник Остроумова. Российская империя и онтология. М.: Русский мир, 2005. 332 с.

Андреев, 1796 – *Андреев И.Г.* Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Ч. 1. Гл. 1-4. СПб., 1796. 165 с.

Байболсынова, 2006 – *Байболсынова А.С.* Патшалық Ресейдің XVIII-XIX ғғ. Қазақстанды рухани-мәдени отарлау саясатының негізгі бағыттары мен көріністері. Тар. ғылым. канд. автореф. Атырау, 2006. 24 б.

Барданес, 2007 – *Барданес Х.* Киргизская или казахская хорография / *История Казахстана в русских источниках XVI-XX веках.* Т. 4. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 368 с.

Бекмаханова, 1980 – *Бекмаханова Н.Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII в. – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. 258 с.

Боголюбов, 1890 – *Боголюбов Н.* В плену у киргизцев. Рассказ старушки. Истинное происшествие // *Детский отдых.* 1890. №7. 95 с.

Бижанов, 1967 – *Бижанов М.К.* Казахстан второй четверти XVIII века в трудах и записках русских исследователей. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. 27 с.

Броневский, 1836 – *Броневский С.Б.* О первой оседлости и хлебопашестве киргизов во вновь образуемом Какбутинском округе в Киргизской степи // *Земледельческий журнал.* 1836. №8. 628 с.

Галкин, 1868 – *Галкин М.Н.* Этнография и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Исаков, 1868. 286 с.

Георги, 1776 – *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч.1. СПб., 1776. 196 с.

Даль, 1866 – *Даль В.И.* Напутное слово / Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1. 1-е изд. М.: Типография Т. Рис, 1866. 388 с.

Добросмыслов, 1900 – *Добросмыслов А.И.* Материалы по истории России. Т. I. Оренбург, 1900. 126 с.

Дулатова, 1984 – *Дулатова Д.И.* Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917). Алма-Ата: Наука, 1984. 272 с.

Ерофеева, 1979 – *Ерофеева И.В.* Казахстан второй половины XVIII века – первой половины XIX века в трудах и записках русских ученых и путешественников. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Алма-Ата, 1979. 32 с.

ИКРИ, 2006 – *История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков.* Т. IV. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 375 с.

Кабдиев, 1978 – *Кабдиев Д.* Прогрессивные русские исследователи о проблемах развития экономики дореволюционного Казахстана. Автореферат. дисс. канд. ист. наук. Алматы, 1978. 25 с.

Касымбаев, 1974 – *Касымбаев Ж.К.* Экспедиция И.Д. Бухгольца и создание прииртышских крепостей в начале XVIII в. / *Исторические науки. Сб. научных трудов.* Вып. 1. Алма-Ата, 1974. 405 с.

Кеппен, 1855 – *Кеппен П.И.* О Роговолодом камне и Двинских надписях // *Ученые записки Императорской Академии Наук по первому и третьему отделениям.* Т. 3. СПб., 1855. 774 с.

Кирилов, 1900 – *Кирилов И.К.* Изъяснения о киргиз-кайсацкой и каракалпакской ордах. Проект обер-секретаря Ивана Кирилова об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими // *Добросмыслов А.И.* Материалы по истории России. Т. I. Оренбург, 1900. 126 с.

Косанбаев, 2001 – *Косанбаев С.К.* История изучения этнологии казахов (XVIII – 40-е годы XIX в.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Алматы, 2001. 25 с.

Левшин, 1832 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб.: типография Карла Крайл, 1832. 333 с.

Масанов, 2007 – *Масанов Э.А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. 2-изд. Астана: Алтын кітап, 2007. 375 с.

Масанов, 1995 – *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов. Алматы: Санат, 1995. 288 с.

Мейендорф, 1826 – *Мейендорф Е.К.* Нравы и обычаи киргизцев: Избрание начальников. Раздоры их. Примеры жестокости. Строгая политика китайцев в отношении к киргизцам / Северный архив. Ч. 22. Из кн. Путешествие из Оренбурга в Бухару. 1826.

- Миллер, 1937 – Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-ое изд. М.-Л.: 1937. 242 с.
- Миллер, 2008 – Миллер Г.Ф. О киргиз-кайсаках или киргизцах // *Алаш*. 2008. №1. С. 22-95.
- Муравьев, Карский, 1822 – Муравьев И.М., Карский Н.Н. Путешествия в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. Ч. I. М., 1822. 175 с.
- Мухатова, 2016 – Мухатова О.Х. Қазақстан тарихының тарихнамасы. Алматы: Қазақ университеті, 2016. 403 б.
- Найт, 2006 – Найт Н. Григорьев в Оренбурге. Русский ориентализм на службе. М.: Русский мир, 2006. 356 с.
- Паллас, 1773 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб., 1773. 359 с.
- Радлов, 1989 – Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника / Отв. ред., авт. примеч. и послесл. С.И. Вайнштейн; пер. с немецк. К.Д. Цивинной и Б.Е. Чистовой. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Рычков, 1772 – Рычков Н.П. Дневные записки путешествия в киргиз-казацкой степи в 1771 г. СПб., 1772. 107 с.
- Рычков, 1896 – Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1650) / Под. ред. и с примеч. Н.М. Гутьера, секретаря Комитета Оренбургского губ. стат. комитета. Оренбург, 1896. 186 с.
- Румянцев, 1910 – Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. 347 с.
- Русанов, 1778 – Русанов И. Собрание актов, договоров, грамот, писем и прочих документов до киргизской степи относящихся. (Фотокопии). *Оттиск из журналов: Томские губернские ведомости*. 1778. № 28-31. 56 с.
- Сабырханов, 1982 – Сабырханов А. Из истории географического изучения Казахстана в России XVII в. – первой трети XVIII в. М.: Наука, 1982. 225 с.
- Саид, 2006 – Саид Э. Ориентализм. Пер. А.В. Говорунов. М.: Русский мир, 2006. 625 с.
- Сиверс, 2006 – Сиверс И. Письма из Казахстана // *World discovery*. 2006. С. 68-72.
- Спасский, 1818 – Спасский И.И. Сведения о киргиз-кайсаках // *Сибирский вестник*. 1818. 352 с.
- Сухих, 2006 – Сухих О.Е. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX века. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Омск, 2006. 27 с.
- Толочко, 1977 – Толочко В.С. Проблемы истории Казахстана XIX века в военной периодической печати. Автореферат. дисс. канд. ист. наук. Алма-Ата, 1977. 28 с.
- Толыбеков, 1997 – Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XIX – начале XX вв. Алма-Ата: Наука, 1997. 633 с.
- Фальк, 1824 – Фальк И.П. Записки путешествия // *Полное собрание ученых путешествий по России*. Т.7. СПб., 1824. 280 с.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Янушкевич, 2003 – Янушкевич А. Қазақ даласына сапар туралы жазбалар / Аударған Ғ. Зұлхарова. Астана: Аударма, 2003. 215 б.

References

- Abilev, 1988 – Abilev, A.K. (1988). Russkaya istoriografiya istorii Kazakhstana XVIII nachala XIX vekov [Russian historiography of the history of Kazakhstan in the XVIII-th and early XX-th centuries]. Karaganda: KarGU, 165 p. [in Russian]
- Adip, 2005 – Adip, Kh. (2005). Rossiiskoe istoriya i spor ob orientalizme. Sbornik Ostroumova. Rossiiskaya imperiya i ontologiya [Russian history and the debate about Orientalism. Ostroumov's collection. Russian Empire and ontology]. М.: Russkii mir, 332 p. [in Russian]
- Andreev, 1796 – Andreev, I.G. (1796). Opisanie Srednei Ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of Kyrgyz-Kaisaks]. SPb. 165 p. [in Russian]
- Baibolsynova, 2006 – Baibolsynova, A.S. (2006). Patshalyq Reseiding XVIII-XIX g-gy Qazaqstandy ruhani-madeni otarlaw sayasatynyng negizgi bagyttary men korinisteri [The main objectives and perspectives of the policy of colonization of Kazakhstan in the 18th-19th centuries of the Imperial Russian Empire]. Tar. gylm. kand. avtoref. Atyrau, 24 p. [inKazakh]
- Bardanes, 2007 – Bardanes, Kh. (2007). Kirgizskaya ili kazakhskaya khorografiya [Kirghiz or Kazakh chorography]. Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVIII-XIX vekakh. Т. 4. Almaty: Daik-Press, 368 p. [in Russian]
- Bekmakhanova, 1980 – Bekmakhanova, N.E. (1980). Formirovanie mnogonatsional'nogo naseleniya Kazakhstana i Severnoi Kirgizam. Poslednyaya chetvert' XVIII v. – 60-e gody XIX v [Formation of a multinational population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan. Last quarter of the XVIII-th century – 60-s of the XIX century]. М.: Nauka, 258 p. [in Russian]
- Bizhanov, 1967 – Bizhanov, M.K. (1967). Kazakhstan vtoroi chetverti XVIII veka v trudakh i zapiskakh russkikh issledovatelei [Kazakhstan of the second quarter of the 18th century in the works and notes of Russian researchers. abstract of diss. candidate of historical sciences]. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk. Alma-Ata, 27 p. [in Russian]

- Bogolyubov, 1890** – *Bogolyubov, N.* (1890). V plenu u kirgiztsev. Rasskaz starushki. Istinnoe proisshestvie [Captured by the Kyrgyz. An old lady's story. True incident. – Children's recreation]. *Detskii otdykh*. 7. 95 p. [in Kazakh]
- Bronevskii, 1836** – *Bronevskii, S.V.* (1836). O pervoi osedlosti i khlebopashestvo kirgizov vo vnov' obrazuemom Kakbutinskom okruge v kirgizskoi step' [On the first settled way of life and arable farming of the Kirghiz in the newly formed Kakbutinsky district in the Kirghiz steppe]. *Zemledel'cheskii zhurnal*. 8: 628. [in Russian]
- Dal', 2008** – *Dal', V.I.* (2008). Naputnoe slovo [A parting word]. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Ch. 1. 1-e izd. M.: Tipografiya T. Ris, 1866. M. 388 p. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1900** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1900). Materialy po istorii Rossii [Materials on the history of Russia]. Orenburg. T. I. 126 p. [in Russian]
- Dulatova, 1984** – *Dulatova, D.I.* (1984). Istoriofografiya dorevolyutsionnogo Kazakhstana (1861–1917) [Historiography of pre-revolutionary Kazakhstan (1861–1917)]. Alma-Ata: Nauka, 272 p. [in Russian]
- Erofeeva, 1979** – *Erofeeva, I.V.* (1979). Kazakhstan vtoroi poloviny XVIII veka pervoi poloviny XIX veka v trudakh i zapiskakh russkikh uchenykh i puteshestvennikov [Kazakhstan of the second half of the 18th century and the first half of the 19th century in the works and notes of Russian scientists and travelers]. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk. Alma-Ata, 32 p. [in Russian]
- Fal'k, 1824** – *Fal'k, I.P.* (1824). Zapiski putishestviya [Travel notes]. *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii*. SPb. T. 7. 280 p. [in Russian]
- Galkin, 1868** – *Galkin, M.N.* (1868). Etnografiya I istoricheskie materialy po Srednei Azii i Orenburgskomu krayu [Ethnography and historical materials on Central Asia and the Orenburg region]. SPb: Isakov, 286 p. [in Russian]
- Georgi, 1776–1777** – *Georgi, I.G.* (1776–1777). Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov, takzhe ikh zhiteiskikh obryadov, ver, obyknovennyi zhilishchu, todezhd i prochikh dostopamyatnostei [Description of all the peoples living in the Russian state, as well as their everyday rituals, faiths, ordinary housing, clothing and other landmarks]. SPb. Ch. 1. 196 p. [in Russian]
- IKRI, 2006** – *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in Russian sources of the 16th–20th centuries]. Almaty: Daik Press, 2006. IV T. 375 p. [in Russian]
- Kabdiev, 1978** – *Kabdiev, D.* (1978). Progressivnye russkie issledovateli o problemah razvitiya ekonomiki dorevolyutsionnogo Kazakhstana [Progressive Russian researchers on the problems of economic development in pre-revolutionary Kazakhstan. abstract]. Avtoreferat. diss. kand. ist. nauk. Almaty, 25 p. [in Russian]
- Kasymbaev, 1974** – *Kasymbaev, Zh.K.* (1974). Ekspeditsiya I.D. Bukhglol'tsa i sozdanie priirtyshskikh krepostei v nachale XVIII v [Expedition of I.D. Buchglotz and the creation of the Irtysh fortresses at the beginning of the 18th century]. *Istoricheskie nauk. Sb. nauchnykh trudov*. Alma-Ata. Vyp. 1. 405 p. [in Russian]
- Keppen, 1855** – *Keppen, P.I.* (1855). O Rogvolodovom kamne i Dvinskikh nadpisyakh [About the rogvolod stone and Dvina inscriptions]. *Uchenye zapiski Imperatorskoi Akademii Nauk po pervomu i tret'emu otdeleniyam*. SPb. T. 3. 774 p. [in Russian]
- Kirilov, 1900** – *Kirilov, I.K.* (1900). Iz'yasneniya o kirgiz-kaisatskoi i karakalpakskoi ordakh. Proekt ober-sekretarya Ivana Kirilova ob uderzhanii v russkom poddanstve kirgiz i sposobakh upravleniya imi [Explanations about the Kyrgyz-Kaisak and Karakalpak hordes. The project of the chief secretary Ivan Kirillov on retaining the Kyrgyz in Russian citizenship and methods of governing them]. *Dobrosmyslov A.I. Materialy po istorii Rossii*. Orenburg. T. I. 126 p. [in Russian]
- Kosanbaev, 2001** – *Kosanbaev, S.K.* (2001). Istoriya izucheniya etnologii kazakhov (XVIII – 40-e gody XIX v.) [History of the study of the ethnology of the Kazakhs (XVIII - 40s of the XIX century)]. Avtoref. kand. ist. nauk. Almaty, 25 p. [in Russian]
- Levshin, 1832** – *Levshin, A.I.* (1832). Opisanie kirgiz kazachykh ili kirgiz kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kirghiz Cossacks or Kirghiz Kaisak hordes and steppes]. SPb: tipografiya Karla Krail, 333 p. [in Russian]
- Masanov, 1995** – *Masanov, N.E.* (1995). Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov [Nomadic civilization of the Kazakhs]. Almaty: Sanat, 288 p. [in Russian]
- Masanov, 2007** – *Masanov, E.A.* (2007). Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya kazakhskogo SSSR. 2-izd [Essay on the history of the ethnographic study of the Kazakh USSR]. Astana: Altyn kitap, 375 p. [in Russian]
- Meiendorf, 1826** – *Meiendorf, E.K.* (1826). Nravny i obychai kirgiztsev: Izbranie nachal'nikov. Razdoryikh. Primety zhestokosti. Strogaya politika kitaitsev v otnoshenii k kirgiztsem [Morals and customs of the Kirghiz: Election of chiefs. Their discord. Signs of cruelty. Strict policy of the Chinese towards the Kirghiz]. *Severnii arkhiv*. Ch. 22. Iz kn.: puteshestvie v Bukharu. [in Russian]
- Miller, 1937** – *Miller, G.F.* (1937). Istoriya Sibiri [History of Siberia]. 2 izd. M.-L. 242 p. [in Russian]
- Miller, 2008** – *Miller, G.F.* (2008). O kirgiz-kaisakah ili kirgiztsah [About the Kirghiz-Kaisaks or Kirghiz]. *Alash*. 1: 22–95. [in Russian]

- Mukhatova, 2016** – Mukhatova, O.H. Qazaqstan tarihyynyn tarihnamasы [Historiography of the history of Kazakhstan]. Almaty: Qazaq universiteti, 2016. 403 b. [in Kazakh]
- Murav'ev, Karskii, 1822** – *Murav'ev, I.M., Karskii, N.N.* (1822). Puteshestviya v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 gg [Travels to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820]. Ch. I. M. 175 p. [in Russian]
- Nait, 2006** – *Nait, N.* (2006). Grigor'ev v Orenburge. Russkii orientalizm na sluzhbe [Grigoriev in Orenburg. Russian Orientalism in the Service]. M.: Russkiimir, 356 p. [in Russian]
- Pallas, 1773** – *Pallas, P.S.* (1773). Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii [Travels through Various Provinces of the Russian Empire]. SPb. Ch.I. 359 p. [in Russian]
- Radlov, 1989** – *Radlov, V.V.* (1989). Iz Sibiri: stranitsy dnevnika [From Siberia Pages of a diary]. M.: Nauka, 525 p. [in Russian]
- Rumyantsev, 1910** – *Rumyantsev, P.P.* (1910). Kirgizskii narod v proshlom i nastoyashchem [Kirghiz people in the past and present]. SPb.: 347 p. [in Russian]
- Rusanov, 1778** – *Rusanov, I.* (1778). Sobranie aktov, dogovorov, gramot, pisem i prochikh dokumentov do kirgizskoi stepi i otnosyashchikhsya. (Fotokopii) [Collection of acts, treaties, charters, letters and other documents related to the Kirghiz steppe. (Photocopies)]. *Ottisk iz zhurnalov: Tomskie gubernskie vedomosti.* № 28-31. 56 p. [in Russian]
- Rychkov, 1772** – *Rychkov, N.P.* (1772). Dnevnye zapiski puteshestviya v kirgikh-kasatskoi stepi v 1771 g. [Daily notes of travel in the Kirghiz-Kasatsk steppe in 1771]. SPb. 107 p. [in Russian]
- Rychkov, 1896** – *Rychkov, P.I.* (1896). Istoriya Orenburgskaya (1730–1650) [Orenburg History (1730–1650)]. Pod. red. i s primech. N.M. Gut'era sekretariya Komiteta Orenburgskogo gub. stat. komitet. Orenburg. 186 p. [in Russian]
- Sabyrkhanov, 1982** – *Sabyrkhanov, A.* (1982). Iz istorii geograficheskogo izucheniya kazakhstana v Rossii XVII v. – pervoi treti XVIII v. [From the history of the geographical study of Kazakhstan in Russia in the XVII century – first third of the XVIII century]. M.: Nauka, 225 p. [in Russian]
- Said, 2006** – *Said, E.* (2006). Orientalizm [Orientalism]. Per. A. V. Govorunov. M.: Russkiimir, 625 p. [in Russian]
- Sivers, 2006** – *Sivers, I.* (2006). Pis'ma iz Kazakhstana [Letters from Kazakhstan]. *World discovery zhurnal.* Pp. 68-72. [in Russian]
- Sukhikh, 2006** – *Sukhikh, O.E.* (2006). Obraz – kazakha kochevnika v russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [The image of a Kazakh nomad in Russian socio-political thought in the late XVIII – first half of the XIX centuries]. Avtoref. kand. ist. nauk. Omsk, 27 p. [in Russian]
- Tolochko, 1977** – *Tolochko, V.S.* (1977). Problemy istorii Kazakhstana XIX veka v voennoi periodicheskii pechati [Problems of the history of Kazakhstan of the XIX century in the military periodical press. author's abstract.]. Avtoreferat. diss. kand. ist. nauk. Alma-Ata, 28 p. [in Russian]
- Tolybekov, 1997** – *Tolybekov, S.E.* (1997). Kochevoe obshchestvo kazakhov v XIX – nachale XX vv. [Nomadic society of Kazakhs in the XIX – early XX centuries]. Alma-Ata: Nauka, 633 p. [in Russian]
- TsGARK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].
- Yanushkevich, 2003** – *Yanushkevich, A.* (2003). Qazaq dalasyna sapar turaly zhazbalar [Kazakhs visit the Kazakh forest]. Aud. G. Zulkharova. Astana: Audarma, 215 p. [in Kazakh]

Историографический анализ описаний образа жизни казахского народа в трудах русских путешественников и исследователей эпохи Российской империи (XVIII–XIX вв.)

Бекзат Т. Калиева ^a, Ержан О. Буланов ^{a, *}, Гульжан Б. Тлеубекова ^a, Кулимкоз Т. Сантаева ^a

^a Жетысуский университет им. И. Жансугурова, Талдыкорган, Республика Казахстан

Аннотация. В XVIII–XIX вв. Российская империя начала проявлять значительный интерес к казахским землям. Основными причинами и целями государственной политики было присоединение казахских земель к России. Царское правительство тщательно изучало природные богатства, социальное и экономическое положение казахской территории. С этой целью в Казахскую степь направлялись путешественники, исследовательские экспедиции и учёные.

Первыми авторами, описавшими облик казахского народа, стали чиновники российской администрации, юристы, востоковеды и исследователи. Уже с 1750-х гг. в России начали появляться первые размышления и выводы о происхождении казахов, значении и смысле слова «казах». Об этом

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: erzhan_bulanov@mail.ru (Е.О. Буланов), tynysbekovna@mail.ru (Б.Т. Калиева)

свидетельствует и тот факт, что в связи с усилением политического и экономического влияния Российской империи на территории Казахстана в конце XVIII – первой половине XIX в. исследования русских авторов по истории казахского народа начали приобретать более широкий охват.

До середины XIX в. работы российских исследователей в основном были посвящены следующим темам: географическое положение казахских земель, этнография казахского народа, этногенез казахов, толкование этнонима «казах», родо-племенной состав и структура казахского общества, численность населения, экономика, миграционные вопросы, торговые отношения.

Среди российских исследователей можно выделить таких известных авторов, как П.И. Рычков, И.В. Гавердовский, Г.Ф. Миллер, И.Г. Георги, И.П. Фальк, П.С. Паллас, С.Б. Броневский, Э.К. Мейендорф, И.М. Муравьев и др. Материалы трёх экспедиций, организованных Российской империей, были опубликованы в работах Кирилова, Григорьева и Румянцева. Эти труды, написанные с различными целями, содержат большое количество материалов, однако требуют критического анализа. Цель статьи – привлечь внимание историков к указанным работам, имеющим важное значение как с точки зрения исторического анализа, так и в контексте источниковедения. Особое внимание уделено достоверности и документальной значимости этих исследований.

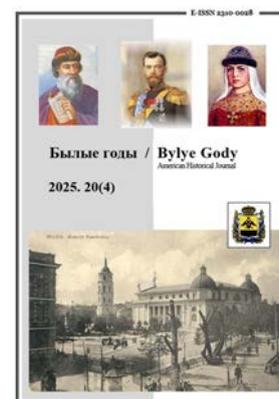
Ключевые слова: Российская империя, разведывательные экспедиции, колонизация, Казахская степь, этногенез, образ жизни, повседневность, традиции.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1686-1699
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1686

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Traditional Kazakh Agriculture in the Research of Russian Scholars and Travelers of the 18th–19th centuries

Akhmet U. Toktabay ^a, Nurlybek A. Dossymbetov ^{a, *}

^aInstitute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This historiographical article is dedicated to the analysis of the study of the history of Kazakh agriculture in the 18th–19th centuries based on the works of researchers-travelers and scholars of the Russian Empire. The author examines an extensive body of works by ethnographers and orientalists, travelers' records, as well as Russian archival materials that reflect the diversity of the Kazakhs' economic activities, debunking the outdated stereotype of a purely nomadic lifestyle of the people. The article discusses in detail the methods of farming, irrigation systems, types of cultivated crops, and their role in the life of the people, as documented in the aforementioned sources. Special attention is given to historical figures such as Kipchak Seitkul and Ablai Khan, who contributed to the development of settled agriculture among the steppe peoples. The article analyzes how various external factors and historical events influenced the spread and development of agricultural culture. The authors emphasize the need to reconsider traditional views in national historiography, drawing attention to the multifaceted economic structure of the Kazakhs, which includes nomadic, semi-nomadic, semi-settled, and settled lifestyles. Of particular importance is the study of agricultural production technology, which allows for a fuller understanding of the socio-economic processes of that time. The article also demonstrates how Kazakh agriculture was integrated into broader historical and cultural contexts of the region. The work contributes to a deeper understanding of historical processes and enriches ethnohistorical research in Kazakh studies.

Keywords: Semirechye, history of agriculture, researchers of the Russian Empire, ethnographers, orientalists, nomadic and settled lifestyles, irrigation systems, archival materials, ethnohistorical research.

1. Введение

В хозяйственной системе казахского народа земледелие занимало важное место, сформировавшись на протяжении веков. Несмотря на то что в историографии казахи преимущественно описываются как кочевой или полукочевой народ, историко-этнографические и письменные источники содержат убедительные свидетельства того, что они также вели оседлый образ жизни и активно занимались земледелием. Земледелие выступало не только как экономическая необходимость, но и как важный элемент культуры труда, формы взаимодействия казахского общества с природной средой, тенденции к оседлости и даже системы политического управления. Тем не менее, бесспорно, что основой хозяйственной деятельности казахов оставалось кочевое скотоводство. Однако это не означает полного отсутствия земледелия в их хозяйственной практике. В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что в своих исследованиях и путевых заметках российские чиновники, путешественники, востоковеды, историки и этнографы XVII–XIX вв. оставили достоверные сведения о земледельческой деятельности казахов. Эти источники позволяют проследить географический охват земледельческой культуры на территории Казахстана, методы ирригации, используемый сельскохозяйственный инвентарь, а также возделываемые зерновые

* Corresponding author

E-mail addresses: nur_dos88@mail.ru (N.A. Dossymbetov)

культуры. Кроме того, в них отражены меры поддержки земледелия со стороны казахских ханов и султанов, включая их усилия по стимулированию оседлого образа жизни среди населения.

2. Материалы и методы

В представленной статье использован широкий круг источников и научных подходов, направленных на раскрытие историко-этнографических основ традиционной земледельческой культуры казахского народа. Прежде всего, в качестве основных источников исследования рассмотрены письменные отчёты, дневниковые записи, исторические очерки и картографические материалы российских и европейских исследователей, путешественников и военных чиновников XVII–XIX вв. Особое внимание уделено трудам таких авторов, как Ф. Байков (*Путешествие...*, 1820), В. Кобяков (*Роспросные речи...*, 1867), Ф. Скибин (*Статейный список...*, 1867), Я.П. Гавердовский (*Гавердовский*, 2007), А.И. Левшин (*Левшин*, 1996), Г.Н. Потанин (*Потанин*, 2006), И.Г. Андреев (*Андреев*, 1998), Ч. Валиханов (*Валиханов*, 1984), Т.А. Сейдалин (*Сейдалин*, 1870), Я.Я. Полферов (*Полферов*, 1896), М. Терентьев (*Терентьев*, 1875), Г.И. Спасский (*Спасский*, 1820), Франк Шварц (*Turkestan...*, 1900), Л. Чермак (*Чермак*, 1900). Кроме того, в исследовании использованы этнографические описания, схемы ирригационных систем, терминология, связанная с земледельческой практикой, а также образцы устной народной литературы.

В процессе исследования для наиболее полного раскрытия заявленной темы были применены проблемно-хронологический, историко-сравнительный и системный методы. В первую очередь, использование проблемно-хронологического подхода позволило при анализе трудов исследователей сохранить последовательность их публикаций, а также структурировать материалы по отдельным тематическим направлениям. Так, сведения о мероприятиях казахского хана Абылая, направленных на развитие земледелия, хотя и выходят за рамки строгой хронологической последовательности, были целенаправленно сгруппированы, что обеспечило более детальное раскрытие исследуемой проблемы. Применение сравнительно-исторического подхода позволило установить, как традиционное казахское земледелие развивалось в различных регионах под влиянием политических, экономических и природно-географических факторов в XVIII–XIX вв., а также выявить сходства и различия в оценках земледелия у разных российских исследователей. С помощью системного подхода удалось классифицировать и логически упорядочить широкий круг источников – от официальных отчётов до путевых заметок, – что позволило выделить ключевые направления восприятия и анализа казахского земледелия в российской научной и административной среде.

3. Обсуждение

В дореволюционный период появились труды исследователей, которые собирали сведения о земледельческой культуре казахского народа и давали им научное описание. Так, в работе военного инженера Л. Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства» содержатся ценные данные, связанные с земледельческим опытом казахов. Автор на протяжении нескольких лет проживал среди местного населения, овладел казахским языком и собирал информацию непосредственно в среде народа. Научная значимость труда Мейера заключается также в том, что приведённые им материалы подтверждены статистическими сведениями, архивными документами и данными представителей русской администрации (*Мейер*, 1865). В этот же период изучением земледельческой культуры в Казахской степи занимался и другой исследователь – Л. Костенко. В его работах широко рассмотрены аграрные отношения и вопросы земледелия в Средней Азии (*Костенко*, 1871).

В советский период по теме традиционного казахского земледелия были опубликованы монографии таких исследователей, как П.Г. Галузо и Б. Сулейменов. Одним из фундаментальных трудов, посвящённых изучению хозяйственной системы казахов XIX в. (включая земледелие), является монография Б. Сулейменова «Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX вв. (1867–1907 гг.)». В данном исследовании автор широко использовал статистические данные, обзоры, отчёты и исследования русских чиновников и учёных, а также архивные материалы. По его сведениям, в Жетысу существовали два типа земледелия – орошаемое и богарное. При распределении орошаемых земель в Жетысу учитывался вклад землевладельцев в строительство арыков. В отличие от Сырдарьинской области, где ирригационные системы постепенно приходили в упадок, землевладельцы Жетысу принимали участие в их поддержании и тем самым сохраняли за собой право передавать земельные участки по наследству. Кроме того, владельцы земли имели возможность продавать свои наделы полностью или частично (*Сулейменов*, 1963: 223).

В монографии П.Г. Галузо «Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг.», опубликованной в 1965 г., всесторонне рассмотрены вопросы сельского хозяйства в южных регионах Казахстана. Особенностью данного исследования является то, что автор анализирует не только хозяйственную систему казахов, но также казаков, русских, уйгуров, узбеков и дунган. В целом, по мнению П.Г. Галузо, развитие земледелия привело к существенным изменениям в социально-экономической структуре казахского общества (*Галузо*, 1965).

В коллективной монографии Института истории, археологии и этнографии «Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков» подробно рассмотрены особенности традиционных форм хозяйствования казахов, включая как кочевое скотоводство, так и земледелие (Хозяйство..., 1980).

Выдающийся этнограф-учёный Дж.Х. Кармышева в своей фундаментальной статье для подтверждения собственных полевых и этнографических наблюдений широко опирается на труды Т.А. Сейдалина, Л. Чермака и Н. Дингельштедта (Кармышева, 1986: 47-70).

В годы независимости Казахстана изучение земледельческой культуры казахского народа получило дальнейшее развитие. Археолог В.В. Сараев, много лет занимавшийся исследованием земледельческой традиции жетысуских казахов, при анализе древних сельскохозяйственных орудий (соха, кетпен, серп, малатас) и создании их типологии широко опирался на работы П.П. Румянцева (Сараев, 2011: 127-142).

Этнограф Н.К. Байгабатова в своей монографии «Казахи Жетысу на рубеже XIX–XX веков (историко-этнографическое исследование)» посвятила отдельную главу земледелию. Автор опирается на работы русских исследователей начала XIX–XX вв. В этот период российские учёные описывали аграрные отношения, земледельческие навыки и практику землепользования в Казахской степи, используя специальные экспедиции и административные отчёты. Применяя эти данные, Н.К. Байгабатова демонстрирует адаптацию жетысуских казахов к земледелию, а также усиление оседлых элементов в традиционном кочевом хозяйстве. Поскольку русские исследования опирались на статистические сведения, измерения земельно-водных ресурсов и наблюдения за бытом местного населения, они служат важной основой для обоснования изменений в социально-экономическом развитии казахского общества (Байгабатова, 2023).

Кроме того, в этих исследованиях представлены краткие обзоры трудов русских исследователей периода Российской империи. Таким образом, дореволюционная, советская и современная научная литература формируют основу для комплексного изучения традиционной земледельческой культуры казахского народа, позволяя выявить её многоаспектную природу и историческую динамику развития.

4. Результаты

Согласно источникам, в период с 1654 по 1658 г. российское дипломатическое посольство под руководством Фёдора Байкова, следуя в Китай вдоль побережья Иртыша, достигло озера Зайсан. В своих путевых заметках Байков отмечает, что местное население региона активно занималось земледелием (Путешествие..., 1820: 30).

Позднее, в период с 9 марта по 29 мая 1691 г., иркутский воевода Леонтий Константинович Кислянский совместно с капитаном московских стрельцов Осипом Бумаковым принимали калмыцкое посольство от хонтайши Бошухту. В ходе дипломатических переговоров они расспрашивали послов о Казахском ханстве, которым в тот период правил Тауке-хан. В ответах калмыцких представителей содержится важное свидетельство о развитии земледелия и садоводства на территории ханства: «...Посланцы говорили: В Казачье де Орде (Казахское ханство – Прим. авт.). Хлеба всякого пашут вблизи у городков и отъезжая по селам много... Так же де в городах и селах множе сады, а в садах всякие овощи, яблоко, винограды и вишни, черносливы и шебуга, орехи большие волосские и иные овощи ест...» (Посольские материалы..., 2005: 397).

Далее известно, что во исполнение указа Петра I в 1692 г. в город Туркестан было направлено дипломатическое посольство во главе с Василием Кобяковым с целью укрепления связей между Российской державой и Казахским ханством. Посольство было принято лично Тауке-ханом, в результате чего ряд политических и экономических вопросов между двумя сторонами получил положительное разрешение. В своём отчёте о поездке В. Кобяков описывает политико-экономическое и хозяйственное положение Казахского ханства, в том числе развитие земледелия. Он, в частности, отмечает: «А хлеб у Тевки хана (Тауке-хана – Прим. авт.) родится многое число, пшеница и ячмень и просо, а хлеб сеют озимые и яровые» (Роспросные речи..., 1867: 385, 389-390).

Затем, в ответ на визит казахского посольства, в 1695 г. Российское государство направило из Тобольска в Туркестан – столицу Казахского ханства – дипломатическую миссию под руководством Фёдора Скибина и Матвея Трошина. Послы прибыли в тот же год и после завершения миссии вернулись обратно. В своих отчётах, составленных по итогам поездки, они представили подробные сведения о казахском народе, его быте и хозяйственной деятельности. В частности, в одном из документов сообщается, что во время пребывания в ставке Тауке-хана российская делегация получала довольствие в виде «одной овцы и двух пудов пшеницы». Этот факт свидетельствует о том, что пшеничные продукты имели устойчивое применение при дворе хана, что, в свою очередь, подтверждает наличие земледелия и регулярного производства зерновых культур в ханском хозяйстве (Статейный список..., 1867: 375-380).

Сведения о земледелии у казахов приводит Семён Ульянович Ремезов (ок. 1663-1715) – выдающийся учёный и картограф своего времени, широко известный своими чертежами и географическими трудами. Ему принадлежит заслуга в нанесении на карты значительной части территории Российской империи, включая отдельные регионы казахских земель. Несмотря на

масштаб выполненной работы, она не была результатом исключительно личных усилий: в создании карт Ремезову активно помогали трое его сыновей, которые выступали в качестве его ближайших соратников и коллег. В 1697 г. Ремезов представил перед правительством две свои значимые работы: «Чертеж Тобольской земли» и «Чертеж земли всей безводной и многопроходной каменной стены» (*Чертежная книга...*, 1882: 22). Обе карты содержат обозначения казахских территорий, однако особый интерес представляет вторая из них, поскольку в неё включены ценные этнографические сведения о быте, обрядах и традициях казахского народа. Кроме того, на карте схематически отображены пашенные участки, ирригационные каналы и водоёмы. Данный труд Ремезова считается первым в истории картографическим источником, в котором зафиксированы элементы казахской земледельческой культуры, а также её пространственная структура и масштабы.

Казахи Старшего жуза с древних времён занимались земледелием и хорошо знали цену плодородной почвы. Не случайно существует выражение: «Люди Старшего жуза издавна трудились на земле и ели хлеб досыта». И.Г. Георги писал: «Казахи Большой Орды живут в постоянных зимних деревнях, но летом обитают в большей части в тростниковых шалашах, однако очень редко меняют место своего жительства. Некоторые из них занимаются земледелием несколько активнее, и в этом отношении они гораздо прилежнее, основательнее и мужественнее, нежели другие казахские орды и народы» (*Георги, 1799: 120*).

Источники свидетельствуют, что казахи издавна использовали различные методы заготовки продуктов на зиму. Одним из традиционных видов зимних заготовок является **кауынкак** – сушёная дыня, которую нарезают тонкими ломтиками и высушивают на солнце. Данный продукт широко известен и употребляется в пищу в зимнее время. Исследователи также отмечают существование других, менее известных, но схожих по технологии приготовления блюд. В одном из описаний сообщается о следующем рецепте: бересту (возможно, речь идёт о внутреннем слое берёсты) нарезают тонкими пластинами, высушивают на солнце, после чего обжаривают муку на масле и помещают её в кишку вместе со степными ягодами и бухарским изюмом. Это блюдо называется **«чжинн»** (в казахской транскрипции – *жын*) (*Гавердовский, 2007: 489*).

Ещё одним учёным и путешественником, оставившим важные сведения о земледельческой культуре казахов, был Я.П. Гавердовский. Исследователь, проявляя внимание к деталям, сопоставимое с профессиональной подготовкой гидротехника, оставил подробное описание ирригационной системы, применявшейся на казахских земледельческих угодьях. Он тщательно фиксирует, как система каналов и атызов (борозд), берущих начало от водохранилищ, распределяется по участкам пашен: «Пашни, представленные на плане, находились на правом берегу Иргизии». Глинистая насыпь (**a**) служила для удержания паводковых вод, в то время как участок (**b**) использовался для запруживания воды при её убыли. От главного вала по всей территории пашни были проложены слепленные из глины каналы (**c**), ширина которых достигала трёх четвертей аршина и более. От этих каналов по обе стороны отходили борозды (**d**) или «жалобы» (**e**), расположенные, как и каналы, несколько выше уровня самих пашен. Эти элементы пересекались между собой, формируя отдельные участки (**f**) и создавая сетчатую структуру орошения. Рельеф участка постепенно понижался по мере удаления от водоисточника, примыкая к водоотводным каналам (**g**), прорытым по всей площади, или к естественным ложбинам (**h**). Ценность наблюдений Гавердовского заключается не только в описании инженерных решений, но и в попытке классификации сельскохозяйственных площадей по их функциональному назначению и особенностям рельефа (*Гавердовский, 2007: 487-488*).

Военный инженер-топограф И.Г. Андреев занимался строительством крепостей и мостов на казахской земле, составлением планов и их нанесением на карты, а также чертежами редутов и форпостов. Он принимал участие в повторном обмере таких крепостей, как Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Бухтарминская и Ямышевская. Андреев скончался в городе Семей. Он хорошо владел казахским языком, часто бывал среди казахов в их аулах и регулярно консультировался со старшими жителями о природных особенностях земель. Автор оставил два значительных труда, посвящённых земледельческому хозяйству Сибири и казахских земель: «Физическое замечание о хлебопашестве и прочих экономических изделиях и растениях» и «Домашнее размышление о хлебопашестве», в которых содержатся сведения о зерновых культурах, использовавшихся в пищу. Объёмная этнографическая и историческая работа Андреева, в частности его внимание к земледельческой культуре казахов и тщательное её описание, свидетельствуют о его прогрессивном, проницательном и разностороннем подходе к исследованию (*Андреев, 1998: 193-197*).

Выдающийся казахский учёный-этнограф и путешественник Ч.Ч. Валиханов о каналах, арыках и системе водоёмов Семиречья писал: «С первого раза трудно поверить иногда, не удостоверившись лично, на какую высоту выводятся арыки, проложенные по увалам и возвышенностям. Сметливая рука казаха очень хорошо проведёт арык из речки, текущей к чрезвычайно глубокому рву, и трудно поверить, когда, убедившись, что не одной версте вода своим непринуждённым и свободным течением выведена вверх на сотни, а то и на тридцать саженой. Вывести её из рва, какой бы он глубины ни был, для казаха – ничего не значит» (*Валиханов, 1984: 185*).

Другой замечательный историк и этнограф, известный также как друг Ч.Ч. Валиханова, Г.Н. Потанин в своей статье 1861 г. «Заметка о хлебопашестве в Киргизской области» отмечает, что развитие земледелия среди казахов не всегда поддерживалось российскими властями. Напротив, опасаясь конкуренции со стороны казахских земледельцев в приграничных районах, государственные структуры часто создавали препятствия для развития этого вида хозяйства. Тем не менее, до половины кочевников, находившихся под управлением Сибирского ведомства, занимались земледелием, поскольку имели определённую свободу действий в этих регионах. Потанин подчёркивает, что казахский народ был создан не только для кочевого образа жизни, но и благодаря своей сообразительности и трудолюбию во многих местах активно занимался земледелием. Особенно интенсивно земледелие развивалось в таких регионах, как Тургай, Коргалджин, левобережье Иртыша, станция Лебежье, у гор Калбы, Тарбагатай, Алатау и в Семиречье. Автор также обращает внимание на нехватку мельниц и железных инструментов среди казахов. Казахи, владеющие мельницами, зачастую не заинтересованы в помоле собственной пшеницы, предпочитая покупать зерно у односельчан и молоть его для себя, чтобы затем при необходимости перепродать муку. При этом казахи приобретали уральское железо и самостоятельно изготавливали необходимые инструменты. Потанин отмечал, что если бы российские мастера изготавливали такие орудия, как мотыга и тесло, то они пользовались бы быстрым спросом, что было бы выгодно обеим сторонам (Потанин, 2006: 331-333).

Современник Г.Н. Потанина, М. Терентьев, в своей статье «Туркестан и туркестанцы» делится своими впечатлениями и наблюдениями, полученными в составе комиссии по всестороннему изучению народности Курама в 1868 г. Автор отмечает, что комиссия отказалась от первоначальных планов исследования, столкнувшись с гордыми кочевниками, которые ещё не признавали царские законы. Терентьев пишет: «Когда мы вошли в их кишлаки, увидели оседлых казахов – землепашцев, проживавших в домах, построенных из камыша и оштукатуренных глиной, а также в кирпичных постройках. Для них понятие рода воспринималось как пустой звук, относящееся к прошлому: у них отсутствовали родовые пастбища, зимовки и летовки» (Терентьев, 1875: 83).

Это описание свидетельствует о формировании у части казахского населения оседлого образа жизни, отходе от традиционных кочевых укладов и изменении социальных структур.

В одной из статей, посвящённых хозяйственной деятельности казахов, отмечается: «Сообщество земледельцев среди кочевников существует издревле, однако оно не развивается среди казахов, поскольку слово “соха” для них носит пренебрежительный оттенок. Это связано с глубоким уважением к словам Корана: “Везде, где проникает это оружие (т.н. соха), она несёт за собой позор и рабство”. Поэтому земледелием занимаются в основном самые бедные, а достигнув благополучия, они тут же его оставляют. Основными зерновыми культурами, употребляемыми казахами, являются пшено и пшеница, а перловку выращивают преимущественно как корм для лошадей». Кроме того, в статье отмечается, что под влиянием России в хозяйстве казахов появились рожь и картофель (Народы..., 2010: 72).

Начиная с первой половины XIX в. увеличивается количество экспедиций, изучающих Казахскую степь. В составе таких экспедиций были представители западных стран. Так, Франц Шварц (1847-1903), директор Ташкентской обсерватории, по приглашению генерал-губернатора Туркестана К. Кауфмана принимал участие в нескольких экспедициях, собирая материалы по истории и этнографии местного населения, включая казахов. Результатом его многолетних исследований стала книга «Туркестан – колыбель индоевропейских народов», опубликованная в 1900 г. По мнению автора, в казахской системе хозяйствования земледелие играло второстепенную роль и было вынужденной деятельностью тех земледельцев, кто не имел скота. Такие крестьяне осваивали участки земли вдоль каналов и других систем орошения, где сеяли зерновые культуры (Turkestan..., 1900: 76-77).

Ещё один учёный-этнограф, Д.У. Белов, хорошо знакомый с казахским бытом, подробно описывает земледельческие процессы и приводит около десятка народных терминов. Казахы, проживающих вдоль побережья Сырдарьи и не сумевших уйти в кочевье, он называет «жатаки» – сеятели, которые занимаются земледелием. По его словам, начиная с апреля, они сеют ячмень, а затем – пшеницу и пшено. Место, предназначенное для засева пшеницы, очищают от различных трав, что называется «утак». После засева зерном вспаханной земли проводят борозду, называемую «тап». При вспашке, если лошадь тянет деревянную соху, на её шею надевают хомут из войлока, а если вол – применяют деревянный хомут, называемый «моюнагаш». У казахов не принято хранить собранный урожай в мешках: для этого роют яму (погреб) в месте, где весной не поднимается вода, накрывают саманом и засыпают землёй. Урожай сохраняется таким образом до весны (Записка..., 2012: 651-653).

Старый житель Екиаша (прежняя казачья станция Покатиловка) Ефим Сорокин вспоминает: «Поскольку мы раньше в России жили исключительно на ровной местности, при приезде сюда не знали, как можно вывести воду из горных родников вверх к равнинам. Вначале брали воду из казахских арыков, позже научились у казахов выводить воду» (ПМА).

В 1796 г. русский посол Д. Телятников в ходе своей поездки по хребтам горы Каратау писал: «По горам, между расщелинами, имеются казахские пашни, на которых посеяна пшеница, ячмень,

а из плодов – дыни и арбузы» (Материалы..., 2007а: 160). В этом источнике впервые письменно зафиксировано свидетельство о том, что казахи занимались выращиванием бахчевых культур.

Польский революционер А. Янушкевич, участвовавший в экспедиции генерала Вишневого в 1846 г., находясь на побережьях рек Быжы, Егинсу и других, наблюдал оседлый образ жизни илийских казахов и оставил такую запись: «...возделывает поля при помощи каналов и орошения, сеет на них просо» (Янушкевич, 1966).

Исследователь Есетов Н.Е., опираясь на сведения из российских архивов, отмечает рост количества казахских земледельцев: «Число казахов, занявшихся земледелием, ежегодно увеличивалось в волостях, прилегающих к границам Оренбургской губернии, особенно в Актюбинском и других уездах. Хлебопашество начинало становиться основным занятием большинства местных жителей» (Есетов, 2005: 67).

«Просо – любимый хлеб казахов. Оседлые населённые пункты засевают его сравнительно мало, и то главным образом для продажи в степные районы», – отмечал один из специалистов по ирригации Средней Азии в конце XIX в. (Дингельштедт, 1893: 178).

Ф.К. Зибберштейн, лично наблюдавший развитую систему земледелия казахов с мельницами, садами и пашнями в районе Каратопракты Чилик – притоке реки Чилик в Или, – писал: «... здесь производится славное хлебопашество... На водах, текущих через равнину, расположено множество мельниц. Я из любопытства провёл там много дней, чтобы наблюдать за их работой, и обнаружил, что они устроены довольно хорошо. Одним словом, эта равнина – богатейший источник пропитания для кочующего казахского народа» (Путевые замечания..., 1936: 237).

«Ни один из кочующих народов, – писал Г.И. Спасский, – не может сравниться с казахами в деле хлебопашества. Их трудолюбие способно превратить даже самую сухую и песчаную землю в плодородную... Одним словом, земледелие киргизов заслуживает не только внимания, но и подражания» (Спасский, 1820: 351-352).

А.И. Левшин – государственный деятель Российской империи, сенатор, историк, этнограф и писатель, автор трёхтомной истории казахов. Ч. Валиханов удостоил его прозвища «Геродот Казахской истории». В своих исследованиях Левшин утверждает, что для казахов земледелие было первым шагом к оседлости. Он отмечает, что казахи кочуют рядом со своими пашнями до созревания зерна, после чего собирают урожай, часть его складывают в мешки, а излишки закапывают в землю, прежде чем откочевать. Среди посевов казахи выращивают рожь, пшеницу, ячмень, причём особенно много сеют просо, а также в меньших количествах арбузы и дыни. С каждого стебля проса собирают по 50-60 зёрен, а с пшеницы – 10-15 (Левшин, 1996: 380).

Здесь видно, что исследователь отнёсся к казахскому земледелию очень внимательно, досконально подсчитав даже количество зёрен с каждого стебля.

В связи с этим стоит вспомнить высказывание знаменитого декхана Ш. Берсиева, который установил мировой рекорд по выращиванию пшена и был в народе прозван «дедушкой белого пшена». По его словам, «одно зерно пшена равно по калорийности пяти зернам пшеницы». Пшено быстро созревает, даёт обильный урожай и превосходит пшеницу по калорийности и пищевой ценности, что объясняет его очевидное предпочтение среди казахов.

Исследователь приводит схему казахской пашни, начерченную Я.П. Гавердовским. Эта схема служит наглядным материалом, не утратившим своей ценности и по сей день. В своих записках он подробно описывает способы орошения казахских пашневых равнин и то, как земледельцы умудрялись получать урожаи даже в годы сильнейшей засухи, создавая водохранилища. «Где несколько пашен расположено вместе, там хозяева копают один общий главный ров, от которого каждый проводит воду на свою собственную ниву. Этот ров запруживают так, что один земледелец, наполнив свою пашню, разрезает перегородку, отделяющую его от соседа, и пускает воду к нему; последний в свою очередь поступает так же с третьим и так далее...». Записки А. Левшина ценны тем, что казахская земледельческая культура им всесторонне изучена в течение длительного времени, что позволяет автору глубоко и детально освещать данную тему.

Русские источники свидетельствуют, что хан Абульхаир занимался земледелием в достаточной мере и получал значительные урожаи: «...Абульхаир-хана возвратитель они не видели, а слышали, что он кочует на Сырдарье, заводит пашню... сказывают, что, управившись с хлебом, прикочует к Оренбургу в скором времени...» (Материалы..., 2007b: 54).

Из этого сведения видно, что хан сеял зерно вдоль побережья Сырдарьи, а на летние пастбища (джайляу) откочёвывал в сторону Оренбурга.

Л. Чермак, посетивший в конце XIX в. низовья реки Чу, описывает поливные пашни, где у каждого казахского рода имелись собственные пруды, пополнявшиеся водой из реки. Длина этих прудов достигала до 25 км. Останки многих из них сохранились до наших дней, некоторые продолжают использоваться, а в народной памяти живут их родовые названия, например, «пруд джалаиров», «пруд аргынов» и другие. К копанью прудов привлекались практически все члены рода. В районе Чу насчитывается 18 таких прудов, строительство которых потребовало труда 18 родов. По окончании главной работы – выкапывания пруда – каждая семья проводила от него арыки к своим участкам для полива (Чермак, 1900: 10-14).

Иоганн Сиверс, путешествовавший в конце XVIII в. по казахским землям, несколько раз видел казахские пашни. В своём письме, написанном в 1793 г. из гор Тарбагатай, он описывает встречу с «одиноким казахом, который поливал поле, засеянное пшеницей и желтым просом (*Panicum miliassum*), водой из арыков. Пашня располагалась, как обычно, у небольшой речки на плодородном черноземном участке... и казах получал хороший урожай зерна» (Сиверс, 1999: 36).

По сведениям шведского учёного И.П. Фалька, казахи объединялись в группы и возле пашен пшеницы строили временные и саманные домишки, охраняя пашни всё лето (Фальк, 1999: 81). «Жили оседло в селах, ели хлеб и имели небольшие стада» (Фальк, 1999: 123). Казахи активно использовали мучные продукты в повседневной пище. По записям И. Фалька, они готовили хлеб и челпе (шелпек), кудже (коже – делится на пшеничное и просяное, Прим. А.Т.), борте (каша из пропаренного пшеницы), кара-балама (карабыламык), курмаш (куырмаш) (Фальк, 1999: 132).

Т.А. Сейдалин, активный член Оренбургского отделения Русского географического общества, написал работу под названием «Посевное хозяйство на долинах Тургайской реки», которая, по сути, является продолжением рассказа И. Алтынсарина «Кипчак Сеиткул». В своей работе он доказывает, что Сеиткул (1770-1830) был реальной исторической фигурой, и плодами его труда пользовались казахи Младшего жуза, проживавшие на правом берегу Тургай (Сейдалин, 1870: 288).

В работе подробно описано возникновение казахского земледелия, методы обработки посевных полей, строительство каналов и прудов, а также инструменты труда, способы полива, сбор урожая и помол зерна на мельницах. Указаны основные виды зерновых культур.

По сведениям Сейдалина, вдоль восточного побережья реки Тургай было засеяно зерном 2091 десятина поливных земель, из которых 1191 десятина приходилась на пшеницу, а 900 – на пшеницу. Урожай с пшеницы составил 178 650 пудов (в среднем по 150 пудов с каждой десятины), с пшеницы – 90 тыс. пудов (в среднем по 100 пудов с каждой десятины) (Сейдалин, 1870: 234-257).

Данная статья заставила русских учёных пересмотреть своё восприятие казахов как исключительно кочевого народа. Вслед за ней видный исследователь истории и географии Тургайского края Я.Я. Полферов написал очерк под общим названием «Земледельческое хозяйство Тургайского края» (Полферов, 1896). Автор указывает, что одним из главных инициаторов развития посевного хозяйства в конце XVIII в. в регионе Тургай был Кипчак Сеиткул (1770-1830 гг.). Путешествуя по странам Азии, он ознакомился с многовековыми оседлыми культурами, привёз на родину семена десятков культурных растений, посадил их и успешно акклиматизировал. Неустанно обучая свой народ земледелию, Сеиткул стал пионером земледельческой культуры Тургайского края. Я.Я. Полферов был настолько впечатлён деятельностью этого деххана, что высоко оценил его заслуги перед народом (Полферов, 1896: 10).

Привезённые Сеиткулом семена таких культур, как пшеница, пшено, кукуруза, арбуз, дыня, лук, морковь, виноград, – почти все, кроме винограда и урюка, успешно прижились благодаря постоянному уходу и поливу. Автор выражает сожаление, что внезапная кончина Сеиткула не позволила ему реализовать многие свои проекты и задумки.

Кроме того, отмечается, что восстание Кенесары значительно затормозило дальнейшее развитие и широкое распространение посевного хозяйства, которому положил начало Сеиткул.

Инструментами сеятелей Тургай служили деревянная соха с зубцами спереди, которую везли с помощью коня, к хвосту которого привязывали ветвистое дерево для выравнивания вспаханной земли. Для полива использовали русские вёдра-черпаки под названием «журавль». С помощью «журавлей» воду набирали в деревянные поилки – «астау», а затем по тонким арыкам, называемым «жан», вода поступала непосредственно на поля, имеющие четырёхугольную форму.

Автор также подробно описывает используемые инструменты, среди которых выделяются «атпа» – деревянный ковш для полива, и «чигирь». Особое внимание уделяется разновидностям пшеницы, которые применялись казахами в посеве: жёлтое пшено, белое пшено и бухарское пшено.

Каждому виду посевной работы посвящается от 1,5 до 2 страниц: описываются этапы пропахивания земли, засеивания семян, боронования, жатвы, очищения зёрен и сохранения посевного поля. Такой подробный разбор демонстрирует глубокое понимание агротехники и традиционных методов земледелия, а также отражает важность каждого этапа для получения качественного урожая.

Заключительная часть книги носит название «Земледелие русского переселенца». В ней приводятся сведения о том, что у русских крестьян, наряду с пшеницей, ячменём и пшеном, широко выращивались чечевица, овёс, гречиха, лён и конопля. Автор последовательно описывает основные агротехнические операции – от засеивания семян до сбора урожая. В финале приводится перечень вредоносных для посевов насекомых с практическими рекомендациями по защите от них.

Объём и широта охвата тем в книге Я.Я. Полферова позволяют оценить её как один из первых фундаментальных трудов, посвящённых казахской земледельческой культуре.

После победы в тридцатилетней казахско-джунгарской войне (1756) Аблай-хан провёл ряд мероприятий по восстановлению разрушенных городов. Особенно он призывал свой народ заниматься земледелием, чтобы начать переход к оседлости. В письме к российской администрации в 1763 г. Аблай-хан просил разрешения для подвластных ему казахов перейти Горькую Линию и пасти

своих лошадей на территории России в связи с засухой. Вместе с тем он просил прислать к нему десять русских крестьян с сельскохозяйственным инвентарём, чтобы они обучали казахов земледелию. Для начала он просил направить двух человек с сохой, чтобы они совместно работали с его людьми, выделенными для земледельческих работ (*Казахско-русские...*, 1961: 662).

В 1764 г., кочуя возле гор Кокшетау, Аблай-хан встретился с башкирскими вождями родов и, не дожидаясь прибытия русских специалистов, сам привлёк своих людей к земледельческим работам и весной посеял пшено (*Казахско-русские...*, 1961: 668).

Возле реки Или Аблай-хан организовывал посевные работы в 1762–1769 гг., а позже начал сеять зерновые культуры и вдоль реки Ишим (*Аполлова, 1960: 176*).

В исторических источниках есть сведения, что Аблай-хан поручил Толе бию активно способствовать оседлости народа и расширить периметр пруда Ханарыка, который существовал ещё со времён хана Тауке. При этом он уведомил, что на выполнение этих работ будут выделены средства из ханской казны (*ПМА*).

Капитан И.Г. Андреев в 1785–1790 гг. посещал жителей верхнего течения реки Ишим и узнал, что ещё во времена покойного Аблай-хана в этих местах начинали вспахивать землю. По записям Левшина, Аблай-хан «построил сыну дом у речки Талаш, обнес его валом и основал около него поселение из каракалпаков, привыкших к хлебопашеству» (*Левшин, 1996: 256*).

Среди всех казахских ханов именно Аблай хан проявил наибольшее стремление к оседлости народа и сделал земледелие приоритетным занятием казахов. Он приучал людей к трудолюбию, бережливости и стремлению к благополучию. Аблай хан ясно понимал преимущества оседлого образа жизни перед кочевым и видел в этом путь к цивилизованному развитию, которое уже давно освоили другие народы. Он был убеждён, что если казахи смогут адаптироваться к оседлой жизни, то не отстанут от прогресса и смогут жить счастливо наравне с другими народами.

Во второй половине XVIII в. начатое Аблаем ханом строительство прудов, системы орошения, а также весенние и осенние посевы зерновых культур стали примером для подражания среди власть имущих и зажиточной части казахского общества. До сих пор можно увидеть сохранившиеся арычные системы и участки посевных полей, которые носят имена своих создателей: пруд Абулхаир-хана, отмеченный на картах русских, пруд Худайменди султана, пруд Ақтамберди батыра-жырау, пруд Сырыма батыра и другие.

Строительство таких сооружений, как пруды и каналы, за свой счёт со стороны знати и богатых людей было прямым следствием инициатив Аблая хана и свидетельством его влияния на развитие земледелия среди казахов.

В 1893 г. по инициативе областной администрации Туркестанского генерал-губернаторства была опубликована работа Н.А. Дингельштедта под названием «Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область» (*Дингельштедт, 1895*). Н.А. Дингельштедт был специально приглашён Туркестанским генерал-губернаторством с целью проведения исследований системы орошения народов, населявших регион. Автор начал своё исследование с распространения составленной им анкеты среди местных управленцев, арык-аксакалов и мирабов с целью сбора сведений о системе ирригации региона. В данной анкете были охвачены такие вопросы, как виды арыков, единицы измерения (ширина, длина, глубина), количество отводов воды от арыков, организация работ по рытью и очистке арыков, порядок очерёдности использования воды, связанные с этим споры, а также нормы обычного права, касающиеся водных ресурсов. Свою научную работу исследователь разделил на две главы: «Обычное право. Водное хозяйство» и «Современное состояние ирригации». Как видно из названий разделов, Н.А. Дингельштедт изучал не только вопросы обычного права, связанные с системой орошения, но и её традиционную структуру (*Дингельштедт, 1895*).

Уже после установления Советской власти, в 1920-х гг., Г.Н. Маллицкий, профессор Среднеазиатского Университета, хорошо владеющий казахским языком, написал объёмное этнографическое исследование, посвящённое жизнедеятельности казахов. По его наблюдениям, оседлые казахи быстро осваивают земледельческое хозяйство у узбеков и таджиков, умеют выращивать рис и хлопок. В Семиречье казахи перенимали у русских переселенцев сельскохозяйственные орудия, такие как серп и коса, называя их «белорак». В годы голода они выкапывали корень травы под названием «алгы», выдерживали его в воде для удаления яда, затем полученный белый крахмальный порошок жарили на масле или варили в воде и молоке, и этим питались. Из жирной муки растения, растущего на песках и называемого «кум-тары» (буквально «песочное пшено», другое название – «кумаршык»), готовили хлеб или кашу. Аналогичную пищу изготавливали из растения «ат-кулак» (буквально «лошадиное ухо») (*Маллицкий, 2011: 299*).

Маллицкий также отмечал, что бедняки в середине XIX в. массово оседали и занимались хлебопашеством, формируя таким образом самый бедный класс земледельцев – «игенчи» (егінші). При этом «джатаки» (жатактар) представляли собой настоящий пролетариат, экономически зависимый от богатых сородичей, а также от русских и немецких колонистов на окраинах степи (*Маллицкий, 2011: 295, 416*).

Путешественники и исследователи, посетившие казахские земли в начале XVIII–XIX вв., отмечали в своих записях, что многие пруды, арыки и ирригационные системы на посевных землях

пришли в запустение и утратили свою функцию. Они объясняли это явление изменениями климата. Однако, на наш взгляд, упадок земледелия следует в большей степени связывать с казахско-джунгарскими войнами 1723–1754 гг., в ходе которых множество городов было разрушено, а около двух третей казахов было вынуждено переселиться в Среднюю Азию и другие регионы (Шнитников, 1957: 113-119, 124).

С середины XVIII в. султаны, батыры, бии и баи под руководством хана Абылая начали строительство гидротехнических сооружений – плотин, каналов, уалов (*акведуков – Прим. авт.*) и т. д., необходимых для развития земледелия. С одной стороны, эти работы осуществлялись по распоряжению хана, с другой – служили средством обеспечения подчинённого населения продовольствием и стабильностью. Во многих русских источниках содержатся указания на участие Абылая в организации сельскохозяйственных работ, в частности в посевной и заготовке сена. Так, в одном из свидетельств говорится: «В этом году с лета Абылай начал сеять просо» (Казахско-русские..., 1961: 662). В 1780 г. русский посол А.М. Бекчурин отмечал, что Абылай-хан, расположившись в шести днях пути от Ташкента, «занимался там земледелием» (Казахско-русские..., 1961: 102). Сообщается также, что султан Абулфеиз, исполняя приказ хана Абылая, «для занятия земледелием размещал и привлекал к работе киргизов, взятых в плен на прежних джунгарских землях». В конце XVIII в. Сырым-батыр, выкопав плотину и заложив поля на берегах рек Эмба и Нура, значительно обогатился, – такие сведения приводятся в источниках (Аполлова, 1960: 196). Таким образом, можно заключить, что возрождение и развитие земледельческой культуры после казахо-джунгарских войн во многом происходили под руководством и при непосредственной поддержке представителей господствующего сословия.

Поскольку традиционное земледелие у казахов издавна носило ирригационный характер, исследователи отмечают их бережное и уважительное отношение к земле и воде, а также особое почитание этих природных ресурсов (Мейер, 1865: 103-105; Александров, 1916: 128). По свидетельству Я. Гавердовского, «у казахов при посеве существовала система трёх танапов». Согласно этому методу, пшеницу и ячмень сеяли на тех участках, где в предыдущем году выращивались просо или просянка. После этого землю оставляли под пар или сдавали в залог, не обрабатывая её до третьего года, когда участок вновь вспахивали и засеивали (Гавердовский, 2007: 106).

Со второй половины XIX в. казахи начинают активно поставлять продукцию земледелия на рынок. Генерал С. Броневский также указывал на то, что доходы от земледелия в степных районах были весьма значительными. В Усть-Каменогорск, Семипалатинск и на Иртышскую линию казахи привозили на продажу китайскую пшеницу и просо, что вызывало удивление у коренного населения Сибири (Казахско-русские..., 1961: 133). Русские письменные источники содержат ценные сведения о состоянии и развитии казахского земледелия, охватывающие период более полутора веков.

5. Заключение

В данном исследовании наглядно показано, что давно устоявшееся представление о традиционном хозяйстве казахского народа как исключительно кочевом не соответствует исторической действительности. Богатые исторические источники XVIII–XIX вв., оставленные русскими путешественниками, послами, учёными и этнографами, убедительно свидетельствуют: наряду с кочевым образом жизни казахи широко занимались земледелием. В этих трудах подробно описаны способы выращивания ячменя, пшеницы, пшена и кукурузы, применение систем арыков и прудов, использование различных земледельческих орудий, а также методы хранения и обработки урожая.

Из исторических записей и картографических материалов видно, что казахское земледелие по своим пространственным и технологическим параметрам было многообразным и глубоко адаптированным типом хозяйствования. Земледельческие работы, проводившиеся на обширных равнинах – от побережья Иртыша до Семиречья, от реки Чу до долин Сырдарьи – подчёркивают важность этого ремесла в жизни казахского общества. Сложность и эффективность систем орошения, а также приспособленность данного типа земледелия служат свидетельством богатого и многовекового опыта казахских земледельцев.

Вместе с тем на распространение земледелия у казахов влияли и внешние факторы: ограниченность пастбищных земель, значительные потери скота в результате джуртов, климатические трудности, а также взаимодействие с соседними оседлыми народами. Многочисленные свидетельства подтверждают, что земледелие для казахов было не просто дополнительным занятием, а важным образом жизни и основным источником пропитания. Роль таких выдающихся личностей, как Кипчак Сеиткул, в популяризации земледельческого труда, а также производственная значимость культур, таких как пшено и пшеница, подчёркивают необходимость пересмотра традиционного взгляда на хозяйственную культуру казахского народа.

Изученные данные показывают, что в отечественной историографии имеются пробелы в освещении истории казахского земледелия. В связи с этим становится очевидной необходимость повторного рассмотрения и переосмысления этой проблемы. Культура хозяйствования казахского народа должна восприниматься не только как основанная на кочевом образе жизни, но и как многоаспектная, сложная система, включающая оседлый и полuosедлый образ жизни.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Земледельческая культура казахов Жетысу в XIX – начале XX века: по данным новых архивных и историко-этнографических материалов» (ИРН АР23488973).

Литература

Александров, 1919 – Александров Н.Н. Земледелие в Сыр-Дарьинской области. Описание приемов земледелия преимущественно Ташкентского хлопкового и сухоземледельческого района / Туркестанское сельское хозяйство за 1916–1918 гг. Ч. 1. Общие приемы земледелия. Ташкент, 1919. С. 1-247.

Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Ғылым, 1998. 280 с.

Аполлова, 1960 – Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 456 с.

Байгабатова, 2023 – Байгабатова Н.К. Казахи Жетысу на рубеже XIX-XX веков (историко-этнографическое исследование). Талдыкорган: ИП «Дизайн-ОТ», 2023. 204 с.

Валиханов, 1984 – Валиханов Ч.Ч. О хлебопашестве // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. С. 184-188.

Гавердовский, 2007 – Гавердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого / История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 283-495.

Галузо, 1965 – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 347 с.

Георги, 1799 – Георги И.Г. Киргизцы / Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть вторая. О народах Татарского племени. СПб., 1799. С. 119-142.

Дингельштедт, 1893 – Дингельштедт Н.Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1893. 366 с.

Есетов, 2005 – Есетов Н.Е. Скотоводство и земледелие Актюбинского и Иргизского уездов Тургайской области конец XIX – начало XX веков // ҚазҰУ Хабаршысы, тарих сериясы. №1 (36). 2005.

Записка..., 2012 – Записка оренбургского купца Д.У. Белова о хозяйстве, домашнем быте, обрядах и обычаях казахов долины Сырдарьи. 10 февраля 1869 г. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века. Сб. док. и мат-лов / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, И.М. Самигулин. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. С. 647-699.

Казахско-русские..., 1961 – Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках: (сборник документов и материалов) / сост.: Ф.Н. Киреев [и др.]; под ред.: В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаев. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. 743 с.

Кармышева, 1986 – Кармышева Дж. Х. Земледельческая обрядность у казахов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1986. С. 47-70

Костенко, 1871 – Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. С картой Средней Азии. СПб.: Типография В. Безобразова и К, 1871. 405 с.

Левшин, 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / Под общей редакцией академика М.К. Козыбаева. Алматы: «Санат», 1996. 656 с.

Маллицкий, 2011 – Маллицкий Н.Г. Казахи (этнографический очерк) // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 1. Алматы: Издание LEM, 2011. С. 277-329.

Материалы..., 2007а – Материалы поездки казачьего атамана подпоручика Дмитрия Телятникова и сержанта Алексея Безноскова с Иртышской линии в Ташкентское владение к правителю Юнус-ходже (30 мая 1796 г. – 23 июля 1797 г.) / История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям. XVIII-XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 153-178.

Материалы..., 2007б – Материалы поездки поручика Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера и геодезиста подпоручика Алексея Кушелева с торговым караваном из Оренбурга в Ташкент (29 августа 1738 г. – 5 июня 1739 г.) // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям. XVIII-XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 32-55.

- Мейер, 1865** – Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства [Материалы для географии и статистики России собранные офицерами Генерального штаба]. СПб., 1865. 288 с.
- Народы..., 2010** – Народы России, киргизы // *История и культура казахского народа XVII – начало XX вв. в русской периодической печати*. Т. 2. Астана: «Парасат», 2010.
- ПМА** – Полевые материалы авторов.
- Полферов, 1896** – Полферов Я.Я. Земледелие Тургайской области (очерк). Оренбург, 1896. 66 с.
- Посольские материалы..., 2005** – Посольские материалы Русского государства (XV-XVII вв.) / *История Казахстана в русских источниках. Т. I. Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словников указателей* А. Исина. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.
- Потанин, 2006** – Потанин Г.Н. Заметка о хлебопашестве в Киргизской степи / *История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков*. Т. VII. Алматы: «Домы Пресс», 2006. С. 331-333.
- Путевые замечания..., 1936** – Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштайна // *Исторический архив: сборник в 10 томах* / Ответ. редактор: академик Б.Д. Греков. Т. 1. М.-Л.: Изд-во академии наук СССР, 1936. С. 226-258.
- Путешествие..., 1820** – Путешествие Федора Исакович Байкова в Китай с 1654 по 1658 год // *Сибирский вестник, издаваемый Григорием*. Часть XI. СПб.: Морской типографии, 1820. С. 113-136, 137-166.
- Роспросные речи..., 1867** – Роспросные речи в Сибирском приказе казака Василия Кобякова о пребывании его в Туркестане // *Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией*. Т. X. СПб., 1867. С. 385-390.
- Сараев, 2011** – Сараев В.В. Инструменты земледельцев Древнего Жетысу // *История и археология Семиречья. Сборник статей и публикаций*. Вып. 4. Алматы: Фонд «Родничок», 2011. С. 127-142.
- Сейдалин, 1870** – Сейдалин Т.А. О развитии хлебопашества по бассейну р. Тургая // *ЗОО ИРГО*. Т. 1. 1870. С.128-241.
- Сиверс, 1999** – Сиверс И. Письма из Сибири / Пер. с нем. Алматы: Ғылым, 1999. С. 5-85.
- Спаский, 1820** – Спаский Г.И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды // *Сибирский вестник*. 1820. Ч. 9. С. 51-58, 93-124, 167-196; Ч. 10. С. 211-234, 285-292, 343-373.
- Статейный список..., 1867** – Статейный список пребывания в Туркестане, в Хиве и в Бухаре казаков Федора Скибина и Матвея Трошина, посланных из Тобольска для переговоров с Тевкиханом, вследствие неприяженных действий подвластной ему Казачьей Орды с Русскими // *Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией*. Т. X. СПб., 1867. С. 375-385.
- Сулейменов, 1963** – Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX в. (1867 – 1907 гг.). Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1963. 412 с.
- Терентьев, 1875** – Терентьев М. Туркестан и Туркестанцы // *Вестник Европы*. 1875. Т. V. №9. С. 65-112.
- Фальк, 1999** – Фальк И.П. Описание всех национальностей России / Пер. с нем. Алматы: Ғылым, 1999. С. 87-135.
- Хозяйство..., 1980** – Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата: Наука, 1980. 256 с.
- Чермак, 1900** – Чермак Л.К. Оседлые киргизы-земледельцы на р.Чу и заметки о пути через Голодную Степь с картою / *Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества*. Кн. XXVII. Омск, 1900. С. 1-24.
- Чертежная книга..., 1882** – Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб.: Типография А.М. Котомина и К., 1882. 31 с.
- Шнитников, 1957** – Шнитников К.А. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. М.-Л.: Наука, 1957. 337 с.
- Янушкевич, 1966** – Янушкевич А. *Дневники и письма из путешествия по казахским степям*. Пер. с польского Ф. Стекловой. Алма-Ата: «Казахстан», 1966. 268 с.
- Turkestan..., 1900** – Turkestan, Zweig der indogermanischen Volker. Nach funfzehnjahrigem Aufenthalt in Turkestan. Dargestellt von Franz v. Schwarz, vormals Astronom de Taschkenter Observatoriums und Leiter der Turkestanischen Meteorologischen Instituts. Freiburg: Herdesche Verlagshandlung, 1900. Pp. 51-125.

References

- Aleksandrov, 1919** – Aleksandrov, N.N. (1919). Zemledelie v Syr-Dar'inskoi oblasti. Opisanie priemov zemledeliya preimushchestvenno Tashkentskogo khlopkovogo i sukhozemledel'cheskogo raiona [Agriculture in the Syr Darya Region. Description of farming practices, primarily in the Tashkent cotton and dry-farming region]. Turkestanskoe selskoe khoziystvo za 1916–1918 gg. Ch. 1. Ovshie priemy zemledelie. Tashkent. Pp. 1-247. [in Russian]

- Apollova, 1960** – *Apollova, N.G.* (1960). Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiei v XVIII – nachale XIX v. [Economic and Political Relations of Kazakhstan with Russia in the 18th – early 19th centuries] M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 456 p. [in Russian]
- Baigabatova, 2023** – *Baigabatova, N.K.* (2023). Kazakhi Zhetisu na rubezhe XIX–XX vekov (istoriko-etnograficheskoe issledovanie) [The Kazakhs of Zhetysu at the turn of the 19th–20th centuries (historical and ethnographic study)]. Taldykorgan: IP «Dizain-OT», 204 p. [in Russian]
- Chermak, 1900** – *Chermak, L.K.* (1900). Osedlye kirgizy-zemledel'tsy na r. Chu i zametki o puti cherez Golodnuiu Step' s kartoi [Settled Kyrgyz Farmers along the Chu River and Notes on the Route through the Hunger Steppe with a Map]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniia IRGO*. Kn. XXVII. Omsk. Pp. 1-24. [in Russian]
- Chertezhnaia kniga..., 1882** – Chertezhnaia kniga Sibiri, sostavlennaia tobol'skim synom boiarskim Semenom Remezovym v 1701 godu [Map Book of Siberia, Compiled by the Tobolsk Nobleman Semyon Remezov in 1701]. SPb.: Tipografiia A.M. Kotomina i K., 1882. 31 p. [in Russian]
- Dingel'shtedt, 1893** – *Dingel'shtedt, N.N.* (1893). Opyt izucheniia irrigatsii Turkestanskogo kraia. Syr-Dar'inskaia oblast' [Study of Irrigation in the Turkestan Region: Syr-Darya Province]. SPb., 366 p. [in Russian]
- Esetov, 2005** – *Esetov, N.E.* (2005). Skotovodstvo i zemledelie Aktyubinskogo i Irgizskogo uezdov Turgaiskoi oblasti konets XIX – nachalo XX vekov [Animal husbandry and agriculture in the Aktyubinsk and Irgiz districts of the Turgai region at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *QazUU Khabarshysy, Tarikh seriiasy*. 1(36). [in Russian]
- Falk, 1999** – *Falk, I.P.* (1999). Opisaniye vseh natsional'nostei Rossii [Description of all nationalities of Russia]. Per. s nem. Almaty: Gylm. Pp. 87-135. [in Russian]
- Galuzo, 1965** – *Galuzo, P.G.* (1965). Agrarnye otnosheniia na iuge Kazakhstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the South of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata: Nauka, 347 p. [in Russian]
- Gaverdovskii, 2007** – *Gaverdovskii, Ia.P.* (2007). Obozrenie Kirgiz-kaisakskoi stepi (chast' 2-ia) ili Opisaniye strany i naroda kirgiz-kaisakskogo [Survey of the Kyrgyz-Kaisak Steppe (Part 2), or Description of the Country and People of the Kyrgyz-Kaisaks]. Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniia kazakhskikh zemel'. Pervaia polovina XIX veka. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press. Pp. 283-495. [in Russian]
- Georgi, 1799** – *Georgi, I.G.* (1799). Kirgiztsy [The Kyrgyz]. Opisaniye vseh obitaiushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov. Ikh zheiteiskikh obriadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugih dostopamiatnostei. Chast' vtoraiia. O narodakh Tatarskogo plemeni. SPb. Pp. 119-142. [in Russian]
- Karmysheva, 1986** – *Karmysheva, Dzh.Kh.* (1986). Zemledel'cheskaia obriadnost' u kazakhov [Agricultural Rituals among the Kazakhs]. Drevnie obriady, verovaniia i kul'ty narodov Srednei Azii. Istoriiko-etnograficheskie ocherki. M.: Nauka. Pp. 47-70. [in Russian]
- Kazakhsko-russkie..., 1961** – Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVI–XVIII vekakh: Sbornik dokumentov i materialov [Kazakh–Russian Relations in the 16th–18th Centuries: Collection of Documents and Materials]. Sost.: F.N. Kireev [i dr.]; Pod red.: V.F. Shakhmatov, F.N. Kireev, T.Zh. Shoinbaev. Alma-Ata: Izd-vo Akademii nauk KazSSR, 1961. 743 p. [in Russian]
- Khoziaistvo..., 1980** – Khoziaistvo kazakhov na rubezhe XIX–XX vekov. Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu [The economy of the Kazakhs at the turn of the 19th–20th centuries. Materials for the historical and ethnographic atlas]. Alma-Ata: Nauka, 1980. 256 p. [in Russian]
- Kostenko, 1871** – *Kostenko, L.* (1871). Sredniaia Aziia i vodvorenie v nei russkoi grazhdanstvennosti. S kartoi Srednei Azii [Central Asia and the establishment of Russian civility in It. With a map of Central Asia]. SPb.: Tipografiia V. Bezobrazova i K, 1871. 405 p. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin, A.I.* (1996). Opisaniye kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of the Kirgiz-Cossack, or Kirgiz-Kaisak, Hordes and Steppes]. Pod red. akad. M.K. Kozybaeva. Almaty: Sanat, 656 p. [in Russian]
- Mallitskii, 2011** – *Mallitskii, N.G.* (2011). Kazakhi (etnograficheskii ocherk) [The Kazakhs (an ethnographic essay)]. Istoriia Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh. Vyp. 1. Almaty: Izdanie LEM. Pp. 277-329. [in Russian]
- Materialy..., 2007a** – Materialy poezdki kazachego atamana podporuchika Dmitriia Teliatnikova i serzhanta Alekseia Beznosikova s Irtyshskoi linii v Tashkentskoe vladenie k pravitel'iu Iunus-khodzhe (30 maia 1796 g. – 23 iulia 1797 g.) [Materials from the Journey of Cossack Ataman Second Lieutenant Dmitry Telyatnikov and Sergeant Alexey Beznosikov from the Irtysh Line to the Tashkent Domain to Ruler Yunus-Khoja (May 30, 1796 – July 23, 1797)]. Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. VI. Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po iuzhnyim kazakhskim stepiam. XVIII–XIX veka. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press, 2007. Pp. 153-178. [in Russian]
- Materialy..., 2007b** – Materialy poezdki poruchika Penzenskogo garnizonnogo pekhotnogo polka Karla Millera i geodezista podporuchika Alekseia Kusheleva s torgovym karavanom iz Orenburga v Tashkent (29 avgusta 1738 g. – 5 iunია 1739 g.) [Materials from the Journey of Lieutenant of the Penza garrison Infantry regiment Karl Miller and surveyor second Lieutenant Alexey Kushelev with a trade caravan from

- Orenburg to Tashkent (August 29, 1738 – June 5, 1739)]. *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*. T. VI. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press, 2007. Pp. 32-55. [in Russian]
- Meier, 1865** – *Meier, L.* (1865). Kirgizskaia step' Orenburgskogo vedomstva [The Kyrgyz steppe of the Orenburg department]. *Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba*. SPb., 288 p. [in Russian]
- Narody..., 2010** – *Narody Rossii, kirgizy* [Peoples of Russia, the Kyrgyz]. *Istoriya i kul'tura kazakhskogo naroda XVII – nachalo XX vv. v russkoy periodicheskoy pechati*. T. 2. Astana: "Parasat", 2010. [in Russian]
- PMA** – Polebye materialy avtorov [Field materials of the authors].
- Polferov, 1896** – *Polferov, Ia.Ia.* (1896). *Zemledelie Turgaiskoi oblasti (ocherk)* [Agriculture in the Turgai Region (An Essay)]. Orenburg, 66 p. [in Russian]
- Posol'skie materialy..., 2005** – *Posol'skie materialy Russkogo gosudarstva (XV–XVII vv.)*. *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh*. T. I [Embassy materials of the Russian state (15th–17th centuries). History of Kazakhstan in Russian sources. Vol. I]. Sost., transkriptsiia skoropisi, vstupl. stat'ia i kommentarii: A. Isin. Almaty: Daik-Press, 2005. 704 p. [in Russian]
- Potanin, 2006** – *Potanin, G.N.* (2006). *Zametka o khlebopashestve v Kirgizskoi stepi* [Note on Agriculture in the Kyrgyz Steppe]. *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*. T. VII. Almaty: Domy Press. Pp. 331-333. [in Russian]
- Puteshestvie..., 1820** – *Puteshestvie Fedora Isakovicha Baikova v Kitai s 1654 po 1658 god* [Journey of Fedor Isakovich Baikov to China from 1654 to 1658]. *Sibirskii vestnik, izdavaemyi Grigoriem*. Chast' XI. SPb.: Morskaia tipografiia, 1820. Pp. 113-136, 137-166. [in Russian]
- Putevye zamechaniia..., 1936** – *Putevye zamechaniia Omsskogo garnizonnogo polka lekaria Zibbershteina* [Travel notes of the Omsk garrison regiment of the physician Zibberstein]. *Istoricheskii arkhiv: Sbornik v 10 tomakh*. Otv. red.: akademik B.D. Grekov. T. 1. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1936. Pp. 226-258. [in Russian]
- Rosprosnye rechi..., 1867** – *Rosprosnye rechi v Sibirskom prikaze kazaka Vasiliia Kobiakova o prebyvanii ego v Turkestane* [Interrogation Testimonies in the Siberian Chancellery of Cossack Vasily Kobyakov about His Stay in Turkestan]. *Dopolneniia k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei*. T. X. SPb., 1867. Pp. 385-390. [in Russian]
- Saraev, 2011** – *Saraev, V.V.* (2011). *Instrumenty zemledel'tsev Drevnego Zhetysu* [Agricultural tools of Ancient Zhetysu farmers]. *Istoriia i arkheologiiia Semirech'ia. Sbornik statei i publikatsii*. Vyp. 4. Almaty: Fond «Rodnichok». Pp. 127-142. [in Russian]
- Seidalin, 1870** – *Seidalin, T.A.* (1870). *O razvitii khlebopashestva po basseinu r. Turgai* [On the Development of Agriculture along the Turgai River Basin]. *Zapiski Otdeleniia Obshchestva Izucheniiia Russkogo Kraia pri IRGO*. T. 1. Pp. 128-241. [in Russian]
- Shitnikov, 1957** – *Shitnikov, K.A.* (1957). *Izmenchivost obshei uvlazhnennosti materikov severnogo polushariya* [Variability of the Overall Moisture of the Continents in the Northern Hemisphere]. M.–L.: Nauka, 337 p. [in Russian]
- Sivers, 1999** – *Sivers, I.* (1999). *Pis'ma iz Sibiri* [Letters from Siberia]. Per. s nem. Almaty: Gylym. Pp. 5-85. [in Russian]
- Spasskii, 1820** – *Spasskii, G.I.* (1820). *Kirgiz-kaisaki Bol'shoi, Srednei i Maloi Ordy* [The Kyrgyz-Kaisaks of the Great, Middle, and Small Hordes]. *Sibirskii vestnik*. Ch. 9. Pp. 51-58, 93-124, 167-196; Ch. 10. Pp. 211-234, 285-292, 343-373. [in Russian]
- Stateynyi spisok..., 1867** – *Stateynyi spisok prebyvaniya v Turkestane, v Khive i v Bukhare kazakov Fedora Skibina i Matveya Troshina, poslannykh iz Tobolska dlia peregovorov s Tevkhikhanom, vsledstvie nepriyaznennykh deystviy podvlastnoy yemu Kazachey Ordy s Russkimi* [An official record of the stay in Turkestan, Khiva, and Bukhara by Cossacks Fedor Skibin and Matvey Troshin, sent from Tobolsk for negotiations with Tevkhikhan, due to the hostile actions of the Cossack Horde under his authority against the Russians]. *Dopolneniia k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei*. T. X. SPb., 1867. Pp. 375-385. [in Russian]
- Suleimenov, 1963** – *Suleimenov, B.* (1963). *Agrarnyi vopros v Kazakhstane poslednei treti XIX – nachala XX v. (1867–1907 gg.)* [The agrarian question in Kazakhstan in the Last Third of the 19th – beginning of the 20th centuries (1867–1907)]. Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoi SSR, 412 p. [in Russian]
- Terent'ev, 1875** – *Terent'ev, M.* (1875). *Turkestan i Turkestantsy* [Turkestan and the Turkestanis]. *Vestnik Evropy*. T. V. 9: 65-112. [in Russian]
- Turkestan..., 1900** – *Turkestan, Zweig der indogermanischen Volker. Nach funfzehnjahrigem Aufenthalt in Turkestan. Dargestellt von Franz v. Schwarz, vormals Astronom de Taschkenter Observatoriums und Leiter der Turkestanischen Meteorologischen Instituts*. Freiburg: Herdesche Verlagshandlung. Pp. 51-125.
- Valikhanov, 1984** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1984). *O khlebopashestve* [On agriculture]. *Sobranie sochinenii v piati tomakh*. T. 1. Alma-Ata: Glavnaia redaktsiia Kazakhskoi sovetskoi entiklopedii. Pp. 184-188. [in Russian]

[Yanushkevich, 1966](#) – *Yanushkevich, A.* (1966). Dnevnik i pis'ma iz puteshestviya po kazakhskim stepyam [Diaries and letters from a journey through the Kazakh steppes]. Per. s pol'skogo F. Steklovoy. Alma-Ata: «Kazakhstan», 268 p. [in Russian]

[Zapiska..., 2012](#) – Zapiska orenburgskogo kuptsa D.U. Belova o khoziaistve, domashnem byte, obriadakh i obychaiakh kazakhov doliny Syrdarii. 10 fevralia 1869 g. [Note by Orenburg Merchant D.U. Belov on the economy, domestic life, rituals, and customs of the Kazakhs in the Syr Darya valley, February 10, 1869]. Putevye dnevnik i zapiski rossiiskikh chinovnikov i issledovatelei o Kazakhskoi stepi XVIII – seredina XIX veka: Sbornik dokumentov i materialov. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev, I.M. Samigulin. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov – Chernobylets», 2012. Pp. 647-699. [in Russian]

Традиционное казахское земледелие в исследованиях российских учёных и путешественников XVIII–XIX вв.

Ахмет Уалханович Токтабай ^а, Нурлыбек Айдарбекович Досымбетов ^{а, *}

^а Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Данная историографическая статья посвящена анализу изучения истории земледелия казахского народа в XVIII–XIX вв. на основе трудов исследователей – путешественников и учёных Российской империи. Авторы рассматривают обширный корпус трудов этнографов и востоковедов, записей путешественников, а также и российских архивных материалов, которые отражают разнообразие хозяйственной деятельности казахов, опровергая устаревший стереотип о чисто кочевом образе жизни народа. В работе подробно обсуждаются методы ведения земледелия, системы ирригации, виды возделываемых культур и их роль в жизни народа, которые отражены в вышеуказанных источниках. Особое внимание уделяется историческим фигурам, таким как Кипчак Сеиткул и Аблай-хан, которые способствовали развитию оседлого земледелия среди степняков. Статья анализирует, как различные внешние факторы и исторические события влияли на распространение и развитие земледельческой культуры. Авторы подчёркивают необходимость переосмысления традиционных представлений в отечественной историографии, обращая внимание на многоаспектность хозяйственного уклада казахов, включающего кочевой, полукочевой, полуседлый и оседлый образы жизни. Особое значение имеет исследование технологии земледельческого производства, что позволяет более полно понять социально-экономические процессы того времени. Также статья демонстрирует, как казахское земледелие было интегрировано в более широкие исторические и культурные контексты региона. Работа способствует углублению понимания исторических процессов и обогащает этноисторические исследования в области казаховедения.

Ключевые слова: Семиречье, история земледелия, исследователи Российской империи, этнографы, востоковеды, кочевой и оседлый образ жизни, ирригационные системы, архивные материалы, этноисторические исследования.

---

* Корреспондирующий автор

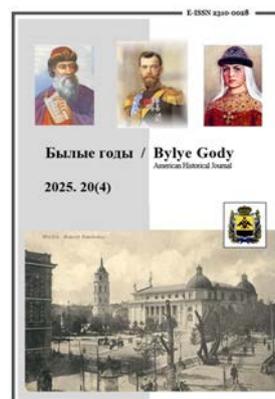
Адреса электронной почты: nur_dos88@mail.ru (Н.А. Досымбетов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1700-1709
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1700

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Development of Kazakh-Russian Trade Relations in the Activities of Sultan Abulfeis of the Middle Zhuz (1760s – early 1780s)

Gabit K. Kenzhebayev ^a, Ziyabek Y. Kabuldinov ^{b, c}, Denis A. Chernienko ^{b, *}, Timur A. Apendiyev ^{b, d}

^a Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^d Almaty Management University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the second half of the 18th century, the conditions for the development of trade relations on the Kazakh-Russian border in the Upper Irtysh region began to take shape. During this period, the Russian Empire continued to pursue its strategic goal of strengthening its trade and economic positions in the East. The Semipalatinsk fortress became one of the main strongholds for the implementation of these plans. On the Kazakh side, the most consistent initiator of cooperation was Sultan Abulfais, the ruler of the Naimans and part of the Kereks of the Middle Zhuz. Abulfais took advantage of the transit location of his possessions between Russia and Central Asia, profiting from duties levied on the activities of Bukhara and Russian merchants and ensuring their safety. The Middle Zhuz sultan's policy towards Russia was based on the principles of peaceful coexistence and the rejection of forceful methods of resolving problems in border areas. The stabilisation of the military and political situation after the defeat of the Dzungar State played an important role. It became possible to search for new places and routes for trade. The importance of the Priirtyshye region as a transit region between the Middle Zhuz, Russia, Central Asia, and Western China increased. The mutual interest lay in the functioning of satovkas and barter yards in border fortresses for the local population. The article reveals little-known aspects of Kazakh-Russian interaction in the 1660s–1680s and the significant personal role of Sultan Abulfeis in these processes. In addition, the sultan's authorised representatives – influential elders and batyrs who were sent to border fortresses and acted as mediators in negotiations – played an important role. As a result, the Semipalatinsk fortress became not only a military and administrative centre, but also a major trade and economic hub for the Irtysh region and all of Eastern Kazakhstan, facilitating regular trade between the local nomadic population and Russian, Central Asian and Kashgar merchants.

Keywords: Abulfeis, batyrs, East Kazakhstan, fortresses, exchange court, border line, Russian Empire, barter trade, Semipalatinsk, sultan, trade.

1. Введение

К середине XVIII в. постепенно складывались благоприятные условия для развития казахско-русской торговли, которая осуществлялась в основном через пограничные крепости – Оренбургскую, Троицкую, Петропавловскую, Омскую, Ямышевскую и др. Дальнейшее активное возведение в 1750-е гг. череды крепостей и гарнизонов по Ново-Ишимской (Тоболо-Ишимской) военной линии несколько снизило интенсивность контактов, на некоторое время отпугнув местных жителей. При этом часть казахов Среднего жуза ориентировалась на торговлю с Цинской империей, охотно покупавшей у степняков лошадей. Во второй половине XVIII в. Россия уделяла развитию

* Corresponding author

E-mail addresses: d.tarihshy@gmail.com (D.A. Chernienko)

отношений с народами и государствами Азии всё большее внимание. В указе императора Петра III от 28 марта 1762 г. провозглашалась необходимость развивать торговлю с Востоком, в этом усматривался путь к упрочению российской экономики (Басин, 1971: 225-226).

В период длительных казахско-джунгарских войн середины XVII – середины XVIII в. следование по караванным путям и маршрутам восточной части Великой степи было небезопасным. Положение изменилось после разгрома Джунгарского ханства, последовавшего в 1757–1758 гг. В том числе началось сближение части казахского населения с Россией, в первую очередь через контакты в торговой сфере. В первой половине 1760-х гг. с целью активизации местной торговли и широкого привлечения купцов из азиатских стран в наиболее крупных укреплениях начали открываться специальные меновые дворы. Поводом для этого послужила информация, что «китайцы хотят привлечь к себе киргиз, устраивая для торговли с ними в бывшей Джунгарской земле сотовку, чтобы они ближе к ним прикочевали и тем привлечь их в свое подданство», а также обещание султана Абулфеиса покровительствовать караванам ташкентцев, бухарцев, кашгарцев, идущим из Средней Азии через его владения в Восточном Казахстане, и обеспечить им встречи с русскими купцами (Земляничин, 1876: 8). После окончания джунгарских войн возрастала потребность поиска дополнительных мест и маршрутов для организации торговли. Постепенно возрастает значение Прииртышья как транзитного региона между Россией, Средней Азией, Западным Китаем. Особую роль начинает играть Семипалатинская крепость (ныне – г. Семей), где история торговли прошла путь от краткосрочной весенней ярмарки до крупнейшего экономического центра Восточного Казахстана.

Хронологически рассматриваемый материал охватывает 1760-е – начало 1780-х гг., то есть период активной политической деятельности султана Абулфеиса (?–1783) – одного из наиболее влиятельных правителей Среднего жуза того времени. Территориальные рамки относятся к региону Верхнего Прииртышья, казахское население которого поступательно вовлекалось в торговые отношения с российскими, среднеазиатскими, китайскими купцами на сатовках и меновых дворах на пограничной линии.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковая база исследования включает неопубликованные и опубликованные документы, посвящённые экономической истории второй половины XVIII в. и отражающие личное участие султана Абулфеиса и его доверенных лиц в установлении и развитии казахско-российской торговли. В документах Исторического архива Омской области (ИАОО) (Омск, Российская Федерация), Фонд 1 «Дивизионная канцелярия командующего войсками Сибирских пограничных линий (Сибирского корпуса)», представлена переписка султана, проходившая в разные годы с комендантами Семипалатинской крепости (Я.А. Кастро де ла Серда, И. Гейсе, И. Воронцов, И.Т. Титов) и командирами Сибирской пограничной линии (К.Д. фон Фрауендорф, И.А. Деколлонг, И.И. Шпрингер, С.К. Станиславский, А.Д. Скалон, Н.Г. Огарев), а также переписка российских военных чинов между собой по вопросам взаимодействия и учреждения торговли с казахами. Отдельные документы по данной проблематике – некоторые обращения и письма Абулфеиса к указанным представителям пограничной военной администрации, а также канцлеру М.И. Воронцову и царствующим особам (Петр III, Екатерина II) и их обратная корреспонденция – были опубликованы в Казахстане в изданиях тематических сборников в советское и новейшее время: «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках» (1961), «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» (1997), «Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII – начало XX вв.)» (2004), «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг.» (2014), «Из истории Великой степи (последняя четверть XVIII в.)» (2020), «Казахская степь в архивных документах (третья четверть XVIII в.)» (2023).

2.2. Основной методологический подход заключается в рассмотрении экономической истории в контексте общеисторических процессов, происходивших на казахско-российском пограничье Сибирского региона в изучаемый период. Российская империя была заинтересована в укреплении и расширении своего политического влияния в Степи, в том числе экономическими мерами, в установлении долгосрочных связей со Средней Азией. Интерес Абулфеиса заключался в возможности получения финансовой выгоды от транзитной торговли через свои земли, сохранении стабильности на северных рубежах своих владений, укреплении власти султана в результате поддержки его политики представителями казахской элиты. Поэтому взаимное стремление к установлению торговых отношений носило объективный и закономерный характер.

В работе с источниками применялись исследовательские методы анализа, интерпретации и сопоставления исторических данных для создания целостной картины изучаемых процессов. Привлекаемые факты позволяют расширить представление о характере, интенсивности и результатах казахско-российских хозяйственных связей во второй половине XVIII в. Абулфеис становится фигурой, известной не только своей военно-дипломатической деятельностью, но и решавшей вопросы внутреннего развития своих владений и пограничного сотрудничества.

3. Обсуждение

Хозяйственная история Верхнего Прииртышья и г. Семипалатинска второй половины XVIII в.

обратила на себя внимание исследователей ещё в XIX в. В трудах ряда авторов (Броневский, 1830; Левшин, 1832; Красовский, 1868; Земляничин, 1876; Никитин, 1897) на доступном материале приводились краткие экскурсы в хозяйственную жизнь региона, история возникновения Семипалатинска как первоначально военно-торгового укрепления, статистические данные, показывавшие поступательную активизацию торговой деятельности, но преимущественно по документам уже XIX в. В публикациях советского периода (Аполлова, 1976; Шоинбаев, 1982; Касымбаев, 1986) экономическое развитие Прииртышья рассматривалось как закономерный и необратимый процесс в рамках «вхождения» или «присоединения» Казахстана к Российской империи и её целенаправленной политики по расширению функционала пограничных крепостей. Участие и роль казахской стороны при этом позиционировались слабо. В ряде современных публикаций (Муратова, 2015; Почекаев, 2018; Артыкбаев, 2019) развитие пограничной торговли предстаёт уже как результат взаимных усилий и реализации интересов обеих сторон. Однако до настоящего времени имя султана Абулфеиса упоминается фрагментарно, контекстуально, без должного внимания к его роли в происходивших процессах. Среди важных документов было хорошо известно лишь его письмо императору Петру III, введённое в научный оборот ещё в советских изданиях. До настоящего времени данная историческая фигура находится в тени других, более известных казахских властителей своей эпохи. Отсутствуют специальные работы, посвящённые отдельным аспектам его почти 40-летнего правления в восточной части Казахской степи. В статье впервые в историографии анализируются инициативы Абулфеиса по организации торговли населения подвластных ему земель с Российской империей.

4. Результаты

Наиболее ранние сведения о торговле казахов в окрестностях Семипалатинской крепости относятся к середине 1740-х гг. Тогда инициатива в этом вопросе во многом принадлежала молодому, но уже влиятельному батыру Кожабергену из племени кереев, ставшему впоследствии одним из ближайших приближенных и сардаров султана Абылая и соратником Абулфеиса. Его владения и кочевья находились в Восточном Казахстане, в бассейне Верхнего Иртыша. Так, в январе 1745 г. комендант Ямышевской крепости полковник Т. Зарин докладывал командующему на Сибирских пограничных линиях генерал-майору Х.Х. Киндерману о желании Кожабергена «отпустить ... сына своего и с прочими казаками с торгом в Семиполатную крепость» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 144, 144об.). В феврале того же года в Ямышевскую крепость для решения вопросов о торге приезжал со своими людьми брат батыра Аблай Беляков (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 202). Но тогда дальше переговоров дело не продвинулось. Х.Х. Киндерман в ответ распорядился, что когда «Гожебердеев сын с казаками для торгу прибудет к той Семиполатной крепости, то б оного ... в тую крепость торговать и ни под каким видом из них никого не пускать. А торговать им велеть за крепостию в построенных для приезду их домах» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 51об.–52, 62об.–63). Из других распоряжений Х.Х. Киндермана того периода также известно, что запреты распространялись не только на Семипалатинскую, но и на другие крепости по Иртышу. Местные военные власти относились к казахам с недоверием, не допускали их в крепость, давая им возможность торговать только лишь за её пределами в специально устроенных местах под бдительным присмотром и приведении в готовность военных сил: «Ежели предписанные Казачьей орды люди в оную Семиполатную или другую крепость с торгом прибудут, то оным для торгу в жиле тех крепостей впуску не чинить. А торговать им велеть за крепостью во всякой осторожности и во умножении караула ... покамест оные там пробудут» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 207–208). Даже личные обращения могущественного султана Абылая с просьбами разрешить торговлю в крепостях также не имели результата.

Первый гостинный двор для торга «мягкою рухлядью (пушиной – Прим. авт.), серебром и золотом» был устроен в Семипалатинской крепости только в 1748 г. В 1753 г. в Российской империи отменены внутренние таможи, что активизировало меновую торговлю и повысило её эффективность; в том же году учреждена Пограничная таможня. Постепенно в неё включались не только купцы из разных регионов, но и крестьяне пограничных селений. Однако начавшиеся вскоре активные военные действия казахов и Цинского Китая против джунгар, а также казахско-китайские военные кампании отвлекли владельцев Среднего жуза от возможности развивать торговлю на Иртыше, хотя китайцы по-прежнему привозили туда «ямбовое серебро и пленных калмыков» (Земляничин, 1876: 6-7).

В 1760 г. сибирский губернатор Д.И. Чичерин ходатайствовал перед Государственной коммерц-коллегией о создании меновых дворов на Сибирской линии. В Семипалатинской крепости торговля начала развиваться, в том числе и по причине заинтересованности в ней Абулфеиса, готового пропускать караваны через свои кочевья, гарантировать их безопасность, но в то же время взимать пошлины, что было одним из важных источников доходов (Қабылдинов и др., 2021: 54). Со своей стороны пограничные власти запрашивали султана, в каких русских товарах он нуждается и как часто его казахи будут приезжать в Семипалатинск. Россия также рассчитывала на родственные связи Абулфеиса со своим влиятельным отцом – ханом Абулмамбетом, находившимся в Туркестане, для привлечения в Прииртышье купцов из богатых городов Средней Азии. Царские власти старались

использовать в качестве помощников именно тех султанов и старшин, которые сами искали выгоду от прихода караванов в Семипалатинск (Шоинбаев, 1982: 75-76). В том же 1760 г. Абулфеис отправил сибирскому пограничному начальнику некоего «почетного старшину» просить разрешения торговать в Семипалатинске (Левшин, 1832: 244). Поддерживал по-прежнему такие намерения и батыр Кожабержен, ставший в ходе джунгарских войн известным полководцем и дипломатом. В частности, в декабре 1760 г. он также направлял своих представителей в крепость для обсуждения вопросов торговли (Оралова, Кара, 2025: 208).

Семипалатинск был выбран не случайно – крепость располагалась недалеко от кочевий султана Абулфеиса и ближе для купцов из Западной Сибири по сравнению с Усть-Каменогорской крепостью. В перспективе она могла быть удобна и для торговцев из Китая. В результате казахи ведомства Абулфеиса из Увак-Кирейской, Каракирей-Найманской и Бура-Найманской волостей стали приезжать для торгова сначала в саму крепость, а с 1765 г. – уже в меновой двор, основанный первоначально за Иртышом. Потребности местного населения в мануфактурных изделиях, а также в хлебе и муке в 60–70-х гг. XVIII в. возрастали (Kabuldinov, Toraigrov, 2024: 554). В свою очередь, степняки привозили на торги пушнину, овчины, мерлушки, пригоняли рогатый скот, баранов и лошадей (Земляничин, 1876: 8). Некоторые казахи ведомства Абулфеиса перекочевали на постоянное проживание в ту часть Степи, в которой позже (20–30-е гг. XIX в.) были открыты Каркаралинский, Сергиопольский и Кокпектинский уезды и округа (Касымбаев, 1986: 68). Более того, в 1764 г. подданным Абулфеиса было разрешено нарушать ранее запретную 10-верстную полосу вдоль границы и кочевать вблизи Семипалатинской крепости (История Казахстана..., 2010: 262). В то же время в гарнизонах на Иртышской пограничной линии начальство само было заинтересовано в торговле с местным населением и обращалось к казахским старшинам с приглашением приезжать на торги, опасаясь, что в противном случае казахов «оттянут» китайцы для торгова в Чугучаке (Тарбагатае) (Красовский, 1868, Ч. 1: 89).

Абулфеис по праву считается инициатором открытия первого менового двора для подведомственных ему казахов и россиян. В 1761 г. он выступил одним из инициаторов совещания казахских правителей на реке Каратал в Семиречье, где ранее находилась урга ойратских хунтайджи. Среди прочих вопросов восточной политики обсуждалась и необходимость учреждения торговых пунктов в казахско-русском приграничье (Артыкбаев, 2019: 242).

Важнейшим документом в этом отношении является последовавшее вскоре прошение султана на имя императора Петра Федоровича от 21 января 1762 г. о разрешении казахам Среднего жуза производить торговлю в Семипалатинской крепости. Обращение было направлено в Петербург с доверенными лицами – Бекмурзой и Кудайбергеном, в составе совместного посольства с представителями хана Младшего жуза Нуралы. Абулфеис апеллировал к давним связям его деда и отца с императорским двором, которые были нарушены нападениями джунгар, и выражал готовность вместе с народом Среднего жуза «выполнить для вас любые услуги. А сами мы со своим народом кочуем по берегам рек Айагуз, Кокшала, Чингкыз и Чаган. Преклоняя головы к вашим высочайшим стопам, мы просим вашего повеления впредь направлять нам наши разнообразные прошения и получать ответ через расположенную поблизости от нас крепость Самай-Болат (Семипалатинская – Прим. авт.)» (КРО, 1961: 637-638; Эпистолярное наследие..., 2014: 368-369).

Из данного документа известно, что, во-первых, найманы и представители других племён восточной части Степи могли приезжать на торги в Троицкую крепость не чаще двух-трёх раз в год из-за её удалённости, что представляло очевидные неудобства и сложности. Во-вторых, тем самым обосновывалась целесообразность учреждения дополнительного торгова в Семипалатинске. В-третьих, султан уверял российского императора в том, что в случае положительного решения вопроса его отец Абулмамбет, находясь в Туркестане, будет способствовать привлечению к торговле купцов из Туркестана, Ташкента, Бухары, Кашгарии и Яркента (Почекаев, 2018: 123). В целом официальный запрос на размещение торгова вблизи своих кочевий свидетельствует о продуманной линии Абулфеиса, направленной на поиск новых безопасных и надёжных маршрутов, укрепление хозяйственных связей между самими казахскими родами, Россией и другими соседними регионами.

Той же датой (21 января) датировано послание Абулфеиса к канцлеру, действительному тайному советнику графу М.И. Воронцову, в котором султан просил разрешения для своих подданных «переезд иметь в состоящую по близости кочевания нашего Семипалатинскую крепость» (Эпистолярное наследие..., 2014: 370). В итоге разрешение было получено 5 августа 1762 г., уже после смерти Петра III. Новый монарх – императрица Екатерина II – подписала указ об учреждении «купеческого торгова» в Семипалатинской крепости. 23 октября 1762 г. тайный советник и бывший оренбургский губернатор А.Р. Давыдов уведомил тогда командира Сибирского корпуса генерал-майора К.Л. фон Фрауендорфа о возвращении из Петербурга посланников от Абулфеиса и получении через графа М.И. Воронцова копии императорского указа (Торговые связи..., 2004: 17).

К.Л. фон Фрауендорф, в свою очередь, 20 октября 1763 г. обратился в Тобольскую секретную комиссию, а 20 января 1764 г. и к сибирскому губернатору Д.И. Чичерину за помощью в организации торгова, поскольку по императорскому указу его исполнение было «поручено на попечение здешняго сибирского губернатора и находящагося на здешних линиях командующаго генералитета». Проблема заключалась в том, что русские купцы, привыкшие вести свои дела на прежних рынках в

Оренбурге, Тобольске, Троицке, на первых порах совершенно не желали отправляться в новые удалённые пограничные крепости. Кроме того, у них не было уверенности, что туда точно придут караваны из Средней Азии. В свою очередь, казахские торговцы, не встречая в крепостях русских купцов, возвращались в свои улусы фактически ни с чем и писали жалобы местным властям (Муратова, 2015: 78-79). Для исправления сложившейся ситуации К.Л. фон Фрауендорф предлагал «на первый случай для опыту» выбрать из тобольских купцов одного или двух человек и, выдав им из казны «деньгами, рублей тысячу или две», разрешить на эту сумму «скупить там на киргискую и бухарскую руку товаров, с коими бы для отправления в крепость Семиполатную выслать сюда» (КРО, 1961: 664). Тем не менее, в письме К.Л. фон Фрауендорфу от 12 июня 1763 г. Абулфеис сетовал на то, что императорским величеством «в Семиполатной на товар сатовать нашим с российскими приказано было», но сатовка до сих пор ещё не открылась, хотя он посылал для начала торговли 60 лошадей, и поэтому просил дать ответ, когда будет таковая (Казахская степь..., 2023: 90).

Таким образом, даже после получения императорского дозволения на открытие торгового дела в Семипалатинске это дело пошло не сразу. Данный вопрос ещё раз был поднят султаном в письме коменданту крепости от 12 июля 1763 г.: «Нашим с российскими приказано было, в прошлом году в июле месяце послан был на сатовку, и сатовки там нет и назат возвратили. Да в прошедшем августе месяце Баймурза-батырь послан был, но он не попал чрез реку и возвратился; и вторично послал Баймурзу-батыря для знания, подлинно будет ли али нет сатовка и велел ему скоро возвратитца... Ея императорского величества здравия, семиполатному маеору Баймурза-батырь послан; в прошлом году от е. и. в. повелено оренбургской казны в Семиполатной крепости сатовку иметь; в прошлом году шездесят лошадей я посылал, чтоб сатовать, то посланной человек сказал – ныне сатовки нет и возвратился... и ныне послал достоверно знать Баймурза-батыря и Ерылгаш-батыря, обеих послал, чтоб с тем посланным в Семиполатной крепости подлинно сказали, будет ли, нет ли сатовка» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 218–218об.). Постоянное обращение Абулфеиса к властям в целях расширения возможностей торговли в крепости показывало его стремление наладить регулярный и устойчивый торговый обмен. Он неоднократно отправлял своих людей на переговоры, чтобы получить достоверную информацию и снять ограничения.

9 октября 1763 г. генерал-майор К.Л. фон Фрауендорф сообщал в Сибирскую губернскую канцелярию о прибытии в Семипалатинскую крепость посланников Абулфеиса. Целью их приезда было установление более стабильных торговых связей казахов с русскими купцами (Касымбаев, 1986: 68). А.И. Левшин по этому поводу писал, что торг в Семипалатинской крепости был учреждён по просьбе султана Абулфеиса, который прислал к сибирскому пограничному начальнику старейшину «просить своим подвластным позволения торговать с русскими в Семипалатной, и желание его было немедленно удовлетворено» (Левшин, 1832: 243).

В результате в 1764 г. после неоднократных обращений Абулфеиса в 15 верстах выше крепости был устроен меновой двор, обнесённый рогатинами и земляным валом. Внутри располагались купеческие лавки и караульный дом для воинской команды, охранявшей русских купцов от грабежей и нападений (Земляницын, 1876: 7-8). Со временем этот двор послужил основанием Семипалатинской заречной слободки (Никитин, 1897: 160). Но, несмотря на усилия с обеих сторон, в том году функционирование менового двора в Семипалатинске в полном виде всё ещё не началось. Генерал-поручик И.И. Шпрингер в рапорте Коллегии иностранных дел от 13 марта 1764 г. признавал отсутствие разрешённой ещё два года назад торговли: «Сколько в том до сего старания от здешней команды употреблено ни было, только все в то время продолжалось в одних переписках» (КРО, 1961: 665). В 1765 г. Абулфеис принял участие в походе против кыргызов, которые препятствовали прибытию купцов из Бухары и других городов, боявшихся потерять свои караваны. В рапорте в Коллегию иностранных дел от 19 апреля 1765 г. генерал-поручик И.И. Шпрингер сообщал, что тем самым султан обезопасит прибытие азиатских купцов и «немалую государству в сборе пошлин даст прибыль» (КРО, 1961: 681). Как видно, И.И. Шпрингер лично убеждал российские власти в Петербурге в финансовой выгоде от организации такой торговли.

Наконец, только в конце сентября 1765 г. появилась вероятность действительного начала торговли в Семипалатинске. 30 сентября командующий в крепости капитан И. Гейсе сообщал генерал-поручику И.И. Шпрингеру о приезде Кудайберды батыря с письмом от Абулфеиса: «Находящейся при меновном дворе полку Троицкаго вахмистр Кольцов рапортом доносит, что сего ж сентября 27 числа приехало ко оному меновному двору на сатовку владения Абулфеис-салтана киргисцов четыре человека, в том числе старшина Кутайберды-батырь. И между прочим привезенное им Абулфеис-салтана письмо запечатанное ево печатию» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 166). Содержание данного письма не известно, но, скорее всего, оно касалось обсуждаемого вопроса. Люди Абулфеиса приезжали преимущественно с января по май месяцы, а также в июле–августе и ноябре. И если сначала число казахских торговцев, производивших в пограничных укреплениях меновую торговлю, было невелико: в 1765 г. в Семипалатинске побывало 120 человек, в 1766 г. – 60, в 1767 г. – 20 человек, то к 1776 г. постепенно выросло до 203 (Земляницын, 1876: 7-8).

6 октября 1765 г. в письме генерал-поручику И.И. Шпрингеру Абулфеис просил, чтобы сатовку производили исключительно в строго отведённых местах, так как у его казахов неизвестными

отгоняются лошади и продаются россиянам в разных местах, и воров поймать не удаётся: «И притом объявляю, что по указу Ея величества построена крепость, где и много оказываетца, что и нашей стороны воровство лошадям чинитца, и просатовывают вашим, кроме учрежденных для сатовки мест, в других. Чрез что и происходит напрасной убыток. А каким бы случаем тех воров доискатьца сам собою да и никакими караулами, чтоб их укрепить было можно, не знаю. И в том требую совета. Ибо и ныне потерялось дватцать пять лошадей. А какими ворами – доискатьца не можно ж. И для объявления об них ко известию посылаю я Худай-Берды-батыря. А чтоб кроме учрежденных мест более нигде сатовок чинено не было» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 167–168).

С середины 1760-х гг. приграничная торговля постепенно налаживалась, получила новый импульс и стала предметом регулярных переговоров между Россией и Казахским ханством (Кабульдинов, 2019). Открытие менового двора возле Семипалатинской крепости привело к тому, что и в других прииртышских крепостях также открывались подобные заведения: в 1765 г. – в Усть-Каменогорской крепости, при которой была учреждена таможенная застава с надзирателями и объездчиками, в 1767 г. – в Железинской крепости, в 1803 г. – в Бухтарминской. Кочевое население во всё возрастающем размере пригоняло на торги крупный рогатый скот, лошадей и овец (Касымбаев, 1986: 69). Устройство менового двора в Семипалатинской крепости оказалось весьма полезным в стратегическом отношении. В 1767 г. был решён вопрос о её переносе на новое, более удобное место на возвышенном левом берегу Иртыша. Это оказалось выгодно и с коммерческой точки зрения – к привозу своих товаров и посредничеству в сбыте русских товаров в западном Китае были привлечены «азиатцы». Но практически перенос оказался реализован лишь 10 лет спустя, а ещё через пять лет, в 1782 г., Семипалатинск получил статус уездного города.

Российский учёный П.С. Паллас, путешествовавший по Казахской степи в августе 1770 г., сохранил сведения о том, что на меновом дворе Семипалатинска в то время находилось несколько караванов из Ташкента, которые торговали хлопчатобумажными товарами, а в прежнее время здесь самой выгодной была меновая торговля между «киргизами» (казахами – Прим. авт.) и здешними купцами. Люди, «живущие по Иртышу, очень доверчивы и по дорогой цене покупают всякие здешние домашние вещи, так что купцы, которые не любят далеких путешествий, а ведут торговлю здесь, все же имеют значительный барыш при торговле скотом. К тому же лошади и быки, пригоняемые из Средней орды, обыкновенно больше и сильнее. Киргизские овцы здесь частью крупной породы, частью мелкой, калмыцкого отродья. Больше всего их пригоняют из южных улусов. Лошади стоят здесь от 4 до 15–20 рублей, крупный рогатый скот от 2 до 4 рублей, овцы от 30 до 70 копеек за голову» (Прошлое Казахстана..., 1997: 216–217). В Семипалатинск шёл поток разного рода товаров из Средней Азии: бязь, бумага, халаты, урюк, кишмиш и т.д. Также местный меновой двор сыграл большую роль и в развитии экономических связей с Китаем, откуда через казахов и азиатских купцов Россия смогла получать товары самого широкого спектра: серебро, зелёный и чёрный чай, фанзу, пуговицы и др. Сами же казахи торговали баранами, быками, лошадьми, мерлушками, овчинами, тулупами, войлоком, армячиной, шкурами диких животных: волков, барсуков, лис, куниц, корсаков, медведей (Красовский, 1868, Ч. 2: 214–215).

В последующем Абулфеис через своих доверенных лиц продолжал держать вопрос состояния торговли в поле своего внимания. Например, из рапорта командующего в Семипалатинской крепости полковника И. Воронцова командиру Сибирского корпуса генерал-майору С.К. Станиславскому от 20 октября 1771 г. известно, что на сатовку в Семипалатинск приезжал высокопоставленный представитель Абулфеиса: «Присланное при ордере вашего превосходительства на имя Средней киргис-кайсацкой орды старшины Абулфеис-салтана письмо сего м-ца 18 числа с приехавшим на сатовку ево волости старшиной Кутай-берды к нему отправлено» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 264). В январе 1772 г. новый комендант крепости премьер-майор Я.А. Кастро де ла Серда интересовался у командира Сибирского корпуса генерал-поручика И.А. Деколонга, «...когда и того владения Абулфеис-салтана киргисцы сюда в крепость Семипалатинскую прибудут для сатовки» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 175. Л. 54).

Вместе с тем организация стационарной торговли на Иртыше, кроме очевидной выгоды, повлекла за собой и проблемы. Так, казахские правители за проход через свою территорию ранее традиционно взимали немалые пошлины со среднеазиатских купцов. Но после того как торговля была налажена, приезжие купцы переставали платить, что вызывало недовольство со стороны султана. В письме командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.А. Деколонгу 5 сентября 1772 г. Абулфеис сообщал, что «ныне я от них нисколько тех пошлин не получаю» и просил их вновь определить (Эпистолярное наследие..., 2014: 373–374). Документ даёт понять, что проблема возникала уже в самой крепости: благополучно прибыв на территорию менового двора, купцы из Средней Азии отказывались платить казахам пошлину, возможно, из-за наличия здесь русских регулярных военных отрядов. По всей видимости, вопрос о пошлинах решался трудно и в последующие годы он по-прежнему весьма заботил султана. Это видно, например, из его письма от 24 августа 1775 г. Мамбет батыру, которого он просил брать пошлину с приезжавших на сатовку ташкентцев, «где бы она не случалась», и присылать ему, и чтобы «генерал и командующей в том не препятствовал, потому что у нас всегда она обыкновенно с них беретца» (Из истории..., 2020: 32).

В сложных торговых делах отношения между участниками – представителями трёх сторон: казахами, русскими и купцами из Средней Азии – не всегда складывались спокойно. В таких случаях Абулфеис старался принимать меры для защиты своих подданных и приезжих купцов. Так, 9 февраля 1777 г. в письме командиру войсками на Сибирских пограничных линиях генерал-майору А.Д. Скалону султан возмущался тем, что «между киргизцами и российским народом большее воровство состоит, потому что многие торгуют в непоказанных местах» (в других форпостах и станицах), и предлагал запретить такую незаконную торговлю. Известны были и случаи поборов, когда с приезжих ташкентских и бухарских купцов, а также с присланных от него казахских старшин брали по мерлушке (*шкура ягнёнка грубошёрстной породы овец – Прим. авт.*). Также местных казахов пугали захватом в аманаты, и, чтобы этого избежать, они были вынуждены отдавать хороших лошадей (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 241, 241об.). В мае 1778 г. в письмах командиру Сибирского корпуса генерал-майору Н.Г. Огареву и коменданту Семипалатинской крепости полковнику И.Т. Титову султан для этого просил дать разрешение на отправку одного из своих сыновей с муллою и ещё двух человек в Тобольск (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 472).

В период 1778–1780 гг. Абулфеис находился преимущественно в Туркестане, вернулся в свои улусы, вероятно, летом 1780 г. и по прибытии выразил намерение улучшить торговые взаимоотношения с Россией. В письме коменданту Семипалатинской крепости полковнику И.Т. Титову от 29 августа султан напоминал, что на протяжении 20 лет он «употреблял свои старания, штоб всемилостивейшей нашей государыне была казне прибыль», препровождая в российские крепости азиатских купцов. Но, вернувшись, узнал, что многое уже «делалось после меня иначе» и появилось немало проблем: «И наши, тож и ваши с нашими живут несогласно». Не имея намерений больше никуда отлучаться, Абулфеис выразил желание приложить все силы для улучшения положения дел, и в случае «ежели будет повеление ... со всею моею радостию» был готов прибыть на встречу с генерал-майором Н.Г. Огаревым (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224. Л. 210, 210об.).

Личные встречи в итоге так и не состоялись, но переписка по торговым вопросам продолжалась. Например, 14 апреля 1783 г. Н.Г. Огарев просил Абулфеиса помочь вернуть товар торговавшего в Семипалатинской крепости омского купца С. Пенъевского, приказчик которого, казанский татарин Алмамет Булатов, находился в степи «для собрания долгов и купеческой комерции с товаром на немалую сумму». Но был ограблен киргизами, промышленявшими угоном скота у казахов Среднего жуза. Весь его товар вместе с вьючными верблюдами и лошадьми оказался захвачен, в результате купец потерпел немалый убыток. Меньшую часть товара удалось вернуть стараниями ташкентца Сеид-ходжи Мурзходжина и киргизского старшины Кувата батыра, чей сын находился у Абулфеиса в аманатах. Н.Г. Огарев просил «почтеннова солтана по дружбе» приложить все старания к изысканию того товара, за что Пенъевский не оставил бы его без должной благодарности (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 231. Л. 58 об.–59).

Российские власти были заинтересованы в сохранении стабильности и спокойствия в Степи для увеличения потока купцов из Средней Азии. Влиятельные казахские султаны, в том числе Абулфеис, предоставляли вооружённую защиту караванов в Бухару, Коканд, Китай и обратно, обеспечивая бесперебойную торговлю в пограничных крепостях. В результате «сообщения Русских и других Азиятцев с Киргизцами (*казахами – Прим. авт.*) зделались часты... Купечество заводило знакомство в волостях, а козаки без боязни начали ездить в Орду для мены, и доставляя предметы необходимости, породили в Киргизцах признание пользы торговли. Теперь они с радостию принимают к себе торговцов, дают им верблюдов, лошадей и работников под своз товаров, получая от того значущия выгоды» (Броневский, 1830: 233-234). И действительно, приезд купцов из Средней Азии и взимание пошлин заметно пополняли государственную казну. Но также одной из важных причин, по которым Россия решалась на открытие меновых дворов в своих крепостях, были опасения по поводу того, что местных казахов в прочные торгово-хозяйственные отношения мог также вовлечь и Цинский Китай, а через экономические связи «перетянуть» в своё подданство.

5. Заключение

Таким образом, султан Абулфеис, управлявший найманами и частью кереев в Восточном Казахстане, сыграл значительную личную роль в установлении и развитии взаимовыгодных торговых отношений. По отношению к России он старался придерживаться линии Абылая и Кожабергена, то есть политики добрососедства, мирного сосуществования, отказа от силовых способов разрешения возникавших проблем и конфликтов в приграничной зоне. С одной стороны, он выступал инициатором открытия сатовок и меновых дворов в укреплениях на пограничной линии, прежде всего в близкой к его кочевьям Семипалатинской крепости. Во многих случаях Абулфеис действовал лично, поддерживая постоянную переписку с представителями российской региональной администрации. Но также большую роль играли уполномоченные лица султана – влиятельные старшины и батыры, такие как Кожаберген, Баймурза, Кудайберды, Мамбет и другие, направляемые в пограничные крепости как посредники в переговорах. Создание в 1764 г. в Семипалатинской крепости на левом берегу Иртыша менового двора положило начало регулярной торговле между местным кочевым населением и российскими, среднеазиатскими, кашгарскими купцами. С другой стороны, выступая посредником, Абулфеис

использовал транзитное положение своих владений в восточной части Казахской степи между Россией (Западная Сибирь), Средней Азией, прежде всего Бухарой, Западным Китаем, извлекая значительные выгоды от защиты и сопровождения русских и азиатских купцов и караванов в обоих направлениях. Российская империя, принимая во внимание такие возможности султана, прибегала к его услугам при отправке своих торговцев в города Туркестанского региона.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Разработка исторической энциклопедии «Казахские батыры XVIII – начала XX века (на основе новых архивных и фольклорных материалов)», финансируемого на основании приказа № 05-04/250 от 03.04.2025 г. в соответствии с интеграционными научными проектами, реализуемыми совместно Казахским национальным педагогическим университетом имени Абая и НИИ РК.

Литература

- Аполлова, 1976** – Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 371 с.
- Артыкбаев, 2019** – Артыкбаев Ж. Абылай хан. Нур-Султан: Фолиант, 2019. 400 с.
- Басин, 1971** – Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII в. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата: Наука, 1971. 276 с.
- Броневский, 1830** – Броневский С.Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // *Отечественные записки*. 1830. № 124. С. 194-285.
- Земляницын, 1876** – Земляницын И. Исторический очерк Семипалатинска и его торговли // *Материалы для статистики Туркестанского края*. Вып. IV. СПб.: Типография и Хромолитография А. Траншеля, 1876. С. 1-85.
- Из истории..., 2020** – Из истории Великой степи (последняя четверть XVIII в.). Сборник документов / Под ред. З.Е. Кабульдинова. Сост.: В.А. Сирик. Алматы: Литера-М, 2020. 544 с.
- ИАОО** – Исторический архив Омской области.
- История Казахстана, 2010** – История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 томах. Т. 3. Алматы: Атамұра, 2010. 768 с.
- Кабульдинов, 2019** – Кабульдинов З.Е. Султанмамет султан и его дипломатия во взаимоотношениях с российскими региональными властями в районе Среднего Прииртышья во 2-й половине XVIII в. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. Вып. 1 (75). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002571-7-1/> (дата обращения: 01.10.2025).
- Кабылдинов и др., 2021** – Кабылдинов З.Е., Тілеубаев Ш.Б., Тылахметова А.С., Әбсадық А.А. XVIII ғасырдың екінші жартысындағы Қазақ сұлтандарының қоғамдағы қызметі (Ресейлік жана мұрағат деректері негізінде) // *Отан тарихы*. 2021. № 3 (95). С. 50-58.
- Казахская степь..., 2023** – Казахская степь в архивных документах (третья четверть XVIII в.). Сборник документов / Сост.: З.Е. Кабульдинов, В.А. Сирик, О.Б. Куанбай. Алматы: Мадияр, 2023. 432 с.
- Касымбаев, 1986** – Касымбаев Ж.К. Под надежную защиту России. Алма-Ата: Казахстан, 1986. 134 с.
- Красовский, 1868** – Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов / Сост. Генерального штаба подполковник Красовский. СПб.: Типография Траншеля; Типография Ретгера и Шнейдера, 1868. Ч. 1. 470 с.; Ч. 2. 464 с.
- КРО, 1961** – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов) / Сост.: Ф.Н. Киреев и др.; под ред.: В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 743 с.
- Левшин, 1832** – Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких орд и степей. Ч. 2. Исторические известия. СПб.: в Типографии Карла Края, 1832. 334 с.
- Муратова, 2015** – Муратова С.Р. Особенности развития торговли в пограничных крепостях на южной границе Западной Сибири в XVIII веке // *Сибирский сборник*. Курган: КГУ, 2015. С. 71-87.
- Никитин, 1897** – Никитин В.П. Исторический очерк Семипалатинской области // *Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 г.* Семипалатинск: Типография Семипалатинского областного правления, 1897. С. 131-171.
- Оралова, Кара, 2025** – Оралова А.А., Кара А. Қазақ-орыс байланыстарындағы қожаберген батыр // *Отан тарихы*. 2025. Т. 28. № 1. С. 200-211.
- Почекаев, 2018** – Почекаев Р.Ю. Несбывшиеся ожидания: император Петр III и казахские правители // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 430. С. 120-125.
- Прошлое Казахстана..., 1997** – Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Под ред. Асфендиярова С.Д. и Кунте П.А. 2-е изд. Сб. 1 (V в. до н.э. – XVII в. н.э.). Алматы: Қазақстан, 1997. 383 с.
- Торговые связи..., 2004** – Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII – начало XX вв.). Сборник документов. Семипалатинск, 2004. 350 с.
- Шоинбаев, 1982** – Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата: Казахстан, 1982. 279 с.

Эпистолярное наследие..., 2014 – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах / Сост. и отв. ред. И.В. Ерофеева. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 696 с.

Kabul'dinov, Toraigyrov, 2024 – *Kabul'dinov Z., Toraigyrov Y.* The Supply of Flour and Bread by Russia to the Kazakh Steppe and the Development of Agriculture during the Reign of Sultan Abulai of the Middle Zhuz // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 553-563.

References

Apollova, 1976 – *Apollova, N.G.* (1976). Khozyaistvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoi polovine XIX v. [Economic development of Irtysh region in the late XVI – the first half of the XIX century]. M., Nauka. 371 p. [in Russian]

Artykbaev, 2019 – *Artykbaev, Zh.* (2019). Abylai khan [Abylai Khan]. Nur-Sultan, Foliant. 400 p. [in Russian]

Basin, 1971 – *Basin, V.Ya.* (1971). Rossiya i kazakhskie khanstva v XVI–XVIII v.: (Kazakhstan v sisteme vneshnei politiki Rossiiskoi imperii) [Russia and the Kazakh Khanates in the XVI –XVIII centuries (Kazakhstan in the system of foreign policy of the Russian Empire)]. Alma-Ata, Nauka. 276 p. [in Russian]

Bronevskii, 1830 – *Bronevskii, S.B.* (1830). Zapiski o kirgiz-kaisakakh Srednei ordy [Notes on the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. *Otechestvennye zapiski*. 124: 194-285. [in Russian]

Epistolyarnoe nasledie, 2014 – Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravlyashchei elity 1675–1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite 1675–1821. Collection of historical documents in 2 volumes]. Sost. i отв. red. I.V. Erofeeva. T. 1. Pis'ma kazakhskikh pravitelei. 1675–1780 gg. Almaty: ABDI Kompani, 2014. 696 p. [in Russian]

IAOO – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region].

Istoriya Kazakhstana..., 2010 – Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei). V 5 tomakh [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day). In 5 vol.]. T. 3. Almaty: Atamura, 2010. 768 p. [in Russian]

Iz istorii..., 2020 – Iz istorii Velikoi stepi (poslednyaya chetvert' XVIII v.). Sbornik dokumentov [From the History of the Great Steppe (the last quarter of the 18th century). Collection of documents]. Pod red. Z.E. Kabul'dinova. Sost.: V.A. Sirik. Almaty: Litera-M, 2020. 544 p. [in Russian]

Kabul'dinov, 2019 – *Kabul'dinov, Z.E.* (2019). Sultanmamet sultan i ego diplomatiya vo vzaimootnosheniakh s rossiiskimi regional'nymi vlastyami v raione Srednego Priirtysh'ya vo 2-i polovine XVIII v. [Sultanmamet sultan and his diplomacy in relations with the russian regional authorities in the area of the Middle Irtysh region (the 2nd half of 18th century)]. *Istoriya*. 10. 1(75). [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002571-7-1/> [in Russian]

Kabul'dinov, Toraigyrov, 2024 – *Kabul'dinov, Z., Toraigyrov, Y.* (2024). The Supply of Flour and Bread by Russia to the Kazakh Steppe and the Development of Agriculture during the Reign of Sultan Abulai of the Middle Zhuz. *Bylye Gody*. 19 (2): 553-563.

Kabyldinov et al., 2021 – *Kabyldinov, Z.E., Tileubayev, S.B., Tylakhmetova, A.S., Absadyk, A.A.* (2021). XVIII ғасырдың екінші жартысындағы Қазақ сұлтандарының қоғамдағы қызметі (Reseilik jaña murağat derekteri negizinde) [Role of kazakh sultans in the life of society in the second half of the XVIII century (based on new Russian sources)]. *Otan tarikhy*. 3(95): 50-58. [in Kazakh]

Kasymbaev, 1986 – *Kasymbaev, Zh.K.* (1986). Pod nadezhnyu zashchitu Rossii [Under Russia's reliable defence]. Alma-Ata: Kazakhstan. 134 p. [in Russian]

Kazakhskaya step'..., 2023 – Kazakhskaya step' v arkhivnykh dokumentakh (tret'ya chetvert' XVIII v.). Sbornik dokumentov [Kazakh steppe in archival documents (third quarter of the XVIII century). Collection of documents]. Sost.: Z.E. Kabul'dinov, V.A. Sirik, O.B. Kuanbai. Almaty: Madiyar, 2023. 432 p. [in Russian]

Krasovskii, 1868 – Materialy dlya geografii i statistiki Rossii. Oblast' sibirskikh kirgizov. Sost. General'nogo shtaba podpolkovnik Krasovskii [Materials for geography and statistics of Russia. Region of the Siberian Kirghiz. Sost. General'nogo shtaba podpolkovnik Krasovskii. SPb.: Tipografiya Transhelya; Tipografiya Retgera i Shneidera, 1868. Ch. 1. 470 p.; Ch. 2. 464 p. [in Russian]

KRO, 1961 – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekakh (sbornik dokumentov i materialov) [Kazakh-Russian relations in the XVI–XVIII centuries (collection of documents and materials)]. Sost.: F.N. Kireev i dr.; pod red.: V.F. Shakhmatova, F.N. Kireeva, T.Zh. Shoinbaeva. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1961. 743 p. [in Russian]

Levshin, 1832 – *Levshin, A.* (1832). Opisanie kirgiz-kaisatskikh, ili kirgiz-kazach'ikh ord i stepei [Description of the Kirghiz-Kaisak or Kirghiz-Kazakh hordes and steppes]. Ch. 2. Istoricheskie izvestiya. SPb: v Tipografii Karla Kraya. 334 p. [in Russian]

Muratova, 2015 – *Muratova, S.R.* (2015). Osobennosti razvitiya trgovli v pogranychnykh krepostyakh na yuzhnoi granitse Zapadnoi Sibiri v XVIII veke [Features of trade development in frontier fortresses on the southern border of Western Siberia in the XVIII century]. *Sibirskii sbornik*. Kurgan: KGU. Pp. 71-87. [in Russian]

Nikitin, 1897 – *Nikitin, V.P.* (1897). Istoricheskii ocherk Semipalatinskoi oblasti [Historical essay of Semipalatinsk region]. *Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti na 1897 g.* [Memorable book of

Semipalatinsk region for 1897]. Semipalatinsk, Tipografiya Semipalatinskogo oblastnogo pravleniya. Pp. 131-171. [in Russian]

[Oralova, Kara, 2025](#) – *Oralova, A.A., Kara, A. (2025). Qazaq-orys bailanystaryndaǵy Kozhabergen batyr [Kozhabergen batyr in kazakh-russian relations]. Otan tarihy. 28(1): 200-211. [in Kazakh]*

[Pochekaev, 2018](#) – *Pochekaev, R.Yu. (2018). Nesbyvshiesya ozhidaniya: imperator Petr III i kazahskie praviteli [Unfulfilled Expectations: Emperor Peter III and Kazakh Rulers]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta 430: 120-125. [in Russian]*

[Proshloe Kazakhstana..., 1997](#) – *Proshloe Kazakhstana v istochnikakh i materialakh [Kazakhstan's past in sources and materials]. Pod red. Asfendiyarova S.D. i Kunte P.A. 2-e izd. Sb. 1 (V v. do n.e. – XVII v. n.e.). Almaty: Kazakstan, 1997. 383 p. [in Russian]*

[Shoinbaev, 1982](#) – *Shoinbaev, T.Zh. (1982). Dobrovol'noe vkhozhdenie kazahskikh zemel' v sostav Rossii [Voluntary entry of Kazakh lands into Russia]. Alma-Ata: Kazakhstan. 279 p. [in Russian]*

[Torgovyie svyazi..., 2004](#) – *Torgovyie svyazi Semipalatinskogo Priirtys'ya (XVIII – nachalo XX vekov). Sbornik dokumentov [Trade relations of Semipalatinsk Priirtys'ye (XVIII – early XX cc.). Collection of documents]. Semipalatinsk. 350 p. [in Russian]*

[Zemlyanitsyn, 1876](#) – *Zemlyanitsyn, I. (1876). Istoricheskiy ocherk Semipalatinska i ego torgovli [Historical essay of Semipalatinsk and its trade]. Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraya [Materials for statistics of the Turkestan region]. Vyp. IV. SPb: Tipografiya i Khromolitografiya A. Transhelya. Pp. 1-85. [in Russian]*

Развитие казахско-российских торговых отношений в деятельности султана Среднего жуза Абулфеиса (1760-е – начало 1780-х гг.)

Габит Капезович Кенжебаев ^a, Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^{b, c},
Денис Аркадьевич Черниенко ^{b, *}, Тимур Акимханович Апендиев ^{b, d}

^a Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^c Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^d Алматы Менеджмент Университет, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Во второй половине XVIII в. складываются предпосылки для развития торговых отношений на казахско-русской границе в Верхнем Прииртышье. Российская империя в этот период продолжала реализацию стратегической задачи укрепления торгово-экономических позиций на Востоке. Одним из главных опорных пунктов по реализации этих планов становится Семипалатинская крепость. С казахской стороны наиболее последовательным инициатором взаимодействия выступал султан Абулфеис – правитель найманов и части кереев Среднего жуза. Абулфеис использовал транзитное положение своих владений между Россией и Средней Азией, извлекая выгоды в виде пошлин от деятельности бухарских и русских купцов и обеспечивая их безопасность. Политика султана Среднего жуза по отношению к России строилась на принципах мирного сосуществования, отказа от силовых способов разрешения проблем на приграничных территориях. Важную роль сыграла стабилизация военно-политической ситуации после разгрома Джунгарского государства. Появилась возможность поиска новых мест и маршрутов для организации торговли. Возрастает значение Прииртышья как транзитного региона между Средним жузом, Россией, Средней Азией, Западным Китаем. Взаимный интерес заключался в функционировании сатенок и меновых дворов в пограничных крепостях для местного населения. Материал статьи раскрывает малоизвестные аспекты казахско-российского взаимодействия в 60–80-е гг. XVIII в. и значительную личную роль султана Абулфеиса в этих процессах. Кроме того, большую роль играли уполномоченные лица султана – влиятельные старшины и батыры, направлявшиеся в пограничные крепости и выполнявшие функции посредников в переговорах. В результате Семипалатинская крепость стала не только военно-административным, но и крупным торгово-экономическим центром Прииртышья и всего Восточного Казахстана, способствуя регулярному торговому обмену между местным кочевым населением и российскими, среднеазиатскими, кашгарскими купцами.

Ключевые слова: Абулфеис, батыры, Восточный Казахстан, крепости, меновой двор, пограничная линия, Российская империя, сатовки, Семипалатинск, султан, торговля.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.tarihshy@gmail.com (Д.А. Черниенко)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1710-1717
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1710

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Archival Documents as Authentic Sources of Customary Law of the Perm Peoples in the 18th – early 20th centuries

Olga A. Plotskaya ^{a, *}, Yuliya E. Kurilyuk ^b, Iskender T. Eratov ^c, Tatyana S. Bessonova ^d

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic

^d MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The materials stored in archives play a significant role in the development of historical and legal science, as they contain data on law enforcement practice within a certain historical era. They carry certain information containing data on customary legal phenomena, institutions and constitute an empirical basis for the study of customary law.

Being the most important means of knowledge and, at the same time, a historical and legal source that allows obtaining invaluable information on the functioning, development and transformation of customary law institutions among the Perm peoples during the period under study, archival documents allow one to penetrate into the customary legal world of the Zyryans and Votyaks, taking into account the historical process of development of these peoples.

Significant archival documents that have a customary legal trace are sentences passed at meetings, court decisions, and various peasant reports, which resemble petitions in their content. Archival funds contain peasant complaints, petitions, requests, petitions, transactional, copies from land books, additional “ownership” records, which were important sources of information about the existing customary legal imperatives. Also often found are wills containing elements of the customary legal worldview, which had various names, including spiritually bequeathed letters, serf wills, contractual-testamentary letters. The use of archival sources in the process of historical and legal research contributes to an increase in the cognitive significance of doctrinal works based on their study, as well as to prevent the limitation of the source base.

Keywords: Zyryans, Perm peoples, Votyaks, customary law, archival document, authenticity, archival materials.

1. Введение

Материалы, хранящиеся в архивах, играют значительную роль для развития историко-правовой науки, так как содержат информацию о правоприменительной практике в рамках определённой исторической эпохи. Актуальность исследования архивных документов как аутентичных источников обычного права не вызывает сомнения, поскольку неопубликованные, первичные документы, отражающие правовые институты, действия субъектов права, процессы, происходившие в общественных отношениях, возникавшие в ходе правоприменения в условиях определённой исторической эпохи, не являются продуктом анализа и интерпретации учёных, а максимально правдиво, предельно истинно и объективно предоставляют сведения от носителя права рассматриваемого периода, являясь историческим источником и источником науки права. Кроме того, они несут определённую информацию, содержащую сведения об обычно-правовых

* Corresponding author

E-mail addresses: plockaya@mirea.ru (O.A. Plotskaya)

явлениях, институтах, и составляют эмпирическую основу для исследования обычного права. Анализ архивных материалов позволяет уделить серьёзное внимание комплексу вопросов, направленных на изучение всей совокупности носителей различного рода информации обычно-правового содержания, а не сосредотачиваться на исследовании только источников позитивного права и ряда опубликованных документов в историческом прошлом.

Архивные источники помогают установить исторические факты, расширить представления о становлении и развитии государственно-правовых институтов и явлений, представить организационную характеристику сквозь призму процессов их исторической институционализации, позволяют проследить особенности реализации на практике норм, содержащихся в исторических нормативных и иных правовых актах.

Будучи источником познания, архивные документы, как правило, содержат также сведения о развитии обычного права у зырян и вотяков в прошлом.

В данный период у коми (зырян), удмуртов (вотяков), т. е. пермских народов, помимо позитивного права, действовало также и обычное право, которое регламентировало традиционное поведение в сфере брачно-семейных, наследственно-договорных, промыслово-хозяйственных, уголовных отношений, существовавших в народе. Оно отражало исторический, традиционный опыт поведения, принятый у пермских народов как ярких представителей огромного финно-угорского мира. Представляя собой оригинальный, вариативный, архаичный, но действенный регулятор, обычное право формировалось под влиянием различных факторов, социальных норм и институтов, основывалось на крестьянском мировоззрении и видоизменялось под воздействием внешних геополитических факторов, хозяйственно-экономических, политико-управленческих обстоятельств, которые постепенно проникали в повседневную крестьянскую жизнь.

2. Материалы и методы

Источниковой основой в работе являются документы, постоянно хранящиеся в таких архивах, как:

- Государственный архив Кировской области (ГАКО) (Киров, Российская Федерация);
- Национальный архив Республики Коми (НА РК) (Сыктывкар, Российская Федерация);
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА) (Москва, Российская Федерация);
- Российский государственный исторический архив (РГИА) (Санкт-Петербург);
- Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР) (Ижевск, Российская Федерация).

В данных архивах были обнаружены и привлечены к исследованию разнообразные документы, в том числе: материалы официального делопроизводства, хозяйственные документы, материалы гражданско-правового оборота, законодательные акты, хранящиеся как в архивах, так и инкорпорированные в «Полном собрании законов Российской империи» (далее по тексту – ПСЗРИ).

В целях осуществления анализа правовых норм, содержащихся в позитивных источниках права, являющихся важнейшим элементом историко-правового исследования и сравнения их с нормами обычного права, в работе также привлекались в качестве эмпирической основы нормативные правовые акты, собранные в ПСЗРИ. Они позволяют отследить историю изменения, применения на практике различных институтов, санкционированных государством, а также соотношение норм позитивного и обычного права, выстраивая объективную картину реальной исторической действительности.

Применение комплексного подхода в настоящем историко-правовом исследовании обеспечило возможность выделения сложившихся в исторической ретроспективе общественных обычно-правовых отношений. Использование системного подхода в методологической основе данной работы позволило отобрать из огромного объёма архивных материалов необходимые документы, позволяющие раскрыть обозначенную тему исследования. Одним из важнейших методов, учитывающих в процессе реконструкции правовых обычаев происходившие исторические факты, а также исторические события, является историко-хронологический метод. Не меньшее значение уделяется применению формально-юридического метода, способствующего детальному анализу правовых принципов и институтов. Применение контент-анализа и герменевтического методов позволило исследовать архивные материалы как аутентичные источники информации по обычно-правовым отношениям и, соответственно, разъяснить и растолковать содержащиеся в них данные.

3. Обсуждение

Тема, посвящённая архивным документам как источникам обычного права пермских народов в XVIII – начале XX в., ранее не являлась объектом исследования представителей историко-правовой науки. Необходимо пояснить, что комплексных научных исследований, а также узконаправленных и специализированных работ, посвящённых обозначенной теме, практически не издано.

В историографии встречаются публикации, предметом исследования которых является анализ, классификация архивных документов как исторических источников, раскрывающих природу и механизм функционирования различных институтов обычного права. Но они не касаются изучения обычно-правовых институтов пермских народов, а также практически не рассматривают эти

институты в рамках исторических событий, происходивших в XVIII в. (Шатковская, 2012: 32-41; Конкин, 2016: 234-241).

Существует ряд работ, в которых авторы активно привлекают и анализируют архивные материалы, содержащие различные аспекты крестьянской жизни на Русском Севере в период со второй половины XIX по начало XX в. (Sosnina et al., 2024a; Sosnina et al., 2024b; Sosnina et al., 2024c).

Однако научных публикаций, содержащих теоретическое осмысление, анализ архивных исторических материалов, раскрывающих состояние институтов обычного права у коми и удмуртов в XVIII – начале XX в., ранее не было опубликовано.

Поэтому целью работы является исследование архивных материалов как аутентичных источников обычного права, применявшегося у коми и удмуртов в XVIII – начале XX в.

Данный труд в некоторой части продолжает ранее изданные научные работы (Plotskaya et al., 2021; Plotskaya et al., 2022; Plotskaya et al., 2023; Plotskaya et al., 2024).

4. Результаты

Вопросы обычно-правовых отношений, существовавших у зырян и вотяков, населявших северные просторы Российской империи, поднимались исследователями, путешественниками на страницах различных центральных и региональных журналов. Авторы трудов, раскрывавших обычаи пермских народов, часто выражали свою субъективную позицию и собственное отношение к нормам обычного права. В научно-публицистических материалах дореволюционного периода исследователи представляли элементы обычного права у изучаемых народов.

При отсутствии кодифицированных памятников обычного права, которые в систематизированной форме передавали бы правовую суть обычно-правовых императивов, пермские народы использовали символическую систему в виде родовых (семейных) знаков, народный фольклор, мифологическую прозу, в различных формах передававшие из поколения в поколение обычно-правовые долженствования. Однако, безусловно, возникают вопросы, касающиеся аутентичности и репрезентативности полученных данных, так как такая информация не может быть исторически достоверной и полной, она подлежит перепроверке.

Реконструировать картину обычного права можно, используя в научном исследовании архивные данные, которые способны пролить свет на обычно-правовой мир коми и удмуртов в оговоренный хронологический период. В российских архивах сохранилось большое количество таких документов, однако, как правило, они находятся в разрозненном виде. Отдельных фондов, посвящённых формированию, развитию, функционированию обычного права у коми и удмуртов, не создано. Как правило, наиболее информативными историческими источниками являются материалы официального делопроизводства, отчёты различных органов, осуществлявших государственную власть на местах, их переписка, отчёты и сводки органов общинного управления, письма и жалобы крестьян, гражданско-правовые документы, включая завещательные письма, мировые, оформлявшиеся местным населением, рапорты, а также закладные крепости, отдельные акты, часто носящие казуистический (описывающий конкретный случай) характер, и не приведённые в систему. Встречаются также документы, относящиеся к судебному процессу, в том числе приговоры волостных, уездных, земских судов.

Именно архивные материалы отражают специфику и своеобразие источников, применявшихся в обычном праве, которое, являясь неотъемлемой частью развития этно-социума, имело общественную природу. Оно влияло на поведение индивида и его сознание, обеспечивая правомерное, с точки зрения обычного права, поведение населения, и соответствовало уровню развития конкретного народа, его потребностям.

Обычное право на практике имело целостную и неразрывную связь с ментальностью этно-социума. Всё это помогает обнаружить и ввести в научный оборот архивные материалы. Однако существует практическая проблема распознавания обычно-правовых норм в тексте архивного документа. Это связано с гибкостью и поливариантностью обычаев, их неоднородностью, вербальной, а также нередко знаковой (символической) формой выражения и разнообразием обычно-правовой информации, находящейся в архивных фондах, что, безусловно, осложняет научное упорядочение, обобщение, объективацию норм обычного права. Многие архивные документы содержат лишь незначительные фрагменты элементов обычного права, способствующие низкой информативности. Часто материалы разрознены не только по разным фондам одного архивного учреждения, но и по разным архивам, находящимся на территории РФ.

Подобная ситуация сложилась в силу многих причин. Одной из них являлась малограмотность (безграмотность) крестьян, которых интересовало решение злободневных хозяйственных проблем, а не чёткая письменная фиксация в документообороте действовавших обычно-правовых норм. О неграмотности часто даже указывали в самих документах: «... духовное завещание, составленное и подписанное понеграмотности и личной ея просьбе...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1516. Л. 2).

Другой причиной было отсутствие упорядоченной системы сельского делопроизводства, а также замкнутость и закрытость общинной крестьянской жизни. Кроме того, недоверие со стороны крестьянского населения к представителям официальной государственной власти, стремление

решать вопросы медиационным путем, договариваясь с общинниками, учитывая интересы спорящих сторон: «... 1761 февраля “13” дня мезенского уезда... крестьянин... да племянник его ... поделились между собой полюбовно двором...» (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. II. Д. 6172. Л. 110б.).

Поэтому необходимо привлекать к доктринальным исследованиям широкий спектр архивных информативных материалов, которые отражают материальную и нематериальную культуру, быт этно-локальной группы. Через призму изучения таких архивных документов, содержащих различные аспекты крестьянской повседневной жизни, можно воссоздать обычно-правовые представления крестьян и их отношение к действовавшему законодательству.

Одним из особенно ценных источников, позволяющих познать обычное право у пермских народов, были приговоры. Они принимались на сходах в процессе рассмотрения его членами важнейших для общины общественных проблем. Со второй половины XIX в. их значение значительно увеличивается, так как в 1861 г. было принято «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (далее – Общее положение) (ПСЗРИ-XXXVI, 1830: 36650), которое закрепило за приговорами статус актов крестьянского самоуправления.

На сходах рассматривались различные вопросы, возникавшие в общине. Причём, при вынесении решений на сходах часто руководствовались существовавшими правовыми обычаями. К примеру, при рассмотрении спорного вопроса по определению наследников в крестьянской семье, сход принял решение, отражённое в приговоре Пумезовского сельского схода от 25.11.1895 г., в котором напрямую ссылается на «... силу местных обычаев существующих в быту крестьян...» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 45. Л. 10). Аналогичная практика закреплена и в приговоре от 19.02.1898 г. Олыпского общества, в котором рассматриваются наследственные права женщины, повторно вышедшей замуж. В данном приговоре указывается ссылка на «...силу местных обычаев, существующих в обществе...» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 89. Л. 10–100б.).

Достаточно много встречается сельских приговоров, посвящённых наследственному праву, где детализируются не только права сыновей, дочерей, но и даже пережившей наследодателя вдовы, которой по нормам обычного права позволялось выходить повторно замуж, но при этом она лишалась наследственных прав по отношению к тому имуществу, которое принадлежало её умершему супругу. Так, из приговора Лудеямского схода от 30.03.1898 г. следует, что: «... мать... вышедшая в замужество за другого теряет... право на наследство первого... мужа» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 45. Л. 10).

Кроме наследственных вопросов, на сходах обсуждались и закреплялись в приговорах также вопросы перераспределения общинных земель, аренда земельных и промысловых угодий, процесс перехода из общинного пользования в личную собственность отдельных земельных участков, вопросы, возникавшие при лишении отдельных крестьян надела земли, либо его части, и др.

Встречаются приговоры, регламентирующие процесс администрирования, в которых, к примеру, устанавливались санкции в случае неявки члена схода на заседание или лишение нарушителей права голоса. Такие приговоры регламентировали вопросы постройки общественных зданий в волости, а также отражали процесс избрания сельских должностных лиц.

В сельских сходах значительные позиции были у старост и членов сходов, имеющих право голоса. Так, к примеру, в приговоре сельского крестьянского схода Шешкинского общества, находившегося в Вильгортской волости от 23.12.1892 г., перечислен состав членов схода, включая «сельского старосту, “58” Домохозяев имеющих голоса...» (НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 54. Л. 132).

Староста, а также «верхушка» сельского схода, к которым относились десятский, сборщик податей, сотский и др. (НА РК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 8. Л. 4), избирались самими общинниками, о чём фиксировалось в приговоре: «... о выборах... Полицейских сотских и Десятских и пожарных старост... единогласно Постановили: на должность... назначить...» (НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 54. Л. 132).

Отдельную группу составляют финансово-управленческие приговоры, включающие внутриобщинное распределение бремени выплаты налогов и податей, а также приговоры о взыскании денежных сборов в пользу сельского общества, о взыскании с неплательщиков недоимок и др.

Часто подавались коллективные крестьянские прошения, которые отражались в приговорах. Например, главы семей Шешкинского общества Вильгортской волости на сельском сходе приняли подобный приговор от 23.12.1892 г.: «..мы... крестьяне будучи в общем Собрании... учинили... мирской приговор...» (НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 54. Л. 132). Все приговоры свидетельствуют о высоком авторитете местного сельского схода, на котором они принимались.

Вынесенные решения на сходах закреплялись в приговорах, которые записывались писарями и имели особую структуру, с вводной, описательной, мотивировочной и даже резолютивной частью. Писарь, как правило, не относившийся к сословию сельских обывателей, часто не являлся носителем обычно-правовых императивов. Безусловно, данный факт несколько снижает ценность приговора как исторического источника, поэтому исследовать обычно-правовые представления крестьян, опираясь только на приговоры волостных сходов, является сложной задачей.

Однако письменная фиксация приговоров позволила не только сохранить историко-правовую информацию, которую они несут, но и превратить их в доступные для исследования исторические источники. Приговоры представляли собой документы, часто ссылающиеся на действующее

общеимперское законодательство. Но многие приговоры включали в себя обычно-правовые принципы, широко распространённые в крестьянской среде, такие как: равенство; приоритет общинных коллективных интересов; равное распределение земельного и промыслового фонда; учёт индивидуальных качеств и вклада в развитие общины в конкретной жизненной ситуации и др.

Все приговоры можно классифицировать на такие виды, как: приговор-решение суда; приговор-приказ на выполнение действий; приговор-ходатайство перед определённым государственным органом; приговор-мандат определённым лицам от имени сельского общества на выполнение оговоренных действий; приговор-договор.

Необходимо также отметить, что принимавшиеся решения волостных и уездных судов, а также протоколы, в которых они фиксировались, являются самостоятельным историческим источником, способствующим познанию обычно-правовых императивов у пермских народов. Достоверность и уникальность этих источников заключалась в том, что они часто сочетали применение законодательных положений с использованием обычно-правовых норм (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 189. Л. 15). Как правило, в тексте таких источников встречаются прямые ссылки на действующее в рассматриваемый период законодательство: «...по указу вологодского губернского правления от 25-го минувшего февраля под № 2618-м о поступлении по законам здешней округи...» (НА РК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 26. Л. 10б.).

Часто эти документы оформлялись в отдельное дело, которое называлось по существу поданного иска в суд. Так, например: дело Усть-Сысольского уездного суда от 01.05.1873 г. «О явке крепостного духовного завещания крестьянской женки...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1516. Л. 2), или дело Усть-Сысольского уездного суда от 1866 г. «По прошению Усть-Сысольского 2-й гильдии купца...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1142. Л. 8); дело Усть-Сысольского уездного суда от 1873 г. «По прошению дочерей умершего...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1570. Л. 1).

Судебные решения позволяют проследить динамику в трансформации обычно-правовых представлений крестьян, обращавшихся в судебные учреждения.

В судах и других органах власти часто применялись такие источники, как рапорты, напоминавшие по своему содержанию ходатайства, в которых прослеживаются элементы крестьянского обычно-правового сознания. Таким примером можно назвать рапорт самого Усть-Сысольского уездного суда от 09.04.1874 г. (НА РК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 471. Л. 1–2), или рапорт крестьянина в Яренский земской суд от 28.01.1819 г. (НА РК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 230. Л. 1); рапорт, поданный крестьянином 09.04.1874 г. в вологодское губернное правление (НА РК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 471. Л. 1).

Значительное количество крестьянских жалоб, прошений, просьб, ходатайств, поданных в различные государственные учреждения, также следует рассматривать в качестве важного источника обычно-правовых представлений. Весь поток таких жалоб и прошений можно классифицировать на многочисленные жалобы, предметом которых являются земельные споры и связанные с ними вопросы о защите прав на сельскохозяйственное имущество (РГАДА. Ф. 573. Д. 115. Л. 207), а также жалобы и прошения в отношении действий должностных лиц.

Хотя эти источники часто носят частно-индивидуальный характер, тем не менее, они позволяют не только отследить применявшиеся у крестьян нормы обычного права, трансформацию обычно-правовых представлений, но и оценить эффективность работы судебной системы и органов власти в исследуемый период. Прошения касались спорных вопросов приобретения крестьянами земельных участков (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 823. Л. 1), подтверждения права «... вечно и потомственного... владения...» (НА РК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 376. Л. 10б.), выделения «... вдовьей части...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1436. Л. 120б.) и т.д.

Также важным источником сведений о существовавшем у пермских народов обычно-правовом быте можно назвать сделочные, копии с межевых книг (НА РК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3. Л. 150б.), дополнительные «владенные» записи, которые широко применялись в гражданско-правовом обороте у пермских народов. Как правило, это были договоры, закреплявшие факт приобретения имущества, но назывались по-разному. Чаще всего применялся договор купли-продажи: «... в вечно и потомственное... владение...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 303. Л. 2), который назывался сделочной либо «владенной» записью, закреплявшей правовой статус земли: «...земли... состоят в общинном... пользовании починка...» (НА РК. Ф. 273. Оп. 8. Д. 571. Л. 20б.).

Нередко в документообороте на уровне общины применялись ведомости, издававшиеся волостными старостами, в которых они поясняли особенности применения норм обычного права в наследственном процессе (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 39), обычно-правовой статус вдовы (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 290б.), права отделившихся членов семьи (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 33), обычно-правовой статус приданого (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 290б.), обычно-правовой статус сирот (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 79. Л. 11–110б.) и др.

Значительный объём архивных материалов, содержащий в том числе ссылки на нормы обычного права, составляет документооборот, связанный с наследственным процессом. Часто встречаются завещания, которые носили различные названия. Широко распространённой формой являлось «духовное письмо», которое отражало процесс перехода права на движимое и недвижимое имущество от наследодателя к наследникам: «...в прошлом 1788-м году, отец... духовное письмо...»

(НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 196. Л. 1). Встречались духовные письма, в которых наследодатель чётко оговаривал свою дееспособность, осознавая, что от этого зависит юридическая сила духовного письма: «... раб божий 1714... крестьянин... целым умом и разумом...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 103. Л. 42).

Нередко завещание называли «духовно завещаемое письмо». Оно также имело аналогичную юридическую силу. Такие письма регламентировали передачу прав на всё имущество церкви: «... будучи... бездетен... в... своем уме и памяти... все... мое владение ... предоставляю в... Устьсыольский троицкий Собор...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 331. Л. 10–100б.).

Кроме того, встречаются формулировки «крепостные завещания». В них, часто руководствуясь нормами обычного права, наследодатель – глава семьи предоставлял возможность наследования недвижимого имущества, включая жилой дом, не только сыновьям, но и дочерям: «...дал сие крепостное завещание... сыновьям... и дочерям... деревянный... дом... по смерти моей ... в полное их распоряжение» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 810. Л. 30б.-4). Это происходило, несмотря на то, что ещё в начале XVIII в. российский законодатель определил: «... разделение имений после отцов детям недвижимых, великий... вред в Государстве Нашем...» (ПСЗРИ-V, 1830: 2789).

Иногда под завещаниями упоминаются в архивных фондах «договорно-завещательные письма». Такие письма имели свою специфику, отражавшую обычно-правовой быт. Благодаря им приёмный ребёнок мог стать наследником недвижимого имущества, в том случае, когда не было законных наследников. К примеру: «1815 г... крестьянин... дал... договорно-завещательное письмо... принимаю его... во двор и... подписываю ему все... имение...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 298. Л. 8).

Документы хозяйственного оборота, находящиеся на постоянном хранении в архивных учреждениях, также позволяют не только оценить особенности ведения земледелия: «...под пашню расчищают... черной лес ...» (РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 540. Л. 890б.), выращивание видов сельскохозяйственных культур, включая: «...хлеб, зерно... с лесов расчистных и удобренных» (РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 540. Л. 71), территории посева: «сеется... на полях... огородах...» (РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 540. Л. 77), но и обычаи, которым следовали крестьяне при осуществлении сельскохозяйственных работ, земельных переделов, решения, по которым выносились на мирском сходе, где царил местный обычай: «...делят... землю сами домохозяева» (ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 834. Л. 1290б.). Так, в соответствии с существовавшим правовым обычаем «... делили каждое поле на... жеребья, ...каждому... земли на 4 ревиз. души» (ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 834. Л. 110).

5. Заключение

Таким образом, необходимо отметить, что архивные материалы представляют собой значимый, ценнейший, аутентичный источник обычного права пермских народов в XVIII – начале XX в. Являясь важнейшим средством познания и, в то же время, историко-правовым источником, позволяющим получить бесценные сведения о функционировании, развитии и трансформации институтов обычного права у пермских народов на протяжении исследуемого периода, архивные документы позволяют проникнуть в обычно-правовой мир зырян и вотяков, учитывая исторический процесс развития этих народов.

Значимыми архивными документами, имеющими обычно-правовой след, являются приговоры, выносимые на сходах, судебные решения, различные крестьянские рапорты, напоминавшие по своему содержанию ходатайства. Архивные фонды содержат крестьянские жалобы, прошения, просьбы, ходатайства, сделочные, копии с межевых книг, дополнительные «владенные» записи, представлявшие собой важнейшие источники сведений о существовавших обычно-правовых императивах. Ведомости, издававшиеся волостным старостой, включали пояснения особенностей применения норм обычного права. Также часто встречаются завещания, содержащие элементы обычно-правового мировоззрения, которые носили различные названия, в том числе духовно завещаемые письма, крепостные завещания, договорно-завещательные письма.

Привлечение архивных источников в процессе осуществления историко-правовых исследований способствует увеличению познавательной значимости доктринальных работ, основанных на их изучении, а также позволяет не допустить ограничения источниковой базы.

Литература

ГАКО – Государственный архив Кировской области.

Конкин, 2016 – Конкин Д.В. Источники по вакуфному землевладению в Крыму из государственного архива Республики Крым: в поисках «голоса мусульманина» // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филологические науки»*. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 234-241.

НА РК – Национальный архив Республики Коми.

ПСЗРИ – V – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. V. СПб., 1830. № 2789. С. 91-94.

ПСЗРИ – XXXVI – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXVI. СПб., 1830. № 36650. С. 128-134.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

Шатковская, 2012 – Шатковская Т.В. Социальная реконструкция источников обычного права: опыт теоретико-эмпирического исследования // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2012. № 4. С. 32-41.

Plotskaya et al., 2024 – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Atabekov K.K., Mironchukovskaya V.V. Customary Legal Ethno-Justice among the Perm Peoples in the 16th-18th centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 497-503.

Plotskaya et al., 2023 – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V. The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37-45.

Plotskaya et al., 2022 – Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E., Ospanova D.A. Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575-1584.

Plotskaya et al., 2021 – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.

Sosnina et al., 2024a – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Yu.V. Nikolaeva, Lavrishcheva O.A. Legal regulation of peasant family divisions in the Russian North in the second half of the 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 159-168.

Sosnina et al., 2024b – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. Customary legal regulation of obligations from contracts among peasants of the Russian North in the second half of the 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1318-1326.

Sosnina et al., 2024c – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. Customary legal status of sons-in-law-adoptees in a peasant family in the Russian North in the second half of the 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1759-1765.

References

GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti [State Archives of the Kirov Region].

Konkin, 2016 – Konkin, D.V. (2016). Istochniki po vakufnomu zemlevladieniyu v Krymu iz gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Krym: v poiskakh «golosa musul'manina» [Sources on waqf land ownership in Crimea from the state archive of the Republic of Crimea: in search of the “voice of a Muslim”]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologicheskie nauki»*. 2(68). 3: 234-241. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi [National Archives of the Komi Republic].

Plotskaya et al., 2024 – Plotskaya, O.A., Elinsky, V.I., Atabekov, K.K., Mironchukovskaya, V.V. (2024). Customary Legal Ethno-Justice among the Perm Peoples in the 16th-18th centuries. *Bylye Gody*. 19(2): 497-503.

Plotskaya et al., 2023 – Plotskaya, O.A., Elinsky, V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V. (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37-45.

Plotskaya et al., 2022 – Plotskaya, O.A., Kurilyuk, Y.E., Ospanova, D.A. (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575-1584.

Plotskaya et al., 2021 – Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G. (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.

PSZ RI – V – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. V. SPb., 1830. № 2789. Pp. 91-94. [in Russian]

PSZ RI – XXXVI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. XXXVI. SPb., 1830. № 36650. Pp. 128-134. [in Russian].

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archives].

Shatkovskaya, 2012 – Shatkovskaya, T.V. (2012). Sotsial'naya rekonstruktsiya istochnikov obychnogo prava: opyt teoretiko-empiricheskogo issledovaniya [Social reconstruction of the sources of customary law: an experience of theoretical and empirical research]. *Severo-kavkazskii yuridicheskii vestnik*. 4: 32-41. [in Russian]

Sosnina et al., 2024a – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, Yu.V., Lavrishcheva, O.A. (2024). Legal regulation of peasant family divisions in the Russian North in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 19(1): 159-168.

Sosnina et al., 2024b – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A. (2024). Customary legal regulation of obligations from contracts among peasants of the Russian North in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1318-1326.

Sosnina et al., 2024c – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A. (2024). Customary legal status of sons-in-law-adoptees in a peasant family in the Russian North in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 19(4): 1759-1765.

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].

Архивные документы как аутентичные источники обычного права пермских народов в XVIII – начале XX в.

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, *}, Юлия Евгеньевна Курилюк ^b, Искендер Тажибаевич Эратов ^c, Татьяна Сергеевна Бессонова ^d

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^c Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика

^d МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Материалы, хранящиеся в архивах, играют значительную роль для развития историко-правовой науки, так как содержат данные о правоприменительной практике в рамках определённой исторической эпохи. Они несут определённую информацию, содержащую сведения об обычно-правовых явлениях, институтах и составляют эмпирическую основу для исследования обычного права.

Являясь важнейшим средством познания и, в то же время, историко-правовым источником, позволяющим получить бесценные сведения о функционировании, развитии и трансформации институтов обычного права у пермских народов на протяжении исследуемого периода, архивные документы позволяют проникнуть в обычно-правовой мир зырян и вотяков, учитывая исторический процесс развития этих народов.

Значимыми архивными документами, имеющими обычно-правовой след, являются приговоры, выносимые на сходах, судебные решения, различные крестьянские рапорты, напоминавшие по своему содержанию ходатайства. Архивные фонды содержат крестьянские жалобы, прошения, просьбы, ходатайства, сделочные, копии с межевых книг, дополнительные «владенные» записи, являвшиеся важными источниками сведений о существовавших обычно-правовых императивах. Также часто встречаются завещания, содержащие элементы обычно-правового мировоззрения, которые носили различные названия, в том числе духовно завещаемые письма, крепостные завещания, договорно-завещательные письма.

Привлечение архивных источников в процессе осуществления историко-правовых исследований способствует увеличению познавательной значимости доктринальных работ, основанных на их изучении, а также призвано не допустить ограничения источниковой базы.

Ключевые слова: зыряне, пермские народы, вотяки, обычное право, архивный документ, аутентичность, архивные материалы.

---

* Корреспондирующий автор

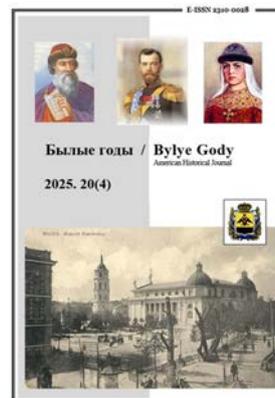
Адреса электронной почты: plockaya@mirea.ru (О.А. Плоцкая)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1718-1729
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1718

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Lord Gordon Riots in the Assessment of Historians: a Social Protest or an Anticatholic Uprising?

Mikhail S. Stetckevich ^a, Tatiana V. Chumakova ^{a, *}, Elena S. Stetckevich ^b

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

^b North-West Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

Abstract

The events in London on June 2–8, 1780, called the Lord Gordon riots, were one of the most striking phenomena in English history of the XVIII century. The unprecedented scale of events, accompanied by the destruction of houses and prisons, made a serious impression on contemporaries, but for a long time did not attract the proper attention of historians. The researchers limited themselves either to condemning the actions of the “mob”, or at best to a detailed description of the events (J. De Castro). Only in the second half of the XX century the situation has changed radically, and at the present moment we can talk about the existence of three important historiographical concepts, aimed at explaining the causes and nature of the Gordon riots. The first of them considers the Gordon riots as a form of social protest (marxist historians G. Rude and E. Thompson). The second concept presents the events of June 1780 as an Anticatholic action, which was at the same time a form of pressure on the state authorities (C. Haydon, F. Rogers). Recently, a third, Transatlantic concept has emerged, focusing on the interrelationships and parallels between the Gordon Rebellion and the events of the American War of Independence (D. Rabin, B. Jones, L. Michalak). Currently, the underestimation of the Anticatholic factor seems to have been completely overcome, including modern Russian historiography (E.P. Makarov, L.V. Sidorenko). Question about the degree of correlation between the Gordon riots and the radical movement in England and Transatlantic dimension of the events remain controversial, which opens up scope for new research.

Keywords: The Gordon riots, historiography, Anticatholicism in England, religious conflicts, G. Rude, C. Haydon.

1. Введение

«Улицы представляли собой ужасное зрелище. Крики толпы, вопли женщин, стоны раненых и постоянная стрельба создавали оглушительный и ужасный аккомпанемент к картинам, которые открывались на каждом углу... почти на каждой главной улице происходила такая же расправа и лилась кровь» (Dickens, 1890: 261). Так, опираясь на свидетельства очевидцев, описывал происходившее в Лондоне в первой декаде июня 1780 г. великий английский писатель Ч. Диккенс в своём историческом романе «Барнеби Радж» (1841). События эти, получившие название мятежа лорда Гордона¹, прочно запечатлелись в сознании современников. О своих ощущениях писали один

* Corresponding author

E-mail addresses: t.chumakova@spbu.ru (T.V. Chumakova)

¹ Современники, а затем и англоязычные исследователи июньских событий 1780 г. именовали их «The Gordon riots». В переводе с английского «riots» – беспорядки, бесчинства, в единственном числе – бунт, мятеж. Отечественные исследователи используют термины «мятежи Гордона» (Л.В. Сидоренко), «Гордоновский бунт» (Е.П. Макаров). Поскольку в современном русском языке перечисленные выше

из пионеров готического возрождения в Англии Г. Уолпол, философ и политик Э. Бёрк, известный деятель партии вигов С. Ромилли, торийский историк и политик Н. Рексхолл и многие другие. Не только Диккенс, но и целый ряд менее известных писателей (Дж. Уолкер, М. Эджворт, Т. Геспи) отразили Гордонов мятеж в своих литературных произведениях (Flynn, 2005).

Учитывая масштабы происшедшего, это не кажется удивительным. Имелись немалые жертвы, многие здания оказались разрушены. По мнению известного историка Г. Портера, ущерб, нанесённый имуществу, составил 100 000 фунтов стерлингов – в десять раз больше, чем в Париже во времена Французской революции (Porter, 1982:116). В то же время, как констатировала К. Флинн, Гордонов мятеж «довольно быстро исчез из культурного сознания» (Flynn, 2005: 459). Июньские события 1780 г., «несмотря на их значимость, странным образом не занимают должного места в британской истории...», – констатируется в специально посвященной Гордонову мятежу коллективной монографии (The Gordon Riots, 2012: 12). Возможной причиной такой ситуации называются события Французской революции, затмившие предшествующие ей проявления возмущения (The Gordon Riots, 2012: 12).

Вниманием исследователей Гордоновы беспорядки в течение долгого времени также были обделены. Одна из причин – длительное доминирование вигско-либеральной историографической традиции, в соответствии с которой Англия после Славной революции 1688–1689 гг. непрерывно двигалась по пути прогресса и реформ, а масштабные беспорядки, связанные с проявлениями религиозной нетерпимости, в эту поступательную линию мало вписывались. Кроме того, как справедливо замечает А. Рэндалл, религиозные бунты XVIII в. в более позднюю эпоху стали казаться «крайне непривлекательными», рассматриваясь как одна из наименее приемлемых форм протеста, что обусловило переключение внимания исследователей на изучение иных проявлений общественного недовольства (Randall, 2006: 51).

Тем не менее в последние десятилетия интерес историков к Гордонову мятежу значительно вырос. В современных работах часто присутствуют небольшие историографические очерки, констатируется наличие различных точек зрения относительно происхождения и направленности бунта Гордона, но детальный разбор всего корпуса исследований до сих пор не осуществлён. Данным обстоятельством определяется цель статьи: представить всесторонний анализ основных концепций изучения мятежа лорда Гордона, определить важнейшие дискуссионные моменты и обозначить возможности дальнейших исследований.

2. Материалы и методы

В качестве источников статьи выступают труды зарубежных и отечественных исследователей, посвятивших свои изыскания анализу происхождения, характера, направленности и политических последствий Гордонова мятежа. Все эти работы основаны на разнообразных исторических первоисточниках, в том числе архивных, что не исключает различий в их интерпретации. Кроме того, значительный интерес для историографического анализа представляют труды, авторы которых, рассматривая народные и протестные движения в Англии XVIII в., пытаются определить место, занимаемое в их ряду июньскими беспорядками 1780 г. В работе применялся междисциплинарный подход, поскольку исследование проводилось на стыке истории и религиоведения (Шахнович, 2024), в рамках позитивистской парадигмы, необходимой в историографическом исследовании, нацеленном на изучение конкретной узкой проблемы (Румянцева, 2015), которой в данном случае являлся анализ историографических концепций, нацеленных на объяснение причин и характера бунта Гордона.

3. Обсуждение

Во второй половине XX в. сложились основные объяснительные модели, одна из которых предлагает рассматривать Гордонов мятеж преимущественно как форму социального протеста (Rude, 1956; Thompson, 1963), а в рамках другой он предстаёт в первую очередь как антикатолическое выступление (Rogers, 1998; Haydon, 1993). При этом чаще речь идёт о расстановке «социального» и «религиозного» приоритетов, а не о подчёркивании их исключительности. В начале XXI в. появилось и ещё одно – трансатлантическое направление, акцентирующее внимание на взаимосвязях между Гордоновым бунтом и событиями Американской войны за независимость (Jones, 2013; Rabin, 2017; Michalak, 2023). В отечественной историографии долгое время простые упоминания о бунте Гордона были редкостью. Только в начале XXI в. увидели свет работы, содержащие подробный анализ и оценку мятежа (Сидоренко, 2009; Макаров, 2013).

4. Результаты

Вначале необходимо сказать несколько слов о самих событиях. Толчком к ним явилось принятие Парламентом в 1778 г. билля о частичном облегчении положения римских католиков, которые, составляя не более 1% населения Англии и Уэльса (Field, 2012:711), подвергались

понятия фактически синонимичны (Большой толковый..., 2000: 74, 76, 103, 568), мы будем использовать все из них, в сочетании, согласно традиции, с именем лорда Гордона.

дискриминации. Многие жёсткие меры, например, лишение политических прав, по-прежнему оставались в силе, но теперь «папистам», как часто иронически называли католиков, официально разрешалось служить в армии, наследовать и приобретать землю, было легализовано совершение мессы. Поскольку приверженность протестантизму в форме антикатолицизма со времён Реформации являлась одной из основ английской, а затем и британской (но, естественно, не ирландской!) идентичности, принятие закона породило массовое протестное движение. Была создана Протестантская Ассоциация (далее – ПА) и организована антикатолическая кампания в Шотландии, завершившаяся успешно: действие «билля Дж. Сэвилла» (по имени главного автора закона 1778 г.) не было распространено на эту часть Великобритании. Возглавивший ПА лорд Джордж Гордон поставил задачу заставить Парламент отменить «билль Сэвилла» в Англии. 2 июня 1780 г. несколько десятков тысяч членов ПА доставили петицию (под ней поставило подписи более 120 тыс. человек) с требованием восстановления антикатолического законодательства к зданию Парламента, где её представил Гордон. Депутаты, поддерживавшие билль, подвергались оскорблениям и физическому давлению со стороны петиционеров. Далее начались беспорядки, чётко разделяющиеся на два этапа: со 2 по 5 июня и с 6 по 8 июня. На первом этапе нападениям и/или разрушениям подвергались объекты, связанные с католицизмом: часовни при посольствах Сардинии и Баварии, дома «папистов» и тех, кто был заподозрен в симпатиях к ним. На втором этапе атакованы оказались тюрьмы, в том числе и крупнейшая из них – Ньюгейтская, подвергшиеся разрушению. Заключённые, среди которых были арестованные в первые дни беспорядков, освобождались. Наконец, 7 июня под ударом оказался Банк Англии. Неоднократные обращения лорда Гордона к «толпе» с призывом прекратить беспорядки успеха не имели. Только в последние дни бунта власти предприняли решительные меры. В Лондон были введены войска и отдан приказ стрелять в участников беспорядков, не прибегая к предварительному зачтению «Акта о мятеже», содержащего призыв разойтись. 8 июня волнения оказались окончательно подавленными. По официальным данным, погибло около 300 человек, включая казнённых позже. Однако, возможно, убитых было гораздо больше (Rude, 1956: 99-100; The Gordon Riots, 2012: 7).

К сказанному выше можно добавить три интересные детали: Гордон был арестован и отдан под суд по обвинению в госизмене, но в итоге оправдан; ни один из членов ПА не был задержан как участник беспорядков; насилие погромщиков выражалось в избиениях, оскорблениях и уничтожении собственности, а все убитые принадлежали исключительно к числу бунтующих.

Одну из первых попыток поместить Гордоновы беспорядки в контекст истории XVIII в. предпринял вигский политик и историк У. Белшем. Рассматривая Гордонов бунт как досадное препятствие на пути прогресса, он увидел в нём действия охваченного «фанатичным духом» «простонародья», выступившего против «мудрого и благотворного» смягчения антикатолического законодательства (Belsham, 1796: 18-19). В аналогичном духе оценивали июньские события и историки викторианской эпохи. По мнению У. Леки, беспорядки «демонстрировали глубину и силу фанатизма, которых едва ли можно было ожидать в XVIII веке» (Lecky, 1882: 523). Дж. Овертон и Ф. Релтон характеризовали июньские события как акцию «жестокой и необразованной толпы» (Overton, Relton, 1906: 214). В начале XX в. появился ряд научных статей, содержащих в основном описание происходившего, с включением морализаторских рассуждений о недопустимости использования религии «толпой» (Colby, 2014: 643, 655) или упоминаний об «особых социальных условиях», сложившихся в Лондоне (Dobson, 1915: 161).

Первым детальным исследованием Гордонова мятежа явилась книга Дж. Де Кастро, увидевшая свет в 1926 г. Она до сих пор представляет интерес, но не благодаря авторской концепции, выраженной очень слабо, а по причине обильного цитирования различных документов, включая архивные, которые автор впервые ввёл в научный оборот. Характеризуя события как «вспышку антикатолического безумия» (De Castro, 1926: 1), Де Кастро возлагал основную ответственность за беспорядки на лорда Гордона – «чистой воды революционера», для которого католический вопрос оказался «предлогом для утоления неутомимых политических амбиций, направленных на разжигание в стране пожара» (De Castro, 1926: VII). В событиях, особенно на последнем их этапе, Де Кастро видел «вакханалию черни», «наслаждавшейся грабежом», и суровый урок для протестантов, убедившихся в том, что «легче спустить с цепи псов войны, чем заковать в кандалы папистов» (De Castro, 1926: 235-236).

Следующей крупной работой явилась научно-популярная книга писателя и биографа К. Хибберта «Власть толпы». Автор сумел, во-первых, отделить первую фазу беспорядков, в ходе которой превалировал антикатолический импульс, от последующей, когда объектом неприязни стали символы власти, а «папизм оказался столь же хорошим оправданием, как и любое другое»; во-вторых, попытался выделить разные группы участников бунта: «фанатиков», преступников, «обычных бедных», то есть малоимущих трудящихся. Когда к беспорядкам присоединилась последняя группа, они приобрели форму протеста против существующих порядков (Hibbert, 1958: 116-117). Итог оказался плачевным: «бедняки восстали против власти... безрассудные и пьяные, они ... стали преступниками и погибли без всякой цели» (Hibbert, 1958: 174).

К сходным выводам, хотя выраженным в менее эмоциональной форме, пришел Ю. Блэк, придававший, в отличие от Хибберта, большее значение подключению к религиозной демонстрации преступных элементов, что в итоге и привело к «безумию» (Black, 1963: 164-166). В монографии Блэка, посвящённой истории внепарламентских политических объединений XVIII в., глава о ПА и Гордоновом бунте носит название «Сыны тьмы» (Black, 1963: VIII).

Ко времени появления работ Хибберта и Блэка уже произошло знаменательное событие. В 1956 г. историк-марксист Дж. Рюде опубликовал статью, без ссылок на которую не обходится ни одно серьёзное исследование июньских волнений 1780 г. За эту публикацию автор был удостоен Александровской премии Королевского исторического общества. Справедливо упрекая своих предшественников как в нежелании взглянуть в лики «толпы», так и проанализировать социальный состав её жертв в ходе Гордоновых беспорядков (Rude, 1956: 94), Рюде обратился к архивным документам о судебных процессах над участниками беспорядков. Признавая фрагментарность сохранившейся информации (о занятиях убитых и раненых сведения отсутствуют) и, располагая данными только о немногих более чем 100 лицах, представших перед судами, Рюде установил, что 70 % их составили наёмные работники (подмастерья, ученики, домашняя прислуга), не относившиеся к числу беднейших обитателей столицы (Rude, 1956: 105-106).

Отвечая на вопрос о преследовавшихся ими целях, Рюде отверг версию о желании свести счёты с католиками как таковыми, полагая, что в этом случае насилие охватило бы в первую очередь районы их массового проживания (Rude, 1956: 108). Анализируя заявления о компенсации вследствие повреждения или утраты собственности, Рюде обнаружил, что подавляющее большинство их исходило от вполне состоятельных лиц – джентльменов, предпринимателей, торговцев, ремесленников и т. д. (Rude, 1956: 109). В итоге историк пришёл к такому выводу: «За лозунгом “нет папизму” и другими внешними проявлениями религиозного фанатизма скрывалась более глубокая социальная цель: стремление свести счёты с богатыми, и добиться, пусть даже на один день, хоть какой-то социальной справедливости» (Rude, 1956: 111). Именно эта фраза из статьи Рюде считается наиболее концентрированным выражением его концепции Гордонова мятежа как социального бунта и часто цитируется исследователями. Ещё одним аргументом, приводимым Рюде в пользу тезиса о социальном уравнительстве как главном устремлении «толпы», является высказывание строителя барж У. Хейтера, обвинённого в участии в атаке на дом состоятельного протестанта: «Протестант он или нет, ни один человек не вправе иметь доход свыше 1000 фунтов стерлингов...» (Rude, 1956: 111).

Следует подчеркнуть, что Рюде уделил внимание и религиозному измерению волнений. Религия и социальный протест, по мнению Рюде, «шли рука об руку», поскольку неприязнь к «папизму» имела глубокие исторические корни, а усиливающим его фактором было ведение войны с католическими Францией и Испанией (Rude, 1956: 112-113). В дальнейшем он пришёл к выводу о том, что Гордонов бунт, несмотря на свою консервативную внешнюю форму, был одним из протестных радикальных движений, будучи прямо или косвенно инспирирован некоторыми кругами в Лондонском Сити (Rude, 1980: 133).

Ещё один британский историк-марксист Э. Томпсон в своей приобретшей огромную известность книге «Становление английского рабочего класса» (1963) сделал ряд важных замечаний о Гордоновом мятеже. Он выделил несколько стадий бунта. На первом этапе, длившемся всего один день – 2 июня, действовала организованная ПА «толпа», состоявшая главным образом из вполне уважаемых торговцев. Затем, после разочарования отказом Парламента рассмотреть петицию ПА, состав толпы изменился, и на первый план вышли подмастерья, ученики, слуги и преступные элементы, стремившиеся, как писал Рюде, свести счёты с богатыми. В определённой степени бунтовщикам покровительствовали городские власти, стремившиеся продемонстрировать свою силу королю Георгу III и его правительству. И только на третьем этапе, когда был атакован Банк Англии, а «толпа» превратилась в банду пьяных грабителей, были приняты решительные меры (Thompson, 1963: 71-72). В целом же имела место комбинация действий «манипулируемой толпы и революционного народа» (Thompson, 1963: 72). Как и Рюде, Томпсон не отрицал наличия антикатолических лозунгов и настроений, но также выдвигал на передний план социальные моменты.

Концепция Рюде – Томпсона приобрела значительную популярность в исследовательской среде. Но если сами авторы концепции (особенно Рюде) вели речь о сочетании социального и религиозного факторов, лишь отдавая приоритет первому, то некоторые историки в своих трудах стали воспроизводить её в упрощённом виде, представляя Гордонов мятеж почти исключительно как проявление социального протеста трудящихся классов. Речь идёт в первую очередь об историках левой ориентации, таких, как, например, Э. Хобсбоум и Т. Вейг (Hobsbawm, 1959: 111-112; Vague, 2000: 9-29). «Отправной точкой своего исследования» о захвате Ньюгейтской тюрьмы в ходе бунта назвал концепцию Рюде историк крайне левых взглядов П. Лайнбоу (Linebaugh, 1991: 334). В совместной работе с М. Редикером Лайнбоу, полностью игнорируя религиозную подоплёку событий, представил Гордонов мятеж одним из восстаний трудящихся против угнетателей. Разрушение Ньюгейтской тюрьмы 6 июня характеризовалось как «славный день рабочего класса» (Linebaugh, Rediker, 1991: 241). Иногда и историки, далёкие от левого спектра, называют в качестве важнейшей

причины Гордонова бунта «социальную напряжённость в перенаселённом мегаполисе» (Mather, 1992: 90).

На рубеже 1980–1990-х гг. увидели свет две работы, в которых июньские события 1780 г. едва упомянуты, но их влияние на развитие дальнейших историографических тенденций трудно переоценить. Речь идёт о книгах Дж. Кларка (Clark, 1985) и Л. Колли (Colley, 1992), горячо обсуждавшихся в научном сообществе. Кларк и Колли сформулировали во многом противоположные взгляды на английский «долгий XVIII век» (1660–1832), но имелся и важнейший объединяющий момент: оба историка подчёркивали фундаментальную роль религии, и прежде всего – её интегрирующей/дезинтегрирующей функции в общественно-политических трансформациях эпохи. Исследователи могли не соглашаться с теми или иными выводами этих авторов (Кларк считал определяющим конфликт между англиканами и диссентерами – протестантами, не принадлежавшими к государственной церкви; Колли акцентировала внимание на интегрирующей роли протестантизма в его антикатолическом варианте), но в результате, как отмечает Н. Эстон, «теперь любая попытка оспорить тезис о том, что религия занимала центральное место в георгианской Англии, выглядит по меньшей мере странно» (Aston, 2017: 52).

Через три года после появления первого издания монографии Кларка была опубликована статья Н. Роджерса (Rogers, 1988), в расширенном виде, но без коррекции выводов, вошедшая в его монографию «Толпа, культура и политика в георгианской Британии» (Rogers, 1998). Главной причиной июньских событий Роджерс называет «народный антикатолицизм», несколько деградировавший к концу XVIII в., но сохранивший достаточный потенциал (Rogers, 1998: 155, 172-173). В первые дни беспорядков погромщики выступили как боевой отряд ПА, выбрав в качестве целей католические церкви, наиболее заметных и влиятельных членов католической общины, а также тех, кто, как Дж. Сэвилл, выступал, по их мнению, в качестве сторонника «папистов» (Rogers, 1998: 160, 169). Затем, когда стало ясно, что Парламент не собирается отменять закон 1778 г., «толпа» пришла в крайне раздражённое состояние, и волнения вышли за пределы первоначальных границ, став атакой на «власть в целом» (Rogers, 1998: 175). Отсюда нападения на тюрьмы, Банк Англии, судебные учреждения, изоляторы для должников, сборщиков податей (Rogers, 1998: 168-169). Анализируя сведения о профессиональной деятельности подавших заявления о компенсации, Роджерс обратил внимание на то, что более половины из них исходили от мелких торговцев, арендодателей, владельцев пивных, ростовщиков, и только четверть пришлась на долю джентльменов и лиц «благородных» профессий. В отличие от Рюде, Роджерс увидел в беспорядках не стремление к социальному уравнительству и удар по богатым, а сведения счётов с теми, кто, по мнению «толпы», в той или иной степени обслуживал интересы «папистов» (Rogers, 1998: 166-167). Подверг сомнению Роджерс и слова, приписываемые строителю барж Хейтеру (Rogers, 1998: 165-166). Рассматривая Гордонов мятеж как прежде всего политическое выступление (Rogers, 1998: 161, 173), автор не видит оснований для заключения о наличии у него единой направленности и серьёзных взаимосвязей с активно развивавшимся радикальным движением (Rogers, 1998: 157, 170-172, 175).

Наиболее развёрнутая критика концепции Рюде содержится в работах британского историка К. Хейдона. Вначале Хейдон убедительно опроверг бытовавшее в научной литературе представление о беспорядках как почти исключительно лондонском (исключая Шотландию) явлении, показав, что во многих английских городах в начале июня также произошли антикатолические выступления (Haydon, 1990). В монографии об английском антикатолицизме XVIII в. он посвятил анализу Гордонова мятежа отдельную главу. Хейдон согласен с Рюде в том, что главной мишенью участников беспорядков оказались именно состоятельные католики, но, по его мнению, это не свидетельствует о социальной направленности бунта. Богатые «паписты» рассматривались «толпой» как главные представители своей религиозной группы, подобно евреям в Третьем рейхе. До малоимущих католиков дело, возможно, просто не дошло вследствие пресечения властями бесчинств. Кроме того, бедные католики, не имея сколь-нибудь значительной собственности, не могли её потерять, а значит, не подали заявлений с просьбой о компенсациях, явившихся одним из важнейших источников, используемых Рюде (Haydon, 1993: 219-220). На основании изучения архивных материалов судебных процессов Хейдон, вслед за Роджерсом, выразил серьёзное сомнение в том, что Хейтер действительно произнёс фразу о недопустимости слишком высоких доходов. Хейдон обнаружил серьёзные расхождения в показаниях свидетелей, один из которых солгал, надеясь на вознаграждение, другие разошлись во мнениях относительно называвшейся Хейтером предельно приемлемой суммы дохода, третьи вообще отрицали факт произнесения таких слов. Таким образом, резюмирует исследователь, если эта фраза и была произнесена, то неизвестным человеком в толпе, чей социальный статус не поддаётся определению (Haydon, 1993: 221-222). Вместе с тем Хейдон не отрицает наличия у беспорядков социального аспекта, особенно в провинции (Haydon, 1993: 222), и отмечает, что на их завершающем этапе первоначальная цель – нанести удар по «папистам» ушла на задний план, уступив место более широкому применению насилия. Тем не менее, возражая Рюде, он подчёркивает доминирование антикатолической направленности бунта (Haydon, 1993: 241). В судебных делах есть многочисленные свидетельства о тщательном выборе участниками беспорядков объектов атак: они не

предавались безудержному мародёрству, а, врываясь в казавшиеся им подозрительными дома, искали «папистские» книги и иные свидетельства принадлежности их обитателей к католицизму (Haydon, 1993: 228-231). Хейдон считает, что действия участников бунта Гордона вполне соответствуют описанной Э. Томпсоном «моральной экономике» английской «толпы» XVIII в. (Thompson, 1971) – выступлениям «низов» против несправедливых, по их мнению, изменений, осуществлённых «верхами» (например, требование платы за проезд по дорогам, ранее бывшим свободными), с требованием восстановления прежних порядков (Thompson, 1971). До середины XVIII в. мнения правящей элиты и широких слоёв населения относительно политической и религиозной опасности католицизма совпадали, но когда «верхи» под влиянием Просвещения пересмотрели свою позицию, «низы» восприняли это как предательство (Haydon, 1993: 223-224).

В итоге, по мнению Хейдона, Гордонов бунт, не имевший ничего общего с радикальным движением, был ретроградной акцией с целью восстановления существовавшего до принятия акта 1778 г. статус-кво (Haydon, 1993: 242-243). Он обнажил существование «огромной пропасти» между просвещённой элитой и Парламентом, с одной стороны, и ПА и её плебейскими сторонниками – с другой (Haydon, 1993: 227).

Появление работ Роджерса и Хейдона обозначило новую тенденцию в процессе изучения Гордоновских беспорядков: отныне большинство исследователей стало более осторожно относиться к тезису Рюде, а религиозные аспекты событий перестали отодвигаться на задний план. Некоторые авторы прямо поддержали концепцию Хейдона (Tomko, 2011: 20).

Важной вехой в истории изучения мятежа лорда Гордона стала коллективная монография, вышедшая в свет по итогам конференции, прошедшей в Центре исследований романтизма при Роухэмптонском университете (Лондон) в 2008 г. (The Gordon Riots, 2012). Монография состоит из трёх разделов: «Политическая ситуация 1780 г.», «Представление непредставимого» и «Последствия: политика, социальный порядок и культурная память» и включает в себя одиннадцать глав. Хотя в монографии содержится масса интересного материала, несомненно, наибольший интерес представляет начальный раздел, авторы которого анализируют проблемы, связанные с пониманием истоков и характера Гордоновских беспорядков. Все они склонны считать важным фактором рост недовольства политикой правительства лорда Норта, обусловивший формирование взрывоопасной обстановки. Так, уже неоднократно упоминавшийся Н. Роджерс отмечает: политические разделения вокруг достаточно непопулярной в Англии войны с заокеанскими колониями не породили Гордонов мятеж, но создали ситуацию, при которой он стал возможен (Rogers, 2012: 23). Не только «билль Сэвилла», но и Квебекский акт 1774 г., предусматривавший свободное исповедание католицизма на территориях в Северной Америке, вошедших в состав Великобритании в результате Семилетней войны (1756–1763), воспринимались как уступки правительства лорда Норта «папизму», исторически неразрывно связанному с «тиранией». Но при этом широко распространённое недовольство правительством не означало наличия координации действий оппозиции и бунтовщиков. Лидеры оппозиции решительно осудили Гордонов мятеж (Rogers, 2012: 31-36), представляя «насилие на религиозной почве и разрушение тюрем свидетельством политической незрелости “толпы”» (Rogers, 2012: 41). В главе о петициях времен Гордонова бунта М. Найтс рассматривает два вопроса. Первый из них касается наличия взаимосвязи между ПА и последующими беспорядками. Поскольку документы, связанные с деятельностью ПА, были уничтожены её секретарём Дж. Фишером сразу после ареста лорда Гордона, историкам приходится довольствоваться далеко не первоклассными источниками, например, копией списка подписавших петицию с требованием отмены «билля Сэвилла», включающей только фамилии и имена без какой-либо дополнительной информации. Тем не менее, Найтс, установив род занятий некоторых подписантов, пришёл к выводу о том, что петиционеры и арестованные относились к одной социальной группе, то есть были ремесленниками и наёмными работниками (Knights, 2012: 54 -55). Значительная часть подписавших петицию за отмену «билля Сэвилла» проживала в тех районах Лондона, где концентрировались католики и где впоследствии они подверглись наиболее интенсивным атакам. Отсюда Найтс делает следующий вывод: ненависть к «папизму», по-видимому, была не просто результатом пропаганды, но проистекала из опыта личного общения с католиками (Knights, 2012: 54-55).

Второй вопрос, рассматриваемый Найтсом, касается параллелей между деятельностью ПА и Йоркширской ассоциации, представившей в Парламент в 1780 г. план по коррекции избирательной системы. Найтс, в отличие от Роджерса, находит здесь общие моменты. Обе структуры пытались оказать давление на правительство с помощью подачи петиций, хотя цели были различны: одна считала религиозные уступки, а другая – несовершенство Конституции причиной существующих национальных проблем (Knights, 2012: 59). Значительный интерес представляет глава о роли радикальных протестантов-диссентеров в Гордоновом мятеже (автор – Дж. Сид). Традиционно современники, а вслед за ними и некоторые историки, отводили им важное, а иногда – и ведущее место в разыгравшихся событиях. По мнению Сиды, ПА не получила поддержки со стороны уважаемых диссентеров, принадлежавших к «среднему классу» (Seed, 2012: 78). В то же время «плебейские диссентеры» сохранили массовую неприязнь к «папизму», ассоциировавшемуся с деспотизмом, и были, по его мнению, важным, хотя и не главным элементом ПА (Seed, 2012: 83-88).

Д. Рабин предлагает искать ответ на вопросы о причинах и характере Гордонова мятежа, исходя из ситуации, сложившейся в Британской империи в целом. Приобретение католической Канады, Квебекский акт, допуск католиков в армию создали новый образ империи, что вызвало негативную реакцию тех, кто сохранял верность Британии как бастиону протестантизма (Rabin, 2012: 90-91, 109-110). Сами беспорядки представляются Д. Рабин выражением симбиоза антикатолических и ксенофобских настроений (Rabin, 2012: 105).

После выхода в свет коллективной монографии процесс изучения Гордоновых беспорядков продолжал набирать обороты. Заслуживает упоминания статья Х. Оок о формах коммуникации во время Гордонова мятежа. Исследуя обширный круг источников, Оок показала: почти все коммуникативные средства (листочки, записки, прокламации, слухи, лозунги, знаки и т. д.) имели отчётливо выраженный антикатолический характер (Awwcock, 2021).

Статья Б. Джонса (Jones, 2013) о реакции на Гордоновы беспорядки в различных частях Британской империи и книга Д. Рабин, в которую в расширенном виде вошёл её текст, ранее включенный в коллективную монографию (Rabin, 2017: 108-144), обозначили появление нового, трансатлантического направления в историографии событий. Самым ярким, но в то же время и самым спорным его представителем является Л. Мичалак. В её кандидатской диссертации, защищённой в 2023 г., содержится обширный материал, свидетельствующий об огромном интересе к июньским событиям 1780 г. в восставших североамериканских колониях Англии. При этом автор отстаивает тезис о том, что Гордонов мятеж был не чем иным, как перенесением Американской революции на английскую почву. ПА выступала за «регрессивные изменения», но главным, по мнению Мичалак, являлась мобилизация этой структурой масс на борьбу с властью, не желавшей прислушиваться к мнению народа (Michalak, 2023: 38-39). В деятельности ПА и участников беспорядков она видит революционеров, боровшихся, как и американцы, за народный суверенитет, но потерпевших неудачу (Michalak, 2023: 58-59). Текст диссертации и список использованной литературы свидетельствуют о том, что её автор, по-видимому, не знаком с монографией Хейдона и критикой им концепции Рюде, которую Мичалак ставит очень высоко (Michalak, 2023: 14-15). Справедливо отмечая наличие у участников мятежа ассоциации между «тиранией» и «папизмом» (Michalak, 2023: 43), Мичалак в то же время не обращает внимания на собственно религиозные аспекты неприятия католицизма (стремление к уничтожению «еретиков», «идолопоклонство», «предрассудки» и др.), перечислявшиеся, например, в листовках, распространявшихся во время событий (Vincent, 1780: 67-68). Сведение автором всей деятельности ПА и погромщиков к борьбе за народный суверенитет (Michalak, 2023: 239-242) представляется неправомерным. Несмотря на спорность ряда выдвигаемых положений, диссертация Мичалак, особенно в случае её публикации в виде монографии, станет предметом живейшего обсуждения в исследовательской среде.

В заключение следует сказать несколько слов об отечественной историографии событий 1780 г. Русские историки XIX – начала XX в. не проявляли к Гордонову мятежу никакого интереса. Например, М.М. Ковалевский, уделив определённое внимание ограничительным законам против католиков и их применению, далее сразу дал информацию об их отмене в 1829 г. (Ковалевский, 1911: 134-135). В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в историческом разделе статьи «Великобритания» Гордонов мятеж напрямую не упоминался, но говорилось о том, что меры по облегчению положения католиков, принятые в 1778 г., «вызвали в Лондоне возмущение черни» (Энциклопедический словарь..., 1892: 798). Почти полностью игнорировали бунт Гордона и советские историки. В центре их внимания находились промышленный переворот и борьба трудящихся классов Англии за свои права, а привязать к ним июньские события 1780 г. было затруднительно. Впрочем, такие попытки, в форме кратких замечаний, всё же имели место. Е.Б. Черняк, решительно отвергнув предположение о бунте «на религиозной почве», увидел здесь выражение «глубокого возмущения экономическим и политическим гнетом», принявшим «уродливую форму борьбы против надления правами католиков» (Черняк, 1962: 46-47). Л.Е. Кертман упоминал о бунте Гордона в связи с петиционной кампанией против войны с американскими колониями, характеризуя его как «крупнейшее массовое выступление столичной бедноты» (Кертман, 1979: 143). Очерк «Великобритания» в Советской исторической энциклопедии не содержит вообще никакой информации о Гордоновых беспорядках (Советская историческая..., 1963: 147-242).

На закате советского периода первую в отечественной историографии специальную работу об июньских событиях 1780 г. опубликовал один из авторов настоящей статьи. Основанная на доступных в тот момент источниках и литературе, она завершается следующим выводом: «Антикатолицизм, играя вполне самостоятельную роль... оказался и удачным поводом для выражения социального протеста лондонской “гопны”» (Стецкевич, 1990: 268). В начале XXI в. интерес отечественных исследователей к событиям июня 1780 г. значительно вырос. Е.П. Макаров посвятил их анализу кандидатскую диссертацию, в которой квалифицировал Гордонов мятеж как религиозно-политический конфликт, существенно отличавшийся от других массовых выступлений второй половины XVIII в. по своему характеру (Макаров, 2013: 21-22). Л.В. Сидоренко называет беспорядки Гордона «комплексным явлением, вызванным политическими, религиозными и социальными причинами» (Сидоренко, 2008: 93). Используя воспоминания очевидцев июньских событий 1780 г.,

он приходит к выводу о существовании противоречия между сохранявшимися массовыми антикатолическими фобиями «низов» и идеологией религиозной терпимости, которой всё в возрастающей степени следовали верхи общества, включая правительство (Сидоренко, 2024: 73).

5. Заключение

Историография Гордоновых беспорядков претерпела серьёзную эволюцию. В настоящий момент существует значительный, хотя и не абсолютный, исследовательский консенсус относительно антикатолической по преимуществу направленности мятежа, наличия серьёзных различий между его начальной и завершающей фазами, стремления участников выступления оказать давление на власть. Перспективным представляется и трансатлантическое направление в изучении июньских событий 1780 г. В то же время целый ряд вопросов, в частности, о степени взаимосвязи между различными этапами мятежа, роли в нём ПА и лорда Гордона, корреляции с радикальным движением и событиями в Новом Свете, продолжают вызывать дискуссии. Слова историка Дж. Арчера, назвавшего Гордонов мятеж «самым сложным и в некотором смысле самым загадочным примером проявления общественного недовольства» в английской истории (Archer, 1980: 58), сохраняют актуальность, а значит, он будет и далее привлекать внимание исследователей.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 25-28-00286 «Феномен антикатолицизма и его изучение в российской и западной науке XIX - начала XXI вв.».

Литература

- Большой толковый..., 2000 – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Кузнецова С.А. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
- Кертман, 1979 – Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М.: Высшая школа, 1979. 384 с.
- Ковалевский, 1911 – Ковалевский М.М. История Великобритании. СПб.: типография товарищества «Полюза», 1911. 848 с.
- Макаров, 2013 – Макаров Е.П. Гордоновский бунт и религиозно-политическая борьба в Великобритании 1778-1780 гг. автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. 23 с.
- Румянцева, 2015 – Румянцева М. Ф. К вопросу о дисциплинарном статусе источниковедения / Актуальные проблемы источниковедения: Материалы III Международной научно-практической конференции. Витебск: Витебский государственный университет, 2015. С. 9-11.
- Сидоренко, 2008 – Сидоренко Л.В. Мятежи Гордона: массовый радикализм и проблемы министерской стабильности в Англии в 1780 г. // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2008. № 2. С. 77-97.
- Сидоренко, 2024 – Сидоренко Л.В. Антикатолицизм в Англии во время бунтов Гордона: анализируя полемику современников // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2024. № 24-1. С. 61-75.
- Советская историческая..., 1963 – Советская историческая энциклопедия: в 12 т. / Под ред. Е.М. Жукова. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1963. 975 с.
- Стецкевич, 1990 – Стецкевич М.С. Гордонов мятеж – событие и гравюра (к истории английского антикатолицизма) // Проблемы формирования и изучения музейных коллекций ГМИР. Л.: Издание ГМИРиА, 1990. С. 248-270.
- Черняк, 1962 – Черняк Е.Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 718 с.
- Шахнович, 2024 – Шахнович М. М. Миф, фольклор и генезис философии (к 55-летию книги М. И. Шахновича «Происхождение философии») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40, № 3. С. 513-525.
- Энциклопедический словарь..., 1892 – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 5. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1892. 1027 с.
- Archer, 1980 – Archer J. Social unrest and popular protest in England, 1780–1840. Cambridge: University Press, 1980. 116 p.
- Aston, 2017 – Aston N. High Church Presence and Persistence in the Reign of George III (1760–1811) // The Oxford Handbook of the Oxford movement / Brown S., Nockles P., Pereiro J. Eds. Oxford: University Press, 2017. Pp. 52-66. 666 p.
- Awcock, 2021 – Awcock H. Handbills, rumours, and blue cockades: Communication during the 1780 Gordon Riots // Journal of Historical Geography. 2021. vol. 74. Pp. 1-9.
- Belsham, 1796 – Belsham W. Memoirs of the Reign of George III. Vol. 3. London: Robinson, 1796. 359 p.
- Black, 1963 – Black E. C. The Association. British Extraparliamentary Political Organization, 1769–1793. Harvard: University Press. 1963. 361 p.
- Clark, 1985 – Clark J.C.D. English Society, 1688 – 1832. Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 462 p.

- Colby, 1914** – *Colby E.* The Gordon Riots. *The American Catholic Quarterly Review*. 1914. № 39. Pp. 641-655.
- Colley, 1992** – *Colley L.* Britons: Forging the Nation, 1707-1837. Yale: University Press, 1992. 442 p.
- De Castro, 1926** – *De Castro J.* The Gordon Riots. London: Oxford University Press, 1926. 288 p.
- Dickens, 1890** – *Dickens C.* Barnaby Rudge. London: Chapman and Hall, 1890. 322 p.
- Dobson, 1915** – *Dobson A.* The Gordon Riots // Rosalba's journal, and other papers. London: Chatto and Windus, 1915. Pp. 129-63. 336 p.
- Field, 2012** – *Field C.* Counting Religion in England and Wales: The Long Eighteenth Century, c. 1680 – c. 1840 // *The Journal of Ecclesiastical History*. 2012. Vol. 63. Pp. 693-720.
- Flynn, 2005** – *Flynn C.* Whatever Happened to the Gordon Riots? // A Companion to the Eighteenth-Century English Novel and Culture. London: Blackwell, 2005. Pp. 459-480. 578 p.
- Haydon, 1990** – *Haydon C.* The Gordon Riots in the English Provinces // *Historical research*. 1990. Vol. 63. Issue 152. Pp. 354-359.
- Haydon, 1993** – *Haydon C.* Anti-Catholicism in Eighteenth-Century England, c. 1714–80. Manchester: University Press, 1993. 276 p.
- Hibbert, 1958** – *Hibbert C.* King Mob: The Story of Lord George Gordon and the London Riots of 1780. Cleveland: World Publishing, 1958. 249 p.
- Hobsbawm, 1959** – *Hobsbawm E.J.* Primitive Rebels. Manchester: University Press, 1959. 193 p.
- Jones, 2013** – *Jones B.* «In Favour of Popery»: Patriotism, Protestantism, and the Gordon Riots in the Revolutionary British Atlantic // *Journal of British Studies*. 2013. Vol. 52. Issue 01. Pp. 79-102.
- Knights, 2012** – *Knights M.* The 1780 Protestant Petitions and the Culture of Petitioning / The Gordon Riots: Politics, Culture and Insurrection in Late Eighteenth-Century Britain. Haywood I., Seed J. Eds. Cambridge: University Press, 2012. Pp. 46-68.
- Lecky, 1882** – *Lecky W.* A History of England in the Eighteenth Century. Vol. 3. London: Longmans, Green, 1882. 545 p.
- Linebaugh, 1990** – *Linebaugh P., Rediker M.* The Many-Headed Hydra: Sailors, Slaves, and the Atlantic Working Class // *Eighteenth Century Journal of Historical Sociology*. 1990. Vol. 3 No. 3. Pp. 225-252.
- Linebaugh, 1991** – *Linebaugh P.* The London Hanged. London: Allen Lane, 1991. 484 p.
- Mather, 1992** – *Mather F.* High Church Prophet: Bishop Samuel Horsley (1733–1806) and the Caroline Tradition in the Later Georgian Church. Oxford: Clarendon Press, 1992. 341 p.
- Michalak, 2023** – *Michalak L.* «The Mobs All Cryd Peace with America»: The Gordon Riots and Revolution in England and America. Phd. Thesis. University of Maryland, 2023. 268 p.
- Overton, Relton, 1906** – *Overton J., Relton F.* The English Church from the Accession of George I to the End of the Eighteenth Century. London : Macmillan, 1906. 374 p.
- Porter, 1982** – *Porter G.* English Society in the Eighteenth century. London: Penguin books, 1982. 424 p.
- Rabin, 2012** – *Rabin D.* Imperial Disruptions: City, Nation, and Empire in the Gordon Riots / The Gordon Riots: Politics, Culture and Insurrection in Late Eighteenth-Century Britain. Haywood I., Seed J. Eds. Cambridge: University Press, 2012. Pp. 93-114.
- Rabin, 2017** – *Rabin D.* Britain and its internal others, 1750–1800. Manchester: University Press, 2017. 280 p.
- Randall, 2006** – *Randall A.* Riotous Assemblies: Popular Protest in Hanoverian England. Oxford: University Press, 2006. 354 p.
- Rogers, 1998** – *Rogers N.* Crowds, Culture, and Politics in Georgian Britain. Oxford: Clarendon press, 1998. 300 p.
- Rogers, 1988** – *Rogers N.* The Gordon Riots Revisited. *Historical Papers // Communications historiques*. 1988. Vol. 23(1). Pp. 16-34.
- Rogers, 2012** – *Rogers N.* The Gordon riots and the Politics of War / The Gordon Riots: Politics, Culture and Insurrection in Late Eighteenth-Century Britain. Haywood I., Seed J. Eds. Cambridge: University Press, 2012. Pp. 21-45.
- Rude, 1956** – *Rudé G.* The Gordon Riots: A Study of the Rioters and Their Victims // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1956. Vol. 6. Pp. 93-114.
- Rude, 1980** – *Rude G.* Ideology and Popular Protest. New York: Pantheon Books, 1980. 177 p.
- Seed, 2012** – *Seed J.* «The fall of Romish Babylon Anticipated»: Plebeian Dissenters and Anti-popery in the Gordon Riots / The Gordon Riots: Politics, Culture and Insurrection in Late Eighteenth-Century Britain. Haywood I., Seed J. Eds. Cambridge: University Press, 2012. Pp. 69-92.
- The Gordon Riots, 2012** – The Gordon Riots: Politics, Culture and Insurrection in Late Eighteenth-Century Britain. Haywood I., Seed J. Eds. Cambridge: University Press, 2012. 286 p.
- Thompson, 1971** – *Thompson E.P.* The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // *Past and Present*. 1971. Vol. 50. Pp. 76-136.
- Thompson, 1963** – *Thompson E.P.* The Making of the English Working Class. New York Vintage books, 1963. 848 p.
- Tomko, 2011** – *Tomko K.* British Romanticism and the Catholic Question: Religion, History and National Identity, 1778–1829, London: Palgrave Macmillan, 2011. 236 p.

Vague, 2000 – *Vague T.* King Mob Echo: From Gordon Riots to Situationists & Sex Pistols. AK Press, 2000. 82 p.

Vincent, 1780 – *Vincent W.* A plain and succinct narrative of the late riots and disturbances in the cities of London, and Westminster. London: Printed for Fielding and Walker, 1780. 70 p.

References

Archer, 1980 – *Archer, J.* (1980). Social unrest and popular protest in England, 1780–1840. Cambridge: University Press, 116 p.

Aston, 2017 – *Aston, N.* (2017). High Church Presence and Persistence in the Reign of George III (1760–1811). The Oxford Handbook of the Oxford movement / Brown S., Nockles P., Pereiro J. Eds. Oxford: University Press, pp. 52-66. 666 p.

Awcock, 2021 – *Awcock, H.* (2021). Handbills, Rumours, and Blue Cockades: Communication during the 1780 Gordon Riots. *Journal of Historical Geography*. 74: 1-9.

Belsham, 1796 – *Belsham, W.* (1796). Memoirs of the Reign of George III. Vol. 3. London: Robinson, 359 p.

Black, 1963 – *Black, E.C.* (1963). The Association. British Extraparliamentary Political Organization, 1769-1793. Harvard: University Press, 361 p.

Bol'shoi tolkovyi..., 2000 – Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Pod red. Kuznetsova S.A. SPb.: «Norint», 2000. 1536 p. [in Russian]

Chernyak, 1962 – *Chernyak, E.B.* (1962). Massovoe dvizhenie v Anglii i Irlandii v kontse XVIII - nachale XIX v. [The mass movement in England and Ireland at the end of the XVIII – beginning of the XIX centuries]. M.: Izd-vo AN SSSR, 718 p. [in Russian]

Clark, 1985 – *Clark, J.C.D.* (1985). English Society, 1688 – 1832. Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime. Cambridge: Cambridge University Press, 462 p.

Colby, 1914 – *Colby, E.* (1914). The Gordon Riots. *The American Catholic Quarterly Review*. 39: 641-655.

Colley, 1992 – *Colley, L.* (1992). Britons: Forging the Nation, 1707-1837. Yale: University Press, 442 p.

De Castro, 1926 – *De Castro, J.* (1926). The Gordon Riots. London: Oxford University Press, 288 p.

Dickens, 1890 – *Dickens, C.* (1890). Barnaby Rudge. London: Chapman and Hall, 322 p.

Dobson, 1915 – *Dobson, A.* (1915). The Gordon Riots. Dobson A. Rosalba Journal, and Other Papers. London: Chatto and Windus, pp. 129-63. 336 p.

Entsiklopedicheskii slovar'..., 1892 – Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. v 86 t. (1892). SPb.: Tipolitografiya I.A. Efrona, t. 5, 1027 p. [in Russian]

Field, 2012 – *Field, C.* (2012). Counting Religion in England and Wales: The Long Eighteenth Century, c. 1680 – c. 1840. *The Journal of Ecclesiastical History*. 63: 693-720.

Flynn, 2005 – *Flynn, C.* (2005). Whatever Happened to the Gordon Riots? A Companion to the Eighteenth-Century English Novel and Culture. London: Blackwell, pp. 459-480. 578 p.

Haydon, 1990 – *Haydon, C.* (1990). The Gordon Riots in the English Provinces. *Historical research*. 63(152): 354-359.

Haydon, 1993 – *Haydon, C.* (1993). Anti-Catholicism in Eighteenth-Century England, c. 1714–80. Manchester: University Press, 276 p.

Hibbert, 1958 – *Hibbert, C.* (1958). King Mob: The Story of Lord George Gordon and the London Riots of 1780. Cleveland: World Publishing, 249 p.

Hobsbawm, 1959 – *Hobsbawm, E.J.* (1959). Primitive Rebels. Manchester: University Press, 193 p.

Jones, 2013 – *Jones, B.* (2013). «In Favour of Popery»: Patriotism, Protestantism, and the Gordon Riots in the Revolutionary British Atlantic. *Journal of British Studies*. 52(1): 79-102.

Kertman, 1979 – *Kertman, L.E.* (1979). Geografiya, istoriya i kul'tura Anglii [Geography, history and culture of England]. M.: Vysshaya shkola, 384 p. [in Russian]

Knights, 2012 – *Knights, M.* (2012). The 1780 Protestant Petitions and the Culture of Petitioning. The Gordon Riots: Politics, Culture and Insurrection in Late Eighteenth-Century Britain. Haywood I., Seed J. Eds. Cambridge: University Press, pp. 46-68.

Kovalevskii, 1911 – *Kovalevskii, M.M.* (1911). Istoriya Velikobritanii. [The History of Great Britain]. SPb: tipografiya tovarishchestva «Pol'za», 848 p. [in Russian]

Lecky, 1882 – *Lecky, W.* (1882). A History of England in the Eighteenth Century. Vol. 3. London: Longmans, Green, 545 p.

Linebaugh, Rediker, 1990 – *Linebaugh, P., Rediker, M.* (1990). The Many-Headed Hydra: Sailors, Slaves, and the Atlantic Working Class. *Eighteenth Century Journal of Historical Sociology*. 3(3): 225-252.

Linebaugh, 1991 – *Linebaugh, P.* (1991). The London Hanged. London: Allen Lane, 484 p.

Makarov, 2013 – *Makarov, E.P.* (2013). Gordonovskii bunt i religiozno-politicheskaya bor'ba v Velikobritanii 1778-1780 gg. [The Gordon Rebellion and the religious and political struggle in Britain 1778-1780]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 23 p. [in Russian]

Mather, 1992 – *Mather, F.* (1992). High Church Prophet: Bishop Samuel Horsley (1733–1806) and the Caroline Tradition in the Later Georgian Church. Oxford: Clarendon Press, 341 p.

- Michalak, 2023** – *Michalak, L.* (2023). «The Mobs All Cryd Peace with America»: The Gordon Riots and Revolution in England and America. Phd. Thesis. University of Maryland, 268 p.
- Overton, Relton, 1906** – *Overton, J., Relton, F.* (1906). The English Church from the Accession of George I to the End of the Eighteenth Century. London: Macmillan, 374 p.
- Porter, 1982** – *Porter, G.* (1982). English Society in the Eighteenth Century. London: Penguin books, 424 p.
- Rabin, 2012** – *Rabin D.* (2012). Imperial Disruptions: City, Nation, and Empire in the Gordon Riots. The Gordon Riots: Politics, Culture and Insurrection in Late Eighteenth-Century Britain. Haywood I., Seed J. Eds. Cambridge: University Press, pp. 93-114.
- Rabin, 2017** – *Rabin, D.* (2017). Britain and its internal others, 1750–1800. Manchester: University Press, 280 p.
- Randall, 2006** – *Randall, A.* (2006). Riotous Assemblies: Popular Protest in Hanoverian England. Oxford: University Press, 354 p.
- Rogers, 1988** – *Rogers, N.* (1988). The Gordon Riots Revisited. *Historical Papers. Communications historiques.* 23(1): 16-34.
- Rogers, 1998** – *Rogers, N.* (1998). Crowds, Culture, and Politics in Georgian Britain. Oxford: Clarendon press, 300 p.
- Rogers, 2012** – *Rogers, N.* (2012). The Gordon riots and the Politics of War. The Gordon Riots: Politics, Culture and Insurrection in Late Eighteenth-Century Britain. Haywood I., Seed J. Eds. Cambridge: University Press. Pp. 21-45.
- Rude, 1956** – *Rudé, G.* (1956). The Gordon Riots: A Study of the Rioters and Their Victims. *Transactions of the Royal Historical Society.* 6: 93-114.
- Rude, 1980** – *Rude, G.* (1980). Ideology and Popular Protest. New York: Pantheon Books, 177 p.
- Rumyantseva, 2015** – *Rumyantseva, M.F.* (2015). K voprosu o distsiplinarnom statuse istochnikovedeniya [On the issue of the disciplinary status of source studies]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, Vitebsk, 08–09 oktyabrya 2015 goda.* Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj universitet. Pp. 9-11. [in Russian]
- Seed, 2012** – *Seed, J.* (2012). «The fall of Romish Babylon Anticipated»: Plebeian Dissenters and Antipopery in the Gordon Riots. The Gordon Riots: Politics, Culture and Insurrection in Late Eighteenth-Century Britain. Haywood I., Seed J. Eds. Cambridge: University Press, pp. 69-92.
- Sidorenko, 2008** – *Sidorenko, L.V.* (2008). Myatezhi Gordona: massovyi radika-lizm i problemy ministerskoj stabil'nosti v Anglii v 1780 g. [The Gordon Riots: mass radicalism and problems of ministerial stability in England in 1780]. *Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni.* 2: 77-97. [in Russian]
- Sidorenko, 2024** – *Sidorenko, L.V.* (2024). Antikatolitsizm v Anglii vo vremya buntov Gordona: analiziruya polemiku sovremennikov [Anti-Catholicism in England during the Gordon Riots: Analyzing the Polemics of Contemporaries]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni.* 24-1: 61-75. [in Russian]
- Shakhnovich, 2024** – *Shakhnovich, M.M.* (2024). Mif, fol'klor i genezis filosofii (k 55-letiyu knigi M. I. SHakhnovicha «Proiskhozhdenie filosofii») [Myth, folklore and the genesis of philosophy (on the 55th anniversary of M. I. Shakhnovich's book “The Origin of Philosophy”)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya.* 3: 513-5255. [in Russian]
- Sovetskaya istoricheskaya..., 1963** – *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [The soviet historical encyclopedia]: v 12 t. (1963). Pod red. E.M. Zhukova. M: Sovetskaya entsiklopediya, t. 3, 975 p. [in Russian]
- Stetckevich, 1990** – *Stetckevich, M.S.* (1990). Gordonov myatezh - sobytie i gravyura (k istorii angliiskogo antikatolitsizma) [The Gordon riots – an event and an engraving (towards the History of English Anticatholicism)]. *Problemy formirovaniya i izucheniya muzeinykh kolleksii GMIR.* L: Izdanie GMIRiA, pp. 248-270. [in Russian]
- The Gordon Riots, 2012** – *The Gordon Riots: Politics, Culture and Insurrection in Late Eighteenth-Century Britain.* (2012). Haywood I., Seed J. Eds. Cambridge: University Press, 286 p.
- Thompson, 1963** – *Thompson, E.P.* (1963). The Making of the English Working Class. New York Vintage books, 848 p.
- Thompson, 1971** – *Thompson, E.P.* (1971). The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century. *Past and Present.* 50: 76-136.
- Tomko, 2011** – *Tomko, K.* (2011). British Romanticism and the Catholic Question: Religion, History and National Identity, 1778–1829, London: Palgrave Macmillan, 236 p.
- Vague, 2000** – *Vague, T.* (2000). King Mob Echo: From Gordon Riots to Situationists & Sex Pistols. AK Press, 82 p.

Мятеж лорда Гордона в оценке историков: социальный протест или антикатолический бунт?

Михаил Станиславович Стецкевич ^a, Татьяна Витаутасовна Чумакова ^{a, *}, Елена Сергеевна Стецкевич ^b

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^b Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Массовые беспорядки в Лондоне 2–8 июня 1780 г., получившие название мятежа лорда Гордона, были одним из ярких явлений в английской истории XVIII в. Беспрецедентный размах событий, сопровождавшихся разрушениями домов и тюрем, произвёл серьёзное впечатление на современников, но в течение долгого времени не привлекал должного внимания историков. Исследователи ограничивались либо осуждением действий «толпы», либо, в лучшем случае, подробным описанием событий (Дж. Де Кастро). Только во второй половине XX ст. ситуация радикально изменилась. В настоящий момент можно говорить о наличии трёх важнейших историографических концепций, нацеленных на объяснение причин и характера бунта Гордона. Первая из них рассматривает Гордонов мятеж как форму социального протеста (историки-марксисты Дж. Рюде и Э. Томпсон). Вторая концепция представляет июньские события 1780 г. как антикатолическое выступление, являвшееся одновременно формой давления на власть (К. Хейдон, Ф. Роджерс). В последнее время появилась третья, трансатлантическая концепция, акцентирующая внимание на взаимосвязях и параллелях между Гордоновым бунтом и событиями Американской войны за независимость (Д. Рабин, Б. Джонс, Л. Мичалак). В настоящее время недооценка антикатолического фактора представляется полностью преодолённой, в том числе и в современной российской историографии (Е.П. Макаров, Л.В. Сидоренко). Вопросы о степени взаимосвязи Гордонова мятежа с радикальным движением в Англии и событиями в Новом Свете остаются дискуссионными, что открывает простор для новых исследований.

Ключевые слова: Гордонов мятеж, историография, антикатолицизм в Англии, религиозные конфликты, Дж. Рюде, К. Хейдон.

---

* Корреспондирующий автор

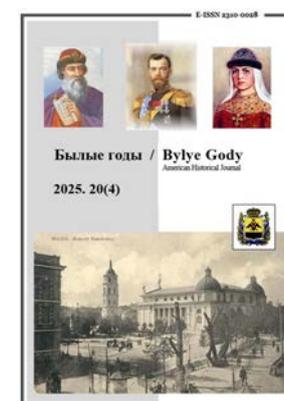
Адреса электронной почты: t.chumakova@spbu.ru (Т.В. Чумакова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1730-1739
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1730

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

State and Legal Regulation of Salt Production and Sale in the Russian Empire in the second half of the 18th – mid-19th centuries

Olesya M. Dolidovich ^{a,*}, Ivan Y. Makarchuk ^a, Eugenia N. Starovoitova ^b, Mikhail A. Petrov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Siberian State University of Science and Technology named after M.F. Reshetnev, Russian Federation

Abstract

The article examines the development of the system of state and legal regulation of the salt industry from the late 18th to the mid-19th century. The key sources are the Salt Statutes of 1781 and 1818, as well as the Collection of Salt Statutes of 1857. Based on these documents, the salt industry management system is analyzed in the context of the administrative and economic policy of the Russian Empire. Using historical-genetic, comparative and systemic methods, the functions and structure of regulatory bodies at different stages are identified. Mechanisms for monitoring the extraction, transportation, accounting and sale of salt are described, the interaction between economic entities is studied. Regional differences in the organization of the salt industry are studied. The reasons for the reforms of the mid-19th century are analyzed, the transition from general to more detailed and differentiated regulation, taking into account the forms of ownership and local conditions, is noted. New administrative structures and control systems strengthened the influence of the state, expanding market elements. The effectiveness of management was ensured by a balance of centralization taking into account local specifics. The transition to the excise system and the abolition of the monopoly were due to the growth of domestic demand, territorial expansion and the desire of the treasury to reduce expenses. This study contributes to historical science by highlighting the legal methods of managing strategic resources and their role in shaping state fiscal policy.

Keywords: indirect tax, state and legal regulation, salt production and sale, salt, Code of Laws of the Russian Empire, Salt Statute.

1. Введение

Соляная отрасль в Российской империи во второй половине XVIII – середине XIX в. являлась стратегически важным сектором экономики. Исследование особенностей и динамики государственно-правового регулирования соляного оборота способствует более глубокому пониманию процессов формирования хозяйственной системы и фискальной политики на данном историческом этапе, дополняет представления о развитии соляного дела и раскрывает, каким образом государство обеспечивало контроль и управление оборотом соли в условиях территориальной неоднородности и меняющихся экономических условий.

2. Материалы и методы

Источниковую базу настоящей статьи составляют три ключевых нормативных акта, регулировавших государственно-правовое обращение соли в Российской империи во второй половине XVIII – середине XIX в.: Уставы о соли 1781 г. и 1818 г., а также Свод уставов о соли 1857 г., включённый в состав Свода законов Российской империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: dolidovich@mail.ru (O.M. Dolidovich), imakarchuk@sfu-kras.ru (I.Y. Makarchuk), jane_star78@mail.ru (E.N. Starovoitova), mipet@yandex.ru (M.A. Petrov)

Основы соляного дела в Российской империи формировались в XVIII в. в рамках усилий государства по установлению эффективного регулирования данной отрасли. В 1705 г. введена государственная монополия на торговлю солью, которая в 1728 г. была отменена, а в 1731 г. вновь восстановлена. Колебания курса объяснялись тем, что монополия вводилась с целью увеличения доходов казны, однако одновременно возрастали затраты на транспортировку соли в регионы и содержание соляного ведомства. При отмене монополии купечество быстро поднимало цены на соль, что приводило к снижению её потребления населением и, как следствие, уменьшению государственных поступлений.

Установление политической стабильности после периода дворцовых переворотов в эпоху правления Екатерины II создало предпосылки для проведения ряда финансовых реформ. Усилился контроль высших органов над деятельностью центральных и местных учреждений, упорядочивалась их работа с целью обеспечения регулярного поступления налогов в казну. В 1764 г. Екатерина II поручила специальной комиссии разработать меры по совершенствованию торговли солью и увеличению государственных доходов в этой сфере. Результатом работы комиссии стал Устав о соли 1781 г. (Бунге, 1893: 34; Троицкий, 1956; Рылова, Шляхов, 2021).

Устав состоял из 104 статей и включал разделы: «О снабжении губернии солью», «О строении соляных магазинов», «О казенных приставах», «О капитальной соляной сумме и прибыльных деньгах», «О подряде или поставке соли», «О водяной возке соли», «О продаже соли» и «О кормстве солью». Серьезного реформирования соляной отрасли не произошло, соль осталась казённой монополией, что обеспечивало контроль над этим стратегически важным ресурсом, цена соли для населения продолжала оставаться высокой. Тем не менее, Устав стал важным этапом в правовом оформлении соляной отрасли Российской империи, поскольку систематизировал порядок обращения соли и регулировал связанные с ней финансово-административные процессы, обеспечив более строгий государственный контроль и институциональную стабильность в сфере соляного производства и обращения (Устав о соли, 1781).

Начало царствования Александра I также ознаменовалось проведением реформ, направленных на стабилизацию государственного бюджета, оптимизацию расходов и регулирование денежного оборота. Финансовая политика того периода создала основу для реформирования соляной отрасли, которая являлась важным источником государственных доходов. С 1802 г. управление соляным делом Российской империи было возложено на Министерство внутренних дел, а начиная с 1811 г. – на Министерство финансов.

Значимую роль в развитии соляного дела сыграл министр финансов Е.Ф. Канкрин. Его глубокое понимание отрасли базировалось на семейном опыте: отец Канкрин занимал должность директора соляных варниц в Старой Руссе, а сам он в 1800 г. был назначен помощником отца в чине коллежского советника. В 1803 г. Канкрин перешёл в Экспедицию государственных имуществ Министерства внутренних дел, где занимался вопросами, связанными с «соляной и лесной частями». Став министром финансов в 1823 г., он уделял особое внимание совершенствованию системы государственного контроля над доходами и расходами, включая соляной налог. При участии Канкрин активизировалась разработка внутренних соляных промыслов, в частности в Астрахани и Молдавии, поскольку соли требовалось всё больше (для Санкт-Петербурга, присоединённой Финляндии, заселявшихся русскими Забайкалья и Кавказа). В 1812 г. была разрешена свободная продажа соли с уплатой в казну пошлины. Наряду с этим продолжала существовать и система казённых магазинов, сохранённая правительством в целях предотвращения монополии частных лиц и резкого повышения цен (Богданович, 1869: 23–25, 56–59; Ермаков, 2007; Рылова, Шляхов, 2021).

В 1818 г. был издан новый Устав о соли, который включал следующие разделы: Устав (5 глав, 61 параграф) и Учреждение соляного управления (Части I и II в составе 18 глав и 373 параграфа). Устав сохранял государственную монополию на добычу и продажу соли, регламентировал управление как казённой, так и частной добычей и торговлей солью, вопросы продажи и откупа соли. Он укрепил фискальные основы государства и одновременно способствовал институциональной стабильности в сфере соляного производства и обращения (Устав о соли..., 1818).

В первой половине XIX в. продолжался процесс систематизации (кодификации) российского права, результатом которого стал Свод законов Российской империи, опубликованный в 1832 г. Создатели свода стремились к тому, чтобы он имел долгосрочный характер применения, что нашло отражение в его последующих двух полных переизданиях в 1842 г. и 1857 г. При издании применялось правило: «Все несогласное с сим уставом в прежних законах отменяется, а все согласное с оным остается в силе» (Обозрение..., 1889: 27).

В рамках масштабного кодификационного процесса подверглось переработке и законодательство о соли. Свод уставов о соли 1857 г. представлял собой систематизированный свод нормативных положений, регулирующих порядок обращения соли и механизм взимания с неё доходов в казну. Устав состоял из 886 статей: Введения (статьи 1–4), Общего устава о соли (книга первая, статьи 5–599) и Частного устава о соли (книга вторая, статьи 600–886), а также приложений (формы ведения документов к некоторым статьям). Частный устав о соли (книга вторая) посвящён особенностям оборота соли на различных территориях Российской империи. Таким образом, издание

Свода обеспечивало устойчивость правового регулирования и государственного управления соляной отраслью (*Свод уставов...*, 1857).

Во второй половине XIX в. новые социально-экономические процессы начали вступать в противоречие с действовавшей правовой системой. Государство столкнулось с хроническими бюджетными дефицитами, что обусловило необходимость поиска дополнительных источников дохода. Проведённый в 1861 г. анализ системы сборов привёл казну к выводу о нецелесообразности сохранения монополии на соль и признанию более эффективной мерой введение акциза и частной торговли. Вследствие этого действие Свода уставов о соли фактически прекратилось в 1862 г., когда и был введён акциз (*Миропольский, 1880: 52; Бунге, 1893: 34*).

Таким образом, использованные в статье источники отражают ключевые законодательные стадии формирования и развития системы регулирования соляной отрасли в рассматриваемый исторический период, что позволяет проследить прогресс правового регулирования данной сферы и раскрыть механизмы государственного контроля и управления.

В ходе анализа материалов применялись следующие методы. Историко-генетический метод позволил проследить развитие государственного регулирования соляной отрасли и эволюцию административных институтов в Российской империи на протяжении исследуемого периода. Историко-сравнительный метод использован для сопоставления прав, обязанностей, организационной структуры и практик регулирования согласно трём ключевым нормативным актам. На основе историко-системного подхода проведён анализ управления соляным делом, что позволило рассмотреть его функционирование в целом и представить соляное регулирование как неотъемлемую часть административно-экономического устройства Российской империи.

3. Обсуждение

В дореволюционный период в работах по истории финансового права, которое стало преподаваться в российских университетах с конца XIX в., обычно давался небольшой обзор истории соляного дела. Исследователи отмечали, что соляная монополия была направлена на обеспечение населения солью и организацию её доставки в отдалённые регионы, где собственная добыча была затруднена или невозможна. Однако соляные операции часто оборачивались убытками для государства, что свидетельствовало о слабой эффективности системы (*Миропольский, 1880: 38*). Практически все экономисты критиковали и акцизную систему на соль, введённую в 1862 г., подчёркивая, что акциз ложился тяжёлым бременем именно на беднейшие слои населения, которые употребляли соль в больших объёмах, чем обеспеченные классы (*Тарасов, 1883: 509; Бунге, 1893: 5; Янжул, 1895: 186; Сабуров, 1899; Свирщевский, 1908*).

В советской историографии исследовались общие вопросы финансовой политики абсолютизма, включая организацию управления государственными средствами, изменение структуры доходной и расходной части бюджета, те идеи, которыми монархи руководствовались в своей деятельности. Период конца XVIII – начала XIX в. рассматривался как этап поступательного развития товарно-денежных отношений и формирования капиталистического уклада. Государственная монополия на соль рассматривалась как важный инструмент увеличения доходов казны за счёт принудительного установления высоких цен (*Троицкий, 1956; Введенский, 1986*).

В последние годы наблюдается возрастающий интерес к государственному регулированию и реализации финансовой политики в соляной отрасли Российской империи XVIII–XIX вв. Особое внимание уделяется становлению и развитию соляных промыслов, анализу воздействия дефицита соли на народные беспорядки (*Широкова, 2005; Ларина, 2008; Белхароев, 2025*).

Работы, посвящённые региональным аспектам государственного регулирования соляных промыслов, отражают общие тенденции отраслевого развития и демонстрируют примеры поиска управленческих решений. Авторы отмечают, что ключевым направлением государственной политики на региональном уровне была строгая регламентация с целью увеличения государственных доходов (*Волчек, 2006; Махрова, 2015; Кликачева, 2016; Космовская, 2019; Джумагалиева и др., 2024; Юдина, Хайрлапова, 2024; Dolidovich et al., 2024*).

Существуют исследования, рассматривающие правовые основы финансовой политики государства в Российской империи, однако они преимущественно базируются на материалах второй половины XIX в. (*Долакова и др., 2018*).

Таким образом, государственно-правовое регулирование оборота соли во второй половине XVIII – первой половине XIX в. до сих пор не получило полного отражения в историографии. Проведённый анализ нормативных актов призван восполнить этот пробел и внести значительный вклад в понимание правовых и экономических механизмов управления одной из ключевых отраслей Российской империи.

4. Результаты

4.1. Органы управления соляной отраслью

С 1731 г. организация и управление соляным делом в Российской империи находились в ведении Главной соляной конторы. Устав о соли от 1781 г. подтвердил такое положение вещей.

На губернском уровне общий контроль осуществляли казённые палаты. Чиновники казённых палат должны были описать все источники соли (самосадочной, соляных ключей и прочих), указать их географическое положение, исследовать качество соли и дать заключение о возможности её использования в пищу. Кроме того, необходимо было провести анализ водных и сухопутных способов транспортировки с целью обоснования наиболее экономичного варианта, а также рассчитать общие затраты казны на добычу соли. В дальнейшем казённые палаты фиксировали объёмы добычи, согласовывали с подрядчиками и поставщиками сроки поставки в магазины, отслеживали динамику потребления соли населением (при этом применялись нормативы годового потребления, составлявшие 12–18 фунтов на человека). Все данные оформлялись в письменные доклады, которые направлялись генерал-губернатору, губернскому правлению и государственному казначею для ознакомления ([Устав о соли, 1781: статьи 1–4, 27–30, 53–60](#)).

Ситуация существенно изменилась с введением Устава 1818 г., согласно которому управление соляным делом было возложено на Департамент горных и соляных дел Министерства финансов. В Уставе были выделены три категории источников соли в зависимости от формы их собственности: находившиеся на государственных землях и эксплуатировавшиеся государством; расположенные на государственных землях, но эксплуатировавшиеся и обслуживавшиеся частными лицами, а также источники, принадлежавшие частным собственникам.

Для организации добычи на государственных землях были учреждены соляные правления (в городах Камышин Саратовской губернии, Астрахань Астраханской губернии, Перекоп Таврической губернии, Старая Русса Новгородской губернии, Дедюхин Пермской губернии, Онега Архангельской губернии, и ещё двух – в Оренбургской губернии и едином для Нижнего Новгорода и Рыбинска). В состав правления входили управляющий, два советника и четыре столоначальника. Департамент горных и соляных дел спускал им план добычи соли на следующий год, за реализацию которого они несли ответственность. В их компетенцию входили вопросы организации добычи соли, строительство и содержание главных запасных магазинов, а также управление хранением, транспортировкой, учёт и отчётность.

Специальные солевозные комиссии были созданы для организации развоза соли в казённые магазины. Комиссии отвечали за весь процесс транспортировки: нанимали работников, готовили суда или привлекали возчиков и фурщиков, оформляли необходимую документацию. Главной целью их деятельности было обеспечение доставки соли на места с минимальными издержками. Непосредственное выполнение перевозок поручалось комиссионерам и служащим. В некоторых западных и сибирских губерниях развоз соли осуществлялся особым порядком или вольными промышленниками без участия казны ([Устав о соли, 1818: Ч. II. § 294–325](#)).

Казённые палаты выполняли две основные функции. Во-первых, контролировали казённую продажу соли в тех губерниях, где она осуществлялась. Во-вторых, палаты также осуществляли надзор за добычей и продажей соли с источников, расположенных на государственных землях, но находившихся в эксплуатации частных лиц, а также источников, принадлежавших частным собственникам. В соляное отделение казённой палаты входили советник и два столоначальника. Они курировали содержание соляных магазинов, занимались организацией доставки, приёма, хранения, торговли, рассчитывали ежегодные объёмы соли для продажи из магазинов, вели учёт денежных поступлений, выявляли злоупотребления и рассматривали жалобы служащих ([Устав о соли..., 1818: Устав. § 28; Ч. I. §§ 1–13, 32–60; Ч. II. § 231–233](#)).

Разработка государственных источников, переданных в аренду частным лицам, регулировалась специальными правилами и договорами. При этом вся добытая соль поставлялась в казённые магазины по установленной фиксированной цене, а соль, добытая сверх установленной квоты, могла свободно продаваться при условии уплаты акциза. Владельцы частных источников самостоятельно определяли объёмы и каналы сбыта – через свободную продажу или поставки в казённые магазины.

Устав 1857 г. практически повторял положения предыдущего Устава, но с рядом важных дополнений и изменений. Департамент горных и соляных дел ежегодно разрабатывал подробный регламент, в котором указывались объёмы добычи с каждого источника, порядок перевозки и распределения продукции по магазинам, размер ассигнований на выполнение этих мероприятий. Не позднее октября текущего года документ утверждал министр финансов, после чего информация передавалась соляным правлениям и казённым палатам для исполнения ([Свод уставов..., 1857: статьи 148-404](#)).

Соляных правлений осталось шесть: Астраханское, Крымское, Старорусское, Дедюхинское, Онежское, Илецкое. При этом часть источников переходила в управление казённых палат (на Эльтонском озере, в сибирских губерниях и др.). Солевозные комиссии были упразднены, доставка соли в казённые магазины теперь возлагалась также на соляные правления и казённые палаты (в зависимости от губернии). В ряде губерний Европейской России (Минской, Киевской, Полтавской, Харьковской и др.) соль развозилась вольными промышленниками без участия казны. В Закавказском крае эту функцию выполняли откупщики.

Подробно регламентировались полномочия и функции местных чиновников, подчинённых соляному правлению, включая приставов запасных магазинов, смотрителей на озёрах и источниках,

заводских смотрителей, досмотрщиков, надзирателей и комиссионеров. Также был строго прописан порядок документооборота, распоряжения денежными средствами и отчётность. Финансирование соляных правлений осуществлялось по таким статьям, как добыча соли (закупка материалов, оплата труда рабочих), транспортировка (ремонт и содержание солевых путей), строительство и содержание инфраструктуры, а также жалование служащих. Ежегодно, не позднее 1 июля, правления представляли свои предложения по бюджету на следующий год с учётом расходов предыдущего, а неиспользованные средства хранились в казённых палатах до востребования (*Свод уставов...*, 1857: статьи 5–147).

4.2. Система учёта и контроля оборота соли

В Уставе 1781 г. предусматривался ежегодный учёт количества соли, поступавшей в продажу с каждого источника. При этом во всех губернских соляных магазинах должен был поддерживаться запас соли, достаточный для обеспечения населения на протяжении двух лет (на случай непредвиденных и чрезвычайных ситуаций). Если соли с местных варниц, озёр и ключей не хватало, казённые палаты обязаны были принимать меры для её закупки в соседних губерниях (*Устав о соли*, 1781: статьи 16–29, 62).

Согласно Уставу 1818 г., учёт соли стал более регулярным и детализированным: он осуществлялся ежемесячно на всех этапах оборота с обязательным заполнением журналов и передачей отчётов «главному местному начальству, которому соль подведомственна». Например, отчёты в отношении соли с соляных источников и запасных магазинов направлялись соляным правлениям, а отчёты из местных продовольственных магазинов и магазинов оптовой продажи – в казённые палаты. Частные лица, добывавшие соль на казённых или собственных источниках, ежемесячно предоставляли в казённую палату ведомости, отражавшие количество добытой соли, поставленной в казённые магазины, реализованной вольной продажей, а также сумму уплаченного акциза. При систематическом несоблюдении контрактных обязательств или прекращении добычи без уважительных причин владелец мог лишиться права на источник (*Устав о соли...*, 1818).

Устав 1857 г. внёс дополнительные меры по контролю качества и приёмки соли. Приём соли в казённые магазины производился в любой день, включая выходные и праздничные, исключительно «натурою», с обязательной сверкой с образцом, скреплённым печатью комиссионера. Несоответствие привезённой соли образцу, а также наличие примесей песка или земли рассматривались как серьёзные нарушения с обязательным уведомлением уездного казначея и последующей повторной проверкой с участием представителя городского магистрата.

Оценка качества и количества соли производилась двумя способами: подсчётом кулей и визуальным осмотром, осуществляемым «тщательнейшим наблюдением по каждому бугру или магазину» с целью выявления признаков хищения либо нехарактерной осадки. Для обеспечения объективности и надлежащего контроля за состоянием солевых запасов предусматривалось проведение внезапных проверок. Принцип внезапности распространялся и на случаи, когда «главное местное начальство» находилось на расстоянии более десяти вёрст от соляных запасов и магазинов: в таких случаях не менее двух раз в год для инспекции командировался компетентный чиновник. При хранении соли вне кулей предписывалось сооружать специальные бугры, скирды и бунты продолговатой призматической формы для удобства контроля. Все двери запасных магазинов опечатывались казёнными печатями с изображением государственного герба и указанием ответственных лиц.

Учёт соли на казённых заводах вели члены местного соляного правления, приставы и их помощники, а также вахтёры магазинов. Контроль на частных заводах осуществляли полиция, приставы с помощниками и вахтёры при участии владельцев или их представителей. В местных продовольственных магазинах и магазинах оптовой продажи инвентаризация проводилась ежемесячно (*Свод уставов...*, 1857: статьи 440–456).

Соляные приставы еженедельно направляли в казённую палату подробные отчёты о приходе, расходе и остатках соли, денежных средствах от продаж и уплате акцизов, а также о средствах, предназначенных на текущие нужды магазинов. Данные обобщались и анализировались для составления ежемесячных отчётов, направляемых в Департамент горных и соляных дел, что обеспечивало систематический контроль и координацию управления оборотом соли на государственном уровне.

4.3. Продажа соли

Согласно Уставу 1781 г. казённые соляные стойки в уездах были упразднены и заменены окружными соляными магазинами. Магазины располагались в местах, защищённых от огня, воды, сырости и краж, а также удобных для доставки и продажи соли. В них работали казённые приставы, которые принимали соль от поставщиков, осуществляли её отгрузку покупателям, вели учёт и документацию. Приобретённую в таких магазинах соль частным лицам разрешалось продавать в розницу в городе и в уезде при условии соблюдения установленных государством цен. Продавцы были обязаны иметь клеймённые весы, исправность которых контролировали нижний земский суд, в городах – городничий совместно с магистратом или ратушей.

Контроль за оборотом соли на уровне губерний оставался в ведении казённых палат. Вырученные от продажи деньги палаты распределяли на две части: «капитальную соляную сумму», покрывавшую издержки по заготовке и пополнению запасных магазинов, и прибыль сверх этих

расходов. Первая часть средств вновь направлялась на заготовку соли для пополнения запасных магазинов соответствующей губернии. Прибыль использовалась на «положенные по указам из соляного сбора расходы» (*Устав о соли, 1781: статьи 59–89*).

Согласно Уставу 1818 г. продажа соли могла осуществляться как казённым, так и вольнопромышленным способом. Вольной торговлей могли заниматься лица любого сословия без исключения. Оптовая торговля разрешалась исключительно через специализированные оптовые магазины, расположенные в определённых городах губерний (например, в Саратове и Камышине Саратовской губернии, в Ржеве Тверской губернии и др.). Расположение таких магазинов утверждал министр финансов. Для оптовой закупки минимальная партия соли составляла 50 пудов, при этом покупатель был обязан заранее подать письменное требование соляному приставу на гербовой бумаге. Розничная торговля осуществлялась через магазины губернских и уездных городов, где соль отпускалась в количестве от 1 до 50 пудов на человека.

Стоимость соли для каждого магазина устанавливалась отдельно, поскольку издержки на заготовку и транспортировку в регионах различались. Цена складывалась из себестоимости и нескольких процентов чистой прибыли. В состав себестоимости входили затраты на добычу и складирование соли, транспортные затраты, содержание и ремонт солевых путей и складов, потери от усышки, раструски и утечек, оплата труда работников, а также компенсации денежных средств, которые казна теряла из-за освобождения казённых солевозцев и приписных рабочих от уплаты податей и повинностей. Кроме того, в цену включался сбор в размере «10 копеек с каждого пуда» на содержание чиновников и соляного управления (*Устав о соли..., 1818: Ч. II. §§ 74–80*).

Разрешение частным лицам заниматься торговлей солью вызвало распространение злоупотреблений, наиболее характерной из которых являлась спекуляция, существенно подрывавшая эффективность функционирования соляного рынка. Устав 1857 г. описывал два основных механизма предотвращения необоснованного завышения цен. Во-первых, соль для свободной продажи разрешалось приобретать исключительно из казённых оптовых запасов по ежегодно утверждаемым ценам либо у частных владельцев, имевших разрешение и вносивших акцизный сбор. Во-вторых, наряду с вольной торговлей существовала розничная продажа соли из казённых магазинов местного довольствия, расположенных в каждом уездном и губернском городе, также по фиксированным ценам.

Департамент горных и соляных дел регулярно формировал предложения по отпускным ценам на соль с учётом территориальной удалённости магазинов и транспортных затрат. Цена соли включала традиционные статьи расходов, а также сбор в размере «трех копеек серебром с каждого пуда» на содержание чиновников и соляного управления. Предложения по ценам направлялись Министерством финансов в Государственный Совет на утверждение, после чего публиковались для всеобщего ознакомления.

Для предотвращения дефицита соли поставки в магазины оптовой и розничной торговли обеспечивались в объёмах, достаточных для удовлетворения потребностей населения: казённые палаты определяли общий необходимый объём соли, распределяли её по магазинам губернии и учитывали количество, предназначенное для отпуска вольнопромышленникам через магазины оптовой продажи (*Свод уставов..., 1857: статьи 457–545*).

4.4 Ответственность за правонарушения в соляном деле

Устав 1781 г. устанавливал, что казённые палаты не обладали судебными полномочиями, и вопросы расследования и наказания в отношении служащих магазинов, подрядчиков, поставщиков и их приказчиков выходили за пределы их компетенции. Преступления, связанные с соляным делом, включая кражи, мошенничество, обвесы, а также тяжкие правонарушения, подлежали рассмотрению в установленном порядке уголовными судами.

Должностные лица местных администраций и служащие также осуществляли контроль за соблюдением установленных правил торговли солью и имели некоторые полномочия применять соответствующие меры в случае их нарушения. Например, торговля солью частным лицам разрешалась исключительно при условии её приобретения в казённых магазинах, наблюдали за исполнением данного требования городничие и уездные стряпчие. При выявлении нарушений применялись санкции, включая конфискацию соли, запрет на продолжение торговли и наложение штрафных взысканий. Мошенничество, связанное с нарушениями веса или обманом покупателей, каралось запретом на торговлю, конфискацией соли в пользу соляного магазина и штрафом в размере двойной суммы причинённого ущерба. Имена виновных публиковались для общественного порицания. Поощрялось доноительство: если городничий или стряпчий узнавали о скупке соли с целью перепродажи, перекупщику запрещалось заниматься торговлей, изъятая соль реализовывалась, а полученная прибыль распределялась поровну между носителем и приказом общественного признания (*Устав о соли, 1781: статьи 72–75, 91–104*).

В Уставах 1818 г. и 1857 г. добыча соли из казённых источников без специального разрешения, незаконная продажа соли, сокрытие добытой соли с целью уклонения от уплаты акцизов владельцами и содержателями соляных заводов признавались преступлениями, за которые предусматривалась уголовная ответственность (после принятия первого единого уголовного кодекса в 1845 г. – согласно нормам Уложения о наказаниях). К числу нарушений, за которые налагалось

наказание, также относились: сокрытие количества помещений для выработки соли, числа установок для варки соли из рассола, тайное хранение соли, незаконная продажа непосредственно с мест вываривания, внесение заводчиками каких-либо изменений в книги учёта, выдававшиеся казённой палатой (включая изъятие листов, умышленные «подчистки» или исправления).

При поступлении жалоб на местных приказчиков, а также управляющих заводскими и соляными конторами, Министерство финансов направляло уполномоченных представителей из Департамента горных и соляных дел для проведения следственных мероприятий на местах. В уездах с высокой степенью преступности, связанной с незаконной добычей, транспортировкой и продажей соли, казённые палаты командировали в земские суды специальных заседателей по соляным вопросам. Заседатели обладали полномочиями по пресечению указанных правонарушений при содействии городской и земской полиции. Такого рода дела должны были рассматриваться судами без промедлений ([Устав о соли..., 1818: § 54–61; Свод уставов..., 1857: статьи 546–599](#)).

4.5. Региональная специфика добычи и распространения соли

Устав 1781 г. не содержит подробной характеристики казённых и частных источников соли, что затрудняет формирование полного представления о региональных особенностях её оборота в империи. В документе приводится лишь перечень основных месторождений самосадочной озёрной соли на 1775 г. В частности, упоминается добыча соли «Илецкой, Абельянской, Астраханской, Баскунчакской, Борзинской, Боровой, Бурлинской, Вилуйской, Елтонской, Коряковской, Мануцкой, Якутской и Ямышевской». Отмечается производство выварочной соли «Бахмутской, Вычегодской, Енисейской, Иркутской, Леденской, Ненокотской, Никольской, Пермской, Старорусской, Сереговской, Селенгинской, Спасской, Торской, Тотемской, Унской, Луцкой, Ускуцкой и Поморской» ([Устав о соли, 1781: статья 10](#)).

В Уставе 1818 г. были чётко регламентированы обязанности соляных правлений, действовавших в Камышине, Астрахани, Крыму, Старой Руссе, Дедохице, Онеге, Илецке и в Оренбургской губернии. В документе также отражены специфические условия организации добычи и транспортировки соли, в том числе вопросы обеспечения заводов необходимыми ресурсами, а также иные хозяйственные особенности, характерные для каждого региона (например, условия труда приписных казённых крестьян, добывавших соль на Элтонском озере или наёмных ломщиков на Крымских озерах и т. д.) ([Устав о соли..., 1818: Ч. II. § 234–272](#)).

В Уставе 1857 г. региональные особенности оборота соли, обусловленные географическими, административными и экономическими условиями, были отражены ещё более чётко. Так, специфические особенности организации соляного дела в Восточной и Западной Сибири включали: привлечение к добыче ссыльных; штат работников при соляных озёрах и оптовых магазинах должен был ежегодно увеличиваться вместе с ростом добычи, поскольку продолжалось заселение и хозяйственное освоение региона; в Восточной Сибири общий надзор за организацией соляного дела осуществлял генерал-губернатор, в Енисейской казённой палате соляные вопросы находились в ведении Винного отделения; на отдалённых территориях (Нерчинский край, Якутская область, Охотск) устанавливались умеренные (доступные для населения) цены на соль, при этом казённые издержки компенсировались продажами по повышенной стоимости в других сибирских губерниях и областях. На Крымских соляных промыслах вводился усиленный контроль за вывозом соли морским и сухопутным путём, для чего учреждался дополнительный штат казённых досмотрщиков и организовывался таможенный контроль. В Закавказском крае добыча соли находилась в ведении казны, тогда как оптовая и розничная продажа осуществлялась через систему откупа. В пределах Войска Донского привилегия войска на добычу и потребление соли с Манычских озёр была неприкосновенна, при этом вывоз соли за пределы территории Войска Донского категорически запрещался. Право на добычу соли с озёр, расположенных на территориях Черноморского войска, также принадлежало исключительно военным. В западных губерниях отсутствовали казённые соляные магазины, и население обеспечивалось солью через вольный промысел, не конкурировавший с казённой системой. В то же время в Царстве Польском соляная торговля преимущественно имела казённый характер, при этом объёмы соли практически полностью комплектовались за счёт импорта ([Свод уставов..., 1857: статьи 600–886](#)).

5. Заключение

Государственно-правовое регулирование оборота соли в Российской империи во второй половине XVIII – середине XIX в. претерпело значительную эволюцию, отражённую в Уставах о соли 1781 г., 1818 г. и Своде уставов о соли 1857 г. Устав 1781 г. усиливал централизованный контроль, однако правовые нормы этого периода носили рамочный характер и не учитывали региональных особенностей. Устав 1818 г. вводил более чёткое разграничение источников соли по формам собственности, создавал новые институциональные структуры с регламентированными функциями в центре и на местах, что свидетельствовало о росте централизации и специализации управления. Такая система обеспечивала баланс между государственным контролем и элементами свободного рынка, но сохраняла жёсткий контроль над добычей и распределением. Свод уставов 1857 г., в значительной степени повторяя положения предшествующего документа, внёс коррективы, связанные с некоторым изменением административных структур. В нём отчётливо прослеживается

внимание к региональным особенностям в организации производства и сбыта соли, развитие финансового учёта и рационализация хозяйственной деятельности.

Основные тенденции государственно-правового регулирования оборота соли проявлялись в постепенном усложнении организационно-административного аппарата, стремлении к точному учёту и контролю ресурса, а также сохранении монопольных функций государства в ключевых звеньях производственной цепи при распространении элементов рыночного оборота. Законодательство развивалось от более общего регулирования к дифференцированному учёту различных форм собственности и региональных условий.

Необходимость реформирования сложившейся системы к середине XIX в. была обусловлена излишней бюрократизацией и высокими расходами на содержание административного аппарата, недостаточной адаптацией системы к растущему внутреннему спросу на соль, а также расширением региональных рынков и усложнением транспортной логистики в масштабах империи.

Литература

Белхаров, 2025 – Белхаров Х.У. Правовые и экономические основы становления и развития соляных промыслов Российской империи (XVIII–XIX вв.): монополия и миграция населения // *Миграционное право*. 2025. № 2. С. 23–27.

Бунге, 1893 – Бунге Н.Х. Исследования по вопросу о восстановлении налога на соль. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. 61 с.

Богданович, 1869 – Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 3. СПб.: Типография Ф. Сучинского, 1869. 486 с.

Введенский, 1986 – Введенский Р.М. Соляная регалия и учреждение вольной продажи соли в России // *История СССР*. 1986. № 1. С. 171–181.

Волчек, 2006 – Волчек В.А. Кризис политики правительства в соляной отрасли и попытки его преодоления в начале второй половины XIX века // *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2006. № 3 (54). С. 155–159.

Джумагалиева и др., 2024 – Джумагалиева К.В., Аубакирова Х.А., Демеуова Н.К. Система государственного регулирования соляной отрасли в Российской империи в XVIII–XIX веках // *Вестник Атырауского университета имени Халела Досмухамедова*. 2024. № 74 (3). С. 26–37.

Долакова и др., 2018 – Долакова М.И., Зубанова С.Г., Пашенцев Д.А. Правовые основы реализации финансовой политики государства в Российской империи второй половины XIX века // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2018. № 4. С. 452–466.

Ермаков, 2007 – Ермаков А.В. Финансовая политика России во второй четверти XIX века и проблема русского золота // *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. 2007. № 1(51). С. 104–108.

Космовская, 2019 – Космовская А.А. Солеваренная промышленность XVII–XVIII вв. как сфера компетенции воевод Прикамья // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2019. № 4(24). С. 19–30.

Ларина, 2008 – Ларина О.Г. Соляная и горная регалии как один из источников доходов бюджета в России XIX в.: правовое регулирование, управление и контроль // *Актуальные проблемы российского права*. 2008. № 4 (9). С. 42–49.

Махрова, 2015 – Махрова Т.К. Государственное регулирование соляного промысла на Урале в конце XVIII – первой половине XIX веков // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2015. № 3 (6). С. 87–92.

Миропольский, 1880 – Миропольский Д.А. Косвенные налоги в России. 1855–1880. СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и К°, 1880. 103 с.

Обозрение..., 1889 – Обозрение исторических сведений о Своде законов. Одесса: Типография «Одесского листка», 1889. 55 с.

Рылова, Шляхов, 2021 – Рылова Е.М., Шляхов М.Ю. К вопросу об эволюции бюджетной политики Российской империи в начале XIX века // *Современная научная мысль*. 2021. № 6. С. 181–185.

Сабуров, 1899 – Сабуров П. Материалы для истории русских финансов 1866–1897. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1899. 242 с.

Свирцевский, 1908 – Свирцевский А.Р. Материалы к истории обложения соли в России // *Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим Лицеумом*. Ярославль, 1908. Вып. I. С. 167–212.

Свод уставов..., 1857 – Свод уставов о соли 1857 г. // *Свод законов Российской империи*. Т. 7. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 840 с.

Тарасов, 1883 – Тарасов И.Т. Очерк науки финансового права. Ярославль: Типография Губернского правления, 1883. 710 с.

Троицкий, 1956 – Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.: Наука, 1956. 275 с.

Устав о соли..., 1818 – Устав о соли и учреждении Соляного управления. 1818 г. / *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое*. Т. XXXV. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1818. С. 369–408.

Устав о соли, 1781 – Устав о соли [Утвержден в Царском Селе июня 16 дня 1781 года]. СПб.: Сенатская типография, [1781]. 30 с.

Широкова, 2005 – Широкова В.А. Соляные промыслы России // *Вопросы истории, естествознания и техники*. 2005. № 3. С. 47-56.

Юдина, Хайрлапова, 2024 – Юдина Т.В., Хайрлапова М.М. Государственное регулирование соляного дела на астраханских соляных озерах в первой половине XIX века // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2024. Т. 29. № 4. С. 117–127.

Dolidovich et al., 2024 – Dolidovich O.M., Makarchuk I.Y., Starovoitova E.N. Salt Industry and Supply of salt to the Population of Eastern Siberia in the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Yenisei Province) // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1635-1643.

References

Belkharoev, 2025 – Belkharoev, Kh.U. (2025). Pravovye i ekonomicheskie osnovy stanovleniya i razvitiya solyanykh promyslov Rossiiskoi imperii (XVIII–XIX vv.): monopoliya i migratsiya naseleniya [Legal and economic foundations of the formation and development of salt industries in the Russian Empire (XVIII–XIX centuries): monopoly and population migration]. *Migratsionnoe pravo*. 2: 23-27. [in Russian]

Bogdanovich, 1869 – Bogdanovich, M.I. (1869). Istoriya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremena [History of the reign of Emperor Alexander I and Russia during his time]. Т. 3. SPb. [in Russian]

Bunge, 1893 – Bunge, N.Kh. (1893). Issledovaniya po voprosu o vosstanovlenii naloga na sol' [Research on the issue of reinstating the salt tax]. SPb. [in Russian]

Dolakova i dr., 2018 – Dolakova M.I., Zubanova S.G., Pashentsev D.A. (2018). Pravovye osnovy realizatsii finansovoi politiki gosudarstva v Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX veka [Legal basis for the implementation of the financial policy of the state in the Russian Empire in the second half of the 19th century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 4: 452-466. [in Russian]

Dolidovich et al., 2024 – Dolidovich, O.M., Makarchuk, I.Y., Starovoitova, E.N. (2024). Salt Industry and Supply of salt to the Population of Eastern Siberia in the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Yenisei Province). *Bylye Gody*. 19(4): 1635-1643.

Dzhumagalieva i dr., 2024 – Dzhumagalieva, K.V., Aubakirova, Kh.A., Demeuova, N.K. (2024). Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya solyanoi otrasli v Rossiiskoi imperii v XVIII–XIX vekakh [The system of state regulation of the salt industry in the Russian Empire in the 18th-19th centuries]. *Vestnik Atyrauskogo universiteta imeni Khalela Dosmukhamedova*. 74(3): 26-37. [in Russian]

Ermakov, 2007 – Ermakov, A.V. (2007). Finansovaya politika Rossii vo vtoroi chetverti XIX veka i problema russkogo zolota [Financial policy of Russia in the second quarter of the 19th century and the problem of Russian gold]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikal'skii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava)*. 1(51): 104-108. [in Russian]

Kosmovskaya, 2019 – Kosmovskaya, A.A. (2019). Solevarennaya promyshlennost' XVII–XVIII vv. kak sfera kompetentsii voevod Prikam'ya [The salt industry of the 17th–18th centuries as a sphere of competence of the governors of the Kama region]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 4 (24): 19-30. [in Russian]

Larina, 2008 – Larina, O.G. (2008). Solyanaya i gornaya regalii kak odin iz istochnikov dokhodov byudzheta v Rossii XIX v.: pravovoe regulirovanie, upravlenie i kontrol' [Salt and mining regalia as one of the sources of budget income in Russia in the 19th century: legal regulation, management and control]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 4: 42-49. [in Russian]

Makhrova, 2015 – Makhrova, T.K. (2015). Gosudarstvennoe regulirovanie solyanogo promysla na Urale v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vekov [State regulation of the salt industry in the Urals in the late 18th – first half of the 19th centuries]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 3(6): 87-92. [in Russian]

Miropol'skii, 1880 – Miropol'skii, D.A. (1880). Kosvennye nalogi v Rossii. 1855–1880 [Indirect taxes in Russia. 1855–1880]. SPb. [in Russian]

Obozrenie..., 1889 – Obozrenie istoricheskikh svedenii o Svode zakonov [Review of historical information about the Code of Laws] Odessa. 1889. [in Russian]

Rylova, Shlyakhov, 2021 – Rylova, E.M., Shlyakhov, M.Yu. (2021). K voprosu ob evolyutsii byudzhetnoi politiki Rossiiskoi imperii v nachale XIX veka [On the evolution of the budget policy of the Russian Empire at the beginning of the 19th century]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 6: 181-185. [in Russian]

Saburov, 1899 – Saburov, P. (1899). Materialy dlya istorii russkikh finansov 1866–1897 [Materials for the history of Russian finances 1866–1897]. SPb. [in Russian]

Shirokova, 2005 – Shirokova, V.A. (2005). Solyanye promysly Rossii [Salt industries of Russia]. *Voprosy istorii, estestvoznaniya i tekhniki*. 3: 47-56. [in Russian]

Svirshchevskii, 1908 – *Svirshchevskii, A.R.* (1908). Materialy k istorii oblozheniya soli v Rossii [Materials for the history of salt taxation in Russia]. *Yuridicheskie zapiski, izdavaemye Demidovskim Yuridicheskim Litseem*. 1: 167-212. [in Russian]

Svod ustavov..., 1857 – Svod ustavov o soli 1857 [Code of Salt Regulations 1857]. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. T. 7. SPb. 1857. [in Russian]

Tarasov, 1883 – *Tarasov, I.T.* (1883). Ocherk nauki finansovogo prava [Essay on the science of financial law]. Yaroslavl'. [in Russian]

Troitskii, 1956 – *Troitskii, S.M.* (1956). Finansovaya politika russkogo absolutizma v XVIII veke [Financial policy of Russian absolutism in the 18th century]. Moscow. [in Russian]

Ustav o soli, 1781 – Ustav o soli [Salt Statute]. SPb. 1781. [in Russian]

Ustav o soli..., 1818 – Ustav o soli i uchrezhdenii Solyanogo upravleniya. 1818 g. [Charter on salt and the establishment of the Salt Administration]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. XXXV. SPb. 1818. Pp. 369-408. [in Russian]

Volchek, 2006 – *Volchek, V.A.* (2006). Krizis politiki pravitel'stva v solyanoi otrasli i popytki ego preodoleniya v nachale vtoroi poloviny XIX veka [The crisis of government policy in the salt industry and attempts to overcome it at the beginning of the second half of the 19th century]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 3 (54): 155-159. [in Russian]

Vvedenskii, 1986 – *Vvedenskii, R.M.* (1986). Solyanaya regaliya i uchrezhdenie vol'noi prodazhi soli v Rossii [The state's monopoly on salt and the establishment of free sale of salt in Russia]. *Istoriya SSSR*. 1: 171-181. [in Russian]

Yudina, Khairlapova, 2024 – *Yudina, T.V., Khairlapova, M.M.* (2024). Gosudarstvennoe regulirovanie solyanogo dela na astrakhanskikh solyanykh ozerakh v pervoi polovine XIX veka [State regulation of salt production on the Astrakhan salt lakes in the first half of the 19th century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 29(4): 117-127. [in Russian]

Государственно-правовое регулирование оборота соли в Российской империи во второй половине XVIII – середине XIX в.

Олеся Михайловна Долидович^{a, *}, Иван Юрьевич Макаrchук^a, Евгения Николаевна Старовойтова^b, Михаил Александрович Петров^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

^b Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется развитие системы государственно-правового регулирования соляной отрасли во второй половине XVIII – середине XIX в. В качестве источниковой базы использованы три ключевых нормативных акта: Уставы о соли 1781 г. и 1818 г., а также Свод уставов о соли 1857 г. На основании этих документов проведен анализ системы управления соляной отраслью в контексте административно-экономической политики Российской империи. Опираясь на историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы исследования, были выполнены следующие задачи: выявлены функции и структура органов управления соляной отраслью на различных этапах регулирования; дана характеристика механизмов контроля добычи, транспортировки, учёта и продажи соли, а также исследовано взаимодействие различных субъектов хозяйственной деятельности; рассмотрены территориальные различия в организации соляного дела; проанализированы причины, обусловившие реформирование системы регулирования в середине XIX в. Показано, что законодательство развивалось от установления общих рамок к более детальному и дифференцированному регулированию, которое учитывало формы собственности и местные условия. Введение новых административных структур, систем учёта и контроля способствовало усилению государственного влияния при одновременном расширении элементов рыночного оборота. При этом эффективность управления обеспечивалась балансом между централизацией и локальной спецификой, что позволяло снижать уровень злоупотреблений и повышать доходы казны. Переход к системе акцизов и отказ от монополии были обусловлены ростом внутреннего спроса, расширением территорий и стремлением казны сократить расходы. Исследование дополняет историческую науку данными о правовых методах управления стратегически важными ресурсами и их роли в формировании фискальной политики государства.

Ключевые слова: акциз, государственно-правовое регулирование, оборот соли, соль, Свод законов Российской империи, Устав о соли.

* Корреспондирующий автор

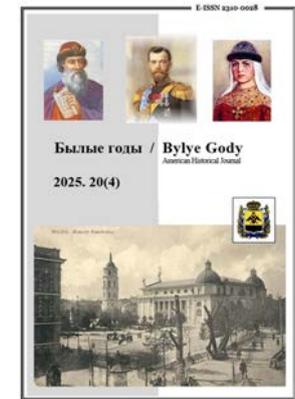
Адреса электронной почты: dolidovich@mail.ru (О.М. Долидович), imakarchuk@sfu-kras.ru (И.Ю. Макаrchук), jane_star78@mail.ru (Е.Н. Старовойтова), mipet@yandex.ru (М.А. Петров)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1740-1751
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1740

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 2

Andrey V. Bedrik ^{a, *}, Nikita S. Tkalenko ^b

^aSouthern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

With the collapse of the Soviet Union, scientific pluralism appeared in Russia, after which researchers began to interpret the events of various historical processes from different points of view. There was also a history of the North Caucasus, specifically around the terminology of the “Caucasian War”. It is impossible to talk about any generally accepted interpretations and assessments of the Caucasian War. The difficult political situation in the 1990s in the North Caucasus, the unstable modern geopolitical realities force many historians of the Caucasus to move away from objectivity and offer ideologically politicized interpretations of the Caucasian War. The difficulty is also present in the fact that one number of researchers departs from historical reality, pursuing political Russophobic or Caucasophobic sentiments, while others follow scientific objectivity. Therefore, the term “Caucasian War” itself is understood differently in modern Russian historiography, and each researcher understands different processes, causes, chronology, and territorial boundaries by this concept. Views and assessments of events are often diametrically opposed: from the claims that the Caucasian War on the part of Russia was in the nature of genocide, infringement and destruction of the North Caucasian peoples to the claims that it was Russia's response to the aggressive expansion and raiding practices of the highlanders, or about centuries-old Russian-Mountain peaceful interactions. In our time, there have been repeated calls to create some common approaches and generally accepted concepts in the study of the Caucasian War, but this has not led to the expected results. These circumstances have given rise to a “war of historiographies” around these events and the very term “Caucasian War” so far.

Keywords: Russian historiography, Caucasian war, Caucasian studies, “war of historiographies”, ideological contradictions, median position, Russian Empire, North Caucasus, highlanders, North Caucasian peoples.

1. Введение

С распадом Советского Союза российская историческая наука оказалась в принципиально новых условиях, когда на смену жёсткому идеологическому контролю пришёл относительный плюрализм. Плюрализм мнений господствует в российской историографии Кавказской войны и по сей день. При этом сложная политическая обстановка в 1990-е гг. на Северном Кавказе, а также современная геополитическая обстановка заставляют многих историков-кавказоведов отходить от объективности и предлагать очевидно идеологически и политически заряженные интерпретации Кавказской войны. Поэтому и сам термин «Кавказская война» в современной российской историографии понимается различно, и каждый исследователь понимает под этим понятием разные процессы, причины, хронологию и территориальные рамки.

В то же время в XXI в. неоднократно звучали призывы уйти от идеологизированности в изучении Кавказской войны, выработать некие общие подходы и общепризнанные концепты. Так, 14–15 октября 2013 года в г. Ростов-на-Дону прошёл международный Форум историков-кавказоведов,

* Corresponding author

E-mail addresses: avbedrik@sfedu.ru (A.V. Bedrik)

в котором приняло участие 44 историка из разных регионов: СКФО, ЮФО, Москвы, Абхазии, Южной Осетии и др. Участники форума в своих выступлениях призывали сделать шаг к ослаблению политизации исторической науки на Кавказе и Юге России, перейти от бескомпромиссной полемики различных школ и направлений, в той части этноцентричных, к конструктивному диалогу по спорным и дискуссионным вопросам истории народов Северного Кавказа и русско-горских взаимоотношений. Обсуждались вопросы методологии региональной истории, понятийно-терминологического инструментария исследований истории, а также предложены пути консолидации историков Юга России. На форуме была принята Хартия кавказоведов ([Форум историков, 2013: 123](#)).

Однако подобные пожелания в значительной степени остаются пожеланиями – в том числе, как нам кажется, и потому, что исследователи зачастую склонны считать наиболее объективной собственную позицию, а идеологизированной и политизированной – позицию своих оппонентов. И в своей статье мы покажем, что представленные в постсоветской российской историографии мнения о Кавказской войне настолько разнообразны, что выработать на их основании некую общую позицию, без отказа от части взаимоисключающих концептов и идей, невозможно.

2. Материалы и методы

Мы использовали преимущественно те же методы и опирались на те же принципы подбора материала, что и в первой части нашей статьи. Так, мы рассматривали только русскоязычную историографию и анализировали только научные работы (без учёта научно-популярных, публицистических и проч.). В то же время мы считаем нужным оговорить, что, с учётом регулярно встречающихся взаимных обвинений представителей различных кавказоведческих школ в ненаучности, под научностью мы будем понимать формальную принадлежность работ к научной литературе, т. е. их публикацию в качестве рецензируемых монографий, статей в научных журналах или сборниках научных конференций. Действительно, по уровню эмоциональности, используемой лексике и т. п. некоторые разбираемые нами работы скорее похожи на публицистические, а не на научные, однако, с нашей точки зрения, элементы публицистики уже стали характерной особенностью кавказоведческой литературы.

Подобное решение связано ещё и с тем, что методологически мы будем стремиться к максимальной деперсонализации нашего анализа. Нашей целью будет не выявление правильных или ошибочных представлений о Кавказской войне, но анализ того, насколько расходятся различные мнения о ней. В рамках заданной методологии мы считаем себя не вправе исключать из рассмотрения работы, получившие даже минимальное признание своей научности в виде публикации в качестве научного издания.

3. Обсуждение и результаты

Как отмечал один из авторитетнейших кавказоведов рубежа XX–XXI вв. В.В. Черноус, в постсоветский период терминология Кавказской войны политизируется, а концептуальные подходы поляризуются. Причиной данного явления, по его мнению, стали трагические события Чеченского кризиса. Полемика становится бескомпромиссной, переходит на страницы центральных и местных СМИ, позиции и риторика которых оказывают заметное влияние на научные издания. Характерной чертой дискуссий становится, с одной стороны, «кавказофобия», а с другой – «руссофобия». Усиливаются взаимные обвинения в сепаратизме и в великодержавном шовинизме. «Если в одних публикациях демонизируется политика России на Кавказе, которая сводится, якобы только к насилию и целенаправленному геноциду при почти мифологической героизации борьбы горцев. В других акцент сделан на подвигах русских войск и казачества в подавлении борьбы горцев, подчеркивается социально-экономическая отсталость и фанатизм последних» ([Черноус, 2006: 678](#)).

Все это создаёт предпосылки для своеобразной «войны историографий». При этом одной противоборствующей стороной оказываются историки из республик Северного Кавказа, а другой – наиболее патриотически настроенные российские историки. Кавказская война из важного исторического события превращается в фактор влияния на текущую политическую ситуацию или основополагающий фактор национальной идентичности.

Ю.Ю. Клычников и С.И. Линец отмечали, что перед событиями Первой Чеченской войны в Чеченской республике ширилась кампания по возвращению «исторической памяти», и на прошлое начинали смотреть через призму взаимной вражды и конфронтации. «Самой модной темой “национально озабоченных” историков становилась т. н. “Кавказская война”, которую преподносили исключительно как борьбу горцев за свободу и независимость с колониальной Россией» ([Клычников, Линец, 2008: 184](#)). Данные факты можно расценить как причины столь принципиальной нынешней «войны историографий» в современности.

Рассмотрим в этом контексте мнения ряда историков из республик Северного Кавказа.

В интерпретации В.Х. Кажарова Кавказская война была по продолжительности столетней, и в результате неё 90 % адыгов было изгнано со своей исторической родины в пределы Турции. Следовательно, для них война закончилась этнической катастрофой. Данные обстоятельства,

по мнению В.Х. Кажарова, дали возможность российскому правительству разоружать остатки адыгского населения, которые теперь жили среди казачьих станиц, и проводить реформы (Кажаров, 2014: 759-760).

А.Х. Касумов тоже интерпретирует Кавказскую войну как длительную героическую борьбу адыгов за свою свободу и независимость, войну антиколониальную и национально-освободительную, закончившуюся трагическими последствиями и геноцидом для адыгского этноса, причём причины данных обстоятельств кроются не только в методах и формах российской политики в регионе, но и в корыстных действиях местной горской знати и иностранных держав (Касумов, 1992: 196-197).

К.Ф. Дзамихов интерпретировал Кавказскую войну как сложный, драматический процесс взаимодействия российской и адыгской систем в период с конца XVIII в. по середину 60-х гг. XIX в., в рамках которого происходило разрушение первой системы и подчинение её второй, ставшей господствующей. В интерпретации К.Ф. Дзамихова Кавказская война предполагала невозможность взаимопонимания и сотрудничества между адыгами и российскими подданными, так как целью России в этой войне являлся военно-политический контроль над важным геополитическим регионом, а для адыгов целью было сохранение своей социоцивилизационной экосистемы, защита суверенитета своей традиционной культуры, выживание. Дзамихов обращает внимание, что для адыгского населения Кавказская война является национальной катастрофой, войной, унёсшей сотни тысяч жизней, разрушившей почти всю материальную и духовную культуру, затормозившей дальнейшее социально-политическое развитие горцев (Дзамихов, 2005: 43-44).

Не менее трагическая участь, в интерпретации Ш.А. Курмангуловой, постигла в ходе Кавказской войны и ногайцев, для которых, по мнению исследовательницы, эта война началась в 1770-е гг. А закончилась Кавказская война для ногайцев в её интерпретации истреблением и переселением в 1860-е гг. «Во главе русской армии стоял Суворов. Под его командованием, в прямом смысле слова, истребляли, резали стариков, женщин и детей» (Курмангулова, 2006: 340).

Чеченские историки Я.З. Ахмадов и Э.Х. Хасмагомадов, размышляя о Кавказской войне, считали, что данная война является неоцененной в советской и российской историографии, которые остаются, по их мнению, европеоцентричными. Кавказская война, по мнению авторов, «являлась самым крупным и значимым общественно-политическим и государственным событием в истории России XIX века». В качестве аргумента авторы ссылались на тот факт, что Россия тратила на данную войну огромные денежные средства и ресурсы военных сил (в период 1801–1864 гг. Россия потеряла на полях боя около 80 тыс. человек; погибли от ран, эпидемий и др. около 300 тыс. человек; в период 1840–1859 гг. Россия тратила на Кавказ около 1/6 своего государственного бюджета) (Ахмадов, Хасмагомадов, 2005: 220).

Таким образом, в интерпретации ряда историков из республик Северного Кавказа Кавказская война не просто была народно-освободительной, как предполагалось большинством советских авторов. Эта война оказывается важнейшим событием в истории их народов, почти уничтоженных в её ходе российскими властями, или даже важнейшим событием в истории России XIX в. Однако некоторые авторы идут ещё дальше.

Так, похожее видение процессов во время Кавказской войны наблюдается и у Х.И. Тугуза, только с более эмоциональным и радикальным подтекстом. Данный автор использует термин «Русско-Кавказская война», за которым, в его интерпретации, стоят исключительно жестокие, кровопролитные формы и методы со стороны российских властей: истребление, уничтожение, геноцид горцев и др. В рамках отмеченной нами выше логики актуализации событий прошлого Х.И. Тугуз доказывает, что «Русско-кавказской войне» есть аналогии в политике российской власти в наше время, в которой до сих пор присутствуют формы ущемления прав и свобод кавказских этносов. При этом данный автор считает свою позицию единственно верной, прямо утверждая, что иные точки зрения – всего лишь мифы, «фальшь» и околонучные/паранучные суждения (Тугуз, 2006: 489-545). Использование терминологии «Русско-Кавказская война» при описании событий Кавказской войны с похожими сюжетными линиями можно встретить и у Т.А. Чурей (Чурей, 2006). Таким образом, в данных случаях ещё и отвергаются в качестве не достойных рассмотрения все другие интерпретации Кавказской войны.

В то же время следует отметить в качестве важнейшего факта современной историографической ситуации то, что большая часть авторов из республик Северного Кавказа в целом продолжает действовать в рамках тех интерпретаций Кавказской войны, которые были характерны для советского периода. Большей популярностью у них пользуется наиболее распространённое в советский период толкование, предполагающее, что Кавказская война была противостоянием свободолюбивых горцев и тиранической Российской империи, но без интерпретаций этой войны как геноцида или этнической катастрофы. Более того, как и в советский период, эта интерпретация может сопровождаться обвинениями в сторону горских феодалов и позитивной оценкой ряда российских деятелей.

В первоначальном виде, без подобных дополнительных нюансов, подобный подход характерен для Р.М. Бегеулова. Исследователь допускает факты в период описываемых событий российско-горских мирных взаимодействий (Begeulov, 2019: 630-631). Тем не менее, по его мнению, Кавказская

война, которая шла в первой половине XIX в., принесла народам Кавказа неисчислимые бедствия и страдания, поломала их вековой уклад жизни и заставила сотни тысяч горцев покинуть свою родину. События во время данной войны перекроили политическую и этническую карту Северного Кавказа, изменили судьбу народов Кавказа, их быт, общественные, политические и экономические отношения. Война, шедшая за справедливую независимость, закончилась поражением и вхождением горцев в состав России, несмотря на мужественную борьбу (Бегеулов, 2002: 89-90). Похожие идеи можно встретить также у Т.Х. Кумыкова (Кумыков, 1994), Э.А. Шеуджен (Шеуджен, 2006) и др. Коснёмся только некоторых работ, в которых преобладает эта распространённая точка зрения на Кавказскую войну.

Ю.У. Дадаев при описании Кавказской войны придерживался той мысли, что характер войны был колонизаторским и захватническим со стороны царской России и народной, оборонительной, национально-освободительной со стороны свободолюбивых горцев, сравнивая их борьбу со стихотворными строками Расула Гамзатова, в которых говорится о том, что собственная честь выше всех вершин Востока (Дадаев, 2006: 6).

А.Д. Панеш характеризует Кавказскую войну как войну адыгов за независимость, причём подчёркивает, что адыги находились в сложной и неоднозначной ситуации, оказавшись под влиянием геополитической борьбы между Россией и Турцией. Автор отмечает, что в период Кавказской войны отношения адыгов и России были неравнозначны, так как серьёзное влияние на их характер оказывали внешнеполитическая ситуация и внутренняя социально-экономическая обстановка (Панеш, 2004: 413-414).

Другие авторы концентрируют внимание на общем трагизме Кавказской войны или внешнем влиянии, способствовавшем её тяжелейшему характеру.

А.Н. Мусаев в одной из своих работ, посвящённой деятельности шейха Мансура, дал название главе «Кавказская война», где отметил, что интерес борьбы России за Северный Кавказ с её конкурентами в лице Турции, Персии и Крымского ханства ощущался ещё с конца XVII в. Укрепление российских позиций на Кавказе во второй половине XVIII в. и освоение ею природных богатств края могло, по мнению автора, осложнить российско-горские отношения и привести к конфронтации (Мусаев, 2007: 106-109).

Ш.М. Казиев полагал, что Кавказская война началась 12 мая 1818 г., когда А.П. Ермолов отдаёт войскам приказ перейти Терек и оттеснить чеченцев от реки. При том отмечает, что данное вторжение, как начало Кавказской войны, обернулось беспрецедентной трагедией не только для народов Северного Кавказа, но и для России (Казиев, 2010: 25).

В то же время следует отметить, что интерпретация Кавказской войны, разумеется, не является имманентно связанной с происхождением предлагающего её историка. В этом контексте показательнее всего деятельность М.М. Блиева и В.В. Дегоева.

М.М. Блиев и В.В. Дегоев обращают внимание на то, что Кавказская война обязана своим происхождением эколого-географическим особенностям региона, которые влияли на экономическую базу горцев, что привело к развитию набеговой системы, позволяющей восстановить материальный недостаток ресурсов внешней экспансией. Если до присутствия России на Кавказе объектом набеговой системы для «вольных обществ» горцев являлись соседние племена, то со второй половины XVIII в. данным объектом начали быть российские поселения. По мнению авторов, Россия для горцев являлась, с одной стороны силой, создающей препятствия функционированию набеговой системы, а с другой стороны, она в виде богатых казачьих станиц и укреплений вдоль рек Кубани и Терека порождала новые соблазны для нападений. Произошло столкновение на Кавказе противоположных интересов России, для которой целью в данной войне было освоение данного региона и установление своего влияния в важном для неё геополитическом пространстве, и горцев, для которых война являлась не просто боевыми действиями, а чуть ли не основным экономическим укладом, всеохватывающей сферой социально-культурного бытия (Блиев, Дегоев, 1994: 583).

Также В.В. Дегоев развивает историографическую линию обвинения в Кавказской войне внешних держав, обращая внимание на то, что война являлась механизмом в их руках, с помощью которого Англия, Франция и Турция при любой возможности стремились подорвать и остановить политическое влияние России на Кавказе. При этом, если Англия и Турция вынашивали планы установления политического влияния в регионе и территориальных приобретений, то Франция, в лице Наполеона III, через дипломатическое давление на Россию в Кавказском вопросе стремилась больше к стратегической победе и лаврам победителя, которые позволили бы занять ведущую позицию в Европе (Дегоев, 1992: 234-238).

Следовательно, единственной константой, объединяющей всех рассмотренных нами выше постсоветских авторов, которых условно можно считать «горской стороной» в «войне историографий», является признание самого факта Кавказской войны. Реальность явления, скрывающегося за этим термином, для авторов из республик Северного Кавказа не подлежит сомнению, что свидетельствует о его общепринятой важности в качестве места памяти. Однако единства нет даже в понимании хронологии Кавказской войны (которая может считаться как столетней, т. е. начавшейся в XVIII в., так и начавшейся в 1817 г., как общепринято, и даже начавшейся

позднее, в 1818 г.). Тем более нет единства и в её интерпретации. Оценки разнообразнее, чем в советский период: от утверждений, что Кавказская война от стороны России носила характер геноцида, до утверждений, согласно которым она стала ответом России на агрессивную экспансию горцев.

Поэтому было бы неверно однозначно противопоставлять друг другу условные «русскую историографию» и «историографию республик Северного Кавказа» как противостоящие друг другу в рамках «войны историографий» вокруг Кавказской войны. Корректнее говорить о своеобразном диапазоне мнений, центральная часть которого представлена в творчестве исследователей как из северокавказских республик, так и из остальных регионов. Противостоят же друг другу именно носители крайних мнений в этом диапазоне, причём, если наиболее негативные оценки роли России характерны исключительно для представителей республик Северного Кавказа, то наиболее позитивные – исключительно для русских авторов.

Принципиальную позицию в этом вопросе занимает Школа В.Б. Виноградова. Если для историков из республик Северного Кавказа характерно употребление понятия «Кавказская война», то представители Школы В.Б. Виноградова – Б.В. Виноградов (Виноградов, 2004), Н.Н. Великая (Великая, Великая, 2015), С.Л. Дударев (Дударев, Дударев, 2012) и др. – в своих работах принципиально или не употребляют термин «Кавказская война», или употребляют в кавычках, или дополняют термин словосочетанием «так называемая». В данном случае, в отличие от работ ряда советских авторов, разобранных в прошлой части исследования, речь идёт не просто об отказе от употребления данного термина, но об осознанной его критике, аргументируемой, что события на Кавказе XIX в. носили разноплановый характер и не сводились только к боевым действиям. В трудах представителей данной школы события на Кавказе XIX в. интерпретируются как сложный процесс интеграции горцев Северного Кавказа в состав России, переориентация экономических операций горцев с традиционной работоторговли на мирные экономические занятия и формы торговли, служба горцев России. В наиболее принципиальной оценке, в частности, самого В.Б. Виноградова, отрицается сам факт войны, вместо которой предлагается говорить о «многовековых русско-северокавказских взаимоотношениях, государственной интеграции» (Виноградов, Виноградов, 2006: 94). Свой подход В.Б. Виноградов позиционирует как основывающийся на «истинной патриотичности исследователей, столь решающей в оценках и взглядах на прошлое, настоящее и будущее многонациональной России» (Виноградов, Виноградов, 2006: 95).

При этом некоторые отдельные представители подобных взглядов, подобно своим оппонентам Х.И. Тугузу и Т.А. Чурею, позиционируют в качестве ненаучных отличные от их взглядов интерпретации сюжетов, связанных с историей Кавказа. В частности, в сборнике одной из конференций, организованных Школой В.Б. Виноградова, была опубликована статья И. Столярова, в которой автор объявлял ненаучной деятельность Института антропологии и этнологии РАН: «Все последующие годы институт продолжал заниматься выполнением привычного политического заказа: во всех мыслимых и немыслимых бедах малых и не очень народов прямо или косвенно обвинялся “имперский центр” и сама единая государственность» (Столяров, 2006: 130).

Несмотря на отказ представителей Школы В.Б. Виноградова от использования термина «Кавказская война», в последующем в рамках этой Школы возник такой термин, как «Малая Кавказская война». К.В. Скиба рассматривает под «Малой (кордонной) Кавказской войной» военно-политические события на Кубанской Линии в период с 1801 по 1827 г. Автор детально рассматривает процессы, где помимо военно-политических столкновений, присутствуют и мирные формы взаимодействия сторон на данной территории (Скиба, 2005).

Целый ряд русских исследователей, не являясь представителями Школы В.Б. Виноградова, в той или иной степени высказывают близкие к ней взгляды, в том числе и прямо указывая на согласие с некоторыми её идеями. Так, О.В. Матвеев позитивно пишет о концепции «российскости» представителей школы В.Б. Виноградова (Матвеев, 2013: 287-288). Кроме всего, О.В. Матвеев рассматривает Кавказскую войну через призму войны, приобретающей постепенно черты взаимополезного «фронта» – контактного пограничного пространства с большими возможностями общения и восприятия друг друга (Матвеев, 2015: 5).

Подобное «фронтное взаимопознание» в период Кавказской войны описывают работы историков О.С. Пылкова (Пылков, 2011) и В.В. Лапина (Лапин, 2008), где на примере солдат Отдельного Кавказского корпуса показано, как русская армия в процессе постоянного войны и необходимой адаптации к реалиям края была вовлечена в процесс формирования культуры фронта, элементы которой вступали в противоречие с уставными нормативными требованиями. При этом В.В. Лапин охарактеризовал Кавказскую войну как явление, лишённое внутреннего единства (Лапин, 2008: 10-11).

Схожую оценку рассматриваемых событий можно также встретить у А.М. Ерохина, Е.А. Авдеева, С.М. Воробьева. Исследователи отмечают, что Северный Кавказ в XIX в. становится не только южным фронтиром России, но и зоной формирования разнообразных смешанных и переходных культур, активного русско-горского экономического и культурного взаимодействия, интеграции народов Северного Кавказа в социокультурное пространство России (Erokhin et al., 2022: 412; Erokhin et al., 2023: 821).

Довольно интересную позицию в отношении термина «Кавказская война» занимает Ю.Ю. Клычников. В его интерпретации термин «Кавказская война» вызывает справедливые нарекания со стороны исследователей своей абстрактностью и расплывчатостью. Исследователь также обращает внимание на тот факт, что данный термин трактуется далеко неоднозначно и включает в себя различные аспекты, среди которых можно выделить набеговую практику, порождённую формированием феодальной собственности и образованием государственности у некоторых горских народов, геополитические интересы России, Британии, Турции и Персии в регионе и др. Кроме того, Клычников отмечает, что Кавказская война является более географическим определением, нежели оценочным, потому некоторые исследователи считают целесообразным применять его либо в кавычках, либо употреблять пояснение «так называемая Кавказская война». Тем не менее, по мнению исследователя, в силу устоявшихся научных традиций и в ситуации, где предлагаемая новая терминология ещё менее соответствует данному явлению, целесообразно употреблять данный термин, пока не будет найден новый, отражающий более точную суть дела (Клычников, 2004: 315).

Крайне любопытная оценка творчества Ю.Ю. Клычникова В.В. Черноусом. По его мнению, Ю.Ю. Клычников смог рассмотреть военные события и российскую политику на Северном Кавказе в первой половине XIX в. в более широком контексте, чем его предшественники. При этом российская политика анализировалась им через призму геополитических аспектов и противоречий интеграции народов Северного Кавказа и формирования «российскости» (по В.Б. Виноградову). Хотя в принципе «российскость» не является общепринятым в науке концептом, данный подход позволил Ю.Ю. Клычникову, как считает В.В. Черноус, отойти от традиционного поиска «виновных» в контексте Кавказской войны и раскрыть общую судьбу народов, их тяжёлое, но неуклонное притирание друг к другу (Черноус, 2006: 678-679).

Таким образом, даже исследователь, чей генезис в качестве учёного связан с научной школой, занимающей достаточно принципиальную позицию в «войне историографий», связанной с Кавказской войной, может видоизмениться в сторону более сбалансированной позиции, не отказываясь при этом от отдельных концепций своей школы. Для многих же историков, происходящих как из русских регионов, так и из республик Северного Кавказа, в принципе характерно более академическое отношение к Кавказской войне.

Следует обратить внимание на любопытный феномен, заключающийся в том, что некоторые исследователи совершенно осознанно апеллируют к российской дореволюционной историографии, возрождая её концепты и интерпретируя их как более корректные по сравнению с концептами советскими. В этом контексте показательна деятельность А.А. Черкасова. Исследователь совершенно прямо утверждает, что в советский период происходило насаждение сверху концепта «национально-освободительной борьбы горцев против царизма», в рамках которого вину за развязывание Кавказской войны возлагали только на русскую сторону и персонально А.П. Ермолова. В интерпретации А.А. Черкасова именно поэтому в советский период начало Кавказской войны начали датировать 1817 г., т. е. началом наступательных боевых действий против горцев. Однако А.А. Черкасов выступает против подобного подхода, считая более обоснованной датировку Кавказской войны, принятую до 1917 г. (1801–1864 гг.). Он указывает на набеги горцев на российскую территорию и предлагает датировать начало Кавказской войны 1801 г., когда к Российской империи была присоединена Восточная Грузия, что резко обострило конфликт Российской империи и горцев (Cherkasov et al., 2017: 68-85). Таким образом, А.А. Черкасов не отрицает факта Кавказской войны и не утверждает, что в XIX в. между горцами и Российской империей доминировало мирное взаимодействие. Но при этом он однозначно рассматривает горцев как виновников войны, а Россию – как позитивную для региона силу, борющуюся с рабством. В фундаментальном сборнике документов «Черкесские невольничьи повествования», однако, термин «Кавказская война» остаётся почти не востребуемым А.А. Черкасовым, и приведённые документы о захвате горцами в плен подданных Российской империи приводятся начиная с 1792 г. (Cherkasov, 2020: 1415-2266). Тем не менее, исследователь всё же считает XVIII в. предысторией Кавказской войны, отмечая, что первые рабы с территории Российской империи были захвачены черкесами ещё в 1780 г. (причём речь идёт только о документально зафиксированных случаях) (Черкасов, 2019: 1355-1367).

Предлагаются и новые концепты. Я.А. Гордин, рассматривая и рассуждая о Кавказской войне, видит в ней не только военные действия, но и устройство завоёванного края, предполагавшее регуляцию поземельных отношений и расселение мигрирующего под воздействием военных действий населения, а также привлечение на российскую сторону лояльных горцев (Гордин, 2000: 300). Отправной точкой боевых действий со стороны России на Кавказе автор считает 1559 г. – период, когда московские стрельцы, донские, уральские и гребенские казаки покорили и заселили город Терки (Гордин, 2000: 259). Кроме всего, Я.А. Гордин выделяет такую немаловажную причину долгой и изнурительной конфронтации сторон в период Кавказской войны, как столкновение двух совсем разных систем, «непонимание» противника с обеих сторон, их разное психологическое мышление. При этом Я.А. Гордин не отрицает завоевательного сознания России, которое заложил ещё Пётр I во время Каспийских походов, причём в его интерпретации это сознание основывалось на

стремлении жёстко включить приобретённые территории в единую регулярную систему с игнорированием самой органики процесса (Гордин, 2000: 48).

Исследователи Е.Ф. Кринко, С.Я. Суций, А.М. Мамадалиев при анализе негативных демографических явлений на Северном Кавказе в XIX в., к которым привела Кавказская война, достаточно неожиданно не считают доминирующей причиной этих явлений сражения горцев с русской армией. Авторы справедливо заметили, что смертность населения в рассматриваемые события происходила по ряду и других не менее весомых факторов – эпидемий, неурожая, продолжавшихся междоусобиц, добровольных и вынужденных миграций. Кроме того, периоды интенсивного вооружённого противостояния с Российской империей, как правило, являлись непродолжительными и перемежались длительными периодами перемирия (Krinko et al., 2017: 833).

А.Т. Урушадзе отмечает, что адаптироваться к реалиям Кавказской войны приходилось не только российским подданным, но и горцам. А.Т. Урушадзе при определении характера и сущности юридика и имамата Шамиля использует теорию модернизации. Историк отмечает, что для исламских обществ модернизация является сложным процессом ломки традиционных институтов. Религия была движущей силой для имамата как процесса модернизации, а препятствием реформирования являлись горские традиции и адаты (Урушадзе, 2010: 10). Кроме того, А.Т. Урушадзе попытался отразить со стороны историческую память адыгов. Не оценивая подобные утверждения с точки зрения их соответствия историческим фактам, исследователь отмечает, что Кавказская война для адыгов является важнейшим местом памяти и стержнем исторического самосознания, а факт споров вокруг хронологических рамок Кавказской войны (в историческом сознании адыгов Кавказская война длилась с 1763 по 1864 г., а в большом российском нарративе – с 1817 по 1864 г.) является «причиной мемориального разрыва между адыгской этнической группой и большим российским обществом» (Урушадзе, 2018: 129, 131).

Подобный подход изучения исторической памяти народов Северного Кавказа в последние десятилетия получил определённое распространение. Близкие сюжетные линии можно встретить в работах советского и российского антрополога, археолога и историка В.А. Шнирельмана. Он отмечает, что этнонациональная история на Северном Кавказе играет огромную социальную роль, в рамках которой роль прошлого в жизни каждого человека тесно связана с прошлым его народа. Каждая группа, стремящаяся развить своё самосознание, в какой-то момент создаёт миф о своих происхождениях и судьбе, что призвано привить её членам гордость за своё прошлое и породить веру в свою способность сформировать собственное будущее (Шнирельман, 2006: 9, 10). Кроме всего, Шнирельман заметил, что «историческая истина» интерпретируется историками всегда по-разному в зависимости от их исходных установок. Многие определяются не требованиями научной методологии, а стимулами, связанными с политическими, социальными, религиозными, культурными, национальными, эпохальными и другими факторами (Шнирельман, 2003: 15-16). В.А. Шнирельман, описывая в своей книге проблемы в развитии историографии по исследованию Кавказа, отметил, что сегодня горцы стремятся забыть о своём участии в набеговой практике, а русские – о жестокостях царских генералов во время Кавказской войны (Шнирельман, 2006: 267).

А.Ю. Шадже, Л.Р. Хут, Е.С. Куква заметили, что Кавказская война является базовым сюжетом в исторической памяти народов Северного Кавказа. Исследователи обратили внимание на то, что для северокавказских народов боевые действия на завершающем этапе Кавказской войны и трагедия мухаджирства являются такими же символическими объектами памяти, как для французов – Жанна д'Арк и Триумфальная арка (Shadzhe et al., 2014: 134).

А.Ю. Перетягко изучил проблему оформления Кавказской войны в памяти донского казачества и проследил изменения отношения донских авторов к данному событию в дореволюционной историографии. Автор отмечает, что в работах донских казаков-современников участие донского казачества в Кавказской войне интерпретировалось как совокупность отдельных подвигов донцов, участвовавших преимущественно в русско-турецких/русско-персидских кампаниях. Понятие «Кавказская война» при трактовке событий вообще не использовалось (Перетягко, 2022: 223, 228). Данные обстоятельства автор объясняет тем, что Кавказская война являлась очень тяжёлым событием для донского казачества, продемонстрировавшим в его ходе низкую боеспособность. Если говорить о конце XIX – начале XX в., то процессу участия донских казаков в Кавказской войне начинают придаваться черты героизации и сакрализации, и он занимает ведущее место. Популяризируется и создаётся мемориальный культ донских генералов – участников Кавказской войны (на примере Я.П. Бакланова) (Перетягко, 2022: 230-234).

Таким образом, и в том, что можно условно называть «русской историографией» Кавказской войны в противовес «историографии республик Северного Кавказа», отсутствует однозначное идейное единство. Напротив, внутри этой историографии уже можно выявить непримиримые противоречия между авторами, рассматривающими Кавказскую войну в качестве классического вооружённого противостояния, и авторами, отрицающими корректность термина «Кавказская война» и интерпретирующими события XIX в. как интеграцию Кавказа в состав России. В то же время мнения большинства русских историков не содержат непримиримых противоречий с мнениями «умеренных» учёных из республик Северного Кавказа.

4. Заключение

Из рассмотренных нами исследований достаточно наглядно видно, что говорить о каких-либо общепринятых интерпретациях и оценках Кавказской войны нельзя. Любое утверждение, даже самое базовое (например, о самом факте этой войны, её хронологии, причинах, результатах (если подразумевать под результатом не победу России, но значение этой победы)) оспаривалось тем или иным автором даже в рамках исключительно русскоязычной научной историографии после 1917 г. Поэтому выделить некие «общепринятые» оценки данного явления в рамках исторической науки можно только, объявив ненаучными оценки как минимум наиболее радикальных сторонников той или иной стороны в рамках «войны историографий». Но в подобном случае корректнее говорить не об «общепринятых», а о «медианных» оценках.

При этом, как видно из эволюции оценок Кавказской войны в русскоязычной историографии, эти медианные оценки менялись со временем. Если в раннесоветский период медианной оценкой было безусловное признание факта Кавказской войны, рассматриваемой в качестве колониальной агрессии Российской империи против свободолюбивых горцев, то в позднесоветский период, при формальном господстве той же оценки, её сущность значительно трансформировалась: распространились интерпретации, предполагающие неоднозначность конфликта, прогрессивную роль России (пусть и выступающей колонизатором), реакционность горских феодалов и внешнее влияние на них. Наконец, в современный период медианным становится представление о Кавказской войне как о сложном, неоднозначном конфликте, в рамках которого нельзя возлагать вину на произошедшее исключительно на одну из сторон.

В то же время эволюция современной русскоязычной историографии Кавказской войны далеко не завершена, на продолжающуюся «войну историографий» очевидно влияют политические события, и, нравится это нам или нет, актуальность темы Кавказской войны и её очевидная важность для историков из республик Северного Кавказа показывают, что данный спор едва ли может быть разрешён чисто историческими методами. В случае со спорами вокруг Кавказской войны, история слишком часто оказывается «политикой, опрокинутой в прошлое», – и, пока остаётся не разрешённой в полной мере проблема инкорпорации Северного Кавказа в пространство России, либо пока Северный Кавказ не перестанет взаимодействовать с этим пространством, проблема интерпретации Кавказской войны не станет чисто академической темой для исследований.

5. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Литература

- Ахмадов, Хасмагомадов, 2005 – Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005. 996 с.
- Бегеулов, 2002 – Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск, 2002. 178 с.
- Блиев, Дегоев, 1994 – Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. 591 с.
- Великая, Великая, 2015 – Великая Н.Н., Великая Е.В. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.). Армавир, 2015. 252 с.
- Виноградов, 2004 – Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Краснодар; Армавир, 2004. 91 с.
- Виноградов, Виноградов, 2006 – Виноградов Б.В., Виноградов В.Б. «Кавказская война» – изжившая себя дефиниция в познании процесса включения Северного Кавказа в состав России // *Вопросы южнороссийской истории*. 2006. 1: 94.
- Гаджиев, Пикман, 1998 – Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Российские демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20–50 гг. XIX века. Махачкала, 1998. 120 с.
- Гордин, 2000 – Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. 462 с.
- Дадаев, 2006 – Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. Социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления. Махачкала, 2006. 505 с.
- Дегоев, 1992 – Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в.: монография. Владикавказ, 1992. 312 с.
- Дегоев, 2013 – Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М., 2013. 256 с.
- Дзамихов, 2013 – Дзамихов К.Ф. Адыги: борьба и изгнание. Нальчик, 2005. 109 с.
- Дударев, Дударев, 2012 – Дударев С.Л., Дударев Д.С. Вклад декабристов в формирование толерантного отношения российского общества к народам Северного Кавказа. Армавир, 2012. 124 с.
- Кажаров, 2014 – Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик, 2014. 904 с.
- Казиев, 2010 – Казиев Ш.М. Имам Шамиль. М., 2010. 383 с.

- Касумов, 1992** – Касумов А.Х. Геноцид адыгов: Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992. 199 с.
- Клычников, 1999** – Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки, 1999. 135 с.
- Клычников, 2006** – Клычников Ю.Ю. «Кавказская война» в фольклорном отражении народов Северного Кавказа / *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Майкоп, 2006. С. 315-327.
- Клычников, Линец, 2008** – Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки). Пятигорск, 2008. 211 с.
- Кумыков, 1994** – Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. 112 с.
- Курмангулова, 2006** – Курмангулова Ш.А. Кавказская война в ногайском фольклоре // *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Майкоп, 2006. С. 340-348.
- Лалин, 2008** – Лалин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб., 2008. 400 с.
- Матвеев, 2013** – Матвеев О.В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопознания // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 11. С. 285-289.
- Матвеев, 2015** – Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. 272 с.
- Мусаев, 2007** – Мусаев А.Н. Шейх Мансур. М., 2007. 304 с.
- Панеш, 2006** – Панеш А.Д. К проблеме российско-адыгских отношений в период Кавказской войны (теоретико-методологические аспекты) / *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Майкоп, 2006. С. 413-417.
- Перетятыко, 2022** – Перетятыко А.Ю. Донская дореволюционная историография Кавказской войны: от маловажной войны к мемориальному культу Я.П. Бакланова // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2022. № 4. С. 221-238.
- Пылков, 2011** – Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.): монография. Армавир, 2011. 248 с.
- Скиба, 2005** – Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской Линии. Армавир, 2005. 123 с.
- Столяров, 2006** – Столяров И. Кто мостил скорбный путь терского казачества // *Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа*. Краснодар, Армавир, 2006. С. 130.
- Тугуз, 2006** – Тугуз Х.И. Русско-Кавказская война: правда и мифы // *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Майкоп, 2006. С. 489-545.
- Урушадзе, 2010** – Урушадзе А.Т. Имамат Шамиля и танзимат Османской империи – два типа модернизации // *Былые годы*. 2010. 4(18). С. 10-12.
- Урушадзе, 2018** – Урушадзе А.Т. Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации // *Политическая наука*. М., 2018. №3. С. 129-156.
- Форум историков, 2013** – Форум историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 15 октября 2013 г.) // *Научная мысль Кавказа*. 2013. №4. С. 123-124.
- Черкасов и др., 2019** – Черкасов А.А., Королева Л.А., Братановский С.Н. и др. Бегство из Черкесии накануне Кавказской войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1355-1367.
- Черноус, 2006** – Черноус В.В. Историография Кавказской войны: новейшие тенденции / *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Майкоп, 2006. С. 676-681.
- Черноус, 2007** – Черноус В.В. Народы Кавказа: традиции и современность. Круглый стол «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе» // *Научная мысль Кавказа*. 2007. № 2. С. 52-60.
- Чурей, 2006** – Чурей Т.А. Художественное мировоззрение адыгов диаспоры в творчестве Ахмета Мидхата Хагура / *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Майкоп, 2006. С. 655-675.
- Шеуджен, 2006** – Шеуджен Э.А. Историческая память и проблемы Кавказской войны / *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Майкоп, 2006. С. 692-704.
- Шнирельман, 2003** – Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. 592 с.
- Шнирельман, 2006** – Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006. 696 с.
- Begeulov, 2019** – Begeulov R.M. The Russian Experience Integration of Regions into the Empire: Karachay in 1821–1834 // *Bylye Gody*. 2019. 52(2): 624-633.

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., et al. The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 68-85.

[Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.

[Erokhin et al., 2022](#) – Erokhin A.M., Avdeev E.A., Vorobev S.M. Russians in the North Caucasus in the 19th century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 412-421.

[Erokhin et al., 2023](#) – Erokhin A.M., Avdeev E.A., Vorobev S.M. Sociocultural Integration of the Highlanders of the North Caucasus into the Russian Empire in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2022. 18(2): 821-829.

[Krinko et al., 2017](#) – Krinko E.F., Suschiy S.J., Mamadaliev A.M. Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 821-835.

[Shadzhe et al., 2014](#) – Shadzhe A.Yu., Khut L.R., Kukva E.S. Russian North Caucasus: Historical Memory vs Historical Policy // *Bylye Gody*. 2014. 32(2): 132-139.

References

[Akhmadov, Khasmagomadov, 2005](#) – Akhmadov, Ya.Z., Khasmagomadov, E.Kh. (2005). Istoriya Chechni v XIX-XX vekakh [The history of Chechnya in the XIX-XX centuries]. M. 996 p. [in Russian]

[Begeulov, 2002](#) – Begeulov, R.M. (2002). Karachai v Kavkazskoi voine XIX veka [Karachai in the Caucasian war of the 19th century]. Cherkessk. 178 p. [in Russian]

[Begeulov, 2019](#) – Begeulov R.M. (2019). The Russian Experience Integration of Regions into the Empire: Karachay in 1821–1834. *Bylye Gody*. 52(2): 624-633.

[Bliev, Degoev, 1994](#) – Bliev, M.M., Degoev, V.V. (1994). Kavkazskaya voina [The Caucasian war]. M. 591 p. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., et al. (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.

[Cherkasov i dr., 2019](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. i dr. (2019). Begstvo iz Cherkessii nakanune Kavkazskoi voiny [Escape from Circassia on the eve of the Caucasian War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 64(4): 1355-1367. [in Russian]

[Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.

[Chernous, 2006](#) – Chernous, V.V. (2006). Istoriografiya Kavkazskoi voiny: noveishie tendentsii [Historiography of the Caucasian War: the latest trends]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Maikop. Pp. 676-681. [in Russian]

[Chernous, 2007](#) – Chernous V.V. (2007). Narody Kavkaza: traditsii i sovremennost'. Kruglyi stol «Problemy Kavkazskoi voiny v noveishei literature» [The peoples of the Caucasus: traditions and modernity. Round table discussion “Problems of the Caucasian War in modern literature”]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2: 52-60. [in Russian]

[Churei, 2006](#) – Churei, T.A. (2006). Khudozhestvennoe mirovozzrenie adygov diaspor v tvorchestve Akhmeta Midkhata Khagura [The artistic worldview of the Adygs of the Diaspora in the works of Akhmet Midhat Hagur]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Maikop. Pp. 655-675. [in Russian]

[Dadaev, 2006](#) – Dadaev, Yu.U. (2006). Gosudarstvo Shamilya. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie, politiko-pravovaya i voenno-administrativnaya sistema upravleniya [The state of Shamil. Socio-economic situation, political, legal and military-administrative management system]. Makhachkala. 505 p. [in Russian]

[Degoev, 1992](#) – Degoev, V.V. (1992). Kavkazskii vopros v mezhdunarodnykh otnosheniyakh 30-60-kh gg. XIX v.: monografiya [The Caucasian question in international relations of the 30-60s of the XIX century: a monograph]. Vladikavkaz. 312 p. [in Russian]

[Degoev, 2013](#) – Degoev, V.V. (2013). Nepostizhimaya Chechnya: Sheikh-Mansur i ego vremya (XVIII vek) [Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansour and his time (XVIII century)]. M. 256 p. [in Russian]

[Dudarev, Dudarev, 2012](#) – Dudarev, S.L., Dudarev, D.S. (2012). Vklad dekabristov v formirovanie tolerantnogo otnosheniya rossiiskogo obshchestva k narodam Severnogo Kavkaza [The contribution of the Decembrists to the formation of a tolerant attitude of Russian society towards the peoples of the North Caucasus]. Armavir. 124 p. [in Russian]

[Dzamikhov, 2013](#) – Dzamikhov, K.F. (2013). Adygi: bor'ba i izgnanie [Adygs: struggle and exile]. Nalchik. 109 p. [in Russian]

[Erokhin et al., 2022](#) – Erokhin, A.M., Avdeev, E.A., Vorobev, S.M. (2022). Russians in the North Caucasus in the 19th century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes. *Bylye Gody*. 17(1): 412-421.

Erokhin et al., 2023 – *Erokhin, A.M., Avdeev, E.A., Vorobev, S.M.* (2023). Sociocultural Integration of the Highlanders of the North Caucasus into the Russian Empire in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 18(2): 821-829.

Forum istorikov..., 2013 – Forum istorikov-kavkazovedov (g. Rostov-na-Donu, 15 oktyabrya 2013 g.) [Forum of Historians of the Caucasus (Rostov-on-Don, October 15, 2013)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 4: 123-124. [in Russian]

Gadzhiev, Pikman, 1998 – *Gadzhiev, V.G., Pikman, A.M.* (1998). Rossiiskie demokraty o bor'be gortsev Dagestana i Chechni v 20-50 gg. XIX veka [Russian democrats on the struggle of the mountaineers of Dagestan and Chechnya in the 20-50 years of the XIX century]. Makhachkala. 120 p. [in Russian]

Gordin, 2000 – *Gordin, Ya.A.* (2000). Kavkaz: zemlya i krov': Rossiya v Kavkazskoi voine XIX veka [Caucasus: land and blood: Russia in the Caucasian war of the 19th century]. 462 p. [in Russian]

Kasumov, 1992 – *Kasumov, A.Kh.* (1992). Genotsid adygov: Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke [The genocide of the Adygs: From the history of the struggle of the Adygs for independence in the 19th century]. Nalchik. 199 p. [in Russian]

Kazharov, 2014 – *Kazharov, V.Kh.* (2014). Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov [Selected works on the history and ethnography of the Adygs]. Nalchik. 904 p. [in Russian]

Kaziev, 2010 – *Kaziev, Sh.M.* (2010). Imam Shamil' [Imam Shamil]. M. 383 p. [in Russian]

Klychnikov, 1999 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (1999). Deyatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816–1827) [A.P. Ermolov's activity in the North Caucasus (1816–1827)]. Essentuki. 135 p. [in Russian]

Klychnikov, 2006 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2006). «Kavkazskaya voina» v fol'klornom otrazhenii narodov Severnogo Kavkaza [The “Caucasian War” in the folklore reflection of the peoples of the North Caucasus]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Maikop. Pp. 315-327. [in Russian]

Klychnikov, Linets, 2008 – *Klychnikov, Yu.Yu., Linets, S.I.* (2008). Severokavkazskii uzel: osobennosti konfliktnogo potentsiala. (Istoricheskie ocherki) [The North Caucasian knot: features of the conflict potential. (Historical essays)]. Pyatigorsk. 211 p. [in Russian]

Krinko et al., 2017 – *Krinko, E.F., Suschiy, S.J., Mamadaliev, A.M.* (2017). Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders. *Bylye Gody*. 45(3): 821-835.

Kumykov, 1994 – *Kumykov, T.Kh.* (1994). Vyselenie adygov v Turtsiyu-posledstvie Kavkazskoi voiny [The deportation of the Adygs to Turkey is a consequence of the Caucasian War]. Nalchik. 112 p. [in Russian]

Kurmangulova, 2006 – *Kurmangulova, Sh.A.* (2006). Kavkazskaya voina v nogaiskom fol'klоре [The Caucasian war in Nogai folklore]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Maikop. Pp. 340-348. [in Russian]

Lapin, 2008 – *Lapin, V.V.* (2008). Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII-XIX vv. [The Russian army in the Caucasian war of the XVIII-XIX centuries]. SPb. 400 p. [in Russian]

Matveev, 2013 – *Matveev, O.V.* (2013). K preodoleniyu istoriograficheskogo tupika v izuchenii Kavkazskoi voiny: kontseptsii vzaimopoznaniya [Towards overcoming the historiographical impasse in the study of the Caucasian War: concepts of Mutual Understanding]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 11: 285-289. [in Russian]

Matveev, 2015 – *Matveev, O.V.* (2015). Kavkazskaya voina: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki [The Caucasian war: from front to frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar. 272 p. [in Russian]

Musaev, 2007 – *Musaev, A.N.* (2007). Sheikh Mansur [Sheikh Mansour]. M. 304 p. [in Russian]

Panesh, 2006 – *Panesh, A.D.* (2006). K probleme rossiisko-adygskikh otnoshenii v period Kavkazskoi voiny (teoretiko-metodologicheskie aspekty) [On the problem of Russian-Adyge relations during the Caucasian War (theoretical and methodological aspects)]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Maikop. Pp. 413-417. [in Russian]

Peretyat'ko, 2022 – *Peretyat'ko, A.Yu.* (2022). Donskaya dorevolutsionnaya istoriografiya Kavkazskoi voiny: ot malovazhnoi voiny k memorial'nomu kul'tu Ya.P. Baklanova [The Don pre-revolutionary historiography of the Caucasian war: from an unimportant war to the memorial cult of Ya.P. Baklanov]. *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. 4: 221-238. [in Russian]

Pylkov, 2011 – *Pylkov, O.S.* (2011). Rossiiskaya armiya v transformatsionnykh protsessakh na Severnom Kavkaze (konets XVIII – pervaya polovina XIX vv.): monografiya [The Russian army in the transformation processes in the North Caucasus (late XVIII – first half of the XIX centuries): monograph]. Armavir. 248 p. [in Russian]

Shadzhe et al., 2014 – *Shadzhe, A.Yu., Khut, L.R., Kukva, E.S.* (2014). Russian North Caucasus: Historical Memory vs Historical Policy. *Bylye Gody*. 32(2): 132-139.

Sheudzhen, 2006 – *Sheudzhen, E.A.* (2006). Istoricheskaya pamyat' i problemy Kavkazskoi voiny [Historical memory and problems of the Caucasian War]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Maikop. Pp. 692-704. [in Russian]

Shnirel'man, 2003 – *Shnirel'man, V.A.* (2003). Voyny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Memory wars: myths, identity and politics in Transcaucasia]. M. 592 p. [in Russian]

Shnirel'man, 2006 – *Shnirel'man, V.A.* (2006). Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke [Being Alans: intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century]. М. 696 p. [in Russian]

Skiba, 2005 – *Skiba, K.V.* (2005). Iz istorii «Maloi Kavkazskoi voyny» na Kubanskoi Linii [From the history of the “Little Caucasian war” on the Kuban Line]. Armavir. 123 p. [in Russian]

Stolyarov, 2006 – *Stolyarov, I.* (2006). Kto mostil skorbnyi put' terskogo kazachestva [Who paved the sorrowful path of the Terek Cossacks]. *Iz istorii i kul'tury lineinogo kazachestva Severnogo Kavkaza*. Krasnodar, Armavir. P. 130. [in Russian]

Tuguz, 2006 – *Tuguz, Kh.I.* (2006). Russko-Kavkazskaya voina: pravda i mify [The Russian-Caucasian War: Truth and Myths]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Maikop. Pp. 489-545. [in Russian]

Urushadze, 2010 – *Urushadze, A.T.* (2010). Imam Shamilya i tanzimat Osmanskoi imperii – dva tipa modernizatsii [The Imamate of Shamil and the Tanzimat of the Ottoman Empire are two types of modernization]. *Bylye Gody*. 4(18): 10-12. [in Russian]

Urushadze, 2018 – *Urushadze, A.T.* (2018). Pomnit'-nel'zya-zabyt': Kavkazskaya voina v istoricheskoi pamyati adygov i rossiiskom prostranstve kommemoratsii [Remember-cannot-forget: The Caucasian War in the historical memory of the Adygs and the Russian space of commemoration]. *Politicheskaya nauka*. 3: 129-156. [in Russian]

Velikaya, Velikaya, 2015 – *Velikaya, N.N., Velikaya, E.V.* (2015). Mirnye formy integratsii Severo-Vostochnogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii (1801–1859 gg.) [Peaceful forms of integration of the Northeastern Caucasus into the Russian Empire (1801–1859)]. Armavir. 252 p. [in Russian]

Vinogradov, 2004 – *Vinogradov, B.V.* (2004). Ocherki etnopoliticheskoi situatsii na Severnom Kavkaze v 1783–1816 gg. [Essays on the ethnopolitical situation in the North Caucasus in 1783–1816]. Krasnodar; Armavir. 91 p. [in Russian]

Vinogradov, Vinogradov, 2006 – *Vinogradov, B.V., Vinogradov, V.B.* (2006). «Kavkazskaya voina» – izzhivshaya sebya definitsiya v poznanii protsessa vklyucheniya Severnogo Kavkaza v sostav Rossii [The “Caucasian War” is an outdated definition in understanding the process of the incorporation of the North Caucasus into Russia]. *Voprosy yuzhnorossiiskoi istorii*. 1: 94. [in Russian]

Кавказская война в советской и российской историографии. Часть 2

Андрей Владимирович Бедрик ^{а, *}, Никита Сергеевич Ткаленко ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. С распадом Советского Союза в России появился научный плюрализм, после чего исследователи начали трактовать события тех или иных исторических процессов с разных точек зрения. Не обошлось и без истории Северного Кавказа, а конкретно – вокруг терминологии «Кавказской войны». Говорить о каких-либо общепринятых интерпретациях и оценках Кавказской войны нельзя. Непростая политическая обстановка в 1990-е гг. на Северном Кавказе и нестабильные современные геополитические реалии заставляют многих историков-кавказоведов отойти от объективности и предлагать идеологическо-политизированные интерпретации Кавказской войны. Сложность присутствует и в том, что один ряд исследователей отходит от исторической действительности, преследуя политические русофобские либо кавказофобские настроения, другие же следуют научной объективности. Поэтому и сам термин «Кавказская война» в современной российской историографии понимается неодинаково, и каждый исследователь понимает под этим понятием разные процессы, причины, хронологию и территориальные рамки. Взгляды и оценки на события имеют часто диаметрально противоположные: от утверждений, что Кавказская война со стороны России носила характер геноцида, ущемления и уничтожения северокавказских народов, до утверждений, согласно которым она стала ответом России на агрессивную экспансию и набеговую практику горцев, либо о многовековых русско-горских мирных взаимодействиях. В наше время неоднократно звучали призывы создать некие общие подходы и общепризнанные концепты в изучении Кавказской войны, однако это не привело к ожидаемым результатам. Данные обстоятельства порождают «войну историографий» вокруг данных событий и самого термина «Кавказская война» до сих пор.

Ключевые слова: российская историография, Кавказская война, кавказоведение, «война историографий», идейные противоречия, медианная позиция, Российская империя, Северный Кавказ, горцы, северокавказские народы.

* Корреспондирующий автор

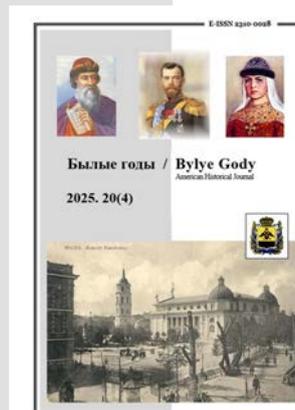
Адреса электронной почты: avbedrik@sfedu.ru (А.В. Бедрик)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1752-1757
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1752

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Activities of Prince N.G. Repnin as Governor-General of the Kingdom of Saxony (1813–1815)

Oksana Y. Zakharova ^a, Sergey I. Degtyarev ^{b, *}, Nazar A. Kotelnitsky ^c

^a National Academy of Culture and Arts Management, Kyiv, Ukraine

^b Cherkas Global University, Houston, USA

^c University of Future Transformation, Kyiv, Ukraine

Abstract

The article is devoted to study of activities of Prince N.G. Repnin as Governor-General of the Kingdom of Saxony in 1813–1815. The authors came to conclusion that immediate prerequisites for successful career of N.G. Repnin as a statesman were his long military service. During his stay in Saxony, the prince gained unique and invaluable experience as a civil servant, manager and functionary. The prince successfully carried out an administrative-territorial reform in the kingdom, ensuring publicity and communication of power among population via mass media and systematic reception of citizens. A military reform was carried out by transforming law enforcement agencies and armed forces of the state. The administration of N.G. Repnin conducted a socially oriented economic policy, which was aimed at comprehensively facilitating life of most residents through customs, financial and tax reforms. The main essence was to reduce fiscal measures, strengthen the national currency (thaler), centralize industries. The main units of Saxon infrastructure were restored. The work of cultural, educational and artistic institutions was resumed. N.G. Repnin took personal part in these activities, having donated considerable financial resources. To consolidate population, honorary awards were introduced, national and religious holidays were celebrated.

Keywords: prince N.G. Repnin, Kingdom of Saxony, governor-general, territorial recovery, reforms.

1. Introduction

Prince Nikolai Grigoryevich Repnin (1778–1845) is an outstanding military and statesmen of the Russian Empire. He was Hero of Austerlitz (1805), Governor-General of Saxony (1813–1815), Military Governor of Little Russia (1816–1835), member of the State Council (1835–1836). However, his life and work have received scant attention in historical scholarship, in particular his military and administrative activities as Governor-General of Saxony in 1813–1815. The article purpose is to briefly examine main aspects of Repnin's reformist activities during his relatively short tenure as the ruler of Saxony.

2. Materials and methods

The article is based on important historical sources: documents from the Russian State Historical Archives in St. Petersburg (RSHA). It made possible to reconstruct significant events in military and administrative activities of N.G. Repnin on the territory of Saxony in 1813-1815. Besides, the research included sources of separate individuals who were part of the Repnin's inner circle during his tenure as the Governor-General (*Pokhod russkoy armii...*, 1964).

The research comprised general scientific and specifically historical methods. The former included synthesis and analysis, deduction and induction, generalization and historical description. The latter provided critical, anthropological, historical-biographical, problem-chronological, and content analysis methods.

* Corresponding author

E-mail addresses: s.degtyarev@yur.sumdu.edu.ua (S.I. Degtyarev)

Synthesis and analysis explored extensive military and administrative activities of Prince N.G. Repnin as Governor-General of Saxony. Induction and deduction identified and accumulated empirical material for theoretical definitions, evidence illustrations, and conclusions. Historical description highlighted the most significant events in Repnin's life and work.

Critical analysis assessed representativeness of historical primary sources and documents. An anthropological method estimated prince's reforms concerning local residents of Saxony. Historical biography explored Repnin's role in the history of Saxony and his managerial contribution to social development. Besides, this method considered influence of historical conditions, motives, and goals on prince's policy.

The problem chronology represented a general understanding of Repnin's military and administrative activities as the head of Saxony (in chronological sequence and logical completeness). Content analysis interpreted historical primary sources, both personal and journalistic. This discovered subjective aspects of Repnin's life, which was not reflected in archival documents.

3. Discussion

Despite relevance of our research topic, we acknowledge the fact that this subject is a "blind spot" in historical scholarship. An exception is a published notebook by A. Imberg, a renowned Russian functionary and civil servant. He belonged to N.G. Repnin's immediate circle during his stay in Saxony (Imberg, 1870).

A significant milestone in study of prince's activities as de facto Viceroy of Saxony was a monograph by M. Antonovych, a renowned Ukrainian émigré intellectual and a grandson of Ukrainian historian V. Antonovych. Published in 1936 (Berlin), this monograph was titled "Prince Repnin, Governor-General of Saxony". The work was based on documents from the Prussian Secret State Archives and the Austrian State Archives. Written in a lively, journalistic, and figurative style, the study was educational, introducing the reader to vibrant personality of N.G. Repnin and his cultural, administrative, and financial activities in Saxony. However, M. Antonovich, as an enemy of Soviet power, was unable to access materials from the USSR archival repositories with documents directly related to life and work of this high-ranking official of the Russian Empire. Therefore, the study turned out to be far from complete (Antonovych, 1936).

After publication of this work, there was a long pause in Repnin's historiography. Only at the turn of the 20th and 21st centuries did researchers resort to a thorough study of Repnin's life. For example, new works were devoted to prince's tenure and activities as military governor of Little Russia (Zakharova, 2019; Konopka, 2008). However, the Saxon period remains an unfilled gap in prince's historiography, which makes this article highly relevant.

4. Results

Prince Nikolai Grigoryevich Repnin-Volkonsky was born on 28 January 1778. His father, Prince Grigory Semyonovich Volkonsky, was a renowned military figure in the Russian Empire, serving as Governor-General of the Orenburg Region in 1803–1816. From his earliest years, Nikolai Grigoryevich was surrounded by care of his mother. Prince's education continued at the First Cadet Corps, one of the best institutions. Nikolai was fluent in several foreign languages (RSHA. F. 1035. Op. 1. D. 31: 2).

Since the famous aristocratic Repnin dynasty had no heirs, Emperor Alexander I, by decree of 12 June 1801, conferred the title of Prince Repnin to Nikolai Grigoryevich. It was a sign of respect to Prince Grigory Semyonovich Volkonsky for his services to the state (Storozhenko, 1898: 2). On 26 January 1802, N.G. Repnin was ordered to serve in the army. On 12 September 1802, Nikolai married Countess Varvara Alekseyevna Razumovskaya. She was a granddaughter of Count K. Razumovsky, the last Ukrainian hetman. The wedding took place in Baturyn on the estate of Count K. Razumovsky, who was living out his last days in "his beloved Little Russia" (RBS, 1913: 119).

During the Battle of Austerlitz in 1805, N.G. Repnin was captured. As a prisoner of war, he met with Napoleon Bonaparte. The French ruler appreciated his military skill and courage. He was given adequate medical care, and his wife was allowed to care for her wounded husband. In Brussels, Napoleon, intending to free Repnin, wanted him to swear an oath of honor that he would not fight against France. However, Nikolai refused, declaring that he "had sworn an oath to serve his sovereign to the last drop of blood and would fulfill it" (RBS, 1913: 119). Napoleon released Repnin, who was awarded the 4th Rank Order of St. George on 30 January 1806. On 11 September 1806, he was dismissed from army with the rank of major general. Already on 11 November 1808, Repnin was again accepted into military service (RSHA. F. 1035. Op. 1. D. 31: 1-2).

In 1809, Nikolai Grigoryevich was appointed Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary to the royal court of Westphalia, ruled by King Jerome (Napoleon's brother). Upon his appointment, he received instructions stating that "the foundation of Russian policy is the friendliest unity and good accord between France and Russia" (RBS, 1913: 119).

During the Napoleonic era, N.G. Repnin participated in foreign campaigns and battles of the Russian Empire's army near Dresden and in the decisive battle and complete defeat of the French army near Leipzig (RSHA. F. 1035. Op. 1. D. 31: 3). For his military valor, Repnin was awarded diamond insignia of the 1st Rank Order of St. Anna and the Austrian Cross of St. Leopold.

After occupying Leipzig with his troops, Alexander I ordered an announcement to King Friedrich Augustus of Saxony that “he regarded him as a prisoner”. Previously, he had given Saxon army and material resources to complete French disposal. Friedrich Augustus was removed from power, captured, and sent to Berlin. On the same day, the government of Saxony was transferred to Lieutenant General and Prince N.G. Repnin ([Pelits, 1849: 111](#)).

On 9 October 1813, Austria, England, Prussia, Russia, and Sweden concluded the Convention on Administration of the German Provinces Liberated from Napoleon Bonaparte. The draft was drawn up by Baron G. Stein. The allied powers appointed him head of the Central Department, that is head of administration of German regions liberated from Napoleon ([Pokhod russkoy armii..., 1964: 394-395](#)). G. Stein could establish authorities he deemed necessary at his own discretion. Each of the allied states appointed an “agent” to resolve administrative issues in the occupied provinces. The Department could appoint governors and provide them with special instructions in the occupied provinces. Also, the organization oversaw actions of governors who could be recalled if necessary. The Department reported to the monarchical courts of the allied states every appointment or removal of governors. It was planned that senior military officials would be appointed as governors who would carry out their duties under direction of the Central Department. In case of extreme necessity, governors could make independent decisions, which they would report to the Department.

The Convention imposed the following duties on governors:

1. To control all supplies to allied armies on the entrusted areas;
2. To encourage the country under their control to supply and fund general military expenses;
3. To provide effective assistance to troops;
4. To manage and supervise activities of local authorities.

Maintenance of governor’s administrations had to be funded via revenues received from the entrusted territories, which would be distributed among Russia, Austria, and Prussia in proportion to the 150,000 troops each country would contribute. Sweden would receive income corresponding to the 30,000 troops deployed, and the Regency of Hanover would receive income proportionate to the army sent on the campaign ([Pokhod russkoy armii..., 1964: 395-397](#)).

According to the Convention, the primary responsibility of the Saxon government was to maximize use of local resources to continue the war against Napoleon. Prince Repnin served as a temporary ruler of the kingdom, after which Saxony was to be occupied by Prussia. The Governor-General’s office consisted of four sections: police and cultural affairs; finances; troop supplies; military forces ([Antonovych, 1936: 10](#)).

The section heads, along with several advisers, formed the Governor-General’s Council. The final decision was made by the Governor-General, who communicated directly with Baron G. Stein. Governor-General’s orders had to be carried out, and failure to comply was punishable. Directly under Repnin’s command was the secret police, which monitored activities of the Austrian allies seeking hegemony in Germany. In his memoirs, G. Stein noted that many Austrian officials traveled throughout Saxony and obstructed implementation of Governor-General’s orders ([Antonovych, 1936: 13](#)).

Austrians did everything possible to stay in the strategically important region as long as possible. The provinces were exhausted by the billeted troops. Like in Germany, residents were obliged not only to house the troops but also to provide generals, their servants, officers, and soldiers with firewood, candles, and food. In this regard, deployment of the Russian army seemed more tolerable, as soldiers were confined to barracks, and their provisions were handled by representatives of the Russian administration.

The population suffered from war destruction. In villages with 150 residents, only 10–12 people remained; the rest migrated, fleeing starvation. Many villages and towns were reduced to ashes. Looting and marauding soldiers deprived people of food. Volosts were left without livestock, which was taken by the French. There were thousands of orphans and wounded persons ([RSHA. F. 1035. Op. 1. D. 425: 1-2](#)). The state treasury contained only banknotes; the exchange rate was half of silver. The Saxon army, which numbered 5,300 people, went over to the side of the allied coalition after the Battle of Leipzig ([Antonovych, 1936: 9](#)). In these circumstances, the Governor-General had to solve the following problems: securing trust of people and loyalty of government officials, studying state structure of the kingdom, forming a Saxon army, raising the rate of banknotes ([RSHA. F. 1035. Op. 1. D. 425: 3-3](#)).

Wartime provided little incentive for reform, but certain decisions made by the prince allow us to characterize N.G. Repnin as an administrator. The entire country was divided into 11 provincial commissariats, reporting directly to the Governor-General. As for the Central Administration, the Governor-General’s Council replaced the Privy Cabinet, and its four sections became rudiments of ministries. In this way, N.G. Repnin created his own centralized administrative system, more suited to the current situation. Laws were published for the first time in Saxony, and the Saxon government began using periodicals to publish its decrees ([Antonovych, 1936: 22, 25](#)).

N.G. Repnin reformed the Dresden police, which had previously consisted of three independent organizations (royal, regional, and municipal). He created a single, centralized police agency headed by a president with the rank of colonel. The number of police officers corresponded to the settlement size and entitled them to receive assistance from military garrisons. Doing everything possible to improve the internal system of governance, the Governor-General’s office set a goal of restoring the Saxon army. The primary

objective was to arm and field a large army, consisting of three organic components: the regular army, the militia, and the volunteering patriots. Russian officers became instructors for new military units (RSHA. F. 1035. Op. 1. D. 425: 24-24). On 27 October 1813, N.G. Repnin issued an appeal to local residents calling for participation in forming a Saxon corps to fight Napoleon. It was also distributed as leaflets and announcements. As a supplement to the appeal, N.G. Repnin issued the Charter of the Saxon Volunteer Corps.

The Repnin appeal found a response among Saxon population. The corps formation was completed in January 1814. Later, it was sent to the theater of war combats. In total, the Russian authorities in Saxony raised a 21,000-strong army, which took part in military campaigns of 1814-1815 in France. For their bravery in battle, Emperor Alexander I assigned the Saxon troops to the Guard (Pokhod russkoy armii..., 1964: 412-415, 425).

The situation in Saxony required founding an authority to recover war-torn settlements and provide assistance to affected civilians. For this purpose, a special commission was formed, to which the Governor-General's Office assigned 300,000 thalers in the form of bank bonds. The commission was charged with distributing funds received for the benefit of devastated cities and residents from benefactors in Germany and other countries. For example, due to Repnin's efforts, in addition to aid for residents of Germany, England provided 25,000 pounds sterling exclusively for residents of Saxony. The commission operated independently from the Governor-General's Office. Bread, seed grain, breeding stock, and essential items were distributed either free of charge or at minimal cost. Private individuals were recruited to help local residents (RSHA. F. 1035. Op. 1. D. 425: 10-11).

The Governor-General's Office allowed affected citizens to pay taxes not on the due date, but whenever possible. In certain critical cases, Saxons were exempted from paying taxes altogether. This policy, of course, led to reduction in state revenues, which had already fallen significantly. Furthermore, the Office abolished duties on grain and livestock imported into Saxony and reduced duties on foreign alcoholic beverages, which further decreased state revenues. Essentially, Repnin's tax and customs policy was aimed at ensuring that measures to streamline the kingdom's finances would place the least possible burden on population. A special law prescribed actions for stockpiling firewood for private consumption. Those in need were given firewood on a deferred payment basis. A deferment was also granted for purchase of state-owned timber for restoration of homes by fire victims.

Roads were repaired and postal services were streamlined. To eradicate rudeness among postmen, a rule was introduced that any misdemeanor would be subject to fine and imprisonment. The Governor-General's Office was guided by the principle that the post served not to enrich the government, but to ensure convenient and safe communication between residents. Despite economic crisis and possibility of paying local bureaucrats' fees in porcelain goods or banknotes, the Office ordered that not only official salaries but also pensions and other payments should be issued (RSHA. F. 1035. Op. 1. D. 425: 12-13).

One of the serious problems the Governor-General had to resolve was reimbursement of funds for supply of food, forage, and ammunition, as well as for treatment of the wounded and sick from the allied forces stationed in Saxony or near its borders. As a result, the Russian army owed the kingdom 272,000 thalers, and the Prussian army owed one million. Besides, N.G. Repnin was forced to use funds intended for hospital maintenance to pay 85,000 thalers for 10,000 cloaks of the allied armies. In Saxon interests, he asked the Russian government to repay the funds. The government, in turn, ordered N.G. Repnin, in Russian interests, to find counterfeit Russian banknotes issued by Napoleon Bonaparte during the War of 1812 in the amount of several millions. Repnin began searching for these counterfeits immediately after his appointment as Governor-General. He declared that Saxon residents who did not hand over counterfeit banknotes within the appointed time would be subject to a military court and exile to Siberia, with a fine of five times the amount they had concealed.

But in 1814, according to secret information received, it became known that in addition to the identified 6 million, there was another million in banknotes, the concealment of which fell on one of the royal bankers of Saxony. The prince commissioned Chief Auditor A. Imberg to investigate this case, arriving in Dresden on 14 March 1814. The situation was complicated by the fact that when the prince assumed the kingdom, the state treasury had little more than a million thalers, meaning it was practically empty. Under these difficult circumstances, the Leipzig and Dresden bankers had provided significant financial assistance to the Russian government. Therefore, the investigation was to avoid disgracing the banker.

A. Imberg honorably carried out Repnin's assignment. As a result of his efforts, a million counterfeit banknotes, given by the King of Saxony to a local banker for safekeeping, were discovered in Leipzig. The banker himself justified his actions by claiming that he had received the money from the king and had not handed it over to avoid disgrace. He later feared punishment. Considering the Leipzig banker's services to the Russian government, he was pardoned (Imberg, 1870: 394).

According to military regulations, all fortifications erected in a besieged city, after its capture by the victors, became the property of the city commander-in-chief. After the Battle of Leipzig, N.G. Repnin was appointed Governor-General of Saxony, and therefore all buildings legally belonged to him. N.G. Repnin decided to sell these assets. The total proceeds amounted to over 70,000 thalers, which was spent on rebuilding the city. In addition, the prince used funds obtained through a financial transaction to restore the territory of Saxony. When Nikolai Grigoryevich assumed control of the kingdom, the state treasury had less

than 1.5 million thalers. Meanwhile, 930,000 thalers were urgently needed for military supplies to a Prussian contractor, who was not expecting such a favor. The financial administration proposed giving the contractor 10,000 thalers. But Prince N.G. Replin ordered the entire sum to be allocated, explaining that even if the 10,000-ruble debt were repaid, the remaining capital would still be insufficient to form and finance a 50,000-strong militia. If one person received such a huge sum from the Russian government, others would assume there were millions in the treasury, and Saxony would thus be able to obtain a loan as a solvent country.

According to Saxon laws, anyone receiving money from the state treasury had to pay 10 % to the grantor. The contractor presented the required amount to N.G. Replin, but he refused. These funds were used to restore sites of historical and symbolic value for Saxons (for example, in Dresden) (Imberg, 1870: 395).

Important reforms were implemented in construction and maintenance of public, court, and military buildings (with the exception of those under the military department). They were subordinate to the Main Construction Directorate, which in turn was controlled by Dresden police. Royal palaces, whose maintenance entailed significant costs, were transferred to the Privy Financial Council for their most profitable use. Palace lands were leased to fund the state budget.

Before the war, the Saxon Porcelain Factory received regular subsidies from the state treasury (up to 60,000 thalers annually). Under N.G. Replin, it lowered prices and improved quality. Like faience and stoneware enterprises, the factory began to generate revenue for the state budget.

During Replin's reign, a daily newspaper was published. It covered all Governor-General's orders, information on kingdom's revenues, and budget allocations. Simultaneously, the prince's administration attempted to ensure balance and fair distribution of public goods within the state.

The Governor-General and government members effectively informed citizens of their plans for country's development via periodicals and other publications. A special state award, the Green Cross, was established for Saxons who distinguished themselves through public service. It was available to any citizen of the kingdom, regardless of status or wealth. Attempts were made to address national and religious issues in the region (for example, the problem of Saxon Jews). The occupation authorities encouraged citizens to celebrate religious and public holidays to preserve "piety and true religion".

Another important innovation was regular meetings between the Governor-General and citizens on strictly established reception days. Officials heading the tax, customs, and treasury departments began to receive remuneration from the state treasury. In order to increase state revenue, salaries of most chamberlains and gentlemen of the bedchamber were discontinued. The Oberjägermeister's Office was abolished. To ensure successful development of the forestry industry, the Forestry Academy was founded, where specialized officials received training. Residents engaged in horse breeding were given an opportunity to use state-owned stud farms. The Swiss Guard was disbanded. The poorest sections of population received benefits or pensions. Expenditures on the court economy were reduced (RSHA. F. 1035. Op. 1. D. 425: 13-18).

When Nikolai Replin assumed control of the kingdom, one of his most important tasks was preserving the king's property, as Emperor Frederick's sister and nephews resided in the palace. In 1815, Frederick, upon returning to the throne, revoked all orders and ranks bestowed upon Saxons at Replin's behest. However, the prince system of kingdom government remained intact. This was a clear recognition of Replin's administrative talent. Moreover, as A. Imberg recalled, N.G. Replin was devoid of any passion for profit. He spent his fortune on restoration of Saxony (Imberg, 1870: 398).

The Governor-General enjoyed no privileges at the Saxon Court, receiving no income other than his salary: 1,000 thalers per month and 1,500 chervonets for travel expenses. N.G. Replin maintained the house in which he lived at his own expense. Overall, prince's expenses significantly exceeded his income. At the end of his reign, when Saxony came under Prussian rule, the Prussian king awarded Prince Replin the Order of the Black Eagle and a gift of 100,000 thalers.

Under N.G. Replin, the thaler exchange rate strengthened, and interest on state debts was paid on time. Thanks to efforts of the Governor-General's office, Saxon state banknotes enjoyed better credit than those of some other states. Navigation on the Elbe River was restored. N.G. Replin contributed greatly to development of science, art, and education. Classic cleanliness, grooming, and order returned to Saxon daily life (RSHA. F. 1035. Op. 1. D. 425: 16, 27, 30, 32, 37, 38). N.G. Replin did everything possible to unite the German nation and convinced Saxons of territorial indivisibility and need to preserve old rights and privileges. For this aim, he applied works of famous German publicists (Antonovych, 1936: 18).

On 7 November 1815, Prince Replin transferred the Kingdom of Saxony to control of Prussia with the goal of their further unification. He left Dresden for Vienna.

5. Conclusion

Overall, N.G. Replin's career as a statesman in the Russian Empire was directly linked to his extensive service in the Russian army. The future dignitary rose from Hero of the Battle of Austerlitz to the post of Governor-General in the most important region of Germany (the Kingdom of Saxony, 1813–1815). He was acquainted with Napoleon Bonaparte, who, despite Replin's capture, recognized his military achievements.

As an interim governor of Saxony, N.G. Replin gained extensive management experience, which proved invaluable later. Despite the Russian army's occupation status, its presence in Saxony, thanks to the prince, was regarded by population as a tolerable burden, because it was maintained by the Russian

administration. N.G. Repnin established 11 regional commissariats, a central authority, and the Governor-General's Council. The latter became a prototype for future ministries. For the first time in Saxon history, all state legislation and government decrees began to be published in the media. The number of civil servants and law enforcement agencies was reduced, and corruption fell. Disparate police agencies were integrated into a single, centralized law enforcement structure. N.G. Repnin succeeded in forming a skilled Saxon army. Tax and customs reforms were implemented. It abolished duties on imported essential goods, reduced tariffs on imported alcohol and tobacco, deferred tax payments. Road infrastructure, postal service, and navigation were restored. Repnin's administration pursued a sound financial policy. The national currency (thaler) was significantly strengthened. The fragmented porcelain industry began to generate profits for the state treasury.

References

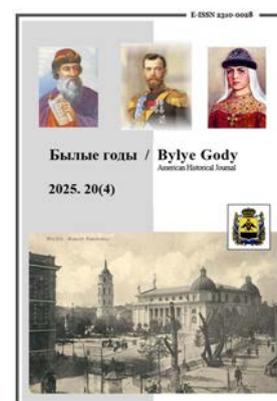
- [Antonovych, 1936](#) – *Antonovych, M.* (1936). Knyaz' Repnin, heneral-hubernator Saksoniyi [Prince Repnin, Governor-General of Saxony]. Berlin: Ukrayins'kyy Naukovyy Instytut. 64 p. [in Ukrainian]
- [Imberg, 1870](#) – *Imberg, A.* (1870). Iz zapisnoy knizhki Alekseya Osipovicha Imberga [From the notebook of Alexey Osipovich Imberg]. *Russkiy arkhiv*. 2: 373-404. [in Russian]
- [Konopka, 2008](#) – *Konopka, N.* (2008). Malorosiyis'kyi viys'kovyy hubernator Mykola Hryhorovych Ryepnin [Little Russian military governor Nikolai Grigorovich Repnin]. *Avtoref. dys. ... kand. ist. nauk*. 07.00.01 – Istorya Ukrayiny. Ostroh. 22 p. [in Ukrainian]
- [Pelits, 1849](#) – *Pelits, K.* (1849). Istorya Korolevstva Saksonii. Ch.1 [History of the Kingdom of Saxony. Part 1]. M.: Tipografiya N. Stepanova. 151 p. [in Russian]
- [Pokhod russkoy armii..., 1964](#) – *Pokhod russkoy armii protiv Napoleona v 1813 g. i osvobozhdeniye Germanii.: Sb. Dokumentov* [The Campaign of the Russian Army against Napoleon in 1813 and the Liberation of Germany: Collection of documents]. M.: Nauka, 1964. 538 p. [in Russian]
- [RSHA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [RBS, 1913](#) – *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1913. T. 16. 438 p. [in Russian]
- [Storozhenko, 1898](#) – *Storozhenko, N.* (1898). K portretu knyazya Nikolaya Grigor'yevicha Repnina [To the portrait of prince Nikolai Grigorievich Repnin]. Kiyev: Tip. Imp. Universiteta Sv. Vladimira. 10 p. [in Russian]
- [Zakharova, 2019](#) – *Zakharova, O.* (2019). Knyaz' Nikolay Grigor'yevich Repnin [Prince Nikolai Grigorievich Repnin]. Nezhin: Lysenko N.M. 103 p. [in Russian]

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1758-1764
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1758

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Historical Memory and Acculturation of the Russian Empire in the North-Eastern Caucasus during the Caucasian War

Abidat A. Gazieva ^{a, *}, Makhach M. Vagabov ^b

^a Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The article explores the forms and mechanisms of the acultural impact of the Russian Empire on the indigenous population of the North-East Caucasus in the first third of the 19th century, in the context of the formation of imperial control and integration of the region. The basis of source analysis was the VI–VIII volumes “Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission”, covering the period of activity of the managers A.P. Ermolov, I.F. Paskevich and G.V. Rosen.

A set of documents, including legal acts, proclamations, reports and orders, is considered as a representation of the official policy of the empire. Particular attention is paid to how these materials are recorded and constructed by ideas about local societies, their cultural practices and forms of political loyalty. Strategies are analyzed through which the narrative of the “civilizational mission” of Russia was approved and at the same time the image of a “foreigner” as an object of transformation was formed.

Spatial practices, such as the creation of fortified lines, the relocation of settlements, overgrown with territorial borders and communications control, are considered as key tools for the institutionalization of imperial presence. The mechanisms of administrative integration are studied – the introduction of a new management system, fixing loyal foremen, the organization of schools and the translation service.

Of particular interest is the transformation of historical memory: through the official descriptions of events, fixation of the intercourse and awards, as well as the choice of terminology through which there was an interpretation of historical events in the interests of the empire.

Keywords: acculturation, historical memory, highlanders, North-Eastern Caucasus, management, Caucasian line.

1. Введение

История присоединения и подчинения Российской империей Северо-Восточного Кавказа в XIX веке была не только серией военных кампаний, но и масштабным процессом культурной и политической трансформации. Центральным элементом этого процесса стала аккультурация, составной частью которой, со стороны империи, было внедрение норм, практик и символических структур Российского государства в повседневную жизнь горских обществ.

Период 1816–1837 годов, охватывающий деятельность А.П. Ермолова, И.Ф. Паскевича и Г.В. Розена, характеризуется институционализацией имперского управления, разработкой инструментов интеграции и формирования лояльности. Основным корпусом документов, позволяющим реконструировать эти процессы, выступают VI–VIII тома «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией», в которых отражены ключевые сюжеты имперской политики культуры и памяти на Северо-Восточном Кавказе.

* Corresponding author

E-mail addresses: gazieva.abidat@mail.ru (A.A. Gazieva), 9162803@mail.ru (M.M. Vagabov)

2. Материалы и методы

Источник «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК, 1874; АКАК, 1875; АКАК, 1878; АКАК, 1881) выбран нами как основа для исследования в силу того, что он сосредоточил в себе основные первичные административные документы, фиксирующие механизмы взаимодействия власти и местных народов. Кроме того, следует указать, что данный источник, как систематическое издание, позволяет проследить формы и этапы реализации аккультурационных практик и формирование исторической памяти. Необходимо учитывать его одностороннее представление исторических событий и оценок.

Методологически статья опирается на подходы исторической антропологии и источниковедения. Целью исследования является выявление механизмов институциональной и символической интеграции Северо-Восточного Кавказа в Российскую империю через призму официальных документов многотомного издания «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (далее – Акты).

Применение методологии исторической антропологии позволяет проанализировать институциональные практики как формы вовлечения в российское культурное пространство и применение методов культурного давления на местное население. Исследование вопроса привязки Актов к конкретным политическим и культурным контекстам позволяет раскрыть тему исследования. В исследовании применяются фронтирные подходы осмысления имперского дискурса и практик иерархизации между центром и периферией.

Методика критического источниковедения используется нами для анализа структуры, языка и коммуникативной направленности документов АКАК. «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» содержат более 2000 различных документов, включая приказы, письма, распоряжения, переводы грамот, донесения и циркуляры. Комиссия, составлявшая акты, функционировала при канцелярии Кавказского наместника и имела задачу сбора, систематизации и публикации официальной имперской документации о регионе.

3. Обсуждение

Историография процессов аккультурации, интеграции и формирования исторической памяти на Северо-Восточном Кавказе, в контексте политики России в регионе, трансформировалась и охватила ряд вопросов исследования военно-политического нарратива, инструментов властной символической политики.

В целом, в исторической науке в последние десятилетия появился ряд работ, подводящих методологическую базу под исследования памяти, массовой памяти и культурных трансформаций на пространстве взаимодействия и столкновения различных культур (Assan, 2004; Stoler, 2002; Stoler, 2009; Stoler, 2013).

Сегодня вопрос государственной аккультурации и формирования исторической памяти рассматривается в историографии как институционально управляемый процесс. В исследованиях дореволюционного периода доминировала позиция о миссионерской, цивилизаторской роли империи в истории народов Северо-Восточного Кавказа (АКАК, 1874–1881; Берже, 1858; Попко, 1885; Вейденбаум, 1888; Дубровин, 1888).

Для советской историографии характерно исследование данного вопроса через призму классовой борьбы, без акцента на формирование исторической памяти и культурную трансформацию (Бушуев, 1939; Кокиев, 1933; Смирнов, 1958; Гаджиев, 1965).

В постсоветский период были заложены новые акценты осмысления кавказской истории – изучение вопросов политики идентичности и исторической памяти, исследование аккультурационных практик, вопроса формирования исторической памяти в контексте архивного содержания (Урушадзе, 2018; Салчинкина, 2021; Колосовская, 2014; Колосовская, 2016; Колосовская, 2020; Ткаченко, 2017).

4. Результаты

Период управления А.П. Ермолова отражён в 1–2 частях тома VI, в котором демонстрируются юридические и дипломатические документы, часто составленные на нескольких языках (русском, арабском, переведённые с татарского) (АКАК, 1875: 34–35), направленные на формализацию власти – структурирование способов осуществления системы управления.

В VI томе показана имперская интеграция через юридическую фиксацию. Политика А.П. Ермолова стремилась не только к военному контролю, но и к созданию «легитимных» оснований власти через грамоты и прошения от местных народов. Первая часть содержит в себе грамоты, выражающие символическое признание власти Российской империи и показывающие законность имперского контроля над новыми территориями, представляя его как оформленное добровольное подчинение. Данный посыл является важным элементом формирования официальной исторической памяти как в регионе, так и для всей империи. Конфликтное восприятие процесса подчинения и вхождения в Российское пространство (культурное, политическое, экономическое, административно-

правовое) не сфокусировано, на нём не делается акцент. Причиной конфликта выдвигается идея о духовной отсталости населения региона и «неблагоразумии» (АКАК, 1875: 33).

Грамоты, подписанные наибами, включались в архивы как акт признания суверенитета России (АКАК, 1875: 44). При этом тексты отражают асимметрию государственных стратегий и региональной повестки, присутствует язык подданства, обещания защиты и цивилизаторской миссии империи. Так, в письме А.П. Ермолова к А.Б. Пестелю говорится о проявлении доброты к тем, кто ищет убежища под покровительством империи, чтобы они могли оценить честь повиноваться и опасность сопротивляться (АКАК, 1875: 54). Стоит отметить, что в Актах, на примерах многочисленных документов, показан аспект формирования исторической памяти горских народов посредством государственных решений символического характера.

Государство пыталось проводить переформатирование исторического сознания местных народов, используя ритуализированные формы «милости», прощения и признания. Примером может служить приглашение горских народов на коронацию императора. В письме А.П. Ермолова к И.И. Дибичу говорится о необходимости приглашения к коронации Николая I от мусульманских провинций до 20 человек (АКАК, 1875: 20). Данный акт следует рассматривать как символический инструмент включения местных элит в политическое пространство империи.

На страницах VI тома Актов встречаются документы, в которых горцы просят о прощении за неповиновение, отход от договорённости с властями. Примером может быть «просьба лезгинских старшин Дидойского общества» (АКАК, 1875: 16), дарование прощения Шамхальским подданным (АКАК, 1875: 18), прощение Ермоловым Анцухского общества (АКАК, 1875: 33). Ярким примером всепрощающего образа императора представляется письмо К.С. Мазаровича к генералу Вельяминову «о беспрепятственном отпуске в Персию семейства бежавшего Сурхай-Хана» (АКАК, 1875: 45). Практика публичного прощения заключалась в формировании великодушного образа императора.

Привлечение представителей местных народов к военной службе, символическое вовлечение в политическую жизнь империи – это форма культурной и политической аккумуляции. Так, из обращения генерала А.П. Ермолова к Аслан-Хану Кюринскому «Вы – русский генерал и потерять Казикумух стыдно будет» (АКАК, 1875: 46), видна направленность на формирование общегосударственной идентичности среди горцев.

Формирование исторической памяти на Северо-Восточном Кавказе происходило в соответствии с реализацией государственных практик аккумуляции. Оно оформлялось не только посредством военного принуждения, но прежде всего через символическое включение – ритуалы милости и прощения. Данный элемент государственной аккумуляции имел политические и психокультурные последствия в регионе.

VI том содержит примеры попыток властей империи распространить в регионе православие. Так, для распространения христианства в регион направлялись миссионеры (АКАК, 1874: 387, 405, 406, 407), государство видело одним из ключевых направлений аккумуляции распространение христианства среди горцев. В исследуемый период власти делали попытки пересмотреть практики распространения и возрождения христианства в регионе (Газиева, 2024), но в период управления А.П. Ермолова аккумуляция проходила не посредством распространения религии, а путём встраивания местных элит в государственные институты империи, подписания актов подданства и первых шагов формирования новой политической идентичности. В немногочисленных документах, касающихся распространения православия в регионе (АКАК, 1874: 406, 407, 409–410, 417, 479, 480), говорится о проблемах учреждения приходов, викариатств, о крещении отдельных старшин.

VII том Актов охватывает период управления регионом И.Ф. Паскевича. Совокупность документов, характеризующих спектр аккумуляционных практик и формирования исторической памяти, представлена большим количеством прокламаций к горским народам, где центральное место занимают вопросы сохранения шариата и религиозных обрядов. Основная цель документов это формирование лояльности местных народов к властям империи. Разделы, посвящённые мусульманскому духовенству, содержат обещания сохранения и закрепления религиозных прав. Лояльная политика в отношении местного духовенства проявлялась, в частности, в «освобождении духовенства от податей» (АКАК, 1878: 432–433).

Посредством подобных документов создавался образ гибкости российской модели управления регионом.

В данном томе, как и в предыдущем, встречаются рапорты и предписания о приглашении к императору «депутатов из числа народов присоединенных к Российской империи» (АКАК, 1878: 446).

Вопросы развития образования в регионе представлены как часть широкой аккумуляционной стратегии. Так, в одном из документов говорится: «избрать из числа фамилий до 12 молодых людей от 8 до 10 летнего возраста коих Е.В. в знак Высочайшего благословения полагает изволить воспитывать в казенных учебных заведениях в С.-Петербурге» (АКАК, 1878: 446). Интеграция элиты была первостепенной задачей властей империи, как основа институционализации верноподданнической идентичности через образовательные модели Российской империи. Подобная практика способствовала формированию в исторической перспективе пророссийской прослойки в

кавказском обществе, члены которой впоследствии должны были бы занять государственные, административные посты в регионе.

В регионе активно претворялась в жизнь практика вручения подарков, титулов (АКАК, 1878: 516). Совокупный анализ документов данного тома, касающихся вопросов аккультурации и формирования исторической памяти, позволяет констатировать, что отражение исторических событий в данном издании способствует формированию образа Российской империи как миротворца и цивилизатора, гаранта веры и спасителя от «междоусобной вражды и набегов сопредельных народов» (АКАК, 1878: 516). Кроме того, можно говорить о том, что VII том характеризует период институционализации империи в регионе, когда единичные социально-экономические, культурные и политические практики превращаются в систематизированные, структурированные, вводятся на постоянной основе функционирования.

Стратегии Г.В. Розена отражены в документах VIII тома Актов. Документы данного тома продолжают формировать образ «справедливой империи», сохраняющей ислам, порядок и хозяйственную жизнь.

Совокупность документов тома посвящена пространственной аккультурации региона – развитию Кавказской Линии, путей сообщения (логистике). Наметилось изменение отношения к пространству. Пространство воспринималось как инструмент аккультурации, а не место столкновения, как при А.П. Ермолове.

Освоению нового пространства и расширению Линии посвящено значительное количество документов (АКАК, 1881: 552-812), как посредством военно-политического давления (АКАК, 1881: 682-698), так и методами гражданской аккультурации. Несмотря на то, что государство проводило лояльную политику в отношении местного духовенства, активно разрабатывался вопрос распространения христианства. В период управления Розена, как видно из документов, оно носило не только религиозную миссию, но и должно было «вмещать в себя и цель политическую» (АКАК, 1881: 253). В данной части значительный пласт документов рассматривает вопрос места и роли проповедника-миссионера в деле распространения христианства, с акцентом на качественной составляющей, «чтобы с понятиями религии получали истинные понятия о государстве, с которым они должны сблизиться и коего частью должны составить» (АКАК, 1881: 253). Реализация государственных стратегий аккультурации при Г.В. Розене видится во взаимодействии военно-гражданского управления с религиозными деятелями (АКАК, 1881: 258-259). Встречаются документы, в которых представляется материальное вознаграждение за политическую или военную лояльность горцев. К примеру, в VIII томе говорится о «грамоте на ханское достоинство, о пожаловании чина полковника и о назначении ежегодной пенсии по 2 т.р.с. ...знамени с Императорским гербом и сабли, украшенной драгоценными камнями» (АКАК, 1881: 574). Подобные факты имели символическое значение, формализовали включение горской элиты в российскую систему. Стоит отметить, что данные практики имели целью закрепить нарратив покровительства, где император выступал щедрым управленцем, дар выступал в качестве знака власти и памяти, а получатель становился «носителем памяти».

5. Заключение

Российская империя на Северо-Восточном Кавказе в первой трети XIX века реализовала многоуровневую систему аккультурационного воздействия, опираясь на юридическую фиксацию подданства через локальные акты (договоры), пространственное упорядочивание и строительство кордонных участков.

Анализ VI–VIII томов Актов позволяет реконструировать имперскую политику аккультурации как сочетание административного давления, военного покорения, культурного посредничества.

Документы, представленные в исследуемых томах, не только фиксируют события Кавказской войны, но и формируют нарратив, в котором показана государственная стратегия Российской империи на Северо-Восточном Кавказе. Данные акты являются инструментом формирования исторической памяти, где реальность государственной аккультурации представляется как единственно верная, не демонстрируя сложность и многообразие локальных идентичностей. Власти империи активно использовали административное подчинение, школьную российскую систему образования и механизмы контроля и поощрения местных элит как способы интеграции региона в пространство империи. Используемые государством практики служили инструментом управления регионом и одновременно формировали историческую память. «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» являются отражением системы проектного управления регионом в исторической перспективе. Следует подчеркнуть, что документы подобраны таким образом, что задают интерпретационную рамку для дальнейших исследователей. Исследование служит пониманию того, что Российская империя в регионе не только проводила военно-политическое подчинение, но и параллельно этому создавала идеологическую, культурную и мемориальную инфраструктуру утверждения на Кавказе.

Литература

- АКАК, 1874** – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.П. Берже. Гл. упр. Кавказского наместника. Тифлис, 1874. Т.6. Ч. 1. 941 с.
- АКАК, 1875** – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.П. Берже. Гл. упр. Кавказского наместника. Тифлис, 1875. Т.6. Ч. 2. 950 с.
- АКАК, 1878** – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.П. Берже. Гл. упр. Кавказского наместника. Тифлис, 1878. Т. 7. 994 с.
- АКАК, 1881** – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.П. Берже. Гл. упр. Кавказского наместника. Тифлис, 1881. Т. 8. 1009 с.
- Ассман, 2004** – *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.
- Берже, 1858** – *Берже А.П.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858. 46 с.
- Бушуев, 1939** – *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.: Изд. Акад. Наук СССР, 1939. 184 с.
- Вейденбаум, 1888** – *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу / Е. Вейденбаум. Тифлис, 1888. 434 с.
- Гаджиев, 1965** – *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана / В.Г. Гаджиев. М.: «Наука», 1965. 391 с.
- Газиева, 2024** – *Газиева А.А.* Церковное и государственное строительство на Восточном Кавказе во второй половине XIX века (по материалам проповедей протоиерея Николая Котляревского) // *Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ.* 2024. №119. С. 95–104.
- Дубровин, 1888** – *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб.: Типография «Скорородова», 1888. 765 с.
- Кокиев, 1933** – *Кокиев Г.А.* Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // *Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения.* 1933. Вып. 1. С. 179-225.
- Колосовская, 2014** – *Колосовская Т.А.* Из опыта сохранения исторической памяти военного прошлого (по материалам Кавказского военно-исторического музея) // *История и историческая память.* 2014. № 10. С. 42-53.
- Колосовская, 2016** – *Колосовская Т.А.* К проблемам сохранения исторической памяти в контексте военно-мемориальной деятельности на Северном Кавказе во второй половине XIX в. // *История: факты и символы.* 2016. №3 (8). С. 99-107.
- Колосовская, 2020** – *Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С.* Имперская политика памяти на Кавказе: механизмы конструирования массового исторического сознания (XIX – начало XX веков) // *Новый исторический вестник.* 2020. №2 (64). С. 131-153.
- Салчинкина, 2021** – *Салчинкина А. Р.* Памятники командующим Отдельным Кавказским корпусом в рамках практики монументальной коммеморации // *Общество: философия, история, культура.* 2021. №10 (90). С.65–68.
- Смирнов, 1958** – *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: «Издательство социально-экономической литературы», 1958. 244 с.
- Потто, 1888** – *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I. СПб.: Тип. «Р. Голике», 1885. 750 с.
- Ткаченко, 2017** – *Ткаченко Д.С.* Завершение Кавказской войны на северо-восточном Кавказе в монументальной практике имперских властей XIX – начала XX вв. // *Научная мысль Кавказа.* 2017. №4 (92). С. 107-114.
- Урушадзе, 2018** – *Урушадзе А.Т.* Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации // *Политическая наука.* 2018. № 3. С. 106-128.
- Stoler, 2002** – *Stoler, A.L.* Carnal Knowledge and Imperial Power: Race and the Intimate in Colonial Rule. University of California Press, 2002. 335 p.
- Stoler, 2009** – *Stoler, A.L.* Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense. Princeton University Press, 2009. 314 p.
- Stoler, 2013** – *Stoler, A.L.* Imperial Debris: On Ruins and Ruination. Duke University Press, 2013. 384 p.

References

- АКАК, 1874** – Akty, sobrannyye Kavkazskoy Arkheograficheskoy komissiyey [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1874. Vol. 6. Part 1. 941 p. [in Russian]
- АКАК, 1875** – Akty, sobrannyye Kavkazskoy Arkheograficheskoy komissiyey [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1875. Vol. 6. Part 2. 950 p. [in Russian]
- АКАК, 1878** – Akty, sobrannyye Kavkazskoy Arkheograficheskoy komissiyey [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1878. Vo. 7. 994 p. [in Russian]
- АКАК, 1881** – Akty, sobrannyye Kavkazskoy Arkheograficheskoy komissiyey [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1875. Vol. 8. 1009 p. [in Russian]

- Assman, 2004** – *Assman, J.* (2004). Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory. Writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity] M. 368 p. [in Russian]
- Berger, 1858** – *Berger, A.N.* (1858). Kratkiy obzor gorskikh plemen na Kavkaze [Brief overview of the mountain tribes in the Caucasus]. Tiflis. 46 p. [in Russian]
- Veidenbaum, 1888** – *Veidenbaum, E.* (1888). Putevoditel' po Kavkazu [Guide to the Caucasus]. Tiflis. 434 p. [in Russian]
- Gadzhiev, 1965** – *Gadzhiev, V.G.* (1965). Rol' Rossii v istorii Dagestana [The role of Russia in the history of Dagestan]. M. "Nauka", 391 p. [in Russian]
- Gazieva, 2024** – *Gazieva, A.A.* (2024). Tserkovnoye i gosudarstvennoye stroitel'stvo na Vostochnom Kavkaze vo vtoroy polovine XIX veka (po materialam propovedey protoiyereya Nikolaya Kotlyarevskogo). [Church and state construction in the Eastern Caucasus in the second half of the 19th century (based on the sermons of Archpriest Nikolai Kotlyarevsky)]. *Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istoriya. Istoriya RPTS.* 119: 95-104. [in Russian]
- Dubrovin, 1888** – *Dubrovin, N.F.* (1888). Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze. [History of the war and Russian rule in the Caucasus]. Sankt-Peterburg: Tipografiya «Skorokhodova». T. VI. 765 p. [in Russian]
- Kokiev, 1933** – *Kokiev, G.A.* (1933). Metody kolonial'noy politiki tsarskoy Rossii na Severnom Kavkaze v XVIII v. [Methods of colonial policy of tsarist Russia in the North Caucasus in the 18th century]. *Izvestiya Yugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta krayevedeniya.* 1: 179-225. [in Russian]
- Kolosovskaya, 2014** – *Kolosovskaya, T.A.* (2014). Iz opyta sokhraneniya istoricheskoy pamyati voyennogo proshlogo (po materialam Kavkazskogo voyenno-istoricheskogo muzeya). [From the experience of preserving the historical memory of the military past (based on materials from the Caucasian Military History Museum)]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'.* 10: 42-53. [in Russian]
- Kolosovskaya, 2016** – *Kolosovskaya, T.A.* (2016). K problemam sokhraneniya istoricheskoy pamyati v dvadtsatoy voyenno-memorial'noy deyatelnosti na Severnom Kavkaze vo vtorom polugodii XIX v. [On the problems of preserving historical memory in the twentieth military memorial activity in the North Caucasus in the second half of the 19th century]. *Istoriya: fakty i simvoly.* 3(8): 99-107. [in Russian]
- Kolosovskaya, Tkachenko, 2020** – *Kolosovskaya, T.A., Tkachenko, D.S.* (2020). Imperskaya politika pamyati na Kavkaze: mekhanizmy konstruirovaniya massovogo istoricheskogo soznaniya (XIX – nachalo XX vekov). [Imperial politics of memory in the Caucasus: mechanisms for constructing mass historical consciousness (19th – early 20th centuries)]. *Novyy istoricheskyy vestnik.* 2(64): 131-153. [in Russian]
- Salchinkina, 2021** – *Salchinkina, A.R.* (2021). Pamyatniki komanduyushchim ot del'nym kavkazskim korpusom v ramkakh praktiki monumental'noy kommemoratsii [Monuments to the commanders of the separate Caucasian corps within the framework of the practice of monumental commemoration]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura.* 10(90): 65-68. [in Russian]
- Smirnov, 1958** – *Smirnov, N.A.* (1958). Politika Rossii na Kavkaze v XVI-XIX vv. [Russia's policy in the Caucasus in the 16th-19th centuries]. Moskva: «Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury». 244 p. [in Russian]
- Potto, 1885** – *Potto, V.A.* (1885). Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh» [The Caucasian War in Individual Essays, Episodes, Legends and Biographies]. St. Petersburg: T. I. 750 p. [in Russian]
- Tkachenko, 2017** – *Tkachenko, D.S.* (2017) Zaversheniye Kavkazskoy voyny na severovostochnom Kavkaze v monumental'noy praktike imperskikh vlastey XIX – nachala XX vv. [Completion of the Caucasian War in the North-Eastern Caucasus in the monumental practice of the imperial authorities of the XIX - early XX centuries]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza.* 4(92): 107-114. [in Russian]
- Urushadze, 2018** – *Urushadze, A.T.* (2018). Pomnit'-nel'zya-zabyt': Kavkazskaya voyna v istoricheskoy pamyati adygov i rossiyskom prostranstve kommemoratsii. [Remember-cannot-forget: The Caucasian War in the historical memory of the Adyghe and the Russian space of commemoration]. *Polit. nauka.* 3: 106-128. [in Russian]
- Stoler, 2002** – *Stoler, A.L.* (2002). Carnal Knowledge and Imperial Power: Race and the Intimate in Colonial Rule. University of California Press, 335 p.
- Stoler, 2009** – *Stoler, A.L.* (2009). Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense. Princeton University Press, 314 p.
- Stoler, 2013** – *Stoler, A.L.* (2013). Imperial Debris: On Ruins and Ruination. Duke University Press, 384 p.

Историческая память и аккультурация Российской империи на Северо-Восточном Кавказе в период Кавказской войны

Абидат Абдулаевна Газиева ^{a, *}, Махач Мустафаевич Вагабов ^b

^a Институт истории, археологии, этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала, Российская Федерация

^b Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются формы и механизмы аккультурационного воздействия Российской империи на коренное население Северо-Восточного Кавказа в первой трети XIX века, в контексте становления имперского контроля и интеграции региона. Основой источникового анализа послужили VI–VIII тома «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией», охватывающие период деятельности управленцев А.П. Ермолова, И.Ф. Паскевича и Г.В. Розена.

Комплекс документов, включающий юридические акты, прокламации, рапорты и приказы, рассматривается как репрезентация официальной политики империи. Особое внимание уделяется тому, как в этих материалах фиксируются и конструируются представления о местных обществах, их культурных практиках и формах политической лояльности. Анализируются стратегии, через которые утверждался нарратив «цивилизаторской миссии» России и одновременно формировался образ «инородца» как объекта преобразования.

Пространственные практики, такие как создание укрепленных линий, переселение населенных пунктов, переразметка территориальных границ и контроль коммуникаций, рассматриваются как ключевые инструменты институционализации имперского присутствия. Изучаются механизмы административной интеграции — введение новой системы управления, закрепление лояльных старшин, организация школ и переводческой службы.

Особый интерес представляет трансформация исторической памяти: через официальные описания событий, фиксацию присяг и наградений, а также выбор терминологии, через которую происходила интерпретация исторических событий в интересах империи.

Таким образом, исследование позволяет выявить взаимосвязь между дискурсивными, пространственными и институциональными аспектами имперской политики на Северо-Восточном Кавказе и показать, каким образом они способствовали формированию новой культурной и политической реальности региона.

Ключевые слова: аккультурация, историческая память, горцы, Северо-Восточный Кавказ, управление, Кавказская линия.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gazieva.abidat@mail.ru (А.А. Газиева), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1765-1777
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1765

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

System of Ransoming Russian Subjects from the Central Asia in the 1820s and the Orenburg Border Commission Criticism of It

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the Orenburg Border Commission criticism of the system of ransoming Russian captives from the Central Asia in 1826 and events that followed. It is based on unpublished documents from the Joint State Archive of Orenburg Region (Orenburg, Russian Federation). It shows that in 1826 the ransoming of Russian subjects (“captives” in the terminology of the era) from the Central Asia was regulated by the long inapplicable to local realities Senate decree of 25 October 1777. The Orenburg Border Commission was receiving 4 thousand rubbles a year for ransoming captives, and could pay 150 rubles or more for a single one (but significantly higher amounts could’ve been allocated only with permission from higher authorities). The Commission offered to increase the “nominal” sum of ransom to 1 thousand rubles, which corresponded more with real marked prices of slaves (amounting about 500–1000 rubles). However, the Staff Commander of the Separate Orenburg Corps, having in general acknowledged the correctness of the Commission’s conclusions, didn’t allow such changes, referring to the fact that the Commission didn’t have the money to ransom slaves at the new price en masse. Nevertheless, he allowed to buy one slave out of Bukhara for more than 500 rubles. When this ransom ended in success, the Border Commission suggested to buy out all the known Russian slaves in Bukhara in a similar way (money for that was sufficient), yet P.K. Essen forbade it demanding them adhere to the current law. Thus, in the 1820s the Orenburg authorities weren’t ready to ransom slaves from the Central Asia at market prices.

Keywords: slave owning, Central Asia, Orenburg Border Commission, ransoming of slaves, everyday life history, history of everyday life, P.K. Essen.

1. Введение

Хотя истории Центральной Азии в XIX в. посвящён огромный пласт русскоязычных работ, ключевая для этого региона тема повседневного взаимодействия российских чиновников с представителями кочевого мира и центральноазиатских ханств остаётся сравнительно малоизученной. В важнейшем российском исследовании данной тематики последнего десятилетия, монографии «Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в.» Р.Ю. Почекаева, освещается преимущественно взаимодействие чиновников и правителей высокого ранга (собственно губернаторов и ханов) (Почекаев, 2017). В важнейшей англоязычной работе, «The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914» А. Моррисона акцент сделан на важнейших военно-политических событиях и их контексте (Morrison, 2021). Эти подходы вполне обоснованы и продуктивны, пока мы касаемся тем истории права (ключевой для Р.Ю. Почекаева) или истории завоевания Россией Центральной Азии (ключевой для А. Моррисона). Однако при изучении истории рабства в Центральной Азии они оказываются крайне недостаточными.

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatto@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

Дело в том, что выручка из рабства в Центральной Азии подданных Российской империи в первой половине XIX в. находилась в ведении Оренбургской пограничной комиссии, органа, подчинённого оренбургскому губернатору (как мы увидим далее, в основной части нашей статьи, в 1820-е гг. ей ежегодно выделялось для этой цели 4 тыс. руб.). Безусловно, наиболее масштабные и знаковые освобождения рабов обычно происходили с участием вышестоящих властей (например, в результате похода оренбургского губернатора В.А. Перовского против Хивы в 1839–1840 гг. было освобождено 416 человек (Иванин, 1874: 157)). Однако почти ежегодно происходили более частные освобождения отдельных рабов, никак не связанные с властями губернского уровня или со значимыми военно-политическими событиями. При этом фиксировались они достаточно неаккуратно и небрежно: Оренбургская пограничная комиссия не вела даже систематической статистики освобождённых. Тем не менее, в 1831 г. по распоряжению оренбургского губернатора П.П. Сухтелена была подготовлена сводная таблица захваченных и возвращённых кочевниками подданных Российской империи на Оренбургской линии с 1758 г. по 1831 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 30–300б.). Согласно этой таблице, например, с 1778 по 1808 г. каждый год освобождался минимум один захваченный кочевниками человек, а в пиковом 1785 г. освобождённых было целых 66 (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 30–300б.). При этом даже беглого взгляда на эту таблицу достаточно, чтобы заметить ряд странностей. Во-первых, до 1778 г. в этой таблице не фигурирует ни один случай спасения российского подданного из Центральной Азии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 30). Во-вторых, более 30 человек в год освобождалось только в 1782–1783 гг., 1785–1796 гг., 1799 г. и 1823–1824 гг. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 30–300б.). Таким образом, система выручки рабов достаточно эффективно работала в XVIII в. – а затем число спасаемых с её помощью людей уже не достигало стабильно высоких значений.

Попытка разобраться в причинах этого, однако, осложняется тем, что даже зафиксированные Оренбургской пограничной комиссией случаи освобождения рабов не содержат какой-либо более общей аналитики. Иными словами, из подобных материалов мы можем узнать об обстоятельствах спасения отдельного раба, – однако нам не удавалось систематизировать подобные частные случаи таким образом, чтобы понять, почему система их освобождения в XIX в. стала менее эффективной. Однако в ходе архивного поиска нам удалось найти дело, в котором причины этого анализирует сама Оренбургская пограничная комиссия, а сопутствующие документы показывают её правоту. Анализ этих материалов будет посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Основой для нашей статьи станет дело из Объединённого государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), посвящённое предложенному в 1826 г. Оренбургской пограничной комиссией преобразованию системы выкупа подданных Российской империи из Центральной Азии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343). В этом деле представлены как предложения Оренбургской пограничной комиссии, так и мотивированные отказы в их реализации от вышестоящих властей, а также информация о мерах, предпринятых в 1826–1827 гг. для выкупа рабов из Хивы и Бухары. Мы будем соотносить этот источник как с опубликованными научными статьями (посвящёнными, например, стоимости рабов в Хивинском ханстве в первой половине XIX в. (Ermachkov et al., 2021a: 1779–1788), так и с другими архивными материалами (в частности, о реальной стоимости некоторых предметов быта в оренбургском пограничье (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 256–257)).

Сравнительный анализ этих источников позволит нам не только понять причины неэффективности существовавшей на 1826 г. системы выкупа российских подданных из Центральной Азии, но и то, почему вышестоящие власти не были заинтересованы в её реформе. При этом в некоторых местах мы будем обращать внимание не только на содержание текстов, но и на их риторику, формулировки оренбургских властей, которые позволяют лучше понять логику их решений. В то же время нельзя не признать, что имеющаяся у нас источниковая база достаточно фрагментарна и содержит информацию только об отдельных аспектах системы выкупа российских подданных из Центральной Азии. Поэтому мы будем активно применять микроисторические методы, позволяющие восстанавливать целостное социальное явление по его дифференцированным фрагментам (см. Ле Руа Ладюри, 2001), а социальную конфигурацию общества – по индивидуальным стратегиям отдельных персоналий (Гинзбург, 2004: 312).

3. Обсуждение

К настоящему времени исследования, посвящённые системе выкупа российских подданных из Центральной Азии, отсутствуют. Существующие статьи, специально посвящённые рабству в Центральной Азии и отношению к нему российского государства/общества, затрагивают принципиально иные аспекты этой проблемы, например её значение для внешней политики Российской империи (Кочнев, 2017: 100–104) или русской литературы (Созина, 2016: 6–15). Нельзя не отметить ряд работ И.А. Ермачкова и его соавторов, посвящённых выходу русских рабов из Хивинского ханства в конце 1830-х гг., однако в них речь идёт не об обычных для повседневности того

времени, а уникальных выходах, связанных с подготовкой Хивинского похода 1839–1840 гг. (Ermachkov et al., 2021a: 1779-1788; Ermachkov et al., 2021b: 1171-1180; Ermachkov, 2021: 26-34).

4. Результаты

4.1. Система поощрений оренбургскими властями участников выкупа рабов из Центральной Азии на 1826 г.

В 1826 г. Оренбургская пограничная комиссия подняла вопрос о том, что существующая система вознаграждения за спасение рабов из Центральной Азии неэффективна. Точно ответить на вопрос о том, почему это произошло, мы едва ли сможем. Возможно, дело было в том, что в первой половине 1820-х гг. в оренбургском пограничье бушевало восстание Ж. Тленшиулы (Zhetpisbay et al., 2020: 105-114). Оно сопровождалось резким увеличением числа захваченных в плен подданных Российской империи: по позднейшим и, вероятно, неполным данным Оренбургской пограничной комиссии с подведомственной ей территории в 1820 г. захвачено было 10 человек, в 1821 г. – 42, в 1822 г. – 78, в 1823 г. – 113, в 1824 г. – 76, в 1825 г. – 19, а в 1826 г. – 38 (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 300б.). Понятно, что рост числа людей, которых необходимо было вырвать из Центральной Азии, обострил и вопрос о формах организации их выручки. Однако не менее вероятным нам представляется и то, что подобная активность Пограничной комиссии была связана со сравнительно недавней сменой её руководства: 16 января 1825 г. её председателем был назначен Г.Ф. Генс, в дальнейшем отлично зарекомендовавший себя на этом посту и возглавлявший комиссию до 1844 г. (Попов, 1907: 180-181).

В любом случае, 6 октября 1826 г. Оренбургская пограничная комиссия обратилась к начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитскому с достаточно подробным анализом финансовой составляющей выкупа российских подданных из рабства в Центральной Азии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 1–50б.). Из этого анализа следовало, что существующая система выкупа крайне проста. Ежегодно Оренбургская пограничная комиссия получала 4 тыс. руб. на выкуп пленников, причем указ Сената от 25 октября 1777 г. предписывал тратить на выкуп одного человека «по 150 руб. и более, смотря по обстоятельствам, с тем, чтобы деньги сии возвращаемы были с однородцев Киргизцам, виновным в пленении выкупаемых людей» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 1–10б.). Кстати, как мы писали выше, в 1831 г. Оренбургская пограничная комиссия датировала первые случаи выручки российских подданных из Центральной Азии 1778 г. И теперь мы понимаем, почему – за год до этого, в 1777 г., было назначено вознаграждение за подобную выручку.

Чтобы понять, насколько велики были указанные суммы, обратимся к архивным материалам о имуществе, похищенном в 1823 г. кочевниками при захвате в плен есаула И.В. Подурова. Судя по реестру похищенных вещей, И.В. Подуров путешествовал с несколькими сменами одежды, включая дорогие элементы парадной формы, а также с необходимыми ему в путешествии вещами, от одеяла до курительной трубки (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 256–257). Однако какие-либо более ценные предметы (например, товары для торговли или собственный экипаж) в этом реестре отсутствуют. Тем не менее, общая стоимость похищенных вещей простиралась до 1 604 руб. 40 коп., а самыми дорогими предметами были куртки с шароварами английского и голландского сукна (160 и 125 руб. соответственно), серебряный подсумок (150 руб.), парадный кивер (140 руб.) и серебряные французские часы (120 руб.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 256–257). Таким образом, сумма в 4 тыс. руб., ежегодно выделяемая Оренбургской пограничной комиссии на выкуп рабов из Центральной Азии, всего в 2,5 раза превышала стоимость имущества, захваченного кочевниками во время набега у одного путешествующего младшего казачьего офицера. У захваченного в том же 1823 г. другого российского офицера, прапорщика С.Я. Медведева, вообще было похищено имущества на 2 023 руб. 50 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 3150б.). А сумма в 150 руб., фактически регламентированная для Оренбургской пограничной комиссии в качестве базовой для выкупа одного невольника, соответствовала стоимости куртки с шароварами из хорошего сукна или парадного офицерского кивера.

Сколько же реально стоил выкуп раба из Центральной Азии? Имеющиеся у нас материалы не позволяют однозначно ответить на этот вопрос. Оренбургская пограничная комиссия в своём обращении к Г.П. Веселитскому приводила примеры двух рабов, находившихся в рабстве в Хивинском ханстве: первый из них выкупил себя у хозяина за 115 «Хивинских червонцев» (1 610 руб. по расчётам комиссии, то есть хивинский червонец принимался равным 14 рублям) и вернулся в Россию, а второго хозяин был готов продать за 100 хивинских червонцев (1 400 руб. по расчётам комиссии) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 2–20б.). Проблема, однако, заключается в том, что из других материалов оренбургских властей нам известно: именно из Хивинского ханства вырвать рабов было принципиально сложно.

Например, бывший оренбургским губернатором как раз в 1820-е гг. П.К. Эссен сообщал в недатированном письме князю Н.Б. Юсупову, требовавшему вырвать его крестьян из Хивы, что «Хивинское Правительство под смертной казнью не позволяет своим подданным возвращать наших пленников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2017. Л. 80б.–9). Губернатор признавал, что один случай выручки русских рабов из Хивы произошёл относительно недавно, однако подчёркивал, что в этом случае «два человека Г-жи Крылатовой» были вывезены «очень тайно правительства (Хивинского –

Прим. А.П.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2017. Л. 9). В документах Оренбургской пограничной комиссии есть также информация о том, что в 1820–1821 гг. Хиву посещали эмиссары хана Младшего Жуза Ш. Айшуакова с заданием выкупить русских рабов, но «Хивинские Ходжи выкупить оных Ордынцам не позволили» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2017. Л. 12). В случае же с Бухарой информация о тотальном запрете на выкуп невольников для возвращения их в Россию в архивных материалах встречается редко и в документах сомнительной достоверности (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 220б.). В случае же кочевников («киргизцев»/«киргизов» в дискурсе российских чиновников) информации о каких-либо общепринятых запретах на продажу пленников нам вообще не встречалось.

Таким образом, судя по всему, Оренбургская пограничная комиссия, указывая в своём обращении к Г.П. Веселитскому актуальную для 1820-х гг. стоимость выкупа рабов в Россию из Центральной Азии, сознательно или неосознанно искажала факты. Комиссией приводилась информация только о выкупе рабов из Хивы – где он был запрещён, и, соответственно, сопрягался с риском для продающего. Следовательно, мы можем быть уверены, что именно из Хивы в Россию рабы выкупались дороже своей нормальной цены.

Действительно, если мы обратимся к статье «К вопросу о стоимости рабов на территории Хивинского ханства (первая половина XIX века)», подготовленной группой российских авторов на основе показаний вышедших из Хивинского ханства рабов, то увидим, что в ней фигурируют совсем другие суммы стоимости этих рабов. В статье разобраны случаи 80 рабов, захваченных в период 1812–1839 гг. кочевниками и проданных хивинцам (Ermachkov et al., 2021a: 1780). Разброс цен при их продаже был крайне значительным: от 130 «золотых хивинских монет», то есть хивинских червонцев, до 15, 13 и даже 12 (Ermachkov et al., 2021a: 1781-1782). Тем не менее, именно в 1820-е гг. большая часть рабов продавалась в ценовом диапазоне от 40 до 60 монет/червонцев. Проиллюстрируем это таблицей, составленной на основе указанной статьи (Таблица 1).

Таблица 1. Стоимость рабов в Центральной Азии в 1820-е гг.

Имя и фамилия раба	Год захвата	Стоимость продажи и перепродаж ¹
Савелий Чаплыгин	1824 г.	40
Иван Лукьянов	1824 г.	40
Александр Иванов	1825 г.	60
Егор Петров	1826 г.	60
Иван Лавров	1826 г.	60, 70
Ефим Рудыкин	1829 г.	40, 60
Василий Беседин	1829 г.	77,5

Источник: Ermachkov et al., 2021

В статье «К вопросу о стоимости рабов на территории Хивинского ханства (первая половина XIX века)» делается вывод, что в кочевых аулах рабы стоили дешевле, чем на невольничьих рынках (Ermachkov et al., 2021a: 1785). Как мы видим, этот общий вывод верен и в частном случае 1820-х гг.: для рабов в аулах наиболее распространённая цена составляла 40 золотых хивинских монет, а для рабов на хивинских невольничьих рынках – 60–70. Суммы более чем в 100 хивинских червонцев, которые считала репрезентативными для выкупа рабов Оренбургская пограничная комиссия, не фигурируют в это десятилетие вообще. В то же время, как мы помним, Пограничная комиссия считала хивинский червонец равным 14 рублям. Это означает, что 40 червонцев (средняя цена раба в кочевых аулах) соответствовали 560 руб., а 60–70 червонцев (средняя стоимость раба в Хиве) – 840–980 руб. Соответственно, хотя Оренбургская пограничная комиссия и завышала стоимость рабов в Центральной Азии, трудно не согласиться с ней в главном – к 1820-м гг. сумма в 150 руб., зафиксированная ещё в 1777 г. в качестве базовой для выкупа одного раба, безнадежно не соответствовала реальности.

И мы получаем объяснение ещё одной странности, отмеченной во введении к нашей статье. Регулярные освобождения в 1780–1790-е гг. по 30 и более российских подданных в год из Центральной Азии, видимо, объяснялись тем, что на тот момент награда за подобное освобождение в размере порядка 150 руб. соответствовала действительности и могла служить мотивацией для кочевников. Однако с «изменением ценности денег» (формулировка Оренбургской пограничной комиссии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 10б.)) спасение российских подданных для кочевников утратило финансовую привлекательность и, более того, потенциально вело к убыткам, поскольку положенная за это награда далеко не компенсировала даже стоимости выкупа раба по рыночной цене.

В итоге Оренбургская пограничная комиссия приходила ко вполне логичному выводу о том, что, с учётом обычной суммы, положенной за освобождение раба, а также того, что спасением рабов

¹ Зачастую рабы продавались и перепродавались неоднократно, причём стоимость их продажи известна не для всех случаев. В таблице обычным шрифтом помечены суммы продажи рабов в аулах кочевников приехавшим из Хивы работоторговцам, а жирным – продажи на хивинских невольничьих рынках.

де-факто должны были заниматься «Магометане», «которым одним доступны места сии (содержания рабов – Прим. А.П.)», складывалась специфическая ситуация: освобождая раба-христианина, мусульманин должен был совершить неоднозначное с точки зрения его окружения действие, подвергнуться за него потенциальному риску и ещё совершить всё это себе в убыток (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 10б.–2). Между тем обещать более адекватные суммы вознаграждения за освобождение рабов Оренбургская пограничная комиссия без разрешения вышестоящих властей не могла, поскольку речь шла о слишком значительных суммах (то есть превышающих сумму в 150 руб., зафиксированную в качестве базовой за спасение одного раба) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 3).

4.2. *Предложения Оренбургской пограничной комиссии по реформированию системы поощрений участников выкупа рабов из Центральной Азии, сделанные в 1826 г.*

Оренбургская пограничная комиссия утверждала, что знает конкретных «Караванных вожakov и Азиатских Купцов», уже помогавших ей в контактах с рабами (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 3). Чтобы мотивировать их активно выкупать русских пленников из рабства, комиссия предлагала целый ряд мер. Во-первых, предлагалось сообщить людям, уже помогавшим комиссии, что российские власти впредь будут компенсировать все расходы по выкупу пленников и доставке их в Россию и, сверх того, платить 200 руб. награды за каждого христианина и 300 руб. – если доставлен в Россию был конкретный человек по запросу Пограничной комиссии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 30б.). Во-вторых, поскольку проверять сведения о том, каковы были реальные издержки на выкуп конкретного пленника, обычно оказывалось затруднительно, Оренбургская пограничная комиссия предлагала не входить «ни в какие расчеты», если спасший пленника просил в общей сложности не более 1 тыс. руб., но сразу выдавать ему эту сумму (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 30б.–4). Таким образом, фактически предлагалось повысить базовую сумму за спасение одного русского подданного из Центральной Азии почти в 7 раз – со 150 руб. до 1 тыс. руб.

В этом контексте важно, что Оренбургская пограничная комиссия указывала: её текущие средства, предназначенные для выплат компенсаций за спасение пленников, не превышали 21 289 руб. 83,25 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 30б.). Напомним, что в год ей выделялось 4 тыс. руб. на выкуп рабов – и, следовательно, неизрасходованными оставались средства более чем за 5 лет. Итак, при существовавших расценках оплаты за спасение российских подданных из Центральной Азии, значительная часть выделяемых на эти цели средств оставалась просто неиспользованной.

С другой стороны, хотя Оренбургская пограничная комиссия прямо об этом не писала, нетрудно подсчитать, что при введении нормы в размере 1 тыс. руб. за выкуп раба, всех средств, выделяемых этой комиссии на освобождение рабов в течение года, хватило бы на выкуп всего 4 человек, и даже имеющихся остатков с прошлых лет хватило бы на спасение не более чем 21 пленника. Очевидно, пограничная комиссия вполне понимала, что в связи с этим у вышестоящего начальства могут возникнуть вопросы (далее мы увидим, что это и произошло). Однако она предлагала выйти из этой ситуации достаточно своеобразным образом.

В разбираемом нами документе выражалась надежда, что после повышения вознаграждения за выкуп рабов «будут вывозимы пленные в немалом числе» – и будущая нехватка средств комиссии увязывалась именно с этим, а не с тем, что годовые ассигнования на выкуп рабов в оренбургском приграничье очевидно не соответствовали реалиям (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 4). В рамках подобной логики Оренбургская пограничная комиссия даже не поднимала вопроса об увеличении ассигнований – зато искала дополнительные источники для получения финансирования на выкуп пленных. Одним из этих источников, по мнению комиссии, могли стать родственники рабов, которые вносили бы «по мере возможности деньги для скорейшего освобождения ближних своих» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 4–40б.). Другим источником могли бы стать выплаты с родственников кочевников, захватывавших рабов – причём, оправдывая введение подобных поборов, комиссия ссылаясь как на указ Сената от 25 октября 1777 г. (напомним, включавший формулировку о возмещении потраченных на выкуп рабов средств «с однородцев Киргизцам, виновным в пленении выкупаемых людей»), так и на то, что у «киргизцев» якобы «целый род или отделение отвечает за преступление однородца» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 4). Таким образом, фактически Оренбургская пограничная комиссия планировала как ввести сбор средств на выкуп рабов с их родственников, так и активнее принуждать кочевников к выплате разного рода компенсаций за похищенных рабов. При этом нам известны случаи, когда и до 1826 г. российские власти требовали разного рода «компенсации» с кочевников, не слишком вникая в вопросы их личной вины за совершенное преступление. Так, в 1823 г. некий Тайлан Туляганов был задержан по подозрению в убийстве урядника Плешкова (Peretyatko, 2023: 1772). Расследование его личной вины в этом убийстве не подтвердило, а родственники Т. Туляганова выкупили и передали российским властям раба из российских подданных (Peretyatko, 2023: 1773). Однако лично оренбургский губернатор П.К. Эссен потребовал, чтобы родственники Т. Туляганова выплатили ещё 1 тыс. руб. родственникам погибшего урядника (Peretyatko, 2023: 1773). Когда отец упомянутого нами выше прапорщика С.Я. Медведева требовал компенсацию за похищенное имущество сына, компенсации почему-то потребовали исключительно с представителей кочевников табынского рода – хотя даже российские

пограничные власти писали в Оренбург, что главную роль в похищении играли кочевники кердаринского рода (Peretyatko, 2023: 1773). Едва ли стоит сомневаться, что дополнительное ужесточение мер по отношению к кочевникам обозначало бы ещё меньшую разборчивость при сборе с них «компенсаций» за убытки российских подданных и российских властей.

В контексте отношения Оренбургской пограничной комиссии к мусульманам (к которым относились и кочевники) очень показательно, что в разбираемом нами документе предлагалось также зафиксировать: за освобождение подданных Российской империи мусульманского вероисповедания никакие поощрительные выплаты и компенсации расходов на выкуп властями выплачиваться не будут (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 4–40б.). Для оправдания этого недвусмысленно утверждалось, будто бы «плененные Киргизами Магометане в Хиве и Бухарии пользуются как единоверцы тамошним жителям свободой» – что противоречит собственным материалам Оренбургской пограничной комиссии. Мы не будем здесь останавливаться на этом сюжете подробно, поскольку посвятили целую статью ситуации с рабами из персидского мира, почти исключительно мусульманами, которые достаточно регулярно выходили на российскую границу из Центральной Азии, а затем Оренбургская пограничная комиссия возвращала их домой (Peretyatko, 2024: 1586-1597). Одновременно с этим пограничная комиссия утверждала, что в случае с мусульманами сложно отличить беглых и рабов, и вполне возможен сговор части кочевников с российскими мусульманами, которые бы притворялись захваченными рабами для получения с властей компенсаций за их освобождение (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 40б.–5). В итоге комиссия предлагала возложить финансирование выкупа рабов-мусульман исключительно на их родственников, без каких-либо доказательств утверждая, что «на то издержки бывают не весьма значительны» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 5).

Таким образом, осознав проблему несоответствия реальной стоимости рабов в Центральной Азии суммам, выделяемым российскими властями на их выкуп, Оренбургская пограничная комиссия предложила реализовать наиболее очевидный способ решения этой проблемы. Она предложила в разы увеличить сумму вознаграждения за спасение одного раба – однако фактически оказалось, что сделать это невозможно без получения дополнительных источников финансирования. Любопытно, что Оренбургская пограничная комиссия не предлагала даже минимально увеличить общую сумму государственных ассигнований на выкуп пленников, вероятно, понимая, что этот вариант вышестоящими властями поддержан не будет, зато рекомендовала переложить часть финансирования выкупов рабов на их родственников и на тех кочевников, которые показались бы пограничным властям имеющими хоть какое-то отношение к работорговцам.

4.3. Ответ Г.П. Веселитского

Реакция начальника штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитского на предложения Оренбургской пограничной комиссии представляется нам крайне показательной и важной для оценки борьбы Российской империи с рабовладением в Центральной Азии в целом. В своём ответе, данном 18 октября 1826 г., он в принципе соглашался с тем, что предложения комиссии на этот счёт разумны: дословно в источнике генерал называл их «мерой благодетельной и сообразной с видами Правительства» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 6). Однако он обращал внимание на очевидное несоответствие финансовых средств Оренбургской пограничной комиссии, предназначенных для выкупа пленников, новой предлагаемой сумме выкупа за одного пленника. По расчётам Г.П. Веселитского (аналогичным тем, которые мы производили выше), реально Оренбургская пограничная комиссия располагала средствами на выкуп всего 21 пленника по новым ценам (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 6).

Соответственно, перед Г.П. Веселитским стоял выбор: или признать, что Российская империя выделяет на выкуп рабов из Центральной Азии совершенно недостаточные суммы, или отвергнуть предложения Оренбургской пограничной комиссии. Оговоримся, что мы не считаем первый вариант однозначно правильным. Исходя из опыта выкупа российских подданных во время Кавказской войны, который изучен значительно лучше, чем опыт выкупа пленников из Центральной Азии, систематический выкуп захватываемых людей только способствовал росту числа захватов: как отмечает А.А. Черкасов, в 1830-е гг. «для русской администрации стало очевидным, что выкуп пленников только поощряет рабозахват и работорговлю в Черкесии», и с 1835 г. случаи выкупа захваченных черкесами рабов носили уже не системный, а частный характер (Cherkasov, 2020: 1428). Однако Г.П. Веселитский, как мы уже показали выше, считал выкуп российских подданных из рабства мерой, безусловно, правильной и вопроса о том, что он может провоцировать работорговцев на новые захваты, не поднимал. Его не устраивало только то, что рыночная цена рабов в Центральной Азии возросла, и средства, выделяемые российским правительством на их выкуп, стали очевидно недостаточными.

В результате риторике Г.П. Веселитского можно признать в определённом смысле саморазоблачительной для российской борьбы с работорговлей в Центральной Азии. Вместо того чтобы принять предложение Оренбургской пограничной комиссии или прямо отвергнуть его, обосновав каким-либо образом опасность повышения суммы за выкуп рабов российскими властями, начальник штаба Отдельного оренбургского корпуса призвал Оренбургскую пограничную комиссию найти такой подход к представителям кочевого мира, чтобы они спасали рабов – российских

подданных – за существующие суммы вознаграждения. Мы позволим себе процитировать полностью соответствующее место архивного документа: «Предлагаю Пограничной Комиссии, дабы выручить более пленников, при наклонении к сему Караванных вожаков и Азиятцев стараться внушить им, что они употребляли бы при сем случае более усердия на пользу общую, нежели из корыстолюбия, противного человеколюбию и сострадательности о несчастных, и что правительство не оставит делать им за то соразмерное вознаграждение. Таким образом, соглашая их получать такую плату, которая бы была не противна Указу Правительствующего Сената 1777 года Октября 24 дня, объявлять, между тем, родственникам пленников, дабы они способствовали к освобождению их, сколько к тому состояние может позволить» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 6–60б.).

Обратим внимание, что у этой риторики есть любопытные аналоги. А.В. Кочнев в интереснейшей статье «Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия» указывает, что в 1799 г. к астраханскому губернатору И.С. Захарову явились «трухменец Мамет Нияз Наубетбакиев и хивинец Паланкуль Бабаев», выкупившие в Хиве из рабства 12 российских подданных, включая одну женщину, и желающие получить за это компенсацию расходов в размере 3 220 руб. (Кочнев, 2017: 101). Однако И.С. Захаров, вместо того чтобы заплатить указанную сумму, обратился к вышестоящему начальству, причём в его обращении, помимо ссылок на то, что выкуп рабов может способствовать дальнейшим рабозахватам, присутствуют и следующие пассажи: «Они есть люди старые, от тамошнего порабощения крайне изнуренные и уже учинившиеся неспособными к понесению дальнейших трудов, возлагаемых на них порабощателями. Следовательно, и выкуплены они не по преданности к России [как говорят икупители], но по негодности их к рабству и ради получения за них окупа»; «Ясно я вижу ухищрения трухменца и хивинца и никак не могу поверить, чтобы заплачены были такие деньги»; «Следует ли отдать требуемую сумму?» (Кочнев, 2017: 101). А.В. Кочнев на этом основании делает следующий вывод: «Правительство особо не видело смысла в спасении людей, если они не могли послужить службу отечеству в дальнейшем» (Кочнев, 2017: 101).

С нашей точки зрения, ситуация была несколько более сложной. Как мы видели выше, по крайней мере, в 1826 г. Оренбургская пограничная комиссия и Г.П. Веселитский, обсуждая проблемы выкупа рабов из Центральной Азии, вообще не поднимали вопроса о каком-либо отборе этих рабов по принципу возраста/трудоспособности. Единственной лишаемой права на выкуп за государственные средства категорией рабов объявлялись мусульмане. Но в то же время Оренбургская пограничная комиссия и Г.П. Веселитский вполне сходились с И.С. Захаровым в явном нежелании платить за выкуп рабов значительные суммы. Таким образом, ключевым вопросом оказывалась даже не некая «полезность» выкупаемых рабов, но то, что российские чиновники желали, чтобы их спасение было необременительным для государственного бюджета.

И, наконец, подобная риторика в служебных документах вступала в очевидное противоречие с публично декларируемой позицией оренбургских властей о важности спасения русских пленников из неволи. Так, в 1837 г., когда впервые за долгое время усилиями оренбургских властей была освобождена группа рабов из Хивы, местные чиновники даже подготовили статью о значимости этого события для публикации в центральной прессе (Ermachkov, 2021: 30-31). В этой статье были такие, например, слова: «Глядя на эту пеструю, праздничную толпу, с лицами выразившими в [нашей] каждой черте, что здесь [длится] деется что-нибудь необыкновенное, не слыханное и невиданное, глядя на крест и налож и горящие перед ним, среди обширной, необъятной степи, свечи – а потом еще на земляков наших, в азиатской одежде и на заплаканных перед крестом, нельзя было не пожалеть, что не было здесь художника который передал бы потомству этих рыдающих перед Евангелием выходцев с того света, эту несметную толпу с лицами, на [какое] которые возвращается участие, радость, сострадание, благодарность (в квадратных скобках приведены слова из источника, которые, как нам представляется, были расшифрованы неверно, и мы заменили их на более соответствующие общему смыслу фразы – Прим. А.П.)» (Ermachkov, 2021: 31).

Как мы убедились, всего за десятилетие до этих событий оренбургские власти сочли, что выкуп в 1 тыс. руб. за каждого «выходца с того света» окажется для них чересчур обременителен.

4.4. Случай выкупа раба из Бухары: спасение казака Тимофея Шабанова (1826–1827 гг.)

Судя по всему, Оренбургская пограничная комиссия ожидала другого ответа на свои предложения. Во всяком случае, ещё до фактического отказа Г.П. Веселитского, 15 октября 1826 г., она обратилась к нему же с просьбой разрешить выкуп из Бухары конкретного раба (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 7–70б.).

Ситуация действительно располагала к этому. Некий Рахмангул Аллагулов, сам бухарец, доставил из Бухары письмо (что интересно, написанное на татарском) от казака Тимофея Шабанова к его отцу, Леонтию Шабанову, из которого следовало, что Т. Шабанов находится в рабстве «в местечке Торместа у бухарца Рафигбая Календарбаева», но хозяин готов отпустить его за 40 бухарских червонцев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 70б.). Более того, Р. Аллагулов объяснил, что не решился бы передавать письмо без разрешения хозяина раба, но Р. Календарбаев не возражал против переписки своего пленника с отцом и готов был отпустить его за указанную сумму (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 70б.–8). Наконец, Р. Аллагулов предлагал сам взять указанные деньги или

сопроводить другое лицо, везущее их, с тем расчётом, чтобы доставить Т. Шабанова в пределы Российской империи (конкретно в город Троицк) уже будущей весной (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 8). При этом Оренбургская пограничная комиссия располагала точными сведениями, что Т. Шабанов действительно был похищен в сентябре 1825 г., а попытки спасти его путём рассылки разного рода предписаний лояльным России кочевым правителям успехом не увенчались (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 7).

Таким образом, у Оренбургской пограничной комиссии был шанс без особых организационных сложностей спасти русского раба из Бухары. Вопрос был только в его цене. Интересно, что Оренбургская пограничная комиссия не сообщала, сколько будет стоить выкуп Т. Шабанова в рублях (возможно, не желая показывать Г.П. Веселитскому значительность этой суммы). Она сообщала только, что 40 бухарских червонцев соответствуют 54 голландским червонцам (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 8). Из документов Оренбургской пограничной комиссии 1827 г. известно, что курс голландских червонцев в это время составлял 11 руб. 75 коп. за червонец (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 18). Нетрудно подсчитать, что хозяин просил за Т. Шабанова по этому курсу 634 руб. 50 коп. Следовательно, речь шла о сумме почти вдвое меньшей, чем Оренбургская пограничная комиссия предлагала платить ранее за освобождение одного раба, и заметно меньшей, чем рыночная цена раба на хивинских невольничьих рынках, – и всё равно в разы превосходящей те 150 руб., которые определялись в качестве базовой выплаты за освобождение пленника из Центральной Азии в соответствии с указом Сената от 25 октября 1777 г.

Поэтому Оренбургская пограничная комиссия не решилась самостоятельно одобрить сделку, обратившись за разрешением к Г.П. Веселитскому (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 8об.). При этом заранее предполагалось, что деньги на выкуп Т. Шабанова будут переданы Р. Аллагулову только под расписку и только если он найдёт готовых поручиться за него жителей Троицка (то есть если бы Т. Шабанов не был выкуплен, а Р. Аллагулов не вернул выданных на его выкуп денег, то потери казны были бы компенсированы за счёт поручителей) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 8–8об.). Наконец, отцу Т. Шабанова, Л. Шабанову, тоже было предложено взять на себя часть расходов по выкупу сына (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 8об.).

И снова риторика Г.П. Веселитского оказывается крайне показательна. В своём ответе Пограничной комиссии от 18 октября 1826 г. он, с одной стороны, разрешил выкупить Т. Шабанова на описанных выше условиях; с другой стороны, он совершенно недвусмысленно подчёркивал, что «сие не должно быть в пример другим» и разрешение даётся «единственно для того, чтобы сделать первый опыт в успехе выручки из неволи пленников, и чтобы узнать, произойдет ли от сего желаемый успех в таковом деле» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 9–9об.). Таким образом, не возражая против *разового* выкупа одного раба по цене, близкой к рыночной, начальник штаба Отдельного оренбургского корпуса ясно давал понять, что *систематическая* организация подобных выкупов разрешена им не будет. Интересно и позиционирование Г.П. Веселитским предстоящего выкупа Т. Шабанова в качестве «опыта»: вероятно, начальник штаба Отдельного оренбургского корпуса планировал на основании этого случая понять, насколько вообще оправданы рассуждения Оренбургской пограничной комиссии, в соответствии с которыми важнейшей причиной неудач в деле выкупа русских пленников из Центральной Азии являлась крайне скромная сумма вознаграждения, положенная за спасение этих пленников.

Оренбургская пограничная комиссия в этой ситуации действовала предельно оперативно и, по сути, показала свою полную правоту. Уже 19 октября 1826 г. деньги на выкуп Т. Шабанова были отправлены в Троицк (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 15–15об.). 17 ноября троицкий комендант доложил, что предпочёл передать их не Р. Аллагулову, но местному «Татарину Абдулвагапу Абубакарову» под расписку (то есть за использование этих денег по назначению отвечал именно А. Абубакаров), а затем А. Абубакаров передал их едущему в Бухару с караваном российскому подданному, мещанину А. Абзямилову (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 15об.–16). Кроме того, комендант докладывал, что отец Т. Шабанова смог внести на выкуп сына только 10 руб., из которых 5 руб. 40 коп. были использованы в качестве уплаты в местную таможенную за провоз через границу червонцев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 16). Таким образом, несогласованность действий оренбургских властей и непродуманность системы выкупа пленников из Центральной Азии доходила до того, что средства, выделяемые на эту цель, облагались таможенными сборами. Кстати, из дальнейшей переписки видно, что Л. Шабанов пожертвовал на выкуп сына ещё 30 руб., помимо этих 10 (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 17).

Вскоре попытка Оренбургской пограничной комиссии выкупить Т. Шабанова увенчалась успехом. Правда, он вышел в пределы Российской империи не весной, а летом 1827 г. (троицкий комендант сообщил об этом 20 июля), а А. Абзямилову пришлось доплатить за него 7 бухарских червонцев, помимо суммы, выделенной властями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 15об.–17). По расчётам Пограничной комиссии, эта сумма соответствовала 110 руб. 75 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 18), то есть в итоге выкуп Т. Шабанова обошёлся в 745 руб. 25 коп. Однако раба-подданного Российской империи удалось выручить из Бухары достаточно оперативно и без риска для

него или для третьих лиц. А. Абзямилов просил только компенсировать ему расходы и выдать «хотя [бы] письменный Аттестат» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 160б.).

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Оренбургская пограничная комиссия расценила опыт выкупа Т. Шабанова как обнадеживающий. 10 сентября 1827 г. она обратилась к оренбургскому губернатору П.К. Эссену с объёмным представлением (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 13). В нём предлагалось, в частности, выдать А. Абзямилову в поощрение, помимо аттестата, золотой перстень ценой в 100 руб., купленный как раз из средств, предназначенных на выкуп пленных (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 180б.). Помимо этого, Пограничная комиссия упоминала, что ей известны имена 9 русских рабов (8 мужчин и 1 женщины), находящихся в Бухаре (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 170б.). И теперь она предлагала попытаться выкупить их «по примеру освобождения означенного пленника Шабанова», для чего требовалось разрешение губернатора, а также его указание о том, в пределах какой суммы может быть назначен выкуп за раба (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 180б.). Что же касается денег, уже затраченных на выкуп Т. Шабанова, то их предлагалось вернуть, взыскав с кочевников, хотя сам бывший раб не смог назвать имени ни одного из своих пленителей: он только указал, что был захвачен «Киргизами, 6-ю человеками Кипчатского рода» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 160б.). Тем не менее Оренбургская пограничная комиссия считала возможным требовать от «Правителя Восточной части Султана Джумы Худаймендиева» найти похитителей Т. Шабанова до 1 ноября, после чего не только собрать с них сумму, потраченную на выкуп казака, но и представить этих людей в Оренбург для суда (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 19–20).

Однако П.К. Эссена спасение из Бухары одного русского пленника примерно за 750 руб. явно не впечатлило. Хотя Оренбургская пограничная комиссия в своём представлении к губернатору и упоминала о решении Г.П. Веселитского произвести выкуп Т. Шабанова в качестве «первого опыта к выручке из неволи пленников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 15), П.К. Эссен в своём ответе от 11 октября 1827 г. успешность этого опыта никак не прокомментировал. Зато он совершенно недвусмысленно предписывал: «Что касается до употребления денег на выкуп пленников, то в оном имеет Комиссия руководствоваться существующими узаконениями» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 250б.–26). Судя по контексту, это означало фактический отказ от персонального выкупа из Бухары тех рабов, о которых упоминала в своём представлении Оренбургская пограничная комиссия: П.К. Эссен в своём ответе комиссии даже не упомянул этих рабов и их будущую судьбу, таким образом, формально не запрещая их выкупа, но и не давая разрешения сопровождать этот выкуп какими-либо особыми мерами, вроде повышения цены за них со 150 руб. до рыночной. Компенсировать А. Абзямилову понесённые им лично затраты на выкуп Т. Шабанова и выдать ему аттестат П.К. Эссен разрешил, но и только (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 250б.–26). В помете на представлении Оренбургской пограничной комиссии ещё недвусмысленнее было указано, что выдачу А. Абзямилову дополнительной награды в виде золотого перстня губернатор счёл излишней (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 210б.). Не устроило П.К. Эссена и взятие части выкупа с отца раба – все 40 заплаченных им рублей, включая сбор за перевоз червонцев на выкуп сына через границу, П.К. Эссен приказывал вернуть Л. Шабанову «по уважению бедного его состояния» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 250б.–26). Безусловно, он соглашался только с тем, что от султана Дж. Худаймендиева нужно требовать найти виновных в похищении Т. Шабанова, привлечь их к суду и заставить компенсировать сумму, затраченную российскими властями на выкуп раба – хотя и распоряжался выделить на это чуть больше времени, до 1 марта 1828 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 250б.).

Только через 2 года следующий оренбургский губернатор, П.П. Сухтелен, обратился к Оренбургской пограничной комиссии с новым запросом по этому делу. 26 июля 1830 г. он попросил комиссию сообщить ему, удалось ли султану Дж. Худаймендиеву добиться компенсации от кочевников, похитивших Т. Шабанова, и получилось ли выручить захваченных вместе с последним в рабство людей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 250б.). Из ответа Оренбургской пограничной комиссии следовало, что установить непосредственных виновников похищения так и не удалось, но это не помешало компенсировать расходы казны на выкуп Т. Шабанова из сумм за «продажу скота, который был захвачен от воровских аулов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 31–310б.). А вот двух похищенных с Т. Шабановым людей комиссия даже не надеялась спасти: один из них, «Козак Малков», был в Хиве, в которой «продавать пленников для возвращения в Россию строго запрещено», а следы второго, «Башкирца Абдрахимова», затерялись (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 31–32).

4.5. Попытки освобождения рабов из Хивы (1826–1827 гг.)

Одновременно с освобождением Т. Шабанова из Бухары предпринимались меры и по спасению российских подданных из Хивы. Однако в этом случае речь шла не о выкупе конкретных людей, а об обсуждении с хивинскими властями самой возможности такого выкупа. В конце 1826 г. (более точно установить дату из документа невозможно) лояльный Российской империи султан Чингали Урманов отправил к хивинскому хану Аллакули неких посланников с двумя просьбами: чтобы хан «дозволил выкупать Киргизам Российских пленников и вывозить сюда» и чтобы впредь хивинцами «Русские

пленники покупаемы не были» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 10–100б.). При этом со своей стороны Ч. Урманов никаких преференций за выполнение ханом своей просьбы не обещал.

На сей раз мы бы хотели обратить внимание не столько на риторичность, сколько на самую логику действий российских властей. Выше мы видели, что на хивинских невольничьих рынках стоимость раба в 1820-е гг. составляла 840–980 руб. При этом оренбургский губернатор П.К. Эссен после удачного выкупа из Бухары раба примерно за 750 руб. не разрешил продолжать подобные выкупы, ссылаясь на давно не отвечающее реалиям Центральной Азии российское законодательство, в рамках которого базовый выкуп за одного раба принимался равным 150 руб. Соответственно, едва ли приходится сомневаться в том, что, даже если бы хан Аллакули разрешил свободно выкупать российских пленников из Хивы по рыночным ценам, это предложение едва ли заинтересовало бы оренбургские власти. В этом контексте, кстати, показательно, что в 1830-е гг. российские эмиссары уже и в Бухаре на переговорах с местными чиновниками поднимали вопрос о том, чтобы рабов из Российской империи отпустили централизованно и бесплатно (Записки..., 1983: 25, 107).

Поэтому, как нам представляется, логично, что запрос хивинскому хану на разрешение выкупать из его владений русских рабов в 1826 г. был сделан так, что шансов на принятие этого запроса фактически не было. Он исходил не от оренбургского губернатора, и даже не от Оренбургской пограничной комиссии, но от одного из лояльных России кочевых султанов; этот султан ничего не обещал хану Аллакули в случае согласия, зато предлагал ему не только разрешить выкупать уже имеющихся в Хиве русских рабов, но и воспретить своим подданным впредь покупать рабов, захваченных из Российской империи. Нетрудно понять, что у хивинского хана не было никаких оснований даже просто ответить на этот запрос. И действительно, в соответствующем архивном деле нет никакой информации о последовавшей реакции хивинских властей.

В то же время Ч. Урманов привлёк к своей инициативе большое внимание, обратившись 12 декабря 1826 г. в Оренбургскую пограничную комиссию с просьбой написать хану Аллакули отношение «о воспреещении отправляемых со здешней стороны злодеями людей покупать Хивинцам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 10–100б.). 8 января 1827 г. комиссия обратилась к П.К. Эссену, фактически переадресовывая ему вопрос о том, следует ли ей как-то присоединиться к обращению Ч. Урманова к хивинскому хану (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 10–100б.). 26 января 1827 г. П.К. Эссен ответил комиссии, что уже сделал «требование к Хивинскому Хану Аллакулу чрез посланника его Веис-Нияза о непрременном запрещении Хивинцам покупать Русских пленников» (то есть из этого ответа следовало, что никакой дополнительной поддержки обращения Ч. Урманова к хивинцам со стороны российских властей не будет, поскольку они уже обращались к хивинским властям с аналогичными требованиями) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 12). Того же числа оренбургский губернатор написал письмо министру иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде, в котором с полным одобрением описывал инициативу Ч. Урманова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 11–110б.). При этом он дословно сообщал о захваченных кочевниками подданных Российской империи следующее: «Их в Орде нет, а проданы в Хиву, откуда не позволено тамошним Правительством выкупать их» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 11). Это было очевидной ложью: даже в том же деле, что и письмо П.К. Эссена К.В. Нессельроде, содержатся документы о выкупе у кочевников двух русских рабов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 27–270б.). Как мы видели выше, российские пленники были и в Бухаре, правительство которой не запрещало их продажи для возврата в Россию. И для нас важно, что П.К. Эссен не сообщил К.В. Нессельроде об инициативе Оренбургской пограничной комиссии, связанной с выкупом Т. Шабанова, инициативе, которая показала, что возможен выкуп рабов из Бухары при увеличении расходов на это, – зато счёл нужным сообщить о заведомо провальной попытке Ч. Урманова убедить хивинские власти разрешить выкуп российских рабов.

И это приводит нас к весьма любопытному выводу. Для оренбургских чиновников оказывалось крайне выгодно акцентировать внимание на ситуации, сложившейся с русскими рабами в Хивинском ханстве, поскольку в нём действительно существовали почти непреодолимые объективные препятствия спасению этих рабов. Соответственно, сравнительная малоэффективность системы выкупа российских подданных из рабства в Центральной Азии казалась в подобном контексте вызванной не какими-либо ошибками чиновников, а реальной ситуацией, сложившейся в регионе. Ситуация же в Бухарском эмирате оказывалась гораздо менее удобной для оренбургских чиновников именно потому, что спасение рабов оттуда как минимум до 1820-х гг. не было проблемным, если эти рабы выкупались по рыночным ценам. Но внимание к этому факту показало бы, что существующая система выкупа русских пленников в оренбургском приграничье давно устарела, для этого выкупа следует выделять куда более значительные суммы, и фактически в выкупе обычных казаков, крестьян или мещан за большие деньги оренбургские власти просто не заинтересованы.

5. Заключение

Настало время кратко резюмировать установленные нами факты:

1) В начале XIX в. система выкупа российских подданных из рабства в оренбургском приграничье основывалась на давно не соответствующем местным реалиям законодательстве (на указе Сената от 25 октября 1777 г.). Главной проблемой было то, что это законодательство фиксировало сумму в

150 руб. в качестве базовой для выкупа пленника, и, судя по контексту, Оренбургская пограничная комиссия избегала без разрешения вышестоящих властей выкупать рабов за принципиально более крупные суммы. Между тем реальная рыночная стоимость рабов была в несколько раз больше: для 1820-х гг. порядка 560 руб. в кочевых аулах и 840–980 руб. на хивинских невольничьих рынках. Сумма же в 150 руб. примерно соответствовала стоимости куртки и шаровар из хорошего сукна или парадного офицерского кивера. В результате суммы, выделяемые ежегодно Оренбургской пограничной комиссии на выкуп пленников, оказывались не востребованными, и к 1826 г. у комиссии хранились остатки этих сумм, соответствующие финансированию более чем за 5 лет (21 289 руб. 83,25 коп., при том, что на выкуп рабов выделялось 4 тыс. руб. в год).

2) В результате 6 октября 1826 г. Оренбургской пограничной комиссией был предложен план реформы системы выкупа российских подданных из Центральной Азии. Предполагалось принципиально повысить суммы поощрений за спасение русских пленников: компенсировать человеку, доставившему пленника, все затраты на его выкуп и перевозку, а также выплачивать 200 руб. награды (300 руб., если он спас конкретного человека по запросу оренбургских властей). Новая базовая сумма на выкуп одного пленника должна была быть зафиксирована на уровне 1 тыс. руб., и, если спасший русского раба человек в общей сложности рассчитывал на выплату, не превышающую эту сумму, она должна была выдаваться ему без всяких проверок и запросов вышестоящему начальству. В то же время выкуп мусульман за государственный счёт должен был быть полностью запрещён. Кроме того, средства на выкуп пленников предполагалось активно собирать с их родственников и с родственников кочевников, захвативших их в плен (последнее в реалиях оренбургского пограничья фактически означало – с кочевников, которые показались пограничным властям имеющими хоть какое-то отношение к реальным преступникам).

3) Вышестоящие власти (начальник штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитский), однако, не поддержали предлагаемую реформу, ссылаясь исключительно на то, что при введении новой суммы выкупа у Оренбургской пограничной комиссии хватит средств на спасение только 21 человека. Г.П. Веселитский предлагал вместо этого убеждать потенциальных спасителей русских рабов освобождать последних «из усердия на пользу общую», а не из «корыстолюбия, противного человеколюбию». Интересно, что ещё в 1799 г. астраханский губернатор И.С. Захаров оказался не готов выплачивать крупные суммы за вырванных из Хивы невольников, также апеллируя к тому, что спасшие их мусульмане сделали это из корыстолюбия и требуют слишком много денег. Таким образом, мы имеем дело не с единичным случаем, и выкупать рабов из Центральной Азии за крупные суммы российские власти в первой половине XIX в. отказывались неоднократно.

4) Тем не менее, в том же октябре 1826 г. Оренбургской пограничной комиссии удалось получить разрешение от Г.П. Веселитского на выкуп из Бухары казака Т. Шабанова по цене, предложенной его хозяином. Однако Г.П. Веселитский чётко указывал – данный выкуп может быть осуществлён исключительно в качестве «опыта», и разрешение на него следует рассматривать как разовое, данное только ради эксперимента. Эксперимент закончился успехом: летом 1827 г. Т. Шабанов вернулся в Россию, а его выкуп обошёлся в 745 руб. 25 коп. После этого Оренбургская пограничная комиссия запросила разрешение на выкуп тем же способом других русских пленников, находящихся в Бухаре, однако оренбургский губернатор П.К. Эссен однозначно запретил это, требуя от комиссии действовать в соответствии с законодательством (то есть указом Сената от 25 октября 1777 г.).

5) Одновременно с выкупом Т. Шабанова из Бухары, в конце 1826 г., лояльный Российской империи кочевой султан Ч. Урманов обратился к хивинскому хану Аллакули, прося разрешить выкуп русских рабов из Хивы. Однако сама логика этого обращения была весьма своеобразной: оно было сделано не от оренбургских властей, а от кочевого правителя, и в нём содержалось также требование запретить использовать русских рабов в Хиве. Хан Аллакули предсказуемо не ответил на это обращение. Зато П.К. Эссен сообщил о нём министру иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде, утверждая также, будто бы русские рабы в Центральной Азии сосредоточены исключительно в Хиве, откуда выкупать их нельзя из-за позиции хивинского правительства. Напротив, об удачном выкупе Т. Шабанова он вышестоящим властям не сообщал.

6) И таким образом, как минимум в 1820-е гг. оренбургские власти не были заинтересованы в повышении эффективности системы выкупа российских невольников из Центральной Азии, если это повышение требовало существенного увеличения затрат. Между тем, по крайней мере, из Бухары в 1820-е гг. можно было выкупить ряд подданных Российской империи, что предлагала сделать и Оренбургская пограничная комиссия, – но П.К. Эссена категорически не устроило то, что их пришлось бы выкупать по рыночным ценам.

Литература

Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М., 2004. С. 287-320.

Записки..., 1983 – Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983. 149 с.

- Иванин, 1874** – *Иванин М.И.* Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874. 268 с.
- Кочнев, 2017** – *Кочнев А.В.* Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия // *Вестник Томского государственного университета.* 2017. № 423. С. 100–104.
- Ле Руа Ладюри, 2001** – *Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001. 541 с.
- ОГАОО** – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- Попов, 1907** – *Попов А.* Рукописи Г.Ф. Генса // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 168–182.
- Почекаев, 2017** – *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. 384 с.
- Созина, 2016** – *Созина Е.К.* Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник.* 2016. № 1 (50). С. 6–15.
- Cherkasov, 2020** – *Cherkasov A.A.* The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 57–1. Is. 3–1 (Special issue). Pp. 1415–2266.
- Ermachkov, 2021** – *Ermachkov I.A.* Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice.* 2021. 6(1). Pp. 26–34.
- Ermachkov et al., 2021a** – *Ermachkov I.A., Baibarin A.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L.* To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody.* 2021. 16(4). Pp. 1779–1788.
- Ermachkov et al., 2021b** – *Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L.* The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody.* 2021. 16(3). Pp. 1171–1180.
- Morrison, 2021** – *Morrison A.* The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.
- Peretyatko, 2023** – *Peretyatko A. Yu.* The Arrest of Khivan Subjects in the Russian Empire in 1836 and Russian Struggle Against Slave Trade in Middle Asia. Part I // *Bylye Gody.* 2023. 18(4). Pp. 1766–1779.
- Peretyatko, 2024** – *Peretyatko A. Yu.* Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem // *Bylye Gody.* 2024. 19(4). Pp. 1586–1597.
- Zhetpisbay et al., 2020** – *Zhetpisbay N.Y., Ksenzhik G.N., Ismurzin Z.A., Dyussengaliyeva M.G.* Protest Actions of Zholaman Tlenshiev and the Formation of the North-Western Borders of Kazakhstan in the 20–40 years of the XIX century // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 55. Is. 1. Pp. 105–114.

References

- Cherkasov, 2020** – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody.* 57–1. 3–1 (Special issue): 1415–2266.
- Ermachkov et al., 2021** – *Ermachkov, I.A., Baibarin, A.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century). *Bylye Gody.* 16(4): 1779–1788.
- Ermachkov et al., 2021** – *Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody.* 16(3): 1171–1180.
- Ermachkov, 2021** – *Ermachkov, I.A.* (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice.* 6(1): 26–34.
- Ginzburg, 2004** – *Ginzburg, K.* (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: two or three things that I know about it]. Ginzburg K. Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya, M. Pp. 287–320. [in Russian]
- Ivanin, 1874** – *Ivanin, M.I.* (1874). Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839–1840 godu [Description of the Winter Campaign to Khiva in 1839–1840]. SPb., 268 p. [in Russian]
- Kochnev, 2017** – *Kochnev, A.V.* (2017). Rossiiskie poddannye v Khivinskom plenu v kontse XVIII – nachale XIX v.: puti resheniya problemy i posledstviya [Russian subjects captured in Khiva at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries: ways of problem solving and consequences]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 423: 100–104. [in Russian]
- Le Roy Ladurie, 2001** – *Le Roy Ladurie, E.* (2001). Montaiyu, oksitanskaya derevnya (1294–1324) [Montaillou, Occitan village (1294–1324)]. Ekaterinburg. P. 541. [in Russian]
- Morrison, 2021** – *Morrison, A.* (2021). The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.
- ОГАОО** – Об"единенный gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].
- Peretyatko, 2023** – *Peretyatko, A.Yu.* (2023). The Arrest of Khivan Subjects in the Russian Empire in 1836 and Russian Struggle Against Slave Trade in Middle Asia. Part I. *Bylye Gody.* 18(4): 1766–1779.

Peretyatko, 2024 – *Peretyatko, A. Yu.* (2024). Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem. *Bylye Gody*. 19(4): 1586-1597.

Pochekaev, 2017 – *Pochekaev, R. Yu.* (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and Khans. Personal Factors in Russian Law-Making in Central Asia: 18th to Early 20th Century]. M., 384 p. [in Russian]

Popov, 1907 – *Popov, A.* (1907). Rukopisi G.F. Gensa [Manuscripts of G.F. Gens]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 19, Orenburg. Pp. 174-175. [in Russian]

Sozina, 2016 – *Sozina, E.K.* (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [“Steppe prisoners” discourse in the Russian literature of the 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(50): 6-15. [in Russian]

Zapiski..., 1983 – *Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha)* [Notes about the Khanate of Bukhara (The reports of P.I. Demezons and I.V. Vitkevich)]. M., 1983. 149 p. [in Russian]

Zhetpisbay et al., 2020 – *Zhetpisbay, N.Y., Ksenzhhik, G.N., Ismurzin, Z.A., Dyussengaliyeva, M.G.* (2020). Protest Actions of Zholaman Tlenshiev and the Formation of the North-Western Borders of Kazakhstan in the 20–40 years of the XIX century. *Bylye Gody*. 55(1): 105-114.

Система выкупа российских подданных из Центральной Азии в 1820-е гг. и её критика Оренбургской пограничной комиссией

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена критике системы выкупа российских пленников из Центральной Азии Оренбургской пограничной комиссией в 1826 г. и последовавшим за этим событиям. Она основана на неопубликованных документах Объединённого государственного архива Оренбургской области (ОГАОО). Показано, что к 1826 г. выкуп российских подданных («пленников» в терминологии эпохи) из Центральной Азии регулировался давно не соответствующим местным реалиям указом Сената от 25 октября 1777 г. Оренбургская пограничная комиссия получала в год 4 тыс. руб. на выкуп пленников, а за одного могла платить 150 руб. или более (но существенно большие суммы могла выделять только с разрешения вышестоящего начальства). Комиссия предлагала повысить «нормальную» сумму выкупа до 1 тыс. руб., что больше соответствовало реальным рыночным ценам на рабов (составлявшим примерно 500–1 тыс. руб.). Однако начальник штаба Отдельного оренбургского корпуса, в принципе признав правильность рассуждений комиссии, не разрешил пойти на подобные изменения, ссылаясь на то, что у комиссии нет денег, чтобы массово выкупать рабов по новой цене. Тем не менее, он разрешил выкупить одного раба из Бухары за более чем 500 руб. Когда этот выкуп увенчался успехом, Пограничная комиссия предложила аналогичным образом выкупить из Бухары всех известных русских рабов (денег на это было достаточно), однако П.К. Эссен запретил это, требуя следовать закону. Таким образом, в 1820-е гг. оренбургские власти не были готовы выкупать рабов из Центральной Азии по рыночным ценам.

Ключевые слова: рабовладение, Центральная Азия, Оренбургская пограничная комиссия, выкуп рабов, история повседневности, П.К. Эссен.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1778-1790
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1778

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

An Archival-Historical Analysis of the Siberian Committee's Documents on the Implementation of Administrative-Territorial Reforms in Kazakh Steppe during the 19th century

Daniyar Zh. Kussainov ^{a, *}, Altyngul A. Kaskabassova ^b, Guldana B. Zhakibayeva ^c

^a Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Republic of Kazakhstan

^b Toraigrov University, Republic of Kazakhstan

^c Academy of Physical Education and Mass Sports, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the activities of the Siberian Committee, which encompassed a wide range of spheres, making it one of the key institutions of governance and development in Siberia during the 19th century. The Committee dealt with issues of administrative management, economic development, social policy, and cultural progress, which allowed it to exert significant influence on shaping the outlook of the regions of the Russian Empire, including Kazakh steppe. The aim of this study is to analyze the activities of the Siberian Committee regarding the introduction of administrative and territorial reforms in Middle zhuz during the 19th century, based on archival documents. The objective of the research is to introduce new archival materials related to the activities of the Siberian Committee, which may complement existing knowledge about the mechanisms of governance and economic development of steppe territories. The research is based on archival documents from the collections of the Russian State Historical Archive and the Historical Archive of the Omsk Region.

The activities of the Siberian Committee were multifaceted and had far-reaching consequences. The creation of infrastructure, the implementation of resettlement policies, economic development, and cultural transformation in Middle zhuz became processes that substantially reshaped the outlook of Kazakh steppe.

Keywords: Siberian Committee, Middle Zhuz, reforms, charter, outer district, industry.

1. Введение

Исследование деятельности Сибирского комитета представляет значительный интерес как для мировой, так и для казахстанской исторической науки. Сибирский комитет, учреждённый в XIX веке, играл важную роль в разработке и реализации государственной политики в отношении Сибири. Его деятельность охватывала широкий спектр вопросов: от административного устройства и экономического освоения региона до вопросов переселения, транспортной инфраструктуры и социальной политики. В условиях бурного развития Сибири в этот период деятельность комитета оказывала существенное влияние на формирование современного облика региона.

Особое значение деятельность Сибирского комитета имела для истории Казахстана, так как многие аспекты политики Российской империи в Центральной Азии, включая Казахскую степь, находились в тесной связи с решениями, принимаемыми комитетом. Экономическое освоение, переселенческая политика и развитие транспортной инфраструктуры в Среднем жузе во многом определялись общей стратегией управления приграничными регионами, разрабатываемой в том

* Corresponding author

E-mail addresses: daniyar.k.zh@mail.ru (D.Zh. Kussainov), kaa80alt@mail.ru (A.A. Kaskabassova), zhakibayeva.guldana@gmail.com (G.B. Zhakibayeva)

числе Сибирским комитетом. Изучение этой темы позволяет рассмотреть исторические процессы интеграции восточных окраин в империю, а также механизмы влияния центра на периферию.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что Сибирский комитет был ключевым институтом, который способствовал интеграции огромных территорий Сибири в экономическое и культурное пространство Российской империи. Изучение его деятельности позволяет не только глубже понять механизмы управления и освоения Казахской степи, но и выявить специфические черты социально-экономического и политического развития. Кроме того, исследование таких институтов помогает понять процесс взаимодействия центра и периферии, что имеет важное значение для исторического осмысления государственной политики Российской империи на территории Среднего жуза в XIX веке.

2. Материалы и методы

Материалами для данного исследования послужили архивные документы, выявленные в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Историческом архиве Омской области (ИАОО) (Омск, Российская Федерация). Наибольшее количество дел, представляющих интерес в контексте данного исследования, найдено в фонде 1264 «Первый Сибирский комитет» (РГИА). В обозначенном фонде хранится 717 единиц документов, которые содержат материалы за 1752–1839 годы. Основные направления архивных документов, которые были рассмотрены в процессе исследования: 1) журналы заседаний комитета; 2) отчёты о деятельности комитета и отчёты М.М. Сперанского о состоянии управления Сибирью; 3) материалы об административно-территориальном разделении Сибири на Восточную и Западную; 4) отчёты генерал-губернаторов Западной Сибири (1823–1837 годов); 5) статистические сведения и др. материалы о городах и народонаселении по отдельным округам, в том числе о кочевых и оседлых народах; 6) статистические данные о промышленном развитии Сибири, о состоянии торговли, хлебопашества; 7) проекты управления различными казёнными промышленными предприятиями и др. Из данного перечня документов авторами были выявлены и собраны новые документы, ранее не введённые в научный оборот. Вопросы кодификации казахского традиционного права с российским законодательством посвящено дело 269 (РГИА. Ф. 1264). В деле имеется 208 уложений казахского народа, которые, по замечаниям Омского временного комитета, были унифицированы в соответствии со статьями устава, и проект кодификации был отправлен на рассмотрение в Сибирский комитет.

Важная информация хранится в фонде 3 «Главное управление Западной Сибири в Омске» Исторического архива Омской области (ИАОО). Несколько дел из первой и второй описи указанного фонда содержат положения о порядке торговли в округах, развитии промышленности и описание регионов края; донесения высшей администрации Западной Сибири Сибирскому комитету об открытиях округов, о недовольстве и волнениях казахского населения при введении новой системы управления, а также указы и предписания о поддержании порядка в округах. Документы охватывают период с 1822 по 1859 год и включают как официальные донесения генерал-губернаторов в адрес Комитета, так и внутренние материалы по вопросам административного переустройства. Особое внимание уделено открытию внешних округов в Степи (Кокчетавского, Каркаралинского, Аягузского), донесениям о настроениях казахского населения, двусмысленной позиции султана Саржана Касымова, а также вопросам районирования Сибири и установления границ Омской области.

В целом, материалы архивов дают целостное представление о функционировании Сибирского комитета в 1820–1850-х годах как органа, координирующего политику в степных регионах, и содержат значительный массив данных по вопросам территориального управления, социального контроля и имперской интеграции населения.

В исследовании используются научные статьи и монографии, освещающие смежные темы, что позволяет интегрировать результаты работы в более широкий исторический контекст.

В рамках данного исследования применяется историко-аналитический метод, который позволяет изучить и интерпретировать архивные документы, связанные с деятельностью Сибирского комитета. Особое внимание уделяется историографическому анализу, целью которого является изучение существующей научной литературы, выявление степени изученности темы и определение недостаточно исследованных аспектов. Систематизация и классификация архивных материалов обеспечивают удобство их анализа и представления в виде упорядоченной структуры, что является необходимым этапом. Компаративный метод позволил провести сопоставление деятельности Сибирского комитета с другими аналогичными институтами, выявляя общие и уникальные черты их работы. Социокультурный подход дал возможность изучить влияние решений комитета на развитие социокультурной среды регионов, включая Сибирь и Казахстан.

3. Обсуждение

Историографический обзор показывает, что деятельность Сибирского комитета ранее привлекала внимание ряда исследователей, однако значительная часть его работы остаётся недостаточно изученной. Многие публикации сосредотачиваются на отдельных аспектах его деятельности, таких как переселенческая политика или транспортные проекты, но комплексный

подход к анализу роли комитета в управлении Сибирью, включая территорию современного Казахстана, до сих пор не получил достаточного развития. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

В работах российских учёных исследуется деятельность Сибирского комитета в рамках изучения административной политики, рассматриваются вопросы управленческого и социально-экономического характера, проведён анализ формирования модели управления восточными окраинами и включения их в общегосударственную систему. Это труды Н.П. Ерошкина (Ерошкин, 1997), Л.М. Дамешека (Дамешек, 1986; Дамешек, 2007), А.В. Ремнева (Ремнев, 1997; Ремнев, 2004), А.Н. Марковой (Маркова, 1998) и других исследователей. Многие учёные России обращали внимание на изучение деятельности государственных организаций, показали их роль и значение, а также причины возрастания интереса императорского правительства к восточным окраинам. Среди них работы А.В. Комарова (Комаров, 2004), Р.Ю. Почекаева (Почекаев, 2014; Почекаев, 2017), В.А. Волчек (Волчек, 2006). Эти авторы подчёркивали, что работа центральных органов империи на окраинах оказывала существенную роль на выработку и осуществление тех или иных преобразований в регионах. Исследователь А.С. Кузнецов в статье «Сибирская программа царизма 1852 г.» подчеркнул значение деятельности Сибирского комитета как «органа, формирующего правительственную политику в Сибири... Отчёты и журналы Сибирского комитета позволяют получить общее представление о количестве решённых и нерешённых за обозреваемый период дел, дают краткую информацию о сути дела и принятых по ним решениях, или причинах, помешавших разрешить дело окончательно» (Кузнецов, 1972).

Казахстанские исследователи в своих трудах дают представление о системах управления в Казахской степи в целом, проводят детальный анализ создания и деятельности российских органов власти XIX века, а также рассматривают вопросы социально-экономического характера. Среди них известные работы Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина (Отепова, 2015b: 15), С.З. Зиманова (Зиманов, 1960), К.А. Жиренчина (Жиренчин, 1996). Новое поколение исследователей внесло свой вклад в изучение вопросов истории Казахстана в составе Российской империи. Например, работы А.М. Абдилдабековой (Абдилдабекова, 1998), Б.М. Абдрахмановой (Абдрахманова, 1998), С. Акимбекова (Акимбеков, 2018) и др. Работа Сибирского комитета оказывала непосредственное влияние на выработку тех или иных законодательных актов империи, которые регламентировали жизнь казахского общества в исследуемый период. Эти законодательные источники нашли отражение в научных публикациях руководителя проекта Г.Е. Отеповой (Отепова, 2015a; Отепова, 2015b). Но специальных исследований деятельности Сибирского комитета на территории северо-восточного Казахстана среди них нет. Следовательно, изучение деятельности Сибирского комитета, заседаний его журналов и отчётов по управлению данной территорией является ещё до конца не исследованной тематикой, не имеет аналогов, что подчёркивает и подтверждает научную новизну выбранной темы исследования.

В начале XIX века Российское государство перешло к решительным мероприятиям по ликвидации государственности в казахских жузах и превращению их в административные регионы империи. Этому благоприятствовали сложившиеся геополитические условия, среди которых необходимо отметить достижения России в войне с наполеоновской Францией, успехи в русско-персидской и русско-турецких войнах, позволившие захватить часть закавказских территорий и Бессарабию. Рост международного влияния Российского государства привёл к обострению отношений с европейскими государствами в борьбе за колонии. Указанные факторы способствовали необходимости внутренней административно-политической интеграции и унификации империи для создания благоприятных условий экономического освоения богатейших ресурсов Сибири и Казахской степи.

Первые масштабные административные изменения в Казахской степи были разработаны и внедрены под контролем М.М. Сперанского, назначенного губернатором Сибири в 1819 году. В начале своего назначения он непосредственно побывал с ревизионной комиссией в сибирских окраинах, а также в казахских степях. Губернатор посетил Омскую крепость, уездный город Семипалатинск, лично был знаком с казахской правящей знатью. По результатам ревизии был составлен отчёт и предложения по улучшению управления Сибирским краем. Для изучения результатов отчёта и реализации административного переустройства был образован особый орган – Сибирский комитет – высший законосовещательный, контролирующий орган, положения которого имели силу закона. Деятельность комитета подразделяют на два периода: 1821–1838 годы – функционировал первый Сибирский комитет, в 1852–1864 годы – второй Сибирский комитет. Сибирский комитет был подготовлен лично императору, имел собственный штат и канцелярию. Все высшие правительственные органы, а также местная администрация в лице генерал-губернатора отправляли вопросы, прошения, предложения, замечания, имеющие отношение к Сибири и казахским степям сибирского ведомства, сначала в канцелярию комитета. В канцелярии все материалы фиксировались в определённых журналах. Журналов было два: в одном фиксировались вопросы, которые требовали рассмотрения императора, во втором – дела, которые самостоятельно решались Сибирским комитетом.

Первый Сибирский комитет уполномочен был реализовать следующие задачи: «1) Подробное рассмотрение общего и частных предположений по предмету устройства Сибирского края.

2) Постепенное введение оных в действие по мере соображения и начертания приличных к тому правил. 3) Рассмотрение новых мер, от местных управителей представляемых. 4) Разрешение затруднений, которые может встретить местное управление при введении новых положений и руководство оною в высшем отношении на основании принятых начал» (Дамешек, 2007: 86). Таким образом, комитет сотрудничал непосредственно с генерал-губернаторами и высшими министерствами по вопросам переустройства в сибирском регионе, в том числе в Среднем жузе.

Документы и материалы Сибирского комитета являются ценным источником по реконструкции исторических событий первой половины и середины XIX века и позволяют изучить специфику административно-территориальных преобразований в Казахской степи. В Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) деятельность первого Сибирского комитета освещают дела фонда 1264, второго – дела фонда 1265. В историческом архиве Омской области дела фонда 3 «Главное управление Западной Сибири», фонда 366 «Личный фонд Катанаева» также содержат материалы, отражающие взаимодействие Сибирского комитета с Западно-Сибирским генерал-губернаторством.

Непосредственным началом к реализации реформ 1822 года на территории Среднего жуза послужил анализ и обсуждение «Отчета титулярного советника М.М. Сперанского в обозрении Сибири в 1819 и 1820 годах». В фондах Российского государственного исторического архива имеется дело под названием «Ко второй части приложений отчет титулярного советника М.М. Сперанского в обозрении Сибири в 1819 и 1820 годах». В материалах дела есть «Записка о киргиз-кайсаках и других азиатских народов, пребывающих на Сибирскую линию», составленная командиром Сибирского корпуса Г.И. Глазенапом. Записка состоит из нескольких разделов: «О сибирской линии», «О киргиз-кайсаках вообще», «О других азиатцах, переходящих на внутреннюю сторону сибирских линий», «О торговле, происходящей чрез сибирские линии». В документе проводится обзор жизнедеятельности казахского общества в предреформенный период, описываются обстоятельства создания Сибирской линии, принятия русского подданства, имеются сведения о социальной структуре и системе управления казахского общества, состоянии развития торговли и другие сведения. Г.И. Глазенап с 1815 года служил начальником Сибирских линий, и его сведения послужили основанием для ликвидации ханской власти и разработки в последующем устава.

В частности, генерал-лейтенант отмечает благоприятные последствия ряда имперских указов последней четверти XVIII – начала XIX века, согласно которым некоторым казахским родам разрешался переход на внутреннюю сторону. Речь идёт о следующих законодательных актах: письмом императора Павла I генерал-майору Горчакову «Об отводе земель казахам Среднего жуза» от 23 июля 1798 года, переходящим в российское подданство; указ «О разрешении киргизам переходить реку Иртыш» от 16 июля 1771 года; указ «О переселении киргиз-кайсаков из дальних степей во внутренность России» от 15 июля 1788 года; указ «Об отводе степей для киргизов» от 30 ноября 1797 года (Отеева, 2012: 87); именной указ, объявленный Сенату «О дозволении, переселившимся в Россию на вечное кочевье, киргизцам производить мену скота и своих произведений с российскими подданными беспошлинно» от 25 октября 1809 года (Отеева, 2015а: 38). На основании этих законов казахское население в российских документах было разделено на три группы: 1) внутренние, или верноподданные, т.е. перешедшие на вечную кочёвку внутри линии, они приносили присягу на подданство; 2) временно кочующие, т.е. получившие разрешение переходить границу в зимнее время, они оставляли на этот период аманатов в военных крепостях; 3) внешние, которые кочевали вне приграничных линий. Глазенап выделял в своей записке, что верноподданные киргизы, кочующие внутри линии, напрямую подчинялись военному начальству, не имея ханов, более того их численность и благосостояние возрастало, уменьшились беспорядки, росла заинтересованность к хлебопашеству, оседлости и развитию торговли. На этом основании он предлагал выделить больше территории на внутренней российской стороне либо передвинуть военную линию вглубь Степи для большего привлечения киргизов к верноподданству и извлечения максимальной выгоды для империи.

По мнению Глазенапа, военные линии на побережье рек Иртыша и Яика в документах российской администрации ошибочно признавались в качестве политических границ с казахскими территориями, в частности Сибирская линия. В этом он видел главное препятствие в дальнейшем освоении казахских территорий и отмечал, что Сибирская линия не являлась государственной границей и нуждалась в возведении линейных укреплений и содержании в них пограничной стражи для защиты от набегов со стороны казахов. Главная мысль, которая стала основанием ликвидации ханской власти, – его заключение о том, что фактическая власть находилась в руках султанов, тогда как влияние ханов на народную политику было несущественным (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 50–58). В дальнейшем идеи Глазенапа были приняты во внимание Азиатским и Сибирским комитетами по устройству и управлению Средним жузом, при этом главным правилом было не прибегать к силе, а учитывать желание и просьбы султанов. Положения устава были подробно рассмотрены на заседаниях Сибирского комитета под председательством графа В.П. Кочубея и в присутствии графов Д.А. Гурьева, А.А. Аракчеева, князя А.Н. Голицына и барона Б.Б. Кампенгаузена (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 343. Л. 1–3).

Вопросы обоснования проекта нововведений в Казахской степи были рассмотрены на заседаниях Сибирского комитета 13, 20 и 27 октября 1821 года, по результатам которых были сделаны следующие выводы:

«1) Сибирские линии не составляют действительной государственной границы, будучи назначены не по трактам, но по выбору одного нашего правительства, и касаясь одним краем Монголии, прилегают по всему своему протяжению к степи киргиз кайсаков Средней орды. Народ сей, будучи раздроблен на мелкие племена, не имея никакой внутренней силы и ослабевая от междоусобиц давно не признавал зависимость свою от России. Но сия зависимость по сие время состояла более в зависимости ханов и некоторых султанов, из народа же одни токмо близ линии кочующие киргизы в частных делах своих прибегают иногда к разбирательству российского начальства; ... 3) Многие киргизы перепускаются на зимовку во внутренность линии, и, хотя занимают места, губернскому начальству подведомственны и часть вблизи крестьянских дач, но зависят они от воинского начальства. От сего производят бесчисленные беспорядки и пререкания» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 7. Л. 114–115).

4. Результаты

Одной из главных задач Сибирского комитета стала разработка и внедрение новой системы управления в Казахской степи, в соответствии с которой был издан устав «О сибирских киргизах», высочайше утверждённый 22 июля 1822 года (Отепова, 2015а: 52). Уставом предусматривалось введение новой системы управления в Среднем жузе (по уставу регион получил название «страна сибирских киргизов»). Вся территория делилась на аулы, волости, внешние округа, которые находились в составе Омской области. Руководителями внешних округов назначались избираемые на три года старшие султаны, должность которых приравнивалась к земскому чиновничеству. Помимо системы управления, устав регулировал вопросы финансового обеспечения окружных приказов, строительства необходимой инфраструктуры, надзора за соблюдением порядка, судебных разбирательств, налогообложения, торговли, промышленного освоения региона и другие (Отепова, 2015а: 52-64).

Подготовка к реформам заняла больше года, в течение которого генерал-губернатор Западной Сибири проводил длительные переговоры с казахскими султанами, в основном потомками Вали хана и Букей хана, которые были наиболее лояльными к русской имперской власти. В декабре 1823 года генерал-губернатор Западной Сибири доносил в Сибирский комитет о том, что им были даны распоряжения по реализации устава об открытии двух округов к весне следующего года на территории «семейства Букей-хана напротив дистанции Ямышевской и семейства Вали-хана напротив Петропавловской дистанции. Для чего он планировал отправить в феврале месяце полковника Броневского и подполковника Григоровича. Для большего блеска, который по обычаям киргиз всегда имеет на умы их влияние, отправятся с ними два отряда военной стражи» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 326. Л. 1–2об.). К отчёту приложены инструкции, составленные генерал-губернатором, которых должны были придерживаться руководители отрядов. Каждый отряд состоял из переводчика, муллы и двадцати казаков. Требовалось собрать всех, желательно авторитетных казахов, изложить содержание указа и раздать грамотным из них печатные экземпляры устава. Особенно необходимо было внушать, что с принятием устава прекратятся беспорядки и междоусобицы (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 326. Л. 21–24об.). Согласно инструкции, данному отряду следовало уклоняться от ответов на провокационные вопросы со стороны казахов, а также запрещалось казакам вступать с ними в обсуждение. Необходимо было вести журнал, где фиксировались действия отряда и мнения казахов относительно вводимого порядка. При этом наказывалось содержать отряд в строгой дисциплине, не притесняя местное население и не допуская каких-либо беспорядков в Степи. Отряд снабжался всем необходимым продовольствием, поэтому строго запрещалось брать у казахов что-либо из оплаты. В случае поступления какой-либо жалобы или слухов о вымогательстве войсковой начальник подвергался суровой ответственности (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 326. Л. 24об.).

В преддверии предупреждения беспорядков со стороны казахов Младшего жуза генерал-губернатор Западной Сибири было отправлено отношение оренбургскому военному губернатору от 1 февраля 1824 года, в котором он сообщает о намерении послать в Степь 14 отрядов для торжественного объявления, «что вся страна киргизцев сибирских орд приемлется в особенное покровительство и на попечение российское». В документе автор отмечает, что командировка данных отрядов должна была произвести впечатление на казахов Младшего жуза и донести до них, что данные владения отныне находятся под защитой Российской империи (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 326. Л. 60–60об.). 25 февраля 1824 года на заседании Сибирского комитета документы, отправленные генерал-губернатором Западной Сибири, были рассмотрены и отразились в выписке (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 326. Л. 63–64об.).

На очередном заседании Сибирского комитета был рассмотрен годовой отчёт генерал-губернатора Капцевича, где он доносил о торжественном открытии 8 апреля 1824 года Каркаралинского округа, Кокчетавского – 29 апреля 1824 года, об избрании старшими султанами

Турсуна Чингисова и Губайдуллы. Был определён выбор места для окружных приказов: Каркаралинский приказ был размещён у Каркаралинских гор, рядом с рекой Джаримсу, а Кокчетавский – у озера Копа и реки Чаглинке. Данные приказы считались удобными и обладали плодородными угодьями. Для казаков, чиновников и военной стражи были построены временные деревянные помещения, заготовлен провиант и фураж для содержания скота. В Каркаралинском округе насчитывалось до 20 тысяч кибиток, а в Кокчетавском - 15 тысяч (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 24. Л. 146–150).

Однако часть казахских султанов начала активное сопротивление нововведениям. Так, в октябре 1825 года генерал-губернатор отмечал в «Записке об обозрении Кокчетавского округа»: «Состояние умов у киргизцев и понятия о порядке нового управления не одинаковы: султаны по связям родства с Габайдуллою не благоприятствуют оному, большая часть киргизцев, кои знакомы с обычаями нашими, или, так сказать обрусели, хорошо отзываются о новом порядке, а другие более дикие совершенно кажется поверили нелепым внушениям людей не благонамеренных» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 336. Л. 1-7). В связи с недовольством казахского населения были приостановлены планы по открытию следующих округов. В этот период началось волнение среди потомков Абылай хана, в частности султанов Губайдуллы, Касыма и многих других, о чём регулярно извещалось руководство Сибирского комитета. Например, 20 декабря 1826 года Сибирский комитет на основании воли императора постановил: остановить на время водворение в открытых внешних округах линейных казаков. Неутихающие волнения в Степи вынуждали генерал-губернатора просить комитет направить к нему двух конфиденентов (тайных агентов) на службу с более высоким окладом, чем полагалось по штату (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36).

Необходимо отметить, что Сибирский комитет тщательно изучал и анализировал все донесения, представления, отчёты и рапорты губернской администрации, в которых отражались недовольства казахского населения введением устава. Так, на очередном обсуждении годового отчёта генерал-губернатора от 24 февраля 1828 года было объявлено замечание, что при генерал-губернаторе Капцевиче текст устава не был переведён на татарский язык полностью, а только те статьи, которые касались управления, поэтому вопросы перевода казахов в другое сословие, судебные дела и обращения в христианскую веру неверно были истолкованы населением, что и вызвало их недовольство. Также среди причин продолжающегося волнения комитет указывал на случаи жестокого обращения линейного начальства с местным населением (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36).

Отдельно следует выделить, что для привлечения влиятельных казахских правителей к принятию новых правил комитетом проводились меры поощрения наиболее усердных и влиятельных лиц. Так, с одобрения Сибирского комитета, вдове Вали хана (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36) и султану Суюк Абылайханову были отведены места для строительства дома и мечети (Д. 335); мулле, проявившему усердие при открытии первых округов, было назначено жалованье. Более того, положением Сибирского комитета было решено продлить льготный период освобождения от ясака населения двух первых округов до 8 лет, до 1832 года (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 430–435).

В июле 1830 года генерал от инфантерии Вельяминов обратился в Сибирский комитет с просьбой возобновить открытие округов, в связи с чем решил командировать 5 отрядов из Сибирского линейного казачьего войска на урочища Аманкарагай, Ушбулак, Баянаул, Карметты-Асу, Акмолла (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 346. Л. 4–506.). К документу приложена ведомость «О числе людей и лошадей в отрядах, выступивших в Киргизскую степь для занятия округов, в 25, 26 и 28 числа прошедшего мая месяца», датируемая 5 июля 1830 года. Так, каждый из отрядов, в зависимости от направления пути, имел свыше ста человек, среди них обер-офицеры, унтер-офицеры, урядники, рядовые, казаки с соответствующим вооружением, а также фельдшеры, топографы (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 346. Л. 9).

Таким образом, за относительно короткое время были открыты ещё пять округов, о чём свидетельствуют высочайше утверждённые положения Сибирского комитета: «Об открытии в Аягузском внешнем округе Омской области окружного приказа» от 19 октября 1831 года; «Об открытии в степи сибирских киргизов двух округов Баян-Аульского и Уч-Булакского» от 9 марта 1833 года; «Об открытии Аман-Карагайского внешнего округа Омской области» от 29 мая 1834 года (Аполлова, 1948: 36). Учитывая опыт прошлых лет, российское военное начальство тщательно подготовилось к своей миссии; так, в инструкциях руководства вменялось «соблюдать военную осторожность», при обнаружении «неприятных» казахов на покровительствуемой волости, арестовать и доставить их на линию к местному начальству для дальнейших разбирательств в рамках имперского закона. При этом запрещалось использовать оружие и не допускались убийства. Помимо организации новых округов, топографы должны были производить статистическое описание и глазомерную рекогносцировку местностей для выявления соляных и рудных источников в Казахской степи, притом съёмка велась в 5 направлениях и служила значительным пополнением для картографического материала (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 346. Л. 10). Архивные документы свидетельствуют о целенаправленной и системной готовности военного и административного штата по реализации устава 1822 года.

Вопросы налогообложения казахов, принявших устав, актуализировались по истечении льготного срока, в связи с чем в канцелярию Сибирского комитета было направлено представление генерал-губернатора «О разрешении некоторых вопросов, относящихся к сбору ясака с сибирских киргизов в тех открытых внешних округах Омской области, коих льгота кончилась». Следует отметить, что в уставе предусматривалось введение налогов со всего казахского населения, однако на очередном заседании в мае 1831 года комитет постановил, что следует освободить от ясака старших султанов округов и волостей, а также старшин, биев и почётных казахов, которые участвовали в заседаниях при окружных приказах. Причём предупреждались факты превышения их привилегий: «а) у каждого старшего султана управляющего округом, считать свободными от ясака не более, как 300 лошадей, 200 быков (разумея под сим именем и коров) и 200 баранов (разумея под сим именем и козлов, овец и коз)» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 14. Л. 58). Но при этом Сибирский комитет отмечал: «Из особенного уважения к родам бывших ханов Валяя и Букея, у нынешних потомков их по прямой линии султана Аблая Габбасова, служащего председателем в Кокчетавском окружном приказе, и султана подполковника Турсуна Чингисова, служащего председателем Каркаралинском в окружном приказе, считать всегда свободными от ясака по 1000 лошадей, 1500 быков и 1500 баранов у каждого. По смерти их право сие распространяется на их потомство, по прямой линии, а именно, в роде как того, так и другого, на одного из старших сыновей, или на того, которого отец изберет своим наследником, но без раздробления сего права между прочими детьми» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 14. Л. 58–60). Таким образом, некоторые статьи устава могли на усмотрение комитета уточняться и дополняться. Следует отметить, что даже по истечении срока льготного налогообложения имперская власть в лице Сибирского комитета с осторожностью внедряла положения устава, стремилась укрепить доверие влиятельных султанов и демонстрировала своё расположение к ним через различные схемы поощрений.

Особое внимание Российской империей отводилось вопросам кодификации казахского традиционного права с российским законодательством в соответствии с уставом. В этой связи в Казахскую степь были отправлены различные экспедиции для сбора казахских обычаев и законов. Например, в фонде 1264 РГИА отложилось дело «По проекту “Степных законов” для народов, населяющих Западную Сибирь» 1833 года (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269). В деле имеется 208 уложений казахского народа, которые, по замечаниям комитета, были максимально унифицированы в соответствии со статьями устава. В частности, запрещалась смертная казнь, которая в традиционном казахском обществе могла быть вынесена биями в редких случаях богохульства, невозможности выплачивать кун, убийства мужа женой, убийства женщиной незаконнорождённого ребёнка и других. Однако на практике смертная казнь редко выносилась как средство наказания, всегда можно было путём прощения или выплатой повышенного куна избежать казни. Интересным является изменение меры наказания за случаи обращения казахов в христианскую веру или христиан в мусульманство в соответствии с уложениями устава. Так, по адату, «кто христианина склонит в киргизское вероисповедание тот причитается с правоверными в царстве небесном». За склонение христианина к принятию исламской веры предусматривалось наказание в виде ударов плетью и дальнейшей ссылки в работу. Согласно казахскому обычному праву, если казах принимал христианскую веру, его лишали наследства и имущества. Соответственно, положением комитета было выделено: «Решить таковые дела по указу 1763 года июля 22 дня и собственное имение принявших христианскую веру обращать им из киргизского владения, ежели же кто из них прежде принятия христианской веры будет и киргизами пойман и остановлен, то таковых не только запретить, или лишить живота, или делать какое либо истязание, то и отнюдь не препятствовать им по доброй воле и желанию вступать в христианскую веру, в противном случае с не допустившими желающих креститься поступать с послушниками закона, а за убийство судить как убийц» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269. Л. 90–116). Таким образом, положения устава 1822 года демонстрируют поощрение перехода казахского населения в христианскую веру, а склонение христиан к исламу воспринималось как уголовное преступление, и следовали суровые меры наказания.

В общем, можно отметить, что первый Сибирский комитет за годы своей деятельности (1821–1838) реализовал свои цели и задачи, основные положения устава были разработаны для реалий казахского общества и введены были в Степи. Поэтому имперская власть именным указом от 9 января 1838 года объявила о прекращении деятельности Сибирского комитета. Все документы было поручено передать в канцелярию Комитета министров, а функцию Сибирского комитета возложить на Государственный совет и Комитет министров по принадлежности (Отепова, 2015а: 162).

В 30-е годы XIX века в Казахской степи усилилось сопротивление строительству новых окружных приказов, поэтому создана новая структура, которая непосредственно занималась наведением порядка в Степи. Высочайшим положением от 6 апреля 1838 года Омская область была упразднена, для непосредственного управления казахскими округами было создано Пограничное управление. Несмотря на закрытие Сибирского комитета, практически все его уложения в дальнейшем были использованы в деятельности управления. Так, в положении указано: 1) старшие султаны утверждались пограничным начальником и генерал-губернатором; 2) исковые дела свыше 5 тысяч рублей рассматривать по российским законам в Пограничном управлении; 3) пограничный

начальник обязан был склонять казахов к общему порядку, который вводился в Степи, внушая им его преимущества; 4) в течение года казахи должны были принять общий порядок, в противном случае удалиться - из округов (Отепова, 2015а: 163).

В начале 50-х годов XIX века правительством было принято решение возобновить деятельность Сибирского комитета (1852–1864). В исторической литературе принято выделять его как Второй Сибирский комитет, поскольку его цели и функции имели некоторые отличия, а деятельность осуществлялась в других исторических условиях. К этому времени обостряется внешнеполитическая обстановка, Российская империя по многим показателям значительно отставала от европейских стран, поэтому необходимо было расширять, укреплять и эффективнее осваивать регионы. Перед Вторым Сибирским комитетом стояла задача комплексной интеграции и развития указанных регионов с учётом изменившейся международной обстановки и созданных условий для углубления влияния Российской империи в Казахской степи.

Во второй половине XIX века значительная часть казахских султанов и старшин уже представляла из себя классических чиновников империи. В этой связи российская администрация предприняла ряд мер по уничтожению сословных привилегий султанов-чингизидов. Уже с 30-х годов XIX века на должности старших султанов назначались влиятельные старшины и бии, пользующиеся доверием среди русского правительства. В дальнейшем данная тенденция закреплена была на законодательном уровне. В декабре 1854 года генерал-губернатором Западной Сибири Гасфортом было внесено предложение о необходимости изменения порядка избрания старших султанов во внешних округах. Он обосновывал своё предложение тем, что во многих округах количество султанов не превышает 2–3 человек, а на должность старших султанов избираются лица с офицерским чином, не имеющие султанского происхождения, поэтому счёл необходимым допустить в число избирателей не только лиц султанского происхождения. Также допускались на данную должность почётные казахи, прослужившие 9 лет на классных должностях и не имевшие офицерского чина. На заседании Сибирского комитета была изменена статья устава: «Право быть избранными старшими султанами предоставляется всем вообще султанам и лицам пожалованным офицерскими чинами, ограничив впрочем число сих последних лишь теми, кои прослужили не менее 3 лет заседателями окружных приказов или волостными управителями, в число же избирателей, сверх лиц султанского происхождения, допускаются все вообще имеющие офицерские чины, а равно и те из почётных киргизов, кои прослужили в классных должностях, по выборам, 9 лет, хотя бы они и не имели офицерских чинов» (РГИА. Оп. 1. Д. 1265; РГИА. Оп. 3. Д. 163). Таким образом, внесение соответствующего положения Сибирского комитета на законодательном уровне ликвидировало привилегированное положение потомственных султанов.

Большое внимание Сибирский комитет уделял промышленному освоению Казахской степи. Особенная роль отводилась добыче соли, принятию мер по охране соляных озёр в степи в целях борьбы с беспощинным вывозом соли (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 591). В 1825–1826 годах было разрешено горнопромышленнику П. Демидову начать исследование и добычу природных богатств в Степи (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 599), также купцу С. Попову разрабатывать свинцовые руды (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 604). В дальнейшем были высочайше утверждены и приняты законодательные положения комитета, которые расширили правовую базу для освоения природных богатств: «О надзоре за частными золотыми промыслами в Киргизской степи» от 26 октября 1852 года; «О геогностическом исследовании Киргизской степи» от 17 апреля 1853 года; «О производстве частного золотого промысла в пределах Аягузского округа, Киргизской степи» от 19 марта 1854 года; «О мерах к прекращению корчемства солью, вывозимую из Киргизской степи в Западную Сибирь» от 19 марта 1854 года; «О дозволении киргизским султанам и почётным киргизам производить в Киргизской степи золотой и рудный промысел» от 19 мая 1854 года (Отепова, 2015а: 283).

Высочайше утверждённые положения Сибирского комитета регламентировали широкий круг вопросов, связанных со стимулированием развития торговли: «О беспощинном вывозе хлеба в Киргизскую степь через сибирские и оренбургские таможенные места» от 15 октября 1852 года; «О предоставлении по Сибирскому, Оренбургскому и Астраханскому таможенным округам купцам 2-й и 3-й гильдий и крестьянам, торгующим по свидетельствам 2-го и 3-го родов, права производить азиатскую заграничную торговлю наравне с купцами 1-й гильдии» от 7 декабря 1852 года; «О порядке выдачи из устькаменогорского хозяйственного управления торговых свидетельств и билетов тамошним купцам и их приказчикам» от 11 ноября 1853 года; «О продолжении срока на дозволение купцам и азиатам, торгующим в Семипалатинске, Петропавловске и Омске, брать из таможенных мест привозные товары за оные пошлины» от 18 февраля 1854 года; «О порядке учреждения в Киргизской степи по торговым путям караван-сараев» от 19 мая 1854 года (Отепова, 2015а: 282).

Помимо указанных направлений, в компетенции Сибирского комитета находились вопросы развития необходимой инфраструктуры для нужд увеличивающегося русского казачьего населения в Степи, таких как строительство церквей, почтовых пикетов, постоянных дворов и других. К примеру, в декабре 1852 года Комитет рассматривал прошение генерал-адъютанта Анненкова о разрешении строить постоянные дворы. В частности, он указывал на непреодолимые трудности для русских купцов во время прохождения караванов в осенне-зимний период, которые следовали для торговли с

Китаем. Постоялые двory должны были служить местом для пополнения запасов и обогрева. Такие же здания он предлагал построить по дорогам, ведущим к золотым промыслам, рудникам и заводам. Эту идею также поддерживал генерал-лейтенант Г.Х. Гасфорт, который считал, что такие устройства в Степи стали бы основой для будущего заселения главных военных путей, которые шли в Среднюю Азию. Сибирский комитет, находя это предположение во всех отношениях полезным, положил оное утвердить (РГИА. Ф. 1264. Оп. 13. Д. 11). Таким образом, практически все мероприятия, реализованные уложениями Сибирского комитета, имели целью создание условий для дальнейшего продвижения Российской империи к Старшему жузу и к среднеазиатским территориям. Сибирским комитетом было инициировано и впоследствии учреждено сенатским указом от 19 мая 1854 года строительство почтового тракта между укреплениями Копал и Верным из 13 пикетов, общая длина которого составляла 368 верст (Отепова, 2015а: 282).

Комитет также регулировал вопросы заселения освоенных регионов Казахской степи, в частности, были изданы следующие положения: «О порядке разрешения иноземцам водворяться в степях киргизов Западной Сибири» от 21 декабря 1854 года; «Об увеличении русского населения в Семиреченском и Заилийском крае Западной Сибири» от 25 марта 1857 года; «О выселении в Киргизскую степь или другие отдаленные места Сибири самовольных переселенцев в Западную Сибирь из внутренних губерний и старожил Сибирских губерний, неблагонадежных к платежу пошлин» от 19 апреля 1858 года; «О правилах, касающихся переселения в Киргизскую степь крестьян за неплатеж податных недоимок» от 12 апреля 1859 года и другие.

Значительная часть рассматриваемых в Комитете дел касалась устройства населённых пунктов и оптимизации их управления: «О возведении Коряковской станицы, Сибирского линейного казачьего войска на степень заштатного города и наименовании сего города Павлодаром» от 4 апреля 1861 года; «О включении в штаты управления Кокбектинского и Сергиопольского окружных приказов Семипалатинской области должностей военно-окружных начальников и председателей приказов, и возложении обязанности товарища председателя на старших султанов» от 4 апреля 1861 года; «Об изменении порядка выбора волостных управителей в Киргизской степи и в Семипалатинской области» от 4 апреля 1861 года; «О том, чтобы льготы, дарованные городам Аягузу (ныне Сергиополю), Кокбекты и Капалу, Семипалатинской области, распространить на купцов и мещан, причисленных к сим городам до ноября 1858 года» от 27 июня 1861 года; «О предоставлении начальнику Алатавского округа права выдавать билеты на проезд для торговли в города западного Китая: Кульджу и Чугучак» от 26 сентября 1862 года; «О возведении Акмолинского селения в области Сибирских киргизов на степень окружного города» от 26 сентября 1862 года.

В ведении Сибирского комитета находились и вопросы просвещения. По инициативе и с разрешения Сибирского комитета открывались учебные заведения на территории Казахской степи: «Об устройстве в городе Омске при областном правлении сибирских киргизов школы для воспитания киргизских детей» от 27 октября 1857 года; «Об открытии в городе Семипалатинске уездного училища» от 6 июня 1859 года.

К 60-м годам XIX века российское войсковое казачество продвинулось значительно вглубь казахских степей, для усиления собственных позиций строились новые укрепления. Так, в 1862 году на базе Копальского и Верненского укреплений был создан Алатавский округ, управление которым находилось также в компетенции Сибирского комитета. Было разработано высочайше утверждённое положение Сибирского комитета «Об управлении Алатавским округом» от 25 декабря 1862 года. В положении были выделены границы округа, определена структура управления: так, во главе Алатавского округа был назначен начальник с широким кругом гражданских и военных полномочий, который подчинялся непосредственно Семипалатинскому губернатору. Во главе укреплений назначались воинские начальники, под управлением которых было казачье войско. Образование новой административной единицы укрепило военное присутствие империи на территории Южного Казахстана, создало условия для дальнейшего военного захвата населения Старшего жуза, а также способствовало военным успехам русских войск в ходе завоевания среднеазиатских ханств (Zhakibayeva et al., 2022: 1149).

5. Заключение

Таким образом, архивные источники позволяют раскрыть особенности организации нового устройства по уставу 1822 года в Казахской степи, а также специфику формирования условий для дальнейшего продвижения Российской империи в южные регионы, которые были реализованы в ходе деятельности Сибирского комитета.

Созданный в 1821 году для интеграции сибирского обширного пространства в имперскую административную структуру, комитет являлся ключевым инструментом российской имперской политики в Казахской степи XIX века. Его деятельность делится на два периода, поэтому в исторической литературе принято отделять Первый (1821–1838) и Второй (1852–1864) Сибирские комитеты. Как видно из хронологии деятельности комитетов, они функционировали в различных исторических условиях, но тем не менее выполнили свою роль в укреплении имперской политики в Казахской степи.

Первый Сибирский комитет (1821–1838) занимался вопросами разработки и реализации «Устава о сибирских киргизах» 1822 года, который должен был адаптировать казахское общество к имперской системе управления. Как видно из архивных документов, организацией нововведений занималась местная администрация в лице генерал-губернатора Западной Сибири при помощи офицеров штаба и казачьих отрядов, которые хорошо знали сильные и слабые стороны местной правящей элиты и использовали все средства, содействовавшие реализации устава. Снабжённые особыми предписаниями военно-офицерские отряды, направленные в Казахскую степь, с особой осторожностью, дабы не вызывать открытых волнений, агитировали к принятию нововведений. Вооружённые отряды привлекались для демонстрации имперской силы, зачастую в агитационную работу привлекались муллы; речи руководителей отрядов, согласно инструкции, сопровождалась эпитетами и выражениями, которые должны были создавать в казахском обществе идеи и впечатления о «благотворности» и «заботливости» имперской власти. Более того, процесс принятия устава обязательно сопровождался обрядом принесения присяги на Коране, тем самым внушалась религиозная легитимация устава. Имперская власть стремилась придать реформам «законность» и внешнюю привлекательность, одновременно минимизируя риски сопротивления и создавая иллюзию добровольного согласия казахского населения на интеграцию в колониальную систему управления.

Архивные документы свидетельствуют как о первых успехах организации первых округов, так и о трудностях в их практической реализации. Введение устава изначально привело к открытому сопротивлению части потомков Абылай хана, которые предвидели угрозу власти чингизидов и наследственной ханской власти. Более того, опыт взаимодействия казахского населения с линейным начальством, рядовыми казаками ещё при жизни Абылай хана и принятия российского подданства показывал организационную слабость имперских обещаний и гарантий стабильности жизнедеятельности казахского общества. Среди части казахской элиты началось активное социальное и этнополитическое сопротивление имперским нововведениям, в связи с чем Сибирский комитет был вынужден приостановить на несколько лет дальнейшую реализацию устава, а также ограничить военное присутствие в Казахской степи.

Деятельность второго Сибирского комитета (1852–1864) связана со стремлением России укрепить свои позиции в Центральной Азии. Комитет занимался интеграцией региона, развитием промышленности (добыча соли, золота, руд), регулированием торговли, строительством инфраструктуры и укреплений, созданием новых административных единиц (например, Алатавского округа). Политика ослабления роли чингизидов в должностях старших султанов была реализована решениями о внедрении права избираться старшими султанами представителям чёрной кости. Среди них были дослужившиеся до офицерских чинов бии, волостные султаны и почётные киргизы, которые проявили особое усердие и благосклонность к имперской политике; таким образом, началась трансформация традиционной политической системы казахского общества.

Совместная деятельность обоих комитетов демонстрирует системность и последовательность имперской политики: от осторожного внедрения устава и адаптации казахского права – к масштабной интеграции и культурной трансформации региона.

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках реализации фундаментального научного исследования АР23487874 «Деятельность Сибирского комитета по формированию и реализации официальной политики Российской империи на территории Северо-Восточного Казахстана: анализ источников и контекст» при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- Абдилдабекова, 2004 – Абдилдабекова А.М. Россия и Казахстан (XVIII – начало XX века): вопросы историографии: учебное пособие. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 124 с.
- Абдрахманова, 1998 – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: Елорда, 1998. 137 с.
- Акимбеков, 2018 – Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы: ТОО Институт Азиатских исследований, 2018. 562 с.
- Аполлова, 1948 – Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948. 256 с.
- Волчек, 2006 – Волчек В.А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск: Сибирская народная книга, 2006. 420 с.
- Дамешек, 1986 – Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начала XX в.). Иркутск: Иркутский университет, 1986. 168 с.
- Дамешек, Ремнев, 2007 – Дамешек Л.М., Ремнев А.В. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
- Ерошкин, 1981 – Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). М.: Мысль, 1981. 252 с.

- Ерошкин, 1997 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Третий Рим, 1997. 352 с.
- Жиренчин, 1996 – Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX в. Алматы: Жеті Жарғы, 1996. 352 с.
- Зиманов, 1960 – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII – первой половины XIX в. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 296 с.
- ИАОО – Исторический архив Омской области.
- Комаров, 2004 – Комаров А.В. Особые органы центрального управления Сибирью XVII – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2004. 233 с.
- Кузнецов, 1972 – Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // *Очерки истории Сибири*. Вып. 2. Иркутск, 1972. С. 3-27.
- Маркова, 1998 – Маркова И.Б. Вопросы организации управления Сибирью периода позднего феодализма в советской историографии // *Вопросы историографии Сибири и Алтая*. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. С. 57-58.
- Отепова, 2012 – Отепова Г.Е. Хронологический указатель законодательных актов Российской империи по истории Казахстана XVIII – начала XX в. Учебно-справочное пособие. Павлодар: ПГПИ, 2012. 159 с.
- Отепова, 2015a – Отепова Г.Е. Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана (XIX в.): сборник документов. Ч.1. Павлодар: ПГПИ, 2015. 284 с.
- Отепова, 2015b – Отепова Г.Е. История Казахстана в законодательных источниках Российской империи. Павлодар, 2015. 293 с.
- Почекаев, 2014 – Почекаев Р.Ю. Статус Казахстана в составе Российской империи в первой половине XVIII в. / *Памятники российского права в 35 т.* Т. 5. Памятники права 1725–1762 гг.: учебно-научное пособие. М.: Юрлитинформ, 2014. 592 с.
- Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Правовое положение окраин Российской империи. Казахстан и Средняя Азия. М., 2017. 184 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Ремнев, 1997 – Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1997. 253 с.
- Ремнев, 2004 – Ремнев А.В. Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века / *Новая имперская история постсоветского пространства. Сб. статей под ред. И. Герасимова*. Казань: Центр исследования национализма и империи, 2004. 656 с.
- Zhakibayeva et al., 2022 – Zhakibayeva G.B., Otepova G.E., Kontev A.V., Sadykova A.M. (2022). Creating a System of Military Facilities on the South of Kazakhstan on the Middle of the 19th century and Their Role in Conducting a Policy of Russian Empire// *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1140-1152.

References

- Abdildabekova, 2004 – Abdildabekova, A.M. (2004). Rossiya i Kazakhstan (XVIII – nachalo XX veka): voprosy istoriografii: uchebnoe posobie [Russia and Kazakhstan (18th – early 20th centuries): historiography issues: textbook]. Almaty: Daik-Press. 124 p. [in Russian]
- Abdrakhmanova, 1998 – Abdrakhmanova, B.M. (1998). Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroistvo v XIX veke [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the 19th century]. Astana: Elorda. 137 p. [in Russian]
- Akimbekov, 2018 – Akimbekov, S. (2018). Kazakhstan v Rossiiskoi imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty: TOO Institut Aziatskikh issledovanii. 562 p. [in Russian]
- Apollova, 1948 – Apollova, N.G. (1948). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII veka [The accession of Kazakhstan to Russia in the 1730s]. Alma-Ata. 256 p. [in Russian]
- Dameshek, 1986 – Dameshek, L.M. (1986). Vnutrennyaya politika tsarizma i narody Sibiri (XIX–nachala XX v.) [The internal policy of tsarism and the peoples of Siberia (19th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Irkutskii universitet. 168 p. [in Russian]
- Dameshek, Remnev, 2007 – Dameshek, L.M., Remnev, A.V. (2007). Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1981 – Eroshkin, N.P. (1981). Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty (Pervaya polovina XIX veka) [Serfdom autocracy and its political institutions (First half of the 19th century)]. М.: Mysl'. 252 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1997 – Eroshkin, N.P. (1997). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii [History of state institutions of prerevolutionary Russia]. М.: Tretii Rim. 352 p. [in Russian]
- IAOO – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of Omsk Region].
- Komarov, 2004 – Komarov, A.V. (2004). Osobyie organy tsentral'nogo upravleniya Sibir'yu XVII – nachala XX vv. [Special bodies of central administration of Siberia of the 17th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet. P.24. [in Russian]
- Kuznetsov, 1972 – Kuznetsov, A.S. (1972). Sibirskaya programma tsarizma 1852 g. [The Siberian program of tsarism in 1852]. Ocherki istorii Sibiri. Vyp. 2. Irkutsk. Pp. 3-27. [in Russian]

Markova, 1998 – *Markova, I.B.* (1998). Voprosy organizatsii upravleniya Sibir'yu perioda pozdnego feodalizma v sovetskoj istoriografii [Questions of the organization of management of Siberia during the period of late feudalism in Soviet historiography]. *Voprosy istoriografii Sibiri i Altaya*. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta. Pp. 57-58. [in Russian]

Otepova, 2012 – *Otepova, G.E.* (2012). Khronologicheskii ukazatel' zakonodatel'nykh aktov Rossiiskoi imperii po istorii Kazakhstana XVIII – nachala XX v. Uchebno-spravochnoe posobie [Chronological index of legislative acts of the Russian Empire on the history of Kazakhstan of the 18th – early 20th centuries. Educational reference manual]. Pavlodar: PGPI. 159 p. [in Russian]

Otepova, 2015 – *Otepova, G.E.* (2015). Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii po istorii Kazakhstana (XIX v.): sbornik dokumentov. Ch.1. [Legislative acts of the Russian Empire on the history of Kazakhstan (19th century): collection of documents. Part 1]. Pavlodar. PGPI. 284 p. [in Russian]

Otepova, 2015 – *Otepova, G.E.* (2015). Istoriya Kazakhstana v zakonodatel'nykh istochnikakh Rossiiskoi imperii [History of Kazakhstan in the legislative sources of the Russian Empire]. Pavlodar. 293 p. [in Russian]

Pochekaev, 2014 – *Pochekaev, R.Yu.* (2014). Status Kazakhstana v sostave Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XVIII v. [Status of Kazakhstan within the Russian Empire in the first half of the 18th century]. Pamyatniki rossiiskogo prava in 35 vol. Vol. 5. Pamyatniki prava 1725-1762: study guide. M.: Yurlitinform. 592 p. [in Russian]

Pochekaev, 2017 – *Pochekaev, R.Yu.* (2017). Pravovoe polozhenie okrain Rossiiskoi imperii. Kazakhstan i Srednyaya Aziya [Legal status of the outskirts of the Russian Empire. Kazakhstan and Central Asia]. M. 184 p. [in Russian]

Remnev, 1997 – *Remnev, A.V.* (1997). Samoderzhavie i Sibir': Administrativnaya politika vtoroi poloviny XIX – nachale XX vekov [Autocracy and Siberia: Administrative policy of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Izd-vo Omskogo un-ta. 253 p. [in Russian]

Remnev, 2004 – *Remnev, A.V.* (2004). Vdvinut' Rossiyu v Sibir': imperiya i russkaya kolonizatsiya vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [To push Russia into Siberia: empire and Russian colonization in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva. Coll. of articles ed. by I. Gerasimova. Kazan': Tsentr issledovaniya natsionalizma i imperii. 656 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Volchek, 2006 – *Volchek, V.A.* (2006). Osushchestvlenie imperskoi politiki na vostochnykh okrainakh Rossii v deyatelnosti Vtorogo Sibirskogo komiteta [The implementation of imperial policy on the eastern outskirts of Russia in the activities of the Second Siberian Committee]. Novosibirsk: Sibirskaya narodnaya kniga. 420 p. [in Russian]

Zhakibayeva et al., 2022 – *Zhakibayeva G.B., Otepova G.E., Kontev A.V., Sadykova A.M.* (2022). Creating a System of Military Facilities on the South of Kazakhstan on the Middle of the 19th century and Their Role in Conducting a Policy of Russian Empire. *Bylye Gody*. 17(3): 1140-1152.

Zhirenchin, 1996 – *Zhirenchin, K.A.* (1996). Politicheskoe razvitie Kazakhstana v XIX – nachale XX v [Political development of Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries]. Almaty: Zheti Zhargy. 352 p. [in Russian]

Zimanov, 1960 – *Zimanov, S.Z.* (1960). Politicheskii stroi Kazakhstana kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX v. [The political system of Kazakhstan of the late 18th – first half of the 19th centuries]. Alma-Ata: AN KazSSR. 296 p. [in Russian]

Историко-архивный анализ документов Сибирского комитета по вопросам внедрения административно-территориальных реформ в Казахской степи в XIX веке

Данияр Ж. Кусаинов ^{a, *}, Алтынгуль А. Каскабасова ^b, Гульдана Б. Жакибаева ^c

^a Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Республика Казахстан

^b Торайгыров университет, Павлодар, Республика Казахстан

^c Академия физической культуры и массового спорта, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Сибирского комитета, которая охватывала широкий спектр сфер, что делает его одним из ключевых институтов управления и развития Сибири в XIX веке. Комитет занимался вопросами административного управления, экономического развития, социальной политики и культурного прогресса, что позволило ему оказывать значительное влияние на формирование облика регионов Российской империи, включая казахские степи. Цель данного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: daniyar.k.zh@mail.ru (Д.Ж. Кусаинов), kaa80alt@mail.ru (А.А. Каскабасова), zhakibayeva.guldana@gmail.com (Г.Б. Жакибаева)

исследования – проанализировать деятельность Сибирского комитета в отношении внедрения административных и территориальных реформ в Среднем жузе в течение XIX века на основе архивных документов. Задача исследования – ввести в научный оборот новые архивные материалы, связанные с деятельностью Сибирского комитета, которые могут дополнить существующие знания о механизмах управления и экономического развития степных территорий. Исследование основано на архивных документах из фондов Российского государственного исторического архива и Исторического архива Омской области.

Деятельность Сибирского комитета была многогранной и имела далеко идущие последствия. Создание инфраструктуры, реализация переселенческой политики, экономическое развитие и культурная трансформация в Среднем жузе стали процессами, которые существенно изменили облик Казахской степи.

Ключевые слова: Сибирский комитет, Средний жуз, реформы, устав, внешний округ, промышленность.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1791-1800
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1791

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Countess P.S. Uvarova and Her “Readings” for the Peasants of the Porechye Estate: New Features for a Historical Portrait (based on Archival Materials)

Yulia G. Kokorina ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The personalities of people from the past are increasingly becoming the focus of historians' attention. In their research, scientists reveal not only the professional, but also the human qualities of figures of the past centuries. Our contemporaries learn from their example of love for their country, loyalty to their chosen cause, and kindness to people. Therefore, the appeal to the genre of historical portrait seems relevant. In historiography, ideological clichés are often formed in relation to many figures of the past, or the focus is on business qualities, while personality traits remain unexplored. This also applies to Countess Praskovya Sergeevna Uvarova, who is known as the organizer of archaeological science in Russia and a talented scientist. The trend towards an objective assessment of its activities began to take shape only in recent decades. This article reveals her attitude towards the peasants of the Uvarov family estate, the village of Porechye, in the first decade after the abolition of serfdom. The material for the study was the recordings of conversations between P.S. Uvarova and the peasants of the Porechye region, stored in the archive of the Counts Uvarov. The introduction of a little-known historical source into scientific circulation determines the novelty of this work. The interview tests are analyzed in the context of the history of the first post-reform years using the published memoirs of the Countess. In his conversations, P.S. Uvarova appears as a man of high culture. She sought to instill in her listeners an understanding of the need for education, both for boys and girls; to form the foundations of Orthodox morality; to teach the principles of a healthy lifestyle. Uvarova told the peasants about the need to organize their work, economical farming, and raise their children in the traditions of love for one's neighbor, purity, and decency. The studied historical sources make it possible to shake many ideologized ideas about the relations of the nobility with the peasants.

Keywords: history of Russia, abolition of serfdom, history of everyday life, history of archeology, Countess P.S. Uvarova, Count A.S. Uvarov, village of Porechye.

1. Введение

Внимание к личности того или иного деятеля прошлого является характерной чертой современных исследований. После десятилетий утверждения ведущей роли народных масс в истории историки опять обращаются к характеристике личностей, которые предстают без идеологических клише и ярлыков. Лица прошлого становятся близкими и понятными людям, знакомящимся не только с их общественной или научной деятельностью, но и с их чисто человеческими качествами. Жанр «исторического портрета» набирает всё большую популярность. Издаются личные дневники и архивные материалы (Щавелев, 2013: 176), снимаются фильмы, выкладываются в сети Интернет лекции, посвящённые реальным людям прошлого. Издаются целые серии монографий, посвящённых «истории повседневности», рассчитанные не только на профессионалов, но и на широкую аудиторию читателей. Все эти произведения и информационные ресурсы заставляют людей XXI века по-новому взглянуть не только на прошлое и его представителей, но и задуматься о своём месте в жизни страны.

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina)

С введением в научный оборот архивных материалов раскрываются новые ракурсы этих исторических портретов. Поэтому обращение к подобному жанру современной научной работы представляется актуальным, особенно если учесть живучесть сложившихся в научном сообществе оценок и стереотипов.

В полной мере это относится и к графу А.С. Уварову (1824–1884) и его супруге П.С. Уваровой (1840–1924), руководителям Московского Археологического Общества (МАО), первыми поставившими задачу изучения русских древностей и не жалевших сил на это. В 1930-е годы советский археолог В.А. Равдоникас (1894–1976) обвинял А.С. Уварова в том, что он относился к археологии «как к хорошему средству заполнить свободное время, которое некуда было девать» (Равдоникас, 1930: 38), а А.В. Арциховский (1902–1978) писал, что «этот дилетант <...> был достойным наследником своего отца, известного мракобеса» (Клейн, 2018: 304). Возвращение к научному наследию Уваровых началось в 1990-е годы (Сундиева, 2018: 229). В данной статье рассматривается личность Прасковьи Сергеевны Уваровой в несколько ином ключе – не как археолога и организатора науки, а как человека, жившего в переломную эпоху, когда менялись представления о роли социальных групп российского общества и формировалось понятие «гражданского общества» в России. Нами вводится в научный оборот малоизвестный исторический источник – записи П.С. Уваровой бесед с крестьянами фамильного имения, села Поречье Московской губернии. Эти архивные документы раскрывают новый ракурс личности графини П.С. Уваровой и новый ракурс истории отношений помещиков и крестьян после реформы 1861 года. Современный российский историк А. Виноградов рассуждает так: «Образ царской России в течение долгих лет виделся нам только сквозь мутные фильтры “Кратких курсов”. В результате этой долгой фильтрации картина ее экономического, социального, духовного состояния... приобретала совершенно искаженный характер: полный мрак, прорезываемый лишь лучом света классовой и революционной борьбы... Оставалось только удивляться, как при таком “кровавом режиме”, в этой “тюрьме народов”..., “азиатской деспотии” удавалось выигрывать... войны – и в значительной степени против самых “передовых” государств, подчинив себе одну шестую часть земли...» (Карагодин и др., 2021: 12). Целью данной работы является растворение одного из таких «мутных фильтров» на основании введения в научный оборот малоизвестного исторического источника, что определяет новизну нашего исследования.

2. Материалы и методы

Материалами для данной статьи стали записи бесед графини П.С. Уваровой с крестьянами имения Поречье, хранящиеся в фонде Отдела письменных источников Государственного исторического музея (Москва, Российская Федерация) (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476). Проводя археографическую критику источника, необходимо отметить, что данные записи представляют собой две самодельные тетради из плотной белой бумаги, в которых тексты бесед написаны чёрными чернилами. Анализ рукописных документов фонда 17 Отдела письменных источников ГИМ показывает, что написаны рассматриваемые тетради почерком П.С. Уваровой, видимо, за несколько раз, так как почерк записей отдельных бесед несколько отличается, хотя, несомненно, принадлежит графине П.С. Уваровой. Первая тетрадь имеет написанные на титульном листе заглавие и дату: «Разговоры с крестьянами в селе Поречье. Тетрадь 1. С 17 июля 1866 года» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л.1), вторая тетрадь – «Разговоры с крестьянами в селе Поречье. Тетрадь 2. С 2-го июля 1867 года» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 44). В тетрадях тщательно изложен текст бесед, приведены обращения к крестьянам, тексты носят подробный характер. Это – дословное изложение бесед, не план и не конспект. Ценность такого документа личного характера возрастает из-за того, что все дневники и письма были сожжены П.С. Уваровой перед передачей архива и коллекций в Исторический музей в 1917 году (Кончин, 1994: 48). Можно только предполагать, что записей бесед было больше, так как программа «Чтений», которая открывает первую тетрадь, выполнена не полностью.

В качестве материала использовались также опубликованные воспоминания П.С. Уваровой (Уварова, 2005). Публикация состоялась в 2005 году на основе переданной в ГИМ внуком П.С. Уваровой князем С.С. Оболенским перепечатки рукописи Прасковьи Сергеевны. Издателями были уточнены факты, имена и даты, т.к. П.С. Уварова писала свои воспоминания по памяти. Опубликованные воспоминания стали материалом для ряда научных работ, которые будут охарактеризованы далее.

Нами использовались такие методы, как дескриптивный, для описания содержания бесед, а также сравнительно-исторический метод, позволяющий сравнить факты, упоминаемые в беседах, с воспоминаниями графини и изучить контекст появления документа. Использован также биографический метод, который дал возможность выявить роль личности П.С. Уваровой в историческом контексте первого десятилетия после реформы 1861 года.

3. Обсуждение

Личность П.С. Уваровой привлекала внимание её современников, прежде всего – коллег по Московскому Археологическому Обществу, которое она возглавила после смерти А.С. Уварова.

Например, выдающийся российский археолог, член МАО Д.Н. Анучин (1843–1923) отмечал в ней любовь к родине, верность науке, большой организаторский талант (Анучин, 1916: XXIII). Е.К. Редин писал о её значительном вкладе в археологию, о любви ко всему, чем бы ни занималась графиня (Редин, 1905: 7). Об оценке «дворянских археологов» в советское время мы говорили выше.

В 1990 году в материалах «Уваровских чтений», проходящих в городе Муроме, помещена статья Л.С. Храповой, которая признаёт её вклад в науку равноценным вкладу А.С. Уварова (Храпова, 1990). Г.С. Лебедев, выделивший специальный «уваровский период» в истории российской археологии, называл П.С. Уварову «незаурядной личностью», для которой её деятельность была «служением». Однако историк науки отмечает, что это служение, означавшее для неё «не изменять заветам» А.С. Уварова, со временем стало силой, сковывавшей развитие археологии (Лебедев, 1992: 224). Признаёт её заслуги перед наукой А.А. Формозов в своей статье об А.С. Уварове (Формозов, 1993). Роль П.С. Уваровой в сохранении памятников древности Москвы и Подмосковья раскрыли в своих работах А.И. Фролов (Фролов, 2003) и М.А. Полякова (Полякова, 1994; Полякова, 2013). Теоретик и историк археологии Л.С. Клейн, посвятив специальный раздел А.С. Уварову, говорит о Прасковье Сергеевне как об энергичном и толковом организаторе, пишет о её помощи молодым археологам и щедрых жертвованиях на нужды МАО, но в археологии считает её дилетантом (Клейн, 2018: 325). Тем не менее, другие исследователи признают её значительный вклад в науку (Дорохина, Платонова, 2023).

Этапом в изучении биографии П.С. Уваровой стала публикация её воспоминаний в 2005 году, в предисловии к которым, кроме биографических данных, дана характеристика её личности: «внутренний аристократизм определял её отношение как к событиям, так и к людям, независимо от их общественного положения» (Уварова, 2005:17). Воспоминания графини П.С. Уваровой стали материалом для ряда статей (Петрова, 2016; Плеханова, 2016; Сундиева, 2018), в том числе и об укладе сельской жизни в имении Уваровых (Петрова, Ермакова, 2021). Истории самого имения и деятельности А.С. и П.С. Уваровых по его благоустройству, участии Прасковьи Сергеевны в земской деятельности, характеристике хранившихся в нём коллекций древностей посвящены специальные работы российских историков (Кончин, 1994; Полякова, 1994; Полякова, 2013; Фролов, 2003). В этих трудах отмечается роль семьи Уваровых в превращении своего родового имения в настоящий культурный центр.

Большинство указанных работ основаны на опубликованных источниках, главное место среди которых занимают воспоминания графини П.С. Уваровой. Мы вводим в научный оборот малоизвестный архивный материал, который дополняет сложившийся в науке образ П.С. Уваровой. Кроме содержательной части, в авторском стиле записей бесед Прасковьи Сергеевны с крестьянами Поречья просматриваются особенности её отношения к слушателям, что обусловило обилие цитат из использованных нами документов. Мы хотим, чтобы читатель не только осознал содержание её бесед, но и прочувствовал её отношение к простым людям.

4. Результаты

Автором бесед является Прасковья Сергеевна Уварова, и адресованы они крестьянам Поречья, как указывают даты на тетрадах, в пореформенные годы. Поэтому необходимо хотя бы кратко познакомить читателя с биографией и личностью Прасковьи Сергеевны Уваровой и историей села Поречье.

4.1. Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1924) – краткая биографическая справка

Родилась Прасковья Сергеевна Уварова 28 марта 1840 года в Харьковской губернии. Родители воспитывали в детях понимание «обязанностей перед крестьянами» (Уварова, 2005: 9), которые молодая княжна усвоила ещё в детстве и осознала, став хозяйкой родового имения графов Уваровых – села Поречье.

В 1850-е годы семья Щербатовых переезжает в Москву, где родители уделяли большое внимание воспитанию детей: «Словесность преподавал Ф.И. Буслаев, музыку – Н.Г. Рубинштейн, рисование и живопись – А.К. Саврасов» (Уварова, 2005: 9). На одном из балов шестнадцатилетнюю Прасковью Щербатову увидел Л.Н. Толстой, который был тогда уже известным писателем, и даже попытался ухаживать за ней, но княжну не привлекали, как она напишет впоследствии, «льстивые ухаживания Толстого» (Уварова, 2005: 28). Считают, что именно с Прасковьи Сергеевны написан образ Китти Щербацкой в романе «Анна Каренина» (Клейн, 2018: 298). В то же время в 1857 году, после кончины императора Николая I и смерти отца (оба события приходятся на 1855 год) в Москву переехал из Петербурга граф А.С. Уваров, к тому времени – известный археолог, сын министра просвещения С.С. Уварова (1786–1855). Имя С.С. Уварова ассоциировалось в советской историографии с концепцией «православие, самодержавие, народность». Однако современные историки отмечают, что С.С. Уваров был хорошо образованным человеком, знал семь языков, был президентом Академии наук. Именно при его управлении Академией создаются Пулковская обсерватория и Археологическая комиссия. Отец А.С. Уварова был известным коллекционером античных древностей и западноевропейской скульптуры, собирал в своём подмосковном имении Поречье учёных и преподавателей из Москвы и Санкт-Петербурга, которые дискутировали на научные темы, выступали с лекциями, анализировали экспонаты коллекции С.С. Уварова (Клейн, 2018: 299; Ратников, 2006). А.С. Уваров познакомился с семьёй Щербатовых, и в 1858 году Прасковья

Сергеевна вышла за него замуж, став «графиней Уваровой». Именно под этим именем она войдёт в историю науки.

Во время путешествия по Европе, длившегося два года, перед молодой графиней раскрылся целый мир – мир древних памятников. Супруги побывали в Англии, Испании, Франции, Италии, встречались с известными учёными и общественными деятелями (в частности, в Лондоне – с А.И. Герценом), присутствовали на раскопках Геркуланума и Помпей. Прасковья Сергеевна во всём помогала А.С. Уварову: отмечала необходимые места в приобретаемых книгах, зарисовывала древние памятники, во время раскопок очищала артефакты и фиксировала их расположение на плане (Уварова, 2005: 10).

В 1861 году супруги вернулись в родовое имение Поречье. Ведение хозяйства требовало значительного внимания и усилий, тем более что верхний этаж господского дома А.С. Уваров решил превратить в «Музеум», в котором поместил не только коллекции отца, но и собственные приобретения – древнерусские рукописи, иконы, пелены, материалы раскопок (Клейн, 2018: 307). Необходимо было на практике осуществлять положения Манифеста об освобождении крестьян и выстраивать по-новому отношения с ними. Этой деятельности посвящена значительная часть «Воспоминаний» графини П.С. Уваровой.

В 1864 году по инициативе графа А.С. Уварова создаётся Московское Археологическое Общество (МАО), и П.С. Уварова деятельно участвует в его организации и работе, участвует в организации Археологических Съездов, отбирает экспонаты для выставок к Съездам, сопровождает мужа в поездках, встречается с местными археологами, учёными, представителями власти. При этом граф А.С. Уваров не считал необходимым вводить дам в состав Общества, поэтому П.С. Уварова не имела в МАО официального статуса. А.С. Уваров руководил работой Московского Археологического Общества и организацией Исторического музея, что подточило его силы и привело к смерти в 1884 году (Клейн, 2018: 314). В 1885 году члены Московского Археологического Общества избирают П.С. Уварову своим председателем. До 1917 года Прасковья Сергеевна станет организатором ещё семи Археологических Съездов, издаст неопубликованные работы А.С. Уварова и каталог его коллекций. Под её руководством Московское Археологическое Общество отстоит целый ряд уникальных памятников старины по всей России, в том числе и в годы начавшейся Первой мировой войны. П.С. Уварова войдёт в историю науки как один из первых систематических исследователей памятников археологии, истории и природы Кавказа, способствуя их изучению и сохранению (Цаллагова, 2019).

При этом Прасковья Сергеевна активно занималась земской деятельностью, устройством школ и больниц, и «не чуралась повседневной, черновой, подчас трудной и утомительной работы» (Уварова, 2005: 16).

События 1917 года П.С. Уварова восприняла как катастрофу. Собрания, коллекции, семейный архив она передала осенью 1917 года в Исторический музей, понимая, какую ценность они представляют для России. В 1919 году семья Уваровых покинула Россию. Скончалась Прасковья Сергеевна Уварова 30 июня 1924 года.

4.2. Поречье – родовое имение Уваровых

Её «Беседы» были адресованы крестьянам Поречья – родового имения Уваровых, в которое молодая графиня приехала с мужем в 1861 году.

Истории имения Уваровых Поречье и его месту в культуре России посвящена специальная монография М.А. Поляковой, к которой мы отсылаем заинтересованного читателя (Полякова, 2013). М.А. Полякова отмечает, что впервые Поречье упоминается в писцовых книгах XVI века, его владельцем был граф А.К. Разумовский (1748–1822), на дочери которого был женат С.С. Уваров. При С.С. Уварове был построен господский дом с двумя флигелями. Как считают современные исследователи, при А.С. Уварове и его сыне Ф.А. Уварове (1866–1954) усадьба стала образцовой экономией (Полякова, 2013: 104). Её устройство при А.С. и П.С. Уваровых обусловило особенности отношения с крестьянами, которые подробно описывает в своих воспоминаниях П.С. Уварова и отражением которых являются рассматриваемые нами документы.

Ещё при С.С. Уварове в усадьбе были собраны коллекции античных древностей, жемчужиной которой была Альтемпская урна – древнеримский саркофаг, хранящийся сейчас в ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве. Впоследствии, при А.С. Уварове, сформировалась экспозиция русских памятников. Свою коллекцию владельцы называли «Пореченским музеумом». Этот один из первых усадебных музеев в России был открыт для посещения, как и его библиотека. Выдающийся российский археолог В.А. Городцов (1860–1945) занимался после 1917 года вывозом коллекций «Музеума» в Москву. «Дом графа Ф.А. Уварова (сына А.С. и П.С. Уваровых – Прим. авт.) представляет из себя замечательный дворец, наполненный удивительными научными сокровищами. <...> Я показался себе могильщиком, и эта мысль сдавила мне горло. <...> Мне хотелось бы крикнуть нашим отдаленным лучшим потомкам: “Помните Уваровых, они сделали много добра российскому народу...”», – писал впоследствии В.А. Городцов (Полякова, 2013: 194-195).

Это добро они делали не только собиранием коллекций. Уваровы сохранили о себе добрую память у жителей их имений, начало чему было положено в первые годы их приезда в Поречье (Плеханова, 2016: 88).

Лесничим Поречья был ботаник К.Ф. Трюмер, который проводил посадки лесов на научной основе. Лес был разбит на 130 кварталов, организована сеть дорог и просек, проводилась регулярная чистка леса, мелиоративные работы по осушению болот. Преимущество отдавалось высокоствольным хвойным деревьям. К.Ф. Трюмер был не только образцовым лесничим, но и проводил научные исследования, публикуя результаты в специальных журналах (Полякова, 2013: 105).

Граф А.С. Уваров высоко ценил труд К.Ф. Трюмера и именно с ним, как пишет в своих воспоминаниях П.С. Уварова, обсуждал опасность для лесных угодий из-за необходимости выделять крестьянам наделы согласно реформе 1861 года (Петрова, Ермакова, 2021: 44). Проблема малоземелья была решена за счёт переселения крестьян. А.С. Уваров выделил землю и средства на переселение, и тревога крестьян была успокоена (Уварова, 2005: 75).

Об отношении с крестьянами говорят воспоминания Прасковьи Сергеевны, которые позволили Петровой О.С. и Ермаковой А.М. произвести микроисторический анализ пореформенных лет в контексте истории повседневности (Петрова, Ермакова, 2021:46), который дополняется используемыми нами документами.

4.3. «Чтения» для крестьян П.С. Уваровой

Свои «Чтения» П.С. Уварова начинает с объяснения причин их проведения: «Вы работаете целую неделю, а воскресенье остается вам на отдых. Что мы делаем в это воскресенье и как отдыхаем? Кто сидит дома и ничего не делает, кто – спит, кто пойдет к соседу поболтать или поссориться; кто (и этих всех больше) не зная, как убить время, отправляются в кабаки, и, забывая друзей, мастерство, обедню, праздник, кричат, бесчинствуют, ругаются, и, возвращаясь домой, вносят в семью раздор, соблазн и дурной пример для детей» (ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп. 1. Д. 476. Л. 2). Примечательно употребление местоимения «мы», – Прасковья Сергеевна призывает таким образом объединить усилия свои и слушателей. Она предлагает крестьянам проводить праздники вместе, чтобы, приходя по праздникам в церковь, они заходили в школу, где учились их дети (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 3). Графиня Уварова стремится привлечь крестьян в школу, в которой есть все условия для занятий. Она готовит для них тёплую и светлую комнату, что позволяло крестьянам спокойно отдохнуть. Думала Прасковья Сергеевна и о детях, с которыми приходили её слушатели. Для детей отводились соседние комнаты, где их кормили и развлекали. Для совсем маленьких были кроватки, где они могли поспать. То есть крестьяне всей семьёй, по задумке П.С. Уваровой, могли провести вместе всё воскресенье (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 3). Прасковья Сергеевна учла все сложности, которые могут встать на пути её бесед с крестьянами.

Далее П.С. Уварова выстраивает целую программу «Чтений», которая включала как беседы богословского характера, так и обучение слушателей тому, как себя держать, дабы заслужить имя человека, отца, матери, брата и сына. Она стремилась научить крестьян сохранять здоровье и силы. Прасковья Сергеевна планировала рассказать: «...что наша матушка Россия делает для нас, я расскажу вам, что делали для нее некоторые ее лучшие сыны, дабы и вы могли достойно любить нашу милую Россию» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 3). К сожалению, в архиве Уваровых сохранились, как отмечено выше, только две тетради бесед, и мы не можем сказать, проводила ли графиня П.С. Уварова «чтения» исторического характера, но, как будет показано далее, она разъясняла своим слушателям необходимость благонравного поведения, обучения детей, ведения хозяйства, правила сохранения здоровья.

Второе чтение полностью посвящено разъяснению основ православия. В ходе беседы графиня задаёт риторические вопросы и предлагает на них ответы, призванные разъяснить слушателям суть религиозных положений. Прасковья Сергеевна стремилась, чтобы крестьяне не формально воспринимали религию или придерживались только её обрядовой стороны, но проникали, насколько возможно, в суть православного учения.

Как следует из записей первого «Чтения», П.С. Уварова проводила свои беседы в здании школы. Она стремится донести до своих слушателей, что это не только здание, где детей учат грамоте. Прасковья Сергеевна утверждает, что одного обучения грамоте мало. Необходимо воспитание, благодаря которому формируются «люди честные, добрые, здоровые, кроткие, которые и Бога бы боялись, и сами жизни своей радовались, и соседу своему могли помочь добрым словом и делом» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 12). Обучению крестьянских детей Прасковья Сергеевна уделяла особое внимание. Она вошла в школьную комиссию Можайского Благотворительного общества, и в своих имениях Уваровы открывали школы не только для мальчиков, но и для девочек. Уваровы решили заменить дьякона, который был единственным преподавателем в школе, куда ходили 35 мальчиков села Поречье, профессиональной учительницей (Уварова, 2005: 77). Но найти подходящую кандидатуру при тогдашнем противоречивом отношении, даже в среде просвещённых людей, к женскому образованию, оказалось непросто. Прасковья Сергеевна нашла отклик у помещиков Чепелевских, которые согласились учредить учительскую семинарию, воспитанницы которой «считались лучшими учительницами народных школ» (Уварова, 2005: 78-79). Совместно с

членами Можайского земства П.С. Уварова занималась разработкой школьных программ, подбором педагогов, проверочными экзаменами и назначением в школы попечителей и попечительниц (Полякова, 2013: 106). Не хватало даже собственно зданий для школ, и графиня направляла десятки писем помещикам с просьбой выделить необходимые помещения. В 1864–1866 годах графиня возглавляла шесть школ, а в одной из деревень в шести верстах от Поречья был устроен специальный «приемный покой» для малышей: когда матери уходили на полевые работы, они оставляли там младенцев под присмотром вдовы-учительницы и нескольких подростков. При этом прообразе детских яслей был огород, корова и запас крупы и муки, чтобы покормить малышей (Полякова, 2013: 107). Предметом забот графини был и сиротский приют в Можайске, к уходу за воспитанниками которого она привлекла широкую общественность (Уварова, 2005: 82).

В центре внимания графини была школа в Поречье, где и проходили беседы. Туда была привезена учительница из Москвы М.П. Погодиным по просьбе А.С. Уварова. При школе был организован интернат для сирот-мальчиков, а при нём – сапожная и слесарная мастерские. Школа была организована в бывшем фабричном здании, на первом этаже – кухня, столовая и спальня для детей, на втором – классы и мастерские (Полякова, 2013: 108).

В своих беседах с крестьянами Прасковья Сергеевна разъясняла, чему и для чего учат детей в школе, говоря, что кроме обучения чтению, письму, счёту, детей учили также любви к природе, азам богословия, чтобы, приходя в церковь, они могли понимать всё, что там читают, о чём молятся. Кроме того, рисовать или чертить, началам геометрии. Учили петь, проводили занятия по гимнастике (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 16). Таким образом, в школе села Поречье стремились не только дать образование, но и занимались нравственным и физическим воспитанием учеников. Цель воспитать достойного члена общества как итог образования разъясняет П.С. Уварова своим слушателям: «Я уверена (и дай Бог мне это увидеть), что не только ученики наши будут между собой в последствии хорошими соседями, но что из них выйдут отличные матери, добрые мужья, которые сами будут уметь хорошо воспитывать своих детей» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 16). В школе обучались и девочки, она была рассчитана на 30 мальчиков и 20 девочек (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 16). В стремлении обучать помимо мальчиков, и девочек, видится не только прогрессивность взглядов Уваровых на педагогику, но и наследие детства Прасковьи Сергеевны, помнящей, как её мать учила девочек вышиванию, что впоследствии давало им хороший заработок (Уварова, 2005: 20).

П.С. Уварова пыталась донести до своих слушателей высокий гуманистический посыл образования, доказывая, что школа должна не только обучить грамоте ребёнка, но больше всего стараться о развитии его ума и сердца. Она сравнивала школу с большой мастерской, в которой ребёнок, уже работая, упражняет своё тело и ум, готовится к той трудной работе, которая ожидает его в юности. Ребёнок в школе, по мнению Прасковьи Сергеевны, готовит тот инструмент, который должен служить ему всю жизнь. Но для этого необходима помощь родителей в семье и учителей в школе (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 20).

Говоря об особенностях воспитания детей, Прасковья Сергеевна рассказывает родителям, что необходимо уметь показать ребёнку день и ночь, произведения искусства и промышленности. Графиня Уварова считает, что, если ребёнок будет осознанно смотреть на все эти произведения искусства и торговли, то у него невольно разовьётся желание сделать что-нибудь хорошее и полезное (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 24-25). Среди слушателей были и женщины, к которым П.С. Уварова обращается с проникновенными словами: «Добрые матери! Вы, которые желаете счастья Вашим детям, старайтесь обращать ваше внимание на то, что может порадовать или тронуть их юную душу. Учите их отыскивать и любить всю ту песню, которую поет природа, но для этого учите их слушать. <...>

Старайтесь, чтобы ухо его никогда не слышало ни вольных слов, ни дерзких, грубых выражений, ни божбы, ни богохульства, он может стать, и не поймет этих слов при самом начале, но потом, произнося их, потеряет всю свою невинность, всю чистоту душевную» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 29-30).

П.С. Уварова обращается к вопросам нравственности, говоря крестьянам, что человеческие органы чувств служат пользе и удовольствию людей, но только разум может научить умно руководить чувствами и помочь употребить их (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 44).

Уваровы не только объясняли необходимость и значимость знания и образования, но и на деле помогали самым талантливым крестьянским детям достигать высот образования. Так, в своих воспоминаниях графиня П.С. Уварова рассказывает об Афанасии Васильеве, который, будучи воспитанником интерната в Поречье, проявил большое трудолюбие и стремление к знаниям, успешно окончил школу, А.С. Уваров отвёз его в Москву, где юноша блестяще окончил гимназию и филологический факультет Московского университета. «По окончании университета он был оставлен при нём и его начали называть наследником на кафедре Буслаева, но... Бог судил иначе, и он два года спустя умер от чахотки на Кавказе, куда мы его отправили на лечение виноградом» (Уварова, 2005: 85). С теплотой вспоминает П.С. Уварова других выпускников интерната, которые стали хорошими хозяевами и достойными людьми (Уварова, 2005: 96-97).

Прасковья Сергеевна стремилась привить своим слушателям навыки бережного отношения к своему здоровью и здоровью детей. В своих воспоминаниях она с болью пишет о просьбе крестьян

закрыть больницу в Поречье, которую Уваровы содержали на свои средства. Крестьяне не соглашались помещать на лечение, в том числе и в случае инфекций, своих родственников в больницу. Больницу пришлось закрыть (Уварова, 2005: 759).

П.С. Уварова неоднократно обращается в своих беседах к необходимости для крестьян следить за здоровьем, прежде всего, детей, приучать их к чистоте и правилам гигиены (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 2). П.С. Уварова не раз возвращается в своих беседах к проблеме пьянства. Говоря о пьющем человеке, она обращается к своим слушателям, взывая к их религиозным чувствам: «Несчастный, что ты делаешь? Бог дал тебе вино для подкрепления твоих сил и увеселения твоего ума, а ты злоупотребляешь его даром, чтобы уничтожить тело, которое он тебе поручал, обезобразить душу, которую он сотворил по своему образу и подобию» (ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.1. Д. 476. Л. 38).

Главным условием здоровья графиня П.С. Уварова называет чистоту, доказывая, что в деревнях дети болеют часто, тогда как в школе Поречья, где было 60 учеников, ни разу никто не болел. Она разъясняет, что это не только приятно, но даже выгодно, ибо не приходится тратить деньги на лекарство, на докторов (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 14). Говоря о том, как сохранить зрение и слух ребёнку, П.С. Уварова обращается к матерям: «...нужно беречь своего ребенка. Не выносить его не одетого на холод, не кричать, не хлопать дверью во время сна. <...> Как много знаю я детей, которые живут глухими только от того, то они грязны» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 26-27).

На следующий год предмет бесед графини П.С. Уваровой обозначен как «Чтения о порядке». Под «порядком» Прасковья Сергеевна понимала и организацию работы, и ведение дома, и навыки гигиены. Она обращалась к своим слушателям: «Порядок служит основанием всех предприятий, всякого богатства, всякого великого дела. Цель порядка – предупредить расточение, приберечь средства, избежать лишних расходов. С порядком выигрывают время, а время все равно, что деньги. Без порядка нет выгодной работы; порядком увеличивают свое достояние, облегчают себе работу, потому что выходят на работу спокойные и довольные» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 50). П.С. Уварова вновь обращается к необходимости с детства приучать ребёнка к порядку (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 53).

Как элемент порядка П.С. Уварова считает и соблюдение гигиены, приводя серьёзные для крестьян аргументы в её пользу: «Чистота – это роскошь бедных людей, ибо, подумайте, как дешево стоит нам умыться и причесаться!» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 62). При этом Прасковья Сергеевна даёт советы, которые звучат современно и в наши дни. Например, она утверждает, что необходимо заставлять детей аккуратно записывать их маленькие расходы и никогда не делать долгов (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 56).

Важно отметить реакцию крестьян на беседы П.С. Уваровой, о которой можно судить по нескольким скупым строкам о том, что, возобновляя беседы в 1867 году, она опасалась, что её «Чтения» им не нужны. «Теперь же, что некоторые из вас выразили мне желание снова меня слушать, я рада, что могу снова приглашать вас сюда, чтобы поговорить и потолковать с вами. Дай же Бог, чтобы дело пошло на лад, а я сумела бы научить вас чему-нибудь хорошему, чему-нибудь доброму» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 48). Особенное впечатление произвели на слушателей «Чтения о порядке», что вдохновило Прасковью Сергеевну, уверенную, что именно порядок в её понимании более всего должен занять работающего человека (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 476. Л. 58).

Вопрос об отношении графини П.С. Уваровой с крестьянами может стать темой большого исследования, к которому, наряду с воспоминаниями и приводимыми нами рукописями «Чтений», должны быть привлечены другие материалы архива Уваровых и других архивов России. Так, А.С. Смирнов приводит сообщение полиции о событиях в уваровском имении Б. Окулово в 1905–1907 годах: «...крестьяне села Б. Окулово намерены разгромить усадьбу гр. Уваровых», и, несмотря на вооружённую охрану, «вся усадьба графини Уваровой в Окулово разграблена и сожжена» (Смирнов, 2009: 122). П.С. Уварова видела причины беспорядков в агитации социалистов-революционеров, которые в 1910–1911 годах присылали графине письма с угрозами покушения. При этом Прасковья Сергеевна сохраняла большое самообладание, продолжала ездить с дочерью, жизнь которой тоже подвергалась опасности, по своим Муромским имениям, где инспектировала школы и присутствовала на экзаменах (Смирнов, 2009: 128). В Поречье барский дом остался в сохранности, о чём говорит В.А. Городцов и его коллеги, несколько лет занимавшиеся вывозом коллекций в музей Москвы из усадьбы Уваровых (Кончин, 1994; Фролов, 2003: 195).

5. Заключение

Вводимые нами в научный оборот записи бесед графини П.С. Уваровой дополняют представления о ней не только как об известном исследователе и организаторе науки, но и как о человеке. Прасковья Сергеевна со вниманием относилась к нуждам крестьян своего имения, причём не только бытовым, но и к ним тоже. П.С. Уварова стремилась просветить своих крестьян, обращаясь не только к отцам семейств, но и к матерям. Она приглашала их по воскресеньям в Пореченскую школу, создавая все условия для детей, чтобы только взрослые могли слушать её беседы.

Графиня П.С. Уварова стремилась разъяснить им необходимость образования не только для мальчиков, но и для девочек. В её школах дети получали не только образование по курсу народных

училищ, но и воспитывались в духе православной нравственности, получали основы физического воспитания. В этом прослеживается стремление П.С. Уваровой следовать передовым направлениям в педагогике того времени, с выдающимися представителями которой она была лично знакома, о чём неоднократно пишет в своих воспоминаниях.

П.С. Уварова заботилась о здоровье крестьян и их детей. В ней болью отозвалось требование жителей Поречья закрыть больницу. В своих беседах Прасковья Сергеевна учила своих слушателей навыкам личной гигиены, чистоте, правильному уходу за детьми, что позволило бы избежать болезней и лишних трат в крестьянском хозяйстве. Она горячо выступала против пьянства, одним из методов отвлечения от которого были её беседы, проходившие по воскресным дням, на которые она приглашала своих крестьян после посещения церкви в Пореченскую школу.

Особый интерес представляют беседы П.С. Уваровой о «порядке», под которым она понимала рачительное ведение хозяйства, привычку держать на своём месте все необходимые инструменты, чистоту жилища и личную гигиену. Современнно звучат советы Прасковьи Сергеевны приучать детей с малолетства к записи своих расходов и умению не делать долгов. Обращаясь к крестьянам, она называет их «Друзья мои», часто употребляет местоимение «мы», подчёркивая единство своих идей со слушателями.

Используемые нами источники разрушают представления об исключительно паразитических устремлениях русского дворянства как в до-, так и в пореформенные годы. Из текстов бесед предстаёт образ высококультурной и по-настоящему нравственной женщины, заботившейся о своих крестьянах, ставших теперь «свободными». Отрицательно относясь к «либерализму», графиня П.С. Уварова на деле показывала пример внимательного отношения представителей господствующего сословия к простому народу. Ответное отношение народа к Уваровым было, по-видимому, неоднозначным в разное время и на разных территориях, но тот факт, что «Пореченский музей» остался неразграбленным в первые послереволюционные годы, а коллекции практически полностью вывезены в Московские музеи, может служить косвенным свидетельством того, что беседы П.С. Уваровой были не напрасны. Изучение новых источников о деятельности русского дворянства позволит растворить упоминаемые нами выше «мутные фильтры “Кратких курсов”» и добавить новые штрихи к историческим портретам его лучших представителей.

Литература

Анучин, 1916 – Анучин Д.Н. Графиня Прасковья Сергеевна Уварова и ее служение наук о древностях на посту председателя Императорского Московского Археологического Общества / *Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой*. М.: Товарищество скоропеч. А.А. Левенсон, 1916. С. XI-XXIV.

Дорохина, Платонова, 2023 – Дорохина Р.В., Платонова Э.Н. Вклад П.С. Уваровой в развитие российской археологии // *Проблемы социальных и гуманитарных наук*. 2023. № 1 (34). С. 42-46.

Карагодин и др., 2021 – Карагодин А.В., Петрова О.С., Селунская Н.Б. Образ «Старой России» в памяти русских аристократов-эмигрантов «первой волны» // *Человеческий капитал*. 2021. № 11. С. 11-20.

Клейн, 2018 – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2018. 704 с.

Кончин, 1994 – Кончин Е.В. Поречье, год 1918 // *Уваровские чтения – II*. Муром, 21-23 апреля 1993 г. М.: ИВФ Антал, 1994. С. 48-50.

Лебедев, 1992 – Лебедев Г.С. История отечественной археологии, 1700–1917 гг. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. 463 с.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва, Российская Федерация).

Петрова, 2016 – Петрова О.С. Читая мемуары: личные связи и частные контакты А.С. и П.С. Уваровых с иностранными учеными (по воспоминаниям графини П.С. Уваровой) // *Вестник Московского Университета. Серия 8. История*. 2016. № 3. С. 34-48.

Петрова, Ермакова, 2021 – Петрова О.С., Ермакова А.М. Влияние отмены крепостного права на уклад сельской жизни в имениях Уваровых (по воспоминаниям П.С. Уваровой) / *Биографический метод и эго-источники в исследованиях российской истории XVIII – начала XX в.* СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2021. С. 36-50.

Плеханова, 2016 – Плеханова А.С. Благотворительная деятельность графини П.С. Уваровой // *Обсерватория культуры*. 2016. Т. 1. № 1. С. 88-92.

Полякова, 1994 – Полякова М.А. Уваровское Поречье: страницы истории / *Уваровские чтения – II*. Муром, 21-23 апреля 1993 г. М.: ИВФ Антал, 1994. С. 46-48.

Полякова, 2013 – Полякова М.А. Усадьба Поречье Уваровых в культуре России. М.: И.А. Флиманкова, 2013. 170 с.

Равдоникас, 1930 – Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры. Л., [Б.и.], 1930. 94 с.

- Ратников, 2006** – Ратников К.В. Холопы или собеседники? Профессорские вояжи в Поречье. Челябинск: Околица, 2006. 234 с.
- Редин, 1905** – Редин Е.К. Графиня П.С. Уварова. Харьков: Типография «Печатное дело» князя К.Н. Гагарина, 1905. 8 с.
- Смирнов, 2009** – Смирнов А.С. Дело о покушении на графиню Уварову // *Российская археология*. 2009. № 3. С. 122-128.
- Сундиева, 2018** – Сундиева А.А. А.С. и П.С. Уваровы и музейное дело в России // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2018. № 30. С. 229-248.
- Уварова, 2005** – Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2005. 296 с.
- Формозов, 1993** – Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в русской археологии // *Российская археология*. 1993. №3. С. 228-245.
- Фролов, 2003** – Фролов А.И. Хранители московской старины: Алексей и Прасковья Уваровы М.: Москвоведение, 2003. 363 с.
- Храпова, 1990** – Храпова Л.С. Личность П.С. Уваровой, как она представляется по ее трудам и свидетельствам современников // *Уваровские чтения*. Муром, 1990. С. 5-7.
- Цаллагова, 2019** – Цаллагова З. Б. Возвращение наследия Уваровых. Рец. на: Алиева А.И. «Отреченные» страницы российского академического кавказоведения конца XIX – начала XX в.: кавказоведческое наследие А.С. и П.С. Уваровых. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2017. 816 с. // *Традиционная культура*. 2019. Т. 20. № 2. С. 164-170.
- Щавелев, 2013** – Щавелев С.П. А.В. Орешников. Дневник. 1915-1933. М.: Наука, 2010–2011 (Рецензия) // *Российская археология*. 2013. №2. С. 170-176.

References

- Anuchin, 1916** – Anuchin, D.N. (1916). Grafinya Praskov'ya Sergeevna Uvarova i ee sluzhenie nauk o drevnostyakh na postu predsedatelya Imperatorskogo Moskovskogo Arkheologicheskogo Obshchestva [Countess Praskovya Sergeevna Uvarova and her service to the sciences of antiquities as Chairman of the Imperial Moscow Archaeological Society]. *Sbornik stat'ei v chest' grafini P.S. Uvarovoi*. M.: Tovarithchestvo skoropech. A.A. Levenson. Pp. XI-XXIV. [in Russian]
- Dorokhina, Platonova, 2023** – Dorokhina, R.V. Platonova, E.N. (2023). Vklad P.S. Uvarovoi v razvitie rossiiskoi arkheologii [P.S. Uvarova's contribution to the development of Russian archeology]. *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk*. 1(34): 42-46. [in Russian]
- Formozov, 1993** – Formozov, A.A. (1993) A.S. Uvarov i ego mesto v russkoi arkheologii [A.S. Uvarov and his place in Russian archaeology]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 3: 228-245. [in Russian]
- Frolov, 2003** – Frolov, A.I. (2003). Khraniteli moskovskoi stariny: Aleksei i Praskov'ya Uvarovy [The guardians of Moscow antiquity: Alexey and Praskovya Uvarov]. M.: Moskovedenie, 363 p. [in Russian]
- Karagodin i dr., 2021** – Karagodin, A.V., Petrova, O.S., Selunskaya, N.B. (2021). Obraz «Staroi Rossii» v pamyati russkikh aristokratov-emigrantov «pervoi volny» [The image of «Old Russia» in the memory of Russian emigrant aristocrats of the «first wave»]. *Chelovecheskii kapital*. 11: 11-20. [in Russian]
- Khrapova, 1990** – Khrapova, L.S. (1990). Lichnost' P.S. Uvarovoi kak ona predstavlyaetsya po ee trudam i svidetel'stvam sovremennikov [The personality of P.S. Uvarova as it appears from her writings and the testimonies of her contemporaries]. *Uvarovskie chteniya*. Murom, pp. 5-7. [in Russian]
- Klein, 2018** – Klein, L.S. (2018). Istoriya Rossiiskoi arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti. T. 1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe Vremya [The history of Russian archeology: teachings, schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time]. SPb.: EURASIA. 704 p. [in Russian]
- Konchin, 1994** – Konchin, E.V. (1994). Porech'e, god 1918 [Porechye, 1918]. *Uvarovskie chteniya – II. Murom, 21-23 aprelya 1993 g. M.: IVF Antal Murom, April 21-23, 1993. M.: IVF Antal*. Pp. 48-50. [in Russian]
- Lebedev, 1992** – Lebedev, G.S. (1992). Istoriya otechestvennoi arkheologii, 1700–1917 gg. [The history of Russian archeology, 1700–1917]. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 463 p. [in Russian]
- Petrova, 2016** – Petrova, O.S. (2016). Chitaya memuary: lichnye svyazi i chastnye kontakty A.S. i P.S. Uvarovykh s inostrannymi uchenymi (po vospominaniyam grafini P.S. Uvarovoi) [Reading memoirs: personal connections and private contacts of A.S. and P.S. Uvarov with foreign scientists (based on the memoirs of Countess P.S. Uvarova)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 3: 34-48. [in Russian]
- Petrova, Ermakova, 2021** – Petrova, O.S., Ermakova, A.M. (2021). Vliyanie otmeny krepostnogo prava na ukhad sel'skoi zhizni v imeniyakh Uvarovykh (po vospominaniyam P.S. Uvarovoi) [The influence of the abolition of serfdom on the way of rural life on the Uvarov estates (according to the memoirs of P.S. Uvarova)]. *Biograficheskii metod i ego-istochniki v issledovaniyakh rossiiskoi istorii XVIII – nachala XX v. SPb.: ALETEIYa*, pp. 36-50. [in Russian]
- Plekhanova, 2016** – Plekhanova, A.S. (2016). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' grafini P.S. Uvarovoi [Charity work of countess P.S. Uvarova]. *Observatoriya kul'tury*. 1(1): 88-92. [in Russian]

Polyakova, 1994 – Polyakova, M.A. (1994). Uvarovskoe Porech'e: stranitsy istorii [Uvarovskoye Porechye: pages of history]. *Uvarovskie chteniya – II*. Murom, 21-23 aprelya 1993 g. M.: IVF Antal. Pp. 46-48. [in Russian]

Polyakova, 2013 – Polyakova, M.A. (2013). Usad'ba Porech'e Uvarovykh v kul'ture Rossii [The estate of Porechye Uvarov in the culture of Russia]. M.: I. A. Flimankova, 170 p. [in Russian]

Ratnikov, 2006 – Ratnikov, K.V. (2006). Kholopy ili sobesedniki? Professorskie voyazhi v Porech'e [Slaves or interlocutors? Professorial voyages in the River region]. Chelyabinsk: Okolitsa, 234 p. [in Russian]

Ravdonikas, 1930 – Ravdonikas, V.I. (1930). Za marksistskuyu istoriyu material'noi kul'tury [For the Marxist history of material culture]. Leningrad, [B.i.], 94 p. [in Russian]

Redin, 1905 – Redin, E.K. (1905). Grafinya P.S. Uvarova [Countess P.S. Uvarova]. Khar'kov: Tipografiya «Pechatnoe delo» knyazya K.N. Gagarina, 8 p. [in Russian]

Shchavelev, 2013 – Shchavelev, S.P. (2013). A.V. Oreshnikov. Dnevnik.1915-1933. M.: Nauka, 2010–2011 (Retenziya) [A.V. Oreshnikov. Diary.1915-1933. Moscow: Nauka, 2010–2011 (Review)]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 2: 170-176. [in Russian]

Smirnov, 2009 – Smirnov, A.S. (2009). Delo o pokushenii na grafinyu Uvarovu [The case of the attempted murder of Countess Uvarova]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 3: 122-128. [in Russian]

Sundieva, 2018 – Sundieva, A.A. (2018). A.S. i P.S. Uvarovy i muzeinoe delo v Rossii [A.S. and P.S. Uvarovs and museum business in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 30: 229-248. [in Russian]

Tsallagova, 2019 – Tsallagova, Z.B. (2019). Vozvrashchenie naslediya Uvarovykh. Rets. na: Alieva A.I. «Otrechennye» stranitsy rossiiskogo akademicheskogo kavkazovedeniya kontsa XIX – nachala XX v.: kavkazovedcheskoe nasledie A. S. i P. S. Uvarovykh. M.: Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo RAN, 2017. 816 s. [The return of the Uvarovs' legacy. Ref. to: Alieva A. I. "Renounced" pages of Russian academic Caucasian studies of the late 19th – early 20th centuries: the Caucasian heritage of A.S. and P.S. Uvarovs. Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2017. 816 p]. *Traditsionnaya kul'tura*. 20(2): 164-170. [in Russian]

Uvarova, 2005 – Uvarova, P.S. (2005). Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni [The past. Happy days long gone]. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikov, 296 p. [in Russian]

Графиня П.С. Уварова и её «Чтения» для крестьян имения Поречье: новые черты к историческому портрету (на основании архивных материалов)

Юлия Георгиевна Кокорина ^а. *

^а Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Личности людей прошлого всё чаще оказываются в фокусе внимания историков. Учёные раскрывают в своих исследованиях не только профессиональные, но и человеческие качества деятелей прошлых столетий. Наши современники учатся на их примере любви к своей стране, верности избранному делу, доброму отношению к людям. Поэтому обращение к жанру исторического портрета представляется актуальным. В историографии часто формируются идеологические клише по отношению ко многим деятелям прошлого, или основное внимание уделяется деловым качествам, а черты личности остаются неизученными. Это относится и к графине Прасковье Сергеевне Уваровой, которая известна как организатор археологической науки в России и талантливый учёный. Тенденция к объективной оценке её деятельности стала формироваться только в последние десятилетия. В данной статье раскрывается её отношение к крестьянам фамильного имения Уваровых, села Поречье, в первое десятилетие после отмены крепостного права. Материалом для исследования послужили записи бесед П.С. Уваровой с крестьянами Поречья, хранящиеся в архиве графов Уваровых. Введение в научный оборот малоизвестного исторического источника определяет новизну данной работы. Тексты бесед анализируются в контексте истории первых пореформенных лет с использованием опубликованных воспоминаний графини. В своих беседах П.С. Уварова предстаёт как человек высокой культуры. Она стремилась привить своим слушателям понимание необходимости образования как для мальчиков, так и для девочек; сформировать основы православной нравственности; научить принципам здорового образа жизни. П.С. Уварова рассказывала крестьянам о необходимости организации своего труда, экономного ведения хозяйства, воспитания детей в традициях любви к ближнему, чистоты и порядочности. Изученные исторические источники позволяют поколебать многие идеологизированные представления об отношениях дворян с крестьянами.

Ключевые слова: история России, отмена крепостного права, история повседневности, история археологии, графиня П.С. Уварова, граф А.С. Уваров, село Поречье.

* Корреспондирующий автор

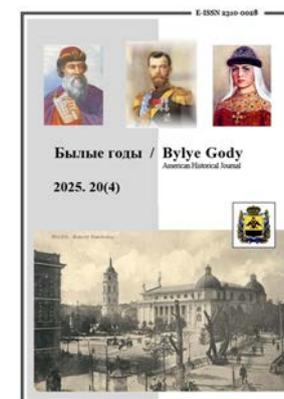
Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1801-1810
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1801

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Impact of Business Unions and Associations on the Economic Policy of the State in the second half of the 19th – early 20th centuries

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Vadim V. Zubov ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This study is devoted to the development of the system of influence of business unions and associations on the economic policy of the state in the second half of the 19th – early 20th centuries. The author comes to the conclusion that initially representatives of the political leadership of the empire tried to interact with the business community through the previously formed system of advisory bodies deprived of the right to initiate discussion of specific issues. But the corresponding structures were characterized by a fairly narrow composition of participants, due to which they could not fully represent the position of even large companies. The role of a functional representative of the interests of the business community gradually passed to self-governing public organizations, among which the key role was played by stock exchange committees and congresses of industrialists and merchants. From a formal point of view, they were supposed to perform the function of a feedback mechanism between government structures and business. But eventually, business associations began to form their own economic agenda and promote it using public policy methods. This was due to both the high level of their autonomy due to the widespread introduction of separate law norms and the development of tacit practices of involving business associations in the discussion of draft laws and the regular incorporation of representatives of relevant government bodies into the number of delegates to congresses of industrialists and businessmen. At the end of the period under study, the process of forming monopolies intensified, which also actively tried to influence the state's economic policy by using administrative and industry lobbying tools. However, in general, the level of influence of business unions and associations on the economic policy of the Russian state remained rather moderate. The latter was due to the relatively low level of business resource potential and the low degree of its social consolidation, as well as the authorities' concerns about the possible costs of expanding business participation in public administration issues associated with the high scale of bureaucratic entrepreneurship and corruption in general.

Keywords: business associations, congresses of industrialists and traders, stock exchange committees, monopolies, economic policy, interest groups, lobbying.

1. Введение

Воздействие предпринимательских объединений на экономическую политику императорской России традиционно является одним из наиболее активно развивающихся направлений в современной историографии. Последнее обусловлено, с одной стороны, последствиями чрезмерной идеологизации данной темы в советский период и возникновением потребности в её ревизии на основе использования принципа объективности, а с другой стороны – относительно низким уровнем проработки соответствующей проблематики на междисциплинарном уровне, с точки зрения современной системы научных представлений о работе механизмов функционального представительства и вовлечения в политический процесс групп интересов бизнеса.

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), zubov305@yandex.ru (V.V. Zubov)

Роль факторов, детерминирующих высокую степень актуальности заявленной темы, играют также широкие масштабы распространения интерпретационных моделей, основанных на постзнании или игнорировании ряда значимых контекстуальных моментов.

Существенная значимость изучения вопросов, связанных с выстраиванием системы воздействия предпринимательских объединений на экономическую политику дореволюционной России, проистекает также из необходимости уточнения ряда значимых моментов в рамках изучения системы принятия политических решений в рамках государственной системы нашей страны в данный период её развития. В частности, достоверная оценка роли делового сообщества в формировании экономической политики государства служит ключом к пониманию того, насколько хозяйственные нужды в целом определяли внешне- и внутривнутриполитический курс властей, интересы каких групп давления преобладали при его выработке в конкретный период, что выступало в роли детерминант, определявших воззрения политического истеблишмента на динамику вектора экономической политики и т. д.

2. Материалы и методы

Источниковая база формировалась за счёт использования материалов двух типов. К первому из них относятся делопроизводственные материалы, хранящиеся в фонде центральных учреждений Министерства финансов по части торговли и промышленности Российской империи в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В состав корпуса источников второго типа входят материалы личного происхождения, преимущественно – воспоминания государственных деятелей, причастных к выработке, обсуждению и утверждению решений относительно привлечения деловых ассоциаций и коммерческих структур к планированию и реализации экономической политики (Бельгард, 2009; Богданович, 1990; Витте, 1960; Головин, 2006; Гурко, 2000; Гучков, 1993; Кизеветтер, 2001; Коковцов, 1992). Информация, почерпнутая в упомянутых источниках, использовалась с учётом обстоятельств их происхождения и влияния данного фактора на уровень информационной полноты, достоверности и объективности соответствующих сведений.

Методология формируется посредством комбинирования синхронного и диахронного сравнительного и структурно-функционального анализа. Использование структурно-функционального анализа позволило вычленивать конкретные кластеры бизнес-акторов, оказывавших влияние на экономическую политику государства, разделить их на типы и реконструировать их внутреннее устройство во взаимосвязи с практикой решения конкретных задач.

Применение синхронного сравнительного анализа стало методической основой для сопоставления существовавших параллельно практик и форм взаимодействия государства и бизнеса, в то время как обращение к диахронному анализу дало возможность отследить динамику и тренды развития конкретных институтов, процессов и явлений в течение длительных хронологических отрезков.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема воздействия предпринимательских союзов и объединений исследовалась по большей части или в контексте изучения опыта и политической биографии конкретных государственных деятелей, или в ключе изучения в целом политики действующей власти в области модернизации экономики (Витте, 1914; Головин, 1899; Гольдштейн, 1908; Гурко, 1902; Денисов, 1912; Ельчанинов, 1913; Мышцин, 1906; Пасхалов, 1911; Пешехонов, 1906; Тихомиров, 1912; Шванебах, 1901). Отличительными чертами большинства соответствующих исследований являются фокусирование внимания на событиях конца XIX – начала XX в. при относительно невысоком уровне освещения глубинных причин и предпосылок описываемых процессов, преувеличение роли субъективного фактора, относительная узость источниковой базы и частые проявления самоцензуры в случае конкретных авторов.

Исследования советского периода характеризуют, с одной стороны, высокая степень концептуальности, широта и значительная гетерогенность источниковой базы (Зайончковский, 1970; Лаврычев, 1967; Спиринов, 1977; Шепелев, 1987). С другой стороны, для них характерны существенные проявления воздействия официальной идеологии в СССР и активное калькирование оценок, данных соответствующим событиям советскими лидерами.

В числе достоинств работ постсоветского периода можно отметить существенное расширение источниковой базы и методического инструментария, а также активные попытки использования междисциплинарных подходов (Ананьич, Ганелин, 2000; Боханов, 2006; Грегори, 2003; Корелин, Степанов, 1998; Миронов, 2018). В то же время следует отметить, что зачастую отказ от идеологизации темы в ключе советской историографической парадигмы сопровождается попытками интерпретации рассматриваемой проблематики с точки зрения иных политических концепций (например – либерализма). В отдельных случаях это сочетается с использованием при построении оценок постзнания и в целом отказом от принципа историзма.

Вклад зарубежных авторов в развитие темы заключается в первую очередь во вводе в научный оборот материалов российского происхождения, отложившихся в иностранных архивах. В то же время для многих исследований данной группы характерно наличие элементов влияния национальных политизированных историографий, формировавшихся в русле тенденции к стигматизации дореволюционной России (Christian, 1997; Gatrell, 1994; Geyer, 1987; Harcave, 2004; Mosse, 1996; Owen, 2005; Owen, 2002; Shanin, 1985; Wcislo, 2005).

В целом можно констатировать, что состояние научной разработанности темы отличает как наличие существенной компоненты идеологизации и политизации, так и существование лакун, связанных с неравномерным распределением интереса исследователей к конкретным аспектам изучаемой проблематики.

4. Результаты

Хронологический отрезок конца XIX – начала XX в. стал периодом крупномасштабных изменений в экономической политике российского государства. И в первую очередь это проявлялось в том, что власти империи начали отказываться от сложившейся ранее практики делегирования иностранным институтам функции проводников, операторов и технических исполнителей экономической политики. Одновременно был запущен процесс повышения уровня институционализации внешне- и внутриэкономической деятельности. Соответствующие процедуры были тесным образом переплетены с формированием монополий, связанных с ними деловых ассоциаций и их встраиванием в модель государственной экономической политики, в том числе – в рамках поддержки властями экспансии российских компаний на внешних рынках в контексте достижения долгосрочных целей стратегического уровня. В структуре контура внутренней политики взаимодействие государства и объединений бизнеса выстраивалось в ключе предотвращения экономических кризисов или купирования их последствий и повышения конкурентоспособности российских товаров на внутреннем рынке. В рамках решения соответствующих задач в качестве ведущих акторов со стороны промышленников и коммерсантов выступали, с одной стороны, монополистические объединения, а с другой – союзы предпринимателей, выстраивавшиеся чаще всего на основе модели целевой иерархизированной сети. Их основным контрагентом со стороны государства стало сформированное в 1905 г. Министерство торговли и промышленности (хотя эпизодически решение ключевых вопросов взаимодействия с объединениями предпринимателей переходило на уровень ставшего постоянно действующим органом Совета министров) (Зайончковский, 1970: 128, 129; Корелин, Степанов, 1998: 32).

Взаимодействие власти и делового сообщества при этом носило сложный характер и отличалось достаточно высокой динамикой в плане изменения структуры и векторов кооперации. Представители политического руководства активно поддерживали отечественную промышленность в ключе политики протекционизма (через формируемую посредством процессов обратной связи и заимствования зарубежного опыта систему дотаций, субсидий, налоговых льгот и разнообразных преференций), а также формировали благоприятные условия для развития процессов синдицирования и трестирования. И в то же время периодически возникали конфликты между властью и группами интересов крупного бизнеса. Чаще всего такого рода ситуации возникали как следствие негативных эффектов, порождённых решениями монополистических объединений относительно ценообразования и обеспечения нормы прибыли, а также вытеснением с рынка кооперативов, представителей кустарно-ремесленного производства и иных структур малого и среднего бизнеса (Гурко, 1902: 15, 16).

Динамику взаимодействия власти с объединениями предпринимателей осложняла широкая репрезентация в структуре собственников крупных компаний иностранных инвесторов, зачастую действовавших вопреки интересам национального бизнеса и российского государства в целом. Во многом именно такого рода практики стали причиной того, что на правительственном уровне периодически возникали дискуссии о возможности выкупа в казну крупных заводов и фабрик в случае убедительного подтверждения монопольного сговора. Также злоупотребления со стороны иностранных инвесторов подтолкнули власти Российской империи к такому шагу, как обсуждение на высшем уровне планов закрепления в законодательстве права на выкуп патентов (привилегий) на технологические новшества (Гольдштейн, 1908: 12).

Основные тенденции развития объединений предпринимателей и тренды эволюции их взаимодействия с государством в рамках рассматриваемого периода определялись в первую очередь экономической политикой государства, в формировании которой ключевую роль играли С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов и прочие представители административной элиты Российской империи конца XIX - начала XX в. (Денисов, 1912: 7). Однако динамику этих процессов также во многом определяли долгосрочные последствия великих реформ Александра II. Именно в период его правления начали формироваться первые предпринимательские конвенции и отраслевые объединения промышленников, а также различные объединения коммерсантов и финансистов, такие как биржевые комитеты, экспортные союзы и торговые палаты. Действовавшая на тот период модель экономической политики предполагала необходимость заимствования из Европы норм так

называемого сепаратного права в рамках выстраивания деловых ассоциаций и коммерческих объединений и налаживания диалога между ними и бизнесом. Последнее на практике представляло собой систему норм саморегуляции, выработанную для организации работы конкретной биржи, акционерного общества или иной коммерческой организации её непосредственными участниками в условиях отсутствия полноценной системы законодательной регламентации их деятельности государством. С одной стороны, это позволило российским объединениям предпринимателей (как, впрочем, и конкретным компаниям) оперативно заимствовать передовые и перспективные управленческие решения и форматы, с другой стороны – государство фактически самостоятельно ограничило свою сферу контроля за функционированием крупных фирм и объединений промышленников и коммерсантов, что имело негативные эффекты как экономического, так и социального характера. Последнее стало закономерным следствием распространения сепаратного права, сущность которого формировала благоприятные возможности для юридических манипуляций со стороны собственников бизнеса (Грегори, 2003: 62, 64; Денисов, 1912: 95-97).

При этом важно подчеркнуть, что распространение сепаратного права не было обусловлено решением политических и экономических элит калькировать зарубежный опыт. И административный истеблишмент, и деловые круги в данном случае действовали преимущественно под давлением объективных факторов, среди которых особое значение имела ведущая роль иностранного капитала в реализации ведущих инфраструктурных и промышленных проектов в ходе первых десятилетий после начала великих реформ (Лаверычев, 1967: 21, 37).

В качестве примера в данном случае можно привести опыт взаимодействия между российским Министерством финансов и «Главным обществом российских железных дорог». Последнее на практике представляло собой международный банковский синдикат, в структуре которого преобладали кредитные организации из Франции, Великобритании, Пруссии и Нидерландов. Зависимость от доступа к финансовым и технологическим ресурсам зарубежных инвесторов вынудила представителей России согласиться на условия, предусматривавшие регулирование вопросов реализации государственно-частного партнёрства (в том числе – приватизации государственного имущества) на основе предпочтений и интересов банковского синдиката. Как следствие, возможности властей в плане регулирования деятельности инвесторов были сильно ограничены (Зайончковский, 1970: 157).

Особая роль иностранных инвесторов в реализации крупных инфраструктурных и промышленных проектов способствовала тому, что принципы сепаратного права начали широко инкорпорироваться в уставы не только новых акционерных обществ, банков и монополистических объединений, но и деловых ассоциаций, численность которых в России стабильно росла (Кизеветгер, 2001: 97; Коковцов, 1992: 56).

Первые представительские структуры делового сообщества были сформированы ещё в 1828–1829 гг. Мануфактурный и Коммерческий советы, действовавшие при Министерстве финансов, представляли собой совещательные органы, призванные оказывать содействие политическому руководству в решении экономических вопросов посредством изучения актуальных хозяйственных проблем, разработки рекомендаций для органов власти, популяризации передовых деловых практик и медиации конфликтов между коммерческими структурами. В то же время данные советы были лишены возможности инициировать обсуждение каких-либо вопросов. В 1872 г. упомянутые структуры заменил аналогичный по функционалу Совет торговли и мануфактур, наделённый правом на проектную инициативу. Однако нехватка финансирования и узость состава участников привели к тому, что первоначальный замысел властей по созданию разветвлённой сети местных комитетов Совета с центром в столице так и не был выполнен (Корелин, Степанов, 1998: 87; Миронов, 2018: 104).

Однако объективная потребность предпринимательских кругов в продвижении своих корпоративных интересов сохранялась, что подталкивало деловое сообщество к созданию ассоциаций без государственного участия. Ещё в 1866 г. начало функционировать Русское техническое общество. В 1867 г. было открыто Общество для содействия русской промышленности. В 1874 г. возникло первое отраслевое объединение фабрикантов макрорегионального уровня – Съезд горнопромышленников юга России. В 1880 г. начал действовать Совет съездов горнопромышленников Уральской горной области. В 1888 г. перечень региональных отраслевых ассоциаций пополнил Совет съездов бакинских нефтепромышленников (Шепелев, 1987: 41).

К 1910 г. в Российской империи действовали 143 объединения предпринимателей. К 1917 г. их количество возросло до 175. Наиболее распространёнными формами их кооперации были биржевые комитеты (общее количество которых к 1910 г. достигало 85) и съезды промышленников и торговцев (27) (Ананьич, Ганелин, 2000: 79, 105; Миронов, 2018: 51).

Биржевые комитеты, выполнявшие функцию постоянно действующих выборных органов биржевых обществ, начали активно формироваться в конце 1860-х гг. Несмотря на то, что функционально биржевые общества были ориентированы в первую очередь на вопросы развития торговли и финансовой сферы, они также активно занимались производственной проблематикой. Так, в уставе московской биржи в числе прав и обязанностей формируемого при ней комитета были закреплены нормы, делегирующие его членов функции по обращению в органы власти с

ходатайствами об оптимизации торгово-промышленной политики и рекомендациями относительно её усовершенствования. Также биржевым комитетам вменялась в обязанность подготовка по распоряжению правительственных структур информационных справок и заключений по вопросам, относящимся к сфере промышленности и торговли. Членов столичных биржевых комитетов в соответствии с негласным правилом также активно привлекали к работе правительственных комиссий. В конце XIX в. также сложилась неформальная практика направления Министерством финансов разрабатываемых законопроектов на обсуждение в биржевые комитеты (Головин, 1899: 68, 69; Гучков, 1993: 56; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 2226. Л. 147–149).

Чаще всего биржевые комитеты концентрировали своё внимание на проблематике экономического развития конкретных отраслей или регионов, что способствовало появлению в их распоряжении обширных статистических сведений по профильному направлению деятельности. Это позволяло формировать при комитетах полноценные аналитические структуры, занимавшиеся на научной основе изучением состояния и динамики соответствующих рынков (Гурко, 2000: 112).

Съезды промышленников и торговцев начали активно проводиться в середине 1860-х – начале 1870-х гг. Длительное время они организовывались преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге, и только в 1890-х гг. начала формироваться альтернативная площадка их проведения в Нижнем Новгороде. Специфической чертой торгово-промышленных съездов являлся состав их участников. Помимо выходцев из предпринимательского сообщества, в состав делегатов съездов включались и представители высших органов власти. Базовые функции съездов изначально охватывали исключительно мониторинг и обобщение основных проблем в рамках конкретной отрасли. Однако достаточно быстро участники начали на регулярной основе выходить за рамки этих задач. Выступая от лица деловых корпораций, участники съездов презентовали представителям власти своё видение экономической ситуации и направляли рекомендации по устранению наиболее острых проблем торгово-промышленной сферы (Головин, 1899: 103-105).

Съезды создавали постоянно действующие выборные органы в форме советов или бюро. При них формировался аппарат из специализированных комиссий и отделов, занимавшихся изучением и разработкой вариантов решения конкретных хозяйственных вопросов. Создаваемая таким образом аналитика, с одной стороны, напрямую направлялась высшим должностным лицам профильных органов государственной власти, а с другой – популяризировалась через издаваемые съездами периодические издания. Таким образом, влияние на органы публичной власти осуществлялось как напрямую, через коммуникацию с лицами, принимающими решения, так и косвенно, посредством формирования общественного мнения (Головин, 1899: 103-105).

Если биржевые комитеты на протяжении всей истории своего существования продолжали существовать на региональном уровне, то торгово-промышленные съезды в начале XX в. начали формировать всероссийские структуры на базе отраслевых и территориальных объединений. Наибольшим влиянием в плане продвижения корпоративных интересов участников обладал созданный в 1906 г. Съезд представителей промышленности и торговли, в структуру которого вошли 37 деловых ассоциаций и 57 коммерческих организаций промышленного, торгового и логистического профиля. Интересно отметить, что комплекс прав и обязанностей данной структуры был заметно расширен по сравнению с возникшими ранее объединениями за счёт делегирования функций, связанных с регулированием трудовых конфликтов, а также проведением выставок продукции и организацией испытательных станций и т. п. (Грегори, 2003: 64).

В то же время необходимо отметить, что внутри политического руководства империи изначально отсутствовало единство мнений относительно путей выстраивания взаимодействия с деловыми ассоциациями. Ещё в период правления Александра II внутри окружения императора сформировались три фракции элиты, отличавшиеся во взглядах относительно перспектив выстраивания коммуникации с объединениями промышленников и коммерсантов. Группа, неформальным лидером которой являлся министр финансов М.Х. Рейтерн, поддерживала идею делегирования государством значительной части функций по выстраиванию экономической политики деловым ассоциациям. Одновременно фракция, возглавляемая министром путей сообщения П.П. Мельниковым, настаивала на необходимости сохранения государством контроля над принятием стратегических решений относительно планирования и реализации экономической политики и вовлечения деловых ассоциаций и коммерческих структур в эти процессы в ограниченном формате, позволяющем купировать условный «экономический эгоизм» бизнеса с целью обеспечения общественного блага. Во многом сходную позицию занимала группа истеблишмента во главе с руководителем военного ведомства Д.А. Милютиным, опасавшимся, что представители бизнеса будут рассматривать государственно-частное партнёрство преимущественно как способ обеспечения сверхприбыли за счёт доступа к государственным заказам и эксплуатации коррупционных механизмов. В итоге, срыв планов модернизации экономики (обусловленный как негативными эффектами войны с Турцией 1877–1878 гг., так и отсутствием у частных инвесторов интереса к ряду стратегически значимых, но коммерчески мало перспективных проектов), разработанных М.Х. Рейтерном, способствовал превращению скептического отношения высшей бюрократии к выстраиванию кооперации с объединениями предпринимателей в доминирующую

позицию внутри политической элиты (Богданович, 1990: 98; Головин, 2006: 43; Гурко, 1902: 47; Спирин, 1977: 32).

В период правления Александра III и Николая II ситуация не изменилась. Оба монарха сомневались в целесообразности широкого вовлечения деловых ассоциаций и коммерческих структур в разработку экономической политики государства, во многом – по причине того, что были хорошо осведомлены о масштабах распространения бюрократического предпринимательства, т. е. практики извлечения высшими чиновниками прибыли в порядке извлечения «политической ренты» в рамках коррупционных сделок с представителями бизнеса. (Наглядными примерами этого могут служить фигуры министра финансов И.А.Вышнеградского, удвоившего размер личного состояния за время пребывания на посту главы данного ведомства, и директора Горного департамента Министерства государственных имуществ К.А. Скальковского) (Головин, 1899: 27; Пасхалов, 1911: 43; Пешехонов, 1906: 20).

Существенными возможностями в рамках воздействия на экономическую политику государства располагали также монополистические объединения. Первые из них возникли ещё в середине XIX в., однако на тот период данные организации не играли ведущую роль в национальной экономике в силу преимущественно локального характера соответствующих соглашений, наличия инфраструктурных барьеров для завершения формирования национальных рынков и существования широкого сегмента самодостаточных мелких производств. Однако расширение репрезентации иностранного капитала в российской экономике, успешная реализация проектов по развитию железнодорожной сети и постепенное разорение неспособных конкурировать с промышленным производством ремесленников и кустарей способствовали росту числа монополистических объединений. Существенным стимулом для масштабирования их присутствия в экономике стали также волны экономических кризисов 1899–1910 гг.: итоги каждого из них свидетельствовали о повышенной устойчивости монополистических объединений, что подталкивало крупные компании к слиянию. Следует отметить, что соответствующие действия активно поддерживались Министерством финансов, которое ещё в 1901 г. официально уведомило промышленников о намерении не препятствовать слиянию переживавших кризис компаний. Последнее во многом было обусловлено тем, что формирование монополий облегчало задачу возвращения казённых ссуд, выделенных ранее столкнувшимся с кризисом предприятиям. Косвенным стимулом к объединению в монополии для крупных компаний стало также широкое обсуждение проектов нового уголовного уложения. Последние чаще всего включали в себя пункт, предусматривающий возможность привлечения компаний за организацию монопольного сговора лишь в случае чрезмерного завышения цен (при этом данный термин никак не конкретизировался) (Ельчанинов, 1913: 22; Гольдштейн, 1908: 48; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 1435. Л. 34–37; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 1438. Л. 23; Шванебах, 1901: 59).

К началу XX в. для российской экономики была характерна широкая репрезентация не только классических форм монополистических объединений – картелей, трестов, синдикатов, но и таких форм интеграции крупного бизнеса, как конвенции и ринги. Первые представляли собой внутриотраслевые соглашения между несколькими крупными коммерческими объединениями, затрагивающие лишь отдельные (как правило – второстепенные) аспекты ведения хозяйственной деятельности, такие как период кредитования клиентов или размер скидок при поставках определённых видов продукции. Под рингами подразумевались кратковременные ситуативные соглашения между господствующими на рынке компаниями торгового и финансового профиля, заключаемые преимущественно ради получения прибыли за счёт спекулятивных операций (Гольдштейн, 1908: 52; Гурко, 1902: 61; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 2228. Л. 155).

Чаще всего монополистические объединения возникали в форме картелей и синдикатов. На неформальном уровне последние выстраивались вокруг банков, игравших роль организационного ядра монополистического объединения. Выстраиваемые таким образом финансово-промышленные объединения представляли собой полноценные группы давления, активно практиковавшие различные методы продвижения собственных интересов, начиная от использования механизма «вращающихся дверей» (как правило, посредством включения бывших и действующих представителей власти в состав членов правления коммерческих организаций или руководящих органов деловых ассоциаций) и вовлечения представителей политической элиты в число акционеров и заканчивая организацией полноценного отраслевого лоббирования в рамках организации прямого диалога с руководителями профильных министерств (Бельгард, 2009: 92; Гольдштейн, 1908: 55).

Приведём ряд конкретных примеров. Член Государственного совета В. И. Тимирязев одновременно являлся руководителем совета Русского для внешней торговли банка и главой правления ещё 9 компаний. Среди чиновников, переместившихся после отставки на руководящие позиции в структуры крупного бизнеса, можно также упомянуть руководившего ранее Дворянским и Крестьянским банками товарища министра финансов А.И. Путилова, товарища министра внутренних дел, а затем министра земледелия и землеустройства Н.Н. Кутлера и обер-прокурора одного из департаментов Сената Я.И. Утина. Первый стал после отставки членом правления, а затем и директором-распорядителем Русско-Китайского банка, а в 1910 г. главой правления Русско-

Азиатского банка, второй – членом совета Азовско-Донского банка, третий – председателем правления Петербургского учётного и ссудного банка (Витте, 1914: 71; Витте, 1960: 87).

Однако по уровню влияния на формирование экономической политики государства российские монополии заметно уступали своим европейским и североамериканским аналогам. Относительно невысокая степень капитализации российской промышленности и торговли и наличие сильных иностранных конкурентов формировали у монополий особенно сильную заинтересованность в протекционистской поддержке со стороны государства. Патернализм монополистических объединений косвенно подпитывала и высокая степень гетерогенности российских предпринимателей как социального слоя, препятствовавшая осознанию общности целей и интересов и возникновению конвенционального мировоззрения. В начале XX в. на ситуацию также начала воздействовать специфика политических партий: даже претендовавшие на роль выразителя интересов делового сообщества октябристы рекрутировались преимущественно из числа дворян и землевладельцев и уделяли гораздо больше внимания решению аграрного вопроса, а не развитию промышленности и торговли (Боханов, 2006: 95; Зайончковский, 1970: 44; Денисов, 1912: 71, 72; Лаврычев, 1967: 64; Мышцин, 1906: 45).

5. Заключение

Таким образом, в течение второй половины XIX – начала XX в. система воздействия предпринимательских союзов и объединений на экономическую политику российского государства претерпела значительные трансформации. Первоначально система публичной власти пыталась взаимодействовать с предпринимательским сообществом через сформированную ранее систему совещательных органов, лишённых права инициировать обсуждение конкретных вопросов. Однако эти структуры в реальности отличал достаточно узкий состав участников, в силу чего они не могли полноценно представлять позицию даже крупных компаний. В результате роль функционального представителя интересов делового сообщества достаточно быстро перешла к самоуправляющимся общественным организациям, среди которых ключевую роль играли биржевые комитеты и съезды промышленников и торговцев. Формально они должны были играть скорее роль механизма обратной связи между правительственными структурами и бизнесом. Тем не менее достаточно быстро деловые ассоциации начали формировать собственную экономическую повестку и продвигать её методами публичной политики. Последнее было связано, с одной стороны, с высоким уровнем их автономии, обусловленным широким внедрением норм сепаратного права под воздействием широкого проникновения иностранного капитала в российскую экономику, а с другой – с формированием негласных практик привлечения предпринимательских объединений к обсуждению законопроектов и регулярным инкорпорированием представителей профильных органов власти в число делегатов съездов промышленников и коммерсантов. В начале XX в. процесс институционализации деловых ассоциаций привёл к возникновению общероссийских структур на базе объединения региональных и отраслевых союзов. Одновременно интенсифицировался процесс формирования монополий, также активно пытавшихся влиять на экономическую политику государства за счёт использования инструментов административного и отраслевого лоббирования. Но в целом уровень влияния предпринимательских союзов и объединений на экономическую политику российского государства оставался скорее умеренным. Последнее было обусловлено, с одной стороны, относительно низким уровнем ресурсного потенциала бизнеса и невысокой степенью его социальной консолидации, а с другой – опасениями властей относительно возможных издержек расширения участия бизнеса в вопросах государственного управления, связанными с высокими масштабами распространения бюрократического предпринимательства и коррупции в целом. Вместе с тем бизнес обладал достаточно ограниченными возможностями в плане продвижения своих интересов через законодательные органы власти, поскольку ведущие политические партии были на практике слабо связаны с предпринимательскими кругами и ориентировались преимущественно на иные группы элиты.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2025 г.

Литература

- Ананьич, Ганелин, 2000 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
- Бельгард, 2009 – Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009.
- Богданович, 1990 – Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.
- Боханов, 2006 – Боханов А. Н. Последний царь. М., 2006.
- Витте, 1960 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
- Витте, 1914 – Витте С.Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни. СПб., 1914.
- Головин, 1899 – Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899.

- Головин, 2006 – Головин Ф.А. Николай II // *Николай II. Воспоминания. Дневники*. М., 2006. С. 11–25.
- Гольдштейн, 1908 – *Гольдштейн И.М.* Экономическая политика. М., 1908.
- Грегори, 2003 – *Грегори П.* Экономический рост Российской империи, (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
- Гурко, 1902 – *Гурко В.И.* Устой народного хозяйства России. СПб., 1902.
- Гурко, 2000 – *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Гучков, 1993 – *Гучков А.И.* А.И. Гучков рассказывает... М., 1993.
- Денисов, 1912 – *Денисов В.И.* О желательном направлении финансовой и экономической политики в России. СПб., 1912.
- Ельчанинов, 1913 – *Ельчанинов А.Г.* Царствование Государя Императора Николая Александровича. СПб. М., 1913.
- Зайончковский, 1970 – *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Кизеветтер, 2001 – *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 2001.
- Коковцов, 1992 – *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Т 2. М., 1992.
- Корелин, Степанов, 1998 – *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998.
- Лаверычев, 1967 – *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.
- Мионов, 2018 – *Мионов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. I–III. 2 изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
- Мышцин, 1906 – *Мышцин В.Н.* Политические партии и их идеалы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1906.
- Пасхалов, 1911 – *Пасхалов К.* Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. М., 1911.
- Пешехонов, 1906 – *Пешехонов А.В.* Экономическая политика самодержавия. СПб., 1906.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Спирин, 1977 – *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977.
- Тихомиров, 1912 – *Тихомиров Л.А.* К реформе обновленной России (статьи 1909, 1910, 1911 гг.). М., 1912.
- Шванебах, 1901 – *Шванебах П.Х.* Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901.
- Шепелев, 1987 – *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.
- Christian, 1997 – *Christian D.* Imperial and Soviet Russia: Power, privilege and challenge of modernity. N.Y., 1997.
- Gatrell, 1994 – *Gatrell P.* Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914. The last argument of tsarism. Cambridge, 1994.
- Geyer, 1987 – *Geyer D.* Russian Imperialism. The Interaction of domestic and foreign policy. 1860–1914. L., 1987.
- Harcave, 2004 – *Harcave S.* Count Sergei Witte and the Twilight of Imperial Russia. A Biography. N.Y.; L., 2004.
- Mosse, 1996 – *Mosse W.E.* An Economic History of Russia: 1856–1914. N.Y., 1996.
- Owen, 2005 – *Owen T.C.* Dilemmas of Russian Capitalism: Fedor Chizhov and Corporate Enterprise in the Railroad Age. L., 2005.
- Owen, 2002 – *Owen T.C.* The Corporation under Russian Law, 1800–1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge, 2002.
- Shanin, 1985 – *Shanin T.* Russia as a «Developing Society». Basingstoke; L., 1985
- Wcislo, 2005 – *Wcislo F.* Rereading Old Texts: Sergei Witte and the industrialization of Russia // Russia in the European Context. 1789–1914. N.Y., 2005.

References

- Anan'ich, Ganelin, 2000 – *Anan'ich B.V., Ganelin R.Sh.* (2000) Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya [Sergei Yulievich Witte and his time]. SPb. [in Russian]
- Bel'gard, 2009 – *Bel'gard, A.V.* (2009). Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]
- Bogdanovich, 1990 – *Bogdanovich, A.V.* (1990). Tri poslednikh samoderzhtsa. Dnevnik [The last three autocrat. Diary]. M. [in Russian]
- Bokhanov, 2006 – *Bokhanov, A.N.* (2006). Poslednii tsar' [The Last Tsar]. M. [in Russian]
- Christian, 1997 – *Christian, D.* (1997). Imperial and Soviet Russia: Power, privilege and challenge of modernity. N.Y.

- Denisov, 1912** – *Denisov, V.I.* (1912). O zhelatel'nom napravlenii finansovoi i ekonomicheskoi politiki v Rossii [On the Desirable Direction of Financial and Economic Policy in Russia]. SPb. [in Russian]
- El'chaninov, 1913** – *El'chaninov, A.G.* (1913). Tsarstvovanie Gosudarya Imperatora Nikolaya Aleksandrovicha [Reign of Sovereign Emperor Nikolai Alexandrovich]. SPb. M. [in Russian]
- Gatrell, 1994** – *Gatrell, P.* (1994). Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914. The last argument of tsarism. Cambridge.
- Geyer, 1987** – *Geyer, D.* (1987). Russian Imperialism. The Interaction of domestic and foreign policy. 1860–1914. L.
- Gol'dshtein, 1908** – *Gol'dshtein, I.M.* (1908) Ekonomicheskaya politika [Economic policy]. M. [in Russian]
- Golovin, 1899** – *Golovin, K.* (1899) Nasha finansovaya politika i zadachi budushchego. 1887–1898 [Our financial policy and tasks of the future. 1887–1898]. SPb. [in Russian]
- Golovin, 2006** – *Golovin, F.A.* (2006) Nikolai II. Nikolai Vtoroi. Vospominaniya. Dnevnik [Nicholas II]. M. Pp. 11-25. [in Russian]
- Gregori, 2003** – *Gregori, P.* (2003). Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii, (konets XIX – nachalo XX v.): Noveye podschety i otsenki [Economic Growth of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): New Calculations and Estimates]. M. [in Russian]
- Guchkov, 1993** – *Guchkov, A.I.* (1993). A.I. Guchkov rasskazyvaet... [Guchkov tells...] M. [in Russian]
- Gurko, 1902** – *Gurko, V.I.* (1902) Ustoi narodnogo khozyaistva Rossii [Foundations of the national economy of Russia]. SPb. [in Russian]
- Gurko, 2000** – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]
- Harcave, 2004** – *Harcave, S.* (2004). Count Sergei Witte and the Twilight of Imperial Russia. A Biography. N.Y.; L.
- Kizeveter, 2001** – *Kizeveter, A.A.* (2001). Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya. 1881–1914 [At the turn of two centuries. Memories. 1881–1914]. M. [in Russian]
- Kokovtsov, 1992** – *Kokovtsov, V.N.* (1992). Iz moego proshlogo [From my past]. V. 2. M. [in Russian]
- Korelin, Stepanov, 1998** – *Korelin, A.P., Stepanov, S.A.* (1998). S.Yu. Vitte – finansist, politik, diplomat [S.Yu. Witte – financier, politician, diplomat]. M. [in Russian]
- Laverychev, 1967** – *Laverychev, V.Ya.* (1967). Po tu storonu barrikad. Iz istorii bor'by moskovskoi burzhuazii s revolyutsiei [On the other side of the barricades. From the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie against the revolution]. M. [in Russian]
- Mironov, 2018** – *Mironov, B.N.* (2018). Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu. T. I-III. 2 izd., ispr. SPb.: Dmitriy Bulanin.
- Mosse, 1996** – *Mosse, W.E.* (1996). An Economic History of Russia: 1856–1914. N.Y.
- Myshtsin, 1906** – *Myshtsin, V.N.* (1906). Politicheskie partii i ikh idealy. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra [Political parties and their ideals]. Holy Trinity Sergius Lavra. [in Russian]
- Owen, 2002** – *Owen, T.C.* (2002). The Corporation under Russian Law, 1800–1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge.
- Owen, 2005** – *Owen, T.C.* (2005). Dilemmas of Russian Capitalism: Fedor Chizhov and Corporate Enterprise in the Railroad Age. L.
- Paskhalov, 1911** – *Paskhalov, K.* (1912). Pogreshnosti obnovlennogo 17 oktyabrya 1905 goda Gosudarstvennogo stroya i popytka ikh ustraneniya [Errors of the State system updated on October 17, 1905 and an attempt to eliminate them]. M. [in Russian]
- Peshekhonov, 1906** – *Peshekhonov, A.V.* (1906). Ekonomicheskaya politika samodержaviya [Economic policy of the autocracy]. SPb. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Shanin, 1985** – *Shanin, T.* (1985). Russia as a «Developing Society». Basingstoke; L.
- Shepelev, 1987** – *Shepelev, L.E.* (1987). Tsarizm i burzhuaziya v 1904–1914 gg. [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914] L. [in Russian]
- Shvanebakh, 1901** – *Shvanebakh, P.Kh.* (1901). Denezhnoe preobrazovanie i narodnoe khozyaistvo [Monetary transformation and the national economy]. SPb. [in Russian]
- Spirin, 1977** – *Spirin, L.M.* (1977). Krushenie pomeshchich'ikh i burzhuaznykh partii v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.) [The collapse of the landlord and bourgeois parties in Russia (early XX century – 1920)]. M. [in Russian]
- Tikhomirov, 1912** – *Tikhomirov, L.A.* (1912). K reforme obnovlennoi Rossii (stat'i 1909, 10, 11 gg.) [Toward the Reform of a Renewed Russia (Articles 1909, 10, 11)]. M. [in Russian]
- Vitte, 1914** – *Vitte, S.Yu.* (1914). Po povodu neprelozhnosti zakonov gosudarstvennoi zhizni [Regarding the immutability of the laws of state life]. SPb. [in Russian]
- Vitte, 1960** – *Vitte, S.Yu.* (1960). Vospominaniya [Memories]. V. 3. M. [in Russian]
- Wcislo, 2005** – *Wcislo, F.* (2005). Rereading Old Texts: Sergei Witte and the industrialization of Russia. Russia in the European Context. 1789–1914. N.Y.

Zaionchkovskii, 1970 – *Zaionchkovskii, P.A. (1970). Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M., 444 p. [in Russian]*

Воздействие предпринимательских союзов и объединений на экономическую политику государства во второй половине XIX – начале XX в.

Павел Сергеевич Селезнев ^{a, *}, Вадим Владиславович Зубов ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено вопросу о развитии системы воздействия предпринимательских союзов и объединений на экономическую политику государства во второй половине XIX – начале XX в. Авторы приходят к выводу о том, что изначально представители политического руководства империи пытались взаимодействовать с предпринимательским сообществом через сформированную ранее систему совещательных органов, лишённых права инициировать обсуждение конкретных вопросов. Но для соответствующих структур был характерен достаточно узкий состав участников, в силу чего они не могли полноценно представлять позицию даже крупных компаний. Роль функционального представителя интересов делового сообщества постепенно перешла к самоуправляющимся общественным организациям, среди которых ключевую роль играли биржевые комитеты и съезды промышленников и торговцев. С формальной точки зрения они должны были выполнять функцию механизма обратной связи между правительственными структурами и бизнесом. Но в итоге деловые ассоциации начали формировать собственную экономическую повестку и продвигать её методами публичной политики. Это обуславливалось как высоким уровнем их автономии благодаря широкому внедрению норм сепаратного права, так и развитием негласных практик привлечения предпринимательских объединений к обсуждению законопроектов и регулярным инкорпорированием представителей профильных органов власти в число делегатов съездов промышленников и коммерсантов. В конце исследуемого периода интенсифицировался процесс формирования монополий, также активно пытавшихся влиять на экономическую политику государства за счёт использования инструментов административного и отраслевого лоббирования. Однако в целом уровень влияния предпринимательских союзов и объединений на экономическую политику российского государства оставался скорее умеренным. Последнее было обусловлено относительно низким уровнем ресурсного потенциала бизнеса и невысокой степенью его социальной консолидации, а также опасениями властей относительно возможных издержек расширения участия бизнеса в вопросах государственного управления, связанных с высокими масштабами распространения бюрократического предпринимательства и коррупции в целом.

Ключевые слова: деловые ассоциации, съезды промышленников и торговцев, биржевые комитеты, монополии, экономическая политика, группы интересов, лоббирование.

---

* Корреспондирующий автор

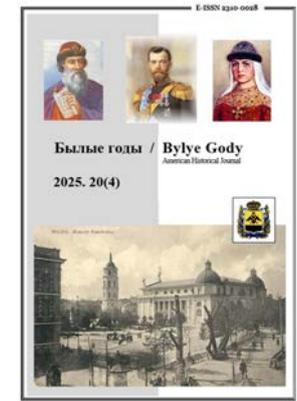
Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), zubov305@yandex.ru (В.В. Зубов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1811-1822
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1811

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sir Benjamin F. Howard (1835–1908): Soldier, Police Officer, Mason

Alexander C. Cherkas ^{a, b, *}

^aCherkas Global University, Houston, USA

^bEast European Historical Society, Houston, USA

Abstract

This work represents a biography of Benjamin F. Howard (1835–1908) as a soldier, police officer, and Mason. It reveals little-known aspects of his life.

The work leaned on five groups of historical sources – (1) archival documents, (2) museum items, (3) collections of published documents, (4) sources of private origin, and (5) periodical press materials. Of particular importance in the context of this research is the second group – a selection of items from the American Civil War Museum and the Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University. Methodologically, the study relied on a set of methods commonly used in biographical research.

The study's findings revealed that Benjamin Franklin Howard (1835–1908) started out working as a stonecutter (initially in Washington, DC, and later in Richmond, VA); but it was the American Civil War that truly revealed him to be an organizer and leader, someone whose direction people would follow in the challenging climate of military confrontation. He finished the Civil War in the rank of Captain in command of Company I of the 1st Virginia Infantry Regiment. Subsequently, he served for many years in the police, where he was promoted to the rank of Major and was appointed Chief of Police for the city of Richmond. At the same time, starting in 1871 he was active as a Mason, progressing in that hierarchy from a candidate for Masonry to a member of the York Rite Knights Templar. In 1900, he filled the post of Eminent Commander of Richmond Commandery No. 2. Throughout his life, Benjamin F. Howard was the kind of person who would not back down from a challenge and would stay true to his duty to the very end.

Keywords: Benjamin Franklin Howard (1835–1908), 1st Virginia Infantry Regiment, Chief of Police, Richmond Randolph Lodge No. 19, Richmond Commandery No. 2.

1. Introduction

Benjamin Franklin Howard was born on December 17, 1835, in Washington, DC ([ACWM. Catalog no. 0985.14.00152](#)). His father, J.F. Howard, was a native of Virginia. That is where he got married. In the late 1820s, he moved to Washington, DC. He would have a large family. Benjamin F. Howard lived his childhood and youth in Washington, DC. That is where his working life started as a stonecutter ([ACWM. Catalog no. 0985.14.00152](#)). And that is where he married Annie Elizabeth Howard on February 3, 1860 ([USFC. Year: 1900; Census Place: Richmond, Marshall Ward, Richmond City, Virginia; Roll: 1739; Page: 21; Enumeration District: 0096](#)). The young married couple settled in the house of her parents. That same year, 1860, the couple moved to Richmond, VA, where Benjamin F. Howard would continue working as a stonecutter. He most likely would have remained a craftsman had it not been for the commencement in 1861 of his history as a soldier, police officer, and Mason.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.C. Cherkas)

2. Materials and methods

The work leaned on five groups of historical sources – (1) archival documents, (2) museum items, (3) collections of published documents, (4) sources of private origin, and (5) periodical press materials.

The first group was represented by the United States Federal Census record for Benjamin F. Howard as a resident of Richmond, VA (USFC).

The second group comprised a selection of museum items from the American Civil War Museum (ACWM) and the Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University (Houston, USA). The ones from the American Civil War Museum are a photograph of Captain Benjamin F. Howard taken during the Civil War (ACWM. Catalog no. 0985.14.00152) and his Richmond Chief of Police badge (ACWM. Catalog no. 0985.13.01865), which he received on assuming the post in 1865. The one from the Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University is a sword that used to belong to Benjamin F. Howard (Figure 1) (MHAKT CGU. Collection 1st. Catalog no. 075/KT068), which was presented to him by members of Richmond Commandery No. 2 on January 1, 1879.

Fig. 1. Benjamin F. Howard's sword (MHAKT CGU. Collection 1st. Catalog no. 075/KT068)

The sword is a rare presentation sword. This one has no scabbard. As a side note, knights from the Masonic order of Knights Templar typically obtained their swords on their own, with swords presented in recognition of one's achievements accounting for just around 1%. B.F. Howard's presentation sword has an ebony hilt with a cross on it; it has a helmet-shaped pommel (Figure 2). One side of its blade is inscribed with 'Richmond Commandery No. 2' (Figure 3), which indicates that its owner served in the city of Richmond, VA.

Fig. 2. Hilt of the sword (MHAKT CGU. Collection 1st. Catalog no. 075/KT068)

Fig. 3. Inscription on one side of the sword blade (MHAKT CGU. Collection 1st. Catalog no. 075/KT068)

The other side of the sword blade is inscribed with 'Presented to Sgt B.F. Howard by the officers and men of the 1st Police District, as a token of esteem. Jan. 1st, 1879' (Figure 4).

Fig. 4. Inscription on the other side of the blade (MHAKT CGU. Collection 1st. Catalog no. 075/KT068)

That information enables us to identify the owner of the presentation sword – Sergeant of Police B.F. Howard, whom a group of officer Masons presented with it as a token of esteem, and establish the date that happened – January 1, 1879. The sword was made by Ames Manufacturing Company (Chicopee, MA) (Figure 5).

Fig. 5. Maker's mark on the sword (MHAKT CGU. Collection 1st. Catalog no. 075/KT068)

The third group of sources was represented by a set of collections of published documents related to Masonic organizations – namely the following reports: *Proceedings of the Annual Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Ancient, Free, and Accepted Masons of the State of Virginia* (1874–1882), *Proceedings of an Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia* (1875–1905), and *Proceedings of the Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia* (1879–1908).

The fourth group included B.F. Howard's own reminiscences, with use made of 'Record of Captain B.F. Howard's Company 'T' 1st VA Infantry Regiment', held at the American Civil War Museum (ACWM. [Record of Captain B.F. Howard...](#)), which offers some insight into his service during the Civil War.

The fifth group incorporated a brief obituary published in *The Times Dispatch* on May 2, 1908, which announced the passing of Major Benjamin F. Howard ([Deaths, 1908: 2 May](#)).

In terms of methodology, the study relied on a set of methods commonly used in biographical research – namely the historical-biographical, deductive, chronological, and content analysis methods.

3. Discussion

The historiography on this subject comprises publications focused on the following two major topics: 1) history of the 1st Virginia Infantry Regiment; 2) biographical research on members of the Masonic order of Knights Templar.

The first group incorporates one of the earliest works on the history of the 1st Virginia Infantry Regiment – C.T. Loehr's 'War History of the Old First Virginia Infantry Regiment, Army of Northern Virginia' (Loehr, 1884), which, similar to many other early works, contains a few historical inaccuracies but nevertheless is an essential source for the history of the 1st Virginia Infantry Regiment.

Next, there is '1st Virginia Infantry' by L.A. Wallace, Jr., published in 1984. The book is primarily focused on the history of the regiment as a whole, with relatively little consideration given to the role of the individual in that civil conflict (Wallace, 1984).

The history of the 1st Virginia Infantry Regiment continues to be researched to this day. Specifically, there is A. Powell's 'The Bloody First. A History of the 1st Regiment of Virginia Volunteers in the American Civil War', published in 2018. The book provides a comprehensive account of the regiment's history based on extensive archival and historiographical material (Powell, 2018).

As regards the second group of publications, it is to be noted that the period between the late 19th and early 20th centuries was characterized in the United States by the popularity of books with biographical information about residents of a single county or city (*The United States...*, 1883; Oakes, 1905), and such books often mentioned members of the order of the Knights Templar. In addition, biographical works (registers) were produced focusing on prominent Masons in specific cities and even states (Richardson, 1883; *Masonic...*, 1902). Lastly, works were, and still are to this day, published representing biographical accounts of the lives of prominent Masons. Here mention needs to be made of the articles 'Eugene F. Falconnet, Soldier, Engineer, Inventor' (Swint, Mohler, 1962), which talks about a prominent Mason in the state of Tennessee, 'Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) in the Museum Collection of Cherkas Global University' (Cherkas, 2024), and 'Sir Albert E. Worthington (1849–1915) in the Museum Collection of Cherkas Global University: Commemorating the 175th Anniversary of His Birth' (Cherkas, 2024a). The last two were produced based on items in the museum collection of Cherkas Global University, with that collection itself becoming a subject of research in 2025 (Cherkasova, 2025).

4. Results

Benjamin F. Howard's presentation sword provided a clue to the fact that he served as a sergeant in the 1st Police District and was a member of Richmond Commandery No. 2. Furthermore, the data from the United States Federal Census helped establish his full name and obtain biographical information respecting his service during the Civil War and in the police. The items from the American Civil War Museum helped gain an insight into his service in the Confederate army and the early stages of his service in the police. The portrait of Benjamin F. Howard was supplemented by the works covering the history of the 1st Virginia Infantry Regiment, while a detailed insight into his activity as a Mason was gained from the collections of published documents. Outlined below are the sketches for a historical portrait of Benjamin F. Howard (1835–1908).

Soldier. The 1st Virginia Infantry Regiment was the first volunteer regiment raised in the state of Virginia. Its organization was completed on April 21, 1861. Benjamin F. Howard was mustered into its Company H as a sergeant that same day. Typically, a company was to have a captain (its commander), three lieutenants, and four sergeants (Loehr, 1884: 13). At the outbreak of the war, the regiment comprised 10 companies from Richmond, but in April three were detached. In mid-July, a company from Washington, DC, was added¹. As a result, the regiment reached a strength of 570 men. It was mustered into Confederate service on June 30, 1861. In July 1861, the regiment saw action twice – first in the Battle of Blackburn's Ford, VA (July 18, 1861), and then in the Battle of First Manassas, VA (July 21, 1861). As early as the following month, Company H, where Sergeant Benjamin F. Howard was serving, had an opening for a lieutenant (Loehr, 1884: 13). On September 28, 1861, Sergeant Benjamin F. Howard was made First Lieutenant (ACWM. Catalog no. 0985.14.00152).

In late November 1861, First Lieutenant Benjamin F. Howard was transferred from Company H to Company I. On December 13, 1861, he was in the lineup of Company I, led at the time by Captain J.W. Tabb (Powell, 2018: 48).

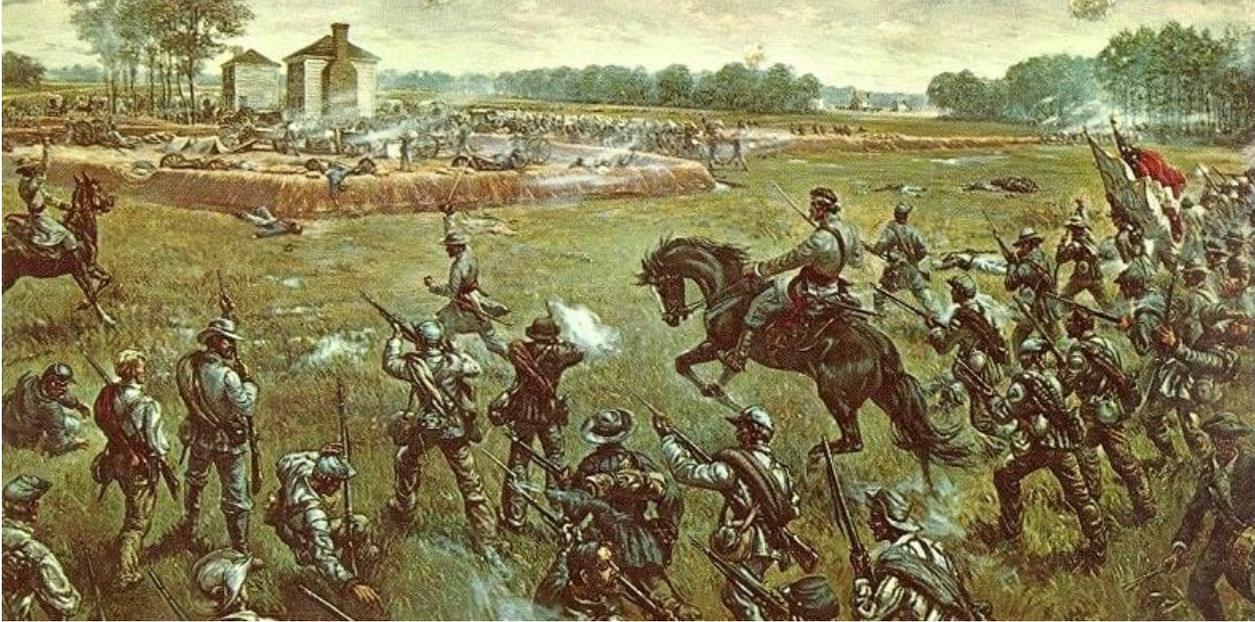
In April 1862, when the regiment was reorganized, it contained only six companies. The 1st Virginia Infantry was assigned to A.P. Hill's, J.L. Kemper's, and W.R. Terry's Brigade, Army of Northern Virginia.

---

¹ In April 1862, that company was transferred to a different regiment.

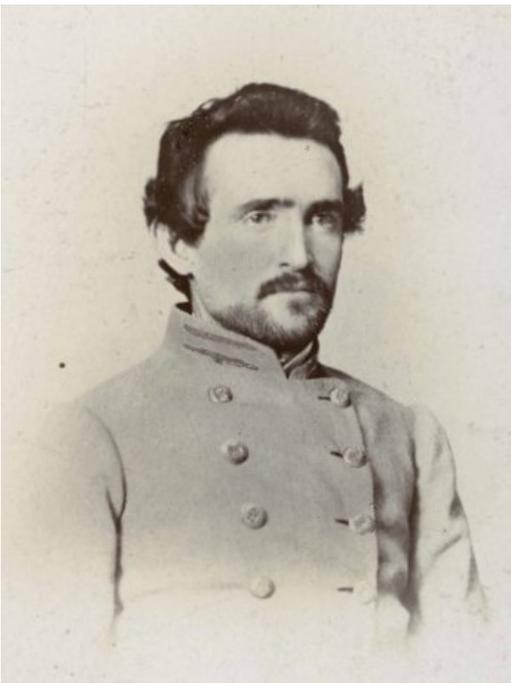
Between April and May 1862, the regiment that First Lieutenant Benjamin F. Howard served in participated in two battles – the Battle of Yorktown, VA (April–May, 1862), and the Battle of Williamsburg, VA (May 5, 1862).

From May 31 to June 1, 1862, the regiment took part in the Battle of Seven Pines, VA (Figure 6). During that battle, First Lieutenant Benjamin F. Howard was seriously wounded (Loehr, 1884: 25). In all, in that battle the regiment lost 14 men killed and 44 wounded, with Company I, which Benjamin F. Howard served in, suffering the most deaths (4) (Loehr, 1884: 25).

Fig. 6. *The Charge on Casey's Redoubt* (painted by Sidney E. King)

On August 30, 1862, Captain J.W. Tabb, in command of Company I, was killed in the Battle of Second Manassas, VA. Consequently, Benjamin F. Howard, who at the time was out of action due to a wound, was advanced to the rank of Captain in his regiment. However, he was able to actually start performing the duties of the company's commander only in February 1863 (Figure 7), when he was fit enough to return to duty (Powell, 2018: 157).

Fig. 7. Captain Benjamin F. Howard, commander of Company I of the 1st Virginia Infantry Regiment (1863) (ACWM. Catalog no. 0985.14.00152)

Following his convalescence, Benjamin F. Howard took part in the Battle of Suffolk, VA (April–May, 1863).

In the summer of 1863, the regiment suffered heavy losses during the Battle of Gettysburg, PA (July 1–3, 1863). It lost about 120 men out of about 160 who went into the charge in that battle, with 23 killed and nearly 100 more left on the field wounded and missing (Loehr, 1884: 25).

On the morning of the 4th of July, the 1st Virginia Infantry Regiment mustered about 30 soldiers and officers under the command of Captain Benjamin F. Howard (Loehr, 1884: 25). It is to be noted that B.F. Howard had not taken part in the charge for medical reasons, becoming the regiment's only officer to have passed through that battle unhurt (Powell, 2018: 202).

After the regiment was reinforced and recovered its combat capability, it continued to engage in combat.

Subsequently, the regiment took part in the Battle of Plymouth, NC (April 17–20, 1864), and the Battle of Proctor's Creek, VA (May 16, 1864).

On May 18, 1864, when placed in a fort at the Hewlett House, VA, the regiment came under the fire of the enemy's gunboats and had to withstand it for about 11 hours. With no artillery to defend its exposed position, the regiment was unable to respond with a single shot. The losses were two killed and seven wounded from the regiment, with Company I hit the heaviest with four wounded, including Captain Benjamin F. Howard (Loehr, 1884: 49).

Subsequently, the regiment took part in the Battle of North Anna, VA (May 23–26, 1864), and the Battle of Cold Harbor, VA (June 1–June 3, 1864).

On February 20, 1865, the regiment met and vowed to continue its resistance (Loehr, 1884: 55), rejecting the propositions for peace made by President Lincoln (Loehr, 1884: 55). However, despite its strong fighting spirit, the Confederate army was facing a critical situation overall.

The 1st Virginia Infantry Regiment's last engagements were the Battle of Dinwiddie Court House, VA (March 31, 1865), the Battle of Five Forks, VA (April 1, 1865), the Battle of Sailor's Creek, VA (April 6, 1865), and the Battle of Appomattox Court House, VA (April 9, 1865).

On April 9, 1865, the regiment's remaining men and officers surrendered alongside General Lee (commander of the Army of Northern Virginia) at Appomattox Courthouse. The Civil War was now over for Captain Benjamin F. Howard.

On April 17, 1865, B.F. Howard was released from captivity in Richmond (ACWM. Catalog no. 0985.14.00152).

Following the war, Benjamin F. Howard became a member of the 1st Virginia Infantry Regiment Veterans Association (Powell, 2018: 289).

Police officer. A combat officer with leadership abilities, Benjamin F. Howard joined the police force subsequent to his release from captivity. As early as December 8, 1865, he was appointed Chief of Police to head the police force in Richmond during the martial law period. As a side note, with the end of the Civil War, the federal government established martial law in Richmond and the Police Department there was abolished.

On assuming the post, Benjamin F. Howard received a badge of the Chief of Police of Richmond, VA (Figure 8).

Fig. 8. Richmond Chief of Police badge received by Benjamin F. Howard on assuming the post in December 1865 (ACWM. Catalog no. 0985.13.01865)

His first badge was later replaced by a gold badge made especially for him, which was presented to him by the men of the First Police Station ([ACWM. Catalog no. 0985.13.01865](#)).

In 1870, President Ulysses S. Grant allowed Virginia back into the Union. The Richmond Police Department was re-established under Major John Poe, and Benjamin F. Howard continued service as a sergeant in the 1st Police District. The records show him still employed in the police force as a sergeant in 1874. He remained in this role at least until 1891.

Around 1892, he was granted the rank of Lieutenant, and right before 1895's beginning – that of Captain.

In 1895, Major Benjamin F. Howard replaced Major John Poe as Chief of Police for Richmond following the latter's passing.

According to census data, Benjamin F. Howard was at the head of the police in Richmond in 1900 ([USFC. Year: 1900; Census Place: Richmond, Marshall Ward, Richmond City, Virginia; Roll: 1739; Page: 21; Enumeration District: 0096](#)).

Major Benjamin F. Howard stepped down as Chief of Police in 1904. He was replaced by Captain E.P. Hulce.

Mason. It is known that in 1873 Benjamin F. Howard became a Master Mason in Richmond Randolph Lodge No. 19¹, his name figuring in the list of members of that lodge ([Proceedings of the Annual Communication..., 1874: 174](#)). If we take into account that from joining as an Entered Apprentice it typically took about two years to become a Master Mason, Benjamin F. Howard is much likely to have joined the lodge around 1871.

As early as 1874, he became Junior Deacon ([Proceedings of the Annual Communication..., 1875: 79](#)). In 1875, he was made Senior Deacon ([Proceedings of the Annual Communication..., 1876: 113](#)). In 1876, he continued to serve in the capacity of Senior Deacon ([Proceedings of the Annual Communication..., 1877: 103](#)). Typically, the lodge's Masons held their posts for a term of 2 years.

In 1877–1878, he was appointed to his next post – Junior Warden ([Proceedings of the Annual Communication..., 1877a: 97; Proceedings of the Annual Communication..., 1878: 125](#)).

In 1879–1880, he rose to the position of Senior Warden, i.e. the second officer of the lodge in terms of seniority ([Proceedings of the Annual Communication..., 1879: 123; Proceedings of the Annual Communication..., 1880: 136](#)). In 1881–1882, he became the lodge's Master ([Proceedings of the Special Communication..., 1881: 222; Proceedings of the 105th Annual Communication..., 1882: 121](#)), attaining the highest office within Richmond Randolph Lodge No. 19. In 1883, he became the lodge's Past Master ([Proceedings of the 106th Annual Communication..., 1883: 115](#)).

His initiation as a Master Mason in 1873 got Benjamin F. Howard started on the path through the Masonic hierarchy. As early as 1874, he became a Companion of Richmond Royal Arch Chapter No. 3² ([Proceedings of an Annual Convocation..., 1875: 58](#)). In 1875, he was serving as the chapter's Principal Sojourner ([Proceedings of an Annual Convocation..., 1876: 81](#)). In 1876, he became the chapter's King, i.e. its second-in-command ([Proceedings of an Annual Convocation..., 1877: 29](#)). In 1877, he became the chapter's High Priest, the highest officer in Richmond Royal Arch Chapter No. 3 ([Proceedings of an Annual Convocation..., 1878: 27](#)). In 1878, he continued in the same capacity ([Proceedings of an Annual Convocation..., 1879: 31](#)). In 1879, he became the chapter's Past High Priest ([Proceedings of the Seventy-Second Annual Convocation..., 1879: 34](#)).

His outstanding progress up the Masonic hierarchy opened another door for him – that of the Masonic order of Knights Templar. As a side note, Benjamin F. Howard would keep his ties to Richmond Royal Arch Chapter No. 3 Benjamin F. Howard for the rest of his life³.

---

¹ Richmond Randolph Lodge No. 19 was chartered on October 29, 1787 ([Proceedings of the Annual Communication..., 1878: 125](#)).

² Richmond Royal Arch Chapter No. 3 was chartered on March 12, 1792 ([Proceedings of the Seventy-Fourth Annual Convocation..., 1881: 29](#)).

³ In 1881, he became 3rd Master of the Veil ([Proceedings of the Seventy-Fourth Annual Convocation..., 1881: 29](#)). In 1885–1887, he served as Steward ([Proceedings of the Seventy-Eighth Annual Convocation..., 1885: 36; Proceedings of the Seventy-Ninth Annual Convocation..., 1886: 32; Proceedings of the Eightieth Annual Convocation..., 1887: 30](#)). In 1889 and in 1891–1893, he served in the same capacity – Steward ([Proceedings of the Eighty-Second Annual Convocation..., 1889: 34; Proceedings of the Eighty-Fourth Annual Convocation..., 1891: 42; Proceedings of the Eighty-Fifth Annual Convocation..., 1892: 48; Proceedings of the Eighty-Sixth Annual Convocation..., 1893: 46](#)). After a 3-year hiatus, he resumed service in the same capacity and would serve in it from 1896 to 1905 ([Proceedings of the Eighty-Ninth Annual Convocation..., 1896: 64; Proceedings of the Ninetieth Annual Convocation..., 1897: 102; Proceedings of the Ninety-First Annual Convocation..., 1898: 68; Proceedings of the Ninety-Second Annual Convocation..., 1899: 70; Proceedings of the Ninety-Third Annual Convocation..., 1900: 76; Proceedings of the Ninety-Fourth Annual Convocation..., 1901: 94; Proceedings of the Ninety-Fifth Annual Convocation..., 1902: 82; Proceedings of the Ninety-Sixth Annual Convocation..., 1904: 85; Proceedings of the Ninety-Seventh Annual Convocation..., 1904: 93](#)).

In the fall of 1878, Benjamin F. Howard joined the Masonic order of Knights Templar by way of Richmond Commandery No. 2¹ ([Proceedings..., 1879: 53](#)). The commandery honored his past achievements as a Mason by presenting him with a Masonic sword on January 1, 1879, as a token of esteem ([Figure 1](#)).

As early as 1880, he became the commandery's Warden ([Proceedings..., 1880: 23](#)). In 1881, Benjamin F. Howard attended the 59th Annual Assembly, held in Yorktown, where he was part of a group of Richmond Commandery No. 2 knights acting as escort to the Grand Commander ([Proceedings..., 1881: 4](#)). That same year, he became the commandery's Sword Bearer ([Proceedings..., 1881: 26](#)).

In 1882, he rose to a higher role in the commandery – Standard Bearer ([Proceedings..., 1882: 28](#)).

In 1883, he became the commandery's Junior Warden ([Proceedings..., 1883: 22](#)), and in 1884 – its Senior Warden ([Proceedings..., 1884: 22](#)).

In 1885, Benjamin F. Howard attended an Annual Assembly held in Richmond. From 1885, most likely due to his service with the police, Benjamin F. Howard did not serve in any officer role in the commandery ([Proceedings..., 1885: 43](#)). This state of affairs lasted until 1897 ([Proceedings..., 1886: 31](#); [Proceedings..., 1887: 39](#); [Proceedings..., 1888: 41](#); [Proceedings..., 1889: 33](#); [Proceedings..., 1890: 23](#); [Proceedings..., 1891: 19](#); [Proceedings..., 1892: 23](#); [Proceedings..., 1893: 28](#); [Proceedings..., 1894: 33](#); [Proceedings..., 1895: 44](#); [Proceedings..., 1896: 60](#); [Proceedings..., 1897: 69](#)).

In 1898, Benjamin F. Howard became Captain General ([Proceedings..., 1898: 70](#)).

In 1899, he rose to the commandery's second highest role – Generalissimo. As a consequence, he became its official Representative ([Proceedings..., 1899: 4, 68](#)).

In 1900, Benjamin F. Howard became Eminent Commander of Richmond Commandery No. 2 ([Figure 9](#)) and was its official Representative ([Proceedings..., 1900: 4, 68](#)). As at that year, Richmond Commandery No. 2 had 144 members ([Proceedings..., 1900: 74](#)).

RICHMOND COMMANDERY, NO. 2.		
Chartered April 23, 1823.		
<i>Meets at Masonic Temple, Richmond, on the fourth Tuesday of every month, except June, then on the 17th.</i>		
—		
POST-OFFICE—RICHMOND.		
—		
LIST OF OFFICERS.		
E. Sir	B. F. Howard	Commander.
Sir	George J. Hooper	Generalissimo.
"	Jones A. Otey	Captain-General.
"	A. S. Lee	Prelate.
"	J. C. Bowman	Senior Warden.
"	A. McA. Parker	Junior Warden.
"	J. B. Welsh	Treasurer.
E. "	W. M. Williams	Recorder.
"	A. I. Schleicher	Standard-Bearer.
"	R. T. Lacy	Sword-Bearer.
"	E. W. Thomas	Warder.
"	W. C. Wilkinson	Captain of Guard.
"	W. Krause	Armorer.
PAST COMMANDERS.		
A. S. Lee,	Charles A. West,	B. A. Jacob,
J. Thompson Brown,	W. M. Williams,	F. J. Craigie,
John F. Mayer,	F. W. Cunningham,	B. C. Lewis,
Jas. H. Capers, P. G. C.,	D. C. Richardson,	Alex. W. Archer, No. 6.
	A. R. Courtney.	

Fig. 9. Richmond Commandery No. 2 leadership roster in 1900 ([Proceedings..., 1900: 78](#))

In 1901, Benjamin F. Howard became Past Commander of Richmond Commandery No. 2 ([Proceedings..., 1901: 102](#)). In the 1902–1907 Proceedings reports, he is listed as its Past Commander ([Proceedings..., 1902: 93](#); [Proceedings..., 1903: 96](#); [Proceedings..., 1904: xxii](#); [Proceedings..., 1905: 76](#); [Proceedings..., 1906: 83](#); [Proceedings..., 1908: 3](#)). Benjamin F. Howard is not mentioned in the 1908 Proceedings report ([Proceedings..., 1908a](#)).

[Proceedings of the Ninety-Eighth Annual Convocation..., 1905: 86](#)). From 1906, Benjamin F. Howard did not serve in any capacity in Richmond Royal Arch Chapter No. 3 ([Proceedings of the Ninety-Ninth Annual Convocation..., 1906: 101](#)).

¹ Richmond Commandery No. 2 was chartered on April 10, 1823 ([Proceedings..., 1889: 32](#)). From 1893, the commandery gave its foundation date as April 23 ([Proceedings..., 1893: 27](#)). Based in the city of Richmond, it was one of the largest commanderies in the state of Virginia.

On April 28, 1908, the major of police, Civil War veteran, and Mason Benjamin Franklin Howard passed away at the age of 74.

On May 2, 1908, *The Times Dispatch* newspaper announced that Major Benjamin Franklin Howard had been buried earlier that day ([Deaths, 1908: 2 May](#)). The organization honored the memory of Benjamin F. Howard, alongside other deceased Masons, with kind words of remembrance in its annual literature in 1908 and 1909 ([Proceedings of the One Hundred and First Annual Convocation..., 1908: 63](#); [Proceedings of the 131th Grand Annual Communication..., 1909: 376](#)).

5. Conclusion

Benjamin Franklin Howard (1835–1908) started out working as a stonecutter (initially in Washington, DC, and later in Richmond, VA); but it was the American Civil War that truly revealed him to be an organizer and leader, someone whose direction people would follow in the challenging climate of military confrontation. With the start of the Civil War in 1861, he joined the 1st Virginia Infantry Regiment as a sergeant. His prowess and exceptional administrative ability earned him the rank of First Lieutenant, which he attained as early as late 1861, bypassing the rank of Second Lieutenant, and in 1862 he rose to the rank of Captain, assuming command of Company I – a position he would hold until the end of the war. During the Civil War, Benjamin F. Howard was wounded twice, but he pursued that path to the very end, being one of the fighters in the Confederate army who shared the bitterness of defeat.

With the end of the Civil War, Benjamin F. Howard joined the police force of the city of Richmond, VA. He must have been known around town, for on December 8, 1865, he was appointed Chief of Police to head the police force in Richmond during the martial law period. From 1870, he served as a Sergeant of Police. In 1892, he received the rank of Lieutenant of Police. In 1895, he became Captain of Police and was re-appointed Chief of Police for the city of Richmond. Around that time, he received the rank of Major as the person in charge of the city's police force. He served in that capacity until 1904, when he stepped down.

Benjamin F. Howard was also well known as a Mason. In 1871, he joined Richmond Randolph Lodge No. 19. Two years later, in 1873, he became a Master Mason in the York Rite. That allowed him to continue his Masonic journey in Richmond Royal Arch Chapter No. 3, which he joined as early as 1874. A few years later, having served in several officer roles, he took on the highest one – High Priest – as early as 1877. That would open another door for him – that of the Masonic order of Knights Templar, which he joined in the fall of 1878. While with Richmond Commandery No. 2, Benjamin F. Howard would likewise serve in a number of officer roles and in 1900 he would become its Eminent Commander, and from 1901 he would be its Past Commander.

In conclusion, it can be stated that it is during the Civil War that Benjamin F. Howard truly came of age. His credo was 'never back down from a challenge and always stay true to your duty to the very end' – such was Benjamin F. Howard, a soldier, police officer, and Mason.

6. Acknowledgments

Thanks are expressed to the management of the George Washington Masonic National Memorial for kind permission to access the resources needed to conduct this research.

References

- [ACWM](#) – The American Civil War Museum.
- [Cherkas, 2024](#) – *Cherkas, A.* (2024). Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) in the Museum Collection of Cherkas Global University. *Bylye Gody*. 19(4): 1674-1682.
- [Cherkas, 2024a](#) – *Cherkas, A.* (2024). Sir Albert E. Worthington (1849–1915) in the Museum Collection of Cherkas Global University: Commemorating the 175th Anniversary of His Birth. *European Journal of Contemporary Education*. 13(4): 742-746.
- [Cherkasova, 2025](#) – *Cherkasova A.A.* (2025). The Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University: Its Collections Dating to Between the Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. 20(1): 188-195.
- [Deaths, 1908](#) – *Deaths. The Times Dispatch*. 1908. 2 May.
- [Loehr, 1884](#) – *Loehr, C.T.* (1884). War History of the Old First Virginia Infantry Regiment, Army of Northern Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer.
- [Masonic..., 1902](#) – Masonic Fair Souvenir. Rochester, NY, 1902.
- [MHAKT CGU](#) – The Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University.
- [Oakes, 1905](#) – Oakes, Rensselaer Allston. Genealogical and Family History of the County of Jefferson, New York. New York & Chicago: The Lewis Publishing Company, 1905.
- [Powell, 2018](#) – *Powell, A.* (2018). The Bloody First. A History of the 1st Regiment of Virginia Volunteers in the American Civil War. Bloomington, IN: LifeRich Publishing.
- [Proceedings of the 105th Annual Communication..., 1882](#) – Proceedings of the 105th Annual Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Virginia of Ancient F. & A. Masons. Richmond, VA: James E. Goode, 1882.

[Proceedings of the 106th Annual Communication..., 1883](#) – Proceedings of the 106th Annual Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Virginia of Ancient F. & A. Masons. Richmond, VA: James E. Goode, 1883.

[Proceedings of the 131th Grand Annual Communication..., 1909](#) – Proceedings of the 131th Grand Annual Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Virginia of Ancient F. & A. Masons. Richmond, VA: The Hermitage Press, Inc., 1909.

[Proceedings of the Annual Communication..., 1874](#) – Proceedings of the Annual Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Ancient, Free, and Accepted Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: James E. Goode, 1874.

[Proceedings of the Annual Communication..., 1875](#) – Proceedings of the Annual Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Ancient, Free, and Accepted Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: James E. Goode, 1875.

[Proceedings of the Annual Communication..., 1876](#) – Proceedings of the Annual Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Ancient, Free, and Accepted Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: Gary's Steam Printing House, 1876.

[Proceedings of the Annual Communication..., 1877](#) – Proceedings of the Annual Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Ancient, Free, and Accepted Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: James E. Goode, 1877.

[Proceedings of the Annual Communication..., 1877a](#) – Proceedings of the Annual Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Virginia of Ancient York Masons. Richmond, VA: James E. Goode, 1877.

[Proceedings of the Annual Communication..., 1878](#) – Proceedings of the Annual Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Virginia of Ancient York Masons. Richmond, VA: James E. Goode, 1878.

[Proceedings of the Annual Communication..., 1879](#) – Proceedings of the Annual Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Virginia of Ancient York Masons. Richmond, VA: James E. Goode, 1879.

[Proceedings of the Annual Communication..., 1880](#) – Proceedings of the Annual Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Virginia of Ancient York Masons. Richmond, VA: James E. Goode, 1880.

[Proceedings of the One Hundred and First Annual Convocation..., 1908](#) – Proceedings of the One Hundred and First Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: Presses of Frank A. Owen, 1908.

[Proceedings of the Special Communication..., 1881](#) – Proceedings of the Special Communication of the Most Worshipful Grand Lodge of Virginia at Yorktown. Richmond, VA: James E. Goode, 1881.

[Proceedings of an Annual Convocation..., 1875](#) – Proceedings of an Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: James E. Goode, 1875.

[Proceedings of an Annual Convocation..., 1876](#) – Proceedings of an Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: Gary's Steam Printing House, 1876.

[Proceedings of an Annual Convocation..., 1877](#) – Proceedings of an Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: Clemmitt & Jones, 1877.

[Proceedings of an Annual Convocation..., 1878](#) – Proceedings of an Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: Clemmitt & Jones, Book and Job Printers, 1878.

[Proceedings of an Annual Convocation..., 1879](#) – Proceedings of an Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: Clemmitt & Jones, Steam Book and Job Printers, 1879.

[Proceedings of the Eightieth Annual Convocation..., 1887](#) – Proceedings of the Eightieth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: Everett Waddey Co., 1887.

[Proceedings of the Eighty-Fifth Annual Convocation..., 1892](#) – Proceedings of the Eighty-Fifth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1892.

[Proceedings of the Eighty-Fourth Annual Convocation..., 1891](#) – Proceedings of the Eighty-Fourth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1891.

[Proceedings of the Eighty-Ninth Annual Convocation..., 1896](#) – Proceedings of the Eighty-Ninth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Steam Book and Job Printer, 1896.

[Proceedings of the Eighty-Second Annual Convocation..., 1889](#) – Proceedings of the Eighty-Second Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: Everett Waddey Co., 1889.

[Proceedings of the Eighty-Sixth Annual Convocation..., 1893](#) – Proceedings of the Eighty-Sixth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1893.

[Proceedings of the Ninetieth Annual Convocation..., 1897](#) – Proceedings of the Ninetieth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Steam Book and Job Printer, 1897.

[Proceedings of the Ninety-Eighth Annual Convocation..., 1905](#) – Proceedings of the Ninety-Eighth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Petersburg, VA: Presses of Buchanan Mfg. Co., 1905.

[Proceedings of the Ninety-Fifth Annual Convocation..., 1902](#) – Proceedings of the Ninety-Fifth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Petersburg, VA: Buchanan Mfg. Co., Printers and Binders, 1902.

[Proceedings of the Ninety-First Annual Convocation..., 1898](#) – Proceedings of the Ninety-First Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Petersburg, VA: Fenn & Owen, Printers and Binders, 1898.

[Proceedings of the Ninety-Fourth Annual Convocation..., 1901](#) – Proceedings of the Ninety-Fourth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Petersburg, VA: Fenn & Owen, Printers and Binders, 1901.

[Proceedings of the Ninety-Ninth Annual Convocation..., 1906](#) – Proceedings of the Ninety-Ninth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Petersburg, VA: Presses of Buchanan Mfg. Co., 1906.

[Proceedings of the Ninety-Second Annual Convocation..., 1899](#) – Proceedings of the Ninety-Second Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Petersburg, VA: Fenn & Owen, Printers and Binders, 1899.

[Proceedings of the Ninety-Seventh Annual Convocation..., 1904](#) – Proceedings of the Ninety-Seventh Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Petersburg, VA: Presses of Frank A. Owen, 1904.

[Proceedings of the Ninety-Sixth Annual Convocation..., 1904](#) – Proceedings of the Ninety-Sixth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Petersburg, VA: Buchanan Mfg. Co., Printers and Binders, 1904.

[Proceedings of the Ninety-Third Annual Convocation..., 1900](#) – Proceedings of the Ninety-Third Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Petersburg, VA: Fenn & Owen, Printers and Binders, 1900.

[Proceedings of the Seventy-Eighth Annual Convocation..., 1885](#) – Proceedings of the Seventy-Eighth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Steam Book and Job Printer, 1885.

[Proceedings of the Seventy-Fourth Annual Convocation..., 1881](#) – Proceedings of the Seventy-Fourth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Steam Book and Job Printer, 1881.

[Proceedings of the Seventy-Ninth Annual Convocation..., 1886](#) – Proceedings of the Seventy-Ninth Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: Everett Wadley Co., 1886.

[Proceedings of the Seventy-Second Annual Convocation..., 1879](#) – Proceedings of the Seventy-Second Annual Convocation of the Grand Chapter of Royal Arch Masons of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Steam Book and Job Printer, 1879.

[Proceedings..., 1879](#) – Proceedings of the 57th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1879.

[Proceedings..., 1880](#) – Proceedings of the 58th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1880.

[Proceedings..., 1881](#) – Proceedings of the 59th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1881.

[Proceedings..., 1882](#) – Proceedings of the 60th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1882.

[Proceedings..., 1883](#) – Proceedings of the 61st Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1883.

[Proceedings..., 1884](#) – Proceedings of the 62nd Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1884.

[Proceedings..., 1885](#) – Proceedings of the 63rd Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1885.

[Proceedings..., 1886](#) – Proceedings of the 64th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1886.

[Proceedings..., 1887](#) – Proceedings of the 65th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1887.

[Proceedings..., 1888](#) – Proceedings of the 66th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1888.

- [Proceedings..., 1889](#) – Proceedings of the 67th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1889.
- [Proceedings..., 1890](#) – Proceedings of the 68th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1890.
- [Proceedings..., 1891](#) – Proceedings of the 69th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1891.
- [Proceedings..., 1892](#) – Proceedings of the 70th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1892.
- [Proceedings..., 1893](#) – Proceedings of the 71st Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1893.
- [Proceedings..., 1894](#) – Proceedings of the 72nd Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1894.
- [Proceedings..., 1895](#) – Proceedings of the 73rd Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1895.
- [Proceedings..., 1896](#) – Proceedings of the 74th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1896.
- [Proceedings..., 1897](#) – Proceedings of the 75th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Richmond, VA: William Ellis Jones, Book and Job Printer, 1897.
- [Proceedings..., 1898](#) – Proceedings of the 76th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Petersburg, VA: Fenn & Owen, Printers and Binders, 1898.
- [Proceedings..., 1899](#) – Proceedings of the 77th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Petersburg, VA: Fenn & Owen, Printers and Binders, 1899.
- [Proceedings..., 1900](#) – Proceedings of the 78th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Petersburg, VA: Fenn & Owen, Printers and Binders, 1900.
- [Proceedings..., 1901](#) – Proceedings of the 79th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Petersburg, VA: Fenn & Owen, Printers and Binders, 1901.
- [Proceedings..., 1902](#) – Proceedings of the 80th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Petersburg, VA: Buchanan Mfg. Co., 1902.
- [Proceedings..., 1903](#) – Proceedings of the 81st Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Petersburg, VA: Buchanan Mfg. Co., 1903.
- [Proceedings..., 1904](#) – Proceedings of the 82nd Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Petersburg, VA: Presses of Frank A. Owen, 1904.
- [Proceedings..., 1905](#) – Proceedings of the 83rd Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Petersburg, VA: Buchanan Mfg. Co., 1905.
- [Proceedings..., 1906](#) – Proceedings of the 84th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Petersburg, VA: Buchanan Mfg. Co., 1906.
- [Proceedings..., 1908](#) – Proceedings of the 85th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Petersburg, VA: Presses of Frank A. Owen, 1908.
- [Proceedings..., 1908a](#) – Proceedings of the 86th Annual Assembly of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Virginia. Petersburg, VA: Presses of Frank A. Owen, 1908.
- [Richardson, 1883](#) – Richardson J.D. Tennessee Templars. A Register of Names, with Biographical Sketches, of the Knights Templar of Tennessee, and Brief Histories of the Grand and Subordinate Commanderies. Nashville, TN: Robert H. Howell & Co., 1883.
- [Swint, Mohler, 1962](#) – *Swint, H.L., Mohler, D.E.* (1962). Eugene F. Falconnet, Soldier, Engineer, Inventor. *Tennessee Historical Quarterly*. 21(3): 219-234.
- [The United States..., 1883](#) – The United States Biographical Dictionary and Portrait Gallery of Eminent and Self-made Men. Chicago & New York: American Biographical Publishing Company, 1883.
- [USFC](#) – United States Federal Census (database on-line).
- [Wallace, 1984](#) – *Wallace, Jr.L.A.* (1984). 1st Virginia Infantry. Lynchburg, VA: H.E. Howard, Inc.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1823-1831
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1823

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Establishment of Shelters for Children of Lower Ranks of Guards Regiments Stationed in St. Petersburg in the first half of the 19th century

Yana G. Grigoryan ^{a,*}, Kira V. Bogatyreva ^a, Yulia V. Ivanishkina ^a, Igor V. Karpenko ^a

^a Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

In the first half of the 19th century, the development of a culture of charity among broad sections of Russian society became one of the priorities of state policy. Not only did civil philanthropic institutions undergo transformation, but so did the system of care for soldiers' children, which was subordinate to the military department. A new type of institution appeared – children's shelters, organized for children from poor families whose parents, busy searching for food, could not provide them with proper care. Ten years after the emergence of such institutions in Russia, by order of Emperor Nicholas I, children's shelters were opened for the children of lower ranks of the guard regiments located in St. Petersburg. The first such institution was a shelter attached to the Horse Regiment, which took in young soldiers' children of both sexes, mainly orphans. In general, the new institutions reproduced the principles, goals, and rules of children's shelters subordinate to the Committee of the main trusteeship of children's shelters, although they were not included in their number. Orphaned children lived in shelters free of charge, receiving full board and, upon leaving, the orphan capital saved by the regiment with interest. As in the case of civilian shelters, the principle of joint financing of children's shelters from the state treasury, church capital funds of the guard regiments, and private donations was applied. The Russian army's openness to new organizational forms of charity creates an incentive for the development of a network of shelters for soldiers' children in the Guards regiments, contributing to the moral and social development of Russian society.

Keywords: shelters for children, children of lower ranks, social policy, soldiers' children, philanthropy.

1. Введение

Несмотря на большое количество исследований, посвящённых теме детской благотворительности, история создания приютов для детей нижних чинов в России в XIX в. остаётся неизученной. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона авторы, относя детские приюты военного ведомства к четвёртому разряду существующих в России заведений для призрения и питания детей, причисляли их к самым недавним и малочисленным, но точной даты создания не обозначили (Брокгауз, 1893: 349-350). Новые заведения предназначались для временного присмотра и обучения призреваемых детей, и, в отличие от существовавших в России со второй половины XVIII в. закрытых сиротских питательных домов со строгими правилами контроля за питанием и обучением, были нацелены на укрепление связей между матерью и ребёнком. Первое в истории России «Убежище для детей, оставляемых матерями, идущими на заработки», возникло как частная инициатива известного благотворителя А.Н. Демидова. Новый тип заведений оказался очень востребован, и уже в 1838 г. пять подобных действующих приютов были включены в число

* Corresponding author

E-mail addresses: grigoryan.yg@lmsmu.ru (Ya.G. Grigoryan), bogatyreva_k_v@staff.sechenov.ru (K.V. Bogatyreva), ivanishkina_yu_v@staff.sechenov.ru (Yu.V. Ivanishkina), karpenko_i_v@staff.sechenov.ru (I.V. Karpenko)

организаций Комитета главного попечительства для учреждения и управления детскими приютами, созданного 7 ноября 1838 г. на основании Высочайшего рескрипта императора Николая I на имя его супруги Александры Фёдоровны и под её покровительство (*Благотворительная Россия, 1901: 90*). В 1839 г. Комитет представил «Положение о детских приютах», которое было утверждено императором 27 декабря 1839 г. и положило начало системности в вопросах организации и управления детскими приютами в России (*ПСЗРИ, 1840*). Несмотря на то, что на Комитет, согласно § 2 данного Положения, возлагался общий и высший надзор за всеми существующими в империи детскими приютами (*ПСЗРИ, 1840: 967*), приюты для детей нижних чинов гвардейских полков в их числе не значились. Не были переданы они ни сменявшему Комитет с 1869 г. IV Отделению Собственной Его Величества Канцелярии, ни наследующей ему в 1896 г. Собственной Его Величества Канцелярии по Учреждениям императрицы Марии (*Детские приюты, 1889: 18*). Единственными из найденных источников, коротко упоминающих о существовании таких приютов, являлись изданные в 1848 и 1881 г. сочинения по истории конной гвардии Российской империи (*История..., 1849; Штакельберг, 1881*). Контекст появления приютов для детей военного ведомства поднимает вопросы о причинах и обстоятельствах их создания, особенностях организации и условиях призрения в них детей, в том числе в сравнении с уже действующими заведениями. Выявленная лакуна в историографии появления и деятельности детских приютов в целом, и приютов для детей нижних чинов гвардейских полков, размещённых в Санкт-Петербурге в частности, и определила актуальность настоящего исследования.

2. Материалы и методы

Исследование построено на анализе впервые введённых в научный оборот документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация). Важную часть источниковой базы составили документы законодательного и нормативно-правового характера, содержащиеся в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗРИ). Они позволили реконструировать логику становления и развития института солдатских детей и системы их призрения. Анализ нормативно-правовых актов определил цели и задачи государства по отношению к институту солдатских детей, обозначил степень участия государства и общества в деле оказания помощи детям военнослужащих. Ценными историческими источниками послужили справочные, публицистические издания и исторические очерки: «Благотворительная Россия: история государственной благотворительности в России», «Столетие Военного министерства, 1802–1902», «Благотворительность в России», «Детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии (1839–1889 гг.)», которые позволили определить виды помощи и источники финансирования призреваемых детей, выяснить структуру, состав, цель деятельности и результаты работы государственных и общественных организаций, которые занимались оказанием помощи безнадзорным детям. Найденные материалы помогли воссоздать обстоятельства появления и функционирования приютов для детей нижних чинов гвардейских полков, размещённых в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в.

Тема детской благотворительности, как социокультурного, экономического и нравственного явления, определила междисциплинарный характер исследования, строящегося на сочетании методов исторического исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, метод исторической реконструкции) с методом социальной, культурной антропологии. Историко-генетический метод позволил изучить устройство и назначение системы государственного и общественного призрения как социального института, а также дал возможность найти общие и отличные признаки в функционировании детских приютов, принадлежащих военному ведомству. Анализ трансформации видов и способов организации учреждений детского призрения в зависимости от изменения законодательства производился с помощью историко-сравнительного метода. Учитывая фрагментарность данных, представленных в исторических источниках, применение метода способствовало изучению динамики законодательных инициатив исследуемого периода. Также в работе был использован метод исторической реконструкции, с помощью которого на основании ретроспективной информации, сохранённой историческими источниками, была предпринята попытка создания целостного представления об обстоятельствах появления детских приютов военного ведомства. Наконец, при выявлении мотивации благотворительных структур, формировании признаков филантропии как поведенческой нормы, наиболее продуктивным явился метод социальной, культурной антропологии, применение которого в соединении с историческим подходом позволило рассмотреть становление системы призрения детей нижних чинов в динамике, во взаимосвязях с социально-политическими и культурными изменениями российского общества в первой половине XIX в.

3. Обсуждение

Основная трудность для изучения обстоятельств появления приютов для детей нижних чинов заключается в малочисленности источников. Общий же комплекс работ исследователей, занимающихся вопросами детской благотворительности, достаточно обширен и для удобства может

быть сведён к нескольким группам разрабатываемых проблем. Первая связана с научными трудами, рассматривающими социальную помощь детям в контексте исторического становления и развития в России государственной, общественной и частной благотворительности. Частные и общие вопросы формирования системы детских приютов, количество призываемых детей на разных стадиях этого процесса, источники финансирования учреждений, обозначенные в этих работах, позволили проследить эволюцию развития института призрения и место детских приютов в нём (Благотворительная Россия, 1901; Максимов, 1903). Вторая группа исследований сосредоточена вокруг законодательных основ предоставления социальной помощи в Российской империи. Благодаря произведённому в них анализу условий и принципов государственного регулирования благотворительности удалось оценить эффективность существующей модели призрения детей (Ульянова, 2021; Богатова, 2025). Анализ благотворительности как культурно-исторического явления характерен для третьей группы научных работ. Исследование благотворительности в контексте духовных, политических, социальных основ жизни российского общества как особой практики общественного взаимодействия способствовало выявлению влияния его гуманизирующего начала на расширение благотворительных инициатив и увеличение объёмов её помощи (Соколов, 2006; Ransel, 1988; Lindenmeyr, 1996). Динамика взаимодействия государства, общества и его институтов в отношении солдатских семей позволила показать роль армии как особого социального института (Karpenko et al., 2025). Историко-правовые аспекты социально-сословного статуса солдатских детей как объекта социальной помощи определены благодаря работе Э. Виртшафтер (Kimerling, 1981).

4. Результаты

Самое первое упоминание о нижних чинах в России относится к XVIII в., когда Пётр I учредил вместо Иноземского и Рейтарского приказов приказ Военных дел (ПСЗРИ, 1830а: 170) и повелел приписать к нему «генералов и полковников и подполковников и иных нижних чинов начальных людей ... и всяких чинов ратных людей» (ПСЗРИ, 1830б: 14-15). Нижние чины военнослужащих составляли самую низшую или первую степень и делились на солдатские и унтер-офицерские. Их дети в 1719 г. были выведены из подушного оклада и, лишившись оседлости, т.е. прежнего образа жизни, оказались на государственном попечении (Лалаев, 1880: 10). Таким образом, дети нижних чинов, или, как их еще называли «солдатские дети», обрели свой особый правовой статус, наследуя служилый статус своих отцов. Согласно Виртшафтер, солдатские дети также были определены в самые первые государственные школы, оформившись в отдельную группу ещё до того, как они стали частью юридически определённой категории (Kimerling, 1981: 69). Считается, что юридическое оформление солдатских детей произошло в 1721 г., когда в каждом из 50 пехотных гарнизонных полков было выделено 50 вакансий для содержания в науках «малолетних солдатских детей от каждого полу по 50 человек» (Сборник, 1904: 143). Последовавший за ним указ 1732 г. уже обязывал Военную коллегию следить не только за тем, чтобы все солдатские дети поступали в гарнизонные школы, но и отправлялись на военную службу. «Многие из них, выучая грамоте», — объяснял указ, «отбывают от службы вступая в купечество, и в цехи, и в дома разных чинов к людям, и в прочие чины» (ПСЗРИ, 1830с: 929). Чтобы остановить этот отток военной рабочей силы, мальчики, рождённые от солдат непривилегированного происхождения в период нахождения их отцов на службе, отныне должны были отправляться в гарнизонные школы и затем обязывались следовать по стопам своих отцов, «дабы впредь польза и Государству в рекрутах облегчение быть могло» (ПСЗРИ, 1830с: 928). Таким образом, три обстоятельства: наследуемая принадлежность к военному сословию, обязательное обучение и система государственного призрения определяли положение солдатских детей.

Помещая детей в гарнизонные школы, государство обеспечивало их и их семьи с семи до пятнадцатилетнего возраста. Если ребёнок посещал школу, но не жил в ней, его родители получали провизию и денежную субсидию на содержание его и других своих детей, если жил в школе — содержался в самой школе (ПСЗРИ, 1830с: 928).

Расширяя государственную поддержку, в 1765 г. Екатерина II удовлетворила просьбу Военной комиссии о выделении дополнительных средств «сверхкомплектным солдатским школьникам» на их содержание в гарнизонных школах (ПСЗРИ, 1830d: 160-161). Сменивший гарнизонные школы в 1798 г. Военно-сиротский дом и его отделения также продолжали кормить и одевать своих подопечных (ПСЗРИ, 1830е: 489). На протяжении всего царствования Александра I военно-сиротские отделения выступали одновременно элементом системы образования, подготовки армейского резерва и частью программы государственного призрения. Однако в период правления Николая I в учебных заведениях для солдатских детей, именуемых с 1805 г. кантонистами, произошла масштабная реформа, нацеленная на повышение качества образования и уровня военной подготовки. Два серьёзных изменения: преобразование военно-сиротских отделений в батальоны, полубатальоны и роты для солдатских детей (Комплектование..., 1907: 244), организованные по строгому военному образцу; и иерархическая структура кантонистских батальонов (ПСЗРИ, 1830f: 1071), делали их внешне неотличимыми от регулярных воинских формирований (Kimerling, 1981: 112). Превращение военно-сиротских учреждений из института призрения в институт получения бесплатного военного

образования (Соколов, 2006: 341) не могло не повлиять на трансформацию системы социального обеспечения для солдатских детей, теперь организованную вокруг детских приютов.

Первые детские приюты под названием «Убежища для детей, оставляемых матерями, идущими на заработки», появились при Демидовском доме призрения трудящихся 15 мая 1837 г. и предназначались для временного содержания детей тех женщин, которые приходили сюда на работу. Уже в 1838 г. очевидная польза этих заведений обратила на себя внимание Николая I, он организовал Комитет главного попечительства детских приютов под началом императрицы Александры Фёдоровны, а в 1839 г. утвердил Положение о детских приютах, определив правила и требования к их работе. Предлагая детям кров и различные «материальные удобства», приюты должны были сохранить и упрочить тесную связь и уважение ребёнка к родителям, образовывать, но «лишь в той мере, каковая необходима для развития самой нравственности», приучить их к труду, повиновению и опрятности (Благотворительная Россия, 1901: 92). Контроль за работой приютов возлагался на Комитет, а условия: финансирование за счёт средств общественной благотворительности с некоторой частью государственного участия, условия приёма, распорядок дня, требования к условиям проживания и обязанностям персонала определялись Положением. К 1843 г. 28 детских приютов, расположенных в губерниях и обеих столицах, призревало 3200 детей (Детские приюты..., 1889: 11). Однако деятельность этих приютов касалась только гражданского населения и на детей, принадлежащих военному ведомству, не распространялась.

В обнаруженных нами документах Российского государственного военно-исторического архива отмечается, что решение о строительстве первых приютов для детей нижних чинов было принято императором Николаем I в 1846 г. (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 1). Приюты предполагалось построить сначала при лейб-гвардии Конном и Гусарском полках, а позже распространить эту практику на все другие гвардейские полки, размещённые в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Вероятно, состояние строений Конного полка больше, чем в других полках, соответствовало требованиям, предъявляемым к подобного рода постройкам, так как в документе уточнялось, что «если бы в первом безотлагательно были произведены предполагаемые в казармах надстройки над мастерскими, а в последнем было назначено для этого другое помещение» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 1). Таким образом, в соответствии с Высочайшим повелением, первый приют для солдатских детей был учреждён командиром Лейб-гвардии Конного полка, генерал-майором Петром Петровичем Ланским и открыт перед полковым праздником 25 марта 1847 г. (История..., 1849: 285, 327). Вслед за ним, за необходимость появления подобных приютов высказывались и командиры других гвардейских полков. В качестве основной причины они называли плохой уход и болезни детей, живущих в полковых казармах вместе со своими родителями и опекунами. Командир Лейб-гвардейского Кирасирского полка в переписке со штабом гвардейских корпусов и управлений 1-го округа корпуса инженеров по поводу перестройки трубчевской казармы гвардейских полков в Царском Селе для устройства приюта для детей военнослужащих этого полка отмечал, что: «По рассмотрению домашнего положения семейных нижних чинов найдено, что они будучи заняты службою, а жены их разными работами для поддержания своего существования, некоторым образом лишены средств содержания детей своих в должном порядке необходимом возрасте, через что дети остаются без направления в нравственности, а также от недостатка необходимом летами их пищи подвергаются болезням» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 903. Л. 1).

Сделавшись по замыслу императора образцом для детских приютов, создающихся при других гвардейских полках, приют при Конном полку принимал малолетних солдатских детей обоего пола, преимущественно сирот. Дети-сироты проживали в приюте бесплатно, на полном содержании полка, пользуясь только положенным им провиантом. Полагающиеся им сиротские выплаты (от 7 до 14 лет по 90 коп. серебром в треть, а с 14 до 18 лет – 4 руб. 5 коп. серебром в год) складывались в сберегательную кассу и с накопленными процентами выдавались при выходе из приюта. С 1848 г. возраст определения детей в батальоны военных кантонистов снизился до 14 лет, поэтому с этого времени денежные выплаты прекращались. Детям, проживающим с родителями или опекунами, приют предоставлял бесплатно ежедневное питание и одежду (История..., 1849: 284-285).

Финансирование устройства приютов осуществлялось из казённых средств, а кроме того «за счет средств церковного капитала гвардейских полков» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 51), который мог составлять значительные суммы. К примеру, церковный капитал лейб-гвардии Московского полка исчислялся в 21 тысячу руб. (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 50б.), а строительство приюта при полку обошлось в 2289 руб. 91 коп. серебром (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 350б.). В примерно ту же сумму – 2499 руб. серебром – обошлось строительство приюта лейб-гвардии Павловского полка (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 44). Исключение составил приют Конногвардейского полка, для которого был выстроен одноэтажный каменный флигель.

За постройку приютов и выполнение необходимых ремонтных работ отвечал Департамент военных поселений, который формировал смету и предоставлял подряды частным лицам. В целях удешевления расходов, в первую очередь рассматривалась возможность использования под приюты уже существующих помещений гвардейских полков: от казарм и караульных помещений до домов полковых командиров. В частности, командир Кавалергардского полка генерал-майор барон

И.А. Фитингоф предлагал устроить приют в помещениях, где ранее располагались полковые музыканты, нестроевые чины и фурштадская (обозная) команда (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 670б.). В Московском полку детский приют устроили «в 3-ем этаже 6-го солдатского корпуса, где ныне квартирует инвалидная полурота и певческая команда с тем, чтобы в этих комнатах были перестройки» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 6). Гораздо больше для цели приюта подошли уже обжитые казармы лейб-гвардии Павловского полка, в котором ранее квартировали женатые нижние чины (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 82). В лейб-гвардии Гусарском полку детей поселили «над службами при доме командира полка и над каменным флигелем, где помещается теперь полковой цехгауз» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 140б.). Наконец, в Конном полку приют предполагалось разместить «на том месте, где в прошлом году устроено помещение для вдов, которые по последнему проекту должны быть помещены в строящийся ныне флигель лазаретных служб подле прачечной» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 34). Это первое упоминание о приюте для вдов при гвардейском полку, который, в отличие от существующих Вдовьих домов и института сердобольных вдов, устроенного по инициативе императрицы Марии Фёдоровны, вероятно, предназначался для вдов нижних чинов (Чиж, Карпенко, 2016).

После выделения помещений, предполагавшихся для устройства приютов, в них проводился ремонт, а при необходимости и перестройка. Работы выполнялись с учётом особенностей детского возраста и необходимости предоставления постояльцам и работникам определённого уровня комфорта, требуемого для нормального функционирования заведения: внутри комнат устраивались перегородки с дверьми, масляной краской выкрашивались полы, утеплялись коридоры, прочищались печи, в отдельных комнатах, в качестве дополнительного источника тепла, выстраивались камины, обновлялись очаги и плиты кухонь и т.д. (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 7-70б.). Несмотря на утверждённые сметы, приглашённые к работам подрядчики могли удешевить стоимость произведённых работ, примером чему служит запись в отчёте Департамента военных поселений, согласно которой крестьянин И. Фёдоров, «производивший ремонт печей, каменные и штукатурные работы сделал уступку для округления счета в 7 рублей» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 620б.).

Ни в одном из проектов не упоминается ни о количестве помещений, из которых состоял приют, ни о количестве детей в приюте. Вероятно, в каждом случае командиры полков исходили из тех возможностей, которые они могли предоставить. Нами обнаружены лишь отрывочные сведения, благодаря которым можно судить о строителе приюта при одном из полков на 60 детей, с которыми работали 7 человек обслуживающего персонала (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 903. Л. 1). В другом документе, среди помещений, устраиваемых для приюта, упоминаются столовая, классная комната и лазарет (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 860б.). Кроме устройства самих приютов, благоустраивались и прилежащие к постройкам территории. В одном из документов командир лейб-гвардии Гренадерского полка предлагал огородить оградой территорию приюта, разбить сад и построить беседку (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 922а. Л. 64). Все запланированные работы были выполнены в установленные сроки, за исключением приюта в лейб-гвардии Кавалергардском полку, строительство которого было завершено через год после запланированного, в 1848 г. (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 826. Л. 131). В целом, строительство приютов, начатое в 1846 г., было закончено в течение 10 лет. Последними – в 1855 г. – были построены приюты лейб-гвардии Гренадерского и лейб-гвардии Кирасирского полка (РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 903. Л. 142).

5. Заключение

Социальная политика российского государства в отношении детей нижних чинов в XIX в. представляет собой пример административного и человеческого измерения практик взаимодействия армии и общества. С одной стороны, за счёт формирования особой группы – солдатский детей – военное ведомство решало собственные задачи постоянного комплектования армии образованными и профессиональными военными, а с другой, последовательно превращалось в особый социальный институт, обеспечивающий детям кров, питание, образование и предоставляющим им преимущества социальной мобильности. В XIX в. многочисленные свидетельства воздействия армии на российские социальные институты дополняются и обратными примерами проникновения гражданских институтов призрения в военную сферу. Приюты для детей нижних чинов гвардейских полков, учреждённые почти через 10 лет после появления первых подобных общественных приютов в России, воспроизводили цели, задачи и требования, детально сформулированные в Положении о приютах 1839 г. Согласно обнаруженным документам, назначением полковых приютов были уход, забота и нравственное воспитание детей, чьи родители, занятые службой или поисками пропитания, не могли оказать им необходимого внимания. В соответствии с требованиями Положения, командиры полков стремились выделять под приюты помещения, соответствующие их предназначению: чистые и светлые, тёплые, но с возможностью проветривания, с небольшим садом или чистым двором для прогулок на свежем воздухе. Финансирование подобных учреждений также шло в соответствии с общероссийскими правилами, сочетая государственную поддержку со средствами, поступающими из церковного капитала и с использованием общественных пожертвований, в том числе за счёт уменьшения стоимости произведённых для приютов ремонтно-строительных работ.

Фрагментарность данных не позволяет судить об условиях и результатах работы полковых приютов, а также о выстроенных механизмах контроля и управления. Одиночные архивные источники, фиксирующие организацию в одном из полковых приютов классной комнаты и лазарета, дают возможность утверждать, что в приютах проводились учебные занятия, а в случае нездоровья ребёнка, его можно было вовремя отделить от других детей и определить в отдельное помещение для оказания медицинской помощи. Согласно найденным документам, детские приюты были учреждены при лейб-гвардии Конном, Гусарском, Павловском, Московском, Конногвардейском, Кавалергардском, Гренадерском, Кирасирском полках, что свидетельствовало о признании их в качестве значимого механизма призрения, а филантропии как поведенческой нормы. Кроме того, восприимчивость военного ведомства к проникновению в сеть его учреждений новых типов детских приютов, его открытость в «огражданствлении» этой сферы свидетельствуют о модернизирующей роли благотворительности в процессе трансформации социокультурного облика российского общества XIX в.

Литература

Благотворительная Россия, 1901 – Благотворительная Россия. История государственной благотворительности в России: издание Светлейшей княгини О. Ф. Имеретинской. Т. 2. СПб., 1901. 262 с.

Благотворительность в России, 1907 – Благотворительность в России / Сост. по высочайшему повелению собств. Е. и. в. канцеляриею по учреждениям императрицы Марии. СПб., 1907.

Богатова, 2025 – Богатова Л.М. Ключевые изменения в законодательстве по Московскому питательному дому (1763–1873 гг.) // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2025. Т. 16. Выпуск 1 (147).

Брокгауз, 1893 – Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. XI. 1839. 466 с.

Детские приюты..., 1889 – Детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии (1839–1889 гг.). К пятидесятилетию со времени изд. Положения о дет. приютах 27 дек. 1839 г. СПб., 1889. [2]. IV. 391 с.

История..., 1849 – История Лейб-гвардии Конного полка 1731–1848. Ч. 1. СПб., 1849. 359 с.

Комплектование..., 1907 – Комплектование войск в царствование императора Николая I. Исторический очерк. Главный штаб / *Столетие военного министерства. 1802–1902*. Т. IV. Ч. II. Кн. I. Отдел II. СПб., 1907. 362 с.

Лалаев, 1880 – Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. 1700–1880. СПб., 1880. 463 с.

Максимов, 1903 – Максимов Е.Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб., 1903. 137 с.

ПСЗРИ, 1830a – Об именовании приказов Иноземского и Рейтарского, приказом Военных дел, а Стрелецкого приказом Земских дел / *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.* СПб., 1830. Т. IV (1700–1712). № 1859 (23 июня 1701 г.).

ПСЗРИ, 1830b – Об уничтожении Иноземского и Рейтарского приказов, и о поручении иноземцев, новокрещенных и рейтар в ведомство боярину Князю Долгорукому / *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.* СПб., 1830. Т. IV (1700–1712). № 1766 (18 февраля 1700 г.).

ПСЗРИ, 1830c – О заведении при пехотных гарнизонах школ и об устройстве оных. / *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.* СПб., 1830. Т. VIII (1728–1732). № 6188 (21 сентября 1732 г.).

ПСЗРИ, 1830d – О выдаче денег сверхкомплектным солдатским школьникам на пищу и одежду; о приеме солдатских детей в школы и о сумме на их содержание / *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.* СПб., 1830. Т. XVII (1765–1766). № 12412 (7 июня 1765 г.).

ПСЗРИ, 1830e – Об учреждении Императорского Военно-Сиротского Дома и Отделений оного при гарнизонных полках / *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.* СПб., 1830. Т. XXV (1798–1799). № 18793 (23 декабря 1798 г.).

ПСЗРИ, 1830f – О формировании 2-го Учебного карабинерного полка / *Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1830–1885 гг.* СПб., 1830. Т. I (1825–1827). № 633 (22 октября 1826 г.).

ПСЗРИ, 1833 – О призрении осиротевших дочерей нижних воинских служителей / *Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1830–1885 гг.* СПб., 1833. Т. VII (1832). № 5809 (7 декабря 1832 г.).

ПСЗРИ, 1834 – О запрещении обучения в уездных училищах кантонистов, при родственниках на питании находящихся / *Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1830–1885 гг.* СПб., 1834. Т. VIII. Отделение I. № 5479 (9 октября 1833 г.).

[ПЗСРИ, 1835](#) – О необучении кантонистов в приходских училищах / *Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1830–1885 гг.* СПб., 1835. Т. IX. Отделение I. № 6865 (28 февраля 1834 г.).

[ПЗСРИ, 1840](#) – Высочайше утвержденное положение о детских приютах / *Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1830–1885 гг.* СПб., 1840. Т. XIV. Отделение I. № 13031 (27 декабря 1839 г.). С. 965–988.

[РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.

[Сборник..., 1904](#) – Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1892–1904. Вып. 16: Записки собранные по повелению императора Павла I, о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах. СПб., 1904. 169 с.

[Соколов, 2006](#) – *Соколов А.Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства: начало XVIII – конец XIX века. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2006. 725 с.

[Соколов, 2006](#) – *Соколов А.Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). СПб., 2006. 648 с.

[Ульянова, 2021](#) – *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в России в первой половине XIX в.: итоги и перспективы изучения законодательства и статистики // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Т. 12. Вып. 2 (100).

[Штакельберг, 1881](#) – *Штакельберг К.К.* Полтора века конной гвардии. 1739–1880. СПб., 1881. 232 с.

[Чиж, Карпенко, 2016](#) – *Чиж И.М., Карпенко И.В.* Сердобольные вдовы в Крымскую войну // *Медицинская сестра*. 2016. №1. С. 52–53.

[Lindenmeyr, 1996](#) – *Lindenmeyr A.* Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton. 1996. 335 p.

[Karpenko et al., 2025](#) – *Karpenko I.V., Grigoryan Ya.G., Sergeeva M.S., Chizh I.M.* Social Policy of the State in Relation to Families of Lower Ranks in Russia in the 17th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1065–1073.

[Kimerling, 1981](#) – *Kimerling E.* Soldiers' Children, 1719–1856: A Study of Social Engineering in Imperial Russia // *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte* 1982. №30. Pp. 61–136.

[Ransel, 1988](#) – *Ransel D.L.* Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton. 1988. 330 p.

References

[Blagotvoritel'naya Rossiya, 1901](#) – *Blagotvoritel'naya Rossiya. Istoriya gosudarstvennoi blagotvoritel'nosti v Rossii: izdanie Svetleishei knyagini O. F. Imeretinskoj [Charitable Russia. History of state charity in Russia: publication of the Most Serene Princess O. F. Imeretinskaya].* Vol. 2. SPb., 1901. 262 p. [in Russian]

[Blagotvoritel'nost' v Rossii, 1907](#) – *Blagotvoritel'nost' v Rossii, 1907 – Blagotvoritel'nost' v Rossii.* Sost. po vysochaishemu poveleniyu sobstv. E. i. v. kantselyariyeu po uchrezhdeniyam imperatritsy Marii [Charity in Russia. Compiled by the highest order of His Imperial Majesty's Chancellery for the Institutions of Empress Maria]. SPb., 1907. [in Russian]

[Bogatova, 2025](#) – *Bogatova, L.M.* (2025). Klyuchevye izmeneniya v zakonodatel'stve po Moskovskomu pitatel'nomu domu (1763–1873 gg.) [Key Changes in the Legislation Concerning the Moscow Orphanage, 1763–1873]. *Electronic scientific and educational journal "History"*. 16. 1(147). [in Russian]

[Brokgauz, 1893](#) – *Brokgauz, F.A.* (1893). Entsiklopedicheskiy slovar'. Pod red. prof. I.Ye. Andreyevskogo [Encyclopedic Dictionary. Edited by prof. I.E. Andreevsky]. SPb, 1890–1907. Vol. XI. 466 p. [in Russian]

[Detskie priyuty..., 1889](#) – *Detskie priyuty Vedomstva uchrezhdenii imperatritsy Marii (1839–1889 gg.).* K pyatidesyatiletiyu so vremeni izd. Polozheniya o det. priyutakh 27 dek. 1839 g. [Orphanages of the Department of Institutions of Empress Maria (1839–1889). On the fiftieth anniversary of the publication of the Regulation on Orphanages on December 27, 1839]. SPb., 1889. [2]. IV. 391 p. [in Russian]

[Istoriya..., 1849](#) – *Istoriya Leib-gvardii Konnogo polka 1731–1848 [History of the Life Guards Cavalry Regiment 1731–1848].* Part 1. SPb., 1849. 359 p. [in Russian]

[Karpenko et al., 2025](#) – *Karpenko, I.V., Grigoryan, Ya.G., Sergeeva, M.S., Chizh, I.M.* (2025). Social Policy of the State in Relation to Families of Lower Ranks in Russia in the 17th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 20(3): 1065–1073.

[Komplektovaniye..., 1907](#) – *Komplektovaniye voysk v tsarstvovaniye imperatora Nikolaya I. Istoricheskiy ocherk. Glavnyy shtab [Recruitment of troops during the reign of Emperor Nicholas I. Historical essay. General Staff].* *Stoletiye voyennogo ministerstva. 1802–1902.* Vol. IV. Part II. Book I. Section II. SPb., 1907. 362 p. [in Russian]

[Lalayev, 1880](#) – *Lalayev, M.S.* (1880). Istoricheskiy ocherk voyenno-uchebnykh zavedeniy, podvedomstvennykh Glavnomu ikh Upravleniyu. 1700–1880 [Historical essay on military educational institutions subordinate to their Main Directorate. 1700–1880]. SPb., 63 p. [in Russian]

- Maksimov, 1903** – *Maksimov, Ye.D.* (1903). Osobyie blagotvoritel'nyye vedomstva i uchrezhdeniya [Special charitable departments and institutions]. SPb., 137 p. [in Russian]
- PSZRI, 1830a** – Ob imenovanii prikazov Inozemskogo i Reytarskogo, prikazom Voyennykh del, a Streletskogo prikazom Zemskikh del [On the naming of the Foreign and Reitarsky orders as the Military Affairs order, and the Streletsky order as the Zemsky Affairs order]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Pervoye. 1649-1825 gg. SPb., 1830. Vol. IV. (1700–1712) No. 1859. (June 23, 1701). [in Russian]
- PSZRI, 1830b** – Ob unichtozhenii Inozemskogo i Reytarskogo prikazov, i o poruchenii inozemtsev, novokreshchenykh i reytar v vedomstvo boyarinu Knyazyu Dolgorukomu [On the abolition of the Foreign and Reitarsky Prikaz, and on the assignment of foreigners, newly baptized and reitar to the department of the boyar Prince Dolgoruky]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Pervoye. 1649–1825 gg. SPb., 1830. Vol. IV. (1700–1712) № 1766. (February 18, 1700). [in Russian]
- PSZRI, 1830c** – O zavedenii pri pekhotnykh garnizonakh shkol i ob ustroystve onykh [On the establishment of schools at infantry garrisons and on the arrangement thereof]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Pervoye. 1649–1825 gg. SPb., 1830. Vol. VIII. (1728–1732) No. 6188. (September 21, 1732). [in Russian]
- PSZRI, 1830d** – O vydache deneg sverkhkomplektnym soldatskim shkol'nikam na pishchu i odezhdu; o priyeme soldatskikh detey v shkoly i o summe na ikh sodержaniye [On the issuance of money to surplus soldier schoolchildren for food and clothing; on the admission of soldiers' children to schools and on the amount for their maintenance]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Pervoye. 1649–1825 gg. SPb., 1830. Vol. XVII. (1765–1766). No. 12412. (June 7, 1765). [in Russian]
- PSZRI, 1830e** – Ob uchrezhdenii Imperatorskogo Voyenno-Sirotskogo Doma i Otdeleniy onogo pri garnizonnykh polkakh [On the establishment of the Imperial Military Orphanage and its branches under garrison regiments]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Pervoye. 1649–1825 gg. SPb., 1830. Vol. XXV. (1798–1799) No. 18793. (December 23, 1798). [in Russian]
- PSZRI, 1830f** – O formirovanii 2-go Uchebnogo karabinernogo polka [On the formation of the 2nd Training Carabinieri Regiment]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye vtoroye. 1830–1885 gg. SPb., 1830. Vol. I. (1825–1827) No. 633. (October 22, 1826). [in Russian]
- PSZRI, 1833** – O prizrenii osirotevshikh docherey nizhnikh voinskikh sluzhiteley [On the care of orphaned daughters of lower military servants]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye vtoroye. 1830-1885 gg. SPb., 1833. Vol. VII. (1832) No. 5809. (December 7, 1832). [in Russian]
- PSZRI, 1834** – O zapreshchenii obucheniya v uyezdnnykh uchilishchakh kantonistov, pri rodstvennikakh na pitanii nakhodyashchikhsya [On the prohibition of training in district schools of cantonists who are supported by relatives]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye. 1830-1885 gg. SPb., 1834. Vol. VIII. Section I. (1833) No. 5479. (October 9, 1833). [in Russian]
- PSZRI, 1835** – O neobuchenii kantonistov v prikhodskikh uchilishchakh [On the non-training of cantonists in parish schools]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye. 1830–1885 gg. SPb., 1835. Vol. IX. Section I. (1834) No. 6865. (February 28, 1834). [in Russian]
- PSZRI, 1840** – Vysochayshe utverzhdennoye polozheniye o detskikh priyutakh [Supremely approved regulation on children's shelters]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye. 1830–1885 gg. SPb., 1840. Vol. XIV. Section I. (1839) No. 13031. (December 27, 1839). Pp. 965-988. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Sbornik..., 1904** – Sbornik voyenno-istoricheskikh materialov. SPb. 1892–1904. Vyp. 16: Zapiski sobrannyye po povelenyu imperatora Pavla I, o nachale regul'yarnogo voyska, o novo i slavyano-serbskikh poseleniyakh, o polkakh gusarskikh i pandurskikh i o voyennykh shkolakh [SPb. 1892–1904. Issue 16: Notes collected by order of Emperor Paul I, on the beginning of the regular army, on the New and Slavic-Serbian settlements, on the hussar and Pandur regiments and on military schools]. SPb. 1904. 169 p. [in Russian]
- Sokolov, 2006** – *Sokolov, A.R.* (2006). Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva: nachalo XVIII – konets XIX veka. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk [Charity in Russia as a mechanism of interaction between society and the state: early 18th – late 19th centuries. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences]. SPb., 725 p. [in Russian]
- Sokolov, 2006** – *Sokolov, A.R.* (2006). Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII – konets XIX v.) [Charity in Russia as a Mechanism of Interaction between Society and the State (early 18th – late 19th centuries)]. SPb., 648 p. [in Russian]
- Ulianova, 2021** – *Ulianova, G.N.* (2021). Blagotvoritel'nost' v Rossii v pervoy polovine XIX v.: itogi i perspektivy izucheniya zakonodatel'stva i statistiki [Philanthropy in Russia in the First Half of the 19th century: legislation and statistics research results and perspectives]. *Istoriya*. 12. 2(100). [in Russian]
- Shtakel'berg, 1881** – *Shtakel'berg, K.K.* (1881). Poltora veka konnoy gvardii. 1739-1880 [One and a Half Centuries of the Horse Guards. 1739–1880]. SPb., 232 p. [in Russian]
- Chizh, Karpenko, 2016** – *Chizh, I.M., Karpenko, I.V.* (2016). Serdobol'nyye vdovy v Krymskuyu voynu [Compassionate widows in the Crimean War]. *Meditsinskaya sestra*. 1: 52-53. [in Russian]

[Lindenmeyr, 1996](#) – *Lindenmeyr, A.* (1996). *Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia*. Princeton. 335 p.

[Kimerling, 1981](#) – *Kimerling, E.* (1982). *Soldiers' Children, 1719-1856: A Study of Social Engineering in Imperial Russia*. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 30: 61-136.

[Ransel, 1988](#) – *Ransel, D.L.* (1988). *Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia*. Princeton. 330 p.

Создание в первой половине XIX в. приютов для детей нижних чинов гвардейских полков, размещённых в Санкт-Петербурге

Яна Грантовна Григорьян ^{а, *}, Кира Владимировна Богатырева ^а, Юлия Вячеславовна Иванишкина ^а, Игорь Владимирович Карпенко ^а

^а Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Российская Федерация

Аннотация. В первой половине XIX в. формирование культуры благотворительности среди широких слоёв российского общества превращается в одно из приоритетных направлений государственной политики. Трансформации подвергаются не только гражданские филантропические институты, но и система призрения солдатских детей, подчиняющаяся военному ведомству. Появляется новый тип учреждений – детские приюты, организованные для детей из бедных семей, родители которых, занятые поиском пропитания, не могли обеспечить им должного ухода. Через 10 лет после появления в России подобных заведений, по распоряжению императора Николая I, детские приюты открываются для детей нижних чинов гвардейских полков, расположенных в Санкт-Петербурге. Первым подобным заведением становится приют при Конном полку, принимающий малолетних солдатских детей обоёго пола, преимущественно сирот. В целом, новые учреждения воспроизводили принципы, цели и правила детских приютов, подчиняющихся Комитету главного попечительства, хотя в их число не входили. Дети-сироты проживали в приютах бесплатно, на полном содержании, получая при выпуске сохранённый полком сиротский капитал с процентами. Как и в случае с гражданскими приютами, действовал принцип соучастия в финансировании работы детских приютов государственной казны, средств церковного капитала гвардейских полков и частных пожертвований. Открытость российской армии к новым организационным формам благотворительности создаёт стимул для развития сети приютов для солдатских детей при гвардейских полках, способствуя нравственному и социальному развитию российского общества.

Ключевые слова: приюты для детей, дети нижних чинов, социальная политика, солдатские дети, благотворительность.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: grigoryan.yg@lmsmu.ru (Я.Г. Григорьян), bogatyreva_k_v@staff.sechenov.ru (К.В. Богатырева), ivanishkina_yu_v@staff.sechenov.ru (Ю.В. Иванишкина), karpenko_i_v@staff.sechenov.ru (И.В. Карпенко)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1832-1842
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1832

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Horizons of Historical Memory of 19th century Kazakh Enlighteners and the Influence of the Intellectual Traditions of the Russian Empire

Tenlik T. Dalayeva^{a,*}, Igor V. Krupko^b

^a Abai University, Republic of Kazakhstan

^b Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article is devoted to the problem of transformation and evolution of the narratives and horizons of historical memory within Kazakh society, drawing on the works of Kazakh enlighteners of the 19th century. The authors highlight the influence of the intellectual traditions of the Russian Empire, shaped through active mutual exchange and cultural convergence with prominent representatives of the Kazakh intelligentsia, namely Chokan Valikhanov, Abai Kunanbayev, and Ibray Altynsarin. The study addresses the historiographical problem of intellectual transfer between the Russian and Kazakh intelligentsia.

The research draws on archival materials from the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, the Russian State Historical Archive, and ego-documents (personal correspondence with Russian scholars and officials, travel diaries, and manuscripts), as well as scientific articles by Kazakh authors published in the journals of the Imperial Russian Geographical Society. These sources shed light on how the enlighteners' ideas were presented and perceived in the 19th century, alongside memoirs of Russian officials, scientists, and travelers.

Employing the comparative method, traditional in historical research, the analysis of official and personal archival sources enables the identification of general patterns and distinctive peculiarities of the imperial policy's influence on the Kazakh intellectual elite during the transition of Kazakh society to the modern era. The works of the aforementioned enlighteners offer an important case for exploring the development of historical knowledge and narratives of historical memory.

Keywords: historical memory, intellectual history, Kazakh enlighteners, historical agency, cultural memory, Russian Empire.

1. Introduction

In 2025, Kazakhstan is celebrating at the national level the 190th anniversary of Chokan Valikhanov and the 180th anniversary of Abai Kunanbayev – eminent Kazakh enlighteners whose works were deeply influenced by the intellectual traditions of the 19th century Russian Empire and who shaped the cultural narratives of the Kazakh intelligentsia for the following century. Despite a century-long historiography, a number of questions within this field remain unexplored, not only in terms of factual detail but also of conceptual interpretation. Of particular interest is the theme of the horizons of historical memory that existed in the minds of the Kazakh enlighteners Chokan Valikhanov, Ibray Altynsarin, and Abai Kunanbayev, and which manifested in their scholarly and literary works as historical and cultural reflections. What historical chronology and cultural genealogy of their people did these intellectuals envision? What place in world history did they ascribe to the Kazakhs as subjects of the universal historical process? And how was this vision shaped by the intellectual transfer from the Russian intelligentsia? Equally significant is the question of reverse influence – whether Kazakh enlighteners, while representing to the empire both the fruits

* Corresponding author

E-mail addresses: t.dalayeva@abaiuniversity.edu.kz (T.T. Dalayeva)

of Kazakh-Russian intellectual rapprochement and, at the same time, enriching the imperial classification, worldview, and system of knowledge about the peoples and cultures of Eurasia, contributed to reshaping the Empire's own historical and cultural narratives. By examining the works of these Kazakh enlighteners, this study seeks to explore how historical knowledge and narratives of historical memory developed in dialogue with scholars of the Russian Empire.

2. Materials and methods

The study of the images and plots of cultural memory related to the scholarly and creative legacy of Chokan Valikhanov, Ibray Altynsarin, and Abai Kunanbayev in dialogue with the Russian intelligentsia requires a comprehensive approach to the analysis of diverse materials. These three outstanding figures of Kazakh history and culture of the 19th century were both subjects and objects of a complex process of creating modern cultural memory.

To conduct an in-depth and multifaceted analysis of this topic, a wide range of sources is required:

1) Archival materials – correspondence between administrative bodies and official records of the 19th century that characterize the Russian Empire's official attitude towards Ch. Valikhanov, I. Altynsaryn, and A. Kunanbayev, as well as their place in the imperial hierarchy. This includes documents from the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK. F. 829, TsGA RK. F. 64, TsGA RK. F. 25), the Russian State Historical Archive (RGIA. F. 1284), etc.

2) Ego-documents – personal correspondence with Russian scholars and officials, travel diaries, and manuscripts containing reflections on the history of the Kazakhs, self-perceptions, and reactions to imperial influence. Published versions of their letters and travel journals are available (Valikhanov, 1947; Konshin, 1994).

3) Scientific publications by Valikhanov and Altynsarin in Russian Imperial Geographical Society journals, providing insight into how their ideas were presented and received in the 19th century (Zapiski IRGO..., 1904; Altynsarin, 1879);

4) Complete works and selected writings, including poetry, prose, and scholarly essays, which reveal both explicit and implicit notions of Kazakh culture and history (Valikhanov, 1984-1985; Altynsarin, 1957; Abai, 1971).

5) Memoirs of Russian officials, scholars, travelers, and Kazakh contemporaries who personally knew Valikhanov (Potanin, 1896; Akhmetova, 1964), Altynsarin (Il'minskij, 1891), and Abai (Bukeikhanov, 2004).

6) Secondary scholarship analyzing the scientific and literary heritage of the Kazakh enlighteners (Auezov, Kenzhebayev, 1945; Auezov, 1971).

7) Visual sources – drawings by Ch. Valikhanov, which were created during his travels.

Given the diversity of these materials, a multi-methodological approach is necessary. A comparative historical analysis of both official archival sources and personal documents will be used to identify shared patterns and distinctive features of imperial policy's influence on the Kazakh intellectual elite during the transitional period of modernity. Comparing the life trajectories and activities of Valikhanov, Altynsarin, and Abai will help to identify the common foundations of their views on the Kazakh past. A qualitative analysis of their scholarly and literary works will focus on identifying key words, images, and narrative motifs of cultural memory connected to Kazakh identity and expressed in the creative narratives of these figures, which gained recognition within the Russian Empire.

The study will also employ discourse analysis to examine how certain images and plots of cultural memory were constructed and transmitted in the authors' texts, with attention to their semantic transformations across imperial and national contexts.

An important theoretical framework is provided by Memory Studies, particularly Aleida Assmann's concept of the relationship between personal, social, and cultural memory in her monograph *"The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics"* (Assmann, 2018). Assmann emphasizes that personal memories inhabit a specific social environment and generational horizon, influencing individuals' temporal orientation (Assmann, 2018: 22). She also notes that the transition from social to cultural memory marks a profound shift, achievable through symbolic mediators that secure memory over the long term. Cultural memory, unlike individual memory, spans periods defined by the preservation of signs, enabling individuals to form not only personal and social but also cultural self-identification (Assmann, 2018: 31-32).

The application of this comprehensive methodological framework will enable a nuanced understanding of the formation and transformation of cultural memory images and narratives in the works of Chokan Valikhanov, Ibray Altynsarin, and Abai Kunanbayev, revealing both direct and mediated influences of the Russian Empire on these processes. This, in turn, will shed light on the dynamics of Kazakh cultural identification in dialogue with the intellectual traditions of the Russian intelligentsia and its subsequent evolution.

3. Discussion

The 19th century became a turning point in the history of the Kazakh steppe: alongside the political and administrative integration into the Russian Empire, there occurred a rapprochement in the spheres of knowledge, education, and culture. A key role in this process was played by the Kazakh intellectual elite –

Chokan Valikhanov, Ibray Altynsarin, and Abai Kunanbayev – whose activities came to symbolize a cultural transfer, a synthesis of local traditions with the imperial scholarly and educational project.

Chokan Valikhanov made an essential contribution to ethnography, source studies, and the historical self-awareness of the Kazakhs. He was the first to subject folk epics, in particular, “Manas”, to scholarly analysis, interpreting them as historical chronicles of collective memory rather than merely mythological texts. His critical examination of Dzungar sources, his description of Ablai’s campaign to Kashgaria, and his systematization of *adat* and shamanic practices not only presented Kazakh culture within the scholarly domain but also strengthened the perception of the Kazakhs as a people with their own intellectual history. As one of the founders of historical scholarship in Soviet Kazakhstan of the mid-20th century, academician A. Margulan, wrote: “He was well acquainted with many sources written in Persian, Arabic, and Turkic, which he studied long and painstakingly. Later, Ch. Valikhanov examined the well-known works “Babur-nama”, “Tarikh-i-Rashidi”, “Tazkirah-i Khwajagan”, whose data he used in his own works” (Margulan, 1985: 69). “Of considerable scholarly value are Ch. Valikhanov’s studies on the history and ethnography of the Kazakh people, as well as his essays on socio-political relations in the Kazakh steppe. These include “Ablai”, “The Genealogy of the Kirghiz”, “The Armament of the Kirghiz in Ancient Times and Their Military Equipment”, “Shona-batyr”, “Notes on Judicial Reform”, “On Islam in the Steppe”, “Traces of Shamanism among the Kirghiz”, “On the Nomadism of the Kirghiz”, etc.” (Margulan 1985: 70).

Ibray Altynsarin, as an educator and reformer, created an educational system oriented towards adapting Russian Enlightenment principles to the Kazakh context. He not only opened schools but also formed a new social stratum – the secular Kazakh intelligentsia. Altynsarin translated and adapted educational texts, instilling the values of rationalism, tolerance, and diligence.

Abai Kunanbayev became the voice of a philosophical and ethical reorientation of Kazakh thought. His poetry and “Words of Edification” served as a cultural bridge between East and West, tradition and modernity. He translated the works of Pushkin, Lermontov, and Krylov, while also reinterpreting the ideas of Belinsky and Chernyshevsky in the light of Kazakh moral philosophy. The principal conclusion of his work was a call for self-improvement, education, and critical thinking.

Contemporary research emphasizes that cultural development in Kazakh society during the 19th and early 20th centuries took place within the framework of the imperial Enlightenment project, aimed at the administrative integration of the Kazakh steppe. The Russian Empire pursued its “civilizing mission” through the introduction of schools, print culture, and institutions within the cultural hierarchies of that era.

Many Kazakh figures not only accepted new forms but actively adapted them. The Kazakh elite often acted as subjects rather than mere objects of modernization, reworking European ideas to fit the internal needs of the steppe.

Cultural construction under imperial conditions became a space for encounters, debates, and collaboration. The imperial infrastructure – printing, schools, archives – made it possible to record, conceptualize, and integrate the oral culture of the Kazakhs into the global intellectual context.

The emerging Kazakh intelligentsia not only assimilated elements of European culture but also transformed them, laying the foundations of the Kazakh national idea, in which tradition was not rejected but became a resource for modernization. Their intellectual legacy was not an imitation but an autonomous response to the challenges of the time. The cultural transfer of the 19th century was not a process of assimilation, but rather the birth of Kazakh modernity in dialogue with the empire. As a result of complex processes unfolding in a cultural space where such diverse intellectual traditions met, the Kazakh milieu produced thinkers with composite intellectual biographies. The scholar of Kazakhstan’s intellectual history A. Kodar wrote: “... in order to understand Abai, one needs several levels of approach: first, the perception of Abai as a phenomenon of European culture; second, the Islamic layer; third, the Turkic-Persian; and fourth and final, the Turkic. The most interesting thing is that, despite the colorful diversity of its components, Abai’s work strikes one with its integrity and consistency. It is not by chance that he wrote of himself: “I am the completion of the old” (Kodar, 1997: 81).

The Kazakh intelligentsia was not a passive object of enlightenment but actively transformed external influences, integrating them into their own cultural system. Thus, interaction with Russian scholarly and cultural structures did not so much erode as transform Kazakh cultural identity, transferring it from oral to written form, from the ethnographic to the intellectual domain.

Chokan Valikhanov, Ibray Altynsarin, and Abai Kunanbayev not only became key figures of the modernization of Kazakh society but also set the framework for dialogue between tradition and science, the local and the universal. In their works, the historical consciousness of Kazakh society found its voice. Horizons of historical memory were formed – from the oral memory of several generations, with the ethical potential of its folkloric plots, to scientifically verifiable knowledge of the nation’s centuries-long history. In our previous works, examining the cultural narratives that emerged in the Kazakh steppe in the process of its integration into the legal and socio-cultural system of the Russian Empire (Krupko et al., 2023: 662-670), (Dalayeva, 2020). “In the oral spiritual heritage, Valikhanov was the first to discern the national mentality and to strive to present it to the scholarly community. In his research, the scholar often used the phrase “the people’s memory” when analyzing issues related to historical consciousness” (Serubayeva et al., 2024: 913).

4. Results

The policy of historical memory in the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries was a multifaceted process aimed at the administrative control, the integration of newly acquired territories into the legal and sociocultural framework of the empire, and the consolidation of the aspirations of the polyethnic population's elites.

In the late 19th century, the Oriental Commission of the Imperial Moscow Archaeological Society set itself the goal of studying and publishing Oriental monuments found within the Russian Empire. In this regard, on 27 November 1895 (No.1576), the chair of the Society, Countess Uvarova, addressed the military governor of the Turgai oblast, Major General Barabash: "Extracts from the *Turgai Gazette*, reporting on ancient historical monuments preserved within the Turgai steppes. ...The Society takes the liberty of most humbly requesting Your Excellency to forward to the Society all issues of the *Turgai Gazette* from which the aforementioned information was drawn. At the same time, the Imperial Moscow Archaeological Society has the honor to request Your Excellency to kindly inform the Society whether there might be in Orenburg a photographer capable of competently travelling around those parts of the Turgai oblast where ancient historical monuments are or may be located, and of photographing both their general views and separate detailed elements and plans" (TsGA RK. F. 25. Op. 1. D. 1455. L. 1–1 ob.) In a reply dated 11 December 1895, B. Fishman was recommended: "The photographing of historical monuments in the steppe is agreed to be undertaken by the Orenburg photographer Mr. Fishman" (TsGA RK. F. 25. Op. 1. D. 1455. L. 2).

Such initiatives continued into the early 20th century. In fulfillment of 'the circular instruction of the Minister of the Internal Affairs of 6 September 1901, No.10', information was submitted on monuments located in the Syr-Darya oblast. The descriptions included both Muslim monuments (the Mausoleum of Karakhan; the tomb of the saint Tek-Tur-Maz / Shamakhmut Khan in Aulie-Ata city; the mosque over the grave of the saint Hazret Sultan Khoja Akhmet in Turkestan) and official monuments (the chapel in the Kazalinsk city park in memory of Emperors Alexander II and Alexander III) (RGIA. F.1284. Op. 188. D. 94. L. 8.–21); and in the Akmolinsk oblast – a wooden arch decorated at the Ilyinsky suburb in memory of the 1891 visit to Omsk by His Imperial Highness, the heir to the throne, Tsarevich Nicholas (later Nicholas II) (RGIA. F.1284. Op. 188. D. 43. L. 2–7).

During the period of social and cultural transformations of the 19th century, when the emerging national intelligentsia in various regions of the empire gained the opportunity to construct historical agency on modernized foundations, Kazakh enlighteners such as Chokan Valikhanov, Ibray Altynsarin, and Abai Kunanbayev, at different epistemological and institutional levels, turned to the study and representation of the cultural heritage of the Kazakhs as the foundation for modernization and the attainment of historical agency. Each, to varying degrees, relied upon the existing intellectual traditions of the Russian Empire. All three thinkers employed narratives of historical memory as instruments of enlightenment, seeking to synthesize traditional and modern systems of knowledge across multiple historical and cultural horizons.

Among the representatives of the Kazakh intelligentsia discussed in this article, Chokan Valikhanov (1835–1865) stands out as, in many respects, a pioneer and systematizer of ethnographic knowledge, incorporating it into scientific narratives of historical memory and into the Russian imperial knowledge system on the peoples of Eurasia. By undertaking systemic study of Kazakh history, ethnography, and folklore – collecting and analyzing oral traditions, genealogies (*shezhire*), customs and beliefs – Chokan Valikhanov, on the one hand, scientifically recorded historical memory embedded in the cultural heritage of the people, and on the other, represented his nation to scholars of the Russian Empire, integrating Kazakh culture into the historical picture of the world.

"The first task of Valikhanov was to study his own people and introduce them to the Russian public" (Yadrintsev, 1985: 277). In 1854, as a member of Colonel K.K. Gutkovsky's expedition, Ch. Valikhanov visited the Kapal fortification, where he recorded legends and oral traditions of the Senior Zhuz Kazakhs. Earlier still, he had studied the architectural monuments of Butaga (on the Nura River), Djuban-Ana and Aitbulat (on the Sarysu River) in Central Kazakhstan. In 1856–1858, in the Semirechye region, he investigated the ancient urban sites of Almaty, Koilyk, and Almalyk, collected ancient coins, and made sketches from nature of Tamgalytas (on the Ili River), rock carvings in the Chulaktau mountains and near the Dzungarian Gate, and stone statues on the northern shore of Lake Issyk-Kul and on the Ayaguz River.

His research reveals a scientific, historical approach to the mythological and epic heritage of nomadic peoples. A separate topic is the comparative analysis of cultures undertaken by Chokan Valikhanov in his works: "Chinese writers have preserved for us certain customs observed in the burial of kings among the Xiongnu, Khitan, and other shamanistic nomads. European travelers who visited the Mongols speak of similar customs among the Cumans and the Mongols. If we compare them with the Kirghiz customs, we shall find a remarkable unity of ideas and even similarity of images" (TsGA RK. F. 829. Op. 1. D. 1a. L. 132).

Through his prodigious erudition and his intercourse with eminent Russian intellectuals of the 19th century, Chokan Valikhanov came to be numbered among the European scholarly tradition, which in the 19th century, was engaged not merely in the discovery of hitherto unknown lands, but, by the steady accumulation of knowledge, in the construction of an ethnographic and cultural classification of the peoples of the world. Within this classificatory endeavor there gradually took shape such intellectual currents as evolutionism, the mythological school, historicism, etc.

All this, mediated through the Russian scientific tradition, in one way or another determined the conceptual direction of the works of Chokan Valikhanov. His research transcended the bounds of Kazakh culture, embracing the study of neighboring peoples. This enabled him to situate Kazakh culture and history within a broader framework, discerning both their commonalities and their singular features, and, through these local episodes of Kazakh history, to apprehend universal patterns. In so doing, he was able to determine the horizon of historical memory necessary for the subsequent integration of the Kazakhs into the cultural history of the peoples of the world.

In this respect, Chokan Valikhanov stands as a key figure in the cultural transfer of the 19th century. His work served as an important link between the Kazakh tradition and European scholarship, bringing the folk historical memory of the people with academic science.

In his letter to Berezin, Valikhanov writes: “The Kazakh people (as we call ourselves) emerged from the union of various tribes no earlier than the 14th century; they are not the ancient people about whom Firdausi wrote” (Strelkova, 1983: 93).

Comparing the oral traditions of Kirghiz and Kazakh antiquity with the accounts of Abu al-Ghazi, Father of Iakinf, Rubruk, from the works of Russian researchers of Siberia and Central Asia such as G.I. Spassky and P.A. Chikhachev, as well as various European authors, Chokan Valikhanov repeatedly sought to reconstruct the routes by which peoples and tribes moved across the centuries. Ch. Valikhanov made extensive excerpts from Jalayiri’s “Jami’ al-tawarikh”, translating its principal chapters into Russian for the first time, providing commentary, and appending a glossary of Eastern terms to his translation. He also compiled extensive notes from the “Shaybani-nama” and Abu al-Ghazi’s “Shajara-i Turk” (according to the edition of I.N. Berezin), on the basis of which he later compiled an important theoretical work “The Genealogy of the Kirghiz. Valikhanov defines “Jami’ al-tawarikh” as a rare historical treatise, a compilation of Kazakh folk historical traditions of the 15th-16th centuries. He was well acquainted with numerous narrative sources written in Persian, Arabic, and Turkic, on which he worked long and meticulously. Subsequently, Ch. Valikhanov studied the well-known works “Babur-nama”, “Tarikh-i-Rashidi”, “Tazkirah-i Khwajagan”, drawing upon their materials in his own research (Margulan, 1985a: 69).

One of the central objectives pursued by Valikhanov was the interpretation and systematization of Kazakh cultural and historical heritage. As he explained: “*Jir* literally means ‘rhapsody’. The verb *jirlamak* means to speak in a recitative manner. All steppe *jirs* are customarily performed in recitative style to the accompaniment of the *kobyz*. The subjects of a *jir* are usually the life and deeds of some renowned folk hero of ancient times” (Valikhanov, 1985: 280). He further observed: “...by the later period of my stay in the steppe, *jirs* were already considered as an outdated form of poetry” (Valikhanov, 1985: 281).

His works – ranging from studies on Kazakh *batyrs* and the epic “Manas” to ethnographic descriptions of the daily life and customs of the Kazakhs – represented not merely a compilation of facts, but a methodological shift: a transition from a sacred, clan-based mode of preserving historical memory to its scientific verification and integration into the global cultural sphere. In deepening the horizon of historical memory, he paid considerable attention to references to the ethnonym “Kazakh”: “While collecting information about the Kazakh people, I take the liberty of addressing you with the most humble request: should you, in the course of examining and reading various Eastern historians, happen to encounter anything regarding the word *Kazakh*, the concept of *kazachestvo* (in Arabic script), or the Kazakh people, kindly communicate it to your humble servant. This would oblige me greatly. Lacking any other sources at hand – apart from Abu al-Ghazi’s history (Rumyantsev edition), your Sheibanids, and (a title in Arabic script) which is extremely important in this regard – I have no means of verifying Levshin’s fragmentary reference in his “Description of the Kirghiz-Kaysak Hordes”. As I suppose, the accounts of Arab historians contain nothing on the Kazakhs, for I am convinced that this people emerged no earlier than the 14th century, upon the disintegration of Jochi’s Ulus. Katib Chelebi, as can be seen from Levshin’s history, says something about the Tatar Kazakhs. It would be interesting to know when this geographer lived, and to have this account in Russian” (Valikhanov, 1985: 171-172).

In a historiographical sense, Valikhanov’s research marked the beginning of a transformation in the historical consciousness of the Kazakhs. The oral tradition (*shezhire*, *dastans*, *anyzdar*), which for centuries had served as the primary repository of collective memory, began to evolve into written form – subject to scholarly analysis and verification. In “On the Kirghiz-Kaysak Great Horde”, Ch. Valikhanov noted: “Ancient mounds and barrows in the Zaili region attest to the ancient presence of certain peoples. The domains of the Uisun, the Uighurs, and the Dzungars succeeded one another” (Valikhanov, 1985: 181). In “On Kirghiz-Kaysak Graves (Molas) and Antiquities in General”, Ch. Valikhanov wrote: “Throughout the steppe there are scattered numerous ancient and more recent graves, barrows, mounds, etc. These mute monuments of Kaysak life are far more important in geographical than in historical terms, for the names of the buried remain forever in the mouths of the people, and the Kaysak aligns his route with the location of these graves” (Valikhanov, 1985: 190).

As A.Kh. Margulan noted in his commentary to the publication of the collected works of Ch.Ch. Valikhanov: “The idea of collecting Kazakh historical traditions arose in Valikhanov back in 1852, during his studies at the Siberian Cadet Corps. According to G.N. Potanin, Valikhanov reflected on this question more than once. “He dreamed of making discoveries in the ancient history of the East through the

data provided by folk traditions and the remnants of Kirghiz antiquity. The work was most likely written in 1855–1856” (Margulan, 1985b: 383).

Valikhanov perceived Kazakh history not as closed or isolated from the world, but as part of a broader Eurasian and global historical and cultural framework. Through scholarly reflection on the past, he sought to reveal to the scientific world the agency of the Kazakh people and to demonstrate their contribution to universal civilization. This, in turn, influenced representatives of the Russian intelligentsia. For example, the distinguished orientalist and folklorist Grigory Potanin, who was a longtime friend with Chokan Valikhanov, wrote in his work “Eastern Motifs in Western European Medieval Epic”: “The neglect of the steppe peoples by scholars impedes the development of science. The establishment of correct views on the role of these ‘barbarians’ in the history of spiritual and cultural borrowings is hindered by ... a false historical perspective ... and the timidity of thought enslaved by routine views and routine beliefs. Perhaps it will be recognized as unprofitable for science to continue disregarding steppe traditions” (Potanin, 1899: 856).

In the second half of the 19th century, a new cultural and scientific paradigm was emerging within the Russian Empire, wherein the peoples of its peripheries began to partake in the creation of their own scientific knowledge. In this regard, the scholarly dialogue between Chokan Valikhanov and Grigory Nikolayevich Potanin (1835–1920) represented a significant episode of Eurasian interaction, founded on mutual interest and intellectual partnership. Both future researchers met at the Siberian Cadet Corps in Omsk – one of the few educational institutions of that time where representatives of Russian and Kazakh cultural milieus could come together. Their friendship and exchange of ideas laid the groundwork for a joint scientific orientation towards the study of Central Asia. Potanin, inspired by the example of Valikhanov, later became one of the foremost ethnographers and researchers of Tibet, Mongolia, and the Turkic peoples of Siberia. Thus, the scholarly collaboration between Valikhanov and Potanin stands as an important example of early intercultural scientific cooperation, in which for the first time the question was raised about the participation of indigenous peoples not only as ethnographic subjects but also as scientific agents themselves.

The educational mission of the Russian Empire, despite all its complexities, created conditions for the rapprochement between the Russian and Kazakh intelligentsia. The scientific milieu – embodied by such figures as Potanin, Maikov, and Dostoevsky – not only inspired Valikhanov, but also recognized him as a full-fledged member of the scientific community. This interaction carried the potential for collaboration, within the framework of which Kazakh culture gradually became an active subject of history. In a letter from A.N. Maikov to Ch.Ch. Valikhanov dated February 10, 1863, he wrote: “...By combining the finest achievements of European education and science with the scholarship of the East, you must introduce Europe to Asia. And the link between Asia and Europe is Russia. You should regard it as the rational arena for your intellectual activity” (Valikhanov, 1985: 206).

In 1887, G.N. Potanin raised the issue of publishing the works of Valikhanov. In June 1889, the Steppe Governor-General Kolpakovsky addressed this question to the secretary of the IRGS Veselovsky: “... the member of the Imperial Russian Geographical Society, Esaul Potanin, conveyed to me that Your Excellency has undertaken the task of publishing the notes left after the death of Colonel Valikhanov, and that my assistance in this publication may take the form of material support in the amount of three hundred rubles. Fully sharing in your undertaking and wishing for the works of this outstanding Kirghiz to appear in print as soon as possible, I most respectfully request you to inform me whether the aforementioned sum will be sufficient, and where I should forward the money. With the highest respect and complete devotion, I have the honor to remain your obedient servant” (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 462. L. 67-67). As N. Veselovsky later recalled: “Despite my numerous commitments, I did not dare to decline this task, finding it unconditionally useful and necessary – both in memory of Chokan Valikhanov and in the interests of Oriental studies – and undertook the difficult burden of examining his papers” (Veselovsky, 1964: 150). The works of Ch.Ch. Valikhanov were published in the Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society in 1904 (Zapiski IRGO..., 1904).

The significance of Valikhanov extends far beyond the confines of the 19th century. His ideas continued to exert a profound influence on the development of Kazakh historiography and cultural self-identification throughout the 20th and 21st centuries. His approach to interpreting the history of the Kazakh people – critical and scholarly, yet at the same time respectful of traditions – became a guiding reference point for several generations of Kazakhstani scholars, writers, and public figures.

During the Soviet period, the figure of Valikhanov was officially recognized as a symbol of a progressive enlightener. His methodological approach – combining empirical observation with humanistic thought – became the foundation for the formation of a national historical school. This model, synthesizing traditional knowledge with critical scientific thinking, continued to develop. The growing interest in local sources, manuscripts, and ethnographic accounts finds a clear resonance in his works. On a cultural level, Chokan Valikhanov remains a symbol of the Kazakh intelligentsia – educated, open to the world, yet firmly rooted in its own history.

According to Potanin’s recollections, “Chokan lived alongside his contemporaries, shared his passions with them, yet was more concerned with the fate of people of the future...” (Strelkova, 1983: 4).

Chokan Valikhanov not only introduced the Kazakh steppe to the global scholarly community but also laid the foundations for a new historical subjectivity. As a result, the narratives of historical memory in

Kazakh society, which for centuries had been preserved primarily in oral form, entered a phase of transformation in the 19th century. The institutionalization of historical knowledge, the gradual spread of literacy, and the establishment of schools and libraries all contributed to the emergence of a new type of historical consciousness – one oriented not merely towards preserving the past, but towards interpreting it. This marked the transition of the Kazakh people’s historical memory from an oral, sacred tradition to rational, verifiable knowledge integrated into the global scholarly culture. Through Valikhanov, Kazakh history acquired not only form, but also a voice – in dialogue with other cultures, in its own language of truth, and in its aspiration towards a future shaped by knowledge.

Ibray Altynsarin (1841–1889) regarded and employed education as both a transmitter and a custodian of cultural memory. In the 1860s, Ibray Altynsarin was only beginning his path, engaging in dialogue with N.I. Il'minskij and V.V. Grigoriev. In 1861, he was granted permission to open schools for Kazakhs in Turgai and Irgiz. For him, the school was seen as the foundation for preserving identity: Altynsarin viewed the education system as a key instrument for passing on cultural heritage and traditional morality to the younger generation. Instruction in the native language and history instilled fundamental values. His works reflect the didactic character of memory. In his textbooks and stories, Altynsarin drew on elements of oral folklore – parables, fairy tales, and legends – adapting them to make them instructive and to shape ethical norms of behavior based on traditional beliefs. Through narratives about virtues, hard work, and respect for elders, Altynsarin sought to raise a new generation capable of combining national traditions with the demands of modernity and of being useful to their people.

In Altynsarin’s scholarly and pedagogical legacy, one finds a synthesis of the traditional and the modern. He did not simply preserve the past, but sought to integrate into it the elements of Russian and world culture, shaping a consciousness that was open yet deeply rooted in its own memory. As he stated, for example, in the preface to his *Chrestomathy*: “In compiling this chrestomathy, I had in view, first, that this book – being the first and yet the only one in our native language – might serve as a reader both for Kirghiz boys studying in Russian–Kirghiz educational institutions and for popular reading in general; and second, that the stories included in the book should be primarily in the spirit of the Kirghiz people. Therefore, the selection of stories for it presented no small difficulty, requiring careful consideration of each individual piece” (Altynsarin, 1957: 79).

As B.S. Suleimenov noted in his commentary on the story “Kipshak Seitkul” (Altynsarin, 1957: 81–83): “In writing the story “Kipshak Seitkul”, Altynsarin drew on facts presented in Sultan Seydalin Tleu’s study “On the Development of Agriculture in the Turgai River Basin”, published in the “Proceedings of the Orenburg Branch of the Imperial Russian Geographical Society”, Issue 1, 1870” (Suleimenov, 1957: 448). The plot foundations of such stories as “Baiuly”, “Izbasty”, “Satemir-khan”, “Zhirenshe Sheshen”, “Zhanibek-batyr”, “Kara-batyr”, “The Sage Lukban” were taken by Altynsarin from oral tradition. These stories were written between 1870 and 1878 and published in the “Kirghiz Chrestomathy” editions of 1879 and 1906, in “Mektubat”, and in the “Selected Works” of Altynsarin in Kazakh, issued by the Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR in 1955 (Suleimenov, 1957: 448). I. Altynsarin did not merely translate but creatively reinterpreted the works of Russian educators, producing stories for Kazakh children that reflected the everyday life and psychological characteristics of nomads. This is evident from comparisons between the texts of even the most faithful adaptations of Paulson’s stories and Altynsarin’s own reworkings (Suleimenov, 1957: 451).

There are images drawn from cultural memory (world history): “The Queen Silinshi” is a story about how Queen Silinshi was the first to discover the method of producing silk – “Queen Silinshi lived 5000 years ago. The Chinese people have not forgotten their great queen to this day, honoring her memory each year and holding festivities in her name” (Altynsarin, 1957: 142). In “The Benefit of Curiosity”, one of the characters is Peter the Great, and the other is a boy – the future artist. The boy paints a portrait of Tsar Peter – “Great is the fame that spreads about you, Tsar, throughout the whole land, and I wish to paint your face and keep it as a memory for my whole life” (Altynsarin, 1957: 158).

After Altynsarin’s death in 1889, N.I. Il'minskij sought to honor the memory of the educator and his outstanding contribution to public education in the Turgai region by publishing a book entitled “Memoirs of I.A. Altynsarin” (Il'minskij, 1891: 396). To this end, he approached V.V. Katarinsky, as well as teachers from Russian-Kazakh schools in the Turgai region, requesting that they send him any preserved letters from Altynsarin for inclusion in the collection. In addition to the addressees, Altynsarin’s widow, Aigany, also consented to the publication of his letters. The book was published in Kazan in 1891.

Thus, Ibray Altynsarin formed an original model of historical education, integrating the ideas of Russian pedagogy into the national context of Kazakhstan. His system of educational institutions and methodological principles became the foundation of secular education for Kazakhs in the 19th century. Based on the pedagogical ideas of his intellectual predecessors, he developed the first Kazakh textbooks and initiated the transition of the Kazakh language to Russian Cyrillic script, considering this an important step towards the modernization of Kazakh writing. The influence of Russian pedagogy, adapted to the everyday and cultural characteristics of the Kazakh people, is clearly visible in the methodological manuals. Altynsarin actively introduced secular education, opening many different types of schools: two-year central Russian-Kazakh schools, volost primary schools, boarding schools for girls.

In Altynsarin's schools, small libraries were necessarily created and didactic principles of education were used – humanism and enlightenment, aimed ultimately at acquiring historical subjectivity for the Kazakh people. Altynsarin considered the school to be the “mainspring of education” for the Kazakhs, and it was largely thanks to him that the development of a national intelligentsia began in the Kazakh steppe in the following decades – the creation of a layer of educated Kazakhs capable of serving as a bridge between traditional culture and modernization.

Altynsarin also relied on the socio-pedagogical movement of Russian culture in the 1860s and sought modernization through the education of a citizen capable of thinking critically and acting in the interests of society.

Altynsarin's model combined the Russian pedagogical heritage and Kazakh realities. He postulated the integration of the native language and culture with progressive Western Russian traditions. The basis of his concept was popular secular and practice-oriented education. Thanks to this model, the first network of national education was created, which formed the basis for the development of the intelligentsia of Kazakhstan and further cultural development. Ibray Altynsarin, inspired by the organic synthesis of ideas of Russian pedagogical science and the national culture of the Kazakhs, created a unique model of historical education. His methodological base, network of institutions, multilingual learning environment and emphasis on the practical and moral aspects of education formed the core of national secular education. The Russian education system, with its didactic methods, textbooks, structure and principles, gave Altynsarin the necessary tools, which he successfully adapted for the education of the masses in the conditions of the Kazakh steppe society.

Thus, Ibray Altynsarin was one of the key architects of historical and cultural education in Kazakh society in the 19th century. His influence extended far beyond the sphere of educational activity: he played a pivotal role in reinterpreting the historical memory of the Kazakh people, laying the foundations for a new form of national consciousness rooted in education, morality, and cultural continuity. Altynsarin introduced elements of historical self-awareness into educational practice, transforming the Kazakh school from a mere place of literacy into a space of cultural transmission.

Abai Kunanbayev (1845–1904) was not only a poet and philosopher, but also a historiosopher whose ideas had a profound impact on the rethinking of Kazakh historical memory amid the crisis of traditional society at the turn of the 19th and 20th centuries. His reflections on the fate of the people, the degradation of moral values, and the need for spiritual awakening laid the foundation for a new narrative of the past – one in which the history of the people is understood not as a heroic chronicle, but as a path to self-knowledge and moral responsibility.

At the core of Abai's philosophy lies the idea of inner self-cultivation as the historical mission of the people. For Abai, historical memory is not a mere glorification of ancestors, but a critical rethinking of the mistakes and weaknesses of the past (Kodar, 1997: 75). He contrasted genuine historicity – rooted in reflection and morality – with the routine adherence to customs. His historiosophy dismantled the cyclical worldview of the steppe tradition, in which history was perceived as the repetition of ancestral feats. Instead, he proposed a linear model – a path of development through self-criticism and knowledge. The formation of Abai's critical historical perspective was profoundly influenced by his acquaintance with the works of Russian writers and thinkers of the 19th century. Through translations and dialogue with the enlightened Kazakh milieu, he deeply absorbed the ideas of Pushkin, Lermontov, and Krylov, as well as the philosophical views of Belinsky, Dobrolyubov and Chernyshevsky. He not only adapted them to the Kazakh worldview, but also discovered in them intellectual tools for transforming public consciousness. At the same time, Abai's ideas did not emerge in a vacuum: the 19th century marked a turning point – the formation of the Kazakh intelligentsia as an independent historical force. “In his mature years, Abai sought to promote knowledge, science, and enlightenment through his works, yet he encountered difficulties, finding little understanding among the majority of the people. However, his closest circle embraced his ideas, and many of his followers would become participants in the nationwide Alash movement in the early 20th century” (Dalayeva, 2020: 191). It was during this period that Kazakh representatives became not only objects, but also subjects of cultural, political, and scientific initiatives. The emergence of such figures as Chokan Valikhanov, Ibray Altynsarin, Shakarim Kudaiberdiyev, Alikhan Bukeikhanov, Magzhan Zhumabayev, and many others testified to the birth of a new class of intellectuals who perceived their people not as part of the tribal world, but as part of world history. A vivid example of cultural convergence in Abai's creative work is manifested in his adaptation of the image and plot of Alexander the Great. His literary legacy includes the poems “Iskander”, “Masgut”, and “Azim”, which contributed significantly to the development of the lyric-epic genre in Kazakh literature (Asipov, 1984: 202-203).

The great Kazakh poet and educator Abai Kunanbayev studied in Semipalatinsk, attending the madrasa of Imam Akhmet-Riza while also taking classes at a Russian school. By 1862, Abai was already composing poetry. The Russian revolutionary-democratic movement and Russian literature would play the same role in his life as they did in that of Chokan Valikhanov. In 1869, Evgeny Mikhaelis – having served his exile in Pudozh and Tara after Petrozavodsk – arrived in Semipalatinsk, where he began studying Kazakh life and, beyond the Irtysh steppe, discovered a poetic talent. He would go on assisting in Abai's self-education (Strelkova, 1983: 250).

Abai's principal contribution to the narratives examined in this article was the philosophical reflection on and ethical reevaluation of historical memory. Summarizing his role in the process under consideration, the following may be noted: in Abai's works, tradition underwent critical reinterpretation. He did not merely reproduce historical memory, but subjected it to deep critical analysis. He condemned certain archaic vestiges of traditional society, calling for the abandonment of outdated customs and envisioning a future for his people inseparable from the broader course of humanity. In his "Words of Edification", Abai frequently turned to folk wisdom, proverbs, and sayings, yet imbued them with a new and profound philosophical meaning. From the past, he drew lessons for the moral perfection of the individual and the formation of a new ethical code: Abai proposed a synthesis of Islamic values, folk ethics, and enlightenment humanism. His ideal of the "complete human" (*tolyq adam*) rested on a reinterpreted and purified cultural memory, oriented towards self-improvement.

In the pantheon of historical memory of Kazakhstan, this role continues to this day to be played by the poet and philosopher Abai Kunanbayev. His influence on Kazakh culture and the tradition of written literature of subsequent generations is colossal. However, despite the monumentality of his memorial status, Abai continues to excite minds and provoke discussions. Of particular interest is the theme of Abai's understanding of the economic and cultural way of life of the Kazakhs, sedentarism and the prospects for active agriculture, which, according to the poet, is necessary for the historical perspective of the people in the future.

Abai Kunanbayev's historiosophy is not just a philosophical reflection on the fate of the Kazakh people, but also a deeply personal attempt to comprehend the vector of development of the steppe culture in an era of rapid change. Living at the turn of the 19th and 20th centuries, Abai found himself at a unique point of historical intersection: on the one hand, he saw the rapid introduction of colonial practices of the Russian Empire, on the other, he realized the need for internal modernization of Kazakh society, including through labor, education and familiarization with universal cultural values. One of the central themes in Abai's reflections is active labor in spite of natural and climatic conditions as the basis for the spiritual and social revival of the people. In this context, agriculture acts not just as a type of economic activity, but as a metaphor for the transition to active agriculture. For Abai, this is not a forced introduction of an alien practice, but an organic opportunity to escape from stagnation and gain historical subjectivity in the conditions of modernization of the 20th century. Abai saw agriculture as a way to cultivate a new type of thinking in people – conscious, disciplined and focused on the future. His idea of work is closely linked to the ideas of the European Enlightenment, but passes through the prism of his own cultural tradition. In this sense, he did not so much contrast traditional nomadic culture with the new way of life, as he strove for a synthesis in which the best elements of Kazakh identity could be preserved and developed in new historical conditions.

This is where his attitude to the Russian intellectual tradition comes into play, recognizing its value as a tool with which Kazakhs can reach a higher level of consciousness and join the universal cultural tradition.

The idea of equality of peoples occupies a special place in his thoughts. Abai was far from nationalism in its ethnocentric form. He strove for the Kazakhs to become an equal part of a large empire not through self-denial, but through the development of internal potential. He believed that only an educated, hardworking and morally mature person can be recognized as equal in a multinational society. Therefore, education, moral improvement through history lessons and the acquisition of historical subjectivity became links in one chain for him - the process of acquiring subjectivity within the empire.

Thus, Abai's historiosophy is a unique synthesis: it unites the cultural code of a nomadic people, the educational ideas of European modernism and a critical understanding of the imperial project. Agriculture in this coordinate system is not just an agricultural practice, but a symbol of transformation.

Abai did not idealize either nomadic archaism or the state order. His reflections are an attempt to find a point of growth for his people in the conditions of historical turbulence. He realized that the Kazakh world was on the verge of a civilizational choice, and sought to give his people the tools for a conscious acquisition of historical subjectivity. It is here that we see the deep connection between the culture of agriculture and the imperial educational project in its historiosophy. Agriculture as a model of settled labor and social stability, and education as a way to reveal human potential. Together, they form the foundation for a new consciousness capable of not only adapting to the realities of the coming century, but also transforming them from within over time.

For Abai, the comprehension of the past and self-criticism were essential for overcoming stagnation and advancing towards progress. He regarded renewed memory as the foundation for the revival and formation of a new, more refined Kazakh society – one that would attain historical agency within the framework of the modernization of the Russian Empire.

In the biographies of all three Kazakh enlighteners, the broader cultural context of Kazakh society in the 19th and early 20th centuries is vividly reflected. Kazakhs began to participate in the work of imperial institutions – schools, gymnasiums, and scientific societies. From the 1860s onward, they published in the Russian-language press, sent letters to the tsarist administration, and advocated for their native lands (for example, in cases concerning land redistribution and legal proceedings). By the 1880–1890s, a stable network of educated individuals, literate and active in both languages, had begun to emerge in the Kazakh steppe. All of this points to the formation of historical agency, that is, the capacity of the people for reflection and deliberate action within the framework of the new sociocultural and political reality.

5. Conclusion

In the context of the formation of a national intelligentsia engaged in dialogue and in a process of cultural and intellectual exchange with prominent representatives of the Russian intelligentsia, all three Kazakh enlighteners – despite differences in their methods (science, education, philosophy) – sought to preserve, reinterpret, and develop the cultural memory of the Kazakh people as the foundation of its identity and future. Their works laid the groundwork for the further development of Kazakh thought, becoming the starting point for the formation of national consciousness and statehood in the 20th century.

The ideas of Valikhanov, Altynsarin and Abai remain relevant, since they underscore the importance of continuous dialogue with the past in determining future paths development. In the research and reflections of all three representatives of the national intelligentsia, historical memory also serves a prognostic function. The interpretation of the past becomes the scientific basis for envisioning the future and defining the trajectories of development for a Kazakh society united by knowledge of its history and oriented towards the horizon of historical memory.

6. Acknowledgments

This article was prepared within the framework of the grant funding from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN: AP23488969, “*The Attainment of Historical Subjectivity and the Overcoming of Cultural Traumas in the Historical Narratives of the Creative Intelligentsia of Kazakhstan (1951–1991)*”.

References

- Abai, 1971** – *Abai* (1971). Abai Kunanbayev (1845–1904) Izbrannye stihy i poemy Predislovie M. Auezov. [Selected Poems and Epics: Preface by M. Auezov]. M. [in Russian]
- Altynsarin, 1879** – *Altynsarin, I.* (1879). Kirgizskaya hrestomatiya [Kirghiz chrestomathy]. Book 1. Orenburg: Tipografiya I.I. Evfimovskogo-Mirovickogo. 76 p. [in Russian]
- Altynsarin, 1957** – *Altynsarin, I.* (1957). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Compiled and edited by B.S. Suleimenov. Almaty: izdatel'stvo Akademii nauk KazSSR. 465 p. [in Russian]
- Akhmetov, 1964** – *Akhmetov, A.* (1964). Chokan Valihanov v vospominaniyah sovremennikov. [Chokan Valikhanov in the memoirs of contemporaries]. Comp. by A. Akhmetov. Alma-Ata: Kazahskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 224 p. [in Russian]
- Akkozin, 1995** – *Akkozin, M.* (1995). Abai glazami svoih detej [Abai through the eyes of his children]. *Kazakhstan: Economy and Life*. 8: 46-49. [in Russian]
- Asipov, 1984** – *Asipov, S.* (1984). Abai i Aleksandr Makedonskij: [Zametki o poeme A.Kunanbaeva "Iskander"]. [Abai and Alexander the Great: [Notes on A. Kunanbayev's Poem "Iskander"]. *Prostor*. 10: 202-203. [in Russian]
- Assmann, 2018** – *Assmann, A.* (2018). Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. 2nd ed. M.: Novoe kulturnoe obozrenie. 328 p. [in Russian]
- Auezov, Kenzhebayev, 1945** – *Auezov, M., Kenzhebayev, B.* (1945). Abai – kazaktyn uly akyny (1845–1945). [Abai is Kazakh's Great Poet (1845–1945).] Almaty: Kazaktyn birikken memlekettik baspasy. 40 p. [in Kazakh]
- Auezov, 1971** – *Auezov, M.* (1971). Predislovie [Preface]. Abai Kunanbayev (1845–1904) Izbrannye stihy i poemy [Abai Kunanbayev (1845–1904) Selected Poems and Epics]. M. Pp. 5-27. [in Russian]
- Bukeikhanov, 2004** – *Bukeikhanov, A.* (2004). Abai Kunanbayev [Abai Kunanbayev]: Nekrolog [Obituary] (1904). *Amanat*. 4: 154-157.
- Dalayeva, 2020** – *Dalayeva, T.* (2020). Abai Kunanbayev: integrity and the law in 19th century Kazakh society (book chapter). Portraits of integrity. 26 Case Studies from History, Literature and Philosophy: Editors: Charlotte Alston, Amber Carpenter, Rachael Wiseman: Bloomsbury Academic. Pp. 134-142.
- Il'minskij, 1891** – *Il'minskij, N.I.* (1891). Vospominaniya ob I.A. Altynsarine [Memories of I.A. Altynsarin]. Kazan': Tipo-litografiya V.M. Klyuchnikova. 396 p. [in Russian]
- Kodar, 1997** – *Kodar, A.* (1997). Abai v sisteme "Vostok-Zapad" [Abai in the "East-West" System]. *Abaevskie chteniya*. Almaty. Vol. 1. Pp.75-81. [in Russian]
- Konshin, 1994** – *Konshin, N.* (1994). Zametki o proiskhozhdenii rodov Srednej Kirgizskoj ordy: [Nastoyashchaya zametka sost. N.Konshinym so slov Abaya] [Notes on the Origin of the Middle Kirghiz Horde: [The present note was compiled by N. Konshin based on Abai's words]. *Abai*. 1: 26-29. [in Russian]
- Krupko et al., 2023** – *Krupko, I.V., Ashimova, S.A., Kubeyev, R.D.* (2023). Medical and Cultural Narratives and Practices of the Russian Empire in the Kazakh Steppe (19th century). *Bylye Gody*. 18(2): 662-670.
- Margulan, 1985a** – *Margulan, A.Kh.* (1985). Oчерк zhizni i deyatel'nosti Ch.Ch. Valihanova [An outline of the life and work of Ch.Ch. Valikhanov]. Valikhanov Ch.Ch. Sobranie sochinenij v pyati tomah. Alma-Ata: Glavnaya redakciya Kazahskoj sovetskoj enciklopedii: vol. I. Pp. 9-72. [in Russian]
- Margulan, 1985b** – *Margulan, A.Kh.* (1985). Kommentarii [Commentaries]. Valikhanov Ch.Ch. Sobranie sochinenij v pyati tomah. [Collected Works in Five Volumes.] Alma-Ata: Glavnaya redakciya Kazahskoj sovetskoj enciklopedii: vol. I. 432 p. [in Russian]

- Potantin, 1896** – *Potantin, G.N.* (1896). V yurte poslednego kirgizskogo carevicha [In the Yurt of the Last Kirghiz Prince]. *Russkoe bogatstvo*. 8: 60-80. [in Russian]
- Potantin, 1899** – *Potantin, G.N.* (1899). Vostochnye motivy v zapadnoevropejskom srednevekovom epose [Eastern motifs in the western European medieval epic]. M.: Izdanie geograficheskogo otdeleniya imperatorskogo obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii. 893 p. [in Russian]
- Zapiski IRGO..., 1904** – Zapiski IRGO po Otdeleniyu etnografii. T. XXIX: Sochineniya Chokana Chingisovicha Valihanov. Izd. pod red. [i s predisl.] N.I. Veselovskogo. [Proceedings of the IRGS, Department of Ethnography. Vol. XXIX: Works of Chokan Chingisovich Valikhanov. Edited, with an introduction by N.I. Veselovsky]. St. Petersburg. [Electronic resource]. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/219629> (date of access: 14.04.2025). [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Strelkova, 1983** – *Strelkova, I.I.* (1983). Valikhanov [Valikhanov]. M.: Molodaya gvardiya, 284 p., ill. (Lives of Remarkable People. Biographical Series. Is. 6 (635)). [in Russian]
- Serubayeva et al., 2024** – Serubayeva, A.T., Myrzakhmet, G.K., Danabekova, D.I., Abdurahmanova, K.R. (2024). Attributes of the Steppe Civilization in the Scientific Legacy of Shokan Ualikhanov. *Bylye Gody*. 19(2): 908-917. DOI: 10.13187/bg.2024.2.908 [in Russian]
- Suleimenov, 1957** – *Suleimenov, B.S.* (1957). Kommentarii k Izbrannym proizvedeniyam Altynsarina. [Commentaries to Selected Works by Altynsarin]. Almaty: Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Pp. 445-456. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Valikhanov, 1947** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1947). Stat'i i perepiska. (Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya H.Ajdarovoj.) [Articles and Correspondence. (Compiled, with an introduction and notes by Kh. Aidarova)]. Alma-Ata: Kazahskoe ob"edinennoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 151 p. [in Russian]
- Valikhanov, 1984–1985** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1984–1985). Collected Works: in 5 vols. Alma-Ata: Kazahskaya sovetskaya enciklopediya. Vol. 1. 432 p., 1985. Vol. 2. 416 p., Vol. 3. 416 p., Vol. 4. 432 p. Vol. 5. 528 p. [in Russian]
- Veselovsky, 1964** – *Veselovsky, N.I.* (1964). Ob izdanii trudov CHokana Valihanova [On the Publication of Chokan Valikhanov's Works]. Chokan Valihanov v vospominaniyah sovremennikov [Chokan Valikhanov in the Memoirs of Contemporaries]. Comp. by A. Akhmetov. Alma-Ata: Kazakh State Publishing House. Pp. 149-151. [in Russian]
- Yadrintsev, 1985** – *Yadrintsev, N.M.* (1985). Chokan Chingisovich Valikhanov [Chokan Chingisovich Valikhanov]. Valikhanov Ch.Ch. Sobranie sochinenij v pyati tomah. Alma-Ata: Glavnaya redakciya Kazahskoj sovetskoj entsiklopedii: t. 5. 528 p. Pp. 276-279. [in Russian]

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1843-1851
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1843

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Evolution of State Policy Towards “Non-Tolerated” Religious Denominations in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century (based on materials from Western and Northwestern Kazakhstan)

Zhanar D. Mustafina ^a, Assylbek T. Maden ^{a, *}, Bibinura K. Sugurbayeva ^a

^aK. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the analysis of changes in the state policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries regarding the so-called “non-tolerated” denominations, using the example of Western and Northwestern Kazakhstan. Based on diverse sources, including legislation, archival evidence, and academic works of Russian and international researchers, the study traces how the state approached religious movements that, in the pre-revolutionary period, were considered “sects” and exposed to different forms of administrative and police control. It is shown that in the imperial period, confessional policy combined legal restrictions with measures of surveillance and control aimed at curbing their spread, while still allowing opportunities for legalization and missionary activity. Special attention is given to the missionary activity of Protestant groups, their interaction with co-religionists from neighboring regions, and the impact of resettlement policy on the confessional situation in the empire’s peripheral areas. The dynamics of the development of local religious communities and the mechanisms of their adaptation to legal and administrative conditions are traced.

The methodological basis of the study includes the problem-chronological, comparative-historical, and historical-typological methods, as well as the analysis of archival documents, which made it possible to identify the stages of policy evolution, classify forms of state influence, and reconstruct the specifics of implementing legislative norms at the regional level.

The study demonstrates how state policy shaped religious life in the borderlands of the Russian Empire and contributes to a better understanding of the local particularities of confessional policy with regard to religious minorities.

Keywords: state policy, “non-tolerated” denominations, Protestantism, Stundism, Baptism, Molokans, Russian Empire, Western Kazakhstan.

1. Введение

В Российской империи к «нетерпимым» относились такие христианские секты, как скопцы, молокане, духоборы, хлысты и др., а также ряд протестантских течений – штундисты, баптисты, евангелисты. Эти религиозные группы рассматривались правительством и Русской православной церковью (РПЦ) как наиболее опасные и вредные для господствующей конфессиональной системы.

«Нетерпимые» вероисповедания рассматривались государством как угроза духовному и политическому единству Российской империи. Власти опасались, что подобные религиозные общины могут распространять свободомыслие и подрывать лояльность подданных, поэтому их деятельность находилась под строгим контролем или полностью запрещалась.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью специального и комплексного изучения эволюции государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий в

* Corresponding author

E-mail addresses: maden.assylbek80@gmail.com (A.T. Maden)

Российской империи в рассматриваемый период. Данная проблема до настоящего времени не получила достаточного освещения в исторической науке, особенно в сравнительно-историческом аспекте, что определяет научную значимость настоящей работы. Цель исследования заключается в выявлении и всестороннем анализе эволюции государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий, а также в определении её влияния на трансформацию религиозной жизни в окраинных регионах империи.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили законодательные и архивные материалы, позволяющие проследить эволюцию государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий в Российской империи. Первая группа источников включает законодательные акты, среди которых – отдельные части и тома *Свода законов Российской империи* (издание 1857 г.), *Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ, 1908)* и сборника «*Законодательные акты переходного времени (1904–1908 гг.)*» (*Законодательные акты...*, 1909). Эти документы позволили выявить правовые основы государственной политики по отношению к «нетерпимым» религиозным течениям в XIX – начале XX в., а также проследить изменения в правовом регулировании религиозной сферы.

Архивную основу исследования составили документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан) и Архива Президента Республики Казахстан (АП РК) (Алматы, Республика Казахстан). В фондах № 25 и № 44 ЦГА РК изучены материалы, отражающие историю молокан, штундистов, баптистов и других религиозных течений в Тургайской области. В фонде № 141 АП РК исследованы и введены в научный оборот документы, касающиеся новых религиозных общин, возникших в Уральской области.

Методологическую основу исследования составили проблемно-хронологический метод, позволивший проследить эволюцию государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий, и сравнительно-исторический метод, использованный для выявления особенностей её реализации в окраинных регионах империи. Применение историко-типологического подхода позволило классифицировать формы государственного воздействия, а анализ архивных материалов – выявить специфику применения законодательных норм на региональном уровне.

3. Обсуждение

Результаты государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий нашли отражение в современной российской историографии, хотя отдельные сведения по этой проблеме встречаются и в трудах советского периода. В частности, в исследовании А.И. Клибанова, посвящённом истории религиозного сектантства в России (*Клибанов, 1965*), а также в работе Л.Н. Митрохина об истории баптизма (*Митрохин, 1997*), содержатся сведения о государственной политике в отношении «нетерпимых» вероисповеданий и её последствиях.

С начала XXI в. в российской историографии начали появляться исследования, посвящённые взаимодействию государства и религиозных организаций, а также вопросам религиозной политики в Российской империи. Среди значимых работ следует отметить монографию А.А. Сафонова (*Сафонов, 2017*), в которой рассматриваются правовые аспекты отношений государства и конфессий в позднеимперской России, а также исследование В.С. Дякина (*Дякин, 1998*), посвящённое национальному вопросу во внутренней политике царизма в XIX – начале XX в., где анализируется роль религиозного фактора.

Отдельную группу источников составляют научные статьи. Особое значение имеет работа А.Ю. Бендина, в которой прослеживается эволюция отношения государства к конфессиональным группам по принципу «свой – иной – чужой» в XVIII – начале XX в. (*Бендин, 2021: 8-31*); при этом под «чужими» подразумеваются именно «нетерпимые» вероисповедания. В статье М.Л. Воронковой рассматриваются особенности взаимодействия государства и религиозных объединений в имперский период российской истории (*Воронкова, 2012: 77-85*). Работы Е.В. Казаченко (*Казаченко, 2010: 142-148*) и Т.С. Оленич (*Оленич, 2005: 15-25*) посвящены нетрадиционным религиозным организациям и сектам в России, вопросам их классификации и правового положения. К данному кругу исследований относятся и публикации авторов настоящей статьи. Ранее нами была подготовлена работа, посвящённая формированию и развитию новых религиозных движений в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. на примере Тургайской и Уральской областей (*Mustafina, Maden, 2025: 289-299*). Настоящее исследование является её логическим продолжением.

В целом, проведённый историографический обзор показывает, что, несмотря на наличие отдельных исследований, проблема государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий остаётся недостаточно изученной, особенно в аспекте её последствий на региональном уровне. Это подтверждает необходимость дальнейшего комплексного анализа с привлечением широкого круга источников.

4. Результаты

Во второй половине XIX в. вероисповедное законодательство Российской империи продолжало поступательное развитие, что было обусловлено усложнением конфессиональной структуры общества. В этот период начали издаваться нормативно-правовые акты, устанавливающие конкретные ограничения в отношении так называемых «нетерпимых» вероисповеданий и регламентирующие их деятельность. Ужесточение государственной политики в данной сфере во многом объяснялось увеличением численности и географического распространения указанных религиозных движений. Наряду с этим, в правовое поле вводились положения, направленные на ограничение деятельности отдельных религиозных течений (сект), что отражало стремление властей сохранить духовное единство и конфессиональную иерархию в условиях роста влияния протестантских и иных нетрадиционных направлений.

В середине XIX в. вопросы, касающиеся религии в целом, включая иные вероисповедания, регулировались положениями Свода законов Российской империи 1857 г. В нём православие провозглашалось «первенствующей и господствующей верой» в государстве (ст. 40). Монарх, управляющий страной, не имел права исповедовать какую-либо иную религию, кроме православия (ст. 41). Более того, император объявлялся «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры» (ст. 42). Согласно статьям 44-45, всем народам Российской империи предоставлялась свобода вероисповедания и разрешалось совершать богослужения в соответствии со своими религиозными обрядами (СЗРИ, 1857а: 10-11).

Тем не менее, предоставленная новым религиозным организациям свобода вероисповедания носила формальный характер. Напротив, в соответствии с законодательством, на них налагались многочисленные ограничения, а также предусматривались меры как уголовной, так и гражданской ответственности. Так, религиозным объединениям, за исключением Русской православной церкви, было запрещено заниматься миссионерской деятельностью. В случае нарушения они подлежали уголовному преследованию (ст. 4) (СЗРИ, 1857b: 5). Господствующее положение РПЦ обеспечивалось также другими статьями законодательства. Например, в соответствии со статьёй 47, лицам, исповедующим православие, запрещался переход в иное вероисповедание (СЗРИ, 1857c: 303). Таким образом, отказ от православия и переход в другую веру признавались незаконными. За склонение к отступлению от православия, особенно с применением принуждения, а также за распространение раскола и деятельности иных сект, предусматривались разнообразные меры уголовного и гражданского наказания. К числу наиболее суровых санкций относились каторжные работы сроком до пятнадцати лет, ссылка в Закавказье или Сибирь (СЗРИ, 1857d: 49-55).

Перемены, начавшиеся в российском обществе в начале 1860-х гг., создали условия для реформаторского правительства Александра II постепенно смягчить политику в отношении «раскола» и снизить административное давление на старообрядцев и сектантов. Постепенно им предоставлялись отдельные гражданские и религиозные права. Так, 17 апреля 1874 г. был издан императорский указ, легализовавший браки старообрядцев. 31 октября 1879 г. Александр II утвердил положение Комитета по делам раскольников (1864 г.), наделявшее МВД правом негласно разрешать представителям «менее вредных сект» ремонт ветхих молитвенных домов. Дальнейшим шагом стал указ Александра III от 3 мая 1883 г., даровавший старообрядцам и сектантам полный объём гражданских прав и часть религиозных свобод. Однако формальная легализация их общин по-прежнему отсутствовала, а традиционный запрет на «публичное оказательство раскола» сохранялся (Бендин, 2021: 24).

Указ от 3 мая 1883 года был преимущественно посвящён старообрядцам и устанавливал ряд правовых норм, регулирующих правовой статус старообрядческих общин. В его тексте не содержалось упоминаний о «вредных» религиозных течениях, и классификация на «вредные» и «особо вредные» секты отсутствовала. Тем не менее, данный указ стал важным этапом на пути к частичной легализации религиозных объединений, относящихся к числу нетерпимых. Он стал шагом в сторону ограниченного признания раскольничьих и нетрадиционных религиозных групп в Российской империи.

В государственной политике Российской империи в отношении «нетерпимых» вероисповеданий РПЦ играла ключевую роль. Она вела особенно яростную и последовательную борьбу с новыми религиозными течениями, нередко проявляя большую активность и настойчивость, чем местные органы власти. После учреждения в 1721 г. Петром Великим Святейшего Синода в ведение этой могущественной организации были переданы, в том числе, и функции управления и, что особенно важно, – надзора за всеми существующими в Российской империи протестантскими общинами. Позднее, уже в 1824 г., для решения этих задач был создан специальный орган – Главное управление дел иностранных исповеданий, которое вскоре, в 1832 г., уже под названием «Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий» было включено в структуру МВД (Казаченко, 2010: 145).

С 1880 по 1905 г. Святейший Синод возглавлялся обер-прокурором К.П. Победоносцевым. Он был убеждённым сторонником Русской православной церкви и её исключительной роли в жизни государства. В этот период К.П. Победоносцев оказал значительное влияние на конфессиональную политику империи и занимал особенно жёсткую позицию в отношении «нетерпимых»

вероисповеданий. Во время его руководства штундисты и баптисты подвергались существенному давлению и репрессиям со стороны церковных и светских властей. Преследования баптистов в эпоху Победоносцева, по мнению исследователей, условно можно разделить по характеру репрессивных мер на три этапа: 1) 1880–1893 гг.; 2) 1894–1896 гг.; 3) 1897–1905 гг. Второй этап отличался массовыми преследованиями, тогда как на третьем этапе политика в отношении баптистов несколько смягчилась (*История..., 1989: 96*).

Была организована репрессивная кампания против штундизма, который в этот период начал широко распространяться. Согласно высочайше утверждённому Положению Комитета министров от 4 июля 1894 г., штундизм был объявлен «вредной» сектой. На основании этого закона начались активные преследования: штундистов арестовывали, заключали в тюрьмы, ссылали в самые отдалённые районы. После появления этого циркуляра миссионеры стали приписывать слово «штундист» к множеству других сект, чтобы упростить их преследование. Именно поэтому термин «штундизм» начали применять по отношению ко всем и всяческим сектам – молоканам, духоборам, хлыстам, скопцам и другим. Как будет показано далее, циркуляр 1894 г. широко использовался для ужесточения репрессий против баптистов (*Митрохин, 1997: 218-219*).

Необходимо отметить, что преследование и ссылка баптистов на территории Российской империи начались ещё до издания закона 1894 г. Так, в марте 1887 г. были арестованы видные деятели российского баптизма и лютеранства – В.Г. Павлов, Н.И. Воронин и А. Амирханянц. Они были высланы вместе с семьями в город Оренбург. Следует подчеркнуть, что В.Г. Павлов дважды подвергался ссылке: повторно он был выслан туда в 1891 г. Все они испытали серьёзные трудности в условиях ссылки – так, в 1892 г. В.Г. Павлов потерял жену и четырёх детей. Материальное положение ссыльных было крайне тяжёлым: ежемесячного пособия не хватало, а любые формы заработка и занятия земледелием запрещались (*История..., 1989: 107-110*).

Видные деятели баптизма, сосланные в приграничные с Западным Казахстаном регионы Российской империи, способствовали распространению евангельского учения и формированию баптистских общин в этих местах. Первая община в Поволжье возникла в Новом Узене, куда в 1883–1885 гг. приезжал В.Г. Павлов. В начале 1890-х гг. начала действовать Саратовская община, а к 1893 г. первые группы верующих появились среди молокан в сёлах Александров Гай и Орлов Гай (*Mustafina, Maden, 2025: 291*). Все эти населённые пункты граничили с землями Западного Казахстана и, несмотря на преследования со стороны государственных и церковных властей, способствовали распространению баптистского вероучения и формированию общин в данном регионе. Одной из первых баптистских общин, возникших на территории Западного Казахстана, стала Джаныбекская община. Она была основана в 1885 г. на территории тогдашней Уральской области. Изначально в неё входил 21 человек. В последующие годы численность возрастала: в 1886–1898 гг. – на 16 человек, в 1898-1900 гг. – ещё на одного (*АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2251. Л. 36*).

В такой обстановке РПЦ выступала против распространения «вредных» религиозных течений в Казахской степи через переселенческое движение. Летом 1891 г. Оренбургский и Уральский епископ в служебном письме на имя руководства Тургайской области, исходя из нежелательности их распространения, просил запретить предоставление земельных наделов переселенцам-сектантам (*ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2761. Л. 4*). Нельзя сказать, что все подобные обращения представителей РПЦ всегда удовлетворялись. Местные исполнительные органы имели собственные интересы: для них приоритетом было размещение прибывающих переселенцев и их хозяйственное устройство. Тем не менее, в вопросах защиты православия местные власти, как правило, оказывали поддержку РПЦ.

Как уже отмечалось выше, после принятия закона о штундистах в 1894 г. МВД и Святейший Синод начали использовать его в качестве инструмента для ограничения и преследования новых религиозных течений. В циркуляре МВД от 3 сентября 1894 г., направленном военным губернаторам, подчёркивалась необходимость применения закона, утверждённого 4 июля 1894 г., вместо закона от 3 мая 1883 г. Основанием для этого служил тот факт, что в законодательстве 1883 г. отсутствовала чёткая классификация сект по степени их «вредности». В результате представители штундизма, признанного Святейшим Синодом «особо вредной» сектой, пользовались правами и льготами, предоставленными обычным раскольникам. Отмечалось также, что привлечение таких лиц к ответственности в рамках закона 1883 г. затруднено. В связи с этим указывалось, что указанные права и льготы на штундистов не распространяются, проведение ими общественных молитвенных собраний подлежит запрету, а в случае нарушения – виновные привлекаются к уголовной ответственности в установленном порядке (*ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2761. Л. 1-2*).

Прежде всего, несмотря на ограничения и преследования со стороны РПЦ и Святейшего Синода, представители новых религиозных течений начали активно переселяться на территорию Уральской и Тургайской областей, охватывавших современный Западный и Северо-Западный Казахстан. Это переселение было напрямую связано с колониальной политикой царского правительства, направленной на освоение Казахской степи. Об угрозе, исходящей от сектантов, заявляли не только местные представители РПЦ, но и органы светской власти. Так, в своём донесении начальник Кустанайского уезда отмечал, что в нескольких населённых пунктах уезда

проживает более 40 представителей нетрадиционных течений, от которых уже наблюдаются негативные последствия (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2761. Л. 4-5).

Архивные материалы содержат многочисленные такие донесения представителей РПЦ и местных властей, из которых отчётливо прослеживается значительное распространение новых религиозных течений в Кустанайском и Актюбинском уездах Тургайской области. В начале XX в. здесь сформировались крупные баптистские церкви: в селе Николаевка Кустанайского уезда и в городе Актюбе. Эти религиозные объединения с каждым годом расширяли свои ряды и активно распространяли своё вероучение среди населения (Mustafina, Maden, 2025: 293-294).

Таким образом, рубеж XIX-XX вв. стал поворотным моментом в конфессиональной политике Российской империи. Завершилась эпоха жёсткой религиозной иерархии, основанной на принципе «свой-иной-чужой» (Бендин, 2021: 8-26), в рамках которой РПЦ сохраняла исключительный статус, а представители «нетерпимых» вероисповеданий подвергались систематическим ограничениям и репрессиям. Причины этих трансформаций носили многоплановый характер. Усиление социальных противоречий, рост национальных и религиозных движений, осложнения контроля за протестантскими и сектантскими группами в условиях переселенческой политики, а также внешнее давление с призывами прекратить преследование религиозных меньшинств заставляли правительство корректировать прежний курс. Дополнительным фактором стал внутренний кризис РПЦ, подрывавший её авторитет и влияние.

Завершением этих процессов стало издание императором Николаем II Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Данный нормативный акт стал важнейшим шагом, ознаменовавшим переход к более мягкой и компромиссной религиозной политике в Российской империи. Его принятие было продиктовано необходимостью снижения уровня общественного напряжения на фоне революционных событий 1905 г. и стремлением сохранить устойчивость государства. Указ впервые на законодательном уровне закрепил свободу вероисповедания, разрешил переход из православия в иные религии, установил различие между вероучениями, ранее объединёнными под общим наименованием «раскол», и легализовал деятельность религиозных течений, ранее считавшихся «нетерпимыми» и не признававшихся законом. Представителям этих конфессий было разрешено открывать молитвенные дома, проводить публичные богослужения в специально отведённых местах. Кроме того, указ отменил Положение от 4 июля 1894 г., запрещавшее штундистам проведение молитвенных собраний (ПСЗРИ, 1908: 258-262). Таким образом, он обозначил поворотный момент в регулировании проблем, связанных с нетрадиционными религиями.

Принятые в империи законодательные меры, направленные на расширение религиозных прав населения, создали условия для активного распространения протестантских групп и общин. В Уральской области они возникли в Ильинке, Ащисае и Михайловке, а позднее – в Кудуксае (1911) и Джуруне (1914) (Шнайдер, 2006: 25-27). Баптистская община в Джуруне, имевшая собственный хор и детские кружки, стала одной из крупнейших в регионе и, с перерывами, продолжала функционировать в советское время (Дик, 2003: 199-203).

После 1905 г. аналогичные явления наблюдались и в Тургайской области. Упомянутая выше Актюбинская община стала одной из крупных баптистских общин Актюбинского уезда. С 1906 г. в общине начали регулярно проводиться молитвенные собрания – этот год считается датой основания церкви. Со временем община начала расширяться, и примерно в 1909 г. её пресвитером был избран Ф.Л. Варенников (Дик, 2003: 196-197).

Расширение сети новых религиозных объединений в различных регионах Российской империи обусловило необходимость их институционального регулирования. В условиях стремительного роста числа общин государственные органы начали внедрять механизмы правовой регистрации, чтобы установить контроль за деятельностью представителей «нетрадиционных» конфессий. С 1906 г. создание новых религиозных объединений стало возможным только при наличии официального разрешения местных властей. Правовую основу для этого обеспечил закон от 17 октября 1906 г. «О старообрядческих и сектантских общинах» (Законодательные акты..., 1909: 424-451). Этот нормативный акт дополнил Указ о веротерпимости 1905 г., закрепив правила учреждения религиозных общин, порядок их регистрации, условия открытия молитвенных домов, а также регламент избрания духовных лиц и взаимодействия с органами власти.

По новым правилам для регистрации религиозного объединения требовались подписи 50 членов общины. Однако значительная часть небольших религиозных групп, особенно в отдалённых районах, не могла выполнить это требование закона. Это препятствовало их официальной регистрации и становилось формальным основанием для преследований со стороны властей за «незаконную» деятельность.

В начале XX в. Закон о веротерпимости 1905 г. создал условия для активизации протестантских общин, укрепив их связи с единоверцами соседних регионов. Уже в 1908–1909 гг. в Тургайской области действовали представители Сибирского миссионерского отдела Союза баптистов, по инициативе которых в Николаевске Костанайского уезда прошёл первый районный съезд и был создан Николаевский евангельский район. Николаевская община стала центром миссионерской работы, организовав новые группы в Варваринке и Костанае, направляя проповедников в разные

населённые пункты. Протестантские общины Тургайской и Уральской областей поддерживали связи с единоверцами Самарской и Оренбургской губерний, участвуя в совместных съездах (Новоузен, 1907; Самара, 1909; Саратов, 1916; Джаныбек, 1918). В 1911 г. в Актобе проповедовали пресвитер из Самары В.И. Петров и А.П. Зуккау. Местные общины – Джурунская, Ильинская и Актюбинская – активно проводили евангелизационные поездки, охватывая десятки сёл и хуторов; так, в ходе майской миссионерской поездки 1914 г. было крещено более 30 человек в Джуруне и окрестностях, а также проведены собрания для взрослых, детей и молодёжи (Mustafina, Maden, 2025: 294-295). Таким образом, несмотря на административные ограничения и полицейский надзор, протестантские общины региона сохраняли организованность и активно развивались. Регулярные евангелизационные поездки, создание новых групп и крещения свидетельствуют о росте движения в Тургайской и Уральской областях и его интеграции в религиозный ландшафт Российской империи.

Закон 1905 г. предоставил частным лицам возможность открыто заявлять о своей религиозной принадлежности и узаконивать её. Материалы ЦГА РК свидетельствуют о массовом переходе населения, особенно в Кустанайском уезде Тургайской области, из православия в баптизм. Так, дело № 860 из архивного фонда № 25, датированное 1914-1917 гг., содержит сотни заявлений на 989 листах о переходе в баптизм (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Л. 1-989). В этом фонде сохранились и другие дела с прошениями о переходе из одной веры в другую. Подобная ситуация вызывала серьёзную обеспокоенность представителей православной церкви.

Особую тревогу у церковного руководства вызывали случаи отхода от православия не только мирян, но и представителей духовенства. В архивных материалах зафиксированы два особенно показательных эпизода. Первый – случай священника Викторовского прихода Костанайского уезда А. Волгина, ранее активно участвовавшего в противосектантской миссионерской деятельности, который сам впоследствии принял баптизм. Второй – переход в старообрядческое (белокриницкое) согласие заштатного священника В.Д. Александровского, служившего в Актобе (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 798. Л. 167, 171).

Эти события стали серьёзным ударом по авторитету православного духовенства. Согласно итогам служебных расследований, региональное духовное руководство приняло решение об их отстранении от служебных обязанностей (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 4192. Л. 2).

С началом второго десятилетия XX в. для протестантских религиозных общин наступил сложный период. В этот период усилились репрессивные меры в отношении их представителей, а деятельность ряда объединений была запрещена. Тем не менее, к тому времени на территории империи протестантские течения – прежде всего баптисты и евангельские христиане – уже оформились институционально и функционировали как самостоятельные религиозные организации. Их численность продолжала демонстрировать стабильный рост, в том числе за счёт переходов из других конфессий, главным образом из православия. Согласно данным, распространяемым российским правительством, в 1912 г. численность баптистов достигала около 115 тысяч человек, а евангельских христиан – 31 тысячи. В период с 1907 по 1914 г. в баптизм из православия перешло приблизительно 20,2 тыс. человек. Что касается евангельских христиан, то только в 1913–1914 гг. в эту конфессию из православия перешли 2728 человек (Клибанов, 1965: 239). Разумеется, эти данные не могут считаться абсолютно точными, поскольку численность данных течений пополнялась также представителями иных религий, фиксировались и случаи возвращения в православие. Кроме того, внутри самих протестантских направлений наблюдались переходы из одного движения в другое.

В период Первой мировой войны преследование протестантских религиозных течений усилилось. Русская православная церковь обвиняла баптистов, евангельских христиан и адвентистов в шпионаже в пользу Германии, в предательстве Отечества и других надуманных преступлениях. Однако подобные обвинения не имели под собой оснований. На деле евангельские христиане и представители других конфессий поддержали российское правительство и приняли участие в военных действиях. Характерно, что за весь период войны среди баптистов и евангельских христиан, численность которых составляла не менее 150 тысяч человек, лишь 343 человека – 103 баптиста и 240 евангельских христиан – были осуждены за отказ от военной службы по религиозным убеждениям (Клибанов, 1965: 273-274).

С установлением советской власти в 1917 г. отношение к религии и религиозным организациям кардинально изменилось. Если в царской России протестантские группы считались «нетерпимыми», но всё же допускались в правовом поле с ограничениями, то в советский период власть поставила своей целью полное искоренение религии как «пережитка буржуазного прошлого».

5. Заключение

Проведённый анализ показал, что государственная политика в отношении «нетерпимых» вероисповеданий в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. носила комплексный и во многом противоречивый характер. Сохраняя привилегированное положение православия и закреплённое в законах разграничение конфессий на «терпимые» и «нетерпимые», власти стремились ограничить распространение последних посредством административного контроля,

законодательных барьеров и надзора со стороны государственных и церковных структур. Вместе с тем, в условиях социальных и политических изменений, а также под воздействием внешних факторов, конфессиональная политика постепенно трансформировалась в сторону частичной либерализации, что выразилось, в частности, в принятии Закона о веротерпимости 1905 г. Эти изменения способствовали легализации ряда протестантских общин и активизации их миссионерской деятельности, особенно в окраинных регионах империи, включая Западный и Северо-Западный Казахстан. Однако сохранявшиеся правовые и административные ограничения продолжали препятствовать полноправному функционированию многих религиозных групп, что в итоге предопределило напряжённый характер их взаимодействия с государством.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках грантового финансирования исследований молодых учёных по проекту «Жас галым» (ИРН AP19175872).

Литература

АП РК – Архив Президента Республики Казахстан.

Бендин, 2021 – Бендин А.Ю. Государственно-религиозные институты Российской империи в XVIII – начале XX в.: эволюция отношений «свой – иной – чужой» // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2021. №1. С. 8-31.

Воронкова, 2012 – Воронкова М.Л. История взаимодействия государства и религиозных объединений в России // *Ленинградский юридический журнал*. 2012. №3. С. 77-85.

Дякин, 1998 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начале XX вв.). СПб.: «ЛИСС», 1998. 1000 с.

Дик, 2003 – Дик В. Свет Евангелия в Казахстане. История возвещения Евангелия и распространения общин баптистов и меннонитов в Казахстане (первая половина XX в.). Штайнхаген: «Samenkorn», 2003. 384 с.

Законодательные акты..., 1909 – Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. Издание 3-е. Под ред. Н.И. Лазаревского. СПб., 1909. 1018 с.

История..., 1989 – История Евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: Издание ВСЕХБ, 1989. 624 с.

Казаченко, 2010 – Казаченко Е.В. Нетрадиционные религиозные общества и секты в России // *Ученые записки ЗабГПУ. Серия: Социологические науки*. 2010. №4. С. 142-148.

Клибанов, 1965 – Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1965. 348 с.

Митрохин, 1997 – Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб.: СХГИ, 1997. 480 с.

Оленич, 2005 – Оленич Т.С. Проблема классификации русского религиозного сектантства Российской империи // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2005. №2. С. 15-25.

ПСЗРИ, 1908 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXV. Отд. 1. СПб., 1908. 1109 с.

СЗРИ, 1857a – Свод законов Российской империи. Издания 1857 г. Т. I. Ч. 1. СПб., 1857. 1026 с.

СЗРИ, 1857b – Свод законов Российской империи. Издания 1857 г. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1857. 266 с.

СЗРИ, 1857c – Свод законов Российской империи. Издания 1857 г. Т. XIV. СПб., 1857. 909 с.

СЗРИ, 1857d – Свод законов Российской империи. Издания 1857 г. Т. XV. СПб., 1857. 964 с.

Сафонов, 2017 – Сафонов А.А. Государство и конфессии в поздней имперской России: правовые аспекты взаимоотношений: монография. М.: Проспект, 2017. 352 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Шнайдер, 2006 – Шнайдер И. Евангельские общины в Актюбинской степи. К столетию первой общины баптистов в Актюбинске. Штайнхаген: «Samenkorn», 2006. 320 с.

Mustafina, Maden, 2025 – Mustafina Zh.D., Maden A.T. The Emergence and Development of New Religious Movements in Kazakhstan in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Turgay and Ural Regions) // *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 289-299.

References

AP RK – Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Bendin, 2021 – Bendin, A. Yu (2021). Gosudarstvenno-religioznye instituty Rossiiskoi imperii v XVIII – nachale XX v.: ehvoluytsiya otnoshenii «svoi-inoi-chuzhoi» [State-religious Institutions of the Russian Empire in the XVIII – early XX century: the evolution of relations «friend – other – foe»]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. 1: 8-31. [in Russian]

Dik, 2003 – *Dik, V.* (2003). Svet Evangeliya v Kazakhstane. Istoriya vozveshcheniya Evangeliya i rasprostraneniya obshchin baptistov i mennonitov v Kazakhstane (pervaya polovina XX v.) [The Light of the Gospel in Kazakhstan. The history of the proclamation of the Gospel and the spread of Baptist and Mennonite communities in Kazakhstan (the first half of the XX century)]. Shtainkhagen: «Samenkorn». 384 p. [in Russian]

Dyakin, 1998 – *Dyakin, V.S.* (1998). Natsionalnyi vopros vo vnutrennoi politike tsarizma (XIX – nachale XX vv.) [The national question in the internal policy of Tsarism (XIX – early XX centuries)]. SPb.: «LISS». 1000 p. [in Russian]

Istoriya..., 1989 – Istoriya Evangel'skikh khristian-baptistov v SSSR. [The history of Evangelical Baptist Christians in the USSR]. Moskva: Izdanie VSEKhB. 624 p. [in Russian]

Kazachenko, 2010 – *Kazachenko, E.V.* (2010). Netraditsionnye religioznye obshchestva i sekty v Rossii [Non-traditional religious societies and sects in Russia]. *Uchenye zapiski ZaBGGPU. Seriya: Sotsiologicheskie nauki.* 4: 142-148. [in Russian]

Klibanov, 1965 – *Klibanov, A.I.* (1965). Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gody XIX v. – 1917 g.). [The history of religious sectarianism in Russia (the 60s of the nineteenth century – 1917)]. Moskva: Nauka. 348 p. [in Russian]

Mitrokhin, 1997 – *Mitrokhin, L.N.* (1997). Baptizm: istoriya i sovremennost' (filosofsko-sotsiologicheskie ocherki) [Baptism: History and Modernity (philosophical and sociological essays)]. SPb.: SKHGI. 480 p. [in Russian]

Mustafina, Maden, 2025 – *Mustafina, Zh.D., Maden, A.T.* (2025). The Emergence and Development of New Religious Movements in Kazakhstan in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Turgay and Ural Regions). *Bylye Gody.* 20(1): 289-299.

Olenich, 2005 – *Olenich, T.S.* (2005). Problema klassifikatsii russkogo religioznogo sektantstva Rossiiskoi imperii [The problem of classification of Russian religious sectarianism in the Russian Empire]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki.* 2: 15-25. [in Russian]

PSZRI, 1908 – Pol'noe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3. Tom XXV. Otdelenie 1. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Volume XXV. Department 1]. SPb. 1109 p. [in Russian]

Safonov, 2017 – *Safonov, A.A.* (2017). Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoi Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenii [The state and confessions in late Imperial Russia: legal aspects of the Relationship]. Monografiya. Moskva: Prospekt. 352 p. [in Russian]

Shnaider, 2006 – *Shnaider, I.* (2006). Evangel'skie obshchiny v Aktyubinskoj stepi. K stoletiyu pervoi obshchiny baptistov v Aktyubinske [Evangelical communities in the Aktobe steppe. On the centenary of the first Baptist community in Aktobe]. Shtainkhagen: «Samenkorn». 320 p. [in Russian]

SZRI, 1857a – Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdaniya 1857 g. T. I. Ch. 1 [The Code of Laws of the Russian Empire. Editions of 1857. Vol. I. Part 1]. SPb. 1026 p. [in Russian]

SZRI, 1857b – Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdaniya 1857 g. T. XI. Ch. 1 [The Code of Laws of the Russian Empire. Editions of 1857. Vol. XI. Part 1]. SPb. 266 p. [in Russian]

SZRI, 1857c – Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdaniya 1857 g. T. XIV [The Code of Laws of the Russian Empire. Editions of 1857. Vol. XIV]. SPb. 909 p. [in Russian]

SZRI, 1857d – Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdaniya 1857 g. T. XV [The Code of Laws of the Russian Empire. Editions of 1857. Vol. XV]. SPb. 964 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Voronkova, 2012 – *Voronkova, M.L.* (2012). Istoriya vzaimodeistviya gosudarstva i religioznykh ob"edinenii v Rossii [The history of interaction between the state and religious associations in Russia]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal.* 3: 77-85. [in Russian]

Zakonodatel'nye akty..., 1909 – Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904–1908 gg. Izdanie 3-e. [Legislative acts of the transitional period. 1904–1908 3rd edition]. Pod red. N.I. Lazarevskogo. SPb. 1018 p. [in Russian]

Эволюция государственной политики в отношении «нетерпимых» вероисповеданий в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Западного и Северо-Западного Казахстана)

Жанар Дуйсембековна Мустафина ^a, Асылбек Тореханулы Маден ^{a, *},
Бибинора Казбековна Сугурбаева ^a

^a Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Актобе, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: maden.assylbek80@gmail.com (А.Т. Маден)

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений государственной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. в отношении так называемых «нетерпимых» вероисповеданий на примере Западного и Северо-Западного Казахстана. На основе широкого круга источников, включая нормативно-правовые акты, архивные материалы и труды отечественных и зарубежных исследователей, анализируется трансформация подходов государства к религиозным течениям, которые в дореволюционный период квалифицировались как «секты» и подвергались различным формам административного и полицейского давления. Показано, что в имперский период конфессиональная политика сочетала правовые ограничения с мерами надзора и контроля, направленными на сдерживание их распространения, при этом сохранялись возможности для легализации и миссионерской деятельности. Особое внимание уделено миссионерской активности протестантских групп, их взаимодействию с единоверцами из приграничных регионов и влиянию переселенческой политики на конфессиональную ситуацию в окраинных районах. Прослеживается динамика развития локальных религиозных общин и механизмы их адаптации к правовым и административным условиям.

Методологическую основу составили проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и историко-типологический методы, а также анализ архивных документов, позволившие выявить этапы эволюции политики, классифицировать формы государственного воздействия и реконструировать особенности реализации законодательных норм на региональном уровне.

Материалы статьи позволяют глубже понять влияние государственной политики на развитие религиозной жизни окраинных регионов Российской империи и уточняют представления о региональной специфике конфессиональной политики в истории религиозных меньшинств.

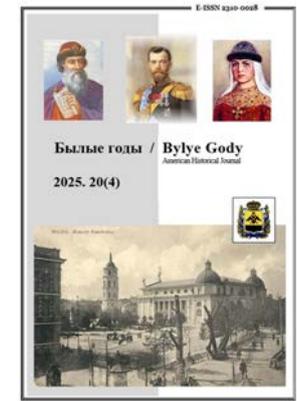
Ключевые слова: государственная политика, «нетерпимые» вероисповедания, протестантизм, штундизм, баптизм, молокане, Российская империя, Западный Казахстан.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1852-1864
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1852

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Turkestan Governor-Generalship in the Geopolitical Rivalry between the Russian and British Empires over the Afghan border issue (1860–1870s)

Ravshan N. Tursunov ^{a,*}, Damir Q. Jumaniyazov ^b, Shokir S. Gofforov ^c, Oysuluv J. Urakova ^d

^a NUUz – National university of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan

^b UIT – University of Innovation Technologies, Republic of Uzbekistan

^c SamSU – Samarkand State University, Republic of Uzbekistan

^d ASMI – Andijan State Medical Institute, Republic of Uzbekistan

Abstract

This article examines the role of the Turkestan Governor-Generalship in addressing Afghanistan-related issues and border disputes between Great Britain and Russia in the 1860–1870s. Drawing on an extensive body of archival documents and historical sources, the authors emphasize that the struggle between great empires for influence in Afghanistan and its consequences persisted for an extended period.

As a result of the Russian Empire's active engagement in Central Asia in the 1860s, the Turkestan Governor-Generalship was established and effectively granted broad powers to forge relationships with neighboring states. In this context, the article analyzes the Governor-Generalship's specific policy towards Afghanistan. Notably, the project proposed by K.P. Kaufman considered recognizing some Afghan territories as independent or neutral, while the British side insisted on acknowledging the independence of the Central Asian khanates.

The authors argue that the struggle to establish borders unfolded in several stages. The first stage, which began in 1869, was characterized by the thorough examination of materials collected by the Turkestan government's diplomatic representative by central authorities, after which final conclusions and proposals were sent to the British administration. The next stage focused on fostering friendly relations between the Emir of Afghanistan, Sher Ali Khan, and the Russian Empire, with the Turkestan administration playing a crucial role.

Against the backdrop of British preparations to seize Afghan territories, archival data reveal internal instability in Afghanistan. It is particularly noted that in 1878, the Turkestan Governor-General's independent dispatch of a diplomatic mission to Kabul exacerbated the situation, which, in turn, strained Russian-British relations and contributed to the onset of another British military campaign in Afghanistan.

Ultimately, as historical sources indicate, the resolution of border issues concerning Afghanistan gave rise to new contradictions between the two empires.

Keywords: Turkestan, Russian Empire, Great Britain, Afghanistan, Turkestan General Governorship, Central Asia, Central Asian Khanates, Kabul, Afghanistan, Sher Ali Khan, Abdur Rahman Khan, Kaufmann, Stoletov mission.

1. Введение

В процессе завоевания территории Центральной Азии Российская империя столкнулась с необходимостью разрешения некоторых политических задач, связанных с пограничными вопросами между соседними странами. После превращения Бухарского эмирата в вассальное государство

* Corresponding author

E-mail addresses: dr.ravshan.n.tursunov@gmail.com (R.N. Tursunov), jumaniyazov.damir@uit.uz (D.Q. Jumaniyazov), gofforov.samgu@gmail.com (Sh.S. Gofforov), Oysuluv78@mail.ru (O.J. Urakova)

возникли пограничные споры с Афганистаном. С Китаем происходили обсуждения по так называемому «Илийскому вопросу». Несмотря на то, что в отечественной и зарубежной историографии уже проведён ряд исследований по данной тематике, изучение соперничества России с Англией за влияние в Афганистане и роли Туркестанского генерал-губернаторства в этих процессах остаётся актуальной научной задачей и сегодня.

Активные военные действия Российской империи против центральноазиатских ханств в 50–60-е годы XIX века вызвали недовольство со стороны ряда крупных держав, в частности Великобритании. Англичане неоднократно подчёркивали, что считают Индию и Афганистан зоной своего непосредственного влияния и предлагали создать между двумя государствами своего рода «буферную зону». Деятельность администрации Туркестанского генерал-губернаторства в этом процессе, а также выработанные ею предложения по данному вопросу сыграли значительную роль в последующих политических событиях.

2. Материалы и методы

Источниковую основу статьи составляют официальные документы, в частности те, что хранятся в историческом отделе Национального архива Республики Узбекистан (НАРУз) (Ташкент, Республика Узбекистан), а именно в фондах И-715 и И-1. В фонде И-715 содержатся сведения, направленные в администрацию генерал-губернаторства, из которых получена информация о событиях политического характера, происходивших как в самом Афганистане, так и на землях соседних с ним ханств. Однако необходимо сказать, что имеется ещё большой пласт документов, которые не изучены и ждут своего исследователя.

Наиболее значимым является фонд И-1, в котором содержатся документы дипломатического характера, например: секретные циркуляры из Санкт-Петербурга, ноты МИДа России, письма с информацией о результатах переговоров с иностранными представителями по различным экономическим, политическим и пограничным вопросам.

При работе над статьёй был использован сборник ранее опубликованных документов, касающихся взаимных соглашений между Россией и Великобританией по афганскому вопросу, что имеет важное значение для освещения данной темы ([Афганское разграничение, 1886](#)). Кроме того, активно использованы воспоминания И.Л. Яворского, участника дипломатической миссии, направленной в Кабул в 1878 году ([Яворский, 1882](#)), а также др. источники.

В ходе анализа поставленной проблемы использован комплекс методов исторического исследования.

Диахронный метод. С использованием диахронного метода были проанализированы и более точно составлена периодизация пограничных споров, происходивших в Центральноазиатском регионе во второй половине XIX века, а также освещены исторические события, ставшие их результатом.

С помощью историко-сравнительного метода колониальная политика Британской и Российской империй изучалась путём сопоставления событий, происходивших в Афганистане и прилегающих территориях.

Метод актуализации использован для выявления итогов приграничной политики Туркестанского генерал-губернаторства, а также раскрытия её исторического опыта.

Типологический подход применён при изучении исторических материалов и событий, связанных с приграничным вопросом во второй половине XIX века в Центральной Азии, с разделением их на отдельные этапы.

3. Обсуждение

Проблематика приграничных отношений с Афганистаном начала изучаться уже в период Российской империи. Большинство первых исследований принадлежат непосредственным участникам событий, которые отражали собственное отношение к ним. В частности, М.А. Терентьев ([Терентьев, 1875](#)) изучал соперничество России и Великобритании за азиатские рынки сбыта и за геоэкономическое проникновение в эти восточные регионы. А.Е. Снесарев ([Снесарев, 1906](#)) уделил особое внимание участию туркестанской администрации в пограничных спорах. Исследования советского периода носили ярко выраженный идеологический характер. Среди исследователей выделяются Н.А. Халфин ([Халфин, 1957](#)), Ф.Н. Юлдашбаева ([Юлдашбаева, 1963](#)), Г.А. Хидоятов ([Хидоятов, 1969](#)), Т.Г. Тухтаметов ([Тухтаметов, 1969](#)), О.А. Жигалина ([Жигалина, 1961](#)), В.А. Ромодин ([Ромодин, 1990](#)). Так, например, Н.А. Халфин ([Халфин, 1957](#)), анализируя архивные документы России и Узбекистана, стремился показать усиление англо-русского соперничества за Афганистан и его последствия. Особая ценность работ Г.А. Хидоятова ([Хидоятов, 1969](#)) заключается в широком использовании британских архивов и других зарубежных источников, что позволило глубже раскрыть причины возникновения англо-русского противостояния в Центральной Азии, его эскалацию и последствия.

В современной отечественной и зарубежной историографии также проводится активное изучение данной темы. Среди узбекистанских исследователей, изучению этой проблемы уделяли внимание такие учёные, как Д.Ж. Ураков ([Urakov, 2020; Urakov et al., 2024](#)), С.И. Габриэлян

([Gabrielyan et al., 2025](#)), А.Г. Холлиев ([Kholliyev et al., 2025](#)), Б.Б. Хайназаров ([Khaynazarov et al., 2019](#)), А.Б. Холикулов ([Kholikulov, 2025](#)). Они в своих диссертациях, монографиях и научных статьях рассматривают отдельные аспекты проблемы. В частности, Д.Ж. Ураков анализировал столкновение интересов крупных империй в Центральной Азии XIX века, а также историю политических связей Туркестана с соседними государствами.

Зарубежные авторы продолжают актуализировать данную проблематику. Так, в статье Т. Rabush ([Rabush, 2023](#)) рассматривается официальная позиция Российской империи в период второй афганской демаркации (1884–1885 гг.), подчёркивается сохранение контроля над туркменскими территориями и сложность переговорного процесса, что отражает заинтересованность Туркестанского генерал-губернаторства в укреплении влияния в Афганистане. Исследование Е. Güngör ([Güngör, 2023](#)) сосредоточено на административном устройстве и границах Туркестанского военного губернаторства. В.Д. Hopkins ([Hopkins, 2007](#)) в ряде статей основное внимание уделяет пограничным спорам между Каджарским Ираном и Афганистаном, рассматривая, как территориальное размежевание влияло на политическую специфику региона, при этом вопросы, связанные с Туркестаном, затронуты лишь косвенно.

До настоящего времени история столкновения интересов крупных империй в приграничных вопросах с Афганистаном и роль администрации Туркестанского генерал-губернатора не стали предметом глубокого научного исследования.

4. Результаты

В 60-х годах XIX века в ходе военных действий в Центральной Азии геополитическая ситуация в регионе обострилась. В результате завоевания северных территорий Кокандского ханства и превращения Бухарского эмирата в протекторат позиции России укрепились. Эта ситуация вызвала беспокойство Великобритании, которая полностью колонизировала Индию и стремилась захватить Афганистан. Дипломатические корпуса двух стран выразили недовольство, используя обмен дипломатическими нотами. В частности, министр иностранных дел России А.М. Горчаков в ноте Великобритании подчеркнул, что военные походы против ханств были осуществлены по самостоятельному решению российских военных, находящихся в регионе, и, в свою очередь, рекомендовал Англии не вмешиваться в действия, проводимые там.

Следует отметить, что такое развитие событий не удовлетворило англичан. В 1869 году Великобритания предложила России прояснить взаимоотношения для создания «нейтральной зоны» между сферами влияния, чтобы избежать недоразумений на новых захваченных территориях при дальнейших действиях. Министр иностранных дел Великобритании Джордж Кларендон на встрече в Лондоне с послом России Ф.И. Бруновым подчеркнул, что «по афганскому вопросу между двумя странами должна существовать “буферная зона”, которую обе страны должны постоянно соблюдать» ([Юлдашбаева, 1963: 56](#)).

Данное предложение было рассмотрено высшими кругами России. После тщательного изучения политической ситуации министр иностранных дел А.М. Горчаков направил ответное письмо своему послу. В нём было выражено следующее мнение: «Афганистан считается нейтральной территорией, где Россия может оказывать влияние. Вмешательство во внутренние дела этого государства или организация интервенции в него не входит в наши планы» ([Хидояттов, 1969: 68](#)). Из содержания письма следует, что Россия, настаивая на невмешательстве во внутренние дела Афганистана, считала обязательным включить в будущий договор положение о существовании независимой территории между владениями двух стран.

Пока продолжались споры по этому вопросу, российское правительство, игнорируя раздробленность Афганистана, потребовало признать независимость Кабула, Кандагара и Герата. В ответ англичане потребовали, чтобы территории Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств были признаны независимыми также. В 1869 году из российского МИДа был отправлен циркуляр туркестанскому генерал-губернатору, в котором давалось понять о том, что такой британский вариант пограничного разграничения совершенно не подходит с геополитической точки зрения, ибо он позволит приблизить сферы влияния Великобритании к границам Центральной Азии ([НАРУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 39. Л. 4](#)).

Для ведения переговоров между Россией и Великобританией в Санкт-Петербург прибыла англо-индийская делегация, возглавляемая Дугласом Форсайтом. Сразу же по прибытии, 20 октября 1869 года, состоялась запланированная встреча. Российскую сторону представлял военный министр Д. Милютин, британскую - Д. Форсайт. На совещании были выработаны следующие договорённости, которые включали: «1) признать территории, фактически находящиеся под властью Шир-Али хана, границами Афганистана, при этом Англия обязуется не допускать расширения этих границ на север; 2) Россия, в свою очередь, обязуется использовать свое влияние для того, чтобы Бухарский эмират не расширял свои владения за счет соседних афганских территорий; 3) в дальнейшем, даже в случае, если Российская империя будет вынуждена предпринять военные действия против Бухарского эмирата, включая его полное или частичное подчинение, она обязуется воздерживаться от каких-

либо экспансионистских шагов в отношении Афганистана. Англия же, в свою очередь, не позволит афганскому шаху беспокоить своих северных соседей» (Urakov et al., 2024: 757).

Великобритания предложила России вариант по созданию «буферной зоны», которая разграничит сферы влияния России и Великобритании в Центральной Азии. Эта зона должна была проходить по северным районам Афганистана. Россия приняла это предложение. Согласно предложенному англо-российскому проекту, граница владений эмира Кабула на севере проходила бы от переправы Ходжа-Солих на Амударье и верхнего течения реки Пяндж, далее шла к Бадахшану, затем поворачивала на юго-запад и шла вдоль северных границ Кафиристана и Читрала, и далее поворачивая на юг. Территории Шугнан и Вахан в состав владений эмира Кабула не входили (Urakov et al., 2024: 757). Этот ключевой вопрос – о включении в состав Афганистана Бадахшана и Вахана, а также о том, как будет определена северная граница по слиянию двух рек (Окс и Кокча), стал главным объектом новых дипломатических переговоров.

В Национальном архиве Республики Узбекистан имеются два письма начальника Азиатского департамента, отражающие содержание переговоров (Urakov et al., 2024: 757). Если рассмотреть детали писем, то можно отметить тот факт, что в них подробно были освещены пункты, которые обсуждались на петербургском совещании. В них поднимались «афганская проблема» и кашгарский вопрос. Во втором письме основное внимание уделялось торгово-экономическим аспектам, в частности дискуссиям о запрете или разрешении проникновения британских товаров в Центральноазиатский регион (НАРУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 12. Л. 19-20). Ограничение торговых операций по отношению к английской стороне стало причиной негодования Д. Форсайта. Он предложил ввести временные таможенные тарифы, а в дальнейшем – установить режим свободной торговли (НАРУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 12. Л. 20).

Переговоры с Д. Форсайтом можно рассматривать как первый этап англо-российских разногласий по афганскому вопросу, который продолжался с 1869 по 1873 год.

После того, как миссия была завершена, Форсайт из Санкт-Петербурга в 1870 году отправился в Кашгар. Как сообщает в своих донесениях Мирза Ахмад, один из приближенных Якуб-бека, главной целью британского дипломата было открытие британской дипмиссии в Кашгаре. Но планам не удалось осуществиться, так как в это время Якуб-бек вёл военные операции против хана Урумчи и, естественно, данная встреча состояться не могла. Форсайт был вынужден вернуться (Urakov et al., 2024: 757).

Туркестанское генерал-губернаторство следило за событиями в Афганистане. В августе 1869 года генерал А.К. Абрамов докладывает К. фон Кауфману о ситуации, связанной с действиями одного из афганских принцев – Исак-хана. По сведениям генерала, «Исак-хан с разрешения и при поддержке эмира предпринял поход на Балх, имея в своем распоряжении 500 афганцев и 2000 туркмен. Однако войска в Тахтапуле вынудили его отступить к Карки». События разворачивались с новой силой. Из полученных 5 сентября 1869 года сведений стало известно, что было совершено неудачное покушение принца Мухаммада Амин-хана на эмира Шир-Али. Узнав об этом, Шир-Али хан приказал казнить восставшего принца, а его племянника отослал в Пешавар (Urakov et al., 2024: 757).

От Бакинского военного губернатора в 1870 году в Туркестан поступили сведения о том, что 9 августа сардар Мухаммад-Сарвар, один из претендентов на афганский престол, потерпел поражение от Шир-Али хана. В поисках политического убежища он обратился за помощью к правителям Ирана и России. Не дождавшись ответа, он прибыл в Баку. Незадолго до этого, с такой же просьбой к России обратился и Навиз-хан, куда и приехал (Urakov et al., 2024: 757).

Генерал-губернатор К. фон Кауфман смог получить большой пласт информации, касающейся природных, географических, климатических условий северных районов Афганистана. Туркестанский генерал-губернатор следил за внутривосточной обстановкой в Афганистане, связанной с борьбой претендентов на трон. После прихода к власти Шир-Али хана К. фон Кауфман решил принять проигравшего Абдуррахмана, но только как гостя. «Нынешний правитель Афганистана признан нами и Англией в качестве друга. Поскольку афганский правитель сохраняет мир с нами и не угрожает границам Бухары, мы будем поддерживать с ним дружеские отношения» (Urakov et al., 2024: 757).

Но это не означало полного равнодушия к судьбе Абдуррахмана. В планах было по возможности в будущем использовать его в интересах российского государства. 13 февраля 1870 года Абдуррахман из Бухары отправляется в Самарканд. В том же 1870 году его принимает генерал-губернатор лично. Во время аудиенции Абдуррахман изложил свои предложения, среди которых: «предоставление оружия и боеприпасов, разрешение на формирование войска из афганцев, а также материальная поддержка». Однако К.П. фон Кауфман остался при своём первоначальном решении о «дружественной поддержке» принца и согласился лишь назначить пособие Абдуррахману.

10 марта 1870 года Кауфман направил официальное сообщение афганскому эмиру, в котором «изложил суть событий, связанных с Абдуррахманом, подчеркнув, что российское правительство не намерено вмешиваться во внутренние дела Афганистана и будет всегда поддерживать с ним дружеские отношения от имени Туркестанского генерал-губернаторства» (Urakov et al., 2024: 758).

Проведение осторожной политики соответствовало рекомендациям Азиатского департамента, направленным на предотвращение прямой конфронтации. Действительно, подобные действия К. фон Кауфмана удовлетворили и самого Шир-Али хана. В письме от 28 марта 1870 года Туркестанскому генерал-губернатору Шир-Али хан отмечает, что поддерживает политику дружбы с соседними государствами, которую осуществляет фон Кауфман (Urakov et al., 2024: 758).

Новые споры по афганскому вопросу, которые начались в конце 60-х годов XIX века, с короткими перерывами продолжились и в начале 70-х годов. Примечательно, что во время переговоров между Россией и Англией об определении границ Афганистана в них не участвовал ни один представитель афганского правительства. Высшие правительственные круги России поручили сбор точных сведений о границах лично генерал-губернатору К. фон Кауфману. Тем временем 20 мая 1870 года англо-индийская администрация в своём официальном послании заявила, что границы афганской территории должны проходить по землям, которые находились во владении Дуст-Мухаммада (Юлдашбаева, 1963: 60).

Однако данная позиция совершенно не удовлетворяла российское правительство. Российская сторона подчёркивала, что пограничная линия должна проходить по территориям, которые в настоящий момент фактически находятся под властью афганского эмира Шир-Али хана (Хидояттов, 1969: 78). Это обосновывалось тем, что в соглашении 1859 года между Бухарским эмиром и Дуст-Мухаммадом было зафиксировано, что Бухара не будет предъявлять претензий на земли Южного Туркестана до реки Амударьи. Англичане пытались использовать это соглашение как основу своей позиции. В своём письме фон Кауфман указывал, что Дуст-Мухаммад никогда не присоединял к своим владениям Бадахшан и Вахан, а лишь в целях сохранения их самостоятельности и поддержания мира получал от правителя Бадахшана налог. После смерти афганского эмира эти территории перешли под покровительство Бухарского эмира. С другой стороны, ваханский хан, уплачивая налог Бадахшану, не имел никаких связей с афганским эмиром, что, по мнению Кауфмана, полностью исключало возможность включения этих областей в состав Афганистана (Афганское разграничение, 1886: 15). Генерал-губернатор также изложил свои соображения о возможных последствиях такого присоединения: «С включением этих двух областей Афганистан получит общую границу с Бухарой и приблизится к Каратегину. Это означает возможность протянуть руку к Кокандскому ханству и, в конечном счёте, приблизиться к землям Якуб-бека» (Афганское разграничение, 1886: 15).

По данному вопросу позиция британских правящих кругов была изложена в письме министра иностранных дел Великобритании графа Джорджа Левисона-Гоуэра Гренвиля, направленном 17 октября 1872 года новому послу в России А. Лофтусу. В нём указывалось, что правительство кабульского эмира должно расширяться за счёт Бадахшана, которому подчиняется округ Вахан, с включением всех территорий афганской провинции, формирующих северную границу - от Сарикюля на востоке до рек Кукча и Пяндж. Афганский Туркестан, согласно этой позиции, должен включать округа Кундуз, Хульм и Балх, а также территорию от реки Кокча (впадающей в реку Окс) до точки Ходжа-Солих, которая могла бы служить северной границей по основной дороге из Бухары в Балх. При этом подчёркивалось, что афганский эмир не может претендовать на земли ниже Ходжа-Солиха, на левом берегу Амударьи (Афганское разграничение, 1886: 5). Незадолго до этого посол в Санкт-Петербурге провёл личную встречу с К. П. фон Кауфманом, обсудив с ним данный вопрос.

В свою очередь, 16 октября 1872 года туркестанская администрация также подготовила проект предложений по афганскому вопросу. Этот документ был составлен ещё в октябре 1869 года после встречи с Форсайтом и в первом пункте предусматривал, что: «1) Англия не будет способствовать расширению территории государства Шир-Али хана; 2) Российское правительство, со своей стороны, не будет расширять территорию Бухарского эмирата за счёт земель Афганистана; 3) с российской стороны не будут предприниматься военные действия, направленные на захват афганских территорий; 4) со стороны России не будет угроз в отношении Кашгарии» (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 53. Л. 32). Однако на тот период данному документу не было уделено должного внимания.

В то же время британское предложение также не совпадало с позицией К. фон Кауфмана, который настаивал на недопустимости передачи Бадахшана и Вахана афганскому правителю (Афганское разграничение, 1886: 7-13).

По поручению графа Гренвиля 17 октября 1872 года было направлено письмо российскому министру А.М. Горчакову. В ответном сообщении, отправленном 7 декабря 1872 года, А.М. Горчаков отметил: «Основатель афганского государства Дуст-Мухаммад-хан оставил после себя сложную ситуацию, не позволяющую считать завоёванные им территории безусловной основой для будущего. Поэтому при согласовании границ следует принимать во внимание только те земли, которые уже при правлении Шир-Али хана были включены в состав страны и позднее признаны правительством Дуст-Мухаммада» (Постников, 2005: 118).

Российское правительство через своего представителя в Лондоне потребовало от британских властей обратить внимание на возникшие противоречия. В дальнейшем, одновременно с установлением собственной административной системы на захваченных территориях, российская власть, стремясь временно стабилизировать отношения между двумя державами в Центральной

Азии, пришла к выводу о необходимости принять предложение лорда Гренвиля, касающееся афганской границы ([Афганское разграничение, 1886: 25](#)).

Соглашение, подписанное в 1872–1873 годах, с одной стороны, являлось результатом действий обеих великих держав в русле защиты собственных интересов. И Великобритания, и Российская империя, реализуя экспансионистскую политику в отношении слабых народов, опирались, прежде всего, на свои зависимые государства: для британских колонизаторов таким государством был Афганистан, для царской России – Бухарский эмират.

Обе державы, проводя политику «защиты» Афганистана и Бухары, распределили между собой сферы влияния, стремясь, в конечном счете, расширить свои территории за счёт колониальных захватов.

Следует особо отметить, что в представленной МИДом России справке Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман опирался на сведения Карла Струве, который находился в Центральной Азии и предоставлял необходимые фактические материалы. Генерал-губернатор указывал, что до заключения соглашения о разграничении сфер влияния между двумя великими державами, с целью избежать лишней тревожности среди народов Памира, в период переговоров между Англией и Россией русские офицеры в эти земли не направлялись. Фон Кауфман также предупреждал о необходимости учитывать эти обстоятельства при ведении переговоров, которые касались ситуации в Бадахшане и Вахане. Российская сторона подтверждала вассальную зависимость Вахана от Бухары. Зависимость Бадахшана и Вахана от Афганистана возникла лишь временно и носила переходный характер, что было очевидно обеим сторонам ([Афганское разграничение, 1886: 15](#)).

Несомненное преимущество британской стороны в данных переговорах заключалось в том, что в 70-е годы XIX века она обладала более обширными знаниями о Памире и прилегающих к нему странах, чем Россия.

В конечном счёте российское правительство приняло британскую демаркационную линию, по которой Бадахшан и Вахан передавались под контроль эмира Кабула, в качестве условной границы, точнее, «не отказалось от её признания». Таким образом, в начале 1873 года обе великие державы достигли предварительного соглашения, согласно которому крайней восточной точкой северной границы Афганистана признавалось озеро Вуда (современный Зоркуль). При этом соглашение по своей сути не затрагивало территорию Памира, расположенную к востоку от указанного озера. Следует отметить, что права и интересы коренного населения Памира при этом полностью были проигнорированы.

Российская империя, будучи сосредоточенной на укреплении своих позиций в Центральной Азии и одновременно сталкиваясь с трудностями на Балканах, согласилась на временное соглашение, выгодное Великобритании. Это являлось лишь первым этапом спора, начавшегося в 1869 году.

Действительно, военные операции Российской империи в Средней Азии привлекли внимание ряда государств, включая США. 28 февраля 1873 года директору Главного штаба Департамента МИДа России П.Н. Стремоухову было направлено письмо графа Гейдена. Из его содержания следовало, что военные действия России в Средней Азии вызывают интерес в Соединённых Штатах. Автор письма выражал обеспокоенность тем, что американские газеты регулярно публикуют материалы, выдержанные во враждебном по отношению к России духе, что способствует формированию в США недружественных политических настроений по отношению к Российской империи ([НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 54. Л. 278](#)).

В письме также сообщалось, что военные агенты в Вашингтоне фиксируют возросший интерес к региону Центральной Азии среди американских военных чинов. Обсуждался вопрос о целях и предполагаемых результатах российских военных действий в регионе и их возможном восприятии британским правительством и американской администрацией. Главнокомандующий армией США генерал Шерман и начальник инженерных войск генерал Хамфрис просили у генерал-майора Вашингтона Г. Горлова, по возможности, предоставить экземпляр карты Центральной Азии. После ознакомления с картой американские военные чиновники отмечали, что российское правительство имеет право распространять и продвигать гуманитарные ценности в «диких» странах и что эта миссия исполняется как обязанность ([НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 54. Л. 279](#)). Указанное письмо было направлено Туркестанскому генерал-губернатору для личного ознакомления.

Несомненно, правительство Российской империи не могло спокойно наблюдать за тем, что основные положения заключённого соглашения игнорировались. Это привело к тому, что обе великие державы, как и прежде, стремились расширить свои сферы влияния. С этой целью британская сторона приступила к окончательному установлению контроля над полуавтономными территориями региона Гиндукуш, расположенного на севере Индии, а также к укреплению своих позиций в Афганистане.

Несмотря на то, что Российская империя пошла на определённые уступки в «афганском вопросе», это не стало препятствием для продолжения её активности в Центральной Азии. В свою очередь, Великобритания также не ограничилась достигнутыми договорённостями и проявляла интерес к туркменским оазисам, поскольку в этот период Россия готовила военную экспедицию с целью завоевания Хивинского ханства. Великобритания направила в Хиву своего агента, капитана Бэрнеби, задачей которого было оказать влияние на хана, предложив ему помощь в борьбе против

России. Об этих действиях сообщала британская пресса. Подобная активность вызвала обеспокоенность в правящих кругах России, поскольку в соответствии с соглашением 1873 года Великобритания обязывалась не вмешиваться в дела Центральной Азии. Тем временем 12 августа 1873 года был заключён мирный договор, в результате которого Хивинское ханство было превращено в вассальное государство. Дополнительно, 23 сентября того же года между Бухарским эмиратом и Российской империей был подписан ещё один мирный договор, по которому эмиру запрещалось принимать и вести переговоры с подданными любых иностранных государств без разрешения российского правительства. Таким образом, эмир фактически лишился возможности самостоятельно поддерживать дипломатические отношения с зарубежными странами (Зиёев, 1998: 288-291). Ключевую роль в заключении этих договоров сыграл генерал-губернатор К.П. фон Кауфман. Это было особенно важно в условиях, когда в начале 1870-х годов Великобритания и Османская империя стремились установить связи с Бухарским эмиром, рассчитывая, что в обмен на оказанную помощь он займёт антироссийскую позицию. В результате подписанных соглашений оба ханства фактически превратились в полностью контролируемые вассальные государства.

Как отмечалось выше, дипломатическая переписка между К.П. фон Кауфманом и Шир-Али ханом началась в 1870 году с письма генерал-губернатора, в котором сообщалось о прибытии Абдурахмана в Туркестан, и продолжалась вплоть до 1879 года, то есть до смерти эмира. В частности, в 1873 году афганский эмир Шир-Али хан направлял письмо генерал-губернатору Туркестана. В содержании письма говорилось о том, что он выражает поддержку походам против Хивинского ханства и заявлял о намерении поддерживать добрососедские отношения даже несмотря на военные действия, а также фон Кауфману желал успехов в предстоящих военных походах (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 58. Л. 313).

К.П. фон Кауфман в своём ответном письме от 1 декабря 1873 года объяснил поход русских в Хиву следующим образом: «Мы наказали хана, нарушившего законы Мухаммада и восстановившего рабство в ханстве, освободили рабов и, оставив хана на троне, покинули страну». Такая формулировка была выбрана с целью избежать обеспокоенности со стороны эмира (Хидоятов, 1969: 243). Следует отметить, что через дипломатические контакты фон Кауфман постоянно был осведомлён о положении в Афганской земле.

1 июля 1875 года главный редактор газеты «Туркестанские ведомости» Н.А. Маев отправил Туркестанскому генерал-губернатору письмо. Незадолго до этого он был командирован в районы Гиссара и Куляба для сбора материалов, связанных с отношениями Бухарского эмирата и Афганистана. По сведениям Маева, афганцы выражали недовольство жестокостью и несправедливостью своих эмиров. Основной причиной недовольства являлось ежегодное увеличение налогов и сборов с населения. Так, в тот период с каждого афганского двора взимался налог улшон в размере 30 тилля, а с каждой головы среднего рогатого скота – по 3 танга. Маев также отмечал, что жители с теплотой вспоминали, пусть и короткий, период правления Абдурахмана. В то же время правители Балха и Бадахшана, по его данным, подвергали казни без суда и следствия тех, кто упоминал события, связанные с Абдурахманом (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 63. Л. 5).

Н.А. Маев отмечает, что отношения афганцев с Бухарой становились всё более напряжёнными, а среди населения Афганистана усиливались настроения недоверия к Бухаре. Причиной этому, по его мнению, являлось, во-первых, пропуск через территорию Бухары в Керки ряда эмиссаров, а во-вторых, содержание в Кабуле под стражей одного из приближённых бухарского эмира, правителя Куляба Сарихана (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 63. Л. 5).

Ещё одним важным источником сведений о положении в регионе было письмо военного губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского, направленное 31 декабря 1875 года генерал-губернатору Туркестана К.П. фон Кауфману. В нём излагались сведения о положении в Северном Афганистане, полученные от бухарского посланника Хисамиддина Токсоба. Согласно этим данным, западные районы Северного Афганистана - бекства Андхой, Шибирган и Маймана, которые находились на среднем течении Амударьи, - поддерживали дружественные отношения с Бухарским эмиратом и находились в состоянии полувассальной зависимости. Эти афганские бекства были освобождены от уплаты налогов и дани, но ежемесячно направляли к эмиру Бухары своих послов с подарками. В случае военных действий эмир определял количество воинов, которое должно было выставить каждое бекство. Эта система сложилась во времена эмира Абдулахада и продолжала действовать при Саиде Музаффархане (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 65. Л. 405).

Зимой 1875 года правитель Балха Мухаммад-Али-хан прибыл в Кабул, заявив о своей покорности Шир-Али хану. Его поступок поддержали правитель Андхоя Мухаммад-хан и правитель Шибиргана Хаким-хан Оталик, которые также признали власть Шир-Али хана. Однако бек Майманы Хусайн-хан выступил против этого. Воспользовавшись ситуацией, правитель Балха Мухаммад-Али-хан с 12-тысячным войском выступил в поход на Шибирган и захватил его (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 65. Л. 406).

На основании приведённых данных можно сделать вывод, что к этому времени влияние Бухарского эмирата на территории Северного Афганистана было практически утрачено. Действительно, в период правления Шир-Али хана внутренняя обстановка в Афганистане оставалась

нестабильной. Постоянные восстания приграничных племён и междоусобная борьба за трон представляли серьёзную угрозу для страны. Несмотря на то, что англичане рассматривались как покровители афганцев, между ними сохранялись враждебные настроения. Более того, Шир-Али хан всегда выступал против вмешательства англичан во внутренние дела страны. Исходя из такой установки, в 1874 году Шир-Али хан отказал во въезде на свою территорию участникам миссии Д. Форсайта, который планировал последующий выход к северным районам Афганистана. В том же году Шир-Али хан не допустил в страну и полковника Бейкера, а в 1875 году такая же политика была проведена по отношению к полковнику Мак-Грегору (Хидоятов, 1969: 241). Главной причиной такого поведения эмира было его полное недоверие к британскому правительству. Впоследствии, по сведениям полковника Разгонова, участвовавшего в миссии генерала А.Г. Столетова в Кабул в 1878 году, англичане, прибывшие в Кабул с большими золотыми запасами, убедились в наличии в стране значительных сил, недовольных эмиром. Шир-Али считал, что в любое время они могут быть использованы для поднятия мятежа против государства (НАРУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 389. Л. 122).

5 февраля 1876 года Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман направил в Санкт-Петербург письмо, в котором предупредил о действиях афганских войск в районе Майманы. Он отмечал, что нестабильность в Афганистане могла представлять определённую угрозу и для Бухарского эмирата, поскольку лидер противоборствующих сил - Абдурахман, противостоящий законному эмиру Шир-Али хану, – проживал в Самарканде (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 66. Л. 278). Данная информация, после рассмотрения властями, была отправлена ответным письмом в Ташкент, в котором сообщалось, что ввиду невозможности официального вмешательства во внутренние и внешние дела Кабула Туркестанское генерал-губернаторство настаивало, чтобы военный командир Зарафшанского округа генерал-майор А. Абрамов взял деятельность Абдурахмана под строгий контроль (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 66. Л. 279).

Несмотря на то, что Абдурахман на тот период не занимался политической деятельностью, он пользовался большим авторитетом среди афганского народа. Вероятно, именно поэтому он постоянно находился в поле зрения не только туркестанской администрации, но и высших государственных кругов. В частности, 10 февраля 1876 года военный министр Российской империи Д. Милютин направил сообщение Туркестанскому генерал-губернатору. Содержание письма касалось переговоров, состоявшихся в декабре 1875 года между посланником бухарского эмира в Ташкенте и генерал-лейтенантом Г. Колпаковским относительно вопроса Абдурахмана и путей его решения (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 66. Л. 331). Военный визирь просил взять под контроль вопрос возможной отправки Абдурахмана из Самарканды в Северный Афганистан для ведения борьбы против действующего правителя Шир-Али хана. При этом Д. Милютин особо подчёркивал, что действия Абдурахмана не должны привести к охлаждению отношений между Бухарой и Афганистаном. Он также указывал на необходимость учитывать достигнутые между российским императором и британским правительством договорённости по вопросу афганских границ (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 66. Л. 331).

Чиновники туркестанской генерал-губернаторской администрации всегда находились под пристальным вниманием британцев, когда речь шла об их отношениях с афганским эмиром. Однако правящие круги Лондона, поначалу не придававшие этому особого значения, изменили позицию после того, как планы по завоеванию Афганистана были окончательно определены. Тогда они потребовали от российского правительства прекратить переписку Шир-Али хана с администрацией Туркестана. Подтверждением этого может служить официальное письмо МИДа, направленное 8 октября 1876 года генерал-губернатору. В нём министр сообщал, что британский посол в России направил в министерство ноту, в которой обвинял фон Кауфмана в попытке через своих агентов тайно заключить с афганским эмиром Шир-Али ханом торговый договор и союз. В ответ Кауфман заявил, что в течение года он переписывался с Шир-Али ханом один или два раза, причём в письмах вовсе не шла речь о каком-либо договоре или союзе, и господин Н. Гирс может без колебаний опровергнуть подобные утверждения (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 69. Л. 301). Действительно, анализ переписки генерал-губернатора показывает, что до 1877 года большинство писем имело официальный характер, касалось дружбы и поддержания мирных отношений, а также содержало различные выражения взаимных почестей. Однако в письмах, отправленных после похода против Хивинского ханства и присоединения Кокандского ханства, уже отчётливо прослеживался приоритет имперских интересов. Так, объясняя присоединение Коканда, К. фон Кауфман писал, что русские войска вошли в ханство для подавления восстания под предводительством Абдурахмана-Автобачи против хана, и что, хотя правительство всегда стремилось поддерживать мир с соседями, в данной ситуации оно было вынуждено завоевать ханство (Хидоятов, 1969: 243).

В 1877 году ухудшились русско-турецкие отношения, что привело к войне. В этих условиях турки и англичане стали действовать совместно по афганскому и центральноазиатскому вопросу. Более того, британский посол в Турции взял на себя полный контроль над ситуацией. По его указанию в августе 1877 года и летом 1878 года к Шир-Али хану дважды прибывали турецкие послы. Их задачей было, во-первых, убедить эмира, что Англия не является врагом, и, во-вторых, способствовать созданию мусульманского союза против России (Хидоятов, 1969: 194). Одновременно

англичане пытались дестабилизировать обстановку в Туркестане. Они проявляли интерес к судьбе свергнутого кокандского правителя Худояр-хана и его окружения. В частности, в 1877 году из Пешавара в Туркестан был направлен Абдул Гаффар-бек для поднятия восстания против русских. Однако Шир-Али хан задержал его в Кабуле (НАРУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 496. Л. 5). Турция, в свою очередь, направила своего посла в Бухару. Цель заключалась в том, чтобы вместе с Бухарой начать войну против России. Об этом свидетельствует донесение Кауфмана Д. Милютину. В июле 1877 года генерал-губернатор сообщал, что из Стамбула в Бухару прибыл посол, некоторое время проживал в бухарском махалле Косагарон, а затем отправился в Шахрисабз (НАРУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 358. Л. 55). Безусловно, администрация Туркестана была в курсе каждого подобного события. Более того, эмиру Бухары было строго запрещено поддерживать какие-либо дипломатические отношения.

В этой ситуации, если бы политическая обстановка в Афганистане изменилась, фон Кауфман, намереваясь использовать проживавшего в Самарканде Абдуррахмана, постоянно следил и за его деятельностью.

15 октября 1877 года губернатор Зарафшанского округа направил письмо Туркестанскому генерал-губернатору, в котором сообщил, что Абдуррахман просит разрешить приезд его сына из Кандагара в Самарканд. Хотя сын Абдуррахмана находился под строгим надзором Шир-Али хана, сам Абдуррахман надеялся на его побег. 25 октября 1877 года Кауфман дал на это согласие (НАРУз. Ф. 1. Оп. 29. Д. 221. Л. 1-4). С другой стороны, несмотря на любое противодействие Англии, он также стремился не прерывать контакты с афганским эмиром. В свою очередь, афганский эмир, утратив надежду на поддержку англичан в грядущей войне, рассчитывал и на помощь России. 9 августа 1877 года К.П. фон Кауфман через торговца по имени Насир-хан отправил эмиру письмо с вопросом о его отношении к русско-турецкой войне. В ответном письме Шир-Али хан пообещал поддерживать вечную дружбу с Россией (НАРУз. Ф. 1. Оп. 29. Д. 269. Л. 2).

В действительности обострение англо-афганских отношений в конце 1870-х годов и открытая враждебность Англии к России в ходе русско-турецкой войны способствовали сближению России с Шир-Али ханом. Самое важное, что до этого момента русские не использовали Абдуррахмана против Шир-Али, поэтому эмир стал воспринимать Кауфмана как своего союзника.

Успехи России на Балканах привели Великобританию в замешательство. Под руководством Дизраэли лондонские правящие круги разработали план нападения на владения русских в Средней Азии. Для этого к афганским границам было направлено 30 000 солдат. Со своей стороны, Россия разместила около 20 000 военнотрудовых вблизи Жомы (Юлдашбаева, 1963: 96). Военный министр лично приказал фон Кауфману в случае войны с Англией подготовить все резервные силы (НАРУз. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1377. Л. 13). Однако, понимая невозможность вести войну на два фронта, Россия была вынуждена на Берлинском конгрессе пересмотреть условия мирных договоров и пойти на уступки Англии и её союзникам.

Следует отметить, что фон Кауфман и его окружение не желали идти на уступки в афганском вопросе. Генерал-губернатор, всегда выступавший за новые военные походы, не дожидаясь разрешения от высшего начальства, в июне 1878 года направил в Кабул миссию под руководством генерала А.Г. Столетова (Павлов, 1910: 183). В её состав вошли полковник Разгонов, топограф Бендерский, врач Яворский и другие. Назначение генерала А.Г. Столетова главой миссии было не случайным: он хорошо владел персидским языком и считался опытным разведчиком. Перед дипломатической миссией была поставлена важная задача - убедить эмира в том, что Россия выступает за сохранение независимости Афганистана и при необходимости готова оказать реальную военную помощь. Русская миссия была тепло встречена Шир-Али ханом. Накануне прибытия в Кабул А.Г. Столетов получил письмо от К. фон Кауфмана, в котором тот советовал вести переговоры с осторожностью и избегать любых обещаний (Яворский, 1882: 312). Однако Россия не желала нового конфликта с Англией и отдала приказ отозвать послов. 11 августа 1878 года генерал А.Г. Столетов, оставив полковника Разгонова при эмире, срочно покинул Кабул, взяв с собой в Ташкент подписанную Шир-Али ханом конвенцию (Яворский, 1882: 48).

Прибытие Столетова в Кабул вызвало тревогу у британского правительства, и лондонские правящие круги начали готовить свою миссию в Афганистан. Не дожидаясь дальнейших указаний сверху, фон Кауфман направил полковника Гродекова в Северный Афганистан для изучения положения в афганском Туркестане и Герате, а полковника Матвеева - в Бадахшан. Полковник Разгонов, оставшийся в Кабуле, фактически стал военным советником Шир-Али хана (Хидояттов, 1969: 289).

В то же время поступила срочная телеграмма от военного министра Д. Милютина, в которой предписывалось проявлять «крайнюю осторожность» в любых контактах с афганским эмиром (Дневник Д.А. Милютин..., 1950: 96). Руководящие круги России рассчитывали, что если англичане узнают о том, что Россия не окажет военной помощи, то, возможно, они не начнут войну.

Тщательно проанализировав внутреннюю и внешнюю политическую ситуацию в стране, правительство Великобритании пришло к определённым решениям и разместило крупные военные силы на афганской границе. В результате резкого обострения событий началась Вторая англо-афганская война. 1 декабря 1878 года Шир-Али хан, оставив на троне своего сына Мухаммада Якуба,

направился в сторону Мазари-Шарифа, чтобы просить помощи у российского императора. В письме к К.П. фон Кауфману от 10 декабря афганский эмир сообщил, что по совету своих приближённых намерен отправиться в Санкт-Петербург и лично изложить императору все претензии к Англии (НАРУз. Ф. 1. Оп. 3. Д. 406. Л. 40-41). Опасаясь обострения ситуации с Великобританией, российское правительство поручило фон Кауфману не пропускать эмира через границу, а если он прибудет в Туркестан, встретить его в подходящем месте (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 389. Л. 190). В соответствии с указанием Центра генерал-губернатор сообщил Шир-Али хану: «В сложившихся трудных обстоятельствах для афганского народа и для вас лично ваш приезд на наши территории может лишь способствовать дальнейшему обострению ситуации» (НАРУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 389. Л. 195).

12 декабря 1878 года Кауфман направил ещё одно письмо, в котором подчеркнул, что обратился к русскому послу в Лондоне с просьбой о сохранении независимости Афганистана (НАРУз. Ф. 1. Оп. 29. Д. 269. Л. 42). Вероятно, генерал-губернатор сделал это, чтобы поднять моральный дух афганского эмира. Впоследствии по предложению министра иностранных дел России фон Кауфман получил разрешение принять Шир-Али хана в Ташкенте. Однако тяжело заболевший эмир скончался 9 февраля 1879 года в городе Мазари-Шариф. После того как на трон взошёл неспособный к правлению Якуб-хан, Англия полностью восстановила своё влияние над Афганистаном.

5. Заключение

В конце 60-х годов XIX века начавшиеся споры между Россией и Англией по афганскому вопросу продолжались вплоть до конца 70-х годов. Несмотря на уступки, сделанные в 1873 году, британское правительство стремилось завладеть афганскими землями и тем самым нанести удар по позициям России в Центральной Азии. Туркестанское генерал-губернаторство активно участвовало в этой борьбе, выступая в роли силы, координировавшей действия Центра. Однако после того, как Афганистан под воздействием британской активности превратился в зависимое государство, проблемы, связанные с границей, продолжили создавать почву для серьёзных споров между двумя империями.

Администрация Туркестанского генерал-губернаторства играла особую роль в соглашениях между Британской и Российской империями по афганскому вопросу. Как свидетельствуют материалы, полученные из различных источников, и воспоминания очевидцев событий, важное место в решении этой проблемы занимала твёрдая позиция генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. Действия генерал-губернатора исходили из интересов Российской империи. Будучи верным гражданином своего государства и высокопоставленным чиновником, небезразличным к судьбе страны, он продвигал интересы Российской империи. Он стремился осуществлять эти мероприятия, несмотря на противодействие некоторых высокопоставленных чиновников в правящих кругах России. Однако эти действия, основанные на интересах высших правящих кругов, не считались с интересами и нуждами народов, проживавших на территории Центральной Азии и Афганистана.

Литература

- Афганское разграничение, 1886 – Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией в 1872–1885 гг. В 2-х ч. СПб., 1886.
- Веселовский, 1898 – *Веселовский Н.И.* Бадаулет Якуб-бек Аталык кашгарский. ЗВОРАС. Ташкент, 11.1898.
- Дневник Д.А. Милютина..., 1950 – Дневник Д.А. Милютина, 1878–1880 гг. Т. III. М., 1950.
- Жигалина, 1961 – *Жигалина О.И.* Великобритания на Среднем Востоке. XIX – нач. XX в.: Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990.
- Зиёев, 1998 – *Зиёев Х.* Туркистонда Россия тажовузи ва хукмронлигига карши кураш. Ташкент: Шарк, 1998.
- Искандаров, 1962 – *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. В 2-х ч. Ч. 1. Душанбе, 1962.
- НАРУз – Национальный архив Республики Узбекистан.
- Павлов, 1910 – *Павлов Н.* История Туркестана. Ташкент, 1910.
- Постников, 2005 – *Постников А.В.* Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. М., 2005.
- Ромодин, 1990 – *Ромодин В.А.* Афганистан во второй половине XIX – начале XX в. М., 1990.
- Снесарев, 1906 – *Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906.
- Терентьев, 1875 – *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.
- Тухтаметов, 1969 – *Тухтаметов Т.Г.* Антирусские происки иностранцев в Бухаре и на Памире. Политические течения в эмирате // *Вопросы истории Таджикистана.* Сталинабад, 1961.
- Халфин, 1957 – *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е гг. XIX в.). Ташкент, 1957.
- Хидояттов, 1969 – *Хидояттов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-70-е гг.). Ташкент: Фан, 1969.

- [Юлдашбаева, 1963](#) – Юлдашбаева Ф.Х. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70-80-е гг. XIX в.). Ташкент: Госиздат УзССР, 1963.
- [Яворский, 1882](#) – Яворский И.Л. Путешествие русского посла по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Ташкент, 1882.
- [Gabrielyan et al., 2025](#) – Gabrielyan S.I., Urakov D.J., Khaynazarov B.B., Otarbaeva G.K. “The Ili Problem” in the Context of the Turkestan Governorate-General’s Policy // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 880-892.
- [Güngör, 2023](#) – Güngör E. Foundation of Turkestan Military Governorship and Determination of Its Borders (Including Seven Maps) // *Bilig*. 2023. 106. Pp. 77-107. DOI: <https://doi.org/10.12995/bilig.10604>
- [Hopkins, 2007](#) – Hopkins B.D. The bounds of identity: the Goldsmid mission and the delineation of the Perso–Afghan border in the nineteenth century // *Journal of Global History*. 2007. 2(02): 233-254. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1740022807002276>
- [Khaynazarov et al., 2019](#) – Khaynazarov B., Tursunov R., Urakov D. Theoretical-methodological basis of studying of uighurs in uzbekistan according to diasporas // *International Journal of Scientific and Technology Research*. 2019. Vol. 8. Is. 12. Pp. 3338-3343.
- [Kholikulov, 2025](#) – Kholikulov A. The Political Cooperation Between Bukhara Emirate and Iran // *Istoriya*. 2025. Vol. 16. No. 1 (147). Pp. 102-117. DOI: 10.18254/S207987840033888-5
- [Kholliyev et al., 2025](#) – Kholliyev A.G., Makhmudov O.A., Gabrielyan S.I., Madyarova S.N. Modernization Projects of the Russian Empire on the Roof of the World (late 19th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2025. 20(2). Pp. 980-990.
- [Rabush, 2023](#) – Rabush T. Afghan Demarcation 1884–1885 and the Government Official Position of the Russian Empire // *Vostok*. 2023. Vol. 4. No. 175. Pp. 175-186.
- [Uraikov, 2020](#) – Uraikov D. Conflict Of Interests Of Major Empires In Central Asia In The Middle Of The XIX Century // *International Journal of Scientific & Technology Research*. 2020. Vol. 9. Is. 05. Pp. 18-22.
- [Uraikov et al., 2024](#) – Uraikov D.J., Gabrielyan S.I., Khaynazarov B.B. The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 750-762.

References

- [Afganskoe razgranichenie, 1886](#) – Afganskoe razgranichenie. Peregovory mezhdu Rossiei i Velikobritaniei v 1872–1885 gg. [Afghan delimitation. Negotiations between Russia and Great Britain in 1872-1885. In 2 parts]. V 2-kh ch. SPb., 1886. [in Russian]
- [Dnevnik D.A. Milyutina..., 1950](#) – Dnevnik D.A. Milyutina, 1878–1880 gg. [Diary of D.A. Milyutin, 1878–1880]. T. III. M., 1950. [in Russian]
- [Gabrielyan et al., 2025](#) – Gabrielyan, S.I., Urakov, D.J., Khaynazarov, B.B., Otarbaeva, G.K. (2025). “The Ili Problem” in the Context of the Turkestan Governorate-General’s Policy. *Bylye Gody*. 20(2): 880-892.
- [Güngör, 2023](#) – Güngör, E. (2023). Foundation of Turkestan Military Governorship and Determination of Its Borders (Including Seven Maps). *Bilig*. 106: 77-107. DOI: <https://doi.org/10.12995/bilig.10604>
- [Hopkins, 2007](#) – Hopkins, B.D. (2007). The bounds of identity: the Goldsmid mission and the delineation of the Perso–Afghan border in the nineteenth century. *Journal of Global History*. 2(02): 233-254. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1740022807002276>
- [Iskandarov, 1962](#) – Iskandarov, B.I. (1962). Vostochnaya Bukhara i Pamir vo vtoroi polovine XIX v. V 2-kh ch. Ch. 1. [Eastern Bukhara and Pamir in the second half of the 19th century. In 2 parts. Part 1]. Dushanbe. [in Russian]
- [Khalfin, 1957](#) – Khalfin, N.A. (1957). Angliiskaya kolonial'naya politika na Srednem Vostoke (70-e gg. XIX v.) [English colonial policy in the Middle East (1870s)]. Tashkent. [in Russian]
- [Khaynazarov et al., 2019](#) – Khaynazarov, B., Tursunov, R., Urakov, D. (2019). Theoretical-methodological basis of studying of uighurs in uzbekistan according to diasporas. *International Journal of Scientific and Technology Research*. 8(12): 3338-3343.
- [Khidoyatov, 1969](#) – Khidoyatov, G.A. (1969). Iz istorii anglo-russkikh otnoshenii v Srednei Azii v kontse XIX v. (60-70-e gg.) [From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia at the end of the 19th century (60-70s)]. Tashkent: Fan. [in Russian]
- [Kholikulov, 2025](#) – Kholikulov, A. (2025). The Political Cooperation Between Bukhara Emirate and Iran. *Istoriya*. 16. 1(147): 102-117. DOI: 10.18254/S207987840033888-5
- [Kholliyev et al., 2025](#) – Kholliyev, A.G., Makhmudov, O.A., Gabrielyan, S.I., Madyarova, S.N. (2025). Modernization Projects of the Russian Empire on the Roof of the World (late 19th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 20(2): 980-990.
- [NARUz](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [National Archives of the Republic of Uzbekistan].
- [Pavlov, 1910](#) – Pavlov, N. (1910). Istoriya Turkestana [History of Turkestan]. Tashkent. [in Russian]
- [Postnikov, 2005](#) – Postnikov, A.V. (2005). Skhvatka na «Kryshe Mira»: Politiki, razvedchiki, geografy v bor'be za Pamir v XIX veke [Battle on the "Roof of the World": Politicians, intelligence officers, geographers in the struggle for Pamir in the 19th century]. M. [in Russian]

- Rabush, 2023** – Rabush, T. (2023). Afghan Demarcation 1884–1885 and the Government Official Position of the Russian Empire. *Vostok*. 4(175): 175-186.
- Romodina, 1990** – Romodina V.A. (1990). Afghanistan vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Afghanistan in the second half of the 19th – early 20th centuries]. M. [in Russian]
- Snesarev, 1906** – Snesarev, A.E. (1906). Indiya kak glavnyi faktor v sredneaziatskom voprose [India as a major factor in the Central Asian issue]. SPb. [in Russian]
- Terent'ev, 1875** – Terent'ev, M.A. (1875). Rossiya i Angliya v Srednei Azii [Russia and England in Central Asia]. SPb. [in Russian]
- Tukhtametov, 1969** – Tukhtametov, T.G. (1969). Antiruskie proiski inostrantsev v Bukhara i na Pamire. Politicheskie techeniya v emirate [Anti-Russian intrigues of foreigners in Bukhara and Pamir. Political currents in the emirate]. Voprosy istorii Tadzhikistana. Stalinabad. [in Russian]
- Urakov et al., 2024** – Urakov, D.J., Gabrielyan, S.I., Khaynazarov, B.B. (2024). The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2): 750-762.
- Urakov, 2020** – Urakov, D. (2020). Conflict Of Interests Of Major Empires In Central Asia In The Middle Of The XIX Century. *International Journal of Scientific & Technology Research*. 2020. Vol. 9. Is. 05. Pp. 18-22.
- Veselovskii, 1898** – Veselovskii, N.I. (1898). Badaulet Yakub-bek Atalyk kashgarskii [Badaulet Yakub-bek Atalyk of Kashgar]. ZVORAS. Toshken. [in Uzbek]
- Yavorskii, 1882** – Yavorskii, I.L. (1882). Puteshestvie russkogo posla po Afganistanu i Bukharskomu khanstvu v 1878–1879 gg. [Travel of the Russian ambassador through Afghanistan and the Bukhara Khanate in 1878-1879]. Tashkent. [in Russian]
- Yuldashbaeva, 1963** – Yuldashbaeva, F.Kh. (1963). Iz istorii angliiskoi kolonial'noi politiki v Afganistane i Srednei Azii (70-80-e gg. XIX v.) [From the history of English colonial policy in Afghanistan and Central Asia (1870-1880s)]. Tashkent: Gosizdat UzSSR. [in Russian]
- Zhigalina, 1961** – Zhigalina, O.I. (1961). Velikobritaniya na Srednem Vostoke. XIX – nach. XX v.: Analiz vneshnepoliticheskikh kontseptsii [Great Britain in the Middle East. XIX – early XX centuries: Analysis of foreign policy concepts]. M.: Nauka. [in Russian]
- Zieev, 1998** – Zieev Kh. Turkistonda Rossiya tazhovuzi va hukmronligiga qarshi kurash [Struggle against Russian aggression and domination in Turkestan]. Toshkent: Shark, 1998. [in Uzbek]

Роль Туркестанского генерал-губернаторства в геополитическом соперничестве Российской и Британской империй по афганскому пограничному вопросу (60–70-е годы XIX века)

Равшан Нормуратович Турсунов^{a, *}, Дамир Куатбаевич Жуманиязов^b, Шокир Сафарович Гоффаров^c, Ойсулув Жамолиддиновна Уракова^d

^a Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан

^b Ташкентский университет инновационных технологий, Ташкент, Республика Узбекистан

^c Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Самарканд, Республика Узбекистан

^d Андижанский государственный медицинский институт, Андижан, Республика Узбекистан

Аннотация. Данная статья посвящена роли Туркестанского генерал-губернаторства в решении вопросов по Афганистану и пограничным спорам между Великобританией и Россией в 60–70-х годах XIX века. Опираясь на огромный пласт архивных документов и исторических источников, авторы акцентируют внимание на том, что борьба между великими империями за влияние в Афганистане и её последствия продолжались на протяжении длительного времени.

В результате активных действий Российской империи в Центральной Азии в 60-е годы XIX века было создано Туркестанское генерал-губернаторство, которому фактически предоставлялись широкие полномочия в налаживании отношений с соседними государствами. В этом контексте в статье анализируется особая политика генерал-губернаторства в отношении Афганистана. В частности, в проекте, предложенном К.П. фон Кауфманом, рассматривалось признание некоторых афганских территорий как независимых или нейтральных, тогда как британская сторона настаивала на признании независимости среднеазиатских ханств.

Авторы обосновывают, что борьба за установление границ велась в несколько этапов. Первый этап, который начался в 1869 году, характеризовался тем, что собранные дипломатическим представителем Туркестанского правительства материалы были тщательно изучены в центральных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dr.ravshan.n.tursunov@gmail.com (Р.Н. Турсунов), jumaniyazov.damir@uit.uz (Д.К. Жуманиязов), gofforov.samgu@gmail.com (Ш.С. Гаффаров), Oysuluv78@mail.ru (О.Ж. Уракова)

органах власти, после чего окончательные выводы и предложения были направлены британской администрации. На следующем этапе особое внимание было уделено доброжелательным отношениям между эмиром Афганистана Шир-Али ханом и Российской империей, в которых Туркестанская администрация играла важную роль.

На фоне подготовки британцев к захвату афганских территорий архивные данные свидетельствуют о внутренней нестабильности в Афганистане. Особо отмечается, что в событиях 1878 года самостоятельная отправка Туркестанским генерал-губернатором дипломатической миссии в Кабул усугубила ситуацию, что, в свою очередь, обострило российско-британские отношения и способствовало началу очередных военных действий Великобритании в Афганистане.

В итоге, как показывают исторические источники, решение пограничных вопросов по Афганистану стало причиной новых противоречий между двумя империями.

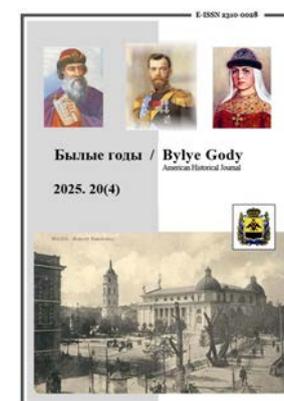
Ключевые слова: Туркестан, Российская империя, Великобритания, Афганистан, Туркестанское генерал-губернаторство, Центральная Азия, Среднеазиатские ханства, Кабул, Афганистан, Шир-Али хан, Абдурахман-хан, Кауфман, миссия Столетова.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1865-1875
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1865

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Timiryazev Agricultural Academy on the Pages of Periodicals of the 19th – early 20th centuries

Ruslan A. Tleptsok ^{a,*}

^aRussian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation

Abstract

Timiryazev Agricultural Academy (founded in 1865 as Petrovskaya Agricultural and Forestry Academy) was actively mentioned in the Russian periodical press of the 19th – early 20th centuries. Such publications as *Moskovskiye Vedomosti*, *Vestnik Evropy*, *Russkaya Mysl*, *Zemledelcheskaya Gazeta*, *Selskoye Khozyaistvo i Lesovodstvo* covered scientific achievements, educational activities and the participation of the academy in solving urgent problems of the agricultural sector of Russia. The works and lectures of prominent scientists of the academy were published: K.A. Timiryazev – the founder of the Russian scientific school of plant physiology, A.V. Sovetov (fodder production), A.N. Shishkin (agricultural economics), A.S. Ermolov (experimental work), economists M.P. Shchepkin and I.I. Ivanyukov, agronomists A.P. Lyudogovsky and N.A. Karyshev, I.A. Stebut, botanist R.I. Shreder. The periodicals became an important platform for discussions about the role of the academy in the modernization of agriculture, the formation of its public image and the demonstration of the practical benefits of agricultural science. These publications not only reflected the university's contribution to the development of education and science, but also influenced public opinion and state policy in the agricultural sector.

Keywords: Timiryazev Agricultural Academy, periodicals of the 19th – early 20th centuries, historical thought, agrarian development, public discussions.

1. Введение

Периодические издания второй половины XIX – начала XX в. в России являлись важнейшим социальным институтом, играя ключевую роль в общественной, политической и культурной жизни страны и формировали идеологический ландшафт эпохи. При изучении периодической печати XIX–начала XX в. прежде всего, обращает внимание структурная направленность периодического издания. Почти целый век в русской печати господствовал один тип издания – толстый ежемесячный журнал, представленный такими его разновидностями, как энциклопедическое или публицистическое издание (Шевлякова, 2012: 44). Несмотря на цензуру и ограничения, пресса этого периода заложила основы для развития современной журналистики и стала предтечей будущих революционных преобразований. С другой стороны, журналы, наряду с традиционными для русского общества общественными и литературными институциями – великосветскими салонами, литературными кружками и театрами, стали участвовать в формировании публичного пространства, соединяющего светское общество, научную и политическую элиту (Процесс инкорпорации..., 2010: 8).

В России конца XIX в. с её огромными территориями, редкими оазисами культуры, при отсутствии хороших путей сообщения и ограниченном количестве книг именно журнал становился единственным поставщиком и художественной литературы, и разнообразных сведений о злободневных событиях, и сообщений о достижениях науки (Розенберг, 1905: 34). В связи с развитием капитализма в России появилась необходимость в источнике информации, который освещал бы события чётко и оперативно и, в дополнение к этому, имел бы широкое распространение. Журналы,

* Corresponding author

E-mail addresses: bum102@yandex.ru (R.A. Tleptsok)

выходившие сравнительно редко и небольшими тиражами, не удовлетворяли этим условиям. Именно поэтому возросла роль газеты в жизни общества. В середине XIX в. социально-экономическое развитие Российской империи потребовало коренных преобразований в аграрном секторе народного хозяйства. Необходимо было поднимать культуру сельскохозяйственного производства, чтобы обеспечить рост урожайности в земледелии и увеличение поголовья скота (Змеев, Зайцева, 2004: 145).

Тимирязевская сельскохозяйственная академия (историческое название – Петровская земледельческая и лесная академия) – старейшее высшее аграрное учебное заведение России, которое активно освещалось на страницах периодической печати XIX – начала XX в. Её деятельность, научные достижения, а также связанные с ней общественные и политические события привлекали внимание различных изданий. За свою многолетнюю историю академия несколько раз меняла название. Сначала Петровская лесная и земледельческая академия, потом Московский сельскохозяйственный институт, затем Тимирязевская сельскохозяйственная академия. Но всегда этот вуз обеспечивал потребности в высококвалифицированных специалистах сельского хозяйства. Открытие Тимирязевской академии в Москве стало следствием отмены в 1861 г. крепостного права. Стране срочно понадобились грамотные сельхозпроизводители. Вернее, они требовались и ранее, но никогда ещё вопрос не стоял так остро, как после проведения реформы. Отражение этих процессов, напрямую затрагивающих научную и практическую деятельность академии, в периодической печати того времени нашло широкое освещение.

2. Материалы и методы

Основу исследования составляет корпус письменных исторических источников – материалов, размещённых в центральных периодических изданиях XIX – начала XX в.: «Отечественные записки», «Московские ведомости», «Русская летопись», «Русские ведомости», «Русская мысль», «Русский вестник», «Страна», а также в периодических изданиях, фокусирующихся на изучении проблем сельскохозяйственной тематики: «Земледелие», «Сельское хозяйство и лесоводство», «Лесной журнал», «Природа и охота», «Сельский хозяин» и др. Аналитическому осмыслению были подвергнуты научные труды и публицистика К.А. Тимирязева, И.И. Иванюкова, М.П. Щепкина, И.А. Стебута, М.К. Турского, В.В. Докучаева, А.В. Советова и других, выявленные на полосах периодической печати изучаемого периода. Эвристический характер источниковой базы работы видится в привлечении и рассмотрении данных материалов как письменных форм выражения представлений профессуры Тимирязевской сельскохозяйственной академии, активно участвовавшей в интеллектуальной жизни России XIX – начала XX в. Их работы, охватывая широкий спектр тем – от сельского хозяйства и экономики до общественно-политических вопросов, не только отражали академические интересы, но и влияли на общественные дискуссии своего времени. Методология исследования включает в себя комплекс общенаучных и специально исторических методов. Анализ, синтез и обобщение позволили всесторонне изучить объект исследования, углубить знания о нём и сделать резюмирующие выводы. Принципу историзма соответствует рассмотрение места Тимирязевской сельскохозяйственной академии в контексте социально-экономических и политических процессов в России XIX – начала XX в. Проблемно-хронологический метод позволил проследить последовательность и закономерность этнокультурных и социально-политических процессов и взаимодействий. Историко-биографический метод использован для анализа роли личностей в общественно-политических процессах России XIX – начала XX в. Его применение позволило на основании персональных текстов и фактов биографий преподавателей академии расширить представление об исторических событиях изучаемого периода.

3. Обсуждение

Целесообразным, отражающим структуру и логику развития изучения процесса функционирования Тимирязевской академии, нашедшего отражение в периодической печати XIX – начала XX в., представляется вариант деления всего массива исторической литературы на два блока. Первый вобрал в себя весь спектр исследований, затрагивающих изучение периодической печати рассматриваемого периода; второй – сфокусирован на истории самой Тимирязевской академии. В 1890 г. в России выходило 796 периодических изданий разного типа, различных направлений, и их количество неуклонно росло. За период 1891–1900 гг. возникло 794 новых газет и журналов, а в период 1901–1916 гг. в стране выходило более 14 тысяч средств массовой информации на 35 языках, из них свыше 6 тысяч приходилось на долю Петербурга и Москвы. К началу XX в. Российская империя имела одну из крупнейших медиа систем в мире (Савастенко, 2013: 112).

Историография периодической печати России второй половины XIX – начала XX в. представляет собой сложный и многогранный пласт исследований, которые охватывают политические, социальные, экономические и культурные аспекты развития прессы. В советской историографии акцент делался на роли рабочей и революционной печати, а также на критике «буржуазной» прессы. Пример – справочник «Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917)» (1957), который подчёркивал значение большевистских изданий, таких как «Правда». Современные историки, такие как Л.Д. Дергачева, Е.А. Марков, П.П. Востриков, Б.И. Королев, Н.В. Жилиякова,

П.А. Сперанский изучают периодику как многогранный феномен, учитывая её политические, экономические и культурные аспекты. Например, в работах П.А. Сперанского анализируется феномен цензуры и её влияния на характер печатных органов Российской империи второй половины XIX – начала XX в. и отражение этого процесса в современной отечественной историографии (Сперанский, 2023). В целом историография периодической печати России второй половины XIX – начала XX в. продолжает развиваться, включая новые методологические подходы, такие как анализ дискурса, изучение роли технологий и коммерциализации. Несмотря на обширность существующих исследований, остаются малоизученные исследовательские лакуны, например, региональная пресса на национальных языках или взаимодействие между правительственной цензурой и редакционной политикой, взаимодействие правительства и университетской среды.

Историография истории Тимирязевской академии XIX – начала XX в. представляет собой комплекс исследований, посвящённых становлению и развитию одного из старейших аграрных вузов России. Первые упоминания об академии содержатся в официальных документах, таких как Устав Петровской земледельческой и лесной академии (1865), отчёты Министерства государственных имуществ и публикации в периодической печати того времени. В этих материалах акцентировалась роль государства в создании академии как ответ на потребности аграрной модернизации после отмены крепостного права. Профессора академии, включая Н.И. Железнова, К.А. Тимирязева и В.Р. Вильямса, публиковали в периодической печати работы, посвящённые научной и учебной деятельности академии. Уже в первые годы советской власти появляется один из первых путеводителей. Работа выдающегося экономиста-аграрника, историка, искусствоведа А.В. Чайнова «Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем: путеводитель по Тимирязевской сельскохозяйственной академии» является уникальным произведением, сочетающим в себе элементы исторического исследования, краеведческого очерка и литературного произведения (Чайнов, 1925).

В советский период историки делали акцент на социально-политические аспекты. Так, авторы работ в сборнике конференции, посвящённой истории Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, подчёркивали роль академии в революционном движении (студенческие волнения 1890 г.) и её вклад в развитие социалистического сельского хозяйства (Московская сельскохозяйственная..., 1952: 6) Фокусируя внимание на исследованиях научного наследия учёных академии К.А. Тимирязева, Д.Н. Прянишникова, В.Р. Вильямса, анализируя их вклад в агрономию и почвоведение, советская историография игнорировала «неудобные» страницы истории, такие как ограничения приёма студентов по сословному признаку. Современная историография, демонстрируя комплексный подход, рассматривает историю академии через призму архитектуры, культуры и повседневной жизни. Так, А.Б. Оришев на примере ярких биографий выдающихся учёных Тимирязевской академии показывает непростой процесс становления и развития аграрного образования в стране (Оришев, 2016). Таким образом, историография Тимирязевской академии прошла путь от официальных отчётов до комплексных исследований, сочетающих анализ архитектуры, науки и социальной истории. Однако многие аспекты, такие как роль национальных меньшинств или взаимодействие с европейскими научными центрами, остаются малоизученными. Для дальнейших исследований целесообразно привлечение архивных материалов, включая фонды Министерства сельского хозяйства, личные дела преподавателей и студентов, изучение зарубежных контактов академии.

4. Результаты

Российский государственный аграрный университет МСХА имени К.А. Тимирязева будет отмечать 3 декабря 2025 г. сто шестьдесят лет со дня основания. За свою многолетнюю историю академия несколько раз меняла название. Сначала Петровская лесная и земледельческая академия, потом Московский сельскохозяйственный институт, затем Тимирязевская сельскохозяйственная академия, но всегда этот вуз обеспечивал потребности в высококвалифицированных специалистах сельского хозяйства. Открытие академии в Москве стало во многом рефлексией правительства на отмену в 1861 г. крепостного права и необходимость системного разрешения ситуации в аграрном секторе страны в связи со срочной необходимостью грамотных сельхозпроизводителей. Занятия в академии начались 25 января 1866 г. и, по словам ректора вуза, академика Н.И. Железнова, «главная задача академии состоит в распространении хозяйственных сведений, и должно надеяться, что со временем слушатели не погонятся за служебными преимуществами, а будут искать одних знаний» (Сборник сведений..., 1887: 7). В связи с активной научно-просветительской и общественной деятельностью преподавателей новой академии информация о жизни Петровской лесной и земледельческой академии сразу же стала появляться на страницах периодической печати.

Всю совокупность материалов периодической печати о жизнедеятельности академии можно условно разделить на несколько блоков. Первый блок составили публикации в различных периодических изданиях, характеризующие освещение академии в контексте образовательной и научной деятельности, активное участие профессоров академии в интеллектуальной жизни России XIX в. Эти работы в периодической печати не только отражали академические интересы, но и влияли

на общественные дискуссии своего времени, охватывая широкий спектр тем – от сельского хозяйства и экономики до общественно-политических вопросов.

Преподаватели Петровской академии М.П. Щепкин, И.И. Иванюков, И.А. Стебут, К.А. Тимирязев, А.Ф. Фортунатов, Г.Г. Густавсон, П.Н. Кулешов, А.П. Людоговский, М.К. Турский, И.И. Иванюков, А.А. Фадеев, Н.П. Чирвинский и многие другие были не только учёными и активными участниками общественной жизни, чьи публикации в периодической печати способствовали распространению научных знаний и формированию аграрной политики России. Их работы оказали значительное влияние в целом на развитие сельского хозяйства и образования в XIX – начале XX в. Так, «Московские ведомости» и «Русские ведомости» регулярно публиковали материалы о научных работах, лекциях и событиях академии. Профессора академии М.П. Щепкин и И.И. Иванюков активно сотрудничали с прессой, публикуя статьи по экономике, статистике и сельскому хозяйству. Например, М.П. Щепкин был помощником редактора «Московских ведомостей» и публиковал обзоры по статистике и политэкономии (Щепкин, 1859: 12-13) и др. В многочисленных работах им освещались вопросы бюджетов и налогов (например, анализ городских финансов Москвы, Казани, Киева), сословного хозяйства (купеческого, мещанского и ремесленного сословий), земельной ренты и сельскохозяйственной практики. В 1870-х гг. некоторые его статьи выходили под псевдонимами М.П. или Москвич. М.П. Щепкин сочетал академический подход с практической направленностью. Его статьи и книги основывались на официальных данных и статистических отчётах. Он активно использовал сравнительный анализ, например, сопоставляя экономическое положение Москвы с другими регионами России и Европы (Щепкин, 1862; Щепкин, 1870; Щепкин, 1879). Таким образом, М.П. Щепкин вносил значительный вклад в развитие экономической и статистической науки, а его работы остаются ценным источником для изучения истории экономики и городского хозяйства России XIX в.

Иван Иванович Иванюков освещал экономические вопросы в журнале «Русская мысль», а его очерки «Провинциальная жизнь» (1893–1897) критиковали социальные проблемы российской глубинки. В основе его взглядов лежало убеждение, что капитализм проникает в русскую общину извне, ибо в ней самой нет предпосылок для его развития (Иванюков, 1885: 27). Интеллигенции надо только придумать средство для того, чтобы укрепить общину и восстановить общинную собственность там, где она уже разрушена. Статья Иванюкова «Общинное землевладение» считалась одной из наиболее крупных теоретических работ либерального народничества в журналистике 1880-х гг. В публицистических статьях он выступал за расширение крестьянского землевладения, развитие кустарных промыслов, расширение сети земских школ, народных читален. Нельзя не признать, что «Русская мысль» по составу сотрудников была наиболее интересным журналом 80-х гг. XIX в. В отделе науки печатались статьи прогрессивных русских учёных, пропагандистов естественнонаучного материализма, защитников передовой науки – одним из самых ярких являлся К. А. Тимирязев («Опровергнут ли дарвинизм?») (Тимирязев, 1887).

Публикации Климента Аркадьевича Тимирязева в периодических изданиях XIX в. освещали широкий спектр тем – от естественных наук до политических и социальных вопросов. Ключевыми темами его публикаций являлись дарвинизм и эволюционная теория – популяризация и защита идей Дарвина; физиология растений и фотосинтез; сельскохозяйственные инновации и применение научных знаний в агрономии. Оценивая проводимые общественно-политические преобразования, К.А. Тимирязев выступал с критикой крепостничества и поддержкой судебных и земских реформ. В конце XIX – начале XX в. начинается процесс активного сотрудничества К.А. Тимирязева с журналом «Вестник Европы». Основная проблематика статей в журнале затрагивала естественные науки и агрономию: К.А. Тимирязев публиковал работы, посвящённые физиологии растений, фотосинтезу и роли солнечной энергии в жизни растений. Им также освещались вопросы сельскохозяйственных инноваций и применения научных знаний в агрономии (Тимирязев, 1911). Публикации о сельскохозяйственных инновациях в «Вестнике Европы» К.А. Тимирязева: он публиковал результаты своих экспериментов по влиянию света на растения и их воздушному питанию, освещал вопросы повышения продуктивности сельского хозяйства через применение научных достижений. Эти работы способствовали внедрению научных методов в сельское хозяйство. Публикации К.А. Тимирязева способствовали популяризации науки и укреплению связей между научным сообществом и общественностью.

В связи со значительным количеством работ преподавателей академии в периодических изданиях изучаемого периода целесообразным для наглядности широты охвата представилась систематизация наиболее видных её представителей в виде таблицы.

Во второй блок стоит выделить исследования, сфокусированные на участии в реформах и практических проектах в сельском хозяйстве, нашедшие своё отражение на страницах периодической печати. Профессора академии активно участвовали в обсуждении и реализации аграрных реформ. Например, М.П. Щепкин занимался вопросами городского самоуправления в Москве, участвовал в составлении городского бюджета и создании статистического отдела. Алексей Петрович Людоговский, профессор сельскохозяйственной экономики, разрабатывал практические руководства для сельских хозяев, а его работы (Людоговский, 1871b; Людоговский, 1872) способствовали

внедрению научных методов в сельское хозяйство (Людоговский, 1866: 612; Людоговский, 1871а: 3-34). Профессор И.А. Стебут поместил в «Земледельческом журнале» 18 статей по обработке и удобрению почвы, культуре растений, по рядовому посеву, возделыванию льна, по используемым машинам (Стебут, 1867а), а также пять лекций, прочитанных им на тему «Основы полевой культуры и меры к его улучшению в России» (Стебут, 1861).

Таблица 1. Основные издания и тематика публикаций в периодических изданиях преподавателей академии

Профессор	Издания	Ключевые темы
Митрофан Павлович Щепкин	«Московские ведомости», «Русская летопись» В 1870 г. вместе с профессором М.В. Неручевым Щепкин основал газету «Русская летопись», в третьем номере которой был напечатан некролог «А.И. Герцен». Результатом явилось закрытие газеты и вынужденная отставка М.П. Щепкина с кафедры политэкономии.	Статистика, политэкономия, народное просвещение, кооперация. М.П. Щепкин читал разработанный им курс политической экономии в двух частях – теоретической и практической. В его лекциях особое внимание уделялось таким вопросам, как владение землёй (частное и общинное), рента, кредит, история земельного устройства в Европе и история экономических учений.
Иван Иванович Иванюков	«Русские ведомости», «Русская мысль», «Страна»	Экономическая политика, крестьянский вопрос, социальные реформы. В области политической экономии Иванюков – яркий представитель историко-реалистической школы, признававшей историческую обусловленность экономических явлений.
Климентий Аркадьевич Тимирязев	«Отечественные записки», «Русская мысль»: статьи о достижениях естествознания и их практическом применении в сельском хозяйстве. «Сельский хозяин»: публикации по улучшению методов земледелия.	Физиология растений, агрономия, популяризация науки. К.А. Тимирязев стремился сделать науку доступной для широкой аудитории, сочетая научную строгость с ясностью изложения.
Иван Александрович Стебут	«Земледелие», «Сельское хозяйство и лесоводство»	Растениеводство, сельскохозяйственное образование. И.А. Стебут подчёркивал важность образования и верил, что аграриям необходимы научные знания для повышения производительности сельского хозяйства.
Митрофан Кузьмич Турский	«Лесной журнал», «Природа и охота»	Лесоводство, экология. М.К. Турский выступал за сохранение лесов и их рациональное использование, его публикации способствовали развитию лесного законодательства.
Василий Васильевич Докучаев	«Земледельческая газета», «Труды Вольного экономического общества»	Почвоведение, геология, борьба с засухой. В.В. Докучаев активно участвовал в дискуссиях о необходимости сохранения и восстановления почв, его публикации способствовали формированию национальной программы борьбы с эрозией.
Александр Васильевич Советов	«Русский вестник», «Журнал Министерства государственных имуществ»	Агрономия, организация сельского хозяйства. А.В. Советов выступал за внедрение научных подходов в практику сельского хозяйства; его работы были ориентированы на крупных землевладельцев и государственных чиновников.

В прессе неоднократно обсуждалась роль академии в развитии сельского хозяйства и образования. Например, о деятельности Петровской земледельческой академии в газете «Новое время» в 90-е гг. XIX в. – начале XX в. публиковались материалы о её уникальных опытных участках и научных разработках. В издании появлялись статьи, посвящённые проблеме сельскохозяйственного образования ([Пестржецкий, 1906](#)). Основная идея – необходимость содействия образованию и расширения сети учебных заведений. Также в газете постоянно печатались сообщения и отчёты различных съездов и выставок по сельскому хозяйству, давалась информация о деятельности Вольного экономического общества, в том числе упоминалась Петровская земледельческая академия. Издания также уделяли внимание культурной жизни академии, включая её архитектурные достопримечательности и исторические памятники.

В стенах академии начали издаваться три раза в год «Известия Петровской земледельческой и лесной академии» (1878–1893). С 1890 г. они назывались «Известия Петровской сельскохозяйственной академии». Структурно содержание номеров состояло из трудов профессоров, студентов академии и частных лиц по предметам, входящим в курс занятий в академии, и диссертаций, результатов работ, выполненных в химической лаборатории, на опытном поле. Неурожай 1891 г. побудил царское правительство обратить внимание на состояние сельского хозяйства. Серьёзной проблемой стало освещение проблемы неурожая и голода на страницах известий и в периодической печати профессорами академии. Правящие круги очень внимательно следили за реакцией прессы при освещении событий, связанных с неурожаем и голодом. В случае появления «крамольных» статей, репрессии не заставляли себя долго ждать. В такой ситуации становятся понятными более чем осторожные оценки министерских циркуляров и мероприятий по борьбе с голодом в периодической печати. И всё же недостаток сведений и различные запреты не смогли полностью прекратить обсуждение в газетах причин неурожая и голода и способов борьбы с ними. «Русские ведомости» в качестве причин неурожая и кризиса в аграрном секторе называли экстенсивные способы ведения хозяйства, недостаток знаний (нехватку капиталов, необеспеченность экспорта), «Новое время» было гораздо осторожнее в оценках. Первоначально главнейшим условием неурожая называлась засуха. По мере ухудшения обстановки тон статей изменился. Причинами кризиса были названы недостаточность правительственных мероприятий и крестьянского надела для ведения правильного хозяйства ([Шевлякова, 2012: 48](#)).

Деятельность академии иногда подвергалась критике со стороны консервативных изданий, которые обвиняли её в распространении либеральных идей. Профессора академии, такие как И.И. Иванюков, который знакомил студентов с учением Маркса, также становились объектами полемики в прессе. Вовлечённость академии в студенческие движения и отражение этого процесса в периодике образуют третий блок материалов. Профессора Тимирязевской академии не ограничивались преподавательской деятельностью, а активно влияли на общественные дискуссии второй половины XIX в. через публицистику, участие в реформах и связь с интеллектуальными кругами. Их работы и взгляды способствовали распространению экономических знаний, критике социальных проблем и формированию прогрессивных идей в российском обществе. Профессора академии не только преподавали, но и участвовали в общественных дебатах. Например, И.И. Иванюков публиковал очерки в «Русской мысли», где обсуждал экономические и социальные вопросы. М.П. Щепкин издавал газету «Русская летопись», посвящённую народному просвещению, кооперации и местному самоуправлению. В этой газете также публиковались материалы, связанные с академией.

С парком Тимирязевской академии связана знаменитая и жуткая история, из-за которой академия оказалась в центре внимания из-за дела С. Нечаева. Это одно из самых известных и мрачных событий в истории Петровской сельскохозяйственной академии, которое действительно стало прообразом для ключевого сюжета в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». 26 ноября 1869 г. в газете «Московские ведомости» появилась небольшая заметка из полицейской хроники: «Нам сообщают, что вчера, 25 ноября, два крестьянина, проходя в отдалённом месте сада Петровской Академии, около входа в грот заметили валяющиеся шапку, башлык и дубину, от грота кровавые следы прямо вели к пруду, где подо льдом виднелось тело убитого, опоясанное чёрным ремнём и в башлыке. Тут же найдены два связанные верёвками кирпича и ещё конец верёвки» ([Полицейская хроника, 1869: 10](#)). Вскоре выяснилось, что убийство – это не рядовой грабёж, а результат деятельности революционной организации под названием «Общество народной расправы» и её лидера Сергея Нечаева, автора «Катехизиса революционера» и одного из организаторов студенческих беспорядков в Петербурге и Москве. В середине декабря полиция установила связь между революционерами и убийством, и выяснилось, что погиб студент Петровской сельскохозяйственной академии Иван Иванов. Суд над убийцами Иванова проходил с 1 по 15 июля 1871 г. Помощники Нечаева получили от 15 до 7,5 лет каторжных работ. Сам Нечаев сумел эмигрировать, но 14 августа 1872 г. Нечаева арестовали в Цюрихе и выдали русскому правительству как уголовного преступника. Суд приговорил революционера к 20 годам каторжных работ. Однако ввиду его «особой опасности для общества» Александр II лично распорядился о помещении Нечаева в одиночную камеру Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, где тот и умер от болезни.

Это дело широко освещалось в прессе, причём издания разной политической направленности использовали его для своих целей. Правительственная и консервативная пресса («Московские ведомости») подавали дело как доказательство ужасающих последствий нигилизма, революционной агитации в университетах и отрицания традиционных моральных устоев. Использовали его для дискредитации всего революционного движения, представляя его как сборище аморальных фанатиков, готовых на убийство своих же сторонников. Кампания в прессе сыграла важную роль в формировании общественного мнения и поддержки жёстких мер властей против инакомыслящих. Либеральная пресса осуждала варварство методов С. Нечаева, но часто старалась отделить этот экстремальный случай от общего дела борьбы за социальный прогресс и реформы. Подчёркивала, что такие методы не имеют ничего общего с истинными целями освободительного движения. Таким образом, убийство студента И. Иванова стало не просто уголовным преступлением, а ключевым медийным и идеологическим событием эпохи. Оно было использовано властями для борьбы с революционным движением и вольномыслием в университетах, а Ф.М. Достоевский превратил его в вечное предостережение об опасности идеологии, лишённой нравственного основания.

Четвёртый блок составили материалы, затрагивающие кризис в жизни академии 1890–1994 гг. В 1889 г. был принят новый Устав, который ликвидировал лесное отделение и изменил название на Петровскую сельскохозяйственную академию. Это вызвало недовольство как среди преподавателей, так и среди студентов. Власти обвиняли академию в излишней теоретизации образования и недостаточном внимании к практическим аспектам сельского хозяйства. При преобразовании академии в Московский сельскохозяйственный институт в 1894 г. был упразднён учёный совет академии, и многие ведущие профессора не вернулись на свои должности. Среди них были такие выдающиеся учёные, как К.А. Тимирязев, И.А. Стебут и другие, которые создали славу академии. Это привело к потере престижа и традиций учебного заведения. Приём в Академию был приостановлен в 1890 г. 1 февраля 1894 г. из-за революционных настроений в студенческой среде академия была закрыта и превращена в «Петровско-Разумовское имение». Здесь предполагалось устроить женский институт, а также перевести в него из Твери кавалерийское военное училище (Чаянов, 1925: 53). За эти тяжёлые годы Петровская академия потеряла не только своё название; в неё не вернулись многие из тех профессоров, которые создали славу Петровской академии. Академия была известна своим либеральным уставом, отношением к студентам и выбором предметов. Это привлекало не только искренних студентов, но и тех, кто использовал академию как прикрытие для революционной деятельности. Постоянные упоминания в прессе дела С. Нечаева показывают, что такие опасения были не беспочвенны.

Необходимо учитывать и политический климат тех лет: эпоху контрреформ Александра III, когда правительство стремилось ограничить автономию учебных заведений. В 1890-е гг. в России проводилась политика, направленная на укрепление государственного контроля над образовательными учреждениями. Петровская академия, известная своими либеральными традициями и автономией, стала одной из жертв этой политики. Правительство стремилось ограничить доступность высшего образования для низших сословий и усилить идеологический контроль. Преобразование академии в институт с более жёсткими правилами приёма и обучения вписывалось в эту политику.

Процесс закрытия Петровской академии и её преобразования в Московский сельскохозяйственный институт в 1890-х гг. нашёл довольно ограниченное отражение на страницах периодической печати того времени. Это было связано с жёсткой политикой цензуры и контролем над прессой в период правления Александра III. Правительственные издания, такие как «Правительственный вестник», публиковали официальные указы и распоряжения о закрытии академии. Они акцентировали необходимость «наведения порядка» и борьбы с «революционными настроениями» среди студентов. Консервативные газеты, например, «Гражданин» князя В.П. Мещерского, поддерживали действия властей. Они представляли академию как рассадник крамолы, где студенты занимались политической деятельностью вместо учёбы. Издания этого толка также критиковали профессуру (в частности, К.А. Тимирязева) за «распространение вредных идей» и «изгнание бога из природы» (Корчагин, 1943: 27-28). Либеральные издания, такие как «Русские ведомости» и «Вестник Европы», выражали несогласие с закрытием. Они подчёркивали научные достижения академии и её роль в развитии сельского хозяйства России. Эти издания отмечали, что закрытие нанесёт удар по агрономическому образованию и экономике страны. В периодике публиковались письма и обращения учёных, общественных деятелей и выпускников академии, требовавших её восстановления. Например, известный почвовед В. В. Докучаев активно выступал в защиту академии в прессе (Докучаев, 1890: 9-10). Освещение в специализированных изданиях сельскохозяйственной периодики «Сельское хозяйство и лесоводство» фокусировалось на анализе последствий закрытия академии для аграрного сектора. «Земледельческая газета» указывала на международный резонанс и отмечала, что закрытие академии вызвало интерес и недоумение за рубежом, где Петровская академия была известна благодаря работам К.А. Тимирязева и других учёных. Закрытие Петровской академии и её преобразование в Московский сельскохозяйственный институт были результатом сочетания политических, идеологических и административных факторов. Правительство стремилось

усилить контроль над образованием и подавить революционные настроения, но это привело к потере уникального учебного заведения с богатыми традициями и выдающимися достижениями в области сельскохозяйственной науки.

5. Заключение

Таким образом, в условиях отсутствия гласности в обществе XIX – начала XX в., страницы либеральных, а часто и консервативных изданий, становились единственной возможностью для учёных, общественных и государственных деятелей, весьма различных по взглядам и убеждениям, желающих высказать своё мнение по многим вопросам аграрной политики и предложить способы вывода этой отрасли экономики из кризиса. Профессора Петровской академии использовали периодическую печать для распространения научных знаний и влияния на общественные дискуссии. Их публикации охватывали широкий спектр тем: от агрономии и экономики до социальных реформ. Общественно-политическая дискуссия о влиянии Петровской академии на общественные движения в России в рамках редакторской политики журналов развернулась в критических тонах. Если судить по содержанию публицистических материалов анализируемых изданий, государственная политика в области сельского хозяйства имела существенные изъяны, а отдельным нарративом выступила тема востребованности страны в квалифицированных кадрах. В целом, на полосах периодической печати была представлена общественно-политическая рефлексия о путях развития экономики, месте Тимирязевской академии в хозяйственной жизни страны в сложных условиях исторической действительности XIX – начала XX в.

Литература

- Востриков, Королев, 2015 – Востриков П.П., Королев Б.И. Государственная цензурная политика в отношении периодической печати в России во второй половине XIX – начале XX вв. // *Власть*. 2015. № 4. С. 178-183.
- Дергачева, 2001 – Дергачева Л.Д. Периодическая печать / *Очерки русской культуры XIX века*. Т. 3. М., 2001. С. 444-507.
- Докучаев, 1890 – Докучаев В.В. О главнейших результатах почвенных исследований в России за последнее время // *8 съезд русских естествоиспытателей и врачей*. Отд. 9. СПб., 1890. С. 9-10.
- Жилякова, 2016 – Жилякова Н.В. История российской печати конца XIX – начала XX веков. М.: Юрайт, 2016. 235 с.
- Змеев, Зайцева, 2004 – Змеев В., Зайцева Н. Петровская академия // *Высшее образование в России*. 2004. №11. С.145-149.
- Иванюков, 1883 – Иванюков И.И. Очерк истории политической экономии // *Русская мысль*. 1883. № 10. С. 40-96; 1884. № 4. С. 107-137.
- Иванюков, 1885 – Иванюков И.И. Общинное землевладение // *Русская мысль*. 1885. Кн. I. С. 1-48.
- Иванюков, 1894 – Иванюков И.И. Очерки провинциальной жизни // *Русская мысль*. Ежемесячное литературно-политическое издание. Книга III. М., 1894. С. 164-165.
- Корчагин, 1943 – Корчагин А.И. К.А. Тимирязев : жизнь и творчество. М.: ОГИЗ: Сельхозгиз, 1943. 138 с.
- Людоговский, 1866 – Людоговский А.П. Заметка о сельскохозяйственных опытных станциях // *Земледельческая газета*. 1866. № 39. С. 612-614.
- Людоговский, 1871a – Людоговский А.П. Закон Либиха и рациональный метод определения размеров удобрения // *Русское сельское хозяйство*. 1871. Т. 9. № 5. С. 3-34.
- Людоговский, 1871b – Людоговский А.П. К вопросу о распространении культуры подсолнечника в южной России // *Русское сельское хозяйство*. 1871. Т. 7. № 1. С. 3-15; № 2. С. 245-263.
- Людоговский, 1872 – Людоговский А.П. Издержки хозяйства усадьбы на рабочие силы в зависимости от расстояния угодий от усадьбы // *Земледельческая газета*. 1872. № 40. С. 625-528.
- Марков, 2010 – Марков Е.А. Власть и СМИ в России: история взаимодействия // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2010. № 123. С. 204-214.
- Московская сельскохозяйственная..., 1952 – Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева. Научная конференция: [материалы научной конференции академии, состоявшейся 6-12 декабря 1950 года]. М., 1952. 298 с.
- Оришев, 2016 – Оришев А.Б. Тайны российской аграрной науки: Тимирязевский прорыв. М., 2016. 398 с.
- Пестржецкий, 1906 – Пестржецкий Д.П. Очерки по крестьянскому вопросу // *Новое время*. СПб., 1906. № 10709, 10710.
- Полицейская хроника, 1859 – Полицейская хроника // *Московские ведомости*. 1859. № 294. С.10.
- Процесс инкорпорации..., 2010 – Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю: извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.) [введение, подгот. текстов и коммент. Р.А. Тлепцок; ред. и авт. предисл. Э. А. Шеуджен]. М., 2010. 677 с.

- [Розенберг, 1905](#) – *Розенберг В.* Русская печать и цензура в прошлом и в настоящем. М., 1905. 250 с.
- [Савастенко, 2013](#) – *Савастенко Р.А.* Российская периодика в начале XX века и ее участие в общественно-политической жизни страны // *Вестник РУДН.* 2013. № 4. С.112-121.
- [Сборник сведений..., 1887](#) – Сборник сведений о Петровской земледельческой и лесной академии. М., 1887. 319 с.
- [Сперанский, 2023](#) – *Сперанский П. А.* Цензура и печать Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. в современной отечественной историографии // *История и современное мировоззрение.* 2023. № 4. С. 138-143.
- [Стебут, 1861](#) – *Стебут И.А.* О науке сельского хоз-ва и о сельскохозяйственном образовании // *Земледельческая газета.* 1861. № 12. С.177-184.
- [Стебут, 1867a](#) – *Стебут И.А.* Луговые сорные травы и их истребление // *Земледельческая газета.* 1867. С. 50-52.
- [Стебут, 1867b](#) – *Стебут И.А.* Сорные травы и их истребление. По сочинению Э. Кирхгофа // *Сельское хозяйство и лесоводство.* 1867. С. 94-96.
- [Тимирязев, 1887](#) – *Тимирязев К.А.* Опровергнут ли дарвинизм? // *Русская мысль.* 1887. № 2. С. 145-180.
- [Тимирязев, 1911](#) – *Тимирязев К.А.* Год итогов и поминок // *Вестник Европы.* 1911. № 11, 12.
- [Чаянов, 1925](#) – *Чаянов А.В.* Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем: путеводитель по Тимирязевской Сельско-хозяйственной академии. М., 1925. 87 с.
- [Шевлякова, 2012](#) – *Шевлякова В.В.* Периодическая печать в конце XIX начале XX в. об аграрном вопросе в России // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.* 2012. № 2. С. 44-50.
- [Щепкин, 1859](#) – *Щепкин М.П.* Обзор работ и материалов по вопросам финансовым, политической экономии и статистики, появлявшихся в журналах: Министерства Государственных Имуществ, Министерства Внутренних Дел, Горном, Мануфактур и Торговли и Морском Сборнике // *Московские ведомости.* 1859. № 7. С. 12-13.
- [Щепкин, 1862](#) – *Щепкин М.П.* Еще о народных железных дорогах // *Век.* 1862. № 23.
- [Щепкин, 1870](#) – *Щепкин М.П.* О самоуправлении // *Русская летопись.* 1870. №1.
- [Щепкин, 1879](#) – *Щепкин М.П.* Городское хозяйство Казани во второе четырехлетие после преобразования (1875-1879 г.) // *Известия Московской Городской Думы.* 1879. № 13. С. 4-5.

References

- [Chayanov, 1925](#) – *Chayanov, A.V.* (1925). Petrovsko-Razumovskoye v ego proshlom i nastoyashchem: putevoditel' po Timiryazevskoy Sel'sko-hozyajstvennoj akademii [Petrovsko-Razumovskoye in its past and present: a guide to the Timiryazev Agricultural Academy]. М., 87 p. [in Russian]
- [Dergacheva, 2001](#) – *Dergacheva, L.D.* (2001). Periodicheskaya pechat' [Russian culture of the 19th century]. Ocherki russkoi kul'tury XIX veka. (3): 444-507. [in Russian]
- [Dokuchaev, 1890](#) – *Dokuchaev, V.V.* (1890). O glavnejshih rezul'tatah pochvennyh issledovanij v Rossii za poslednee vremya [On the most important results of soil research in Russia in recent times]. 8 s'ezd rus. estestvoisp. i vrachej. SPb. (9): 9-10. [in Russian]
- [Ivanyukov, 1883](#) – *Ivanyukov, I.I.* (1883). Ocherk istorii politicheskoy ekonomii [An outline of the history of political economy]. *Russkaya mysl'*. (10): 40-96; 1884(4): 107-137. [in Russian]
- [Ivanyukov, 1885](#) – *Ivanyukov, I.I.* (1885). Obshchinnoe zemlevladienie [Communal land ownership] *Russkaya Mysl'*. (1): 1-48. [in Russian]
- [Ivanyukov, 1894](#) – *Ivanyukov, I.I.* (1894). Ocherki provincial'noj zhizni [Sketches of provincial life]. *Russkaya mysl'*. (3): 164-165. [in Russian]
- [Korchagin, 1943](#) – *Korchagin, A.I.* (1943) K.A. Timiryazev: zhizn' i tvorchestvo [K.A. Timiryazev: life and work]. М., 138 p. [in Russian]
- [Lyudogovskij, 1866](#) – *Lyudogovskij, A.P.* (1866). Zametka o sel'skohozyajstvennyh opytnyh stanciyah [Note on agricultural experimental stations]. *Zemledel'cheskaya gazeta.* (39): 612-614. [in Russian]
- [Lyudogovskij, 1871a](#) – *Lyudogovskij, A.P.* (1871). Zakon Libiha i racional'nyj metod opredeleniya razmerov udobreniya [Liebig's Law and the Rational Method of Determining Fertilizer Sizes]. *Russkoe sel'skoe hozyajstvo.* (5): 3-34. [in Russian]
- [Lyudogovskij, 1871b](#) – *Lyudogovskij, A.P.* (1871). K voprosu o rasprostranenii kul'tury podsolnechnika v yuzhnoj Rossii [To the issue of the spread of sunflower culture in southern Russia]. *Russkoe sel'skoe hozyajstvo.* (1): 3-15; (2): 245-263. [in Russian]
- [Lyudogovskij, 1872](#) – *Lyudogovskij, A.P.* (1872). Izderzhki hozyajstva usad'by na rabochie sily v zavisimosti ot rasstoyaniya ugodij ot usad'by [Costs of farming on labor force depending on the distance of the land from the farm]. *Zemledel'cheskaya gazeta.* (40): 525-528. [in Russian]
- [Markov, 2010](#) – *Markov, E.A.* (2010). Vlast' i SMI v Rossii: istoriya vzaimodejstviya [Power and the media in Russia: history of interaction]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena.* (123): 204-214. [in Russian]

- Moskovskaya sel'skohozyajstvennaya..., 1952** – Moskovskaya sel'skohozyajstvennaya akademiya imeni K.A. Timiryazeva. Nauchnaya konferenciya. Materialy nauchnoj konferencii akademii, sostoyavshejsya 6-12 dekabrya 1950 goda. [Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev. Scientific conference: Proceedings of the scientific conference of the Academy held on December 6-12, 1950]. M., 1952. 298 p. [in Russian]
- Orishev, 2106** – *Orishev, A.B.* (2016). Tainy rossiiskoi agrarnoi nauki: Timiryazevskii proryv [Secrets of Russian agricultural science: Timiryazev breakthrough]. M., 398 p. [in Russian]
- Pestrzhet'skii, 1906** – *Pestrzhet'skii, D.P.* (1906). Ocherki po krest'yanskomu voprosu [Essays on the Peasant Question]. Novoe vremya. SPb. № 10709, 10710. [in Russian]
- Politseiskaya khronika, 1859** – Politseiskaya khronika [Police chronicle]. *Moskovskie vedomosti*. 1859. 294: 10. [in Russian]
- Protsess inkorporatsii..., 2010** – Protsess inkorporatsii Kavkaza v Rossijskuyu imperiyu: izvlecheniya iz «Vestnika Evropy» (1802–1918 gg.) [The process of incorporation of the Caucasus into the Russian Empire: extracts from the “Vestnik Evropy” (1802–1918)]. M., 677 p. [in Russian]
- Rozenberg, 1905** – *Rozenberg, V.* (1905). Russkaya pechat' i cenzura v proshlom i v nastoyashchem. [Russian press and censorship in the past and present]. M., 250 p. [in Russian]
- Savastenko, 2013** – *Sevastenko, R.A.* (2013). Rossijskaya periodika v nachale XX veka i ee uchastie v obshchestvenno-politicheskoj zhizni strany [Russian periodicals at the beginning of the 20th century and its participation in the socio-political life of the country]. *Vestnik RUDN*. (4): 112-121. [in Russian]
- Sbornik svedenij, 1887** – Sbornik svedenij o Petrovskoj zemledel'cheskoj i lesnoj akademii [Collection of information about the Petrovskaya Agricultural and Forestry Academy]. M., 1887. 319 p. [in Russian]
- Shchepkin, 1859** – *Shchepkin, M.P.* (1859). Obzor rabot i materialov po voprosam finansovym, politicheskoj ekonomii i statistiki, poyavlyavshihsya v zhurnalakh: Ministerstva Gosudarstvennyh Imushchestv, Ministerstva Vnutrennih Del, Gornom, Manufaktur i Torgovli i Morskome Sbornike. [Review of works and materials on financial, political economy and statistics issues, which appeared in the journals of the Ministry of State Property, the Ministry of Internal Affairs, Mining, Manufactures and Trade and the Maritime Collection]. *Moskovskie vedomosti*. (7): 12-13. [in Russian]
- Shchepkin, 1862** – *Shchepkin, M.P.* (1862). Eshche o narodnyh zheleznyh dorogah [More about people's railways]. *Vek*. (23). [in Russian]
- Shchepkin, 1870** – *Shchepkin, M.P.* (1870). O samoupravlenie [About self-government]. *Russkaya letopis'*. (1). [in Russian]
- Shchepkin, 1879** – *Shchepkin, M.P.* (1879). Gorodskoe hozyajstvo Kazani vo vtoroe chetyrekhletie posle preobrazovaniya (1875–1879 gg.) [Municipal economy of Kazan in the second four-year period after the transformation (1875–1879)]. *Izvestiya Moskovskoj Gorodskoj Dumy*. (13): 4-5. [in Russian]
- Shevlyakova, 2012** – *Shevlyakova, V.V.* (2012). Periodicheskaya pechat' v konce XIX nachale XX v. ob agrarnom voprose v Rossii [Periodicals in the late 19th and early 20th centuries on the agrarian question in Russia]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. (2): 44-50. [in Russian]
- Speranskij, 2023** – *Speranskij, P.A.* (2023). Tsenzura i pechat' Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. v sovremennoj otechestvennoj istoriografii [Censorship and the press of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries in modern Russian historiography]. *Istoriya i sovremennoe mirovzrenie*. (4): 138-143. [in Russian]
- Stebut, 1861** – *Stebut, I.A.* (1861). O nauke sel'skogo hoz-va i o sel'skohozyajstvennom obrazovanii [On agricultural science and agricultural education]. *Zemledel'cheskaya gazeta*. (12): 177-184. [in Russian]
- Stebut, 1867a** – *Stebut, I.A.* (1867). Lugovye sornye travy i ih istreblenie [Meadow weeds and their destruction]. *Zemledel'cheskaya gazeta*. 50-52. [in Russian]
- Stebut, 1867b** – *Stebut, I.A.* (1867). Sornye travy i ih istreblenie. Po sochineniyu E. Kirhgofa [Weeds and their destruction. Based on the work of E. Kirchhoff]. *Sel'skoe hozyajstvo i lesovodstvo*. 94-96. [in Russian]
- Timiryazev, 1887** – *Timiryazev, K.A.* (1877). Oprovergnut li darvinizm? [Has Darwinism been disproved?]. *Russkaya mysl'*. (2): 145-180. [in Russian]
- Timiryazev, 1911** – *Timiryazev, K.A.* (1911). God itogov i pominok [A year of results and commemorations]. *Vestnik Evropy*. 11-12. [in Russian]
- Vostrikov, Korolev, 2015** – *Vostrikov, P.P., Korolev, B.I.* (2015). Gosudarstvennaya cenzurnaya politika v otnoshenii periodicheskoj pechati v Rossii vo vtoroj polovine XIX nachale XX vv. [State censorship policy regarding the periodical press in Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries]. *Vlast'*. (4): 178-183. [in Russian]
- Zhilyakova, 2016** – *Zhilyakova, N.V.* (2016). Istoriya rossijskoj pechati konca XIX – nachala XX vekov. [History of the Russian press in the late 19th – early 20th centuries]. M., 235 p. [in Russian]
- Zmeev, Zajceva, 2004** – *Zmeev, V., Zajceva, N.* (2004). Petrovskaya akademiya [Petrovskaya Academy]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. (11): 145-149. [in Russian]

Тимирязевская сельскохозяйственная академия на страницах периодической печати XIX – начала XX в.

Руслан Асланович Тлепцок^{а, *}

^а Российский государственный аграрный университет МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Тимирязевская сельскохозяйственная академия (основана в 1865 г. как Петровская земледельческая и лесная академия) активно упоминалась в российской периодической печати XIX – начала XX в. Такие издания, как «Московские ведомости», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Земледельческая газета», «Сельское хозяйство и лесоводство», освещали научные достижения, педагогическую деятельность и участие академии в решении актуальных проблем аграрного сектора России. Публиковались труды и лекции видных учёных академии: К.А. Тимирязева - основоположника русской научной школы физиологии растений, А.В. Советова (кормопроизводство), А.Н. Шишкина (сельхозэкономиста), А.С. Ермолова (опытное дело), экономистов М.П. Щепкина и И.И. Иванюкова, агрономов А.П. Людоговского и Н.А. Карышева, И.А. Стебута, ботаника Р.И. Шредера. Периодика стала важной площадкой для дискуссий о роли академии в модернизации сельского хозяйства, формировании её публичного имиджа и демонстрации практической пользы аграрной науки. Эти публикации не только отражали вклад вуза в развитие образования и науки, но и влияли на общественное мнение и государственную политику в аграрной сфере.

Ключевые слова: Тимирязевская сельскохозяйственная академия, периодическая печать XIX – начала XX в., историческая мысль, аграрное развитие, общественные дискуссии, К.А.Тимирязев.

---

* Корреспондирующий автор

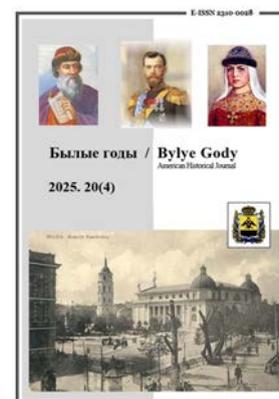
Адреса электронной почты: bum102@yandex.ru (Р.А. Тлепцок)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1876-1883
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1876

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Forming and Development of Physical Culture and Sport in the City of Krasnoyarsk (XIX – beginning of XX centuries)

Nickolay R. Novoseltsev ^{a, d, *}, Roman M. Chistyakov ^a, Dmitrii V. Rakhinskii ^{a, b, c}, Alexander S. Kovalev ^a

^a Siberian federal university, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

^d Kemerovo state university, Russian Federation

Abstract

The purpose of this article is to analyze the development of pre-war physical education in Krasnoyarsk at the turn of the 20th century, compared with other provincial centers and major Siberian cities. A brief overview of the development of physical education and sports institutions in the Russian Empire is provided. The specific features of the Siberian region in terms of physical education and sports development are identified, and the dynamics of sports institutions' development in Krasnoyarsk are compared with those in other major Siberian cities. An explanation is given for the slower development of physical education and sports compared with other Siberian cities. Objectives: to identify the stages in the development of physical education and sports in the late 19th and early 20th centuries, to analyze the details of “Sokol” and the reasons for its demise. The study focuses on the city of Krasnoyarsk. The primary research method is comparative history. As a result of the analysis, the authors conclude that physical education was not very popular, as the majority of the population was already engaged in heavy physical labor. Moreover, the state was greatly afraid of revolutionary ideas and therefore discouraged any societies. But then the first gymnastics societies began to open. In Krasnoyarsk, it was called “Sokol”. It was primarily associated with mass leisure activities and physical education. With the advent of Soviet power, all societies ceased to exist. Three stages in the development of pre-revolutionary physical education and sports can be distinguished in Siberia: before 1900 – the establishment of the first sports societies; 1900–1910 – a period of stagnation associated with the banning of various societies due to revolutionary sentiments; 1910–1914 – the heyday of sports life, the establishment of the first legal societies. In Krasnoyarsk itself, these processes proceeded more slowly than in Siberia as a whole due to its more eastern location, weak mountain biking, and a lack of qualified personnel.

Keywords: Russian Empire, pre-revolutionary sport, Sokol gymnastic society, Siberia, Yenisei province, Krasnoyarsk.

1. Введение

Российское общество в конце XIX – начале XX в. находилось в начале нового витка модернизационного перехода. Капиталистический уклад, прочно укоренившийся в Российской империи, запустил процессы трансформации всех общественных сфер, в том числе и спортивной. В условиях ускоряющейся урбанизации и индустриализации в рамках капиталистического уклада формируется новая городская культура, включающая в себя и развитие совершенно новых общественных форм спорта и физической культуры. В связи с этим было бы ценно учесть опыт прошлого. В этом свете исследование, посвящённое дореволюционному спорту нашего города,

* Corresponding author

E-mail addresses: snoopy87@mail.ru (N.R. Novoseltsev)

способствует его дальнейшему культурному, историческому и спортивному развитию. Соответственно, целью исследования является анализ развития спорта в городе Красноярске до 1917 г. с учётом сибирской специфики.

2. Материалы и методы

В качестве источников были привлечены архивные документы из Государственного архива Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская Федерация), содержащие информацию о сферах деятельности Гимнастического общества «Сокол» (устав общества), о наиболее значимых его членах в г. Красноярске (личные дела), о государственной политике в области спорта и физической культуры, а также о тенденциях, протекающих по этому вопросу в российском обществе (записи заседаний Временного совета по делам физического развития народонаселения Российской империи, стенограммы, доклады заседателей). Ещё одним значительным пластом источников является периодика: она представлена номерами газет «Красноярская мысль», «Енисейская мысль», «Сибирская мысль». В этих номерах содержится подробная информация о деятельности «Сокола», о его сложных взаимоотношениях с Вольно-Пожарным обществом, долгое время определявших его участь; также здесь опубликованы рекламные объявления о рассматриваемых препаратах, отзывы на них, дискуссии между докторами.

Источниковая база исследования состоит из архивной документации: нормативно-правовой (ГАКК. Ф. 433. Оп. 1. Д. 43. Л. 86-101; ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 1613. Л. 1–22), делопроизводственной (циркуляры, доклады и стенограммы заседаний Временного совета по делам физического развития народонаселения Российской империи (ГАКК. Ф. 595. Оп. 35. Д. 1163. Л. 1–59), а также источников личного происхождения, представленных личными делами видных деятелей, организаторов спортивного движения г. Красноярска (ГАКК. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 134. Л. 1-2, 8, 10; ГАКК. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 426. Л. 1). Наибольший комплекс источников составляет периодическая печать (газеты «Енисей», «Красноярск», «Красноярская мысль», «Сибирская мысль» и др.), а также используется ограниченное число фотодокументов, хранящихся в красноярском Музее спорта общества «Локомотив».

Исследование исходит из принципа модернизации, использующейся для объяснения значительно увеличившегося, в рамках становления капитализма и материалистического мировоззрения в России начала XX в., влияния институтов спорта и физической культуры на обывателя. Выполнение задач достигается путём использования историко-генетического метода, помогающего проследить как формирование общих спортивных трендов, так и формирование первых спортивных обществ в г. Красноярске; конкретно-проблемного метода, позволяющего рассмотреть проблему ФКиС через призму деятельности наиболее влиятельной спортивной организации города – «Сокола»; метода диахронного анализа, обеспечивающего крепкую связь и последовательность выделяемых с помощью метода периодизации этапов существования рассматриваемых институтов; историко-сравнительного метода, в рамках которого оказывается возможным выделить общее и особенное каждого из этапов.

3. Обсуждение

Историография представлена фундаментальными трудами А.Б. Суника (Суник, 2010) и Б.Р. Голощапова (Голощапов, 2001), а также региональными исследованиями таких сибирских авторов, как Т.В. Сарычева (Сарычева, 2011), А.А. Боткина (Боткина, Волхонская, 2019), Е.И. Шеенко (Шеенко, Бодюков, 2015), А.Ю. Близнаевский (Близнаевский, 2014), О.Б. Завьялова и А.Ю. Жаткина (Завьялова, Жаткина, 2022). Говоря о последних, следует отметить, что одна часть красноярских авторов допускает значительные методологические ошибки, так как базируется на эклектичном журналистском исследовании (Кузнецова и др., 2009) и, в сущности, занимается пересказом его позиций. Другая часть авторов подходит к предмету исследования с точки зрения педагогической науки, что приводит к неполным для исторического исследования результатам. Отдельно стоит выделить исследование О.Д. Федотовой, И.А. Спивак и Г.Ф. Карповой, чей подробный контент-анализ позволяет более глубоко взглянуть на функции и устройство гимнастических обществ (Федотова и др., 2022). Имеющаяся историография достаточно подробно освещает развитие спортивных институтов в отдельно взятых городах, однако не прибегает к историко-сравнительному анализу в рамках сибирского региона, в связи с этим обобщающее исследование, выделявшее бы специфику региона в целом, отсутствует.

4. Результаты

Становление института спорта как самостоятельной сферы в Российской империи произошло вследствие либеральных реформ, проведённых в период правления Александра II. Превращение сословной системы в классовую, обуржуазивание общества и становление народного образования, а также осознание ценности грамотных систем физического развития в сфере патриотического воспитания заставили государство отойти от прежней схемы представления спортивных обществ как центров подготовки революционеров. «Имея в виду примеры гимнастических обществ...

уклонившихся от своей первоначальной цели и обратившихся в некоторых местах в клубы с весьма опасными направлениями...» – обосновывал свою позицию Комитет министров, отклоняя ходатайство петербургского губернатора об учреждении гимнастического общества в городе в 1863 г. (Люлина, Шенцев, 2022: 254-255). А в 1881 г. открылось первое в истории России спортивное общество для российских граждан – Русское Гимнастическое общество (или РГО). Это событие повлекло за собой ощутимое развитие спортивной сферы как в общественном (к 1900 г. было учреждено 50 подобных обществ, к 1904 г. – уже 100 (Войтик, 2015: 87), а к 1914 г. – более 600 (ГАКК. Ф. 595. Оп. 35. Д. 1163. Л. 23)), так и в государственном сегментах: к 1914 г. Россия утвердила новую систему физического воспитания как в армии, так и в народном образовании, опробовала свои силы на IV и V Олимпийских играх, создала систему государственных органов, занимающихся вопросами развития спорта в стране. Ключевую роль в этом сыграл дворцовый комендант Николая II и, по совместительству, первый (и последний) Главнаблюдающий за физическим развитием народонаселения Российской империи В.Н. Воейков (Князев, 2019: 43).

В сибирские губернии новая тенденция проникла с опозданием в связи с их оторванностью от западных культурных центров. Начатое в 1891 г. строительство Транссибирской железнодорожной магистрали значительно ускорило эти процессы, но по итогу первые спортивные общества начали возникать в Сибири – преимущественно в Западной – лишь в самом конце XIX в.: это омский «Кружок любителей спорта» (Боткина, Волхонская, 2019: 360); образцовое томское «Общество Содействия Физическому развитию» (далее – ОСФР), появившееся благодаря деятельности «сибирского Лесгафта» – В.С. Пирусского – в 1895 г. (Сарычева, 2011: 98). Здесь необходимо отметить, что в это время и у Красноярска были попытки учредить своё первое спортивное общество: им также должно было стать «Общество Содействия Физическому развитию», устав которого в 1898 г. был отослан на утверждение губернатору К.Н. Светлицкому, однако возвращён обратно с просьбой исправить большое количество ошибок в проекте (в том числе и отсутствие подписей учредителей общества) (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 1613. Л. 18). Ошибки, к сожалению, исправлены не были, и на этом история ОСФР в Енисейской губернии оборвалась.

Первое десятилетие XX в. для сибирских спортивных обществ явилось этапом относительно медленной модернизации: накопления материальной базы, квалифицированных кадров, практического опыта организации спортивного досуга населения. Связано это было с тем, что в государстве всё ещё действовали запреты, сильно тормозящие развитие общественных объединений в целом, так и спортивных обществ в частности. Так, лишь 4 (17) марта 1906 г. будет издан Указ «О временных правилах об обществах и союзах», регламентирующий порядок учреждения общественных объединений и принципы их сношений с властью, и лишь в 1907 г. в России будет легализовано сокольское движение, по гимнастической системе которого фактически занималась ощутимая доля спортивных обществ, в том числе и пресловутое РГО. Тем не менее, в это время начали возникать новые общества: в Барнауле учреждается «Гимнастическое общество топографов Алтайского округа» (Шеенко, Бодюков, 2015: 241); внутри томского и красноярского вольно-пожарных обществ открываются физкультурные клубы, в рамках которых проходят самые разнообразные занятия (футбол, фехтование, фигурное катание, лапта, городки).

Время с 1910 по 1914 г. оказывается наиболее плодотворным для спортивных обществ. Включение России в международное олимпийское движение в марте 1911 г., начало разработки государственной системы физического образования в конце 1912 г. (Князев, 2019: 46), а также близящаяся Первая мировая война значительно увеличивают их востребованность, в том числе и для Сибири, где почти в каждом губернском центре учреждается собственное Гимнастическое общество «Сокол» (в Красноярске – 12 февраля 1912 г. (Хроника, 1912г: 1-2); в Томске, так же как и в Барнауле – в 1911 году (Сарычева, 2011: 99)). В Омске в 1913 г. появляется «Общество самообразования и физического развития», в 1915 г. – спортклуб Н.Н. Волкова (Боткина, Волхонская, 2019: 360).

Как можно заключить из предшествующих тезисов, развитие спорта в Красноярске проходило, в целом, чуть медленнее, нежели в большей части других сибирских городов. Причины этому оказываются достаточно разнообразны.

Как уже было упомянуто, вплоть до 1907 г. (снятие запрета на сокольское движение при принятом в 1906 г. Указе «О временных правилах об обществах и союзах») государство препятствовало появлению новых общественных объединений в целом, не желая отпускать монополию на образование населения, поэтому учреждение новых спортивных обществ почти всецело зависело от силы общественной инициативы. Подобная политика обернулась тем, что в Сибири – удалённом от центра регионе, где проявление общественной инициативы значительно осложнялось и сравнительно меньшей материальной базой, и отсутствием квалифицированных кадров – появление спортивных обществ произошло с ощутимым опозданием.

Так как учреждение обществ обеспечивалось благодаря общественным инициативам, необходима была деятельная личность, от которой исходила бы подобная инициатива. Для Томска подобной личностью явилась известная фигура «сибирского Лесгафта» – В.С. Пирусский, который оказался в Томской губернии в 1885 г. В Барнауле инициатором создания сокольского общества явился некий чех по фамилии Пржигода, также появившийся в Томской губернии примерно на

рубеже XIX-XX вв. (Шеенко, Бодюков, 2015: 241). В Омске самым фанатичным спортсменом стал потомок декабристов князь А.А. Трубецкой, родившийся в 1889 г. (Боткина, Волхонская, 2019: 360). В Красноярске же теми личностями, которые развивали единственное существовавшее в нашей дореволюционной истории спортивное общество (исключая шахматный кружок, который подходит под понятие «спорт», но не является институтом физической культуры), явились двое ссыльных: председатель общества Георгий Павлович Полонский, прибывший в Енисейскую губернию в конце XIX в. после окончания Военно-топографического училища в Санкт-Петербурге в 1896 г. (ГАКК. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 426. Л. 1), и Лука Христианович Лоренцен, высланный в Красноярск в 1910 г. триангулятором на геодезические работы (ГАКК. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 134. Л. 1-2). Г.П. Полонский являлся профессиональным врачом, а Л.Х. Лоренцен окончил пражские высшие руководительские курсы по гимнастике в 1897 г. Бесспорно, это были талантливые люди, с которых и началась систематическая организация спортивной жизни в городе. Однако они прибыли в город чуть позже своих коллег из других губернских центров: Г.П. Полонский, пусть и прибыл уже в конце XIX в., вплоть до приезда Л.Х. Лоренцена занимал пост члена-председателя Красноярского Вольно-Пожарного общества и решал проблемы именно последнего; лишь с приездом коллеги он получил возможность обратить свои силы на развитие спортивной сферы.

Далее: в развитии институтов спорта в сибирских городах серьёзно помогала преемственность между спортивными обществами. Так, омское «Общество самообразования и физического развития» 1913 г. создания выросло из «Кружка любителей спорта» Трубецкого. У барнаульского «Сокола» был фундамент в виде «Гимнастического общества топографов Алтайского округа». Томский «Сокол» вышел из ОСФР и спортивных мероприятий, устраиваемых местным Вольно-Пожарным обществом. У Красноярска подобного начального фундамента не оказалось, если не считать Вольно-Пожарного общества, с которым у соколов, наоборот, случился конфликт на почве чрезмерных ассигнований, отпускаемых им обществом, и они, вынужденные отсоединиться от пожарных, на какое-то время даже лишились помещения, где могли бы устраивать занятия (Хроника, 1912а: 2). Как уже упоминалось, инициатива по учреждению в Красноярске ОСФР в 1897–1898 гг. провалилась, так как отправленный на утверждение генерал-губернатору устав общества обнаружил в себе несколько грубых ошибок, а исправить их и отправить устав повторно так никто и не решился. Нерешительность и определённая степень пассивности, иллюстрируемые примером с учреждением ОСФР, на практике были очень присущи населению Красноярска, особенно если касаться области спорта. Очень показательной в этом свете выглядит ситуация с учреждением многострадального ледового катка: в разные моменты жизни города его пытались организовать и Городская управа (Хроника, 1912с: 1), и Общество попечения о начальном образовании, и Вольно-Пожарное общество. Проект неизменно забрасывался на полпути. Отдельно стоит выделить попытки клуба пожарных: в 1910 г. ему было отказано в возможности организовать каток в Городском парке из-за опасности повредить насаждения (Хроника, 1910: 2-3); зимой 1911–1912 г. они просто не устроили каток в срок, несмотря на имеющуюся у них возможность (Хроника, 1912е: 3). В ноябре 1912 г. Городская управа вновь отказала пожарным в устройстве катка, причём по тем же причинам, что были оговорены в 1910 г., хотя опасения повредить насаждения были признаны общественностью беспочвенными.

Определённую роль сыграло и банальное невезение. Так, Красноярское Вольно-Пожарное общество ещё с 1906 г. предпринимало попытки по внедрению в программу своего клуба систематических занятий спортом. Однако «всему помешал пожар», действительно имевший место быть в 1909 г. и сжёгший старое здание клуба пожарных с большей частью спортивного инвентаря (Вихров, 1913: 3).

Ещё больший отрицательный эффект на развитие спорта в Красноярске оказала подпорченная чередой нелепых выходов репутация «Сокола». Негативный информационный фон вокруг него в прессе стал образовываться ещё с момента его конфликта с Вольно-Пожарным обществом. Сокольские спортсмены, занимаясь в здании клуба пожарных, сильно затягивали свои занятия, задерживая собрания его членов до позднего вечера, и от этого удостаивались едкого словца от «Красноярской мысли», называвшей их тренировки «соколиной потехой» (Общественная жизнь, 1911: 2-3). Ссора с самым популярным обществом города привела к такой ситуации, когда даже самая незначительная казусная ситуация, случавшаяся с «Соколом», вроде грубого гимнаста на сокольском вечере (Хроника, 1912f: 2) или открывшегося рядом с сокольским катком пивного ларька (Хроника, 1912е: 2), в подчёркнуто негативном ключе освещалась в газете. В этом свете неслучайным выглядит ощутимый отток членов сокольского общества за период с апреля 1911 г., когда в нем числились 95 мужчин и 22 женщины (Хроника, 1911: 3), до февраля 1912 г., когда в нём осталось лишь 66 человек (Хроника, 1912е: 3). С одной стороны, это можно объяснить нежеланием ощутимой части посетителей сокольского кружка становиться участниками полноценного общества, налагающего, вместе со льготами, и определённые обязательства – такие, как ежегодные членские взносы, например, – но, с другой, на принятие этого решения мог оказать своё влияние и подпорченный газетами престиж «Сокола».

Слабая материальная база (которая оскудела ещё сильнее после упомянутого пожара), недостаточная заинтересованность красноярского населения в физических активностях, позднее прибытие потенциальных лидеров спортивных организаций – в частности, квалифицированного

гимнаста Л.Х. Лоренцена, а также неудобный конфликт, отразившийся на репутации новообразованного гимнастического общества «Сокол», привели к тому, что дореволюционное спортивное наследие Красноярска оказалось, в целом, беднее, чем в других губернских центрах Сибири.

Физическое воспитание в школах также оставалось на очень низком уровне (ГАКК. Ф. 595. Оп. 35. Д. 1163. Л. 10–11). Было отмечено, что большинство профессий переориентировало людей на сидячий образ жизни, исключая работу, связанную с физической силой. Система образования оказалась чрезмерно перегружена интеллектуальными дисциплинами и игнорировала физическую культуру годами. Показательным является случай Канского городского четырёхклассного училища, где гимнастические упражнения проводились не на отдельном уроке, а на большой перемене (ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1783. Л. 6–7).

5. Заключение

Становление институтов спорта в Российской империи произошло в связи с проведением либеральных реформ Александра II, приведших к разложению сословий на классы, формированию народного образования и обуржуазиванию общества. Долгое время государство препятствовало созданию новых общественных институтов, опасаясь того инструментария, который могут они предоставить оппозиционно настроенным слоям населения, однако ближе к Первой мировой войне сняло все запреты и начало активно сотрудничать с ними, выстраивая государственную систему образования и воспитания на основе выработанных спортивными обществами методик.

В Сибири новые тенденции обнаружили себя лишь в самом конце XIX в., когда началось строительство Транссибирской магистрали, а интенсивное развитие получили лишь с первой половины 1910-х гг. Условно довоенное развитие спортивных обществ на территории Сибири можно разделить на три этапа:

1. Вторая половина 1890-х гг. Учреждение первых спортивных обществ в сибирских городах, приобретение первого практического опыта в организации спортивной жизни горожан.

2. 1900-е гг. Период стагнации, связанный с сохранением государственных запретов как на учреждение общественных объединений, так и на спортивные общества в целом, начавший преодолеваться с 1905 г., когда был принят Указ «О временных правилах об обществах и союзах», а затем создан Союз Русского сокольства.

3. 1910–1914 гг. Расцвет спортивной жизни в сибирских городах. Становление легальных «сокольских» обществ, формирование первых масштабных спортивных объектов (например, красноярский стадион «Сокол»), систематическое проведение внутригородских и междугородних соревнований. Включение членов спортивных обществ в преподавание физической культуры в образовательных учреждениях.

В Красноярске развитие спорта шло, в целом, медленнее, нежели в других сибирских центрах. Помимо очевидного расположения в менее развитой Восточной Сибири, гораздо более слабой материальной базы и отсутствия квалифицированных кадров, это было обусловлено и за счёт субъективных факторов: неосторожной, дискредитирующей деятельности Красноярского гимнастического общества «Сокол», некоторой апатичности горожан в вопросах развития спорта, а также по вине пожара 1909 г., который, вместе со старым зданием Вольно-Пожарного общества, уничтожил большую часть спортивного инвентаря клуба.

Литература

Близневский, 2014 – Близневский А.Ю. Развитие системы управления физической культурой и спортом на территории Красноярского края // *Теория и практика физической культуры*. 2014. №12. С. 15–17.

Боткина, Волхонская, 2019 – Боткина А.А., Волхонская Г.П. Легкая атлетика Омской области: к истории развития // *Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма*. 2019. №1. С. 358–366.

Вихров, 1913 – Вихров В. Сокольское собрание // *Енисейская мысль*. 1913. № 67. С. 1–4.

Войтик, 2015 – Войтик Е.А. Спорт как тема в провинциальной прессе XIX в. // *Вестник Воронежского Государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2015. №1. С. 84–87.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Голощапов, 2001 – Голощапов Б.Р. История физической культуры и спорта. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 312 с.

Завьялова, Жаткина 2022 – Завьялова О.Б., Жаткина А.Ю. История становления и развития физической культуры и спорта в Красноярском крае / *Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма: материалы XVI Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию ФГБОУ ВО «УГАТУ»*. Уфа, 2022. С. 5–8.

Князев, 2019 – Князев М.А. Государственная деятельность В.Н. Воейкова в контексте российской истории начала XX века // *Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*. 2019. № 6. С. 43–51.

- Кузнецова и др., 2009 – Кузнецова Т.В., Ануфриев А.М., Статейнов А.П., Семьина Е.К. История Красноярского края. Т. 4. Спорт. Красноярск: издательство «Буква С», 2009. 400 с.
- Люлина, Шенцев, 2022 – Люлина Н.В., Шенцев С.И. История гимнастических обществ и становление гимнастики в России // *Всемирные студенческие игры: история, современность и тенденции развития*. Красноярск, 2022. С. 254-259.
- Общественная жизнь, 1911 – Общественная жизнь. Соколиная потеха и общее собрание членов клуба вольно-пожарного общества // *Красноярская мысль*. 1911. № 7. С. 2-3.
- Сарычева, 2011 – Сарычева Т.В. История становления физкультурных организаций в Томской губернии (конец XIX – начало XX столетия) // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 352. С. 98-100.
- Суник, 2010 – Суник А. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Издательство «Советский спорт», 2010. 614 с.
- Федотова и др., 2022 – Федотова О.Д., Спивак И.А., Карпова Г.Ф. Влияние панславистских идей Мирослава Тырша на просветительскую деятельность российских общественных организаций начала XX века // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2022. Т. 10. № 1. С. 1-10.
- Хроника, 1910 – Хроника. К устройству катка // *Красноярская мысль*. 1910. № 22. С. 1-4.
- Хроника, 1911 – Хроника. Рост сокольства // *Красноярская мысль*. 1911. № 91. С. 3.
- Хроника, 1912a – Хроника. Бездействующий каток // *Сибирская мысль*. 1912. № 9. С. 1-4.
- Хроника, 1912b – Хроника. Противоречие уставу // *Енисейская мысль*. 1912. № 22. С. 2.
- Хроника, 1912c – Хроника. Запоздалый каток // *Сибирская мысль*. 1912. № 16. С. 1-4.
- Хроника, 1912d – Хроника. Новое общество // *Сибирская мысль*. 1912. № 36. С. 1-4.
- Хроника, 1912e – Хроника. Учредительное собрание // *Сибирская мысль*. 1912. № 38. С. 3.
- Хроника, 1912f – Хроника. «Культурный» сиятельный сокол!? // *Сибирская мысль*. 1912. № 64. С. 2.
- Хроника, 1912g – Хроника. Каток в Городском саду // *Сибирская мысль*. 1912. № 239. С. 1-4.
- Шеенко, Бодоков, 2015 – Шеенко Е.И., Бодоков Е.В. Физкультурное просвещение на Алтае в первой половине XX века // *Мир науки, культуры, образования*. 2015. № 2(51). С. 240-242.

References

- Bliznevskiy, 2014 – Bliznevskiy, A.Y. (2014). Razvitiye sistemy upravleniya fizicheskoy kul'turoy i sportom na territorii Krasnoyarskogo kraya [Development of the physical culture and sports management system in the Krasnoyarsk Krai]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 12: 15-17. [in Russian]
- Botkina, Volkhonskaya, 2019 – Botkina, A.A., Volkhonskaya, G.P. (2019). Legkaya atletika Omskoy oblasti: k istorii razvitiya [Athletics in Omsk Region: the history of development]. *Problemy sovershenstvovaniya fizicheskoy kul'tury, sporta i olimpizma*. 1: 358-366. [in Russian]
- Fedotova i dr., 2022 – Fedotova, O.D., Spivak, I.A., Karpova, G. F. (2022). Vliyaniye panslavistskikh idey Miroslava Tyrsha na prosvetitel'skuyu deyatel'nost' rossiyskikh obshchestvennykh organizatsiy nachala XX veka [The influence of Miroslav Tyrsh's pan-Slavic ideas on the educational activities of Russian public organizations at the beginning of the 20th century] *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 10(1): 1-10. [in Russian]
- ГАКК – Gosudarstvennyi arhiv Krasnoyarskogo kraya [State archive of the Krasnoyarsk region].
- Goloshchapov, 2001 – Goloshchapov, B.R. (2001). Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta [History of physical education and sports]. Moskva: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya». 312 p. [in Russian]
- Khronika, 1910 – Khronika. K ustroystvu katka [Chronicle. On the skating rink's construction] *Krasnoyarskaya mysl'*. 1910. 22: 1-4. [in Russian]
- Khronika, 1911 – Khronika. Rost sokol'stva [Chronicle. The growth of falconry]. *Krasnoyarskaya mysl'*. 1911. 91: 3. [in Russian]
- Khronika, 1912a – Khronika. Protivorechiye ustavu [Chronicle. Contradicting the charter]. *Yeniseyskaya mysl'*. 1912.22: 2. [in Russian]
- Khronika, 1912b – Khronika. Bezdeystvuyushchiy katok [Chronicle. An inactive skating rink]. *Sibirskaya mysl'*. 1912. 9: 1-4. [in Russian]
- Khronika, 1912c – Khronika. Zapozdalyy katok [Chronicle. A belated roller]. *Sibirskaya mysl'*. 1912. 16: 1-4. [in Russian]
- Khronika, 1912d – Khronika. Novoye obshchestvo [Chronicle. New Society] *Sibirskaya mysl'*. 1912. 36: 1-4. [in Russian]
- Khronika, 1912e – Khronika. Uchreditel'noye sobraniye [Chronicle. Constituent assembly]. *Sibirskaya mysl'*. 1912. 38: 3. [in Russian]
- Khronika, 1912f – Khronika. «Kul'turnyy» siyatel'nyy sokol!? [Chronicle. "Cultural" radiant falcon!/] *Sibirskaya mysl'*. 1912. № 64. S. 2 [in Russian]
- Khronika, 1912g – Khronika. Katok v Gorodskom sadu [Chronicle. Ice rink in the City Garden] *Sibirskaya mysl'*. 1912. 239: 1-4. [in Russian]
- Knyazev, 2019 – Knyazev, M.A. (2019). Gosudarstvennaya deyatel'nost' V.N. Voyeykova v kontekste rossiyskoy istorii nachala XX veka [The state activities of V.N. Voeikov in the context of Russian history of

the early 20th century]. *Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N.I. Lobachevskogo*. 6: 43-51. [in Russian]

Kuznetsova i dr., 2009 – Kuznetsova, T.V., Anufriev, A.M., Stateinov, A.P., Semyina, E.K. (2009). *Istoriya Krasnoyarskogo kraya*. T. 4. Sport [History of Krasnoyarsk region. Vol. 4. Sport]. Krasnoyarsk: izdatel'stvo «Bukva S». 400 p. [in Russian]

Lyulina, Shentsev, 2022 – Lyulina, N.V., Shentsev, S. I. (2022). *Istoriya gimnasticheskikh obshchestv i stanovleniye gimnastiki v Rossii* [History of gymnastic societies and the development of gymnastics in Russia] *Vsemirnyye studencheskiye igry: istoriya, sovremennost' i tendentsii razvitiya*. Krasnoyarsk. Pp. 254-259. [in Russian]

Obshchestvennaya zhizn', 1911 – Obshchestvennaya zhizn'. Sokolinaya potekha i obshcheye sobraniye chlenov kluba vol'no-pozharnogo obshchestva [Social life. Falconry and a general meeting of members of the volunteer firefighters' club]. *Krasnoyarskaya mysl'*. 7: 2-3. [in Russian]

Sarycheva, 2011 – Sarycheva, T.V. (2011). *Istoriya stanovleniya fizkul'turnykh organizatsiy v Tomskoy gubernii (konets XIX – nachalo XX stoletiya)* [History of the formation of physical education organizations in Tomsk province (late 19th – early 20th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 352: 98-100. [in Russian]

Sunik, 2010 – Sunik, A. (2010). *Ocherki otechestvennoy istoriografii istorii fizicheskoy kul'tury i sporta* [Essays on Russian historiography of the history of physical culture and sports]. Moskva: Izdatel'stvo «Sovetskiy sport». 614 p. [in Russian]

Sheyenko, Bodyukov, 2015 – Sheyenko, Y.I., Bodyukov, E.V. (2015). *Fizkul'turnoye prosveshcheniye na Altaye v pervoy polovine XX veka* [Physical education in Altai in the first half of the 20th century]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2(51): 240-242 [in Russian]

Vikhrov, 1913 – Vikhrov, V. (1913). Sokol'skoye sobraniye [Sokolsky collection]. *Yeniseyskaya mysl'*. 67: 1-4. [in Russian]

Voytik, 2015 – Voytik, Y.A. (2015). *Sport kak tema v provintsial'noy presse XIX v* [Sports as a topic in the provincial press of the 19th century]. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 1: 84-87. [in Russian]

Zav'yalova, Zhatkina, 2022 – Zav'yalova, O.B., Zhatkina, A.Y. (2022). *Istoriya stanovleniya i razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v Krasnoyarskom krae* [History of the formation and development of physical culture and sports in the Krasnoyarsk region]. *Aktual'nyye problemy fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma: materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu FGBOU VO «UGATU»*. Ufa. Pp. 5-8. [in Russian]

Формирование и развитие физической культуры и спорта в городе Красноярске (XIX – начало XX в.)

Николай Рзавич Новосельцев^{a, d, *}, Роман Михайлович Чистяков^a,
Дмитрий Владимирович Рахинский^{a, b, c}, Александр Сергеевич Ковалев^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Российская Федерация

^d Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – анализ развития довоенной физической культуры в городе Красноярске на рубеже XIX – XX вв. в сравнении с другими губернскими центрами и крупными городами Сибири. Дается краткая характеристика развития институтов физической культуры и спорта в Российской империи. Определяется специфика сибирского региона в рамках развития физической культуры и спорта, сравнивается динамика развития спортивных институтов в Красноярске и в других крупных сибирских городах. Дается объяснение более медленному развитию физической культуры и спорта в сравнении с другими сибирскими городами. Задачи работы: выявить этапы в развитии физической культуры и спорта в конце XIX – начале XX в., проанализировать деятельность «Сокола» и причины остановки его деятельности. Территориальные рамки – город Красноярск. Основной метод исследования – сравнительно-исторический. В результате анализа авторы пришли к выводу, что физическая культура была не сильно популярна, так как работа большинства населения была и так связана с тяжёлым физическим трудом. Более того, государство очень боялось революционных идей, и поэтому всякие общества не поощрялись. Но затем всё равно начали открываться первые гимнастические общества. В Красноярске такое общество называлось

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: snoopy87@mail.ru (Н.Р. Новосельцев)

«Сокол». Оно по большей части было связано с массовым времяпрепровождением и занятием физической культурой. С наступлением советской власти все общества прекратили своё существование. В Сибири можно выделить три этапа развития дореволюционного ФКиС: до 1900 г. – учреждение первых спортивных обществ; 1900–1910 гг. – период стагнации, связанный с запретами различных обществ из-за революционных настроений; 1910–1914 гг. – расцвет спортивной жизни, учреждение первых легальных обществ. В самом Красноярске эти процессы шли медленнее, чем в общем по Сибири, из-за более восточного расположения, слабой МТБ, отсутствия квалифицированных кадров.

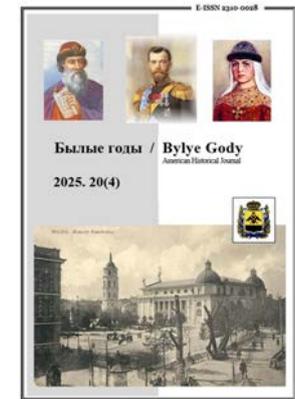
Ключевые слова: Российская империя, дореволюционная спорт, гимнастическое общество «Сокол», Сибирь, Енисейская губерния, Красноярск.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1884-1896
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1884

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Features of the Social and Medical Examination of the Mentally Ill in the Yenisei Province in the second half of the 19th – early 20th centuries

Alexander S. Kovalev ^{a,*}, Nikolai R. Novosel'tsev ^{a,d}, Dmitry V. Rakhinsky ^{a,b,c}, Oleg I. Savin ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

^d Kemerovo State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the features of social and medical examination of persons with mental disorders in the Yenisei Province in the second half of the 19th – early 20th centuries. The source base consists of unpublished archival materials from the State Archives of the Krasnoyarsk Territory, which are used to reconstruct the multi-stage procedure for determining 'mental illness.' It included public diagnosis, medical examination, and 'testing' in an insane asylum. Particular attention is paid to the professional activities of local doctors and psychiatrists, who combined somatic examination, assessment of mental status through conversation with the patient, and observation of behavior. The study reveals the regional specifics of the implementation of all-Russian norms in the conditions of underdeveloped medicine in Siberia.

The formation of a special institution was noted, which included officials, doctors, and representatives of various social classes, which contributed to the integration of psychiatric activities. Some contradictions were found in the practices studied: on the one hand, there were methods of observation and questioning that were progressive for their time, and on the other hand, there were punitive measures and practices of 'restraint,' a lack of qualified personnel, and a low level of psychiatric literacy, which often led to the stigmatization of patients. An important part of the study is the analysis of the interaction between medical and legal discourses.

Specific cases demonstrate how medical diagnoses influenced a person's legal status and vice versa, especially in cases of 'epileptic insanity' when patients committed offences while unconscious. This created a legal vacuum in which the mentally ill found themselves hostage to the medical and judicial systems. Overall, the practice of examining the insane in the Yenisei Province at the turn of the 19th and 20th centuries appears to be a symbiosis of community tradition, medical knowledge, and administrative coercion in the context of the formation of Russian state psychiatry.

Keywords: history of psychiatry, mentally ill, Yenisei Province, social and medical examination.

1. Введение

В настоящее время возрастает интерес современной исторической науки к проблемам социальной адаптации и медицинского контроля маргинализированных групп в Российской империи. Особую значимость в контексте современных вызовов – роста психических расстройств, проблем принудительной госпитализации и поиска баланса между медицинским контролем и социальной интеграцией – приобретает изучение исторического опыта медицинского воздействия в отношении лиц, страдавших психическими заболеваниями. Актуальность исследования

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), OlegGTS@yandex.ru (O.I. Savin)

продиктована необходимостью глубокого осмысления исторических корней современных проблем в сфере охраны психического здоровья, а также необходимостью ревизии традиционных медицинских нарративов о становлении российской психиатрии. В этом смысле уникальное пространство для изучения медицинского определения психической заболеваемости представляет Енисейская губерния второй половины XIX – начала XX в., где практики освидетельствования душевнобольных сталкивались с особенностями сибирского региона, мало знакомого с тенденциями развития психиатрической помощи в Центральной России. Обращение к региональному историческому опыту и анализу дореволюционных практик освидетельствования умалишённых в Енисейской губернии представляет особый научный интерес ещё и потому, что в исследуемый период происходит становление диагностики душевных болезней в условиях профессиональной медицинской помощи.

2. Материалы и методы

Документальную базу исследования составляют ранее не публиковавшиеся материалы, извлечённые из фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК) (г. Красноярск, Российская Федерация): Ф. 518 «Контора красноярских богоугодных заведений Енисейского губернского приказа общественного призрения» и Ф. 595 «Енисейское губернское управление». При проведении исследования были использованы материалы переписки представителей администрации сибирских губерний с Сенатом, губернских врачебных управ и губернских управлений, акты обследования врачей Енисейской губернии, документы о принятии в дом умалишённых, материалы бесед с больными, скорбные листы, заключения старшего врача психиатрического отделения Красноярской городской больницы, прошения об освобождении или передаче под опеку умалишённых родственников, материалы судебного делопроизводства.

Методологическую основу исследования составляет мультидисциплинарный подход, основанный на идеях и принципах исторической антропологии, «новой социальной истории», микроистории. Изучение истории «снизу» предполагает взгляд на прошлое через призму опыта рядовых обывателей с целью услышать «голос» самих умалишённых, которые были не только объектами диагноза и изоляции, но и обычными людьми. Анализ жизни лиц, признаваемых невменяемыми, через изучение их опыта пребывания в состоянии самой психической болезни, статусе объекта освидетельствования, обитателя-пациента психиатрического отделения позволяет ответить на вопросы: кто, как и почему признавался умалишённым в Енисейской губернии, в каких социальных и медицинских границах существовало психическое заболевание. Подобный подход помогает проанализировать медицинские заключения на предмет «прямой речи» самих душевнобольных, определить, как они описывали своё состояние, была ли процедура освидетельствования монологом врача или его диалогом с больным. Микроисторический анализ нескольких случаев способствует пониманию того, как проходил сам акт освидетельствования. Особую роль приобретает изучение дискурса и языка, которым описывали психическую болезнь врачи, чиновники, обыватели, сами больные. Применение используемой методологии позволяет увидеть за сухими материалами о «сумасшедших» живых людей с их страданиями, изучить не просто истории болезни, а оценить взаимодействие власти, знания и человеческой субъективности.

3. Обсуждение

В отечественной историографии XXI века довольно подробно рассматриваются вопросы становления и развития психиатрической помощи в отдельных губерниях Российской империи. О.В. Терешкина и Е.Н. Бобкова изучают особенности тульских психиатрических заведений в контексте общероссийских реформ здравоохранения (Терешкина, Бобкова, 2018). О.С. Киценко и И.В. Чернышева освещают становление земской психиатрической службы на примере Саратовской губернии на рубеже XIX–XX вв., отмечая ряд прогрессивных изменений в оказании медицинской помощи душевнобольным в России в пореформенный период (Киценко, Чернышева, 2016). И.В. Егорышева делает обзор организации лечебных учреждений для душевнобольных в России в условиях становления земской медицины в пореформенной России, отмечая развитие медицинских методов работы с умалишённым населением (Егорышева, 2015). В ряде публикаций М.А. Некрасова рассматриваются основные этапы дореволюционного периода формирования психиатрической помощи в Орловской области. Автор отмечает, что появление земских психиатрических больниц стало основой для развития психиатрической помощи в России (Некрасов, 2008; Некрасов, 2012; Некрасов, 2014). Т.Ю. Шестова освещает становление психиатрической службы в Пермской губернии, уделяя внимание роли пермского губернского земства в работе с психиатрическими больными (Шестова, 2023). Среди сибирских исследователей только А.И. Потапов и А.П. Агарков представили подробный анализ развития научной и практической психиатрии в Сибири и на Дальнем Востоке в начале XX в. после создания Томской клинической психиатрической больницы (Потапов, Агарков, 2008).

В то же время вопросы освидетельствования душевнобольных, в том числе при помещении в специализированные учреждения, изучены в меньшей степени и крайне фрагментарно. Я.А. Ерофеев, анализируя особенности психиатрической помощи в городах Тобольской губернии, уделяет внимание правилам приёма в специализированные учреждения, формам заболеваний и методам лечения

(Ерофеев, 2015). Е.Ю. Диук изучает «скорбные листы» и личные истории пациентов, в которых частично прослеживаются процессы социально-медицинского освидетельствования (Диук, 2021). Н.Л. Авилова и А.С. Третьяк, характеризуя генезис психиатрической службы в губерниях Центрального Черноземья, определяют неразвитость диагностики как одну из проблем, с которыми пришлось столкнуться земским деятелям в процессе организации медицинской помощи душевнобольным лицам (Авилова, Третьяк, 2008).

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на интерес исследователей к проблемам становления психиатрии в различных регионах Российской империи, вопросы социально-медицинского освидетельствования умалишённых так и не стали предметом специального исторического исследования. Восполнить этот пробел на примере Енисейской губернии является основной целью представленного исследования.

4. Результаты

В одном из предыдущих номеров журнала «Былые годы» одним из авторов настоящей статьи, А.С. Ковалевым (Kovalev, 2025), был представлен опыт первичной, непрофессиональной, общественной диагностики случаев помешательства среди разных категорий населения Енисейской губернии. Фактором, который повлиял на её развитие, было отсутствие в отдалённых местностях региона профессиональной медицинской помощи. После того, как происходило «открытие случая» психического заболевания, больного препровождали «по инстанции» дальше.

Однако прежде чем потенциальный больной попадал в Особое присутствие, он проходил длительную процедуру предварительного подтверждения психического заболевания. Так, после «общественной диагностики» следующим этапом в определении судьбы умалишённого становилось медицинское освидетельствование – больного направляли в городское или окружное полицейское управление, где его осматривал городской врач. Некоторое время он наблюдал за больным, фиксируя: 1) общее физическое состояние; 2) ментальные нарушения; 3) особенности «безумного» поведения.

В XIX в. психиатры активно изучали физическое состояние больного, что отражало медицинские и научные представления того времени. Изучение физических особенностей было попыткой найти объективные причины сумасшествия. Господствовала соматическая теория психических расстройств, согласно которой психические болезни вызываются физическими нарушениями. Диагноз потенциальному душевнобольному ставился в том числе на основе «наблюдаемых симптомов», таких как судороги, увеличенный размер зрачков, повышенные пульс и температура, телесные нарушения. Передовые взгляды психиатров, например, знаменитого С.С. Корсакова, о том, что психические заболевания вызваны изменениями в головном мозге вследствие вредных влияний (т.е. психические болезни – это болезни головного мозга), до Сибири ещё не дошли.

Поэтому в актах обследования врачей Енисейской губернии содержались следующие замечания относительно физического состояния больных самого разного возраста: «...26 лет от роду, роста выше среднего, костная и мышечная система хороша развита, подкожный и жировой слой умеренно развит... Строение черепа и лица ничего особенного не представляет, асимметрии нет. Выражение лица несколько улыбающееся... Зрачки равнозначные, нормально реагируют на свет. Чувствительность кожи нормальная. Надавливание на позвонки боли не вызывает, при высовывании языка заметно некоторое дрожание. Мышечная сила хорошо развита. Походка ничего особенного не представляет, строение желудочно-кишечного канала правильное. Сон хороший» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 72); «35 лет, крепкого телосложения, посредственно упитан, все тело дрожит, в лице заключается беспокойство, ритм сердца ускорен, по ночам не спит» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 46); «температура тела низка, ощущение холода, взгляд бессмысленный» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 172); «...35 лет, ходит плохо, спотыкаясь, рефлексы понижены. Температура 37,6. Жалуется на головную боль, бессонницу...» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 24-240б.); «40 лет, телосложения среднего, истощен, цвет кожи землисто желтоватый, слизистые оболочки бледны, лицо опухшее, десны синеватые, кровоточны, на ногах различной величины кровавые экхимозы (в просторечии синяки – Прим. авт.)» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6319. Л. 6); «...около 50 лет, истощен, кожа бледная, выражение лица больного человека, пульс спокойный» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 71); «...50 лет, телосложения среднего, питания плохого, находится в несколько возбужденном состоянии» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 56); «50 лет, телосложение хорошее, костная система правильно развита, мускулы достаточно развиты, здоровый, никаких ушибов на теле нет, грудь хорошо развита, симметрична, при дыхании расширяется правильно, органы брюшной полости никаких отклонений от нормы не имеют. Есть небольшая грыжа... Пульс ровный и мягкий, 82 удара, движения тела правильные» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78).

Затем шло непосредственное психиатрическое обследование. Основным приёмом был расспрос больного. Как отмечал известный психиатр П.В. Ганнушкин, главным методом была беседа с душевнобольным по методике «вопрос – ответ», в ходе которой врач должен вдумчиво и внимательно относиться к больному, быть «художником в деле разговора с больными», уметь получить от больного нужную информацию (Ганнушкин, 1964: 32-33).

О больных из Енисейской губернии в актах обследования были обнаружены характеристики, которые говорят, в первую очередь, о самой готовности говорить. Довольно часто в ходе расспроса выяснялось, что человек «на вопросы отвечает последовательно... запас слов, достаточный для человека его среды и культуры» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 72); «...слова произносит правильно, с малороссийским выговором... на предлагаемые вопросы отвечает разумно» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78). А вот речевое недержание с ускоренным темпом речи, бессвязным и скачкообразным содержанием, возбуждением и эйфорией оценивалось как симптом психического или неврологического расстройства: «...говорит без удержу, преимущественно о себе... быстро перескакивает в разговоре с предмета на предмет, часто повторяется, речь очень быстрая» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 56). Точно также отсутствие речевой активности или редкие односложные ответы с длинными паузами свидетельствовали о нарушении: «...на вопросы ничего не отвечает, только при повторе вопроса едва внятно пробормотал: "Не знаю"» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6319. Л. 7-70б.).

В ходе беседы также был важен разговор на повседневные темы. В процессе расспроса нередко обнаруживалась причина заболевания – «...когда парнишкой был, в своих местах волков испугался», а также важная информация о социальном и семейном положении (в том числе о возможных наследственных патологиях), прошлом больного: «На Родине, в России, был каменщиком, за кражу... был сослан в Сибирь, "один пришел, был холост"» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78); «Относительно семейного положения [больной] объяснил, что он холост, имеет мать и двух сестер. Отец умер нынешним летом от водянки. Мать и сестры здоровы, но... душевное состояние матери не совсем нормальное. Занимается крестьянскими работами, своего дома не имеет, а живет в работниках. Последнее время жил в Ингаше...» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 72).

Во время беседы обнаруживались значительные изменения в личности больного, восприятии им себя и окружающего мира, что свидетельствовало о наличии психического расстройства. Так, Устинья Г-ва охотно рассказывала о себе и о муже, однако содержание беседы показывало наличие ложных воспоминаний: «...отвечает, что она вчера венчалась, мужей у нее три, о детях то говорит, что их нет, то перечисляет их по именам, на вопрос о ее годах говорит, что ей 40, потом 30, потом 25» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 59).

Ачинский мещанин Ус-в в ходе беседы с врачом сообщил о себе, что он «отправлен на службу в Енисейск... служит в гвардии, в... полку [названном в честь него]», «кавалерийский полк теперь стоит в Ачинске с 1864 г., и он состоит в [нем]». На вопросы, воевал ли он, Ус-в, всю жизнь проживший в Ачинске, отвечал, что «...в Казань ходил, под Турцию... Турок не давал Казань, поэтому я сделал стычку с татарами... 1,5 года шла война... у меня зятя есть и брат – короли, они мне давали войско, а они живут в Царьграде безвыходно» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 710б.).

У Ус-ва в то же время наблюдалась эмоциональная реакция, называемая психиатрами амбивалентностью – одновременное проявление противоположных чувств любви и ненависти к собственной жене. На вопрос врача «доволен ли он и счастлив ли в семейной жизни», Ус-в «осыпал бранью жену свою, между тем как... на вопросы врача, любит ли он свою супругу, отвечал, что жена его очень добра, и что он с ней вполне счастлив» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 710б.). Он воспринимал её как двух разных людей, когда видел и когда вспоминал о ней, что свидетельствовало об избирательной амнезии – одном из симптомов психического заболевания.

Таким образом, в ходе беседы врач выявлял и проводил оценку верных или ложных представлений, идей и суждений (т.е. проводил анализ содержания мышления), определял способность больного осознавать адекватность своих идей и реалистичность суждений, устанавливал наличие связи ложных идей между собой. В случае, если нарушений не было, в заключении указывалось: «безумных идей или ложных представлений не обнаружено», «способность мышления сохранена», «логическая связь представлений правильна», «быстрота восприятия нормальна» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 72; Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78). В противном случае врач констатировал: «Обнаружены ложные суждения относительно отношения к окружающему миру, существование... круга ложных представлений и безумных идей, с возвышенной переоценкой собственных достоинств» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 71).

Красноярские врачи в последней четверти XIX в. уже были знакомы с отдельными работами зарубежных психиатров, в частности, в процессе освидетельствования опирались на исследования Г. Маудсли (Маудсли, 1871), в соответствии с которыми выявляли симптомы душевной болезни – навязчивые явления, галлюцинации, бред и т. п.: «говорит тихо, указывает на невидимые предметы или лица, которые ему "что-то угрожают"»; «говорит, что его преследуют дети соседей» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 56, 183).

Важную роль в процессе беседы играло выявление отношения освидетельствуемого к болезни: признавал ли он, что болен, что называл причиной болезни, осознавал ли её симптомы, был ли готов пройти необходимое лечение, каким видел своё будущее. Один больной говорил: «Жена замечала, что ночью руками раскидываю» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78), другой отвечал: «Здоров, слава Богу, только припадки падучей болезни бывают два в месяц... с Божьей помощью, не от себя» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78). Находившийся в состоянии острого припадка крестьянин заявлял, что «...не помнит того буйного состояния, в котором он находился накануне вечером», а на

вопрос «почему вчера буйствовал» отвечал: «вследствие удара... со стороны какой-то планеты» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 143). Ещё один больной на вопрос о планах на будущее после лечения говорил: «Хотел просить пропитанную копейку (*пособие – Прим. авт.*), а то под окном просить совестно», а «в больнице больше оставаться бы не желал» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78).

Типичными симптомами нервного или психического заболевания были затруднения в идентификации своей личности, отсутствие пространственно-временной ориентации. Например, упоминавшийся мещанин Ус-в на вопрос врача, где находится Царьград, в котором якобы служил больным, отвечал: «Под Енисейском...», из которого он «должен отправиться в Ачинскград, скоро туда придет... полк из Царьграда» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 710б.). Поэтому большая часть актов освидетельствования содержала стереотипную формулировку: «Не сознает своей личности, места и времени» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 183).

Наконец, в завершение освидетельствования врач фиксировал особенности поведения больного, которые подтверждали случай душевного заболевания: «на вопросы не отвечает... бросается на окружающих»; «в процессе осмотра два раза покушался бежать и один раз пытался утопиться»; «не отвечает на поставленные вопросы, жестикулирует и дерется с окружающими»; «скакал, пел, плясал, кричал, зубами хватался за железную решетку камеры»; «то начинает смеяться, то глаза вдруг наполняются слезами» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 127, 143; Д. 191. Л. 60; Д. 222. Л. 24-24об., 172).

В случае любого сомнения обследуемое лицо направляли на дополнительное испытание. Например, когда по результатам освидетельствования оказалось, что приисковый рабочий Ф-ль «страдает манией преследования, но видимых признаков болезни не подавал», в связи с чем за ним было необходимо постоянное наблюдение, «что невыполнимо на приисках», больного «для окончательного решения вопроса о состоянии умственных способностей» отправили на дополнительное испытание (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 161, 162об.-163).

По результатам медицинского освидетельствования врач составлял заключение, в котором указывал предварительный диагноз с описанием проявления болезни и степени вреда, который больной может причинить окружающим. Примером может быть удостоверение Красноярского городского врача о том, что красноярская мещанка Мария Др-ч страдает «психическим расстройством, выражающимся в галлюцинациях слуха и зрения, а потому может быть опасна и для себя, и для окружающих» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 161). В медицинском заключении мещанина Ус-ва было сказано: «Страдает безумием, вследствие чего не может пользоваться правом свободной воли... [и т.к.] на свободе обнаруживает опасные для окружающих наклонности, то подлежит содержанию в доме умалишенных» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 710б.).

Бывали и случаи, когда умопомешательство не подтверждалось. Например, Д. Анисима отправили в городской тюремный замок, где он был подвергнут освидетельствованию со стороны городского врача: «Совершенно спокоен, отвечает на вопросы правильно и толково, в глазах и на лице умопомешательства не заметно... Говорит, что на него временами находит головокружение... В настоящее время он совершенно спокоен[,] и отпустить его к родным можно» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 38-38об.).

Если местный врач признавал человека душевнобольным, то сразу рекомендовал либо отдать больного под попечение родственникам, либо направить в дом умалишённых (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 16-17). В последнем случае полицейский пристав препровождал душевнобольного вместе с заключением в Контору красноярских богоугодных заведений, откуда больной вместе с актом обследования направлялся «на испытание» в дом умалишённых. Здесь больной снова подвергался медицинскому обследованию специалистами, обладавшими полноценной психиатрической подготовкой, на него составлялся скорбный лист на весь период пребывания.

В период нахождения на испытании в отделении Красноярской больницы для умалишённых чаще всего подтверждался предварительный диагноз, проявляясь в поведении больного. Так, ачинский мещанин Ус-в «вел себя всегда спокойно, но иногда раздражался неожиданным смехом... был крайне разговорчив, на предлагаемые вопросы отвечал всегда быстро, не задумываясь, помнил все и в подробностях рассказывал, о чем бы его не спросили, всегда будучи уверенным в справедливости своих слов, но в его ответах, разговорах и рассказах почти никогда не было смысла» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 710б.).

В условиях закрытого пространства дома умалишённых у больных нередко происходило эмоциональное заражение и отмечалось нарушение психики, при котором бред разделялся соседями по палате. Так, однажды один из больных, никогда не служивший, спросил У-ва, помнит ли он, как они вместе сражались, тот утвердительно ответил, что «помнит очень хорошо, и что в знак отличия и храбрости [больной сосед] имеет два погона» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 710б.), которыми его наградил сам Ус-в.

Отдельного рассмотрения заслуживает случай испытания поселенца Р-ва из д. Шивера. Общественная диагностика показала, что он страдал приступами падучей болезни, во время которых был крайне возбудимым и агрессивным, причиняя вред деревенскому имуществу и совершая акты насилия в отношении односельчан. Но волостное правление в своём акте предположило, что Р-в в то

время добивался исключения его из оклада податей, чтобы получать от казны денежное пособие, в получении которого ему регулярно отказывали и Енисейский гражданский губернатор, и Восточно-Сибирский генерал-губернатор, поэтому он мог симулировать болезнь. Р-в был отослан в Енисейское губернское правление, где был признан здоровым. Однако это был именно тот случай, когда представитель врачебной управы не мог однозначно ответить, страдает ли Р-в эпилепсией, поэтому было принято решение направить его на испытание.

В первое время нахождения в больнице припадки у испытуемого не наблюдались, однако в скором времени они начали проявляться: его соседи по палате и служащие видели, как ночью испытуемый падал с койки и просыпался утром на полу. Однажды сами больные дали врачу знать, что с Р-вым «сделались какие-то судороги». Врач поспешил к нему, но когда пришёл, застал Р-ва уже сидящим на койке: «Лицо его было бледное, губы сжаты, глаза глядят неподвижно в одну точку, зрачки расширены». Когда врач решил удостовериться в отсутствии реакции на свет зрачков и дотронулся до Р-ва, тот «моментально бросился на него, так что врач с трудом смог освободиться из его объятий при помощи больничных служителей, полатившись целостностью сюртука» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78). На все предложенные вопросы Р-в отвечал «коротким мычанием, дрожанием ног и судорожным движением рук», а когда его уложили в постель, он крепко заснул. На следующий день был «покоен, молчалив, с больными вовсе не разговаривал и неохотно отвечал на вопросы». Когда врач спросил Р-ва, что с ним вчера было, тот «с сильным взмахом руки проговорил: “Да так всегда бывает, я что знаю?”».

В другой раз врач застал Р-ва утром на полу, его зрачки расширены и слабо реагировали на свет. Во время осмотра Р-в проснулся, «дикое озирался и опять на все предложенные вопросы отвечал одним лишь бессмысленным мычанием» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78). Через несколько дней припадок у Р-ва начался во время уборки палаты – служащий заметил, что больной начал падать с постели, подскочил к нему, чтобы удержать, и Р-в напал на него. Старший врач застал Р-ва «в крайне возбужденном состоянии с расширенными зрачками, блуждающим взглядом и весьма бледным» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78). После этого Р-в весь день спал и о случившемся ничего не помнил.

Прошло ещё несколько дней и старший врач заметил, что Р-в, «сидя на койке, что-то себе нашептывает, руками стал разводить по воздуху... лицо бледное, губы посиневшие, вены напряжены. На лице было крайне озлобленное... ему не свойственное выражение» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78). После очередного припадка «общий вид его стал каким-то подавленным».

Так продолжалось несколько дней, пока, наконец, фельдшер не застал Р-ва в туалетной комнате, на коленях ищущего дверь и шарящего по стене руками – на лбу и переносице были замечены свежие кровотокающие ссадины. Теперь Р-в стал «постоянно утомленным, угрюмым и молчаливым». Лишь после пятого припадка старший врач констатировал: «Явление это говорит против симуляции... Не будь припадков, резко бросающихся в глаза, то можно было бы их принять за симуляцию... Припадки явно носят в себе эпилептический характер... Одержим припадками то в конвульсивной форме, то в форме эпилептического помешательства. Подлежит содержанию в доме умалишенных, хотя он и практически здоров между припадками» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78).

Представленный случай требует подробного анализа. Описанные симптомы явно указывали на эпилептический характер приступов, осложнённых не только физическими проявлениями, но и психическими изменениями поселенца: повышенная агрессивность, спутанность сознания, амнезия, подавленность. Всё это говорит о том, что отсутствие эмпатии у медицинских работников изначально привело к врачебной ошибке. Подозрение в симуляции задержало правильное лечение, усугубило состояние и усилило травматизацию больного. Этот случай демонстрирует недостаток гуманизма в медицине Енисейской губернии XIX в., причём подобная ситуация, скорее всего, была типичной для Сибири того времени.

Можно вполне допустить, что подобная практика «испытания», неправильное обращение с пациентом и условия содержания спровоцировали у Р-ва, подверженного падучей болезни или пусть даже симулировавшего болезнь, настоящие эпилептические припадки. Припадки Р-ва могли быть не подлинными, а психогенными, но позиция врачей, выразившаяся в выяснении истинности симуляции, могла превратить человека даже без предрасположенности к эпилепсии в настоящего больного. Подозрение в притворстве, отсутствие доверия со стороны медицинского персонала и депривация сна стали провоцирующими факторами эпилепсии. Сюда же можно добавить неправильное лечение – медицинские работники изначально не верили в припадки и не назначали необходимые препараты – о характере лечения в скорбном листе Р-ва ничего не говорилось ровно до того момента, как он был окончательно признан больным.

После завершения испытания старший врач дома умалишённых направлял заключение в Енисейскую врачебную управу, но даже она не принимала итоговое решение о дальнейшей судьбе испытуемого. Всё дело в том, что вплоть до конца 1880-х гг. в сибирских губерниях не был установлен порядок освидетельствования умалишённых. Тобольский губернатор в 1887 г. поставил перед Правительствующим Сенатом вопрос о том, как должно быть организовано освидетельствование лиц в состоянии умственных способностей в сибирских губерниях и областях, но только 11 мая 1888 г.

в Сибирь был направлен указ, принятый Сенатом (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16а. Д. 2101. Л. 2-3об.). В нём разъяснялось, что в учреждении Управления сибирских губерний и областей не содержится никаких правил относительно составления в Сибири Особых присутствий, поэтому освидетельствование сумасшедших в Сибирском крае должно производиться с соблюдением того же порядка, который был установлен для прочих местностей империи, управляемых по Общему учреждению.

Согласно ему, «освидетельствование названных лиц совершается на основании законов гражданских, в сих же последних... заключается, [что]... упомянутое освидетельствование должно проводиться в Особом губернском присутствии, состав коего в точности указан...» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16а. Д. 2101. Л. 2-3об.). Однако выяснилось, что освидетельствование душевнобольных в Сибири производится «не в том составе... присутствий, какой требуется», поэтому в конечном счёте был установлен единообразный порядок, и в состав присутствий вошли представители от губернского совета и врачебной управы под председательством губернатора (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16а. Д. 2101. Л. 49).

Однако 24 февраля 1889 г. из Томской врачебной управы в Енисейское губернское управление пришло письмо (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16а. Д. 2101. Л. 87-87об.), в котором сообщалось, что для всех сибирских губерний по примеру Омска для освидетельствования умалишённых составляется Особое присутствие губернского совета, куда входят: губернатор (председатель), глава губернского правления, управляющий казённой палатой, председатель губернского суда, губернский прокурор и все члены врачебной управы. Кроме того, на заседание приглашались депутаты из того сословия, к которому принадлежал свидетельствуемый. Всё делопроизводство было сосредоточено во врачебной управе и, соответственно, освидетельствование всякий раз проводилось по представлению управы.

Таким образом, только Особое присутствие на основании заключения старшего врача и Енисейской врачебной управы делало окончательный вывод о том, что следовало делать с психически больным человеком. В первую очередь, его оставляли на лечение в доме умалишённых. Также больного, если он достигал определённого возраста, могли направить в богадельню, а при наличии родственников, желающих взять больного к себе, отдать его под опеку (попечение). Так, из Енисейской врачебной управы в феврале 1894 г. в Енисейский приказ общественного призрения было отправлено сообщение о находящихся в доме умалишённых при Красноярской городской больнице мещанина Г., поселенцев А-ча и А-ко. Согласно предоставленным Конторой красноярских богоугодных заведений скорбным листам, врачебная управа нашла, что «Г.[...], как представляющий в настоящее время буйные припадки, не может быть ни переведен в богадельню, ни отдан кому-либо на руки. Что же касается до А[...]-ча и А[...]-ко, то первый... должен быть представлен на вторичное освидетельствование, второй же может быть помещен в богадельню или отдан на руки родным» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 310б-320б.).

Впрочем, иногда даже испытание в доме умалишённых не могло дать однозначный ответ о психической вменяемости человека. Вот довольно интересный и нетипичный случай. Из Енисейской врачебной управы в Енисейское губернское правление пришли документы о принятии в дом умалишённых поселенца д. Хомутово Канского уезда Никиты Н-ко. В марте 1887 г. он нанёс рану в живот поселенческой дочери. В ходе его допроса заседателем 2-го участка Канского округа Н-ко «отвечал бессмысленно» и был отослан в Канское полицейское управление для помещения в тюремную больницу на излечение, где находился 3 месяца. Затем, по требованию заседателя, Н-ко был освидетельствован в состоянии умственных способностей Канским городским врачом и найден психически здоровым. В этом случае не сработал принятый механизм – врач, который обследовал больного, не оценил ни физическое и психическое здоровье, ни поведение больного, а просто заключил, что тот является здоровым.

Однако Енисейская врачебная управа признала освидетельствование неудовлетворительным, о чём уведомила заседателя 2-го участка Канского округа и предупредила, что Н-ко должен быть вновь помещён в местную городскую больницу. Повторное испытание Н-ко было проведено тем же врачом, но врачебная управа вновь уведомила, что «из его заключения не может вывести никакого заключения», и потребовала направить его для испытания в Красноярск (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1663. Л. 1-2).

Из скорбного листа (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1663. Л. 7) известно, что только 24 октября 1888 г., т.е. через полтора года, Н-ко поступил на испытание в дом умалишённых. По сути, только здесь впервые было проведено его полноценное освидетельствование. Из анамнеза следует, что больному было 43 года, он «худощав, довольно хорошего сложения», на боль не жаловался и не считал себя больным. Исследование «главных органов никаких расстройств у него не открыло». На все вопросы отвечал быстро и логично, рассказывая, что он родился в Полтавской губернии, где оставил жену с ребёнком, «потом узнал, что жена померла, и только желает иметь этого ребенка у себя, о чем хлопочет у начальства». По результатам осмотра ему было назначено успокоительное.

Прошёл месяц, и Н-ко никаких проявлений сумасшествия не проявлял и стал просить выпустить его на свободу. При этом он отказывался рассказать, за что был отправлен в Сибирь и почему был направлен в Красноярскую больницу: «Бог его знает, люди оговорили, сам не знаю».

В остальном вёл себя «смирно и прилично, общаясь со всеми в отделении», но было отмечено, что «временами подолгу задумывается, оставаясь скучным».

В середине декабря испытуемый «впадал в задумчивость, которая длилась несколько часов», что вполне можно объяснить тем обстоятельством, что Н-ко в течение двух месяцев регулярно получал успокоительное, хотя поведение его буйным никогда не было. Когда лекарство отменили, он стал более общительным, но на вопросы о прошлом перестал отвечать вообще.

Пробыв в больнице до середины мая следующего года, он «вел себя тихо и спокойно, ни с кем не ссорился, о прошлом молчал, на регулярные вопросы стал отвечать с сарказмом» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1663. Л. 9). Из всего этого старший врач дома умалишённых сделал заключение, что Н-ко страдает «невысокой степенью меланхолии, обусловленной невзгодами жизни» и «для улучшения своей судьбы прибегает к симуляции» – здесь имелось в виду, что он напал на девушку в полном сознании, но притворился психически больным.

В июне 1889 г. Н-ко был отправлен в Особое присутствие для освидетельствования, где выяснилось, что о нём в деревне ходили слухи, будто он на родине убил свою жену. Сам он отвечал: «Может, и убил, зарок дал не говорить». На вопрос о семье Н-ко сообщил, что у него «дочка осталась в России, а здесь... много душ, семь, может быть» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1663. Л. 10). Отвечая о том, здоров ли он, Н-ко утвердительно кивал, но где находится, не понимал, хотя узнавал и старшего врача больницы, и ординатора.

Наконец, когда у него спросили, бил ли он девушку, Н-ко ответил: «Кто знает, меня самого [чуть не] убили». Вопрос, хочет ли он пойти домой, оставил без внимания, предоставив врачам решать его судьбу: «Как знаете...». Когда врач поинтересовался, куда пойдёт Н-ко из больницы, он отвечал, что в свою деревню, где будет работать, но на вопрос: «Почему здесь не работаешь?», отвечал: «Не умею» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1663. Л. 10об.).

Также в ходе беседы выяснилось, что Н-ко регулярно употреблял спиртное, и что он «веры православной» и знает всякие молитвы, но сам не смог прочитать даже «Отче наш» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1663. Л. 11-11об.).

На основании вышеизложенного Н-ко ещё на три месяца отправили на испытание. 21 сентября 1889 г. он был вновь освидетельствован, в заключении было сказано: «Страдает в легкой степени меланхолией... нередко появляются аффекты без всякого повода, под влиянием которых бессознательно могут совершаться насильственные действия. В настоящее время... как спокойный может быть отдан на поруки и под надзор общества» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1663. Л. 24).

При прошении об освобождении больного или передаче под опеку также проводилось медицинское освидетельствование. Например, 27 августа 1888 г. товарищу прокурора по Минусинской области поступила докладная записка жены крестьянина д. Мало-Тесинской Новоселовской волости Минусинского округа Игнатия В-ва с просьбой направить её мужа в дом умалишённых, куда он и был помещён 16 декабря 1888 г. А 25 февраля 1889 г. его родной брат Алексей обратился в Енисейскую губернскую управу с прошением о передаче ему на попечение «получившего облегчение страдающего умопомешательством... Игнатия» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 2265. Л. 12).

О том, получил ли на самом деле «облегчение» Игнатий, можно узнать из скорбного листа, составленного в период его нахождения в доме умалишённых. В нём сообщалось, что Игнатию было 45 лет, предварительный диагноз – «меланхолия», на лечении находился с 13 декабря 1888 г. по 23 февраля 1889 г. Врачами отмечалось, что больной был физически здоров, но «черты лица имеют выражение угнетения». На все вопросы отвечал быстро и логично, рассказывая, что «жил нехорошо с женой», которая, будто бы, «женщина злая и выгнала его из дома, и этим обстоятельством он остается крайне огорчен и смущен». О поведении Игнатия в больнице было сказано, что он «ведет себя тихо, разговаривает с окружающими мало, сидит часто задумчив». Каждый день он просился на выписку, говоря, что ему скучно (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 2265. Л. 13-13об.).

Из акта обследования также известно, что больной знал, как его зовут, сколько ему лет, откуда он, что женат и имеет малолетнюю дочь, что оказался в Красноярской больнице, потому что болен. На вопрос, как это случилось, объяснял, что «с испугу приключилось», что «4 года назад на него сильно кричал исправник на станции, он испугался и захворал», а ещё «...вино пил. Пивал, но мало, запоев не было», поэтому с женой жил дружно, но как заболел, пришлось порознь жить: «Я поправился, жена принудила мне вместе жить». Когда его спросили о том, хочет ли вернуться домой, В-в ответил: «Нет, лучше поехал бы к матери... Почему не к жене? Нездоровье всегда [вместе с ней] является, хотя с женой не ссорился, а больше избегал». Наконец, на вопрос, давно ли он пришёл в себя, крестьянин ответил, что «с самого начала, как привезли, только скучно» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 2265. Л. 15об.-16).

После обращения брата с ходатайством 9 марта 1889 г. было проведено повторное освидетельствование В-ва. В заключении врача говорилось: «Страдает угнетением душевной деятельности (ступор) вследствие какой-то бывшей острой формы помешательства. Так как во время нахождения в больнице был все время спокоен, послушен, не проявляя признаков раздражительности, то как совершенно безопасный для окружающих может быть отдан на попечение

родных» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 2265. Л. 14). В-в из дома умалишённых был освобождён и передан на попечение брата.

Другое прошение, которое рассматривали уполномоченные органы в том же 1889 г., было от поселенческой жены Погорельской волости Красноярского округа Марии П-кой, которая просила Енисейского гражданского губернатора освободить её мужа из дома умалишённых «как незаконного в нем находящегося». Губернатор передал прошение на рассмотрение в губернское правление, откуда его переслали в Енисейскую врачебную управу, которая, в свою очередь, распорядилась обследовать П-кого в Особом присутствии.

В ходе обследования был изучен его скорбный лист (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 2244. Л. 2-6об.), составленный в период пребывания поселенца на испытании. Документ сообщал, что П-кому было 34 года, он был направлен в городскую больницу при отношении смотрителя красноярского тюремного замка 28 октября 1888 г. В первоначальном диагнозе у него был зафиксирован застарелый катар лёгких, и П-кий был направлен на лечение в тюремную больницу, где в скором времени у него произошёл эпилептический припадок. После этого, «при малом улучшении болезни легких стал жаловаться на головокружение, боль в висках, дрожание в конечностях, нечувствительность пальцев рук. При этом явилась бессонница, больной сделался беспокойным, начал бредить, зрачки расширились, пульс ускорился и [он] перестал отвечать на вопросы».

Ему давали бромид натрия как средство против бессонницы и успокоительное – хлоралгидрат – каждые два часа по столовой ложке; П-кий сидел на диете, состоявшей из говяжьего супа. Однако ночью спал мало, бредил, ел без аппетита.

Однажды ночью с ним случился эпилептический припадок, наблюдаемый фельдшером и одним из служителей дома – «больной пронзительно вскрикнул, потом захрапел и вытянулся конечностями, зрачки расширились более обыкновенного, дыхание приостановилось, на губах появилась пена». Припадки повторялись каждый день в течение недели, затем на несколько дней прекратились, но через две недели возобновились. По рассказам больничного персонала, новый припадок уже «не сопровождался начальным криком, а только бессознательностью». На вопросы П-кий не отвечал, «дрожа всем телом», т.е. припадок сопровождался конвульсиями в конечностях в течение 10 минут, после чего пульс больного ускорился, температура тела повышалась, наблюдалось полное отсутствие сознания.

Затем в течение двух месяцев болезнь никак не проявлялась, но больной перестал осмысливать предлагаемые ему вопросы, «физиономия представляет испуг, ест мало, спит продолжительно».

По итогам освидетельствования П-кого с целью освобождения 9 марта 1889 г. был составлен акт (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 2244. Л. 8-10), из которого выяснились новые обстоятельства. Оказалось, что П-кий прибыл в Сибирь в 1887 г. и 5 марта 1888 г. предъявил ксендзу Красноярской римско-католической церкви удостоверение Погорельского волостного правления о том, что он холост и препятствий к бракосочетанию его не имеется. На основании этого удостоверения в тот же день его обвенчали с красноярской мещанкой Марией Ос-кой. Однако ксендз заподозрил, что П-кий предъявил ему подложное удостоверение, которое передал приставу 1-й части г. Красноярска. П-кий был арестован, и в ходе следствия выяснилось, что до лишения его всех прав состояния и ссылки в Сибирь он «был женат на родине первым браком, который за ссылкой его, согласно закона, не расторгнут». П-кий заявил, что не знал об обязательном ходатайстве о расторжении брака, полагая, что лишение прав автоматически означало, что он больше не связан отношениями с прежней женой.

Также в ходе обследования было указано, что П-кий после трёх месяцев в доме умалишённых «на предложенные вопросы не отвечает, только шевелит губами и дико озирается... На вопрос, женат ли он, тихо ответил: “Маня”». В заключении был поставлен итоговый диагноз: «Страдает прогрессивным параличом эпилептического происхождения».

Однако акт направили не во врачебную управу, а судебному следователю, который вёл дело о двоежёнстве П-кого, но тот решения не принял и сообщил в Енисейское губернское правление, что просит провести освидетельствование «на предмет разрешения вопроса, был ли П[...]-кий уже болен на момент совершения преступления» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 2244. Л. 17).

20 апреля 1889 г. в Особом присутствии было проведено повторное переосвидетельствование, в результате которого в акте появилась запись, что состояние П-кого по сравнению с предыдущим годом ухудшилось, но «невозможно определить, было ли у П-кого психическое расстройство в момент совершения преступления» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 2244. Л. 9).

Акт снова отправили следователю, и вскоре над П-ким состоялся суд, который признал его виновным в подложном составлении документов и вступлении в новый брак при существовании первого. На основании Уложения о наказаниях и устава о ссыльных суд приговорил: «Наказать плетью в размере 65 ударов, после чего обратиться в каторжные работы на 7 лет с содержанием в отряде испытуемых в течение 3 лет, предав сверх того церковному покаянию...» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 2244. Л. 24-24об.).

Анализ этого случая подлежит рассмотрению сразу в трёх плоскостях: медицинской, юридической и социальной.

Во-первых, у мужчины во время испытания наблюдался комплекс симптомов неврологических и психических нарушений, которые не могли у него развиться только в период пребывания в доме умалишённых, а, значит, проявлялись ранее. Но тюремная медицина XIX в. ограничивалась наблюдением, а не лечила тогда, когда нужно было принимать первые терапевтические меры.

Во-вторых, с точки зрения закона, П-кий совершил преступление, возможно, в беспамятном состоянии, именно поэтому его направили в дом умалишённых, фактически отсрочив наказание. П-кий перешёл в категорию арестантов с условием, что если за 3 года не будет улучшений, то после нового освидетельствования его оставят в доме умалишённых, если же поправится, то он отправится на каторгу. Однако после того, как стала возможной его передача на попечение незаконной жене, суд проигнорировал медицинские заключения о психическом состоянии, хотя на ключевой вопрос о вменяемости П-кого на момент преступления врачи не смогли ответить однозначно. Они честно признались, что не могут установить, был ли П-кий вменяем на момент преступления, но это не остановило приговор.

Наконец, социально-исторический анализ ситуации демонстрирует несовершенство сибирской медицины XIX в. – при невозможности точно определить причину болезни психически больной человек был наказан, поэтому можно сделать вывод о том, что вся система социального надзора над душевнобольными ориентировалась не на реабилитацию, а на устрашение и наказание.

Стоит также дать «антропологическую» оценку наказанию, которому был подвергнут П-кий. 65 ударов плетью – это пытка, которую вряд ли мог вынести даже здоровый человек, а 7 лет каторги для человека с прогрессирующим параличом фактически означало смертный приговор. Психически больной преступник был для системы «ссылным», «двоеженцем», «симулянтном», но не человеком, которого обрекли на социальную смерть ещё до физической. История П-кого – это не просто медицинский случай, а пример того, как социальные нормы, правовая система и несовершенство системы здравоохранения дегуманизировали человека с психическим заболеванием.

Особое место в системе медицинского освидетельствования душевнобольных занимало обследование после завершения лечения и/или выписки из дома умалишённых, поскольку после этого нередко наблюдались случаи рецидива болезни. Например, весной 1895 г. из дома умалишённых был выписан Карл Р-ц, у которого «кроме падучей, не сопровождающейся никакими другими психическими расстройствами, ничего другого не оказалось», но на второй день после выписки больной снова доставлен в больницу (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 42). В другой раз в Особом присутствии рассматривалось дело о бродяге Филиппе М-ком, который через месяц после выписки из дома умалишённых, где содержался «как опасный для окружающих», но был отослан в городскую полицию для водворения в новое место проживания, снова был возвращён в психиатрическое отделение (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 152-152об.). По новому освидетельствованию он снова был признан психически больным, легко приходящим в раздражение и опасным для окружающих. Сообщая об этом, приказ общественного призрения предписывал Конторе красноярских богоугодных заведений в будущем не выписывать умалишённых без надлежащих распоряжений.

В целом, порядок освидетельствования случаев рецидива был точно таким же, как и при первичном осмотре, за исключением того, что медикам уже был известен диагноз больного. Тот же Р-в из Канского уезда, о котором речь шла раньше, снова попал в сферу внимания сельского старосты, поскольку за ним замечались случаи бродяжничества и краж. Он был повторно направлен в Особое присутствие, где был представлен акт по результатам его предыдущего осмотра, из которого следует, что он страдал припадками эпилепсии и уже был на лечении в больнице, в течение которого с ним случились припадки, о которых «больной по пробуждении не знал».

Сам Р-в припадки признавал, а факты противоправного поведения отрицал. После нового испытания у молодого человека никаких прочих явлений душевного расстройства, кроме «страдания эпилепсией», обнаружено не было. Последнее обстоятельство имело важное значение, поскольку давало врачам возможность предположить существование временных припадков, которые обосновывали «странное поведение испытуемого, [такое] как бесцельное блуждание по лесу, стрельба в спящих детей, беспричинное нанесение побоев» и т. п.

В акте освидетельствования было зафиксировано, что картина заболевания напоминает признаки «эпилептического душевного расстройства... хотя эти расстройства обыкновенно непродолжительны, но иногда они существуют и более продолжительное время, несколько дней, недель и даже месяцев» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 73). Врач Н. Иконников, проводивший обследование, ссылался на некое «Руководство по психиатрии» за авторством Е. Краевича и писал о том, что «о совершенных в подобном состоянии больными поступков у них обыкновенно утрачивается всякое воспоминание, чем и можно объяснить категорическое отрицание испытуемым возводимых на него обвинений» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 73). В результате Р-ва оставили на свободе.

5. Заключение

Социально-медицинское освидетельствование умалишённых в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. представляло собой сложное взаимодействие медицинских, социальных

и правовых практик. Процедура освидетельствования предполагала многоэтапную оценку психической заболеваемости – анализ конкретных практик освидетельствования демонстрирует значительный прогресс в систематизации подходов к выявлению и лечению психических заболеваний и упорядочению психиатрической помощи в условиях удалённости региона и ограниченных ресурсов.

Важным достижением стало внедрение методов клинического наблюдения, включая оценку физического и психического состояния, анализ поведения больных, а также учёт их социального анамнеза, что приближало местную практику к общероссийским и отчасти европейским стандартам того времени.

Особого внимания заслуживает формирование чёткого порядка освидетельствования через Особые присутствия с участием врачей, чиновников и представителей сословий. Это способствовало не только улучшению медицинского контроля, но и интеграции психиатрии в правовое поле. Врачи стремились к дифференцированному подходу, учитывали возможность реабилитации душевнобольных в доме умалишённых, учреждениях общественного призрения, а также с использованием механизма передачи больных под опеку родственников.

Социально-медицинское освидетельствование душевнобольных в Енисейской губернии представляет собой уникальный синтез традиционных общинных практик и формирующейся системы медицинского контроля. Это был типичный модернизационный процесс, отражавший общероссийскую тенденцию перехода от церковно-общинной опеки над умалишёнными к государственной медико-полицейской модели.

Региональные особенности, обусловленные сибирской спецификой, заключались в том, что, с одной стороны, в Енисейской губернии сложилась устойчивая трехступенчатая система выявления психических заболеваний: общественная диагностика – врачебное освидетельствование – испытание в доме умалишённых. Введение единого порядка освидетельствования говорит о включении Сибири в общероссийский процесс институционализации психиатрической помощи.

С другой стороны, практическая реализация этой системы выявила такие ограничения провинциальной медицины, как отсутствие квалифицированных врачей и специализированных лечебных учреждений в уездах, преобладание карательного подхода над терапевтическим, недостаточный уровень психиатрической грамотности и дефицит специализированных знаний медицинских работников, отвечавших за выявление и лечение психических заболеваний.

Тем не менее, опыт Енисейской губернии представляет собой важный этап в истории сибирской и российской медицины, когда формировались основные принципы взаимодействия между государством, медицинским сообществом и социумом в решении проблем душевного здоровья населения.

Литература

Авилова, Третьяк, 2008 – Авилова Н.Л., Третьяк А.С. Организация психиатрической службы в губерниях Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX века // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 35(136). С. 84-91.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Ганнушкин, 1964 – Ганнушкин П.Б. Избранные труды. М.: Медицина, 1964. 292 с.

Дюк, 2021 – Дюк Е.Ю. Беспокойное отделение Обуховской больницы. Из истории желтого дома // *История Петербурга*. 2021. № 1(82). С. 43-46.

Егорышева, 2015 – Егорышева И.В. Организация психиатрической помощи в земской медицине (к 150-летию земской реформы) // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2015. Т. 23. № 2. С. 60-64.

Ерофеев, 2015 – Ерофеев Я.А. Психиатрическая помощь в городах Тобольской губернии (конец XIX – начало XX века) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 8-3(58). С. 100-105.

Киценко, Чернышева, 2016 – Киценко О.С., Чернышева И.В. Становление и развитие земской психиатрической службы в России в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Саратовской губернии) // *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. 2016. Т. 6. № 1. С. 24-26.

Маудсли, 1871 – Маудсли Г. Физиология и патология души. СПб., 1871. 523 с.

Некрасов, 2008 – Некрасов М.А. Развитие психиатрической службы Орловской области как общий этап формирования психиатрической помощи в России // *Психическое здоровье*. 2008. Т. 6. № 2(21). С. 33-36.

Некрасов, 2012 – Некрасов М.А. Основные исторические этапы формирования психиатрической помощи в Орловской области // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Естественные, технические и медицинские науки*. 2012. № 6-1. С. 271-277.

Некрасов, 2014 – Некрасов М.А. История становления психиатрии в Орловской области: дореволюционный период // *Российский психиатрический журнал*. 2014. № 1. С. 74-80.

Потапов, Агарков, 2008 – Потапов А.И., Агарков А.П. К истории томской психиатрии // *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2008. № 4(51). С. 99-103.

- Терешкина, Бобкова, 2018 – Терешкина О.В., Бобкова Е.Н. Н.П. Каменев и психиатрическая помощь в Тульской губернии в конце XIX – начале XX в. // *История медицины*. 2018. Т. 5. № 1. С. 60-79.
- Шестова, 2023 – Шестова Т.Ю. Работа с психиатрическими больными в Пермской губернии в XIX – начале XX в. // *Феномен здоровья/нездоровья, нормы и патологии в исторической динамике: междисциплинарные аспекты*. Череповец, 2023. С. 171-177.
- Kovalev, 2025 – Kovalev A.S. The Insane in Russian Society in the 19th – early 20th centuries: Historical and Anthropological Analysis (Based on the Materials of the Yenisei Province) // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1416-1427.

References

- Avilova, Tret'jak, 2008 – Avilova, N.L., Tret'jak, A.S. (2008). Organizatsija psihi-atricheskoj sluzhby v gubernijah Central'nogo Chernozem'ja v konce XIX – nachale XX veka [Organization of psychiatric services in the provinces of the Central Chernozem region in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 35(136): 84-91. [in Russian]
- ГАКК – Gosudarstvennyj arhiv Krasnojarskogo kraja [The State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Gannushkin, 1964 – Gannushkin, P.B. (1964). Izbrannye Trudy [Selected works]. M.: Medicina. 292 p. [in Russian]
- Dijuk, 2021 – Dijuk, E.U. (2021). Bepokojnoe otdelenie Obuhovskoj bol'nicy. Iz istorii zheltogo doma [Restless department of Obukhov Hospital. From the history of the Yellow House]. *Istorija Peterburga*. 1(82): 43-46 [in Russian]
- Egorysheva, 2015 – Egorysheva, I.V. (2015). Organizatsija psihiatricheskoj pomoshhi v zemskoj medicine (k 150-letiju zemskoj reformy) [The organization of psychiatric care in zemstvo medicine (on the 150th anniversary of the Zemstvo reform)]. *Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny*. 23(2): 60-64. [in Russian]
- Erofeev, 2015 – Erofeev, Y.A. (2015). Psihiatricheskaja pomoshh' v gorodah To-bol'skoj gubernii (konets XIX – nachalo XX veka) [Psychiatric care in the cities of the Moscow province (late XIX – early XX centuries)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 8-3(58): 100-105. [in Russian]
- Kitsenko, Chernysheva, 2016 – Kitsenko, O.S., Chernysheva, I.V. (2016). Stanovlenie i razvitie zemskoj psihiatricheskoj sluzhby v Rossii v konce XIX – nachale XX vv. (na materialah Saratovskoj gubernii) [The formation and development of the Zemstvo psychiatric service in Russia in the late XIX – early XX centuries (based on the materials of the Saratov province)]. *Bulleten' medicinskih internet-konferencij*. 6(1): 24-26. [in Russian]
- Kovalev, 2025 – Kovalev, A.S. (2025). The Insane in Russian Society in the 19th – early 20th centuries: Historical and Anthropological Analysis (Based on the Materials of the Yenisei Province). *Bylye Gody*. 20(3): 1416-1427.
- Mawdsley, 1871 – Maudsli, G. (1871). Fiziologija i patologija dushi [Physiology and pathology of the soul]. Sankt-Peterburg. 523 p. [in Russian]
- Nekrasov, 2008 – Nekrasov, M.A. (2008). Razvitie psihiatricheskoj sluzhby Or-lovskoj oblasti kak obshhij jetap formirovanija psihiatricheskoj pomoshhi v Rossii [The development of the psychiatric service of the Moscow region as a general stage in the formation of psychiatric care in Russia]. *Psihicheskoe zdorov'e*, 6(21): 33-36 [in Russian]
- Nekrasov, 2012 – Nekrasov, M.A. (2012). Osnovnye istoricheskie jetapy formirovanija psihiatricheskoj pomoshhi v Orlovskoj oblasti [The main historical stages of the formation of psychiatric care in the Orel region]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye, tehnicheckie i medicinskie nauki*. 6-1: 271-277. [in Russian]
- Nekrasov, 2014 – Nekrasov, M.A. (2014). Istorija stanovlenija psihiatrii v Or-lovskoj oblasti: dorevoljucionnyj period [The history of the formation of psychiatry in the Orange region: the pre-revolutionary period]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal*. 1: 74-80. [in Russian]
- Potapov, Agarkov, 2008 – Potapov, A.I., Agarkov, A.P. (2008) K istorii tomskoj psihiatrii [On the history of Tomsk psychiatry]. *Sibirskij vestnik psihiatrii i narkologii*. 4(51): 99-103. [in Russian]
- Tereshkina, Bobkova, 2018 – Tereshkina, O.V., Bobkova, E.N. (2018). N.P. Kamenev i psihiatricheskaja pomoshh' v Tul'skoj gubernii v konce XIX – nachale XX v. [N.P. Kamenev and psychiatric care in Tula province in the late 19th – early 20th centuries]. *Istorija mediciny*. 5(1): 60-79. [in Russian]
- Shestova, 2023 – Shestova, T.Y. (2023). Rabota s psihiatricheskimi bol'nymi v Permskoj gubernii v XIX – nachale XX v. [The work with psychiatric patients in Perm province in the 19th – early 20th centuries]. *Fenomen zdorov'ja/nezdorov'ja, normy i patologii v istoricheskoj dinamike: mezhdisciplinarnye aspekty*. Cherepovets. Pp. 171-177. [in Russian]

Особенности социально-медицинского освидетельствования умалишённых в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^{a, d},
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a, b, c}, Олег Игоревич Савин ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Российская Федерация

^d Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются особенности социально-медицинского освидетельствования лиц с психическими расстройствами в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Источниковой базой выступают неопубликованные архивные материалы из фондов Государственного архива Красноярского края, при помощи которых реконструируется многоэтапная процедура определения «душевной болезни». Она включала в себя общественную диагностику, врачебное обследование и «испытание» в доме умалишённых. Особое внимание уделяется профессиональной деятельности местных врачей и психиатров, сочетавших соматический осмотр, оценку психического статуса через беседу с больным и наблюдение за поведением. Исследование выявляет специфику внедрения общероссийских норм в условиях слабо развитой медицины Сибири.

Отмечается формирование института особых присутствий, в которые входили чиновник, медики и представители разных сословий, что способствовало интеграции психиатрической деятельности. В исследуемых практиках обнаруживаются противоречия: с одной стороны, прогрессивные для своего времени методы наблюдения и опроса, с другой – карательные меры и практики «стеснения», недостаток квалифицированных кадров и низкий уровень психиатрической грамотности, что приводило к стигматизации пациентов. Важной частью исследования стал анализ взаимодействия медицинских и правовых дискурсов.

На конкретных случаях продемонстрировано, как медицинский диагноз влиял на юридический статус человека и наоборот, особенно в случаях «эпилептического помешательства», когда больные совершали правонарушения в бессознательном состоянии. Это создавало правовой вакуум, когда душевнобольные оказывались заложниками медицинской и судебной систем. В целом, практика освидетельствования умалишённых в Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв. предстаёт как симбиоз общинной традиции, медицинского знания и административного принуждения в условиях становления российской государственной психиатрии.

Ключевые слова: история психиатрии, душевнобольные, Енисейская губерния, социально-медицинское освидетельствование.

---

* Корреспондирующий автор

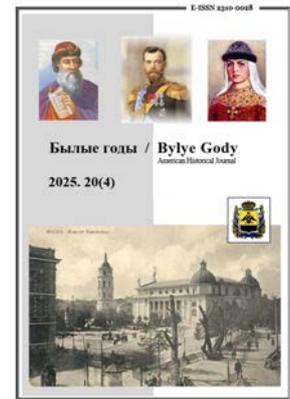
Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.Р. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский), OlegGTS@yandex.ru (О.И. Савин)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(4): 1897-1906
DOI: 10.13187/bg.2025.4.1897

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Tashkent in the Imperial Project of Russian Colonization of the Turkestan Region in the second half of the 19th – early 20th centuries: Discourse and Practices

Sadokat M. Matkarimova ^{a, *}, Saodat T. Davlatova ^{b, c}, Nafosat X. Botirova ^d, Gularam K. Masharipova ^e

^a Mamun University, Khiva, Uzbekistan

^b Committee on Interethnic Relations and Friendly Ties with Foreign Countries under the Ministry of Culture of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

^c Research Institute of Cultural Studies and Intangible Cultural Heritage under the Ministry of Culture of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

^d Urgench State University named after Abu Rayhan Beruni, Urgench, Uzbekistan

^e Alfraganus university, Tashkent, Uzbekistan

Abstract

The article, based on the materials of notes, essays, memoirs and reminiscences of Russian officials, publicists, writers, social and political figures, united by the 'frame' of imperial experts, reveals the content of discourse and ideas about the city of Tashkent as an outpost of Russian colonization of the Turkestan region in the second half of the 19th – early 20th centuries. The method of discourse analysis allowed us to identify key patterns in experts' perceptions of the representation of Tashkent as a model of internal colonization of the eastern periphery of the empire. In the course of the study, it was established that the construction of the image of Tashkent as the imperial centre of the Turkestan region implied the fixation of the city's special military and administrative status in the personal texts of imperial experts, which was expressed in the massive 'occupation' narrative prevailing on the pages of published materials. In the publications of the second half of the 19th century, the intonation of the empire's militaristic presence and dominance in the region was clearly traced, and Tashkent was labelled as a Russian military facility with a predominance of the military population over the civilian population, which provided relatively comfortable conditions for the administration and broadcasting of imperial power as a transformative and culturalising force. In the early 20th century, the content of Tashkent's discourse and the understanding of the empire's practical plans in Central Asia underwent significant changes, which, according to experts, was due to the final 'pacification' of the periphery and gave rise to cultural initiatives of a Russification nature, and with them the promotion of the idea of Russian national conservatives about the need to promote such a variant of the development and "appropriation" of the east, in which cultural differences would be gradually erased and a 'large Russian nation' would be formed. In this regard, Tashkent was presented to imperial experts as a 'platform' for the processing, taking into account local conditions, of Russian culture by means of education and dissemination of domestic experience of farming, designed to sedentarise the nomads and establish sedentarisation of the remaining groups of the autochthonous population.

Keywords: Turkestan region, Tashkent, imperial colonization project, discourse, practices, imperial experts, internal colonization.

* Corresponding author

E-mail addresses: sadokatmatkarimova@yandex.ru (S.M. Matkarimova),
saodatdavlatova@gmail.com (S.T. Davlatova), nafosatbotirova90@gmail.com (N.X. Botirova),
masharipovagularam2006@gmail.com (G.K. Masharipova)

1. Введение

Внутренняя колонизация и присоединение к России новых территорий на востоке страны, в том числе и Центральной Азии, во второй половине XIX – начале XX в. являлись значимым для империи инструментом формирования и сохранения политической, социально-экономической, социокультурной идентичности, а также легитимации своей власти в масштабах обширного и дискретного пространства. Соглашаясь с выводом специалистов в сфере имперской истории, сообразно с которым историки, изучавшие Российское государство и общество как особый тип династической и территориально-протяженной империи, вынуждены были признать, что в её историческом опыте находилось место «западному» колониализму (особенно на Кавказе и в Туркестане) и приспособлению старых форм имперского режима к вызовам современности (Герасимов и др., 2016; Эткинд, 2016; Джераси, 2013), добавим, что наиболее рельефно элементы западных колониальных практик проявились в Туркестанском крае в создании системы прямого административного управления (Манн, 2016: 164), центром которой являлся город, соединивший имперские практики организации политического пространства с местной спецификой восточной периферии. В данном отношении крупные города региона, такие как, например, Ташкент, становились не только точкой сосредоточения военных, управленческих, культурных сил империи, но и местом встречи цивилизаций, в системе координат которого осуществлялось ментальное конструирование «собственного востока» России (Тольц, 2013).

Целью настоящей статьи является раскрытие содержания репрезентаций г. Ташкента в дискурсе имперских экспертов и имперских практик политико-культурной инкорпорации населения города как форпоста военно-административного закрепления России в регионе, в российский окраинный социум. Достижение цели связано с решением ряда частных задач: выявления имперского нарратива, его содержания и динамических характеристик в представлениях о Ташкенте учёных, чиновников, путешественников, посетивших Туркестанский край в период 1865–1914 гг. Хронологические параметры исследования определяются в нижней границе – взятием Ташкента корпусом генерал-лейтенанта М.Г. Черняева, верхний предел – 1914 г., ознаменовавший начало Первой мировой войны и снижение исследовательской активности центральной и региональной интеллигенции.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы статьи составили материалы имперских экспертов – непосредственных участников и очевидцев колониационного дела в Туркестанском крае, оставивших многочисленные свидетельства формального (отчёты) и неформального (записки, очерки, воспоминания, дневники) характера о путешествиях в Центральную Азию с посещением г. Ташкента. Решение задач, связанных с логикой конструирования образа г. Ташкента и его функции в имперском проекте колонизации Туркестанского края, ориентировало авторский коллектив к использованию текстов, разнесённых во времени. Так, путевые заметки П.И. Пашино и корпус статей А.П. Хорошхина, относящиеся к раннему периоду политических и культурных коммуникаций Российской империи с социумом Туркестана и жителями Ташкента (1868–1876 гг.), позволили установить основные паттерны дискурса имперских экспертов о месте, роли и перспективах г. Ташкента в начальной фазе российского присутствия в регионе (Пашино, 1868; Хорошхин, 1876). Сведения, содержащиеся в текстах авторов второй половины XIX в., в полной мере соответствовали представлениям образованного сегмента российского общества об особой цивилизаторской миссии России в Центральной Азии и моральном превосходстве колонизаторов. Привлечённые материалы начала XX ст., в частности, путевые очерки В.П. Наливкина, Е. Маркова, А.И. Добросмыслова, В.П. Воцинина (Наливкин, 1913; Марков, 1901; Добросмыслов, 1912; Воцинин, 1914), дали авторам статьи основания говорить об определённой эволюции представлений сообщества имперских экспертов о функциях г. Ташкента в имперском проекте российской колонизации, что наглядно фиксировалось в активном обсуждении культуртрегерских практик в сфере образования и обустройства городского населения. Опора на личные тексты позволила выявить не только фактический материал, содержащий описание г. Ташкента в начальный период военной экспансии России в Центральной Азии, но и отразить эмоционально-экспрессивное восприятие сообществом имперских экспертов процессов культурной интеграции в системе координат городского пространства регионов, интегрируемых в общеимперское поле.

Достижение цели и решение поставленных задач предполагало оперирование в исследовании инструментальными возможностями метода дискурс-анализа (Филлипс, Йоргенсен, 2008), направленными на выявление ключевых паттернов, в которых фиксировались представления имперских экспертов о вариантах и наиболее эффективных способах «встраивания» имперской периферии в общегосударственное поле, что повлекло за собой выполнение ряда процедур: установление круга экспертов и их идентичности (авторы текстов); выявление «площадок» репрезентации представлений экспертов; определение содержательной составляющей дискурса г. Ташкента в контексте имперского проекта российской колонизации Туркестана.

3. Обсуждение

Тема репрезентации городов Центральной Азии как объектов колонизации и российского административного присутствия и управления достаточно полно исследована в отечественной историографии, в том числе и в аспекте конструирования образа Востока, в котором активное участие принимали современники событий: чиновники, публицисты, путешественники, общественные деятели. В силу того, что предметной областью статьи выступают представления о г. Ташкенте, репрезентируемые в текстах имперских экспертов, целесообразно сделать акцент на работах, охватывающих сферу историографической оценки восприятия Центральной Азии, Туркестанского края и его городов в личных текстах современников. Историографическая модель исследования образа региона как продукта представлений имперских экспертов была предложена Л.Г. Левтеевой в работе о присоединении Средней Азии к России по материалам мемуарных источников. Автором был привлечён к работе корпус воспоминаний широкого круга лиц: военных деятелей, чиновников, публицистов, в чьих мемуарах была отражена широкая палитра мнений о причинах, ходе и результатах имперской политики России в Туркестане (Левтеева, 1986). Данная модель получила развитие уже в современный период, когда в условиях становления «новой исторической науки» и обстоятельствах лингвистического поворота истории сместили внимание от описания событий к оценке состояний – дискурсов, нарративов и способов их репрезентаций. Так, например, в эпицентре исследовательской «оптики» Н.Г. Суворовой и Е.Р. Кадикова оказались колонизационные тексты имперских экспертов второй половины XIX – начала XX в. Авторы, определяя информационную значимость колонизационных текстов, отметили наличие в таковых образов территории и населения, классификаций населения, интеграционных практик (Суворова, Кадиков, 2015). Образы Центральной Азии и г. Ташкента получили отражение в монографии С.Н. Абашина, в которой особое место уделено источникам личного происхождения. Обращение к таким источникам позволило автору не только раскрыть содержание имперской политики в Туркестанском крае, но и определить основные «площадки» и сценарии репрезентации крупных городов региона как форпостов российской колонизации в пореформенный период (Абашин, 2016). Также необходимо обратить внимание на факт привлечения авторами широкого спектра литературы путешествий (травелогов) к осмыслению социального поведения местных сообществ с учётом их национального и конфессионального колорита (Козинцев, Почекаев, 2022; Чуркин, 2022; Tokmurzayev et al., 2022). Общим местом в модернизированной историографии первой четверти XXI в. можно считать объединение участников колонизационного дела в Туркестанском крае в категорию имперских экспертов и изменение исследовательской «оптики» от характеристики механизмов имперского управления в рамках городских агломераций к рецепции дискурса и практик российского доминирования в регионе, что открывает перспективы к уточнению и объяснению представлений образованного общества и власти о задачах империостроительства на востоке, сценариях культурной инкорпорации инородческого населения в российский социум.

4. Результаты

Процесс присоединения Туркестанского края к России во второй половине XIX в. и организации в регионе системы административно-политического управления и государственного влияния во многом осуществлялся по лекалам, сложившимся ещё в эпоху Московского централизованного государства. Японский историк К. Мацузато, ссылаясь на исследования российских правоведов конца XIX – начала XX в. В. Ивановского и К. Соколова, в качестве характерной особенности российского государственного строительства отмечал стремление московских князей подчинять своему непосредственному руководству в деле управления отдельные города и мелкие области, сосредотачивая таким путём все нити управления в центре (Мацузато, 2004: 436). При этом эффект централизма усиливался в связи с предоставлением генерал-губернаторам периферийных регионов широких полномочий в реализации управленческих практик. Осознание имперской властью финансовой невозможности и правовой ограниченности организации управления на отдалённых окраинах отлилось в установление харизматической модели администрирования, в которой главными фигурами становилось высшее имперское чиновничество, обладавшее особыми полномочиями и локализованное в крупных городах. Своеобразным девизом персонифицированной власти на восточных окраинах России являлось известное изречение М.С. Воронцова: «Если бы нужно было здесь исполнение законов, то государь не меня бы прислал, а свод законов!» (Захарова, 2001: 336).

В системе координат формировавшейся в Туркестанском крае харизматической модели властвования значимую функцию должны были выполнить города, в особенности – Ташкент, как территория концентрации управленческих полномочий и культурной политики империи в Центральной Азии. В этой связи перед многочисленными имперскими экспертами – представителями науки, общественными и государственными деятелями – стояла задача конструирования такого образа столичного города, который бы соответствовал своему имперскому назначению, объяснял и оправдывал факт российского присутствия в Туркестанском крае, а также существующие практики реализации политики населения в периферийном регионе.

Дискурс г. Ташкента как органичной части имперского проекта российской колонизации Туркестана во второй половине XIX – начала XX в. строился на основании нескольких паттернов, фиксирующих представления политических элит о возможных и эффективных стратегиях и практиках встраивания периферии в общеимперское пространство.

Центральным элементом дискурса г. Ташкента выступал паттерн имперского доминирования, реализуемый в риторике тотального военного и политико-административного присутствия Российской империи в границах городского пространства. В рецепции имперских экспертов российское доминирование в регионе отсчитывается от образования Туркестанского генерал-губернаторства (11 июля 1867 г.) и приобретения Ташкентом статуса «резиденции главных начальников края и местопребывания высших военных, административных, судебных, учебных, финансовых учреждений» (Добросмыслов, 1912: 61). А.И. Добросмыслов, обращаясь в своих очерках к главным вехам истории русского Туркестана, растущее значение Ташкента нераздельно связывал с деятельностью генерал-губернаторской власти, персонафицированной в лице А.П. фон Кауфмана (Добросмыслов, 1912: 61). Главный администратор края предстаёт в его тексте как источник права и управленческих полномочий, что рассматривалось в качестве альтернативы власти «деспотических беков, ...попиравших всяческие божеские и человеческие законы» (Добросмыслов, 1912: 62); «...на долю первого начальника выпало вступить в управление краем, которому не дано было ни законов, ни какого либо административного устройства» (Добросмыслов, 1912: 61).

В путевых заметках П.И. Пашино, посетившего г. Ташкент незадолго до учреждения Туркестанского генерал-губернаторства в 1866 г., регулярно встречаются упоминания о большом числе лиц военного звания на улицах города, и в этом калейдоскопе - офицеры с сопровождавшими их казаками, солдаты в белых рубахах, красноватых штанах и кепи, часовые, гауптвахты, казармы (Пашино, 1868: 93). Делясь с читателями первыми впечатлениями о въезде в Ташкент, П.И. Пашино пишет о чувстве уверенности и безопасности, когда казаки обеспечивают свободный проезд его экипажу, а выкрики местных мальчишек «урус – хурус (петух)» автор сопровождает язвительным замечанием: «Да, русские задали вам с 600-ми штыков такого петуха, которого вы никогда не забудете...» (Пашино, 1868: 90).

Отметим, что в представлениях имперских экспертов, конструирующих образ г. Ташкента, нарратив военного и административного превосходства как гарантии стабильности власти и безопасности русского населения оставался неизменным и в последующие годы. Писатель Е. Марков, совершивший на рубеже XIX – XX вв. путешествие по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге, в описании г. Ташкента неустанно восхищался «...яркой белизной белых рубашек на беспрерывно снующих по улицам солдатиках и их ярких, как кровь, шароварах из козьей замши», замечая попутно, что «...солдат тут нужен всем и на каждом шагу. Он и защищает, он и устраивает, он и цивилизует... А что такое солдат в каком-нибудь Курске или в Щиграх? Кому и на что он нужен в обычное, мирное время?» (Марков, 1901: 467). В материалах, опубликованных Е. Марковым в 1901 г., в яркой эмоциональной форме выражены представления имперских экспертов о военно-административном доминировании как единственно возможном сценарии владычества России в Туркестанском крае: «Только прочным насаждением здесь русской силы мы можем надеяться прочно держать в руках своих этот мусульманский край, населённый истари враждебными нам народами» (Марков, 1901: 507). В свидетельствах писателя обращает на себя внимание способ репрезентации власти военного губернатора, имеющей особый надзаконный статус, обладающей военной мощью и чувством территориально-культурной дистанции по отношению к подданным. Е. Марков в одном из эссе, вошедшем в книгу, даёт детальное описание жилища (дачи) военного губернатора Н.И. Гродекова, которое располагалось на окраине г. Ташкента в «прекрасном тенистом парке... с роскошным видом... с обширной террасы на окрестности» (Марков, 1901: 506). Далее писатель сообщает: «Терраса эта, устланная восточными коврами и уставленная восточными диванами, украшена и неизбежным туркестанским украшением – чучелами огромных тигров. Но это не какие-нибудь отвлечённые тигры, купленные для эффектной обстановки в меховом магазине. Нет, это тоже своего рода представители местного населения, туземцы и местные соседи. Одного из них русские мужички-переселенцы убили в селенье Троицком, верстах в 30 от Ташкента» (Марков, 1901: 506).

Символическое соединение военного и административного в приведённом выше фрагменте записок Е. Маркова усиливается в тексте минимализацией значения гражданского сегмента ташкентского социума. По констатации писателя, «фигура штатского положительно выделяется каким-то неуклюжим пятном, каким-то резким диссонансом среди сплошного моря военных форм, военных учреждений, военного люда, дающих городу его характерную физиономию» (Марков, 1901: 467).

В 1910-х гг. общая интонация дискурса военно-административного доминирования России в строительстве образа г. Ташкента начинает претерпевать некоторые метаморфозы, смещаясь в сферу репрезентации результатов российского присутствия. В текстах имперских экспертов начинают широко тиражироваться такие фразеологические обороты, как «русский Ташкент» (Марков, 1901: 467), «новый Ташкент» (Вошинин, 1914: 11), «превращающийся из Иерусалима или другого

библейского города – в русский город» (Хорошхин, 1876: 81). Чиновник Переселенческого управления, географ и статистик В.П. Вошинин, выделяя содержательные элементы образа г. Ташкента в первое десятилетие XX в., фиксировал смещение акцентов городской жизни от милитаризма к гражданскому состоянию: «Новый Ташкент – это Ташкент русский, с дворцом генерал-губернатора, собором, домиком Черняева, памятником Кауфману, огромными магазинами, театрами, кинематографом “Хива”» (Вошинин, 1914: 11). Вместе с тем В.П. Вошинин полагал, что «новый Ташкент» – это «только утро новой туркестанской действительности» (Вошинин, 1914: 86), а условием дальнейшего развития Туркестанского края и Ташкента станет преобразование этого места из страны «белых рубах, славных войск – покорителей края... – в страну “картузов” и “смушковых шапок”» (Вошинин, 1914: 86).

Наряду с паттерном военного и административного преобладания, дискурс г. Ташкента транслировал линию культурной интеграции коренного населения и внедрения начал гражданственности в региональном социуме. Общим мотивом в репрезентациях г. Ташкента имперскими экспертами являлся тезис о необходимости распространения русского образования и хозяйственно-экономических практик как инструментов русификации. Конструирование образа Туркестана в целом и г. Ташкента, в частности, осуществлялось авторами в контексте противопоставления передовой русской культуры нецивилизованным моделям поведения автохтонного населения. Представления о примитивности культуры населения тиражировались в российском общественном мнении и в стилизованном литературном виде «выливались» на страницы очерков, заметок, травелогов имперских экспертов, в которых пространства Центральной Азии преподносились как «опасные гнёзда дикости и азиатского варварства» (Марков, 1901: IX). П.И. Пашино, предваряя свои заметки о путешествии в Туркестанский край, детально перечислял наставления, которыми снабжали его «знающие» люди, бывавшие в Туркестане: «...там ни уголька, ни лучины..., спичек не найдёте..., азиаты не умеют управляться с экипажами..., хлеба во всю жизнь в глаза не видали...» (Пашино, 1868: 2-3). Апофеозом предубеждений, сложившихся среди образованных россиян, можно назвать такое пожелание и предупреждение путешественнику: «А нагайку взяли?... Нет? Ну поздравляю! Пеняйте на себя – без рук воротитесь...» (Пашино, 1868: 3). Разумеется, автор воспринимал такие советы иронически, однако, прибыв в Ташкент, в высказываниях своих соотечественников нередко отмечал устоявшиеся гетеростереотипы в восприятии чужой культуры. Так, степной пристав, в частной беседе с П.И. Пашино, не согласился с распространённым негативным мнением об инородцах Туркестана, отметив, что этот народ «до геройства честный, самолюбивый, ребячески наивный и забытый, вследствие постоянных смут в степи» (Пашино, 1868: 4). Вместе с тем в монологе чиновника встречается фраза, вызвавшая заинтересованность и согласие автора. Общаясь с киргизом, степной пристав говорит: «Тебе непростительно в грязи жить: ты же джатак (оседлый)!» и уже обращаясь к П.И. Пашино: «С этими джатаками ничего не поделаешь. Выстроишь им избу, дашь лошадь, корову; поле вспашешь за него и посеешь, казалось бы, живи – не хочу, а он, злодей, продаст тихомолком хлеб на корню, да купит себе юрту, расставит её на гумне, да и свистит целую зиму в кулак» (Пашино, 1868: 4).

Нельзя не отметить тот факт, согласно с которому авторы травелогов, заметок и очерков критически воспринимали шаблонные оценки «другого» в высказываниях «своих». Так, проживший долгие годы в Туркестане и занимавший высокие чиновные должности по военному ведомству А.П. Хорошхин прямо указывал «на заблуждения и преувеличения в рассказах досужных господ, с пылким воображением, побывавших в Туркестанском крае...» (Хорошхин, 1876: 1). Вместе с тем имперские эксперты в целом проявляли коммуникативное согласие в вопросе о необходимости культурного выравнивания и реализации культуртрегерских практик в отношении инородческого населения. Ташкент, как «место встречи» и активной коммуникации «человека власти и культуры» с «колониальным субалтерном», маркировался ими как территория воплощения имперских представлений о путях и средствах преобразования инородческого мира в русский.

Главным препятствием к осуществлению данного процесса эксперты согласованно называли значительное влияние мусульманского духовенства – мулл и ишанов – на коренное население, что препятствовало культурной интеграции инородцев. П.И. Пашино определял это влияние как «громадное» и констатировал, что «нужны столетия, чтобы его искоренить, так как образование городские жители Ташкента получают через духовных лиц, и 85 % людей, благодаря духовенству, грамотны и наслушались бездну проповедей о превосходстве ислама над всеми другими религиями и о неуважении к неверным» (Пашино, 1868: 165).

Единственным эффективным методом выхода из сложившейся ситуации в условиях раннего периода российского администрирования в Туркестанском крае эксперт видел в насаждении русского языка в среде высшего мусульманского духовенства, которому транслировал обязанность сдавать экзамен на знание русского языка, рассматривая его как самое надёжное средство контроля за деятельностью лиц духовного звания (Пашино, 1868: 165).

По мере распространения в регионе российских административно-управленческих практик и эскалации русского присутствия на рубеже XIX – XX вв. менялась «оптика» представлений о культурно-просветительском инструментарии России в Туркестане и отдельных его городах.

По мнению Е. Маркова, в этот период происходит становление «русского Ташкента», который «стремительно наполнялся представителями самых разнообразных профессий: крупными администраторами, полицейскими чиновниками, военно-учёным элементом, педагогами, техниками, торговыми людьми и даже некоторыми из интересных туземцев...» (Марков, 1901: 492). Е. Марков пришёл к выводу о формировании в городе совершенно новой культурной среды «знающих, развитых, деятельных и вполне порядочных людей», совершенно не соответствующих образу «господ ташкентцев», широко распространённому в российской либеральной публицистике (Марков, 1901: 492). Предметом особого внимания писателя стала русская гимназия, возглавляемая известным русским педагогом и общественным деятелем Н.П. Остроумовым, среди 250 учеников которой числились представители коренного населения – сарты и киргизы. Отмечая учебные успехи инородцев, Е. Марков пришёл к выводу: «Если бы серьёзно приняться в этом направлении за всех вообще туземцев наших, не долго бы они оставались нам чужими по вкусам и взглядам. Школа – изумительный реформатор и способна быстро переродить какой угодно народ, если только начнёт влиять на него с самого детства» (Марков, 1901: 502).

В широком смысле паттерн русского культурного доминирования в откровенно европоцентристском ключе был артикулирован в 1910–1911 гг. В.П. Воцининым: «...По мере того, как живительные лучи Русского солнца всё глубже проникают в недра туземного края, и светом европейской культуры всё сильнее озаряется старая Азия, - смягчаются контрасты последней, и исчезают самые мрачные тени» (Воцинин, 1914: 86). В.П. Воцинин, отмечая в своих заметках приметы новизны в устройстве и структурах повседневности г. Ташкента, подчёркивал своеобразное культурно-территориальное «расслоение» пространства города на туземную и русскую части, «новые» и «старые» кварталы (Воцинин, 1914: 11). Чиновник обращал внимание на то, что подобная культурная демаркация, сложившаяся в городской системе координат, транслировалась и «на полях туркестанских, ...где начинает селиться русский народ, а с ним вместе, медленно, но, кажется, верно, в толщу незапамятных туземных предрассудков начинает проникать и культура русская» (Воцинин, 1914: 11-12). Развивая данную мысль, В.П. Воцинин пришёл к важному выводу об олицетворении г. Ташкентом права Туркестана на современную жизнь, осуществить которое можно лишь объединением энергичных русских людей, «хороших рабочих сил и огромных материальных средств» (Воцинин, 1914: 86), что способствовало дальнейшей эскалации дискурса русского культуртрегерства за счёт обсуждения широкого круга вопросов народно-хозяйственного спектра.

Так, в текстах имперских экспертов первого десятилетия XX в., на первый план постепенно вышли сюжеты, связанные с организацией русского культурного влияния средствами крестьянских переселений и распространения зернового земледелия и хлопководства в Туркестанском крае как инструментами российского влияния.

На рубеже XIX–XX вв. в текстах имперских экспертов нарратив Ташкента как русского города, выполнявшего функцию центра российского культурного влияния, репрезентировался в рамках общей логики колонизационного дела. В своих свидетельствах авторы наглядно формулировали преемственность военного завоевания края, его административного обустройства и хозяйственно-экономического освоения. В.В. Наливкин, в частности, писал: «Появление в крае русских войск, чиновников и торговцев, ничего материально не производивших, и вместе с тем привыкших к удовлетворению... относительно широких потребностей, ...предъявлявших требования на значительные количества разного рода сельскохозяйственных продуктов..., сразу же дало сильный толчок многим отраслям туземного сельского хозяйства, лесоводства, садоводства и виноградарства» (Наливкин, 1913: 89).

Правительственные чиновники В.П. Воцинин и А.А. Татищев, рецептировавшие г. Ташкент как центр организации переселенческого дела и распространения российского культурного влияния средствами аграрных миграций из европейской части страны, в своих заметках и воспоминаниях значительное внимание уделили вопросам административной организации, интеллектуально-технической поддержки и совершенствования земледельческих практик в Туркестанском крае. Показательно, что в отличие от репрезентаций г. Ташкента второй половины XIX в. как военно-административного города, призванного выполнить задачу закрепления России в Туркестане, сопровождаемых подробным описанием коренного населения и его экзотизацией, тексты имперских экспертов начала XX ст. приобретают сугубо прагматическое содержание. Командированный в Туркестан по делам крестьянских переселений чиновник Министерства государственных имуществ А.А. Татищев в своей оценке городов предельно лаконичен: «Обычные туземные города с домами, окружёнными земляными стенами...» (Татищев, 2001: 91). Своё посещение Ташкента он объясняет исключительно с практических позиций: «Пришлось ненадолго остановиться, но не экзотики ради, а надеясь обсудить производственные проблемы с начальником Туркестанского управления А.В. Успенским» (Татищев, 2001: 91-92).

На первый план в текстах чиновников, занявших основную нишу в корпусе конструирующего образ «нового Ташкента», вышли сюжеты, связанные как с отдельными феноменами русского участия в аграрной колонизации региона, так и содержавшие системные представления и оценки перспектив культурной интеграции Туркестана в состав России. Например, в заметках и

воспоминаниях местных организаторов и участников переселенческого дела повсеместными являлись свидетельства об опыте орошения Голодной степи, начатого по инициативе великого князя Николая Константиновича и продолженного специальными имперскими учреждениями, которые базировались в Ташкенте (Татищев, 2001: 92; Воцинин, 1914: 82-83).

В.П. Воцинин, говоря о влиянии русского элемента в области аграрной деятельности, писал: «Настоящий переселенец, помолясь жарко Богу, ...принимается за плуг и лопату..., а через год или два – прежний кочевник-киргиз засеивает уже поле пшеницей, а сарт – представитель тысячелетней первобытной туземной хлопковой культуры – вдруг приобретает машины...» (Воцинин, 1914: 79). Такие осязаемые изменения направили автора к мысли о значительном культурном потенциале русского народа и привели к убеждению, что «...русский народ разовьёт производительные силы богатейшего Туркестанского края, и заставит сверкать этот новый бриллиант среди других русских ценностей» (Воцинин, 1914: 77).

А.А. Татищев своего командировку в г. Ташкент и деятельность в должности начальника Управления земледелия описывал менее пафосно, акцентируя внимание на организационных моментах деятельности департамента. Тем не менее и он, посредством артикуляции практических целей империи, косвенно продвигал паттерн русского культурного доминирования, говоря о необходимости «увеличения доходов казны, ...считаясь с особыми условиями жизни местного населения» и спецификой Ташкента, его «туземной» и «русской» частей, являвшихся моделью для понимания аграрной специфики целого региона и первенствующей роли в колонизации российского элемента (Татищев, 2001: 145-162).

5. Заключение

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в ситуации активного продвижения Российской империи к восточным окраинам, распространения в Центральной Азии русской оседлости и эскалации зоны хозяйственного освоения территорий Туркестанского края, происходило и ментальное приобретение региона, репрезентируемое в дискурсе городов, в том числе – Ташкента.

В качестве основных положений и прогнозируемых сценариев «присвоения» нового региона в дискурсе г. Ташкента выступали паттерны военно-административного присутствия Российской империи в Туркестане и русского культурного доминирования средствами образования и распространения земледельческих практик. Необходимо отметить, что в дискурсе имперских экспертов второй половины XIX в. «оккупационный» мотив, выразившийся в повсеместных описаниях военной мощи России в границах ташкентского гарнизона, являлся своеобразной эманацией морального превосходства и оправданности экспансионистской политики империи. Тотальное преобладание лиц военного звания над гражданским населением г. Ташкента позиционировалось в текстах чиновников, публицистов, общественных деятелей как необходимое условие для эффективного и безопасного администрирования в Туркестанском крае.

В конце XIX – начале XX ст. интонация дискурса и предполагаемых практик «дрейфуют» в направлении русского культуртрегерства, предполагающего распространение российских образовательных институтов и аграрных практик, призванных расширить горизонты имперского влияния, сформулировать сценарии формирования в регионе «большой русской нации».

Литература

Абашин, 2016 – Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М.: Кучково поле, 2016. 880 с.

Воцинин, 1914 – Воцинин В.П. Очерки нового Туркестана. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1914. 86 с.

Герасимов и др., 2010 – Герасимов И., Могильнер М., Семёнов А. В поисках ясности в исторической природе национализма и империи. Мифы и заблуждения в изучении истории национализма: сборник научных статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 7-27.

Джераси, 2013 – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.

Добросмыслов, 1912 – Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Тип. О.А. Порцева, 1912. 520 с.

Захарова, 2001 – Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов: Рыцарь Российской империи. М., 2001. 336 с.

Козинцев, Почекаев, 2022 – Козинцев М.А., Почекаев Р.Ю. «Заметки туриста» Ш.М. Ибрагимова как источник по истории и географии Туркестанского края // *Письменные памятники Востока*. 2022. Т. 19. № 2 (49). С. 86-98.

Левтеева, 1986 – Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). Ташкент: Фан, 1986. 144 с.

Манн, 2016 – Манн М. Тёмная сторона демократии. Объяснение этнических чисток. М.: «Пятый Рим», 2016. 928 с.

Марков, 1901 – *Марков Е.* Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям и Каспийскому морю и Волге. Т.1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 541 с.

Мацузато, 2004 – *Мацузато К.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу. Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала “Ab Imperio”) / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследований Национализма и Империи», 2004. 652 с.

Наливкин, 1913 – *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Электрич. типо-лит. Турк. т-ва печатного дела, 1913. 144 с.

Пашино, 1868 – *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб.: Тип. Теблена, 1868. 176 с.

Суворова, Кадиков, 2015 – *Суворова Н.Г., Кадиков Э.Р.* Колонизационные тексты имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2015. № 4 (8). С. 174-193.

Татищев, 2001 – *Татищев А.А.* Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.

Тольц, 2013 – *Тольц В.* «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

Филлиппс, Йоргенсен, 2008 – *Филлиппс Н., Йоргенсен М.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

Хорошхин, 1876 – *Хорошхин А.П.* Сборник статей касающихся до Туркестанского края. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1876. 531 с.

Чуркин, 2022 – *Чуркин М.К.* Репрезентации власти и общества Кокандского ханства в травелогах русских путешественников первой половины XIX в. / *Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: Мат-лы второй Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019)*. Барнаул: БЮИМВД, 2022. С. 68-73.

Эткинд, 2016 – *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

Tokmurzayev et al., 2022 – *Tokmurzayev B.S., Yelshibayev S.K., Apasheva S.N.* The Kokand Khanate as an Object of Russia's Geopolitical Interests in the Representation of Travelogues of Imperial Experts in the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 666-676.

References

Abashin, 2016 – *Abashin, S.N.* (2016). Turkestan v imperskoj politike Rossii: monografiya v dokumentah [Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents]. М.: Kuchkovo pole, 880 p. [in Russian]

Churkin, 2022 – *Churkin, M.K.* (2022). Rerezentacii vlasti i obshchestva Kokandskogo hanstva v travelogah russkih puteshestvennikov pervoj poloviny XIX v. [Representations of power and society of the Kokand Khanate in travelogues of Russian travellers of the first half of the nineteenth century]. *Sibir' v fokuse istoricheskikh, vostokovednyh i pravovyh issledovanij: Mat-ly vtoroj Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vladimirovicha Starceva (1956–2019)*. Barnaul: BYUIMVD. Pp. 68-73. [in Russian]

Dobrosmyslov, 1912 – *Dobrosmyslov, A.I.* (1912). Tashkent v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskij ocherk [Tashkent in the past and present. Historical sketch]. Tashkent: Tip. O.A. Portseva. 520 p. [in Russian]

Dzherasi, 2013 – *Dzherasi, R.* (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii [Window to the East: Empire, orientalism, nation and religion in Russia]. М., 548 p. [in Russian]

Etkind, 2016 – *Etkind, A.* (2016). Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskiy opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]

Fillips, Iorgensen, 2008 – *Fillips, N., Iorgensen, M.* (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr», 352 p. [in Russian]

Gerasimov i dr., 2010 – *Gerasimov, I., Mogil'ner, M., Semyonov, A.* (2010). V poiskah yasnosti v istoricheskoy prirode nacionalizma i imperii [In search of clarity in the historical nature of nationalism and empire]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii istorii nacionalizma: sbornik nauchnyh statei*. М.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 7-27. [in Russian]

Khoroshkhin, 1876 – *Khoroshkhin, A.P.* (1876). Sbornik statei kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraja [Collection of articles concerning the Turkestan Krai]. СПб.: Tip. A. Transhelya, 531 p. [in Russian]

Kozintsev, Pochekaev, 2022 – *Kozintsev M.A., Pochekaev R.Yu.* (2022). «Zametki turista» Sh.M. Ibragimova kak istochnik po istorii i geografii Turkestanskogo kraja [“Notes of a tourist” by Sh.M. Ibragimov as a source on the history and geography of the Turkestan region]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. 2(49): 86-98. [in Russian]

- Levtееva, 1986** – *Levtееva, L.G.* (1986). Prisoedinenie Srednej Azii k Rossii v memuarnykh istochnikakh (istoriografiya problemy) [The annexation of Central Asia to Russia in memoir sources (historiography of the problem)]. Tashkent: Fan, 144 p. [in Russian]
- Mann, 2016** – *Mann, M.* (2016). Tyomnaya storona demokratii. Ob'yasnenie etnicheskikh chistok [The dark side of democracy. Explaining ethnic cleansing]. M.: 'FifthRome', 928 p. [in Russian]
- Markov, 1901** – *Markov, E.* (1901). Ocherki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Buhare, Samarkandskoj, Tashkentskoj i Ferganskoj oblasti i Kaspijskomu moryu i Volge [Sketches of a journey through Transcaucasia, Turkmenia, Bukhara, Samarkand, Tashkent and Fergana regions and the Caspian sea and Volga]. T. 1. SPb: Tip. M.M. Stasyulevicha, 541 p. [in Russian]
- Matsuzato, 2004** – *Matsuzato, K.* (2004). General-gubernatorstva v Rossiiskoi imperii: ot etnicheskogo k prostranstvennomu podkhodu. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sbornik statei (Biblioteka zhurnala "Ab Imperio") [Governor-Generalships in the Russian Empire: from ethnic to spatial approach]. Pod red. I.V. Gerasimova, S.V. Glebova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan': «Tsentr Issledovani Natsionalizma i Imperii», 652 p. [in Russian]
- Nalivkin, 1913** – *Nalivkin, V.P.* (1913). Tuzemtsy ran'she i teper' [The natives before and now]. Tashkent: Elektrich. tipo-lit. Turk. t-va pechatnogo dela, 144 p. [in Russian]
- Pashino, 1868** – *Pashino, P.I.* (1868). Turkestanskij kraj v 1866 godu. Putevye zametki [Turkestansky kraj in 1866. Travelling notes]. SPb: Tip. Teblena, 176 p. [in Russian]
- Suvorova, Kadikov, 2015** – *Suvorova, N.G., Kadikov, E.R.* (2015). Kolonizatsionnye teksty imperskih ekspertov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). [Colonisation texts of imperial experts (second half of the XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 4(8): 174-193. [in Russian]
- Tatishchev, 2001** – *Tatishchev, A.A.* (2001). Zemli i lyudi. V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906-1921) [Lands and People. In the thick of the resettlement movement (1906–1921)]. Moskva: Russkij put', 376 p. [in Russian]
- Tokmurzayev et al., 2022** – *Tokmurzayev, B.S., Yelshibayev, S.K., Apasheva, S.N.* (2022). The Kokand Khanate as an Object of Russia's Geopolitical Interests in the Representation of Travelogues of Imperial Experts in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 17(2): 666-676.
- Tol'ts, 2013** – *Tol'ts, V.* (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskij period ["Russia's Own East": identity politics and orientalism in the late imperial period]. Moskva, 336 p. [in Russian]
- Voshchinin, 1914** – *Voshchinin, V.P.* (1914). Ocherki novogo Turkestana [Sketches of new Turkestan]. SPb: Tip. t-va «Nash vek», 86 p. [in Russian]

Ташкент в имперском проекте российской колонизации Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX в.: дискурс и практики

Садокат Максудовна Маткаримова^{a, *}, Саодат Тиловбердиевна Давлатова^{b, c},
Нафосат Хурматбек кизи Ботирова^d, Гуларам Камилловна Машарипова^e

^a Университет Мамуна, Хива, Республика Узбекистан

^b Комитет по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при Министерстве культуры Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан

^c Научно-исследовательский институт культурологии и нематериального культурного наследия при Министерстве культуры Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан

^d Ургенчский государственный университет им. Абу Райхана Беруни, Ургенч, Республика Узбекистан

^e Alfraganus university, Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье на материалах записок, очерков, заметок и воспоминаний российских чиновников, публицистов, писателей, общественно-политических деятелей, объединённых «рамкой» имперские эксперты, раскрывается содержание дискурса представлений о г. Ташкенте как форпосте российской колонизации Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX в. Обращение к методу дискурс-анализа позволило выявить ключевые паттерны в представлениях экспертов о репрезентации г. Ташкента, определивших модели внутренней колонизации восточных окраин империи. В процессе исследования установлено, что конструирование образа г. Ташкента как имперского центра Туркестанского края предполагало фиксацию в личных текстах имперских экспертов особого военного и административно-управленческого статуса города, что находило

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sadokatmatkarimova@yandex.ru (С.М. Маткаримова),
saodatdavlatova@gmail.com (С.Т. Давлатова), nafosatbotirova90@gmail.com (Н.Х. Ботирова),
masharipovagularam2006@gmail.com (Г.К. Машарипова)

выражение в массивном «оккупационном» нарративе, преобладающем на страницах опубликованных материалов. В публикациях второй половины XIX ст. отчётливо прослеживалась интонация милитарного присутствия и доминирования империи в регионе, а г. Ташкент маркировался как военный объект России с преобладанием военного населения над штатским, что обеспечивало относительно комфортные условия для администрирования и трансляции имперской власти как преобразующей и окультуривающей силы. В начале XX в. в содержании дискурса г. Ташкента и осмыслении практических планов империи в Центральной Азии произошли значительные изменения, что, по мнению экспертов, было обусловлено окончательным «умиротворением» окраины и вызвало к жизни культуртрегерские инициативы русификаторского характера, а вместе с ними и продвижение идеи российских национал-консерваторов о необходимости продвижения такого варианта освоения и «присвоения» востока, в котором будут постепенно стираться культурные различия и образуется «большая русская нация». В этой связи г. Ташкент представлялся имперским экспертам как «площадка» переработки с учётом местных условий и трансляции российской культуры средствами образования и распространения отечественного опыта земледельческого хозяйства, призванного седентеризировать кочевников и утвердить в оседлости остальные группы автохтонного населения.

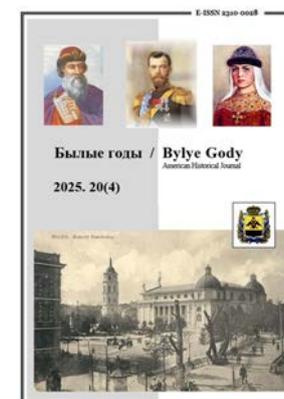
Ключевые слова: Туркестанский край, Ташкент, имперский проект колонизации, дискурс, практики, имперские эксперты, внутренняя колонизация.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1907-1920
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1907

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Specifics of the Development of the Sanitary and Epidemiological Service of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries: the Turkestan Aspect

Timur T. Raishev ^{a,*}, Olga P. Kobzeva ^a, Zhuldyz E. Turekulova ^b, Guzal A. Egamberdieva ^a

^aNational University of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

^bSouth Kazakhstan University named after M. Auezov, Shymkent, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the history of the development of sanitary and epidemiological services in the Turkestan region during the period of Imperial Russia. In the 60s in the 19th century, during the ‘Turkestan Campaigns,’ the Russian Empire began actively developing Central Asian territories militarily. In this regard, the focus of research interest is on the peculiarities of the empire's military medical policy, in particular measures to adapt military personnel to local conditions of service in the region and to combat endemic and epidemic diseases. The particular attention is paid to such issues as health protection, ensuring the combat readiness of Russian military personnel and related measures taken by the regional administration; sanitary and hygienic instability in the Turkestan region and its causes; the spread of cholera and plague epidemics in the region and the organization of quarantine measures, as well as their positive and negative consequences.

It has been established, that diseases characteristic of the Turkestan region, such as fever, typhus, malaria, Pindina ulcer (cutaneous leishmaniasis), rishta (dracunculiasis), etc., were widespread among the troops of the Turkestan Military District. Often, the spread of a particular disease depended on the location. It has been established that during this historical period, despite the dominance of Russian military medicine, traditional folk healing continued to exist, while at the same time a symbiosis between these two medical schools began to emerge.

The study draws on a wide range of archival sources from the National Archives of the Republic of Uzbekistan, regulatory and legal documents of the Russian Empire, departmental reports, periodicals and academic literature. The use of a military-medical approach and the concept of acculturation, the principles of historicism, scientific objectivity of narrative analysis, and an interdisciplinary approach made it possible to shed light on the main processes of the Russian Empire's sanitary and medical policy in the Turkestan region.

Keywords: Russian Empire, Turkestan, epidemiology, history of empires, history of medicine, military doctors.

1. Введение

Исследования в области истории военной медицины приобретают в современных реалиях развития исторической науки всё более востребованное значение. Однако в условиях междисциплинарности подходов и методологии научного знания, к сожалению, не до конца изученными остаются вопросы истории эпидемий и развития эпидемиологии в Туркестанском крае в имперский период. В наше время наличие глобальных миграционных, транслогистических потоков и смещения в результате потепления климата ареалов тропических заболеваний снова создают для стран Евразийского континента, в том числе Центральной Азии, определённые риски. Ввиду этого

* Corresponding author

E-mail addresses: timur.raishiev@mail.ru (T.T. Raishev), kobzeva1975@internet.ru (O.P. Kobzeva), turekulova74@mail.ru (Zh.E. Turekulova), Egamberdiyevag@bk.ru (G.A. Egamberdieva)

обращение к опыту Российской империи в исследовании эпидемий и борьбе с ними остаётся для нас весьма актуальным и сегодня.

Вторая половина XIX в. характеризуется активным военным продвижением Российской империи вглубь Центрально-Азиатского региона, в результате которого здесь было образовано (1867 г.) Туркестанское генерал-губернаторство (Сартори, 2022: 21) как административная единица империи и Туркестанский военный округ (далее – ТВО) как новая неотъемлемая часть военно-окружной системы на южных рубежах России. Размещение на данной территории большого воинского контингента, а также административных ресурсов потребовало от имперских властей разработки и внедрения базы нормативно-правового регулирования новым регионом, которая опиралась как на уже существовавшие имперские законодательные документы, так и учитывала местную специфику. Это затронуло и сферу здравоохранения, которая на протяжении всего имперского периода продолжала оставаться в рамках ответственности Военного ведомства Российской империи.

Учитывая природные особенности Туркестанского края, прежде всего его климато-географическую специфику, бытовые, санитарно-гигиенические факторы, военные врачи и краевые власти вынуждены были искать новые стратегии и направления в борьбе с заболеваниями, которые вспыхивали в войсках либо заносились извне и впоследствии разрастались до масштабов эпидемий. Это поэтапно привело к становлению в данном регионе столь важного направления в имперской военной медицине, как эпидемиология.

2. Материалы и методы

Важным компонентом источниковой базы в ходе проведения данного исследования послужили первоисточники, в первую очередь материалы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Узбекистан (НАРУз) (Ташкент, Республика Узбекистан), в частности, документы из фонда И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора), в котором собраны материалы: о создании и функционировании лечебных учреждений как военного (госпитали, лазареты, приёмные покои), так и гражданского (больницы, амбулатории, аптеки и др.) профиля; о причинах возникновения, путях занесения эпидемий (прежде всего холеры и чумы) в Туркестане; об эндемических заболеваниях и мероприятиях туркестанской администрации по борьбе с ними; о вопросах финансирования сферы здравоохранения в данном регионе и его специфике. На основе материалов, хранящихся в фонде И-3 (Российское Императорское политическое агентство в Бухаре), можно провести сравнительный анализ санитарно-эпидемиологической ситуации в городах Бухарского эмирата и Туркестанского края, изучить виды заболеваний автохтонного происхождения и их влияние на местное население и российских переселенцев, а также проследить эпидемиологические вспышки в пограничных владениях (Персии и Афганистане).

Документы, хранящиеся в фонде И-36 (Управление начальника города Ташкента), содержат ценные сведения в виде рапортов городского санитарного врача, в которых описывается специфика санитарной обстановки в «старой» и «новой» частях Ташкента имперского периода, мероприятия и попытки местных властей по улучшению эпидемической ситуации в городе, профилактика и борьба с холерой, оспопрививание местного населения и т.д.

Фонд И-17 (Сырдарьинское областное правление) богат информацией о санитарном состоянии в области, вспышках эпидемических болезней, таких как холера, чума, и борьбе с ними, о врачебных наблюдениях за ходом проявления эпидемий и медицинской помощи местному населению.

Среди других источников следует выделить юридические памятники, в которых особое место занимает «Полное собрание законов Российской империи» (далее - ПСЗРИ) – значимый источник, касающийся имперской военно-медицинской политики России в Туркестанском крае. ПСЗРИ является универсальным специализированным сборником имперских законодательных документов, в которых отражены важные аспекты структуры и специфики функционирования системы военной медицины в Туркестанском крае, прописаны функциональные обязанности военно-медицинских должностных лиц, а также вопросы делегирования особых полномочий на периоды эпидемических ситуаций. Данные обстоятельства свидетельствуют о процессе интеграции новых российских владений в имперское юридическое пространство и поэтапной легитимации в регионе российской власти в рамках проводимой санитарно-медицинской политики.

Большую ценность для написания статьи имели официальные отчёты Военного министерства Российской империи, а также материалы не юридического характера – воспоминания современников, участников событий и, конечно, публикации в туркестанской прессе второй половины XIX – начала XX в.

Теоретико-методологическую основу данной статьи составили методы и подходы научного познания (принцип историзма, научной объективности, логики). В частности, использование принципа историзма позволило нам проанализировать развитие эпидемиологической науки в Туркестанском крае в контексте имперского периода, выявить основные факторы эпидемических вспышек в крае, осветить деятельность российских учёных, посвятивших себя изучению местных

заболеваний, а также определить влияние медицинских знаний и лечебных практик местного населения на эпидемиологическую науку европейских империй, России и в Туркестане.

Применение принципа научной объективности дало возможность отойти от субъективной интерпретации событий и провести исследование на основе оценки источников и фактов, например, в плане развития санитарно-эпидемиологического дела в Туркестанском крае, изучения процесса непростой трансформации взглядов на европейскую медицину местного сообщества табибов, духовенства, на попытки имперской администрации по улучшению медико-санитарных условий в регионе (от категорического отрицания до вынужденного проявления терпимости и даже преемственности практик и методик). Помимо этого, мы смогли сформировать представление о вопросах материально-технического обеспечения госпиталей, лечебниц, санитарно-эпидемиологических пунктов.

Использование метода нарративного анализа источников помогло определить ключевые факторы, влиявшие на санитарно-эпидемическую обстановку в Туркестанском крае: экологические, социально-бытовые, миграционные и экономические, способствовавшие её ухудшению либо улучшению в определённые периоды.

Исследование строилось на междисциплинарном подходе; были использованы частнонаучные методы специальных исторических дисциплин, таких как история науки и техники, историческая география, этнография, источниковедение, архивоведение, а также таких наук, как военная история, медицина и эпидемиология.

В методологическую основу статьи были положены военно-медицинский подход и концепция аккультурации. Первый предполагает, что военное руководство Российской империи являлось инициатором всей медицинской политики в Туркестане, в том числе в борьбе с эпидемиями, поэтому в регионе на протяжении всего имперского периода и вплоть до 1918 г. здравоохранение находилось в сфере контроля военных.

Для того, чтобы наглядно проследить непростое взаимодействие табибов, знахарей, практиковавших традиционные методы лечения на основе принципов Ибн Сины (Авиценны), ар-Рази, Ибн Рушда (Аверроэса), Беруни и др. с методами западной медицины, поэтапно приведшее к «медицинскому плюрализму» в периоды распространения эндемических заболеваний, а также эпидемий, нами была задействована концепция аккультурации. Она позволила сделать выводы о том, что, несмотря на установление имперских медицинских практик и их доминирование на территории Туркестанского края, параллельно продолжали своё существование традиционные формы медицины, а туркестанское научное и медицинское сообщество проявляло большой интерес к их изучению.

3. Обсуждение

В ходе написания статьи были использованы работы историков, медиков, военных, краеведов, государственных деятелей, служивших в Туркестане в данный период, а также труды советских и современных исследователей. Ввиду того, что историография истории медицины, в том числе и её санитарных аспектов, охватывает довольно большой спектр тем, мы решили сосредоточить своё внимание на наиболее значимых исследованиях.

До сих пор исследователями уделялось недостаточно внимания проблеме истории санитарно-эпидемической службы в Туркестанском крае. Среди работ, затрагивающих проблему санитарно-эпидемических условий в Туркестанском военном округе, влияние экологической среды на военнослужащих и местных жителей, их адаптацию к эндемическим болезням, выделяются исследования полковника Генерального штаба Л.Ф. Костенко ([Костенко, 1880](#); [Костенко, 1875](#)), составленные на основе военных рекогносцировок, проведённых на разных участках ТВО. Кроме этого, можно выделить коллективную монографию А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Ковалевского, В.Е. Ковалева ([Безугольный и др., 2012](#)), посвящённую истории военно-окружной системы Российской империи, а также частично вопросам распространения в войсках ТВО эндемических заболеваний.

Также заслуживают внимания исследования Т.Т. Раишева ([Раишев, 2020](#); [Раишев, 2021](#); [Раишев, 2024](#)), в которых раскрываются аспекты истории становления и развития военной медицины в Туркестанском крае, деятельности военно-медицинского персонала, специфики управления Туркестанского военного округа и особенности службы российских войск, расквартированных на его территории, а также освещаются вопросы адаптации военнослужащих к природно-климатическим факторам Центрально-Азиатского региона. Кроме того, стоит выделить совместную публикацию О.П. Кобзевой и Т.Т. Раишева ([Кобзева, Раишев, 2024](#)), в которой на основе большого массива источников и научной литературы раскрываются особенности формирования военно-медицинской службы в Туркестане в 60-е гг. XIX в. Основные положения, раскрываемые в статье, касаются состояния медицины до российского завоевания региона, факторов окружающей среды, влиявших на заболеваемость и смертность в войсках, и создания специальной нормативно-правовой базы для функционирования военно-медицинской системы в данном регионе.

Истории медицины в Туркестанском крае в период нахождения в составе императорской России, а также в первые годы советской власти посвящены работы М.М. Махмудова ([Махмудов,](#)

2015) и И.В. Волкова (Волков, 2022). Однако в данных исследованиях, несмотря на обширность базы источников, большее внимание исследователями уделяется гражданскому сектору здравоохранения.

Аспекты санитарно-эпидемического состояния в городах Туркестанского края, факторы и направления, заноса эпидемий и мероприятия, предпринимаемые имперскими и краевыми властями по борьбе с ними, в том числе на фоне общественных недовольств, раскрыты в трудах В.Ф. Болкунова (Болкунов, 1975), Х.Э. Юнусовой (Юнусова, 1995), В.П. Литвинова (Литвинов, 2006; Литвинов, 2017) и А.Э. Афанасьевой (Афанасьева, 2023).

Отдельно стоит выделить исследование, посвящённое истории становления и развития первого в России научно-исследовательского учреждения университетского типа в области биологии и медицины — Института экспериментальной медицины, основанное на анализе архивных материалов и данных научных публикаций большого коллектива учёных на протяжении века (Первый в России..., 1990).

Среди зарубежных авторов следует отметить работы Александра Моррисона, в которых исследователь определяет Россию как империю континентального типа, анализирует российское имперское правление в Туркестане на примере города Самарканда и прилегающих регионов в сравнении с английским опытом в Индии (Morrison, 2008), а также Паоло Сартори, всесторонне проанализировавшего опыт нахождения региона в составе России и трансформацию правосознания местных мусульман на основе концепций постколониализма и глобальной истории (Сартори, 2022).

Проблематика российской медицинской политики как инструмента колониальной политики империи освещается в статье Софи Омонн (Hohmann, 2009).

Тематика участия Российского государства в организации паломничества в Мекку, в том числе его санитарных аспектов, раскрыта в исследовании Айлин Кейн (Кейн, 2021). Джефф Сахадео в своём урбанистическом исследовании анализирует на основе обширного источникового материала, в частности, санитарное состояние Ташкента в имперский период и первые годы советской власти (Sahadeo, 2007).

Несмотря на то, что в отечественной и зарубежной историографии по теме статьи существуют определённые исследования, носящие часто опосредованный характер, сегодня в исторической науке продолжает оставаться актуальным и целесообразным запрос на изучение истории становления эпидемиологической науки в Туркестане.

4. Результаты

Со второй половины XIX в. у императорской России появились владения в Центральной Азии (Туркестанский край, Бухарский и Хивинский протектораты) площадью 1758600 кв. вёрст с населением 8265406 душ (Гейер, 1909: 9). По типологии их можно отнести к внутриконтинентальным колониям аридной климатической зоны (Morrison, 2008: 3), что в корне отличается от тропических заморских колоний других европейских империй того времени, к примеру, Британской Индии, Французского Алжира и др. Однако здесь, как и в заморских владениях европейских империй, окружающая среда и климат являлись важным предметом заботы военных врачей, эпидемиологов, колониальных властей в имперский период (Chakrabarti, 2014: 58).

Туркестанский военный округ (Туркестанский край) являлся одной из наиболее неблагоприятных территорий для здоровья военнослужащих, проходящих там службу. Причинами этому были: климатические особенности, часто малоприспособленные для проживания помещения, где размещались военные чины, тяжёлые условия службы, отсутствие элементарных санитарно-гигиенических условий (Раишев, 2021: 107).

Характеризуя свойства туркестанского климата, Л.Ф. Костенко отмечает его континентальность и сухость. «На всем протяжении территории Туркестанского округа климат отличается резкими переходами, как в перемене дня и ночи, так и относительно перемены времен года» (Костенко, 1880: 293).

В связи с чем в обмундирование туркестанских войск был внесён ряд изменений: в частности, солдаты носили гимнастические рубахи с суконными погонами, замшевые шаровары (чембары), выкрашенные в красный цвет, белое кепи с назатыльником, предохранявшее от жгучих лучей солнца, и холщовый мешок, а в ТВО казаки вместо гимнастёрки носили рубахи из верблюжьей шерсти — армячины, введенные в 1865 г. (Раишев, 2020: 59–66).

Помимо климата, важным фактором, отражавшимся на здоровье военнослужащих, часто было отсутствие качественной питьевой воды не только во время походов, а также неудовлетворительное состояние (в гигиеническом плане) помещений (сакель), где размещались войска.

В 1868 г. в войсках Туркестанского военного округа (на 1000 человек списочного состава) наибольшую заболеваемость вызывали: тифозные горячки — 274,9 чел., перемежающиеся лихорадки — 152,9 чел., дизентерия — 79,98 чел. и сифилис — 41,94 чел., а смертность была от: тифа — 24,92 чел., дизентерии — 13,994 чел., чахотки — 1,68 чел. и др. (Отчет Главного, 1870: 77). В 1868–1872 гг. в Туркестане в гарнизонах свирепствовали цинга, горячка, оспенный и брюшной тиф, а также холера (Костенко, 1880: 70).

Наиболее тяжёлые условия в укреплениях, где размещались войска, были в Джизаке (Ключевое укрепление), где находился 2-й Туркестанский линейный батальон. В 1872 г. он был передислоцирован в Ура-Тюбинское укрепление из-за большого процента заболеваемости и смертей

в батальоне. Неблагоприятным с точки зрения гигиены местом был Токмак (в районе Семиречья), окружённый болотами, вызывавшими в гарнизоне лихорадки.

Проанализировав статистические данные заболеваемости за 1873 г. в туркестанских войсках по местам дислокации, удалось выяснить, что наибольшая заболеваемость среди войск была в Токмаке – 2156 чел. (на 1000 чел. списочного состава), Казалинске – 1054 чел., Ходженте – 850 чел. и др. пунктах, а наиболее благоприятные условия, соответственно меньшая смертность, были в Копале – 488 чел., Ташкенте – 486 чел., Ура-Тюбе – 473 чел. и в других военных укреплениях (Костенко, 1880: 71–72). Учитывая вышеперечисленные негативные факторы, пагубно влиявшие на военных, туркестанское командование всячески старалось нивелировать их и предпринимало различные меры по улучшению санитарных условий. К примеру: осушались болота, от казарм отдалялись посевы риса, строились просторные и сухие казармы.

Судя по динамике количества больных и умерших военнослужащих, качество медицинского обслуживания войск в округах постепенно улучшалось. Количество заболеваний и смертей только по ТВО в 1870 и 1880 г. характеризовалось следующими данными: в 1870 г. заболело 21577, умерло 762 (умирало на 1000 чел. личн. состава 20,8). А в 1880 г. заболевших было 19578, умерших 472 (умерло на 1000 чел. личн. состава 10,29). Так, за десятилетие значительно снизилась смертность среди заболевших в Казанском, Киевском, Петербургском, Кавказском и Туркестанском военных округах, причём в ТВО основной причиной этого было сокращение масштабов военных действий в Центральной Азии (Безугольный и др., 2012: 189-190).

Солдаты в войсках болели разными видами болезней, среди которых были: перемежная лихорадка, венерические болезни, глазные болезни, катары дыхательных ветвей и лёгких, а также катары желудка и кишок (Общий обзор, 1895: 64-65). Войска больше всего страдали от лихорадки летом и осенью. Причинами, вызвавшими эту болезнь в туркестанских войсках, были резкие колебания дневных и ночных температур, наличие заболоченных территорий и рисовых полей. Также наблюдались сезонные желудочно-кишечные расстройства в результате неумеренного потребления военнослужащими фруктов в летне-осенний период. Проанализировав совпадение периодов заболеваемости желудочно-кишечными расстройствами и лихорадками, туркестанскими врачами была выдвинута гипотеза о схожести происхождения этих заболеваний и их эффективным лечением хинином (Костенко, 1875: 73-74).

В 1912 г. заболеваемость в войсках ТВО уменьшилась на 5,1% на 1000 чел. списочного состава. Смертность же от болезней уменьшилась по всем округам империи, кроме Туркестанского, где увеличилась на 0,39 % (Отчет Главного..., 1916: 7). В 1912 г. наибольшее число заболеваний в войсках ТВО дали: перемежающаяся лихорадка – 100,0 (на 1000 чел. списочного состава), брюшной тиф – 12,0, рожа – 4,7, болезни органов пищеварения – 44,1. Меньше, чем в других округах, в Туркестане болели гриппом – 10,4, бугорчаткой лёгких – 1,0, болезнями дыхательных органов. Высокая смертность была от брюшного тифа (1,85 %) и болезней органов пищеварения (0,38 %) (Отчет Главного..., 1916: 38-39).

Российская военная медицина в Туркестанском крае, как, впрочем, и британская в Индии, также опиралась на местные знания народной медицины, рецепты табибов и местные лечебные практики. Учитывая, что в регионе имперские власти, военно-медицинский персонал вводили инновационные практики западной медицины, однако полностью отказаться от сотрудничества с местными знахарями они не могли. Для примера: в первые годы пребывания в крае русские врачи кожный лейшманиоз лечить не умели, поэтому солдаты, офицеры и члены их семей лечились от язвы у местных табибов, несмотря на своеобразный метод лечения. «Пендинская» язва и ришта являлись одними из сугубо местных болезней, поражавших солдат в Туркестанском крае (Костенко, 1875: 74). Большая заслуга и первенство в мире в изучении и открытии возбудителя кожного лейшманиоза принадлежит знаменитому русскому военному врачу П.Ф. Боровскому. Во избежание заражения риштой в туркестанских войсках было предписано воду перед употреблением кипятить (Костенко, 1875: 74). Огромный и неоченимый вклад в исследование данного заболевания внёс русский натуралист, естествоиспытатель, исследователь Туркестана А.П. Федченко (Раишев, 2022: 106-113).

Сенатор Ф.К. Гирс в своём ревизионном отчете писал следующее: «Туземная медицина... довольно успешно борется с помянутыми болезнями, употребляя для того средства и весьма оригинальные хирургические приемы, как например вытягивание ришты из человеческого тела. Туземные врачи несколько не подходят к так называемым знахарям коренной России; они обладают, по-своему, весьма значительным запасом практических медицинских сведений, доставшимся Средней Азии от арабов в период цветущего состояния их владычества в этой стране. Имена и сочинения Гиппократ, Авиценны и Аверроэса небызвестны врачам-туземцам. В библиотеках их, по всему вероятно, находится порядочный запас медицинских сведений, а в помещениях туземных врачей, служащих вместе с тем аптеками, хранится значительное количество мало или совершенно неизвестных учёному миру лекарств». Но услуги таких врачей были недоступны простому народу: ими пользовались ханы с семьями, элита и богатое сословие. По результатам ревизии Гирс предлагал туркестанским медикам и местной администрации уделить большее внимание изучению данного вида медицины и фармакологии.

Санитарно-эпидемическая обстановка в Туркестанском крае отражала тяжёлое социально-экономическое положение местных жителей. Большинство поселений в крае находились в антисанитарном состоянии, на что были вынуждены указывать и сами власти. «Ни для кого не секрет..., в каком печальном состоянии находятся наши городские поселения, даже русского типа, не говоря уже о кишлаках, с другой стороны не тайна и то, как трудно бороться с нашей общей неохотой почиститься и привести себя в порядок», - писали «Туркестанские ведомости» (Болкунов, 1875: 23).

Большое влияние на методы профилактики холеры в войсках ТВО оказали открытия англичанина Джона Сноу, который в 1855 г. доказал, что холера передается через загрязненные воды, и Роберта Коха, в 1883 г. открывшего вибрион холеры, а также его теория специфической этиологии. Эти открытия повлияли на методику профилактики этого заболевания в Европе, в том числе и в Туркестане, где имперские власти стали проводить в «старогородской» части городов политику сегрегации, чтобы контролировать риск эпидемий и заражения, и своевременно применять профилактические меры с точки зрения гигиены и борьбы с инфекциями, в связи с чем было решено создать «медицинскую полицию». Обычно гарнизоны располагались на значительном удалении от мест проживания местного населения (Hohmann, 2009: 321).

Санитарное состояние городов Туркестанского края, как «новых», так и «старых» частей, согласно архивным источникам, было абсолютно неудовлетворительным и не соответствовало гигиеническим нормам. В частности, ташкентский городской врач М.Х. Батыршин сообщает в своём рапорте начальнику города об антисанитарном состоянии в «старом городе» и его причинах, таких как: «неправильное устройство азиатского города, неопрятное содержание дворов и улиц (что одинаково относилось к обеим частям города), превращение пустых лавок и других зданий в отхожие места, которые не очищались от нечистот; нахождение в “азиатском” городе кожевенных заводов, красильных заведений, боен и кладбищ; неправильное устройство и плохое содержание общих отхожих мест на большом “азиатском базаре”, которые не опорожняются в течение нескольких лет с роду» (НАРУз. Ф. И-36. Оп.1. Д. 754. Л. 8–80б.). Делается вывод, что только наличие обильной растительности, очищающей воздух и уменьшающей жару, способствующую гниению, делало «старый город» постоянным очагом эпидемических болезней. Аналогичную картину описывает и Г.П. Федоров в своих мемуарах (Федоров, 1913: 458).

Похожая ситуация была и в других городах Туркестана. Начальник Керкинского военного гарнизона в своём письме Бухарскому политическому агенту просит его повлиять на Керкинского бека с целью очистки «старого города» и берега реки, который «вдоль всего “сартовского” города Керки завален навозом и мусором и тут же экскременты: все эти нечистоты смываются рекой и течением прибывают к нашему берегу, где водовозы берут воду в питье и пищу» (НАРУз. Ф. И-3. Оп.1. Д. 48. Л. 72, 72об., 73). Похожая антисанитария была и в г. Бухаре (НАРУз. Ф. И-3. Оп.1. Д. 48. Л. 47, 47об.).

Имперскими властями и врачами предпринимались меры по улучшению санитарной обстановки в городах края, что мы можем проследить из рапорта Батыршина, который предложил осуществить в «старом городе» следующие меры: «1) устроить на большом центральном и ярмарочном базарах в азиатском Ташкенте общие отхожие места подвижные (железные засмоленные ящики на колесах, подвозимые под сидения и ежедневно опорожнять их) взамен ныне существующих ям со сторожем при каждом; 2) учредить в каждой части по одному должностному санитарному надзирателю, на которых возложить обязанность наблюдать за чистотой улиц, дворов и базарных площадей, за уборкой мертвых кошек, собак, и пр. животных, за поливкой улиц в жаркое время года, давать сток скопляющейся и образующей болота атмосферной и арычной воды и пр.; 3) немедленно перевести все бойни за город и при каждой из них обязать мясников иметь сторожей для постоянного содержания оных в приличном виде; точно так же поступить с кожевенными заводами и красильными заведениями, ...пустые здания и лавки закрыть» (НАРУз. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 754. Л. 90б.–10).

Учитывая пространственную сегрегацию городов Туркестана, стоит заметить ещё одну их характерную черту – отсутствие водопровода и канализации в городах. Справедливости ради, необходимо отметить, что вопрос о водоснабжении, например в Ташкенте, зачастую поднимался благодаря усилиям врачей-прогрессистов в периоды холерных эпидемий (1872, 1892, 1912 г.), однако из-за бюрократических проволочек данная инициатива не нашла поддержки у имперской администрации, и проблема центрального водоснабжения города была решена лишь после установления советской власти.

В 80-е гг. XIX в. – период бурного развития бактериологии в России – открываются пастеровские станции, лаборатории (Афанасьева, 2023: 233). По инициативе и из личных средств А.П. Ольденбургского 13 июля 1886 г. создана Петербургская Пастеровская станция. Почти одновременно с ней открылись Пастеровские прививочные станции в Одессе (12 июня), в Москве (17 июля), а затем в Варшаве, Самаре и Харькове. Благодаря научным контактам Ольденбургского с Пастером Петербургская станция получила часть образцов и материалов для начала своей научной деятельности из Парижа, в частности, двух кроликов с 115 и 116 генерациями вирусов; был направлен препарат А. Лоара и химик Пердри (Первый в России..., 1990: 9-10). Постепенно станция из чисто

практического учреждения начала превращаться в научную лабораторию, задачей которой являлось изучение причин возникновения инфекционных заболеваний и способов борьбы с ними. Учитывая тот факт, что в Туркестанском крае было значительное количество бродячих животных, больных бешенством (собаки, лисы, кошки и др.), и происходили случаи укусов людей, 25 марта 1906 г. при Ташкентском военном госпитале была открыта Пастеровская станция для прививания лиц, укушенных бешеными животными. Станция получала пособие из земских сумм в 1500 руб. в год, но на деле расходовалось от 600 до 900 руб. в год. Кроме того, госпиталю полагалось иметь двух переводчиков, на расходы которых в год выделялось 440 рублей. В период с марта 1906 по август 1910 г. на Пастеровской станции было привито 2375 чел., из них 75 % были не из военного сословия (НАРУз. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1741. Л. 46).

Немаловажным вопросом, требующим нашего рассмотрения, является паломничество туркестанских пилигримов по «святым местам» и его влияние на санитарно-гигиеническую, эпидемиологическую обстановку в регионе. Издавна мусульмане Туркестана совершали зиярат (местное паломничество) и хадж в Мекку и Медину. Персы-шииты региона отправлялись к своим святыням в Персию и Месопотамию, где была сложная эпидемическая обстановка, и также отсутствовали, как и в Туркестане (на первых порах), противоэпидемические службы, что соответственно отражалось на санитарно-гигиенической ситуации в регионе. Преимущественно эпидемии проникали в Центральную Азию из Китайского Туркестана, Британской Индии через Афганистан, Персию и др. (Литвинов, 2017: 210) посредством торговцев и паломников. Именно из этих стран в Центральную Азию заносились различные заболевания.

Служившие в российском консульстве мусульмане-агенты, вроде Ишаева Ш., изучали хадж и писали рапорты, а консульство давало приют разведчикам и агентам, посланным в Аравию царским правительством для сбора информации. Как и британцы, русские также направляли своих врачей для оценки санитарной ситуации в Мекке и окрестностях, и эти врачи тоже писали рапорты. В 1897 г. и 1898 г. правительство послало двух докторов, Д.К. Заболотного и Д.Ф. Соколова, для составления отчёта о санитарных условиях на паломнических маршрутах и в Аравии. Заболотный поехал через Индию (популярный маршрут у туркестанцев), а Соколов – через Чёрное море. Оба сообщали об ужасных условиях на пароходах с российскими паломниками. «Заболотный описывал заваленную мусором палубу своего корабля, где паломники дрались друг с другом за место, готовили еду и спали вперемежку с больными. Оба доктора отметили отсутствие медицинской помощи для паломников в Аравии из-за чего многие болели и умирали от заболеваний» (Кейн, 2021: 125).

До завоевания Российской империей Туркестана среднеазиатские паломники беспрепятственно совершали хадж через российские владения. Во второй половине XIX – начале XX в. императорская Россия подписала ряд международных документов по вопросам санитарии и эпидемической безопасности. Например, в январе 1892 г. Россия присоединилась к Венецианской конвенции, в апреле 1893 г. – в связи с холерными признаками в Европе – к Дрезденской Международной Санитарной Конвенции. Ввиду чумной угрозы, весной 1894 г. Российская империя присоединилась к соответствующей конвенции на Парижской Международной Санитарной Конференции, а в октябре 1897 г. подписала дополнительно к ней Декларацию. В марте 1897 г. Россия подписала Международную Венецианскую санитарную конвенцию, в рамках которой был разработан «Общий Санитарный Устав для предупреждения занесения и распространения эпидемии чумы». В ноябре 1903 г. по итогам Парижской конференции приняли новую Международную санитарную конвенцию (Литвинов, 2016: 43-46).

Холера обычно проникала в Туркестан через караванные тропы, почтовые тракты, по которым осуществлялась внешняя торговля России с Афганистаном, Ираном, Индией. Но самыми опасными в эпидемическом плане считались: афганский Мазари-Шариф и персидский Мешхед (Раишев, 2024: 110).

Всего на территории Туркестанского края в период XIX – начала XX в. было 6 эпидемий холеры. Как указывал крупный советский исследователь Востока Г.Я. Змеев, впервые холера проникает в 1823 г. в Кокандское ханство из Индии через Бамианское ущелье, соединявшее Кашмир с Кабулом, Балхом и Туркестаном. Вторая эпидемия была занесена в край (Бухара, 1827 г.) через территорию Афганистана. Третья эпидемия (1846–1862 гг.) также проникла из Афганистана. В 4-й раз (1864–1875 гг.) холера пришла из Персии в 1871 г. через территорию Бухарского эмирата (Болкунов, 1975: 46–48). Холерный путь пролегал: «К югу от Джизака эпидемия, через Самарканд, прошла до Шаара и Китаба, Карши, Гиссара и почти до берегов Амударьи, затем двумя путями через Катты-Курган и Нурату; к юго-западу из Бухарских владений перешла в Хивинское ханство; на восток, через Ура-Тюбе и Ходжент распространилась по Кокандскому ханству; к северу через Чиназ, Ташкент и Чимкент достигла Токмакского уезда и к северо-западу, через Туркестан и по Сырдарье до города Казалинска» (Суворов, 1873).

Пятая эпидемия (1883–1896 гг.) также пришла в Туркестан из Персии. Наиболее вероятным является то, что именно по железной дороге из Каахка до Красноводска холера заносилась в Туркестан, тем более что на пути её движения с Каспия стоял мощный заградительный карантин на мысе Уфра (Болкунов, 1975: 48-49).

Во время шестой эпидемии холера заносилась в Туркестан 8 раз. Во второй половине июля 1904 г. холера проникла в край, как и в 1892 г., через персидско-туркестанскую границу (с. Каахка). А в начале XX в. возникли новые направления движения холеры в Туркестан, чему послужили также миграционные потоки из внутренних губерний империи в данный период. Например, холера четырежды (1908, 1915, 1918, 1920 гг.) заносилась с севера, из Оренбургской губернии, и трижды, одновременно с севера и с запада, из Астрахани и Закавказья (1907, 1910, 1921 гг.) (Болкунов, 1975: 50–51).

Имперская администрация в Туркестане старалась избегать любого вмешательства в повседневную жизнь коренных народов, чтобы не нарушать их образ жизни и поддерживать определённый баланс между местным обществом и колониальными властями (Hohmann, 2009: 335). Но в 1892 г. вспышка холеры внесла свои коррективы. Власти вынуждены были информировать население о болезнях и принимать соответствующие меры профилактики, а также пришлось обратиться за помощью к духовенству и местным старейшинам (Атанова).

В 1892 г. туркестанские врачи и администрация получили сведения о вспышке холерной эпидемии в соседних Афганистане и Персии. В сообщении «Туркестанских ведомостей» от 2 июня 1892 г. (Туркестанские ведомости, 1892) говорилось о необходимости соблюдать меры профилактики и предлагалось обязательно ознакомиться с информацией о холере, публиковавшейся как на русском, так и на местных языках. В газете также публиковались сведения об открытиях Л. Пастера и Р. Коха, что делалось для сохранения общественного спокойствия в крае и среди местного населения (Атанова).

В марте – апреле 1892 г. специальным комитетом здравоохранения Сырдарьинской области были выработаны особые требования и меры по контролю состояния воды в прудах и каналах, уборке общественных туалетов, мусорных свалок и дворов. Были поставлены задачи следить за чистотой улиц, рынков, площадей, магазинов, проводить регулярные дезинфекции, а также было запрещено торговать на базарах Ташкента несвежим мясом, рыбой и неспелыми фруктами (Юнусова, 1995: 51-52).

В июне стало известно, что в Ташкенте распространилась холера. Половинчатые санитарно-эпидемические меры администрации Туркестанского края, необходимые для предотвращения распространения холерной заразы в окрестностях Ташкента и в городе, привели в 1892 г. к восстанию (Литвинов, 2006: 254), хотя все предпринятые меры были приняты в соответствии с «Карантинным уставом» (Высочайше утвержденный..., 1868: 193–218). Часть антироссийски настроенного мусульманского духовенства воспользовалась недовольством населения. «Холерный бунт» (Sahadeo, 2007: 79–108) стал ответом на насильственные действия имперской администрации: временное запрещение на проведение погребальных обрядов, обязательная дезинфекция сулемой и известью, а также сжигание трупов вместе с личным имуществом и вещами (Hohmann, 2020). Официальным поводом для восстания в Ташкенте стало большое количество смертей среди коренного населения, которое связывали с отравлением сулемой (Hohmann, 2020).

Всего за время эпидемии, по официальным данным, в Ташкенте в «новом городе» холерой заболело 417 чел., умерло 217 чел., выздоровело 200 чел., а в «старом» городе заболело 1462 чел., умерло 1440 чел., выздоровело 22 чел. (Зыкин, 1931: 327). Такое различие в цифрах между двумя частями города объясняется: неучётом имперской администрацией национальной специфики похоронных обычаев, религиозных обрядов, наличием языкового барьера, из-за чего врачи не могли на достаточном уровне объяснить угрозу эпидемии местному населению, которое в силу различных суеверий часто прятало больных, не выдавало их врачам, оставляя последних без медицинской помощи, скрывало случаи заражения и тайно хоронило умерших без специальной обработки трупов (Махмудов, 2015: 81). Всего же в Туркестанском крае в тот год холера унесла жизни 23162 чел., в том числе 273 чел. из числа военных чинов (Махмудов, 2015: 82), в Ташкенте от холеры погибло 88 военнослужащих (Sahadeo, 2007: 106).

Ташкентский бунт был жестоко подавлен властями, однако выводы из событий 1892 г. были сделаны. Государственным Советом в мае 1893 г. были ужесточены меры санитарно-гигиенического и противоэпидемического контроля. В статью 102-ю «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» внесились изменения: а) арест до трёх месяцев или штраф до 300 руб. – за несоблюдение мер предосторожности; б) штраф до 100 руб. – за несообщение о появлении эпидемических заболеваний (Высочайшее утверждение..., 1897: 263-264).

Большая роль в организации борьбы с холерой и прочими эпидемиями принадлежит научным медицинским обществам Туркестанского края: Ферганскому медицинскому обществу, Туркестанскому медицинскому обществу, Обществу врачей и естествоиспытателей Туркестанского края, Обществу врачей Закаспийской области (Голованов, 2004: 33–35). В состав медицинских обществ Туркестана входила большая группа прогрессивных врачей – как военных, так и находящихся на гражданской службе. В годы холерных эпидемий работа научных медицинских обществ Туркестана целиком переключалась на борьбу с холерой (Публичное годовичное..., 1896: 3-4).

В эпоху «нового империализма» (последняя четверть XIX в.), когда между глобальными державами усилилась экономическая конкуренция за территории и ресурсы на всех континентах, произошла адаптация медицинской науки к нуждам колониализма. Из-за постоянных эпидемий,

свирепствовавших в европейских колониях, в Европе появляются научно-исследовательские центры нового типа (в 1888 г. во Франции был открыт Институт Л. Пастера, в 1891 г. в Германии – Гигиенический институт народного здравоохранения Р. Коха, тогда же открывается Британский институт профилактической медицины Л. Листера). Всё это оказало важное влияние на медико-биологическую мысль в Российской империи. Большая заслуга в организации в столице империи первого аналогичного института принадлежит принцу А.П. Ольденбургскому. На его ходатайство императору Александру III об учреждении института, подобного Берлинскому и Парижскому, при Свято-Троицкой общине сестёр милосердия, попечителем которой он являлся, 2 ноября 1888 г. было получено Высочайшее разрешение, однако с важным примечанием: «без отпуска средств от казны» (Первый в России..., 1990: 12). Это учреждение, больше известное как «чумной форт», было важным противоэпидемическим форпостом, откуда направлялись экспедиции в различные регионы страны, в частности в Туркестан, а также за её пределы для борьбы с эпидемиями.

Известие о вспышках эпидемии чумы в Иране, Афганистане и Китайском Туркестане в конце XIX в. вызвало в Санкт-Петербурге большую тревогу за регион, так как чума – «чёрная смерть» – была самым страшным заболеванием для населения (Литвинов, 2017: 212). В связи с возникшей критической ситуацией в Туркестанском крае, осенью 1898 г. Император Николай II направил сюда самого Председателя Всероссийской противоэпидемической комиссии принца А.П. Ольденбургского, дав ему самые обширные полномочия, даже выходящие за пределы его «профильной» деятельности: а) отстранять от должности лиц, виновных в лихоимстве, злоупотреблениях и др. должностных преступлениях и проступках, вплоть до имеющих 4-й класс включительно; б) получил право докладывать императору о злоупотреблениях каждого лица, назначенного высочайшим указом, будь то генерал-губернатор и командующий войсками ТВО, областные губернаторы и прочие высшие руководители, состоявшие в 3-м классе (генерал-лейтенантов) и выше; в) использовать войска в необходимых случаях и по собственному усмотрению; г) высылать из Туркестана всех, кто, по его мнению, представлял опасность и препятствовал в точности исполнить высочайшую волю (Высочайшее повеление..., 1901: 956). 13 октября 1898 г. от А.П. Ольденбургского Самаркандскому губернатору пришла телеграмма: «Высылаю докторов, для осмотра женщин, привлекайте женщин-врачей, а за неимением фельдшерниц, повивальных бабок, сестер милосердия и даже обыкновенных женщин при неуклонном исполнении преподанных правил всемерно избегайте всего, что может оскорбить религиозные верования и народные обычаи...» (НАРУЗ. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1700. Л. 110). Первым эшелон вместе с принцем А.П. Ольденбургским в край привезли ведущих специалистов по борьбе с чумой: 15 опытных докторов, 3-х женщин-врачей, 10 фельдшерниц, а также 1400 флаконов сыворотки, 100 хавкинских зарядов, 120 шприцев (НАРУЗ. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1700. Л. 1170б.). Благодаря организации противочумных мероприятий эпидемия чумы в Туркестанском крае была остановлена, но спустя некоторое время, в очередной раз, вновь стала проникать в регион из соседних стран, в основном из Персии, Афганистана, Западного Китая; так, в ноябре 1902 г. она добралась до Памира (Литвинов, 2017: 213). Именно для этого в марте 1902 г. было объявлено повеление, согласно которому в случае появления чумной эпидемии в этих странах вместо полного закрытия границы предписывалось открывать врачебно-наблюдательные пункты на сухопутной границе Азиатской России (Высочайшее повеление..., 1904: 150). В результате на пространстве от Дальнего Востока до Каспия были созданы противочумные барьеры.

В конце 1909 г. Военным советом было принято «Положение о санитарно-гигиенических и дезинфекционных отрядах», согласно которому при каждом армейском корпусе создавался санитарно-гигиенический отряд, а дезинфекционные отряды - при пехотных и стрелковых дивизиях и бригадах, что отразилось и на усилении противоэпидемического потенциала войск ТВО. Летом 1910 г. на мероприятия по борьбе с холерой в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях Туркестана парламентом на 1910–1912 гг. было выделено 12505 руб. Для огромной территории края, на которой проживало около 7 млн человек, этого явно было недостаточно. Не больше получали и другие регионы империи, поэтому положение санитарно-гигиенической работы в стране оставалось сложным (Волков, 2022: 267-269).

5. Заключение

В целом, исходя из вышесказанного, мы можем констатировать следующее:

– Туркестанский военный округ на протяжении долгих лет оставался, с точки зрения санитарно-эпидемической ситуации, неблагоприятным местом для несения войсками службы. Учитывая широту физико-географических границ, особенности резко континентального климата, Туркестанский край представлял собой разнородность местности, где были представлены различные виды тропических заболеваний, таких как: кожный лейшманиоз (пендинская язва), дракункулёз (ришта), холера, зоб, оспа, чума, тифы, малярия и др.;

– Имперской администрацией, с целью купирования санитарных угроз для частей российской армии и поддержания общественного порядка, в городах Туркестанского края проводилась сегрегационная политика, в результате которой происходило их разделение на «старый» город, где проживало местное население, и «новый» город, где расквартировывались войска, находилась

администрация и селились переселенцы. Отсутствие канализации и водопровода в обеих частях городов края пагубно сказывалось на санитарно-эпидемической ситуации. Несмотря на ряд попыток имперских властей по организации, преимущественно в «новых» частях городов, системы центрального водоснабжения, эта проблема была решена лишь после установления советской власти в крае;

– Эпидемии, в основном, проникали на территорию Центральной Азии из Китайского Туркестана, Британской Индии через Афганистан, Персию и др. стран посредством торговцев, паломников, а в начале XX в. - переселенцев из Оренбургской и Астраханской губерний России. Преимущественно это были чума и холера. Так, в результате проведенного исследования было выявлено, что за период с XIX по начало XX в., а именно в 1823–1921 гг., в Туркестанском крае было 6 холерных эпидемий, в 1898 и 1902 гг. - эпидемии чумы;

– Во время эпидемий в Туркестанском крае имперские власти предпринимали противоэпидемические меры, среди которых были: дезинфицирование местностей и мест массового скопления людей, для чего часто привлекалась армия; открытие спецприёмников (холерных либо других); перевод всех военно-медицинских учреждений на режим повышенной готовности; информирование населения на русском и местных языках в газетах и журналах; во избежание заражения создание спецкомиссий из числа военных врачей Ферганского медицинского общества, Туркестанского медицинского общества и пр. научно-медицинских обществ Туркестанского края;

– За период 1892–1903 гг. Россия подписала ряд международных санитарно-эпидемических конвенций, касающихся контроля за распространением холеры и чумы. Результатом этого стало усиление санитарных кордонов на границе империи и в Туркестанском крае, а также наблюдение за санитарно-гигиеническим состоянием людей, отправляющихся в хадж, в том числе из Туркестанского края, и возвращающихся из хаджа.

Во избежание проникновения эпидемий на территорию империи, в конце XIX – начале XX в. на границе от Дальнего Востока до Каспия организовывали санитарные кордоны, противочумные барьеры, открывали врачебно-наблюдательные станции, при войсках образовывали санитарно-гигиенические и дезинфекционные отряды, в том числе по ТВО действовали 2 санитарно-гигиенических отряда и несколько дезинфекционных подразделений.

Литература

Атанова – **Атанова С.** Власть и эпидемии «невидимых чудовищ»: холера в Туркестане в XIX веке // *Central Asia Analytical Network*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caa-network.org/archives> (дата обращения: 25.10.2025).

Афанасьева, 2023 – **Афанасьева А.Э.** Эпидемии как повод к изучению региона. Экспедиция В.И. Исаева 1901 г. в Астраханскую губернию // *Диалог со временем*. 2023. № 85. С. 232-243.

Безугольный и др., 2012 – **Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е.** История военной окружной системы в России. 1862–1918. М., 2012. 463. с

Болкунов, 1975 – **Болкунов В.Ф.** История борьбы с холерой в Туркестанском крае (1872–1924 гг.): Дисс. ... канд. мед. наук. Ташкент, 1975. 195 с.

Волков, 2020 – **Волков И.В.** Исторические аспекты цивилизационной политики царской России в Средней Азии: Дисс. ... докт. истор. наук. Бишкек, 2020. 513 с.

Высочайше утвержденное..., 1897 – Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об изменении действующих карательных постановлений об охране народного здоровья. 12 мая 1893 года // *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ-3)*. Т. 13. СПб., 1897. С. 263–264.

Высочайше утвержденный..., 1868 – Высочайше утвержденный Устав о карантинах. 1 марта 1866 года // *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ- 2)*. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. С. 193-218.

Высочайшее повеление..., 1901 – Высочайшее повеление, объявленное министром юстиции – О предоставлении особых полномочий Председателю Высочайше утвержденной Комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой, Его Высочеству, Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому для организации в Туркестанском крае наиболее соответственных и энергических способов борьбы с появившейся там болезнью. 18 октября 1898 года / *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ-3)*. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. С. 956.

Высочайшее повеление..., 1904 – Высочайшее повеление, объявленное Министром внутренних дел – Об охране от заноса чумы сухопутной границы Азиатской России. 7 марта 1902 года / *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ-3)*. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. С. 150.

Гейер, 1909 – **Гейер И.И.** Туркестан. Ташкент, 1909. 380 с.

Голованов, 2004 – **Голованов А.** Становление и развитие научно-медицинских обществ в колониальном Туркестане // *Вестник НУУз*. 2004. № 4. С. 33–35.

Зыкин, 1931 – **Зыкин В.** Под двойным прессом. Восстание в Ташкенте в 1892 году т. н. «Холерный бунт» // *Ученые записки Пермского государственного университета. Отдел общественных наук*. Пермь, 1931. Вып. II. С. 315–352.

Кейн, 2021 – **Кейн А.** Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку. М., 2021. 296 с.

Кобзева, Раишев, 2024 – Кобзева О.П., Раишев Т.Т. Начало формирования военно-медицинской службы российской армии в Туркестанском крае в 60-е годы XIX века // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 95-107.

Костенко, 1875 – Костенко Л.Ф. Туркестанские войска и условия их бытовой походной и боевой жизни // *Военный сборник*. СПб., 1875. Т. СIII. С. 61–82.

Костенко, 1880 – Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России. СПб., 1880. Т.1. 451 с.

Литвинов, 2006 – Литвинов В.П. Внерегionalное паломничество мусульман Туркестана (эпоха нового времени). Елец, 2006. 311 с.

Литвинов, 2016 – Литвинов В.П. Международные акты о хадже: Эпидемиологический аспект // *Вестник КРСУ*. 2016. Т. 16. № 12. С. 42–46.

Литвинов, 2017 – Литвинов В.П. Санитарно-эпидемиологические меры власти в системе паломничества мусульман Русского Туркестана (1865–1917 гг.) // *Власть*. 2017. № 5. С. 210-216.

Махмудов, 2015 – Махмудов М. История медицины и здравоохранения Туркестана, Бухары и Хорезма (1865–1924 гг.). Тараз, 2015. 273 с.

НАРУз – Национальный архив Республики Узбекистан.

Отчет Главного..., 1870 – Отчет Главного военно-медицинского управления за 1868 год / Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1868 год. СПб., 1870.

Отчет Главного..., 1916 – Отчет Главного военно-санитарного управления за 1912 год / Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 год. Пг., 1916.

Первый в России..., 1990 – Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины: К 100-летию Института экспериментальной медицины 1890–1990. Л, 1990. 376 с.

Публичное годичное..., 1896 – Публичное годичное заседание Ферганского медицинского общества 12 апреля 1895 г. Новый Маргилан: Тип. Ферганского областного правления, 1896.

Раишев, 2020 – Раишев Т.Т. Войска Туркестанского военного округа во второй половине XIX века: к вопросу о материальном обеспечении // *Взгляд в прошлое*. 2020. Т. 3. № 12. С. 59-66.

Раишев, 2021 – Раишев Т.Т. Из истории Туркестанского военного округа (1867–1914 гг.). Ташкент, 2021. 168 с.

Раишев, 2022 – Раишев Т.Т. Вклад А.П. Федченко в изучение тропических болезней в Средней Азии // *Из истории изучения Туркестанского края российскими востоковедами второй половины XIX – начала XX века*. Ташкент, 2022. С. 106-113.

Раишев, 2024 – Раишев Т.Т. Военная медицина в Туркестанском крае вторая половина XIX – начало XX вв. London–Chişinău, 2024. 200 с.

Сартори, 2022 – Сартори П. Идеи о справедливости: шариат и культурные изменения в русском Туркестане / Пер. с англ. Д. Даур. М., 2022. 480 с.

Суворов, 1873 – Суворов И.П. О появлении и распространении эпидемии холеры в Средней Азии, в 1872 г. // *Туркестанские ведомости*. 1873. № 11.

Туркестанские ведомости, 1892 – *Туркестанские ведомости*. 1892. № 22.

Федоров, 1913 – Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870 – 1906 гг.) // *Исторический вестник. Историко-литературный журнал*. СПб., 1913. Т. СXXXIV.

Юнусова, 1995 – Юнусова Х.Э. 1892 йилда Тошкентда халқ кўзғолони. Тарих фанлари номзоди дарасани олиш учун такдим этилган диссертация. Тошкент, 1995. 130 с.

Chakrabarti, 2014 – Chakrabarti P. *Medicine and Empire 1600–1960*. Basingstoke, Hampshire, 2014. 246 p.

Hohmann, 2009 – Hohmann S. La médecine moderne au Turkestan russe: un outil au service de la politique colonial // *Cahiers d'Asie central*. Tachkent – Paris, 2009. № 17/18. P. 319-351.

Hohmann, 2020 – Hohmann S. Gouverner face aux « monstres invisibles » en Asie centrale au XIXème et XXIème siècles: du choléra au coronavirus. [Electronic resource]. URL: <https://ifeac.hypotheses.org/6416>

Morrison, 2008 – Morrison A.S. *Russian Rule in Samarkand 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford, 2008. 364 p.

Sahadeo, 2007 – Sahadeo J. *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington–Indianapolis, 2007. 317 p.

References

Afanas'eva, 2023 – Afanas'eva, A.E. (2023). Epidemii kak povod k izucheniyu regiona. Ekspeditsiya V.I. Isaeva 1901 g. v Astrakhanskuyu guberniyu [Epidemics as a reason to study the region. V.I. Isaev's 1901 expedition to the Astrakhan Governorate]. *Dialog so vremenem*. 85: 232-243. [in Russian]

Atanova – Atanova S. Vlast' i epidemii «nevidimykh chudovishch»: kholera v Turkestane v XIX veke [Power and epidemics of “invisible monsters”: cholera in Turkestan in the 19th century]. Central Asia Analytical Network. [Electronic resource]. URL: <https://www.caa-network.org/archives>. [in Russian]

- Bezugol'nyi i dr., 2012** – *Bezugol'nyi, A.Yu., Kovalevskii, N.F., Kovalev, V.E.* (2012). Istoriya voenno-okruzhnoi sistemy v Rossii. 1862–1918 [The history of the military district system in Russia. 1862–1918]. M. 463 p. [in Russian]
- Bolkunov, 1975** – *Bolkunov, V.F.* (1975). Istoriya bor'by s kholeroi v Turkestanskom krae (1872–1924 gg.) [The history of the fight against cholera in the Turkestan region (1872–1924)]. Diss. ... kand. med. nauk. Tashkent. 195 p. [in Russian]
- Chakrabarti, 2014** – *Chakrabarti, P.* (2014). *Medicine and Empire 1600–1960*. Basingstoke–Hampshire. 246 p.
- Fedorov, 1913** – *Fedorov, G.P.* (1913). Moya sluzhba v Turkestanskom krae (1870 – 1906 gg.) [My Service in the Turkestan Region (1870–1906)]. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal*. SPb. T. CXXXIV. [in Russian]
- Geier, 1909** – *Geier, I.I.* (1909). Turkestan [Turkestan]. Tashkent. 380 p. [in Russian]
- Golovanov, 2004** – *Golovanov, A.* (2004). Stanovlenie i razvitie nauchno-meditsinskikh obshchestv v kolonial'nom Turkestane [The formation and development of scientific and medical societies in colonial Turkestan]. *Vestnik NUUz*. 4: 33-35. [in Russian]
- Hohmann, 2009** – *Hohmann, S.* (2009). La médecine moderne au Turkestan russe: un outil au service de la politique coloniale. *Cahiers d'Asie central*. Tachkent – Paris. 17/18: 319-351. [in French]
- Hohmann, 2020** – *Hohmann, S.* (2020). Gouverner face aux « monstres invisibles » en Asie centrale au XIXème et XXIème siècles: du choléra au coronavirus. [Electronic resource]. URL: <https://ifeac.hypotheses.org/6416> [in French]
- Kein, 2021** – *Kein, A.* (2021). Rossiiskii khadz. Imperiya i palomnichestvo v Mekku [Russian hajj. Empire and the pilgrimage to Mecca]. M. 296 p. [in Russian]
- Kobzeva, Raishev, 2024** – *Kobzeva, O.P., Raishev, T.T.* (2024). Nachalo formirovaniya voenno-meditsinskoi sluzhby rossiiskoi armii v Turkestanskom krae v 60-e gody XIX veka [The beginning of formation of the military medical service of the Russian army in the Turkestan region in the 1860s]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 23(1): *Istoriya*: 95-107. [in Russian]
- Kostenko, 1875** – *Kostenko, L.F.* (1875). Turkestanskii voiska i usloviya ikh bytovo i boevoi zhizni [Turkestan troops and the conditions of their everyday camp and combat life]. *Voennyyi sbornik*. SPb. Vol. CIII. Pp. 61-82. [in Russian]
- Kostenko, 1880** – *Kostenko, L.F.* (1880). Turkestanskii krai. Opyt voenno-statisticheskogo obozreniya Turkestanskogo voennogo okruga. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii [Turkestan Region. The Experience of the Military-statistical Review of the Turkestan Military District. Materials for Geography and Statistics of Russia]. SPb. Vol. 1. 451 p. [in Russian]
- Litvinov, 2006** – *Litvinov, V.P.* (2006). Vneregional'noe palomnichestvo musul'man Turkestana (epokha novogo vremeni) [Extra-regional the pilgrimage of Muslims of Turkestan (modern era)]. *Yelets*. 311 p. [in Russian]
- Litvinov, 2016** – *Litvinov, V.P.* (2016). Mezhdunarodnye akty o khadzhe: Epidemiologicheskii aspekt [International Acts of the Hajj: Epidemiological Aspect]. *Vestnik KRSU*. 16. 12: 42-46. [in Russian]
- Litvinov, 2017** – *Litvinov, V.P.* (2017). Sanitarno-epidemiologicheskie mery vlasti v sisteme palomnichestva musul'man Russkogo Turkestana (1865–1917 gg.) [Sanitary and epidemiological measures taken by the authorities in the Muslim pilgrimage system of Russian Turkestan (1865–1917)]. *Vlast'*. 5: 210-216. [in Russian]
- Makhmudov, 2015** – *Makhmudov, M.* (2015). Istoriya meditsiny i zdravookhraneniya Turkestana, Bukhary i Khorezma (1865–1924 gg.) [The History of medicine and healthcare in Turkestan, Bukhara, and Khorezm (1865–1924)]. Taraz. 273 p. [in Russian]
- Morrison, 2008** – *Morrison, A.S.* (2008). *Russian Rule in Samarkand 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford. 364 p.
- NAUz** – Natsional'nyi arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- Otchet Glavnogo..., 1870** – Otchet Glavnogo voenno-meditsinskogo upravleniya za 1868 god. Vspoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1868 god. [Report of the Chief Military Medical Administration for 1868. Most Humble Report on the activities of the War Ministry for 1868]. SPb. 1870. [in Russian]
- Otchet Glavnogo..., 1916** – Otchet Glavnogo voenno-sanitarnogo upravleniya za 1912 god. Vspoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1912 god. [Report of the Main Military Medical Administration for 1912. Most Humble Report on the Activities of the War Ministry for 1912]. Petrograd, 1916. [in Russian]
- Pervyi v Rossii..., 1990** – Pervyi v Rossii issledovatel'skii tsentr v oblasti biologii i meditsiny: K 100-letiyu Instituta eksperimental'noi meditsiny 1890–1990 [Russia's first research centre in the field of biology and medicine: On the 100th anniversary of the Institute of Experimental Medicine, 1890–1990]. Leningrad. 376 p. [in Russian]
- Publichnoe godichnoe..., 1896** – Publichnoe godichnoe zasedanie Ferganskogo meditsinskogo obshchestva 12 aprelya 1895 g. [Public Annual Meeting, 1896 – Public Annual Meeting of the Fergana Medical Society, 12 April 1895]. Novyi Margilan. [in Russian]

- [Raishev, 2020](#) – *Raishev, T.T.* (2020). Voiska Turkestanskogo voennogo okruga vo vtoroi polovine XIX veka: k voprosu o material'nom obespechenii [Troops of the Turkestan Military District in the second half of the 19th century: on the issue of material support]. *Vzglyad v proshloe*. 12(3): 59-66. [in Russian]
- [Raishev, 2021](#) – *Raishev, T.T.* (2021). Iz istorii Turkestanskogo voennogo okruga (1867-1914 gg.) [From the history of the Turkestan Military District (1867–1914)]. Tashkent. 168 p. [in Russian]
- [Raishev, 2022](#) – *Raishev, T.T.* (2022). Vklad A.P. Fedchenko v izuchenie tropicheskikh boleznei v Srednei Azii. Iz istorii izucheniya Turkestanskogo kraja rossiiskimi vostokovedami vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [A.P. Fedchenko's contribution to the study of tropical diseases in Central Asia. From the history of the study of the Turkestan region by Russian orientalists in the second half of the 19th and early 20th centuries]. Tashkent. Pp. 106-113. [in Russian]
- [Raishev, 2024](#) – *Raishev, T.T.* (2024). Voennaya meditsina v Turkestanskom krae vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [Military medicine in the Turkestan region in the second half of the XIX century – early XX century.]. London – Chişinău. 200 p. [in Russian]
- [Sahadeo, 2007](#) – *Sahadeo, J.* (2007). Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington–Indianapolis. 317 p.
- [Sartori, 2022](#) – *Sartori, P.* (2022). Idei o spravedlivosti: shariat i kul'turnye izmeneniya v rusском Turkestane [Visions of justice: Sharia and cultural change in Russian Central Asia]. M. 480 p. [in Russian]
- [Suvorov, 1873](#) – *Suvorov, I.P.* (1873). O poyavlenii i rasprostranении epidemii kholery v Srednei Azii, v 1872 g. [On the emergence and spread of the cholera epidemic in Central Asia in 1872]. *Turkestanskіe vedomosti*. № 11. [in Russian]
- [Turkestanskіe vedomosti, 1892](#) – *Turkestanskіe vedomosti*. 1892. № 22. [in Russian]
- [Volkov, 2020](#) – *Volkov, I.V.* (2020). Istoricheskie aspekty tsivilizatsionnoi politiki tsarskoi Rossii v Srednei Azii [Historical aspects of Tsarist Russia's civilisational policy in Central Asia]. Diss. ... dokt. istor. nauk. Bishkek. 513 p. [in Russian]
- [Vysochaishe utverzhdennoe..., 1897](#) – Vysochaishe utverzhdennoe Mnenie Gosudarstvennogo soveta. Ob izmenenii deistvuyushchikh karatel'nykh postanovlenii ob okhrane narodnogo zdравиya. 12 maya 1893 goda [Highly approved Opinion of the State Council – On amending the current punitive regulations on the protection of public health. 12 May 1893]. Polnoe sobranie zakonov RI. 3. T. 13. SPb, 1897. [in Russian]
- [Vysochaishe utverzhdennyi..., 1868](#) – Vysochaishe utverzhdennyi Ustav o karantinakh. 1 marta 1866 goda [Highly approved Charter on Quarantines. 1 March 1866.]. Polnoe sobranie zakonov RI. 2. T. 41. SPb, 1868. [in Russian]
- [Vysochaishe povelіenie..., 1901](#) – Vysochaishee povelіenie, ob"yavlennoe ministrom yustitsii O predostavlenii osobykh polnomochii Predsedatelyu Vysochaishe utverzhdennoi Komissii o merakh preduprezhdeniya i bor'by s chumnoi zarazoi, Ego Vysochestvu, Printsu Aleksandru Petrovichu Ol'denburgskomu dlya organizatsii v Turkestanskom krae naibolee sootvetstvennykh i energicheskikh sposobov bor'by s poyavivshisya tam bolezn'yu. 18 oktyabrya 1898 goda. [The highest decree announced by the Minister of Justice. On granting special powers to the Chairman of the Highest Approved Commission on Measures to Prevent and Combat the Plague, His Highness, Prince Alexander Petrovich of Oldenburg, to organise the most appropriate and energetic methods of combating the disease that has appeared in the Turkestan region. 18 October 1898]. Polnoe sobranie zakonov RI. 3. T. 18: 1. SPb, 1901. [in Russian]
- [Vysochaishee povelіenie..., 1904](#) – Vysochaishee povelіenie, ob"yavlennoe Ministrom vnutrennikh del. Ob okhrane ot zanosa chumy sukhopotnoi granitsy Aziatskoi Rossii. 7 marta 1902 goda [Highest Command, announced by the Minister of Internal Affairs – On protecting the land border of Asian Russia from the spread of plague. 7 March 1902]. Polnoe sobranie zakonov RI. 3. T. 22: 1. SPb, 1904. [in Russian]
- [Yunusova, 1995](#) – *Yunusova, Kh.E.E.* (1995). 1892 yilda Toshkentda xalq qo'zg'oloni [People's uprising in Tashkent in 1892]. Tashkent. 130 p. [in Uzbek]
- [Zykin, 1931](#) – *Zykin, V.* (1931). Pod dvoimym pressom. Vosstanie v Tashkente v 1892 godu t. n. «Kholernyi bunt» [Under double pressure. The uprising in Tashkent in 1892, known as the “Cholera Riot”]. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Otdel obshchestvennykh nauk*. Perm. II. Pp. 315-352. [in Russian]

Специфика развития санитарно-эпидемиологической службы Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: туркестанский аспект

Тимур Туляганович Раишев ^{a, *}, Ольга Петровна Кобзева ^a, Турекулова Жулдыз Елтаевна ^b, Гузаль Акрамжановна Эгамбердиева ^a

^a Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: timur.raishev@mail.ru (Т.Т. Раишев), kobzeval1975@internet.ru (О.П. Кобзева), turkulova74@mail.ru (Ж.Е. Турекулова), Egamberdiyevag@bk.ru (Г.А. Эгамбердиева)

^b Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматривается история развития санитарно-эпидемиологического дела в Туркестанском крае периода императорской России. В 60-х гг. XIX в. в ходе «Туркестанских походов» началось активное военное освоение Российской империей Центрально-Азиатских территорий. В связи с чем в центре исследовательского интереса выступают особенности военно-медицинской политики империи, в частности мероприятия по адаптации военнослужащих к местным условиям службы в регионе, борьбе с эндемическими и эпидемическими заболеваниями. Особое внимание уделено таким моментам, как: защита здоровья, обеспечение боеспособности российских военнослужащих и мероприятия краевой администрации, связанные с этим; санитарно-гигиеническая нестабильность в Туркестанском крае и её причины; вопросы проникновения в регион эпидемий холеры и чумы и организация карантинных мер, их положительные и отрицательные последствия.

Обосновано, что в войсках Туркестанского военного округа были распространены такие заболевания, характерные для Туркестанского региона, как, например, лихорадка, тиф, малярия, пендинская язва (кожный лейшманиоз), риккетсия (дракункулёз) и др. Часто распространение того или иного заболевания зависело от места дислокации. Установлено, что в данный исторический период, несмотря на господство российской военной медицины, продолжало существовать традиционное народное знахарство, одновременно стал наблюдаться симбиоз двух этих медицинских школ.

Исследование опирается на широкий массив архивных источников Национального архива Республики Узбекистан, нормативно-правовых документов Российской империи, ведомственных отчётов, материалов периодической печати и научной литературы. Использование военно-медицинского подхода, концепции аккультурации, принципов историзма, научной объективности, нарративного анализа и междисциплинарного подхода позволило осветить основные процессы санитарно-медицинской политики Российской империи в Туркестанском крае.

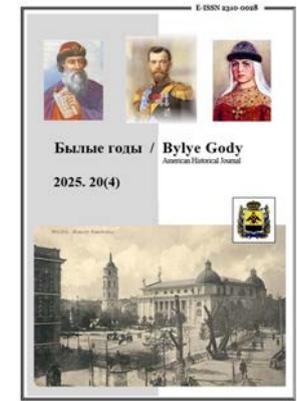
Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, эпидемиология, история империй, история медицины, военные врачи.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1921-1931
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1921

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Yenisei Diocesan Orthodox Missionary Society in 1870–1881

Natalia M. Leshchinskaia ^{a, *}, Ekaterina A. Sertakova ^a, Maria S. Koptseva ^a, Stepan O. Zotov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article presents the results of a comprehensive historical study of the activities of the Yenisei Diocesan Orthodox Missionary Society during its organizational development from 1870 to 1881. The study is based on a set of unpublished archival documents from the State Archives of Krasnoyarsk Krai (collection no. 667), which are being introduced into scholarly circulation for the first time. These include founding documents, meeting minutes, financial reports, as well as missionaries' travel journals and reports. The authors conduct a comprehensive analysis of the creation of the Yenisei Diocesan Orthodox Missionary Society, its administrative structure, and financial mechanisms. The social composition of its benefactors, which included merchants, officials, and clergy, is examined. Particular attention is paid to the practical work of missionaries in remote regions of the Yenisei Governorate – the Turukhansk region, the Usinsk borderland, and Khakassia. Based on reports and diaries, this article reconstructs specific strategies for working with indigenous populations (Khakas, Evenki, Selkups), Old Believers, and Russian settlers. It describes the challenges priests faced, including harsh climates, vast distances, language barriers, the nomadic lifestyle of their flocks, the persistence of shamanic beliefs, and the formal nature of baptism. The article demonstrates how missionaries adapted their methods, translating prayers, opening schools, and seeking to train cadres from the local population. The activities of the Yenisei Diocesan Orthodox Missionary Society are considered in the context of the imperial policy of Christianization implemented by the Russian Empire in its outlying territories. This study fills a significant gap in regional historiography, revealing in detail the functioning mechanisms and daily life of one of the most important church-state institutions in Siberia in the second half of the 19th century.

Keywords: Russian Empire, Yenisei Governorate, Diocesan Committee, Orthodox Missionary Society, missionaries, baptism and christianization of the indigenous population of Siberia.

1. Введение

Актуальным для современной отечественной истории является исследование региональных аспектов внутренней и внешней политики Российской империи, включая роль Русской православной церкви в контексте интеграции и управления обширными, этнически разнородными территориями далёких от столицы территорий. Изучение механизмов, с помощью которых центральная власть стремилась утвердить своё административное, идеологическое и культурное влияние на окраинах, позволяет глубже понять природу имперской государственности и специфику её функционирования в разных регионах страны. В этом контексте значительный научный интерес представляет исследование деятельности епархиальных миссионерских обществ, которые во второй половине XIX века были активными деятелями, осваивавшими новые территории и решавшими ряд важнейших задач: от культурно-мировоззренческих до хозяйственно-социальных и даже правовых. Несмотря на наличие общих трудов, посвящённых истории миссионерства в Сибири и имперской

* Corresponding author

E-mail addresses: nlibakova@sfu-kras.ru (N.M. Leshchinskaia), esertakova@sfu-kras.ru (E.A. Sertakova), mkoptseva@sfu-kras.ru (M.S. Koptseva), szotov@sfu-kras.ru (S.O. Zotov)

политике в этом макрорегионе, в работах таких исследователей, как А.В. Ремнев и Е.А. Вишленкова, деятельность Енисейского епархиального православного миссионерского общества (далее – Енисейского миссионерского общества, Общества) в ранний период его становления и первоначальной деятельности не становилась предметом специального комплексного исследования, оставаясь на периферии научного интереса историков и упоминалась лишь фрагментарно. Данная работа призвана восполнить этот пробел, предложив исторический анализ деятельности Енисейского миссионерского общества, которая выступает репрезентацией региональных практик общероссийских процессов, таких как реализация реформ периода правления Александра II и последующего «консервативного поворота» в период правления Александра III, в их локальном преломлении, со всеми присущими конкретному региону особенностями, сложностями и результатами.

Хронологические рамки исследования (1870–1881 годы) охватывают целостный этап в истории Енисейского миссионерского общества – период его организационного становления. Нижняя граница (1870 год) связана с основанием Общества в рамках общеимперского процесса, инициированного Указом Синода 1868 года. Этот период характеризуется переходом от эпизодической и зачастую слабо скоординированной миссионерской деятельности к её централизации, систематизации и бюрократической регламентации. Общий контекст для русского православия в это время определялся поиском новых форм влияния в условиях проведения «Великих реформ» Александра II и нарастания секулярных тенденций в обществе, в связи с чем миссия Русской Православной Церкви теперь не ограничивалась обращением в христианство представителей различных народов (изначально «нехристианских»), но также включала в себя «духовное окормление» многочисленных русских переселенцев и идеологическую борьбу с последствиями старообрядческого раскола. Выбор 1881 года в качестве верхней хронологической границы исследования продиктован фундаментальными сдвигами, произошедшими к этому времени: политическая жизнь страны вступила в новую фазу после убийства Александра II и провозглашения курса контрреформ Александра III, что, в свою очередь, предопределило трансформацию стратегии и тактики русской православной церковной миссии. С начала 1880-х годов наступает время ужесточения общего курса, усиления бюрократизирующей составляющей в деятельности миссий и новой волны создания миссионерских станций, что знаменовало собой качественно новый этап в истории Российской империи и Русской Православной Церкви. Изучение данного временного периода – от основания Енисейского миссионерского общества до рубежа 1880-х годов – даёт возможность проанализировать процесс становления Общества, его первоначальные административные и финансовые механизмы, кадровый состав и выработку первых практических стратегий работы в сложных условиях Енисейской губернии, отдалённой от столичных центров на тысячи километров и населённой коренными народами, значительно отличающимися по хозяйственным и культурным параметрам от русских, украинских, белорусских и других переселенцев-аграриев.

Научная новизна работы определяется, прежде всего, введением в широкий научный оборот целого комплекса ранее неопубликованных архивных документов, извлечённых из фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская Федерация), а именно дел № 3 – 20 из фонда № 667. Учредительные документы, включая дело об открытии комитета, дают возможность проанализировать административные процедуры и нормативные основания, заложившие фундамент его работы. Учётные книги членов общества и приходно-расходная документация предоставляют уникальные данные для анализа социального состава благотворителей, регулярности и объёмов финансирования, что проливает свет на материальную основу всей миссионерской деятельности. Журналы заседаний епархиального комитета раскрывают внутренние особенности принятия управленческих решений, обсуждения проблем и выработки стратегии. Наконец, отчёты, рапорты и путевые журналы непосредственно миссионеров, служивших в отдалённых районах Туруханского края, Усинского пограничья и Хакасии, содержат ценнейшую информацию о повседневных практиках, трудностях, взаимоотношениях с коренным населением и конкретных результатах их труда. Изучение новых исторических источников позволяет восполнить пробел в истории России и истории русского православия, связанный с детализацией деятельности региональных православных миссионерских обществ на отдалённых территориях Российской империи.

Таким образом, целью исследования является комплексная историческая реконструкция деятельности Енисейского епархиального православного миссионерского общества в 1870–1881 годы, включая процесс его создания, организационную структуру, финансовые механизмы и ключевые направления работы. Достижение этой цели базируется на системном анализе впервые вводимого в научный оборот ряда взаимосвязанных архивных документов из фонда № 667 Государственного архива Красноярского края.

2. Материалы и методы

2.1. Ключевыми материалами для исследования выступили документы Енисейского епархиального православного миссионерского общества за период 1870–1881 годов, находящиеся на хранении в фондах Государственного архива Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская

Федерация). Большая часть этих документов на сегодняшний день не оцифрована и не находится в открытом доступе. Некоторые материалы ранее никогда не рассматривались в исторической науке: описи всех документов, журналы заседаний Общества и доклады Енисейской Духовной Консistorии, отчёты об административно-церковной деятельности общества, путевые журналы священников-миссионеров (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20).

2.2. Методологическим основанием для исследования выступает подход, согласно которому в качестве исторических источников выступают государственные предписания и указания, внутренние документы организаций, личные материалы участников исторических событий и процессов, публикации в газетах, журналах и других средствах массовой информации и т. д., когда для исследования содержания большого массива источников в целом достаточно детального анализа его репрезентативного раздела (статьи, отчёта, таблиц, писем, иллюстративного материала и т. д.), а не всех без исключения документов архивного дела, в которое они могут входить (Рынков, 2010).

Основными методами работы с источниками были выбраны системный текстологический анализ и качественный контент-анализ, которые позволили выявить и более подробно рассмотреть ключевые составляющие истории миссионерской деятельности в Енисейской губернии рассматриваемого периода. Для этого архивные документы были изучены и структурированы в соответствии с задачами научного исследования. Далее были определены темы, которые наиболее раскрывают специфику деятельности Енисейского епархиального православного миссионерского общества в 1870–1881 годы. Заключительным этапом выступил анализ содержания выбранных архивных документов и синтез полученных результатов, значимых для истории России данного периода. Дополнительно применялся сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить специфику деятельности Енисейского миссионерского общества по сравнению с миссионерскими обществами других сибирских территорий в данный период.

3. Обсуждение

Тема православного миссионерства в Сибири XIX века получила широкое освещение в российской и зарубежной историографии. Но, несмотря на большое количество исследований, посвящённых деятельности крупных духовных миссий, история епархиальных миссионерских обществ, включая историю Енисейского миссионерского общества, остаётся недостаточно изученной.

Деятельность Енисейского миссионерского общества рассматривается историками в контексте практики имперского строительства в России. В рамках подхода «новой имперской истории» анализируется идеологическое и административное влияние центра на периферийные регионы (Miller, Dobrynin, 2008; Geraci, 2001; Яковлев, 2023 и др.). В этих работах понятия «русификация» и «христианизация» рассматриваются как элементы единого политического курса, особенно усилившегося во второй половине XIX века. Исследования по административной политике самодержавия в Сибири (Ремнев, 1997) и истории Русской Церкви в эпоху реформ (Римский, 1999) раскрывают важный общероссийский фон, на котором разворачивалась деятельность миссионерских обществ. Неотъемлемой частью этого курса было православное миссионерство (Вишленкова, 1997). Следует отметить трансформацию миссионерской деятельности после указа Синода 1868 года (Вишленкова, 1997). Указ обусловил переход от спорадических усилий энтузиастов-одиночек к созданию централизованных структур – епархиальных миссионерских обществ.

Важным аспектом является правовое регулирование миссионерской деятельности, где анализируется эволюция государственно-церковных подходов к христианизации Сибири (Донская, 2019). Также внимание уделяется специфике имперского управления в Сибири, анализу взаимодействия центральных и местных властей, а также эволюции стратегий интеграции «инородческого» населения в имперское пространство (Павлов, 2015). Работы по общей истории Русской Православной Церкви (Римский, 1999) и в целом истории православия в Енисейской губернии (Асочакова, 2009; Павлов, 2015) создают необходимый академический, институциональный и региональный контекст.

Конкретные методы христианизации (богослужение, проповеди, благотворительность, просвещение, медицинская помощь), а также сложность и неоднозначность оценки её деятельности рассмотрены на примере Алтайской миссии (Симонова, 2010). Ряд аспектов, связанных с христианизацией коренных народов региона, затрагиваются в исследованиях, где на примере хакасов вскрывается глубокий кризис миссионерской деятельности, проявившийся в формальном характере крещения, массовом отступничестве и сохранении языческих обрядов (Доронова, 2003).

Отдельное направление образуют исследования, посвящённые анализу наследия самих миссионеров. В современных работах подчёркивается высокая информативность корпуса миссионерских записок, рапортов и докладов для реконструкции этнорелигиозных особенностей коренного населения Юга Западной Сибири (Насонов, 2022). Этнографические и исторические исследования, посвящённые культуре народов Туруханского края (Sertakova et al., 2024), важны для понимания контекста, в котором работали миссионеры Енисейского миссионерского общества. Этот подход актуален для настоящего исследования, поскольку вводимый в нём в научный оборот комплекс архивных документов ГАКК относится к аналогичному типу источников, что позволяет

выполнить анализ методов и практик Енисейского миссионерского общества по сравнению с деятельностью других миссий.

В настоящее время развивается макроисторический подход, рассматривающий миссионерство как форму религиозной миграции на протяжении длительного хронологического периода, с выделением чётких этапов и меняющихся методов христианизации (Artamonova et al., 2018). Разрабатывается и историко-правовой аспект, анализирующий эволюцию нормативной базы миссионерской деятельности (Smorgunova et al., 2019).

Часть современных исследований выполняется в контексте микроисторического анализа. В этом аспекте выполнены работы, посвящённые «Енисейским епархиальным ведомостям» как источнику по истории и культуре коренных народов Сибири (Kolesnik et al., 2021; Kolesnik et al., 2024), которые позволяют реконструировать этнокультурную динамику, условия жизни, традиционные верования и процесс адаптации коренных народов. Анализ межэтнических отношений в Туруханском крае в XVIII–XIX веках важен для понимания социально-исторической и этнокультурной среды, в которой действовали миссионеры (Leshchinskaia et al., 2024). В контексте развития православного христианского образования рассматривают некоторые аспекты деятельности Общества А.П. Дворецкая и соавторы (Дворецкая и др., 2024). Также А.П. Дворецкая предлагает инновационные способы аккумуляции исторического знания об истории религии Красноярского края (Дворецкая, 2025; Dvoretzkaya et al., 2023; Dvoretzkaya et al., 2004). Ряд исследователей раскрывают историю христианизации коренных народов Сибири, неразрывно связанную с деятельностью Енисейского миссионерского общества (Юрганова, 2025; Грушакевич, 2023).

Таким образом, в современной исторической науке отсутствует специальное комплексное исследование, посвящённое истории деятельности Енисейского миссионерского общества в ранний, ключевой период его организационного становления и адаптации (1870–1881 годы). Существующие труды, включая региональные исследования по Хакасии (Доронова, 2003) и Алтаю (Насонов, 2022), а также работы по общей истории Красноярской епархии (Павлов, 2015), лишь фрагментарно упоминают Общество или рассматривают его деятельность в небольшом контексте истории православия в Сибири.

До настоящего времени не были исторически реконструированы конкретные стратегии работы миссионеров, их тактика взаимодействия с различными группами населения (коренными, старожильческими, переселенческими, старообрядческими социальными группами), а также не были проанализированы бытовые трудности, конфликты и конкретные результаты их деятельности, отражённые в путевых журналах и рапортах, находящихся на хранении в ГАКК. Остаётся неизученным процесс создания, внутренняя структура, нормативная база, кадровая политика и управленческие процедуры Енисейского миссионерского общества, которые отражены в его учредительных документах и журналах заседаний. Восстановление данных пробелов позволит конкретизировать как историю освоения сибирских территорий в последнюю треть XIX века, так и историю Русской Православной Церкви, которая выступала активным субъектом государственной и церковной региональной политики в данный исторический период.

4. Результаты

4.1. Общая характеристика миссионерской деятельности в Енисейской губернии последней трети XIX века

Миссионерская деятельность всегда была одним из ключевых направлений деятельности Русской Православной Церкви, однако во второй половине XIX века, в связи с реформами, миссионерству решили уделить ещё больше государственного и церковно-административного внимания, вследствие чего в 1865 году было создано Православное миссионерское общество с комитетами в епархиях.

В Енисейской губернии Енисейский епархиальный комитет Православного миссионерского общества был открыт 14 февраля 1871 года. Председателем комитета стал епископ Енисейский и Красноярский Павел. Сопредседателем избрали губернатора Аполлона Давыдовича Лохвицкого, казначеем назначили протоиерея Воскресенского собора – Иоанна Рачковского. Финансирование общества осуществлялось за счёт членов комитета и жертвователей из числа прихожан. Членство в Православном миссионерском обществе считалось не только богоугодным, но и почётным делом, поэтому в него вступали чиновники, помещики, представители купечества, участники церковных служб, мещане и даже крестьяне.

В книге о лицах, принявших в Красноярске звание членов Православного миссионерского общества, и о взносе ими денег за период 1871–1881 годов, указано 317 человек. Среди них одни из известнейших людей Енисейской губернии – купцы Гадаловы (Герасим Петрович, Николай Герасимович, Василий Тимофеевич, Авдотья Михайловна, Евдокия Михайловна), купец Пётр Яковлевич Кузнецов и др. Некоторые фамилии с течением времени вычёркивались, так как эти персоны уже не состояли в Обществе и не вносили пожертвования (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–57). Самыми частыми причинами этого являлись смерть или отъезд из Енисейской губернии, реже – собственное желание. В 1881 году в списке числилось 134 действующих члена общества.

Архивные документы Енисейского епархиального православного миссионерского общества представляют собой уникальный и ценный исторический источник, позволяющий раскрыть суть многих процессов, происходящих на территории Енисейской губернии, причём касающихся не только сугубо религиозной сферы. Данные документы позволяют почерпнуть сведения о деталях актуально-исторической ситуации в Енисейской губернии в целом. В настоящей работе выбран период деятельности Общества с 1870 по 1881 год, раскрывающий историю его становления. Образованные священнослужители и их помощники тщательно изучали особенности вверенной им территории и паствы, писали отчёты, доклады, заметки о развитии Миссии, вели путевые дневники, собирали статистические данные. В этих документах зафиксированы не только важные вехи истории миссионерской деятельности в Енисейской губернии, но и история населения губернии (этнографические сведения, быт и нравы людей) в целом, отличие социального и этнокультурного состава одних приходов от других в епархии и многое другое. Основным делом производством Общества, всеми финансовыми вопросами, а также вопросами назначения или отстранения от должностей занимались службы Енисейской Духовной консистории в г. Красноярске.

С открытием Енисейского епархиального комитета Православного миссионерского общества миссионерская деятельность в губернии стала более управляемой и координированной. Её целью было распространение христианского вероучения среди инородческого населения и старообрядцев, при этом возможностей для её осуществления стало значительно больше. Благодаря постоянным пожертвованиям членов Общества стали улучшаться условия содержания миссионерских приходов, строились дома молитвы и церковно-приходские школы, печаталась учебная и богослужебная литература. Учитывая значительные пространства губернии, сложные географические и климатические условия, кочевую жизнь многих инородцев и рассредоточенность населения по небольшим поселениям, положительные изменения происходили постепенно.

Миссия Енисейского православного миссионерского общества реализовывалась, прежде всего, усилиями священнослужителей. В Туруханском Преображенском соборе с 1868 года служил православный миссионер, благочинный священник о. Иннокентий Яковлевич Фирсов. В Дудинской Введенской церкви с 1869 года – православный миссионер о. Михаил Иванович Сулов. В Верхнеимбатской Успенской церкви с 1873 года миссионерскую работу проводил священник о. Михаил Андреевич Гобов. В Тазовской церкви с 1873 года – о. Иоанн Андреевич Ястребов. В Хатангской Богоявленческой церкви с 1874 года миссионерская деятельность была закреплена за о. Николаем Симеоновичем Серебренниковым. При Божеозерской Введенской церкви с 1872 года состоял православный миссионер о. Георгий Иванович Тыжнов. При Усть-Фыркальской Николаевской церкви с 1866 г. – о. Иоанн Данилов. В данном приходе, расположенном на Крайнем Севере, инородцев (мужчин и женщин) насчитывалось до 1500 человек. В Усть-Абаканской Николаевской церкви служил и был миссионером с 1866 года о. Василий Суховский. В приходе инородческого населения числилось 2850 человек. В Аскызской Петропавловской церкви с 1866 года служил и выполнял обязанности миссионера о. Николай Орфеев. Инородцев в этом приходе насчитывалось 2056 человек (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 22).

В связи с целью Миссии деятельность комитета наиболее активно осуществлялась в местах проживания большего числа инородцев, ведущих кочевой образ жизни, – в Туруханском крае и в Минусинском уезде.

4.2. Исторические документы, связанные с миссионерской деятельности в Енисейской губернии в 1870–1881 годы

Деятельность Енисейского епархиального комитета Православного миссионерского общества на территории Енисейской губернии тщательно задокументирована. Одним из первых документов, фиксирующих историю Общества, является «Дело об открытии Енисейского епархиального комитета православного миссионерского общества», начинающееся с «Доклада Енисейской духовной Консистории» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–7), обращённого к «Преосвященнейшему Никодиму, епископу Енисейскому и Красноярскому». В данном докладе 1869 года Консистория «полагает представить на благоусмотрение и благораспоряжение Преосвященнейшему Никодиму, Епископу Енисейскому и Красноярскому, открытие в городе Красноярске Епархиального Комитета» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3. Л. 3), ссылаясь на «Устав Православного Миссионерского общества». Необходимость открытия данного Комитета обосновывается описанием существовавшего на тот момент положения дел в Енисейской губернии: наличием большого количества иноверцев, «не просвещенных святым крещением», и отсутствием «необходимого количества священнослужителей», определённого «Уставом Православного Миссионерского общества». Примечательно, что в состав Епархиального Комитета предполагалось включать не только священнослужителей, но и «почетных светских лиц». Далее был составлен «Доклад к Преосвященнейшему Павлу, Епископу Енисейскому и Красноярскому», ставшему преемником Никодима, епископа Енисейского и Красноярского, в 1870 году (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3. Л. 8).

В резолюции епископа Енисейского и Красноярского Павла дано положительное решение об открытии Епархиального Комитета в соответствии с «Уставом Православного Миссионерского общества», а также даны распоряжения относительно даты открытия – 14 февраля 1871 года, и о

приглашении почётных участников данного мероприятия (Начальника Губернии, воинских чинов города Красноярска и Городской Думы). В документе, датированном 14 февраля 1871 года, перечисляются персоны, прибывшие в дом епископа Павла для участия в организации Епархиального Комитета, а также детально описаны денежные средства, необходимые для существования Комитета, добровольно и единодушно внесённые присутствующими. О состоявшемся открытии Епархиального Комитета было принято решение направить статью для публикации в редакции «здесьних Губернских ведомостей, Иркутских Епархиальных ведомостей и Господину Редактору Духовной беседы Аскоченскому» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3. Л. 12).

После торжественного открытия началась масштабная работа по привлечению участников. Быть действительным членом Епархиального комитета было престижно и почётно; данное звание подтверждалось напечатанным индивидуальным свидетельством, в которое вписывалось имя его члена. Принять звание действительного члена Комитета приглашались как священнослужители на условиях внесения взносов или же без них, так и «гражданского звания люди обоего пола, но не иначе как с непременным ежегодным взносом в пользу общества не менее 3 рублей» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3. Л. 23). Среди сохранившихся архивных документов имеются обращения священников, в которых перечисляются имена и статусы желающих принять звание действительного члена Комитета, а также суммы совершённых ими взносов. Сохранились подобные обращения от «гражданских» лиц, например, обращение от директора училищ Енисейской губернии А.Б. Месса от 8 мая 1871 года, сопровождаемое списком служащих и учеников, желающих жертвовать в пользу миссионерства (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3. Л. 33–35). В «уведомлении» от 4 ноября 1871 года сообщается о заявлении желания стать действительным членом Комитета минусинского купца 1-й гильдии Н.А. Хомутникова и его супруги (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3. Л. 91). В записи «Журнала от Енисейского Епархиального комитета православного Миссионерского общества» от 26 ноября 1871 года обозначено точное предназначение денежных сумм, собранных в форме взносов и пожертвований: они должны были быть направлены прежде всего на распространение православия между язычниками Российской империи, что требовалось «особо обозначать» в отчётных документах.

Финансовая поддержка была необходима для успешного осуществления деятельности Епархиального комитета по всем направлениям. По количеству и суммам взносов и добровольных пожертвований вёлся строгий учёт. В связи с этим многие архивные документы связаны именно с бухгалтерией фонда Енисейского епархиального православного миссионерского общества. Это записи внесённых членами общества пожертвований, их распределение по приходам на определённые нужды, жалования миссионерам, отчёты об исползованных деньгах, о доходности церквей и о причинах колебания цифр сбора и т. д. Они составляют важную часть в истории миссионерства в Енисейской губернии, так как без средств миссия церкви была бы неэффективной на территории. Большой проблемой для проповеди среди инородцев до 1870-х годов было отсутствие в ряде приходов священников. Новообращённым православным христианам нужен был пастырь, который бы разъяснял «слово Божие» и постоянно показывал бы пример христианского служения. Об этом неоднократно писали сами священники, прося о назначении новых священнослужителей и выделении средств на ремонт и поддержание церковного имущества, которое без надзора быстро приходило в ветхое состояние.

Так, в «Рапорте Его Высокоблагославлению № 13» от 6 марта 1877 года священник о. Михаил Суслов подробно докладывал о состоянии дел в Тазовской Николаевской церкви. Он пишет, что при обозрении вверенного ему прихода дом оказался «без необходимых удобств, очень ветхим и полным недостатков. Средств при церкви имеется мало – 76 рублей 85 копеек, на удовлетворение крайних нужд церкви их не хватит. Состояние тазовского прихода жалкое. На прихожан – остяков и юраков нет никакой надежды, потому что по бедности своей и другим причинам они не могут вносить и половины того, что прописано в “Указе Енисейской Духовной консистории” от 12 сентября 1872 года за № 4151 – по 4 белки ежегодно на покупку свечей и других церковных потребностей» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 4). Самую существенную потребность прихода, как отмечает Суслов, составляет не «приписка священника», а его постоянное проживание на побережье р. Таз (север Енисейской губернии). Он полагает, что в противном случае церковь здесь окончательно разрушится, потому что «инородцы – ее прихожане, не встречая притока жизненной силы в центре своего прихода ежегодно удаляются как пчелы из улья, не имеющие своей управительницы. Остяки в Тобольскую губернию к Ларьятскому селению и частично в Верхнеинбатский приход, а юраки в приход Дудинский к Енисею, находя там лучшие средства к промыслу (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 5). По сему остаётся в виду только щедроты (подчеркнуто о. Михаилом Суловым - Прим. авт.) Енисейского Епархиального Комитета Православного миссионерского общества, на которые причт церкви и осмеливается питать надежду» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 4).

Миссионерская работа с инородцами требовала не только материальной обустроенности церквей и наличия священников, но самая тяжёлая часть службы миссионеров была напрямую связана с взаимодействием с жителями отдалённых территорий. Священники совершали множество поездок к местам стойбищ кочующего населения, изучали их язык, чтобы лучше понимать их и

точнее доносить принципы православной веры, преподавали Закон Божий в школах и инородческих училищах, которые открывались на пожертвования миссионерского общества и т. д.

В «Отчете о Михаила Сулова № 28» от 16 ноября 1876 года приводится описание такой работы: «Мною на Тазу у церкви много было сделано опытов перевода кратких молитв на остяцкий туземный язык для чего были приглашены в приходскую церковь некоторые заслуживающие доверия остяки, знающие русский язык, и русские, знающие остяцкий язык, причем были о остяцкие дети, которые казалось и не слушали нас, когда мы занимались переводом, но меня уверяли родители их и я слышал сам, что дети и поныне передают переводы молитвы “Святой Боже” слово в слово». Здесь же приводится перевод одной из таких молитв: «Святой Номъ, Святой комы, Святой косунь-читыль кочеть ме» (перевод: «Святой Бог, крепкий, бессмертный, пособи нам») (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 64).

В «Донесении № 6» от 5 февраля 1877 года миссионера Усинского края (географически расположенного в районе Минусинской котловины) о. Николая Андреевича Путилова подробно описывается работа со староверами и раскольниками, а также сойотами. Священник Путилов пишет о предполагаемом переселении раскольников в Томскую губернию, так как их руководители общин настаивают на этом. Опасность их переселения он видит в распространении раскольников по разным местам, где они могут пропагандировать свои воззрения среди крестьянства. «Поэтому я старался успокоить раскольников и искоренять в них саму мысль о переселении. Здесь все вместе староверы будут более упорны к убеждению в истинах православия, но зато они будут все на виду и раскол может исчезнуть постепенно» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 29).

Работа с коренным населением юга Сибири – сойотами – также даётся миссионеру нелегко: Путилов пишет, что представители данного народа склоняются к принятию крещения, но при этом не хотят становиться российскими подданными, так как тогда станут существенно зависеть от гражданской администрации. Против этого особо выступают их вожди. Для более плодотворной работы с ними священник изучил сойотский язык, привлекал их к выполнению разных дел в здании церкви, знакомил с принципами христианской религии. Он отмечает: «Трудно мне изучать их язык в совершенстве, но без этого не будет полного успеха. Я предполагаю взять двух сойотских мальчиков к себе на воспитание и приготовить их к обязанностям будущих служителей церкви. Вначале они будут служить переводчиками, потом катехизаторами» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 34).

О взаимодействии с тунгусами подробно пишет Михаил Сулов в «Путевом журнале» от 6 июня 1877 года. Священник прибыл на пароходе «Енисей» к устью реки Енисея на место рыбной ловли, куда собираются торговцы и инородцы в большом количестве, для исполнения церковных треб и проповеди. На выезде к тунгусам он отметил, что «начала веры» тунгусы усвоили достаточно хорошо: «они знают Господа, его пречистую мать, из святых особо почитают Николая Чудотворца, по христианскому обычаю крестят воду, что у других инородцев – остяков и самоедов ни разу никто не замечал». К священнику тунгусы «относятся с благодарностью и радостно подходят». «Своим батюшкой они называли меня потому, что мне уже доводилось быть между ними и исполнять требу в 1873 году. Некоторые меня также спрашивали о здоровье бывшего миссионера отца Иоанна Кожевникова, нынче иеромонаха Ионы, называя его Тунгусским батюшкой» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 150–151).

Миссионерская деятельность на территории Енисейской губернии была осложнена рядом объективных обстоятельств; на трудности такого рода обращается внимание в «Отчете Енисейского Епархиального Комитета Православного миссионерского общества “О миссионерской деятельности в Енисейской Епархии за 1880 год”» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-12). В частности, отмечаются особенности природы Крайнего Севера Енисейской губернии, а также специфика образа жизни местного населения – «всю жизнь бродить по тундре». В связи с чем проповеди проходили в переносных наскоро собранных чумах, среди шкур животных, провизии, собак. А также отмечается пагубное влияние на здоровье миссионеров сурового климата («страшных бурь, суровых морозов») и путешествий, длящихся ежегодно с ноября по апрель вместе с коренным населением, а также питание лишь сухарями и чаем. Детальное описание быта жителей Севера делает данный отчет ценным не только в контексте истории миссионерской деятельности, но и в целом истории повседневности коренных жителей сибирских территорий России. Описывается процесс установления чума, способы передвижения по тундре: на оленях и «в экипаже (балке), имеющем форму бочки» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 18. Л. 2). Но описания трудностей – не главное содержание данного документа. В его тексте подчеркивается, что «силой веры» священнослужители справляются с большими сложностями, неоднократно посещают кочевья, а со стороны инородцев получают «радостные встречи и внимательное слушание проповеди», а также «сожаление при расставании» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 18. Л. 2). При этом отмечается продолжающееся сильное влияние шаманов и страха инородцев, что в случае принятия христианской веры они утратят всё своё достоинство. Среди других сложностей отмечена затрудненность коммуникации в связи с незнанием языков инородцев, но и даже если они знают русский язык, то не всегда улавливают иносказательность, воспринимая всё буквально, что делает затруднительным передать скрытые смыслы христианского вероучения.

Одновременно фиксируются результаты успешной миссионерской деятельности. Так, из «Журнала Хатангского священника» в общий «Отчет» включены количественные данные:

крещено 125 младенцев, совершено 50 браков, причастилось 400 человек, исповедовалось 244 человека, отпето умерших 50 человек (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 18. Л. 8). Также в «Отчёт» включены данные о миссионерской работе и других приходах. Например, в Усть-Эсинском приходе за отчётный период было крещено 105 человек мужского пола и 89 человек женского пола, в том числе взрослых 7 мужчин, 15 женщин, совершено 14 браков, отпето 28 умерших (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 18. Л. 12).

Как отмечает о. Михаил Суслов в «Отчете по административно-церковной деятельности Благочинного в Церкви и миссии Туруханского края за время 1878 по 1892»: «Число обращаемых в Православие язычников невелико, есть еще много душ пребывающих во тьме язычества в глубоких и мрачных пропастях шаманства, но стадо Христово увеличивается все новыми овцами» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 15. Л. 26). Священник пишет, что надеется на усиление поступления материальных средств Миссии и, главным образом, на появление среди миссионеров катехизаторов и священников из инородцев, которые на родном языке будут проповедовать православие.

Понимая важность и сложность работы священников в отдалённых от центра приходах, общее собрание Енисейского епархиального православного миссионерского общества 8 мая 1877 года утвердило положение о «пятилетиях», по которому после пяти лет службы в приходе каждому пастырю полагался отпуск и премия (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–3). За содействие в «принятии святого крещения среди инородцев» Енисейская Духовная консистория награждала священников и гражданских лиц достаточно часто, что подробно зафиксировано в «Журналах заседания общества».

5. Заключение

Исследование архивных документов, связанных с деятельностью Енисейского Епархиального Комитета Православного миссионерского общества, позволяет оценить значение данного сообщества не только через описание конкретных исторических событий, но и определить его влияние на развитие северных и сибирских территорий Российской империи в целом. В ходе работы были рассмотрены малоизученные и ранее не опубликованные архивные материалы. Рассмотренные источники раскрывают обстоятельства и причины, обуславливающие необходимость открытия Епархиального комитета, а также указывают на значимость данного Общества не только для решения сугубо миссионерских задач, но и в целом для государственного администрирования на отдалённых от центра территориях, на что указывает включение в состав миссионерского сообщества светских персон, высокопоставленных лиц Енисейской губернии. Желая жертвовать в пользу миссионерства было немало среди священнослужителей и гражданских лиц, о чём свидетельствуют детальные финансовые отчёты Епархиального Комитета. Содержательные отчёты священников – православных миссионеров – свидетельствуют об успешности миссии распространения православной веры. Детальные описания миссионерских путешествий в отчётах позволяют понять специфику взаимодействия православных священников с инородцами, обусловленную объективными трудностями природного и климатического характера, этнолингвистическими коммуникативными сложностями. Стоит отметить мужество православных миссионеров Енисейской губернии, их целеустремлённость в желании донести суть христианской веры инородцам, вошедшим в состав гражданского населения Российской империи.

Литература

Асочакова, 2009 – Асочакова В.Н. К вопросу о периодизации миссионерской деятельности Русской православной церкви в Сибири // *Известия Алтайского государственного университета*. 2009. № 3 (4). С. 15-18.

Вишленкова, 1997 – Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань, 1997. 187 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Грушакевич, 2023 – Грушакевич В.Ч. Трансформация религиозных взглядов эвенков-солонгов с XVII века по наши дни // *Северные архивы и экспедиции*. 2023. № 7 (4). С. 102-111.

Дворецкая и др., 2024 – Дворецкая А.П., Слабуха А.В., Пиков Н.О. Сакральное пространство Енисейского Севера в проектах будущего // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. № 17 (8). С. 1445-1453.

Дворецкая, 2025 – Дворецкая А.П. Формирование коллекций оцифрованных документов и материалов на интернет-платформах СФУ Сибириана (Siberiana.online) и Сакра (SACRA) // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2025. № 18 (9). С. 1779-1789.

Донская, 2019 – Донская А.А. Правовое регулирование миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в XVII – начале XX в. (на примере народов Сибири) // *Журнал российского права*. 2019. № 11. С. 69-79.

Доронова, 2003 – Доронова Н.П. Христианизация хакасов в XIX – начале XX века: проблемы и результаты. Абакан, 2003. 168 с.

Насонов, 2022 – Насонов А.А. Вклад православных миссионеров в изучение этнорелигиозных особенностей коренного населения юга Западной Сибири (вторая треть XIX – начало XX в.) // *Общество: философия, история, культура*. 2022. № 3. С. 131-135.

- Павлов, 2015 – Павлов А.В. Православие в Енисейской губернии (XVII – начало XX вв.). Красноярск, 2015. 432 с.
- Ремнев, 1997 – Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. 254 с.
- Римский, 1999 – Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999. 624 с.
- Рынков, 2010 – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44–50.
- Симонова, 2010 – Симонова И.В. Алтайская духовная миссия в 1830–1890-е годы: структура и деятельность. Барнаул, 2010. 233 с.
- Юрганова, 2025 – Юрганова И.И. О православии у енисейских якутов: специфика территориально-церковного управления (вт. пол. XIX – нач. XX вв.) // *Северные архивы и экспедиции*. 2025. № 9 (2). С. 8-16.
- Яковлев, 2023 – Яковлев А.Н. Основные проблемы жизни окраин в годы Первой мировой войны во всеподданнейших отчетах губернаторов Приморской и Сахалинской областей // *Северные архивы и экспедиции*. 2023. № 7 (4). С. 46-54.
- Artamonova et al., 2018 – Artamonova N.Ya., Asochakova V.N., Chistanova S.S. Religious Migration: the History of Missionary Work in Siberia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2018. № 11 (8). Pp. 1188-1210.
- Dvoretzkaya et al., 2023 – Dvoretzkaya A.P., Slabukha A.V., Pikov N.O. Sacred Space and Temple Architecture of Pre-Revolutionary Yeniseisk: Formation and Development // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. № 16 (12). Pp. 2263-2272.
- Dvoretzkaya et al., 2024 – Dvoretzkaya A.P., Khait N.L., Konvalova O.V., Kushnarenko E.Y. The Role of Spiritual Education in the Closed Sacred Space of the Yenisei Siberia (second half of the 18th – first half of the 19th centuries) // *Bylye Gody*. 2024. № 19(1). Pp. 66-77.
- Geraci, 2001 – Geraci R.P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001.
- Kolesnik et al., 2021 – Kolesnik M.A., Leshchinskaia N.M., Pchelkina D.S. «Yeniseyskiye Eparkhial'nyye Vedomosti» as a Source of History of the Peoples of the North of the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2021. № 16(2). pp. 889-897.
- Kolesnik et al., 2024 – Kolesnik M.A., Pimenova N.N., Menzhurenko Y.N. Leshchinskaia N.M. Dynamics of Religiosity in the Yenisei Province in the 19th century // *Bylye Gody*. 2024. № 19(4). Pp. 1887-1897.
- Leshchinskaia et al., 2024 – Leshchinskaia N.M., Pimenova N.N., Menzhurenko Y.N., Sergeeva N.A. Clergy-Educators of Siberia in the Russian Empire of the second half of the 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2024. № 19(4). Pp. 1785-1794.
- Miller, Dobrynin, 2008 – Miller A.I., Dobrynin S. The Romanov Empire and nationalism: Essays in the methodology of historical research. Budapest: Central European University Press, 2008.
- Sertakova et al., 2024 – Sertakova E.A., Zamaraeva Y.S., Omelik A.A., Koptseva M.S. Interethnic Relations in the Turukhansk Region in the 18th–19th centuries // *Bylye Gody*. 2024. № 19(3). Pp. 1052-1062.
- Smorgunova et al., 2019 – Smorgunova V.Yu., Dorskaia A.A., Protsenko E.D. Missionary Activity of the Russian Orthodox Church in Siberia: Historical and Legal Aspect // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. № 12 (6). Pp. 939-945.

References

- Artamonova et al., 2018 – Artamonova, N.Ya., Asochakova, V.N., Chistanova, S.S. (2018). Religious Migration: the History of Missionary Work in Siberia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 11(8): 1188-1210.
- Asochakova, 2009 – Asochakova V.N. (2009). K voprosu o periodizatsii missionerskoy deyatel'nosti Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Sibiri [On the issue of periodization of missionary activity of the Russian Orthodox Church in Siberia]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(4): 15-18. [in Russian]
- Donskaya, 2019 – Donskaya, A.A. (2019). Pravovoye regulirovaniye missionerskoy deyatel'nosti Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v XVII – nachale XX v. (na primere narodov Sibiri) [Legal regulation of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in the 17th – early 20th centuries (on the example of the peoples of Siberia)]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11: 69-79. [in Russian]
- Doronova, 2003 – Doronova, N.P. (2003). Khristianizatsiya khakasov v XIX – nachale XX veka: problemy i rezul'taty [Christianization of the Khakas in the 19th – early 20th centuries: problems and results]. Abakan, 168 p. [in Russian]
- Dvoretzkaya et al., 2023 – Dvoretzkaya, A.P., Slabukha, A.V., Pikov, N.O. (2023). Sacred Space and Temple Architecture of Pre-Revolutionary Yeniseisk: Formation and Development. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(12): 2263-2272.
- Dvoretzkaya et al., 2024 – Dvoretzkaya, A.P., Khait, N.L., Konvalova, O.V., Kushnarenko, E.Y. (2024). The Role of Spiritual Education in the Closed Sacred Space of the Yenisei Siberia (second half of the 18th – first half of the 19th centuries). *Bylye Gody*. 19(1): 66-77.

Dvoretzkaya et al., 2024 – *Dvoretzkaya, A.P., Slabukha, A.V., Pikov, N.O.* (2024). Sakral'noye prostranstvo Yeniseyskogo Severa v proyektakh budushchego [Sacred space of the Yenisei North in future projects]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 17(8): 1445-1453. [in Russian]

Dvoretzkaya, 2025 – *Dvoretzkaya, A.P.* (2025). Formirovaniye kollektivy otsifrovannykh dokumentov i materialov na internet-plattformakh SFU Sibiriana (Siberiana.online) i Sakra (SACRA) [Creation of collections of digitized documents and materials on the SFU online platforms Siberiana (Siberiana.online) and Sacra (SACRA)]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 18(9): 1779-1789. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archives of Krasnoyarsk Krai].

Geraci, 2001 – *Geraci, R.P.* (2001). Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca; London: Cornell University Press.

Grushakevich, 2023 – *Grushakevich, V.Ch.* (2023). Transformatsiya vzglyadov evenkov-solonov s XVII veka v nashi dni [Transformation of the views of the Evenks-Solons from the 17th century to the present day]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 7(2): 43-49. [in Russian]

Kolesnik et al., 2021 – *Kolesnik, M.A., Leshchinskaia, N.M., Pchelkina, D.S.* (2021). «Yeniseyskiye Eparkhial'nyye Vedomosti» as a Source of History of the Peoples of the North of the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 16(2): 889-897.

Kolesnik et al., 2024 – *Kolesnik, M.A., Pimenova, N.N., Menzhurenko, Y.N., Leshchinskaia, N.M.* (2024). Dynamics of Religiosity in the Yenisei Province in the 19th century. *Bylye Gody*. 19(4): 1887-1897.

Leshchinskaia et al., 2024 – *Leshchinskaia, N.M., Pimenova, N.N., Menzhurenko, Y.N., Sergeeva, N.A.* (2024). Clergy-Educators of Siberia in the Russian Empire of the second half of the 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 19(4): 1785-1794.

Miller, Dobrynin, 2008 – *Miller, A.I., Dobrynin, S.* (2008). The Romanov Empire and nationalism: Essays in the methodology of historical research. Budapest: Central European University Press.

Nasonov, 2022 – *Nasonov, A.A.* (2022). Vklad pravoslavnykh missionerov v izucheniye etnoreligioznykh osobennostey korennykh naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri (vtoraya tret' XIX – nachalo XX v.) [The contribution of Orthodox missionaries to the study of the ethno-religious characteristics of the indigenous population of the south of Western Siberia (second third of the 19th – early 20th centuries)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 3: 131-135. [in Russian]

Pavlov, 2015 – *Pavlov, A.V.* (2015). Pravoslaviye v Eniseyskoy gubernii (XVII – nachalo XX vv.) [Orthodoxy in the Yenisei province (17th – early 20th centuries)]. Krasnoyarsk, 432 p. [in Russian]

Remnev, 1997 – *Remnev, A.V.* (1997). Samoderzhaviye i Sibir': Administrativnaya politika vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov [Autocracy and Siberia: Administrative policy of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk, 254 p. [in Russian]

Rimskiy, 1999 – *Rimskiy, S.V.* (1999). Rossiyskaya Tserkov' v epokhu Velikikh reform [The Russian Church in the era of the Great Reforms]. M., 624 p. [in Russian]

Rynkov, 2010 – *Rynkov V.M.* (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodicals: their place in the system of historical sources]. *Otechestvennyye arkhivy*. 3: 44-50. [in Russian]

Sertakova et al., 2024 – *Sertakova, E.A., Zamaraeva, Y.S., Omelik, A.A., Koptseva, M.S.* (2024). Interethnic Relations in the Turukhansk Region in the 18th–19th centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1052-1062.

Simonova, 2010 – *Simonova, I.V.* (2010). Altayskaya dukhovnaya missiya v 1830–1890-e gody: struktura i deyatel'nost' [The Altai Spiritual Mission in the 1830s-1890s: structure and activities]. Barnaul, 233 p. [in Russian]

Smorganova et al., 2019 – *Smorganova, V.Yu., Dorskaia, A.A., Protsenko, E.D.* (2019). Missionary Activity of the Russian Orthodox Church in Siberia: Historical and Legal Aspect. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 12(6): 939-945.

Vishlenkova, 1997 – *Vishlenkova, E.A.* (1997). Religioznaya politika: ofitsial'nyy kurs i “obshcheye mneniye” Rossii aleksandrovskey epokhi [Religious policy: the official course and the “general opinion” of Russia in the Alexandrine era]. Kazan', 187 p. [in Russian]

Yakovlev, 2023 – *Yakovlev, A.N.* (2023). Osnovnyye problemy zhizni okrain v gody pervoy mirovoy voyny vo vsepoddanneyshikh otchetakh gubernatorov Primorskoj i Sakhalinskoy oblastey [The main problems of life in the outskirts during the First World War in the most humble reports of the governors of the Primorsky and Sakhalin regions]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 7(4): 46-54. [in Russian]

Yurganova, 2025 – *Yurganova, I.I.* (2025). O pravoslavii u yesseyskikh yakutov: spetsifika territorial'no-tserkovnogo upravleniya (vt. pol. XIX – nach. XX vv.) [On orthodoxy among the essence Yakuts: the specifics of territorial-church governance (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 9(2): 8-16. [in Russian]

Енисейское епархиальное православное миссионерское общество в 1870–1881 годы

Наталья Михайловна Лещинская ^{а, *}, Екатерина Анатольевна Сертакова ^а, Мария Сергеевна Копцева ^а, Степан Олегович Зотов ^а

^а Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного исторического исследования деятельности Енисейского епархиального православного миссионерского общества в период его организационного становления с 1870 по 1881 год. Основу исследования составил комплекс неопубликованных архивных документов из Государственного архива Красноярского края (фонд № 667), впервые вводимый в научный оборот. Среди них – учредительные документы, журналы заседаний, финансовые отчёты, а также путевые журналы и рапорты миссионеров. Авторы проводят комплексный анализ процесса создания Енисейского епархиального православного миссионерского общества, его административной структуры и финансовых механизмов. Исследуется социальный состав членов-благотворителей, включавший купцов, чиновников и представителей духовенства. Особое внимание уделяется практической деятельности миссионеров в отдалённых регионах Енисейской губернии – в Туруханском крае, Усинском пограничье и Хакасии. На основе отчётов и дневников реконструируются конкретные стратегии работы с коренным населением (хакасами, эвенками, селькупам), старообрядцами и русскими переселенцами. Описываются трудности, с которыми сталкивались священники: суровые климатические условия, огромные расстояния, языковой барьер, кочевой образ жизни паствы, сохранение шаманских верований и формальный характер крещения. В статье показано, как миссионеры адаптировали свои методы, занимаясь переводами молитв, открывая школы и стремясь подготовить кадры из местного населения. Деятельность Енисейского епархиального православного миссионерского общества рассматривается в контексте общеимперской политики христианизации, реализуемой Российской империей на её окраинных территориях. Исследование восполняет существенный пробел в региональной историографии, детально раскрывая механизмы функционирования и повседневную жизнь одного из важных церковно-государственных институтов Сибири второй половины XIX века.

Ключевые слова: Российская империя, Енисейская губерния, Епархиальный Комитет, православное миссионерское общество, миссионеры, крещение и христианизация инородцев.

---

* Корреспондирующий автор

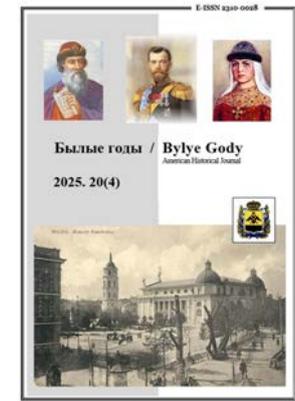
Адреса электронной почты: nlibakova@sfu-kras.ru (Н.М. Лещинская),
esertakova@sfu-kras.ru (Е.А. Сертакова), mkoptseva@sfu-kras.ru (М.С. Копцева),
szotov@sfu-kras.ru (С.О. Зотов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1932-1939
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1932

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of Muslim Educational Institutions and Enlightenment Societies in the Kazakh Steppe (late 19th – early 20th centuries)

Svetlana O. Smagulova ^{a, *}, Zhanar A. Kudaibergenova ^a, Nursulu K. Dyusenova ^b, Tolkyn A. Bekbayeva ^a

^a Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Institute of History and Ethnology named after Ch. CH. Valikhanov, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

Based on archival materials, printed publications, and academic research, this article analyzes the structure and functioning of Muslim madrasas and cultural-educational societies that emerged in the Kazakh steppe during the late 19th and early 20th centuries. The authors examine the influence of the Muslim reform movement on the field of education, particularly in madrasas, as well as the spread of the innovative movement of Jadidism. Through concrete examples, the article reveals the characteristics of this movement. It investigates the curricula and subjects taught in modern-spirited madrasas such as the Gabdulvaliyev institution in Verny, “Mamaniya” in Aksu, “Yakobiya” in Kapal, “Kazakiya” and “Gizatiya” in Zaisan, and “Amiriya” in Kargaly, comparing them with the educational practices of Russian-native schools. The study identifies features of the educational process, efforts to involve Kazakh children in schooling, and ways to supply students with learning materials. Furthermore, the article analyzes the activities of societies such as “Jamgiyat Ma’arif” in Zaisan, the Muslim Charitable Society in Semipalatinsk, the Society of Devotees of Education in Verny, and others. It assesses their role and significance in Kazakh society.

Keywords: madrasa, cultural organizations, educational societies, Jadidism, Muslim movement, administrative reforms, charity, N. Ilminsky, Islam, Orenburg Muftiate.

1. Введение

Начиная с XVIII в. административные реформы царского правительства в Киргизской (Казакской) степи привели к значительным изменениям в земельной, языковой, религиозной и образовательной сферах. В процессе административных преобразований важной задачей стала подготовка специалистов, способных наладить связь между властью и местным населением. Для этого потребовалось открытие специальных русско-туземных школ и медресе с преподаванием русского языка. Первоначально казахское общество воспринимало с опаской открытие подобных школ и привлечение детей к обучению в них, опасаясь их возможной христианизации. По этой причине родители старались не отдавать своих детей в подобные учреждения, и прибывшие в Казахскую степь миссионеры, такие как Н.И. Ильминский, Н.Н. Остроумов, А. Васильев, И.Я. Яковлев, В. Григорьев и другие, прилагали большие усилия к убеждению местного населения в обратном. Таким образом, царская администрация, развивая образовательную деятельность, постепенно стала внедрять русско-туземные школы через замену арабской письменности русским алфавитом, стремясь тем самым ослабить влияние ислама в жизни тюркских народов Средней Азии и Казахстана. Об этом открыто писал Н.И. Ильминский в своих записках о миссионерской деятельности.

В этот период татарская культура получила широкое распространение среди казахов: в медресе начали использоваться учебники и литература на татарском языке. Миссионеры, направленные в

* Corresponding author

E-mail addresses: adep_s68@mail.ru (S.O. Smagulova), zhanaradoc@gmail.com (Zh.A. Kudaibergenova), nur_sulu@mail.ru (N.K. Dyusenova), t.a.bekbaeva@mail.ru (T.A. Bekbayeva)

Среднюю Азию и в Казахскую степь, стремились уменьшить татарское влияние путём создания просветительских обществ, учреждений и русско-туземных школ, где в программу включали преподавание христианства. Тем не менее, медресе, основывавшиеся на исламе и Коране, сохраняли свой высокий авторитет, и большинство родителей продолжало отправлять туда своих детей. Однако в начале XX в. структура медресе стала меняться: они перешли на новый, джадидистский курс и начали преподавать современные предметы по обновлённым программам.

Культурные изменения в жизни казахов были также обусловлены деятельностью просветительских обществ. Они занимались открытием библиотек, обеспечением их книгами, газетами, журналами, проведением театрализованных представлений, концертов, а также оказывали помощь нуждающимся, в частности студентам, обучающимся без стипендий, через благотворительные фонды.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные документы, материалы журнала «Айкап», издававшегося в начале XX в., а также труды миссионеров, посещавших казахские земли. В работе использованы материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан) и Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз) (Ташкент, Республика Узбекистан).

Из документов указанных архивов были получены сведения о мусульманских учебных заведениях и просветительских обществах, действовавших в конце XIX – начале XX в., об особенностях и недостатках мусульманской образовательной системы в аулах и городах, об административных изменениях, внесённых царским правительством, об учебных планах и программах мусульманских школ и медресе, а также о процессе их обновления по новому методу.

В работе широко использовались материалы журнала «Айкап», издававшегося на казахском языке под редакцией Мухамеджана Сералина в 1911–1915 гг. За эти годы вышли в свет 88 номеров издания, и оно распространилось не только на казахских землях, но и в Средней Азии, а также в соседних районах Китая, что привело к увеличению числа его читателей. Журнал «Айкап» внёс значительный вклад в пробуждение общественного сознания казахов и развитие национальной культуры того времени. Большинство представителей казахской интеллигенции регулярно публиковали на страницах журнала статьи, в которых поднимались политические вопросы равноправия женщин, перехода к оседлому образу жизни, аграрные проблемы, а также участия в работе Государственной Думы. Помимо этого, журнал предоставлял уникальные сведения о медресе, открытых в различных уголках казахской земли, и об их учениках, информация о которых не была представлена в архивных источниках.

Методологическую основу исследования составили проблемно-тематический подход, методы исторической систематизации, анализа и интерпретации, историко-описательный и метод исторической реконструкции. С помощью метода систематизации рассмотрены нормативно-правовые акты царской России в сфере просвещения и сопоставлены с элементами мусульманской образовательной системы. На основании архивных документов, писем и отчётов был проведён анализ изменений в образовательной сфере на казахской территории в рассматриваемый период. Особое внимание авторами уделено анализу взглядов миссионеров и прогрессивной мусульманской интеллигенции, поддержавшей джадидизм. С помощью историко-описательного и метода исторической реконструкции были изучены мероприятия, проводившиеся при внедрении новых правил обучения казахских детей, а также деятельность просветительских обществ на основе исследования научных трудов, журналов и архивных источников, а также в контексте исторических событий рассмотрены особенности процесса привлечения казахских детей к обучению в русско-туземных школах и роль миссионеров в этом.

3. Обсуждение

Вопросы сферы образования в казахском крае в конце XIX – начале XX в. были предметом изучения как в имперский, так и в советский периоды, а также в годы независимости Республики Казахстан. Об этом свидетельствуют отчёты и исследования, составленные в указанные времена. С момента начала колонизации Казахской степи царское правительство уделяло повышенное внимание просветительской политике и стремилось реформировать систему образования в своих целях. Этот процесс можно проследить по трудам и письмам миссионеров, направленных в Казахский край, таких как Н.И. Ильминский (Ильминский, 1892), А.Е. Алекторов (Алекторов, 1891; Алекторов, 1898), В.В. Катаринский (Катаринский, 1897), Н.П. Остроумов (Остроумов, 1891, 1883, 1904), В. Григорьев (Григорьев, 1862). В их трудах детально проанализированы процесс русификаторской политики путём открытия русско-туземных школ вместо мусульманских медресе, а также особенности системы образования в этих новых учреждениях. Миссионеры, основываясь на кириллице, писали учебники для казахских детей, собирали казахские пословицы, загадки, сказки и на основе этих материалов составляли научные труды. Они также ставили целью вытеснение медресе из системы образования как носителей исламского влияния.

Вопросы системы образования беспокоили также и представителей казахской интеллигенции. Ахмет Байтурсынов и его сподвижники выступали за модернизацию традиционного мусульманского

образования в духе джадидизма. Эти вопросы открыто поднимались на страницах выходивших на казахском языке газет «Казак» (Казак, 2009) и журнала «Айкап» (Айкап, 2023: 672). Поддерживалась идея о необходимости реформирования кадимистского (традиционного) образования и включения в учебную программу медресе светских предметов – письма, истории, географии, математики и других, а также создания специальных учебников для мусульманских школ.

Структура и образовательная система русско-туземных школ и медресе получили освещение в трудах А.П. Бущика (Бущик, 1961), Т. Тажибаева (Тажибаев, 1962), Н. Сабитова (Сабитов, 1950), Т.Ж. Шоинбаева (Шоинбаев, 1982). Указанные авторы всесторонне проанализировали политику царского правительства в сфере народного образования, нормы и особенности учебного процесса, а также различия и изменения в методике преподавания в обоих типах учебных заведений.

Система образования в мусульманских медресе стала предметом специального исследования М.Ф. Рахимкулова (Рахимкулов, 1975). В его труде представлены данные о деятельности медресе «Хусайния», открытого в Оренбурге при поддержке братьев Хусаиновых, об особенностях образовательного процесса, составе преподавателей и их профессиональной подготовке. Татарский исследователь Ф.Г. Минниханов (Минниханов, 2016) на основе архивных документов изучал благотворительную деятельность татарских предпринимателей, направленную на развитие образования в Казахской степи в конце XIX – начале XX в.

4. Результаты

Во второй половине XIX в. в рамках реформ царского правительства на территории Казахского края был установлен надзор за мусульманскими учебными заведениями. 16 марта 1870 г. была введена директива, предписывающая обязательное введение русского языка как предмета обучения в школах и медресе, предназначенных для казахских детей. Открытие новых школ и медресе стало возможным только при наличии преподавателей, владеющих русским языком, а родителям требовалось получать специальные разрешения на устройство детей в данные учебные заведения. При этом в медресе продолжалось преподавание по учебникам на татарском языке. Пытаясь исправить это положение, генерал-губернатор Туркестанского края К. Кауфман в своём письме к министру народного просвещения Д.А. Толстому от 1 марта 1876 г. настоятельно рекомендовал ускорить переход казахской письменности на русский алфавит (Ильминский, 1883: 5-7).

26 марта 1870 г. Александр II утвердил Положение об учебных заведениях для инородцев, согласно которому вводился обязательный курс русского языка в системе мусульманского образования. Ранее наблюдалось значительное влияние татарской культуры на образовательный процесс. В том же 1876 г. в Казани было открыто педагогическое училище для татарских учителей – кадровой базы для школ в мусульманских регионах.

В 1877 г. Министерство народного просвещения учредило должности инспекторов для казахских, башкирских и татарских школ с задачей контролировать деятельность всех школ и медресе на территории Казахской степи. Инспекторам поручалось регулярно отчитываться о происходящем.

Генерал-губернатор Туркестанского края Н.О. Розенбах в 1884 г. организовал специальную комиссию по учёту мусульманских учебных заведений, поручив инспекции включать их в государственный контроль (ЦГА РУз. Ф. И-2282. Оп. 1. Д. 1604. Л. 267). В 1887 г. он направил предложения в Министерство просвещения о назначении специальных инспекторов для таких заведений по аналогии с практикой в Казани и Оренбурге. В 1890 г. эти предложения были реализованы – мусульманские школы и медресе стали находиться под постоянным надзором администрации и министерства (ЦГА РУз. Ф. И-2282. Оп. 1. Д. 1604. Л. 269).

Царское правительство, стремясь к «идеологической колонизации» отдалённых территорий, рассматривало образование как инструмент политики. В этом ключе миссионер Н. Ильминский обосновал целесообразность перехода мусульманских народов на русскую графику (Ильминский 1892: 5-15). Вслед за этим первые школы И. Алтынсарина в Тургайской и Иргизской областях использовали русскую кириллицу, а учебные пособия для казахских детей стали издаваться на русском языке.

Тем не менее, в течение длительного времени в Казахской степи обучение на мусульманской основе сохранялось, занятия проводились летом в юртах, зимой – в домах. Группы насчитывали не более 10-12 человек, обучались дети в возрасте от 8 до 17 лет, продолжительность обучения составляла от 5 до 8 лет. Основной целью обучения являлось заучивание Корана и изучение религиозных книг («Иман шарт» (Условие веры), «Шаригат ул-иман»), а также освоение письма, чтения и элементарной арифметики. Оплата обучения устанавливалась местными муллами и нередко для детей бедняков производилась трудом или натуральным обменом – например, скотом.

В городских медресе обучалось 50-60 учеников, которым преподавали кадры с образованием из Бухары, Стамбула, Казани, Уфы, Оренбурга и Омска. Они обучали основам Корана, арабскому языку, риторике и восточной литературе; иногда также вводились естественные науки – медицина, физика, химия, астрономия, ботаника, алгебра, геометрия (Мироппев, 1901: 54).

1 марта 1893 г. указом вводится фиксированная плата за обучение: ученики начальных классов платили 3,50 сома, старшей ступени – 7 сомов. Средства регистрировались и направлялись на увеличение образовательной инфраструктуры, в частности для оформления новых педагогических

ставок и регистрации учебных заведений. Зарплата учителям выплачивалась с государственной казны (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 10).

В конце XIX – начале XX в. стремительно распространялся в регионе джадидизм – движение за модернизацию мусульманского образования. Новая методика предусматривала расширение учебного плана: география, история, математика, естественные науки, русский язык – вдобавок к религиозным дисциплинам. В основу реформы лёг проект, разработанный Хусайном Файызхановым из Санкт-Петербургского университета, предусматривавший десятиклассное образование с курсовыми предметами на нескольких языках (турецком, персидском, арабском, русском), а также с сохранением шариатского компонента. Программа предусматривала дальнейшее деление учащихся на религиозный и светский профиль. Финансирование было предусмотрено как из казённого бюджета, так и из частных пожертвований (Абдуллин, 1976: 199).

Этот проект не получил официальной поддержки правительства, однако многие татарские медресе и мусульманские школы в Степи стали применять реформированный подход. Исмаил Гаспринский активно продвигал джадидизм через газету «Тарджиман» (Переводчик), призывая к отказу от традиционного образования.

Мнения реформаторов активно распространялись в Туркестане, однако встречали сопротивление со стороны кадимистов (сторонники сохранения исламского образа жизни). В 1911 г. Жумагали Арыстанов издал книгу «Раддия», критикующую джадидов как отколовшихся от ислама (Бущик, 1961: 215). В сентябре 1914 г. Науан Хазрет на ярмарке в Кокшетау призвал родителей не отдавать детей в новые школы (Мусулман сьезі..., 1914: 125).

В конце XIX – начале XX вв. были открыты многочисленные новые медресе – «Хусаиния», «Расулия», «Галия» и другие – в Оренбурге, Омске, Троицке, Ташкенте, Бухаре и Туркестане. Казахские учащиеся получали образование там. По данным этнографа М.А. Миропиева, в медресе «Галия» наряду с религиозными дисциплинами преподавали и естественные науки, обучение длилось с сентября по май, занятия проходили 3–4 дня в неделю, после чего ученики занимались самостоятельно и имели летний учебный отпуск, а также каникулы во время религиозных праздников (Миропиев, 1901: 54).

Медресе «Галия» было оснащено лабораториями и библиотекой, куда поступали издания на татарском, русском, арабском и турецком языках. Организовывались диспуты, лекции, литературные вечера и выпускались рукописные журналы. Казахскими учениками были выпущены первые учебники на казахском языке – «Алиппе яки тоте оку» (Букварь или прямое чтение) и «Орнек» (Узор) – а также журнал «Садак» (Лук) (1913–1914), содержащий литературные произведения и материалы фольклора (Байсеитов, 1912: 236).

Финансовую поддержку новым медресе обеспечивали богатые меценаты (Сабитов, 1950: 39). В Верном, Аксу, Капале, Зайсане и Карагале открывались учреждения «Мамания», «Якобия», «Казакия», «Гизатия», «Амирия» и др. Например, в карагальском медресе «Амирия» к 1912 г. обучалось более 150 учеников.

Медресе «Мамания» было основано в 1899 г. в Аксу при активной поддержке местного просвещённого деятеля Мамана Калкабайулы и его детей. Изначально оно функционировало исключительно как религиозное учебное заведение с преподаванием на основе арабской графики. С 1904 г. под руководством Сейтбаттала и Есенгула Турсыбековых оно перешло на «новую методику» обучения, были введены современные педагогические средства и оборудование. Однако официальная регистрация медресе состоялась лишь в 1912 г.

Преподавательский состав «Мамании» включал выпускника Каирского университета – Габдолгазиза Мусагалиева, Файзырахмана Жахангерова, окончившего исламский факультет в Стамбуле, а также выпускников Уфимского медресе «Галия» – М. и Ф. Есенгелдиных, педагога Мустакима Малдыбаева и певицу Майру Уаликызы, а также представителя интеллигенции Барлыбека Сырттанова. Образовательный процесс строился по программе, заимствованной у медресе «Галия» и согласно учебному плану с 1-го по 5-й класс включал предметы: казахский язык, арифметику, «Иман шарт», Коран, русский язык, историю пророков, географию, зоологию, историю ислама, историю татар и хадисы. В дальнейшем выпускники «Мамании» продолжали обучение в крупных центрах – Уфе, Оренбурге.

Медресе «Якобия» было открыто без официального разрешения. Преподавателями стали выпускники «Хусайнии» (Оренбург) – Ракымжан Атаныбаев и Капальского мусульманского училища – Хафиз Кадыров, однако ни один из них не имел документального подтверждения педагогической лицензии. Учебное заведение состояло из четырёх отделений (классов), рассчитанных исключительно на обучение мальчиков. В первом отделении преподавали «Мухтахаб-алиппе» (учебник по чтению Корана) и «Карагат Иптидаия» (элементарное чтение). Во втором – продолжение изучения указанных учебников, арифметика, «Бидаят-Ислам», а также начальные курсы рисования по Вертеру и Тихомирову. В третьем и четвёртом отделениях программа усложнялась и включала: «тюркские» курсы, арифметику по Евтушевскому и Гильмихалю, географию, историю ислама («Тарих-Амбия»), арифметику по Габбасову и грамматику сафи-тюрк. Учебники были изданы в Казани в 1909–1910 гг. издательствами Садак, Магариф, Иел и Каримов (Аршаруни, Габидуллин, 1931: 135-136).

В открытой в Капале без официального разрешения женской школе под названием «Сынып» (Класс) мусульманские предметы преподавала Гүлписа Атнабаева, не имевшая лицензии на преподавание, а русский язык – Наталья Усова, обладавшая лицензией от инспектора народного училища. Обучение в медресе включало четыре ступени, и поскольку отсутствовала официально утверждённая учебная программа, они опирались на программу медресе «Якобия» и использовали их учебники (Аршаруни, Габидуллин, 1931: 136).

Все мусульманские медресе преподавали казахский язык и историю. Например, в медресе «Шамсия» уроки истории подразделялись на два направления: историю религии и историю тюркских народов. Согласно учебной программе эти предметы преподавались на высоком уровне и имели системный характер.

В «Шамсии» использовались учебники, изданные в Казани и Оренбурге, а по завершении обучения выдавались свидетельства об окончании (Адамбосынов, 2003: 12).

В медресе «Казакия» в Зайсане обучение включало шесть классов: тахзили, четыре ибтидаия и один рамди, при этом в 1911-1912 гг. в медресе обучалось свыше ста учащихся. Учебный процесс обеспечивали три преподавателя. В медресе было 5-6 комнат, одна из которых предназначалась для молитвы, а в двух комнатах детям читали лекции. В одной из двух комнат для учителей была спальня, а в другой – кухня. Поддержку медресе осуществляли местные торговцы: Фадахмет Букин, Сулеймен Мергенбаев, Кыстаубай Кыдыралаи и другие. А управляли и были учредителями медресе имам Абдрахман Сафарнадиев и его родственники. Учебное заведение получало специальные газеты и журналы из-за рубежа и России. В качестве учителей были специально приглашены два казахских преподавателя, окончивших в 1913 г. медресе «Галия» в Уфе. Им платили 500 рублей в год (Карасуи, 1913: 65-66).

В мусульманских школах и медресе Степного края, например, в медресе Габдулвалиевых в городе Верный, преподавание велось по таким учебникам, как «История татар» Е. Убайдулина и «История тюрко-татар» З. Уали. Наряду с ними широко использовались учебные пособия, напечатанные в типографиях г. Казань, включая «Азбуку для казахов (киргизов)» (1892), «Русско-казахский разговорник» А.С. Алекторова (1901), «Краткий русско-казахский словарь» (1910), «Первый учебник русского языка для казахских детей» и другие книги. Однако эти пособия не были лишены недостатков. По мнению известного казахского публициста М. Сералина, главная проблема заключалась в том, что эти книги были написаны не на родном языке, а заимствованы у других народов (Сералин, 1912: 162). Один из представителей казахской интеллигенции, Мустахим Малдыбаев, также высказывался за то, чтобы в мусульманских школах и медресе учебные материалы преподавались на родных языках народов (Есенгелдин, 1912: 160-161).

Число учащихся мусульманских школ с каждым годом увеличивалось. Однако царские власти, опасаясь распространения панисламизма и пантюркизма, стремились либо закрыть такие школы, либо преобразовать их в смешанные, вводя обучение на русском языке. Так, 3 мая 1914 г. директор училища, направленный в Иргизский уезд Тургайской области, в своём докладном письме подчеркнул необходимость срочного введения русских классов в подобные школы (ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 178. Л. 83).

В учебное время также было запрещено отмечать праздник Курбан-айт, и за нарушение этого запрета учащихся немедленно отчисляли. Например, после одного такого инцидента в учебном заведении в Кустанае несколько учеников были исключены, а о случившемся было доложено генерал-губернатору Тургайской области (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 336. Л. 25).

Большую помощь мусульманским школам и медресе в Казахской степи оказывали просветительские общества. Такие организации начали возникать в казахских городах ещё в конце XIX в. Так, в 1870 г. в городе Зайсан было учреждено общество «Джамгит мағариф» с целью поддержки мусульманских учеников. Членами общества были мусульмане из Зайсанского и Семипалатинского уездов, которые регулярно вносили членские взносы в размере четырёх сомов. Финансовые отчёты о расходовании средств регулярно представлялись казначеем общества на собраниях, а деятельность общества контролировалась специальной комиссией. Основу учредителей общества составляли татарские купцы (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 405. Л. 74).

Общество «Джамгит мағариф» оказывало материальную поддержку учащимся медресе, обеспечивало учебные заведения необходимыми принадлежностями и преподавательскими кадрами. Кроме того, оно помогало выпускникам поступать в высшие учебные заведения в крупных городах. Подобную помощь общество оказывало, в частности, школе «Гизатия» в Зайсане (Миниханов, 2016: 75).

В 1888 г. в Семипалатинске было основано Общество начального образования. В 1892–1893 гг. оно насчитывало девять почётных и 204 действительных члена. В 1893-1894 гг. членами общества стали известные в крае личности – Н. Альжанов, К. Бисеев, А. Жакыпов, А. Жексанаев, Б. Жангелдин, А. Кунанбаев, М. Кунанбаев, Т. Нурекенов и другие. Общество поддерживало школы и медресе, снабжая детей из бедных семей учебными принадлежностями и одеждой. Оно также способствовало пополнению городских библиотек книгами и другими необходимыми материалами. Через десять лет, в 1898 г., в Семипалатинске было создано мусульманское благотворительное общество, которое занималось обеспечением бедных и нуждающихся одеждой, продуктами, медицинской помощью и временным жильём. Осиротевшие дети устраивались в приют, где им предоставлялись питание, одежда и обучение. Кроме того, общество оказывало финансовую помощь для поступления в учебные

заведения. В его распоряжении находились собственная кухня, приют, общежитие, больница и библиотека. Финансирование осуществлялось за счёт взносов и пожертвований 28 мусульман – учредителей и членов (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 401. Л. 81-92).

Женщины-мусульманки также участвовали в работе общества, регулярно выплачивали членские взносы и принимали активное участие в его мероприятиях. К примеру, первая журналистка казахского происхождения, преподаватель Назипа Кулжанова стала членом Семипалатинского отделения Русского географического общества «Азамат сериктестиги» (Гражданское партнёрство), участвовала в организации различных мероприятий в просветительно-культурной сфере, способствовала популяризации произведений казахского поэта Абая (Нурланулы, 2015).

Общество организовывало различные культурно-досуговые вечера, а средства, вырученные от таких мероприятий, направлялись на нужды общины. Все поступления в фонд общества фиксировались официально и регулярно проверялись (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 401. Л. 94).

В 1900 г. в Верном было создано Общество ревнителей просвещения, которое объединило около 120 членов. Его целью было содействие распространению просвещения среди всех народов. Оно организовывало воскресные школы и в 1907 г. при его содействии в городе была открыта библиотека для мусульман. В её фонд входили научные труды европейских и среднеазиатских авторов, а также книги и учебники, изданные в Казани, Оренбурге, Москве и Санкт-Петербурге. Учащиеся мусульманских медресе в Верном стали одними из самых активных читателей библиотеки (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 48845. Л. 18). Медресе «Мамания» также получало книги из этой библиотеки через Барлыбека Сырттанова (Галиев, 2001: 61).

В 1909 г. в Капальском уезде Жетысуской области было основано «Мусульманское просветительское и благотворительное общество», а в 1912 г. в городе Жаркент – «Общество мусульман-прогрессистов». Эти общества оказывали помощь не только в сфере образования, но и предоставляли материальную поддержку нуждающимся мусульманам, бедным поселенцам, пожилым людям, сиротам, вдовам и инвалидам (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1116. Лл. 68а-68б). Уставы этих обществ были официально утверждены и зарегистрированы у военного губернатора Жетысуской области. В их составе были представители казахов, татар, сартов и других народов (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3171. Л. 4).

5. Заключение

Мусульманские школы и медресе сыграли важную роль в развитии системы народного просвещения в Казахской степи. Определённая часть казахов, выпускников этих учебных заведений, активно участвовала в общественно-политической и культурной жизни казахского общества: они издавали газеты, журналы и учебники на казахском языке. Мусульманские просветительские и благотворительные общества также внесли значительный вклад в развитие образования и культуры. Они обеспечивали библиотеки книгами и периодикой, привлекали к своей деятельности учащихся медресе и местных жителей, организовывали благотворительные культурные вечера, концерты и театральные постановки, средства от которых направлялись на нужды населения. В ряде случаев общества брали на себя выплату заработной платы преподавателям.

Литература

- Абдуллин, 1976 – Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. Казань, 1976. 319 с.
- Адамбосынов, 2003 – Адамбосынов Қ. Қазақстан медреселеріндегі ұлт тарихы // Қазақ ордасы. 2003. №1. С. 12-18.
- Айкап, 2023 – «Айкап» журналы. 1912 жыл. Алматы: «Алашорда», 2023. 672 с.
- Алекторов, 1891 – Алекторов А.Е. Русско-казахская азбука. К мудрости ступенька. М., 1891. 114 с.
- Алекторов, 1898 – Алекторов А.Е. Киргизская хрестоматия. Сборник статей для перевода на русский язык для классного и домашнего чтения. Ч. 1. Оренбург, 1898. 84 с.
- Аршаруни, Габидуллин, 1931 – Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. 140 с.
- Байсеитов, 1912 – Байсеитов С. Басқармаға келген хаттар // Айкап. 1912. №10. С. 236.
- Бущик, 1961 – Бущик А.П. Очерк развития школьного исторического образования СССР. М., 1961. 540 с.
- Галиев, 2001 – Галиев В.З. Тюркская библиотека в Верном. Алматы: НБ РК, 2001. 112 с.
- Григорьев, 1862 – Григорьев В. О передач звуков киргизского языка буквами русской азбуки. Оренбург, 1862. 12 с.
- Есенгелдин, 1912 – Есенгелдин М. Тіл турасында // Айкап. 1912. №7. С. 160-161.
- Ильминский, 1883 – Ильминский Н.И. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань: Типография Императорского Университета, 1883. 47 с.
- Ильминский, 1892 – Ильминский Н.И. Избранные места из педагогических сочинений, некоторые сведения о его деятельности. О последних днях его жизни. Казань: Типография Императорского университета, 1892. 233 с.
- Казак, 2009 – «Казак» газеті 1913 жыл / Құраст. С.О. Смагулова, Г.К. Анес, Т.А. Замзаева. Алматы: Арыс, 2009. 480 б.

- Карасуи, 1913** – *Карасуи К.* Омскіден Алтайға саяхат // *Айқап*. 1913. №3. С. 65-66.
- Катаринский, 1897** – *Катаринский В.В.* Грамматика киргизского языка. Фонетика, этимология и синтаксис. Оренбург, 1897. 80 с.
- Миниханов, 2016** – *Миниханов Ф.Г.* Татарские предприниматели Казахстана и благотворительность (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии*. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2016. Вып. 5. 266 с.
- Мирописев, 1901** – *Мирописев М.А.* О положении русских инородцев. СПб., 1901. 521 с.
- Мусулман съезі..., 1914** – Мусулман съезі һақында // *Айқап*. 1914. №13. С. 125.
- Нурланулы, 2015** – *Нурланулы М.* Нәзипа Құлжанова – қазақ қыздарының шыққан тұңғыш журналист // *Электронный журнал e-history.kz*. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/kz/news/show> (дата обращения: 25.06. 2015).
- Остроумов, 1883** – *Остроумов Н.П.* Что такое Коран? Ташкент, 1883. 156 с.
- Остроумов, 1891** – *Остроумов Н.П.* Аравия и Коран. Казань, 1891. 278 с.
- Остроумов, 1904** – *Остроумов Н.П.* Отчет Туркестанской учительской семинарии за XXV лет ее существования. Ташкент, 1904. 78 с.
- Рахимкулов, 1975** – *Рахимкулов М.Ф.* Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. Оренбург, 1975. 342 с.
- Сабитов, 1950** – *Сабитов Н.* Мектебы и медресе у казахов. Алма-Ата, 1950. 44 с.
- Сералин, 2015** – *Сералин М.* Қазаққа тарих керек пе? // *Айқап*. 1912. №7. С. 162-165.
- Тажимаев, 1962** – *Тажимаев Т.* Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1962. 506 с.
- ЦГА РК** – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РУз** – Центральный Государственный архив Республики Узбекистан.
- Шоинбаев, 1982** – *Шоинбаев Т.Ж.* Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата: Казахстан, 1982. 279 с.

References

- Abdullin, 1976** – *Abdullin, Ya.* (1976). Tatarskaya prosvetitel'skaya mysl' [Tatar enlightenment thought]. Kazan, 319 p. [in Russian]
- Adambosynov, 2003** – *Adambosynov, Q.* (2003). Qazaqstan medreselerindegi ulttq tarix [The history of the Nation in Kazakh Madrasas]. *Qazaq Ordasi*. 1. [in Kazakh]
- Alektorov, 1891** – *Alektorov, A.E.* (1891). Russko-kazakhskaya azbuka. K mudrosti stupen'ka [Russian-Kazakh alphabet. A step to wisdom]. М., 114 p. [in Russian]
- Alektorov, 1898** – *Alektorov, A.E.* (1898). Kirgizskaya khrestomatiya. Sbornik statei dlya perevoda na russkii yazyk dlya klassnogo i domashnego chteniya. Ch. 1 [Kyrgyz reader. A collection of articles for translation into Russian for classroom and home reading. Part 1]. Orenburg, 84 p. [in Russian]
- Aykap, 2023** – «Aykap» jwrnali. 1912 jul [Journalist “Aykap”. 1912]. Almaty: «Alaşorda», 2023. 672 p. [in Kazakh]
- Arsharuni, Gabidullin, 1931** – *Arsharuni, A., Gabidullin, Kh.* (1931). Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii [Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia]. К., 140 p. [in Russian]
- Bayseitov, 1912** – *Bayseitov, S.* (1912). Basqarmağa kelgen xattar [Letters to management]. *Ayqap*. 10: 236. [in Kazakh]
- Bushchik, 1961** – *Bushchik, A.* (1961). Ocherk razvitiya shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya SSSR [An outline of the development of historical education in the USSR]. М., 540 p. [in Russian]
- Galiyev, 2001** – *Galiyev, V.Z.* (2001). Tyurkskaya biblioteka v Vernom [Turkic Library in Verny]. Almaty: National Library of RK, 112 p. [in Russian]
- Grigoriev, 1862** – *Grigoriev, V.* (1862). O peredach zvukov kirgizskogo yazyka bukvami russkoy azbuki [On the Transcription of Kyrgyz Language Sounds Using Russian Letters]. Orenburg, 12 p. [in Russian]
- Esengeldin, 1912** – *Esengeldin, M.* (1912). Til turasında [About language]. *Ayqap*. 7: 160-161. [in Kazakh]
- Ilimsky, 1883** – *Ilimsky, N.I.* (1883). Iz perepiski po voprosu o primenenii russkogo alfavita k inorodcheskim yazykami [From the correspondence on the issue of applying the Russian alphabet to foreign languages]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 47 p. [in Russian]
- Ilimsky, 1892** – *Ilimsky, N.I.* (1892). Izbrannyye mesta iz pedagogicheskikh sochineniy, nekotoryye svedeniya o yego deyatelnosti. O poslednikh dnyakh yego zhizni [Selected passages from his pedagogical works, some information about his activities. And about the last days of his life.]. Kazan: Imperial University Press, 233 p. [in Russian]
- Qazaq, 2009** – *Kazak, gazetı* [Qazaq Newspaper]. 1913. Comp. S.O. Smagulova, G.K. Anes, T.A. Zamzaeva. Almaty: Arys, 2009. [in Kazakh]
- Karasui, 1913** – *Karasui, K.* (1913). Omskiden Altaiga sayakhhat [Travel from Omsk to Altai]. *Ayqap*. 3: 65-66. [in Kazakh]
- Katarynsky, 1897** – *Katarynsky, V.* (1897). Grammatika kirgizskogo yazyka. Fonetika, etimologiya i sintaksis [Grammar of the Kyrgyz language: phonetics, etymology, and syntax]. Orenburg, 80 p. [in Russian]

- Minikhanov, 2016** – *Minikhanov, F.G.* (2016). Tatarskiye predprinimateli Kazakhstana i blagotvoritel'nost' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). [Tatar Entrepreneurs in Kazakhstan and Charity (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Aktual'nye problemy otechestvennoi i zarubezhnoi istorii, filologii. Kazan': Izd-vo Akademii nauk RT Vyp. 5. 266 p. [in Russian]
- Miropiev, 1901** – *Miropiev, M.A.* (1901). O polozhenii russkikh inorodtsev [On the Situation of Russian aliens]. SPb, 521 p. [in Russian]
- Musulman sezi..., 1914** – Musulman sezi xaqında [At the Muslim congress]. *Ayqap*. 1914. 13: 125. [in Kazakh]
- Nurlanuli, 2015** – *Nurlanuli, M.* (2015). Nazipa Quljanova – qazaq qızdarınıñ shıqqan tuñğısh jwrnalıstı [Nazipa Kulzhanova is the first female journalist from Kazakhstan]. *Electronic magazine e-history.kz*. 25.06. [Electronic resource]. URL: <https://e-history.kz/kz/news/show/> [in Kazakh]
- Ostroumov, 1891, 1883, 1904** – *Ostroumov, N.P.* (1891, 1883, 1904). Chto takoye Koran? [What is the Quran?]. Tashkent, 156 p.; Araviya i Koran [Arabia and the Quran]. Kazan, 278 p.; Otchet Turkestanskoy uchitel'skoy seminarii za XXV let yeye sushchestvovaniya [Report of the Turkestan Teacher's Seminary on the 25th Anniversary of Its Existence]. Tashkent, 78 p. [in Russian]
- Rakhimkulov, 1975** – *Rakhimkulov, M.F.* (1975). Medrese «Khusainiya» v Orenburge [The Khusainiya Madrasa in Orenburg]. Orenburg, 342 p. [in Russian]
- Sabitov, 1950** – *Sabitov, N.* (1950). Mekteby i medrese u kazakhov [Mektebs and Madrasas among the Kazakhs]. Almaty, 44 p. [in Russian]
- Seralin, 1912** – *Seralin, M.* (1912). Qazaqqa tarix kerek pe? [Do Kazakhs need history?]. *Ayqap*. 7: 162-165. [in Kazakh]
- Tazhibayev, 1962** – *Tazhibayev, T.* (1962). Prosveshcheniye i shkoly Kazakhstana vo vtoroy polovine XIX veka [Education and schools of Kazakhstan in the second half of the 19th century]. Alma-Ata, 506 p. [in Russian]
- TsGA** – Tsentral'nyy Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].
- TSGA RUz** – Tsentral'nyy Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archives of the Republic of Uzbekistan].
- Shoinbaev, 1982** – *Shoinbaev, T.* (1982). Dobrovol'noye vkhozhdeniye kazakhskikh zemel' v sostav Rossii [The Voluntary Accession of Kazakh Lands to Russia]. Alma-Ata: Kazakhstan, 279 p. [in Russian]

К вопросу о мусульманских учебных заведениях и просветительских обществах в Казахской степи (конец XIX – начало XX в.)

Светлана Одеповна Смагулова ^{a, *}, Жанар Аделхановна Кудайбергенова ^a,
Нурслу Кенебаевна Дюсенова ^b, Толкын Аманжоловна Бекбаева ^a

^a Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье на основе архивных материалов, печатных изданий и научных исследований анализируется структура и деятельность мусульманских медресе и культурно-просветительских организаций, сформировавшихся на территории Казахской степи в конце XIX – начале XX в. Авторы рассматривают влияние развивающегося в тот период мусульманского движения на сферу просвещения, в частности, на образование в медресе, а также распространение новаторского течения — джадидизма. На конкретных примерах показаны особенности этого движения. Рассматриваются программы и учебные дисциплины, преподаваемые в новых по духу медресе, таких как учреждение Габдулвалиевых в Верном, «Мамания» в Аксу, «Якобия» в Капале, «Казахия» и «Гизатия» в Зайсане, «Амирия» в Каргалы, в сравнении с системой преподавания в русско-туземных школах. Выявлены особенности учебного процесса, вопросы привлечения казахских детей к обучению, а также пути обеспечения учащихся учебными материалами. Кроме того, проведён анализ деятельности обществ, таких как «Джамгиат маариф» в Зайсане, мусульманское благотворительное общество в Семипалатинске, Общество ревнителей просвещения в Верном и других. Даётся оценка их роли в казахском обществе.

Ключевые слова: медресе, культурные организации, просветительские общества, джадидизм, мусульманское движение, административные реформы, благотворительность, Н. Ильминский, ислам, Оренбургское муфтийство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: adep_s68@mail.ru (С.О. Смагулова), zhanaradoc@gmail.com (Ж.А. Кудайбергенова), nur_sulu@mail.ru (Н.К. Дюсенова), t.a.bekbaeva@mail.ru (Т.А. Бекбаева)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1940-1949
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1940

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Content and Significance of N.M. Yadrintsev's Expedition to the Altai Mountain District in 1880

Alexander V. Golovinov ^{a, *}, Zhamaladen Ibragimov ^b, Vyacheslav A. Dolzhikov ^a, Konstantin A. Ishekov ^{c, d}

^a Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^c Synergy University, Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The study is aimed at identifying the substantive significance of the expeditionary activities of the pre-revolutionary traveler and public figure Nikolai Mikhailovich Yadrintsev for the resettlement policy pursued in the Russian Empire. The object of the analysis was the expedition of the famous Siberian to the Altai Mountain District, which took place in 1880. The source base of the work was composed of written and published sources, such as publications about the trip to Altai in periodicals of the imperial period of Russian history. Also included in the work were the books of N. M. Yadrintsev "Siberia as a Colony" and "Siberian Foreigners. Their Life and Current Situation". Ego-sources, such as autobiographical notes, where the author explains his impressions of the Russian Altai, were also important. Methodologically, this study is based on the methodology of narrative history. The method of cognition, in our opinion, will contribute to the identification and reconstruction of discursive moments and, accordingly, key facts and information for understanding the significance of the Altai wanderings of the famous Siberian.

The authors have established that the scientific reports of N.M. Yadrintsev on the expeditions of 1879 and 1880 and the articles written on their basis "A Trip to Western Siberia and to the Gorno-Altai District", "On Maral Breeding in Altai" and others are of scientific value today. Subsequently, the researcher placed the results of his scientific work in the form of a whole series of publications in the national periodical press. He fruitfully collaborated with the editors of many Russian publications from 1864 until his death. Articles by N.M. Yadrintsev was readily published in his time by Vestnik Evropy, Delo, Nedelya, Otechestvennye zapiski, Russkie vedomosti, Russkaya zhizn, Russkoe slovo, Russkoe bogatstvo, Sibirskaya zhizn, Tomskie gubernskie vedomosti and other leading newspapers and magazines. It is emphasized that the main result of the expedition was the demonstration of the natural resources of Gorny Altai and Southern Siberia as a whole, as well as informing the public and administration about the positive experience of ethnocultural interaction on the Altai land.

Keywords: N.M. Yadrintsev, Siberia, Altai, resettlement policy, Russian Empire, regionalism, ethnographic expeditions, development of Siberia.

1. Введение

Переселенческая политика и освоение Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX века были одними из ключевых в комплексе государственных задач Российской империи. Использование потенциала кладовых запасов этих территорий было нацелено не только на рост материального благосостояния огромной страны, но и на продвижение русской культуры и мягкого инкорпорирования автохтонного населения востока страны в единое полиэтничное государственное образование. К тому

* Corresponding author

E-mail addresses: alex-golovinov@mail.ru (A.V. Golovinov)

же отдалённые регионы и глубокие провинции дореволюционной России обладали различным ресурсным потенциалом и имели неодинаковое геостратегическое положение, в том числе для обеспечения охраны государственных границ. Отечественные чиновники тогда формулировали смелые цели по точечному подходу к освоению сибирских просторов. Ставка делалась не только на административные управленческие рычаги, но предпринимались плодотворные попытки инициации деятельности учёных, путешественников и общественников в области подготовки неких практико-ориентированных экспертных заключений о пригодности к освоению определённых территорий и их будущего значения для русского мира. Так, выдающийся общественный деятель, путешественник и публицист Николай Михайлович Ядринцев стал частью этого нужного процесса. Под покровительством и материальной заботой Русского географического общества и института генерал-губернаторства он несколько раз осуществлял экспедиции вглубь Алтайского горного округа. По результатам его наработок прояснялся вопрос о положении местных аборигенов и их взаимоотношениях с пришлым русским крестьянством. Все эти данные проливали свет на степень ассимиляции в Сибири русских старожилов и автохтонных инородцев и рисовали панораму возможностей использования плодородной почвы Алтая на благо российского государства, причём с его опытом мирного сосуществования местных с переселенцами. Потому обращение к результатам экспедиций известного сибиряка может иметь эвристическое значение для истории переселенческой и колонизационной политики имперского периода отечественной истории. В настоящем исследовании как раз и будет осуществлена попытка показать содержание и значение второй экспедиции Н.М. Ядринцева в горный Алтайский округ в 1880 году.

2. Материалы и методы

Основу работы составляют главным образом письменные исторические источники – публикации Н.М. Ядринцева в периодической печати, это, прежде всего, издания: «Дело», «Русская мысль», «Исторический вестник», «Восточное обозрение», «Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО» и другие. Также к работе привлекались его книги: «Сибирь как колония» и «Сибирские инородцы. Их быт и современное положение». Значение имели и эго-источники, такие как автобиографические заметки, где автор поясняет свои впечатления от русского Алтая и вписывает экспедиционные путешествия в канву своей незаурядной жизни и профессиональной деятельности. Аналитике подвергались эпистолы того времени к различным адресатам, что позволяет расширить данные о сборах и настрое Николая Михайловича к грядущим странствиям.

Поскольку источниковая база исследования основана на публицистике и опубликованных документах, то адекватным считаем выбор в пользу методологии нарративной истории. Способ познания, по нашему мнению, будет содействовать выявлению и реконструкции дискурсивных моментов и, соответственно, ключевых фактов и сведений для понимания значения алтайских странствий известного сибиряка. Нарратология, применительно к историческим исследованиям, существенно расширяет роль личности с её мировоззренческими установками в событиях общегосударственной важности и помогает вписать опыт определённой персоналии в эпохальные исторические события, заключённые в дискурсивные формы. В этом смысле устанавливается диалог между нарративами, исходящими от потребностей страны, с посылами конкретной личности.

3. Обсуждение

Отечественная и зарубежная историография стабильно обращается к наследию основоположника движения сибирских областников, путешественника и публициста Николая Михайловича Ядринцева. Для современных работ характерен междисциплинарный подход, при котором познаются самые разнообразные вехи деятельности сибирского просветителя. Исследовательские задачи реализуются представителями разных научных направлений. Историки, философы, юристы, филологи и другие познают всё новые и новые грани творческого и научного наследия просветителя. Одними из ведущих учёных в этом направлении можно по праву считать сибирских историков. Такие учёные, как В.А. Должиков ([Dolzhiikov et al., 2025](#)), Л.М. Дамешек ([Дамешек, 2022](#)), С.Ф. Фоминых ([Fominykh et al., 2019](#)), М.В. Шиловский ([Шиловский, 2024](#)), В.В. Шевцов ([Шевцов, 2024](#)), Ю.Б. Костякова ([Костякова, 2018](#)) и другие, обращаются к публицистике сибирского областника и всесторонне демонстрируют её как уникальный источник не только по изучению персональной истории Н.М. Ядринцева, но и как индивидуализированную сумму данных об истории Сибири.

В данном корпусе историографии раскрывается значение идей героя нашей публикации для понимания национальной и региональной политики Российской империи. Историками также обозначается его роль как просветителя, оказавшего ключевое воздействие на открытие первого университета в Азиатской части России, акцентируется его жажда заграничных путешествий для получения дополнительных параметров колонизационных процессов в мире и применимости их на сибирских пространствах. Учёные не забывают упомянуть о той подвижнической работе Николая Михайловича, которая значительно поспособствовала формированию провинциальной интеллигенции.

Литературоведы и специалисты в области языкознания, такие как Н.В. Жиликова (Жиликова, 2024), А.Ш. Бик-Булатов (Бик-Булатов, 2019), В.Н. Яранцев (Яранцев, 2023), А.В. Смольянинов (Смольянинов, 2024) и другие, рассматривают жанровые характеристики литературно-публицистического наследия известного сибиряка, такие как фельетоны, поэзия, романистика, журналистика. В целом Н.М. Ядринцев репрезентуется как талантливый писатель, создатель провинциальной газетной и журнальной периодики. Раскрывается его роль как знатока региональной прессы, администратора отдельных органов печати и активного участника провинциальной литературной жизни.

Философы и юристы также обращаются к идейному миру «достойного сына Сибири». В философских работах А.В. Малинова (Malinov, 2024) акцентируются теоретические построения сибирских областников, их философские искания, идеалы и ценности. Учёный понимает областничество Н.М. Ядринцева как самостоятельное направление в истории русской мысли. По его мнению, можно выделять четыре разновидности регионализма: русский, украинский, сибирский и западный русизм (западнорусизм), которые объединяли принципы федерализма.

Юрист-исследователь К.К. Кораблин (Кораблин, 2018) обращается к историографии отечественного тюрьмоведения и относит Николая Михайловича Ядринцева с его книгой «Русская община в тюрьме и ссылке» к видным русским пенитенциаристам. Он отмечает нарратив исправления преступников, который был также присущ работам областника. В целом автор положительно оценивает статистические сведения, собранные сибирским мыслителем о труде как средстве исправления арестантов.

Историк государства и права, известный специалист по истории ссылки как наказания в дореволюционной России, А.А. Иванов (Иванов, 2022) также отмечает роль деятельности Н.М. Ядринцева в истории ссыльной системы. Профессор акцентирует значение его публикаций о ссылке как неэффективном уголовном наказании, которое к тому же не полностью закрывало колонизационные задачи освоения пространств Сибири и Дальнего Востока.

4. Результаты

В имеющихся публикациях на данную тему многие авторы отмечают, что в ходе второй комплексной экспедиции 1880 года Н.М. Ядринцев изучал практически все виды экономической деятельности местного населения: земледелие, скотоводство, пчеловодство, рыболовство, сбор кедровых орехов, торговлю. «Путешествие в 1880 г. совершено мной, – вспоминал Н.М. Ядринцев, – на счет Зап.-Сиб. Отд. Геогр. О-ва вместе с командировкой от Главного Правления. Кроме средств от Отдела на командировку я получил казенных денег всего 100 рублей на прогоны, на одну лошадь, и из них возвращено в казну 30 рублей» (Ядринцев, 1904: 252). Во время этой научно-исследовательской поездки он уделял основное внимание этнографии Алтая, обратив пристальный взгляд на «иностранческий вопрос», который позднее стал органичной частью наиболее ценных результатов его этнографических исследований. Ядринцев убедился здесь в том, что русское население проникло далеко вглубь территории, занимаемой аборигенами-иностранцами Горного и Степного Алтая. Без ложной скромности сам Н.М. Ядринцев считал постановку вопроса о сибирских иностранцах своей главной научной и общественной заслугой.

Ему и правда удалось вывести данный вопрос на новый качественный уровень, дополнив существовавшую тогда в отечественной этнографии научную лексику понятием «иностранческая культура». Данная тема увязывалась с ранее сформулированными Н.М. Ядринцевым положениями о взаимной ассимиляции в Сибири русских старожилов и автохтонных иностранцев, послужившей началом процесса формирования здесь особого сибирско-областного антропологического и культурно-психологического типа русской народности (Ядринцев, 1874).

Хотя Николай Ядринцев и апеллировал к общим антропологическим, историко-цивилизационным и этнологическим проблемам культуры, эти его рассуждения не были чисто теоретическими. В более широком смысле они были подчинены поиску оптимального практического решения всего спектра «сибирских вопросов». Областники ведь хорошо понимали, что эти вопросы могут быть решены только в случае реформирования административно-политической системы во всей России. Будучи по своим взглядам ближе к народникам, чем к так называемым либералам и прогрессистам (вроде К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина), они признавали авангардную роль народничества в общенациональной постановке крестьянского вопроса. Но в Сибири к нему, с точки зрения областников, требовалось присовокупить вопрос иностранческий. Связь данного вопроса с крестьянским, переселенческим и с проблемой отмены «штрафной» колонизации Сибири Г.Н. Потанин комментировал следующим образом: «В работе “Сибирь как колония” Ядринцев делает закладку будущего Сибири, является адвокатом не какой-нибудь одной расы или класса, а адвокатом области как целого. Вторую книгу он посвящает ссыльному элементу сибирского населения, в большинстве принадлежащего к русскому, т.е. господствующему в колонии племени, но не имеющему (видимо) шансов на участие в строительстве будущего колонии <...> В третьей книге (т.е. монографии “Сибирские иностранцы. Их быт и современное положение. СПб., 1891”)

занимается судьбой инородческого элемента <...> Эти два последние элемента, по природе своей совершенно различные, имеют одно общее: это два оселка, на которых пробуеться степень гуманности сибирского патриотизма. И ссыльные, и инородцы одинаково несчастные люди» (Потанин, 1907: 48-50). Можно добавить к этой характеристике, что наравне с вышеперечисленными группами подданных империи русских крестьян также следует отнести к категории «одинаково несчастных». Ядринцев недаром акцентировал очевидное нежелание государственной российской власти решать инородческий вопрос «на началах гуманности» (Ядринцев, 1891: 154). А тем временем такое отношение со стороны государства к своим подданным лишь дополнительно способствовало росту эмоционального отчуждения всех сибиряков, независимо от этнического происхождения, от Империи-«мачехи».

Будучи современником эпохи великих империй XIX столетия и господства традиционной системы классического колониализма, Н.М. Ядринцев использовал довольно часто понятие «раса» в своих работах, посвящённых культурно-этническому взаимодействию русских крестьян и аборигенов Сибири. «Ревнителю цивилизации и неприкосновенности славянской расы уже указывают нам, – отмечал он в одной из публицистических статей, – опасность понижения расы и потери ее лучших качеств...» (Ядринцев, 1882: 3). Данный факт им вовсе не отрицался, хотя и не считался фатально неизбежным. Так, рассуждая на тему добровольного метисного смешивания русского населения с инородческими этносами Сибири, Ядринцев предлагал нейтрализовать «понижение расы», в общем свойственное русским сибирякам-старожилам, «повышением цивилизации». Для того, «чтобы уравновесить потерю наших культурных и расовых черт на азиатском Востоке...», – доказывал этнолог-областник, – необходимо «поднятие гражданственности, просвещения и способствование гражданскому росту передовой колонии, и устранение всех задержек и препятствий этому развитию» (Ядринцев, 1882).

Во время своей исследовательской миссии 1878 и 1880 года Н.М. Ядринцев получил не только новые материалы по этнографии алтайских «инородцев» и русских старообрядцев («каменщиков» и «поляков»), но и географические данные о неисследованных ранее территориях Алтая. «Ввиду обширности района, – отмечал он, – затруднительности путей, перевалов и через хребты, Алтай можно исследовать только по частям. Поэтому я решил, сообразно расчёту времени, исследовать только часть Алтая, предприняв поездку в северной части Алтая сообразно своим задачам...» (Ядринцев, 1879; Ядринцев, 1880; Ядринцев, 1881). Кроме составленных им лично подробных карт горных и предгорных местностей, данных метеорологических замеров и наблюдений, полученных во время экспедиции, он обнаружил основанные совсем недавно русскими крестьянами населённые пункты и заимки.

В 1880 году по результатам его второй экспедиции были составлены географические карты Телецкого озера, реки Чуи и её притоков, проведено много антропологических исследований. Ядринцев посетил почти все районы Алтая, включая центральную и высокогорную области. Поездка завершилась в конце сентября 1880 года, когда Н.М. Ядринцев уже из Кузнецка выехал в родной Томск. Октябрь и часть ноября он провёл в этом городе, где выступил с публичной лекцией о своём путешествии в Алтайский округ. Затем Ядринцев отправился в Омск. Декабрь 1880-го и январь 1881-го года Ядринцев занимался составлением отчёта для генерал-губернатора и отдела ИРГО. На основе материалов отчёта в 1881 году были опубликованы как, собственно, сам отчёт, так и статья «Алтайцы и черневые татары». В ней представлено этнографическое исследование многих бытовых сторон жизни аборигенов Алтая, характеристика развития в крае мараловодства и большой очерк о кустарной промышленности юга Сибири (Ядринцев, 1880: 147).

Посетив Алтай дважды, Н.М. Ядринцев смог дополнить имевшиеся к тому времени географические карты горной местности округа новыми деталями. Он составил подробное описание своих метеорологических наблюдений, а также опубликовал книги и статьи по этнографии алтайских «инородцев». За свои научные заслуги Ядринцев в 1881 году был награждён золотой медалью Императорского Русского географического общества.

Его научные отчёты об экспедициях 1879 и 1880 года и написанные на их основе статьи «Поездка по Западной Сибири и в Горно-Алтайский округ», «О мараловодстве на Алтае» и другие представляют научную ценность и в наши дни. Впоследствии результаты своих научных работ исследователь разместил в виде целого цикла публикаций в отечественной периодической печати. Он плодотворно сотрудничал с редакциями многих российских изданий начиная с 1864 года и вплоть до самой своей кончины. Статьи Н.М. Ядринцева охотно публиковали в своё время «Вестник Европы», «Дело», «Неделя», «Отечественные записки», «Русские ведомости», «Русская жизнь», «Русское слово», «Русское богатство», «Сибирская Жизнь», «Томские губернские ведомости», другие ведущие газеты и журналы.

26 октября 1881 года Ядринцев выступил на «Сибирском обеде» в столичной гостинице «Демут» с публичной лекцией о современном культурном и промышленном развитии Сибири, посвящённой 300-летию присоединения края к Российскому государству (Ядринцев, 1881b: 834). Ещё раз он озвучил вновь ту же самую тему в своём докладе на торжественном заседании Общества для содействия русской промышленности и торговле 6 декабря 1882 года (Ядринцев, 1884: 40).

Частично лишь некоторые из реформаторских идей, предлагавшихся Н.М. Ядринцевым, были осуществлены при его жизни. «Генерал-губернаторство Западной Сибири, – констатировал он в конце марта 1882 года – уничтожено. Будем ждать затем земства и суда» (Ядринцев, 1980: 252). В 1882 году генерал-губернаторство в Омске, действительно, упразднилось, а Тобольская и Томская губернии переводились на одинаковое положение со всеми губерниями Европейской России. Однако взамен было учреждено Степное генерал-губернаторство с центром в Омске, куда вошли Акмолинская, Семипалатинская и Тургайская области. Введения земств и реформы суда Ядринцеву так и не суждено было увидеть: при отсутствии в Сибири дворян-помещиков земства казались имперской власти слишком демократичными, а потому опасными учреждениями (ограниченно, не для всех частей Сибири, земства вводились решением III Государственной Думы в 1912 году). По целому ряду причин ожидавшегося распространения принципов земской реформы 1864 года на Сибирь так и не произошло. Судебная реформа была проведена лишь в 1897 году, да и то в усечённом виде, без суда присяжных заседателей. Итак, расчёты Ядринцева на значительные политические преобразования в регионе «сверху» всё же не оправдались. После того как один из самых влиятельных сторонников углубления земской реформы, глава МВД граф Н.П. Игнатьев, проиграл во внутриэлитной борьбе «верхов», он в срочном порядке был отправлен императором в отставку. Вслед за ним покинул Сибирь и либеральный администратор Н.Г. Казнаков. Победила в конечном итоге охранительная «партия контрреформ», возглавляемая апологетами политических «заморожков» К.П. Победоносцевым, М.Н. Катковым и Д.А. Толстым. Эту группировку, в конце концов, поддержал Александр III (Зайончковский, 1964; Полунов, 2010). Распространение условий земской реформы на Сибирь для реакционной «большой тройки» оказалось неприемлемым, поскольку в восточных губерниях империи фактически не было дворянства и в органах местного самоуправления доминировали представители городской купеческо-разночинской общественности. Помимо всего прочего, М.Н. Каткову и другим идеологам охранительных контрреформ вновь мерещился в Сибири «призрак сепаратизма» (Ремнев, 2007: 64), который сам по себе воспринимался официозом как внутренняя угроза. Миновало целое десятилетие, и понадобился серьёзный аграрно-продовольственный системный кризис начала 1890-х годов, чтобы в самых верхах смогли осознать необходимость отмены чрезмерно жёстких ограничений на переселение крестьян из европейской метрополии в Сибирь (Яновский, 1979).

Концепт условной аналогии с североамериканской Калифорнией фигурирует во многих публикациях издававшегося Н.М. Ядринцевым «Восточного обозрения». На страницах того же номера газеты за 1882 год был помещён очерк под названием «Крестьяне-золотопромышленники», автором которого являлся близкий друг Ядринцева Д.А. Поникаровский, подписывавшийся известным в литературе псевдонимом «Д. Нелюбинский». Его содержание тесно увязано с вышеупомянутой статьёй издателя-редактора газеты, и в нём также развивается «калифорнийская» тема. «Алтайский горный округ и описываемая часть его, Кузнецкий [Алтай], – подчёркивает автор, – богат металлами. Чего только тут нет: золото, серебро, свинец, медь, железо, каменный уголь, и при всем при этом он недоступен частной предприимчивости. Эта цветущая земля, леса, приволье их и дорогой металл, часто лежащий под небольшим покровом земли, естественно влечет сюда и соблазняет окружающее население, особенно, когда кругом ютится бедность и изнуренное нуждою и работами подзаводское население» (Поникаровский, 1882: 14). Но было бы ошибкой связывать несбывшийся прогноз только с «золотой лихорадкой», действительно имевшей место в середине 1830-х– начале 1880-х годов. В это самое время, заметил Н.М. Ядринцев, «Сибирь начинает играть для России роль Калифорнии... Золотопромышленность прошла как ураган по Томской и Енисейской губерниям и теперь совершает подвиги на Олекме» (Г.В., 1885: 281). Этому явлению, подчёркивающему сходство Северной Азии с Северной Америкой, специально посвятил фельетон, в котором иронично высмеивал «ищущих легкой наживы» золотоискателей. «Игнашинская Калифорния продолжает приводить в смущение... Народ, очертя голову, идет туда. Движение охватило весь край и дошло до того, что многие из служащих в одном областном правлении оставили коронное поприще и бросились за поисками счастья. Золотая лихорадка росла» (Ядринцев, 1885: 13). Однако не с драгоценными металлами связывали Н.М. Ядринцев и его единомышленники перспективу динамичного экономического развития Алтая. На самом деле в сознании сибирских областников концепт «будущей русской Калифорнии» ассоциировался с решением так называемого переселенческого вопроса, которое только и могло бы, по их мысли, обеспечить свободное освоение предприимчивым авангардом русского крестьянства земельных богатств территории «благословенного края». Тем более понятное возмущение вызывали у идеологов областничества несправедливые порядки, охраняемые кабинетским начальством, управлявшим алтайским императорским поместьем. «...Весь Алтай считается землей, принадлежащей Кабинету его величества, и разрешение селиться в нем, – подчёркивал мыслитель, – зависит от горного управления алтайскими заводами, которое до последнего времени считало заселение этого богатого края вредным для интересов Кабинета» (Ядринцев, 1885: 610).

Всё это способствовало заметному подъёму литературной творческой активности Н.М. Ядринцева в конце 1881 – начале 1882 года. Этому содействовала очередная кратковременная

политическая «оттепель» начала 1880-х годов, связанная с трагедией финала в правлении Александра II «Освободителя» и последовавшей за ним исторической развилкой транзита верховной имперской власти. На первый план в отечественной политике тогда выдвинулся граф Н.П. Игнатьев. Новый император Александр III назначил его руководителем ключевого для российской системы власти Министерства внутренних дел. Примечательно, что Ядринцеву, который в тот момент решал вопрос об издании в Петербурге газеты «Восточное обозрение», удалось встретиться и поговорить с Игнатьевым лично. В письме одному из своих ближайших друзей по Томской гимназии, Д.А. Поникаровскому, от 20 декабря 1881 года из Петербурга Н.М. Ядринцев сообщал о том, что «по поводу газеты и переселений виделся с министром внутренних дел графом Игнатьевым» (Ядринцев, 1980а: 250). Судя по всему, именно этот министр содействовал будущей публикации в столице знаменитой впоследствии книги «Сибирь как колония» и разрешил Ядринцеву издавать в Петербурге «Восточное обозрение». Об этом косвенно свидетельствует он сам. «Мы, заинтересованные судьбами Востока, знаем, – сообщает издатель и редактор этой газеты, – что при графе Игнатьеве сибирские вопросы и вопросы окраин заслужили внимание, хотя и не были разрешены. Совершилась административная реформа, но Сибирь ждет еще судебной и земской». Вспоминая о кратковременной деятельности Н.П. Игнатьева в составе правительства императора Александра III, Ядринцев подчёркивал, что несмотря на все трудности, «связь администрации с обществом во все прошлое министерство еще не была порвана. Граф Игнатьев делал не раз попытки этого сближения, был доступен всем и нередко, особенно в первое время, интересовался знать общественное мнение и его представителей» (От редактора-издателя, 1882: 14). Напрасно некоторые уважаемые авторы приписывают Н.П. Игнатьеву исключительно реакционные взгляды, утверждая, что этот государственный деятель «предлагал пустить нашу прессу по немецкому пути» (Мандрика, 2012). Скорее даже наоборот, именно граф Игнатьев, будучи выдающимся, талантливым и опытным русским дипломатом своего времени, всячески противостоял в 1870-е годы откровенно прогерманскому внешнеполитическому курсу правительства Александра II, активно боролся за свободу и независимость славянских народов (Канева, 2006). По словам его влиятельного противника и впоследствии главного политического оппонента – К.П. Победоносцева, «граф Игнатьев – человек не из чистого металла – напротив того, весь из лигатуры, но в нём звенит серебро русского инстинкта» (Полунов, 1995: 184). В качестве руководителя Министерства внутренних дел Н.П. Игнатьев уделял большое внимание активизации земств.

5. Заключение

В целом, в качестве определённого вывода можно отметить, что сибирское общество радовалось успешной общественной деятельности в Петербурге знаменитого земляка. В передовице главного редактора «Томских губернских ведомостей» в 1882 году сообщалось о важной для всех сибиряков новости – о выходе в свет большой статьи «Поездка по Сибири и в Алтайский горный округ», а главное, об издании поистине фундаментального научно-публицистического труда Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония». Основным итогом экспедиции стала демонстрация природных богатств Горного Алтая и Южной Сибири в целом, а также информирование о позитивном опыте этнокультурного взаимодействия на алтайской земле.

Литература

Бик-Булатов, 2019 – Бик-Булатов А.Ш. Концепция провинциальной газеты как центра общественной и умственной жизни региона (по материалам писем Г.Н. Потанина 1874 года по поводу «Камско-Волжской газеты») / *Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике*. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2019. С. 181-187.

Г.В., 1885 – Г.В. Олекминская Калифорния (Из путешествия на Олекминские прииски) // *Литературный сборник. Издание редакции «Восточного Обозрения». Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке* / Ред. Н.М. Ядринцев. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1885. С. 281-303.

Дамешек, 2022 – Дамешек Л.М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении: сибирский вариант (XVIII–XX вв.). Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. 183 с.

Жилякова, 2024 – Жилякова Н.В. Новые направления актуализации творчества сибирских авторов конца XIX – начала XX века: междисциплинарный аспект // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2024. № 2-1. С. 72-78. DOI: 10.20339/PhS.2.1-24.072

Зайончковский, 1964 – Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964.

Иванов, 2022 – Иванов А.А. Историографическое осмысление проблем политической и уголовной ссылки в Сибири // *Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX – начало XX века)*. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. С. 134-210.

- Кораблин, 2018** – Кораблин К.К. Историография русского дореволюционного тюремоведения // *Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность*. 2018. № 1. С. 3-11.
- Канева, 2006** – Канева К. Рыцарь Балкан. Граф Н.П. Игнатъев / Пер. с болгарского Н. Лакичевич. М., 2006.
- Костякова, 2018** – Костякова Ю.Б. Сибирский областник Н. М. Ядринцев о «коренной» и «пришлой» сибирской интеллигенции (по письмам к Г. Н. Потанину за 1872-1873 гг.) // *Интеллигенция и мир*. 2018. № 4. С. 83-95.
- Мандрика, 2012** – Мандрика Ю.Л. Николай Ядринцев как миф // *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 2012. № 17. С. 8-12.
- От редактора-издателя, 1882** – От редактора-издателя. События русской жизни // *Восточное обозрение*. 1882. № 10. 3 июня. С. 14.
- Полунов, 1995** – Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в 1881 году (письма к Е.Ф. Тютчевой) // *Река времён. Книга истории и культуры*. Кн. I. М., 1995. С. 178-189.
- Полунов, 2010** – Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. 374 с.
- Потанин, 1907** – Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907.
- Поникаровский, 1882** – Поникаровский Д.А. Крестьяне-золотопромышленники // *Восточное обозрение*. 1882. № 18. 29 июля. С. 14.
- Ремнев, 2007** – Ремнев А.В. Михаил Никифорович Катков в поисках «сибирского сепаратизма» / *Личность в истории Сибири XVIII-XX веков. Сборник биографических очерков*. Новосибирск: ИД Сова, 2007. С. 64-80.
- Смолянинов, 2024** – Смолянинов А.В. Метатекстуальное своеобразие «Литературного сборника» Н.М. Ядринцева: идеологизированность и жанрово-стилевой синкретизм // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 505. С. 69-79. DOI: 10.17223/15617793/505/7
- Ядринцев, 1874** – Ядринцев Н.М. Русская народность на Востоке (статья первая) // *Дело*. 1874. № 11. С. 297-340.
- Ядринцев, 1880** – Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ: (По поручению Зап.-Сиб. отдела Имп. Рус. Геогр. о-ва) // *Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО*. 1880. Кн. 2. С. 1-147.
- Ядринцев, 1881a** – Ядринцев Н.М. Кустарные промыслы в Сибири и значение их // *Русская мысль*. 1881. Кн. X. Октябрь. С. 46-72.
- Ядринцев, 1881b** – Ядринцев Н.М. Трехсотлетие Сибири с 26-го октября 1581 года // *Вестник Европы*. 1881. № 12. С. 834-849.
- Ядринцев, 1882** – Ядринцев Н.М. Внутренний восточный вопрос // *Восточное обозрение*. 1882. № 10.
- Ядринцев, 1884** – Ядринцев Н.М. Культурное и промышленное состояние Сибири: Доклад (по случаю торжества 300-летия Сибири). СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1884. 40 с.
- Ядринцев, 1885** – Ядринцев Н.М. В Калифорнию (фельетон) // *Восточное обозрение*. 1885. № 18. 2 мая. С. 13.
- Ядринцев, 1891** – Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы. Их быт и современное положение. СПб., 1891.
- Ядринцев, 1904** – Ядринцев Н. М. К моей автобиографии // *Русская мысль*. 1904. Кн. 6. С. 161.
- Ядринцев, 1980a** – Ядринцев Н.М. Письмо Д.А. Поникаровскому от 20 декабря 1882 г. из Петербурга // *Литературное наследство Сибири*. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 250.
- Ядринцев, 1980b** – Ядринцев Н.М. Письмо Д.А. Поникаровскому от 31 марта 1882 г. из Петербурга // *Литературное наследство Сибири*. Т. 4. Новосибирск, 1980.
- Яранцев, 2023** – Яранцев В.Н. Роль, функции и значение жанра фельетона в развитии сибирской литературы последней четверти XIX века в связи с деятельностью Н.М. Ядринцева, писателя и редактора // *Сюжетология и сюжетология*. 2023. № 4. С. 5-23. DOI: 10.25205/2713-3133-2023-4-5-23.
- Яновский, 1979** – Яновский Н.Н. Комментарий к публикации писем Н.М. Ядринцева // *Литературное наследство Сибири*. Т. 4. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979.
- Шашков, 1882** – Шашков С.С. Сибирь на юбилее // *Дело*. 1882. № 6. Отд. 2. С. 21-45.
- Шевцов, 2024** – Шевцов В.В. Ядринцевская концепция возникновения сибирской периодической печати: эгоизм, фантомы и эффект авторитета / *Журналистика в поисках моделей развития: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции*, Томск, 25–26 сентября 2024 года. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2024. С. 33-43. DOI: 10.17223/9785907890312/2024/5
- Шиловский, 2024** – Шиловский М.В. Сибирь в евразийском векторе пространственного развития российского государства // *Сибирский архив*. 2024. № 4(22). С. 57-66.

Dolzhikov et al., 2025 – Dolzhikov V.A., Golovinov A.V., Ishekov K.A., Golovinova Yu.V. “America Amazed Me – It’s Siberia in 1000 years”: N.M. Yadrintsev’s Trip to the United States of America in 1893 // *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 433-441. DOI: 10.13187/bg.2025.1.433

Fominykh et al., 2019 – Fominykh S.F., Stepnov A.O., Natolochnaya O.V. The Idea of the Siberian University and Regionalism in the Letters of N.M. Yadrintsev to V.M. Florinsky (1876–1882) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3. Pp. 1243-1255.

Malinov, 2024 – Malinov A.V. Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia // *Sibirica*. 2024. Vol. 23. No. 2. Pp. 69-88. DOI: 10.3167/sib.2024.230203

References

Bik-Bulatov, 2019 – Bik-Bulatov, A.Sh. (2019). Kontseptsiya provintsial'noy gazety kak tsentra obshchestvennoy i umstvennoy zhizni regiona (po materialam pisem G.N. Potanina 1874 goda po povodu "Kamsko-Volzhskey gazety") [The concept of a provincial newspaper as a center of social and intellectual life in a region (based on the letters of G.N. Potanin in 1874 regarding the “Kama-Volga newspaper”)] *Aktual'nyye problemy regional'noy istorii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istoricheskoy dinamike*. Izhevsk: Udmurt. University. Pp. 181-187. [in Russian]

Dameshek, 2022 – Dameshek, L.M (2022). Etnicheskiy faktor okrainnoi politiki imperii v regional'nom izmerenii: sibirskiy variant (XVIII–XX vv.) [Ethnic factor of the empire’s outskirts policy in the regional dimension: Siberian variant (XVIII–XX centuries)]. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyi universitet, 183 p. [in Russian]

Dolzhikov et al., 2025 – Dolzhikov, V.A., Golovinov, A.V., Ishekov, K.A., Golovinova, Yu.V. (2025). “America Amazed Me – It’s Siberia in 1000 years”: N.M. Yadrintsev’s Trip to the United States of America in 1893. *Bylye Gody*. 20(1): 433-441. DOI: 10.13187/bg.2025.1.433

Fominykh et al., 2019 – Fominykh, S.F., Stepnov, A.O., Natolochnaya, O.V. (2019). The Idea of the Siberian University and Regionalism in the Letters of N.M. Yadrintsev to V.M. Florinsky (1876–1882). *Bylye Gody*. 53(3): 1243-1255.

G.V., 1885 – G.V. Olekminskaya Kaliforniya (Iz puteshestviya na Olekminskie priiski) [Olekminskaya California (From a trip to the Olekminsky goldfields)]. Literaturnyi sbornik. Izdanie redaktsii «Vostochnogo Obozreniya». Sbranie nauchnykh i literaturnykh statei o Sibiri i Aziatskom Vostoke. Red. N.M. Yadrintsev. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova, 1885. Pp. 281-303. [in Russian]

Ivanov, 2022 – Ivanov, A.A. (2022). Istoriograficheskoye osmysleniye problem politicheskoy i ugolovnoy ssylki v Sibir. [Historiographic understanding of the problems of political and criminal exile in Siberia]. Ocherki istoriografii i istochnikovedeniya istorii Sibiri epokhi imperii (XIX – nachalo XX veka). Irkutsk. Pp. 134-210. [in Russian]

Kaneva, 2006 – Kaneva, K. (2006). Rytsar' Balkan. Graf N.P. Ignat'yev [Knight of the Balkans. Count N.P. Ignatiev]. Per. s bolgarskogo N. Lakichevich. M. [in Russian]

Korablin, 2018 – Korablin, K.K. (2018). Istoriografiya russkogo dorevolyutsionnogo tyur'movedeniya [Historiography of Russian pre-revolutionary prison studies]. *Osnovnyye tendentsii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost'*. 1: 3-11. [in Russian]

Kostyakova, 2018 – Kostyakova, Yu.B. (2018). Sibirskiy oblastnik N. M. Yadrintsev o "korennoy" i "prishloy" sibirskoy intelligentsii (po pis'mam k G. N. Potaninu za 1872–1873 gg) [Siberian regionalist N.M. Yadrintsev on the “native” and “alien” Siberian intelligentsia (based on letters to G.N. Potanin for 1872–1873)]. *Intelligentsiya i mir*. 4: 83-95. [in Russian]

Malinov, 2024 – Malinov, A.V. (2024). Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia. *Sibirica*. 23(2): 69-88. DOI: 10.3167/sib.2024.230203

Mandrika, 2012 – Mandrika, Yu.L. (2012). Nikolay Yadrintsev kak mif [Nikolay Yadrintsev as a myth] *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya*. 17: 8-12. [in Russian]

Ot redaktora-izdatelya, 1882 – Ot redaktora-izdatelya. Sobytiya russkoi zhizni [From the Editor-Publisher: Events of Russian Life]. *Vostochnoe obozrenie*. 1882. № 10. 3 iyunya. P. 14. [in Russian]

Polunov, 1995 – Polunov, A.Yu. (1995). K.P. Pobedonostsev v 1881 godu (pis'ma k E.F. Tyutchevoi) [K.P. Pobedonostsev in 1881 (letters to E.F. Tyutcheva)]. Reka vremen. Kniga istorii i kul'tury. Kn. I. M. Pp. 178-189. [in Russian]

Polunov, 2010 – Polunov, A.Yu. (2010). K.P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoy i dukhovnoy zhizni Rossii [K.P. Pobedonostsev in the socio-political and spiritual life of Russia]. M. [in Russian]

Ponikarovskiy, 1882 – Ponikarovskiy, D.A (1882). Krest'yane-zolotopromyshlennik [Peasants-gold miners]. *Vostochnoye obozreniy*. No. 18. July 29. P. 14. [in Russian]

Potanin, 1907 – Potanin, G.N (1907). *Oblastničeskaâ tendenciâ v Sibiri*. [Regional trend in Siberia]. Tomsk. [in Russian]

Remnev, 2007 – Remnev, A.V. (2007). Mikhail Nikiforovich Katkov v poiskakh «sibirskogo separatizma» [Mikhail Nikiforovich Katkov in Search of “Siberian Separatism”]. *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII-XX vekov. Sbornik biograficheskikh ocherkov*. Novosibirsk: ID Sova. Pp. 64-80. [in Russian]

Shashkov, 1882 – Shashkov, S.S. (1880). Sibir' na yubileye [Siberia at the anniversary]. *Delo*. No. 6. Dep. 2. Pp. 21-45. [in Russian]

Shevtsov, 2024 – *Shevtsov, V.V.* (2024). Yadrintsevskaya kontseptsiya vozniknoveniya sibirskoy periodicheskoy pechati: egotizm, fantomy i effekt avtoritet [Yadrintsev's concept of the emergence of the Siberian periodical press: egotism, phantoms and the effect of authority]. *Zhurnalistika v poiskakh modeley razvitiya: Materialy VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tomsk, 25–26 sentyabrya 2024*. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 33-43. DOI: 10.17223/9785907890312/2024/5 [in Russian]

Shilovsky, 2024 – *Shilovsky, M.V.* (2024). Sibir' v yevraziyskom vektore prostranstvennogo razvitiya rossiyskogo gosudarstva [Siberia in the Eurasian vector of spatial development of the Russian state]. *Sibirskiy arkhiv*. 4(22): 57-66. [in Russian]

Smolyaninov, 2024 – *Smolyaninov, A.V.* (2024). Metatekstual'noye svoeobrazie "Literaturnogo sbornika" N.M. Yadrintseva: ideologizirovannost' i zhanrovo-stilevoy sinkretizm [Metatextual originality of the "Literary collection" by N.M. Yadrintsev: ideologized nature and genre-stylistic syncretism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 505: 69-79. DOI: 10.17223/15617793/505/7 [in Russian]

Yadrintsev, 1874 – *Yadrintsev, N.M.* (1874). Russkaya narodnost' na Vostoke (stat'ya pervaya [Russian nationality in the East (article one)]. *Delo*. 11: 297-340. [in Russian]

Yadrintsev, 1880 – *Yadrintsev, N.M.* (1880). Poyezdka po Zapadnoy Sibiri i v Gornyy Altayskiy okrug: (Po porucheniyu Zap.-Sib. otdela Imp. Rus. Geogr. o-v [Trip to Western Siberia and to the Altai Mountain District: (On behalf of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society)]. *Zapiski Zap.-Sib. otdela IRGO*. Kn. 2. Pp. 1-147. [in Russian]

Yadrintsev, 1881 – *Yadrintsev, N.M.* (1881). Kustarnyye promysly v Sibiri i znachenie ikh [Handicrafts in Siberia and their importance] *Russkaya mysl'*. Kn. X. Oktyabr'. Pp. 46-72. [in Russian]

Yadrintsev, 1882 – *Yadrintsev, N.M.* (1892). Vnutrenniy vostochnyy vopros [Internal eastern question]. *Vostochnoye obozreniye*. No. 10. [in Russian]

Yadrintsev, 1884 – *Yadrintsev, N.M.* (1884). Kul'turnoe i promyshlennoe sostoyanie Sibiri: Doklad (po sluchayu torzhestva 300-letiya Sibiri) [Cultural and industrial state of Siberia: Report (on the occasion of the celebration of the 300th anniversary of Siberia)]. SPb.: Tipogr. A.S. Suvorina, 40 p. [in Russian]

Yadrintsev, 1885 – *Yadrintsev, N.M.* (1885). Yadrintsev N.M. V Kaliforniyu (fel'yeton) [To California (feuilleton)] *Vostochnoye obozreniye*. No. 18. May 2. P. 13. [in Russian]

Yadrintsev, 1891 – *Yadrintsev, N.M.* (1891). Sibirskiy inorodtsy. Ikh byt i sovremennoye polozheniye [Siberian aliens. Their way of life and current situation]. SPb. [in Russian]

Yadrintsev, 1904 – *Yadrintsev, N.M.* (1904). K moyey avtobiografii [To my autobiography]. *Russkaya mysl'*. Kn. 6. P. 161. [in Russian]

Yadrintsev, 1980 – *Yadrintsev, N.M.* (1980). Pis'mo D.A. Ponikarovskomu ot 20 dekabrya 1882 g. iz Peterburga» [Letter to D.A. Ponikarovsky dated December 20, 1882 from St. Petersburg]. *Literaturnoye nasledstvo Sibiri*. Vol. 5. Novosibirsk. P. 250. [in Russian]

Yadrintsev, 1980 – *Yadrintsev, N.M.* (1980). Pis'mo D.A. Ponikarovskomu ot 31 marta 1882 g. iz Peterburga [Letter to D.A. Ponikarovsky dated March 31, 1882 from St. Petersburg]. *Literaturnoye nasledstvo Sibiri*. Vol. 4. Novosibirsk. [in Russian]

Yanovsky, 1979 – *Yanovsky, N.N.* (1979). Kommentariy k publikatsii pisem N.M. Yadrintseva [Commentary on the publication of letters by N.M. Yadrintsev]. *Literaturnoe nasledstvo Sibiri*. T. 4. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. [in Russian]

Yarantsev, 2023 – *Yarantsev, V.N.* (2023). Rol', funktsii i znachenie zhanra fel'yetona v razvitiy sibirskoy literatury posledney chetverti XIX veka v svyazi s deyatel'nost'yu N.M. Yadrintseva, pisatelya i redaktora [The role, functions and significance of the feuilleton genre in the development of Siberian literature of the last quarter of the 19th century in connection with the activities of N.M. Yadrintsev, writer and editor] *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 4: 5-23. DOI: 10.25205/2713-3133-2023-4-5-23. [in Russian]

Zayonchkovsky, 1964 – *Zayonchkovsky, P.A.* (1964). Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–1880-kh [The crisis of autocracy at the turn of the 1870s and 1880s]. M. [in Russian]

Zhilyakova, 2024 – *Zhilyakova, N.V.* (2024). Novyye napravleniya aktualizatsii tvorchestva sibirskikh avtorov kontsa XIX – nachala XX veka: mezhdistsiplinarnyy aspekt [New directions of actualization of the works of Siberian authors of the late 19th – early 20th centuries: interdisciplinary aspect]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*. 2-1: 72-78. DOI: 10.20339/PhS.2.1-24.072 [in Russian]

Содержание и значение экспедиции Н.М. Ядринцева в Алтайский горный округ в 1880 году

Александр Викторович Головинов ^{a, *}, Жамаладен Ибрагимович Ибрагимов ^b, Вячеслав Александрович Должиков ^a, Константин Анатольевич Ишекков ^{c, d}

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex-golovinov@mail.ru (А.В. Головинов)

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^c Университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Исследование направлено на выявление содержательного значения экспедиционной деятельности дореволюционного путешественника и общественного деятеля Николая Михайловича Ядринцева для проводимой в Российской империи переселенческой политики. Объектом анализа выступила экспедиция известного сибиряка в Алтайский горный округ, которая состоялась в 1880 году. Источниковую базу работы составили письменные и опубликованные источники, такие как публикации о путешествии на Алтай в периодических изданиях имперского периода отечественной истории. Также к работе привлекались книги Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» и «Сибирские инородцы. Их быт и современное положение». Значение имели и эго-источники, такие как автобиографические заметки, где автор поясняет свои впечатления от русского Алтая. Методологически настоящее исследование базируется на методологии нарративной истории. Способ познания, по нашему мнению, будет содействовать выявлению и реконструкции дискурсивных моментов и, соответственно, ключевых фактов и сведений для понимания значения алтайских странствий известного сибиряка.

Авторами установлено, что научные отчёты Н.М. Ядринцева об экспедициях 1879 и 1880 года и написанные на их основе статьи «Поездка по Западной Сибири и в Горно-Алтайский округ», «О мараловодстве на Алтае» и другие представляют научную ценность и в наши дни. Впоследствии результаты своих научных работ исследователь разместил в виде целого цикла публикаций в отечественной периодической печати. Он плодотворно сотрудничал с редакциями многих российских изданий начиная с 1864 года и вплоть до самой своей кончины. Статьи Н.М. Ядринцева охотно публиковали в своё время «Вестник Европы», «Дело», «Неделя», «Отечественные записки», «Русские ведомости», «Русская жизнь», «Русское слово», «Русское богатство», «Сибирская Жизнь», «Томские губернские ведомости» и другие ведущие газеты и журналы. Акцентируется, что основным итогом экспедиции стала демонстрация природных богатств Горного Алтая и Южной Сибири в целом, а также информирование общественности и администрации о позитивном опыте этнокультурного взаимодействия на алтайской земле.

Ключевые слова: Н.М. Ядринцев, Сибирь, Алтай, переселенческая политика, Российская империя, областничество, этнографические экспедиции, освоение Сибири.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1950-1957
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1950

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sanitation and Imperial Order: Muslim Cemeteries in Turkestan

Zhanibek A. Akimbek ^{a,*}, Lazat S. Dinashева ^b

^a Al Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b International University of Tourism and Hospitality, Turkestan, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the role of sanitary discourse in the imperial policy of Russia in Turkestan, focusing on the case of the closure of Muslim cemeteries. Public health and cleanliness became important instruments for legitimizing imperial governance, providing justification for interference in the everyday life of the local population. The closure of Muslim cemeteries, the relocation of burial grounds beyond city limits, and the establishment of burial regulations emerged as integral elements of newly imposed norms.

It is demonstrated that sanitary measures extended far beyond the sphere of public health and hygiene. These measures served as a legitimate pretext for the state to establish control over the human body. Even after death, the human body was treated as an object of state regulation and oversight. At the same time, the regulation of cemeteries was part of a broader transformation of urban space. Traditional quarters were perceived as posing a threat to the newly developed European districts. A closer examination reveals that urban areas were distinctly segregated.

The introduction of new sanitary regulations elicited an ambivalent response from the local population. On the one hand, residents resisted these measures, which in some cases escalated into open conflicts. On the other hand, the language of sanitary discourse was appropriated by local communities as a tool for defending their interests. Thus, the regulation of cemeteries reflects broader social and political processes unfolding in Turkestan.

Keywords: Russian Empire, Turkestan, Sharia, power, cemetery, medicine, sanitation, hygiene, urban space, cleanliness, cholera.

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. Российская империя активно внедряла новые санитарно-гигиенические нормы на территории Туркестанского края. Эти меры являлись частью управления империей в регионе, направленного на регулирование городского пространства и изменение социальных практик местного населения. Санитарный дискурс становился важным инструментом легитимации власти.

Эти изменения затронули и мусульманские кладбища. По мнению властей, имевшиеся в крае кладбища уже были старыми и переполнены захоронениями. Существующие формы погребения рассматривались как небезопасные, способствующие распространению болезней и создающие угрозу здоровью населения. Закрытие кладбищ, перенос мест захоронений за пределы городов и установление строгих правил погребения становились важными элементами новых санитарных норм. Однако вмешательство в религиозно значимую сферу неизбежно приводило к конфликтам.

Закрытие мусульманских кладбищ являлось частью более широкой стратегии регулирования городского пространства. Создавая «санитарный город», имперские власти стремились не только снизить эпидемиологические риски, но и пространственно закрепить социальные различия между

* Corresponding author

E-mail addresses: akimbekzhanibek@gmail.com (Z.A. Akimbek)

«европейскими» и «туземными» кварталами. Таким образом, санитарная политика способствовала формированию новых границ в городском пространстве, усиливая сегрегацию и подчёркивая иерархию между различными социальными и этноконфессиональными группами.

Введение новых санитарных норм также демонстрирует стремление имперской власти к контролю над телом человека. Даже после смерти тело оставалось объектом государственного регулирования, что проявлялось в требованиях к глубине могил, местам захоронений и медицинскому осмотру умерших. Подобная «колонизация тела» превращала медицинские и гигиенические практики в инструмент легитимации власти и вмешательства во внутреннюю жизнь коренного населения края. Через контроль над телом имперская власть стремилась утвердить своё господство, подчиняя личные и общественные практики требованиям государства.

2. Материалы и методы

Источниками нашего исследования являются архивные документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (г. Алматы, Республика Казахстан) и Национального архива Республики Узбекистан (НАРУз) (г. Ташкент, Республика Узбекистан). Используемые архивные материалы являются делопроизводственными документами местных имперских учреждений в Туркестанском крае, основную часть которых составляют рапорты, предписания и циркуляры.

Также к исследованию привлечены документы судопроизводства и личного характера. К последним относятся прошения, авторы которых вкладывали определённый смысл. Во-первых, расшифровка этих смыслов помогает изучить степень внедрения новых санитарно-гигиенических правил. Во-вторых, результаты критического чтения прошений показывают, что апеллирование местных жителей края к имперскому дискурсу о чистоте было эффективным способом в решении личных вопросов. Таким образом, местные жители в диалоге с властями формировали пространство и определяли нормы чистоты в зависимости от ситуации.

Заметки местных чиновников помогают провести сравнительный анализ с официальными отчётами и установить реальное санитарно-гигиеническое состояние городов Туркестанского края. Эти источники позволяют оценить степень эффективности внедряемых правил среди местного населения.

Внедрение новых норм санитарии и гигиены среди населения края объясняется понятием «колонизация тела», введённым британским исследователем Дэвидом Арнольдом. Так, тело человека превращается в объект имперской власти, а новые правила – инструмент изменения внутренней жизни (Arnold, 1993).

3. Обсуждение

Настоящее исследование посвящено изучению внедрения новых санитарно-гигиенических правил в Туркестанском крае как части истории имперской медицины. Медицина являлась важным инструментом любой европейской империи в колониях. Она была тесно связана с различными аспектами повседневной жизни местного населения. Поэтому историография исследуемой проблемы довольно обширна.

Фундаментальный труд по изучению роли медицины в колониальной политике принадлежит Дэвиду Арнольду. Исследователь показывает, что медицина выполняла не только санитарную и лечебную функции, но и служила средством контроля. С другой стороны, индийские врачи и элиты адаптировали западную медицину к местным условиям. Это способствовало интеграции медицинских практик и формированию новых гибридных моделей. Таким образом, медицина была не только инструментом контроля, но и ареной взаимодействия (Arnold, 1993: 290-294).

Такого же мнения придерживается Марк Харрисон. В своей работе о роли здравоохранения в государственном управлении на примере Британской Индии он отмечает, что медицина была инструментом социального контроля. Этим британские власти обосновывали социальную сегрегацию. По мнению Харрисона, формирование санитарного дискурса следует рассматривать как результат противостояния двух концептуальных моделей. Патерналистская модель, акцентировавшая внимание на «цивилизаторской миссии», сдерживалась либерально-децентрализованной. Потому что она была обусловлена ограниченностью финансовых ресурсов империи, сопротивлением местного населения и конкуренцией за ресурсы между местными и центральными органами власти (Harrison, 1994: 4).

По мнению ряда исследователей, санитарно-гигиенические правила, введённые имперской властью, влияли и на городское пространство. Эти нормы включали проекты водоснабжения, канализации и регулирования застройки. Данные изменения способствовали «пространственной сегрегации», так как районы, где проживало местное население, считались опасными с эпидемиологической точки зрения. Однако это разделение не являлось препятствием для тесного взаимодействия между коренным и европейским населением (Буттино, 2007; Çelik, 1997; Crews, 2003; Sahadeo, 2007; Bissell, 2011).

4. Результаты

В 1883 г. начальник Туркестанского уезда представил рапорт военному губернатору Сыр-Дарьинской области о гигиеническом состоянии мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Этот мавзолей сохранился до нашего времени и находится в г. Туркестане, на юге Казахстана. Он был построен в конце XIV в. основателем империи Тимуридов Эмиром Тимуром (Тамерланом) на месте могилы мусульманского проповедника, суфия Ходжи Ахмеда Ясави. К мавзолею приезжали на поклонение не только из различных районов Туркестанского края, но также из Сибири и сопредельных ханств. Быть похороненным в мавзолее считалось честью для мусульман региона.

Со временем внутреннее пространство оказалось переполнено захоронениями. Разложение тел привело к загрязнению воздуха внутри мавзолея. Бывший аксакал города Мирхадыр Нарбаев утверждал, что ещё первым генерал-губернатором края К. фон Кауфманом было запрещено дальнейшее погребение умерших в мечети «Азрет Султан». Однако его официальное распоряжение не было найдено. В результате военный губернатор наложил резолюцию о запрете хоронить в мавзолее (ЦГА РК. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 196. Л. 1-6).

Эта мера отражает попытку имперской власти внедрить новые нормы гигиены среди коренного населения. Дискурс о чистоте ассоциировался с прогрессом. Неподчинение новым порядкам воспринималось как угроза управлению. Местная администрация, с внедрением новых правил, пыталась не только изменить пространство, но и привить новые ценности подданным империи. По мнению властей, это должно было привести к улучшению здоровья населения за счёт изменения практик. Для достижения этой цели использовались различные способы, которые в конечном итоге приводили к искоренению местных практик и знаний (Walther, 2017: 551-552).

В публицистике рассматриваемого периода мусульманские кварталы описывались как хаотичные, пыльные и антисанитарные, с узкими улицами, саманными домами. В противоположность им новые русские кварталы строились по регулярной сетке, с просторными улицами, административными зданиями, парками, и считались образцом «европейской чистоты» и порядка (Kabul'dinov et al., 2024: 89).

Новая «русская» часть города противопоставлялась «туземной». В «туземной» части жило местное мусульманское население, а в русской – европейцы. Русская часть города отличалась своей правильной планировкой и «прямыми, широкими, большей частью шоссированными, а частью и вымощенными булыжником улицами, обсаженными двумя рядами деревьев ... и окаймленными по обеим сторонам канавками с проточной водой». На этом фоне «туземная» часть представляла «по внешнему виду массу желтовато-серых, большей частью одноэтажных глинобитных домов и построек ..., то тесно скученных и изрезанных лабиринтом узких немоощенных улиц» (Россия, 1913: 610-611, 615).

Коренное население региона часто изображалось как «нечистоплотное» и «безразличное» к санитарии. По причине близости клеверных и рисовых полей к населённым пунктам жители болели малярией (Остроумов, 1908: 80-81).

Активные санитарно-гигиенические мероприятия местной администрации начались в 90-х гг. XIX в. В 1891 г. генерал-губернатор Туркестанского края А. Вревский приказал огородить кладбища и посадить там деревья. Также им же было приказано «с целью улучшения санитарных условий в населенных местах ... иметь строгий надзор и настояние, чтобы магометанские кладбища вновь устраивались исключительно за пределами населенных пунктов», а старые закрыть (ЦГА РК. Ф. И-145. Оп. 1. Д. 103. Л. 54).

Все эти меры были ответом на холерную эпидемию, охватившую в то время не только Туркестанский край, но и Европейскую Россию. Летом 1892 г. началась эпидемия холеры, которая сильно затронула Ташкент, являвшийся центром края. В целях предотвращения распространения были предприняты санитарные меры, которые включали запрет погребения покойного без предварительного осмотра медработника и захоронение в специальных участках для умерших от холеры. Согласно шариату, покойного необходимо предать земле в день смерти. Однако по причине нехватки медработников тело оставалось без погребения в течение нескольких суток. Кроме того, в городе имелось единственное новое кладбище, которое находилось за городской чертой, что было неудобно для переноса тела. Эти непродуманные действия имперской администрации вызвали недовольство местного населения, которое перетекло в протест. Царская власть, быстро подавив выступление мусульман, сняла все ограничения, наложенные на них (Терентьев, 1906: 371-379).

В 1893 г. Сыр-Дарьинский военный губернатор в своём циркуляре указал, что не следует отправлять мусульман в холерные лазареты «насилно против воли». Также разрешалось погребение умерших от холеры «обычным порядком, но при этом разъяснять им при каждом удобном случае» (ЦГА РК. Ф. И-145. Оп. 1. Д. 243. Л. 9). Исследовательница Шарлотта Хенце на примере санитарных правил против холеры в Саратове показала, что местные власти не были готовы к распространению этого заболевания. Население, запуганное самой болезнью, беззащитное перед местными властями и подвергаемое непонятным и бесчеловечным санитарно-медицинским процедурам, отреагировало подозрительностью, злобой и, в конечном итоге, яростным сопротивлением. Это свидетельствовало

об уровне недоверия к государству. А применение военной силы в подавлении бунта показало шаткость имперской власти (Henze, 2011: 95-96).

Холерный бунт ещё раз убедил царскую администрацию в отсталости местного населения. В результате сегрегация коренного населения казалась правильным подходом в управлении. Стена взаимной отчуждённости между коренным населением и имперской администрацией становилась всё толще (Sahadeo, 2007: 106-107).

Однако меры по закрытию мусульманских кладбищ продолжились и после подавления холерного бунта. В июне 1894 г. в одном из номеров газеты «Туркестанские ведомости» вышла статья офицера, краеведа Н. Лыкошина о санитарно-гигиеническом состоянии мусульманских кладбищ Ташкента. В городе имелось 74 мусульманских кладбища, из которых 58 находились в густонаселённых кварталах. Со временем в кладбищах возникла нехватка мест. Непосредственная близость к жилым зонам угрожала здоровью населения. В 1890 г. военный губернатор Сыр-Дарьинской области Н. Гродеков приказал закрыть 21 мусульманское кладбище. Вслед за этим военный губернатор распространил данный приказ и на другие города области с предписанием открыть новые «вне густонаселённых кварталов». По причине отсутствия в казне средств бремя обустройства новых кладбищ легло на плечи местного населения. Таким образом, было открыто 11 участков.

С 15 июня 1894 г. по приказу начальника Ташкента были закрыты все старые мусульманские кладбища и открыты 11 новых за городской стеной. Автор упомянутой выше статьи выражал надежду, «что через несколько лет старые кладбища, на которых не будут уже больше хоронить мертвых, окончательно обеззаразятся и станут служить местом прогулки» (Лыкошин, 1894: 148).

Подобная логика проявлялась не только в Ташкенте, но и в других городах края. 8 ноября 1907 г. на заседании Туркестанского городского хозяйственного управления было принято постановление о закрытии старых мусульманских кладбищ с ограждением новых четырёх участков (ЦГА РК. Ф. И-145. Оп. 1. Д. 686. Л. 164). Данное распоряжение было сделано на основании заседания общего присутствия Сыр-Дарьинской области. Однако инициатива по закрытию старых мусульманских кладбищ исходила от хозяйственного управления города. Имеющиеся мусульманские кладбища были разбросаны по всему городу и не отвечали санитарно-гигиеническим требованиям. Также хозяйственное управление города просило областное правление дать разрешение на устройство 4 новых кладбищ и обязать «хоронить умерших на не менее законенной для могил глубине на 3 аршина». Протокол заседания был передан на утверждение военного губернатора, однако оно не имело силы без согласия Туркестанского генерал-губернатора. Генерал-губернатор в своём письме к военному губернатору сообщил, что «если закрытие мусульманских кладбищ в гор. Туркестан Вами признается необходимым, то выполнение сего на тех или иных основаниях представляется на Ваше усмотрение». Согласно рапорту старшего аксакала города, в городе было 45 кладбищ, которые необходимо было закрыть (ЦГА РК. Ф. И-145. Оп. 1. Д. 686. Л. 161, 163-164, 166, 169).

Изданная спустя 4 года после закрытия старых кладбищ в г. Туркестане книга историка, этнографа А. Добросмыслова отмечала, что мусульманские кладбища разбросаны по городу и следует обратить на это внимание, так как это вызывает санитарные риски (Добросмыслов, 1912: 132). Возможно, неэффективность и обход постановления были связаны с нехваткой финансовых средств. Поэтому городские власти ограничивались постановлениями, требовавшими соблюдения санитарно-гигиенических норм (Центральноазиатский регион..., 2021: 53). В 1907 г. на санитарные нужды г. Туркестана власти тратили всего 385 рублей (Отчет по ревизии..., 1910: 232). Не всегда принимаемые меры отвечали местным условиям. В жаркую погоду умершего необходимо было как можно скорее похоронить, а ввиду расположения новых кладбищ за чертой города создавались риски по распространению инфекций.

Закрытие кладбищ демонстрирует не только попытку имперской власти внедрить новые санитарно-гигиенические правила, но и установление контроля над телами – то, что Арнольд Дэвис назвал «колонизацией тела» (Arnold, 1993: 7-8). Даже после смерти тело человека оставалось объектом контроля. Это особенно наглядно прослеживается в одном конкретном случае, который иллюстрирует, как власти стремились установить контроль над телом даже после смерти.

В 1905 г. в Ур-Маральской волости Аулиеатинского уезда произошёл случай, отражающий противоречия между имперскими санитарными нормами и местными похоронными практиками. Старшина аула № 6 Умбетали Иралин разрешил родственникам замёрзшего Катагана Кельдыбекова забрать тело для погребения, несмотря на распоряжение участкового пристава дожидаться прибытия врача и следственных властей. По результатам дознания было установлено, что Иралин действовал с согласия родственников умершего, которые выдали подписку, подтверждающую отсутствие претензий. Однако пристав Горного участка, капитан В. Кубашев, расценил действия старшины как превышение власти и ходатайствовал о привлечении его к суду. Первоначально Иралин был отстранён от должности и предан суду (ЦГА РК. Ф. И-433. Оп. 1. Д. 117. Л. 11, 120б.).

Впоследствии Сыр-Дарьинское областное правление, рассмотрев дело, прекратило уголовное преследование. Основанием стало заключение прокурора Ташкентского окружного суда, согласно которому смерть Кельдыбекова не была насильственной и судебно-медицинское освидетельствование

не требовалось. Дело было передано на разрешение в административном порядке, ограничившись вынесением Иралину замечания (ЦГА РК. Ф. И-433. Оп. 1. Д. 117. Л. 4-5). Этот случай иллюстрирует столкновение имперской власти, стремившейся установить контроль над телом даже после смерти, и локальных практик погребения, сохранявших автономию в принятии решений. Медицина становится инструментом империи, с помощью которого власть стремится установить свою гегемонию во внутренней жизни местного населения (Arnold, 1993: 8).

Помимо внедрения новых санитарно-гигиенических правил, меры по закрытию старых кладбищ преследовали цель по изменению городского пространства. Согласно американскому исследователю Уильяму Бисселлу, градостроительная политика империй была тесно связана с санитарными представлениями. Основная цель заключалась в создании «санитарного города», что на практике означало пространственное разделение населения. Имперские чиновники и врачи исходили из убеждения, что смешанное проживание способствует распространению болезней. Однако подобные проекты имели скорее идеологическую, чем медицинскую основу. Европейцы трактовались как группа, которую необходимо изолировать от источников инфекции.

Таким образом, это отражало не столько заботу о здоровье, сколько стремление закрепить социальные иерархии и пространственно оформить свою власть. Попытки «очистить» и рационализировать город стали частью более широкой практики власти, стремившейся упорядочить общество через контроль над пространством (Bissell, 2011: 177-182).

Из нижеприведенного прошения видно, что разделение города поддерживалось и европейским населением края. В августе 1896 г. жители г. Коканда Ферганской области обратились с просьбой к военному губернатору о переносе мазаров¹, которые находились вблизи их домов. Обращение было перенаправлено начальнику Кокандского уезда. Начальник уезда сообщил, что эти мазары посещаются мусульманским населением области, снос которых может вызвать недовольство. По сообщению уездного начальника, на самом деле просители стремились завладеть участком земли, на котором находились эти мазары. В результате прошение о переносе не было удовлетворено (НАРУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 5050. Л. 3, 3 об., 4-5, 6). Стоит отметить, что данное решение Кокандского уездного начальника противоречит официальной позиции властей об упорядочении мусульманских захоронений. Как показывает логика действий чиновника, сохранение общественного порядка было более важной задачей.

Трудно установить степень соблюдения новых санитарно-гигиенических правил местным населением Туркестанского края. С одной стороны, попытки имперской власти встречали сопротивление. Однако, согласно обнаруженному в архиве прошению, составленному жителями Семиреченской области, становится ясно, что новый санитарный дискурс стал инструментом в решении своих личных целей.

В апреле 1913 г. жители селения Зайцевского (ныне аул Шелек) обратились с прошением к военному губернатору Семиреченской области. После того как старое кладбище заполнилось, в 1911 г., с согласия сельского общества, им было выделено около двух десятин земли под новое кладбище, которое они огородили стеной (дувалом), затратив 95 рублей, и произвели посадку около 400 деревьев. Однако в 1913 г. русские жители того же селения отобрали этот обустроенный участок земли.

Они просили сделать распоряжение об отводе им земли под мечеть и новое кладбище или о возврате отображенного у них русскими крестьянами участка. Авторы прошения отдельно отмечали, «что вопрос о кладбище имеет не только религиозное, но и общественно-санитарное значение». В итоге прошение было удовлетворено, и был выделен участок земли в размере двух десятин (ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 43272. Л. 2-3, 4-5, 7).

Сейчас невозможно узнать, как на самом деле выглядело мусульманское кладбище в Зайцевском, было ли оно огорожено стеной и высажены там деревья. Но прошение городских жителей иллюстрирует, как частные интересы облекались в форму легитимного обращения к власти с использованием санитарного дискурса. Этот случай демонстрирует, что выбор риторики был не случайным, а отражал необходимость вписать локальные стремления в рамки данного дискурса. В результате прошение стало частью более широкой логики, где язык власти превращался в инструмент перераспределения пространства и социального статуса (Johnson, Miller, 2025: 461-462).

5. Заключение

Внедрение новых гигиенических норм, включая регулирование мусульманских кладбищ, рассматривалось властями как часть широкого проекта изменения региона. Российская империя стремилась утвердить контроль над городскими территориями, связывая санитарные меры с идеями «цивилизаторской миссии» и европейских стандартов гигиены. При этом формальные цели здравоохранения сочетались с неявными задачами политического и культурного доминирования. Таким образом, санитарные реформы становились важным инструментом интеграции региона в имперскую систему.

¹ Мазар – могила мусульманского святого.

Заккрытие старых кладбищ, перенос захоронений и навязывание новых санитарных правил привели к напряжённым отношениям между имперской администрацией и мусульманским населением. Для мусульманских жителей такие меры воспринимались как вмешательство в религиозную сферу и угроза традициям. В ответ возникали различные формы протеста – от открытых жалоб и петиций до скрытого сопротивления и частичного саботажа новых правил. Однако часть населения была вынуждена адаптироваться к изменениям, стремясь минимизировать возможные конфликты с властями.

Анализ приведённых источников показывает, что санитарные реформы в Туркестане выполняли двойную функцию. С одной стороны, они действительно направлялись на улучшение общественного здоровья и предотвращение эпидемий. Однако изменение городского пространства и внедрение новых санитарно-гигиенических норм способствовали укреплению имперской власти в регионе. Эти реформы становились ареной столкновения интересов, где санитарный дискурс использовался для легитимации имперского контроля.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта АР26103507 «Урбанистическая культура Туркестанского региона в контексте социально-культурной эволюции и трансформации (XVIII – начало XXI века): от традиционного города к современности» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- Буттино, 2007 – Буттино М. Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. 447 с.
- Добросмыслов, 1912 – Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. Ташкент, 1912. 204 с.
- Лыкошин, 1894 – Лыкошин Н. Новые мусульманские кладбища // *Туркестанские ведомости*. 1894. № 40. 5 июня.
- НАРУз – Национальный архив Республики Узбекистан.
- Остроумов, 1908 – Остроумов Н.П. Этнографические материалы (Общий очерк). Ташкент, 1908. 297 с.
- Отчет по ревизии..., 1910 – Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом: Городское управление. СПб., 1910. 484 с.
- Россия, 1913 – Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 19: Туркестанский край. СПб., 1913. 861 с.
- Терентьев, 1906 – Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами. Т. 3. СПб., 1906. 496 с.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Центральноазиатский регион..., 2021 – Центральноазиатский регион Российской империи в условиях фронтальной модернизации. Барнаул, 2021. 395 с.
- Arnold, 1993 – Arnold D. Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth Century India. Berkeley, 1993. 354 p.
- Bissell, 2011 – Bissell W.C. Urban Design, Chaos, and Colonial Power in Zanzibar. Bloomington, 2011. 394 p.
- Crews, 2003 – Crews R.D. Civilization in the city: Architecture, urbanism, and the colonization of Tashkent. / *Architecture of Russian identity, 1500 to the present*. Ithaca, London, 2003. pp. 117-132.
- Çelik, 1997 – Çelik Z. Urban Forms and Colonial Confrontations: Algiers Under French Rule. Berkeley, Los Angeles, London, 1997. 250 p.
- Gupta, 1981 – Gupta N. Delhi Between Two Empires, 1803-1931: Society, Government, and Urban Growth. New Delhi, 1981. 234 p.
- Harrison, 1994 – Harrison M. Public health in British India: Anglo-Indian preventive medicine, 1859–1914. Cambridge, 1994. 324 p.
- Henze, 2011 – Henze C.E. Disease, Health Care, and Government in Late Imperial Russia: Life and Death in the Volga, 1823-1914. New York, 2011. 227 p.
- Johnson, Miller, 2025 – Johnson M., Miller H. Introduction: Petitions and Petitioning in Colonial and Post-Colonial Contexts // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2025. № 3. Pp. 453-475.
- Kabuldinov et al., 2024 – Kabuldinov Z.E., Uderbayeva S.K., Shotanova G.A. Diplomatic Mission A.F. Negri in Bukhara 1820: Goals and Results // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 84-94.
- Sahadeo, 2007 – Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, 2007. 316 p.
- Walther, 2017 – Walther D.J. Race, Space and Toilets: 'Civilization' and 'Dirt' in the German Colonial Order, 1890s-1914 // *German History*. 2017. № 4. pp. 551-567.

References

- Arnold, 1993** – *Arnold, D.* (1993). *Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth Century India*. Berkeley. 354 p.
- Bissell, 2011** – *Bissell, W.C.* (2011). *Urban Design, Chaos, and Colonial Power in Zanzibar*. Bloomington. 394 p.
- Buttino, 2007** – *Buttino, M.* (2007). *Revoliutsiia naoborot: Sredniaia Aziia mezhdru padeniem tsarskoi imperii i obrazovaniem SSSR [Revolution in reverse: Central Asia between the fall of the Tsarist Empire and the formation of the USSR]*. M. 447 p. [in Russian]
- Crews, 2003** – *Crews, R.D.* (2003). *Civilization in the city: Architecture, urbanism, and the colonization of Tashkent. Architecture of Russian identity, 1500 to the present*. Ithaca, London. Pp. 117-132.
- Çelik, 1997** – *Çelik, Z.* (1997). *Urban Forms and Colonial Confrontations: Algiers Under French Rule*. Berkeley, Los Angeles, London. 250 p.
- Dobrosmyslov, 1912** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1912). *Goroda Syr-Dar'inskoi oblasti. Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulie-Ata i Chimkent [Cities of the Syr-Darya region. Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulie-Ata and Chimkent]*. Tashkent. 204 p. [in Russian]
- Harrison, 1994** – *Harrison, M.* (1994). *Public health in British India: Anglo-Indian preventive medicine, 1859-1914*. Cambridge. 324 p.
- Henze, 2011** – *Henze, C.E.* (2011). *Disease, Health Care, and Government in Late Imperial Russia: Life and Death in the Volga, 1823–1914*. New York. 227 p.
- Gupta, 1981** – *Gupta, N.* (1981). *Delhi Between Two Empires, 1803-1931: Society, Government, and Urban Growth*. New Delhi. 234 p.
- Johnson, Miller, 2025** – *Johnson, M., Miller, H.* (2025). Introduction: Petitions and Petitioning in Colonial and Post-Colonial Contexts. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 3: 453-475.
- Kabul'dinov et al., 2024** – *Kabul'dinov, Z.E., Uderbayeva, S.K., Shotanova, G.A.* (2024). Diplomatic Mission A.F. Negri in Bukhara 1820: Goals and Results. *Bylye Gody*. 19(1): 84-94.
- Lykoshin, 1894** – *Lykoshin, N.* (1894). *Novye musul'manskije kladbishcha [New muslim cemeteries]*. *Turkestanskije vedomosti*. 40, June 5.P. 148. [in Russian]
- NAU** – Natsional'nyi arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- Ostroumov, 1908** – *Ostroumov, N.P.* (1908). *Etnograficheskie materialy (Obshchii ocherk) [Ethnographic Materials (General overview)]*. Tashkent. 297 p. [in Russian]
- Otchet po revizii..., 1910** – *Otchet po revizii Turkestanskogo kraia, proizvedennoi po vysochaisheму повелению senatorom gofmeisterom grafom K.K. Palenom: Gorodskoe upravlenie [Report on the inspection of the Turkestan, conducted by imperial order by senator, hofmeister count K.K. Palen: municipal administration]*. SPb. 1910. 484 p. [in Russian]
- Rossiia..., 1913** – *Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naia i dorozhnaia kniga dlia russkikh liudei. T. 19: Turkestanskii kraj [Russia. A complete geographical description of our fatherland: a reference and travel book for the Russian people. Vol. 19: Turkestan]*. SPb. 1913. 861 p. [in Russian]
- Sahadeo, 2007** – *Sahadeo, J.* (2007). *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington. 316 p.
- Terent'ev, 1906** – *Terent'ev, M.A.* (1906). *Istoriia zavoevaniia Srednei Azii. S kartami i planami [History of the conquest of Central Asia. With maps and plans]*. T. 3. SPb. 496 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan].
- Tsentral'noaziatskii region..., 2021** – *Tsentral'noaziatskii region Rossiiskoi imperii Rossiiskoi imperii v usloviakh frontirnoi modernizatsii [The Central Asian region of the Russian Empire under conditions of frontier modernization]*. Barnaul, 2021. 395 p. [in Russian]
- Walther, 2017** – *Walther, D.J.* (2017). Race, Space and Toilets: 'Civilization' and 'Dirt' in the German Colonial Order, 1890s-1914. *German History*. 4: 551-567.

Санитария и имперский порядок: мусульманские кладбища в Туркестанском крае

Жанибек Алтынбекович Акимбек ^{a, *}, Ляззат Сарсембековна Динашева ^b

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^b Международный университет туризма и гостеприимства, Туркестан, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматривается роль санитарного дискурса в имперской политике России в Туркестанском крае на примере закрытия мусульманских кладбищ. Забота о

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akimbekzhanibek@gmail.com (Ж.А. Акимбек)

здоровье и чистоте стала важным инструментом легитимации имперского управления, позволяя оправдывать вмешательство в повседневную жизнь местного населения. Закрытие мусульманских кладбищ, перенос мест захоронений за пределы города и установление правил погребения становились элементами новых норм.

Показано, что санитарные меры выходили за рамки санитарно-гигиенических задач. Эти меры являлись законным поводом для государства установить контроль над телом человека. Даже после смерти человеческое тело рассматривалось как объект государственного контроля. Наряду с этим, регулирование кладбищ было частью трансформации городского пространства. Традиционные кварталы представляли угрозу для появившихся европейских районов. Проведённое исследование показывает, что районы были чётко сегрегированы.

Внедрение новых санитарных норм вызвало неоднозначную реакцию местного населения. С одной стороны, население сопротивлялось новым мерам, что приводило в некоторых случаях к открытым конфликтам. С другой – язык санитарного дискурса использовался жителями края для защиты своих интересов. Так, становится ясно, что регулирование кладбищ отражает широкие общественные процессы в Туркестанском крае.

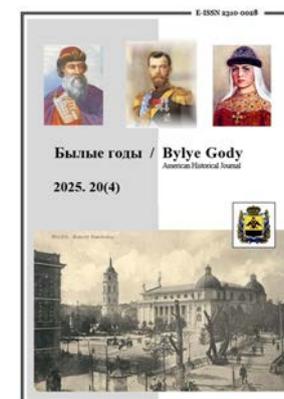
Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, шариат, власть, кладбище, медицина, санитария, гигиена, городское пространство, чистота, холера.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1958-1969
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1958

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Entrepreneurship and Trade in the Semirechye Region at the end of the XIX – beginning of the XX centuries

Gulnara Zh. Mukazhanova ^{a, *}, Kuralay M. Kabarova ^a, Tatyana V. Vorotilina ^b, Alexander S. Ivlyushkin ^c

^a Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the socio-economic development of the Semirechensk region in the late XIX and early XX centuries as a specific administrative and economic unit on the national periphery of the Russian Empire. The study covers the formation and dynamics of entrepreneurship and trade, taking into account the region's natural, demographic, and infrastructural characteristics. A general overview of Semirechye is provided, emphasizing its resource potential, settlement system, transportation accessibility, and administrative structure.

Special attention is paid to the dynamics of entrepreneurship based on statistical categories recorded in the “Reviews of the Semirechensk Region” and comparable sources. The article examines the features of industrial production using the official terminology of the reviews – “factories and plants” – including sectoral classification: processing of agricultural raw materials, production of construction materials, and handicrafts. District centers, especially the city of Verny, are identified as key hubs of business activity and entrepreneurial initiative.

The section on trade analyzes both domestic commerce and cross-border relations, particularly with China. It examines the organization of fairs, trade routes, the role of the merchant class, formats of wholesale and retail trade, and the participation of both nomadic and sedentary populations. A general overview of the range of goods represented in local markets is also provided.

The study is based on a wide range of sources – reports, statements, statistical reviews, and modern historiography. The results contribute to a deeper understanding of the transformational processes in Semirechye during its integration into the economic space of the Russian Empire.

Keywords: Semirechensk region, late XIX and early XX centuries, entrepreneurship, trade, factories and plants, fairs, merchant class, goods, products, Verny.

1. Введение

Предпринимательство и торговля в Семиреченской области на рубеже XIX–XX веков представляли собой важнейшие механизмы экономической интеграции региона в хозяйственную систему Российской империи. Включение Семиречья в состав Туркестанского генерал-губернаторства сопровождалось формированием новых торговых маршрутов, способствовавших активизации трансграничного обмена, особенно с Китаем. На фоне многоукладной экономики, сочетающей кочевое и оседлое хозяйство, возникли новые формы предпринимательской деятельности, включая купечество, артели, ярмарочную торговлю. Этническое и конфессиональное разнообразие региона определяло специфику хозяйственных моделей. Актуальность изучения данной темы обусловлена

* Corresponding author

E-mail addresses: gulnara.mukazhanova@knu.kg (G.Zh. Mukazhanova), kkabarova@list.ru (K.M. Kabarova), Vorotilina.TV@rea.ru (T.V. Vorotilina), a.s.ivlyushkin@mail.ru (A.S. Ivlyushkin)

возможностью выявления адаптационных механизмов и устойчивых практик, способствовавших выживанию и развитию в условиях периферийности.

В этом контексте особую научную и практическую ценность приобретает комплексное изучение предпринимательства и торговли в Семиреченской области конца XIX – начала XX века, выходящее за рамки современных национальных границ и раскрывающее целостную картину региональной экономической интеграции. Исторический опыт Семиречья демонстрирует, как трансформация экономического пространства создавала предпосылки для формирования региональных рынков, чьи черты сохраняются в современных условиях.

2. Материалы и методы

Источниковая база настоящего исследования охватывает широкий круг дореволюционных материалов, отражающих процессы становления предпринимательства и торговли в Семиреченской области на рубеже XIX–XX веков. Ключевыми выступают «Обзоры Семиреченской области», издававшиеся местной администрацией и введенные в научный оборот. Они содержат систематизированные сведения о торговых оборотах, функционировании ярмарок и рынков, развитии купечества, лицензировании и экономической активности как местного, так и переселенческого населения. Особый интерес представляют данные о работе торгово-промышленных предприятий, оборотах купеческих домов, структуре товарных потоков и участии региона в трансрегиональных связях (Обзор..., 1883; Обзор..., 1900; Обзор..., 1907; Обзор..., 1915).

Использованы также опубликованные труды дореволюционных чиновников и исследователей (Гейер, 1909; Заорская, 1915; Лавров, 1916 и др.), отражающие административное восприятие экономических процессов в Туркестанском крае, что позволяет реконструировать нормативные и практические аспекты хозяйственной жизни.

Значительное внимание уделено архивным материалам из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан) и Государственного архива Кыргызской Республики (ЦГА КР) (Бишкек, Кыргызская Республика). Среди них – отчёты, переписка, лицензии и документы о торгово-промышленных конфликтах, обеспечивающие высокую степень эмпирической верификации.

Методологическая основа исследования включает историзм, критическое источниковедение и системный подход. Применение историко-описательного и сравнительно-исторического методов позволило выявить типологию торговых отношений, региональные различия в экономической специализации и влияние этноконфессиональных факторов. Использование количественного анализа и картографирования обеспечило визуализацию пространственного распределения торговли и промыслов. Обобщение и интерпретация данных позволили раскрыть специфику регионального хозяйства как элемента общеимперской экономической системы.

3. Обсуждение

Современные исследования социально-экономической истории Центральной Азии, в частности Семиреченской области, демонстрируют устойчивый интерес к вопросам становления рыночных механизмов, торговли и предпринимательства как ключевых форм экономической интеграции периферийных территорий в состав Российской империи. Историографический анализ позволяет выделить три этапа в изучении данной тематики: дореволюционный, советский и постсоветский.

В дореволюционный период наибольшую ценность представляют труды И.И. Гейера, В.В. Заорской, С.И. Гулишамбарова, М.В. Лаврова и В.А. Васильева (Гейер, 1909; Заорская, 1915; Гулишамбаров, 1913; Лавров, 1916; Васильев, 1915), содержавшие подробные описания торгово-промышленного развития, ярмарочной торговли, функционирования предприятий и географии хозяйственного освоения Семиречья. Хотя эти работы носят преимущественно описательный характер и не стремятся к концептуальному осмыслению экономических процессов, они формируют важную эмпирическую основу для последующих исследований.

Советская историография, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, рассматривала предпринимательство и торговлю как элементы капиталистической эксплуатации и признаков социального неравенства. Важными работами этого периода стали исследования Е.Б. Бекмаханова, Б. Байбулатова, Б.Д. Джамгерчинова, А.Б. Джаманкараева, К. Джунушева и В. Лаврентьева (Бекмаханов, 1960; Байбулатов, 1958; Джамгерчинов, 1959; Джаманкараев, 1965; Джунушев, 1962; Лаврентьев, 1930), в которых анализировались социально-экономические аспекты вхождения Казахстана и Киргизии в состав России, развитие капиталистических отношений, становление товарного хозяйства. Значительное внимание уделяется также специфике обрабатывающей промышленности (Чуланов, 1960) и трансформации традиционных форм хозяйства. В работе М.И. Вексельмана (Вексельман, 1987) затрагиваются вопросы проникновения российского и иностранного капитала, социальной структуры общества и культурных изменений.

В постсоветский период наблюдается качественное изменение исследовательской оптики: акцент смещается с идеологических интерпретаций на многоаспектный анализ социально-экономических трансформаций. В трудах Т. Тулебаева, Т.Э. Толебаева (Тулебаев, 2014; Толебаева,

2002) освещаются вопросы экономической политики Российской империи, развития обрабатывающей промышленности и капиталистических отношений в Туркестане. Работы В.В. Галиева (Галиев, 2003) актуализируют значение Семиречья в контексте российско-китайских торговых связей, в частности в Синьцзяне. Однако в казахстанской историографии в целом преобладают исследования, связанные с последствиями миграционных процессов, тогда как предпринимательская активность изучается эпизодически. В кыргызской историографии (Алымбаев, 2009; Жакыпбеков, 2003; Кененсариев, 2012) основной акцент делается на социальной и аграрной истории, в том числе на анализе переселенческой политики и восстания 1916 года, тогда как торгово-хозяйственные аспекты чаще остаются за пределами научного анализа. Исследование А.Б. Бедельбаева (Бедельбаев, 2019) стало одним из немногих исключений, обобщив опыт советской историографии по проблеме предпринимательства в Семиречье.

Новейшие исследования (Батырбаева, 2024; Рогожинский, 2021) акцентируют внимание на комплексном подходе к изучению регионального развития: Ш.Д. Батырбаева рассматривает предпринимательскую активность в Пржевальском и Пишпекском уездах Северного Кыргызстана, тогда как А.Е. Рогожинский анализирует символическую трансформацию понятий «Жетысу» и «Семиречье». А. Биссембаева и др. рассматривают взаимосвязь между земельной политикой, предпринимательством и миграционными механизмами в Семиречье во второй половине XIX века (Bissembayeva et al., 2018). Аспекты экономической модернизации, миграционной политики и социальной трансформации в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, включая трудности восприятия европейских политико-экономических институтов в условиях господства традиционных структур, уже получили комплексное освещение (Lysenko et al., 2015). В контексте исследуемой проблемы представляет интерес работа коллектива авторов, в которой подчёркивается значимая роль купечества Семипалатинской области во второй половине XIX — начале XX века в развитии торгово-транспортной инфраструктуры, промышленного производства и социальной сферы, включая создание пароходства, промышленных предприятий, систем водоснабжения, электрификации и учреждений образования, что в совокупности способствовало зарождению новых социально-экономических отношений в Центральноазиатском регионе как национальной окраине Российской империи (Gabdulina et al., 2021). Авторы подчёркивают значимую роль купечества в формировании торгово-транспортной инфраструктуры, развитии промышленного производства и социальной сферы. Особое внимание уделяется вкладу купеческого сословия в создание пароходства, промышленных предприятий, систем водоснабжения, электрификации и учреждений образования, что в совокупности способствовало становлению элементов капиталистических отношений и модернизации региона.

Таким образом, несмотря на накопленную эмпирическую базу, вопросы становления предпринимательства и торговли в Семиреченской области на рубеже XIX–XX веков до сих пор не получили комплексного освещения. Отсутствие межгосударственного подхода и ограниченность рамками современных национальных границ затрудняют полноценное осмысление процессов экономической интеграции региона в хозяйственную систему Российской империи.

4. Результаты

В конце XIX – начале XX века Семиреченская область представляла собой ключевой приграничный регион Российской империи, обладавший значительным стратегическим, экономическим и демографическим потенциалом. Её географическое положение на стыке Сибири, Центральной Азии и Китая предопределяло важную транзитную роль в структуре общеимперской торговли, а природно-климатическое разнообразие способствовало развитию смешанных форм хозяйствования, сочетающих земледелие и различные виды скотоводства (Рогожинский, 2021).

Демографическая динамика этого периода характеризовалась устойчивым приростом населения, прежде всего за счёт масштабной переселенческой политики, реализуемой преимущественно в Пишпекском, Копальском и Пржевальском уездах. Существенное увеличение доли переселенцев из европейской части России трансформировало этнодемографическую структуру региона, усилив его культурное и конфессиональное многообразие. Параллельно происходило расширение расселенческой сети, формирование новых населённых пунктов и зарождение элементов городской среды – факторов, которые в совокупности способствовали развитию торговли, предпринимательства и становлению институциональных механизмов рыночной интеграции. Центральную роль в этих процессах играли уездные города – Верный, Пишпек, Лепсинск, Джаркент, Копал и Пржевальск, где происходила концентрация капитала и трудовых ресурсов (Лухтанов, 2009).

Анализ городских бюджетов Семиреченской области за 1886 и 1912 годы демонстрирует рост доходов и расходов, отражающий общее экономическое развитие и усиление торгово-предпринимательской активности. В 1886 году бюджеты 7 уездных городов (включая Верный, Пишпек и Пржевальск) были сбалансированы: основные доходы поступали от аренды торговых площадей, налога на недвижимость и городских сборов, а расходы направлялись на содержание управления, образования, медицины и правопорядка.

К 1912 году доходы существенно выросли (например, в Верном – с 42,5 тыс. до 155,7 тыс. рублей), особенно за счёт поступлений от недвижимости, торговли и городских сооружений. Расходы также увеличились, приоритет сохранился за образованием, полицией и администрацией. Сравнительная динамика по городам (Пишпек: с 4,3 тыс. до 64,2 тыс. руб.; Пржевальск: с 3,7 тыс. до 61,8 тыс. руб.) указывает на рост населения и расширение городской инфраструктуры (Семиреченские ведомости, 1886: 215; РГИА. Ф. 391. Оп. 8. Д. 7. Л. 5). Таким образом, бюджеты городов стали индикаторами социальной трансформации, усложнения функций городского управления и формирования устойчивых источников финансирования городской среды. Это, в свою очередь, способствовало формированию устойчивых предпринимательских практик, расширению торговых сетей и появлению новых форм хозяйственного взаимодействия. Динамика развития заводов и фабрик в Семиречье в 1883–1913 годах, соотношение их категорий и занятости населения наглядно отражают сложный и многогранный процесс включения региона в экономическое пространство империи.

В 1883 году, когда Семиреченская область была включена в состав Степного генерал-губернаторства, в регионе насчитывалось 54 предприятия, производивших продукцию на сумму 525 496 рублей и обеспечивавших занятостью 374 рабочих (Таблица 1). После возвращения области в состав Туркестанского генерал-губернаторства в 1899 году количество предприятий увеличилось до 1 091, стоимость произведённой продукции составила 524 281,5 рубля, а число рабочих достигло 818 человек. Это отражает активизацию производственной деятельности, во многом обусловленную развитием сельского хозяйства. Присоединение Семиречья к территории активного переселения в 1906 году способствовало дальнейшему росту: число предприятий увеличилось до 1 651, объём продукции — до 1 212 651 рубля, численность рабочих — до 1 914 человек. К 1913 году, накануне Первой мировой войны, в регионе функционировало уже 2 310 фабрик и заводов, производивших продукцию на сумму 4 122 660 рублей при занятости 4 200 человек.

Таблица 1. О фабриках и заводах Семиреченской области с 1883 по 1913 год

Уезды	1883			1900			1906			1913		
	Количество		Сумма производства, в рублях									
	заводов	рабочих		заводов	рабочих		заводов	рабочих		заводов	рабочих	
Верный	20	176	345 206	340	696	202 875	397	901	918 521	468	1 586	2 990 460
Копальский	1	2	1 500	106	117	36 140	197	134	20 245	430	617	211 000
Джаркентский	0	0	0	46	104	32 930	449	286	55 680	420	595	142 100
Лепсинский	17	147	170 850	326	351	116 576	166	92	60 280	390	545	406 460
Пишпекский	0	0	0	170	219	91 045	124	221	119 330	308	474	266 500
Пржевальский	16	49	7940	126	142	45 244	318	173	25 085	294	384	106 200
Итого по Семиреченской области	54	374	525 496	1 114	1 629	492 284	1 651	1 914	1 212 651	2 310	4 201	4 122 660

Анализ территориальной динамики развития показывает, что уезды области демонстрировали разную степень промышленного роста. Уезд Верный, как административный центр, значительно опережал остальные территории по всем ключевым показателям: число предприятий увеличилось с 20 до 468, объём продукции — с 345 206 до 2 990 460 рублей, а численность рабочих — с 176 до 1 586 человек. В Копальском уезде аналогичные показатели оставались значительно ниже: к 1913 году здесь насчитывалось 430 предприятий при объёме производства 211 000 рублей и занятости 617 человек. Лепсинский уезд демонстрировал умеренный рост (390 предприятий, 406 460 рублей продукции и 545 рабочих), тогда как Джаркентский и Пржевальский уезды характеризовались более скромными результатами. Особенно примечательно развитие Пишпекского уезда: с нулевых показателей в 1883 году он достиг 308 предприятий к 1913 году, что свидетельствует о быстром экономическом подъёме. Разнообразии показателей развития уездов Семиреченской области в

период с 1883 по 1913 год отражает сложные взаимосвязи между природно-географическими особенностями, географическим расположением и административными условиями, подчёркивая значительные различия в экономическом потенциале уездов, особенностях их промышленного развития и социально-экономических характеристиках.

В период с 1883 по 1913 год в уездах Семиреченской области наблюдалась разнообразная динамика в развитии производства обдельвающих животных продуктов, таких как мыловаренные, восковые свечи, кожевенные изделия, сукноваленная продукция, овчины, церковные свечи, кишки, мойки шерсти (Таблица 2). Это направление развития было особенно значимо, учитывая скотоводческую ориентацию хозяйства в регионе. Верный и Верненский уезд вновь выступали лидерами, демонстрируя рост как в количестве предприятий, так и в объёмах производства. К 1912 году в регионе функционировало 61 кожевенное предприятие, 35 мыловаренных и 8 шерстомоек. Особое место занимала суконная фабрика купцов Шахростова и Пестова, продукция которой в 1913 году была удостоена золотой медали. Эти отрасли развивались благодаря традиционной скотоводческой специализации региона и растущему рыночному спросу.

Параллельно происходил рост перерабатывающих предприятий, связанных с сельскохозяйственной продукцией. Это включало винокуренные, пивоваренные, крупчаточные и водяные мельницы, маслобойни, табачные и сыроваренные заводы. Наиболее интенсивный рост наблюдался в уезде Верном, что обусловлено его центральным положением и развитой инфраструктурой. Копальский, Джаркентский, Лепсинский и Пишпекский уезды демонстрировали устойчивую, хотя и менее интенсивную динамику. Производственные мощности в этих уездах обеспечивали продовольственную безопасность и снабжение местных рынков.

Отдельного внимания заслуживает развитие строительной промышленности — известковых, кирпичных и гончарных предприятий. Их рост напрямую связан с развитием городов, укреплением оседлой инфраструктуры и миграционными потоками. Производство искомой продукции (строительных материалов и предметов быта) стало неотъемлемой частью процессов хозяйственного освоения и формирования инфраструктурных центров региона. Лидирующие позиции занимал Верненский уезд, в то время как остальные уезды демонстрировали умеренные, но устойчивые темпы развития.

Таким образом, в период с 1883 по 1913 год в Семиреченской области наблюдались зачатки роста промышленности, основанной на переработке как животноводческого, так и растительного сырья, а также на строительстве объектов местного значения. Эти процессы были тесно связаны с переселенческой политикой, развитием оседлой культуры и укреплением инфраструктуры региона. За три десятилетия область прошла путь от малочисленного ремесленного производства до заметного промышленного центра в составе Туркестанского края, что заложило основы для её интеграции в общеимперские торгово-промышленные связи и подготовило к дальнейшему экономическому росту в условиях модернизации.

Наиболее динамичное развитие отрасли по переработке животноводческого сырья в Семиреченской области в период с 1883 по 1913 год продемонстрировали Верненский уезд и город Верный. Здесь наблюдался стабильный рост как числа предприятий, так и объёмов производства, что напрямую связано с концентрацией населения, капитала и инфраструктуры в областном центре.

К 1913 году в Верненском уезде функционировало значительное количество производств, ориентированных на мыловарение, кожевенное и суконное дело, что подтверждается статистическими данными. Копальский уезд, начав с полного отсутствия предприятий, к 1913 году достиг определённого прогресса: активное развитие получил мыловаренный и кожевенный сектор. Это было связано с постепенным заселением территории, расширением спроса на местную продукцию и укреплением инфраструктуры. Особенно показательным является рост количества кожевенных производств с 36 до 61 единицы за 20 лет, а также стабильная производительность, близкая к уровню Верного. Джаркентский уезд и город Джаркент, несмотря на отдалённость и меньшую плотность населения, демонстрировали стабильную положительную динамику. Небольшой, но последовательный рост числа предприятий в животноводческом секторе свидетельствует о развитии местных форм хозяйствования и адаптации к рыночным условиям. Лепсинский уезд и город Лепсинск также показали рост в этой сфере, однако в меньших масштабах. Отмечается повышение производительности в кожевенном и мыловаренном производстве, несмотря на незначительное сокращение числа предприятий по производству восковых свечей. Показатели Пишпекского и Пржевальского уездов исходно были скромными, но к 1913 году и они демонстрировали положительную динамику. Особенно важен факт начала строительства шерстомоечных заведений с 1892 года — к 1912 году в области насчитывалось уже восемь таких предприятий, большая часть из которых была сконцентрирована в Верненском и Копальском уездах. Это указывает на укрепление специализированных отраслей, напрямую обслуживавших скотоводческую экономику региона.

Особого внимания заслуживает развитие суконной промышленности: благодаря инициативе купцов Шахростова и Пестова в регионе была основана современная суконная фабрика, которая к 1913 году получила золотую медаль за качество продукции, что символизировало высокую конкурентоспособность местных товаров.

Таблица 2. Промышленные заведения, обделывающие животные продукты в Семиреченской области

Название фабрик и заводов	Количество промышленных заведений		Производительность на 1 предприятие	
	1892 год	1912 год	1892 год	1912 год
Мыловаренных	14	35	747	481
Восковых свеч	1	1	9100	5000
Кожевенных	36	61	3 121	2 959
Сукновален	2	1	95	50000

На основе [Таблицы 2](#) можно отметить, что за период с 1892 по 1912 год количество мыловаренных заведений увеличилось с 14 до 35, при этом производительность одного предприятия снизилась с 747 до 481 единицы, что может свидетельствовать о росте мелкотоварного сектора. Кожевенное производство сохранило устойчивость: с увеличением количества предприятий с 36 до 61, производительность осталась почти на одном уровне – 3121 против 2959, что говорит о стабильности спроса и технологической базы. Восковая продукция сохраняла ограниченное присутствие, а производство сукновален, несмотря на снижение количества (с 2 до 1), продемонстрировало резкий рост производительности – с 95 до 50 тыс. единиц, что, вероятно, связано с модернизацией одного из предприятий.

Таким образом, рост предприятий по переработке животноводческой продукции в Семиреченской области был неравномерным по уездам, но в целом отражал как внутренние особенности хозяйственной структуры (скотоводческий уклад, плотность переселенцев), так и институциональное и предпринимательское освоение региона. Это направление стало важнейшим элементом индустриализации области в контексте вовлечения в экономическое пространство Российской империи.

Развитие торговли и денежно-кредитных отношений в Семиреченской области в период российского освоения играло ключевую роль в становлении хозяйственной системы региона. В рассматриваемый период Семиречье выступало важным звеном в системе трансграничного обмена, куда ввозились хлопчатобумажные и шелковые ткани, металл, чай, сахар, посуда, табак и другие промышленные изделия, тогда как вывоз осуществлялся преимущественно за счёт пушнины, кожевенного сырья, мяса и продукции животноводства, что отражает специфику региона как поставщика сырья и потребителя готовых товаров ([ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 9. Д. 56. Л. 17-19](#)).

Торговая активность охватывала четыре направления: внутриобластный обмен, межрегиональные связи, торговлю с другими губерниями Российской империи и внешнеэкономическое взаимодействие с сопредельными странами, включая Западный Китай и Западную Европу. Существенным фактором активизации трансграничной торговли стало временное занятие Кульджинского края в 1871 году, вызвавшее значительное оживление караванной торговли с Восточным Туркестаном. Уже в первый год после оккупации из 38 караванов, вышедших из Верного, 34 были направлены в этот регион, а доля товаров, доставленных оттуда, составила 79 % от общего объёма, что свидетельствует о быстром укреплении торговых связей и активном участии верненского купечества в трансграничных операциях ([ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 60–66](#)).

Во второй половине XIX – начале XX века жители Семиреченской области активно участвовали в торговле с Китаем, особенно с Синьцзяном. Основу обмена составляла торговля скотом, шерстью, кожевенным и сельскохозяйственным сырьём. Одним из важнейших направлений стал Кульджинский тракт, соединявший пограничные уезды с Кашгарским округом, Урумчи и другими китайскими центрами. Однако торговля сталкивалась с серьёзными препятствиями. Китайские власти нередко устанавливали дополнительные налоги на погонный скот. Например, в 1917 году в Кашгаре вводился особый налог «Тун-Шуй» на пастьбу скота, а в некоторых пунктах пытались взимать пошлины за право прохода. Подобные действия, по сведениям 1908 года, были отмечены и в Кульджинском округе, где, не без ведома цинского наместничества, чины взимали внутренние налоги, препятствуя свободной торговле и провозу скота (в том числе из Урумчи через Суйдун в казахстанские пределы) ([ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 37976. Л. 51](#)). Купцы были вынуждены продавать скот на местах, по заниженным ценам, а в ряде случаев — возвращаться с невыгодными сделками. Кроме того, торговля осложнялась монетарной политикой: в китайских округах предпочитали расчёты в серебре, тогда как на территории Семиречья преобладал рубль, что также создаёт сложности при взаиморасчётах ([ЦГА РК. Ф. 126. Оп. 1. Д. 30. Л. 14](#)). В целом, трансграничная торговля скотом между Семиречьем и Синьцзяном являлась важной частью экономики региона, но сопровождалась системными трудностями, связанными с пограничным контролем, налоговыми ограничениями и несовпадением экономических интересов.

Торговая инфраструктура области включала объекты, специализировавшиеся как на сбыте местной сельскохозяйственной, промысловой и кустарной продукции, так и на реализации импортных

товаров. Причём число торговых точек, занимавшихся сбытом привозных товаров, превышало количество торговцев, ориентированных на продукцию местного производства. В Верном торговля во второй половине XIX века носила преимущественно оптовый характер: закупка скота и шерсти у казахских аулов сопровождалась поставками предметов массового спроса (мануфактура, посуда, чай, сахар и др.) по ценам, многократно превышавшим цены Центральной России. Значительную прибыль купечество также получало от поставок продукции государственным учреждениям.

К 1868 году в Верном насчитывалось восемь купцов с гильдейскими патентами; в том же году было выдано 75 новых торговых свидетельств, значительная часть которых была получена узбекскими торговцами, специализировавшимися на продаже тканей, сухофруктов и других традиционных товаров Средней Азии (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 25. Д. 590. Л. 22). Для стимулирования предпринимательской активности вновь приписанные к городу купцы и промышленники обязывались в течение трёх лет построить дом, производственное или ремесленное заведение на сумму, соответствующую их гильдейскому статусу. Невыполнение этих требований влекло утрату предоставленных льгот, включая освобождение от налогов, повинностей и торгово-промышленных пошлин сроком на 15 лет (ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 16. Д. 515. Л. 81).

Основной ассортимент привозных товаров составляли мануфактурные и галантерейные изделия, поступающие из Европейской России, Сибири, Туркестана и Китая. Основными потребителями были как местные жители, так и приезжие. Развитие транспортной инфраструктуры – прокладка трактов (Копальского, Ташкентского, Каракольского), организация почтовой и телеграфной связи – существенно способствовали росту оборота. Денежно-кредитные учреждения обеспечили переход от натурального обмена к обороту наличных средств, способствуя коммерциализации хозяйства и формированию условий для устойчивого роста. Ключевым этапом модернизации стало строительство железной дороги, завершённое в начале XX века, что окончательно интегрировало Семиреченскую область в хозяйственное пространство империи и придало новый импульс развитию предпринимательства и торговли.

В структуре предпринимательства в Семиреченской области выделялись три основные группы: мелкие торговцы, алыпсатары (перекупщики) и купцы. Первые, преимущественно представители коренного населения, торговали на местных базарах; вторые, такие как Юлдашев, занимались скупкой и перепродажей товаров; третьи, включая Пугасова и Романекова, являлись владельцами крупных производств. Для осуществления торгово-промышленной деятельности предприниматели оформляли купеческие свидетельства, которые подразделялись по гильдиям: первая предоставляла расширенные привилегии, вторая – ограниченные. Выдавались также личные промысловые документы, патенты на ведение определённой деятельности, включая реализацию спиртных и табачных изделий, организацию временных выставок и открытие питейных заведений. Эти документы обеспечивали правовую основу деятельности, классифицировались по разрядам и сопровождалась налоговыми сборами, поступающими в казну.

По объёму товарооборота вывоз из области значительно превышал ввоз. Основу экспорта составляли скот, шерсть и кишки. Финансовый капитал из европейской части империи стремился установить контроль над всеми этапами переработки животноводческого сырья. В начале XX века важную роль в торговле играла компания «Стукен и К», специализировавшаяся на вывозе кишок и кожевенного сырья. В 1914 году немецкая фирма Дюршмидт достигла производства 1624 тыс. кишок на сумму 508 тыс. рублей. После смерти Г.В. Дюршмидта наблюдался спад, однако в 1916 году Русско-Азиатский банк финансировал создание объединённого торгово-промышленного общества, куда вошли предприятия «Наследники Г.В. Дюршмидта» и «А.В. Емельянов и В.Г. Сорокин». Последний торговый дом занимался не только животноводческим сырьём, но и иной продукцией, ориентированной как на внутренний рынок, так и на экспорт. До революции были заключены предварительные договорённости с западноевропейскими и американскими представителями о вывозе полуфабрикатов, что свидетельствует о возрастающем интересе иностранных структур к местному сырью и возможности установления монополии в этом секторе экономики (Вексельман, 1987: 33).

Торговля в Семиреченской области велась в трёх формах: стационарные базары, подвижные «степные ярмарки» и временные торжки. Базары в городах играли центральную роль, располагаясь по торговым рядам и отвечая на потребительский спрос. «Степные ярмарки», удобные для кочевого населения, организовывались на сезонных стойбищах и специализировались на продукции животноводства (шерсть, кожа). В исследуемый период насчитывалось 11 таких ярмарок, в числе которых Нарынско-Сергиопольская, Атбашинская, Алмалинская, Попутненская, Бектурганская, Верненская, Пишпекская и Токмакская. Их товарооборот составлял от 130 до 996 тыс. рублей в год, с заметным спадом в начале XX века, что побудило местную администрацию поддерживать скотоводов через институт маклерства (Галиев, 2003: 134).

Торжки, сформировавшиеся в условиях переселенческой миграции, способствовали развитию внутреннего товарообмена и укреплению сельских поселений. Они предоставляли кочевому населению возможность сбыта продукции вблизи мест кочевий, тем самым формируя устойчивую структуру локального рынка. Вмешательство краевой администрации в сферу внутренней торговли

носило эпизодический характер и, как правило, осуществлялось в условиях кризисов. Особенно отчётливо это проявилось в годы Первой мировой войны, когда в ответ на резкий рост цен на продовольствие и предметы повседневного спроса власти прибегали к установлению предельных цен, стремясь предотвратить товарный дефицит и массовое недовольство населения (ЦГА КР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 16-18).

По сравнению с ввозом, вывоз продукции из области значительно преобладал. Основными экспортными товарами были шерсть, кожи, кишки и скот, а основными направлениями — Сыр-Дарьинская и Семипалатинская области, а также центральные губернии России. Несмотря на полугрубое качество, шерсть пользовалась стабильным спросом в имперской промышленности.

Производство растительной продукции, прежде всего зерна, в основном обеспечивало потребности местных рынков. По мере увеличения урожайности нарастал внутренний сбыт и частичный экспорт. Производство и реализация алкогольных напитков оставались в границах области, лишь незначительная часть отправлялась в приграничные регионы и Китай.

С началом заселения края переселенцами усилилась ориентация на товарное зерноводство. Хлеб поставлялся в хлопкосеющие и скотоводческие уезды, а также в Семипалатинск, где начинала развиваться мукомольная и иная переработка зерна (Лавров, 1916: 73; Джаманкараев, 1965: 50).

В целом, торговая система Семиреченской области в конце XIX — начале XX века представляла собой многоуровневую и динамичную структуру, в которой сочетались элементы локального и трансрегионального обмена. Ведущими факторами её развития стали аграрная специализация, формирование транспортной и административной инфраструктуры, усиление роли финансового капитала и институциональная поддержка со стороны властей. Это обеспечило включение региона в общеимперскую хозяйственную систему и сформировало устойчивую торгово-промышленную модель, оказывавшую значительное воздействие на экономику и социокультурную динамику края.

5. Заключение

В конце XIX – начале XX века в Семиреченской области наблюдалось поступательное развитие местных форм перерабатывающей деятельности, основанной на использовании сырья животноводческого и земледельческого происхождения. Особое распространение получили кожевенные, мыловаренные и суконные промыслы, обусловленные преобладанием скотоводства и устойчивым спросом на продукцию как внутри региона, так и за его пределами. Наряду с ними формировались винокуренные, пивоваренные, табачные и крупчаточные производства, отражающие рост потребления и расширение земледельческого уклада. Изготовление строительных материалов – таких как кирпич, известь и гончарные изделия – сопровождало освоение новых поселений и развитие постоянных форм жизнеустройства. Увеличение числа производств, вовлечение в хозяйственную деятельность купечества и переселенцев, использование ремесленных навыков и элементарных механизмов обработки сырья способствовали укреплению экономической специализации региона в составе Туркестанского края.

Развитие торговли сопровождалось созданием гибкой сети базаров, ярмарок и торжков, приспособленных как к потребностям кочевого населения, так и к нуждам оседлых жителей. Основу товарооборота составляли изделия животноводства и земледелия, тогда как ввоз обеспечивал спрос на мануфактурные, промышленные и бытовые товары. Система патентов, промысловых свидетельств и маклерства фиксировала правовое и административное оформление предпринимательства. Усиление позиций торгово-промышленных объединений и банковских структур в сфере переработки сырья свидетельствовало о растущей интеграции региона в хозяйственное пространство империи. Семиреченская область постепенно превращалась в важную зону экономической активности с формирующимися устойчивыми предпринимательскими традициями.

Литература

Алымбаев, 2009 – Алымбаев Ж.Б. Общественно-политическая жизнь кыргызов в российской историографии во второй половине XVIII – начале XX вв. (историография вопроса) // *Известия Вузов*. 2009. № 1. С. 144-147.

Байбулатов, 1958 – Байбулатов Б. Социально-экономический строй Киргизии до Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1958. 96с.

Батырбаева, 2024 – Батырбаева Ш.Д. Динамика развития сельскохозяйственной промышленности Пржевальского и Пишпекского уездов Семиреченской области в конце XIX – начале XX в. в условиях их хозяйственного освоения // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2024. №4 (72). С. 30-46.

Бедельбаев, 2019 – Бедельбаев А.Б. История развития предпринимательства в Семиреченской области в конце XIX и начале XX века в исследованиях ученых советского периода // *Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына*. 2019. №4. С. 133-136.

Бекмаханов, 1960 – Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 342 с.

- Васильев, 1915** – *Васильев В.А.* Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины: Введение к проекту. Пг.: Екатеринбург. тип., 1915. 281 с.
- Вексельман, 1987** – *Вексельман М.И.* Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1987. 143 с.
- Галиев, 2003** – *Галиев В.В.* Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX – начало XX в.). Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова, 2003. 189 с.
- Гейер, 1909** – *Гейер И.И.* Туркестан. Ташкент: Изд. А.Л. Кирснер, 1909. 35 с.
- Гулишамбаров, 1913** – *Гулишамбаров С.И.* Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой. Ашхабад, 1913. 588 с.
- Джаманкараев, 1965** – *Джаманкараев А.Б.* Развитие торговли в Киргизии в конце XIX – начале XX вв. Фрунзе: Илим, 1965. 132 с.
- Джамгерчинов, 1959** – *Джамгерчинов Б.Д.* Присоединение Киргизии к России. М.: Соцэргиз, 1959. 435 с.
- Джунушев, 1962** – *Джунушев К.* Экономические предпосылки возникновения товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии. Фрунзе: Изд. АН Кирг. ССР, 1962. 21 с.
- Жакыпбеков, 2003** – *Жакыпбеков Ж.* Социально-экономическое и политическое развитие Кыргызстана во второй половине XIX - начале XX веков: Историография проблемы. Бишкек, 2003. 46 с.
- Заорская, 1915** – *Заорская В.В.* Промышленные заведения Туркестанского края. Пг.: Екатеринбург. тип., 1915. 557 с.
- Кененсариев, 2012** – *Кененсариев Т.* История колониальной политики русского самодержавия на окраинах. Экономическая политика России в Кыргызстане во 2-й половине XIX – нач. XX вв. LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 300 с.
- Лаврентьев, 1930** – *Лаврентьев В.* Капитализм в Туркестане: (Буржуазная колонизация Средней Азии). Коммунист. акад. о-во историков-марксистов. Л.: Изд-во Коммунист. акад., 1930. 83 с.
- Лавров, 1916** – *Лавров М.В.* Туркестан: География и история края. М.; Пг., 1916. 203 с.
- Лухтанов, 2009** – *Лухтанов А.Г.* Город Верный и Семиреченская область: [справочник]. Алматы, 2009 [б. и.]. 220 с.
- Обзор..., 1883** – Обзор Семиреченской области за 1882 год. 1883. 78 с.
- Обзор..., 1893** – Обзор Семиреченской области за 1892 год. 1893. 91 с.
- Обзор..., 1900** – Обзор Семиреченской области за 1899 год. 1900. 89 с.
- Обзор..., 1907** – Обзор Семиреченской области за 1906 год. 1907. 121 с.
- Обзор..., 1914** – Обзор Семиреченской области за 1912 год. 1914. 104 с.
- Обзор..., 1915** – Обзор Семиреченской области за 1913 год. Верный: Тип. Семиреч. обл. Правления, 1915. 110 с.
- Первая Всеобщая..., 1905** – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Семиреченская область. СПб., 1905. 149 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рогожинский, 2021** – *Рогожинский А.Е.* От «Жетысу» до «Семиречья»: рождение и трансформация значений // *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница»*. 2021. № 14. С. 160-170.
- Семиреченские ведомости, 1886** – Ведомость о городских доходах и расходах по Семиреченской области по сметам области на 1886 г. // *Семиреченские ведомости*. № 7. С. 346-215.
- Толебаев, 2002** – *Толебаев Т.Э.* Казакстанга капитализм енуінін тарихнаамасы (XIX г. Екіншіжартысы – XX г. басы). Алматы, 2002. 250 с.
- Тулебаев, 2014** – *Тулебаев Т.А.* Обрабатывающая промышленность Туркестанского края (По материалам Сырдарьинской и Семиреченской областей). Тараз: Центр по изучению истории Туркестанского края им. Ж. Баласагуна, 2014. 230 с.
- ЦГА КР** – Центральный государственный архив Кыргызской Республики.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РУз** – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
- Чуланов, 1960** – *Чуланов Г.* Промышленность дореволюционного Казахстана. Алматы: Изд-во АН КазССР, 1960. 102 с.
- Bissembayeva et al., 2018** – *Bissembayeva L.A., Aimbetov B.S., Zhubanyshov B.T., Omarova B.K.* Features of the Land Policy of the Tsarist Administration in Semirech'ye in the second half of XIX century // *Bylye Gody*. 2018. 49(3): 1149-1158.
- Gabdulina et al., 2021** – *Gabdulina A.Zh., Aubakirova K.Sh., Akhmetova R.D., Abenova G.A.* Merchants of the Steppe Region in the second half of the XIX – early XX centuries: Entrepreneurship and Charity // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 738-749.
- Lysenko et al., 2015** – *Lysenko Y.A., Anisimova I.V., Bochkareva I.B., Lysenko M.F.* Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19th – early 20th) // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38. Is. 4. Pp. 960-961.

References

- Alymbayev, 2009** – *Alymbayev, Zh.B.* (2009). Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' kyrgyzov v rossiiskoi istoriografii vtoroi polovine XVIII-nachale XX vv. (istoriografiya voprosa) [Social and political life of the Kyrgyz in Russian historiography of the second half of the 18th – early 19th centuries]. *Izvestiya Vuzov*. 1: 144-147. [in Russian]
- Baibulatov, 1958** – *Baibulatov B.* (1958). Sotsial'no-ekonomicheskii stroi Kirgizii do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Social and economic structure of Kyrgyzstan before the Great October socialist revolution]. Frunze: Kyrgyzgosisdat. 96 p. [in Russian]
- Batyrbaeva, 2024** – *Batyrbaeva, Sh.D.* (2024). Dinamika razvitiya sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti Przheval'skogo i Pishpekskogo uezdov Semirechenskoi oblasti v kontse XIX – nachale XX v. v usloviyakh ikh khozyaistvennogo osvoeniya [The dynamics of agricultural industry development in the Przheval'sky and Pishpek uyezds of the Semirechye region at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries under the conditions of economic development]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 4(72): 30-46. [in Russian]
- Bedelbaev, 2019** – *Bedelbaev, A.B.* (2019). Istoriya razvitiya predprinimatel'stva v Semirechenskoi oblasti v kontse XIX i nachale XX veka v issledovaniyakh uchenykh sovetskogo perioda [The history of entrepreneurship development in the Semirechye region at the end of the XIX and early XX centuries in the research of soviet scholars]. *Vestnik Kyrgyzskogo Natsional'nogo Universiteta imeni Zhusupa Balasagyna*. 4: 133-136. [in Russian]
- Bekmakhanov, 1960** – *Bekmakhanov, E.B.* (1960). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii [The accession of Kazakhstan to Russia]. M.: Izd-vo AN SSSR. 342 p. [in Russian]
- Bissembayeva et al., 2018** – *Bissembayeva, L.A., Aimbetov, B.S., Zhubanyshov, B.T., Omarova, B.K.* (2018). Features of the Land Policy of the Tsarist Administration in Semirech'ye in the second half of XIX century. *Bylye Gody*. 49(3): 1149-1158.
- Chulanov, 1960** – *Chulanov, G.* (1960). Promyshlennost' dorevolyutsionnogo Kazakhstana [Industry of pre-revolutionary Kazakhstan]. Almaty: Izd-vo AN KazSSR. 102 p. [in Russian]
- Dzhamankaraev, 1965** – *Dzhamankaraev, A.B.* (1965). Razvitie torgovli v Kirgizii v kontse XIX – nachale XX vv [The development of trade in Kyrgyzstan at the end of the XIX – early XX centuries]. Frunze: Ilim. 132 p. [in Russian]
- Dzhangarchinov, 1959** – *Dzhangarchinov, B.D.* (1959). Prisoedinenie Kirgizii k Rossii [The accession of Kyrgyzstan to Russia]. M.: Sotsekgiz. 435 p. [in Russian]
- Dzhanushev, 1962** – *Dzhanushev, K.* (1962). Ekonomicheskie predposylki vozniknoveniya tovarnogo khozyaistva v dorevolyutsionnoi Kirgizii [Economic prerequisites for the emergence of a commodity economy in pre-revolutionary Kyrgyzstan]. Frunze: Izd. AN Kirg. SSR. 21 p. [in Russian]
- Pervaya Vseobshchaya..., 1905** – *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Semirechenskaya oblast'* [First General Census of the Population of the Russian Empire, 1897. Semirechye Region]. SPb., 1905. Vol. 86. 149 p. [in Russian]
- Gabdulina et al., 2021** – *Gabdulina, A.Zh., Aubakirova, K.Sh., Akhmetova, R.D., Abenova, G.A.* (2021). Merchants of the Steppe Region in the second half of the XIX – early XX centuries: Entrepreneurship and Charity. *Bylye Gody*. 16(2): 738-749.
- Galiev, 2003** – *Galiev, V.V.* (2003). Kazakhstan v sisteme rossiisko-kitaiskikh torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii v Sin'tszyane (konets XIX – nachalo XX v.) [Kazakhstan in the System of Russian-Chinese Trade and Economic Relations in Xinjiang (late XIX – early XX centuries)]. Almaty: Institut istorii i etnologii im. Ch. Valikhanova. 189 p. [in Russian]
- Geyer, 1909** – *Geyer, I.I.* (1909). Turkestan [Turkestan]. Tashkent: Izd. A.L. Kirsner. 35 p. [in Russian]
- Gulishambarov, 1913** – *Gulishambarov, S.I.* (1913). Ekonomicheskii obzor Turkestanskogo raiona, obsluzhivaemogo Sredne-Aziatskoi zheleznoi dorogoi [Economic overview of the Turkestan region served by the Central Asian railway]. Ashgabat. 588 p. [in Russian]
- Kenensariyev, 2012** – *Kenensariyev, T.* (2012). Istoriya kolonial'noi politiki russkogo samodержaviya na okrainakh. Ekonomicheskaya politika Rossii v Kyrgyzstane vo 2-i polovine XIX–nach. XX vv. [History of the colonial policy of the Russian autocracy on the outskirts. Economic policy of Russia in Kyrgyzstan in the second half of the XIX – early XX centuries]. LAP Lambert Academic Publishing. 300 p. [in Russian]
- Lavrentyev, 1930** – *Lavrentyev, V.* (1930). Kapitalizm v Turkestane: (Burzhuaznaya kolonizatsiya Srednei Azii). [Capitalism in Turkestan: (Bourgeois colonization of Central Asia)]. Kommun. akad. o-vo istorikov-marksistov. L.: Izd-vo Kommunist. akad. 83 p. [in Russian]
- Lavrov, 1916** – *Lavrov, M.V.* (1916). Geografiya i istoriya kraya [Turkestan: geography and history of the region]. Moskva; Petrograd. 203 p. [in Russian]
- Lukhtanov, 2009** – *Lukhtanov, A.G.* (2009). Gorod Vernyi i Semirechenskaya oblast': [spravochnik]. [The City of Verny and the Semirechye region: [reference book]]. Almaty: [n.p.] 220 p. [in Russian]
- Lysenko et al., 2015** – *Lysenko, Y.A., Anisimova, I.V., Bochkareva, I.B., Lysenko, M.F.* (2015). Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late XIX – early XX). *Bylye Gody*. 38(4): 960-961.

- Obzor..., 1883** – Obzor Semirechenskoj oblasti za 1882 god [Review of the Semirechye region for 1882]. 1883. 78 p. [in Russian]
- Obzor..., 1893** – Obzor Semirechenskoj oblasti za 1892 god [Review of the Semirechye region for 1882]. 1893. 78 p. [in Russian]
- Obzor..., 1900** – Obzor Semirechenskoj oblasti za 1899 god [Review of the Semirechye region for 1899]. 1900. 89 p. [in Russian]
- Obzor..., 1907** – Obzor Semirechenskoj oblasti za 1906 god [Review of the Semirechye Region for 1906]. 1907. 121 p. [in Russian]
- Obzor..., 1914** – Obzor Semirechenskoj oblasti za 1912 god [Review of the Semirechye Region for 1912]. 1914. 104 p. [in Russian]
- Obzor..., 1915** – Obzor Semirechenskoj oblasti za 1913 god [Review of the Semirechye Region for 1913]. Vernyi: Tip. Semirech. obl. Pravleniya. 1915. 110 p. [in Russian]
- Rogozhinsky, 2021** – Rogozhinsky, A.E. (2021). Ot «Zhetysu» do «Semirech'ya»: rozhdenie i transformatsiya znachenii [From Zhetysu to Semirechye: the birth and transformation of meanings]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa»*. 14: 160-170. [in Russian]
- Semirechye Vedomosti, 1886** – Vedomost' o gorodskikh dokhodakh i raskhodakh po Semirechenskoj oblasti po smetam oblasti na 1886 g. [Statement on city income and expenditure, by the Semirechye region for the estimates of the region for 1886]. *Semirechye Vedomosti*. 7: 346-215. [in Russian]
- Tolebaev, 2002** – Tolebaev, T.E. (2002). Kazakstanga kapitalizm enuinin tarikhnaamasy (XIX g. Ekinshizhartysy – XX g. basy) [The historiography of the penetration of capitalism into kazakhstan (second half of the XIX – early XX centuries)]. Almaty. 250 p. [in Kazakh]
- TsGA KR** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki [Central State Archives of the Kyrgyz Republic].
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].
- TsGA RUz** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archives of the Republic of Uzbekistan].
- Tulebaev, 2014** – Tulebaev, T.A. (2014). Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Turkestanskogo kraja: po materialam Syrdar'inskoi i Semirechenskoj oblasti [Processing industry of the Turkestan region]. Taraz: Tsentr po izucheniyu istorii Turkestanskogo kraja im. Zh. Balasaguna. 230 p. [in Russian]
- Vasiliev, 1915** – Vasiliev, V.A. (1915). Semirechinskaya oblast' kak koloniya i rol' v nei Chuiskoi doliny: Vvedenie k proektu [The Semirechye region as a colony and the role of the Chui valley in it: introduction to the project]. Petrograd: Ekaterin. tipografiya. 281 p. [in Russian]
- Vekselman, 1987** – Vekselman, M.I. (1987). Rossiiskii monopolisticheskii i inostrannyi kapital v Srednei Azii (konets XIX – nachalo XX v.) [Russian monopolistic and foreign capital in Central Asia (late 19th – early 20th centuries)]. Tashkent: Fan. 143 p. [in Russian]
- Zaorskaya, 1915** – Zaorskaya, V.V. (1915) Promyshlennyye zavedeniya Turkestanskogo kraja [Industrial Establishments of the Turkestan Region]. Petrograd: Ekaterinburg Typography. 557 p. [in Russian]
- Zhakyrbekov, 2003** – Zhakyrbekov, Zh. (2003). Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie Kyrgyzstana vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov: Istoriografiya problemy [Social, economic, and political development of Kyrgyzstan in the second half of the xix – early xx centuries: historiography of the problem]. Bishkek. 46 p. [in Russian]

Предпринимательство и торговля в Семиреченской области в конце XIX – начале XX века

Гульнара Жумагуловна Мукажанова^a, Куралай Маратовна Кабарова^a,
Татьяна Викторовна Воротилина^b, Александр Сергеевич Ивлюшкин^{c,*}

^a Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-экономического развития Семиреченской области в конце XIX – начале XX века как специфической административно-экономической единицы национальной окраины Российской империи. Исследование охватывает становление и динамику предпринимательства и торговли с учётом природных, демографических и инфраструктурных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gulnara.mukazhanova@knu.kg (Г.Ж. Мукажанова), kkabarova@list.ru (К.М. Кабарова), Vorotilina.TV@rea.ru (Т.В. Воротилина), a.s.ivlyushkin@mail.ru (А.С. Ивлюшкин)

особенностей региона. Дана обобщённая характеристика Семиречья с акцентом на природно-ресурсный потенциал, систему расселения, транспортную доступность и административное устройство. Особое внимание уделено динамике предпринимательства, основанной на статистических категориях, зафиксированных в «Обзорах Семиреченской области» и сопоставимых источниках. Рассматриваются особенности промышленного производства с использованием принятой в обзорах терминологии – «фабрики и заводы», включая распределение по отраслям: переработка сельскохозяйственного сырья, производство строительных материалов, кустарная промышленность. Выделены уездные центры, в частности город Верный, как важнейшие узлы деловой активности и предпринимательских инициатив. Анализ торговой сферы включает как внутреннюю торговлю, так и трансграничные связи (в особенности с Китаем), с рассмотрением структуры ярмарочной торговли, сети торговых линий, роли купеческого сословия, форматов оптовой и розничной торговли, участия кочевого и оседлого населения. Приводится типология основных товаров, представленных на рынках.

В работе использован широкий спектр источников — отчёты, ведомости, обзоры, статистические данные и достижения современной историографии. Результаты исследования позволяют более глубоко понять специфику трансформационных процессов в Семиречье на фоне включения региона в хозяйственное пространство Российской империи.

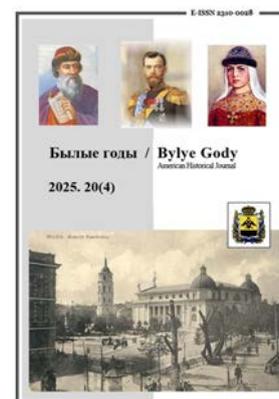
Ключевые слова: Семиреченская область, конец XIX – начало XX века, предпринимательство, торговля, фабрики и заводы, ярмарки, купечество, товары, продукция, Верный.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1970-1978
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1970

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Yakuts” by Origin among Officials in the Yakut Region (late 19th – early 20th centuries)

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Galina M. Lushchayeva ^a, Anna S. Zhulaeva ^a, Natalia V. Pakhomova ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article tested the historical facts about the social portrait of provincial civil servants, natives of the Yakut region (“Yakuts” by territorial origin). They served in the Yakutsk region from 1887 to 1917 and were representatives of the provincial bureaucracy of the late Russian Empire. Conclusions are based on service lists of officials obtained from the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia). We have identified previously unknown names of Yakut officials who were local residents of Yakutia. There were E. Kugaevsky, M. Nikolaev, N. Astrakhantsev, I. Popov, A. Gorlovsky, V. Bubyakin, A. Zhurakovsky, F. Ammosov, I. Karpov, N. Kondakov, A. Berezkin, S. Nadin, M. Olesov, N. Poryadin, E. Vasiliev. Residents of Yakutia constituted an absolute minority of officials in the Yakutsk region compared to visiting officials (20.8 % and 79.2 %, respectively). However, their share tended to increase in the 1910s. All local officials came from the urban intelligentsia of Yakutia (families of Cossacks, peasants, and officials). They received their education at educational institutions in Yakutsk (with the exception of one special assignment official with a higher education). Promotion was gradual, which was likely explained by the limited number of vacant positions, complex personnel rotation, general geographic remoteness, and underdeveloped transportation infrastructure of the northeastern periphery of the Russian Empire.

Keywords: local residents, provincial officials, social portrait, statistical methods, Yakutsk regional administration, Yakutsk region, Siberia, Russian Empire.

1. Введение

Российская империя в конце XIX – начале XX в. представляла собой сложное административно-территориальное образование, имевшее существенные отличия в организации местной государственной власти. В структуре управленческого механизма провинциальные чиновники являлись ключевым компонентом политической системы общества, приводили в жизнь предписанные свыше законы, принимали собственные управленческие решения, контролировали работу учреждений и жизнь населения на вверенной им территории. Исследование кадрового состава «правительственной» администрации на местном уровне управления является частью комплексного анализа социально-экономической, культурной и политической истории. В этом отношении Якутская область представляет собой интерес как самый большой по площади регион на Северо-Востоке Российской империи, в котором подбор и расстановка управленческих кадров были осложнены целым рядом факторов, таких как климатические условия, социальный состав населения, низкий уровень урбанизации и развития инфраструктуры, отдалённость от политических центров.

Цель статьи – показать социальный портрет провинциальных гражданских служащих («якутян» – по происхождению), находившихся в системе государственного управления Якутской области в поздний период Российской империи. Хронологические рамки исследования – 1887–1917 гг. – определены включённостью Якутской области в состав Иркутского генерал-губернаторства. Территориальные границы охватывают пять округов (с 1902 г. – уездов) Якутской области:

* Corresponding author

E-mail addresses: me@karchaeva.ru (T.G. Karchaeva)

Верхоянский, Вилюйский, Якутский, Колымский, Олекминский, так как в объект исследования вошли чиновники правительственных учреждений областного, окружного/уездного уровней власти.

2. Материалы и методы

Исследование базируется на формулярных (послужных) списках чиновников, представляющих собой биографические анкеты, заполненные согласно утверждённому образцу. Эти документы содержат структурированную информацию, позволяющую судить о том, являлись ли чиновники местными жителями или были приезжими, так как в них были графы: во-первых, о сословно-социальном происхождении служащего, на которого составлялся список (с возможным указанием территории происхождения рода или места службы отца); во-вторых, о наличии родового имущества, которое может свидетельствовать о месте проживания «родительской» семьи чиновника; в-третьих, о полученном образовании – месте расположения и наименовании учебного заведения. Заметим, под термином «якутяне» понимаются все местные жители Якутии независимо от национальности.

Формулярные списки подняты из фонда И-12 «Якутское областное управление» Национального архива Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)) (Якутск, Российская Федерация), так как именно данное правительственное учреждение осуществляло приём, перемещение и увольнение чиновников, находившихся на государственной службе в Якутской области, при этом формулярные списки провинциальных чиновников в конце XIX – начале XX в. в Правительственный Сенат уже не отправлялись. Всего были рассмотрены формулярные списки 72 гражданских чиновников, находившихся на службе в Якутии в 1887–1917 гг. Их состав объясняется естественной (случайной) выборкой.

Исследование проводилось с использованием общенаучных и исторических подходов, включая принципы историзма и объективизма, а также методов анализа, синтеза, сравнения, просопографии, математической и статистической обработки информации.

Для выявления количественных показателей в характеристике гражданских служащих Якутской области биографические сведения чиновников были систематизированы в электронной таблице Microsoft Excel. Применяя методику фильтрации, произведён суммарный подсчёт ключевых показателей, таких как социальное происхождение, место расположения родового имущества и наименование учебного заведения. Основываясь на итоговых данных, сформированы сводные таблицы и графики, позволившие установить принадлежность чиновников к «якутянам» по принципу территориального происхождения. Использование конкретных примеров из биографий помогло создать обобщённый портрет чиновников – местных жителей, находившихся на гражданской службе в Якутской области.

3. Обсуждение

Научные исследования, посвящённые функционированию институтов государственного и национального управления на территории дореволюционной Якутии, активно ведутся специалистами Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск). Среди приоритетных направлений исследований историка А.Д. Васильева – изучение кадрового состава Якутской областной администрации в первой половине XIX в. (Васильев, 2019; Васильев, 2023). В свою очередь, научные труды А.И. Архиповой посвящены рассмотрению профессиональной деятельности генерал-губернаторов, анализу социально-демографического состава губернаторского корпуса и формированию образов руководителей высшего звена правительственных учреждений Якутской области второй половины XIX – начала XX в. (Архипова, 2022; Архипова, 2024а; Архипова, 2024б).

Значительный вклад в изучение вопросов особенностей государственной службы в Якутской области периода Российской империи вносит историк Н.В. Третьякова (Третьякова, 2019а; Третьякова, 2019б; Третьякова, 2021). Именно в её работах был поднят вопрос о роли местных уроженцев («якутян») в системе управления регионом. Она подчеркнула незначительное их число среди чиновничества, связав приведённый факт с суждением о трудностях доступа к высшему образованию и отсутствием специальных привилегий государственной службы для сибиряков согласно закону 1886 г. (Третьякова, 2019б: 49).

Как уже доказано в исторических исследованиях, гражданский аппарат управления Восточной Сибири составляли, в основном, приезжие чиновники, переведённые на окраину Российской империи по воле властей или собственному прошению (Мамышева, 2022; Матханова, 2022; Карчаева, 2017; Карчаева, 2024а; Карчаева, 2024б; Karchaeva et al., 2022; Karchaeva et al., 2024а; Karchaeva et al., 2024б; Nesterenko et al., 2024). Данная статья является продолжением научного исследования кадрового состава правительственных учреждений Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. и конкретизирует вопрос доступа к государственной службе на примере Якутской области (Karchaeva et al., 2024б).

4. Результаты

4.1. Доля «якутян» среди чиновников Якутской области

Система гражданского управления Якутской области строилась на особых для областей Сибири законодательных началах, включавших национальные (иностранческие) институты власти, выборные

городские, волостные, сельские органы самоуправления, а также правительственные областные и окружные административно-полицейские учреждения (Статистико-экономические..., 1908: 26). «Коронная» или правительственная администрация была представлена губернатором, Якутским областным управлением, включая казначейство, пятью исправниками, возглавлявшими округа/уезды, 13 заседателями заседательских участков, которые соответствовали полицейским станам, а также служащими учреждений судебного ведомства (Статистико-экономические..., 1908: 36).

Общее количество гражданских служащих в Якутской области было небольшим. Согласно штатным расписаниям, действовавшим в конце XIX – начале XX в., например, аппарат самого крупного по числу служащих Якутского областного управления состоял из 40 штатных единиц, после реформы государственных органов, проведённой Министерством внутренних дел в 1903 г., – из 45 чиновников (ПСЗРИ, 1874: 523; Приклонский, 1896: 194; ПСЗРИ, 1903: 155).

Образовательный ценз служил серьёзным препятствием для поступления на государственную службу местных жителей Якутии (Третьякова, 2019b: 49). Географическая отдалённость региона и ограниченность образовательных учреждений создавали значительные трудности для получения необходимого образования. В Якутской области отсутствовали высшие учебные заведения, а пять средних учебных заведений, функционировавших в конце XIX – начале XX в., были сосредоточены в Якутске. Наиболее доступными для местного населения оставались начальные школы Министерства народного просвещения и Ведомства православного исповедания. При этом, как отмечалось современниками, «кончающие церковно-приходскую школу далеко не всегда научались читать и писать» (Статистико-экономические..., 1908: 192).

Из рассмотренных 72 чиновников, находившихся на службе в Якутской области в 1887–1917 гг., «якутянами» по установленным критериям – служба отца, проживание родительской семьи и получение образования в Якутии – можно назвать 15 чел., что составляло в общем 20,8 % (Таблица 1).

Таблица 1. Территориальное происхождение чиновников Якутской области в 1887–1917 гг., чел., %

Группы служащих/ хронологические периоды представленных данных	1887–1890-е гг.	1900-е гг.	1910-е гг.	Всего
Переведенные (приезжие)	4 (80 %)	26 (92,9 %)	27 (69,2 %)	57 (79,2 %)
Местные жители	1 (20 %)	2 (7,1 %)	12 (30,8 %)	15 (20,8 %)

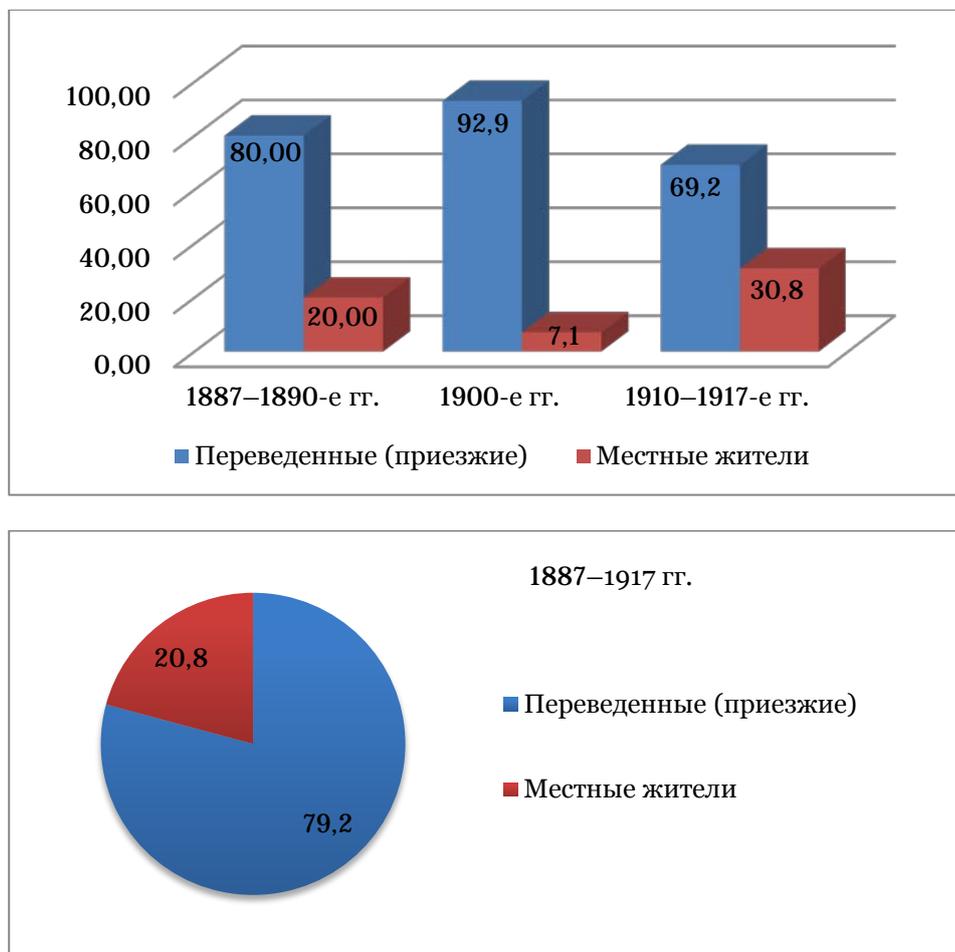
Сост. по: НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 1. Д. 15535. Л. 2–3об.; Оп. 2. Д. 9070. Л. 1 об. –4об.; Оп. 6. Д. 248. Л. 1–4; Д. 641. Л. 1–4; Оп. 6. Т. 2. Д. 2876. Л. 1–3 об.; Оп. 7. Д. 167. Л. 1–3об.; Д. 183. Л. 1–4; Д. 187. Л. 1–3об.; Д. 436. Л. 1–4; Оп. 11. Д. 3. Л. 1–6, 29, 54–56, 66–67, 72–75; Д. 14. Л. 6–7об.; Д. 16. Л. 1–4; Д. 17. Л. 1–4; Д. 29. Л. 1–3об.; Д. 37. Л. 1–2; Д. 45. Л. 1–4; Д. 53. Л. 1–4; Д. 56. Л. 1–4; Д. 76. Л. 1–2; Д. 81. Л. 1–15об.; Д. 87. Л. 1–4; Д. 89. Л. 1–4; Д. 97. Л. 1–3; Д. 104. Л. 1–3; Д. 122. Л. 1–3об.; Д. 169. Л. 1–4; Д. 175. Л. 1–2; Д. 192. Л. 1–4; Д. 211. Л. 1–4; Д. 253. Л. 1–4; Д. 300. Л. 1–3об.; Д. 309. Л. 1 об. –7; Оп. 14. Д. 121. Л. 1–3об.; Д.123. Л. 1об. –4об.; Д. 124. Л. 1 об.–8.

Представленные в таблице данные демонстрируют заметные изменения в территориальном происхождении государственных служащих. Если в период с конца XIX по начало XX в. выходцы из Якутской области представляли собой незначительную часть чиновничества, то в 1910-е гг. их доля существенно возросла, достигнув практически паритетного соотношения с приезжими. В контексте анализа статистических данных необходимо учитывать возможные искажения, связанные с неравномерностью «естественной» выборки формулярных списков. Тем не менее, рост числа местных жителей Якутии («якутян») в системе государственной власти отчётливо виден и наглядно представлен на приведённых ниже графиках (Рисунок 1).

Тем самым тенденция к увеличению доли местных по происхождению чиновников представляется достаточно очевидной. Данный факт подтверждается ранее проведёнными исследованиями социального состава населения дореволюционной Якутии, которые свидетельствуют о росте численности якутской интеллигенции и её стремлении к участию в политической и экономической жизни региона (Петров, 1990: 112–115).

4.2. Биографии и социальный портрет чиновников – местных жителей Якутии

До настоящего времени были известны имена и некоторые биографические сведения совсем немногих государственных служащих Якутской области, которые являлись «якутянами»: В.В. Никифоров – помощник секретаря и частный поверенный Якутского окружного суда; губернский секретарь М.А. Афанасьев – мировой судья; коллежский асессор И.Г. Пестриков; П.К. Сокольников – первый врач из якутов; коллежский асессор С.А. Климовский – советник областного правления; И.А. Климовский, А.И. Подъесаулов, В.В. Гуляев – исправники Верхоянского, Якутского и Колымского округов (Третьякова, 2019b: 49).

Рис. 1. Процентное соотношение приезжих и местных служащих в составе чиновничьего аппарата Якутской области в 1887–1917 гг., %

Анализ массива формулярных списков позволил узнать больше чиновников, которые не были приезжими, а родились и/или учились в Якутии, затем остались жить и служить на самой северо-восточной окраине Российской империи. Настоящее исследование впервые вводит в научный оборот сведения о 15 ранее неизвестных представителях бюрократического аппарата, занимавших значимые должности в правительственных учреждениях Якутской области в период с 1887 по 1917 г. Среди них – три надворных советника, титулярный советник, коллежский секретарь, два губернских секретаря, канцелярский служащий и семь служащих, не имевших классовых чинов. В дальнейшем изложении приводятся их имена и биографические данные в строгой последовательности, соответствующей Табели о рангах, начиная с лиц, обладавших более высоким статусом.

Надворный советник Кугаевский Евгений Андреевич – делопроизводитель в Якутском областном управлении, в 1910 г. ему было 38 лет, православный, после окончания Якутской шестиклассной прогимназии в 1886 г. вступил в штат Якутского областного правления канцелярским служащим второго разряда, в 1888 г. назначен помощником контроллера, в 1890 г. – контроллером, в 1908 г. – земским заседателем Олекминского округа, через пару месяцев – вновь делопроизводителем в Якутское областное управление; был награжден серебряной медалью в память 300-летия Дома Романовых, орденом Св. Станислава III ст., темно-бронзовой медалью за труды по переписи 1897 г. Кугаевский Евгений Андреевич был женат на вдове канцелярского служащего Марии Васильевне Акишевой, в семье росло четверо детей: Александр, который родился 12 августа 1900 г., Анатолий – 17 февраля 1904 г., Борис – 27 апреля 1907 г., Антонина – 19 марта 1902 г. (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 14. Д. 124. Л. 1-8). Рассмотренная копия формулярного списка составлялась для предоставления в Якутское реальное училище при определении старшего сына Александра на обучение.

Надворный советник Николаев Михаил Александрович – бухгалтер при Якутском областном управлении, в 1916 г. – 46 лет, православный, сын чиновника (обер-офицерского ранга), окончил неполный курс Якутской шестиклассной прогимназии, в возрасте 17-18 лет (в январе 1888 г.) поступил в Якутское областное правление канцелярским служащим второго разряда, с 1893 по 1895 г. находился на военной службе, затем вновь принят на гражданскую, занимал также должности столоначальника, контроллера; среди наград – орден Св. Станислава III ст., серебряная медаль в память царствования императора Александра III и светло-бронзовая – в память 300-летия Дома

Романовых; находился в браке, его женой была дочь мещанина Протодьяконова Елизавета. В семье воспитывалось девять детей: Борис – родился 20 апреля 1898 г., Глеб – 7 ноября 1899 г., Виктор – 21 февраля 1902 г., Михаил – 31 июля 1903 г., Людмила – 29 ноября 1894 г., Николай – 20 февраля 1907 г., Анна – 1 августа 1908 г., Елена – 20 октября 1910 г., Мария – 30 марта 1916 г. (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 14. Д. 123. Л. 1–4об.).

Надворный советник Астраханцев Николай Федотович – член Якутской городской управы, в 1887 г. – 51 год, его отец был из чиновников Якутской области (из штаб-офицеров), в родовом имуществе значился деревянный дом в Якутске, имел образование начального уровня – окончил Якутскую мужскую шестиклассную прогимназию, награждён орденом Св. Станислава III ст.; он был женат на девице Елизавете Николаевне, супруги воспитывали четверых детей: Федот – 17 января 1888 г., Николай – 22 октября 1892 г., Мария – 28 января 1896 г., Татьяна – 7 января 1899 г. (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 11. Д. 17. Л. 1–4).

Титулярный советник Попов Иннокентий Николаевич – земский заседатель, родился 14 сентября 1879 г., православный по вероисповеданию, был сыном священника, окончил в 1902 г. Якутскую духовную семинарию (со званием студента семинарии), первые три года работал учителем Кочайской церковно-приходской школы Вилюйского округа, затем четыре года учителем в Якутском духовном училище, ушёл из педагогической деятельности согласно прошению. В 1905 г., в возрасте 25 лет, он поступил на гражданскую службу и был назначен делопроизводителем в Якутское областное управление, сразу награждён чином X ранга коллежского секретаря. В 1911–1917 гг. занимал высокие должности, будучи земским заседателем первого участка Якутского округа, затем второго участка Верхоянского округа, с февраля 1912 г. – земским заседателем Колымского уезда. И.Н. Попов был женат на дочери крестьянина – Пелагее Гадышевой, детей в семье не было. После революционных событий 1917 г. он остался в системе управления регионом: приказом областного комиссара Временного правительства от 29 марта 1917 г. стал исполнять должность управляющего Колымского уезда, а с января 1918 г. – уездного комиссара соответственно (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 11. Д. 211. Л. 1–4).

Коллежский секретарь Горловский Александр Александрович – экзекутор и казначей в Якутском областном управлении, 40 лет (формуляр 1915 г.), родом из мещан, окончил неполный курс наук (три класса) Якутской мужской прогимназии, вдовец, имел сына Бориса, рождённого 8 июля 1909 г. (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 11. Д. 76. Л. 1–2).

Губернский секретарь Бубякин Василий Александрович – земский заседатель второго участка Вилюйского округа, родился 24 января 1869 г., православный, происходил из казачьего звания, окончил Якутское духовное училище, находился на государственной службе 29 лет – до времени составления формулярного списка (в 1914 г.), из них 15 лет служил в Якутском городском казачьем полку, имел награду – светло-бронзовую медаль в честь празднования 300-летия Дома Романовых; был женат на Марии Алексеевне Ясенецкой, к этому времени детей не имел; из интересного – был командирован депутатом «в числе прочих» от казачьего полка для встречи во время проезда через Иркутск Государя Наследника Цесаревича Великого Князя Николая Александровича (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 11. Д. 45. Л. 1–4).

Губернский секретарь Жураковский Анатолий Мельхиорович – в 1913 г. делопроизводитель в Якутском областном управлении, 29 лет, католик, по сословному происхождению – из «неимущих» дворян, окончил Якутское реальное училище (с дополнительным 7 классом), был награждён медалью в память 300-летия Дома Романовых; семейное положение – холост (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 11. Д. 87. Л. 1–4).

Канцелярский служитель Аммосов Федот Алексеевич – журналист в Якутском областном управлении, православный, родом из обер-офицерских детей (сын чиновника), окончил Якутское духовное училище, женат на девице Александре Федоровне Пляскиной, в семье было двое детей: Николай 03 декабря 1904 г., Федор 21 декабря 1910 г. (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 11. Д. 14. Л. 6–7 об.).

Карпов Иннокентий Дмитриевич – чиновник особых поручений в Якутском областном управлении, православный по вероисповеданию, родился 19 марта 1889 г. в семье хорунжего Якутского казачьего войска, на службу поступил в возрасте 16 лет в Якутский городской казачий полк пятидесятником, затем был уволен по болезни и уехал учиться в Императорский Томский университет, по окончании юридического факультета в котором получил диплом II ст., затем вернулся домой и в 1913 г. вновь поступил на службу сначала в должности помощника делопроизводителя, в 1916 г. стал советником; он был женат на мещанке Вере Дмитриевне Поповой (29 ноября 1889 г. р.), имел сына; среди наград – медаль в память 300-летия Дома Романовых и орден Св. Станислава III ст., был отстранён от должности 5 марта 1917 г. резолюцией Исполнительного комитета общественной безопасности (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 11. Д. 104. Л. 1–3).

Кондаков Николай Петрович – делопроизводитель в Якутском областном управлении, в 1911 г. – 39 лет, православного вероисповедания, из казаков, сначала имел домашнее образование, затем окончил Якутское духовное училище, в возрасте 15 лет вступил в Якутский городской казачий полк писарем, за усердную службу приказом губернатора назначен управляющим Верхоянской казачьей командой, в 1904 г. поступил на гражданскую службу урядником Нельканского полицейского

управления, затем возвращён в Якутск делопроизводителем; был женат на девице Александре Александровой, они растили шестеро детей: Александра – 4 декабря 1897 г., Антонина – 3 января 1899 г., Николай – 10 мая 1901 г., Евгений – 16 декабря 1902 г., Валерия – 28 октября 1904 г., Михаил – 18 сентября 1906 г. (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 14. Д. 121. Л. 1–30б.).

Березкин Александр Николаевич – секретарь в Колымском окружном полицейском управлении, возраст – 23 года (1915 г.), православный, из казаков, со званием учителя окончил Якутское реальное училище, после которого служил шесть лет в Городовом казачьем полку; был женат на крестьянской девице Ирине Арчучиной 1898 г. рождения, детей к этому времени не было (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 11. Д. 37. Л. 1-2).

Надеин Сергей Васильевич – в 1914 г. канцелярский чиновник, а в 1917 г. – счётный чиновник Якутского казначейства, рождён 19 сентября 1888 г., православный, сын государственного служащего – надворного советника, в родовой собственности – деревянный дом в Якутске, учился в Якутской духовной семинарии (выбыл из 4 класса), был холост (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 11. Д. 175. Л. 1-2).

Олесов Михаил Никитин – канцелярский чиновник в Якутском областном управлении, родился 6 сентября 1894 г., на службе с 19 лет, православного вероисповедания, сын коллежского советника, учился в Якутском реальном училище (не окончил), был награждён светло-бронзовой медалью в честь 300-летия Дома Романовых, холостой (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 11. Д. 192. Л. 1-4).

Порядин Николай Прокопьевич – канцелярский служащий Якутского областного управления, 36 лет (1912 г.), православный, сын фельдшера, поступил на службу с неоконченным средним образованием после обучения в Якутском духовном училище, на административных должностях в Якутии находился 15 лет, наград не имел, был женат на дочери казака Екатерине Степановне Березкиной, в семье воспитывались трое детей: Виктор – родился 5 апреля 1901 г., Анфиса – 14 января 1908 г., Раиса – 24 февраля 1912 г. (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 7. Д. 436. Л. 1–4).

Васильев Евгений Павлович – помощник начальника Якутской областной тюрьмы, от роду – 25 лет (в 1914 г.), православный, сын канцелярского служащего, имел среднее неоконченное образование – не окончил Якутское реальное училище, на службе с возраста 17 лет, был награждён светло-бронзовой медалью в честь 300-летия Дома Романовых, по семейному положению – холост (НАРС(Я). Ф. И-12. Оп. 11. Д. 53. Л. 1–4).

5. Заключение

Изучение провинциального чиновничества на примере Якутской области, акцентированное на выявлении в его кадровом составе местных жителей, позволило расширить историческое знание о социальной структуре региональной власти на окраинах Российской империи. Анализ формулярных списков позволил не только установить новые имена, но и сформировать более полное представление о социальной структуре бюрократического аппарата в регионе, выявить группу лиц, чья судьба была неразрывно связана с Якутией.

Среди рассмотренных чиновников встречаются выходцы из разных социальных слоёв: казачества, духовенства, мещанства, чиновничьих семей. Все они окончили местные учебные заведения начального и среднего уровня образования, расположенные в областном городе Якутске, и только один чиновник особых поручений из «якутян» – Императорский Томский университет. Данное обстоятельство свидетельствует об ограниченной социальной мобильности в регионе. При этом служебный путь местных жителей, пришедших на гражданскую службу, начинался или с низших должностей (канцелярский служащий), или в казачьих войсках, но постепенно и уверенно продвигался вверх по служебной лестнице. При этом наличие наград, в частности ордена Св. Станислава и медалей, свидетельствует об усердной службе местного чиновничества, а информация о наличии у большинства из них жён и детей – о стабильности их социального положения.

Литература

Архипова, 2022 – Архипова А.И. Социокультурный портрет вице-губернаторов Якутской области конца XIX – начала XX в. // *Известия ИГУ. Серия «История»*. 2022. Т. 39. С. 20-27.

Архипова, 2024a – Архипова А.И. Ревизионная деятельность генерал-губернаторов Якутской области (в середине XIX – начале XX) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2024. Т. 31. № 1. С. 52-58.

Архипова, 2024b – Архипова А.И. Коммуникации власти и общества на примере ревизий генерал-губернаторами Якутской области (середина XIX – начало XX в.) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2024. Т. 47. С. 22-32.

Васильев, 2019 – Васильев А. Д. Якутские областные начальники и их ближайшее окружение (первая половина XIX в.) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2019. Т. 29. С. 65-71.

Васильев, 2023 – Васильев А.Д. Чиновники особых поручений в системе местного управления Якутской области (вторая четверть XIX в.) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2023. Т. 45. С. 16-26.

Карчаева, 2017 – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 252 с.

[Карчаева, 2024a](#) – *Карчаева Т.Г.* Биографические сведения о чиновниках Енисейской губернии в 1887–1917 гг. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024626395, 26.12.2024. Заявка № 2024626392 от 25.12.2024.

[Карчаева, 2024b](#) – *Карчаева Т.Г.* Кадровая документация по личному составу местных государственных учреждений Восточной Сибири в поздний дореволюционный и ранний советский периоды // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История.* 2024. Т. 50. С. 33-40.

[Мамышева, 2022](#) – *Мамышева Е.П.* Российская Империя и коренные народы Сибири: от патернализма к имперскому регионализму // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История.* 2022. Т. 42. С. 122-127.

[Матханова, 2022](#) – *Матханова Н. П.* Чиновники особых поручений в системе управления Восточной Сибири XIX в. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия История.* 2022. Т. 41. С. 14-21.

[НАРС\(Я\)](#) – Национальный архив Республики Саха (Якутия).

[Петров, 1990](#) – *Петров П. П.* Города Якутии, 1861–1917 гг.: (соц.-экон. очерк истории). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1990. 124 с.

[ПСЗРИ, 1874](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 49 (1874). № 54030. Ч. 3: Штаты и табели.

[Приклонский, 1896](#) – *Приклонский В.Л.* Летопись Якутского края, составленная по официальным и историческим данным. Красноярск, 1896. 320 с.

[Статистико-экономические..., 1908](#) – Статистико-экономические итоги за 1906 год. Якутск: Тип. обл. управления, 1908. 282 с.

[Третьякова, 2019a](#) – *Третьякова Н.В.* Вице-губернаторы Якутской области // *Общество: философия, история, культура.* 2017. № 11. С. 57-62.

[Третьякова, 2019b](#) – *Третьякова Н.В.* Особенности службы чиновников в Якутской области во второй половине XIX – начале XX веков // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2019. № 1-2 (79). С. 46-50.

[Третьякова, 2021](#) – *Третьякова Н.В.* Учреждение должности вице-губернатора в Якутской области // *Эпоха науки.* 2021. № 28. С. 373-376.

[Karchaeva et al., 2022](#) – *Karchaeva T.G., Severyanov M.D., Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* «Where are you from?»: Staffing of the Public service in the Irkutsk and Yenisei provinces from XIX to early XX centuries // *Bylye Gody.* 2022. 17 (1): 403-411.

[Karchaeva et al., 2024a](#) – *Karchaeva T.G., Luschaeva G.M., Novosel'tsev N.R., Severyanov M.D.* “Zealous Servants” of the State: About Officials and Their Awards in the XIX – early XX centuries (based on the Materials of the Yenisei Province) // *Bylye Gody.* 2024. 19 (3): 1407-1415.

[Karchaeva et al., 2024b](#) – *Karchaeva T.G., Luschaeva G.M., Savin O.I, Alekseev O.G.* The level of education of the Yakutsk Regional Administration in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody.* 2024. 19 (4): 1855-1863.

[Nesterenko et al., 2024](#) – *Nesterenko D.N., Gergilev D.N., Izluchenko T.V., Khait N.L.* Governor's Reports to the Supreme Name of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries: Source Criticism Capability // *Bylye Gody.* 2024. 19 (2): 613-622.

References

[Arkhipova, 2022](#) – *Arkhipova, A.I.* (2022) Sociokul'turnyj portret vice-gubernatorov Yakutskoj oblasti konca XIX – nachala XX v. [Arkhipova. Sociocultural portrait of vice-governors of the Yakutsk region of the late XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya.* 39: 20-27. [in Russian]

[Arkhipova, 2024a](#) – *Arkhipova, A.I.* (2024) Revizionnaya deyatel'nost' general-gubernatorov Yakutskoj oblasti (v seredine XIX – nachale XX) [Arkhipova. Audit activities of the governors-general of the Yakutsk region (in the middle of the XIX – beginning of XX)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 31 (1): 52-58. [in Russian]

[Arkhipova, 2024b](#) – *Arkhipova, A.I.* (2024). Kommunikacii vlasti i obshhestva na primere revizij general-gubernatorami Yakutskoj oblasti (seredina XIX – nachalo XX v.) [Communications between Authorities and Society Using the example of Audits by Governors General of the Yakut Region (middle 19th – early 20th century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya.* 47: 22-32. [in Russian]

[Karchaeva, 2017](#) – *Karchaeva, T.G.* (2017). Enisejskaya gubernskaya administraciya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [Yenisei provincial administration: number and composition (1822–1917)]. Krasnoyarsk. 252 p. [in Russian]

[Karchaeva et al., 2022](#) – *Karchaeva, T.G., Severyanov, M.D., Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V.* (2022). “Where are you from?»: Staffing of the Public service in the Irkutsk and Yenisei provinces from XIX to early XX centuries. *Bylye Gody.* 17(1): 403-411.

Karchaeva, 2024a – Karchaeva, T.G. (2024). Biograficheskie svedeniya o chinovnikakh Enisejskoj gubernii v 1887–1917 gg. [Biographical information about the officials of the Yenisei province in 1887–1917]. Svidetel'stvo o registracii bazy dannykh RU 2024626395, 26.12.2024. Zayavka № 2024626392 ot 25.12.2024. [in Russian]

Karchaeva, 2024b – Karchaeva, T.G. (2024). Kadrovaya dokumentaciya po lichnomu sostavu mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdenij Vostochnoj Sibiri v pozdnij dorevolucionnyj i rannij sovetskij periody [Personnel documentation on the personnel of local government agencies in Eastern Siberia in the late pre-revolutionary and early Soviet periods]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. 50: 33-40. [in Russian]

Karchaeva et al., 2024 – Karchaeva, T.G., Luschaeva, G.M., Novosel'tsev, N.R., Severyanov, M.D. (2024). "Zealous Servants" of the State: About Officials and Their Awards in the XIX – early XX centuries (based on the Materials of the Yenisei Province). *Bylye Gody*. 19(3): 1407-1415.

Mamysheva, 2022 – Mamysheva, E.P. (2022). Rossijskaya Imperiya i korennye narody Sibiri: ot paternalizma k imperskomu regionalizmu [Russian Empire and Indigenous People of Siberia: from Paternalism to Imperial Regionalism]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorija*. 42: 122-127. [in Russian]

Matkhanova, 2022 – Matkhanova, N.P. (2022) Chinovniki osobykh poruchenij v sisteme upravleniya Vostochnoj Sibiri XIX v. [Officials of special assignments in the management system of Eastern Siberia of the XIX century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorija*: 41: 14-21. [in Russian]

NARS(YA) – Nacional'nyj arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) [National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)].

Nesterenko et al., 2024 – Nesterenko, D.N., Gergilev, D.N., Izluchenko, T.V., Khait, N.L. (2024). Governor's Reports to the Supreme Name of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries: Source Criticism Capability. *Bylye Gody*. 19(2): 613-622.

Petrov, 1990 – Petrov, P.P. (1990). Goroda Yakutii, 1861–1917 gg.: (socz.-ekon. ocherk istorii) [Cities of Yakutia, 1861–1917: (social and economic history essay)]. Yakutsk. 124 p. [in Russian]

Priklonskij, 1896 – Priklonskij, V.L. (1896). Letopis' Yakutskogo kraja, sostavlenaya po oficial'nym i istoricheskim dannym [Chronicle of the Yakutsk territory, compiled according to official and historical data]. Krasnoyarsk. 320 p. [in Russian]

PSZ RI, 1874 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire] (1874). Sobranie II. 49. № 54030. [in Russian]

Statistiko-ekonomicheskie..., 1908 – Statistiko-ekonomicheskie itogi za 1906 god [Statistical and Economic Results for 1906]. Yakutsk: Tip. obl. upravleniya, 1908. 282 p. [in Russian]

Tret'yakova, 2019a – Tret'yakova, N.V. (2019) Vice-gubernatory Yakutskoj oblasti [Vice-governors of the Yakutsk region]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 11: 57-62. [in Russian]

Tret'yakova, 2019b – Tret'yakova, N.V. (2019). [Features of Officials' Service in the Yakut Region in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 1(79): 46-50. [in Russian]

Tret'yakova, 2021 – Tret'yakova, N.V. (2021) Uchrezhdenie dolzhnosti vice-gubernatora v Yakutskoj oblasti [Establishment of the post of vice-governor in the Yakutsk region]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 28: 373-376. [in Russian]

Vasil'ev, 2019 – Vasil'ev, A.D. (2019). Yakutskie oblastnye nachal'niki i ikh blizhajshee okruzenie (pervaya polovina XIX v.) [Yakutsk regional chiefs and their closest circle (first half of the 19th century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorija*. 29: 65-71. [in Russian]

Vasil'ev, 2023 – Vasil'ev, A.D. (2023). Chinovniki osobykh poruchenij v sisteme mestnogo upravleniya Yakutskoj oblasti (vtoraya chetvert' XIX v.) [Officials of special assignments in the local government system of the Yakutsk region (second quarter of the 19th century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorija*. 45: 16-26. [in Russian]

«Якутяне» по происхождению в среде чиновников Якутской области (конец XIX – начало XX в.)

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{a, *}, Галина Михайловна Луцаева ^a, Анна Сергеевна Жулаева ^a, Наталья Вениаминовна Пахомова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен социальный портрет провинциальных гражданских служащих, выходцев из Якутской области («якутяне» по территориальному происхождению),

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: me@karchaeva.ru (Т.Г. Карчаева)

находившихся на гражданской службе в системе государственного управления этого региона в поздний период Российской империи (1887–1917 гг.). На основе анализа массива формулярных списков, полученных из Национального архива Республики Саха (Якутия), названы ранее неизвестные имена якутских чиновников, которые были местными жителями Якутии, среди них: надворные советники Е.А. Кугаевский, М.А. Николаев, Н.Ф. Астраханцев, титулярный советник И.Н. Попов, коллежский секретарь А.А. Горловский, губернские секретари В.А. Бубякин и А.М. Жураковский, канцелярский служащий Ф.А. Аммосов, а также не имеющие чина, но занимавшие значимые должности в правительственных учреждениях – И.Д. Карпов, Н.П. Кондаков, А.Н. Березкин, С.В. Надеин, М.Н. Олесов, Н.П. Порядин, Е.П. Васильев. В количественном отношении местные жители Якутии представляли абсолютное меньшинство по отношению к приезжим чиновникам (20,8 % и 79,2 % соответственно), но наблюдалась тенденция к увеличению их доли в 1910-е гг. Приведённые подробные биографические сведения установили факт того, что они все происходили из городской интеллигенции Якутии (семей казаков, мещан, чиновников), получили образование в учебных заведениях Якутска (за исключением одного чиновника особых поручений с высшим образованием), их продвижение по службе было постепенным, что объяснялось, вероятно, ограниченным количеством вакантных должностей, затруднённой ротацией кадров, общей географической удалённостью и неразвитой транспортной инфраструктурой северо-восточной окраины Российской империи.

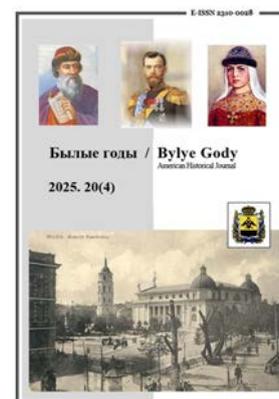
Ключевые слова: местные жители, провинциальные чиновники, социальный портрет, статистические методы, Якутское областное управление, Якутская область, Сибирь, Российская империя.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1979-1990
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1979

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Demographic Changes in the Syr-Darya Region at the turn of the XIX–XX centuries in the Context of the Confessional Composition of the Population

Aigul B. Yessimova ^a, Zulfiya Kh. Valitova ^{b, *}, Assel Zh. Myrzakhmetova ^b, Baizhol I. Karipbayev ^b

^a Zhanibekov University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^b Karaganda Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the second half of the 19th century, under the influence of Tsarist colonial policy, the territory of the Russian Empire expanded. The development of new lands, as well as internal political processes (the abolition of serfdom in 1861, the 1905 revolution, etc.) stimulated the implementation of an active resettlement policy. Based on an analysis of statistical data from the “Surveys of the Syr-Darya Region” attached to the military governor’s report, this article traces the dynamics of the number and territory of settlement of the following religious groups: Muslims, Orthodox Christians, Old Believers, Roman Catholics, Jews, Armenian Gregorians, Protestants, Mennonites, pagans.

At the turn of the 19th–20th centuries, the region’s population became multi-confessional. The Muslim and Orthodox populations were scattered throughout the region. Most Muslims, Old Believers, Mennonites lived in rural areas. Orthodox Christians, Roman Catholics, Armenian Gregorians, Jews, and pagans mainly settled in the Russian part of Tashkent. Protestants lived in both Tashkent and the Tashkent district at various times. The number of representatives of all denominations, with the exception of Muslims, was unstable, and there was a high level of migration. The main centre of attraction was the Russian part of Tashkent, where representatives of all religious groups lived.

Keywords: Syr-Darya Region, religious denominations, Muslims, Orthodox Christians, Old Believers, Armenian Gregorians, Roman Catholics, Mennonites, Protestants, Jews.

1. Введение

Вторая половина XIX – начало XX в. является периодом активной колониальной политики Российской империи в Средней Азии. В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, в состав которого первоначально входили Сыр-Дарьинская и Семиреченская области. Сыр-Дарьинская область занимала значительное место в территориальном и демографическом плане: её площадь составляла 452.840,0 верст (Семиреченская – 347.910,0 верст) и численность населения – 1.478.398 чел. (Семиреченская – 987 863 чел.) (Первая..., 1905b: IV; Первая..., 1905a: IV). В состав Сыр-Дарьинской области входили г. Ташкент (административный центр области), а также Ташкентский, Чимкентский, Аулиеатинский, Перовский, Казалинский уезды и Аму-Дарьинский отдел. Уездными городами области являлись Чимкент, Туркестан, Арысь, Аулиеата, Перовск, Казалинск, Петро-Александровск.

Миграционный приток населения на рубеже XIX–XX вв. из Европейской части Российской империи на территорию Сыр-Дарьинской области привёл к изменению конфессиональной структуры населения региона. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что в рассматриваемый период в Сыр-Дарьинской области фиксируется появление представителей конфессий, которые ранее не проживали в данной местности или их численность была незначительной. Это было началом этапа их знакомства и соседства. Анализ формирования конфессиональных групп представляется важным в

* Corresponding author

E-mail addresses: valitova@yandex.ru (Z.Kh. Valitova)

силу того, что в исследуемый период религиозная идентичность была более значимой, нежели этническая принадлежность.

2. Материалы и методы

Основным источниковедческим материалом для исследования конфессионального состава населения являются «Обзоры Сыр-Дарьинской области» (по годам), которые готовились Сыр-Дарьинским областным статистическим комитетом и прилагались к отчёту военного губернатора. Всего было проанализировано 14 «Обзоров Сыр-Дарьинской области»: за 1889, 1890, 1892, 1893, 1894, 1895, 1902, 1904, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912 и 1913 гг.

В «Обзоре Сыр-Дарьинской области» содержатся такие разделы, как: естественные и производительные силы области и экономическая деятельность её населения, подати и повинности, общественное благоустройство и благочиние, народное здравие и общественное призрение, народное просвещение. По некоторым разделам имеются приложения, в которых в табличной форме представлены статистические данные. Статистическим материалом для исследования демографических изменений в контексте конфессионального состава населения явились данные из таблиц в приложении под наименованием «Ведомости о населении по Сыр-Дарьинской области по вероисповеданиям».

Несмотря на достаточную полноту источников по изучаемой теме, мы столкнулись с ограничением – отсутствием некоторых сведений о такой социальной группе, как «язычники». В имеющихся материалах не содержалось инструкций для статистических работников по определению данной группы, вследствие чего оказалось невозможным точно указать её происхождение и состав.

Основными методами исследования явились общенаучные методы, такие как анализ, сравнение, обобщение. Они позволили проследить общее и особенное в составе и динамике численности представителей конфессий на территории Сыр-Дарьинской области.

Описательно-статистический метод был использован при определении последовательности рассмотрения конфессиональных групп. Динамика численности населения по вероисповеданию рассмотрена в очередности согласно их демографическому весу: мусульмане, православные, старообрядцы, римско-католики, иудеи, армяно-григориане, протестанты, меннониты, язычники.

Применение историко-статистического метода дало возможность провести анализ статистических данных в исторической ретроспективе. Выявление демографических изменений основывалось на общей численности представителей различных вероисповеданий за несколько десятилетий (с 1889 по 1913 г.). Анализ показателей рождаемости, брачности, смертности не представлялся возможным, так как в одних случаях статистические данные неполные (у православных), а в других – отсутствуют (у мусульман).

Каузальный метод позволил выявить причины демографических изменений. Так, при наблюдении наиболее заметных демографических сдвигов в состоянии отдельных конфессий были установлены их возможные причины. Также этот метод позволил в ходе работы с цифровыми показателями обнаружить технические опечатки в статистических данных.

3. Обсуждение

Вопросы, касающиеся конфессиональной политики, конфессионального состава населения, уровня и динамики распространения конфессий в отдельных регионах, формирование поликонфессиональности в Российской империи в целом и в её отдельных регионах, представляют исследовательский интерес.

Исследование состояния конфессий сквозь призму управления империей, а также религиозного разнообразия способствует лучшему пониманию специфики Российской империи в XIX – начале XX в. (Верг, 2012).

В религиозном плане все подданные и иностранцы в Российской империи принадлежали к трём группам: 1) первенствующей и господствующей Православной церкви; 2) «иностранным исповеданиям», христианским и иноверным; 3) «расколу» (Бендин, 2021: 28).

Расширение территории в результате колониальной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. привело к понижению в государстве удельного веса православных (Кабузан, 2010). На завоёванных территориях, напротив, наблюдалось повышение их доли в составе населения.

Переселенческая политика царизма, подтолкнувшая к масштабному крестьянскому движению на освоенные территории и положившая начало формированию поликонфессиональности, также способствовала проявлению различных форм религиозной аккумуляции. Православная церковь при поддержке светской власти пыталась укрепить своё влияние и применяла различные методы для противостояния сектантскому прозелитизму (Alpyspaeva et al., 2022).

Религиозный аспект затрагивал все сферы общественно-политической жизни. Он также проявился в политическом сыске в царской армии, в частности в Туркестанском военном округе. Религиозная жизнь военнослужащих всех вероисповеданий держалась под контролем, однако

православное военное духовенство не смогло полностью ликвидировать прозелитические происки католицизма и сектантства в войсках (Волков, 2023).

Научный интерес представляет не только государственная политика по укреплению православия, но и отношение власти, её политические решения относительно наиболее значимых этноконфессиональных меньшинств. Имеется мнение, что государственная политика, проводимая Российской империей в конце XIX – начале XX в., носила преимущественно рационально обоснованный характер, была нацелена на минимизацию политических рисков и консервацию существующей архитектуры этноконфессиональных отношений (Titov, 2022: 363).

Конфессиональная карта империи складывалась постепенно, и её структурные элементы имели разное значение и место. Выделение категорий «свой», «иной», «чужой» в зависимости от объёма прав и привилегий, установленных государством и православной церковью (Бендин, 2021), позволяет лучше понять иерархию в конфессиональной конструкции, где «свой» находится в привилегированном положении. «Исключительное положение, которое занимала Православная церковь в государстве, свидетельствовало о том, что для законодателя принадлежность к ней становилась правовым выражением понятия “свой”. ... “Иностранные исповедания”, будучи отделенными от “своих” правовыми перегородками института веротерпимости, стали для законодателя “иными”, равными перед законом, но неравноправными с господствующей церковью и между собой» (Бендин, 2021: 30). Сфера государственно-религиозного отношения к раскольникам эволюционировала от положения «чужой» к «иной». Легализация религиозных общин «раскола» в результате указов от 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. привела к тому, что старообрядцы и сектанты, юридически для государства стали «иными», но для господствующей синодальной церкви оставались «чужими» (Бендин, 2021: 35).

Исследование динамики численности населения по вероисповеданию в Сыр-Дарьинской области связано с историей формирования диаспор. Миграция немцев-лютеран и меннонитов привела к появлению немецких поселений по религиозному принципу (Иноятова, 2021). Сложности формирования еврейской диаспоры, которые «были одновременно и “чужаками”, и необходимым элементом» (Гитлин, 2018). Конфессиональный вопрос затрагивает тему религиозных переходов – евреев в «инославие» (Литвиненко, 2022a), православных - неопитов ислама (Литвиненко, 2022b). Отсутствие точных данных не позволяет оценить его масштабы. Но вероятно, что охват не был столь значительным, чтобы влиять на конфессиональный состав.

4. Результаты

По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. в Сыр-Дарьинской области жители распределялись по следующим вероисповеданиям:

Таблица 1. Статистические данные Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. по Сыр-Дарьинской области, чел.

Вероисповедание	Мужчины	Женщины	Оба пола
Православные и единоверцы	25162	17104	42266
Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	1530	1325	2855
Армяно-Григориане	34	11	45
Армяно-Католики	3	0	3
Римско-Католики	2762	194	2956
Лютеране	794	415	1209
Реформаты	72	73	145
Баптисты	1	0	1
Меннониты	285	281	566
Англикане	0	3	3
Лица остальных христианских исповеданий	15	10	25
Караимы	2	1	3
Иудеи	1694	1172	2866
Магометане	770949	654364	1425313
Буддисты и Ламаиты	29	10	39
Лица остальных нехристианских вероисповеданий	79	24	103
Итого	803411	674987	1478398

Таблица составлена на основе: [Первая..., 1905b: 200-201.](#)

По сравнению с данными «Обзоров» перечень вероисповеданий в Первой переписи немного шире. В «Обзорах» отсутствуют сведения об армянах-католиках, лютеранах, реформатах, баптистах, англиканах, караимах, буддистах и ламаитах. Также в переписи указаны «православные и единоверцы», «старообрядцы и уклоняющиеся от православия», а в «Обзорах» – «православные», «старообрядцы». В «Обзорах» написано «евреи», а не «иудеи», как в переписи населения.

Статистические сведения о конфессиональном составе населения в «Обзорах» даются в следующей последовательности: православные, старообрядцы, римско-католики, армяно-григориане, протестанты, евреи, магометане, язычники. Такая последовательность не соответствует демографическому «весу», однако отражает представление царской власти о приоритетных конфессиях с политической точки зрения.

Таблица 2. Статистические сведения о конфессиональном составе населения Сыр-Дарьинской области, чел.

Год	Население по вероисповеданию								
	Православные	Старообрядцы	Римско-католики	Армяно-григориане	Протестанты	Меннониты	Евреи	Магометане	Язычники
1889	29627	1696	393	13	524	-	2615	1108730	37
1890	30698	2697	685	63	800**	-	1554	1121993	91
1892	42350	2578	1115	385	746**	-	1964	1184319	178
1893	32394	2866*	874	61	1597	-	2148	1277634	11
1894	35110	3448*	843	74	1069	623	2082	1164779	12
1895	36108	3929*	1049	58	1228	651	3789	1170664	19
1902	54318	6160*	1218	461	911	923	2716	1561671	58
1904	62447	6797*	1436	841	1366	993	2544	1513760	30
1908	81356	6291*	3050	1534	1462	1327	2905	1627130	20
1909	94976	6313	3415	2035	1368	1486	2952	1683832	52
1910	112513	7352	4707	2396	5643	1352	4771	1771539	22
1911	121234	7399	4781	2303	5034	1370	4270	1852051	29
1912	129011	7148	5443	2795	6033	1595	4634	1898291	31
1913	145880	8274	5449	3005	2031	1583	4476	1927158	41

* указаны как раскольники ** с меннонитами

Таблица составлена на основе источников: ОСДО, 1890: 332-333; ОСДО, 1892: 260-261; ОСДО, 1894: 2-3; ОСДО, 1897а: 144-145; ОСДО, 1897b: 134-135; ОСДО, 1897с: 182-183; ОСДО, 1906а: 162-163; ОСДО, 1906b: VIII-IX; ОСДО, 1909: IV-V; ОСДО, 1911: IV-V; ОСДО, 1912: IV-V; ОСДО, 1913: IV-V; ОСДО, 1914: IV-V; ОСДО, 1916: IV-V.

Сравнительный анализ статистических данных в «Обзорах» показывает, что с каждым годом они становятся более подробными. Например, за 1889 г. дано общее количество жителей г. Ташкента (с войсками), а за 1913 г. присутствует статистика численности населения в г. Ташкенте по двум показателям: проживающие в русской части и в туземной части. Следует отметить, что в туземной части проживало в два раза больше жителей, чем в русской (173.851 и 82.851 чел. соответственно) (ОСДО, 1916: IV-V).

В «Обзоре» за 1889 г. статистические данные по мусульманам представлены в виде общей численности без разделения на мужчин и женщин. Уже в «Обзоре» за 1890 г. указано количество мужчин и женщин, и с 1894 г. кроме соотношения полов показана численность шиитов и суннитов.

В статистических данных по язычникам за 1889 г. показана общая численность, а в «Обзоре» за 1913 г. — сведения по количеству мужчин и женщин. Таким образом, можно отметить, что статистические службы за исследуемый период стали собирать более подробную информацию.

В данной статье конфессиональные группы Сыр-Дарьинской области представлены в последовательности, соответствующей их демографической численности.

Самой большой конфессиональной группой в Сыр-Дарьинской области являются мусульмане, которые в «Обзоре» обозначены как «магометане». Общая их численность выросла с 1.108.730 чел. (1889 г.) до 1.927.158 чел. (1913 г.) (ОСДО, 1890: 332-333; ОСДО, 1916: IV-V). Статистические данные за 1889–1913 гг. показывают, что практически каждый год происходит увеличение численности мусульманского населения в сравнении с предыдущим годом приблизительно на 2-7 %. Несмотря на прирост населения, общая доля мусульман за указанный период снизилась с 96,9 % до 91,9 % (от общего числа населения области) в результате миграционного притока представителей других конфессий.

Среди конфессиональных групп, проживавших в Сыр-Дарьинской области, именно в численности мусульман имеются значительные погрешности. Связано это с тем, что это самая многочисленная группа и не было достаточно средств переписать каждого из них. Отношение

мусульманского населения к работникам, которые выясняли количество членов семьи, было настороженным (это отчётливо наблюдалось при проведении переписи населения). То, что численность мусульманского населения составлена приблизительно, подчёркивал военный губернатор Сыр-Дарьинской области генерал-лейтенант Н.И. Гродеков: «Цифра это не точная и, несомненно, меньше действительной. Основанием для её вывода служит счёт дворов туземного оседлого населения и кибиток кочевого при среднем расчёте по пять человек обоёго пола на каждый двор или кибитку. Через каждые три года счёт дворов и кибиток возобновляется, а вместе с этим выясняется цифра населения. Такой порядок исчисления связан с выборами членов туземной администрации» (**Всепопданнейший отчет...**, 1890: 1). Безусловно, такой ориентировочный подсчёт, и ещё не ежегодный, искажал количество мусульманского населения.

Согласно статистическим данным в «Обзоре» численность мусульманского населения постоянно увеличивалась за исключением 1894 г. и 1904 г. В 1894 г. количество мусульман в области не увеличилось, а наоборот снизилось. В 1893 г. мусульман в Сыр-Дарьинской области насчитывалось 1.277.634 чел., а в 1894 г. – 1.164.779 чел. и в 1895 г. – 1.170.664 чел. Если посмотреть на численность мусульманского населения по городам и уездам за эти годы, то можно заметить, что их сокращение произошло в городской местности и прежде всего в г. Ташкенте. Статистические данные показывают, что если в 1893 г. в г. Ташкенте проживало 184.992 чел., то в 1894 г. – 111.127 чел., в 1895 г. – 119.580 чел. (**ОСДО, 1897а: 144-145; ОСДО, 1897б: 134-135; ОСДО, 1897с: 182-183**). Возможно, одной из причин такого изменения была эпидемия холеры, масштабы которой были столь значительными, что имел место «холерный бунт».

В колонизированной Центральной Азии эпидемии холеры происходили в 1872 и 1892 гг. В начале XX в. эта эпидемия заметно участилась, проявившись в 1904, 1905, 1907, 1908, 1910, 1915, 1918, 1921, 1922, 1923 гг. Наиболее значительные вспышки, зарегистрированные в Туркестане, произошли во время эпидемии 1872 г.: 72205 смертей и в 1892 г. – 47520 смертей. Ташкент тогда сильно пострадал из-за экономических контактов с Центральной Россией (**Hohmann, 2020**).

Масштабы распространения холеры, скорее всего, были значительными, поскольку царской администрацией были приняты строгие меры, которые вызвали недовольство местного населения, вылившееся в бунт в 1892 г. Если холера была в 1892 г., то какие сведения есть о ней в «Обзоре»? В «Обзоре» за 1892 г. имеются сведения, что холерой (*Cholera asiatica*) заболело 1927 чел., из которых 1396 чел. умерли (**ОСДО, 1894: 157**). Большая их часть лечилась вне больницы (1860 чел.). Населёнными пунктами, где зарегистрировали случаи заболевания холерой, были Ташкентский уезд (1715 случаев) и г. Ташкент (637) (**ОСДО, 1894: 127**). В 1893 г. факты заражения холерой не зарегистрированы, в 1894 г. зафиксировано всего 40 случаев инфицирования холерой (*Cholera nostras*) (**ОСДО, 1897а: 104**). Вполне возможно, что убыль населения в статистических документах была зафиксирована позже.

В статистических данных 1904 г. по сравнению с 1902 г. произошло увеличение численности мужчин-суннитов (+30919 чел.) и сокращение количества женщин (-78627 чел.), что в целом уменьшило численность мусульман-суннитов на 47.708 чел. (**ОСДО, 1906а: 162-163; ОСДО, 1906б: VIII-IX**). Такое изменение в статистических показателях, вероятнее всего, связано с корректировкой численности населения, которую сотрудники статистических органов проводят после переписи населения, данные которой, несмотря на отдельные недочёты, считаются более точными.

В «Обзоре» за 1894 г. впервые показана статистика мусульман в разрезе шиитов и суннитов. В целом, численность как шиитов (с 4907 чел. в 1894 г. до 8350 чел. в 1913 г.), так и суннитов (с 1159672 чел. до 1918808 чел.) выросла (**ОСДО, 1890: 332-333; ОСДО, 1916: IV-V**). До 1910 г. у суннитов наблюдается убыль населения: в 1895 г. население сократилось по сравнению с 1894 г. – на 8342 чел., в 1904 г. по сравнению с 1902 г. – на 47798 чел., в 1908 г. по сравнению с 1904 г. – на 107488 чел. Начиная с 1910 г. происходит постепенный рост суннитского населения. В 1895 г. у шиитов также зафиксирована убыль населения на 2260 чел., в 1904 г. – 203 чел. (**ОСДО, 1897б: 134-135; ОСДО, 1906б: VIII-IX**). Однако в 1908 г. по сравнению с 1904 г. происходит их значительное увеличение (на 221.177 чел.) (**ОСДО, 1909: IV-V; ОСДО, 1906б: VIII-IX**). В 1912 г. по сравнению с предыдущим годом прирост составляет 4918 чел. (**ОСДО, 1913: IV-V; ОСДО, 1914: IV-V**). Местностями, где в 1908 г. зафиксировали резкое увеличение численности шиитов, являлась туземная часть г. Ташкента, а также Чимкентский уезд (**Таблица 3**).

В **Таблице 3** мы видим, что в туземной части г. Ташкента в 1908 г. сунниты почему-то отсутствуют. Можно предположить, что в 1908 г. сотрудники статистического органа по какой-то причине увеличили численность шиитов, сократив количество суннитов. Вполне возможно, что это было сделано по технической ошибке, учитывая, что переписчики недостаточно разбирались в конфессиональных тонкостях.

Многочисленной конфессиональной группой после мусульман являются православные. 12 июня 1886 г. Государственный Совет принял решение, согласно которому «к переселению в Туркестанский край допускались русские подданные из числа сельских обывателей христианских вероисповеданий» (**Yashnov, 1915: 103**).

Таблица 3. Численность шиитов и суннитов в 1908 и 1910 гг., чел.

Наименование местности	Мусульмане			
	шииты		сунниты	
	1904 г.	1908 г.	1904 г.	1908 г.
г. Ташкент, русская часть	116	64	10675	10204
г. Ташкент, туземная часть	17	140118	129032	-
Чимкентский уезд	50	80311	304419	228059

Таблица составлена на основе источников: [ОСДО, 1906b: VIII-IX](#); [ОСДО, 1909: IV-V](#).

За исследуемый период численность православных выросла с 29.627 чел. в 1889 г. до 145.880 чел. в 1913 г., а их доля в общей численности населения области увеличилась с 2,6 % до 6,9 % (Подсчитано по: [ОСДО, 1890: 332-333](#); [ОСДО, 1916: IV-V](#)). Следует отметить, что численность православного населения более точная, нежели мусульманского, так как число русского населения (как городского, так и сельского) определялось особыми записями, которые ежегодно велись местной полицией ([Всеподданнейший отчет..., 1890: 1](#)).

Основным местом расселения православного населения по данным 1889 г. был г. Ташкент, где с войсками (из-за чего наблюдалась диспропорция полов) проживало 12927 мужчин и 4515 женщин и Аулиеатинский уезд (3044 мужчины и 3003 женщины) ([ОСДО, 1890: 332-333](#)). По данным 1913 г. в русской части г. Ташкента проживало 31827 мужчин и 27877 женщин, в туземной части – 610 и 529 соответственно. Также в г. Арысь – 3315 мужчин и 2208 женщин. Среди уездов православное население преобладало в Аулиеатинском (21655 чел.) и Чимкентском (15965 чел.) уездах ([ОСДО, 1916: IV-V](#)). Получается, что наибольшее количество переселенцев проживало в тех уездах, которые находились ближе к Семиречью. Наименьшее количество православных было зафиксировано в Аму-Дарьинском отделе (98 чел. в 1889 г. и 563 чел. в 1913 г.) ([ОСДО, 1890: 332-333](#); [ОСДО, 1916: IV-V](#)).

Большая часть православных переселенцев осваивалась в городах. В 1913 г. из 145.880 православных жителей области 86.765 чел. (59 %) проживало в городах. Большая часть горожан 60.843 чел. (70 %) являлись жителями г.Ташкента. В сельской местности проживало 59.115 чел., из которых половина являлись жителями Аулиеатинского (21655 чел. = 37 %) и Чимкентского (15965 чел. = 27 %) уездов (Подсчитано по: [ОСДО, 1916: IV-V](#)).

Военный губернатор Сыр-Дарьинской области Н.И. Гродеков «пытался избежать разнородности состава переселенцев и сделал опыт вызова желающих переселиться крестьян непосредственно из внутренней России, но эта мера не встретила сочувствия. Главную массу переселенцев продолжало давать Семиречье...; в 1887 г. военный Министр воспретил переселение из Семиречья в Туркестан» ([Yashnov, 1915: 103](#)).

Состав переселенцев в Туркестан с самого начала русской колонизации оставался постоянным. Согласно статистическим данным по Аулиеатинскому, Черняевскому (Чимкентскому), Ташкентскому и Перовскому уездам за 1914 г. 61,3 % от общего числа хозяйств прибыло в указанные уезды из Южной России, 10,7 % – из Нижнего Поволжья, 7,5 % – с Кавказа, 7,3 % – из Центральной России, 6,3 % – из области Войска Донского (Подсчитано по: [Yashnov, 1915: 108](#)).

В динамике численности православного населения можно выделить два периода: с 1889 г. до 1902 г., когда происходит незначительный рост численности населения (6481 чел. за указанный период); и с 1902 г. по 1913 г. наблюдается резкий прирост населения – с 54318 чел. до 145880 чел., то есть на 91562 чел. ([ОСДО, 1890: 332-333](#); [ОСДО, 1906a: 162-163](#)).

Вторыми в «Обзоре» упомянуты старообрядцы. Их численность характеризовалась значительными темпами роста: с 1696 чел. в 1889 г. до 8274 чел. в 1913 г., что соответствует увеличению почти в 5 раз ([ОСДО, 1890: 332-333](#); [ОСДО, 1916: IV-V](#)). В 1892, 1908 и 1912 гг. их численность незначительно снизилась (на 3-7% от общей численности по сравнению с предыдущими годами) ([ОСДО, 1894: 2-3](#); [ОСДО, 1909: IV-V](#); [ОСДО, 1914: IV-V](#)).

В документах Департамента духовных дел Министерства внутренних дел старообрядцы по соглашениям и толкам поделены на три группы: 1) поповцы, 2) беглопоповцы, 3) беспоповцы. По сведениям Департамента в 1912 г. в Сыр-Дарьинской области проживало 6905 старообрядцев, из них 3015 чел. старообрядцы Часовенного согласия (Старикиевцы), 1143 чел. – старообрядцы, приемлющие священность Белокриницкой иерархии (окружники и противоокружники), 1095 чел. – старообрядцы Беглопоповцы (согласие Лужковское, Диконово и Ветковское) и 415 чел. – старообрядцы Поморского толка (Даниловцы) ([Статистические сведения..., 1912: 3, 8, 12, 13, 15](#)). Старообрядцы Часовенного согласия и старообрядцы Поморского толка относятся к беспоповцам, что позволяет сказать, что староверы в Сыр-Дарьинской области в большей степени были представлены беспоповцами.

Согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. в категории «старообрядцы и уклоняющиеся от православия» по Сыр-Дарьинской области значилось 2855 чел. из 65044 чел., проживающих в Средней Азии ([Первая..., 1905b: 201](#)).

Местами преимущественного расселения старообрядцев были Аму-Дарьинский отдел и г. Казалинск. В 1889 г. в Аму-Дарьинском отделе проживало 1 тыс. старообрядцев (520 мужчин и

480 женщин). В 1893 г. в г. Казалинск – 1001 чел. (512 мужчин и 489 женщин). А в 1913 г. в Аму-Дарьинском отделе – 4042 чел. (2159 мужчин и 1883 женщин) и г. Казалинск – 2044 чел. (1084 и 960 соответственно) (ОСДО, 1890: 332-333; ОСДО, 1916: IV-V). Большая часть этих старообрядцев являлась уральскими казаками. В архивных источниках отмечается, что уральские казаки в 1875 г. были поселены в г. Казалинск и в Амударьинском отделе Сырдарьинской области за протест против нового устава о воинской повинности казаков (Цыряпкина, 2012: 21).

Следует отметить, что в «Обзоре» старообрядцы указывались по-разному: с 1889 по 1892 г. они записаны как «старообрядцы», с 1893 по 1908 г. – «раскольники» и с 1909 г. по 1913 г. – опять как «старообрядцы». Безусловно, речь идёт об одной и той же категории лиц, а использование разных названий, возможно, связано с тем, что они оба были в ходу как синонимы в официальных документах.

При исследовании следующей конфессиональной группы – римско-католиков – была обнаружена опечатка в статистических данных. В «Обзоре» указано, что в Аму-Дарьинском отделе в 1889 г. проживало 480 римско-католиков. Эта цифра была технически перенесена из соседнего столбца, где указывается 480 женщин-старообрядцев в Аму-Дарьинском отделе. Также неправильно подсчитано количество мужчин-католиков: по данным получается 259 чел., а в итоговой строке указано 269 чел. (ОСДО, 1890: 332-333).

Согласно статистическим данным, в 1890 г. численность католиков составила 165 чел. (ОСДО, 1892: 260-261). Причём все они были лицами мужского пола. Известно, что Аму-Дарьинский отдел образован в 1873 г. и в него вошли территории, отошедшие к Российской империи от Хивинского ханства. В 1887 г. его включили в состав Сырдарьинской области. Возможно, на границе с Хивинским ханством в Аму-Дарьинском отделе располагались военные гарнизоны Туркестанского военного округа, где могли служить солдаты и офицеры из западных губерний Российской империи. Как отмечает историк Волков В.И., «командиры многих частей округа (в т.ч. генералы) были католиками и лютеранами» (Волков, 2023: 266). Также в 1888 г. была создана Амударьинская флотилия, где среди матросов, мичманов, штурманов и др. могли быть представители католического вероисповедания. В «Обзоре» за 1890 г. имеются сведения о социальном составе населения Аму-Дарьинского отдела: 100 мужчин – офицеров и чиновников, 2162 мужчины из войсковых, 26 мужчин – отставных и запасных нижних чинов, 3773 – пришлого населения (ОСДО, 1892: 264-265). Скорее всего, большая часть представителей католичества являлись военными.

Из данных «Обзора» видно, что число католиков до 1908 г. было нестабильным, и только с 1908 по 1913 г. наблюдается неуклонное их увеличение. Основным местом проживания католиков является городская местность. Так, по данным 1913 г. в Сыр-Дарьинской области 96 % католиков (5207 чел.) проживает в городах. Из всего городского населения 83 % католиков (4342 чел.) обосновались в русской части г. Ташкента (Подсчитано по: ОСДО, 1916: IV-V). Незначительное число католиков проживало в г. Туркестане (218 чел.), г. Перовске (249 чел.), г. Петро-Александровске (295 чел.). Следует отметить, что только в г. Петро-Александровске (административный центр Аму-Дарьинского отдела) заметно преобладание мужского населения – 275 мужчин и 20 женщин (ОСДО, 1916: IV-V).

Следующей конфессиональной группой являются иудеи. В отличие от православного населения, иудеи представляют собой этноконфессиональную группу, для которой характерна связь религиозной принадлежности с этнической. Исследователь Литвиненко П.В. отмечает, что специфика Средней Азии заключалась в том, что в этом регионе евреи не представляли собой однородной массы, в отличие от Европейской России (Литвиненко, 2022а: 408).

Известно, что этническая группа среднеазиатских евреев образовалась в результате многократных и временных переселений, причём не непосредственно из Иудеи, а из сопредельных со Средней Азией стран – Ирана, Ирака, Афганистана, Хазарии, Армении (Ниязов, 1992: 150), а также бухарских, хивинских, китайских (из Восточного Туркестана) и турецких земель (Литвиненко, 2022а: 407). В 1868 г. Бухарский эмират стал колонией царской России, и практически с той поры евреи – подданные Бухарского эмирата – начали именоваться «бухарскими евреями», а евреи Туркестана – «местными» или «туземными евреями». Правительство придавало такому разделению особое значение, поскольку эти группы подчинялись разным законам (Тураева, 2010: 196). «Мало кто знает, что с завоеванием региона Российской империей в 60-80-х гг. XIX в. там появились и европейские евреи, которые со временем стали численно преобладать среди еврейского населения» (Гитлин, 2018: 297).

За исследуемый период численность иудеев в целом была нестабильной. Согласно «Обзору» наблюдался рост численности населения с 2615 чел. в 1889 г. до 4476 чел. в 1913 г. (ОСДО, 1890: 332-333; ОСДО, 1916: IV-V). Этот рост был непостоянным, волнообразным. Основным местом расселения еврейского населения был г. Ташкент, где их численность увеличилась с 1275 чел. (1889 г.) до 3361 чел. (1913 г.) (ОСДО, 1890: 332-333; ОСДО, 1916: IV-V). Доля евреев, проживающих в административном центре, постепенно возрастала: в 1889 г. в г. Ташкенте проживало 49 % от общего числа евреев в Сыр-Дарьинской области, в 1902 г. – 53 %, в 1908 г. – 62 %, в 1913 г. – 75 %. Большая их часть проживала в русской части г. Ташкента (83 % от числа иудеев в городской местности в 1913 г.) (Подсчитано по: ОСДО, 1890: 332-333; ОСДО, 1906а: 162-163; ОСДО, 1909: IV-V; ОСДО, 1916: IV-V).

Этноконфессиональной группой в Сыр-Дарьинской области, формирование которой пришлось на 80-е гг. XIX в., являются армяне-григориане. Армяне переселялись в Закаспийский край и

Туркестан после вхождения их в состав России. В основном это были выходцы из Зангезура, Карабаха, Западной Армении. Причинами переселения в основном были экономическое и социально-политическое положение в Восточной и Западной Армении (Григорьянц, 1998: 201-202).

Численность армян-григориан в Сыр-Дарьинской области неуклонно росла: с 13 чел. в 1889 г. до 3005 чел. в 1913 г. (ОСДО, 1890: 332-333; ОСДО, 1916: IV-V). Наиболее резкий рост численности армян-григориан произошёл в 1892 г. (ОСДО, 1894: 2-3).

Постепенно расширялась и территория их расселения: если в 1889 г. они проживали в г. Ташкенте (12 чел.) и в Аму-Дарьинском отделе (1 чел.), то в 1913 г. – во всех городах и во всех уездах, кроме Чимкентского и Аулиеатинского (но они проживали в городах этих уездов – г. Чимкент 9 чел. и г. Аулиеата 49 чел.). В целом, армяне-григориане были городскими жителями. Так, в 1889 г. 92 % были горожанами (12 чел. из 13 чел. проживали в г. Ташкенте), в 1913 г. – 94 %. Из всего городского населения в 1913 г. 93 % проживали в г. Ташкенте, а из них в русской части города 99 % (Подсчитано по: ОСДО, 1890: 332-333; ОСДО, 1916: IV-V). Можно отметить, что армяне-григориане компактно расселились в г. Ташкенте.

Конфессиональной группой, формирование которой также пришлось на вторую половину XIX в., являются протестанты. Так как протестантская церковь имела своими последователями главным образом немцев (96,1 %) (Первая..., 1905b: XIII), то становление протестантов как конфессиональной группы в регионе связано с миграцией немцев.

Согласно «Обзору» количество протестантов в 1889 г. составило 524 чел., к 1913 г. их численность увеличилась в 4 раза и составила 2031 чел. (ОСДО, 1890: 332-333; ОСДО, 1916: IV-V). Данные по протестантам за 1889 г. и 1893 г. несколько некорректны, так как отсутствует указание на количество меннонитов. А в 1890 г. и 1892 г. имеется сноска в столбце «Протестанты», что в Аулиеатинском уезде проживают меннониты. Можно предположить, что в 1893 г. большая часть жителей, которых записали «протестантами», были меннонитами.

Динамика численности протестантов показывает, что их численность резко увеличилась в 1910 г. (с 1368 чел. в 1909 г. до 5643 чел. в 1910 г.) и значительно снизилась в 1913 г. (с 6033 чел. в 1912 г. до 2031 чел. в 1913 г.) (ОСДО, 1911: IV-V; ОСДО, 1912: IV-V; ОСДО, 1914: IV-V; ОСДО, 1916: IV-V).

Первоначально основной территорией расселения протестантов были г. Ташкент и Ташкентский уезд. Вероятнее всего, это было связано с размещением воинских подразделений. Так, в 1890 г. в г. Ташкент проживало 63 % от численности протестантов в области, в 1892 г. – 53 %, 1894 г. – 46 %, 1895 г. – 48 %, 1910 г. – 58 %, 1911 г. – 64 %, 1912 г. – 70 %. А в 1902, 1904, 1908, 1913 гг. наибольшая часть протестантов проживала в сельской местности. Так, в 1902 г. в уездах числилось 98 % от общей численности всех протестантов области, из них 76 % – в Ташкентском уезде, в 1904 г. в уездах 64 %, из них в Ташкентском уезде 81 %, 1908 г. – 83 % и 67 % и в 1913 г. – 94 % и 76 % соответственно. Обращают на себя внимание резкие скачки в численности населения в отдельных местностях. Если в 1912 г. в уездах проживало 30 % от всей численности протестантов, то в 1913 г. в уездах их стало 94 %. В 1912 г. в г. Ташкенте проживало 4123 чел. (98 % от численности городских протестантов), а на следующий год их количество сократилось до 85 чел. (5,8 %) (Подсчитано по: ОСДО, 1890: 332-333; ОСДО, 1892: 260-261; ОСДО, 1894: 2-3; ОСДО, 1897a: 144-145; ОСДО, 1897b: 134-135; ОСДО, 1897c: 182-183; ОСДО, 1906a: 162-163; ОСДО, 1906b: VIII-IX; ОСДО, 1909: IV-V; ОСДО, 1911: IV-V; ОСДО, 1912: IV-V; ОСДО, 1913: IV-V; ОСДО, 1914: IV-V; ОСДО, 1916: IV-V). Таким образом, можно отметить, что места расселения протестантов не были постоянными.

Меннониты – это единственные представители из протестантских деноминаций, статистические данные о которых с 1894 г. указывались в отдельной графе «меннониты». За рассматриваемый период их численность неуклонно росла. В 1894 г. их проживало 623 чел., из которых 337 мужчин и 296 женщин (ОСДО, 1897b: 134-135). В «Обзоре» за 1890 г., 1892 г. их численность была показана в столбце «Протестанты» со сноской, что в Аулиеатинском уезде проживают меннониты. В 1893 г. такая сноска не поставлена, но вероятно, в этом уезде они продолжали проживать.

Основным местом расселения меннонитов был Аулиеатинский уезд, в других уездах или городах они или не проживали, или их численность была незначительной. В 1895 г. большая часть меннонитов также проживает в Аулиеатинском уезде (641 чел.) и 10 чел. в Аму-Дарьинском отделе (ОСДО, 1897c: 182-183). В 1902 г. территория расселения немного расширяется, и кроме упомянутых местностей 100 чел. живут в г. Ташкенте (ОСДО, 1906a: 162-163). А уже в 1904 г. в Аму-Дарьинском отделе меннониты не зарегистрированы, они расселены только в русской части г. Ташкента (202 чел.) и в Аулиеатинском уезде (791 чел.) (ОСДО, 1906b: VIII-IX). В 1911 г. небольшая часть меннонитов начинает проживать в Ташкентском уезде, в 1912 г. – в Чимкентском уезде (ОСДО, 1913: IV-V; ОСДО, 1914: IV-V). В 1913 г. численность меннонитов достигла 1583 чел., которые были расселены в Аулиеатинском уезде (1295 чел.), г. Чимкенте (146 чел.), г. Ташкенте (106 чел.), г. Аулиеате (8 чел.), Ташкентском (14 чел.), Чимкентском (12 чел.) и Казалинском (2 чел.) уездах (ОСДО, 1916: IV-V). Заметно, что на рубеже веков меннониты активно переселялись из одной местности в другую, но всё же большая часть продолжала компактно проживать в Аулиеатинском уезде.

Самой малочисленной группой были язычники, которые являлись скорее религиозной, чем конфессиональной группой. Согласно статистическим данным, подавляющее большинство язычников в

Сыр-Дарьинской области являлось мужчинами. Численность язычников была нестабильной по причине того, что они, скорее всего, не имели семей и могли часто менять место жительства (Таблица 2). Вероятно, это могли быть кочевники, в сознании которых доминировали доисламские верования, обычаи и культуры, связанные с жизненным циклом человека. К язычникам причисляли и так называемых баксы (древних шаманов). В изучаемый период в Средней Азии в качестве язычников-баксы чаще упоминаются мужчины, хотя женские практики также существовали, преимущественно в области лечения и обрядов, связанных с деторождением, что происходило в домашнем, закрытом кругу. Кроме того, к язычникам могли отнести такие этнические группы, как удмурты, марийцы, чувашаи.

Наибольшее количество язычников было зафиксировано в 1892 г. (178 чел.), а самое наименьшее – в 1893 г. (11 чел.) (ОСДО, 1894: 2-3; ОСДО, 1897а: 144-145).

В 1894 г. в г. Чимкенте были зарегистрированы 2 мужчины-язычника и в Ташкентском уезде 10 мужчин. В 1895 г. 19 язычников мужского пола проживали в Ташкентском уезде (ОСДО, 1897а: 144-145; ОСДО, 1897b: 134-135). В начале XX в. основным местом проживания язычников стал г. Ташкент. В 1908 г. все язычники проживали в административном центре Сыр-Дарьинской области (20 мужчин) (ОСДО, 1909: IV-V). В 1909 г. наблюдалась аналогичная ситуация (52 мужчины) (ОСДО, 1911: IV-V). В 1911 г. язычниками были 21 мужчина и 8 женщин, они все были жителями г. Ташкента (ОСДО, 1913: IV-V). Также было и в 1912 г. (23 мужчины и 8 женщин) (ОСДО, 1914: IV-V). Таким образом, можно отметить, что динамика численности язычников была нестабильной, и основным местом проживания явился г. Ташкент.

Активная миграционная политика по заселению завоёванных территорий населением из европейской части империи за короткий период привела к следующим сдвигам: с 1889 по 1913 г. выросла доля в общей численности населения православных с 2,6 % до 6,9 %, старообрядцев – с 0,1 % до 0,4 %, римско-католиков – с 0,03 % до 0,3 %, армян-григориан – с 0,001 % до 0,14 %, протестантов – с 0,001 % до 0,09 %, меннонитов – с 0,03 % (1894 г.) до 0,06 %. Доля мусульманского населения сократилась с 96,9 % до 91,9 %. Доля иудеев в общей численности населения не изменилась (0,2 %) (Подсчитано по: ОСДО, 1890: 332-333; ОСДО, 1916: IV-V). Если их сгруппировать, то получается, что в 1889 г. в Сыр-Дарьинской области проживало 96,9 % мусульман, 2,6 % православных и 0,5 % – представителей других конфессий, а в 1913 г. – 91,9 % мусульман, 6,9 % православных и 1,2 % – других конфессий.

5. Заключение

Конфессиональный состав населения Сыр-Дарьинской области на рубеже XIX-XX вв. стал более разнообразным за счёт прибытия представителей различных конфессий. Наиболее многочисленной конфессией после мусульман стало православие, что связано с государственной поддержкой, с возможностью более свободного перемещения, а также релевантно проводимой колониальной политике. Численность многих конфессий была нестабильной, заметны их перемещения из одной местности в другую. Среди некоторых конфессий наблюдалась заметная диспропорция полов (особенно среди язычников).

Анализ статистических данных позволяет констатировать, что мусульманское и православное население проживали во всех населённых пунктах Сыр-Дарьинской области. Наибольшая часть мусульман являлись сельскими жителями. Также преимущественно в сельской местности проживали старообрядцы, предпочитая Казалинский уезд и Аму-Дарьинский отдел. Меннониты также в основном были сельчанами и селились в Аулиеатинском уезде. Большая часть православного населения являлась горожанами, среди которых значительная доля проживала в русской части г. Ташкента. Также преимущественно горожанами были римско-католики, армяне-григориане, евреи и язычники, и в большинстве случаев они селились в г. Ташкенте. Местом расселения основной части протестантов в разные годы были г. Ташкент и Ташкентский уезд. Можно отметить, что точкой притяжения для представителей практически всех конфессий явился г. Ташкент.

Литература

Бендин, 2021 – Бендин А.Ю. Сходство и различия во взаимоотношениях старообрядцев и православных в белорусско-литовских, центральных и северных губерниях Российской империи в конце XIX – начале XX в. // *Религия, наука и теология: вызовы и проблемы современности*. 2021. Т. 37. С. 27-53.

Верт, 2012 – Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. Научный ред. перевода М. Долбилов. М., 2012. 280 с.

Волков, 2023 – Волков И.В. Конфессиональный аспект политического сыска в царской армии: Туркестанский военный округ // *Власть*. 2023. Т. 31. №. 2. С. 265-273.

Всеподданнейший отчет..., 1890 – Всеподданнейший отчет военного губернатора Сыр-Дарьинской области за 1889 г. Сыр-Дарьинский областной военный губернатор. Ташкент, 1890. 5 с.

Гитлин, 2018 – Гитлин С. И. Европейские евреи в русском Туркестане на рубеже XIX – XX вв. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 2. С. 296-319.

- Григорьянц, 1998** – Григорьянц А.А. Армянская апостольская церковь в Средней Азии // *К истории христианства в Средней Азии (XIX-XX вв.)*. Ташкент, 1998. 270 с.
- Иноятова, 2021** – Иноятова Д.М. История появления и формирования немецкой диаспоры в Туркестане // *Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев*. 2021. №1 (9). С. 47-61.
- Кабузан, 2010** – Кабузан В.М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917). М., 2008. 272 с.
- Литвиненко, 2022a** – Литвиненко П.В. Крещение adeptов иудаизма в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX в.: масштабы и мотивация // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 404-416.
- Литвиненко, 2022b** – Литвиненко П.В. Странные неопиты ислама: переход христиан в ислам в русском Туркестане // *История: факты и символы*. №3 (32). С. 36-51.
- Ниязов, 1992** – Ниязов Д.М. Среднеазиатские евреи: историко-культурные традиции в современную эпоху // *Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана*. Ч. II. М., 1992. С. 146-160.
- ОСДО, 1890** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1889 год. Ташкент: Типография братьев О. и Г. Порцевых, 1890. 380 с.
- ОСДО, 1892** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1890 год. Ташкент: Типография братьев Г. и О. Порцевых, 1892. 306 с.
- ОСДО, 1894** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1892 год. Ташкент: Типо-литография С.И.Петухова, 1894. 194 с.
- ОСДО, 1897a** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1893 год. Ташкент: Типо-литография братьев О. и Г. Порцевых, 1897. 153 с.
- ОСДО, 1897b** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1894 год. Ташкент: Типо-литография торгового дома О. и Г. братья Каменские, 1897. 141 с.
- ОСДО, 1897c** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1895 год. Ташкент: Типо-литография торгового дома О. и Г. братья Каменские, 1897. 199 с.
- ОСДО, 1906a** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1902 год. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1906. 200 с.
- ОСДО, 1906b** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1904 год. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1906. 253 с.
- ОСДО, 1909** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1908 год. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина. 1909. 69 с.
- ОСДО, 1911** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1909 год. Ташкент: Тип. Канцеляр. Туркестанского Генерал-губернатора, 1911. 205 с.
- ОСДО, 1912** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1910 год. Ташкент: Электро-Тип. при Канцеляр. Туркестанского Генерал-губернатора, 1912. 193 с.
- ОСДО, 1913** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1911 год. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1913. 182 с.
- ОСДО, 1914** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1912 год. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1914. 246 с.
- ОСДО, 1916** – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1913 год. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1916. 162 с.
- Первая..., 1905a** – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXV. Семиреченская область / Под ред. Н.А.Тройницкого. СПб., 1905. 149 с.
- Первая..., 1905b** – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXVI. Сыр-Дарьинская область / Под ред. Н.А.Тройницкого. СПб., 1905. 208 с.
- Статистические сведения..., 1912** – Статистические сведения о старообрядцах к 1 января 1912 г. СПб., 1912. 25 с.
- Тураева, 2010** – Тураева О. Российская администрация и «еврейский вопрос» в Туркестане в середине XIX – начале XX в. (по архивным источникам ЦГА) // *Slovo Année*. 2010. №36. С. 195-206.
- Цыряпкина, 2012** – Цыряпкина Ю.Н. Особенности русского переселенческого общества Сырдарьинской области в конце XIX – начале XX вв. // *Диаспоры*. 2012. № 1. С. 6-29.
- Яшнов, 1915** – Яшнов Е. Колонизация Туркестана в последние годы // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. Пг., 1915. №18. С. 102-157.
- Alpyspaeva et al., 2022** – Alpyspaeva G.A., Sametova G.S., Jumaliyeva L.T. The Confessional Dimension of the Resettlement Policy of the Autocracy in the Kazakh Region at the beginning of the 20th century: the Fight against Sectarian Proselytism // *Bylye Gody*. 2022. 17 (2): 975-985.
- Hohmann, 2020** – Hohmann S. Gouverner face aux «monstres invisibles» en Asie centrale au XIXème et XXIème siècles: du choléra au coronavirus // *Groupe de réflexion Post-Covid-19*. 2020. Publication n°1. [Electronic resource]. URL: <https://ifeac.hypotheses.org/files/2020/04/Corona-Chole%4%9Bra.pdf>
- Titov, 2022** – Titov V.V. State Policy Towards Ethno-Confessional Minorities during the Reign of Alexander III and Nicholas II: Background and Systemic Limitations // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 359-367.

References

- Alpyspaeva et al., 2022** – Alpyspaeva, G.A., Sametova, G.S., Jumaliyeva, L.T. (2022). The Confessional Dimension of the Resettlement Policy of the Autocracy in the Kazakh Region at the beginning of the 20th century: the Fight against Sectarian Proselytism. *Bylye Gody*. 17(2): 975-985.
- Bendin, 2021** – Bendin, A. Yu. (2021). Skhodstvo i razlichiya vo vzaimootnosheniyah staroobryadcev i pravoslavnyh v belorussko-litovskih, central'nyh i severnyh guberniyah rossijskoj imperii v kontse XIX – nachale XX v. [Similarities and differences in the relations between Old Believers and Orthodox Christians in the Belarusian-Lithuanian, central and northern provinces of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries]. *Religiya, nauka i teologiya: vyzovy i problemy sovremennosti*. 37: 27-53. [in Russian]
- Tsyryapkina, 2012** – Tsyryapkina, Yu.N. (2012). Osobennosti russkogo pereselencheskogo obshchestva Syrdar'inskoj oblasti v konce XIX – nachale XX vv. [Features of the Russian migrant community in the Syr Darya region in the late 19th and early 20th centuries]. *Diaspory*. 1: 6-29. [in Russian]
- Gitlin, 2018** – Gitlin, S. I. (2018). Evropejskie evrei v russkom Turkestane na rubezhe XIX – XX vv. [European Jews in Russian Turkestan at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii*. 17(2): 296-319. [in Russian]
- Grigor'yanc, 1998** – Grigor'yanc, A.A. (1998). Armyanskaya apostol'skaya cerkov' v Srednej Azii [Armenian Apostolic Church in Central Asia]. K istorii hristianstva v Srednej Azii (XIX-XX vv.). Tashkent. [in Russian]
- Hohmann, 2020** – Hohmann, S. (2020). Gouverner face aux «monstres invisibles» en Asie centrale au XIXème et XXIème siècles: du choléra au coronavirus. *Groupe de réflexion Post-Covid-19*. Publication n°1. [Electronic resource]. URL: <https://ifeac.hypotheses.org/files/2020/04/Corona-Chole%C4%9Bra.pdf> [in French]
- Inoyatova, 2021** – Inoyatova, D.M. (2021). Istorija poyavleniya i formirovaniya nemeckoj diaspory v Turkestane [The history of the emergence and formation of the German diaspora in Turkestan]. *Ezhegodnik Mezhdunarodnoj asociacii issledovatelej istorii i kul'tury rossijskih nemcev*. 1: 47-61. [in Russian]
- Kabuzan, 2010** – Kabuzan, V.M. (2010). Rasprostranenie pravoslaviya i drugih konfessij v Rossii v XVIII – nachale XX v. (1719–1917) [The spread of Orthodox Christianity and other religions in Russia in the 18th – early 20th centuries (1719–1917)]. M. [in Russian]
- Litvinenko, 2022a** – Litvinenko, P.V. (2022). Kreshchenie adeptov iudaizma v Turkestanskom krae vo vtoroj polovine v XIX – nachale XX v.: masshtaby i motivaciya [The baptism of adherents of Judaism in the Turkestan region in the second half of the 19th – early 20th centuries: scale and motivation]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii*. 21(3): 404-416. [in Russian]
- Litvinenko, 2022b** – Litvinenko, P.V. (2022). Strannye neofity islama: perekhod hristian v islam v russkom Turkestane [Strange converts to Islam: Christians converting to Islam in Russian Turkestan]. *Istorija: fakty i simvoly*. 3(32): 36-51. [in Russian]
- Niyazov, 1992** – Niyazov, D.M. (1992). Sredneaziatskie evrei: istoriko-kul'turnye tradicii v sovremennuyu epohu [Central Asian Jews: historical and cultural traditions in the modern era]. *Sovremennoe razvitie etnicheskikh grupp Srednej Azii i Kazahstana*. Ch. II. Moscow. Pp. 146-160. [in Russian]
- Obzor..., 1890** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1889 g. (1890) [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1889]. Tashkent: tip. bratev O. i G. Portsevnyh, 1890. 380 p. [in Russian]
- Obzor..., 1892** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1890 g. (1892) [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1890]. Tashkent: tip. bratev G. i O. Portsevnyh, 1892. 306 p. [in Russian]
- Obzor..., 1894** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1892 g. (1894) [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1892]. Tashkent: Tipo-litografiya S.I. Petuhova, 1894. 194 p. [in Russian]
- Obzor..., 1897a** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1893 g. (1897) [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1893]. Tashkent: Tipo-litografiya S.I. Petuhova, 1897. 153 p. [in Russian]
- Obzor..., 1897b** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1894 g. [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1894]. Tashkent: Tipo-litografiya trgovogo doma O. i G. bratya Kamenskie, 1897. 141 p. [in Russian]
- Obzor..., 1897c** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1895 g. [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1895]. Tashkent: Tipo-litografiya trgovogo doma O. i G. bratya Kamenskie, 1897. 199 p. [in Russian]
- Obzor..., 1906a** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1902 g. [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1902]. Tashkent: Tipo-litografiya V.M. Il'ina, 1906. 200 p. [in Russian]
- Obzor..., 1906b** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1904 g. [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1904]. Tashkent: Tipo-litografiya V.M. Il'ina, 1906. 253 p. [in Russian]
- Obzor..., 1909** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1908 g. [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1908]. Tashkent: Tipo-litografiya V.M. Il'ina, 1909. 69 p. [in Russian]
- Obzor..., 1911** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1909 g. [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1909]. Tashkent: tip. Kantselyarii Turkestanskogo General-gubernatora, 1911. 205 p. [in Russian]
- Obzor..., 1912** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1910 g. [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1910]. Tashkent: Elektro-Tip. Kantselyarii Turkestanskogo General-gubernatora, 1912. 193 p. [in Russian]
- Obzor..., 1913** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1911 g. [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1911]. Tashkent: Tipo-litografiya V.M. Il'ina, 1913. 182 p. [in Russian]
- Obzor..., 1914** – Obzor Syr-Dar'inskoj oblasti za 1912 g. [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1912]. Tashkent: Tipo-litografiya V.M. Il'ina, 1914. 246 p. [in Russian]

- Obzor..., 1916** – Obzor Syr-Dar'inskoi oblasti za 1913 g. [Overview of the Syr-Dar'ya region for 1913]. Tashkent: Tipo-litografiya V.M. Il'ina, 1916. 162 p. [in Russian]
- Pervaya..., 1905a** – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897]. LXXXV. Semirechenskaya oblast'. Pod red. N.A. Trojnickogo. Sankt-Peterburg. 1905. [in Russian]
- Pervaya..., 1905b** – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897]. LXXXVI. Syr-Dar'inskaya oblast'. Pod red. N.A. Trojnickogo. Sankt-Peterburg. 1905. [in Russian]
- Statisticheskie svedeniya..., 1912** – Statisticheskie svedeniya o staroobryadcah k 1 yanvarya 1912 g. [Statistical data on Old Believers as of 1 January 1912]. Sankt-Peterburg. 1912. [in Russian]
- Titov, 2022** – Titov, V.V. (2022). State Policy Towards Ethno-Confessional Minorities during the Reign of Alexander III and Nicholas II: Background and Systemic Limitations. *Bylye Gody*. 17(1): 359-367.
- Turaeva, 2010** – Turaeva, O. (2010). Rossijskaya administraciya i «evrejskij vopros» v Turkestane v seredine XIX – nachale XX v. (po arhivnym istochnikam CGA) [The Russian administration and the “Jewish question” in Turkestan in the mid-19th to early 20th centuries (based on archival sources from the Central State Archives)]. *Slovo Année*. 36: 195-206. [in Russian]
- Vert, 2012** – Vert, P. (2012). Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii [Orthodoxy, Heterodoxy, and Heterodoxy: Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. Nauchnyi red. perevoda M. Dolbilov. M., 280 p. [in Russian]
- Volkov, 2023** – Volkov, I.V. (2023). Konfessional'nyj aspekt politicheskogo syska v carskoj armii: Turkestanskij voennyj okrug [The confessional aspect of political investigation in the tsarist army: the Turkestan Military District]. *Vlast'*. 31(2): 265-273. [in Russian]
- Vsepoddannejsnij otchet..., 1890** – Vsepoddannejsnij otchet voennogo gubernatora Syr-Dar'inskoi oblasti za 1889 g. [The most humble report of the military governor of the Syr Darya region for 1889]. Syr Darya-regional military governor. Tashkent, 1890. [in Russian]
- Yashnov, 1915** – Yashnov, E. (1915). Kolonizaciya Turkestana v poslednie gody [The colonisation of Turkestan in recent years]. *Voprosy kolonizacii: periodicheskij sbornik*. Petrograd. 18: 102-157. [in Russian]

Демографические изменения в Сыр-Дарьинской области на рубеже XIX–XX вв. в контексте конфессионального состава населения

Айгуль Бегеновна Есимова ^a, Зульфия Хафизовна Валитова ^{b,*}, Асель Жанатовна Мырзахметова ^b, Байжол Искакович Карипбаев ^b

^a Южно-Казахстанский педагогический университет им. Узбекали Жанибекова, Шымкент, Республика Казахстан

^b Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан

Аннотация. Во второй половине XIX в. под влиянием колониальной политики царизма территория Российской империи расширилась. Освоение новых земель, а также внутренние политические процессы (отмена крепостного права в 1861 г., революция 1905 г. и др.) стимулировали проведение активной переселенческой политики. В статье на основе статистических данных из «Обзоров Сыр-Дарьинской области», прилагавшихся к отчёту военного губернатора, прослежены динамика численности и территория расселения следующих конфессиональных групп: мусульман, православных, старообрядцев, римско-католиков, иудеев, армяно-григориан, протестантов, меннонитов, язычников.

На рубеже XIX–XX вв. складывался поликонфессиональный состав населения региона. Мусульманское и православное население было расселено по всей области. Большая часть мусульман, старообрядцев и меннонитов проживала в сельской местности. Православные, римско-католики, армяно-григориане, евреи и язычники преимущественно селились в русской части г. Ташкента. Протестанты в разные годы проживали как в г. Ташкенте, так и в Ташкентском уезде. Численность представителей всех конфессий, за исключением мусульманского, была непостоянной, наблюдалась высокая миграционная активность. Основным центром притяжения стала русская часть г. Ташкента, где проживали представители всех конфессий.

Ключевые слова: Сыр-Дарьинская область, конфессии, мусульмане, православные, старообрядцы, армяно-григориане, римско-католики, меннониты, протестанты, иудеи.

* Корреспондирующий автор

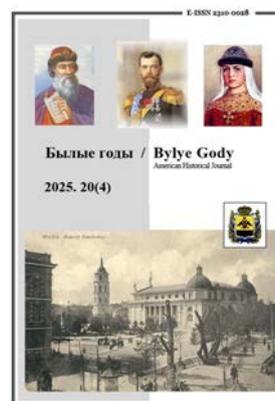
Адреса электронной почты: valitova@yandex.ru (З.Х. Валитова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1991-2001
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1991

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Features of Transport Communications Development in Pre-Revolutionary Krasnoyarsk

Evgeny A. Akhtamov ^{a, *}, Tatyana V. Izluchenko ^{a, b}, Denis N. Gergilev ^{a, b}, Andrei A. Gruzdev ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the features Krasnoyarsk transport system and, partially, the Yenisei province in the 19th – early 20th centuries. Until the end of the 19th century, one of the reasons for slow economic development of the city of Krasnoyarsk and the Yenisei province was the lack of reliable transport links with other regions. The Great Siberian or Moscow Tract was a vital route until the 1890s, providing communication between the Siberian provinces and the European regions of Russia. On the section running through the Krasnoyarsk District, its length was 190 miles. This route contributed to the development of traditional industries such as cabbings, saddlery and carriage manufacturing. In different years, there were about a hundred owners of carriages in Krasnoyarsk engaged in the cabbings industry. At the same time, the economic development of the Yenisei province and Krasnoyarsk required the transportation of an increasing number of goods. Largely due to the efforts of entrepreneurs of the Yenisei province, shipping along the Northern Sea Route was restored, which gave impetus to the development of steamship service first in the lower reaches of the Yenisei, and then in its upper parts, where Krasnoyarsk is located, which had a positive effect on the economic development of the city. The emergence and development of steamship service partially helped to solve the transport problem of Krasnoyarsk and the Yenisei province as a whole, but could not do so completely. The decision to build the Trans-Siberian Railway, taken in St. Petersburg in 1891, became historic. Also, the end of the 19th – beginning of the 20th century was marked by the emergence of motor transport. It is worth noting that it did not play a significant role in the transport infrastructure of the city during this period. The authors have come to the conclusion that the development of transport infrastructure had a significant impact on the economic and socio-cultural development of the city of Krasnoyarsk.

Keywords: Krasnoyarsk, Yenisei province, transport system, transportation, shipping, railway, railway bridge.

1. Введение

Исторический опыт свидетельствует о тесной взаимосвязи развития транспортной системы и уровня экономического развития региона. На протяжении XIX в. хозяйственное развитие Красноярска и его окрестностей носило замедленные темпы, что во многом было обусловлено как отдалённостью региона от крупных экономических центров, так и отсутствием надёжных путей транспортного сообщения. Положительное влияние на хозяйственное развитие Красноярска имел Московский тракт, который проходил в том числе и по улицам города. Также город обеспечивал работу переправы, соединявшей левый и правый берега Енисея. Открытие паромного сообщения во второй половине XIX в. было чрезвычайно важно для красноярского сообщества. А появление железной дороги в последнем десятилетии XIX в. оказало решающее значение на экономическое

* Corresponding author

E-mail addresses: akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), andygruzdev@yandex.ru (A.A. Gruzdev)

развитие Красноярска. Также, во многом благодаря частной инициативе, в Красноярске активно развивался общественный транспорт. В связи с этим для исследователя представляют интерес свидетельства развития транспортного сообщения в городе Красноярске, которые ранее не нашли достаточного освещения в исторической литературе.

2. Материалы и методы

Источниковой основой данного исследования стали материалы, опубликованные в конце XIX – начале XX в. В частности, аналитические доклады, изложенные в обзоре по коммерческой деятельности Сибирской железной дороги (*Обзор..., 1911*), позволили уточнить сведения по грузообороту красноярского железнодорожного вокзала, по динамике роста пассажирских перевозок. В Красноярском справочнике (*Красноярский справочник, 1914*) нашли отражение сведения о численности населения Красноярска за разные годы, структуре и количестве грузовых отправок из Красноярска по железной дороге и по водным путям, числе каменных строений, фабрично-заводским предприятиям. К опубликованным источникам также следует отнести материалы периодической печати, опубликованные в конце XX – начале XXI в. Неопубликованные делопроизводственные материалы, касающиеся деятельности Красноярской городской думы, хранящиеся в фонде № 173 Государственного архива Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская Федерация), позволили уточнить сведения о доходах и расходах городского бюджета, предписаниях Енисейского губернатора, деятельности перевоза через Енисей.

Методологической основой исследования стал системно-структурный метод, который позволил рассмотреть во взаимосвязи деятельность, связанную с перевозками по Великому Сибирскому или Московскому тракту, развитием судоходства и строительством Транссибирской железнодорожной магистрали. При работе с источниками применялся аналитический метод, позволивший выявить разночтения и неточности в различных источниках, определить более точные даты событий.

3. Обсуждение

Интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей к проблеме развития транспортного сообщения в Сибири на рубеже XIX–XX вв. остаётся неизменно высоким. Так, большое исследование по истории железнодорожного транспорта Восточной Сибири было проведено коллективом авторов, результатом которого стало двухтомное издание под редакцией В.Г. Третьякова (*Железнодорожный транспорт..., 2001*). В работе проанализированы различные аспекты строительства железной дороги: проведение изыскательных работ, организация быта рабочих, развитие материально-технической базы железной дороги. История развития красноярской железной дороги проанализирована в коллективной работе «Стальное звено Транссиба». В исследовании нашли отражение малоизвестные факты, касающиеся строительства железной дороги, биографии сотрудников (*Стальное звено..., 1998*).

Проблемы социально-экономического развития Сибири в контексте модернизации, а также роль в этом процессе Транссибирской железнодорожной магистрали, проанализированы в работе С.Т. Гайдина, Г.А. Бурмакиной, Р.В. Павлюкевича, Т.Г. Шереметовой (*Gaidin et al., 2020*). Значение Северного морского пути для Приенисейской Сибири проанализировано в коллективной работе А.П. Дворецкой, А.В. Шахматова, А.В. Суржко, Н.Р. Новосельцева (*Dvoretzkaya et al., 2024*). История хозяйственного развития регионов Сибири в период деятельности Комитета Сибирской железной дороги рассмотрена в работе Д.Н. Белянина, В.Н. Разгона, А.В. Разгона (*Belyanin et al., 2024*).

В работах зарубежных исследователей также нашли отражение проблемы развития транспорта в России в целом и в российских городах. Так, работа Д.Р. Бровера посвящена проблемам модернизации, которые, в том числе, касались вопросов развития транспортной инфраструктуры, появления новых видов транспорта (*Brower, 1990*). Влияние железной дороги на социально-экономическое развитие регионов Сибири проанализировано в работах К. Волмара (*Wolmar, 2016*) и С. Дж. Маркса (*Marks, 1991*).

Стоит отметить, что в исторической литературе развитие отдельных видов транспорта XIX – начала XX в. в самом городе Красноярске нашло отражение преимущественно в обобщающих работах по истории города (*Мешалкин, 1988; Красноярск..., 2003*). Пробел в этой области восполняют работы краеведов. Особую значимость имеют работы Г.Н. Сизовой (*Сизова, 2011*), В.Ф. Иванова (*Иванов, 2009*). В целом, проблема развития транспорта в сибирских городах XIX – начала XX в. в историографии представлена недостаточно, что требует её дальнейшего изучения.

4. Результаты

Важной частью транспортной инфраструктуры Красноярска был перевоз через Енисей. Организация коммерческого перевоза через Енисей в Красноярске относится к 1786 г. Перевоз осуществлялся тремя карбасами и был трудным и опасным. Один карбас мог совершить 4 – 5 рейсов в сутки. Путь с одного берега на другой и обратно составлял примерно 15 вёрст (1 верста – 1066,8 м). Карбас – весельная лодка, плоскодонная, длиной 8,5 сажени, шириной две с половиной сажени

(1 сажень – 2,1336 м), водоизмещением 6–8 тонн. Позднее лодочные корпуса выполнялись килевой системы с водорезами. Носовые и кормовые части выполнялись из круглых брёвен.

Переправа через Енисей являлась частью Московского тракта, поэтому городские власти уделяли ей большое внимание: плашкоуты регулярно чинились, ежегодно уточнялись правила перевоза, ежегодно проводились торги, в ходе которых определялось, кто будет осуществлять перевоз. В 1820 г. по распоряжению генерал-губернатора М.М. Сперанского было увеличено количество карбасов. Перевоз также осуществляли и частные перевозчики. В 40-х гг. XIX в. частные перевозчики были и в деревнях Песчанке, Коркине, Ладейке и Берёзовке (Сизова, 2011: 6).

Перевоз через Енисей играл важную роль в экономической жизни города. Причём важен был не только доход, который получала казна от провоза. Очередь из телег, ожидавших переправы, также оживляла экономическую жизнь в городе, поскольку повозки нужно было обслужить: обиходить лошадей, отремонтировать упряжи и телеги (включая замену спиц и натягивание ободьев), обеспечить питанием и ночлегом сопровождающих. Одновременно с этим у местных жителей была возможность выгодно купить товар оптом с обола. Все эти процессы оживляли экономическую жизнь, обеспечивали работой и заработком кузнецов, шорников, трактирщиков и содержателей постоянных дворов. Городская казна также получала доход от сборов за проезд по городским дорогам с каждого воза (Иванов, 2009: 4).

Карбас, груженный поклажей, затаскивали с помощью лошадей вдоль берега реки на несколько вёрст вверх по течению. После того как он отчаливал от берега, начинали свою работу гребцы. Чем усерднее они гребли, тем меньше их сносило течением реки, и тем быстрее они причаливали к противоположному берегу, в районе деревни Перевозной. Помимо основных карбасов, в работе переправы участвовали два малых судна и двадцать лошадей, которые тянули карбасы вверх по реке. Команда из двадцати двух человек, набранная арендатором, обеспечивала работу. Ежегодно право на эксплуатацию городского перевоза разыгрывалось на торгах, с установленной арендной платой (Иванов, 2009: 4).

Что касается оплаты за перевоз, то для разных типов транспортных средств она была различной. Так, с частных дорожных экипажей, с каждой повозки, рессорной и простой или почтовой, включая людей и лошадей, – 50 копеек. С возвращающихся из города почтовых ямщиков, лошадей и повозок предписывалось ничего не брать. С городских экипажей, как-то: с простых и рессорных дрожок и тележек, включая людей и лошадей, – 25 копеек (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 67. Л. 142). С «пешеходцев, с каждого человека, мужчины и женщины – 5 копеек, а с малолетних детей не брать» (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 67. Л. 142). С крестьянской телеги, с порожней и с обыкновенной крестьянской покладью, как-то: хлебом, зерном, сеном, мхом и тому подобным, включая лошадей и без оных – 25 копеек. С каждой вьючной или верховой лошади и человека, также и с домашнего скота – 15 копеек. С прогонного скота рогатого или конного, с каждой штуки 50 копеек. С возов со всякими товарами и вином с каждого возу: весной в полноводие по 1-е июня и осенью с 1-го октября до закрытия реки с воза – 50 копеек; с 1 июня по 1 октября с воза – 50 копеек; с начала весны до закрытия реки с лошади – 25 копеек (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 67. Л. 143).

В архивных документах сохранилась запись о собираемых суммах: в 1822 г. – 3 221 рубль 60 копеек; в 1823 г. – 7 026 рублей 35 копеек; в 1824 г. – 6 385 рублей 75 копеек (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 68. Л. 19).

В 1851 г. по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири перевоз был переведён из Красноярска в село Берёзовское, находившееся от Красноярска в 20 вёрстах. Объяснялось это возможностью более быстрой переправы. Но отсутствие торгового движения в Красноярске резко снизило уровень экономической активности в городе, поэтому уже в 1863 г. встал вопрос о переводе перевоза снова в Красноярск. Городская Дума поддержала эту идею, указав следующие выгоды: сокращение средств на содержание переправы, поддержание городских доходов, развитие торговли провиантом и фуражом. В 1862-1863 гг. доход от перевоза не превышал 600 рублей, тогда как в Иркутске от переправы через Ангару он составлял более 3000 рублей (Сизова, 2011: 6).

25 октября 1863 г. перевод переправы в Красноярск был одобрен генерал-губернатором. Весной 1864 г. всё имущество перевоза, а оно принадлежало городу, было переведено в Красноярск. С 1865 г. переправу взял в аренду на 10 лет купец первой гильдии М. К. Сажин.

В этот период на переправе действовала такса, утверждённая Министерством внутренних дел 24 декабря 1853 г.: с пеших людей – 3 копейки, с лошадей в упряжке в каретах, колясках, бричках, дрожках, экипажах – 18, с лошадей верховой упряжи и в упряжке повозки или телеги с кладью и без клади – 12, с лошадей без упряжи, коровы или быка со штуки – 9, с мелкого скота, включая перевозимого на повозках – 3, с карет, колясок, кои принадлежат проезжающим – 60. Эти нормы практически не менялись в течение десятилетий (Сизова, 2011: 6).

Но и после перевода перевоза в Красноярск, то есть после 1864 г., медлительные весельные баркасы нуждам города не соответствовали. Возникла мысль об устройстве «самолёта». Проект самолёта был поручен городскому архитектору Г.Я. Судовскому, который предложил «вместо весельной силы воспользоваться силой самой воды через устройство самолёта», указывая, что «дело это не новое и допустимое в Красноярске» (Сизова, 2011: 6). Для движения «самолёта»

использовалось быстрое течение реки. Корпус «самолёта», испытывая боковое давление от напора воды, двигался по дуге, описываемой канатом, неподвижный конец которого был прикреплен к якорю, опущенному на дно реки, а другой закреплен на «самолёте» (Иванов, 2009: 4).

В своей записке Городской Думе Г.Я. Судовский писал: «Река Енисей имеет чрезвычайно широкое ложе с наносными островами. В городе Красноярске ширина реки вместе с островами – до 700 сажень. В селе Берёзовском ниже Красноярска на 20 вёрст ширина 700–800 сажень. Горизонт реки и ширина её в течение лета изменяются. Весенний и осенний лёд идет по реке громадными массами, с необыкновенной силой. При этих условиях устройство постоянного моста хотя и возможно, но требует больших издержек по устройству и эксплуатации» (Сизова, 2011: 6).

Г. Я. Судовским была составлена смета на устройство перевоза и проект двух самолётов и дороги по острову Большой Телячий. Также архитектором была представлена смета расходов на устройство переправы: «На устройство двух сплочённых карбасов длиной 8,5 сажени, шириной до 2,5 сажени с рулями, мачтами, окраской, с валом для каната, колесом для управления рулями, и вообще со всем необходимым прибором, за исключением каната и верёвок, по сведениям судостроителей – 2000 рублей; за 20 крытых лодок для поддержания каната по 70 рублей за каждую – 1400 рублей; якорный карбас – 200 рублей; якоря с Абаканского завода до 80 пудов по 2,5 руб. за пуд – 200 рублей; канат длиной до 150 сажень, толщиной 3,5 дюйма, просмоленный, весом до 230 пудов по 8 рублей за пуд – 1840 рублей; два карбаса у берегов и два подвижных мостика у въездов – 300 рублей; верёвки и снасти – 50 рублей; запасная лодка – 50 рублей; итого для устройства самолёта через одно русло – 6040 рублей, за оба – 12 080 р. На устройство моста через протоку, разделяющую Большой Телячий остров от двух берегов и трёх средних свинках (ряжах) – 1000 рублей. Проложение дорог на Большом Телячем острове – 100 рублей. Устройство 4 изб для рабочих – 600 рублей. Всего первоначальное устройство стоит 13 780 рублей» (Сизова, 2011: 6).

По расчётам, эксплуатация самолётов с 15 апреля по 15 октября должна была потребовать работы 10 человек (по 10 рублей в месяц), то есть 600 рублей. Во время ледохода оплата рабочим возрастала. Затраты на самолёт в 14 000 рублей предполагалось окупить в течение 7 лет. 10 августа 1871 г. Городская Дума решила поручить устройство переправы и арендувание её архитектору А.А. Лоссовскому. 21 октября 1871 г. с ним был заключён контракт на установку самолёта. Городская Управа с разрешения Городской Думы выдала А.А. Лоссовскому ссуду до 6000 рублей (Сизова, 2011: 6).

Городской Управой были составлены правила эксплуатации перевоза. В 1880 г. правила дополнились новыми положениями: оплата за переправу теперь должна была производиться на берегу реки Енисей, а не на протоке; перевоз частных лиц производить лишь тогда, когда рейс будет окупаться не менее 60 копеек. Заплативший сумму 60 копеек может требовать перевоза и для одного. Сумма оплаты удваивалась во время ледохода или разлива реки, когда самолёты и паромы заменялись карбасами.

По правилам, три раза в сутки необходимо было оповещать вывеской флага о проходе барж, плотов, карбасов. Паром в ночное время обозначался двумя зелёными огнями, а якорный карбас – белыми. Перевоз работал с 6 утра до 22 часов в базарные дни (понедельник, вторник, среда, суббота и воскресенье), а в четверг и пятницу с 8 утра до 21 часа. На перевозе велась книга учёта денег, полученных за переправу. О месте перевоза в Кондиции были указаны два варианта: напротив Конного острова и Покровского переулка или против Телячьего острова и Шипилинского взвоза (Шипилинский взвоз – на участке между переулками Благовещенским и Степановским, то есть между улицами 9 Января и Каратанова) – где найдёт удобным арендатор. В 1872 г. А.А. Лоссовским была установлена переправа напротив Телячьего острова: самолётом до острова и карбасами по протоке у правого берега, так как «самолёт по мелководью не установишь и мост не построишь из-за ширины протоки» (Сизова, 2011: 6).

В 1872–1873 гг. переправа работала с перебоями в силу технических сложностей перевоза. А.А. Лоссовский был вынужден отказаться от перевоза. Городская Дума решила сдать перевоз А.С. Шебанову сроком на 8 лет, с условием оплаты долга А.А. Лоссовского, то есть 1300 рублей за сезон. Однако в этот период у А.С. Шебанова тоже возникли сложности с техническим содержанием перевоза.

Поскольку движение почтовых отправок задерживалось, Красноярская почтовая контора обратилась к губернатору Енисейской губернии с просьбой разрешить перевоз почты в селе Берёзовском или напротив Таракановского места. Есть мнение, что таким образом почтовая служба ограждала себя от лишней работы: «Если нет переправы в городе, то почту возвращают в контору, а в Берёзовке она могла лежать на берегу, считаясь в пути следования» (Сизова, 2011: 6). 22 августа 1874 г. гражданский губернатор принимает решение о переводе перевоза в село Берёзовское, но аренду за Шабановым было решено оставить до конца навигации.

Коммерческий тракт снова пошёл через Березовку, на содержание переправы было выделено 1370 рублей. В Красноярске перевоз тоже остался, но использовался только для местных целей, для казённой почты, арестантских партий, которые за переправу не платили. Красноярск в это время понёс ощутимые потери: базары опустели, почта стала приходить нерегулярно, всё затихло. И власти начали принимать меры для возвращения почтового тракта в город. Писались письма в высокие

инстанции, велись разработки проектов создания более короткого тракта и собирались деньги на постройку мостов на острове Конный, через протоку и реку Базаиху. И наконец городская управа решилась на смелый шаг – ввела более низкую таксу на перевоз, чего в конечном счёте березовцы не выдержали, и в результате, в 1886 г. почтовый тракт снова пошёл через Красноярск. За 1891–1897 гг. годовой доход от перевоза составлял 3207 рублей 61 копейку. Имущество перевоза оценивалось в 6878 рублей (Сизова, 2011: 6).

В 1891–1892 гг. встал вопрос о сооружении наплавного моста через протоку реки Енисей. Была составлена смета на 4393 рубля 56 копеек и утверждён проект. Постройку моста предполагалось поручить Ф. И. Синявину. Но этот план выполнен не был. Мосты были построены только через две протоки Конных островов. В 1902–1904 гг. были построены новые плашкоуты, на постройку которых израсходовано 4253 рубля 36 копеек, а имущество перевоза оценивалось в 8370 рублей 82 копейки (Сизова, 2011: 6). В 1912 г. использовалась такса, утверждённая в 1892 г. В 1913 г. пожар уничтожил часть малого плашкоута, отстроенного годом раньше.

Переправа регулярно сдавалась в аренду И.М. Иванову, С.М. Ковскому, Любенецкому, И.Я. Мельникову и др. Самолёт прослужил до 1929 г., когда был заменён моторным плашкоутом.

Другим видом транспорта, наиболее доступным для жителей дореволюционного Красноярска, были экипажи извозчиков. К самим извозчикам предъявлялись достаточно серьёзные требования. Извозчик должен был быть опрятно одет, быть вежливым с пассажирами. Для получения разрешения на перевозку нужно было получить соответствующее разрешение от городских властей. После прохождения проверки извозчик получал два номера, которые должен был прикрепить к карете. У каждого экипажа должен был быть фонарь, зажжённый при седоке и без него. В 1912 г. в Красноярске работало 335 извозчиков, перевозивших пассажиров. Помимо этого, были перевозчики, специализировавшиеся на перевозке грузов – 242, и на перевозке воды – 112 (Буровский, Зыков, 2003: 53).

Помимо карет извозчиков, красноярцам с 1896 г. стали доступны дилижансы. В октябре 1895 г. Валериан Волжинский подал прошение о разрешении открытия такого движения: «Желая предоставить жителям Красноярска более дешёвый и удобный проезд по улицам между Старобазарною площадью и вокзалом Сибирской железной дороги, я предполагаю открыть движение общественных дилижансов с платою за проезд до Новособорной площади пять копеек с персоны и от Новособорной площади до железной дороги те же пять копеек. Проектируемые мною дилижансы будут одноколенные, парные и троечные, смотря по тому, которые соображаясь с временем года будут представлять больше удобств для публики...» (Меньшова, Игнатова, 2021: 15).

Позже В. Волжинский получил разрешение на строительство конюшни, кузницы, помещения для дилижансов, а также небольших крытых павильонов, где пассажиры могли бы укрыться от непогоды в ожидании транспорта.

В 1896 г. линия движения дилижансов была продлена до механического завода И. Матвеева, со взиманием платы между вокзалом железной дороги и заводом 5 копеек с каждого пассажира (Меньшова, Игнатова, 2021: 15). Также В. Волжинский возвёл павильон для пассажиров у механического завода.

Другим транспортным средством, которое появилось на красноярских дорогах в начале XX в., были автомобили. Во время Русско-японской войны генерал А.Ф. Забелин приказал приобрести для нужд армии на Дальнем Востоке 10 автомобилей. Предприятие «Варнели», находившееся в Германии, поставило 8 машин типа «Фюркат Мери» военному министерству. В августе 1905 г. машины через Сибирь и, соответственно, Красноярск прибыли на Дальний Восток (Мяэотс, 2003: 4).

В 1910 г. в Красноярске два человека владели частными автомобилями: А.А. Данилов, директор Знаменского стекольного завода, который, вероятно, приобрёл автомобиль ещё в 1907 г., и купец первой гильдии А.А. Гадалов.

В 1909 г. некий предприниматель Степан Иванович Зубов открыл автомобильное движение по городу. История не сохранила названия марки этого авто и сведений о том, каким путём оно прибыло в Красноярск. Скорее всего, модель была французской и прибыла по железной дороге. Это авто было коммерческим и послужило прообразом современного маршрутного такси. В машине было четыре места. Двигатель мощностью 10 лошадиных сил позволял ежедневно совершать по 15 рейсов протяжённостью 4 версты от станции Красноярск до Старого базара (т. е. от железнодорожного вокзала до современной Стрелки) (Кайгородов, 1999: 3). Стоимость поездки по всему маршруту составляла 35 копеек. Если нужно было проехать только часть маршрута, то стоимость поездки была меньше. На новомодной игрушке любили прокатиться богатые купцы, её арендовали для развлечения заезжего начальства. Местное же чиновничество самоходную коляску почему-то избегало, хоть и одобряло саму идею автомобилизации.

Деятельность С.И. Зубова и В. Стручкова подтолкнула городскую управу разработать правила дорожного движения с учётом автомобильного транспорта. Согласно постановлению городской управы «Об езде на автомобилях» № 208, принятому на заседании 18-19 ноября 1909 г., автомобили допускались к следованию по улицам, прочность уличного полотна которых была достаточна для этого; были назначены специальные места для стоянки автомобилей, включая Старобазарную

площадь, территорию рядом с Покровским сквером, Новобазарную площадь, Плац-Базарную площадь и район вокзала; существовало ограничение по весу: общий вес автомобиля вместе с пассажирами и грузом не должен был превышать 200 пудов; для обеспечения безопасности каждый автомобиль должен был иметь устройство, которое не позволяло бы посторонним лицам заводить и управлять им; кроме того, каждый автомобиль должен был быть оснащён механизмом для быстрой остановки и звуковым сигналом (рожком с пневматической грушей) для предупреждения других участников движения; автомобиль должен был иметь два фонаря с каждой стороны передней части автомобиля, чтобы их можно было использовать в вечернее время; номер автомобиля должен был быть чётко указан на металлической табличке, размещённой на видном месте; скорость движения по центральным улицам была ограничена 10–12 верстами в час, а по остальным улицам – 12–15 верстами в час; автомобили были обязаны двигаться по правой стороне дороги в общем потоке с конными экипажами; автомобилистам не разрешалось останавливаться в местах, где они могли мешать колесному и пешеходному движению.

В конце XIX в. на красноярских дорогах появился также ещё один новый вид транспортного средства – велосипед. Стоит отметить, что велосипед, в силу относительно слабой распространённости, не мог оказать существенного влияния на развитие транспортной системы города – по сведениям городской управы, в 1895 г. в Красноярске было около 50 велосипедов. Причина медленного распространения нового вида транспортного средства была в его высокой стоимости. Позволить себе иметь велосипед могли только люди обеспеченные, поскольку стоимость одного велосипеда была эквивалентна годовой зарплате учителя (Миханев, 1996: 4). Для исследователя здесь представляет интерес реакция городских властей. Несмотря на относительно небольшое количество велосипедов, власти решили, что нужно ввести правила, по которым жители должны ездить по городу. Причина же была в том, что необычное транспортное средство пугало лошадей. А паникуя, лошади могли сбросить седоков или перевернуть экипажи. Широкий общественный резонанс приобрело происшествие с господином Солдатовым, лошадь которого, испугавшись велосипедиста, резко шарахнулась в сторону и чуть не убила хозяина (Степанов, 1993: 3).

Для получения разрешения на езду на велосипеде по улицам и площадям необходимо было сдать экзамен. При встрече с лошадьми нужно было обязательно сойти с велосипеда и постараться его укрыть (Со звонком и фонарем, 2019: 15). Во время езды по городу велосипедисты были обязаны иметь разрешение при себе и предъявлять его по требованию полиции. Каждый велосипед должен был быть снабжён номерным знаком, звонком и фонарём. Быстрая езда по городу запрещалась. В тёмное время суток полагалось ездить только с зажжённым фонарём. При подъезде к большой группе людей нужно было сойти с велосипеда и провести его в руках. Пересекать перекрёстки следовало только тихим ходом, непрерывно подавая сигнал. Также стоит отметить, что был введён налог на владение велосипедом в размере 6 рублей в год (Миханев, 1996: 4). Объяснялось это тем, что велосипедисты, не пользуясь услугами извозчиков, подрывали их промысел. В результате городской бюджет получал от извозчиков меньше налоговых поступлений.

Енисей был и остаётся важной транспортной артерией. Открытие пароходного сообщения по Енисею имело большое значение для жителей губернии. Первая попытка наладить пароходное дело в губернии была предпринята красноярским купцом и золотопромышленником П.И. Кузнецовым. В 1845 г. он получил от Министерства путей и сообщения шестилетнюю привилегию на организацию пароходства на Енисее. Однако, несмотря на это разрешение, Кузнецов не смог построить пароход в установленный лицензией срок (Красноярск..., 2003: 166).

В 1861 г. произошло важное событие в истории судоходства на Енисее – была учреждена первая пароходная компания. Её создание стало возможным благодаря объединению финансовых ресурсов нескольких енисейских купцов: А.С. Баландина, И. и А. Кытмановых, С. и К. Калашниковых, а также Е. и А. Грязновых. Первым судном компании стал пароход «Енисей», построенный в губернии в 1863 г. (Мешалкин, 1988: 77). Вскоре флот пополнился пароходом «Опыт», а к 1870-м гг. в его состав вошли ещё два судна: «Николай» и «Александр» (Красноярск..., 2003: 166).

Изначально эти пароходы осуществляли судоходство в нижней части Енисея и не поднимались выше Казачинских порогов. Ситуация изменилась, когда Н. Гадалов купил два более мощных парохода: «Москву» и «Дальман». В 1882 г. «Москва» добралась до Красноярска, будучи перетащенной через Казачинский порог с использованием специальных тросов и ворот. А в 1884 г. «Дальман» стал первым пароходом, который смог самостоятельно пройти эти пороги. С этого момента было налажено регулярное сообщение для пассажиров и грузов между Енисейском, Красноярском и Минусинском.

К 1888 г. на Енисее действовало уже шесть пароходов. Три из них находились в собственности фирмы Гадаловых, а остальные принадлежали иркутскому купцу И. М. Сибирякову. Такое почти полное господство на реке давало им возможность извлекать огромные доходы за счёт завышенных тарифов на перевозку грузов. Например, в 1884 г. только от эксплуатации парохода «Москва» Гадалов получил прибыль в размере 14 592 рублей, а от парохода «Дальман» – 10 099 рублей (Красноярск..., 2003: 166).

Благодаря развитию пароходного сообщения в губернии, транспортная проблема стала менее острой, но всё ещё оставалась актуальной. Одним из вариантов её решения было строительство железнодорожной магистрали, которая связала бы Сибирь с Европейской Россией. Активную поддержку этой идее оказал С.Ю. Витте, возглавивший в 1889 г. Департамент железнодорожных дел. В 1891 г. было принято окончательное решение о строительстве дороги одновременно с двух концов – из Челябинска и Владивостока.

Отрезок пути, пролежавший по Енисейской губернии, был включён в Средне-Сибирский участок. Соединение Средне-Сибирского участка с Западно-Сибирским произошло на льду реки Обь. На реках Томь и Чулым отдельные участки пути также были соединены путём укладки рельсов по льду. В итоге было запущено временное рабочее движение на всём отрезке от Оби до Красноярска.

Историческое событие для Красноярска произошло 6 декабря 1895 г., когда город принял первый поезд. В этот знаменательный день инженер Николай Меженинов, находясь в Томске, отправил телеграфное сообщение: «Сегодня в 2 часа дня прибыл первый поезд в Красноярск при торжественной встрече городских жителей» (*Господину министру..., 1895: 2*).

Это было действительно чрезвычайно событие в жизни старинного сибирского города. Ещё задолго до прихода состава к зданию вокзала стал собираться толпами народ, и, как писала газета «Енисей», здесь к торжественному моменту была едва ли не половина Красноярска, насчитывавшего к тому времени немногим более 26 тысяч жителей (*Стальное звено..., 1998: 20*). Столь необычное скопище народа при лёгком морозце непрерывно двигалось в ожидании технического чуда. Поезд, в котором находилось двадцать вагонов, шёл осторожно, локомотив поминутно выпускал клубы пара. Осторожность понять было можно: шпалы были уложены наскоро. Путь был сдан досрочно, на год раньше намеченного срока.

Стоит отметить, что к моменту прибытия первого поезда губернский центр уже имел вокзал, возведённый из камня. Его общая площадь была 220 квадратных метров (*Стальное звено..., 1998: 20*).

Достигнув Красноярска, Транссибирская магистраль двигалась дальше на восток. Пока не было моста, железнодорожники использовали паромную переправу, где вагоны и паровозы перевозились на казённых пароходах, арендованных управлением по постройке Средне-Сибирской железной дороги. Пассажиры на противоположный берег перебирались за свой счёт. Зимой, когда Енисей сковывал лёд, рельсы прокладывались прямо по замёрзшей реке, обеспечивая сквозное движение. Весной, перед наступлением ледохода, временная переправа разбиралась. Становилось очевидным, что без капитального моста не обойтись.

В 1895 г. профессор Московского технического училища Лавр Проскураков принял участие в работе сессии Международного конгресса в Лондоне и, вернувшись в Россию, в очень короткое время составил проект железнодорожного моста через Енисей. К концу 1895 г. были завершены изыскательные работы на Енисее. К этому времени в Красноярск прибыл инженер-механик Евгений Кнорре, будущий строитель моста и контрагент казны. Проект требовал тщательной проработки с учётом местных условий, чем и занялся Е. Кнорре. Он также возглавил непосредственное руководство строительством.

Инженерная задача осложнялась особенностями вскрытия Енисея. Река, освобождаясь ото льда с верховьев, формировала на ещё замёрзших, более северных участках пути массивные ледяные заторы и торосы. Эта природная сила представляла серьёзную угрозу, способную разрушить любое сооружение, включая опоры моста. В связи с этим красноярский мост был спроектирован с беспрецедентными для России пролётами, достигавшими 140 метров между опорами (*Стальное звено..., 1998: 23*).

С началом строительства железнодорожного моста Красноярск, и особенно его юго-западная окраина, заметно преобразился. За Николаевкой вырос целый городок. Кроме барачных для рабочих моста, здесь были построены многочисленные здания контор, служб, амбаров, были столовые, пекарни, лавочки со съестными припасами... Несколько раз в сутки ходил дилижанс. Появилась также и частная школа, которую Евгений Кнорре учредил для детей рабочих-мостостроителей (*Стальное звено..., 1998: 24*).

В 1896–1898 гг. Красноярск стал исходным пунктом прокладки магистрали на восток, к Иркутску. Как и положено на больших станциях, в Красноярске были и паровозное депо, и кузницы. В паровозном депо ремонтировалось до 25 паровозов. Немного поодаль было выстроено здание главных железнодорожных мастерских в составе вагонного, сборочного, кузнечного, электромеханического, токарного цехов. Здесь же, в прижелезнодорожном районе, находилось техническое железнодорожное училище, масса путевых и станционных построек.

В целях экономии строительства и его ускорения Е. Кнорре применил ряд инноваций. Для изготовления кессонов для подводных работ использовалось листовое железо. Поскольку листовое железо поступало с Нижнетагильских заводов зачастую с опозданием, Е. Кнорре предложил сооружать деревянные кессоны. Помимо того, что это снижало стоимость работ, оказалось, что самочувствие людей в деревянных стенах улучшалось.

Ещё одним важным техническим решением при строительстве красноярского моста стал способ монтажа пролётных строений. Чтобы избежать рисков, связанных с ледоходом, и ускорить процесс,

было решено собирать металлические конструкции на берегу. В течение зимы пролётные строения собирались, а затем, за короткое время, перемещались на место и устанавливались на опоры. Такой метод полностью освобождал стройку от опасностей ледоходов, порчи подмостей.

При возведении моста через Енисей был опробован метод передвижки конструкций, отличный от известных как в России, так и за рубежом. Перемещение конструкций происходило по особым цилиндрическим роликам. Точный расчёт на всех этапах работ позволил добиться блестящего результата. Впоследствии этот метод стал применяться на строительстве всех больших искусственных сооружений к востоку от Красноярска.

На протяжении всей Сибирской железной дороги красноярский мост стал самым дорогим – его строительство обошлось в сумму около трёх миллионов рублей. Масштаб работ был огромным, число рабочих на строительстве достигало 2 тыс. человек. Е. Кнорре отмечал, что при строительстве Красноярского моста он применил всё своё инженерное искусство, вложил все силы и знания. Об этом он написал: «Мост через реку Енисей мной заложен с запасом прочности в 52 раза, дабы Бог и потомки никогда не сказали обиды мне» (Хитров, 2020: 3).

Строительство моста было закончено в 1899 г. 27 марта указанного года мост подвергся тщательным испытаниям. Были проведены статический и динамический тесты. Комиссия, принимавшая результаты четырёхлетней работы, пришла к выводу о «безусловной рациональности проекта металлического строения енисейского моста» (Стальное звено..., 1998: 29). В воскресный день, 28 марта 1899 г., состоялось торжественное открытие моста. По случаю успешного завершения всех работ и начала движения по нему был отслужен благодарственный молебен.

В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже Е. Кнорре была присуждена золотая медаль. В разделе «Окраины» была выставлена модель енисейского моста и рядом с ней вторая – ещё не виданного ранее деревянного кессона.

Судоходный Енисей и Сибирская железнодорожная магистраль, соединившись в Красноярске, способствовали превращению города в центр торговли, увеличили его роль как посредника по сбыту енисейского, преимущественно минусинского, хлеба. Население, проживающее по артерии Енисея, с установлением регулярного пароходного сообщения, нашло в Красноярске потребителя продукции обрабатывающей промышленности. Помимо этого, являясь административным центром большой губернии, сосредотачивая в себе правительственные, общественные и железнодорожные учреждения, Красноярск не мог не увеличить своего коммерческого значения (Красноярский справочник, 1914: 9).

Сибирская железная дорога произвела колоссальный переворот в экономической жизни края, в том числе и в Красноярске. Патриархальный уклад жизни, выражавшийся в слабом развитии товарного хозяйства, дешевизне предметов потребления, крайне медленном увеличении населения, начал нарушаться во второй половине 1890-х гг. Насколько слабо рос Красноярск до проведения железнодорожной магистрали, можно видеть по изменению числа жителей. В момент преобразования Красноярска в губернский город Енисейской губернии численность жителей города составляла около 3 000 человек. За сорок лет, то есть к 1863 г., население города едва достигло 10 тыс. человек (Красноярский справочник, 1914: 9).

Дальнейший рост Красноярска происходил более ускоренным темпом, проведение железной дороги позволило сделать ещё больший скачок. Но городу всё же далеко до той эволюции, которую проделали Ново-Николаевск, Омск и некоторые другие города, расположенные на Сибирской магистрали. За 50 лет рост населения Красноярска выражался в следующих цифрах: 1863 г. – 9 997 человек, 1881 г. – 15 566 человек, 1896 г. – 31 874 человека, 1908 г. – 62 919 человек, 1913 г. – 77 040 человек (Красноярский справочник, 1914: 10).

Показателями экономического роста города, помимо количественного изменения населения, являются несомненно грузооборот и бюджет города. По данным «Обзора коммерческой деятельности Сибирской железной дороги за десять лет (1900–1909 гг.)» динамика грузооборота Красноярска в количественном выражении составляла: в 1900 г. в город прибыло 1 782 736 пудов грузов, в 1906 г. – 2 893 022 пудов грузов, в 1909 г. – 5 392 104 пудов грузов. Было отправлено: в 1900 г. – 626 798 пудов грузов, 1906 г. – 765 354 пудов грузов, 1909 г. – 2 143 440 пудов грузов. Общее число пассажиров, купивших билет в Красноярске, составило: в 1900 г. – 44 746 человек, в 1906 г. – 33 807 человек, в 1909 г. – 148 753 человек (Обзор..., 1911: 25). На показатели 1906 г., очевидно, оказала влияние Русско-японская война, под нужды которой была отдана подавляющая часть мощностей транспортных компаний.

Предметами вывоза являлись: хлеб в зёрнах и муке, лесной материал, кожи, керосин, мясо, сало, спирт, орехи кедровые, шерсть, верёвки, камень строительный, мыло простое, овчины простые невыделанные, пиво и портер, рыба и прочее. Прибывал же следующий товар: мука, лесные строительные материалы, железо, сахар, керосин, соль, в 1907 – 1909 гг. – грузы по переустройству горных участков дороги.

Также грузооборот судоходного флота достиг многих миллионов пудов. В основном в Красноярск ввозились сельскохозяйственные грузы, топливо, строительные материалы. Отправлялись, прежде всего, по количеству, также сельскохозяйственные грузы, затем – фабрично-заводские и другие. В 1910 г. красноярская пристань приняла 1 395 292 пудов грузов, в 1911 г. –

1 428 155 пудов грузов, в 1912 г. – 1 171 847 пудов грузов. В совокупности было отправлено: в 1910 г. – 1 141 863 пудов грузов, в 1911 г. – 2 992 078, в 1912 г. – 2 431 094 пудов грузов. Таким образом, железнодорожный и речной импорт Красноярска можно определить в 15 млн. пудов ежегодно, а экспорт – от 4 до 5 млн. пудов. Кроме того, Красноярск ежегодно отправлял пассажиров по железной дороге до 150 тыс., и по Енисею до 20 тыс. человек (*Красноярский справочник, 1914: 10*).

С 1890 по 1910 г. число каменных строений в городе увеличилось более чем вдвое, а деревянных – почти в три раза. По городской оценке, на 1913 г. стоимость недвижимого имущества Красноярска исчислена в 6 635 824 рублей (*Красноярский справочник, 1914: 11*).

Также увеличилось число предприятий фабрично-заводской промышленности. В 1888 г. в Красноярске было 12 таких предприятий, в 1912 г. – 64. Изменилась и сумма производства: с 8 238 рублей до 6 477 705 рублей. Число рабочих Красноярска к 1912 г. определилось цифрой 3 737 человек. Самым крупным предприятием города были железнодорожные мастерские, в которых работало 1960 человек, с суммой производства в 2 119 250 рублей. Далее по объёмам производства следовали водочные, пивоваренные и кирпичные заводы (*Красноярский справочник, 1914: 12*).

5. Заключение

Таким образом, приведённые сведения говорят о поступательном экономическом развитии города, важную роль в котором имело развитие транспортной инфраструктуры. Организация регулярного судоходного сообщения по Енисею дала существенный толчок экономическому развитию Красноярска. Ключевую же роль в ускорении хозяйственного развития Красноярска и его окрестностей сыграло строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Для обслуживания нужд железной дороги требовалось создание новых производств на местах, а также большое количество достаточно образованной рабочей силы. Это стимулировало миграционные процессы из Европейской России, откуда приезжали представители не только рабочих, но и творческих профессий, интеллигенция, что в целом приближало облик сибирского города к облику городов Европейской России.

Литература

- Буровский, Зыков, 2003* – Буровский А.М., Зыков В.П. Красноярск в четырех веках. Путеводитель по истории города 1628-2003. Красноярск: ИД «Издательские проекты», 2003. 95 с.
- ГАКК* – Государственный архив Красноярского края.
- Господину министру..., 1985* – Господину министру путей сообщения // *Енисей*. 1985. № 146. С. 2.
- Железнодорожный транспорт..., 2001* – Железнодорожный транспорт Восточной Сибири: из XIX в XX век. В 2-х т. / Под общей ред. В.Г. Третьякова. Т. 1. Иркутск, 2001. 416 с.
- Иванов, 2009* – Иванов В.Ф. По реке на самолете. Где дорога и переправа, там и жизнь // *Городские новости*. 11 июня 2009 г. № 84. С. 2.
- Кайгородов, 1999* – Кайгородов Р. Вместо бензина будет ... вода // *Красноярский железнодорожник*. 1999. № 54. С. 3.
- Красноярск..., 2003* – Красноярск: этапы исторического пути / Под ред. П.И. Пимашкова. Ред. коллегия: Г.Ф. Быконя, В.В. Куимов, В.И. Федоров. Рецензент В.В. Гришаев. Красноярск: «Буква», 2003. 599 с.
- Красноярский справочник, 1914* – Красноярский справочник. Красноярск: Типо-литография М.Я. Кохановской, 1914. 54 с.
- Меньшова, Игнатова, 2021* – Меньшова А., Игнатова Т. Проезд – пять копеек // *Городские новости*. 16 марта 2021 г. № 26 (4098). С. 15.
- Мешалкин, 1988* – Мешалкин П.Н. Красноярск. Очерки истории города / Рецензенты В.В. Гришаев, Л.П. Шорохов. Красноярск: «Красноярское книжное издательство», 1988. 371 с.
- Миханев, 1996* – Миханев А. Песнь о «железном» друге // *Вечерний Красноярск*. № 65. 19 июля 1996 г. С. 4.
- Мяэотс, 2003* – Мяэотс О. Первый автомобиль в Красноярске появился проездом // *Комсомольская правда*. 30 октября 2003 г. № 152. С. 4.
- Обзор, 1911* – Обзор коммерческой деятельности Сибирской железной дороги за десять лет (1900-1909 гг.). Сост. А.З. Захаровым. Управление Сибирской железной дороги. Коммерческая часть. МПС. Томск: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1911. 433 с.
- Сизова, 2011* – Сизова Г.Н. Через Енисей – на самолёте // *Красноярский рабочий*. 25.05.2011. № 91 (26306). С. 6.
- Со звонком и фонарем, 2019* – Со звонком и фонарем // *Городские новости*. 16 июля 2019 г. № 84 (3848). С. 15.
- Стальное звено..., 1998* – Стальное звено Транссиба. 100 лет Красноярской железной дороге 1899–1999 / Сост. В.В. Чагин, В.Г. Саклаков. Красноярск, 1998. 464 с.
- Степанов, 1993* – Степанов К. Велосипедомания – болезнь неизлечимая // *Вечерний Красноярск*. 2 июня 1993 г. № 105 (562). С. 3.

- Хитров, 2020** – Хитров А. Создатель инженерного чуда // *Городские новости*. 3 июля 2020 г. № 74 (3993). С. 3.
- Belyanin et al., 2024** – *Belyanin D.N., Razgon V.N., Razgon A.V.* Crafts of Migrant Peasants in Siberia During the Period of Activity of the Siberian Railway Committee (Based on the Results of an Economic Survey in 1903) // *Bylye Gody*. 2024. 19 (1): 383-394.
- Brower, 1990** – *Brower D.R.* The Russian city between tradition and modernity, 1850–1900. University of California Press. 1990. 253 p.
- Dvoret'skaya et al., 2024** – *Dvoret'skaya A.P., Shakhmatov A.V., Surzhko A.V., Novosel'tsev N.R.* F. Nansen and S.V. Vostrotin as Ideologists of the Development of Arctic Transport Routes of the Yenisei Siberia. The Beginning of the 20th century // *Bylye Gody*. 2024. 19 (2): 937-945.
- Gaidin et al., 2020** – *Gaidin S.T., Burmakina G.A., Pavlyukevich R.V., Sheremetova T.G.* The activities of state bodies for the development of Siberia during the period of modernization of the Russian Empire (1892-1914) // *Bylye gody*. 2020. 58 (4): 2777-2789.
- Marks, 1991** – *Marks S.G.* Road to power: the Trans-Siberian railroad and the colonization of Asian Russia, 1850–1917. London : Tauris, 1991. 240 p.
- Wolmar, 2016** – *Wolmar C.* To the Edge of the World. The Story of the Trans-Siberian Express, the World's Greatest Railroad. PublicAffairs, 2016. 320 p.
- References**
- Burovskii, Zikov, 2003** – *Burovskii, A.M., Zikov, V.P.* (2003). Krasnoyarsk v chetyre vekakh. Putevoditel' po istorii goroda 1628–2003. [Krasnoyarsk in four centuries. Guide to the history of the city 1628–2003]. Krasnoyarsk: ID «Izdatel'skie proekty». 95 p. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archives of Krasnoyarsk Krai].
- Gospodinu ministru..., 1985** – *Gospodinu ministru putei soobshcheniya* [To the Minister of Railways]. *Yenisei*. 1985. 146: 2. [in Russian]
- Ivanov, 2009** – *Ivanov, V.F.* (2009). Po reke na samolete. Gde doroga i pereprava, tam i zhizn' [On the river by plane. Where there is a road and a crossing, there is life]. *Gorodskie novosti*. 84: 2. [in Russian]
- Kaigorodov, 1999** – *Kaigorodov, R.* (1999). Vmesto benzina budet ... voda [Instead of gasoline there will be ... water]. *Krasnoyarskii zheleznodorozhnik*. 54: 3. [in Russian]
- Khitrov, 2020** – *Khitrov, A.* (2020). Sozdatel' inzhenernogo chuda [Creator of an engineering miracle]. *Gorodskie novosti*. 74(3993): 3. [in Russian]
- Krasnoyarsk..., 2003** – Krasnoyarsk: etapy istoricheskogo puti [Krasnoyarsk: stages of the historical path]. Pod red. P.I. Pimashkova. Red. kollegiya: G.F. Bykonya, V.V. Kuimov, V.I. Reviewer V.V. Grishaev. Krasnoyarsk: "Bukva". 2003. 599 p. [in Russian]
- Krasnoyarskii spravochnik, 1914** – Krasnoyarskii spravochnik [Krasnoyarsk reference book]. Krasnoyarsk: Typo-lithography of M.Ya. Kokhanovskaya. 1914. 54 p. [in Russian]
- Men'shova, Ignatova, 2021** – *Men'shova, A., Ignatova, T.* (2021). Proezd – pyat' kopeek [Travel – five kopecks]. *Gorodskie novosti*. 26 (4098): 15. [in Russian]
- Meshalkin, 1988** – *Meshalkin, P.N.* (1988). Krasnoyarsk. Ocherki istorii goroda [Krasnoyarsk. Essays on the history of the city]. Retsenzenty V.V. Grishaev, L.P. Shorokhov. Krasnoyarsk: "Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo". 371 p. [in Russian]
- Mikhanev, 1996** – *Mikhanev, A.* (1996). Pesn' o «zheleznom» druge [Song about the "iron" friend]. *Vechernii Krasnoyarsk*. 65: 4. [in Russian]
- Myaets, 2003** – *Myaets, O.* (2003). Pervyi avtomobil' v Krasnoyarske poyavilsya proezdom [The first car in Krasnoyarsk appeared passing through]. *Komsomol'skaya pravda*. 152: 4. [in Russian]
- Obzor..., 1911** – *Obzor kommercheskoi deyatel'nosti Sibirskoi zheleznoi dorogi za desyat' let 1900-1909 gg.* (1911). [Review of the commercial activities of the Siberian Railway for ten years (1900-1909)]. Sost. A.Z. Zakharovym. Upravlenie Sibirskoi zheleznoi dorogi. Kommercheskaya chast'. Tomsk: Tovarishchestvo «Pechatnya S.P. Yakovleva». 433 p. [in Russian]
- Sizova, 2011** – *Sizova, G.N.* (2011). Cherez Enisei – na samolete [Across the Yenisei – by plane]. *Krasnoyarskii rabochii*. 91 (26306): 6. [in Russian]
- So zvonkom i fonarem, 2019** – *So zvonkom i fonarem* [With a bell and a lantern]. *Gorodskie novosti*. 2019. 84 (3848): 15. [in Russian]
- Stal'noe zveno..., 1998** – *Stal'noe zveno Transsiba. 100 let Krasnoyarskoi zheleznoi doroge 1899–1999.* [Steel link of the Trans-Siberian. 100 years of the Krasnoyarsk Railway 1899–1999]. Sost. V.V. Chagin, V.G. Saklakov. Krasnoyarsk. 1998. 464 p. [in Russian]
- Stepanov, 1993** – *Stepanov, K.* (1993). Velosipedomaniya – bolezni' neizlechimaya [Cycling Mania – an incurable disease]. *Vechernii Krasnoyarsk*. 105 (562): 3. [in Russian]
- Zheleznodorozhnyi transport..., 2001** – *Zheleznodorozhnyi transport Vostochnoi Sibiri: iz XIX v XX vek. V 2-kh t.* [Railway transport of Eastern Siberia: from the 19th to the 20th century. In 2 volumes]. Pod obshchei red. V.G. Tret'yakova. Irkutsk. 2001. T. 1. 416 p. [in Russian]

Особенности развития транспортного сообщения в дореволюционном Красноярске

Евгений Александрович Ахтамов ^{a, *}, Татьяна Владимировна Излученко ^{a, b},
Денис Николаевич Гергилев ^{a, b}, Андрей Александрович Груздев ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

^b Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются особенности организации транспортной системы Красноярска и, частично, Енисейской губернии в XIX – начале XX в. До конца XIX в. одной из причин замедленного экономического развития города Красноярска и Енисейской губернии было отсутствие надёжного транспортного сообщения с другими регионами. Великий Сибирский или Московский тракт до 1890-х гг. был жизненно важным путём, обеспечивавшим связь сибирских губерний с европейскими регионами России. На участке, пролежавшем через Красноярский округ, его протяжённость составляла 190 верст. Этот тракт способствовал развитию традиционных промыслов, таких как извоз, шорное дело и изготовление экипажей. В разные годы в Красноярске числилось около сотни владельцев экипажей, занимавшихся извозным промыслом. Вместе с тем хозяйственное развитие Енисейской губернии и Красноярска требовало перевоза всё большего количества грузов. Во многом благодаря усилиям предпринимателей Енисейской губернии было восстановлено судоходство по Северному морскому пути, что дало толчок для развития пароходного сообщения сначала в низовьях Енисея, а затем и в его более верхних частях, где располагается Красноярск, что положительно повлияло на экономическое развитие города. Появление и развитие пароходного сообщения отчасти позволило решить транспортную проблему Красноярска и Енисейской губернии в целом, но не могло сделать этого полностью. Историческим стало решение о строительстве Транссибирской магистрали, принятое в Санкт-Петербурге в 1891 г. Также конец XIX – начало XX в. были отмечены появлением автомобильного транспорта. Стоит отметить, что он не играл существенной роли в транспортной инфраструктуре города в этот период. Авторы приходят к выводу о том, что развитие транспортной инфраструктуры оказало значительное влияние на экономическое и социокультурное развитие города Красноярска.

Ключевые слова: Красноярск, Енисейская губерния, транспортная система, перевоз, судоходство, железная дорога, железнодорожный мост.

---

* Корреспондирующий автор

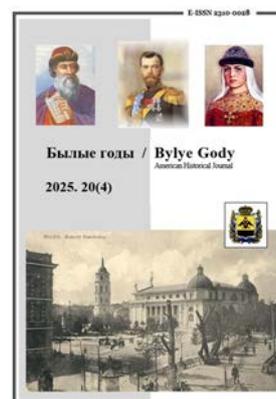
Адреса электронной почты: akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), andygruzdev@yandex.ru (А.А. Груздев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2002-2013
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2002

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Problem of the Political Modernization of Russia in the Ideology of Neo-Populism (late 19th – early 20th centuries)

Aleksei Yu. Viazinkin ^a, Olga L. Protasova ^a, Konstantin V. Samokhin ^{a, *}

^a Tambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

The analysis of neo-populism ideology in the context of the problem of the political modernization in Russia is presented in the paper. The novelty of the study lies in the consideration of the stated problem in connection with the thematic focus of the history of ideas, which allows us to identify elements of the discursive and ideological complex of neo-populism.

Evolutionary “populist socialism” was a specifically Russian ideological “product” that synthesized the universal values of European democratic socialism and domestic traditions of liberation thought. Moderate neo-populists as convinced progressives and statisticians did not recognize illegal forms and violent methods of political struggle. They believed that in Russia as a predominantly peasant country populism should win a moral victory over “bourgeois” and narrow-class ideologies (they included the Marxist version of socialism among the latter). The true democratism of the neo-populists was expressed in the recognition of all workers without exception as a progressive, socialist class and in the idea of a social state that should be based on law and protect the interests of the individual and society.

The popularization of syndicalism was perceived critically in the neo-populist environment, despite the fact that the classics of populist ideology were close to some provisions of revolutionary syndicalism in their theories. The new radical faction of socialism in its project of socio-political transformations was oriented towards the working class, almost always ignoring the interests of the peasantry, which was unacceptable for the theorists of neo-populism.

The internal conflict of the evolutionary neo-populists consisted in the discrepancy between the radicalism of their program of social reorganization and the methods of its implementation, which were too moderate for the turning point in history in which they appeared and had to be applied. However, in a stable state, in the conditions of peaceful development of civil society, the political model they proposed would have been quite effective, because it was designed to achieve class agreement and protect the interests of various strata of the population.

Keywords: Russian populism, neo-populism, populist socialism, syndicalism, history of ideas, intellectual history, political modernization.

1. Введение

Проблема политической модернизации России конца XIX – начала XX в. в идеологии неонародничества может быть рассмотрена с позиций интеллектуальной истории. Это означает, что необходимо выявить компоненты дискурсивно-идеологического комплекса неонародничества, элементы «политического словаря» в их непосредственной связи с решением проблемы политической модернизации России на рубеже XIX–XX ст. Уточнение концепции «народнического социализма» и анализ оценки неонародниками синдикализма позволяет определить специфику идейного содержания термина «социализм» в понятийном аппарате теоретиков неонародничества.

* Corresponding author

E-mail addresses: kon-sam@yandex.ru (K.V. Samokhin)

Интересный и оригинальный материал в данном контексте представляет идейное наследие неонародников-эволюционистов, чья модель общественного переустройства, более мобильная и гибкая, чем у других социалистов, предвосхитила ряд современных представлений о социальном государстве, обществе гражданского согласия с верховенством закона и соблюдением прав и свобод личности. Многие элементы концепции эволюционных неонародников созвучны идеям европейского демократического социализма. Особой заслугой неонароднических идеологов-политиков можно считать преломление универсальных ценностей демократии к российской действительности, что должно было способствовать формированию гражданского правосознания российского социума.

2. Материалы и методы

В нашем исследовании мы обратились к трудам теоретиков русского неонародничества, идейных лидеров народных социалистов и социалистов-революционеров. В частности, публикации такого известного российского общественного деятеля, как А.В. Пешехонов, стали фундаментом для определения краевольных полемических моментов неонародников и марксистов (Пешехонов, 1903; Пешехонов, 1905; Пешехонов, 1917), что в целом позволило установить как идейные предпосылки формирования неонародничества, так и основные положения его идеологии. Также публицистическое наследие инициатора создания Трудовой народно-социалистической партии явилось источником для понимания и интерпретации энесами различных процессов, имевших место в России начала XX в., в том числе и политической модернизации Российской империи (Пешехонов, 1903; Пешехонов, 1910). Для многоаспектного раскрытия указанных выше тезисов была использована статья российского историка и политика В.А. Мякотина (Мякотин, 1906). Влияние синдикализма на развитие политической программы неонародников выявлено через его общую характеристику, критику и анализ, которые были осуществлены в работе лидера партии эсеров В.М. Чернова (Чернов, 1908).

В исследовании использовались и работы представителей других идеологических направлений, в частности зарубежных и российских приверженцев синдикализма (Козловский, 1906; Леонэ, 1907; Новомирский, 1907; Пуже, 1922; Сорель, 2013), а также марксизма (Плеханов, 1928), что позволило вписать неонародническую идеологию в интеллектуальный контекст зарубежной и отечественной леворадикальной мысли.

Методологию данной статьи логично разделить на три направления. Первое основывается на специально-исторических методах. В частности, принцип историзма (историко-генетический метод) был применён при определении идейных предпосылок, а также факторов становления и развития неонароднической идеологии. Компаративный и системно-структурный методы позволили рассмотреть идейное наследие неонародников в корреляции с доктринами отдельных как российских, так и западных леворадикальных общественно-политических течений. Системно-структурный метод стал и основой для реконструкции взглядов представителей неонароднического движения в соответствии с общим развитием как отечественной, так и зарубежной социальной мысли.

Второе направление может быть определено в контексте формирования интеллектуальной истории. Последняя, как известно, не получила единого толкования в многочисленных попытках установления своего объекта исследования, а потому её суть носит дискуссионный характер. К примеру, дефиниции интеллектуальной истории в зависимости от указанного выше критерия включают в себя и историю идей, и историю интеллектуалов, и историю культуры (Высокова, Краева, 2005: 292-293). В.А. Гуторов и А.А. Ширинянц, выявляя причины столь высокого уровня полемичности феномена интеллектуальной истории, в качестве главной из них обозначили «эффект многообразия» как «процесс диверсификации исследовательских полей» (Гуторов, Ширинянц, 2024). Потому одним из главных методологических принципов нашей работы следует указать междисциплинарность.

Дискуссионность присуща не только в отношении концепта «интеллектуальная история», но и в определении её методологических основ. Известный американский историк Д.Р. Келли в ходе многообразных споров по данному аспекту наметил два полярных подхода к исследованиям в русле интеллектуальной истории: интерналистский («интеллектуалистский» или «спиритуалистский»), который опирается на индивидуальную психологию и анализирует идеи с точки зрения их внутренней динамики, и экстерналистский («контекстуалистский»), учитывающий принципы коллективного поведения, а также влияние и контекст культурного окружения (Kelley, 2017: 2-3). В представленной статье в большей степени реализован второй подход.

И, наконец, третье направление базируется на теории модернизации. К настоящему моменту последняя перестала быть остро дискуссионным объектом в методологических баталиях учёных общественно-гуманитарных научных направлений. Пик острых споров в отечественном историческом (и не только) знании пришёлся на вторую половину 80-х гг. XX – начало XXI в. Связано это было с определённым вакуумом, возникшим благодаря тому, что формационный подход, доминировавший в исследовательской парадигме советского периода, перестал быть релевантным в силу кардинальных идеологических изменений. Перейти на имевший большую популярность в западном общественном знании цивилизационный подход российские учёные не смогли, и в качестве компромиссного варианта высокий уровень актуальности приобрела теория модернизации. Она имела

к тому моменту серьёзный методологический багаж, поскольку прошла в своём формировании через череду взлётов и падений в западных общественно-гуманитарных науках (Побережников, 2001).

В настоящее время название этой концепции нередко предпочитают использовать во множественном числе, поскольку сложились различные трактовки термина «модернизация». В своём классическом понимании этот феномен интерпретируется как транзит от состояния аграрности (традиционности) к более высокому индустриальному уровню, который именуется «современностью» (Миронов, 2018). После глубокой и обстоятельной критики модернизационный дискурс был реанимирован и приобрёл новую, характеризующуюся высокой степенью релевантности, эвристику: если ранее западная цивилизация выступала как единственный образец и идеал для стран «второго и третьего эшелонов капитализма» (Нуреев, 2001: 3-37), то теперь отрицается однозначность как итог модернизационного пути для таких государств. Последние могут, с учётом национальных особенностей, либо пытаться воплотить в жизнь западный сценарий модернизации, что чревато различном рода срывами, зигзагами, откатами назад и, как следствие, недостижимостью поставленной цели, либо создавать собственный вариант, который также может быть крайне противоречивым из-за своего эндогенно-экзогенного характера. В любом случае такая эвристика приобретает мультилинейную основу (Eisenstadt, 2000; Huntington, 2016; Multiple Modernities..., 2016; Schmidt, 2010; Sztompka, 2015). На наш взгляд, удачную дефиницию модернизационной концепции с учётом современного состояния социально-гуманитарного знания обозначил польский социолог П. Штомпка: «особый способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала» (Штомпка, 2013: 119). Именно в таком плане и стоит трактовать политическую модернизацию, предлагавшуюся неонародническим движением для дальнейшего развития Российского государства.

3. Обсуждение

Плюрализм мнений, имеющий место как в российской, так и зарубежной социально-гуманитарной научной мысли, по поводу определения сущности и методологических особенностей политической модернизации как явления планетарного масштаба (Чемшит, 2022), так и применительно к историческому опыту Российского государства, достаточно широк (Иванова, 2021). Однако цель настоящей работы существенно сужает рамки историографического поля.

Следует заметить, что работ, посвящённых непосредственно политической модернизации Российской империи, вписанной в контекст идеологии неонародничества, практически нет. В лучшем случае имеют место публикации, в которых модернизационный дискурс может быть представлен в виде методологии исследования, однако основное внимание сосредоточено именно на формировании неонароднического движения и, соответственно, его главных идейных позиций.

Многие из современных историков, которые в качестве объекта исследования рассматривают именно становление и развитие неонароднического движения, а также его идейных основ, отмечают определённые противоречия в программных установках этого леворадикального течения в отечественной общественной мысли. С одной стороны, неонародники опирались на традиционные социальные практики и духовные ценности, формировавшиеся веками в российской деревне, а с другой – они были вынуждены учитывать наступление индустриальной цивилизации, многие характерные черты которой фактически должны были уничтожить сложившийся миропорядок. Весь вопрос стоял в том, насколько народнический вариант социалистической идеологии оказался бы способным соединить эти контрверсивные тенденции для относительно безболезненной адаптации российского общества на пути модернизации (Ерофеев, 2000; Коновалова, 2006; Коновалова, 2009; Леонов, 1997; Морозов, 1998; Юрченков, 2001 и др.). И ответы в данном случае давались диаметрально противоположные.

А.Ю. Суслов выделяет два сложившихся подхода в отечественной историографии относительно проблемы становления и развития партии социалистов-революционеров (далее – ПСР), решаемой через оптику теории модернизации. Один из них основывается на мысли, что эсеров необходимо считать единственной политической силой, которая, при известной степени трансформации своих идеологических положений, смогла бы сплотить под своим знаменем широкие слои населения, что сделало бы возможным повышение уровня её конкурентоспособности на политическом олимпе Российского государства начала XX в. Представители другого направления более склонны считать программу ПСР аграрной утопией, которая в целом была по своей природе нереалистична в условиях поздней империи (Суслов, 2016: 61).

4. Результаты

4.1. Эволюционные неонародники: «социализм с человеческим лицом»

Эволюционное неонародничество как идейное течение агрегировалось к середине 1890-х гг., а организационно оформилось в качестве политической (народно-социалистической) партии осенью 1906 г. Политический путь умеренных неонародников был непрост. Их идеологическая подготовка и, говоря современным языком, «обкатка политического инструментария» на общественной арене шли около 10 лет: в партии «Народное право» (1893–1894), полемике с марксизмом (1890-е гг.),

освобожденческом движении (1904–1905), содействии социалистам-революционерам, что выражалось преимущественно в оказании конспиративных услуг, совместной издательской работе в газетах «Революционная Россия», «Сын Отечества» и пр. (вплоть до 1905 г.). Времени же на полноценную, легальную самостоятельную организационную деятельность умеренным неонародникам было отмерено совсем мало: годы Первой русской революции (1905–1907) и период от Февраля к Октябрю 1917 г. Политические кампании, в которых были представлены их платформы и выдвинуты кандидаты, – выборы во II Государственную Думу (1907), в органы местного самоуправления и Всероссийское Учредительное собрание (1917).

Прямых предтеч эволюционных неонародников определить трудно: в качестве таковых могли выступать отчасти ревизованный марксизм, отчасти уходящий корнями в западничество «русский социализм» А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. Самыми яркими представителями народников новой волны были Н.К. Михайловский, который, по мнению В.В. Блохина, положил начало «политизации» народничества, ввёл в его практику борьбу за конституцию и демократические свободы (Блохин, 2016: 122), и его коллеги по редакционному комитету журнала «Русское богатство»: статистик Н.Ф. Анненский, экономист А.В. Пешехонов, историки В.А. Мякотин, В.И. Семевский, врач С.Я. Елпатьевский, этнограф В.Г. Богораз-Тан и др. Именно редакция «Русского богатства» стала колыбелью народно-социалистической партии. Искренне сочувствовал позиции народных социалистов, хотя и не вступил в партийные ряды, знаменитый писатель В.Г. Короленко, после смерти в 1904 г. Н.К. Михайловского возглавивший журнал. Этими именами ряд замечательных фигур неонародничества отнюдь не ограничивается, но названные деятели более прочих, особенно на первых порах, выступали как идеологи, популяризаторы и интерпретаторы политической линии эволюционного народнического социализма.

Идейное самоопределение большинства из них происходило в последние два десятилетия XIX в. Народные бедствия, пришедшие на это время – эпидемия холеры, голод, безземелье, правовая незащищённость населения, – находили отклик в общественной инициативе, в оживлении земской оппозиции, порицавшей официальный бюрократический подход к решению острых социальных вопросов. Консолидации народнических сил во многом способствовала дискуссионная борьба с марксизмом, набравшим к концу века всё большую популярность в массах благодаря напористости своих адептов и упрощению, которому они подвергали наследие Маркса «для более удобного потребления рабочими и студенческой молодежью» (Шубин, 2007: 498). Жёсткость этой полемики помогла народникам объединиться на основе общности взглядов, переоценить свой идейный багаж и обновить базу аргументов для доказательств своей правоты (Ерофеев, 1994: 150). Так народническое течение модернизировалось, превратилось в *неонародничество*.

Что в марксизме более всего возмущало социалистов народнического толка? Узкоклассовая целесообразность, безапелляционность риторики и не просто равнодушие, а демонстративное пренебрежение к общечеловеческой морали, декларируемое (по крайней мере, относительно политики) марксистскими идеологами. Сами народники не сомневались, что проблемы общественного бытия не поддаются объяснению исключительно с позиции «механического развития производительных сил и стихийной борьбы экономических классов» и «на голом классовом интересе нельзя основать великого исторического движения» (Пешехонов, 1903: LXIV). Несправедливым казалось неонародникам и зачисление в передовой отряд социализма одного пролетариата. По их мнению, крестьянство, столь же производительный класс, как и рабочие, интересовало марксистов лишь с точки зрения происходивших в нём процессов – дифференциации, обнищания, обращения вследствие этого из мелких буржуа в пролетариат. При этом, уверяли неонародники, между крестьянами и рабочими нет существенной разницы: их интересы приведены к одному знаменателю, коим является их рабочая сила, соответственно, цели и идеалы у них должны быть одни (Пешехонов, 1905: LI). Идея классовой самостоятельности пролетариата в социальной борьбе была, с народнической точки зрения, не только беспочвенна, но и вредна, поскольку грозила ему изоляцией от других общественных слоёв. Да и слово «пролетариат» в классической марксистской трактовке, по мнению народнических экономистов, применительно к российским рабочим было некорректно: заработок большинства из них – промысловый отход, сами они – вчерашние крестьяне, их семьи по-прежнему живут в деревне и ведут там хозяйство (Пешехонов, 1905: XII). Крестьянин – тот же рабочий, только живёт не в городе, а в деревне и работает не на чужом, а на своём «предприятии» (Пешехонов, 1905: LII). Социалисты-народники настаивали на признании представителей всего трудового народа, в триединстве рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, в равной степени важными созидателями прогрессивного строя.

Сотрудничество с либералами (прежде всего, в «Союзе Освобождения») – важная веха в истории умеренного неонародничества. Это был старт в публичной политике как будущих кадетов, так и народных социалистов. Однако сопоставление с либералами, легалистами раздражало правых народников, неизменно вызывало протест. Например, когда на учредительном съезде ПСР в пылу полемики эсер А.И. Рубанович (псевдоним – Шевич) назвал В.А. Мякотина либералом (по другим источникам, полулибералом) (Леонов, 1997: 240), возмущению того не было предела, он потребовал и добился извинения, но этот инцидент преследовал Мякотина ещё долгое время, и народник негодовал:

«Какие это товарищи?... Осмелиться сказать, что мы не социалисты, а так, какие-то либералишки, и только потому, что не боимся на каждом шагу борьбой классов!» (НИОР РГБ. Ф. 678. Картон 1. Ед. хр. 8. Л. 67-68). Приверженность неонародников «Русского богатства» поступательному пути к социализму, отказ делить программу на «минимум» и «максимум», заявляли сами они, не давали оппонентам права обвинять их в политической конформности, нерешительности, заключённых, в их понимании, в слове «либерал». Народные социалисты причисляли себя к представителям «крайних мнений» и считали себя не меньшими радикалами и революционерами, чем, например, эсеры: в конце концов, все они имели один общественный ориентир – социализм, а открытые политические выступления требуют в условиях политической несвободы гражданского мужества едва ли не больше, чем деятельность нелегалов. В вопросе темпа и ритма социального развития умеренные народники ориентировались на мысли Н.К. Михайловского об эволюционном, поэтапном приближении к социалистическому обществу, где траектория пути непредсказуема, и поэтому чёткая постановка конкретной цели, создание точного образа будущего – занятие непродуктивное.

Специалисты в своих профессиональных областях, яркие и плодотворные публицисты, правые неонародники не были, подобно, например, эсеру В.М. Чернову, философами, теоретиками. Разработка ими идейной концепции ограничивалась, по сути, основополагающими пунктами программы: социализм, достигаемый поступательно, эволюционным путём; открытость партийной организации без конспиративности и нелегалщины. «Старый порядок», по словам энесовских аналитиков, был обречён, поскольку восстал против себя «пригнетенную массу народа» и «испытывает силу губительных ударов, на которые способна эта масса» (Мякотин, 1906: IV), а энергия защитников самодержавия – не что иное, как энергия отчаяния (Мякотин, 1906: V). Чтобы борьба народной стихии не только разрушала старое и порочное, но и вошла в созидательное русло, её должна направлять и координировать организация, которая «присоединила бы к стихийной мощи силу ясного сознания и строгого расчета» (Трудовая..., 2003: LXXX). Создать прочное единение трудового народа способна лишь открытая организация, рассуждали народные социалисты. При этом они признавали заслуги в пробуждении народного самосознания подпольных народнических организаций прошлого и настоящего.

Своим девизом народные социалисты избрали формулу «Все для народа, все через народ». Программные документы они старались составлять так, чтобы их смысл был максимально понятен всей «целевой аудитории» – трудовому элементу, то есть просто, без научности, зато с заметными элементами дидактизма (ГАРФ. Ф. 4653. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-3; ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 8886. Л. 1 и др.). Помимо того, объёмное и оригинальное политическое наследие они оставили в виде смелой и острой публицистики, не обходившей стороной ни одного вопроса «на злобу дня». Печатное слово служило народническим авторам трибуной даже в годы фактического распада партии (1908–1916), когда иных возможностей открытого выступления для социалистов на отечественной публично-политической арене не было. Любой актуальный вопрос – от внутрироссийских или международных событий до оценки культурной жизни «Серебряного века» – находил отражение на страницах их изданий, в первую очередь «Русского богатства». При этом догматизм был чужд эволюционным неонародникам, как и крайности: не менее, чем марксистская классовая самоуверенность, их раздражали модные в начале XX в. идеалистические сентенции о «божественном абсолюте», волей которого якобы можно объяснить социальные изъяны и катаклизмы; в них народникам виделась своего рода реакция на сутубый, бездушный материализм, точнее, «экономизм» марксистов (Пешехонов, 1903: LXIV). В отличие от радикальных марксистов, неонародники (это касается и умеренных эсеров) придавали человеку, личности огромное значение, не растворяя его в классовой массе, но обязательно включая в социальное бытие. Свою задачу они видели в том, чтобы «создать такие общественные формы, которые обеспечивали бы полноту жизни каждой личности» (Пешехонов, 1917: XII).

К ряду принципиальных черт, характеризующих идейные позиции умеренных неонародников, следует добавить этатизм: они мечтали о сильном государстве, которое будет стоять на защите интересов общества и личности. Нужно подчеркнуть: среди всех левых и центристских партий России народные социалисты были самыми твёрдыми государственниками; доказательством важности государства как института может служить их проект решения аграрного вопроса посредством национализации земли с последующим наделением ею земледельцев по трудовой норме.

Вплоть до Февральской революции 1917 г., когда все бывшие оппозиционеры царизму явочным порядком стали республиканцами, умеренные неонародники не задавали России жёстких рамок пути развития, включая форму правления. Не монархия как таковая, а её российские особенности служили предметом их осуждения: абсолютизм, затем его условное ограничение «куцей» конституцией и «ручным» парламентом, выполнявшими функцию «средства для наружного употребления», или «декорации для Европы, у которой приходится занимать деньги» (Пешехонов, 1910: 117). Критике подвергались и конкретные государственные лица, персонифицировавшие власть. Продумывая будущее России, неонароднические идеологи заявляли, что политические силы, намеренные сместить существующее правление и не знающие, чем его заменить, крайне недалёковидны, поскольку государство, по их убеждению, – единственный гарант порядка и защиты для общества. Определить

форму российского государственного устройства должно было, согласно программе энесов, всенародно избранное Учредительное собрание. Примечательно, что уже в 1923 г. А.В. Пешехонов ставил в заслугу большевикам «воссоздание российской государственности», сделанное, правда, после того как эта государственность была ими же и разрушена (Пешехонов, 1923: LIX).

Что касается модернизации, развернувшейся в России конца XIX – начала XX в., то впечатления неонародников от её хода и результатов были очень неоднозначными. Факт становления капитализма в пореформенной России они признавали, однако оценивали сопровождавшие социально-экономическое развитие объективные явления (имущественное расслоение в крестьянской среде, разложение общины, отход жителей из деревни в город) скорее как пагубные, чем полезные, и в первую очередь – для крестьянства. Зная из опыта земской службы жизнь российской деревни «изнутри», неонародники, в отличие от своих предшественников 1860–1870-х гг., не романтизировали крестьян, не идеализировали общину. Тем не менее, они, поборники коллективизма и кооперации, считали разумным сохранение в деревне общины, которая, при всех её недостатках, являлась организацией демократического состава и публично-правового характера, в известной степени удовлетворяя общественные потребности. Эта убежденность обусловила негативное отношение неонародников к аграрной реформе П.А. Столыпина – как к замыслу, так и к методам проведения.

4.2. Искушение синдикализмом: рабочий террор и «пресная маниловская утопия»

Синдикализм как идеология прямого действия рабочего класса зародился на рубеже XIX–XX вв. и был весьма популярен в Западной Европе, прежде всего во Франции и Италии. Один из ведущих теоретиков революционного синдикализма, француз Э. Пуже, называет синдикалистами тех трудящихся, которые освободились от предрассудков и «ложных понятий» и понимают, что только действия народных масс могут привести к положительным изменениям в общественно-политической сфере (Пуже, 1922: 9). Синдикализм, по мнению Э. Пуже, есть «истинно человеческое мировоззрение», для которого характерно ясное понимание социальных явлений.

Интерес к синдикализму был проявлен и в дореволюционной России. Работы Л. Козловского (Козловский, 1906), Д. Новомирского (Новомирский, 1907) и многих других преследовали цель популяризации в России синдикалистских идей.

С критикой синдикализма выступил теоретик марксизма Г.В. Плеханов, который обвинил синдикалистов-теоретиков в субъективизме, в его близости социологам-субъективистам народничества школы. По его мнению, синдикализм уже оказал огромное влияние на рабочих, что представляет собой явление вредное, поскольку Г.В. Плеханов не только не признает синдикализм социалистической фракцией, но и вовсе отрицает его принадлежность к социалистическому движению (Плеханов, 1928).

Многие исследователи отмечают идейную связь некоторых теоретиков народничества с синдикалистской теорией и даже считают, что отечественные теоретики народничества предвосхитили многие положения синдикализма. Взгляды М.А. Бакунина нередко трактуются как анархо-синдикалистские (Басов, 2008; Малинин, 1991; Рублев, 2015), а П. Сорокин убедительно показал, что теоретические положения П.Л. Лаврова имеют синдикалистское содержание (Белоус, 2005: 166). Симпатизировал синдикалистским идеям и П.А. Кропоткин, который видел идейную связь анархо-коммунизма и революционного социализма. По его мнению, антиавторитарное крыло Первого Интернационала и революционный синдикализм идеологически сходятся по многим положениям (Дамье, 2012: 93).

Подробный разбор синдикалистской идеологии представлен в работе теоретика неонародничества и лидера социалистов-революционеров В.М. Чернова, которая является обстоятельным введением к книге П. Луи о синдикализме. Чернов отмечает, что знакомство отечественного читателя с явлением синдикализма довольно поверхностно. Он указывает на наличие переводов ограниченного числа работ европейских, прежде всего французских и итальянских, теоретиков революционного синдикализма, в первую очередь, имея в виду Ж. Сореля, Э. Пуже, Ю. Лагарделя, А. Лабриолы, Э. Леоне. Идейным вдохновителем романского синдикализма Чернов считает французского анархиста Фернана Пеллутье (Чернов, 1908: XXVIII). По мнению Чернова, в комментируемой им работе Поля Луи о синдикализме недостаточно чётко озвучено решение проблемы определения различий между синдикализмом и другими революционными фракциями социализма (Чернов, 1908: IX). Сам российский теоретик неонародничества и лидер партии социалистов-революционеров считал эту проблему крайне важной, особенно в деле борьбы за умы революционной молодёжи.

Идейный лидер революционных синдикалистов – Ж. Сорель – определяется Черновым как крупнейший теоретик, сильный ум, но парадоксальный и непостоянный. Влияние идей Ж. Сореля на молодых социалистов во Франции и Италии было огромно. Его ориентация на практическое действие выглядела гораздо привлекательнее погрязшей во внутривнутрипартийных конфликтах и раздорах социал-демократии, чья программа как бы повисла в воздухе без практической реализации идей. При этом Ж. Сорель модифицирует марксизм, полагая, что К. Маркс писал свои работы в иных исторических условиях, которые не предоставляли ему возможность для различения между буржуазной силой и

пролетарским насилием (Сорель, 2013: 175): это философия действия, которая, по Ж. Сорелю, должна освещать путь социологии. Чернов даже отмечает, что идеи Ж. Сореля, в части создания новой морали на теоретических началах прудонизма, есть «ересь против марксизма» (Чернов, 1908: XXIII). Ж. Сорель выступает против «демократического суеверия», характерного для многих теоретиков социализма.

С другой стороны, в революционном синдикализме многие социалисты усматривали подлинное возвращение к идеям К. Маркса как практическое осуществление и исторический эквивалент марксизма (Чернов, 1908: XI). Чернов критикует теоретиков революционного синдикализма за их радикальный материализм, за то, что их не интересуют идеи, но только классовый инстинкт и материальные условия производительных сил (Чернов, 1908: XII). Основываясь на идее классового инстинкта, синдикалисты обесценивают объединения по идейному согласию, считая, что гораздо крепче те революционные союзы, которые основаны на классовом «родстве».

Европейские синдикалисты не принимали объективизма в том смысле, что не считали, будто революция есть закономерное развитие социальной реальности. Так, революция, по мнению Э. Леоне, есть результат классового действия, а творцом нового общества выступает субъект социализма – борющийся пролетариат (Леонэ, 1907: 48). Левое крыло синдикализма, по квалификации Чернова, уповает на рабочий террор, противопоставленный буржуазно-капиталистическому террору (Чернов, 1908: XXVIII), что по своему политическому темпераменту корреспондирует вполне с практикой наиболее радикальных российских социалистов-революционеров. Чернов трактует левый синдикализм как героический вариант этого феномена (Чернов, 1908: XXXIII). Практика левых синдикалистов предполагает революционную экзальтацию рабочей энергии, что нередко трактовалось как попытка синтеза идей Ф. Ницше и К. Маркса. Чернов отдельно отмечает, что ещё Н.К. Михайловский подчёркивал «духовное сродство» учений марксизма и ницшеанства. Такой экстремальный вариант социальной модернизации, как это живописно трактует Чернов, призван создать «встряску» «отупевшим от гуманизма» европейским нациям, чтобы «все не утонуло в болоте парламентарного кретинизма и хитрой изворотливой политической коммерции» (Чернов, 1908: XXXIV).

Чернов отдельно выделяет в синдикализме правое крыло. Идейно оно восходит к теоретическим изысканиям Ф. Пеллутье, отрицавшего эффективность вооружённого восстания. В работах французского анархиста и синдикалиста всеобщая стачка представлена как «мирная и легальная» (Чернов, 1908: XXIX). Э. Леоне утверждает, что анархическое насилие представляет собой иллюзию в свете идеи вневременной победы революционных сил над порядком. Сила пролетариата, полагает итальянский синдикалист, состоит в постоянном стимуле организующего действия, а не в коллективных насильственных акциях. Российские синдикалисты начала прошлого столетия, последователи идей Ф. Пеллутье и Э. Леоне, видят эффективность в антимилитаристской пропаганде, которую Чернов в отрыве от революционного действия считает «пресной маниловской утопией» (Чернов, 1908: XXX). Л. Козловского и В. А. Поссе, российских пропагандистов синдикализма, Чернов относит именно к этому крылу – «мирного» синдикализма.

Общим положением для синдикалистов начала XX ст. является идея о том, что социалистическая идеология должна вернуться к своей рабочей базе, то есть к пролетариату и профессиональным организациям. Синдикат даже противопоставляется социалистической партии, которая ориентирована на интересы не только рабочих, но всех угнетённых классов, что, по мнению синдикалистов, абсурдно, поскольку эти интересы чрезвычайно различны. Чернов подчёркивает, что многие синдикалисты, в том числе А. Лабриола, видят кризис социалистической идеологии в её связи с крестьянской психологией и в слабости индустриального пролетариата (Чернов, 1908: XXXIX–XL). Чернов указывает на ограниченность синдикалистской идеологии и связывает это со слепым следованием её в русле марксистской догматики. Вместе с тем, он указывает на исключительные случаи идеологического внимания Ф. Пеллутье и Ж. Сореля к крестьянским интересам. И всё же, отмечает Чернов, категорически неверно предположение о том, что соотношение между синдикализмом и парламентским социализмом в Европе соответствует соотношению социалистов-революционеров и социал-демократов в России (Чернов, 1908: XLI).

5. Заключение

Эволюционное (умеренное, правое, легальное) неонародничество, представленное народно-социалистической (с 1917 г. – Трудовой народно-социалистической) партией, являлось направлением, цель и сущность которого можно определить, пользуясь более поздним выражением, как «социализм с человеческим лицом». Его идеология представляла собой синтез национальной исторической традиции с её обращением к крестьянству и ценностей европейского «демократического социализма». Своеобразие энесовской модели модернизации России состояло в том, что она, «безусловно социалистическая по сути, ... отвергала идею дискретности социального развития», отрицала возможность решения актуальных вопросов социально-экономического и политического свойства неправовыми методами. За свою рассудочность, приверженность законности, парламентаризму, неприятие насильственных средств политической борьбы, уверенность в необходимости государства как гаранта прав и свобод личности при социализме эволюционные

народники подвергались критике со стороны своих более левых, более радикальных соседей по социалистическому лагерю – эсеров и особенно большевиков.

Синдикализм представлял собой «новое веяние» в социализме, предлагал очередную радикальную форму политической модернизации, предполагавшей демонтаж многих действующих политических институтов, и обрёл в России значительное количество последователей. Синдикалистские мотивы, по мнению ряда исследователей, были характерны для теоретиков классического народничества. Однако по многим своим положениям революционный синдикализм был чужд исканиям российских теоретиков неонародничества, в первую очередь потому, что не поддерживал интересы крестьянства.

Литература

Басов, 2008 – Басов В.О. Нравственные основы правоотношений в концепциях анархо-синдикализма М.А. Бакунина и анархо-коммунизма П.А. Кропоткина // *Вестник Поволжской академии государственной службы*. 2008. № 2 (15). С. 72-77.

Белоус, 2005 – Белоус В.Г. Вольфила: 1919–1924. Книга первая. Предыстория. Заседания. М.: Модест Колеров и Три квадрата, 2005. С. 155-189.

Блохин, 2016 – Блохин В.В. Между социализмом и либерализмом: проблема «срединой линии» в общественной мысли пореформенной России / *Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 2 / Редкол.: Г.Н. Мокшин (отв. ред.) и др. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 121-129.

Высокова, Краева, 2005 – Высокова В.В., Краева Т.В. Интеллектуальная история: метод и перспективы. Межрегиональная конференция // *Известия Уральского государственного университета*. 2005. № 39. С. 292-296.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гутуров, Ширинянц, 2024 – Гутуров В.А., Ширинянц А.А. Интеллектуальная история и ее истоки: актуальные аспекты интерпретации // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2024. Т. 15. Вып. 12 (146). Ч. II. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840033897-5-1/> (дата обращения: 09.03.2025).

Дамье, 2012 – Дамье В.В. П.А. Кропоткин и революционный синдикализм / *Сборник материалов IV Международных Кропоткинских чтений. К 170-летию со дня рождения П.А. Кропоткина (Материалы и исследования)*. Дмитров, 2012. С. 91-100.

Ерофеев, 1994 – Ерофеев Н.Д. А.В. Пешехонов // *Политическая история России в партиях и лицах* / Сост.: В.В. Шелохаев (руководитель), Н.Д. Ерофеев, И.Е. Задорожнюк и др. М.: Терра, 1994. 304 с.

Ерофеев, 2000 – Ерофеев Н.Д. Уход с политической сцены эсеров // *Политические партии России: история и современность*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 343-364.

Иванова, 2021 – Иванова М.В. Политическая модернизация России: к истории исследования проблемы // *Вестник ЗабГУ*. 2021. Т. 27. №1. С. 57-65.

Козловский, 1906 – Козловский Л. Очерки синдикализма во Франции. М.: Свободная мысль, 1906. 108 с.

Коновалова, 2006 – Коновалова О.В. Проблемы исторической модернизации России в идейном наследии В.М. Чернова: дисс. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 2006. 484 с.

Коновалова, 2009 – Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. 382 с.

Леонов, 1997 – Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.

Леонэ, 1907 – Леонэ Э. Синдикализм. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1907. 174 с.

Малинин, 1991 – Малинин В.А. История русского утопического социализма. Вторая половина XIX – начало XX вв. М.: Наука, 1991. 272 с.

Миронов, 2018 – Миронов Б.Н. Модернизация имперская и советская // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54-82.

Морозов, 1998 – Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 622 с.

Мякотин, 1906 – Мякотин В.А. О народно-социалистической партии // *Народно-социалистическое обозрение*. 1906. Вып. 1. С. 3-10.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Новомирский, 1907 – Новомирский Д. Из программы синдикального анархизма. Одесса: «Голос труда», 1907. 198 с.

Нуреев, 2001 – Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // *Мир России*. 2001. №3. С. 3-66.

Пешехонов, 1903 – Пешехонов А.В. Проблемы совести и чести в учениях новейших метафизиков // *Русское богатство*. 1903. № 2. С. 62-85.

- Пешехонов, 1905** – Пешехонов А.В. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях. СПб.: Изд. ред. жур. «Русское богатство», 1905. 65 с.
- Пешехонов, 1910** – Пешехонов А.В. На очередные темы. Средство для наружного и внутреннего употребления // *Русское богатство*. 1910. № 4. С. 116-139.
- Пешехонов, 1917** – Пешехонов А.В. Программные вопросы. В 2-х вып. Вып. 1. Основные вопросы. Пг.: Задруга, 1917. 47 с.
- Пешехонов, 1923** – Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал? Берлин: Обелиск, 1923. 79 с.
- Плеханов, 1928** – Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 16: Вопросы социализма и рабочего движения. 2-е изд. М.; Л.: Государственное изд-во, 1928. 383 с.
- Побережников, 2001** – *Побережников И.В.* Теория модернизации: основные этапы эволюции // *Проблемы истории России. Т. 4. Евразийское пограничье*. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 217-246.
- Политическая история..., 1994** – Политическая история России в партиях и лицах / Сост.: В.В. Шелохаев (руководитель), Н.Д. Ерофеев, И.Е. Задорожнюк и др. М.: Терра, 1994. 304 с.
- Пуже, 1922** – Пуже Э. Основы синдикализма: С приложением уставов Синдиката, Биржи труда, Производственной федерации и Всеобщей конфедерации труда. Пб.; М.: Голос труда, 1922. 132 с.
- Рублев, 2015** – Рублев Д.И. Идеи Михаила Бакунина и генезис идей синдикализма в России начала XX века // *М.А. Бакунин: pro et contra, антология*. СПб.: Издательство РХГА, 2015. С. 828-842.
- Сорель, 2013** – Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013. 293 с.
- Суслов, 2016** – Суслов А.Ю. Неонародничество и модернизация России в начале XX в.: современные исследования / *Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 2 / Редкол.: Г.Н. Мокшин (отв. ред.) и др. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 50-69.
- Сыпченко, 2014** – Сыпченко А.В. Социальная концепция народных социалистов в контексте идей западноевропейского демократического социализма / *Судьбы демократического социализма в России: сб. материалов конф.* / Отв. ред. К.Н. Морозов; сост. К.Н. Морозов, А.Ю. Суслов. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2014. С. 74-80.
- Трудовая..., 2003** – Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2003. 622 с.
- Чемшит, 2022** – Чемшит Д.А. Политическая модернизация как объект научного исследования // *Вопросы политологии*. 2022. Т. 12. №10 (86). С. 3220-3237.
- Чернов, 1908** – Чернов В.М. Теоретики романского синдикализма. М.: Сотрудничество, 1908. 193 с.
- Штомпка, 2013** – Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2013. №6 (30). С. 119-126.
- Шубин, 2007** – Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 744 с.
- Юрченков, 2001** – Юрченков Е.Ю. Социально-политическая концепция партии социалистов-революционеров: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. 134 с.
- Eisenstadt, 2000** – Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. № 1. Pp. 1-29.
- Huntington, 2016** – Huntington S.P. The clash of civilizations? // *Culture and Politics: a Reader* / ed. by L. Crovers and Ch. Lockhart. New York: St. Martin's Press, 2016. Pp. 99-118.
- Kelley, 2017** – Kelley D.R. The Descent of Ideas: The History of Intellectual History. N.Y.: Routledge, 2017. 328 p.
- Multiple Modernities..., 2016** – Multiple Modernities and Postsecular Societies / ed. by M. Rosati and K. Stoekl. London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. 200 p.
- Schmidt, 2010** – Schmidt V.H. Modernity and diversity: Reflections on the controversy between modernization theory and multiple modernists // *Social Science Information*. 2010. Vol. 49, № 4. Pp. 511-538.
- Sztompka, 2015** – Sztompka P. Modernization as social becoming: 10 theses on modernization / *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited* / ed. by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore: World Scientific Publishing Co., 2015. Pp. 25-31.

References

- Basov, 2008** – Basov, V.O. (2008). Nравstvennye osnovy pravootnoshenii v kontseptsiyakh anarkho-sindikalizma M.A. Bakunina i anarkho-kommunizma P.A. Kropotkina [Moral bases of legal relations in the concepts of anarcho-syndicalism of M.A. Bakunin and anarcho-communism of P.A. Kropotkin]. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby*. 2(15): 72-77. [in Russian]
- Belous, 2005** – Belous, V.G. (2005). Vol'fila: 1919–1924. Kniga pervaya. Predystoriya. Zasedaniya [Vol'fila: 1919–1924. Book One. Prehistory. Meetings]. М.: Modest Kolerovi Tri kvadrata. Pp. 155-189. [in Russian]
- Blokhin, 2016** – Blokhin, V.V. (2016). Mezhd u sotsializmom i liberalizmom: problema «sredinnoi linii» v obshchestvennoi mysli poreformennoi Rossii [Between socialism and liberalism: the problem of the

- “middle line” in the social thought of post-reform Russia]. *Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Vyp. 2. Redkol.: G.N. Mokshin (otv. red.) i dr. Voronezh: VGU. Pp. 121-129. [in Russian]
- Chemshit, 2022** – *Chemshit, D.A.* (2022). Politicheskaya modernizatsiya kak ob"ekt nauchnogo issledovaniya [Political modernization as an object of scientific research]. *Voprosy politologii*. 12. 10(86): 3220-3237. [in Russian]
- Chernov, 1908** – *Chernov, V.M.* (1908). Teoretiki romanskogo sindikalizma [Theorists of Roman syndicalism]. M.: Sotrudnichestvo. 193 p. [in Russian]
- Dam'e, 2012** – *Dam'e, V.V.* (2012). P.A. Kropotkin i revolyutsionnyi sindikalizm [P.A. Kropotkin and revolutionary syndicalism]. *Sbornik materialov IV Mezhdunarodnykh Kropotkinskikh chtenii. K 170-letiyu so dnya rozhdeniya P.A. Kropotkina (Materialy iissledovaniya)*. Dmitrov. Pp. 91-100. [in Russian]
- Eisenstadt, 2000** – *Eisenstadt, S.N.* (2000). Multiple Modernities. *Daedalus*. 129 (1): 1-29.
- Erofeev, 1994** – *Erofeev, N.D.* (1994). A.V. Peshekhonov [A.V. Peshekhonov]. *Politicheskaya istoriya Rossii v partiyakh i litsakh* [Political history of Russia in parties and persons]. Sost.: V.V. Shelokhaev (rukovoditel'), N.D. Erofeev, I.E. Zadorozhnyuk i dr. M.: Terra. 304 p. [in Russian]
- Erofeev, 2000** – *Erofeev, N.D.* (2000). Ukhod s politicheskoi stseny eserov [The Departure of the Socialist-Revolutionaries from the Political Scene]. *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost'*. M.: ROSSPEN. Pp. 343-364. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Guturov, Shirinyants, 2024** – *Guturov, V.A., Shirinyants, A.A.* (2024). Intellektual'naya istoriya i ee istoki: aktual'nye aspekty interpretatsii [Intellectual history and its sources: current aspects of interpretation]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. 15. 12 (146). Ch. II. [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/s207987840033897-5-1/> (date of access: 03.03.2025). [in Russian]
- Huntington, 2016** – *Huntington, S.P.* (2016). The clash of civilizations? *Culture and Politics: a Reader*, edited by L. Crovers and Ch. Lockhart. New York: St. Martin's Press. Pp. 99-118.
- Ivanova, 2021** – *Ivanova, M.V.* (2021). Politicheskaya modernizatsiya Rossii: k istorii issledovaniya problem [Political Modernization of Russia: Towards the History of the Study of the Problem]. *Vestnik ZabGU*. 27. 1: 57-65. [in Russian]
- Kelley, 2017** – *Kelley, D.R.* (2017). The Descent of Ideas: The History of Intellectual History. N.Y.: Routledge. 328 p.
- Konovalova, 2006** – *Konovalova, O.V.* (2006). Problemy istoricheskoi modernizatsii Rossii v ideinom nasledii V.M. Chernova [Problems of historical modernization of Russia in the Ideological Heritage of V.M. Chernov]: diss. ... d-ra ist. nauk. Krasnoyarsk. 484 p. [in Russian]
- Konovalova, 2009** – *Konovalova, O.V.* (2009). V.M. Chernov o putyakh razvitiya Rossii [V.M. Chernov about the Paths of Russia's Development]. M.: ROSSPEN. 382 p. [in Russian]
- Kozlovskii, 1906** – *Kozlovskii, L.* (1906). Ocherki sindikalizma vo Frantsii [Essays on Syndicalism in France]. M.: Svobodnaya mysl'. 108 p. [in Russian]
- Leone, 1907** – *Leone, E.* (1907). Sindikalizm [Syndicalism]. M.: S. Dorovatovskii i A. Charushnikov. 174 p. [in Russian]
- Leonov, 1997** – *Leonov, M.I.* (1997). Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1905-1907 gg. [The party of socialist revolutionaries in 1905–1907]. M.: ROSSPEN. 512 p. [in Russian]
- Malinin, 1991** – *Malinin, V.A.* (1991). Istoriya russkogo utopicheskogo sotsializma. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [History of Russian Utopian Socialism. The second half of the 19th – early 20th centuries]. M.: Nauka. 272 p. [In Russian]
- Mironov, 2018** – *Mironov, B.N.* (2018). Modernizatsiya imperskaya i sovetskaya [Imperial and soviet modernization]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 63(1): 54-82. [in Russian]
- Morozov, 1998** – *Morozov, K.N.* (1998). Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1907–1914 gg. [Party of Socialist-Revolutionaries in 1907–1914]. M.: ROSSPEN. 622 p. [in Russian]
- Multiple Modernities...**, 2016 – Multiple Modernities and Postsecular Societies. Edited by M. Rosati, and K. Stoekl. New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. 200 p.
- Myakotin, 1906** – *Myakotin, V.A.* (1906). O narodno-sotsialisticheskoi partii [About the Popular Socialist Party]. *Narodno-sotsialisticheskoe obozrenie*. 1: 3-10. [in Russian]
- NIOR RGB** – Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [The Scientific and Research Department of Manuscripts of the Russian State Library].
- Novomirskii, 1907** – *Novomirskii, D.* (1907). Iz programmy sindikal'nogo anarkhizma [From the Program of Syndical Anarchism]. Odessa: «Golos truda». 198 p. [in Russian]
- Nureev, 2001** – *Nureev, R.M.* (2001). Sotsial'nye sub"ekty postsovetskoi Rossii: istoriya i sovremennost' [Social subjects of post-Soviet Russia: history and modernity]. *Mir Rossii*. 3: 3-66. [in Russian]
- Peshekhonov, 1903** – *Peshekhonov, A.V.* (1903). Problemy sovesti i chesti v ucheniyakh noveishikh metafizikov [Problems of conscience and honor in the doctrines of the newest metaphysicians]. *Russkoe bogatstvo*. 2: 62-85. [in Russian]
- Peshekhonov, 1905** – *Peshekhonov, A.V.* (1905). Krest'yane i rabochie v ikh vzaimnykh otnosheniyakh [Peasants and Workers in Their Mutual Relations]. SPb: Izd. red. zhur. «Russkoe bogatstvo». 65 p. [in Russian]

- Peshekhonov, 1910** – *Peshekhonov, A.V.* (1910). Na ocherednye temy. Sredstvo dlya naruzhnogo i vnutrennego upotrebleniya [On the next topics. A remedy for external and internal usage]. *Russkoe bogatstvo*. 4: 116-139. [in Russian]
- Peshekhonov, 1917** – *Peshekhonov, A.V.* (1917). Programmnye voprosy [Programmatic issues]. In 2 iss. Iss. 1. Osnovnye voprosy [Main issues]. Pg.: Zadruga. 47 p. [In Russian]
- Peshekhonov, 1923** – *Peshekhonov, A.V.* (1923). Pochemu ya ne emigriroval? [Why didn't I emigrate?]. Berlin: Obelisk, 79 p. [in Russian]
- Plekhanov, 1928** – *Plekhanov, G.V.* (1928). Sochineniya [Works]. Vol. 16: Voprosy sotsializma i rabocheho dvizheniya [Issues of socialism and the workers' movement]. M.; L.: Gosudarstvennoe izd-vo. 383 p. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2001** – *Poberezhnikov, I.V.* (2001). Teoriya modernizatsii: osnovnye etapy evolyutsii [Theory of modernization: the main stages of evolution]. Problemy istorii Rossii. T. 4. Evraziiskoe pogranič'e. Ekaterinburg: Volot. Pp. 217-246. [in Russian]
- Politicheskaya istoriya..., 1994** – *Politicheskaya istoriya Rossii v partiyakh i litsakh* [Political history of Russia in parties and persons]. Sost.: V.V. Shelokhaev (head), N.D. Erofeev, I.E. Zadorozhnyuk i dr. M.: Terra, 1994. 304 p. [in Russian]
- Puzhe, 1922** – *Puzhe, E.* (1922). Osnovy sindikalizma: S prilozheniem ustavov Sindikata, Birzhi truda, Proizvodstvennoi federatsii i Vseobshchei konfederatsii truda [Bases of syndicalism: With appendix of the charters of the Syndicate, Labor Exchange, Industrial Federation and General Confederation of Labor]. Pb.: M.: Golos truda. 132 p. [in Russian]
- Rublev, 2015** – *Rublev, D.I.* (2015). Idei Mikhaila Bakunina i genesis idei sindikalizma v Rossii nachala XX veka [The ideas of Mikhail Bakunin and the genesis of syndicalist ideas in Russia at the beginning of the 20th century]. M.A. Bakunin: pro et contra, antologiya. SPb.: Izdatel'stvo RKhGA. Pp. 828-842. [in Russian]
- Schmidt, 2010** – *Schmidt, V.H.* (2010) Modernity and diversity: Reflections on the controversy between modernization theory and multiple modernists. *Social Science Information*. 49 (4): 511-538.
- Shtompka, 2013** – *Shtompka, P.* (2013). Modernizatsiya kak sotsial'noe stanovlenie (10 tezisov po modernizatsii) [Modernization as social becoming: 10 theses on modernization]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 6(30): 119-126. [in Russian]
- Shubin, 2007** – *Shubin, A.V.* (2007). Sotsializm. «Zolotoi vek» teorii [Socialism. "The Golden Age" of theory]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 744 p. [in Russian]
- Sorel', 2013** – *Sorel', Zh.* (2013). Razmyshleniya o nasilii [Reflections about violence]. M.: Falanster. 293 p. [in Russian]
- Suslov, 2016** – *Suslov, A.Yu.* (2016). Neonarodnichestvo i modernizatsiya Rossii v nachale XX v.: sovremennye issledovaniya [Neo-populism and modernization of Russia at the beginning of the 20th century: modern researches]. *Narodniki v istorii Rossii: Mezhhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Vyp. 2. Redkol.: G.N. Mokshin (otv. red.) i dr. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU. Pp. 50-69. [in Russian]
- Sypchenko, 2014** – *Sypchenko, A.V.* (2014) Sotsial'naya kontseptsiya narodnykh sotsialistov v kontekste idei zapadnoevropeiskogo demokraticeskogo sotsializma [Social concept of popular socialists in the context of the ideas of Western European democratic socialism]. *Sud'by demokraticeskogo sotsializma v Rossii: sb. materialov konf.* Otv. red. K.N. Morozov; sost. K.N. Morozov, A.Yu. Suslov. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyykh. Pp. 74-80. [in Russian]
- Sztompka, 2015** – *Sztompka, P.* (2015). Modernization as social becoming: 10 theses on modernization. *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited*. Edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pp. 25-31.
- Trudovaya..., 2003** – *Trudovaya narodno-sotsialisticheskaya partiya. Dokumenty i materialy* [The popular socialist party. Documents and materials]. M.: ROSSPEN, 2003. 622 p. [in Russian]
- Vysokova, Kraeva, 2005** – *Vysokova, V.V., Kraeva, T.V.* (2005). Intellektual'naya istoriya: metod i perspektivy. Mezhhregional'naya konferentsiya [Intellectual history: method and prospects. Interregional conference]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 39: 292-296. [in Russian]
- Yurchenkov, 2001** – *Yurchenkov, E.Yu.* (2001). Sotsial'no-politicheskaya kontseptsiya partii sotsialistov-revolutsionerov [Socio-political concept of the Party of Socialist-Revolutionaries]: diss. ... kand. ist. nauk. M. 134 p. [in Russian]

Проблема политической модернизации России в идеологии неонародничества (конец XIX – начало XX в.)

Алексей Юрьевич Вязинкин ^а, Ольга Львовна Протасова ^а, Константин Владимирович Самохин ^{а, *}

^а Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kon-sam@yandex.ru (К.В. Самохин)

Аннотация. В статье представлен анализ идеологии неонародничества в контексте проблемы политической модернизации России. Новизна исследования состоит в рассмотрении заявленной проблемы в связи с тематическим фокусом истории идей, что позволяет выявить элементы дискурсивно-идеологического комплекса неонародничества.

Эволюционный «народнический социализм» явился специфически российским идейным «продуктом», синтезировавшим универсальные ценности европейского демократического социализма и отечественные традиции освободительной мысли. Убеждённые прогрессисты и государственники, умеренные неонародники не признавали нелегальных форм и насильственных методов политической борьбы. Они полагали, что в России, преимущественно крестьянской стране, народничество должно одержать моральную победу над «буржуазными» и узкоклассовыми идеологиями (к числу последних они относили марксистский вариант социализма). Подлинный демократизм неонародников выражался в признании всех без исключения трудящихся прогрессивным, социалистическим классом и идее социального государства, которое должно основываться на праве и стоять на защите интересов личности и общества.

Популяризация синдикализма была воспринята в неонароднической среде критически, несмотря на то, что классики народнической идеологии в своих теориях были близки к некоторым положениям революционного синдикализма. Новая радикальная фракция социализма в своём проекте общественно-политических преобразований ориентировалась на рабочий класс, почти всегда игнорируя интересы крестьянства, что было неприемлемо для теоретиков неонародничества.

Внутренний конфликт эволюционных неонародников состоял в несоответствии радикализма их программы общественного переустройства методам её осуществления, слишком умеренным для переломного исторического момента, в который они появились и должны были примениться. Однако в устойчивом государстве, в условиях мирного развития гражданского общества, предложенная ими политическая модель оказалась бы вполне эффективной, поскольку была рассчитана на достижение классового согласия и защиту интересов различных слоёв населения.

Ключевые слова: русское народничество, неонародничество, народнический социализм, синдикализм, история идей, интеллектуальная история, политическая модернизация.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2014-2024
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2014

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Activities of the Sochi Garden and Agricultural Experimental Station in 1894–1902

Konstantin V. Taran ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b East European Historical Society, Houston, USA

^c Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The author examines the activities of the Sochi Horticultural and Agricultural Experimental Station in 1894–1902, established by the decision of Emperor Alexander III on April 12, 1894, based on the opinion of the State Council of February 17, 1894. This period is associated with the names of the first heads of this station: the scientist agronomist Peter Rodionovich Slezkin and Reinhold Johannovich (Roman Ivanovich) Garbe.

As the main materials, the author used particularly valuable storage units of the fund No. 16 – the Sochi Garden and Agricultural Experimental Station of the Ministry of Agriculture and State Property for 1894–1919, stored in the Sochi City Archive (Sochi, Russian Federation).

In addition, the research materials were personal sources, namely the memoirs of the Minister of the tsarist government A.S. Ermolov, climatologist, geographer, creator of agricultural meteorology A.P. Voeikov and the head of the Sochi experimental station since 1902, V.V. Markovich. Reference publications were also used – the encyclopedic dictionary by F.A. Brockhaus and I.A. Efron, studies by pre-revolutionary, Soviet and Russian historians.

This work is based on such principles of historical research as the principles of historicism, concreteness, objectivity and comprehensiveness, reliance on sources, historiographical tradition, etc.

In conclusion, the author concluded that the first years of the Sochi Horticultural and Agricultural Experimental Station were associated with organizational issues, such as clearing the territory of trees, shrubs and deadwood, as well as the acquisition and planting of seeds and seedlings of various plants.

Thanks to the activities of the first heads of the Sochi Horticultural and Agricultural Experimental Station, Slezkin and Garbe (1894–1902), the foundation was laid for the further development of experimental agriculture on the Black Sea coast of the Northwestern Caucasus.

Keywords: Sochi horticultural and agricultural experimental station, P.R. Slezkin, R.I. Garbe, chamberlain N.S. Abaza, Minister A.S. Ermolov, tobacco plantation, nurseries.

1. Введение

Деятельность Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции всегда привлекала внимание советских и российских исследователей, поскольку создание опытного учреждения способствовало развитию сельскохозяйственных знаний населения региона, обосновавшегося на территории Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа во второй половине XIX века.

По заявленной теме опубликованы работы исследователей в дореволюционный, советский и российский периоды. В связи с этим, на основании вновь вводимых в научный оборот архивных документов, автор стремится более подробно осветить первые годы деятельности Сочинской опытной станции. Начальный этап становления и деятельности Сочинской опытной станции (1894–1902 гг.)

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran)

связан с первыми руководителями этого учреждения – Петром Родионовичем Слёзкиным и Романом Ивановичем Гарбе.

2. Материалы и методы

Архивные материалы, хранящиеся в Сочинском городском архиве (АГС) (Сочи, Российская Федерация), легли в основу данного исследования. Были использованы особо ценные единицы хранения Фонда № 16 – Сочинская садовая и сельскохозяйственная опытная станция, которые способствовали более детальному рассмотрению заявленной темы.

Кроме этого, материалами исследования послужили источники личного происхождения, а именно воспоминания министра А.С. Ермолова (Ермолов, 1908), климатолога, географа, создателя сельскохозяйственной метеорологии А.П. Воейкова (Воейков, 1912) и заведующего с 1902 года Сочинской опытной станцией В.В. Марковича (Маркович, 1911). Также была использована справочная литература – энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Брокгауз, Ефрон, 1900), исследования дореволюционных, советских и российских историков.

В качестве методологического комплекса нашей работы были применены следующие исторические и общенаучные методы исследования:

– Историко-системный метод: применялся для исследования деятельности Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции в комплексной связи с экономикой региона и муниципалитета, политической и управленческой конъюнктурой, социальными особенностями города Сочи;

– Историко-генетический метод: использовался для выявления причинно-следственной связи таких исторических событий, как основание станции, её развитие и деятельность, управленческие решения её руководителей и властных структур в отношении станции и пр.;

– Контент-анализ (анализ историографии и/или источников по проблеме исследования): применён для комплексного исследования источниковой базы по вопросам деятельности Сочинской опытной станции, а также исторических научных трудов по данной проблематике.

Данная работа построена с учётом таких принципов исторического исследования, как принципы историзма, конкретности, объективности и всесторонности, опоры на источники, историографической традиции и др.

3. Обсуждение

Работы, посвящённые начальному этапу деятельности Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции (1894–1902 гг.), следует разделить на три периода: дореволюционный, советский и российский.

В дореволюционный период первые годы деятельности Сочинской опытной станции были описаны в работах бывших заведующих этой станцией В.В. Марковича (Маркович, 1911) и М.А. Новикова (Новиков, 1915). Чиновник особых поручений, действительный статский советник М.А. Краевский в своих очерках также даёт характеристику деятельности Сочинской опытной станции (Краевский, 1911). Метеорологическим наблюдениям в Сочи, а также на садовой и сельскохозяйственной опытной станции посвящены работы В.А. Енько (Енько, 1903; Енько, 1904) и А.И. Воейкова (Воейков, 1912).

В советский период в 1926 году под редакцией заведующего опытной станцией М.А. Кушныренко-Кушнырева был опубликован 6-й выпуск сборника статей «Труды Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станции». В этом сборнике трудов М.А. Кушныренко-Кушнырев опубликовал краткую справку-выборку по данным архива станции, где уделит внимание первым годам деятельности Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции (Кушныренко-Кушнырев, 1926). В этом же сборнике библиотекарь и хранитель музея Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станции Б.И. Битовт, в справочно-историческом очерке, рассмотрел деятельность опытной станции с момента её создания и до 1926 года включительно (Битовт, 1926).

В 1971 году были изданы «Доклады Сочинского отдела Географического общества СССР», где был опубликован доклад учёного агронома И.Н. Розина, посвящённый сельскому хозяйству Сочинского округа в дореволюционный период. В докладе Розина было уделено внимание и деятельности Сочинской опытной станции (Розин, 1971). В этом же издании заместитель директора института горного садоводства и цветоводства в Сочи, доктор сельскохозяйственных наук В.В. Воронцов посвятил доклад 75-летию создания опытной станции (Воронцов, 1971).

В постсоветский – российский период интерес к деятельности Сочинской опытной станции в последние годы XIX века и в начале XX века продолжился. Сочинский исследователь И.А. Тверитинов в своей монографии подчеркнул значение в научном изучении опытной станцией сельскохозяйственных культур и их распространении среди населения Сочинского округа (Тверитинов, 2000).

В опубликованном в 2006 году первом томе «Очерки истории Большого Сочи» И.А. Тверитинов осветил вопросы возникновения во второй половине XIX века в Сочи регулярных метеорологических наблюдений и, в частности, на территории Сочинской опытной станции (Очерки истории..., 2006).

В начале XXI века вниманию деятельности Сочинской опытной станции посвятили свои работы исследователи В.В. Казуров (Казуров, 2004), В.В. Крылова (Крылова, 2008), Н.Е. Маркелова и А.А. Черкасов (Маркелова, Черкасов, 2008), а также А.В. Рындин, И.А. Кравцов и Т.В. Евсюкова (Рындин и др., 2009).

Исследователь Л.Я. Айба посвятил свою работу истокам субтропического растениеводства в Абхазии и частично уделил внимание Сочинской опытной станции (Айба, 2019).

Историк А.П. Платонов подверг анализу архивные документы, хранящиеся в Сочинском городском архиве – фонд № 16, опись № 1, касающиеся деятельности Сочинской опытной станции (Платонов, 2022).

Архивные материалы, связанные с поездкой министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова на Кавказ в 1894 году, где были созданы Сочинская и Сухумская опытные станции и иные сельскохозяйственные учреждения, исследовал в своей работе Г.Н. Шумкин (Шумкин, 2023).

Обучающей роли Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции была посвящена работа группы исследователей Г.М. Романовой, С.М. Романова и А.П. Платонова (Романова и др., 2023).

Юбилею, то есть 130-летию создания Сочинской опытной станции, была посвящена публикация исследователей В.В. Казурова и К.В. Тарана (Казуров, Таран, 2024). Кроме этого, К.В. Таран в своей работе уделил внимание причинам, целям и задачам создания Сочинской опытной станции во второй половине XIX века (Taran, 2025).

4. Результаты

В конце XIX века царское правительство пересмотрело свою колонизационную политику на Северо-Западном Кавказе с целью оказания сельскохозяйственной помощи переселенцам, учредив в этом регионе должности агрономов, виноделов и садоводов. Министерством земледелия и государственных имуществ на Северо-Западном Кавказе, на побережье Чёрного моря, были организованы школы садоводства, а также садовые и сельскохозяйственные опытные станции (Шумкин, 2023: 114).

Император Александр III 12 апреля 1894 года утвердил мнение Государственного совета о создании в посаде Даховском (Сочи) Черноморского округа Кубанской области Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции. Выделенный для нужд опытной станции на юго-востоке посада Даховского (Сочи) казённый участок «Школьный» площадью около 160 гектаров был практически полностью заросшим деревьями и кустарниками, который следовало расчищать для посадки опытных растений (Taran, 2025: 839-841).

Кроме Сочинской опытной станции, в 1894 году было решено создать и в соседней Абхазии Сухумскую садовую и сельскохозяйственную опытную станцию. Разница между двумя опытными станциями была в том, что Сухумская опытная станция создавалась на территории уже существовавшего ботанического сада (Айба, 2019: 10), а под Сочинскую опытную станцию следовало раскорчёвывать и расчищать от зарослей фактически всю выделенную территорию.

Основной целью опытной станции являлось проведение селекционной работы, то есть изучение различных сортов растений и культур, которые в местных условиях покажут самые благоприятные результаты в ходе акклиматизации (Романова и др., 2023: 45).

После изучения разнообразных растений и культур сотрудникам опытной станции необходимо было ознакомить местное население с техникой возделывания опытных растений. Предусматривалась реализация местному населению на льготных условиях опытных сортов растений, пригодность которых будет доказана на основании опытов и наблюдений (Маркелова, Черкасов, 2008: 7).

В деятельности опытной станции планировалось в широком масштабе поставить дело по акклиматизации растений и применению разнообразных культур, особенно пригодной для плодоводства. Необходимо было выяснить наиболее рациональные приёмы посадки деревьев, установить прочный ассортимент плодов, которые лучше соответствовали местным условиям и требованиям рынка (Краевский, 1911: 31).

Казённое учреждение – Сочинская садовая и сельскохозяйственная опытная станция была подчинена Департаменту земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ. С самого начала своей деятельности Сочинская опытная станция находилась под постоянным контролем члена Государственного совета гофмейстера Н.С. Абазы и министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова (Казуров, 2004).

Вступивший на престол в 1894 году император Николай II назначил гофмейстера Абазу в 1895 году устроителем Черноморского побережья (Очерки истории..., 2006: 278).

Для решения организационных вопросов по обустройству опытной станции необходимо было произвести закладку полей, садов, оранжерей и питомников, проложить грунтовые дороги, возвести ограждения. Также следовало расчистить от насаждений участки станции, убрать валежник, построить дома для персонала. На эти виды работ были выделены денежные средства в сумме 7 тыс. рублей. Для содержания заведующего опытной станцией, персонала и на иные расходы планировалось выделить 5 тыс. 600 рублей (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 111. Л. 8–9).

Обязанности заведующего опытной станцией в 1894 году, по договорённости с Департаментом земледелия, были возложены на агента Российского общества пароходства и торговли Рейнгольда Иоганновича (Романа Ивановича) Гарбе. При этом следует отметить, что официально Гарбе заведующим опытной станцией не являлся. Министр земледелия и государственных имуществ Ермолов в своих воспоминаниях указывает, что первым заведующим опытной станцией был Пётр Родионович Слёзкин, который приступил к своим обязанностям в мае 1895 года (Ермолов, 1908: 78).

Например, в своих письмах, адресованных Департаментом земледелия в 1894 и 1895 годах к Гарбе, должность последнего указывалась не иначе как – агент Российского общества пароходства и торговли в посаде Сочи (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 6, 7).

В течение второй половины 1894 года и первой половины 1895 года под руководством Гарбе происходила расчистка вверенного участка, в чём ему помогал садовник опытной станции Р. Скруванек. Помимо этого Гарбе систематически принимал отправленные для опытной станции грузы, состоящие из посадочного материала, то есть семян различных растений (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8).

С первых лет существования станции производились опыты с капустой, свеклой, морковью, бобами, луком, перцем, баклажанами, помидорами и другими обычными огородными овощами (Битовт, 1926: 16).

По состоянию на 11 мая 1895 года в районе шоссе, прилегающем к опытным полям станции, было зафиксировано складирование дров длиной 189 м и высотой 1 м, заготовленных при расчистке участков опытной станции. На хребте, расположенном выше опытной станции, был сложен валежник на участке длиной 50 м и высотой 1 м, о чём был составлен акт (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 8).

Следует отметить, что общепредварительные работы по расчистке от зарослей деревьев, кустарников и валежника территории опытной станции, обустройству и строительству запланированных помещений остались недоделанными перед сдачей опытной станции учёному агроному Петру Родионовичу Слёзкину в мае 1895 года. Без выполнения общепредварительных работ в полном объёме проведение опытов с растениями было затруднительно (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 3).

В 1885 году П.Р. Слёзкин закончил Петровскую сельскохозяйственную академию, работал в России и дополнительно проходил обучение за границей, а в 1890-х годах занимался преподавательской деятельностью в академии, в которой в своё время и обучался (Брокгауз, Ефрон, 1900: 351).

После вступления в должность заведующего опытной станцией П.Р. Слёзкина в мае 1895 года территория опытной станции была увеличена примерно на 5,5 тыс. м². Для этого поселяне деревни Раздольной 15 июня 1895 года составили соответствующий приговор, на основании которого участок, возделываемый поселянином Яковом Федоровым в размере 5,5 тыс. м², принадлежащий обществу, был уступлен опытной станции. Поселянину Якову Федорову взамен этого места был предоставлен обществом иной участок, а заведующий опытной станцией Слёзкин за расчистку от зарослей участка, переданного опытной станции, выплатил Федорову 60 рублей (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 110. Л. 4–40б.).

При заведующем опытной станцией Слёзкине были произведены пробные посевы полевых растений, таких как кукуруза (Конский зуб, Чинквантино и Венгерская), сорго, джугара, джут, клещевина, индигоноска (*Indigofera*). Кроме этого, были высажены табак (Самсунский и Гаванский), хлопчатник 5 сортов, шведский клевер, люцерна, эспарцет, овёс, ячмень и пшеница. Были выделены участки для возделывания риса суходольного и кендыря, высажено 50 сортов винограда. В плодовом саду произведена посадка 49 сортов яблонь, 47 сортов груш, 8 сортов абрикосов, 4 сорта айвы, 29 сортов слив, 15 сортов вишен и 20 сортов черешен. Декоративных и технических древесных пород было высажено до 70 видов, не считая разновидностей, число которых только для хвойных простиралось до 75, пальм – 20 разновидностей, эвкалиптов – 17, роз – 15, акаций – 14 и бамбуков – 8 (Битовт, 1926: 15).

В 1896 году было высеяно: фасоль кустовая и вьющаяся, мош, соя, арахис (земляной орех), нут (бараний горох) и 6 сортов кукурузы. Из масличных культур были высажены кунжут и клещевина, кроме этого хлопчатник в нескольких сортах. Рами (*Voehmeria* – Бёмерия) было выведено из семян, полученных из Тифлисского ботанического сада, и высажено несколько десятков в грядки (Битовт, 1926: 15).

Некоторые насаждения опытной станции пострадали зимой 1895–1896 годов, а в начале зимы 1896–1897 годов погибли эвкалипты, акации, новозеландский лён, *Grevillea robusta* (Гривеллия крупная) и другие растения (Битовт, 1926: 16).

Холодные зимы имели место в Сочи и ранее, например, в 1874 году температура воздуха опускалась до -15°, а метеонаблюдения велись в долине реки Сочи (Воейков, 1912: 7).

В 1896 году заведующим опытной станцией Слёзкиным была устроена метеорологическая станция, где регистрировалась погода и два года производились фенологические наблюдения (Битовт, 1926: 16).

Следует отметить, что первые метеорологические наблюдения в районе поста Даховского в долине реки Сочи проводил доктор Свирцев с 1870 года, а с 1875 года мониторинг природных явлений происходил на участке Мамонтовых. С 1884 года метеонаблюдения продолжились в доме Р.И. Гарбе (Енько, 1903: 4).

Помимо метеостанции, в 1896 году заведующий Слёзкин на опытной станции организовал сельскохозяйственную лабораторию. В этой лаборатории производились микроскопические исследования зерновых злаков, болезненных изменений табачных листьев, сравнение способов добывания индиго из свежих и сухих листьев, первый способ оказался наилучшим. Кроме этого, при заведующем опытной станцией Слёзкине в 1896 году на участке 16,5 тыс. м² была заложена опытная табачная плантация (Битовт, 1926: 16).

В ходе обустройства опытной табачной станции с 30 апреля по 1 сентября 1896 года Слёзкину помогал практикант по табаководству Александр Судзиловский, за что последнему было выплачено денежное вознаграждение в сумме 150 рублей (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 40б.).

В течение полутора лет первый заведующий опытной станцией Слёзкин, как отмечал министр Ермолов, интересовался научными вопросами, обустроив сельскохозяйственную лабораторию и вёл различного рода химические исследования и анализы. При этом с культурным делом Слёзкин был мало знаком и в этой области почти ничего не успел сделать. Титулярный советник П.Р. Слёзкин 31 декабря 1896 года передал дела опытной станции Р.И. Гарбе, который был назначен на эту должность по рекомендации гофмейстера Абазы (Ермолов, 1908: 78).

Гарбе принял от Слёзкина по описи постройки опытной станции, имущество, инвентарь сельскохозяйственной лаборатории и метеорологической станции, остаток материалов и запасов по материальной книге, а также три шнурованных книги, бланки 17 прямых и 22 авансовых ассигновок¹ и печать станции (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 24).

На момент передачи имущества опытной станции табачная плантация располагала следующими строениями: жилой дом из шести комнат, казарма для рабочих, оранжерея и парники, погреб и сарай, помещения для волов, сена и дров. После заготовки леса было построено два сушильных помещения, сооружено 40 окованных рам для сушки табака, амбар, дом для садовника, помещение для сторожа, проложена грунтовая дорога. Были приобретены различные сельскохозяйственные орудия для табачной плантации, две лошади, корма и сбруи (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 83–90).

В январе 1897 года Департаментом земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ были даны распоряжения заведующему опытной станцией Гарбе подготовить табачную плантацию под опытные культуры. Для руководства табачным делом департаментом был командирован в Сочи старший специалист по табаководству, статский советник В.С. Щербачев. В дальнейшем планировалось табачные плантации передать для заведования табаководу Е.А. Чубкову (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3).

Департамент земледелия определил проведение основных работ по обустройству табачной плантации и выделил на эти цели денежную сумму в размере 1 тыс. 587 рублей 84 копейки. В июне 1897 года Департамент земледелия на расходы по ремонту построек и окончательному устройству табачной плантации дополнительно предоставил заведующему опытной станцией 700 рублей (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–20б., 18).

В первой половине 1897 года были приготовлены поля для высадки табака. Кроме этого, семена табака были высажены в парники с целью выращивания рассады. Данные работы были произведены до приезда статского советника Щербачева, которому культурные работы были переданы 6 мая 1897 года (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 30б.).

В 1897 году более тридцати семей армянских поселенцев из имения Вардане, урочища Анварова, участков Краевского и барона Фиркса, получили с опытной станции семена табака для его разведения на своих участках (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 7–8).

По указанию статского советника Щербачева на табачной опытной станции были перестроены все здания, произведено устройство нового помещения для хранения табака, возведён забор вокруг табачных построек, были вырублены деревья на территории усадьбы. Указанные работы были завершены в конце сентября – начале октября 1897 года, о чём был составлен акт освидетельствования, представленный в Департамент земледелия (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 30б.–4).

В акте от 29 сентября 1897 года на территории табачной плантации были зарегистрированы: жилой дом, сарай-кладовка, дом-казарма, сушильный сарай, сигарный сушильный сарай и новый дом для хранения и папушевания² табака (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 45–46).

¹ Ассигновка – документ, разрешающий выдачу бюджетных денег физическому или юридическому лицу (Прим. авт.).

² Папушевание – процесс нанизывания листьев табака на длинные тонкие и прочные нити, для его последующей сушки (Прим. авт.).

Передача Гарбе табачной станции назначенному Департаментом земледелия заведующему Е.А. Чубкову состоялась в присутствии статского советника Щербачева 15 октября 1897 года. Сразу же были начаты работы по выкорчёвыванию векового леса площадью более трёх гектар земли для ещё одного табачного поля, а также устройство вокруг этого поля забора. Земельный участок табачного поля был перекопан глубиной до 30 см. Работы по устройству табачного поля были начаты 15 октября 1897 года и завершены 15 января 1898 года (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 4).

В январе 1898 года заведующий опытной станцией Гарбе предоставил в Департамент земледелия кассовую отчётность за 1897 год, указав, что на устройство табачной плантации была израсходована сумма, превышавшая выделенные департаментом средства на 532 рубля 16 копеек. Гарбе сообщил, что все работы производились по требованию статского советника Щербачева и были осмотрены и одобрены министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым, который был в Сочи и благодарил Гарбе за проведённые работы. Гарбе просил департамент признать этот расход правильным и произвести компенсацию (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 39–39об.).

В итоге табачная плантация просуществовала до 1901 года. Для опытов с табаком не было достаточного оборудования, и опыты эти не были закончены. Поэтому министр А.С. Ермолов решил табачную плантацию закрыть, так как, по его мнению, работа на ней шла крайне неудовлетворительно (Битовт, 1926: 16).

Прекратив проведение опытов с разведением различных сортов табака, основная селекционная работа была направлена на выращивание плодовых культур (Ермолов, 1908: 80).

Помимо работ по обустройству табачной плантации, с января по май 1897 года было расчищено и обнесено забором более 6 гектаров территории опытной станции, культивирование которой началось с посева кукурузы. На этой территории происходило путём цапанья уничтожение сорняка. Культивирование происходило и в 1898 году, а затем планировался посев кормовых трав. На расчищенном участке уже в 1898 году необходимо было произвести посадку деревьев. К этому участку через усадьбу опытной станции была устроена в 1898 году грунтовая дорога длиной более 1 км с откосами и канавами по бокам, и сооружёнными мостами (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 3).

В 1897 году была проделана важная работа по осушению болота между морем и шоссеиной береговой дорогой, так как болото являлось постоянным рассадником лихорадки. Осушение болота и вырубка леса в этом районе происходили почти на 8 гектарах. Благодаря осушению болота и расчистке местности, лежащей перед опытной станцией, эта территория была оздоровлена, и в течение 1897 года тяжёлых заболеваний лихорадкой здесь не наблюдалось. Частично оставались неосушенные участки берегового болота, поэтому планировалось их дальнейшее уничтожение, что должно было способствовать оздоровлению южной окраины опытной станции в прибрежной зоне (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–3об.).

В 1897 году был перекопан 1 гектар плантажем для опытной плантации с целью разведения столовых сортов винограда, а посадка чубуков отложена на 1898 год. Для расширения питомников перекопано плантажем 1704 м², где были высажены фруктовые и декоративные растения (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 3об.).

Для сельского хозяйства в 1897 году было сделано относительно небольшое количество работ, так как единственное годное для культуры поле в 1,5 гектара было отведено, согласно предписанию Департамента земледелия, для устройства табачной плантации. Поэтому необходимо было по возможности расширить культурную площадь для будущего 1898 года и размножить приобретённые семена субтропических промысловых растений для более обширных и обстоятельных опытов в 1898 году. Для этой цели было перекопано для фруктовых плантаций более 2 гектаров земли. На одной половине этого участка был устроен огород, а на другой были высажены следующие растения (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 4):

- 6 сортов кукурузы из Неаполя;
- 4 сорта кукурузы сахарной из Америки;
- 4 сорта фасоли – соя;
- 1 сорт Кендыря (*Arosunum sibiricum*);
- 2 сорта Рами (*Boehmeria nivea tenacissima*);
- 1 сорт суходольного риса;
- 1 сорт хлопчатника;
- 1 сорт кунжута;
- 1 сорт арахиса (*Arachis hypogaea*).

Семена и корневые были собраны в достаточном количестве для проведения окончательных опытов в 1898 году. На 400 м² была устроена плантация из 5 сортов винограда Оселла (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–4об.).

Всё внимание в 1897 году было направлено на опыты по садоводству и на расширение питомников. Несмотря на крайне неблагоприятные для этого обстоятельства, такие как сильная засуха и неимение вблизи воды, были достигнуты относительные хорошие результаты. Из семян путём прививки и черенками в 1897 году почти втрое были увеличены результаты, а именно с 15,8 тыс. до 46 тыс. (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–4об.).

Всего на территории опытной станции по состоянию на 1 января 1898 года было высажено 58 663 экземпляра различных растений (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 40б.).

Лучшие экземпляры декоративных растений, по достижении соответствующего возраста, предназначались для высадки в арборетум, для испытаний их пригодности и выносливости в условиях местного климата (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 5).

Метеорологические наблюдения на всех инструментах по инструкциям Главной геофизической обсерватории продолжались 3 раза в сутки в течение 1897 года. Записи наблюдений и составленные таблицы суточных, месячных и годовых средних температур были своевременно оформлены и отправлены в Тифлисскую обсерваторию. В течение 1897 года заведующий опытной станцией Гарбе вёл дневники и записи всех культурных проявлений на растениях, что и продолжал делать в 1898 году и в дальнейшем (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 5).

Вся деятельность Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции находилась под постоянным контролем гофмейстера Н.С. Абазы и министра земледелия А.С. Ермолова, которые одобрили деятельность заведующего опытной станцией Гарбе во время их нахождения в Сочи (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 5).

Согласно заявлению члена Государственного совета гофмейстера Абазы, бюджет опытной станции в 1897 году был увеличен на 900 рублей, то есть сумма, выделяемая в год на содержание заведующего опытной станцией и персонала, на ремонт построек и инвентаря, на канцелярские и мелкие расходы, составила 6 тыс. 500 рублей (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 34–340б.).

В мае 1897 года министром земледелия и государственных имуществ Ермоловым было утверждено расписание расходов по содержанию в 1897 году Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции в сумме 6 тыс. 500 рублей:

1. Вознаграждение заведующего – 2 тыс. 500 рублей;
2. Вознаграждение садовника – 800 рублей;
3. Вознаграждение постоянным и поденным рабочим – 2 тыс. 250 рублей;
4. Вознаграждение сторожа – 216 рублей;
5. Выписка растений и семян – 200 рублей;
6. Ремонт построек – 200 рублей;
7. Ремонт и пополнение инвентаря – 100 рублей;
8. Медицинская помощь – 50 рублей;
9. Содержание скота – 100 рублей;
10. Канцелярские и мелкие расходы – 84 рубля (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 35).

Финансирование Министерством земледелия и государственных имуществ Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции происходило через Сухумское уездное казначейство, откуда денежные средства, предназначенные для опытной станции, доставлялись в Сочинскую почтово-телеграфную контору, где их получал заведующий опытной станцией. Суммы на содержание персонала и имущества опытной станции направлялись ассигновками различного достоинства (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 17, 22, 23, 30, 34–340б.).

По мере становления опытной станции и устройства питомников, появились первые доходы от продажи саженцев местному населению. В 1897 году заведующий Гарбе сообщал в Департамент земледелия, что в этом году ожидается доход от продажи растений из питомников в сумме около 300 рублей. В связи с этим Гарбе просил у руководства департамента разрешения эти суммы выделить для расширения опытного виноградника, устройства дороги от усадьбы до фруктовых плантаций, вокруг которых возвести забор (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 52, 58–580б.).

Доход от продажи растений в 1897 году составил 267 рублей, в 1898 году – 1 тыс. 892 рубля, в 1899 году – 3 тыс. 10 рублей, в 1900 году – 1 тыс. 657 рублей и в 1901 году – 2 тыс. 736 рублей (Битовт, 1926: 29).

География заказчиков растений была значительной и обширной. Из списка заказчиков за 1900 год известно, что приобретали растения у опытной станции жители округа из Сочи, Навагинки, Раздольного, Красной Поляны, Варданэ, Адлера, Хосты и деревень Высокой и Лесной. Были заказчики и из Туапсе, Геленджика, Новороссийска, Сухуми, Озургети и других городов и населённых пунктов Северного Кавказа. Активным приобретателем растений для своего участка был гофмейстер Абаза (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7. Л. 23–250б.).

За время своей начальной деятельности, как видно из вышесказанного, опытная станция приобретала популярность среди населения, которое охотно покупало и высаживало на своих участках растения из питомников опытной станции. В то же время, во второй половине 1899 года случилось следующее недоразумение. Департамент земледелия 23 октября 1899 года с заведующего Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станцией Гарбе потребовал объяснений по поводу публикации статьи в газете «Новое время», в которой сообщалась негативная информация о деятельности опытной станции (Казуров, Таран, 2024).

Автор статьи в газете «Новое время» указывал на отсутствие среди участников выставки крупных хозяйств Черноморской губернии, состоявшейся в Сухуми, Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станции. Далее по тексту: «На приглашение члена – распорядителя выставки,

сделанное лично заведующему Гарбе, последний отказался участвовать, заявив, что опытной станции нечего выставить». Кроме этого, в статье было обращено внимание и на отсутствие представителя Сочинской опытной станции на съезде виноградарей в Новороссийске, состоявшемся в мае 1899 года (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 53–53об.).

В январе 1900 года заведующий опытной станцией Гарбе представил своё объяснение в Департамент земледелия. По существу заданных вопросов Гарбе сообщил, что приглашение для участия в выставке в Сухуми он получил 19 сентября 1899 года. В связи с тем, что начало выставки было запланировано на 24 сентября, Гарбе физически не мог за короткий срок организовать сбор и доставку экспонатов опытной станции в Сухуми. Поэтому он отказался от участия в выставке в Сухуми. Далее Гарбе поясняет, что статья корреспондента газеты «Новое время» выдумана и несправедлива, и что он, Гарбе, личного приглашения от члена – распорядителя выставки не получал, и тем более, что не было речи об отсутствии экспонатов у Сочинской опытной станции. В мае 1899 года, во время проведения съезда виноградарей в Новороссийске, Гарбе был в отпуске и находился в городе Санкт-Петербурге, где систематически посещал III-ю Международную выставку садоводства, состоявшую под высочайшим покровительством, которая была проведена в период с 5 по 15 мая 1899 года. По этой причине Гарбе отсутствовал на съезде виноградарей в Новороссийске (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 64–65).

Объяснение Гарбе было принято Департаментом земледелия, но при этом директор департамента признавал нежелательным, чтобы подведомственные департаменту сельскохозяйственные опытные станции давали повод к нареканиям в печати вследствие неучастия их в местных сельскохозяйственных выставках и съездах. В дальнейшем Департамент земледелия обязывал Гарбе, чтобы вверенная ему казённая опытная станция систематически участвовала в мероприятиях, имеющих общественное значение для сельского хозяйства и садоводства края (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 53об.–54).

Министр Ермолов положительно характеризовал деятельность Гарбе в должности заведующего опытной станцией, указывая, что Гарбе являлся практиком-садоводом и никакой научной постановки опытной станции придать не мог. В то же время Гарбе и садовник Скруванек хорошо работали над развитием питомников, благодаря чему владельцы участков получали в изобилии сравнительно недорогой и хороший посадочный материал (Ермолов, 1908: 78).

Отмечалось, что при Гарбе и Скруванеке велись усиленные работы по разведению декоративных и плодовых питомников и распространению растений из этих питомников среди населения. В отсутствие научного персонала имущество сельскохозяйственной лаборатории было передано Сухумской опытной станции (Кушныренко-Кушнырев, 1926: 3).

В первой половине 1902 года заведующим Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станцией вместо Гарбе был назначен Василий Васильевич Маркович (Битовт, 1926: 21).

5. Заключение

Таким образом, после утверждения мнения Государственного совета решением императора Александра III в 1894 году была создана Сочинская садовая и сельскохозяйственная опытная станция. Основная деятельность опытной станции в первый год существования была направлена на расчистку территории от зарослей деревьев, кустарников и уборку валежника, прокладку грунтовых дорог и возведение помещений для персонала, хозяйственных построек. Этой деятельностью руководил агент Российского общества пароходства и торговли Р.И. Гарбе, который также принимал грузы с семенами и различными растениями, предназначенными для посадки на территории Сочинской опытной станции. Были высажены обычные огородные овощи: капуста, свекла, морковь, лук, перец и т.д.

Заведующим опытной станцией П.Р. Слёзкиным была заложена научная основа для опытов на станции, основана сельскохозяйственная лаборатория и обустроена метеорологическая станция, где производились наблюдения за погодой. При заведующем опытной станцией Слёзкине были произведены пробные посевы полевых растений, в плодовом саду произведена посадка фруктовых деревьев, а также высажены декоративные и технические древесные породы. Кроме этого, были высажены сорта табака – Самсунский и Гаванский. После завершения Слёзкиным своей деятельности на опытной станции в конце 1896 года научная составляющая была прекращена, а имущество сельскохозяйственной лаборатории передано в ведение Сухумской опытной станции.

Начиная с 1897 года Министерство земледелия и государственных имуществ, в большей степени, акцентировало внимание на организации табачной плантации и разведении табака. Заведующим опытной станцией Р.И. Гарбе были произведены работы по расширению и обустройству сушилок для табака и табачной плантации, которая в составе опытной станции была выделена в отдельную структуру, возглавленную в 1897 году табаководом Е.А Чубковым. Для опытов с табаком не было достаточного оборудования, поэтому решением министра А.С. Ермолова в 1901 году табачная плантация была закрыта.

Заведующий опытной станцией Гарбе активно устраивал питомники опытной станции для разведения фруктовых и декоративных деревьев и по низкой цене реализовывал различные растения населению не только Сочинского округа, но и Черноморской губернии, а также соседних регионов.

Под руководством Гарбе производились работы по осушению болотистой местности, что позитивно отразилось на оздоровлении территории опытной станции и сопряжённых с ней земель.

Благодаря деятельности первых заведующих Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станцией (1894–1902 гг.) была заложена основа для дальнейшего развития опытного сельского хозяйства на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа.

Литература

АГС – Архив города-курорта Сочи.

Айба, 2019 – Айба Л.Я. У истоков субтропического растениеводства в Абхазии // *Субтропическое и декоративное садоводство*. 2019. № 70. С. 9-16.

Битовт, 1926 – Битовт Б.И. Сочинская опытная станция. Справочно-исторический очерк // *Труды Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станции*. Вып. VI. Сочи, 1926. С. 8-40.

Брокгауз, Ефрон, 1900 – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 30. СПб., 1900.

Воейков, 1912 – Воейков А.И. Поездка на Черноморское побережье летом 1911 г. СПб., 1912.

Воронцов, 1971 – Воронцов В.В. 75 лет на службе сельского хозяйства Черноморского побережья // *Доклады Сочинского отдела Географического общества СССР*. Вып. 2. Л., 1971. С. 464-477.

Енько, 1903 – Енько В.А. Сведения о климате Сочи, которые имеют особенное значение для местных сельских хозяев. Сочи, 1903.

Енько, 1904 – Енько В.А. Разбор данных температур воздуха в Сочи (1875-1903). Сочи, 1904.

Ермолов, 1908 – Ермолов А.С. Заметки по поездке на Черноморское побережье Кавказа осенью 1907 года. СПб., 1908.

Казуров, 2004 – Казуров В.В. Медаль и блюдо за чернослив // *Черноморская здравница*. 2004. 24 марта. Сочи.

Казуров, Таран, 2024 – Казуров В.В., Таран К.В. Создание и деятельность Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции в конце XIX – первой половине XX веков // *Платановая аллея*. 2024. № 4 (160). Сочи.

Краевский, 1911 – Краевский М.А. Бюрократизм и революция. Очерки жизни Черноморского побережья Кавказа. Сочи. М., 1911.

Крылова, 2008 – Крылова В.В. Социокультурные характеристики становления и развития культурно-образовательного пространства Сочинского округа (1870–1917 гг.) // *Былые годы*. 2008. № 2 (8). С. 3-15.

Кушныренко-Кушнырев, 1926 – Кушныренко-Кушнырев М.А. 1894–1926: Сочинская опытная станция за 32 года. (Краткая справка-выборка по данным архива станции) // *Труды Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станции*. Вып. VI. Сочи, 1926. С. 3-7.

Маркелова, Черкасов, 2008 – Маркелова Н.Е., Черкасов А.А. Деятельность Сочинской опытной станции: дореволюционный период // *Былые годы*. 2008. № 3 (9). С. 7-13.

Маркович, 1911 – Маркович В.В. Моя поездка в Сочи. Сухум: Ростов н/Д, 1911.

Новиков, 1915 – Новиков М.А. Деятельность Сочинской опытной станции в ее прошлом и настоящем // *Труды Сочинской опытной станции*. Вып. 2. Пг., 1915. С. 1-23.

Очерки истории..., 2006 – Очерки истории Большого Сочи / Под общ. ред. проф. В.Е. Щегнева. Т. 1. Сочи, 2006.

Платонов, 2022 – Платонов А.П. Архивный фонд № 16 МКУ «Архив г. Сочи» как источниковая база исторического исследования становления Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станции // *Субтропическое и декоративное садоводство*. 2022. № 80. С. 19-30.

Розин, 1971 – Розин И.Н. Сельское хозяйство Сочинского округа до Великой Октябрьской социалистической революции // *Доклады Сочинского отдела Географического общества СССР*. Вып. 2. Л., 1971. С. 5-32.

Романова и др., 2023 – Романова Г.М., Романов С.М., Платонов А.П. Роль образования в становлении сочинского курорта: 1894–1914 годы // *Теоретические и прикладные аспекты развития сферы рекреации и туризма*. 2023. № 4 (20). С. 41-49.

Рындин и др., 2009 – Рындин А.В., Кравцов И.А., Евсюкова Т.В. 115 лет в цветоводстве России и концепция его научного обеспечения на 2011-2015 гг. // *Декоративное садоводство России*. 2009. № 42-1. С. 4-15.

Тверитинов, 2000 – Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000.

Хачатурян, 2012 – Хачатурян К.Г. Исследование Черноморского побережья Кавказа в Российской науке // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2012. № 4 (14). С. 57-59.

Шумкин, 2023 – Шумкин Г.Н. Записка министра земледелия и государственных имуществ о поездке на Черноморское побережье Кавказа в 1894 г. // *Историко-географический журнал*. 2023. Т. 2. № 3. С. 110-131.

Taran, 2025 – Taran K.V. To the Issue of the Activities of the Sochi Horticultural and Agricultural Experimental Station in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 837-843.

References

- AGS** – Arkhiv goroda-kurorta Sochi [Archive of the resort city of Sochi].
- Aiba, 2019** – *Aiba, L.Ya.* (2019). U istokov subtropicheskogo rastenievodstva v Abkhazii [At the origins of subtropical plant growing in Abkhazia]. *Subtropicheskoe i dekorativnoe sadovodstvo*. 70: 9-16. [in Russian]
- Bitovt, 1926** – *Bitovt, B.I.* (1926). Sochinskaya opyt'naya stantsiya. Spravochno-istoricheskii ocherk [Sochi experimental station. Reference and historical essay]. *Trudy Sochinskoj sel'skokhozyaistvennoj i sadovoi opyt'noi stantsii*. Vypusk VI. Sochi. Pp. 8-40. [in Russian]
- Brokgauz, Efron, 1900** – *Brokgauz, F.A., Efron, I.A.* (1900). Entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopedic dictionary]. T. 30. SPb. [in Russian]
- En'ko, 1903** – *En'ko, V.A.* (1903). Svedeniya o klimate Sochi, kotorye imeyut osobennoe znachenie dlya mestnykh sel'skikh khozyaev [Information on the climate of Sochi, which is of particular importance for local farmers]. Sochi, 1903. [in Russian]
- En'ko, 1904** – *En'ko, V.A.* (1904). Razbor dannykh temperatur vozdukh v Sochi (1875–1903) [The analysis of Air Temperature Data in Sochi (1875–1903)]. Sochi. [in Russian]
- Ermolov, 1908** – *Ermolov, A.S.* (1908). Zametki po poezdke na Chernomorskoe poberezh'e Kavkaza osen'yu 1907 goda [Notes on a trip to the Black Sea coast of the Caucasus in the autumn of 1907]. SPb. [in Russian]
- Kazurov, 2004** – *Kazurov, V.V.* (2004). Medal' i blyudo za chernosliv [Medal and dish for prunes]. *Chernomorskaya zdavnitsa*. Sochi. 24 marta. [in Russian]
- Kazurov, Taran, 2024** – *Kazurov, V.V., Taran, K.V.* (2024). Sozdanie i deyatel'nost' Sochinskoj sadovoi i sel'skokhozyaistvennoj opyt'noi stantsii v kontse XIX – pervoi polovine KhKh vekov [Creation and activities of the Sochi garden and agricultural experimental station in the late 19th – first half of the 20th centuries]. *Platanovaya allya*. Sochi. 4(160). [in Russian]
- Khachaturyan, 2012** – *Khachaturyan, K.G.* (2012). Issledovanie Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza v Rossijskoj nauke [Research of the Black sea coast of the Caucasus in Russian science]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 4(14): 57-59. [in Russian]
- Kraevskii, 1911** – *Kraevskii, M.A.* (1911). Byurokratizm i revolyutsiya. Ocherki zhizni Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza [Bureaucracy and revolution. Essays on life on the Black Sea coast of the Caucasus]. Sochi. M. [in Russian]
- Krylova, 2008** – *Krylova, V.V.* (2008). Sotsiokul'turnye kharakteristiki stanovleniya i razvitiya kul'turno-obrazovatel'nogo prostranstva Sochinskogo okruga (1870–1917 gg.) [The sociocultural characteristics of the formation and development of the cultural and educational space of the Sochi district (1870–1917)]. *Bylye gody*. 2(8): 3-15. [in Russian]
- Kushnyrenko-Kushnyrev, 1926** – *Kushnyrenko-Kushnyrev, M.A.* (1926). 1894–1926: Sochinskaya opyt'naya stantsiya za 32 goda. (Kratkaya spravka-vyborka po dannym arkhiva stantsii) [1894–1926: Sochi Experimental Station for 32 Years. (Brief reference-selection based on station archive data)]. *Trudy Sochinskoj sel'skokhozyaistvennoj i sadovoi opyt'noi stantsii*. Vyp. VI. Sochi. Pp. 3-7. [in Russian]
- Markelova, Cherkasov, 2008** – *Markelova, N.E., Cherkasov, A.A.* (2008). Deyatel'nost' Sochinskoj opyt'noi stantsii: dorevoljucionnyi period [The activities of the Sochi Experimental Station: pre-revolutionary period]. *Bylye Gody*. 3(9): 7-13. [in Russian]
- Markovich, 1911** – *Markovich, V.V.* (1911). Moya poezdka v Sochi [My trip to Sochi]. Sukhum: Rostov n/D. [in Russian]
- Novikov, 1915** – *Novikov, M.A.* (1915). Deyatel'nost' Sochinskoj opyt'noi stantsii v ee proshlom i nastoyashchem [The activities of the Sochi experimental station: past and present]. *Trudy Sochinskoj opyt'noi stantsii*. Vyp. 2. Pg. Pp. 1-23. [in Russian]
- Ocherki istorii..., 2006** – *Ocherki istorii Bol'shogo Sochi* [Essays on the history of Greater Sochi]. Pod obshch. red. prof. V.E. Shchetneva. T. 1. Sochi, 2006. [in Russian]
- Platonov, 2022** – *Platonov, A.P.* (2022). Arkhivnyi fond № 16 MKU «Arkhiv g. Sochi» kak istochnikovaya baza istoricheskogo issledovaniya stanovleniya Sochinskoj sel'skokhozyaistvennoj i sadovoi opyt'noi stantsii [Archival collection No. 16 of the MBU “Sochi City Archive” as a source base for historical research into the formation of the Sochi agricultural and horticultural experimental station]. *Subtropicheskoe i dekorativnoe sadovodstvo*. 80: 19-30. [in Russian]
- Romanova i dr., 2023** – *Romanova, G.M., Romanov, S.M., Platonov, A.P.* (2023). Rol' obrazovaniya v stanovlenii sochinskogo kurorta: 1894–1914 gody [The role of education in the development of the Sochi resort: 1894–1914]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty razvitiya sfery rekreacii i turizma*. 4(20): 41-49. [in Russian]
- Rozin, 1971** – *Rozin, I.N.* (1971). Sel'skoe khozyaistvo Sochinskogo okruga do Velikoi Oktyabr'skoj sotsialisticheskoi revolyutsii [Agriculture of the Sochi district before the Great October socialist revolution]. *Doklady Sochinskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR*. Vyp. 2. L. Pp. 5-32. [in Russian]
- Ryndin i dr., 2009** – *Ryndin, A.V., Kravtsov, I.A., Evsyukova, T.V.* (2009). 115 let v tsvetovodstve Rossii i kontseptsiya ego nauchnogo obespecheniya na 2011-2015 gg. [115 years in floriculture in Russia and the concept of its scientific support for 2011-2015]. *Dekorativnoe sadovodstvo Rossii*. 42-1: 4-15. [in Russian]

Shumkin, 2023 – Shumkin, G.N. (2023). Zapiska ministra zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv o poezdke na Chernomorskoe poberezh'e Kavkaza v 1894 g. [Note by the Minister of Agriculture and State Property on his trip to the Black Sea Coast of the Caucasus in 1894]. *Istoriko-geograficheskii zhurnal*. 2(3): 110-131. [in Russian]

Taran, 2025 – Taran, K.V. (2025). To the Issue of the Activities of the Sochi Horticultural and Agricultural Experimental Station in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 20(2): 837-843.

Tveritinov, 2000 – Tveritinov, I.A. (2000). Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sochinskogo okruga vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Socio-economic development of the Sochi district in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Sochi. [in Russian]

Voeikov, 1912 – Voeikov, A.I. (1912). Pоеzdka na Chernomorskoe poberezh'e letom 1911 g. [Trip to the Black Sea Coast in the Summer of 1911]. SPb. [in Russian]

Vorontsov, 1971 – Vorontsov, V.V. (1971). 75 let na sluzhbe sel'skogo khozyaistva Chernomorskogo poberezh'ya [75 years on service of agriculture on the Black sea coast]. *Doklady Sochinskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR*. Vyp. 2. L. Pp. 464-477. [in Russian]

К вопросу о деятельности Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции в 1894–1902 гг.

Константин Викторович Таран ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Восточно-европейское историческое общество, Хьюстон, США

^c Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье автором рассматривается деятельность Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции в 1894–1902 гг., созданной решением императора Александра III 12 апреля 1894 года на основании мнения Государственного совета от 17 февраля 1894 года. Этот период связан с именами первых заведующих этой станцией: учёного агронома Петра Родионовича Слёзкина и Рейнгольда Иоганновича (Романа Ивановича) Гарбе.

В качестве основных материалов автор использовал особо ценные единицы хранения фонда № 16 – Сочинская садовая и сельскохозяйственная опытная станция Министерства земледелия и государственных имуществ за 1894–1919 гг., хранящиеся в Сочинском городском архиве (Сочи, Российская Федерация).

Кроме этого, материалами исследования послужили источники личного происхождения, а именно воспоминания министра царского правительства А.С. Ермолова, климатолога, географа, создателя сельскохозяйственной метеорологии А.П. Воейкова и заведующего с 1902 года Сочинской опытной станцией В.В. Марковича. Также были использованы справочные издания – энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, исследования дореволюционных, советских и российских историков.

Данная работа построена с учётом таких принципов исторического исследования, как принципы историзма, конкретности, объективности и всесторонности, опоры на источники, историографической традиции и др.

В заключении автором были сделаны выводы, что первые годы деятельности Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции были связаны с организационными вопросами, такими как расчистка территории от деревьев, кустарников и валежника, а также приобретением и посадкой семян и саженцев различных растений.

Благодаря деятельности первых заведующих Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станцией Слёзкина и Гарбе (1894–1902 гг.) была заложена основа для дальнейшего развития опытного сельского хозяйства на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: Сочинская садовая и сельскохозяйственная опытная станция, П.Р. Слёзкин, Р.И. Гарбе, гофмейстер Н.С. Абаза, министр А.С. Ермолов, табачная плантация, питомники.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2025-2034
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2025

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Architectural Monuments of the City of Pavlodar: A Historical and Cultural Study (late 19th – early 20th centuries)

Madi I. Rakhimov ^{a, *}, Nurbek U. Shayakhmet ^b, Kairat K. Battalov ^b, Botagoz Zh. Elmuratova ^a

^aToraighyrov University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

^bAstana IT University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the study of architectural monuments of the city of Pavlodar dating from the late 19th to the early 20th centuries in the context of historical and cultural analysis, which makes it possible to consider these objects as important evidence of the social, economic, and spiritual life of the city during this period. Particular attention is paid to merchants' houses, religious buildings, and public structures that shaped the architectural appearance of the district center and reflected the processes of urban development. These monuments demonstrate not only the architectural features of the era but also the cultural transformations of society at the turn of the century.

The purpose of the study is to identify the specific features of the architectural heritage of the given period and to determine its role in the development of the urban environment. During this time, the architectural image of Pavlodar underwent significant changes caused by the growth of the merchant class, the expansion of trade, and the formation of new administrative institutions. The construction of residential buildings with richly decorated façades, as well as the appearance of religious buildings, schools, and other public facilities, attested to the processes of modernization that affected the territories of Western Siberia and the Irtysh region. At the same time, the city preserved elements of traditional culture, which resulted in a distinctive synthesis of architectural forms.

Thus, the architectural monuments of Pavlodar from the late 19th to the early 20th centuries represent an important layer of historical and cultural heritage and can be regarded as unique “places of memory” that reflect the key ideas and values of the era, contributing to the preservation of cultural continuity and the formation of historical memory.

Keywords: Pavlodar, architectural monuments, historical and cultural heritage, public buildings, commemoration, historical memory, eclecticism, cultural continuity, places of memory, Kazakhstan.

1. Введение

Архитектурные памятники города Павлодара конца XIX – начала XX века представляют собой важные источники для изучения историко-культурного развития региона. Этот период характеризовался активным градостроительством, расширением торговых связей и формированием новой городской среды, что привело к появлению зданий, сочетающих функциональность, художественную выразительность и элементы местного зодчества. В архитектурном облике города отразились процессы модернизации, а также культурное взаимодействие различных этнических и конфессиональных групп, проживавших на территории Прииртышья.

Особый интерес представляют памятные объекты, связанные с деятельностью местных купцов и меценатов. Среди них – первая белая мечеть, возведённая татарским купцом Абдулфатахом Рамазановым, здание «Торгового дома Дерова», построенное в 1899 году архитектором П. Батовым в

* Corresponding author

E-mail addresses: madi123795@gmail.com (M.I. Rakhimov)

стиле «сибирского модерна», а также дома купцов Зайцева и Айтыкина. Эти сооружения не только определяли архитектурный облик Павлодара конца XIX века, но и отражали социальную динамику, эстетические представления и духовные ориентиры местного общества.

2. Материалы и методы

В рамках исследования были использованы труды российских исследователей дореволюционного периода, посетивших Павлодарское Прииртышье в XIX – начале XX века. Среди них особое значение имеют работы П.П. Семёнова-Тянь-Шанского (Семёнов-Тянь-Шанский, 1903), Г.Н. Потанина (Потанин, 1972) и Н. Коншина (Коншин, 1901), в которых содержатся ценные сведения об экономическом, этнографическом и культурном облике города. Помимо них, интерес представляют труды Н.Г. Путинцева (Путинцев, 1891), Г. Катанаева (Катанаев, 1893) и В. Никитина (Никитин, 1897), чьи исследования способствовали более глубокому пониманию историко-географического контекста формирования городской среды.

Помимо опубликованных трудов, в исследовании использованы архивные материалы Государственного архива Павлодарской области (ГАПО) (Павлодар, Республика Казахстан) и документы из фондов Павлодарского областного историко-краеведческого музея имени Г.Н. Потанина (ПОИКМ) (Павлодар, Республика Казахстан), где сохранились документы о (строительных инициативах, купеческом благотворительстве, планировке городской застройки и реставрации памятников. Также проанализированы исследования и публикации современных краеведов – Э.Д. Соколкина (Соколкин, 2014), Т.А. Инсебаева (Инсебаев, 2017), а также сборники архивных материалов, подготовленные В.Д. Болтиной (Болтина и др., 2017).

Методологическую основу работы составили историко-культурный и сравнительно-исторический методы, позволившие рассмотреть архитектурные памятники в контексте общественных и культурных процессов рассматриваемого периода. Использовался принцип междисциплинарного подхода, сочетающего элементы исторического, искусствоведческого и культурологического анализа. При изучении архитектурных объектов применялись методы описательного и типологического анализов, что позволило выявить стилевые особенности построек и их функциональное значение. Особое внимание уделено принципам историзма, контекстуальному сопоставлению источников, а также использованию визуальных материалов для реконструкции облика города конца XIX – начала XX века.

3. Обсуждение

Историко-географические сведения о расположении города Павлодара встречаются уже в трудах академика П.С. Палласа, который во время своих экспедиций в 1770–х годах посетил Коряковскую станицу и оставил краткие описания природных условий и первых поселений вдоль Иртыша. Помимо него, сведения о расположении форпоста, а также о границах и системе управления Западной Сибири, в состав которой входил Коряковский форпост, встречаются в работах Н. Путинцева (Путинцев, 1891) и Г. Катанаева (Катанаев, 1893). В этих трудах отражены представления о стратегическом и торговом значении нынешнего города, расположенного на берегу Иртыша, в XIX веке.

Научно-исследовательская активность в изучении края значительно возросла со второй половины XIX века, когда начались масштабные экспедиции, организованные Императорским Русским географическим обществом. В числе первых, кто оставил сведения о Павлодарском крае, был П.П. Семёнов-Тянь-Шанский (Семёнов-Тянь-Шанский, 1903), посетивший станицу по пути к Тянь-Шанским горам и отметивший особенности природного ландшафта и системы заселения. Существенный вклад внёс уроженец Павлодарского Прииртышья Г.Н. Потанин (Потанин, 1983), подробно описавший ярмарочную жизнь и торговые связи, развивавшиеся вдоль Иртыша. Его наблюдения позволили представить Павлодар конца XIX века как динамичный торгово-ремесленный центр, игравший важную роль в экономике региона.

Не менее интересные сведения о городе содержатся в трудах Н.Я. Коншина. Во время поездки от Каркаралинска до Павлодара он посетил дом купца А. Дерова, подробно описал архитектурно-строительный облик города и отметил значение соляной промышленности, обеспечивавшей поставки соли во многие уезды Западной Сибири. Важные данные о формировании городской застройки и истории землепользования приводит и обширный труд «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей» под редакцией А. Щербины (Материалы по киргизскому..., 1908). В нём отражена эволюция Коряковской станицы и постепенное превращение её в уездный центр.

Важным визуальным источником стали фотоматериалы одного из первых профессиональных фотографов Павлодара – Д. Багаева (Болтина и др., 2017). Его снимки начала XX века запечатлели старинные улицы, здания и городские типы, позволяя реконструировать исторический облик Павлодара того времени.

Существенный вклад в изучение архитектурного и градостроительного наследия внесли современные краеведы – Т.А. Инсебаев (Инсебаев, 2017) и Э.Д. Соколкин (Соколкин, 2014). В их

трудах подробно описана история основания крепости, процесс преобразования её в уездный город, а также развитие старинных улиц и купеческих домов, формировавших уникальный историко-культурный ландшафт Павлодара.

4. Результаты

Город Павлодар расположен на правом берегу реки Иртыш и является административным центром Павлодарской области. До 1938 года он входил в состав Семипалатинской области. По сведениям экспедиции А. Щербины, в 1897 году Павлодарский уезд занимал 103 788,2 квадратные версты и являлся одним из крупнейших в Семипалатинской области, занимая второе место по площади (после Каркаралинского уезда – авт.) ([Материалы по киргизскому..., 1908: 2](#)). Основание города ведёт своё начало с начала XVIII века, когда по инициативе императора Петра I, считавшего Азию «ключом к Индии», и по предложению Сибирского генерал-губернатора М. Гагарина была предпринята первая военная экспедиция во главе с И. Бухгольцом ([Инсебаев, 2017: 141](#)).

В 1720 году, во время экспедиции майора Лихарева, неподалёку от Ямышевской крепости, в двадцати верстах от неё, был основан Коряковский форпост, который со временем стал ядром будущего города ([Никитин, 1897: 151](#)).

П. С. Паллас, посетивший регион в 1770 году, оставил такое описание укрепления: «Укрепления здесь ещё никакого не видать. Управляющий подполковник выстроил прекрасный дом; также и комиссар соляного ведомства, и подрядчик по поставке соли живут здесь в изрядных домах. Живёт здесь и много соляных поставщиков, отчего выстроены две обширные слободы, разделённые на разные улицы» ([Паллас, 1786: 154](#)).

В трудах Н. Путинцева содержатся сведения о населённых пунктах Прииртышья, путях сообщения и торговле кочевых жителей ([Путинцев, 1891: 14](#)). С. Броневский подчёркивает, что на территории Прииртышья существовала меновая торговля: «Купечество заводило знакомства в волостях, а казаки без боязни начали ездить в Орду для мены. Они с радостью принимают у себя торговцев, дают им верблюдов и лошадей. Из России получают выделанную кожу, чугунную посуду, олово, мёд и разные мелочи» ([Броневский, 1830: 235](#)).

Эти сведения подтверждает и Г. Катанаев, который пишет, что меновая торговля существовала здесь ещё до прихода русской экспедиции и издавна уже имелась форма ярмарочного обмена товарами между севером и югом ([Катанаев, 1893: 26](#)).

Развитие торговли и укрепление населённой сети Прииртышья привели к административным преобразованиям. В 1861 году заштатный город Павлодар впоследствии был обращён в уездный город Семипалатинской области. Это позволяет проследить процесс административного становления города и его пространственного развития ([ПСЗРИ, 1863: 557](#)).

Дальнейшую историю преобразования города более подробно описывает П.П. Семёнов-Тянь-Шанский. В своём труде он отмечал: «Город Павлодар лежит в однообразной, лишённой почти всякой растительности равнине на правом, высоком берегу р. Иртыша. В настоящее время Павлодар представляет собою одну из самых важных пароходных пристаней на р. Иртыш. Во-вторых, является весьма важным пунктом в торговом отношении. Павлодарские купцы ведут довольно большую торговлю со степью, и поэтому в город стекается масса сырья, которое отправляется водным путём вниз по Иртышу, а с другой – мануфактурных и бакалейных товаров, привозимых из Европейской России» ([Семёнов-Тянь-Шанский, 1903: 384](#)). Эти сведения отражают процесс перехода Павлодара от форпоста и заштатного поселения к важному торгово-транспортному центру, активно участвовавшему в экономических связях с Европейской частью России и населёнными районами степного края.

Торговая жизнь города подробно освещена в трудах Г.Н. Потанина, уроженца Павлодарского Прииртышья, который оставил ценные наблюдения о ярмарках, проводимых вдоль Иртыша, и о роли павлодарских купцов в развитии обмена товарами между русским и казахским населением. Потанин отмечал, что город был не только перевалочным пунктом, но и местом активного взаимодействия культур и традиций, где складывались особенности локального быта и городского уклада ([Потанин, 1983: 21](#)).

Значительное внимание торгово-промышленной характеристике и населению Павлодара уделял также Н.Я. Коншин, который писал: «По данным официальной статистики, число населения в 1899 году равнялось 7 623 человек, то есть за десять лет увеличилось в два раза. Город является действительно промышленным центром: соляные озёра и каменноугольная промышленность сосредоточились в руках А. Дерова, а затем – Воскресенского горнопромышленного общества» ([Коншин, 1901: 2](#)). Одним из старинных зданий города является дом А.И. Дерова, ныне Историко-краеведческий музей имени Г.Н. Потанина.

Торговый дом А. Дерова располагался на Телеграфной улице, где находились дома, лавки и товарные склады богатых купцов города. В 1872 году из Омска в Семипалатинск через Павлодар была проложена телеграфная линия. Столбы линии проходили вдоль Телеграфной улицы и вели к почтово-телеграфной конторе, располагавшейся в здании, где ранее находились почта и сберегательная касса. Эта улица считалась одной из главных в городе. К северному, то есть главному

фасаду здания, примыкал дом Филатова, где размещалась почтово-телеграфная контора, а напротив находились бывшие Торговые ряды. Эти места были запечатлены фотографом Д.П. Багаевым (Рисунок 1).

Рис. 1. Торговый дом А. Дерова. Ул. Телеграфная. Фотография Д. Багаева, 1912 год
Источник: [ПОИКМ. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.](#)

Здание торгового дома было построено в 1896 году (по другим данным – в 1899 году) по проекту уральского архитектора–строителя П. П. Батова. В помещениях этого дома располагались торговые лавки Дерова, где продавались галантерея, ткани, обувь, ювелирные изделия, одежда и различные предметы домашнего обихода.

После Октябрьской революции 1917 года в здании размещались государственные торговые организации – магазины «Торгсин», «Казторг», «Сибторг», а в послевоенные годы – отделения «Горпищеторга», «Культторга» и «Облкниготорга».

Артемий Иванович Деров родился в 1856 году во Владимирской губернии России, умер в 1921 году в Москве. В Павлодар он прибыл в 1870-е годы, когда на казахские земли начали переселяться выходцы из Центральной России. Вначале он занимался различными работами, затем поступил приказчиком к богатому купцу С. Козьмину. Благодаря трудолюбию, предприимчивости и деловой хватке вскоре стал управлять всей торговлей Козьмина и женился на его дочери.

В 1876 году Деров получил звание купца 2-й гильдии, а в 1886 году – купца 1-й гильдии. С 1886 по 1896 год он избирался городским головой Павлодара. Деров изучал месторождения угля в Экибастузе и впоследствии организовал их промышленную разработку. Для вывоза угля он организовал строительство первой железной дороги от Экибастузских каменноугольных копей (принадлежавших Воскресенскому акционерному горнопромышленному обществу) до Воскресенской пристани на Иртыше (ныне г. Аксу), которая также была телефонизирована. Кроме того, он был владельцем нескольких кирпичных заводов и считался одним из самых состоятельных жителей города – его капитал достигал 1 миллиона 700 тысяч рублей, что по тем временам являлось огромной суммой ([Соколкин, 2007: 259](#)).

По данным Н.Я. Коншина, А. Деров активно занимался меценатством: «Благодаря постоянным пожертвованиям А. Дерова пять училищ Павлодара были приведены в прекрасное состояние. Так, строительство здания городского училища обошлось ему более чем в 30 тысяч рублей. В целом большинство павлодарских общественных учреждений – клуб, библиотека – возникли на средства и при значительной поддержке того же А. Дерова» ([Коншин, 1901: 3](#)).

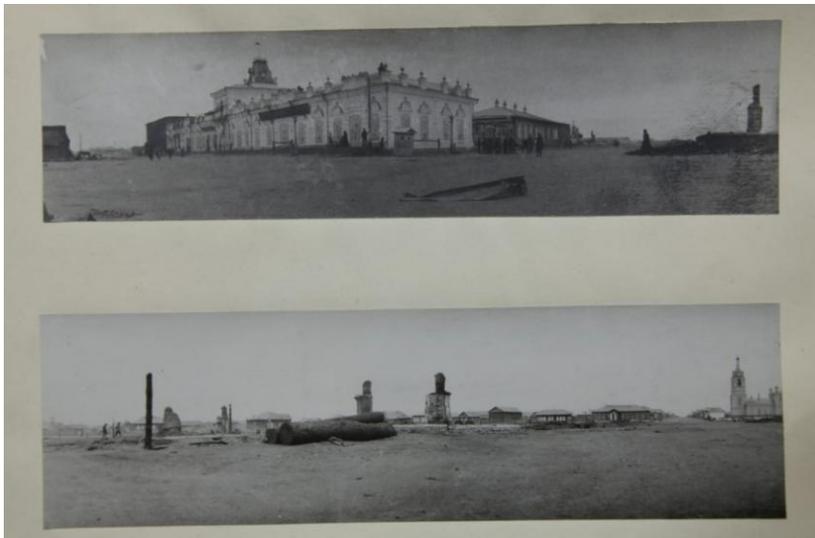
У Дерова также служил фотограф Д.П. Багаев, который в своих воспоминаниях писал: «У Дерова я прослужил четыре года. Здесь, с первых же лет своего пребывания, мне удалось познакомиться с фотографией. Некоторые, уже взрослые, сослуживцы занимались фотолюбительством. Познакомившись с любителями того времени, я быстро освоил технику процессов и вскоре втерся к ним в качестве помощника» ([ГАПО. Ф. 3-п. Оп. 5. Д. 701. Л. 10](#)).

В 1896 году Артемию Ивановичу Дерову было присвоено звание Почётного гражданина города Павлодара. Он также был награждён несколькими орденами Российской империи за вклад в развитие города и благотворительную деятельность ([Соколкин, 2014: 15](#)).

Следующим из старинных зданий города является Ак-мечеть (Белая мечеть), построенная татарским купцом Фаттахом Рамазановым. В 1901 году в Павлодаре произошёл крупный пожар, в результате которого сгорело более половины городской застройки, включая прежнюю деревянную мечеть.

По свидетельству П.П. Семёнова-Тянь-Шанского:

«До конца мая 1901 года в Павлодаре насчитывалось более тысячи домов (почти все – деревянные), в том числе мечеть, несколько крупных магазинов (Дерова и др.), два склада сельскохозяйственных орудий и машин, почто-телеграфная контора, казначейство и шесть учебных заведений, расположенных по нескольким широким и правильным улицам. Однако уже в конце мая того же года две трети из них были уничтожены пожаром, и с тех пор большая часть города представляла собой огромную площадь, заваленную обгоревшими остатками домов и других строений» (Семенов-Тянь-Шанский, 1903: 386).

Рис. 2. Павлодар после пожара 24 мая 1901 года. Фотография Д. П. Багаева
Источник: Болтина и др., 2018: 144.

После этого разрушительного пожара Абдулфаттах Рамазанов на собственные средства возвёл новое каменное здание мечети, получившее название Ак-мечеть (Белая мечеть) (Рисунок 3).

Сооружение отличалось монументальностью и лаконизмом архитектурных форм и стало одним из значимых религиозных и культурных центров Павлодара начала XX века.

Рис. 3. Белая мечеть (Ак мешит). Фотография Д. Багаева, 1912 год
Источник: ПОИКМ. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

Абдулфаттах Рамазанов был одним из наиболее состоятельных жителей Павлодара. Купец 2-й гильдии, он вёл активную торговлю с Китаем и городами Средней Азии. После установления советской власти его имущество и капиталы были конфискованы, и последние годы жизни он провёл в бедности. Он умер в Павлодаре и был похоронен на мусульманском кладбище в районе Лесозавода.

Следующим архитектурным памятником, привлекающим внимание, является дом Зайцева – одно из самых красивых зданий Павлодара конца XIX века. Здание было построено в 1887 году владельцем Павлодарского пивоваренного завода, купцом Н.М. Пятковым. Впоследствии он продал его состоятельному купцу Сорокину, который, в свою очередь, в 1910 году перепродал дом известному предпринимателю, владельцу соляных промыслов М.П. Зайцеву.

Проект здания и руководство строительными работами осуществлял архитектор П. П. Батов. Дом выполнен в характерных для конца XIX века архитектурных формах с элементами «сибирского модерна» и кирпичной эклектики.

Одним из известных памятных мест Павлодарского региона является Дом-музей песенного искусства Майры Шамсутдиновой. Здание было построено в 1900 году татарским купцом Абдулфаттахом Рамазановым. Данный объект представляет собой значимый историко-культурный памятник, имеющий большое значение для сохранения памяти о личностях прошлого столетия.

Творчество Майры Уалиевны Шамсутдиновой занимает заметное место в музыкальной культуре Казахстана. С ранних лет она прославилась своим чистым, звонким голосом и уже при жизни стала легендой народного искусства. В начале XX века Майра входила в число самых известных народных певиц Павлодарского и Семипалатинского регионов. Тринадцать её песен были записаны музыкантом–этнографом Александром Затаевичем и включены в сборник «500 казахских песен и кюев» (Затаевич, 1931). В её репертуаре звучали такие произведения, как «Ах-ау, Семей», «Гаухартас», «Иртыш», «Саулем-ай», «Макпал» и другие. Её коронным сочинением, ярко проявившим композиторский талант, стала песня «Майра».

Творческое наследие Майры Шамсутдиновой получило признание и за пределами Казахстана. Её песня «Майра» стала подлинным эталоном казахского вокального искусства. Дом–музей является особо дорогим местом для жителей Павлодарского Прииртышья, символизируя уважение и память о жизни и культурном вкладе выдающейся певицы и композитора.

Одним из следующих исторических зданий является дом А.М. Айтыкина. Это последний из каменных домов, построенных на этой улице в начале XX века.

Дом был возведён Айтыкиным в 1909 году. Просторное здание купца представляет собой яркий образец архитектуры периода эклектики. Дом имеет прямоугольную форму, построен из кирпича, одноэтажный, с подвалом и расположен на высоком цоколе. Перекрытие над подвалом установлено на металлических балках и укреплено арочными кирпичными сводами. Фасады здания богато украшены декоративной кирпичной кладкой. Центральная часть главного фасада выделена пилястрами и завершается аттиком, возвышающимся над крышей. Высокие окна обрамлены арочными проёмами, соединёнными массивными обводами, охватывающими их верхнюю часть. Нижняя часть окон опирается на выступающий карниз, под которым расположены ниши, соответствующие ширине оконных проёмов. Завершающий карниз многопрофильный, украшен зубчатыми орнаментами. По периметру фасада, над крышей, поднимаются выразительные кирпичные столбики с коваными железными колпачками и декоративными накладками между ними. Внутреннее убранство не сохранилось, однако потолки были украшены лепными декоративными элементами.

Хозяин дома, Абдулмалик Мухамедуллаулы Айтыкин, происходил из известной династии Айтыкиных. Их семья прибыла из Тарского уезда Омской области. Братья Абдулмалик и Ахматолла были татарскими купцами. По воспоминаниям их отца Нияза, род их происходил из Средней Азии, из города Бухары. Братья Айтыкины входили в число самых состоятельных людей Павлодара. Они занимались торговлей шерстью, маслом и мануфактурой, владели галантерейными, мануфактурными и гастрономическими магазинами в городах Павлодар, Семипалатинск и Верный.

По Иртышу ходили принадлежащие им пароходы «Работник» и «Тара», которые курсировали по маршруту от Тюмени через Тобольск, Тару, Павлодар до Семипалатинска, перевоза различные грузы. Современники вспоминали, что от дома Айтыкиных «веяло богатством».

В годы революции имущество Айтыкиных – дом, магазины, склады и пароходы – было конфисковано, а сами они и члены их семей подверглись высылке. Следы их дальнейшей судьбы затерялись в бурных событиях годов репрессий и голода.

После революции дом Айтыкиных был национализирован, и до 1935 года в нём размещался детский дом. Позже здесь находились областное управление внутренних дел, затем городское, а впоследствии районное отделение внутренних дел. В настоящее время здание находится в частной собственности.

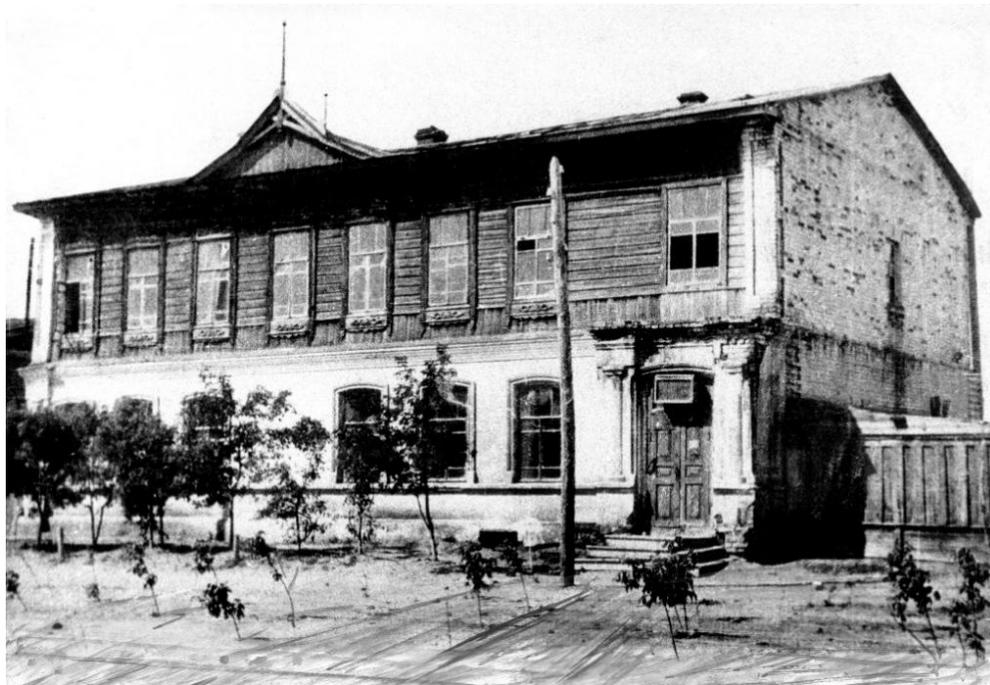
Одним из значимых объектов исторической части Павлодара является гостиница «Ливадия» (Рисунок 4).

Здание было построено в 1906 году и стало одной из первых гостиниц города. Владелец её являлся состоятельным купец И. Шмидт. В 1909 году в этой гостинице останавливался известный писатель Михаил Пришвин (Пришвин, 2007). В 1918 году здесь размещался уездный Совет депутатов (Совдеп).

Здание представляет собой образец каменно-деревянного зодчества, решённого в сочетании элементов модерна конца XIX – начала XX века и традиционной деревянной архитектуры. Нижний

этаж выполнен из кирпича, верхний – из дерева, наружные стены обшиты досками. Фундамент кирпичный, ленточного типа. Постройка двухэтажная, первоначально имела прямоугольную форму. Планировка выполнена по коридорному типу, с размещением комнат по обе стороны коридора ([Свод памятников..., 2010: 97](#)).

Главный фасад выделяется входом, расположенным сбоку, оформленным ризалитом, обрамлённым пилястрами и полуколоннами. Центральная часть кровли акцентирована высоким и узким шпилем с треугольным фронтоном. Первый кирпичный этаж был оштукатурен и окрашен. Высокие окна украшены арочными наличниками и профилированными обрамлениями. Фасад второго этажа облицован горизонтальной деревянной доской. Прямоугольные окна верхнего яруса декорированы геометрическим орнаментом и резными наличниками.

Рис. 4. Гостиница «Ливадия». Начало XX века
Источник: [АПОИКМ. Оп. 1. Д. 2. Л. 14](#)

В настоящее время здание является объектом культурно-исторического значения и находится под охраной управления культуры города Павлодара.

Таким образом, представленные архитектурные объекты являются памятными местами города Павлодара, в которых воплощены историческая память, духовная жизнь и культурное развитие региона. Эти здания не только сохранили облик эпохи конца XIX – начала XX века, но и стали символами преемственности городской истории, отражающими эстетические и социальные особенности своего времени.

5. Заключение

Проведённое исследование позволило выявить архитектурные памятники города Павлодара конца XIX – начала XX века как важнейший элемент его историко-культурного наследия. Эти объекты не только отражают особенности градостроительного развития и социально-экономических преобразований эпохи, но и представляют собой символы культурной преемственности, в которых зафиксированы память, эстетические идеалы и духовные ориентиры местного общества.

Анализ архивных документов, трудов дореволюционных исследователей и современных краеведческих материалов показал, что архитектурная среда Павлодара формировалась под воздействием процессов модернизации, усилившихся с развитием купеческого сословия и торгово-промышленных связей. Возведение купеческих домов, мечетей, общественных зданий и гостиниц способствовало превращению города из пограничного форпоста в значимый культурный и экономический центр региона.

Таким образом, архитектурные памятники Павлодара конца XIX – начала XX века следует рассматривать как целостный историко-культурный комплекс, сохраняющий облик ушедшей эпохи и свидетельствующий о многообразии культурных влияний, формировавших уникальное лицо города на Иртыше.

6. Благодарности

Работа подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (проект № AP19176474).

Литература

- Болтина и др., 2017** – Болтина В.Д., Покидаева Т.Е., Шевелёва Л.В. Дмитрий Багаев: летописец Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2017. 739 с.
- Болтина и др., 2018** – Болтина В.Д., Покидаева Т.Е., Шевелёва Л.В. Запечатленное время. Книга-альбом. Павлодар, 2018. 504 с.
- Бронеvский, 1830** – Бронеvский С.Б. Записки генерал-майора Бронеvского о киргиз-кайсаках средней орды // *Отечественные записки*. 1830. Ч. 43. №123. С. 70-247.
- ГАПО** – Государственный архив Павлодарской области.
- Затаевич, 1931** – Затаевич А. 500 казахских песен и кюйев Адаевских, Букеевских, Семипалатинских и Уральских. Алма-Ата, 1931. 301 с.
- Инсебаев, 2017** – Инсебаев Т.А. Очерки истории Павлодарского Прииртышья: том 2 / гл. ред. А. Нухулы. Павлодар, 2017. 228 с.
- Катанаев, 1893** – Катанаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVI и XVII столетиях по показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиям западносибирских казаков-землепроходцев // *Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества*. Кн. 14. Вып. 1. Омск, 1893. 72 с.
- Коншин, 1901** – Коншин Н.Я. От Павлодара до Каркаралинска. Путевые наброски / *Памятная книжка Семипалатинской области*. Семипалатинск, 1901. С. 1-55.
- Материалы по киргизскому..., 1908** – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по использованию степных областей. Павлодарский уезд. СПб., 1908. 505 с.
- Никитин, 1897** – Никитин В.П. Исторический очерк Семипалатинской области / *Памятная книжка Семипалатинской области*. 1897. С. 131-171
- Паллас, 1786** – Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. Ч. 2. Кн. 2. СПб.: При Императорской академии наук, 1786. 575 с.
- ПОИKM** – Фонд Павлодарского областного историко-краеведческого музея. Документальный фонд. Личный фонд Д. П. Багаева.
- Потанин, 1983** – Потанин Г.Н. Воспоминания. Серия: Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск, 1983. 327 с.
- Пришвин, 2007** – Пришвин М.М. Ранний дневник 1905–1913 гг. СПб., 2007. Ч. 1. 800 с.
- ПСЗРИ, 1863** – Полное собрание законов Российской империи. Т. 36. Отделение 1-е: 1861. СПб., 1863. 1059 с.
- Путинцев, 1891** – Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска: со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск, 1891. 256 с.
- Свод памятников..., 2010** – Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область / под ред. Г.М. Камалова. Алматы, 2010. 597 с.
- Семенов-Тянь-Шанский, 1903** – Семенов-Тянь-Шанский П.П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга. Т. XVIII. Киргизский край / Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., 1903. 479 с.
- Соколкин, 2007** – Соколкин Э.Д. Улицы нашего города. Павлодар, 2007. 416 с.
- Соколкин, 2014** – Соколкин Э.Д. В памяти поколений. Павлодар, 2014. 234 с.

References

- Boltina i dr., 2017** – Boltina, V.D., Pokidaeva, T.E., Sheveleva, L.V. (2017). Dmitrii Bagaev: letopisets Pavlodarskogo Priirtysh'ya [Dmitry Bagaev: chronicler of Pavlodar Irtysh region]. Pavlodar. 739 p. [in Russian]
- Boltina i dr., 2018** – Boltina, V.D., Pokidaeva, T.E., Sheveleva, L.V. (2018). Zapechatlennoe vremya. Kniga-al'bom [Captured time. Photo album]. Pavlodar. 504 p. [in Russian]
- Bronevskii, 1830** – Bronevskii, S.B. (1830). Zapiski general-maiora Bronevskogo o kirgiz-kaisakakh srednei ordy [Notes of Major-General Bronevsky about the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. *Otechestvennye zapiski*. Ch. 43. №123. Pp. 70-247. [in Russian]
- GAPO** – Gosudarstvennyi arkhiv Pavlodarskoi oblasti [State Archive of the Pavlodar Region].
- Insebaev, 2017** – Insebaev, T.A. (2017). Ocherki istorii Pavlodarskogo Priirtysh'ya: tom 2 [Essays on the history of Pavlodar Irtysh region: vol. 2]. Gl. red. A. Nukhuly. Pavlodar. 228 p. [in Russian]
- Katanaev, 1893** – Katanaev, G.E. (1893). Kirgizskie stepi, Srednyaya Aziya i Severnyi Kitai v XVI i XVII stoletiyakh po pokazaniyam, razvedkam, doezhim zapisyam, otchetam i issledovaniyam zapadnosibirskikh kazakakh-zemleprokhodtsakh [The Kirghiz steppes, Central Asia and Northern China in

the 16th–17th centuries according to the reports and explorations of Western Siberian Cossacks]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Kn. 14. Vyp. 1. Omsk. 72 p. [in Russian]

Konshin, 1901 – *Konshin, N.Ya.* (1901). Ot Pavlodara do Karkaralinska. Putevye nabroski [From Pavlodar to Karkaralinsk. Travel sketches]. *Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti*. Semipalatinsk. Pp. 1-55. [in Russian]

Materialy po kirgizskomu..., 1908 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po ispol'zovaniyu stepnykh oblastei [Materials on Kirghiz land use, collected and processed by the Steppe Utilization Expedition. Pavlodar Uezd]. Pavlodarskii uezd. SPb., 1908. 505 p. [in Russian]

Nikitin, 1897 – *Nikitin, V.P.* (1897). Istoricheskii ocherk Semipalatinskoi oblasti [Historical essay on the Semipalatinsk Region]. *Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti*. Pp. 131-171. [in Russian]

Pallas, 1786 – *Pallas, P.S.* (1786). Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva po poveleniyu Sankt-Peterburgskoi imperatorskoi akademii nauk [Journey through various parts of the Russian Empire by order of the Imperial Academy of Sciences]. Ch. 2. Kn. 2. SPb.: Pri Imperatorskoi akademii nauk. 575 p. [in Russian]

POIKM – Fond Pavlodarskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. Dokumental'nyi fond. Lichnyi fond D. P. Bagaeva [Fund of the Pavlodar Regional Museum of History and Local Lore. Documentary Fund. Personal Fund of D.P. Bagaev].

Potantin, 1983 – *Potantin, G.N.* (1983). Vospominaniya [Memoirs]. *Vospominaniya*. Seriya: Literaturnoe nasledstvo Sibiri. T. 6. Novosibirsk. 327 p. [in Russian]

Prishvin, 2007 – *Prishvin, M.M.* (2007). Rannii dnevnik 1905–1913 gg., vol. 1 [Early diary 1905–1913, vol. 1]. SPb. 800 p. [in Russian]

PSZRI, 1863 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. T. 36. Otdelenie 1-e: 1861. SPb., 1863. 1059 p. [in Russian]

Putintsev, 1891 – *Putintsev, N.G.* (1891). Khronologicheskii perechen' sobytii iz istorii Sibirskogo kazach'ego voiska [Chronological list of events in the history of the Siberian Cossack Army]. Omsk. 256 p. [in Russian]

Semenov-Tyan-Shanskii, 1903 – *Semenov-Tyan-Shanskii, P.P.* (1903). Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: Nastolnaya i dorozhnaya kniga. T. XVIII. Kirgizskii kraj [Russia: Complete geographical description of our fatherland. Vol. XVIII. The Kirghiz region]. Red. V.P. Semenov-Tyan'-Shanskii. SPb. 479 p. [in Russian]

Sokolkin, 2007 – *Sokolkin, E.D.* (2007). Ulitsy nashego goroda [Streets of our city]. Pavlodar. 416 p. [in Russian]

Sokolkin, 2014 – *Sokolkin, E.D.* (2014). V pamyati pokolenii [In the memory of generations]. Pavlodar. 234 p. [in Russian]

Svod pamyatnikov..., 2010 – Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Kazakhstan. Pavlodarskaya oblast [Corpus of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan: Pavlodar Region]. Pod red. G.M. Kamalov. Almaty: Aruna, 2010. 597 p. [in Russian]

Zataevich, 1931 – *Zataevich, A.* (1931). 500 kazakhskikh pesen i kyuiiev Adaevskikh, Bukeevskikh, Semipalatinskikh i Ural'skikh [500 Kazakh songs and kyuis from Adaev, Bukeev, Semipalatinsk, and Ural regions]. Alma-Ata. 301 p. [in Russian].

Архитектурные памятники города Павлодара: историко-культурное исследование (конец XIX – начало XX века)

Мади И. Рахимов ^{a, *}, Нурбек У. Шаяхмет ^b, Кайрат К. Батталов ^b, Ботагоз Ж. Ельмуратова ^a

^a Торайгыров университет, Павлодар, Республика Казахстан

^b Астана IT университет, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена изучению архитектурных памятников города Павлодара конца XIX – начала XX века в контексте историко-культурного анализа, что позволяет рассматривать данные объекты как важные свидетельства социальной, экономической и духовной жизни города указанного периода. Особое внимание уделяется купеческим домам, культовым сооружениям и общественным зданиям, которые формировали архитектурный облик уездного центра и отражали процессы становления городской среды. Эти памятники демонстрируют не только архитектурные особенности эпохи, но и культурные трансформации общества на рубеже веков.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: madi123795@gmail.com (М.И. Рахимов)

Цель исследования заключается в выявлении особенностей архитектурного наследия указанного периода и определении его роли в развитии городской среды. В этот период в архитектурном облике Павлодара происходили существенные изменения, обусловленные ростом купеческого сословия, развитием торговли и формированием новых административных институтов. Возведение жилых домов с богато декорированными фасадами, появление культовых зданий, школ и других общественных сооружений свидетельствуют о процессах модернизации, затронувших территорию Западной Сибири и Прииртышья. При этом город сохранял элементы традиционной культуры, что проявилось в особом синтезе архитектурных форм.

Таким образом, архитектурные памятники Павлодара конца XIX – начала XX века представляют собой значимый пласт историко–культурного наследия и могут рассматриваться как своеобразные «места памяти», в которых отражены ключевые представления и ценности эпохи, способствующие сохранению культурной преемственности и формированию исторической памяти.

Ключевые слова: Павлодар, архитектурные памятники, историко-культурное наследие, общественные сооружения, коммеморация, историческая память, эклектика, культурная преемственность, места памяти, Казахстан

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2035-2047
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2035

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Quality of Church Allotments in Parishes of Siberian Dioceses at the beginning of the 20th century

Dmitry N. Belyanin ^{a, *}, Viktor N. Razgon ^b, Anton V. Razgon ^c

^aT.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

^bAltai State University, Barnaul, Russian Federation

^cFinancial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the quality of church-owned lands in the parishes of the Yenisei, Omsk, Tobolsk, and Tomsk dioceses in the early 20th century. Depending on their quality, church lands were divided into several groups. It was found that, of the total number of plots, those of good and average quality accounted for more than two-thirds. So, most of the parish clergy in the dioceses we're looking at could potentially use the parish's arable and haymaking land as a source of income. However, on average, approximately one-quarter of the land allocated to churches was of poor quality. These included areas with lands unsuitable for plowing and haymaking (rocky, swampy, saline, etc.), as well as areas whose exploitation was difficult or impossible for various reasons. There were frequent situations when parish clergy were assigned land that had been completely depleted by years of exploitation or field plots that were completely overgrown with taiga forest. There were many cases when arable or haymaking plots for clerics were allocated at a considerable distance from settlements, which made their exploitation unprofitable. Some church lands even had two or more defects. It was practically impossible to use unsuitable and poor church lands for economic purposes, so every fourth clergyman in the dioceses under consideration was unable to use farmland to secure his livelihood.

Keywords: Russian Orthodox Church, church lands, quality of parish lands, material support for parish clergy, Siberian peasantry, Siberia, Siberian dioceses, Siberian parishes.

1. Введение

В Российской империи Русская Православная церковь (РПЦ) занимала важнейшее место. На протяжении веков она не только была институтом, обеспечивавшим сохранение основ русской цивилизации, но и выполняла многочисленные государственные и общественные функции: занималась обучением и просвещением детей в школах, осуществляла борьбу с общественными пороками, проводила сбор средств для населения, пострадавшего от неурожая, воспитывала в народе чувство патриотизма и любви к Отечеству, обеспечивая устойчивость российской государственности. Помимо этого, РПЦ играла огромную социально значимую роль в повседневной жизни православного населения страны, а в сибирских епархиях в начале XX в. православные священнослужители ещё должны были противостоять распространению расколо-сектантства и удовлетворять духовно-нравственные потребности переселенцев, массово прибывавших из Европейской России. Все перечисленные задачи фактически ложились на плечи приходского духовенства, самого низового звена в структуре РПЦ.

Священник был не только пастырем, учителем и проповедником, но в Синодальный период фактически ещё и чиновником, так как церковь превратилась в структуру, подчиняющуюся

* Corresponding author

E-mail addresses: bdn73@list.ru (D.N. Belyanin)

регламентам и циркулярам. Священник-настоятель церкви должен был выполнять предписанный ему объём работы по «письмоводству»: заполнению и хранению делопроизводственной документации, к которой относились исповедные росписи, метрические книги и т. п. Но, в отличие от «настоящих» чиновников, священники отнюдь не во всех приходах получали жалование. Государство не могло за свой счёт полностью обеспечить материальное благосостояние приходского духовенства, назначив каждому священнику и церковнослужителю должностной оклад. Поэтому во второй половине XIX – начале XX в. Российское государство неоднократно предпринимало попытки предоставить приходскому духовенству такие источники дохода, которые бы не ложились дополнительным бременем на бюджет страны. Одним из таких источников было наделение церковью земельными наделами. Этот вопрос решался достаточно успешно, и к началу 1917 г. в сибирских епархиях подавляющее большинство приходов было обеспечено земельными наделами (Belyanin et al., 2024: 1652-1653). Однако доход приходского духовенства зависел не только от количества отведённой земли, но и от её пригодности к хозяйственной деятельности. В нашей статье исследуется вопрос о качестве причтовых земельных наделов в сибирских епархиях в начале XX в.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе опубликованных и архивных источников.

1) Основным видом архивных документов стали клировые ведомости, которые были извлечены из фондов № 202, № 674 и № 819 Государственного архива Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская Федерация); фонда № 170 Государственного архива Томской области (ГАТО) (Томск, Российская Федерация); фонда № И-156 Государственного архива в г. Тобольске (ГАТ) (Тобольск, Российская Федерация). В качестве дополнительного источника по церковному землевладению были использованы документы фонда Д-57 Государственного архива Кемеровской области (ГАКО) (г. Кемерово, Российская Федерация).

2) Опубликованные источники по церковному землевладению представлены справочными изданиями по Енисейской (Краткое описание..., 1916) и Омской епархиям (Справочная книга..., 1914).

В процессе подготовки статьи нами использовался комплекс специально-исторических и общенаучных методов. Содержащаяся в источниках информация о качестве церковно-приходских земельных наделов была извлечена при помощи методов количественного и качественного контент-анализа. Метод количественного контент-анализа позволил выявить и подвергнуть статистической обработке данные о полевых наделах церковных земель и степени их пригодности для хозяйственной деятельности. Метод качественного контент-анализа был использован для интерпретации и смыслового анализа данных клировых ведомостей. Это позволило на основе качественных характеристик выделить несколько групп земельных наделов. Также для обобщения данных о качестве церковных наделов был использован историко-типологический метод. Использование методов количественного и качественного контент-анализа и историко-типологического метода позволило представить в виде сводных таблиц извлечённые из источников данные: в зависимости от степени пригодности причтовые участки были разбиты на 5 групп, по каждой из которых были подсчитаны абсолютные и относительные статистические показатели.

Для сопоставления данных по качеству церковных наделов в разных епархиях Сибири нами был использован сравнительно-исторический метод. Этот метод позволил выявить региональную специфику в вопросе качества причтовых земельных наделов в каждой из рассматриваемых нами епархий Сибири. Также сравнительно-исторический метод был использован для сопоставления и уточнения данных клировых ведомостей разных лет по одним приходом. Это позволило получить более точные и объективные данные о качестве полевых наделов во многих сибирских приходах.

3. Обсуждение

Вопрос о земельном обеспечении приходского духовенства неоднократно рассматривался историками, но в основном объектом исследования являлись размеры церковно-причтовых наделов, а не их качество. Так, современные историки А.М. Адаменко (Адаменко, 2004: 66-68) и Т.Г. Леонтьева (Леонтьева, 2002: 25-26), изучая проблему земельного обеспечения причтов, сместили акцент исследования на размер причтовых участков, оставив без внимания вопрос о степени их пригодности для хозяйственной деятельности.

Специальных работ, посвящённых качеству церковно-причтовых земель, очень немного. Из трудов, опубликованных в дореволюционный период, нужно упомянуть исследование П.В. Знаменского. Он достаточно пространно исследовал историю наделения приходского духовенства земельными наделами с XVII в. Как и большинство исследователей, он считал, что удовлетворённость духовенства зависела от количества церковных земельных наделов, но проблема качества последних, хотя и в кратком виде, им тоже была затронута. Так, П.В. Знаменский отметил, что во второй половине XVIII в. церкви могли получать наделы «в самой от церкви отдаленности и в таких местах, где они худого качества»; а на рубеже XVIII–XIX вв. в украинских епархиях взамен прежних наделов клирики получили участки «похуже и в неудобных местах» (Знаменский, 1873: 749, 773-776, 795).

Следует также отметить работу Н.А. Любинецкого «Землевладение церквей и монастырей Российской империи» в двух частях. Используя материалы Св. Синода и Центрального статистического управления, автор привёл данные по удобным и неудобным землям в составе церковных наделов отдельно по каждой губернии на 1890 г. Недостаток его работы в том, что автор ограничился лишь составлением таблиц с цифровыми показателями, которые никак не прокомментировал и не проанализировал (Любинецкий, 1900b). Очевидный плюс труда Н.А. Любинецкого в том, что он, не ограничиваясь территориальными рамками Европейской России, привёл статистические данные о церковном землевладении по сибирским епархиям. По его данным, на 1890 г. в Енисейской, Тобольской и Томской епархиях при церквях насчитывалось 76233 дес. всей земли, из которых 3049 дес. (около 4 % - Подсч. авт.) были неудобными (Любинецкий, 1900a: 8). О наличии неудобных земель в составе церковных наделов в епархиях Азиатской России упомянул протопресвитер Г.И. Шавельский. Свой труд он опубликовал после революции, находясь в эмиграции, в качестве источника, очевидно, использовал те же материалы, что и Н.А. Любинецкий, так как привёл практически те же цифровые данные (Шавельский, 2005: 29).

В трудах отечественных исследователей 1950–1980-х гг. вопрос о качестве церковных земель поднимался редко. Можно лишь отметить работу Л.И. Емелях, которая высказала мнение, что церковно-причтовые земли нарезались духовенству на лучших участках (Емелях, 1965: 9).

Из современных исследований следует остановиться на работе С.В. Першина и Т.В. Шитовой, которые исследовали вопрос о качестве церковных наделов в контексте изучения вопроса о доходности церковных земель. В качестве источника авторы использовали клировые ведомости по Ардатовскому уезду Симбирской епархии, обработка которых позволила дифференцировать качество церковных участков: среди пахотных угодий в составе церковных наделов 10,2 % относились к группе «хороших», 73 % – «средних» и 16,7 % – «неплодородных». Также авторы отметили, что степень плодородности земель внутри причтового надела могла существенно различаться, так как надел для духовенства мог отводиться в нескольких местах – в одном месте земля могла быть плодородной, в других – глинистой (Першин, Шитова, 2021: 52).

Затронул вопрос качества церковных земель историк С.А. Иконников. Исследуя проблему материального достатка духовенства Воронежской епархии во второй половине XIX – начале XX в., он изучил размер доходов приходского духовенства «от земли» и рассмотрел вопрос о качестве церковно-причтовых наделов. В его монографии не только приведены статистические данные по удобным и неудобным церковным землям Воронежской епархии на 1887 г., но и конкретные примеры жалоб священно-церковнослужителей на низкое качество наделов, дававших очень скудный урожай (Иконников, 2014: 92, 95).

Коротко упоминают о неудобных землях в составе церковных наделов Н.А. Козлов (Козлов, 2024: 183), С.В. Римский (Римский, 1999: 113), В.А. Федоров (Федоров, 2003: 41). Правда, в их трудах практически отсутствуют статистические данные по удобным и неудобным землям; также их исследования ограничены рамками епархий Европейской России, церковные наделы в сибирских епархиях они не рассматривают.

Одними из немногих исследователей, которые затронули вопрос о качестве церковных земель в Сибири, являются красноярские историки А.П. Дворецкая, А.А. Терскова и Н.Л. Хаит (Дворецкая и др., 2018: 197). К сожалению, в их работе сюжет о качестве церковных земель большого развития не получил – они лишь констатировали факт, что земля для клира нарезалась так, что в каждом приходе были десятины негодной земли (Дворецкая и др., 2018: 197).

Таким образом, можно сделать заключение, что вопрос качества церковных земель в сибирских епархиях практически является лакуной. Актуальность нашего исследования определяется недостаточной степенью изученности этого вопроса.

4. Результаты

Предметом нашего исследования являются земельные наделы, отводившиеся для обеспечения материального благосостояния приходского духовенства при церквях Енисейской, Омской, Тобольской и Томской епархий. Под причтовыми земельными наделами мы понимаем полевые земли – пашню и сенокос; приходы, не имевшие полевой земли, нами в общей статистике не учитывались. В соответствии с выбранной темой исследования нами были собраны и проанализированы данные о церковно-причтовых наделах при сельских, казачьих, городских и походных церквях, а также при миссионерских станах, заводах, приисках и железнодорожных станциях. Также нами учитывались земельные наделы, которые ещё не были окончательно отведены или закреплены за церквями, но качество которых было уже известно. При этом в общей статистике не были взяты в расчёт земельные угодья при архиерейских домах, монастырях и монастырских церквях.

В отдельных приходах, помимо церкви в главном селе, были приписные храмы, которые тоже могли иметь свой земельный надел, а иногда в приходе, кроме основного надела при церкви, могли быть ещё запасные участки. Во всех этих случаях нами учитывались, помимо наделов при центральных церквях, также наделы приписных церквей и запасные участки. Поэтому в некоторых благочиниях количество учтённых причтовых земельных наделов оказалось больше, чем количество

приходов. Например, в благочинии № 8 Томской епархии в 1915 г. значился 21 приход, но в Ояшинском приходе было отведено 2 земельных надела: при Трех-Святительской (главной) церкви и при приписной Николаевской церкви в с. Татаринском, поэтому в указанном благочинии нами учтены 22 причтовых земельных надела (ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4581. Л. 1-209).

В качестве источников нами были использованы клировые ведомости по церквям Енисейской, Тобольской и Томской епархий, а также справочные издания по Омской и Енисейской епархиям. Следует оговориться, что в нашем распоряжении нет полных данных по Тобольской епархии, использованные нами источники охватывают единоверческие приходы, а также благочиния Туринского и Ялуторовского уездов, что составляет примерно четверть от общего числа приходов с земельными наделами Тобольской епархии на 1915–1916 гг. По остальным епархиям использованный нами комплекс источников охватывает почти все приходы. Однако, как видно из [Таблицы 1](#), по некоторым приходам данные о качестве причтовых наделов отсутствуют.

Таблица 1. Репрезентативность данных по качеству причтовых наделов в сибирских епархиях в 1913–1916 гг. (подсчитано по: ГАКК. Ф. 202. Оп. 1. Д. 137; Ф. 674. Оп. 1. Д. 3720, 3746-3753, 3770, 3774-3778, 3786, 3789-3801, 3803-3811, 3813; Ф. 819. Оп. 1. Д. 768; ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4369-4384, 4410, 4422-4425, 4468-4497, 4500-4542, 4548-4563, 4569-4571, 4581-4589, 4597-4613, 4619-4624; ГАТ. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 395, 512, 577; Справочная книга..., 1914: 17-1069)

Епархии	Общее количество причтовых земельных наделов	Количество (доля) причтовых наделов, качество которых в источниках не указано	Количество (доля) причтовых наделов с известным качеством земельных угодий
Енисейская	256	21 (8,2 %)	235 (91,8 %)
Томская	870	88 (10,0 %)	782 (90,0 %)
Омская	456	122 (27,1 %)	334 (72,9 %)
Тобольская (приходы единоверческих церквей, Туринского и Ялуторовского уездов)	119	3 (2,5 %)	116 (97,5 %)
ИТОГО	1701	234 (13,6 %)	1467 (86,4 %)

В целом использованная нами источниковая база имеет высокую степень репрезентативности и позволяет дать объективную оценку качества причтовых земельных наделов в рассматриваемых сибирских епархиях.

Причтовые земельные наделы, в зависимости от степени качества, нами были разделены на несколько групп. В категорию наделов с «хорошей» землёй нами были включены участки, характеризовавшиеся в источниках как «удобные», «плодородные», «доброкачественные», «черноземные», «первого разряда» и т. п. Также к этой группе мы отнесли участки, которые священники обозначали как «удовлетворительные». В современной интерпретации этот термин означает «посредственный» или «средний», но в начале XX в. в понятия «удовлетворительный» и «средний» священники вкладывали разный смысл: понятие «удовлетворительный» больше соответствовало понятию «хороший». Поэтому все приходы, где церковная земля обозначалась как «удовлетворительная», мы отнесли к группе «хороших».

К группе «среднего» качества мы отнесли все случаи, когда надел характеризовался как «посредственный», «средне-удобный», «средне-плодородный» и т. п. К этой же группе мы отнесли случаи, когда в источниках почва причтовых участков характеризовалась как суглинок и супесок, поскольку подобного типа почвы относятся к среднеплодородным.

Некоторые причтовые участки сочетали в себе угодья разного качества. Например, в приходе церкви Верх-Суерской слободы Ялуторовского уезда половина причтовой земли была средней, другая – хорошей (ГАТ. 1915. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 512. Л. 409об.); в приходе церкви с. Ново-Рождественского Томского уезда земля тоже была «местами плодородная и местами средняя» (подсчитано по: ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 455. Л. 102об.). Подобные случаи были сгруппированы в отдельную категорию частично хороших, частично средних земель.

В отдельную группу нами были отнесены церковные участки, где в основном земля была хорошая или средняя, но содержала более 20 % так называемых «неудобных земель». К «неудобным» в начале XX в. относили как непригодные для возделывания пески, овраги, болота и пр., так и земли под дорогами, водоёмами, улицами и т. п. (Белянин, 2010: 57). По данным И.В. Островского, законодательно разрешалось включать до 20 % неудобных земель в состав переселенческих участков (Островский, 1991: 144), и, на наш взгляд, будет корректно применить эту же норму и для оценки качества причтовых наделов. Так, к группе участков, где неудобной земли было 20 % и более, нами были отнесены наделы церковей с. Ладейского Красноярского уезда и Градо-Нарымской Крестовоздвиженской Томского уезда. В первой – из 145 дес. всей земли около 46 дес. (31,7 %)

относилось к неудобным (подсчитано по: ГАКК. 1915. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3776. Л. 39-390б.); во второй – на долю неудобной приходилось почти 27,7 % (подсчитано по: ГАТО. 1915. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4619. Л. 20б.). К этой же группе мы отнесли причтовый надел церкви с. Ануйского Бийского уезда, в котором земля для хлебопашества была отведена неудобная, а для сенокоса – удобная: из общей площади 38,95 дес. полевой земли на долю «неудобной» пахотной приходилось 16,35 дес., или почти 42 % (подсчитано по: ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4503. Л. 420б.).

К группе «малоудобных и неудобных» наделов отнесены такие, где участки в целом характеризовались как «малоплодородные», «ниже среднего», «плохие», «неудовлетворительные», «неважные», «третьего разряда» и т. п.

В эту же группу нами отнесены земельные наделы, которые на 50 % и более от общей площади состояли из непригодных земель. К таковым, например, нами был отнесен надел Михаило-Архангельской церкви с. Мьют Алтайской Духовной миссии, где около 56 % земель были неудобными (подсчитано по: ГАТО. 1913. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4468. Л. 530б.).

Зачисление причтовых участков в категорию «малопригодных» и «непригодных» осуществлялось по следующим критериям.

1) Участок состоял из земель, которые по почвенным характеристикам не были пригодны для сельского хозяйства. К таковым относились каменистые почвы, песчаные, глинистые, солонцы, болота и т. п. Примером подобного надела может служить причтовая земля при церкви с. Малое Городище Туринского уезда, где земля была малоплодородная и песчаная (ГАТ. Ф. И-156. 1916. Оп. 19. Д. 395. Л. 2220б.). К этой же группе мы отнесли также участки с безводными землями, как было в приходе церкви пос. Мищенковского Кокчетавского уезда (Справочная книга..., 1914: 294).

2) Участок имел земли, значившиеся по документам как пахотные или сенокосные, но фактически покрытые лесом. Конечно, при отведении церквям земли предполагалось помимо пашни и сенокосов отводить и лесной надел, однако лес должен был отводиться не взамен пашен и покосов, а в дополнение к ним. «При назначении к церквям земель <...> принимать в расчет не одни пахотные и сенокосные земли, но и принадлежащие к ним леса, с тем однако же, что в самое наделение леса сии по вышепоказанному правилу поступать не могут» (Чижевский, 1898: 298-299). Кроме того, законом о землеустройстве размер лесного надела для причта был ограничен 20 дес. (ПСЗРИ, 1899: 505), а на практике причт мог получить церковный надел, полностью заросший лесом. Так, духовенство походной церкви в с. Тогульское Зимовье Кузнецкого уезда получило всю пахотную землю (90 дес.!), покрытую лесом и поэтому непригодную к обработке (ГАТО. 1915. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4604. Л. 1570б.). В Минусинском уезде в приходе церкви с. Петропавловского причт получил надел из 105 дес. «под лесом» (ГАКК. 1916. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3792. Л. 20б.). В приходе церкви с. Рождественского Енисейского уезда причтовый надел состоял из 52 дес. сенокосной земли, которая не только сильно заросла лесом, а местами была ещё и болотистой (ГАКК. 1916. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3804. Л. 120б.).

К этой же категории мы отнесли и наделы, заросшие кустарником или с негодными для сенокоса травами, как, например, в приходах сёл Кобырдакского и Царские Колодцы Тюкалинского уезда. В первом причтовая сенокосная земля поросла двухаршинным камышом, во втором признавалась неудобной из-за большого количества не годившихся для сенокосения «морковника» и ковыля (Справочная книга..., 1914: 537, 656). А в приходе церкви с. Сисимского Минусинского уезда весь церковный надел состоял из 54,7 дес. сенокоса, заросшего кустарником (ГАКК. 1915. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3770. Л. 120б.).

3) Участок сложно было эксплуатировать по природно-географическим условиям. Например, в приходе церкви с. Казанцевского Барнаульского уезда пахотная земля (она составляла почти весь причтовый надел) находилась в низине у согры, из-за чего для хлебопашества была непригодна. Причт эту землю не обрабатывал и в аренду не сдавал (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4476. Л. 550б.). А в приходе церкви с. Карагужинского Бийского уезда причт, напротив, получил сенокосы в гористой местности, что было не совсем удобно для обработки (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4506. Л. 750б.).

4) Полевой надел находился на значительном расстоянии от церкви или проезд к нему был затруднён. Например, причтовая земля в Нижне-Ингашевском приходе Канского уезда сочетала в себе сразу оба этих фактора: сенокосы располагались в 10 верстах от церкви, и в клировой ведомости содержалась пометка, что «по дальности и по неудобству сообщения сенокос дохода не приносит» (Цит. по: ГАКК. 1916. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3807. Л. 380б.). Причту церкви с. Ишимского Томского уезда отвели 99 дес. средней по качеству земли, но в 12 верстах от церкви, из-за чего этот надел клиром не эксплуатировался (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4550. Л. 56-560б.). Удалённость надела от церкви часто делала нерентабельной его использование, о чём сами священнослужители писали прямо. Так, в приходе пос. Ново-Санжаровского Омского уезда клир получил почти 99 дес., земля по качеству была «удовлетворительной», но расстояние составляло 8-9 верст. В 1912 г. причт сделал опыт посева на 8,5 дес. и даже собрал хороший урожай, однако, кроме убытка, клирики ничего не получили, так как обработка земли, перевозка хлеба и сена обошлись дороже, чем стоили собранные хлеб и сено. Поэтому в дальнейшем духовенство Ново-Санжаровского прихода находило для себя более выгодным арендовать землю у крестьян (Справочная книга..., 1914: 80).

5) Причтовый надел состоял из земель, истощённых многолетней интенсивной эксплуатацией. Такие земли священники часто называли «выпаханными» или «выдержанными». Так, в приходе церкви с. Тертежского Красноярского уезда причт получил землю, которую ранее пахали крестьяне, но потом бросили «как старую», и духовенству она досталась уже неудобной ни для пашни, ни для сенокоса (ГАКК. 1915. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3776. Л. 780б.). Подобную же землю получило духовенство Черемновского прихода Барнаульского уезда: причтовый надел был выделен из землепользования крестьян, от которых земля досталась «выдержанная» (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4491. Л. 240б.). Такая истощённая земля, по оценкам многих священнослужителей, требовала «отдыха». Именно так оценили причтовые наделы священники Верх-Бобровского, Овчинниковского, Романовского и Терешкинского приходов благочиния № 28 Томской епархии, причём в Верх-Бобровском и Овчинниковском земля была истощена настолько, что «отдых» земле требовался долголетний (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4487. Л. 110б., 320б., 700б., 780б.).

Условно к этой же категории можно отнести причтовые наделы, которые, по оценкам священников, требовали удобрений. Например, в приходе церкви с. Чумаковского Ялуторовского уезда земля была «без удобрения не плодородная» (ГАТ. 1915. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 512. Л. 2280б.). Правда, из приведённых в Чумаковской клировой ведомости данных не совсем понятно, идёт ли речь об истощённой земле или же о земле, которая изначально по своим физическим свойствам была слабоплодородной, допустим, из-за низкого содержания гумуса.

6) Условно нами отнесены к малоудобным такие участки, где земля давала урожай лишь при определённых условиях – во время обильных разливов рек, в дождливые годы или, наоборот, в засушливые. Так, условием урожайности на сенокосах в приходе пос. Ямышевского Павлодарского уезда были лишь хорошие разливы р. Иртыш (Справочная книга..., 1914: 381). Причём были наделы, где земля в одинаковой степени была неурожайной как при разливах рек, так и без них. Например, в приходе церкви с. Покровского Петропавловского уезда причтовые сенокосы находились вблизи р. Ишим, при сильном разливе реки в сенокосных низинах долго стояла вода, а на высоких местах травы накашивалось мало; если же сенокос не заливался водой, то на высоких местах трава выгорала, а в низинах росла плохая (Справочная книга..., 1914: 115).

Подчеркнём, что неудобными наделы считались далеко не всегда из-за плохих почв. Нередко в разряд неудобных зачислялись наделы, имевшие почвы среднего достоинства или даже хорошие, но их эксплуатация по тем или иным причинам была невозможна. Так, земельный участок при церкви с. Чадобского Красноярского уезда был «средней доброты», но при этом находился на острове на р. Ангаре, из-за чего приносил нередко убыток «от воды и льда» (ГАКК. 1914. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3720. Л. 28-об.). В приходе церкви с. Медведского Змеиногорского уезда причтовые сенокосы находились в ущелье среди гор, что затрудняло «кошение травы и доставку сена домой» (Справочная книга..., 1914: 461). Из контекста приведённой цитаты понятно, что причтовый участок не был неплодородным, так как давал урожай трав. Неудобность церковного сенокосного участка определялась затруднениями при кошении травы и вывозе её с участка.

Эти примеры показывают, что степень пригодности причтовых участков не всегда соотносилась непосредственно с качеством почвы. Малопригодным мог быть участок со средней или даже с хорошей почвой.

Следует также принять во внимание, что в использованных нами источниках оценки причтовым участкам давали не специалисты-почвоведы, профессиональные агрономы или топографы, а священнослужители, часто ставившие знак равенства между качеством надела и получаемым от земли урожаем. Так было, например, в приходе церкви с. Чесноковского Кузнецкого уезда, где в графе «качество церковной земли» было написано «средний урожай трав» (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4534. Л. 1240б.). Урожайность в сибирских условиях была непостоянна, зависела не только от качества почв, но и от природно-климатического фактора; «средний» урожай ещё не означал, что и земля была «средней» по качеству.

В некоторых приходах оценка священниками качества земли, наоборот, вообще не соотносилась с урожайностью. Например, надел церкви с. Повалихинского Барнаульского уезда имел землю «доброты 1-го разряда», но урожаи были плохие (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4476. Л. 1070б.). В этом случае низкая урожайность при хорошем качестве надела могла объясняться как природно-климатическим фактором, так и банальным неумением клириков обрабатывать землю.

Оценки священниками качества земли могли носить субъективный характер. Так, в приходе церкви с. Ординского Барнаульского уезда церковная земля характеризовалась как средняя «сравнительно с крестьянскими угодьями» (ГАТО. 1913. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4369. Л. 700б.). В отдельных случаях оценка качества земли могла носить даже характер предположения. Так было в приходе церкви с. Колмаковского Каинского уезда, где священник написал, что у надела качество «неизвестно, но должно быть среднее» (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4522. Л. 1180б.). В приходе церкви с. Хайрюзовского Бийского уезда церковная земля считалась средней «по местным условиям» (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4509. Л. 790б.).

Таблица 2. Качество причтовых наделов в приходах сибирских епархий в 1913–1916 гг. (подсчитано по: ГАКК. Ф. 202. Оп. 1. Д. 137; Ф. 674. Оп. 1. Д. 3720, 3746-3753, 3770, 3774-3778, 3786, 3789-3801, 3803-3811, 3813; Ф. 819. Оп. 1. Д. 768; ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4369-4384, 4410, 4422-4425, 4468-4497, 4500-4542, 4548-4563, 4569-4571, 4581-4589, 4597-4613, 4619-4624; ГАТ. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 395, 512, 577; Справочная книга..., 1914: 17-1069)

Епархия	Количество церковных наделов с известным качеством земли	Количество (доля) церковных наделов:				
		хорошего качества	частично хорошего качества, частично среднего	среднего качества	с более чем 20 % неудобной земли	малоудобных и плохого качества
Енисейская	235	61 (26 %)	1 (0,4 %)	83 (35,3 %)	11 (4,7 %)	79 (33,6 %)
Омская	334	162 (48,5 %)	-	41 (12,3 %)	9 (2,7 %)	122 (36,5 %)
Томская	782	256 (32,7 %)	5 (0,6 %)	363 (46,6 %)	13 (1,7 %)	145 (18,4 %)
Тобольская (приходы единоверчески х церквей, Туринского и Ялуторовского уездов)	116	11 (9,5 %)	3 (2,6 %)	62 (53,5 %)	7 (6,0 %)	33 (28,4 %)
ИТОГО	1467	490 (33,4 %)	9 (0,6 %)	549 (37,5 %)	40 (2,7 %)	379 (25,8 %)

В целом, представленная в [Таблице 2](#) статистика показывает, что абсолютное большинство причтовых наделов, пусть и в неодинаковой степени, были пригодны для хозяйственной деятельности и могли служить источником обеспечения благосостояния приходского духовенства. Правда, очень высока была доля церковных участков с землёй среднего качества, а наделов высокого качества было лишь около трети от общего количества.

Нельзя не заметить, что данные [Таблицы 2](#) показывают заметный контраст в качестве причтовых наделов по разным епархиям.

Во-первых, среди всех рассмотренных епархий заметно выделяются данные по Тобольской: доля наделов высокого качества была заметно ниже, чем в остальных епархиях и чем средние показатели; преобладали наделы среднего качества и плохие. Это объяснимо тем, что нами учтены данные лишь по двум уездам, один из которых – Туринский – располагался в урманной полосе. Природно-географические и климатические особенности Туринских урманов не могли не отразиться на качестве причтовых наделов: из 38 причтовых участков Туринского уезда лишь 3 отличались хорошим качеством, абсолютно преобладали средние и неудобные – первых было 17, вторых – 15 (подсчитано по: [ГАТ. 1916. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 395](#)). Вероятно, если взять в расчёт данные по причтовым наделам таких хлеботородных уездов, как Курганский и Ишимский, то общая статистика по Тобольской епархии должна существенно подкорректироваться.

Во-вторых, обращают на себя внимание высокие проценты как «хороших», так и «неудобных» участков в Омской епархии: к хорошим и удобным наделам относилась почти половина, но и малоудобных и плохих было больше трети, тогда как доля участков среднего качества в 3-4 раза ниже, чем в остальных епархиях. Однако нужно учитывать, что оценка качества причтовых участков в Омской епархии носит отчасти условный характер. В использованной нами в качестве источника «Справочной книге по Омской епархии» нередко характеризовался не надел в целом, а лишь его часть: церковные полевые земли включали в себя сенокосные угодья и пашню, но в «Справочной книге» могла быть оценка качества только сенокосных земель либо только пахотных. Например, в приходе церкви с. Борки Петропавловского уезда причтовый надел имел и пахотную, и сенокосную землю, но в источнике есть характеристика качества только сенокосов – отмечено, что они удобны, о качестве пахотной земли информация отсутствует ([Справочная книга..., 1914: 100](#)). Всего в Омской епархии подобных случаев, где высокое качество отмечалось лишь для одного вида угодий, насчитывалось 61, или почти 37,7 % от числа наделов хорошего качества в этой епархии (посчитано по: [Таблица 2](#)), причём в 58 из них высоким качеством характеризовались только сенокосные земли, о качестве пахотных земель не упоминалось. Поэтому 61 церковно-причтовый участок в Омской епархии нами отнесён к группе «хороших» с некоторой условностью. Аналогичным образом мы относили к группе «плохих» участков те случаи, когда причтовый надел имел пашню и покос, но плохим был только один вид угодий, а о качестве другого в «Справочной книге» данные отсутствовали. Таких «условно плохих» участков в Омской епархии было 36, или 29,5 % от числа малоприспособных наделов в этой епархии (посчитано по: [Справочная книга..., 1914: 17-1069](#)).

Таким образом, при анализе данных [Таблицы 2](#) следует принимать во внимание, что отнесение некоторых причтовых участков Омской епархии к группе с хорошей или плохой землёй имеет до некоторой степени условный характер, связанный со спецификой источника. Это объясняет высокие

показатели в крайних группах и очень низкие показатели в средней группе по Омской епархии. В остальных епархиях характеристика полевых угодий в церковных наделах присутствует в более полном и точном объёме, поэтому показатели по «хорошим», «средним» и «малоудобным» наделам распределяются более равномерно.

При анализе данных **Таблицы 2** нельзя игнорировать тот факт, что в среднем каждый четвёртый причтовый участок был полностью или почти полностью непригоден для хозяйственной деятельности. Высокий процент малопригодных участков был при церквях в Енисейской епархии, где около трети причтовых наделов имели плохое качество. Даже если не брать в расчёт 36 участков Омской епархии, условно отнесённых нами к группе «плохих», то общий процент «неудобных» участков снизится ненамного – до 23,4 % (посчитано по: **Таблица 2**).

Заметно меньшая доля «плохих» участков отмечается лишь в Томской епархии. Это можно объяснить тем, что значительную её часть занимал Алтайский округ, земли которого отличались высоким качеством. Поэтому в числе находившихся в «алтайских» уездах многих благочиний количество непригодных церковно-причтовых наделов могло быть совсем небольшим. Так, в находившихся на территории Барнаульского уезда благочиниях № 18-21 при церквях насчитывалось 78 земельных участков (с известным качеством наделов), из которых к малопригодным относилось лишь 6 (7,7 %) (подсчитано по: **ГАТО. 1913. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4370; 1914. Ф. 170. Оп. 1. 4490; 1914. Оп. 1. Д. 4491; 1915. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4563**), в составе благочиний № 7, 13 и 14, находившихся в Кузнецком уезде, при церквях было 35 причтовых участков, из них на долю малопригодных приходилось только 4 (11 %) (подсчитано по: **ГАТО. 1913. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4434; 1914. Ф. 170. Оп. 1. 4530; 1915. Оп. 1. Д. 4601; 1915. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4602**).

Следует заметить, что иногда качество церковных участков было настолько плохим, что священники подчёркивали этот факт, используя очень эмоциональные речевые обороты с ярко выраженной экспрессивной окраской. Например, надел при церкви Нижне-Каянчинской Бийского уезда был «качества низшего» (**ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4506. Л. 1390б.**), земля в наделе при церкви с. Суздальского Барнаульского уезда характеризовалась как «самая наихудшая» (**ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4479. Л. 740б.**). В иных случаях священники описывали неудобные наделы с долей «чёрного юмора». Так, земля при церкви с. Славгородского Барнаульского уезда была «удобна под выгон скота» (**ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4472. Л. 20б.**), а в Кумарьинском приходе Туринского уезда, где вся церковная земля была под лесом, священник качество надела описал так: «Лес удовлетворительный, а качество земли неизвестно» (**ГАТ. 1916. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 395. Л. 1200б.**).

Заметим также, что в общем числе непригодных церковно-причтовых участков были такие, которые сочетали сразу несколько изъянов. В Енисейской и Омской епархиях таких насчитывалось по 14, в Томской – 9 (подсчитано по: **ГАКК. Ф. 202. Оп. 1. Д. 137; Ф. 674. Оп. 1. Д. 3720, 3746-3753, 3770, 3774-3778, 3786, 3789-3801, 3803-3811, 3813; Ф. 819. Оп. 1. Д. 768; ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4369-4384, 4410, 4422-4425, 4468-4497, 4500-4542, 4548-4563, 4569-4571, 4581-4589, 4597-4613, 4619-4624; Справочная книга..., 1914: 17-1069**). Несколько изъянов могли превратить даже потенциально пригодный церковный участок в совершенно негодный. Так, в Ирбизинском приходе Барнаульского уезда для церкви было отведено 66 дес., $\frac{2}{3}$ из которых – чернозём. На первый взгляд, участок мог показаться приемлемо пригодным, однако чернозёмная часть надела представляла собой истощённую землю, другая часть надела – вообще негодные подсолонки (**ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4479. Л. 1040б.**).

Практически всегда церковный надел с несколькими существенными недостатками эксплуатировать вообще было невозможно. Например, в Петровском приходе Ачинского уезда весь полевой надел (95 дес.) включал в себя такие изъяны: заросшая лесом земля, болота, плохие сенокосы и истощённая («выдержанная») почва (**ГАКК. 1915. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3746. Л. 650б.**). В приходе церкви с. Ларионовского Тарского уезда церковный надел зарос лесом, земля была песчаная (**Справочная книга..., 1914: 855**). Использовать такие наделы в качестве пашни или сенокоса было сложно.

Законодательство регулировало качество отводимых церквям земель двояко. С одной стороны, предписывалось «из дач казенного ведомства и частных владельцев лучших угодий к церквям не отводить» (**Чижевский, 1898: 303**). С другой, земля должна была быть близко к церкви, отведена к одним местам и по качеству быть пригодной для обрабатывания. При нарезке церковной земли должны были присутствовать депутаты от духовного сословия, обязанностью которых было охранять права и интересы духовенства и церквей. Депутат обязан был присутствовать при отводе земли «безотлучно» и мог оспаривать действия землемера. В случае неправильного отвода церковной земли «к невыгоде» причта депутат мог «предъявить споры» (**Чижевский, 1898: 202-203**). Были отмечены случаи, когда при землеустройстве духовенство отказывалось принимать земельные наделы ввиду плохого качества последних. Так, в Минусинском уезде в Идринском приходе земля была нарезана, но «причт ее не принял», а в Таштыпском приходе земля была запроектирована в 4-х отрубках, один из которых представители духовенства опротестовали, другие тоже не были утверждены (**Краткое описание..., 1916: 149, 186**).

Таким образом, законодательство формально гарантировало, что для приходского духовенства будет отведена земля, пусть и не самого лучшего качества, но хотя бы приемлемо удобная для сельского хозяйства. Следует оговориться, что приведённые выше правила не касались причтовых

наделов, отводившихся при переселенческих участках. В инструкциях для землемеров об отводе церковных наделов при переселенческих участках никаких предписаний относительно качества церковной земли не было. Если не считать краткой рекомендации отводить наделы меньше нормы из-за высокого плодородия земли в районах искусственного орошения Туркестана (Воцинин, 1915: 93-95). И когда топографы ещё только намечали границы переселенческого участка, ни прихода, ни причта, ни церкви, конечно, при этом участке не было, поэтому за процессом отвода земли для будущей церкви никто из представителей духовенства не наблюдал.

В итоге почти каждый четвёртый причтовый участок оказался малопригодным. Объяснить это можно следующими причинами.

Во-первых, часть причтовых наделов была нарезана во время заготовки переселенческих участков, и землемеры могли отвести не совсем пригодные церковно-причтовые наделы, причём временные комиссии такие малопригодные наделы могли утверждать. Например, при отводе переселенческого участка Бородинского Кузнецкого уезда для причта был выделен надел, практически весь заросший лесом: из 109,16 дес. церковного надела под лесом находилось 99,16 дес. Причём эти 99,16 дес. под лесом ещё фигурировали как «удобные», остальная земля в церковном наделе вообще значилась «неудобной». Несмотря на такие характеристики, временная комиссия в феврале 1913 г. проект переселенческого участка с подобным причтовым наделом утвердила (ГАКО. 1913. Ф. Д-57. Оп. 1. Д. 25. Л. 1).

Во-вторых, жалобы причтов на выпханную землю объяснимы тем, что на переселенческих участках до прибытия клира в приход церковные наделы нередко сдавались в аренду, после которой духовенство могло получить совершенно истощённую землю. Отведённая для причтов в составе переселенческих участков земля не сразу поступала в распоряжение духовенства: приход обычно возникал через несколько лет после заселения участка, до появления в приходе причта церковный надел ещё не был в собственности церкви и фактически пустовал. Такая же ситуация могла быть и в старожильческих приходах, где при приписных церквях отводились запасные участки для будущих причтов. В Сибири сложилась практика, когда пустующий церковный надел сдавался в аренду либо по распоряжению местной администрации, либо по решению крестьян. Например, в приходе Покровской церкви с. Быстрый Исток Бийского уезда была приписная церковь в дер. Верх-Озерной, при которой был земельный надел, сдававшийся в аренду волостным правлением (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4503. Л. 140б.). В Емельяновском приходе Томского уезда приписная церковь в дер. Восторговке имела надел в 99 дес. удобной земли, который сдавался в аренду крестьянским обществом (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4550. Л. 820б.).

Причём право крестьян сдавать такие пустующие церковные земли в аренду носило абсолютно законный характер, что подчеркнул П.А. Столыпин в циркуляре от 22 февраля 1911 г. Этот циркуляр разъяснял сибирским губернаторам, что нет оснований запрещать крестьянам сдавать в аренду церковно-школьные участки. Губернаторы затем разослали этот циркуляр крестьянским начальникам и подрайонным чиновникам (ГАКК. 1911. Ф. 262. Оп.1. Д. 87. Л. 58). В результате, по оценке составителя «Справочной книги по Омской епархии» священника И. Голошубина, сдача в аренду церковных земель переселенцами приобрела массовый характер. Причём нередко церковно-причтовые земельные участки сдавались даже в долгосрочную аренду. Арендаторы не заботились о сохранении плодородия почвы и эксплуатировали церковные земли самыми хищническими методами, поэтому прибывшее в новый приход духовенство нередко могло найти причтовую землю в «изработанном» виде или с начисто вырубленным лесом (Справочная книга..., 1914: 402).

В-третьих, церковные наделы могли быть невысокого качества в случаях, когда такой же была и вся земля в округе. Например, в приходе церкви пос. Еремковского Туринского уезда причтовый надел из 97 дес. был сплошь покрыт лесом (ГАТ. 1916. Ф. И-156. Оп.19. Д. 395. Л. 1980б.), но и сам посёлок возник из одноимённого переселенческого участка, который почти весь был под лесом: из 3250 дес. общей площади под лесом находилось 3120 дес. (Список..., 1903: 72). Поэтому нередко в источниках отмечалось, что малопригодная земля была как у причта, так и у прихожан. Так было в приходах церквей сёл Владимировского Кокчетавского уезда, Карповского Семипалатинского уезда, Покровского Усть-Каменогорского уезда и др. (Справочная книга..., 1914: 276, 365, 431).

В-четвёртых, в ряде приходов вопрос материального обеспечения духовенства ложился на плечи прихожан, которые не всегда добросовестно заботились о содержании клира. Поэтому можно встретить примеры, когда прихожане для церквей отводили не совсем удобную землю. Так, в приходе церкви с. Воробьевского Барнаульского уезда в отведённом крестьянами для причта участке лишь четвертая часть была пригодна для покоса, остальная земля была неудобная, а для посева не годилась совсем (ГАТО. 1915. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4581. Л. 2030б.).

В-пятых, отводимая для церквей в ходе землеустройства земля отнюдь не всегда была пригодной. Хотя представители от духовенства должны были присутствовать при отводе церковных земель, но, очевидно, это требование не везде соблюдалось, так как в разных епархиях встречаются примеры приходов, где церквям землеустроители нарезали земли с серьёзными изъянами или совсем непригодные. Так, в Сонском приходе Минусинского уезда землю для причта отвели в 1910 г., и вся она была каменистая и сухая (ГАКК. 1916. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3800. Л. 400б.); в приходе с. Козеюльского

Мариинского уезда отведённый в 1913 г. «от казны» причтовый участок представлял собой 96 дес. сплошного леса «таежного характера» (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4539. Л. 1310б.).

Среди неудобных церковных участков было довольно много заросших лесом, и, на первый взгляд, приходское духовенство могло с таких наделов получать хоть какой-то доход, например, от продажи леса; или использовать лес для ремонта жилья, церквей или хотя бы заготавливать дрова для отопления церквей и своих домов. В действительности даже это причты часто делать не могли, так как лес нередко был то молодой и мелкий, то плохой, то на слишком удалённом расстоянии и т. п. Так, причту с. Ново-Новоселовского Ачинского уезда достался надел почти весь из горелого леса, который нельзя было ни продать, ни использовать (ГАКК. 1915. Ф. 674. Оп.1. Д. 3746. Л. 500б.). В пос. Гришинском Туринского уезда церковный надел был под лесом, который весь был плохой (ГАТ. 1916. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 395. Л. 2940б.). В пос. Ивановском Кузнецкого уезда причтовый участок состоял из 103 дес. мелкорастущего леса – такой не годился ни для строительства, ни для продажи (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4534. Л. 820б.).

Конечно, были отдельные приходы, где священники пытались получить хоть какой-то доход от доставшихся им неудобных наделов и от нужды пробовали эксплуатировать даже плохие участки. Например, в приходе церкви с. Клепичихинского Змеиногорского уезда причту отвели землю ниже среднего качества, в низине, где «посевы подвергались туманам и морозам», к тому же земля имела солонцы и была «наполовину выдержанная» (выпаханная). И даже, имея такую землю, причт пытался пользоваться «сенокосами с более удобных ее клочков» (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4485. Л. 1130б.). Но подобные случаи встречались нечасто, так как объективно непригодные участки трудно было сдать кому-то в аренду или как-то использовать. Например, церковный надел в пос. Богдановском Акмолинского уезда был негодным из-за безводности и отдалённого расстояния (Справочная книга..., 1914: 203). Даже искусственное орошение вряд ли было способно сделать этот надел пригодным, так как дальнейшее расстояние превращало надел в нерентабельный. Как правило, малопригодные и неудобные церковные участки не могли стать надёжным источником дохода для приходского духовенства.

5, Заключение

На основе представленных в статье данных можно сделать следующие выводы:

1. Большинство церковных наделов, отводившихся для обеспечения материальных потребностей причтов в сибирских епархиях, к 1914–1916 гг. были пригодны для сельскохозяйственной деятельности. Таким образом, основная часть клириков в приходах сибирских епархий потенциально могла использовать земельные наделы в качестве источника дохода. Однако при этом в общем количестве церковных наделов лишь треть состояла из полевых земель хорошего качества, ещё более трети обладала качеством средним, а около четверти наделов вообще оказались малопригодными. Поэтому следует признать, что отнюдь не всё приходское духовенство в Сибири могло пользоваться землёй для своего материального обеспечения. При этом церковно-причтовые наделы в разных епархиях Сибири заметно отличались по своему качеству. Если в Томской епархии малопригодных для хозяйственной деятельности наделов было около 18 %, то в Енисейской и Омской епархиях таких насчитывалось около трети.

2. Топографы, отводившие причтовые наделы при переселенческих участках или в процессе землеустройства, отнюдь не всегда обращали внимание на качество отводимых для церквей наделов. Поэтому около четверти церковных участков к 1914–1916 гг. имели полевые земли плохого качества. К таковым относились не только те, где была непригодная почва (болотистая, глинистая, песчаная, безводная, каменистая и т. п.), но и наделы, находившиеся на значительном расстоянии от церквей; поросшие лесом и кустарником; имевшие истощённую многолетней эксплуатацией почву. Подобные церковные наделы не могли быть использованы в хозяйственной деятельности и не могли стать источником для обеспечения благосостояния приходского духовенства. При этом часть причтовых наделов имела не один, а несколько недостатков, что делало их абсолютно непригодными.

Литература

Адаменко, 2004 – Адаменко А.М. Приходы Русской Православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX века. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 192 с.

Белянин, 2010 – Белянин Д.Н. Качество колонизационного фонда в Западной Сибири в 1906–1914 гг. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2010. № 1. С. 56-59.

Воцинин, 1915 – Воцинин В.П. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. Пг.: тип. Петроградской тюрьмы, 1915. XIV, 509 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАКО – Государственный архив Кемеровской области.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.

Дворецкая и др., 2018 – Дворецкая А.П., Терскова А.А., Хаит Н.Л. Православная церковь и население Приенисейской Сибири. 1700–1919 гг. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 314 с.

- [Емелях, 1965](#) – *Емелях Л.И.* Антиклерикальное движение крестьян в период Первой русской революции. М.; Л.: «Наука», 1965. 201 с.
- [Знаменский, 1873](#) – *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань: Унив. тип., 1873. [4], 851 с.
- [Иконников, 2014](#) – *Иконников С.А.* Приходское духовенство Воронежской епархии (вторая половина XIX – начало XX века). Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 396 с.
- [Козлов, 2024](#) – *Козлов Н.А.* Церковное землевладение во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Тверской епархии) / *Торонец: 950 лет в исторической памяти. Материалы Всероссийской научной конференции.* Тверь: Тверской государственный университет, 2024. С. 178-188.
- [Краткое описание..., 1916](#) – Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск: Эл.-тип. Епарх. Братства, 1916. 243 с.
- [Леонтьева, 2002](#) – *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.
- [Любинецкий, 1900а](#) – *Любинецкий Н.А.* Землевладение церквей и монастырей Российской империи. СПб.: Синод. тип., 1900. Ч. 1. 19 с.
- [Любинецкий, 1900б](#) – *Любинецкий Н.А.* Землевладение церквей и монастырей Российской империи. СПб.: Синод. тип., 1900. Ч. 2. 25 с.
- [Островский, 1991](#) – *Островский И.В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. 308, [1] с.
- [Першин, Шитова, 2021](#) – *Першин С.В., Шитова Т.В.* К вопросу о доходности земельных участков православных причтов в начале XX в. (по материалам Мордовского края) // *Экономическая история.* 2021. Т. 17. № 1(52). С. 49-57. DOI: 10.15507/2409-630X.052.017.202101.049-057.
- [Римский, 1999](#) – *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860 – 1870-х годов). М.: Крутицкое Патриаршее подворье: О-во любителей церковной истории, 1999. 567, [1] с.
- [Список..., 1903](#) – Список переселенческих и запасных участков, образованных с 1893 года по 1-ое июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб.: Тип. м-ва внутр. дел, 1903. Вып. XIV. 199 с.
- [Справочная книга..., 1914](#) – Справочная книга Омской епархии. Омск: тип. «Иртыш», 1914. [2], IV, 1250 с.
- [Федоров, 2003](#) – *Федоров В.А.* Русская Православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М.: «Русская панорама», 2003. 480 с.
- [Чижевский, 1898](#) – *Чижевский И.Л.* Устройство православной российской церкви: Ее учреждения и действующие узаконения по ее управлению. Неофиц. изд. Харьков: тип. Губ. правл., 1898. [2], XVIII, 443 с.
- [Шавельский, 2005](#) – *Шавельский Г.И.* Русская церковь пред революцией. М.: Артос-Медиа, 2005. 567, [1] с.
- [Belyanin et al., 2024](#) – *Belyanin D.N., Razgon V.N., Razgon A.V.* Land Use of Rural Clergy in Rural Parishes of Siberian Dioceses in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody.* 2024. 19(4): 1644-1656. DOI: 10.13187/bg.2024.4.1644

References

- [Adamenko, 2004](#) – *Adamenko, A.M.* (2004). Prihody Russkoj Pravoslavnoj cerkvi na yuge Zapadnoj Sibiri v XVII – nachale XX veka [Parishes of the Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia in the 17th – early 20th centuries]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 192 p. [in Russian]
- [Belyanin, 2010](#) – *Belyanin, D.N.* (2010). Kachestvo kolonizatsionnogo fonda v Zapadnoj Sibiri v 1906–1914 godakh [The quality of colonization fund in Western Siberia in 1906–1914]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 1: 56-59. [in Russian]
- [Belyanin et al., 2024](#) – *Belyanin, D.N., Razgon, V.N., Razgon, A.V.* (2024). Land Use of Rural Clergy in Rural Parishes of Siberian Dioceses in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody.* 19(4): 1644-1656.
- [Chizhevskij, 1898](#) – *Chizhevskij, I.L.* (1898). Ustrojstvo pravoslavnoj rossijskoj cerkvi: Ee uchrezhdeniya i dejstvuyushchie uzakoneniya po ee upravleniyu [The structure of the Russian Orthodox Church: Its institutions and current laws for its management]. Neoficial'noe izdanie. Kharkov: Printing House of the Provincial Government. [2], XVIII, 443 p. [in Russian]
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archives of Krasnoyarsk Krai].
- [GAKO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Kemerovskoj oblasti [State Archives of Kemerovo Region].
- [GATO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State Archives of Tomsk Region].
- [GAT](#) – Gosudarstvennyj arhiv v gorode Tobol'ske [State Archives in Tobolsk].
- [Dvoret'skaya i dr., 2018](#) – *Dvoret'skaya, A.P., Terskova, A.A., Khait, N.L.* (2018). Pravoslavnaya cerkov' i naselenie Prienisejskoj Sibiri. 1700–1919 gg. [The Orthodox Church and the Population of Yenisei Siberia. 1700–1919]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. 314 p. [in Russian]

Emeliakh, 1965 – *Emeliakh, L.I.* (1965). Antiklerikal'noe dvizhenie krest'yan v period Pervoj russkoj revolyucii [Anti-clerical protest of peasants during the First Russian Revolution]. Moskva; Leningrad: «Nauka». 201 p. [in Russian]

Znamenskij, 1873 – *Znamenskij, P.V.* (1873). Prihodskoe duhovenstvo v Rossii so vremeni reformy Petra. [Parish clergy in Russia since the reform of Peter the Great]. Kazan': Univ. tip. [4], 851 p. [in Russian]

Ikonnikov, 2014 – *Ikonnikov, S.A.* (2014). Prihodskoe duhovenstvo Voronezhskoj eparhii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). [Parish clergy of the Voronezh diocese (the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries)]. Voronezh: Nauchnaja kniga. 396 p. [In Russian]

Kozlov, 2024 – *Kozlov, N.A.* (2024). Tserkovnoe zemlevladienie vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka (po materialam Tverskoj eparhii) [Church land ownership in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Tver diocese)]. Toropets: 950 let v istoricheskoj pamyati. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet. Pp. 178-188. [In Russian]

Kratkoe opisanie..., 1916 – Kratkoe opisanie prihodov Enisejskoj eparhii [Brief description of the parishes of the Yenisei diocese]. Krasnoyarsk: El.-tip. Eparkh. Bratstva, 1916. 243 p. [in Russian]

Leont'eva, 2002 – *Leont'eva, T.G.* (2002). Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe duhovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Faith and progress: orthodox rural clergy of Russia in the second half of 19th – the beginning of the 20th century]. Moskva: Novyj hronograf. 253 p. [in Russian]

Lyubineckij, 1900a – *Lyubineckij, N.A.* (1900). Zemlevladienie tserkvei i monastyrei Rossijskoj imperii [Land ownership of churches and monasteries of the Russian Empire]. Ch. 1. SPb.: Sinod. tip. 19 p. [in Russian]

Lyubineckij, 1900b – *Lyubineckij, N.A.* (1900). Zemlevladienie tserkvei i monastyrei Rossijskoj imperii [Land ownership of churches and monasteries of the Russian Empire]. Ch. 2. SPb.: Sinod. tip. 25 p. [in Russian]

Ostrovskij, 1991 – *Ostrovskij, I.V.* (1991). Agrarnaya politika tsarizma v Sibiri perioda imperializma [Agrarian Policy of Tsarism in Siberia during the Period of Imperialism]. Novosibirsk: Izd-vo NGU. 308, [1] p. [in Russian]

Pershin, Shitova, 2021 – *Pershin, S.V., Shitova, T.V.* (2021). K voprosu o do-hodnosti zemel'nyh uchastkov pravoslavnyh prihtov v nachale XX v. (po materialam Mordovskogo kraja) [To the issue of profitability of land plots of Orthodox clergy at the beginning of the 20th century (based on materials from the Mordovian region)]. *Ekonomicheskaya istoriya*. T. 17. 1(52): 49-57. [in Russian]

Rimskij, 1999 – *Rimskij, S.V.* (1999). Rossiiskaya tserkov' v epokhu Velikikh reform (Tserkovnye reformy v Rossii 1860 – 1870-kh godov) [The Russian church in the era of the Great reforms (Church reforms in Russia in the 1860s–1870s)]. M.: Krutitskoe Patriarshee podvor'e: O-vo lyubitelei tserkovnoi istorii. 567, [1] p. [in Russian]

Spisok..., 1903 – Spisok pereselencheskih uchastkov, obrazovannyh s 1893 goda po 1 iyulya 1903 goda v Stepnom krae, Tobol'skoj, Tomskoj, Enisejskoj i Irkutskoj guberniyah [The list of resettlement sites formed from 1893 to July 1, 1903 in the Steppe Region, Tobolsk, Tomsk, Yenisei and Irkutsk provinces]. SPb.: Tip. m-va vnutr. del, 1903. Vyp. XIV. 199 p. [in Russian]

Spravochnaya kniga..., 1914 – Spravochnaya kniga Omskoj eparhii [Reference book of the Omsk diocese]. Omsk: tip. «Irtysh», 1914. [2], IV, 1250 p. [in Russian]

Fedorov, 2003 – *Fedorov, V.A.* (2003). Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyj period. 1700–1917 [Russian Orthodox church and State. Synodal Period. 1700–1917]. Moskva: «Russkaya panorama». 480 p. [in Russian]

Shavel'skij, 2005 – *Shavel'skij, G.I.* (2005). Russkaya tserkov' pred revolyutsiei [The Russian church before the revolution]. Moskva: Artos-Media. 567, [1] p. [in Russian]

Voshchinin, 1915 – *Voshchinin, V.P.* (2015). Pereselenie i zemleustrojstvo v Aziatskoj Rossii. Sbornik zakonov i rasporyazhenij [Resettlement and land management in Asian Russia. Collection of laws and regulations]. Pg.: tip. Petrogradskoi tyur'my. XIV, 509 p. [in Russian]

К вопросу о качестве церковных наделов в приходах сибирских епархий в начале XX в.

Дмитрий Николаевич Беянин ^{a, *}, Виктор Николаевич Разгон ^b, Антон Викторович Разгон ^c

^a Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Российская Федерация

^b Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^c Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bdn73@list.ru (Д.Н. Беянин)

Аннотация. В статье исследуется вопрос о качестве церковно-земельных полевых участков в приходах Енисейской, Омской, Тобольской и Томской епархий в начале XX в. В зависимости от степени качества церковные земли были разделены на несколько групп. Выявлено, что в общей массе наделов доля имевших хорошее и среднее качество составила более 2/3. Таким образом, основная часть приходского духовенства в рассматриваемых епархиях потенциально могла использовать пахотные и сенокосные причтовые земли в качестве источника дохода. Однако в среднем примерно четвертая часть отведённых церквям земельных участков была плохого качества. К таким относились участки с непригодной для пахоты и сенокоса землёй (каменистой, болотистой, солонцеватой и пр.), а также такие участки, эксплуатация которых была по разным причинам затруднена или совсем невозможна. Нередкими были случаи, когда приходскому духовенству отводилась совершенно истощённая многолетней эксплуатацией земля или полевой надел, полностью заросший таёжным лесом. Иногда пахотные или сенокосные участки для клириков отводились на значительном расстоянии от селений, что делало их эксплуатацию нерентабельной. Часть церковных наделов имела даже два или более существенных недостатка. Хозяйственное использование малопригодных и плохих церковно-земельных наделов было практически невозможно, поэтому каждый четвертый причт в рассматриваемых епархиях не мог использовать полевые участки для обеспечения своего благосостояния.

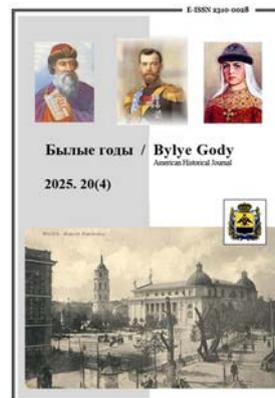
Ключевые слова: Русская Православная церковь, церковная земля, качество причтовых наделов, материальное обеспечение приходского духовенства, сибирское крестьянство, Сибирь, сибирские епархии, сибирские приходы.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2048-2055
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2048

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“The Other” in Late Imperial Russia: Chinese Migrants in Perm Province in the Early XX century

Andrey A. Avdashkin ^{a, *}

^a Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

This article examines the formation of perceptions of “others” represented by Chinese migrants in the late imperial period of Russian history. Using Chinese migration to the Perm province from 1905 to 1917 as an example, the author demonstrates how local authorities, factory and mine administrators, and, to some extent, city residents contributed to the conceptualization of the Chinese and defined the key characteristics of their social behavior. A significant portion of these interactions took place not in urban spaces, but directly at the factories and residences of Chinese workers. In the process of organizing, maintaining order, and preserving a stable health situation among the Chinese, documents from Ural archives and the press were filled with evidence of experiences with them. The empirical basis for the preparation of this manuscript was formed by documents from the State Archives of Perm Krai (Perm, Russian Federation) and the State Archives of Sverdlovsk Oblast (Ekaterinburg, Russian Federation). Used together, these sources can reveal the key characteristics with which Chinese workers were ascribed during their stay in the Urals. While Chinese labor certainly solved a number of production problems thanks to its abundance, affordability, and ease of use, experience interacting with Chinese workers further complicated these concerns with complex issues related to labor registration, maintaining sanitary and hygienic standards, and the closed nature of their communities.

Keywords: migration, Perm Governorate, Chinese, yellow workers, Russian Empire.

1. Введение

В конце XIX – начале XX в. Российская империя стала важным полем для управления массовой миграцией, носившей как внутренний, так и международный характер. Немаловажно и то, что мобильность существенным образом меняла этнодемографический состав населения, появлялись новые практики взаимодействия с «другим» на повседневном уровне, общественные пространства этнизировались. Эти процессы во многом закладывали условия, в которых происходила реализация национальной политики на протяжении XX в.

Наглядным примером конструирования новой полиэтничной социальной среды в регионах поздней имперской России является Урал, где, с одной стороны, фиксировался опыт взаимодействия с представителями групп, участвовавших во внутригосударственных перемещениях (немцы, цыгане, евреи), а с другой – проходили волны международной миграции (корейцы и китайцы). Это и выдворение с театра военных действий Русско-японской войны, и масштабная трудовая миграция из Китая в годы Первой мировой. В подготовленном обзоре рассматривается этнизация публичного пространства на примере Пермской губернии, где в начале XX в. сосредоточился достаточно заметный контингент китайцев. Несмотря на то, что община, на которой автор фокусирует своё внимание, являлась не всегда заметной на протяжении XX в., а на смену ей пришли новые группы

* Corresponding author

E-mail addresses: adrianmaricka@mail.ru (A.A. Avdashkin)

мигрантского населения, некоторые следы присутствия изучаемых сообществ сохраняются и по сей день, воспроизводится региональный нарратив исторической памяти об их присутствии.

Автор в представленной статье фокусирует внимание на локальном опыте отношений с «другим» в лице китайцев. Это позволяет рассмотреть контексты повседневного взаимодействия с ними, выделить основные черты, которыми маркировался социальный облик китайцев. Хронологические рамки исследования охватывают 1904–1917 гг. Нижняя граница обусловлена первым и относительно массовым появлением китайцев на территории Пермской губернии, выдворенных с театра военных действий Русско-японской войны. Верхняя обусловлена началом революционных процессов, положивших фактически конец организованной трудовой миграции китайцев на уральские предприятия.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы составили архивные документы, отложившиеся в фондах Государственного архива Пермского края (ГАПК) (Пермь, Российская Федерация). Материалы Канцелярии пермского губернатора (ГАПК. Ф. 65) содержат большое количество информации о положении китайцев в Пермской губернии. Эти материалы отражают особенности повседневной жизни китайских рабочих и позволяют проследить, как решались проблемы их пребывания на Урале. Документы фонда Уполномоченного по Уральскому району председателя особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства из Государственного архива Свердловской области (ГАСО) (Екатеринбург, Российская Федерация) позволяют пристальнее взглянуть на различные аспекты повседневной жизни рабочих, бытовые и санитарные условия, состояние здоровья и т.д. Привлечение номеров «Пермских губернских ведомостей» позволяет проследить оценки китайской миграции городским сообществом, реакции обывателя на пребывание «других» в лице китайцев.

Документы данных фондов уже частично вводились в научный оборот, но их применение в основном носило фактологический характер или они задействовались для формирования исторического нарратива о присутствии китайцев. В представленной рукописи основное внимание уделяется не технологиям организации труда или практикам транспортировки, а скорее тому опыту межгрупповых контактов, который остался у принимающей стороны после волны китайской миграции в позднейимперский период.

Методологической основой представленного обзора послужили подходы в русле исторической имагологии, позволяющие трактовать маркировку социального пространства в терминах этничности, формирования и наполнения маркеров «свой» и «чужой». Возникновение ситуации относительно массовых и повседневных контактов между местными администрациями, населением и китайцами оставило за собой определённый след представлений, интерпретаций поведения прибывших на Урал китайцев.

В начале XX в. структура образа китайского мигранта приобрела более или менее оформленный вид. Это предполагало такие характеристики, как обезличенность, неприхотливость, антисанитария в быту, тотальная экономия на всём. Изворотливое или заискивающее поведение сочеталось с высокой конкурентоспособностью и высокой скоростью в освоении новых сфер деятельности (*Восток России...*, 2011: 464). Мы попытаемся изучить документы вышеупомянутых архивов на предмет (не)соответствия этой конструкции.

Миграции являлись и, надо отметить, остаются по сей день непременным условием существования и развития переселенческих сообществ в Азиатской части России. Крайне важен учёт социального контекста этих событий. Позднейимперская модернизация во многом породила социальные и политические контексты, в которых этнические характеристики приобретали всё более существенное значение в повседневной жизни. В результате возрастало значение этих характеристик и в оценке потоков внутренней и внешней миграции. Представления об этническом многообразии становились важной составляющей в процессах формирования и развития переселенческих обществ Востока России, рассматривались современниками как одна из важнейших их характеристик наряду с сословной и конфессиональной принадлежностью (см.: *Дятлов, 2014; Дятлов, 2015: 10*).

3. Обсуждение

В исторической литературе востребован более детальный анализ реакций позднейимперского общества на этнизацию общественной жизни, в условиях модерна, и маркирование в этнических категориях объектов пространства позднейимперского города и др. Понимание той социальной оптики, сквозь которую конструировались образы «других», поможет лучше видеть социальные и политические процессы в Российской империи рубежа XIX–XX вв. (см.: *Восток России...*, 2011; *Переселенческое общество...*, 2013).

Во многом взаимодействие с китайцами начиналось с появления в городах Дальнего Востока локаций, маркированных в качестве «китайских»: это рынки, кварталы и др. (*Нестерова, 2008; Урбански, 2021*). На формирование отношения к китайцам в позднейимперской России оказывал влияние целый ряд факторов: ощущение слабой контролируемости дальневосточных окраин, страх

перед китайцами как сильными конкурентами в области предпринимательства, освоение природных ресурсов этой огромной территории и т. д. (Siegelbaum, 1978; Дятлов, 2000; Yin Hsu Chia, 2006; Ходяков, 2018). Особенности трудовой миграции в годы Первой мировой войны достаточно подробно реконструированы историками (Дацышен, 2008; Каменских, 2011; Ходяков, 2019; Хасанова, 2019; Alexeeva, 2018). Однако отношению к китайцам в позднеимперский период до сих пор посвящено не так много работ, и источники, на которых они основываются, происходят преимущественно с русского Дальнего Востока (Дятлов и др., 2020; Antoshin, 2022).

Управленцы признавали, что присутствие китайцев на территории империи влекло за собой целый ряд нежелательных последствий, но некоторые запросы о разрешении «жёлтого» труда власти находили целесообразными. Для защиты экономики Дальневосточного региона от дешёвого труда китайцев и корейцев готовился комплекс законодательных и управленческих мер (Ходяков, 2019). Первая мировая война вызвала острый дефицит рабочей силы, и правительство признало необходимость привлечения к работам представителей «жёлтой расы». Противники этого решения приводили весомые аргументы – от возможности проникновения германских шпионов и опасного засилья «желтолицых» на рынке труда до «заноса эпидемических заболеваний» (Ходяков, Чжао, 2017: 8).

Таким образом, в исторической литературе поднятая проблема изучена, но по-прежнему сохраняются территориальные и содержательные лакуны. Образ «другого» в позднеимперской России нуждается в дальнейшей рефлексии, расширении как территориальных рамок рассматриваемых сюжетов, так и привлечении новых источников (Образы «Других»..., 2025).

4. Результаты

Хотя присутствие китайцев на Урале носило кратковременный характер, этот эпизод существенно повлиял на этнокультурное пространство региона, поскольку это был первый опыт относительно массовых контактов уральцев с китайскими мигрантами. В результате чего сложился пласт исторической памяти о взаимодействии с новым, невиданным ранее в территориальных рамках Урала «другим». Участниками этих процессов выступали не только китайцы. Деятельное участие проявили местные органы власти, администрации заводов и копей, в какой-то мере свою роль играли рядовые представители принимающего сообщества, усваивавшие опыт отношений с мигрантами. Все эти акторы приняли участие в этнизации пространств и отношений, категоризации и наполнении образа «других» своим содержанием. Осознанное или спонтанное применение сторонами механизмов этнизации социальных пространств и отношений постепенно приводило к формированию этнически маркированных локаций и контактов (китайские бараки, отношения и т.д.). Определённые группы наделялись статусом «других», что делало коммуникацию с ними более понятной, предсказуемой, способствовало выработке языка описания для таких отношений. Такое маркирование помогало выработке инструментов социального контроля и управления.

Первый опыт взаимодействия с китайцами пришёлся на период Русско-японской войны, когда с театра военных действий в Пермскую губернию выдворили несколько сотен японцев, китайцев и корейцев (Каменских, 2009а). Хотя Урал находился на существенном удалении от маршрутов миграции из Азии, прибытие заметного для жителей Перми контингента выдворенных стало предметом оживлённых обсуждений в печати и среди населения. Численность водворенных китайцев со временем менялась, но находилась в пределах 100–150 чел., что для Перми, население которой не превышало 70 тыс. чел., стало заметным для формирования представлений о «других». Кроме того, факт компактного проживания китайцев, японцев и корейцев вызывал пристальный интерес к ним со стороны горожан.

Китайцы, находившиеся в крае в 1904–1905 гг., были замечены в организации цирковых представлений, которые, судя по всему, пользовались немалым успехом. В архивных документах и периодической печати сохранились упоминания минимум трёх цирковых трупп, дававших представления в Перми и близлежащих городах. Упоминались зрелищные «номера со змеями в исполнении китайцев» (ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 39, 85; Пермские губернские ведомости, 1905). В целом реакция принимающей стороны на «желтолицых» оказалась достаточно доброжелательной. Конфликты между местными жителями и выдворенными носили единичный характер и, скорее всего, возникали на бытовой и межличностной почве. На страницах «Пермских губернских ведомостей» неоднократно отмечалось доброжелательное отношение горожан к китайцам (Пермские губернские ведомости, 1904а).

Стоит отметить, что отношения между представителями групп выдворенного населения складывались непросто. Когда в Пермь прибыла крупная партия таких лиц в составе корейцев и китайцев, их расселили в одном бараке, что в первый же день привело к конфликту, в урегулирование которого пришлось вмешаться полиции (Пермские губернские ведомости, 1904б). В дальнейшем власти селили представителей разных народов отдельно, чтобы избежать нежелательных инцидентов. В скором времени китайцы, за редким исключением, покинули территорию губернии вплоть до 1915 г., когда российские власти и промышленники наладили практику привлечения китайской рабочей силы на уральские заводы и копи.

Так формировался повседневный опыт социальных взаимодействий с китайцами. Этот опыт скорее укладывался в представления об экзотизации выходцев из Поднебесной. Основным механизмом конструирования «других» в лице китайцев становился акцент на выделении и гиперболизации различий, которые определяли их поведение, образ жизни, особенности взаимодействия с ними. В условиях трудовой миграции контакты с китайцами происходили не в пространстве городов, а преимущественно на заводах и коях, куда их привлекали в надежде компенсировать острый дефицит рабочей силы, возникший на фоне мобилизации в армию и стремительных темпов роста военного производства.

Одной из основных особенностей восприятия китайцев в позднеимперской России становился акцент современников на их массовидности. Иными словами, китайцев рассматривали как «толпу или массу» (Дятлов, 2014). Данный стереотип во многом подкреплялся тем, что у властей и администрации предприятий, куда приехали рабочие, так и не получилось наладить систематический учёт китайских рабочих (Benton 2007: 21; Каменских 2011: 50). Трудности с осуществлением статистического учёта начались у чиновников и заводского начальства сразу же после прибытия первых групп китайских рабочих. В документах отмечалось, что во многих случаях даже не представлялось возможным достоверно установить личности прибывших. Во время транспортировки их состав мог меняться: в вагоны подсаживались больные и инвалиды, кто-то просто сбегал по пути. Многие ехали без надлежащих документов, а если документы и были на руках, то весьма сомнительные. Фотографии в паспортах зачастую являлись чужими или вовсе отсутствовали (ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 152. Л. 35). Губернатору даже пришлось распорядиться о проведении полной проверки всех китайских горнорабочих, включая сличение их личности по паспортам (ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 595. Л. 31). Общее количество китайцев, прибывших в 1915 – частично в 1917 г. на предприятия Урала, оценивалось лишь приблизительно и находилось в пределах 8–10 тыс. чел. Регулярные проблемы, связанные с учётом, служили современникам ещё одним подтверждением стереотипа о китайцах как о группе практически неконтролируемой и неисчислимой.

Часто в документах предприятий встречалось негодование, что «все китайцы на одно лицо» (ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159. Л. 26). Особенно ярко этот аспект восприятия проявлялся при расследовании массовых волнений на предприятиях и коях, где работали китайцы. Неспособность в буквальном смысле отличить одного китайца от другого чрезвычайно затрудняла идентификацию и вела к утрате важной информации, например о времени и месте ареста. Так, после подавления беспорядков китайских рабочих в Алапаевском горном округе в мае 1916 г. из 238 задержанных в ходе расследования удалось опознать лишь 31 участника (ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159. Л. 26).

Несмотря на глубоко укоренившийся стереотип о жёсткой трудовой дисциплине и способности китайцев осваивать новые сферы деятельности, уральские материалы часто свидетельствуют об обратном. Плохо отлаженная система массового найма мигрантов на уральские заводы порождала множество неурядиц, способствовавших формированию негативного образа «жёлтых людей». Явное отсутствие взаимопонимания между работодателями и рабочими приводило к массовым нарушениям трудовой дисциплины, прогулам, низкой производительности труда и «лени». Рабочие играли в азартные игры, вмешивались в решения руководства и пытались сами назначать себе выходные. Руководство, в свою очередь, часто пренебрегало правами китайских рабочих, что выливалось в серьёзные столкновения, о которых речь шла выше (Каменских 2009b; Alexeeva 2018). Ускоренный характер набора китайцев иногда приводил к тому, что на заводы приезжали те, кто вовсе не имел минимального опыта работы на заводах, коях и лесозаготовках. Так, Екатеринбургский исправник в 1916 г. сетовал, что прибывшие китайцы не умели рубить дрова, не знали, как обращаться с пилой и др. (ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 35).

Остались в документах свидетельства о повседневной жизни китайских рабочих. В свободное от работы время они занимались главным образом «праздношатанием» по округе. Весьма популярны были и карточные игры, особенно среди рабочих Надеждинского завода. Согласно докладным того времени, подобное времяпрепровождение «вместо отдыха» приводило к тому, что «китайцы выходили на работу усталыми и работали слишком лениво» (ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 301. Лл. 114-115). В ноябре 1916 г. Кизеловская контора князя Абамелек-Лазарева отчиталась о весьма скромных средних показателях китайских рабочих. Производительность труда китайца составляла 40–50 % от результатов вольнонаёмного рабочего: это, по сути, самый низкий показатель среди всех категорий рабочих (ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 350б., 42-43).

Пристальное внимание местных властей уделялось санитарному и медицинскому вопросам. Сложность в их решении составляло то, что китайцы неохотно обращались за медицинской помощью и предпочитали заниматься самолечением. Недоверие к западной медицине и представителям российской администрации приводило к серьёзному ухудшению состояния здоровья рабочих. Учитывая такой подход к собственному здоровью, гигиене и лечению, даже лёгкое недомогание нередко приводило к увечью или даже смерти. Скажем, что в 1916 г. комиссия по обследованию быта китайских рабочих обнаружила в одном из барачных помещений практически слепого рабочего. По его словам, он всего один раз посещал врача, «предпочитая лечиться собственными “домашними” средствами,

несмотря на то, что в результате применения таких средств нередко китайцев постигает полная слепота на оба глаза» (ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 39). Уровень заболеваемости китайских рабочих выглядел в среднем выше, чем у других категорий рабочих (19 % и 13 % соответственно) (ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 100об.).

Объяснялось это рядом факторов. Большинству приходилось долго привыкать к суровому северному климату. Современники часто писали о том, что китайцы грубо нарушают нормы санитарной безопасности, зимой не одеваются по погоде, легкомысленно пренебрегая указанием носить верхнюю одежду в несколько слоёв. Безразличное отношение к технике безопасности на производстве приводило к частым травмам. Самыми распространёнными причинами попадания в медпункт на Кизеловских коях (по данным на 1916 г.) являлись разного рода ушибы и переломы (135 из более чем 500 пациентов, см.: ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 49).

На физическом состоянии рабочих сказывалась и резкая смена рациона. Рабочие страдали не только от отсутствия привычных продуктов, но и, как указывается в документах, из-за «отсутствия пищевой разборчивости» (т.е. употребления в пищу сырых грибов и трав). Последнее вызывало длительные расстройства пищеварения. Из-за несоблюдения правил гигиены, кишечных заболеваний и паразитов десятки рабочих надолго теряли трудоспособность. Кроме того, пренебрежение санитарными нормами и использование сомнительных лечебных приёмов и средств (вроде посыпания открытой раны мукой) серьёзно осложняло процесс лечения даже незначительных порезов. В результате некоторые рабочие умирали от заражения крови (ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 40, 100; ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159. Л. 4).

В период пребывания китайских мигрантов на уральских заводах проявилась и специфика социальной организации китайцев. Они предпочитали жить максимально обособленно от принимающей стороны, в решении внутренних конфликтов полагались на свои нормы социальной регуляции, шедшие вразрез с законами Российской империи. Так, для переговоров с заводским руководством выбирались специальные посредники и переводчики. В архиве хранится рапорт уездного исправника об убийстве представителя рабочих, который «при переговорах поддерживал сторону подрядчика», в результате чего рабочие приняли решение об устранении этого человека (ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5. Л. 30б.). Подобные случаи, по всей вероятности, происходили чаще, но выявить и тем более расследовать их получалось далеко не всегда.

Существенное беспокойство местных властей вызывали также китайские «братства», многие из которых вполне обособованно подзревались в преступной деятельности. Хотя члены таких братств зачастую просто давали клятву заботиться друг о друге во время пребывания на чужбине, нередко члены таких сообществ совершали преступления. Кроме того, такие практики самоорганизации воспринимались подозрительно.

Пермский губернатор М.А. Лозина-Лозинский писал полицмейстерам, уездным и горным исправникам, «что китайцы Екатеринбургского уезда начали организовывать преступное сообщество для совершения, с наступлением весны, убийств и грабежей, причем примкнувшие к этой шайке китайцы получают от организаторов особую «братскую присягу»» (ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1. Л. 224). Оперативные меры позволяли пресечь деятельность этой группы, ряд злоумышленников разоблачили и поместили под арест. Однако содержание «клятвенного обещания братства», которое подписывали его члены, достоверно установить властям так и не удалось.

В 1917 г. в условиях революционных событий китайцы начали всё чаще покидать заводы, уходя в окрестные города с целью занятия мелкой торговлей. В некоторых случаях бежавшие с предприятий китайские рабочие промышляли в населённых пунктах губернии изготовлением самогона, игрой в карты и «обременяли копи в снабжении жителей продовольствием». Такую группу в сентябре 1917 г. изобличили и отправили в распоряжение управления копей.

5. Заключение

Таким образом, в результате организованного государством быстрого и массового ввоза дешёвой рабочей силы вглубь страны образ китайца как «другого» сформировался в регионах, где прежде китайцев практически не видели и опыта взаимодействия с ними не было. Если для Дальнего Востока сосуществование с китайцами и зависимость от их труда давно являлись в порядке вещей, то для уральских промышленников стремительный наём «жёлтых» рабочих и необходимость организовывать их жизнь стали мерами непредвиденными и вынужденными. Признавая все недостатки практики широкого привлечения китайских рабочих, владельцы заводов в то же время ясно осознавали и их основные преимущества: дешевизну, неприхотливость и многочисленность.

Во многом по этим причинам уральские промышленники вплоть до середины 1917 г. продолжали привлекать всё новые и новые партии китайских мигрантов. В этом смысле предполагалось, что увеличение объёма недорогой рабочей силы может нивелировать многие недостатки механизма привлечения китайцев на заработки, компенсировать отсутствие отдельных навыков и т.д. Стоит заметить и то, что сами китайцы весьма охотно ехали работать на российские предприятия, соглашались закрыть глаза на высокую вероятность нарушения их права, на частые конфликты с администрациями и др. Удручающая ситуация в Северо-Восточном Китае приводила к

тому, что иных источников заработка у многих крестьян попросту не было, поэтому отъезд на заработки являлся частой альтернативой.

Кроме того, именно с рассматриваемым периодом связано появление в Прикамье первой локалии, маркированной в качестве китайской. Речь идёт о братской могиле китайских рабочих, погибших в годы Гражданской войны. Вышеописанные сюжеты, разумеется, не содержат исчерпывающих описаний того, как формировался и развивался образ «другого» в лице китайцев на Урале. Основной замысел представленной рукописи заключался в ином: описание основных предпосылок, динамики и механизмов этого процесса.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01086, <https://rscf.ru/project/25-28-01086/>

Литература

- Восток России...**, 2011 – Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Научный редактор В.И. Дятлов. Иркутск, 2011. 624 с.
- ГАПК** – Государственный архив Пермского края.
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области.
- Дацышен, 2008** – Дацышен В.Г. Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории // *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 5. С. 99–104.
- Дятлов, 2000** – Дятлов В.И. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 63–89.
- Дятлов, 2014** – Дятлов В.И. Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» в дореволюционной России // *Идеи и идеалы*. 2014. № 2. С. 23–41.
- Дятлов, 2015** – Дятлов В.И. Этнизация общественного пространства: причины и механизмы процесса // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 5. С. 9–15.
- Дятлов и др., 2020** – Дятлов В.И., Гузей Я.С., Сорокина Т.Н. Китайский погром. Благовещенская «Утопия» 1900 года в оценке современников и потомков. СПб.: Нестор-История, 2020.
- Каменских, 2011** – Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. СПб.: Маматов, 2011.
- Каменских, 2009a** – Каменских М.С. Китайцы, японцы и корейцы, водворенные в Пермскую губернию в годы русско-японской войны // *Уральский исторический вестник*. 2009. № 3(24). С. 49–53.
- Каменских, 2009b** – Каменских М.С. О причинах волнений китайских рабочих на Урале в период Первой мировой войны // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2009. № 1. С. 109–113.
- Нестерова, 2008** – Нестерова Е.И. «Атлантида городского масштаба»: китайские кварталы в дальневосточных городах (конец XIX – начало XX в.) // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 44–58.
- Образы «Других»...**, 2025 – Образы «Других» в России, 1547–1917 / Под ред. К. Парпней, Б. Рахимзянова. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2025.
- Переселенческое общество...**, 2013 – Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: «Оттиск», 2013.
- Пермские губернские ведомости, 1904a** – *Пермские губернские ведомости*. 1904. 8 июня.
- Пермские губернские ведомости, 1904b** – *Пермские губернские ведомости*. 1904. 8 октября.
- Пермские губернские ведомости, 1905** – *Пермские губернские ведомости*. 1905. 16 марта.
- Урбански, 2021** – Урбански С. «Китайская чума»: синофобские дискурсы во Владивостоке, Сан-Франциско и Сингапуре в конце XIX – начале XX века // *Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на)значение* / Под. ред. Болутновой, Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 269–294.
- Хасанова, 2019** – Хасанова З.Ф. Китайские рабочие в годы Первой мировой войны на Южном Урале // *Вопросы истории*. 2019. № 2. С. 133–139.
- Ходяков, 2018** – Ходяков М.В. Желтороссия конца XIX — начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // *Новейшая история России*. 2018. № 4. С. 880–897.
- Ходяков, 2019** – Ходяков М.В. Российское законодательство начала XX века об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета. Серия: История*. 2019. № 60. С. 78–83.
- Ходяков, Чжао, 2017** – Ходяков М.В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2017. № 1. С. 7–30.
- Alexeeva, 2018** – Alexeeva O. Experiencing War: Chinese Workers in Russia During the First World War // *The Chinese Historical Review*. 2018. 1: 46–66.
- Antoshin, 2022** – Antoshin A.V. The Problem of "Yellow Labor" in the Russian Far East on the Eve of World War I in the Public Space of the Region // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1440–1450.

- Benton, 2007** – *Benton G.* Chinese Migrants and Internationalism: Forgot ten Histories, 1917–1945. London, 2007.
- Siegelbaum, 1978** – *Siegelbaum L.* Another “Yellow Peril”: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. 2: 307-330.
- Yin Hsu Chia, 2006** – *Yin Hsu Chia.* A Tale of Two Railroads: “Yellow Labor”. Agrarian Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s-1910s // *Ab Imperio*. 2006. 3: 217-253.

References

- Alexeeva, 2018** – *Alexeeva, O.* (2018). Experiencing War: Chinese Workers in Russia During the First World War. *The Chinese Historical Review*. 1: 46-66.
- Antoshin, 2022** – *Antoshin, A.V.* (2022). The Problem of “Yellow Labor” in the Russian Far East on the Eve of World War I in the Public Space of the Region. *Bylye Gody*. 17(3): 1440-1450.
- Benton, 2007** – *Benton, G.* (2007). Chinese Migrants and Internationalism: Forgot ten Histories, 1917–1945. London, Routledge.
- Datsyshen, 2008** – *Datsyshen, V.G.* (2008). Kitajskaja trudovaja migracija v Rossii. Maloizvestnye stranicy istorii [Chinese labor migration in Russia. Little-known pages of history]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 5: 99-104. [in Russian]
- Dyatlov i dr., 2020** – *Dyatlov, V.I., Guzei, Ya.S., Sorokina, T.N.* (2020). Kitaiskii pogrom. Blagoveshchenskaya «Utopiya» 1900 goda v otsenke sovremennikov i potomkov [The Chinese pogrom. The Blagoveshchensk “Utopia” of 1900 in the assessment of contemporaries and descendants]. SPb.: Nestor-Istoriya. [in Russian]
- Dyatlov, 2000** – *Dyatlov, V.I.* (2000). Migratsiya kitaitsev i diskussiya o «zheltoi opasnosti» v dorevoljucionnoi Rossii [Chinese migration and the “yellow peril” debate in prerevolutionary Russia]. *Vestnik Evrazii*. 1: 63-89. [in Russian]
- Dyatlov, 2014** – *Dyatlov, V.I.* (2014). Ekzotizatsiya i «obraz vruga»: sindrom «zheltoi opasnosti» v dorevoljucionnoi Rossii [Exotization and the “image of the enemy”: the “yellow peril” syndrome in prerevolutionary Russia]. *Idei i idealy*. 2: 23-41. [in Russian]
- Dyatlov, 2015** – *Dyatlov, V.I.* (2015). Etnizatsiya obshchestvennogo prostranstva: prichiny i mekhanizmy protsessa [Ethnization of public space: causes and mechanisms of the process]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. 5: 9-15. [in Russian]
- GAPK** – Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archives of Perm Krai].
- GASO** – Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti [State Archives of Sverdlovsk Oblast].
- Hasanova, 2019** – *Hasanova, Z.F.* (2019). Kitaiskie rabochie v gody Pervoi mirovoi voiny na Yuzhnom Urale [Chinese Workers during World War I in the Southern Urals]. *Voprosy istorii*. 2: 133-139. [in Russian]
- Kamenskikh, 2009a** – *Kamenskikh, M.S.* (2009). Kitaitsy, yapontsy i koreitsy, vodvorennye v Permskuyu guberniyu v gody rusско-yaponskoi voiny [Chinese, Japanese, and Koreans Relocated to Perm Province During the Russo-Japanese War]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 3(24): 49-53. [in Russian]
- Kamenskikh, 2009b** – *Kamenskikh, M.S.* (2009). O prichinakh volnenii kitaiskikh rabochikh na Urale v period Pervoi mirovoi voiny [On the causes of Chinese workers' unrest in the Urals during the First World War]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istorija*. 1: 109-113. [in Russian]
- Kamenskikh, 2011** – *Kamenskikh, M.S.* (2011). Kitaitsy na Srednem Urale v kontse XIX — nachale XXI v. [Chinese in the Middle Urals in the late 19th – early 21st centuries]. SPb.: Mamatov. [in Russian]
- Khodyakov, 2018** – *Khodyakov, M.V.* (2018). Zheltorossiya kontsa XIX — nachala XX veka v geopoliticheskikh planakh russkoi voennoi elity [Yellow Russia of the Late 19th – Early 20th Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite]. *Novejshaja istorija Rossii*. 4: 880-897. [in Russian]
- Khodyakov, 2019** – *Khodyakov, M.V.* (2019). Rossiiskoe zakonodatel'stvo nachala XX veka ob ispol'zovanii zheltogo truda v ekonomike Dal'nego Vostoka [Russian Legislation of the Early 20th Century on the Use of Yellow Labor in the Economy of the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. 60: 78-83. [in Russian]
- Khodyakov, Chzhao, 2017** – *Khodyakov, M.V., Chzhao, Ch.* (2017). Trudovaja migracija kitajcev v Rossiju v gody Pervoj mirovoj vojny [Labor migration of Chinese to Russia during the First World War]. *Novejshaja istorija Rossii*. 1: 7-30. [in Russian]
- Nesterova, 2008** – *Nesterova, E.I.* (2008). «Atlantida gorodskogo masshtaba»: kitaiskie kvartaly v dal'nevostochnykh gorodakh (konets XIX – nachalo XX v.) [“Atlantis on an urban scale”: Chinese quarters in far Eastern cities (late 19th – early 20th centuries)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4: 44-58. [in Russian]
- Obrazy «Drugikh»..., 2025** – *Obrazy «Drugikh» v Rossii, 1547–1917* [Images of “Others” in Russia, 1547–1917]. Pod red. K. Parpei, B. Rakhimzyanova. SPb.: Academic Studies Press. Bibliorossika, 2025. [in Russian]
- Pereselencheskoe obshchestvo..., 2013** – *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migrations, spaces, communities]. Nauch. red. V.I. Dyatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: «Ottisk», 2013. [in Russian]
- Permskie gubernskie vedomosti, 1904a** – *Permskie gubernskie vedomosti*. 1904. 8 iyunya. [in Russian]

[Permskie gubernskie vedomosti, 1904b](#) – *Permskie gubernskie vedomosti*. 1904. 8 oktyabrya. [in Russian]

[Permskie gubernskie vedomosti, 1905](#) – *Permskie gubernskie vedomosti*. 1905. 16 marta. [in Russian]

[Siegelbaum, 1978](#) – *Siegelbaum, L.* (1978). Another “Yellow Peril”: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917. *Modern Asian Studies*. 2: 307-330.

[Urbanski, 2021](#) – *Urbanski, S.* (2021). «Kitaiskaya chuma»: sinofobskie diskursy vo Vladivostoke, San-Frantsisko i Singapore v kontse XIX – nachale XX veka. *Regiony Rossiiskoi imperii. Identichnost', reprezentatsiya, (na)znachenie* [“Chinese Plague”: Sinophobic Discourses in Vladivostok, San Francisco and Singapore in the late 19th and early 20th centuries. Published in *Regions of the Russian Empire. Identity, representation, (on)meaning*]. Pod. red. Bolutnovoi, Sanderlenda. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 269-294. [in Russian]

[Vostok Rossii..., 2011](#) – *Vostok Rossii: migracii i diaspory v pereselencheskom obshhestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [East of Russia: migrations and diasporas in a resettlement society. *Frontiers of the XIX–XX and XX–XXI centuries*]. Nauchnyi redaktor V.I. Dyatlov. Irkutsk, 2011. 624 p. [in Russian]

[Yin Hsu Chia, 2006](#) – *Yin Hsu Chia* (2006). A Tale of Two Railroads: “Yellow Labor”. *Agrarian Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s-1910s*. *Ab Imperio*. 3: 217-253.

«Другой» в позднеимперской России: китайские мигранты в Пермской губернии в начале XX в.

Андрей Александрович Авдашкин^{а, *}

^а Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования представлений о «других» в лице китайских мигрантов в позднеимперский период российской истории. На примере китайской миграции на территорию Пермской губернии в 1905–1917 гг. автор демонстрирует, как местные власти, администрация заводов и копей, частично горожане, принимали участие в содержательном наполнении образа китайцев, определении основных особенностей их социального поведения. Значительная часть этих контактов происходила не в городском пространстве, а непосредственно на производствах и в местах проживания китайских рабочих. В процессе организации, поддержания порядка и сохранения стабильной медико-санитарной ситуации среди китайцев документы уральских архивов и страницы печати наполнялись свидетельствами опыта отношений с ними. Основу эмпирической базы при подготовке представленной рукописи составили документы Государственного архива Пермского края (Пермь, Российская Федерация) и Государственного архива Свердловской области (Екатеринбург, Российская Федерация). Применённые в комплексе, эти источники могут рассказать об основных чертах, которыми наделялись китайские рабочие во время пребывания на Урале. С одной стороны, рабочая сила из Китая действительно позволила решить ряд производственных проблем благодаря многочисленности, дешевизне и неприхотливости, но в то же время опыт взаимодействий с китайскими рабочими дополнил эти представления комплексом вопросов, связанных с учётом рабочих, поддержанием санитарно-гигиенических норм и замкнутостью их сообществ.

Ключевые слова: миграция, Пермская губерния, китайцы, жёлтые рабочие, Российская империя.

---

* Корреспондирующий автор

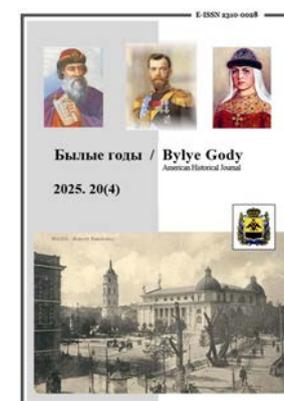
Адреса электронной почты: adrianmaricka@mail.ru (А.А. Авдашкин)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2056-2065
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2056

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The International “Odysseys” of Kazakh Political and Public Figure Shaimerden Koshygulov (early 20th century)

Samat Zhumatay ^{a, *}, Dariya P. Kozhamzharova ^b, Zhaidarman A. Ganibayeva ^c, Satay M. Syzdykov ^d

^a Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Mukhtar Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^c Aktobe Regional State University, Aktobe, Republic of Kazakhstan

^d L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The study of public figures from among the «alien» populations of the Russian Empire currently involves primarily the discovery of little-known facts. The main reason for this lies in the formerly restricted nature of the subject during the dominance of Soviet ideology – most of the deputies of the early State Dumas, following the events of 1917, ended up either in political exile or as victims of mass repressions. This research aims to reconstruct the biography of Shaimerden Koshygulov, a Kazakh from the Akmolinsk region of the Steppe Territory and a deputy of the Duma, through the prism of his extensive cultural and educational activities, which he carried out not only within his native linguistic and ethnic environment, but also in a multicultural context. The sources used in the study include archival materials from Kazakhstan and abroad, epistolary heritage, and various narrative accounts. Some data about Koshygulov are introduced into academic circulation for the first time. Using an interdisciplinary approach – at the intersection of history, political science, elite studies, and anthropology – and applying methods of critical analysis and synthesis, the study establishes that Shaimerden Koshygulov had a strong inclination toward enlightenment based on Islamic teachings. His audiences included various ethnic groups of the Russian (Bashkirs, Tatars, Sarts (Uzbeks), Azerbaijanis, etc.) and Ottoman Empires at the turn of the 19th–20th centuries. In the period around 1908–1909, already a former Duma deputy, Koshygulov was in Istanbul, where he interacted with Turkish democratic activists. The «Odysseys» of this Kazakh public figure on the international stage are of interest in terms of his communicative abilities and his hypothetical role as an authorized representative of the national political party Alash. Supporting this latter hypothesis is the fact that Koshygulov was a progressive thinker and participated in publishing a secular newspaper in St. Petersburg.

Keywords: Russian Empire, Muslims, State Duma, Kazakhs, Azerbaijanis, Steppe territory, enlightenment, exile, Shaimerden Koshygulov.

1. Введение

Международные аспекты политизации части казахского общества в начале прошлого столетия ранее не были предметом научного изучения. Инородческие народы в Российской империи зачастую воспринимались в рамках существовавшей административной и культурной иерархии как менее включённые в систему формального образования и государственной службы. Доступ к высшему образованию и государственным должностям для представителей этих народов был ограничен, хотя существовали отдельные исключения. Вместе с тем идеи либерализма и демократизации постепенно проникали в российское общество, находя отклик среди части образованных слоёв. Эти настроения усиливались на фоне внешнеполитических трудностей, способствуя росту общественного интереса к

* Corresponding author

E-mail addresses: kopeev95@mail.ru (S. Zhumatay)

реформам и расширению прав различных слоёв населения. На рубеже XIX и XX вв. передовая часть мусульманских служителей, творчески переосмыслив новые веяния в науке, педагогике, политике, совершила поистине революционный прорыв: в учебную программу медресе вводились, невзирая на ожесточённое сопротивление сторонников старого («кадым») метода, основы наук о Земле (географии, физики и др.). В Акмолинской, пограничной с Сибирью, области Степного края джадидизм также находил своих приверженцев. Однако подавляющая часть служителей веры и педагогов медресе для казахских детей и подростков края предпочла традиционную методику обучения. Тем не менее, из этой, казалось бы, ретроградной, среды выделяется незаурядная личность с большим потенциалом ратора, политика, коммуникатора, мецената, готового отстаивать интересы простых жителей края. Его личность и проявленные качества, горизонты охваченной его агитацией аудитории слушателей-прихожан, коллег по депутатскому корпусу и учеников, вызывают неподдельный интерес. Шаймерден Косшыгулов активно проявил свои способности как во внутривнутриполитической жизни России, так и во вне империи.

2. Материалы и методы

Ввиду слабой разработанности темы, опорой исследования были использованы раритетные источники рубежа XIX–XX вв. из Османского архива Турецкой Республики (ОАТР) (г. Стамбул, Турецкая Республика), Российского государственного исторического архива (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), в частности: РГИА. Ф. 102. Оп. 28. Д. 60; РГИА. Ф. 102. Оп. 28. Д. 147; РГИА. Ф. 565. Оп. 6. Д. 23396. РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 318. Л. 44–47 и др. Определённую пользу в плане установления взаимосвязей внутри мусульманской фракции Думы, в лице азербайджанских и казахских депутатов, сыграли документы из фондов Государственного архива Азербайджанской Республики (ГААР. Ф. 3172. Оп.1. Д. 6). Из казахстанских архивов изучены материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК): ЦГА РК. Ф. 369. Оп.1. Д. 3828. ЦГА РК. Ф. 369. Оп.1. Д. 2653 и др., а также Государственного архива города Астаны (ГАГА. Ф. 244. Оп. 1. Д. 49; Ф. 244. Оп. 1. Д. 59) и проч.

По сведениям, изученным нами в личном архиве казахстанского краеведа, писателя Жайыка Бектурова, в период якутской ссылки Косшыгулов был востребован среди отбывавших ссылку мусульман, этнических татар и башкир. Эти материалы позволили по-новому взглянуть на личность Шаймердена Косшыгулова, не терявшего хладнокровия.

Роль нарративов в изучении общественно-полезной деятельности казахской интеллигенции, священнослужителей начала XX ст. чрезвычайно ошутима. Среди рукописных источников нами было обнаружено и впервые вводится в научный оборот стихотворение, посвящённое Ш. Косшыгулову, написанное его внучатым племянником Саду, жителем аула Балыкты Акмолинской области. Данный раритет хранился в семейном архиве Есмагамбетовых, которые являются родственниками по линии родного брата Шаймердена, по имени Калыш. Автор посвящения, Саду, был учеником Шаймердена Косшыгулова и был очевидцем его жизни, и в данном стихотворении он отмечает просветительскую деятельность учителя и широкий кругозор, позволивший ему контактировать с выдающимися личностями своего времени: Исмаилом Гаспринским, Абаем Кунанбаевым и др.

Дополнительными источниками исследования темы служат опубликованные документы по работе фракций Государственной Думы (Третий..., 1906 и др.), фотоснимки депутатов Думы, столичное печатное издание «Санкт-Петербургские ведомости» за соответствующий период и проч.

Поскольку основная доля архивных источников о Шаймердене Косшыгулове (РГИА, ЦГА РК) освещает его деятельность в пределах Степного генерал-губернаторства и Санкт-Петербурге, особо ценным разрядом тематических источников нам представляются те редкие источники, в частности, малоизвестные рукописи, которые сохранили ценные факты о джадидской деятельности казахского просветителя в годы первой ссылки, а именно в Якутии. Нами впервые обнаружены редкие рукописи в фондах Карагандинской областной юношеской библиотеки имени Ж. Бектурова (г. Караганда, Республика Казахстан), в которых сообщаются неизвестные факты со слов племянника Шаймерденова, что позволило расширить прежние представления о географии просветительской работы Ш. Косшыгулова. Сведения из них впервые вводятся в научный оборот.

Методология исследования темы опирается на традиционные методы гуманитарных наук, диалектической логики, индукции и дедукции, верификации источников, принцип историзма, компаративный анализ и др. Междисциплинарный подход применялся на стыке наук: истории, политологии, лингвистики, этнологии, с целью погружения в глубину межкультурных контактов интеллигенции Российской империи и стран Европы.

3. Обсуждение

Биография уроженца аула Балыкты Котыркульской волости Кокчетавского уезда Шаймердена Косшыгулова (1874–1932) охвачена штрихами в ряде публикаций последних лет (Zhumatay et al., 2024). Будучи выпускником традиционных духовных учебных заведений Российской империи (в Бухаре), он сумел в начале XX ст. организовать обучение казахских детей в аульной школе. Школа располагалась в ауле Балыкты Котыркульской волости Акмолинской области (Гюллу, 2024). В число

его учеников входили родственники по линии отца, Галиолла и Файзолла Галимжановы, ставшие впоследствии известными казахскими просветителями, авторами стихотворных поэм, научных статей и редакторами.

Краеведческие изыскания указывают на тот факт, что также Шаймерден Косшыгулов приложил усилия для подготовки казахских учащихся на базе медресе в городе Кокчетав, уездном центре той же Акмолинской области (Zhumatay et al., 2024: 400). Для того времени, в северных областях Казахстана, он стал крупной ответственной фигурой в сфере традиционного просвещения.

Уникальный случай, когда служитель ислама, мулла, стал народным избранником от жителей Акмолинской области, – яркая страница его ответственной деятельности, к сожалению, также оставалась долгие десятилетия в тени. Фрагментарно о нём упоминает в диссертации С. Казиев, когда пишет: «В работе двух мусульманских съездов (январского 1906 г. и августовского 1906 г.) в Нижнем Новгороде из числа казахов участвовали Ш. Косшегулов (варианты – Кошегулов, Косшыгулов) и С. Джантюрин» (Казиев, 2015: 172). Изданы были постановления III Всероссийского Съезда (Третий, 1906), которые исследует учёный из Уфы И. Загидуллин (Загидуллин, 2020: 28-36). В работе этого съезда участвовал кумир тюркской передовой интеллигенции Исмаил Гаспринский.

Интересные суждения высказывает российский исследователь Ю.А. Лысенко о периоде работы II Думы, когда под давлением депутатского корпуса было созвано Правительственное совещание по вопросу землеустройства казахов. В его работе приняли участие депутаты от Степного края: Каратаев, Беремжанов, Нороконеv, Кошегулов (Лысенко, 2019: 84).

Статус экс-депутата Думы сыграл для его обладателей роковую роль не единожды: во-первых, в связи с отказом от политики либерализации Николаем II, и во-вторых, с установлением власти большевиков. В исторической литературе также слабо отражено, что и после 1917 г. Шаймерден Косшыгулов сохранил общественную активность, навлекши на себя новый виток гонений. Ранее мы писали о его пребывании в Стамбуле, после роспуска царём Думы, опираясь на сведения турецкой периодической печати начала XX в. (Zhumatay et al., 2024). Русскоязычная историография дореволюционного этапа о казахских депутатах не могла сложиться, поскольку обстоятельства в стране в канун 1917 г. сложились не в пользу размеренного, академического описания деятельности Думы. Из зарубежных исследований представляет интерес издание исторического очерка турецким учёным (Aykut Kansu, 1997) о событиях 1906–1908 гг. в Турции, в ходе которых складывались предпосылки революции и выборов 1908 г. Так, 1908 г. открыл новую эру представительного правления в Малой Азии, подспудно способствуя свержению старого режима. В контексте нашего исследования детализация политического фона начавшихся в Османской империи реформ представляет несомненный интерес. Вместе с тем в упомянутой книге не охвачены одномоментные события в российской Центральной Азии, либо они описаны поверхностно ввиду дефицита оригинальных источников.

Другой исследователь из Азербайджана, Йологлу Гюллу (Маммадли) обратил внимание на политическую фигуру Ш. Косшыгулова в разрезе общей борьбы тюрков-мусульман за пробуждение Востока (Гюллу, 2024: 74-85). Он, в частности, приводит суждение о знакомстве Шаймердена с Гаспринским, когда характеризует итоги Третьего Всероссийского съезда мусульман в 1906 г. Тогда в Нижнем Новгороде Шаймердена избрали в состав Комиссии по разработке программы Союза Российских мусульман. И тогда же в состав руководства Союза были избраны А. Топчибашев, И. Гаспринский, А. Ибрагимов, Ш. Косшыгулов и др. (Гюллу, 2024: 76). Азербайджанец в числе мусульманской фракции депутатов Думы, Зейналов Зейнал Эйналович, был знаком с казахским депутатом (Гюллу, 2024: 80).

Активную позицию казахского депутата-муллы отметила исследователь из Татарстана Д.М. Усманова (Усманова, 2024: 85-100). Её заключения касаются преимущественно доли мусульманской элиты в составе депутатского думского корпуса (Dohm, 2008). В другой своей работе Д. Усманова указывает, что в ходе обсуждения в Думе аграрного вопроса Косшыгулов, хорошо ориентируясь в специфике казахского типа хозяйства, высказал особое мнение о правовых сторонах регулирования спорных моментов (Усманова, 2005: 116).

История падения одной из старейших монархий интересует учёных разных научных школ. Так, американский историк Юджин Роган является автором монографии о падении Османской империи (Rogan, 2015). Подробная история последних лет Османской империи изложена в строгом стиле, давая в целом необходимую перспективу для понимания ситуации на Ближнем Востоке. В данной публикации в меньшей степени характеризуются взаимоотношения среднеазиатских тюрков с оттоманскими правительственными кругами.

Таким образом, обозначенная нами тема внешних коммуникаций инородцев России на рубеже веков весьма слабо освещена в историографии, тогда как источники свидетельствуют о целенаправленной миссии казахского муллы и депутата, которая заслуживает внимания.

4. Результаты

1. Изучение на системной основе его общественно-политической деятельности, безусловно, приводит к глубокому выводу, что фигура Шаймердена Косшыгулова в определённой степени

должна была рассматриваться как равнозначный вклад в дело народного просвещения его предшественников, оставивших след в истории казахского просвещения – Ибрай Алтынсарин (1841–1889) и его последователи. Однако, в силу господствовавшей идеологии, деятельность служителей веры на nive просвещения не рассматривалась всерьёз. Тогда как его вклад в народное просвещение не ограничивался пределами Степного края; Косшыгулов активно переписывался с яркими личностями, как Ибрагим Кунанбаев, другими тюркоязычными поэтами, публицистами, духовными учителями Поволжья, Бухары, Сибири и Османской империи (Турции). Таковая активность вызывала негодование администрации края, что отражено в переписке Министерства внутренних дел России с региональными департаментами полиции. В них, в частности, обращалось внимание на печатную продукцию на языках инородцев. В информировании общественности власти разглядели потенциальную опасность для жителей Степного края. Политический надзор усилили в данной местности, гласными и негласными надзорами, они же до последнего времени, например, в г. Омске, владели местной печатью (РГИА. Ф. 102. Оп. 28. Д. 60. Л. 1). Родной город для Шаймердена, Кокчетав, находившийся в непосредственном подчинении Омску, также был в эпицентре описанных в источнике перемен.

Характерно, что в годы депутатской деятельности Косшыгулов охотно сотрудничал с политическими и общественными деятелями Поволжья, вместе с которыми участвовал в подготовке запросов от имени членов мусульманской фракции. Общность наказов и интересов расширили круг его знакомств и способствовали выработке собственной платформы политического поведения. Так, его хорошо знал чингизид из Уфы Жантюрин Салимгерей, а также И. Гаспринский и депутаты из разных регионов России: Махмудов, Тевкелев, Коншин и др.

2. Мировоззренческие изыскания и общественно-политические взгляды Шаймердена Косшыгулова до сих пор не получили системного отражения в исторической литературе. Причинами такой ситуации, на наш взгляд, оказывались внешние политические обстоятельства: с одной стороны, он был неугоден местной уездной администрации в монархический период, поскольку власти откровенно опасались консолидации исламских служителей и роста личного авторитета отдельных священнослужителей. Соответственно, деятельность депутата-муллы была под бдительным надзором полицейских ведомств, ему был закрыт доступ к печати.

Тем не менее, Косшыгулов был обладателем высокого статуса депутата, а затем экс-депутата Государственной Думы I и II созывов, что позволяло ему путешествовать по России и за её пределы.

Нами сделана попытка систематизировать данные о ближних и дальних поездках Ш. Косшыгулова в исследуемый хронологический отрезок (см. ниже в форме [Таблицы 1](#)).

Таблица. География культурно-просветительской одиссеи Ш. Косшыгулова (конец XIX – начало XX в.)

№	Маршруты	Источники
1	Петропавловск. Кокчетав	ПМА – Полевые материалы автора
2	Бухара	ПМА
3	Якутская область	РГИА, ЦГА РК
4	Санкт-Петербург	РГИА, ЦГА РК
5	Уфа, Самара	ПМА
6	Одесса	ПМА
7	Стамбул	Османский архив

3. Во внутренней политике царская администрация большое внимание уделяла миссионерской деятельности православных служителей. Задача христианизации кочевого и полукочевого казахского населения, других инородцев решалась по мере продвижения русской культуры и образования вглубь Степного края. Сохранились разножанровые источники о методах и количестве приверженцев учения Христа из числа киргизов, как тогда именовали казахское население Алтая и Степного края ([Отчет..., 1889: 15-18, 20-21](#)).

4. 30 апреля 1894 г. Синод принял указ об «открытии православной миссии среди киргиз, населяющих Тобольскую епархию» в составе трёх станом: Акмолинского, Каркаралинского, Атбасарского ([Горный..., 1902: 27](#)). Усиление миссионерской политики в Степном крае и ограничение прав уммы привели во второй половине XIX в. к недовольству коренного населения. Ведь согласно Временному Положению 1868 г., возведение мечетей дозволялось только лишь с разрешения генерал-губернатора ([Шерстова, 2007: 99](#)).

5. Население, осознававшее веру как неотъемлемую составляющую идентичности, увидело в ограничениях возведения мечетей и медресе ощутимую угрозу ([Прошлое..., 1997: 24–27](#)).

Приблизительно в 1903 г. в Петропавловске, Кокчетаве и Акмолинске Мухамеджаном Бегишевым, муллой смешанной (казахско-татарской) мечети Петропавловска, было инициировано общественное движение, в основе коего лежал протест против царской политики в сфере вероисповедания.

Активно поддерживавшие Бегишева казахские служители ислама: авторитетный в крае Науан Хазрет (полное имя и фамилия – Наурызбай Таласов), мулла и помощник хазрета Шаймерден Косшыгулов и другие. Основные условия сводились к требованию от губернской и местной уездной администрации уважения к казахским обычаям и традициям и сохранения численности мусульманских школ (ЦГА РК. Ф. 151. Оп. 2. Д. 359. Л. 29–30).

6. Власти отреагировали на всплеск общественного недовольства лишь эскалацией гонений. Как зачинщики волнений, авторитетные муллы Наурызбай Таласов (Науан хазрет) и Шаймерден Косшыгулов (Шамке), и некоторые их сторонники были высланы в Сибирь под строгим сопровождением. Арестованные были изолированы от всяких возможных контактов с земляками, во избежание новых волнений.

Однако эти меры лишь усугубили ситуацию: своих духовных наставников местная паства не желала отпускать в ссылку (ЦГА РК. Ф. 151. Оп. 2. Д. 359. Л. 19). Была инициирована подача казахскими авторитетными лицами петиций на имя монарха, в столичные министерства. Подписавшие петиции требовали, как минимум, возвращения из незаслуженной ссылки мулл, возобновления прежнего порядка разрешений на постройку мечетей и медресе, разрешения безлимитного хаджа в Мекку и проч. (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2653. Л. 55–58). Факт исключительный, на фоне тотального запрета любой критики в адрес уездного начальства, за что, судя по документам, полагалось взыскание на выбор самого уездного начальника (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2653. Л. 47об.–48).

Все эти действия будировали местную атмосферу, нервируя полицейские чины. Все силы Министерства внутренних дел были брошены на подавление протестов. Не случайно, депеши Степного генерал-губернатора из Омска в столицу за 1907 г. заполнены ходатайствами о награждениях тех, кто оказал содействие администрации просьбами выделить: «...нескольких наград сверх нормы для награждения некоторых чинов, благодаря заботам, неусыпным трудом и самоотверженной деятельности которых удалось предохранить Степной край от возникновения и развития в нём событий, охвативших в конце 1905 года некоторые местности Империи» (РГИА. Ф. 102. Оп. 28. Д. 147. Л. 95).

Как выясняется из содержания источников, администрацию Степного края больше волновали другие вопросы. К примеру, уповая на то, что наплыв переселенцев вызывает необходимость перемен в быте местного инородческого населения. Соответственно, Степной генерал-губернатор хлопотал об увеличении штатов уездных управлений (РГИА. Ф. 565. Оп. 6. Д. 23396. Л. 2–3). В свою очередь, к нему обращались с аналогичными просьбами нижестоящие чиновники Акмолинской области (РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 318. Л. 44–47).

Степное население между тем страдало от различных поборов в пользу уездного начальства. Передовые издания публиковали очерки о незавидном положении казахов, вынужденных за свои средства обеспечивать транспорт и тарантасы для чиновников. «Летом 1903 года, – язвительно сообщал корреспондент еженедельника “Вестник казахских войск”, – из Акмолинского областного правления, циркулярно предписано всем управителям (волостные старшины) собрать с киргиз по приговорам обществ деньги для заготовления сбруй и экипажей на разъезды чиновников по степи» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3828. Л. 9–9об.).

Весной 1907 г. Степной генерал-губернатор на особом совещании рассматривал складывавшуюся дилемму: о передаче казахов в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания, либо – об образовании Степного муфтиата (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 938). Внимательно изучив материалы этого совещания, сопоставив их с программой (которая будет выдвинута десятью годами позднее, в 1917 г.) национальным политическим движением – партией Алаш, можно заметить общность требований. И в 1907 г., и спустя десять лет, казахские избранники выдвигали в качестве национального самоопределения требование о муфтиате – своеобразном духовном централизованном ведомстве по управлению уммой (мусульманское сообщество). Именно тогда, на наш взгляд, сформировалась общая платформа основателей светской партии Алаш, в лице А. Букейханова, А. Байтурсынова и М. Дулатова, с одной стороны, и – духовных лидеров казахского народа, авторитетных и гражданских активных мулл, с другой. Последующие действия – Одиссея – Косшыгулова прямо свидетельствуют о его решительности в плане поиска зарубежных сторонников выдвинутых народом требований в плане защиты свободы вероисповедания, как одного из признаков идентичности. В частности, речь идёт о его мотивированном посещении Османской империи.

7. Примерно в 1907 г. по согласованию с лидерами Алаш, Шаймерден Косшыгулов направился в Османскую империю, где встречается с членами правительства, позже поведав на страницах стамбульской прессы о чаяниях казахского народа (ОАТР. Ф. 84. Д. 2902. Л. 1–5).

Вера в учение Пророка как немаловажный этнокультурный компонент, идентификационный критерий, безусловно, открывала посланнику Алаш двери во дворцах и жилищах простых жителей Стамбула. Одиссея казахского экс-депутата воплощала в себе целый ряд составляющих. Это и духовная миссия, о которой сказано выше, и братство языков, и то, что в стамбульских учебных заведениях в то время обучалось немало казахских юношей, с которыми он встречался и материально их поддерживал как земляк и просветитель, верующий в будущее нации, и думы о том, что Степной край переживал бум переселенческой иммиграции.

Проводя компаративный анализ двух одиссей Ш. Косшыгулова – поездки в Османскую империю и Якутскую область России, то все перечисленные в предыдущем абзаце грани его миссии совпадают. И в первом, и во втором случаях, прежде всего, граждански активные члены казахского сообщества актуализировали право народа на землю, свободу вероисповедания, языковую идентичность. В недрах сообщества зрело решение бороться за неделимость достояния нации – земли, на которую увеличилось многократно давление вследствие прибытия переселенцев из Центральной России. Этот актуальный вопрос депутаты, в их числе Косшыгулов, поднимали на съездах, привлекая внимание правительства. Передовая российская общественность реагировала на сложившееся положение дел, констатируя, что «...десятками тысяч посылает каждый год Европейская Россия в Сибирь своих пионеров и колонизаторов. По данным железнодорожной статистики, прошло переселенцев в Сибирь через Челябинск в 1896 году приблизительно около 180 тыс. человек. В 1897 году прошло их туда уже в три раза менее, а именно: 61 720 чел. Но уже в 1898 году, с 1 января по 1 сентября, то есть в течение 8 месяцев, цифра переселенцев достигла 160 тыс. человек» (Оренбургский, 1899: 2).

Однако, несмотря на требования народных избранников от казахов-инородцев Степного края, члены правительства отказались санкционировать немедленное прекращение процесса создания переселенческих участков в Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях. Не были законодательно закреплены земельные права коренного населения, невзирая на депутатские запросы. По решению Сопровождающего, землеустройству подлежали лишь хозяйства тех казахов, которые перешли на оседлый образ жизни (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 199–275).

И после, Ш. Косшыгулов и другие члены семьи Косшегуловых были объектом гонений со стороны сильных мира сего; добротные дома выставлялись на торги и меняли хозяев (ГАГА. Ф. 244. Оп. 1. Д. 49), частная собственность семьи становилась предметом публичных обсуждений (ГАГА. Ф. 244. Оп. 1. Д. 59).

Шаймерден Косшыгулов был видным просветителем своего времени, на базе исламского вероучения пришедшим к пониманию поликультурного характера прогрессивных реформ, роли меценатства в системе народного образования и воспринявшим положительно принципы активной гражданственности и осознанной политической деятельности. Помимо теоретического осмысления значения социальных реформ, он, в пределах Акмолинской области, на практике внедрил систему обучения для передачи основ научных знаний аульным детям и подросткам; его ученики стали впоследствии просветителями, деятелями Алаш, интеллигенцией, оставили заметный след в поэзии, публицистике, журналистике и т.д. Его гражданская позиция вызывала негативную реакцию со стороны местной уездной администрации, недовольной той критикой, которую откровенно высказывал, устно и письменно, Косшыгулов в своих публичных выступлениях.

Вернувшись из якутской ссылки, не потеряв силу духа, он активно включается в предвыборное состязание и избирается депутатом высшего органа России, Государственной Думы (!). Будучи в столице империи, он успевает приложить усилия к изданию газеты на казахском языке «Серке». Сам факт разработки им проекта газеты свидетельствует о его заинтересованности в запуске постоянного коммуникационного информационного портала, который бы стал агрегатором новостей для российских мусульман. В газете «Серке» был опубликован материал его земляка, Мухамеджана Тынышпаева о положении казахского народа и другие статьи просветительского плана. То есть казахскому депутату были присущи еще и передовые качества редактора-издателя, к сожалению, не реализовавшиеся в полной мере. Он обладал одной из крупных для своего времени библиотек, способствовал распространению печатных изданий, книг и журналов.

По мнению исследователей, мотивацией дальней поездки Шаймердена был успешный визит его троюродного брата Абдырахмана Магзум Калкай ишана (полное имя Калмухамед), совершившего хадж в 1903–1905 гг. Абдырахману даже удалось участвовать на приеме самого султана Абдулхамита II (Zhumatay et al., 2024: 396) и он мог сохранить нужные стамбульские связи, которыми и воспользовался Ш. Косшыгулов.

Наконец, будет не лишним напомнить более известный в историографии факт, что за год примерно до одиссеи Косшыгулова, Стамбул посетил после совершенного в 1906 г. в Мекку хаджа племянник Ибрагим Кунанбаева, философ и поэт Шакарим Кудайбердыев. Однако цели поездки последнего были отнюдь не политического характера; Шакарим много путешествовал, побывал в Египте, а в Стамбуле занимался научной работой в библиотеках, приобретал интересующие его книги. Впоследствии это позволило Кудайбердыеву написать исторический очерк о казахах. Гражданская позиция Шакарима проявилась в философском осмыслении судеб казахского народа, то есть его поездка существенно отличалась от целей Косшыгулова.

Собственно, обе миссии: и Кудайбердыева, и Косшыгулова, помимо фиксации достаточно распространённой в Центральноазиатском пространстве практики посещения мусульманских центров, среди которых Стамбул занимал одно из главных мест, имеют и другие общие черты. Оба представителя передовой части казахской интеллигенции хорошо были знакомы с чингизидами, представителями рода Букейхановых, из которых на политическую орбиту в первом десятилетии XX в. стремительно вышел Алихан Нурмухамедович Букейханов. Поэтому наличие внутренней

взаимосвязи между пребыванием в Стамбуле казахского экс-депутата (Шаймердена) и философа (Шакарима) отрицать представляется затруднительным.

Собственно, причинами, побудившими Ш. Косшыгулова отправиться на Анатолийский полуостров, были растущие как снежный ком, не находившие рационального решения, вопросы. Это и угнетённое социально-политическое положение казахов Степного края, и отсутствие возможностей достойно выполнить наказания соотечественников, бюрократические и иные препоны решению накопившихся вопросов, в том числе – очевидного земельного кризиса в Степном крае, ущемления прав уммы и, к тому же, сужение прав граждан выразить мнение в имперских средствах массовой информации. Запрет на издание газеты «Серке» в Санкт-Петербурге, по-видимому, стал последней каплей в чаше терпения.

Уместным представляется сравнение одиссей казахского депутата первой и второй Дум Косшыгулова с другими, внешне схожими посольствами, к примеру, азербайджанской делегации в Европу и в Стамбул, в частности, которую возглавил также экс-депутат первой Думы России и председатель её мусульманской фракции, редактор газеты «Каспий» Алимардан-бек Топчибашев. Известно, что имела место переписка весной 1908 г. между Топчибашевым и Салимгереем Джантюриным, казахом-чингизидом, относительно возможных перспектив объединения усилий мусульман-суннитов и мусульман-шиитов России в смысле защиты своих прав (ГААР. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 6. Л. 27-30). Азербайджанский деятель выражал тогда уверенность, что «с точки зрения религии, не может быть препятствий к общности для мусульман России иметь одно высшее духовное учреждение» (ГААР. Ф. 3173. Оп.1. Д.6. Л. 29). Как юрист, Алимардан-бек достаточно ясно выразил свою позицию в вопросе взаимоотношений религии и государства: он ратовал за свободу в вопросе экономическом, в котором, с его слов, не может быть допущено участие казны государства (ГААР. Ф. 3173. Оп.1. Д.6. Л. 28). Однако азербайджанская миссия в Европу берёт начало лишь после октябрьских событий 1917 г., когда Топчибашев, профессиональный юрист, выпускник Санкт-Петербургского университета (1888 г.), осознавал тщетность своих усилий завладеть вниманием мировой общественности...

5. Заключение

Таким образом, изученные архивные источники и нарративы, по большей части впервые вводимые в научный оборот, при сопоставлении с данными других исследователей, позволяют прийти к следующим выводам. Коммуникативные навыки и эрудиция позволили Ш. Косшыгулову искать и находить единомышленников вне пределов родной волости – уезда – области, вести деловую переписку с известными просветителями, государственными и политическими, общественными деятелями своей эпохи. Контакты Ш. Косшыгулова распространялись и на ведущие духовные мусульманские центры Центральной Азии; будучи сам выпускником медресе в Бухаре, он, безусловно, поддерживал духовные и личные контакты со своими наставниками. Сам факт, что, даже находясь в ссылке в далёкой Якутии, Шаймерден нашёл общий язык с местными жителями и преподавал в школе для татарских подростков, говорит о многом. Данные факты, несомненно, свидетельствуют о его мужестве, жизненной стойкости и преданности выбранному делу просветительства. Позднее, не без помощи казахского инженера М. Тынышпаева, Косшыгулов направился в Стамбул для упрочения коммуникаций с видными турецкими общественными деятелями, улемами и просветителями. В реконструкции государственной, общественной и педагогической деятельности казахского подвижника начала XX в. обращают на себя внимание уникальные факты биографии Ш. Косшыгулова, относящиеся к периоду 1908–1909 гг. В тот период он, уже в статусе экс-депутата Думы, пребывая в Стамбуле, продолжил расширять круг своих последователей, но уже на более широком международном поле.

Изучение на системной основе его общественно-политической деятельности, безусловно, приводит к однозначному выводу о том, что фигура Шаймердена Косшыгулова в определённой степени должна рассматриваться как равнозначная вкладу в дело народного просвещения его предшественников. Мы имеем в виду оставивших след в истории казахского просвещения в соседней Тургайской области: Ибрая Алтынсарина (1841–1889) и его последователей.

Малоизвестная одиссея экс-депутата Думы видится как продолжение, – не без заинтересованного участия передовой национальной интеллигенции, – многолетней традиции коммуникаций между педагогами и выпускниками мусульманских духовных учебных заведений Российской империи, в частности, из Центральноазиатского региона, с одной стороны, – и с духовными центрами Малой Азии (Османской империи), с другой. Отзвуки той поездки следует безусловно искать в свидетельствах тех казахских юношей, студентов стамбульских учебных заведений, которые могли знать о пребывании в городе их уважаемого соотечественника.

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках реализации проекта ИРН АР19679639.

Литература

- ГААР** – Государственный архив Азербайджанской Республики.
ГАГА – Государственный архив города Астаны.
Горный..., 1902 – Горный Алтай и его население. Т. 3. Вып. 2. Оседлые инородцы Бийского уезда. Барнаул, 1902. 73 с.
Гюллю, 2024 – *Гюллю Й.* Роль Шаймердена Косшыгула в борьбе мусульман-тюрок за самосохранение // *Улт Жады.* 2024. № 3. С. 73-85.
Загидуллин, 2020 – *Загидуллин И.К.* О постановлении III Всероссийского съезда мусульман 1906 года, посвященном реорганизации управления духовными делами единоверцев // *Исторический поиск.* 2020. Т. 1. № 4. С. 28-36. DOI: 10.47026/2712-9454-2020-1-4-28-36.
Казиев, 2015 – *Казиев С.Ш.* Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы). Докт. дисс. М., 2015.
Лысенко, 2019 – *Лысенко Ю.А.* Формы участия мусульманских народов Степного края в событиях Первой русской революции 1905–1907 гг. / *Этнорелигиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX – начале XXI в.: коллективная монография* / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. 268 с.
Оренбургский, 1899 – *Оренбургский Г.* Неотложные нужды // *Санкт-Петербургские ведомости.* 1899. Января 20 (февраля 1). № 19. С. 2.
ОАТР – Османский архив Турецкой Республики.
Отчет..., 1889 – Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии, за 1888 год. Томск: Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1889. 86 с.
Прошлое..., 1997 – Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Под ред. С.Д. Асфендиярова и П.А. Кунте. 2-е изд. Алматы: Қазақстан, 1997. 380 с.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
Третий..., 1906 – Третий Всероссийский мусульманский съезд: Постановления III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде. 16–21 августа 1906 г. Казань, 1906.
Усманова, 2005 – *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в Российском Парламенте (1906–1916 гг.). Казань, 2005. 584 с.
Усманова, 2024 – *Усманова Д.М.* Мусульманские депутаты в Государственной Думе (1906–1917 гг.): Новая политическая элита в Российской империи // *Улт Жады.* 2024. № 3. С. 86-101.
Шерстова, 2007 – *Шерстова Л.И.* Религия и этнос: проблема взаимодействия (на сибирских материалах XVII – начала XX в.) // *Исторические и философские исследования в Сибири.* Ч. 1. Томск: Дельтаплан, 2007. С. 86-104.
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
Dohm, 2008 – *Dohm, B.* Jüdische Eliten im Russischen Reich: Aufklärung und Integration im 19. Jahrhundert (Beiträge zur Geschichte Osteuropas). Köln: Bohlau, 2008. 482 p.
Kansu, 1997 – *Kansu, Aykut.* Revolution of 1908 in Turkey. BRILL, 1997. 341 p.
Rogan, 2015 – *Rogan E.* The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East, 1914–1920. London: Penguin, 2015. 405 p.
Zhumatay et al., 2024 – *Zhumatay S., Mukanov O.N., Mukanova G.K., Bimakanova Z.Sh.* Suffrage and Its Implementation by Kazakh Deputies of the State Duma of Russia at the beginning of the XXth century. Alikhan Bukeikhanov and Shaimerden Koshygulov. *Bylye Gody.* 19(1): 395-406.

References

- Dohm, 2008** – *Dohm, B.* (2008). Jüdische Eliten im Russischen Reich: Aufklärung und Integration im 19. Jahrhundert (Beiträge zur Geschichte Osteuropas) [Jewish elites in the Russian Empire: Enlightenment and Integration in the 19th century (contributions to the History of Eastern Europe)]. Köln: Bohlau, 482 p. [in German]
GAAR – Gosudarstvennyi arkhiv Azerbaidzhanskoi Respubliki [State Archive of the Republic of Azerbaijan].
GAGA – Gosudarstvennyi arkhiv goroda Astany [State Archive of the City of Astana, Astana, Kazakhstan].
Gornyi..., 1902 – Gornyi Altai i ego naselenie [Gorny Altai and Its Population]. Т. 3. Vyp. 2. Osedlye inorodtsy Biiskogo uезда. Barnaul, 1902. 73 p. [in Russian]
Gyullu, 2024 – *Gyullu, Y.* (2024). Rol' Shaimerdena Koshygula v bor'be musul'man-tyurkov za samosokhranenie [The Role of Shaimerden Koshygulov in the Struggle of Muslim Turks for Self-Preservation]. *Ult Zhady.* 3: 73-85. [in Russian]
Kansu, 1997 – *Kansu, A.* (1997). Revolution of 1908 in Turkey. BRILL, 341 p.
Kaziev, 2015 – *Kaziev, S.Sh.* (2015). Sovetskaya natsional'naya politika i problemy doveriya v mezhetnicheskikh otnosheniyakh v Kazakhstane (1917–1991 gody). [Soviet National Policy and the Problem of Trust in Interethnic Relations in Kazakhstan (1917–1991)]. М., 556 p. [in Russian]

Lysenko, 2019 – *Lysenko, Yu.A.* (2019). Formy uchastiya musul'manskikh narodov Stepnogo kraya v sobytiyakh Pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907 gg. [Forms of participation of Muslim peoples of the Steppe region in the events of the First Russian Revolution, 1905–1907]. *Etnoreligioznye protsessy v transgranichnom prostranstve Zapadnoi Sibiri, Kazakhstana i Mongolii v kontekste gosudarstvennoi politiki v XX – nachale XXI v.: kollektivnaya monografiya*. Pod red. P.K. Dashkovskogo. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 268 p. [in Russian]

OATR – Osmanskii arkhiv Turetskoi Respubliki [Ottoman Archive of the Turkish Republic].

Orenburgsky, 1899 – *Orenburgsky, G.* (1899). Neotlozhnye nuzhdy [Urgent needs]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. Yanvarya 20 (fevralya 1). 19: 2. [in Russian]

Otchet..., 1889 – Otchet ob Altaiskoi i Kirgizskoi missiyakh Tomskoi eparkhii, za 1888 god [Report on the Altai and Kirghiz Missions of the Tomsk Diocese for the Year 1888. Tomsk: Mikhailov and Makushin]. Typo-Lithography, 1889. 86 p. [in Russian]

Proshloe..., 1997 – Proshloe Kazakhstana v istochnikakh i materialakh [The Past of Kazakhstan in Sources and Materials]. Ed. by S.D. Asfendiyarov and P.A. Kunte. 2nd ed. Almaty, 1997. 380 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Ronan, 2015 – *Rogan, E.* The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East, 1914–1920. London: Penguin, 2015. 405 p.

Sherstova, 2007 – *Sherstova, L.I.* (2007). Religiya i etnos: problema vzaimodeistviya (na sibirskikh materialakh XVII – nachala XX v.) [Religion and Ethnicity: The Problem of Interaction (Based on Siberian Materials of the 17th – Early 20th Century)]. *Istoricheskie i filosofskie issledovaniya v Sibiri*. Ch. 1. Tomsk: Del'taplan. Pp. 86-104. [in Russian]

Tretii..., 1906 – Tretii Vserossiiskii musul'manskii s"ezd: Postanovleniya III Vserossiiskogo musul'manskogo s"ezda v Nizhnem Novgorode [The third All-Russian Muslim congress: resolutions of the third All-Russian Muslim congress in Nizhny Novgorod]. August 16–21, 1906. Kazan, 1906. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Usmanova, 2005 – *Usmanova, D.M.* (2005). Musul'manskie predstaviteli v Rossiiskom Parlamente (1906–1916 gg. [Muslim Representatives in the Russian Parliament (1906–1916)]. Kazan', 584 p. [in Russian]

Usmanova, 2024 – *Usmanova, D.M.* (2024). Musul'manskie deputaty v Gosudarstvennoi Dume (1906–1917 gg.): Novaya politicheskaya elita v Rossiiskoi imperii [Muslim Deputies in the State Duma (1906–1917): A New Political Elite in the Russian Empire]. *Ult Zhady*. 3: 86-101. [in Russian]

Zagidullin, 2020 – *Zagidullin, I.K.* (2020). O postanovlenii III Vserossiiskogo s"ezda musul'man 1906 goda, posvyashchennom reorganizatsii upravleniya dukhovnymi delami edinovertsev [On the Resolution of the 3rd All-Russian Muslim Congress of 1906 on the Reorganization of Spiritual Governance among Co-religionists]. *Historical Search*. 1(4): 28-36. DOI: 10.47026/2712-9454-2020-1-4-28-36

Zhumatay et al., 2024 – *Zhumatay, S., Mukanov, O.N., Mukanova, G.K., Bimakanova, Z.Sh.* (2024). Suffrage and Its Implementation by Kazakh Deputies of the State Duma of Russia at the beginning of the XXth century. *Bylye Gody*. 19(1): 395-406.

Международные одиссеи казахского политического и общественного деятеля Шаймердена Коспыгулова (начало XX в.)

Самат Жуматай ^{a, *}, Дария П. Кожамжарова ^b, Жайдарман А. Ганибаева ^c, Сатай М. Сыздыков ^d

^a Институт истории Казахстана и Центральной Азии, Астана, Республика Казахстан

^b Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Республика Казахстан

^c Актюбинский региональный государственный университет, Актобе, Республика Казахстан

^d Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Исследование персоналий общественных деятелей из числа инородцев Российской империи представляет собой на данный момент преимущественно выявление малоизвестных фактов. Ведущей причиной можно указать закрытый характер темы в период засилья советской идеологии, большинство депутатов первых Дум после известных событий 1917 г. в Российской империи оказались в политической эмиграции либо жертвами массовых репрессий. Целью исследования являлась реконструкция, через детали конкретной биографии выходца из Акмолинской области Степного края, казаха, депутата Думы Шаймердена Коспыгулова, его обширной культурно-просветительской деятельности, которую он сумел осуществить не только в родной языковой, этнической, но и в поликультурной среде. Материалами исследования послужили источники из казахстанских и зарубежных архивов, эпистолярное наследие, нарративы. Часть

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kopeev95@mail.ru (С. Жуматай)

сведений о Ш. Косшыгулове впервые вводится в научный оборот. Посредством междисциплинарного подхода, на стыке истории, политологии, элитологии и антропологии, методов социально-гуманитарных наук, применяя методы критического анализа-синтеза, удалось выяснить, что Шаймерден Косшыгулов имел склонность к просветительству на базе исламского вероучения; его аудиторию составляли разные народы Российской (башкиры, татары, сарты (узбеки), азербайджанцы и др.) и Османской империй рубежа XIX–XX ст. В хронологический отрезок приблизительно 1908–1909 гг. Косшыгулов, уже в статусе экс-депутата Думы, оказался в Стамбуле, где общался с демократически настроенными турецкими деятелями. Одиссеи казахского подвижника на международных орбитах вызывают интерес, особенно в плане его коммуникативных способностей и гипотетического участия в качестве полномочного представителя национальной политической партии Алаш. В пользу последней версии говорит тот факт, что Ш. Косшыгулов был человеком передовых взглядов, участвовал в издании светской газеты в Санкт-Петербурге.

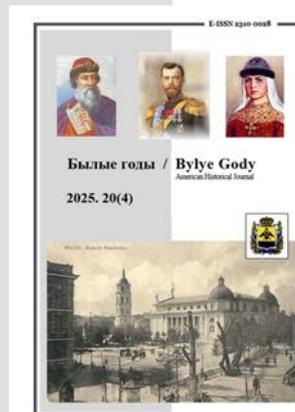
Ключевые слова: Российская империя, мусульмане, Дума, казахи, азербайджанцы, Степной край, просветительство, ссылка, Шаймерден Косшыгулов.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2066-2077
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2066

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Formation of Civic Identity in the “Poteshnie” Movement in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Part 2

Ivan A. Bulatov ^{a, *}, Daria N. Kovaleva ^a, Iuliia M. Bystrova ^a

^aYuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russian Federation

Abstract

The “poteshnie” movement was initiated by Emperor Nicholas II in 1909 with the aim of introducing basic military training in villages. The active phase of the movement spanned five years, during which several stages were completed. In the early stages, “poteshnie” detachments spontaneously formed in both military units and various departments related to children's education. By the middle of 1911, an official regulation was introduced, outlining the guidelines for creating and managing these detachments. In the summer of 1913, the third stage began, where the responsibility for the physical development and initial military training of children shifted to schools. As a result, interested departments redirected their attention to establishing similar activities within schools, while scouts emerged outside educational institutions offering more engaging programs for teenagers. This led to the gradual disappearance of the “poteshnie” movement.

The article specifically explores the system of national and patriotic education developed within the framework of the “poteshnie” movement. The paper concludes that while the prevailing view in historiography sees the “poteshnie” as an independent extracurricular children's movement, it is also partially correct to consider them as the initial stage of introducing compulsory gymnastics lessons and the military system in schools.

However, it is important to note that the system of national education within the “poteshnie” movement was not fully developed and primarily followed the “official nationality theory” proposed by Uvarov.

Keywords: poteshnie, young pathfinders, out-of-school education, the Russian Empire, military training, national education, civic identity, A.A. Lutskevich, G.A. Zakharchenko, S.I. Nazimov.

1. Введение

Во второй части статьи, помимо потешных, рассматриваются такие детские движения, как «юные разведчики» (скауты) и потешные казаки, которые формировались вне общего течения развития классов военного строя и гимнастики. Интерес к истории их появления и развития особенно актуален, так как в отличие от потешного движения, скаутские отряды и особые детские и молодёжные казачьи организации были возрождены и успешно действуют в современной России. Помимо этого, в статье анализируются различные методы работы с детьми в потешном движении, в т. ч. особенности разработки специальной формы одежды для отрядов и процесс подготовки к парадом. Параллельно исследуется социальный и национальный состав движения и его идеологическое наполнение. Отдельно рассматривается специфика развития детских движений в Польше и Финляндии, так как в этих регионах процесс формирования общегражданской идентичности был сопряжён с целым комплексом проблем.

* Corresponding author

E-mail addresses: bulatovivan64@gmail.com (I.A. Bulatov),
bulatovivan64@gmail.com (D.N. Kovaleva), bystrovau@yandex.ru (Iu.M. Bystrova)

2. Материалы и методы

Во второй части статьи использовалась преимущественно та же источниковая база, что и в первой. Опубликованные источники представлены в первую очередь материалами из журналов «Потешный», «Русский спорт», «Сибирские вопросы», «Уральская жизнь». К неопубликованным источникам относятся данные Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация). Для данной части статьи особую ценность имели фонды ГАРФ, включавшие сведения по детскому движению в Польше: фонд 63 «Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Москве (охранное отделение) при московском градоначальнике»; фонд 1673 «Жандармское управление Ново-александрийского и Яновского уездов Люблинской губернии»; фонд 215 «Канцелярия Варшавского генерал-губернатора». Помимо этого, в работе были использованы документы Российского государственного исторического архива (РГИА), связанные с подготовкой и проведением всероссийских детских парадов в Высочайшем присутствии в Санкт-Петербурге.

Методическая основа исследования также претерпела мало изменений. Использовались методы историзма, историко-генетический и хронологический. Добавился компаративистский метод, в рамках которого было проведено сравнение потешных и скаутов, что позволило выделить общее и особенное в этих детских движениях и помогло понять, почему скаутское движение сохранилось по сей день, а «потешные» просуществовали так недолго, всего около пяти лет.

3. Обсуждение и результаты

Историографический обзор для второй части статьи совпадает с первой частью.

В тени потешных развивалось движение «юных разведчиков» – так на русский язык было адаптировано название английской организации бойскаутов. Скаутинг был создан в Англии в 1907 г. генералом Р.С.С. Баден-Пауэллом и вскоре распространился по всему миру. В России это движение первое время было незаметно для широкой публики и воспринималось как разновидность потешных, работавших по английской системе. Первые годы существовали также смешанные типы организаций, где предпринимались попытки совместить потешничество и скаутизм, а отдельные руководители могли на разных этапах работы поучаствовать и в той, и в другой. Через некоторое время «потешные» отряды начали терять свою актуальность, и их количество резко сократилось, так как функции начальной военной подготовки перешли в ведение школ. Их место во внешкольной работе с детьми стали занимать скаутские отряды, которые к 1915 г. уже вышли на стадию создания единой организации, которая должна была действовать в масштабе всей страны.

Официальной датой создания скаутского движения в России считается 30 апреля 1909 г., когда поручик лейб-гвардии I-го Стрелкового Его Величества батальона О.И. Пантюхов собрал первый скаутский патруль. Однако, скорее всего, первоначальную работу с детьми он вёл в духе потешничества, и только через год полностью перешёл на систему Баден-Пауэлла. Таким образом, можно считать родоначальниками этого движения не одного, а трёх человек, действовавших в разных городах Российской империи в 1910 г.: В.Г. Янчевецкого (Яна) в Санкт-Петербурге, О.И. Пантюхова в Царском Селе и Г.А. Захарченко в Москве (Булатов, 2023: 85-91). Именно последний из них в 1910 г. был наиболее известен и чаще других скаутских руководителей упоминался на страницах журнала «Потешный». Однако после встречи с генералом Баден-Пауэллом в 1910 г. он постепенно свернул свою работу, а О.И. Пантюхов продолжал свою деятельность до своей смерти в 1973 г., в силу чего именно Пантюхов в скаутской историографии считается основоположником этого движения в России.

Сначала для обозначения участников движения на равных правах использовались два термина – «скаут» и «бойскаут», но постепенно их вытеснил русифицированный термин «юные разведчики». Для обозначения самого движения в России стал использоваться термин «скаутизм», в то время как термин «скаутинг» применялся для описания педагогической системы Баден-Пауэлла.

То, что потешные, в отличие от скаутов и гимнастов-соколов, были сугубо российским движением, повлияло на ограниченность их контактов с подобными организациями на международном уровне. И даже тогда, когда подобные контакты могли начать формироваться, к этому не проявляли интереса. Так, в январе 1913 г. председатель нидерландского союза детских военно-гимнастических отрядов обратился в российское военное ведомство с просьбой прислать для участия в международном детском лагере «Российскую потешную дружину». Приглашение было отклонено по причине того, что в России не было официальной централизованной военно-гимнастической организации, а случайным отрядам не доверяли состязаться с лучше подготовленными иностранцами (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 18-220б.).

Ещё одним специфическим направлением деятельности потешных была работа в казачьей среде. У казаков уже были собственные эффективные традиции допризывной подготовки детей и подростков. Однако они слабо походили на систему работы с потешными, хотя отдельные журналисты и старались трактовать эту воспитательную деятельность в подобном ключе (Кяров, 1910: 17). Но так как начальство ждало от казаков отчётов по внедрению новой системы, приходилось что-то предпринимать. Иногда в программу школ на казачьих землях добавлялись занятия гимнастикой и строем. Такая система практиковалась, например, в кубанских станицах, но и там традиционный

для потешных праздничный парад был заменён на экзамены, совмещённые с манёврами взрослых казаков. После совместных мероприятий со взрослыми начинались детские манёвры, где, по правилам, должны были конкурировать между собой два враждебных лагеря (*Маленькие казаки, 1911: 19*). Особенное внимание к воспитанию детей в военно-патриотическом ключе придавалось в Забайкальском казачьем войске. Была предпринята, как минимум, одна попытка командировать по станицам хорунжего для обучения «малолеток военному строю и гимнастике» (*РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 44*). Помимо этого, в начале 1911 г. у наказного атамана появилась идея отправить двух казачьих обер-офицеров весной на два месяца в Москву к упоминавшемуся выше первопроходцу скаутизма ротмистру Г.А. Захарченко для ознакомления с системой Баден-Пауэлла (*РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 1-7, 28*).

Одним из наиболее любопытных экспериментов по совмещению специфических казачьих элементов подготовки, потешничества и скаутинга стало Виленское потешное войско. Его сформировал офицер 3-го Донского казачьего полка, дислоцировавшегося в Вильно, Владимир Фёдорович фон Эксе. Свои идеи В.Ф. фон Эксе изложил в брошюре «Виленское потешное войско или Государево дело, изложенное воинским языком законов и дающее ответы на все вопросы устройства и обучения войска по английской системе, но в духе Российском». Во главе организации стоял атаман; эту роль фон Эксе отводил себе, ему помогал околыничий. Войско было поделено на две дружины: первая, в напоминание о недавней Русско-японской войне, называлась «Отпор жёлтой опасности», вторая именовалась проще – «Чёрный сокол». Дети, в зависимости от уровня подготовки, делились на разряды: новички, дружинники и ратники. Из их рядов выделялись: воеводы, сотники и дозорные (*Зотов, 1998: 89-91*).

Отдельно следует остановиться на вопросах, касающихся разработки методики работы с потешными. Обсуждение в прессе специфики этой работы началось сразу после парада 22 мая 1910 г. И уже к осени стали высказываться опасения, что одних только занятий строем и гимнастикой будет недостаточно для привлечения и удержания интереса детей (*Потешные и юные..., 1910: 3*). Опасения имели под собой основания, так как именно эти два элемента составляли основную часть деятельности потешных, что подтверждается данными расходов на потешные отряды. Например, А.А. Луцкевич нанял отставных унтер-офицеров и учителя музыки и разово закупил ружья и музыкальные инструменты (*Луцкевич, 1912: 32*). На юго-западных железных дорогах закупалась форма, деревянные ружья, барабаны и 20 значков (*Потешные..., 1912: 2*). В Верхнеудинске (Улан-Удэ) начальник 5-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант С.Е. Дебеш составил краткие правила для своих подопечных, где описал и суть занятий, которые заключались в: «ознакомлении с правами и обязанностями воина, с сущностью воинской дисциплины, порядка военной службы, в обучении гимнастики, строю и возведению окопов»; пройдя обучение, потешные участвовали в «парадах, маневрах, стрельбе из винтовок» (*Краткие правила..., 1911: 16*). С учётом изначальной узости методики работы и предпринимались попытки расширить её за счёт скаутских наработок.

Так, в программе севастопольских потешных рот, которые возглавлял будущий видный деятель русского скаутизма, вице-адмирал И.Ф. Бострем, помимо традиционных для потешных занятий строевой подготовкой, пением, гимнастикой и прогулок, мы встречаем «изучение разведочной службы по программе Баден-Пауля» и «беседы на военно-нравственные темы и по истории России» (*Севастопольские потешные..., 1911: 16*). Такие же пункты мы находим у потешных при Каспийской флотилии в Баку. Судя по всему, командир Бакинского порта, контр-адмирал В.А. Алексеев, ориентировался на программу, составленную старшим по званию коллегой, так как его вариант отличался только тем, что вместо трёх видов гимнастики была сохранена исключительно сокольская, и добавлением пункта об изучении «гребли и управлении шлюпкой под парусом» (*Бакинские потешные, 1911: 16*).

Упомянувшиеся ранее манёвры, хотя устраивались редко и далеко не везде, были главной забавой для потешных. Фактически эти мероприятия можно считать предшественниками пионерских зарниц. 3 октября 1910 г. в Павловском парке дети местного потешного полка, разделённые на две команды, имитировали боевые действия со взятием высот (*Маневры потешных, 1910: 4*). Устраивались подобные забавы и для маленьких казаков, которые на своих манёврах «выстраивались в боевой порядок, делали засады, разведки, атаки, брали в плен противников» (*Маленькие казаки, 1911: 19*). Аналогичные манёвры проводились и в Сибири, например, в Енисейске имела место имитация боя между русской и японской армиями (*Таёжная мошка, 1910: 3*). Описание похожей многодневной игры мы находим в повести «Война» за авторством А.В. Скрипицына (А. Скрин), напечатанной в журнале «Потешный». Это произведение было своеобразной предтечей «Тимура и его команды» А.П. Гайдара. Описанное в повести напоминало не манёвры, а было вариантом долгой игры, но в качестве тематического развлекательного чтения для детей и рекламы потешного движения получилось интересно.

Уже на излёте потешного движения, в декабре 1912 г., в «Русском спорте» вышла статья «Задачи потешных», в которой автор, судя по всему офицер, размышлял о методике работы с детьми и значении военных элементов в этой работе. Он настаивал на пользе обучения строю, гимнастике и спорту и допускал проведение занятий по основам разведывательной деятельности. Но при этом он

считал, что дети должны заниматься этим в школе, по сути, предлагая введение уроков физкультуры, совмещённых со строевой подготовкой. Потешные отряды для этих целей ему представлялись излишними, их он предлагал оставить только для работы с нигде не обучающимися детьми (См-ъ. В., 1912: 6-7). Эти идеи не были оригинальными, а в основных моментах повторяли проект межведомственной комиссии под руководством генерала Л.В. Леша, представленный на заседании Совета министров (Военный строй..., 1911: 4).

Так как движение потешных в первые годы развивалось стихийно, то и форма, в которую одевались дети, была весьма разнообразной. Но этот вопрос быстро попал в поле зрения государственных органов. Министерство народного просвещения 16 сентября 1909 г. разослало запрос попечителям учебных округов по их видению устройства классов военного строя. Помимо прочего, педагоги отметили, что для поощрения отличившихся и привлечения новых обучающихся было бы полезно «введение в употребление ... фуражек солдатского образца, флагов, цветных кушаков и проч.» (К введению обучения..., 1910: 4). Что и было реализовано, по крайней мере в тех ротах, которые создавались под патронажем военных частей. Семёновские потешные были одеты в белые рубахи с погонами и бескозыркой Семёновского полка (Новицкий, 1930: 22). В Кронштадтском детском батальоне 300 из 520 участников были обмундированы в парусиновые куртки с внутренними пуговицами, со стоячим воротником и в такие же штаны, и фуражки матросского образца с чёрной ленточкой с надписью: «Кронштадтский детский батальон» (А.П., 1910: 17). В морском стиле одевались и севастопольские мальчики: «бескозырка с околышем, покрытым ленточкой национальных цветов с маленьким ополченским крестом, вместо кокарды», тёмно-синяя рубаха русского покроя, кожаный кушак с металлической пряжкой и шаровары чёрного цвета. В качестве отличия за заслуги планировалось использовать алые нашивки на рукав (Севастопольские потешные..., 1911: 16). Бакинские юные моряки на фуражках носили ленту «Флотская потешная рота» (Бакинские потешные, 1911: 15). Но не только мальчики при военных подразделениях могли рассчитывать на стильное обмундирование. Потешные пожарные, чей образ был запечатлён в популярном фотоатласе К. Буллы, щеголяли белыми рубахами навыпуск, подпоясанными чёрными ремнями, и блестящими касками (ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Ж 295). Потешные при железнодорожных училищах Юго-Западного края на учениях надевали синюю блузу, а для парадов им выдавались чёрные брюки, белые блузы с зелёными воротниками и белые фуражки с зелёными околышами (Царская семья..., 1911: 17).

Такие вольности в форме были прекращены 16 пунктом Положения от 18-го июля 1911 г., в котором говорилось, что «в дружинах может быть вводимая однообразная, недорогая, не стесняющая движений и не имеющая отличительных признаков военной формы одежда» (Потешные..., 1912: 19). После издания Положения, при разработке регламентов для школьных рот, стали отходить от военных вариантов. Так, в Одессе рекомендовали оставить ученическую форму и выделять только фельдфебелей, взводных и отделённых разноцветными поясами (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 65).

Также порядок был наведён и в использовании символики. Положением 18-го июля 1911 г. разрешалось использование только флагов русских национальных цветов с инициалами названий своих организаций без придания им значения знамени. Во внутренней переписке военного министерства это обосновывалось юным возрастом потешных, которые ещё не могли сознательно относиться к знамени как к святыне. Это огорчило одесских потешных при местном отделении Союза русских людей, которые уже создали флаг национальных цветов с вышитыми на нём иконами Георгия Победоносца, Касперовской Божией Матери и инициалами государя (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 48-49об.). В сентябре 1913 г. военное ведомство разочаровало отказом и Суздальских потешных, планировавших сделать стяг – копию знамени князя Пожарского (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 81).

Парады и смотры были центральным действием потешнического бытия, на котором демонстрировались навыки, полученные в результате предшествующей подготовки (любопытно, что у скаутов аналогичную нишу занимал летний лагерь). Основные занятия – строевая подготовка и гимнастика – должны были подготовить мальчиков и юношей к выступлению перед начальством: руководством частей, военным министром и, если очень повезёт, перед императором. Начиная с парада 22 мая 1910 г. в Высочайшем присутствии, каждый государственный служащий или военный командир получил возможность в мирное время выделиться перед начальством. Очень точно эту «родовую травму» потешничества охарактеризовал Санкт-Петербургский губернатор А.Д. Зиновьев, уже в июле 1910 г. отметивший, что целью большинства людей, занимающихся детьми, была не упорная и методичная работа над дисциплиной и воспитанием мальчиков, а «спешная, поверхностная муштровка переодетых детей и, по возможности, представление их на высочайший смотр» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 794. Л. 6). Спустя 20 лет, в 1930 г., на это же пенял генерал Е.Ф. Новицкий, бывший командир Семёновского полка. По его мнению, вина за этот «парадный» подход лежала на министре В.А. Сухомлинове, который видел в потешном движении «только принудительную военизацию всех школ и притом, в худшей её части – парадов и церемониальных маршей» (Новицкий, 1930: 23). Насколько тут велика роль министра, не совсем понятно. Более вероятной представляется версия, что большинство занимавшихся с детьми энтузиастов и не

представляли других педагогических методов, кроме тех, что применялись к молодым призывникам. Те же, кто задумывался об ограниченности подобной методики работы, трансформировали свой подход к занятиям с детьми и становились «юными разведчиками».

Парады в присутствии императора, состоявшиеся в Санкт-Петербурге 28 июля 1911 г. и 1 августа 1912 г. (изначально он планировался на 31 июля, но в последний момент дату сдвинули на один день) (Быстрова, Ковалева, 2024: 110; РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 688. Л. 84, 292; РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 460. Л. 118), были главным событием в жизни потешных. Весной 1913 г. министерства вели переписку по подготовке очередного парада (РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 779. Л. 7, 17), но по какой-то причине было решено его не проводить, а в 1914 г. этот вопрос уже не поднимался. В 1911 г. удалось собрать 6500 ребят со всей России (К Царскому смотру, 1911: 1) (по другим данным - 84 роты общей численностью в 6000 человек (Высочайший смотр..., 1911: 2)), в 1912 г. участвовало сравнимое количество мальчиков: из разных регионов страны прибыло 5587 человек (РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 779. Л. 10), к которым следует приплюсовать несколько сотен местных потешных. В 1911 г. (К параду потешных..., 1911: 19; К высочайшему смотру..., 1911: 18) и 1912 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 688. Л. 33, 34, 91-93об., 100) полковник С.И. Назимов ездил с инспекциями потешных рот по всей стране, помимо прочего, намечая тех, кого можно было бы пригласить в столицу. Накануне парада 1911 г. на Марсовом поле была проведена генеральная репетиция, которой руководил лично военный министр, и для участия в которой был привлечён дирижабль «Голубь» (Потешные в Петербурге, 1911: 2).

На парадах в высочайшем присутствии все старались перещеголять коллег. О.И. Пантюхов считал, что на параде 1912 г. его царскосельские разведчики выгодно отличались удобной скаутской формой и демонстрацией скаутской подготовки: палатки, сигнализация, первая помощь и т. д. (Пантюхов, 1969: 216). Г.А. Захарченко планировал отправить на парад 28 июля 1911 г. 50 разведчиков на велосипедах (Лагерный сбор..., 1911: 19), а московские потешные при 1-м лейб-гренадерском Екатеринославском полку взяли с собой дрессированного медвежонка (Отъезд на Высочайший..., 1911: 19). Одесситы привезли на Марсово поле в 1911 г. 1000 человек и пытались впечатлить спортивными достижениями: гимнастикой на снарядах, игрой двух футбольных команд, фехтованием под музыку, французским боксом и живыми пирамидами, а дети Гатчинского сиротского института сумели, помимо прочего, показать атаку кавалерии (Царский смотр..., 1911: 4). На торжественное событие было написано стихотворение, начинавшееся следующим образом:

«Прекрасным торжеством сияет
Столица славная Петра,
И луг Царицын оглашает
Громopodobное “ура”!...» (Иванов, 1911: 5).

Прибывшего в Киев в сентябре 1911 г. императора встречали 1600 потешных Юго-Западных железных дорог в единообразной форме (Царская семья..., 1911: 17), а всего, по сведениям попечителя учебного округа, на Высочайшем смотре было 5 тысяч «учебной молодёжи, достаточно обученной военному строю» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 337).

Парады проводились не только в крупных городах империи. Земский начальник Богучарского уезда Воронежской губернии с гордостью писал министру Сухомлинову по этому поводу, что «в царские дни волостные старшины устраивают парады, население всё глубоко сочувствует начатому делу» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 760б.).

Сразу после начала организации отрядов потешных появились и критические замечания в их сторону. Зачастую им доставалось именно за парады. Одним из показательных примеров подобного отношения является статья в Екатеринбургской газете «Уральская жизнь», в которой отмечалось, что некоторые провинциальные городские и земские думы не выделили денег на отправку потешных на парады, так как они предпочитали «видеть подрастающее поколение не с ружьём, а вооружёнными знаниями» (Думы и потешные, 1911: 2). В газете «Сибирская жизнь» автор, под псевдонимом «Таёжная мошка», описание манёвров потешных начал с выражения своего отношения к этому явлению: «Нестерпимо душно, тесно и смрадно стало на Руси, переживающей отрывку чего-то очень старого, давным-давно изжитого» (Таёжная мошка, 1910: 3). Критические замечания в большей степени исходили от представителей «левой» идеологии. Как отмечалось в агентурной записке охранного отделения от 11 марта 1912 г.: «При возникновении организации “потешных” в левых общественных кругах стало подчеркиваться отрицательное отношение, а печатью – глумление в ряде статей» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 12. Д. 297. Л. 4).

Но существовала и критика «справа». Её пример мы можем найти в письме Санкт-Петербургского губернатора А.Д. Зиновьева председателю Совета министров П.А. Столыпину от 13 июля 1910 г. (спустя полтора месяца после первого парада в высочайшем присутствии). Главную опасность губернатор видел в том, что новые отряды создают и возглавляют случайные люди, а курирующие их офицеры, занятые службой, не могут контролировать происходящее. Таким образом, по его мнению, существовала угроза воспитать не дисциплинированных патриотов, а «готовые кадры революционной милиции» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 794. Л. 6). Премьер-министр воспринял эти опасения серьёзно и, в свою очередь, поделился ими с военным министром, который к тому моменту уже зарекомендовал себя в роли куратора потешных (РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 460.

Л. 4-4об.). Нельзя сказать, что эти опасения не имели под собой оснований. В вышеупомянутой записке охранного отделения отмечалось, что левые силы заняли выжидательную позицию, а Родичев (судя по всему, имеется в виду депутат Государственной думы Ф.И. Родичев) высказывался в том духе, что подготовленная правительством в военном деле молодёжь «не будет уж так беспомощна перед ротой пехоты и сотней казаков» и что плоды движения потешных «придётся собирать не им, а нам» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 12. Д. 297. Л. 4). В определённой степени реакцией на эти опасения стало решение о создании комиссии Леша (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 794. Л. 6-7об.).

Количество потешных определить достаточно сложно, так как они не были организацией с единым штабом, который вёл бы учёт новых членов. В прессе можно найти оценку их численности на июль 1911 г. – 20 тысяч человек (К параду потешных..., 1911: 19), а к 1912 г. их общее количество превысило 70 тысяч человек (Быстрова, Ковалева, 2024: 110). В Костромской губернии в мае 1913 г. на торжественную встречу императора планировалось привлечь 5-6 тысяч учащихся, из которых 1200–1300 составляли бы члены потешных организаций (РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 779. Л. 18).

В отличие от сменивших их скаутов, работавших преимущественно с городским средним классом, потешное движение было ориентировано в основном на детей малоимущих слоёв населения. Например, в Томске были изысканы средства только на 120 мальчиков, а записалось в потешные отряды 420, в силу чего оставили только 123 самых бедных (Томское «потешное»..., 1911: 15). Кронштадтский детский батальон был богаче, в нём состояло 520 человек, из которых 300 получили форму, но и там основную массу составляли выходцы из рабочего класса при незначительном числе «детей интеллигентных родителей» (А.П., 1910: 15). Автор из Иркутска так описывает увиденных им на центральной площади потешных: «Преимущественно дети улицы, одеты в незатейливую форму» (По Сибири, 1911: 4). Хотя встречались и обеспеченные потешные. Так, классы военного строя во Владивостоке запланировали кругосветное путешествие на 3 месяца со стоимостью в 250 рублей с человека (Приказ юным..., 1911: 13; Кругосветная экскурсия..., 1911: 19).

В соответствии с изначальным императорским планом старались также привлечь и деревенских детей. Летом 1911 г. уже известный нам инспектор потешных войск полковник С.И. Назимов находился в поездке по России, целью которой был отбор потешных отрядов для участия в Высочайшем смотре и, кроме того, организация потешного движения в деревнях. Планировалось привлекать учащихся сельских, земских и церковно-приходских школ, а заниматься с ними должны были отставные унтер-офицеры, которые получали бы за это жалование от военного министерства (К параду потешных..., 1911: 19). Военный губернатор Семиреченской области отмечал, что организация отрядов в сельской местности вызывает больше затруднений, чем в городах, из-за того, что не везде были подходящие отставные и запасные чины. Однако там, где они находились, дело шло успешно (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 45об.). Хотя и тут были свои подводные камни. Так, священник Г. Склабинский из села Ново-Тырышкинского, Бийского уезда, Томской губернии, вместе с дочерью организовавший потешный отряд, сетовал на то, что за деньги хорошего унтер-офицера нанять нельзя, так как он занят домашним хозяйством, а нанять можно пьяницу, от которого не будет толка (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 34об.).

Можно найти и успешные примеры работы с детьми на селе. Например, показательное участие в параде в Высочайшем присутствии в 1912 г. пожарной дружины из крестьянских детей села Успенского (ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 893. Л. 7). Земский начальник Богучарского уезда Воронежской губернии, следивший за обучением военному строю и гимнастике в своём районе, в начале 1912 г. докладывал, что во всех учебных заведениях Богучара уже велись занятия с акцентом на сокольскую гимнастику, а также были охвачены 30 сёл уезда, а в 30-тысячной слободе Калач на парад в честь Крещения вышло 600 потешных (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 76, 76об.). В Бугурусланском уезде Самарской губернии к декабрю 1911 г. было две потешных роты. Первая – в селе Кинель-Черкассы (эти ребята даже сумели попасть на парад 1911 г. в столице), вторая – в селе Кабанове, из учеников земской и церковной школ (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 295).

Происходили и различные казусы. Сельское население зачастую не понимало, что такое потешные, и в военное ведомство поступали запросы (чаще всего от отставных солдат) об определении детей на казённое содержание в «потешные роты» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 115; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 55-58, 78). Особо любопытное прошение пришло из Холма, Люблинской губернии. Трое подростков самостоятельно писали прошение императору о зачислении их в школу императора Петра I в Преображенский полк. Что интересно, чиновники из канцелярии военного министерства, куда поступило письмо, вступили с мальчиками в переписку, узнали, что под школой подразумевалось потешное войско, и препроводили запрос в Главный морской штаб «для разрешения вопроса об определении просителей в училище юнг» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 121-125). Данный пример демонстрирует тот факт, что в народном сознании потешные роты трансформировались в некую школу Петра I в Преображенском полку, а не в специализированную детскую военно-патриотическую организацию.

Вопрос о национальном воспитании в рамках потешного движения поднимался редко, даже реже, чем в целом в педагогической литературе конца XIX - начала XX в. (Булатов, 2023: 35-45). Происходило это по двум причинам. Во-первых, потешничество воспринималось как система

физического развития, поэтому, так же как и сегодня, мало кто задумывался о национальном и патриотическом воспитании на уроках физкультуры. Во-вторых, основная нагрузка по работе с детьми легла на военных, которые, по долгу службы, были патриотичны в духе теории «официальной народности» и не были склонны излишне рефлексировать на эту тему. Положение 1911 г. также не накладывало никаких ограничений по национальному признаку. В пункте 2 оговаривалось гражданство – «русские подданные», пункт 13 указывал, что обучение «ведется во всех случаях обязательно на русском языке», пункт 17 разрешал к использованию только флаг национальных цветов (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 153-155).

В Тифлисе, где потешные появились осенью 1910 г., принимались русско-подданные, без различия национальностей (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 520б.). Это подчёркивалось и в статье «1-й Закаспийский потешный полк», где описывалась ситуация в Ашхабаде (1-й Закаспийский, 1910: 12): «Не видно курящих гимназистов, мальчишек дразнящих солдат; улица дисциплинируется: каждый хочет быть русским и хочет учиться быть защитником своего Царя и Родины». Мысль об отсутствии национальных ограничений развивалась в статье и далее, в части про права потешных: «Все потешные, несмотря на происхождение и национальность, совершенно равны между собой». Для укрепления этой общеимперской идентичности в Ашхабаде был также введён курс по родиноведению.

Редкий пример ограничений на вступление в ряды потешных мы находим в выписке из протоколов заседаний комиссии сухопутного и морского спорта учащихся и преподавателей гимнастики и военного строя 19–28 октября 1911 г. в Одессе, где речь шла о возможности участия в «потешных организациях» только христиан (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 63, 64). Учитывая местную специфику и формулировку «христиане», а не «православные», это, скорее, являлось проявлением антисемитизма, а не русского национализма. При этом в Одессе, а также в Кишинёве, в августе 1911 г. мы видим и попытку создания «потешных рот из детей местных евреев». С данной инициативой выступили отставные солдаты Мендель Фельдман и Фроим Черкас (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 132, 133). К сожалению, из министерской переписки непонятно, было ли им дано на это разрешение.

Можно выделить ряд рекомендаций по патриотическому воспитанию, которые предлагались «сверху». В первую очередь, это программа обучения военному делу в начальных школах, рассматриваемая комиссией Леша. Из 4-х типов занятий первыми значились словесные. Предполагалось раскрыть следующие аспекты: «Государь император – Помазанник Божий. Наше Отечество. Как оно созидалось; кто были его друзья и враги. Как и когда русский народ защищал свою родину. Знамя и национальный флаг» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 796. Л. 15). Также предлагалось обучать «национальным и народным песням».

В Одессе «в целях воспитания верных сынов Родины» предлагалось: «заниматься чтением и беседами о том славном прошлом, которому нас учит история родной земли... посещать с ними военно-исторические местности и памятники и устраивать общеобразовательные экскурсии» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 63 об.). В документе, подготовленном по итогам совещания одесских педагогов, указывалась важность воспитания молодёжи в патриотическом духе, готовой «положить свою жизнь за Веру, Царя и Родину» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 63об.). В уже упоминавшейся статье «Задачи потешных» затрагивался вопрос «национального воспитания», но и там оно трактовалось в общегражданском духе. Необходимость такого воспитания была для автора статьи вопросом решённым и не требующим доказательства. Наиболее эффективный метод подобного воспитания он видел в участии в массовых праздниках: царских днях, днях поминовения убитых на войне и чествования героев (26 ноября). При этом он был против формата военных парадов, а выступал за общие манифестации, так как «все мы граждане одной родины, которая только тогда останется великой, когда мы будем все чтить те дни, которые служат прославлению величия духа её сынов, наших братьев, предков и отцов» (См-ъ. В., 1912: 7).

Чиновники (в т.ч. военные), ответственные за работу с потешными, не озадачивали себя сложными концепциями и проводили в жизнь идеологию «уваровской триады». Это было зафиксировано и в Положении от 18-го июля 1911 г., где первой целью подготовки молодёжи к службе провозглашалось: «укрепление в подрастающем поколении веры в Бога, беззаветной любви к Царю и Отечеству, добрых нравственных правил и уважения к законности и порядку» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 153). Интересно, что в варианте, распространённом по военному ведомству (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 46), написание прописных букв было таким же, как в приведённой выше цитате. А вот в версии юго-западных железных дорог (Потешные, 1912: 17) «ЦАРЮ» было полностью написано прописными, что подчёркивало приоритеты. Полковник Назимов, сообщая министру путей сообщения об инспекции железнодорожных училищ, подчёркивал развитие у мальчиков «нравственных устоев в духе беспредельной преданности обожаемому царю самодержцу и родине» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 41). Подчёркивал он и высокий уровень патриотизма потешных в Приамурье, Минске и Вильно (РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 668. Л. 33-34, 91-92). Руководитель потешных из села Кабанова Самарской губернии писал о готовности воспитывать детей «в духе беззаветной преданности ГОСУДАРЮ, Вере Православной и дорогой Родине» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795.

Л. 2950б.). В Верхнеудинске (Улан-Удэ) на первом месте в требованиях к потешным стояло: «Твердо стоять за честь и славу Государя Императора и России» (Краткие правила, 1911: 16). В Баку в этом требовании была изменена только последняя буква: не «России», а «Россию» (Бакинские потешные, 1911: 16).

Для укрепления монархических чувств практиковалась раздача царских портретов после столичных парадов. Например, после парада в высочайшем присутствии 1911 г. ответственный за его проведение полковник Назимов и штабс-капитан Игнатьев получили для раздачи детям 2250 царских портретов (Высочайший смотр..., 1911: 2). Также портреты были розданы участникам парада в Петергофе в честь дня рождения наследника престола 30 июля того же года (Парад, 1911: 2). Во время парада в высочайшем присутствии в 1912 г. детям раздали по 200 портретов Петра I и наследника престола (не считая конфет шоколадных и фруктовой карамели) (ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 893. Л. 28).

Особняком стояли детские организации Финляндии и Польши. Одними из первых в Российской империи под именем скаутов выступили финны. Организаций у них было много, в одном только Гельсингфорсе (Хельсинки) имелись: «Мальчики-рыцари», «Молодые пираты», «Юные разведчики старого города», «Юные разведчики христианского общества молодых людей», «Юные разведчики городской части Сернеся» и т. д. На 1911 г. их насчитывалось 3300 мальчиков и 1280 девочек. По привычке в прессе их называли «потешные роты бойскаутов». Особенностью же их был национализм, в силу которого они не принимали в свои отряды русских и вообще их сторонились (Шафров, 1911: 19).

Такое отношение не было сюрпризом для правительства и русского общества. Примечательно в этом плане письмо военному министру от председателя Общества призрения сирот лиц, павших жертвами долга. Он надеялся получить финансирование на свой отряд стрелцов приюта св. Веры и для этого решил сначала напугать министра «финской угрозой». Он не сомневался, что в этом северном регионе империи произойдут «беспорядки вооруженного мятежа», в котором будут участвовать «подростки из boy-scout'ов, хорошо организованные для малой войны, умеющие владеть огнестрельным оружием, к стрельбе из коего они практикуются с 1905 г.» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 137). Скауты в Финляндии появились в 1910 г. (An Official History..., 2006: 134), а не в 1905 г., но отсылка к недавней революции, видимо, должна была усилить чувство опасности. Для борьбы с неблагонадёжными финскими скаутами и предлагалось создать отряд из сирот благонадёжных лиц не младше 15 лет с переименованием его в «Партизанский отряд потешных стрелцов». Программу также предлагалось адаптировать в сторону приобретения расширенных военных навыков. Военное министерство дало логичный ответ, что отряды, согласно Положению 1911 г., формируются из детей не старше 15 лет и обучаются по установленной программе, да и идея организации партизанских отрядов в мирное время военным не понравилась (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 147).

Однако нельзя сказать, что национальные скаутские организации на северо-западных окраинах совсем не беспокоили правительство. 21 сентября (4 октября) 1911 г. бойскаутские упражнения в Финляндии были запрещены, а бойскаутский союз закрыт. Указание генерал-губернатора, касающееся этого вопроса, было напечатано в местной прессе, а губернаторам от него поступило соответствующее циркулярное предписание (№ 8190). 28 сентября того же года начальник финляндского жандармского управления интересовался у подчинённых, насколько качественно исполняется указание о запрете и не действуют ли скауты скрытно от властей (ГАРФ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 15. Л. 1, 7). И действительно, выяснилось, что рядом с городом Санкт Михель бывший поручик финских войск Шпоре проводил занятия со скаутами. В том же городе заведующая шведской школой сорвала с ученицы скаутский знак. При последнем событии присутствовал и вышеупомянутый Шпоре (в другом донесении – Споре), работавший там же учителем русского языка. Он сказал, что, несмотря на запрет, работа скаутов продолжится, а он в знак протеста увольняется (ГАРФ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 15. Л. 2-5).

В Польше власти также ограничивали бойскаутов, так как они пользовались большой популярностью у местных сепаратистов. 23 июля 1911 г. начальникам уездных жандармских управлений было спущено указание поискать «юных разведчиков» и доложить наверх, если сведения о них появятся. Таковых было мало (ГАРФ. Ф. 232. Оп. 8. Д. 68. Л. 2-7), хотя было донесение, что на съезде молодёжи, группирующейся около «Заржеве» (подпольная польская организация, основанная в 1909 г. во Львове), в Кракове было принято решение об организации в Привислинском крае «юных разведчиков» с целью развития идей милитаризма и подготовки к партизанской войне (ГАРФ. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 66. Л. 1). Впоследствии жандармы относили появление польских скаутов именно к Кракову 1910 г., а в них самих с момента возникновения видели скрытых сепаратистов (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 70. Л. 90б.).

Собрав информацию о скаутах, было решено пресечь возможность легальной военной подготовки молодых сепаратистов. Главными противниками создания поляками и вообще «лицами нерусского происхождения» в Привислинском крае дружин потешных выступили министр внутренних дел А.А. Макаров и Варшавский генерал-губернатор Г.А. Скалон. В конце декабря 1911 г. они довели свои соображения до начальника генштаба Я.Г. Жилинского (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 322). Генерал-губернатор исходил из того, что националистические польские и

революционные организации будут создавать потешные отряды для военной и идеологической подготовки местной молодёжи. В силу этого он предлагал, чтобы такие отряды создавали только русские общественные организации и действующие или отставные военные. Для достижения этой цели он хотел использовать пункт 4 Положения от 18 июля, по которому разрешение на создание потешных отрядов должен был давать губернатор. Генерал-губернатор Г.А. Скалон предлагал отправить подчинённым ему губернаторам тайный циркуляр, где разъяснялось бы, кому можно разрешать работать с детьми, а кому нет. Глава МВД согласился с идеями генерал-губернатора, порекомендовав ему доводить это указание до губернаторов на местах не циркулярами, а личными переговорами (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 323-325). При этом финляндский генерал-губернатор 30 ноября 1911 г. запрашивал в генштабе, введены ли какие-то ограничения в Варшавском генерал-губернаторстве на занятия с потешными, и получил ответ, что Положение от 18 июля исполняется там без ограничений (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 327).

Детально взгляд охранного отделения на польских скаутов изложен в записке начальника этого отделения в Варшаве от 6 ноября 1915 г. (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 70. Л. 8-13). Согласно агентурным данным и переводам зарубежной польской прессы, выходило, что поляки ждали войны между Россией и Австрией на территории Галиции и намеревались оказать всю возможную поддержку последним. Для этого польской молодёжи предлагалось физически развиваться и получать начальные военные знания. В Австрии это можно было сделать в школе и сокольских отрядах, а позднее юношам следовало вступать в «стрелецкие» (стрелковые) отряды. В Привислинском крае России возможности для такой легальной работы не было, поэтому детям и подросткам рекомендовалось вступать в скауты. Местная администрация и полиция стали оперативно пресекать деятельность таких организаций, однако часть из них подпольно функционировала в средних школах Варшавы и Лодзи. Агентура отмечала, что даже в Москве в 1916 г. среди польских скаутов из Варшавы австрийским офицером велась «усиленная пропаганда австро-венгерского характера». До этого, в конце лета 1915 г., в г. Луков подготовленный этим офицером отряд из 300 молодых людей примкнул к врагу во время отступления русской армии (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 1916. Д. 826. Л. 1-2).

4. Заключение

Пережившее период бурного роста, движение потешных также быстро зачахло. В первую очередь этому способствовало то, что к 1913 г. всё было готово для введения в школах уроков «гимнастики и военного строя» с элементами патриотического воспитания. А нишу внешкольной работы с детьми занимали появившиеся одновременно с потешными «юные разведчики».

Вопросы конструирования идентичности или национального воспитания в достаточном объёме идеологами потешного движения не осмысливались. Шло воспитание в военно-патриотическом духе, что давало определённый эффект, в какой-то степени сравнимый с прохождением военной службы. В потешные записывались дети без различия происхождения, вероисповедания и сословий; они переживали схожий опыт, могли собираться и общаться на общероссийских или региональных массовых мероприятиях. Главными идеологическими символами потешных были Царь, Отечество, православие и, кроме того, воинская история и традиции. Подчёркивалась необходимость обучения на русском языке. Таким образом, делалась попытка выковать общегражданскую нацию из всех народов Российской империи. При этом под надзор и ограничения попадали этнические детские организации, особенно в западных регионах страны.

5. Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00156, <https://rscf.ru/project/24-28-00156/>.

Литература

- 1-й Закаспийский, 1910 – 1-й Закаспийский потешный полк // *Потешный*. 1910. № 4. С. 12-13.
 А.П., 1910 – А.П. Кронштадтский детский батальон // *Потешный*. 1910. № 5. С. 15-17.
 Бакинские потешные, 1911 – Бакинские потешные // *Потешный*. 1911. № 17-18. С. 15-17.
 Булатов, 2023 – Булатов И.А. Национальное воспитание в русских детских организациях первой половины XX в. Саратов: ООО Издательство «КУБиК», 2023. 456 с.
 Быстрова, Ковалева, 2024 – Быстрова Ю.М., Ковалева Д.Н. Патриотическое воспитание и формирование национальной идентичности в рамках развития физического воспитания в Российской империи конца XIX – начала XX в. // *Клио*. 2024. № 11 (215). С. 106-113.
 Военный строй..., 1911 – Военный строй в школах // *Русский спорт*. 1911. № 32. С. 4.
 Высочайший смотр..., 1911 – Высочайший смотр потешным // *Уральская жизнь*. 1911. № 164. С. 2.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 Думы и потешные, 1911 – Думы и потешные // *Уральская жизнь*. 1911. № 147. С. 2.
 Зотов, 1998 – Зотов В.С. Из истории скаутского движения в России. 1909–1926 годы // *Сборник исторических очерков основателей скаутского движения и участников событий* / Под ред. В.Л. Кучин и В.И. Несевря. М., 1998. С. 69-217.

- Иванов, 1911 – Иванов В. 28-го июля 1911 года // *Потешный*. 1911. № 20. С. 5.
 К введению обучения..., 1910 – К введению обучения военному строю в начальных школах // *Русский спорт*. 1910. № 34. С. 4.
 К высочайшему смотру..., 1911 – К высочайшему смотру потешных // *Потешный*. 1911. № 19. С. 18-19.
 К параду потешных..., 1911 – К параду потешных войск // *Потешный*. 1911. № 17-18. С. 19.
 К Царскому смотру..., 1911 – К Царскому смотру потешных // *Потешный*. 1911. № 20. С. 1.
 Краткие правила..., 1911 – Краткие правила для потешных 5-й сибирской стрелковой дивизии // *Потешный*. 1911. № 10. С. 16.
 Кругосветная экскурсия..., 1911 – Кругосветная экскурсия «юных разведчиков» // *Потешный*. 1911. № 9. С. 19.
 Кяров, 1910 – Кяров И. Казачата // *Потешный*. 1910. № 4. С. 17.
 Лагерный сбор..., 1911 – Лагерный сбор «юных разведчиков» // *Потешный*. 1911. № 19. С. 19.
 Луцкевич, 1912 – Луцкевич А.А. Бахмутские «потешные». Бахмут, 1912. 62 с.
 Маленькие казаки, 1911 – Маленькие казаки // *Потешный*. 1911. № 16. С. 19.
 Маневры потешных, 1910 – Маневры потешных // *Русский спорт*. 1910. № 43. С. 4.
 Новицкий, 1930 – Новицкий Е. Страничка из истории скаутизма // *Часовой*. 1930. № 35. С. 22-23.
 Отъезд на Высочайший..., 1911 – Отъезд на Высочайший смотр московских потешных // *Потешный*. 1911. № 17-18. С. 19.
 Пантюхов, 1969 – Пантюхов О.И. О днях былых. Maplewood, NJ, 1969. 315 с.
 Парад, 1911 – Парад // *Уральская жизнь*. 1911. № 165. С. 2.
 По Сибири, 1911 – По Сибири. Иркутск // *Сибирская жизнь*. 1911. № 170. С. 4.
 Потешные в Петербурге, 1911 – Потешные в Петербурге // *Уральская жизнь*. 1911. № 163. С. 2.
 Потешные и юные..., 1910 – Потешные и юные разведчики // *Русский спорт*. 1910. № 36. С. 3.
 Потешные..., 1912 – Потешные юго-западных железных дорог. Киев, 1912. 27 с.
 Приказ юным..., 1911 – Приказ юным разведчикам № 21 // *Русский спорт*. 1911. № 15. С. 13.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Севастопольские потешные..., 1911 – Севастопольские потешные роты // *Потешный*. 1911. № 10. С. 16-17.
 См-ъ В., 1912 – См-ъ В. Задачи потешных // *Русский спорт*. 1912. № 50. С. 6-7.
 Таёжная мошка, 1910 – Таёжная мошка. Енисейск // *Сибирская жизнь*. 1910. № 208. С. 3.
 Томское «потешное»..., 1911 – Томское «потешное» войско // *Потешный*. 1911. № 7. С. 15-16.
 Царская семья..., 1911 – Царская семья в Киеве // *Потешный*. 1911. № 21-22. С. 17.
 Царский смотр..., 1911 – Царский смотр потешных // *Потешный*. 1911. № 17-18. С. 4.
 ЦГАКФФД СПб – Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга.
 Шафров, 1911 – Шафров С. Финляндские «боскоуты» // *Потешный*. 1911. № 16. С. 19.
 An Official History..., 2006 – An Official History of Scouting. London: Hamlyn, 2006. 192 p. P. 134.

References

- 1-i Zakaspiiskii..., 1910 – 1-i Zakaspiiskii poteshnyi polk [1st Transcaspian poteshnyi regiment]. *Poteshnyi*. 1910. 4: 12. [in Russian]
 A.P., 1910 – A.P. (1910). Kronshtadtskii detskii batal'on [Kronstadt children's battalion]. *Poteshnyi*. 5: 15-17. [in Russian]
 An Official History..., 2006 – An Official History of Scouting. London: Hamlyn, 2006. 192 p.
 Bakinskie poteshnie, 1911 – Bakinskie poteshnie [Baku poteshnie]. *Poteshnyi*. 1911. 17-18: 15-17. [in Russian]
 Bulatov, 2023 – Bulatov, I.A. (2023). Natsional'noe vospitanie v russkikh detskikh organizatsiyakh pervoi poloviny XX v. [National education in Russian children's organizations of the first half of the XX century]. Saratov. 456 p. [in Russian]
 Bystrova, Kovaleva, 2024 – Bystrova, Iu.M., Kovaleva, D.N. (2024). Patrioticheskoe vospitanie i formirovanie natsional'noi identichnosti v ramkakh razvitiya fizicheskogo vospitaniya v Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX v. [Patriotic education and the formation of national identity in the context of the development of physical education in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries]. *Klio*. 11(215): 106-113. [in Russian]
 Dumy i poteshnie, 1911 – Dumy i poteshnie [Thoughts and poteshnie] *Ural'skayazhizn'*. 1911. 147: 2. [in Russian]
 GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].
 Ivanov, 1911 – Ivanov, V. (1911). 28-go iyulya 1911 goda [On July 28, 1911]. *Poteshnyi*. 20: 5. [in Russian]
 К параду потешных..., 1911 – К параду потешных войск [To the parade of poteshnie troops]. *Poteshnyi*. 1911. 17-18: 19. [in Russian]

- K Tsarskomu smotru..., 1911** – K Tsarskomu smotru poteshnykh [For the Royal review of the poteshnie]. *Poteshnyi*. 1911. 20: 1. [in Russian]
- K vvedeniyu obucheniya..., 1910** – K vvedeniyu obucheniya voennomu stroyu v nachal'nykh shkolakh [Introduction of military training in primary schools]. *Russkii sport*. 1910. 34: 4. [in Russian]
- K vysochaishemu smotru..., 1911** – K vysochaishemu smotru poteshnykh [To the supreme review of the poteshnie]. *Poteshnyi*. 1911. 19: 18-19. [in Russian]
- Kratkie pravila..., 1911** – Kratkie pravila dly apoteshnykh 5-i sibirskoi strelkovoii divizii [Short rules for the poteshnie of the 5th Siberian Rifle Division]. *Poteshnyi*. 1911. 10: 16. [in Russian]
- Krugosvetnaya ekskursiya..., 1911** – Krugosvetnaya ekskursiya «yunykh razvedchikov» [“Young Scouts” world tour]. *Poteshnyi*. 1911. 9: 19. [in Russian]
- Kyarov, 1910** – *Kyarov, I.* (1910) Kazachata [Kazachata]. *Poteshnyi*. 4: 17. [in Russian]
- Lagernyi sbor..., 1911** – Lagernyi sbor «yunykh razvedchikov» [Camp gathering of “young scouts”]. *Poteshnyi*. 1911. 19: 19. [in Russian]
- Lutskevich, 1912** – *Lutskevich, A.A.* (1912). Bahmutskie «poteshnie» [Bahmut’s poteshnie]. Bakhmut. 62 p. [in Russian]
- Malen'kie kazaki, 1911** – Malen'kie kazaki [The Little Cossacks]. *Poteshnyi*. 1911. 16: 19. [in Russian]
- Manevry poteshnykh, 1910** – Manevry poteshnykh [Poteshnie maneuvers]. *Russkii sport*. 1910. 43: 4. [in Russian]
- Novitskii, 1930** – *Novitskii, E.* (1930). Stranichka iz istorii skautizma [A page from the history of scouting]. *Chasovoi*. 35: 22-23. [in Russian]
- Ot"ezdnaVysochaishii..., 1911** – Ot"ezd na Vysochaishii smotr moskovskikh poteshnykh [Departure for the Highest Review of the Moscow poteshnie]. *Poteshnyi*. 1911. 17-18: 19. [in Russian]
- Pantyukhov, 1969** – *Pantyukhov, O.I.* (1969). O dnyakhbylykh [About the days gone by]. Maplewood, NJ. 315 p. [in Russian]
- Parad, 1911** – Parad [Parade]. *Ural'skaya zhizn'*. 1911. 165: 2. [in Russian]
- Po Sibiri..., 1911** – Po Sibiri. Irkutsk [Across Siberia. Irkutsk]. *Sibirskayazhizn'*. 1911. 170: 4. [in Russian]
- Poteshnie i yunye..., 1910** – Poteshnie i yunye razvedchiki [Poteshnie and young scouts]. *Russkii sport*. 1910. 36: 3. [in Russian]
- Poteshnie v Peterburge, 1911** – Poteshnie v Peterburge [Poteshnie in St. Petersburg]. *Ural'skayazhizn'*. 1911. 163: 2. [in Russian]
- Poteshnie..., 1912** – Poteshniey ugo-zapadnykh zheleznykh dorog [Poteshnie South-Western Railways]. Kiev. 1912. 27 p. [in Russian]
- Prikaz unym..., 1911** – Prikaz unym razvedchikam № 21 [Order to young scouts No. 21]. *Russkii sport*. 1911. 15: 13. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].
- RGVIA** – Rossiiskii Gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military historical archive].
- Sevastopol'skie poteshnie..., 1911** – Sevastopol'skie poteshnie roty [Sevastopol poteshnie companies]. *Poteshnyi*. 1911. 10: 16. [in Russian]
- Shafrov, 1911** – *Shafrov, S.* (1911) Finlyandskie «boskouty» [Finnish “boscoots”]. *Poteshnyi*. 16: 19. [in Russian]
- Sm. V., 1912** – *Sm. V.* (1912) Zadachi poteshnykh [Poteshnie tasks]. *Russkii sport*. 50: 6-7. [in Russian]
- Taezhnaya moshka, 1910** – Taezhnaya moshka. Eniseisk [The taiga midge. Yeniseisk]. *Sibirskaya zhizn'*. 1910. 208: 3. [in Russian]
- Tomskoe «poteshnoe»..., 1911** – Tomskoe «poteshnoe» voisko [Tomsk “poteshnoe” army]. *Poteshnyi*. 1911. 7: 15. [in Russian]
- Tsarskaya sem'ya..., 1911** – Tsarskaya sem'ya v Kieve [The Royal family in Kiev]. *Poteshnyi*. 1911. 21-22: 17. [in Russian]
- Tsarskii smotr..., 1911** – Tsarskii smotr poteshnykh [Royal review of poteshnie]. *Poteshnyi*. 1911. 17-18: 4. [in Russian]
- TsGAKFFDSPb** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga [Central State Archive of Film and Photo Documents of St. Petersburg].
- Voennyi stroi..., 1911** – Voennyi stroi v shkolakh [Military system in schools]. *Russkii sport*. 1911. 32: 4. [in Russian]
- Vysochaishii smotr..., 1911** – Vysochaishii smotr poteshnym [The highest review of the poteshnie]. *Ural'skayazhizn'*. 1911. 164: 2. [in Russian]
- Zotov, 1998** – *Zotov, V.S.* (1998). Iz istorii skautskogo dvizheniya v Rossii. 1909–1926 gody [From the history of the Scout movement in Russia. 1909–1926.] *Sbornik istoricheskikh ocherkov osnovatelei skautskogo dvizheniya i uchastnikov sobytii*. M. Pp. 69-217. [in Russian]

Формирование гражданской идентичности в «потешном» движении в Российской империи в начале XX в. Часть 2.

Иван Александрович Булатов ^а*, Дарья Николаевна Ковалева ^а, Юлия Михайловна Быстрова ^а

^а Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А., Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Движение потешных появилось в 1909 г. для осуществления желания императора Николая II о введении начальной военной подготовки в деревнях. Активная фаза деятельности этого движения заняла пять лет, и за это время было пройдено несколько этапов. На первом из них отряды потешных возникали стихийно как при военных частях, так и во всех ведомствах, как-либо связанных с обучением детей. С середины 1911 г. появилось официальное положение, регламентирующее создание и основные вопросы деятельности отрядов потешных. Третий этап начался летом 1913 г., когда функции потешных по физическому развитию детей и их начальной военной подготовке были переданы школам. Заинтересованные ведомства в силу этого переносили своё внимание на налаживание такой работы с детьми в школах, а вне учебных заведений стало активно развиваться движение скаутов, предлагавшее подросткам более интересную программу, в силу чего потешные практически полностью исчезли. В статье особо рассматривается вопрос о системе национального и патриотического воспитания в рамках движения «потешных».

В работе делается вывод, что преобладающий в историографии взгляд на «потешных» как на самостоятельное внешкольное детское движение является лишь частично верным. Его также следует рассматривать как начальный этап внедрения в школах обязательных уроков гимнастики и военного строя. Система же национального воспитания в движении «потешных» не была разработана и в основном повторяла теорию «официальной народности» С. Уварова.

Ключевые слова: потешные, юные разведчики, внешкольное воспитание, военная подготовка, национальное воспитание, гражданская идентичность, Российская империя, А.А. Луцкевич, Г.А. Захарченко, С.И. Назимов, национальное воспитание, гражданская идентичность.

---

* Корреспондирующий автор

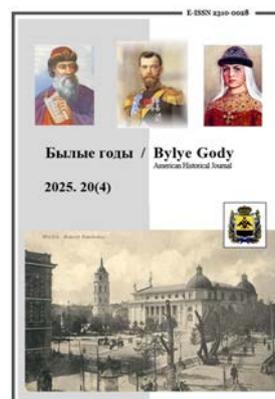
Адреса электронной почты: bulatovivan64@gmail.com (И.А. Булатов),
bulatovivan64@gmail.com (Д.Н. Ковалева), bystrovau@yandex.ru (Ю.М. Быстрова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2078-2085
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2078

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A.A. Shakhmatov's Archive as a Source for Studying E.Yu. Perfetsky's Scholar Work on Hungarian Rus

Kseniia B. Egorova ^{a, *}

^aSt. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article discusses a new source for studying the scientific and creative biography of Evgeny Yulianovich Perfetsky – the archive of Alexey Alexandrovich Shakhmatov, which is stored in the St. Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences. The A.A. Shakhmatov fund contains the correspondence of scientists during the period when Perfetsky, exiled to Kholmogory for revolutionary activities among the youth, received permission to travel abroad and entered the University of Vienna, Department of Slavic Philology (the chronological framework of the correspondence covers the period from 1911–1917). The correspondence of the two Slavists has not yet received due coverage in philological or historical sciences, while it is a source for clarifying our knowledge not only about Shakhmatov's scientific interests and his connections with fellow Slavists, but also for studying the creative legacy of Perfetsky, who made a significant contribution to the study of the Russian component in the Carpathian territories on the eve of the First World War. The article will provide an analysis of the surviving correspondence, present its main themes, and identify the progress of work on collecting materials for writing works on the history, dialectology, and ethnography of Hungarian Rus (for example, works on the religious movement in Hungarian Rus in the 16th-17th centuries, the existence of printed Old Church Slavonic books in this territory, and the problems of chronicle writing, Perfetsky's view of which was largely influenced by Shakhmatov).

Keywords: Hungarian Rus, Subcarpathian Rus, Slavic studies, Shakhmatov, Perfetsky, University of Vienna.

1. Введение

Корреспонденция является одним из важнейших источников для изучения личной и творческой биографии учёных. В Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук (СПФ АРАН), в фонде А.А. Шахматова (Ф. 134), хранится пласт переписки слависта с учеником и коллегой – Евгением Юлиановичем Перфецким (1888–1947), учёным непростой судьбы, связавшим свою жизнь с изучением истории, языка и культуры Угорской Руси, которую мыслил неразрывно с общерусской историей. Переписка охватывает обширный период – с 1911 по 1917 г., который можно назвать моментом становления Перфецкого как учёного, формированием его взгляда на проблемы карпатских территорий и их взаимосвязи с великорусской историей и культурой, восприятием и критическим анализом точек зрения учителей – самого Шахматова и Игнатия Викентьевича Ягича. В то же время этот период характеризуется повышенным вниманием к границам империй в преддверии Первой мировой войны, когда карпатские земли становятся полем идеологической борьбы, а их близость в языковом, религиозном и историко-этнографическом смыслах к великорусской истории воспринимается Австро-Венгрией как существенная угроза безопасности и целостности империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: [Xenia.egorova@gmail.com](mailto: Xenia.egorova@gmail.com) (K.B. Egorova)

Указанные факторы делают переписку Шахматова и Перфецкого ценной с разных точек зрения: и как материал для изучения и анализа личности и биографии учёных, и как источник новых знаний о формировании взгляда на историческое и культурное единство карпатских территорий с великорусскими территориями накануне военного столкновения с Австро-Венгерской империей, когда карпатские территории станут одним из театров военных действий, который принесёт военные успехи русскому оружию во многом благодаря историко-культурному компоненту, обусловившему восприятие русских военных сил как освободителей от многолетнего культурного давления иноверцев.

Карпаторусские земли в этот период становятся субъектом различного культурного моделирования и конструирования этничности на этих территориях (Кичера, 2014: 185); подобные спекуляции на тему языковой принадлежности и этноконфессиональных особенностей привели к тому, что карпатский регион стал своеобразной буферной зоной, которая передавалась разным государствам. История Угорской Руси в рассматриваемый период является классическим примером «воображаемого сообщества» в терминологии Бенедикта Андерсона (Андерсон, 2001). В рассматриваемый период завершается формирование концепции общерусской истории, которая становилась идеологическим фактором, обуславливающим право Российского государства на Западную Россию (Бендин, 2025: 522). Частью этого процесса были активные публицистические дискуссии, посвященные проблемам русификации окраин империи (Крот, Дмитриева, 2018; Narezhny, Urushadze, 2021), а также польскому (Наследие Речи Посполитой..., 2022) и украинскому (Миллер, 2000; Ivanov et al., 2017) вопросам, в ходе которых различные общественные силы пытались высказать своё представление о границах русской нации. В это же время в поле зрения писателей и публицистов попадают и первые проявления белорусской идентичности (Герасимчик, 2020; Егорова, 2023). В этих условиях публикация памятников общей истории и их анализ становятся «мягкой силой» (Де Мартино, Барнашов, 2020: 41), нацеленной на неконфликтные формы интеграции западных регионов России (Крот, Завьялова, 2023: 891).

Переписка Шахматова с Перфецким в комплексе не привлекалась учёными в качестве самостоятельного объекта исследования. Данная статья призвана восполнить этот пробел и проанализировать формирование взглядов учёных на проблему изучения Угорской Руси, а также реконструировать ход работы над основными трудами Перфецкого, посвящёнными истории, этнографии и этноконфессиональным особенностям региона. Актуальность и новизна исследования обусловлены характером привлекаемого архивного материала, а также спецификой отражённых в переписке вопросов, связанных не только с научным творчеством, но и с личной судьбой Перфецкого, которая не была простой: учёный прошёл путь от ссыльного студента до ученика Ягича в Венском университете и русского эмигранта, осевшего в Братиславе и продолжившего заниматься славистическими штудиями и русским летописанием.

2. Материалы и методы

Материалом для настоящей статьи является фонд А.А. Шахматова (место хранения – Ф. 134, Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)). В этом фонде хранятся письма Перфецкого к Шахматову, документы охватывают период 1911–1917 гг. и дают возможность сделать выводы о биографии Перфецкого (так, в самом начале переписки будущий учёный-славист даёт подробную автобиографическую справку, рассказывая о своей семье и зарождении интереса к славянским древностям), круге его знакомств, читательских интересах и научных устремлениях. Особый интерес для лингвистов и диалектологов представляют письма, в которых Перфецкий касается своей работы над сбором материалов по диалектам в Гродненской губернии и Холмщины. Последняя надолго станет предметом искреннего интереса ученого.

Письма к Шахматову отражают и трагический поворот в биографии Перфецкого – ссылку в Архангельск, когда ему пришлось прервать учёные занятия. Перфецкому были предъявлены обвинения в членстве в революционной партии, что он горячо отрицал. Данная часть корреспонденции представляет большой интерес для изучения практики задержания по подозрению в участии в революционных обществах и организациях в канун революции, поскольку Перфецкий довольно подробно описывал свои злоключения, указывая, сколько суток он провёл в застенках, сколько раз с него снимали подозрения и по каким причинам арестовывали вновь.

Материалы по истории Угорской Руси учёный собирал на протяжении всей жизни: и в ссылке в Архангельской губернии, и будучи студентом Венского университета. Результатом этой работы стал труд «Обзор Угрославянской историографии» (Перфецкий, 1914).

Методологической основой настоящего исследования является классическая парадигма работы с архивными источниками, сформировавшаяся в рамках позитивистской исторической традиции и получившая глубокое развитие в отечественном источниковедении. Данная парадигма представляет собой строгую систему последовательных процедур, направленных на выявление, критический анализ и синтез информации, содержащейся в документах. Данный подход позволил сформировать репрезентативную источниковую базу, необходимую для решения поставленных исследовательских задач.

Критический анализ выявленных документов является ядром методологии. Внутренняя (содержательная) критика выявленных архивных материалов была нацелена на оценку достоверности сообщаемых в документе сведений (Marwick, 2001). На этом этапе решались следующие задачи: интерпретация текста с учётом исторического контекста, специфической терминологии и языковых норм эпохи; выявление позиции автора, его социального статуса, мировоззренческих установок и целевых интенций (Howell, Prevenier, 2001: 10).

Таким образом, применяемая методология, основанная на принципах научной объективности, системности и критического анализа, обеспечивает достоверность, обоснованность и репрезентативность полученных результатов, составляя основу для последующего научного моделирования и теоретического обобщения.

Любое исследование, затрагивающее историю карпатского региона, так или иначе черпает отдельные установки из разработанной американскими исследователями теории пограничч, которая рассматривает пограничные территории империй в качестве особого культурного пространства, где особо заострены проблемы принадлежности к определённому социальному сообществу; на первый план выходит национальная самоидентификация и дихотомия «свой – чужой». Теория пограничч фокусируется на процессуальности, гибридности и множественности. Она позволяет деконструировать дихотомии «центр – периферия», «свой – чужой», демонстрируя, как в условиях пограничья эти категории становятся размытыми и ситуативными (Балинская, 2018: 45). Наряду с другими окраинными регионами Угорская Русь (Подкарпатская Русь, Закарпатье, Карпатская Русь, Червоная Русь) представляет собой классический пример многослойного и многовекторного пограничья.

В пространстве Подкарпатской Руси на протяжении XIX–XX вв. сталкиваются и сосуществуют несколько национальных и региональных проектов: русинский, украинский, русский («общерусский»), венгерский, чехословацкий (в межвоенный период). Теория пограничч позволяет анализировать эту конкуренцию не как отклонение от некоей «нормы», а как системную характеристику региона, где элиты и сообщества постоянно маневрируют между этими проектами, используя их в качестве ресурса в политических и культурных стратегиях (Paasi, 1996: 88).

В своих работах Перфецкий последовательно разбирает идеологическую конструкцию «единого русского народа от Карпат до Камчатки», показывая её политическую и инструментальную природу (Перфецкий, 1915; Перфецкий, 1917; Perfecky, 1922; Perfecky, 1924). Такой подход сближает его с современными западными исследователями П.Р. Магочи и А. Шарпом, которые также подчёркивают искусственность многих идентификационных моделей в Восточной Европе (Magocsi, 2015: 89), однако если современный взгляд на конструирование идентификации в регионе предполагает существование отдельной русинской этнической общности, то Перфецкий считал, что именно русинство является наносной этнической самоидентификацией, которая мешает населению Карпат в полной мере ощутить своё единство с великорусской историей.

3. Обсуждение

Фигура Евгения Юлиановича Перфецкого, студента Московского университета, сосланного в Архангельскую губернию за участие в студенческой организации социалистов-революционеров и впоследствии вынужденного эмигрировать, остаётся малоизученной в истории отечественной науки. Его обширная переписка с академиком Алексеем Александровичем Шахматовым, хранящаяся в фондах Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук (СПФ АРАН), представляет собой уникальный источник не только для биографии самого Перфецкого, но и для понимания процессов научного осмысления истории закарпатских русинов в начале XX в. Данная статья, опираясь на эти документы, ставит целью осветить научную деятельность Перфецкого, сфокусированную на изучении Угорской Руси. Системное изучение его работ и личности только начинается, формируя отдельное микро-поле в рамках историографии карпатоведения.

Ключевыми для исследователей, обращающихся к фигуре Перфецкого, являются следующие группы источников: 1) научные труды самого историка выступают основным источником для анализа эволюции его научных взглядов, исследовательских методов и концептуальных подходов, текстуальный анализ позволяет проследить изменение акцентов – от преимущественно имперской проблематики к более сложному, многомерному взгляду на идентичность и политику памяти; 2) архивные материалы.

Труды Перфецкого закономерно встраиваются в традицию изучения Подкарпатской Руси российскими учёными, идущую от дореволюционных славистов и эмигрантских историков (Аристов, 1916). В этом ключе его работы рассматриваются как развитие «имперского» и «геополитического» направлений, для которых характерен взгляд на регион через призму внешней политики России.

Зарубежные коллеги, в первую очередь представители «русинской школы» Пола Роберта Магочи, оценивают вклад Перфецкого иначе. Они признают ценность его архивных находок, но часто расходятся в интерпретациях. Если Магочи и его последователи акцентируют внутреннее развитие русинской идентичности и её вариативность, то Перфецкий, по их мнению, делает акцент на внешнем

воздействии и проекциях «большой политики» на формирование идентичности региона. Этот диалог, порой полемичный, является конструктивным и обогащает понимание региона.

Особняком стоят исследования словацкого учёного Мирослава Даниша, который скрупулёзно восстанавливает биографию Перфецкого и возвращает его труды в мировую славистику. Так, Даниш осветил вклад Перфецкого в изучение такого памятника славянской письменности, как «Повесть временных лет» (Даниш, 2022; Даниш, 2024). Работы Даниша встраиваются в сложившуюся в Словакии традицию изучения вклада русской эмиграции в культурную жизнь Братиславы и в словацкую историографию (Пашуто, 1922; Harbul'ová, 2001).

На текущий момент можно констатировать ряд значительных лакун в изучении наследия Е.Ю. Перфецкого: отсутствует полноценная научная биография, интегрирующая его личный и интеллектуальный путь в широкий контекст развития российской исторической науки XX в.; не проведён системный анализ его методологического инструментария: соотношения в его работах традиционного историзма, элементов микроисторического подхода и зачатков дискурс-анализа.

4. Результаты

Перфецкий прибыл в Вену в начале 1912 г. после получения разрешения на выезд за границу из архангельской ссылки. Изначально его планы были связаны с изучением государственного права в немецком университете. Однако, благодаря содействию Шахматова и знакомству с крупнейшим славистом того времени, академиком И.В. Ягичем, его научный вектор кардинально меняется. Уже в апреле 1912 г. Перфецкий пишет Шахматову о своём решении поступить на историческое отделение философского факультета Венского университета, чтобы заняться историей Восточной Европы, а именно – «самого темного, неизвестного уголка Руси – Угорской Руси» (СПф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1144. Л. 26).

Его интерес к этому региону был глубоко осознанным и вытекал из его прежней деятельности на Холмщине, где он пытался отстаивать культурные права местного русского населения. В Закарпатье, оказавшемся под властью Венгрии, он увидел ещё более трагический пример «заброшенности» и ассимиляционного давления, что вызвало в нём не только научный, но и глубоко человеческий отклик.

Работа Перфецкого отличалась системностью и опиралась на несколько ключевых направлений. Прежде всего, учёный уделял серьёзное внимание историографии вопроса. Он получил и тщательно редактировал рукопись местного исследователя, священника Жатковича, планируя дополнить её обзором трудов галицких авторов и критическим анализом (СПф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1144. Л. 64–65). Перфецкий понимал, что без изучения того, как писали историю сами угороруссы, невозможно понять их национальное самосознание.

Вторым важным принципом работы учёного было внимание к первоисточникам. В письмах он делится с Шахматовым своей мечтой изучить материалы венского архива, где хранилась переписка митрополита Колонича и мукачевских епископов, а также документы, связанные с введением унии (СПф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1144. Л. 73). В планах учёного было и исследование местных церковных архивов в самом Закарпатье.

Летом 1912 г. Перфецкий совершил первую поездку в Закарпатье. Несмотря на скромные средства и особое внимание властей обеих империй к его фигуре, он посетил ряд сел, Мукачево и Ужгород, лично познакомился с местной интеллигенцией, священниками, монахами Мукачевского монастыря. Это позволило ему собрать ценные материалы, получить книги, установить контакты и составить личное впечатление о культурной и политической атмосфере края (СПф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1144. Л. 58–63).

Понимая, что историю Закарпатья нельзя изучать в отрыве от истории Венгрии и Австрии, Перфецкий усиленно штудировал труды венгерских историков, чтобы понять общеимперский контекст и мотивацию ключевых исторических фигур (СПф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1144. Л. 70, 89). Перфецкий стал важным связующим звеном между русской академической наукой и интеллигенцией Закарпатья: он отправлял книги русских классиков, учебники и научные труды, стремясь противостоять культурной блокаде и мадяризации (СПф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1144. Л. 66, 75–76, 81).

Исследовательская деятельность Перфецкого не была сухой академической работой. В его письмах сквозит глубокое эмоциональное переживание за судьбу «забытой Руси». Исторические личности Закарпатья – епископы Сергей, Досифей, Мануил Бачинский – предстают для него не просто объектами изучения, а трагическими героями, «светлыми личностями», боровшимися за веру и народ. Он пишет Шахматову: «Я полюбил их, сердечно полюбил этих забытых деятелей забытой Руси; и мне хочется страстно хочется отдать свои лучшие силы для того только, чтобы откопать их из давно-минувшего» (СПф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1144. Л. 55).

Научная работа была для Перфецкого формой служения России и русской науке, ответом на ту несправедливость, которую он видел вокруг – и в ссылке, и в положении угорорусского народа. «Для горячо любимой Родины, для Русской Науки хочу все что есть у меня отдать!» – это не риторическая фигура, а кредо, пронизывающее все его письма (СПф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1144. Л. 86).

Методологический подход Евгения Перфецкого к изучению Угорской Руси, сформировавшийся в условиях эмиграции и ограниченных ресурсов, отличался комплексностью и научной прозорливостью. Его работу можно рассматривать как уникальный пример полевого и кабинетного исследования. Перфецкий осознавал, что первым шагом к созданию объективной истории является анализ существующих трудов. Его центральным проектом стало создание истории угрорусской историографии. Он не просто собирал библиографические сведения, но и подвергал труды местных авторов (таких как о. Жаткович) критическому анализу. Он выявил ключевой методологический недостаток в работах современных ему авторов: использование источников XVII–XVIII вв. не по оригиналам, а по пересказам и описаниям других авторов, что вело к искажению фактов и накоплению ошибок (СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1144. Л. 65). Таким образом, его метод включал источниковедческую критику и стремление к работе с первоисточниками.

Вопреки традициям кабинетной науки своего времени, Перфецкий сделал ставку на непосредственное наблюдение и личные контакты. Его поездка в Закарпатье в августе–сентябре 1912 г. носила характер полевого исследования. Он целенаправленно посещал сельских священников – главных хранителей местной исторической памяти и культуры, – чтобы через личные беседы, преодолевая недоверие, получить доступ к местным архивам, услышать народные жалобы и зафиксировать реальное состояние культурной и религиозной жизни (СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1144. Л. 58–59). Этот метод позволял ему собирать материал, отсутствующий в официальных венгерских источниках.

5. Заключение

Научная деятельность Евгения Перфецкого по изучению Угорской Руси в 1912–1913 гг. представляет собой выдающийся пример научного подвижничества. Оказавшись в вынужденной эмиграции, лишённый материальной стабильности и поддержки, он сумел организовать системную исследовательскую работу, сочетающую историографический анализ, архивные изыскания, полевые исследования и активную просветительскую деятельность. Его переписка с Шахматовым выявляет не только широту его научных планов и глубину погружения в тему, но и высочайшую степень личной ответственности и любви к предмету своего изучения. Работа Перфецкого заложила важный фундамент для последующего изучения истории и культуры Закарпатья и остаётся ярким свидетельством того, как личная судьба учёного может быть неразрывно связана со служением науке и своему народу.

6. Благодарности

Работа была выполнена в рамках реализации проекта РНФ №24-18-00294 «Русский мир» и «русская земля»: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX–начала XX в.».

This research has been supported by the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project no. 24-18-00294 «"Russian world" and "Russian land": historical and socio-political aspects of the problem of national identity in the journalistic discourse of the mid-XIXth – early XXth centuries».

Литература

Андерсон, 2001 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.

Аристов, 1916 – Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели: исследования по неизданным источникам: в 3 тт. 2-е изд., доп.; репринтное воспроизведение изд. 1916 г. (Москва). Bridgeport (Conn.): Carpatho-russian association, 1977–1978. 304 с.

Балинская, 2018 – Балинская М.В. Пограничье как теоретическая категория и объект социологического анализа // *Социологические исследования*. 2018. № 4. С. 44-53.

Бендин, 2025 – Бендин А. Ю. Общерусская история в ранних трудах Николая Устрялова и Михаила Погодина // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2025. Т. 70. Вып. 2. С. 520-540.

Герасимчик, 2020 – Герасимчик В.В. Проблема идентичности белорусов в научной дискуссии 1863–1864 годов о народонаселении «западной России» // *Белорусский исторический обзор*. 2020. № 4(1). С. 55-106.

Даниш, 2022 – Даниш М. Научная и педагогическая деятельность профессора Перфецкого в Словакии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2022. Т. 67. Вып. 3. С. 961-982.

Даниш, 2024 – Даниш М. Повесть временных лет в ранней словацкой историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История* 2024. Т. 69. Вып. 3. С. 724-745.

Егорова, 2023 – Егорова К.Б. Компаративный подход к белорусской этничности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 920-926.

Кичера, 2014 – Кичера В. Конструирование василианами украинской национальной идентичности на Подкарпатской Руси (1919–1939) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 4 (32). 2014.

Крот, Завьялова, 2023 – Крот М. Н., Завьялова О. О. Неконфликтные формы интеграции западных регионов России в позднеимперский период // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 890-905.

Де Мартино, Барнашов, 2020 – Де Мартино М., Барнашов О.В. Историографический обзор некоторых критических подходов к концепции «мягкой силы» Дж. Ная // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. История.* 2020. №4. С. 41-50.

Миллер, 2000 – Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

Наследие Речи Посполитой..., 2022 – Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Владимир Даль, 2022. 476 с.

Национальные окраины..., 2020 – Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / Под ред. А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. 608 с.

Пашуто, 1922 – Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 400 с.

Перфецкий, 1914 – Перфецкий Е.Ю. Обзор Угрусской историографии. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1914. 128 с.

Перфецкий, 1915 – Перфецкий Е.Ю. Религиозное движение в XVI и начале XVII в. в Угорской Руси. Прага: б.и., 1915. 56 с.

Перфецкий, 1917 – Перфецкий Е.Ю. Печатная церковно-славянская книга Угорской Руси в XVII и XVIII вв. Прага: б.и., 1917. 32 с.

СПф АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.

Harbul'ová, 2001 – Harbul'ová L'. Ruská emigrácia a Slovensko: (Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2001. Pp. 97-103.

Howell, Prevenier, 2001 – Howell M., Prevenier W. From Reliable Sources: An Introduction to Historical Methods. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 207 p.

Ivanov et al., 2017 – Ivanov A.A., Kotov A.E., Yanchenko D.G., Ovsjannikov D.V. Ukrainian question in the Russian conservative thought. The end of XIX – early XX century // *Bylye Gody.* 2017. Vol. 43. Is. 1. Pp. 129-138.

Krot, Dmitrieva, 2018 – Krot M.N., Dmitrieva N.V. Russification – Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the late XIX century // *Bylye Gody.* 2018. 47(1): 360-369.

Magocsi, 2015 – Magocsi P.R. With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2015. 430 p.

Marwick, 2001 – Marwick A. The New Nature of History: Knowledge, Evidence, Language. London: Palgrave, 2001. 354 p.

Narezhny, Urushadze, 2021 – Narezhny A.I., Urushadze A.T. Assessment of the Assimilation Potential of the Russian People in the National Social Thought of the 19th century // *Bylye Gody.* 2021. 16(1): 231-243.

Paasi, 1996 – Paasi A. Territories, Boundaries, and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester: John Wiley & Sons, 1996. 318 p.

Perfecky, 1922 – Perfecky E.U. Dvě stati k dějinám Podkarpatské Rusi. Bratislava, 1922. 40 p.

Perfecky, 1924 – Perfecky E.U. Sociálně-hospodářské poměry Podkarpatské Rusi ve století XIII–XV. Bratislava, 1924. 48 p.

References

Anderson, 2006 – Anderson, B. (2006). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* London; N.Y.: Verso.

Aristov, 1977 – Aristov, F.F. (1977). *Karpato-russkie pisateli: issledovaniya po neizdannym istochnikam: v 3 tt. [Carpatho-Russian Writers: Studies on Unpublished Sources: in 3 vols].* (2nd ed.). Bridgeport (Conn.): Carpatho-russian association. [in Russian]

Balinskaya, 2018 – Balinskaya, M.V. (2018). Pogranič'e kak teoreticheskaya kategoriya i ob'ekt sotsiologicheskogo analiza [Borderland as a theoretical category and object of sociological analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* (4): 44-53. [in Russian]

Bendin, 2025 – Bendin, A.Yu. (2025). Obshcherusskaya istoriya v rannikh trudakh Nikolaya Ustryalova i Mikhaila Pogodina [All-Russian history in the early works of Nikolai Ustryalov and Mikhail Pogodin]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 70(2): 520-540. [in Russian]

Danish, 2022 – Danish, M. (2022). Nauchnaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' professora Perfeckogo v Slovakii [Scientific and pedagogical activity of professor Perfecky in Slovakia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 67(3): 961-982. [in Russian]

Danish, 2024 – Danish, M. (2024). Povest' vremennykh let v ranney slovatskoy istoriografii [The tale of Bygone years in early Slovak historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 69(3): 724-745. [in Russian]

De Martino, Barnashov, 2020 – De Martino, M., Barnashov, O.V. (2020). Istoriograficheskiy obzor nekotorykh kriticheskikh podkhodov k kontseptsii «myagkoy sily» Dzh.Naya [Historiographical Review of Some Critical Approaches to J. Nye's Concept of "Soft Power"]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Istoriya.* (4): 41-50. [in Russian]

- Egorova, 2023** – *Egorova, K.B.* (2023) Komparativnyi podkhod k belorusskoi etnichnosti [A comparative approach to Belarusian ethnicity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 68(4): 920-926. [in Russian]
- Gerasimchik, 2020** – *Gerasimchik, V.V.* (2020). Problema identichnosti belorusov v nauchnoi diskussii 1863–1864 godov o narodonaselenii “zapadnoi Rossii” [The problem of the identity of Belarusians in the scientific discussion of 1863–1864 about the population of “Western Russia”]. *Belorusskii istoricheskii obzor.* 4(1): 55-106. [in Russian]
- Harbul'ova, 2001** – *Harbul'ova, L'.* (2001). Ruská emigrácia a Slovensko: (Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939) [Russian Emigration and Slovakia: (The Activities of the Russian Post-October Emigration in Slovakia in 1919–1939)]. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity.
- Howell, Prevenier, 2001** – *Howell, M., Prevenier, W.* (2001). From Reliable Sources: An Introduction to Historical Methods. Ithaca: Cornell University Press.
- Ivanov et al., 2017** – *Ivanov, A.A., Kotov, A.E., Yanchenko, D.G., Ovsjannikov, D.V.* (2017). Ukrainian question in the Russian conservative thought. The end of XIX – early XX century. *Bylye Gody.* 43(1): 129-138.
- Kichera, 2014** – *Kichera, V.* (2014). Konstruovanie vasilianami ukraïnskoy natsional'noy identichnosti na Podkarpatskoy Rusi (1919 – 1939) [The construction of Ukrainian national identity by the Basilians in Subcarpathian Rus (1919–1939)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom.* 32(4): 252-269. [in Russian]
- Krot, Dmitrieva, 2018** – *Krot, M.N., Dmitrieva, N.V.* (2018). Russification – Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the late XIX century. *Bylye Gody.* 47(1): 360-369.
- Krot, Zav'yalova, 2023** – *Krot, M.N., Zav'yalova, O.O.* (2023). Nekonfliktnye formy integratsii zapadnykh regionov Rossii v pozdneimperskiy period [Non-Conflict Forms of Integration of the Western Regions of Russia in the Late Imperial Period]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 68(4): 890-905.
- Magocsi, 2015** – *Magocsi, P.R.* (2015). With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest; N.Y.: Central European University Press.
- Miller, 2000** – *Miller, A.I.* (2000). «Ukrainskij vopros» v politike vlastej i russkom obshhestvennom mnenii (vtoraja polovina XIX v.). [“Ukrainian question” in the policy of the authorities and the Russian public thoughts (the second half of XIXth century.)]. St. Petersburg: Aleteija, 260 p. [in Russian]
- Narezhny, Urushadze, 2021** – *Narezhny, A.I., Urushadze, A.T.* (2021). Assessment of the Assimilation Potential of the Russian People in the National Social Thought of the 19th century. *Bylye Gody.* 16(1): 231-243.
- Nasledie Rechi Pospolitoi..., 2022** – *Nasledie Rechi Pospolitoi v imperskom intelektual'nom prostranstve* [The legacy of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the imperial intellectual space]. Otv. red. A.Yu. Dvornichenko. SPb: Vladimir Dal', 2022. 476 p. [in Russian]
- Natsional'nye okrainy..., 2020** – *Natsional'nye okrainy v politike Rossiiskoi imperii i russkoi obshchestvennoi mysli* [National outskirts in the politics of the Russian Empire and Russian social thought]. Pod red. A.T. Urushadze. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2020. 608 p. [in Russian]
- Paasi, 1996** – *Paasi, A.* (1996). Territories, Boundaries, and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester: John Wiley & Sons.
- Pashuto, 1992** – *Pashuto, V.T.* (1992). Russkie istoriki-emigranty v Evrope [Russian Historian-Emigrants in Europe]. Moscow: Nauka. [in Russian]
- Perfecky, 1922** – *Perfecky, E.U.* (1922). Dvě stati k dějinám Podkarpatské Rusi [Two Articles on the History of Subcarpathian Rus]. Bratislava: [s.n.].
- Perfecky, 1924** – *Perfecky, E.U.* (1924). Sociálně-hospodářské poměry Podkarpatské Rusi ve století XIII–XV [Socio-economic conditions of Subcarpathian Rus in the 13th–15th centuries]. Bratislava: [s.n.].
- Perfetskiy, 1914** – *Perfetskiy, E.Yu.* (1914). Obzor Ugrorusskoy istoriografii [Review of Ugro-Russian Historiography]. Petrograd: Tip. Imp. Akad. nauk. [in Russian]
- Perfetskiy, 1915** – *Perfetskiy, E.Yu.* (1915). Religioznoe dvizhenie v XVI i nachale XVII v. v Ugorskoy Rusi [Religious movement in the 16th and Early 17th centuries in Ugrian Rus]. Prague: [s.n.]. [in Russian]
- Perfetskiy, 1917** – *Perfetskiy, E.Yu.* (1917). Pechatnaya tserkovno-slavyanskaya kniga Ugorskoy Rusi v XVII i XVIII vv. [The printed church-slavonic book of Ugrian Rus in the 17th and 18th centuries]. Petrograd: [s.n.]. [in Russian]
- SPf ARAN** – Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva Rossiyskoy akademii nauk (SPbF ARAN) [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences].

**Архив А.А. Шахматова как источник для изучения научного творчества
Е.Ю. Перфецкого об Угорской Руси**

Ксения Борисовна Егорова ^а · *

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается новый источник для изучения научной и творческой биографии Евгения Юлиановича Перфецкого – архив Алексея Александровича Шахматова, который хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. В фонде А.А. Шахматова собрана переписка учёных в период, когда Перфецкий, высланный в Холмогоры за революционную деятельность среди молодёжи, получил разрешение на выезд за границу и поступил в Венский университет на отделение славянской филологии (хронологические рамки переписки охватывают период 1911–1917 гг.). Корреспонденция двух славистов ещё не получила должного освещения в филологической или исторической науках, в то время как она является источником для уточнения наших знаний не только о научных интересах Шахматова и его связях с коллегами-славистами, но и для изучения творческого наследия Перфецкого, внёсшего существенный вклад в изучение русского компонента на карпатских территориях в канун Первой мировой войны. В статье будет дан анализ сохранившейся переписки, представлена её основная тематика, выявлен ход работы над сбором материалов для написания трудов по истории, диалектологии и этнографии Угорской Руси (например, работы о религиозном движении в Угорской Руси в XVI–XVII вв., бытовании печатной старославянской книги на этой территории и проблемах летописания, взгляд Перфецкого на которое сложился во многом под воздействием Шахматова).

Ключевые слова: Угорская Русь, Подкарпатская Русь, славистика, Шахматов, Перфецкий, Венский университет.

---

* Корреспондирующий автор

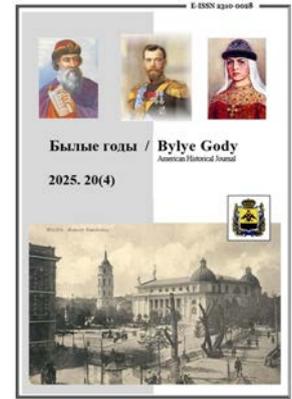
Адреса электронной почты: xenia.egorova@gmail.com (К.Б. Егорова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2086-2096
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2086

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Influence of the Russian-French Convention of 1911 on the Development of Copyright in the Russian Empire

Ekaterina A. Sviridova ^{a,*}, Ruslan V. Mamedov ^a, Gulnara F. Ruchkina ^a, Tatiana V. Larina ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article examines the legal significance and specifics of the provisions of the Russian-French Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 1911. Considerable attention is paid to the analysis of archival and historical and legal documents, as well as to a comparative historical and legal study of the content of the national legislations of the Russian Empire and the French Republic and their relationship to the norms of the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 1886, revised in Berlin on November 13, 1908. An additional source of research was the international treaties and legal doctrine of the late 19th and early 20th centuries, which led to the conclusion about the complex and asymmetric nature of the mutual provision of copyright protection between the two countries. The article analyzes the key aspects of the Convention: the criterion of the place of the first publication, the protection of photographic works, the right to translation and mechanical reproduction of musical works. The purpose of this study is to conduct a historical and legal analysis of the impact of the 1911 bilateral Convention on the development of copyright relations between Russia and France. It is concluded that the Convention failed to fully ensure the principle of mutual and equivalent copyright protection due to differences in national legislation. It is proved that the law of the Russian Empire of March 20, 1911 *de jure* provided broader protection to foreign works, but its implementation for French authors became possible only after the conclusion of the 1911 Convention. The author concludes that the Convention has provided a significant advantage to French authors in the Russian market, while Russian authors have received only partial additional protection in France. Based on the analysis of the institute of the “legal original” and the rules on translation, a conclusion is drawn about the progressive nature of Russian legislation that facilitated cultural exchange.

Keywords: the Russian-French Convention of 1911, the history of copyright, the law of 1911, the Berne Convention, the right to translation, mechanical reproduction, reciprocity, protection of photographs.

1. Введение

Исследовательское внимание к международным взаимодействиям и анализу связей между отдельными национальными законодательствами в области защиты авторских прав имеет глубокие исторические корни. Этот научный интерес сохранял свою актуальность даже в период расцвета национально-исторических изысканий. Примечательно, что основы сравнительно-исторического подхода в литературоведении были заложены именно в XIX веке (Седельник, 1986: 253). Тем не менее, процесс осознания Россией своей принадлежности к единому мировому культурному пространству развивался неравномерно, отличался скачкообразным характером и сложной, нелинейной динамикой.

Международные литературные соглашения, сложившиеся в ходе длительного культурного взаимодействия между странами, сохраняют свою значимость и в современных условиях

* Corresponding author

E-mail addresses: esviridova@fa.ru (E.A. Sviridova), rvmamedov@fa.ru (R.V. Mamedov), gruchkina@fa.ru (G.F. Ruchkina), tvlarina@fa.ru (T.V. Larina)

глобализации. Ярким примером служит Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года. Литературный обмен между народами – это не просто движение текстов, но диалог правовых традиций (Duchesne, 1835: 222), поскольку именно через договоры формируются устойчивые механизмы защиты интеллектуальной собственности и культурного наследия.

Данное историко-правовое исследование позволяет выявить как общие закономерности развития авторского права в начале XX века, так и его специфику, отражённую не только в нормах международного права, но и в двусторонних соглашениях, таких как Конвенция для защиты литературных и художественных произведений между Россией и Францией 1911 года. Правовой режим литературных произведений как части интеллектуальных ресурсов, представляющий собой совокупность юридических средств и мер регулирования соответствующих отношений, характеризуется сочетанием универсальных принципов охраны авторских прав и особых условий их реализации в межгосударственных договорах. Однако применительно к началу XX века необходимо учитывать не только общие нормы международного права, но и специфику двустороннего регулирования, требующего дифференцированного подхода к анализу правовых традиций каждой из сторон.

Конвенция для защиты литературных и художественных произведений, заключённая между Россией и Францией 29 ноября 1911 года (Конвенция..., 1911), стала важным этапом в развитии международного авторского права, закрепив взаимное признание прав авторов России и Франции. В отличие от более ранних соглашений, она предусматривала не только защиту от несанкционированного перевода и воспроизведения, но и создавала правовые основы для системного культурного обмена. Особое значение имело то, что Конвенция учитывала как французскую систему авторского права, так и российские законодательные традиции, что позволяло гармонизировать регулирование в условиях различий национальных правовых систем. Таким образом, изучение русско-французской Конвенции 1911 года требует комплексного анализа, учитывающего как нормы позитивного права, так и историко-культурный контекст, в котором формировались принципы международного сотрудничества в области защиты авторских прав. Этот документ не только заложил основы правовой защиты интеллектуальной собственности, но и способствовал углублению культурных связей между двумя странами, оставаясь важным примером успешного правового регулирования в сфере межгосударственного литературного обмена.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили различные письменные источники, отражающие развитие международных соглашений в области авторского права: тексты двусторонних договоров, дипломатическая переписка, законодательные акты и материалы международных конференций. Хронологические рамки анализа (1857–1912 годы) обусловлены тем фактом, что в историко-правовой науке формирование международно-правового режима авторского права Российской империи принято относить к периоду присоединения к Бернской конвенции, тогда как мы попытались показать, что фундаментальные шаги по выстраиванию двусторонней системы защиты интеллектуальной собственности предпринимались значительно ранее – начиная с Русско-французского договора о торговле и мореплавании 1857 года (Трактат..., 1857), который предусматривал последующее заключение литературного договора, успешно подписанного четыре года спустя, 6 апреля 1861 года (Конвенция..., 1861). Мы сделали выборку и провели анализ текстов ключевых международных договоров и дипломатической переписки за указанный период, которых оказалось достаточно для формирования целостной картины.

Основными юридически значимыми документами, используемыми в работе, стали Конвенция от 6 апреля 1861 года (Конвенция..., 1861), в рамках которой Россия и Франция приняли на себя обязательство «определить особой конвенцией способы для взаимного обеспечения литературной и художественной собственности в их обоюдных государствах» (Черкасов, 2011), и подписанная 29 ноября 1911 года Конвенция для защиты литературных и художественных произведений между Россией и Францией 1911 года (Конвенция..., 1911).

В качестве дополнительных источников в работе использовались: Закон Российской империи от 20 марта 1911 года о защите авторских прав (Закон..., 20 марта 1911 года); закон Великого Княжества Финляндского о правах литераторов и художников на произведения их деятельности от 15 марта 1880 года (Закон..., 1880); практика применения русско-французской конвенции 1911 года, раскрываемая в дипломатической переписке и парламентских дебатах, хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива; материалы Берлинской конференции 1908 года по пересмотру Бернской конвенции, содержащие стенограммы выступлений российской делегации. Значимыми историко-правовыми источниками являются исследования по истории авторского права Я.А. Канторовича (Канторович, 1916), С.А. Белячкина (Белячкин, 1912), А.А. Пиленко (Пиленко, 1894), Р.Б. Д'Оржеваля (Д'Оржеваль, 1872). Они позволили сделать вывод о том, что внешнеполитическая деятельность российского правительства в сфере авторского права и до попыток вступления в Бернский Союз носила вполне определённые черты последовательной, хотя и осторожной, правовой политики, направленной на защиту национальных интересов.

При проведении исследования были использованы общенаучные методы: аналитический, системно-структурный, сравнительно-исторический, типологический и хронологический. Применение указанных методов позволило выявить причины, этапы и особенности формирования системы международной охраны авторских прав в России, проанализировать и систематизировать имеющиеся данные о франко-русских соглашениях в области интеллектуальной собственности.

3. Обсуждение

В современной отечественной историко-правовой науке мало работ монографического уровня, посвящённых комплексному исследованию становления и эволюции системы международно-правовой защиты авторских прав в России в её поступательном развитии на протяжении второй половины XIX – начала XX веков. Можно назвать лишь ряд исследований, затрагивающих отдельные исторические аспекты данной проблематики. В частности, имеется обширный корпус научных трудов дореволюционных правоведов, в которых освещались частные догматические вопросы авторского права, такие как работы Я.А. Канторовича (Канторович, 1916), С.А. Беляцкина (Беляцкий, 1912), А.А. Пиленко (Пиленко, 1894) и других.

Однако данную тему нельзя назвать исчерпанной. Огромный массив нормативного материала, включая международные конвенции и внутреннее законодательство, равно как и широкий спектр его возможных интерпретаций, а также подходов к изучению и усвоению этого историко-правового опыта на современном этапе, позволяет считать появление всё новых комплексных исследований по данной проблематике в достаточной степени актуальным и полезным.

Среди современных изысканий основную группу составляют работы, связанные с изучением отдельных аспектов законодательства и государственной политики, такие как труды М.Д. Чуповой (Чупова, 2000), Н.Н. Доцик (Доцик, 2008), Н.Б. Верховой (Верхова, 2006). История зарождения воззрений на правовую природу авторского права стала предметом исследования Л.И. Алехиной (Алехина, 2006). Проблемы охраноспособности отдельных видов произведений рассматривались в работах Е.Ю. Ястребовой (сравнительный анализ) (Ястребова, 2009) и Н.Б. Верховой (литературные произведения) (Верхова, 2006). Однако целостная картина формирования государственно-правовой политики в области интеллектуальной собственности в указанный период до сих пор не получила всестороннего монографического освещения.

4. Результаты

Первые договорные отношения в области защиты интеллектуальной собственности между Россией и Францией сложились во второй половине XIX века. После денонсации в 1887 году русско-французского договора 1861 года (О прекращении действия..., 1887) Россия на четверть века вышла из системы международных соглашений в области авторского права, сопротивляясь попыткам включить её в глобальные процессы унификации. Однако участие представителей российской делегации в международных конференциях не прекращалось. Так, в 1878 году, несмотря на личную неприязнь к творчеству Виктора Гюго, Ивану Сергеевичу Тургеневу пришлось сотрудничать с ним на Международном литературном конгрессе по авторским правам, проходившем в Париже, где Гюго был избран президентом конгресса, а Тургенев – вице-президентом. Поскольку Россия была одной из стран, где активно переводились и публиковались произведения иностранных авторов (особенно французских), на русскую делегацию легла основная нагрузка в дискуссиях. Тургенев, выступая в роли вице-президента, произнёс краткую речь, которую позже в письме к П.В. Анненкову назвал «крупницей сахару», поднесённой организаторам конгресса. Ситуация для русской делегации была сложной: помимо художественных произведений, в России переводилось множество научных и популярных текстов, за которые авторы не получали вознаграждения. Кроме того, переводы часто выполнялись студентами, для которых это был важный источник дохода. Введение строгих авторских прав могло лишить их заработка и нанести ущерб издательскому и театральному рынку.

15 июля 1904 года Германии удалось внести в германо-русский договор о торговле и судоходстве (Германо-русский договор..., 1904) дополнительный пункт, согласно которому Россия обязалась вступить в переговоры по поводу присоединения к Бернской конвенции в течение трёх лет с момента вступления в силу указанного договора, то есть до 28 февраля 1909 года. Та же позиция была принята Россией позже в отношении Франции в договоре от 16 сентября 1905 года. Но это обязательство не удалось выполнить в установленный срок, потому что к тому времени Россия приступила к пересмотру своего внутреннего законодательства. Поскольку Россия никоим образом не хотела предоставлять иностранцам по договору права, превышающие права, предоставляемые собственным гражданам по её закону, пришлось подождать, пока не будет выработана окончательная форма для того, чтобы поставить переговоры на прочную основу, в частности, в отношении основного права на перевод. В результате России удалось договориться, прежде всего, с Францией, и заключить первую двустороннюю конвенцию, которая была подписана 29 ноября 1911 года.

На первом заседании Берлинской конференции 14 октября 1908 года действительный государственный советник Российской империи Б.Ф. Булацель от имени российской делегации сделал следующее заявление: «В то время как Россия все более интенсивно обменивается

литературными, музыкальными и художественными произведениями с зарубежными странами, мое правительство считает, что настало время, когда этот обмен должен быть урегулирован в соответствии с международными соглашениями. Договоренности, которые были достигнуты в результате работы Международного союза, несомненно, занимают первое место. Правительство Российской Империи делегировало нас на конференцию, чтобы мы приняли участие в ее работе с целью содействия возможному вступлению России в Международный союз по охране литературной и художественной собственности» (*Débat parlementaire*, 1912). В докладе члена палаты депутатов от блока левых Теодора Рейнаха говорилось: «На мгновение могло показаться, что Россия откажется от пути особых соглашений и просто присоединится к Международному Бернскому Союзу, который уже объединяет половину европейских государств в единое целое. В 1908 году российские делегаты выступили в качестве приглашенных на конференцию в Берлине для пересмотра Бернской конвенции. Однако, несмотря на то, что они, возможно, были очень заинтересованы и находились под влиянием интересных дебатов, в которых они участвовали, они не сочли нужным обязывать свое Правительство подписать в высшей степени либеральный документ, который увенчал работу этой Конференции. Легко понять, что Россия при нынешнем состоянии своего общественного мнения и своего внутреннего законодательства не осмелилась пройти те этапы, на которые Международному союзу потребовалось двадцать два года. Однако она могла бы, чтобы избежать переходных периодов, присоединиться к Союзному акту с оговорками, придерживаясь в некоторых пунктах изначальных положений 1886 или 1891 года. Во всяком случае, до тех пор, пока Россия предпочла остаться в системе отдельных договоренностей со странами, следует приветствовать, что именно со своим союзником, Францией, она решила иметь дело первой» (*Rapport*, 1913).

После принятия в России Закона от 20 марта 1911 года о защите авторских прав, российское и французское правительства возобновили переговоры о заключении двустороннего соглашения. Для детальной проработки вопроса при Министерстве юстиции Российской империи было создано Особое совещание с участием представителей заинтересованных ведомств. Французская сторона проявила инициативу, представив проект соглашения, который был передан российскому МИД и стал основой для обсуждения. Особое Совещание провело два заседания (19 и 21 июля 1911 года), по итогам которых разработало контрпроект. По результатам переговоров между представителями России и Франции, проходивших осенью 1911 года в Париже, большинство изменений и дополнений, предложенных Особым Совещанием, были согласованы в редакции, благоприятной для российских интересов.

Особое Совещание, анализируя статью 1 Конвенции для защиты литературных и художественных произведений между Россией и Францией 1911 года, предусматривающую взаимное предоставление российским и французским подданным национального режима в сфере авторского права, отметило дисбаланс в законодательствах двух стран. Французское авторское право оказалось менее разработанным по сравнению с российским, что создавало риск неравной защиты интересов: французские авторы в России могли получить больше преимуществ, чем русские во Франции. Для устранения этого дисбаланса в заключительной части статьи 1 было введено положение о дополнительных «выгодах», специально предусмотренных Конвенцией. Это означало, что после её ратификации права российских авторов во Франции будут защищаться не только по нормам французского законодательства, но и на основе конвенционных норм, компенсирующих его пробелы. Таким образом, Конвенция 1911 года гармонизировала уровень защиты, обеспечивая русским авторам гарантии, выходящие за рамки французского национального режима.

Конвенция для защиты литературных и художественных произведений между Россией и Францией была более ориентирована на предметную взаимность, то есть эквивалентность прав, нежели на простое приравнивание статуса иностранцев к статусу граждан. Применять к российским авторам французское законодательство, в то время как французские авторы должны были довольствоваться в России ограничительным законом, во многих отношениях не соответствовало реальным интересам и не способствовало побуждению России пойти на дальнейшие уступки после нескольких лет переговорных испытаний. Таким образом, русско-французская Конвенция 1911 года содержит, наряду с принципом ассимиляции, ряд положений, предусматривающих обязательное право для обеих стран. Бернская конвенция называет эти виды положений императивного права, которые гарантируют минимальную защиту во всех странах Бернского Союза, «правами, специально предоставленными Бернской Конвенцией». Ограничение, введенное таким образом в принцип ассимиляции принципом взаимности, по существу несколько уравнивается включением положения о наибольшем благоприятствовании, в соответствии с которым любое преимущество, предоставленное впоследствии одной из Договаривающихся Сторон третьей державе, будет по праву предоставлено авторам другой страны. Но и здесь этот более либеральный подход был обусловлен условием взаимности; кроме того, было предусмотрено исключение в отношении льгот или привилегий, предоставляемых в соответствии с конвенциями Международного союза, к которым может присоединиться одна из сторон. Этим правительство Франции хотело избежать обязанности предоставить России национальный режим с того момента, как новая страна позже войдет в

Бернский Союз, чтобы Россия не смогла пользоваться преимуществами Бернской конвенции, не неся при этом обязанностей.

Действие Конвенции для защиты литературных и художественных произведений 1911 года распространялось на всю территорию каждого из договаривающихся государств, включая их колонии и владения. Это положение представлялось необходимым для чёткого определения положения в отношении Финляндии. Сомнения на этот счёт могли возникнуть в свете параграфа 2 статьи 32 закона Великого Княжества Финляндского от 15 марта 1880 года, сформулированного таким образом: «Положения настоящего закона могут быть объявленными полностью или частично применимыми императором в смысле условия взаимности к произведениям авторов и художников других стран, с которыми были бы заключены соглашения по этому вопросу» (Закон..., 1880). Но если в Финляндии все права, специально оговорённые в Русско-французской конвенции, были гарантированы французским авторам, так же как и финским авторам во Франции, то возникал вопрос в отношении прав, гарантированных внутренним законодательством: стал бы применяться финский закон, без каких-либо иных оснований, благодаря Конвенции, или для этого потребовался бы специальный акт императора. Поскольку российский закон от 20 марта 1911 года применялся в России и, в силу формального положения, в Польше и Остзейских губерниях, справедливо признать, что финский закон сохранял свою силу на территории Великого Княжества Финляндского даже в отношениях с Францией, поскольку права обеспечивались национальными законами для граждан.

Русско-французская конвенция защищает, с одной стороны, авторов – граждан каждой из двух стран, независимо от места публикации произведения, а с другой стороны, авторов любого литературного или художественного произведения, впервые опубликованного во Франции или в России, какой бы ни была национальность этих авторов. Т. е. принцип национальности автора и территориальный принцип охраны произведения здесь действуют параллельно. Бернская конвенция в редакции, действующей в то время, защищала права граждан стран Бернского Союза независимо от условий территориальности только в отношении неопубликованных произведений, в то время как для отредактированных переводов требовалось издание на территории Бернского Союза, чтобы не подрывать господство издательской торговли в странах Бернского Союза и не создавать экспортную надбавку. Таким образом, французские авторы могли представлять, исполнять, выставлять свои неопубликованные произведения где угодно, не теряя при этом защиты Бернской конвенции, но они лишались этой защиты с момента опубликования своих произведений в первый раз в стране, не являющейся членом Международного Бернского Союза. Количество французских произведений, которые оказались в такой ситуации, несомненно, минимально, поскольку французские авторы проявляли большой интерес к публикации своих произведений сначала в странах, говорящих на их языке, все из которых принадлежат Бернскому Союзу. Таким образом, с этой практической стороны превосходство Конвенции 1911 года над Бернской конвенцией для французских авторов было мало ощутимо. Совсем иной была ситуация у российских авторов: если они решались опубликовать свои работы за границей, им следовало выбрать в качестве страны первой публикации государство Бернского Союза, потому что тогда они смогли бы сослаться на статью 6 пересмотренной Бернской конвенции, которая гарантировала им более широкую защиту, чем Русско-французская конвенция 1911 года, особенно в отношении права на публикацию перевода.

Перечень произведений, охраняемых в соответствии с Русско-французской конвенцией, повторял текст пересмотренной в Берлине Бернской конвенции, включая речи, уроки, лекции и проповеди, брошюры и планы, а также эскизы и пластические работы, постановки драматического или музыкально-драматического произведения. Кроме того, переводы, а также воспроизведение литературных и художественных произведений кинематографическим или любым другим аналогичным способом, являлись охраняемыми как оригинальные произведения, без ущерба для прав автора оригинального произведения. Однако Русско-французская конвенция, согласно заявлению французского правительства, не применялась к промышленному искусству, т. к. оно не было защищено российским законом от 20 марта 1911 года. В этом Теодор Рейнах видел бесконечный пробел, что негативно отражалось на французской художественной индустрии, которая и «впредь будет свободно и безнаказанно подвергаться разграблению на берегах Невы. Будем надеяться, что сам прогресс промышленного искусства наших союзников однажды натолкнёт их на мысль защитить его и, в качестве ответного шага, защитить наше собственное от паразитизма производителей контрафакта» (Rapport, 1913). Руководитель соответствующего отдела Министерства иностранных дел Российской империи А.К. Бентковский так высказался по этому поводу: «Русский закон 1911 года, предшествовавший русско-французской Конвенции, не распространяется на произведения искусства, относящиеся к известной отрасли, подлежащей охране, или может распространяться на последние только в том случае, если это указано в Конвенции; формула, "независимо от достоинств и предполагаемого назначения произведения", расплывчата и из неё нельзя сделать никаких выводов в пользу включения произведений прикладного искусства в число произведений, охраняемых в литературной, научной или художественной области, которые перечислены в ограничительном порядке в статье 2 Конвенции» (Lettre, 1912). В отношении этого ограничительного положения противоположного мнения придерживался Эдуард Совель, полагающий, что перечень произведений

в статье 2 Русско-французской конвенции не является исчерпывающим, поскольку после общего понятия «литературные и художественные произведения» указано на «любую продукцию литературной, научной или художественной сферы», что исключает любую идею ограничения.

Французское и российское национальные законодательства установили одинаковый срок защиты литературных и художественных произведений: 50 лет со дня смерти автора. Тем не менее, в этом отношении существовало небольшое различие, которое, как показывает случай с произведениями Вагнера, может иметь своё значение. В то время как этот посмертный срок во Франции исчислялся со дня смерти автора, российское законодательство предусматривало, что установленные для авторского права сроки начинают течь с 1 января года, в котором умер автор произведения или было опубликовано произведение. Поскольку в двусторонних соглашениях всегда применяется наименьший срок, французские авторы в отношении аналогичных произведений пользовались в России менее длительной охраной. Разрыв между двумя законодательствами гораздо более значителен, когда речь идёт о фотографических произведениях. Российское законодательство защищало их только в течение 10 лет с начала года их публикации; правда, этот срок увеличивался до 25 лет для фотографий, опубликованных в виде сборников или серии изображений, представляющих историческую или научную художественную ценность; срок также продлевался до основного срока охраны произведений в отношении фотографий, которые являлись частью литературного произведения. С другой стороны, в Великом Княжестве Финляндском фотографии были защищены авторским правом только в течение 5 лет с конца года их публикации. Французское законодательство не регулировало срок охраны анонимных и псевдонимных произведений, которые находились под защитой российского законодательства в течение 50 лет со дня публикации.

В результате проведения сравнительного историко-правового исследования возникает вопрос, принесла ли русско-французская Конвенция 1911 года какие-либо изменения в части правового регулирования и защиты авторских прав на территории Российской империи, учитывая, что российский закон 1911 года на момент вступления в силу Конвенции 1911 года уже запрещал любые фактические нарушения прав на определённые произведения иностранных авторов. Действительно, статья 32 не допускала перепечатку литературных произведений, опубликованных за рубежом и охраняемых в соответствии с законодательством страны происхождения, при условии, что срок такой охраны согласно иностранному праву не превышал срока, установленного российским законом для своих граждан. Статья 44 содержала аналогичное положение, касающееся музыкальных произведений. Репродуцирование в России произведений, впервые опубликованных за рубежом, было запрещено без разрешения автора. Однако при толковании в совокупности с нормой статьи 4 закона 1911 года, в которой говорилось о лицах и охраняемых произведениях, можно прийти к выводу, что запрет контрафактной продукции относился только к произведениям, обнародованным русскими авторами за границей, и никоим образом не относился к иностранным произведениям в целом. Таким образом, последние оставались без какой-либо защиты, если автор являлся гражданином иностранного государства.

Иное положение дел существовало во Франции, где согласно Декрету от 28 марта 1852 года было запрещено опубликование и перевод опубликованных за границей произведений (*Décret, 1852*). При этом в Декрете ничего не было сказано о публичном исполнении таких произведений. Помимо этого, права иностранных авторов во Франции были ограничены правами, которые им предоставляло собственное государство, а срок действия авторских прав иностранца на территории Франции не мог превышать срока их действия по национальному закону автора. Кроме того, правовая защита предоставлялась лишь тем произведениям иностранных авторов, экземпляры которых были задепонированы в Национальной Библиотеке Франции. Таким образом, благодаря заключённой двусторонней Конвенции с Россией французские авторы приобрели право на перевод, переработку и публичное исполнение в Российской империи, в то время как российские авторы получали дополнительную защиту лишь в отношении права на публичное исполнение и переложение музыкальных произведений.

Следует отметить явное преимущество для французских авторов положений Конвенции 1911 года по сравнению с Бернской конвенцией: Русско-французская конвенция распространяла своё действие на произведения, опубликованные в третьих странах, в том числе не относящихся к Бернскому Союзу.

Часть 2 статьи 1 Конвенции для защиты литературных и художественных произведений 1911 года устанавливала, что её положения применяются к литературным и художественным произведениям, впервые опубликованным на территории одной из договаривающихся стран. Аналогичного правила не содержалось в российском Законе от 20 марта 1911 года, однако в международных соглашениях (включая Бернскую конвенцию) критерий места первой публикации необходим для определения сферы действия международных соглашений. В отличие от Бернской конвенции, в Русско-французской конвенции также не раскрывался термин «опубликование». Так, согласно статье 4 Конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 года в действующей на тот момент редакции, не признавались опубликованием театральные постановки, исполнение музыкальных произведений, выставки

художественных работ, возведение архитектурных сооружений. Таким образом, в период действия Русско-французской конвенции впервые исполненное во французском театре произведение иностранного автора не защищалось положениями Бернской конвенции, если оно было впервые опубликовано в стране, не относящейся к Бернскому Союзу. Если применять толкование правила части 2 статьи 1 Русско-французской конвенции основываясь на положениях статьи 4 Бернской конвенции, это означало бы невозможность защиты авторских прав лица, не являющегося гражданином Франции, чьё литературное произведение было исполнено на театральной сцене во Франции, но опубликовано в другой стране. Столь узкий подход к авторско-правовой защите в рамках русско-французской Конвенции привёл бы к ограничительному её действию лишь в отношении литературных произведений, впервые репродуцированных на территории одной из договаривающихся стран.

Для обеспечения надлежащего применения принципа территориальной охраны произведения, а также для чёткого определения отправной точки сроков охраны авторских прав требовалось определить понятие опубликования произведения, как это сделала Бернская конвенция. При отсутствии определения во французском и русском законах можно предположить, что российский законодатель также рассматривал обнародование как эквивалент опубликования произведения, поскольку в статье 16 российского закона 1911 года срок охраны определялся с даты обнародования произведения.

Русско-французская конвенция 1911 года позволила снять неопределённость по поводу охраны фотографических произведений французских авторов. В рамках Закона Французской республики от 19 июля 1793 года (в редакции от 11 марта 1902 года) ([Loi, 1793](#)) защите подлежали авторские права на литературные, музыкальные, архитектурные, скульптурные произведения и произведения живописи и графики. Несмотря на открытый характер перечня охраняемых произведений во французском законодательстве, допускающий расширительное толкование, оставались дискуссионными вопросы правовой квалификации фотографий. Во французской правовой доктрине сформировались три подхода: отрицательный, при котором фотографии не обладают признаками художественных произведений; положительный, полностью приравнивающий фотографии к объектам художественного творчества; оценочный, требующий индивидуальной квалификации каждого случая судами.

Русско-французская конвенция 1911 года включила фотографии в число охраняемых объектов авторских прав и устранила тем самым правовую неопределённость для российских авторов фотографических произведений в отношении охраны их прав на территории Франции.

В отношении права на перевод российское законодательство обеспечивало расширенную защиту иностранных произведений через институт «юридического оригинала». Принятая конструкция создавала благоприятные условия для культурного обмена. Статьей 34 Закона Российской империи от 20 марта 1911 года был установлен принцип равнозначности языковых версий: все языковые варианты произведения, изданные одновременно, признавались равноправными оригиналами. При этом данная норма носила императивный характер и сохраняла действие при применении международных соглашений. В контексте российско-французских отношений это означало, что произведения французских авторов, первоначально изданные в России в русском переводе, приобретали статус русского оригинального произведения и пользовались полной авторско-правовой охраной наравне с произведениями русских авторов.

В первоначальной редакции Бернской конвенции охране подлежали только санкционированные правообладателем переводы, чем подчёркивался принцип производности перевода от оригинала. Однако данное положение было изменено в рамках Берлинской конференции, в результате которой стали признавать самостоятельный авторский статус переводчика, что исключало возможность ссылки на противоправность перевода при требовании компенсации правообладателю. Произошла унификация подхода к рассмотрению перевода как оригинального произведения и действию презумпции авторских прав переводчика в Бернской конвенции в редакции 1908 года, российском законодательстве 1911 года и Российско-французской конвенции 1911 года. Это, в свою очередь, привело к расширению объектов авторско-правовой охраны, трансформации понимания природы переводного творчества в сторону самостоятельности прав авторов производных произведений. Тем самым был установлен баланс интересов авторов оригинальных и переводных произведений и созданы предпосылки для современной системы охраны авторских прав переводчиков.

В статье 42 Закона от 20 марта 1911 года было закреплено исключительное право композиторов на механическое воспроизведение их музыкальных произведений, ограниченное институтом принудительного лицензирования, который распространял своё действие и на иностранных правообладателей (ст. 11 Русско-французской конвенции). Французская правовая система в рамках Закона от 16 мая 1866 года устанавливала принцип свободы механического воспроизведения музыкальных произведений ([Villey, 1917](#)). В этом проявилась асимметрия авторско-правовой защиты: французские композиторы в России пользовались полной защитой авторских прав, но с ограничением в виде принудительного лицензирования, а российским композиторам во Франции предоставлялась

ограниченная защита (только для вокальных произведений). Таким образом, положения Русско-французской конвенции не соответствовали Бернской конвенции, как и национальное законодательство обеих стран, что приводило к неполной реализации принципа взаимности.

Закон Российской империи от 20 марта 1911 года, как и Бернская конвенция, не требовал для авторов соблюдения каких-либо формальностей в виде регистрационных процедур или специальных доказательств авторства для возникновения авторского права на произведение. Однако, в отличие от действующей в России презумпции авторства через указание имени на титульном листе, что в полной мере соответствовало международным правовым тенденциям того времени, французский Закон от 19 июля 1793 года сохранял архаичные требования в виде обязательного депозита двух экземпляров произведения в Национальной Библиотеке. Статья 14 Русско-французской конвенции 1911 года отменила французские формальности для российских авторов, что способствовало упрощению правовых механизмов защиты, устранению дискриминационных барьеров для авторов обеих стран и гармонизации с международными актами.

5. Заключение

В начале XX века культурные связи между Францией и Россией переживали период интенсивного развития. Одним из ключевых событий, закрепивших это взаимодействие, стало подписание Конвенции для защиты литературных и художественных произведений 1911 года. Этот документ, ставший результатом многолетних дипломатических и творческих усилий, был призван урегулировать вопросы авторского права и способствовать свободному обмену произведениями между двумя странами. Россия не входила в Бернскую конвенцию, поэтому Конвенция 1911 года фактически включила Россию в международную систему авторского права. Конвенция 1911 года зафиксировала взаимные обязательства сторон в области защиты интеллектуальной собственности, что было особенно важно в условиях растущего интереса европейской публики к русской литературе и, наоборот, популярности французской словесности в России.

Несмотря на политические потрясения, которые вскоре изменили карту Европы, Русско-французская конвенция 1911 года осталась важной вехой в истории культурного сотрудничества двух стран. Конвенция 1911 года стала прообразом поздних соглашений СССР и России с зарубежными странами. Она не только упрочила связи между интеллектуальными элитами двух стран, но и заложила основы для дальнейшего диалога, который продолжался даже в самые сложные периоды международных отношений.

Вместе с тем российская правовая система в начале XX века отличалась более либеральным подходом к охране прав иностранных правообладателей, в то время как французская модель демонстрировала формально универсальный характер защиты при фактическом ограничении в правоприменительной практике. Принятие Русско-французской конвенции 1911 года расширило для французских авторов объём охраны их прав и преодолевало территориальные ограничения Бернского Союза, а для российских правообладателей ввела дополнительные гарантии во Франции, продемонстрировав преимущества двустороннего регулирования перед многосторонними соглашениями. Условия двусторонней Конвенции 1911 года оказались выгоднее Бернской системы, поскольку защищали произведения, опубликованные вне зоны Бернского Союза, что создавало для России и Франции предсказуемые условия защиты интеллектуальных прав, стало прогрессивным шагом в развитии международного авторского права и привело к трансформации понимания природы переводного творчества в сторону самостоятельности прав авторов производных произведений.

Литература

[Алехина, 2006](#) – Алехина Л.И. Генезис категорий «интеллектуальная собственность» и «Исключительные права» в теории права XVIII – начала XX века: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. СПб., 2006. 169 с.

[Беляцкий, 1912](#) – Беляцкий С.А. Новое авторское право в его основных принципах: [С прил. закона об авт. праве]. СПб.: изд. юрид. кн. кл. «Право», 1912. 151 с.

[Верхова, 2007](#) – Верхова Н.Б. Законодательная охрана литературных и издательских прав в дореволюционной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Н. Новгород, 2007. 169 с.

[Германо-российский договор..., 1904](#) – Германо-российский договор «о торговле и судоходстве» от 15 июля 1904 года // *Российский государственный исторический архив (РГИА)*. Ф. 20. Оп. 7. Д. 20.

[Д'Оржеваль, 1872](#) – Д'Оржеваль Р.Б. История литературной собственности во Франции (окончание) / Соч. Роберта Барруа Д'Оржеваля. М.: Унив. тип., ценз., 1872. 59 с.

[Доцик, 2008](#) – Доцик Н.Н. Авторское право в России: XVIII - начало XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2008. 180 с.

[Закон..., 20 марта 1911 года](#) – Об авторском праве: Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной думой закон. 20 марта 1911 г. // *З ПСЗ*. Т. 31. № 34935. Собрание узаконений. 1911. 30 марта. Отд. I. Ст. 560.

Закон..., 1880 – Закон Великого Княжества Финляндского о правах литераторов и художников на произведения их деятельности от 15 марта 1880 года // *Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского*. 1880. № 8.

Канторович, 1916 – *Канторович Я.А.* Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Сист. коммент. к закону 20 марта 1911 г. – с ист. очерком и объясн., осн. на законодат. мотивах, лит. источниках, иностр. законодательствах и судеб. Практике. 2-е изд., знач. доп. Пг.: тип. АО б. «Брокгауз-Ефрон», 1916. 791 с.

Конвенция..., 1861 – «О конвенции, заключенной в Санкт-Петербурге 25 марта / 6 апреля сего года, с Францией о литературной и художественной собственности» // *ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXVI. Отдел. 1. № 37137*.

Конвенция..., 1911 – Конвенция для защиты литературных и художественных произведений, заключенная между Россией и Францией 29 ноября 1911 г. // *Известия Министерства иностранных дел*. СПб., 1912. Книга V. С. 11-24.

О прекращении действия..., 1887 – О прекращении действия конвенций о литературной и художественной собственности, заключенных Россией с Францией 25 марта / 6 апреля 1861 г., с Бельгией 18/30 июля 1862 г. / *ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 3159*.

Пиленко, 1894 – *Пиленко А.А.* Международные литературные конвенции. СПб.: типография Морского министерства, 1894. 555 с.

Седельник, 1986 – *Седельник В.* Диалог литератур – диалог народов // *Вопросы литературы*. 1986. №9. С. 252-258.

Трактат..., 1857 – Трактат о мореплавании и торговле между Россией и Францией 1857 года / КАУ ВО «Государственный архив Вологодской области». Ф. 14. Оп. 1. Д. 2078. 73 л.

Черкасов, 2011 – Россия и Франция. XVIII–XX века / Ин-т всеобщ. истории РАН / Отв. ред. и сост. П.П. Черкасов. Вып.10. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 348 с.

Чупова, 2000 – *Чупова М.Д.* История авторского права в России XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2000. 158 с.

Ястребова, 2009 – *Ястребова Е.Ю.* Охрана авторских прав в России XVIII – начала XX вв. (историко-правовой аспект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. СПб., 2009. 246 с.

Débat parlementaire, 1912 – *Chambre des députés, annexe au procès-verbal de la séance du 29 décembre, Journal officiel du 8 mai 1912, p. 19.*

Décret..., 1852 – Décret, des 28-31 mars 1852 (Propriété intellectuelle des œuvres étrangères) // *Le droit d'auteur. Organe officiel du Bureau de l'Union internationale pour la protection des œuvres littéraires et artistiques*. 15 Novembre 1893. № 11. P. 135.

Duchesne, 1835 – *Duchesne André*. Dictionnaire de la conversation et de la lecture. Tome XXII [Douchesne]. Paris: Belin-Mandar, 1835. 492 p. P. 222.

Lettre..., 1912 – Lettre du Ministère des Affaires étrangères de France, adressée le 25 juin 1912 au Syndicat pour la protection de la propriété intellectuelle // *Bibliographie de la France*. 15 novembre 1912.

Loi..., 1793 – Loi du 19 juillet 1793 relative aux droits de propriété des auteurs d'écrits en tout genre, des compositeurs de musique, des peintres et des dessinateurs / Bibliothèque nationale de France, département Arsenal, GD-40071 (6).

Rapport..., 1913 – Droit d'auteur. Organe mensuel du Bureau international de l'Union pour la protection des œuvres littéraires et artistiques, a Berne. 15 Mars 1913. № 8. P. 32.

Villey, 1917 – *Villey Edmond*. Chronique législative. Revue d'économie Politique. 1917. Vol. 31. Pp. 436-444.

References

Alekhina, 2006 – *Alekhina, L.I.* (2006). Genezis kategorii «intellektual'naya sobstvennost'» i «Isklyuchitel'nye prava» v teorii prava XVIII - nachala XX veka: teoretiko-pravovoi i istoriko-pravovoi aspekty. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. [The genesis of the categories "intellectual property" and "Exclusive rights" in the theory of law of the XVIII – early XX centuries: theoretical and legal and historical aspects. Dissertation for the degree of Candidate of legal sciences]. SPb. 169 p. [in Russian]

Belyatskin, 1912 – *Belyatskin, S.A.* (1912). Novoe avtorskoe pravo v ego osnovnykh printsipakh: [S pril. zakona ob avt. prave]. [The new copyright in its basic principles: [With the application of the copyright law]. SPb. [in Russian]

Cherkasov, 2011 – Rossiya i Frantsiya. XVIII–XX veka. In-t vseobshch. istorii RAN. Otв. red. i sost. P.P. Cherkasov. Vyp.10 [Russia and France. XVIII–XX centuries. Institute of general history of the Russian Academy of Sciences. Ed. and comp. P.P. Cherkasov. Is. 10]. M. 2011. [in Russian]

Chupova, 2000 – *Chupova, M.D.* (2000). Istoriya avtorskogo prava v Rossii KhIKh veka. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. [The history of copyright in Russia of the 19th century. Dissertation for the degree of Candidate of legal sciences]. M., 158 p. [in Russian]

Débat parlementaire, 1912 – *Chambre des députés, annexe au procès-verbal de la séance du 29 décembre, Journal officiel du 8 mai 1912, p. 19.* [in French]

Décret..., 1852 – Décret, des 28-31 mars 1852 (Propriété intellectuelle des œuvres étrangères). Le droit d'auteur. Organe officiel du Bureau de l'Union internationale pour la protection des œuvres littéraires et artistiques. 15 Novembre 1893. № 11. P. 135. [in French]

D'Orzheval', 1872 – *D'Orzheval', R.B.* (1872). Istoriya literaturnoi sobstvennosti vo Frantsii (okonchanie) [The history of literary property in France (end)]. M. [in Russian]

Dotsik, 2008 – *Dotsik, H.H.* (2008). Avtorskoe pravo v Rossii: XVIII – nachalo XX veka. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk [Copyright in Russia: XVIII – early XX centuries. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. M. 180 p. [in Russian].

Duchesne, 1835 – *Duchesne, A.* (1835). Dictionnaire de la conversation et de la lecture. T. XXII [Douch]. Paris: Belin-Mandar. 492 p. P. 222. [in French]

Germano-rossiiskii dogovor..., 1904 – Germano-rossiiskii dogovor «O torgovle i sudokhodstve» ot 15 iyulya 1904 goda (1904) [German-Russian treaty “On Trade and Navigation” dated July 15, 1904]. RGIA. [in Russian]

Kantorovich, 1916 – *Kantorovich, Ya.A.* (1916). Avtorskoe pravo na literaturnye, muzykal'nye, khudozhestvennye i fotograficheskie proizvedeniya. Sist. komment. k zakonu 20 marta 1911 g. [Copyright in literary, musical, artistic and photographic works. A systematic commentary on the law of March 20, 1911]. Petrograd. [in Russian]

Konventsiya..., 1861 – «O konventsii, zaklyuchennoi v Sankt-Peterburge 25 marta/ 6 aprelya sego goda, s Frantsiei o literaturnoi i khudozhestvennoi sobstvennosti» [On the convention concluded in St. Petersburg on March 25/April 6 of this year with France on literary and artistic property]. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ). 1861. [in Russian]

Konventsiya..., 1911 – Konventsiya dlya zashchity literaturnykh i khudozhestvennykh proizvedenii, zaklyuchennaya mezhdu Rossiei i Frantsiei 29 noyabrya 1911 g. [Convention for the Protection of Literary and Artistic Works, concluded between Russia and France on November 29, 1911]. St. Petersburg. 1911. [in Russian]

Lettre..., 1912 – Lettre du Ministère des Affaires étrangères de France, adressée le 25 juin 1912 au Syndicat pour la protection de la propriété intellectuelle. Bibliographie de la France. 15 novembre 1912. [in French]

Loi..., 1793 – Loi du 19 juillet 1793 relative aux droits de propriété des auteurs d'écrits en tout genre, des compositeurs de musique, des peintres et des dessinateurs. Bibliothèque nationale de France, département Arsenal, GD-40071 (6). [in French]

O prekrashchenii deistviya..., 1887 – O prekrashchenii deistviya konventsii o literaturnoi i khudozhestvennoi sobstvennosti, zaklyuchennykh Rossiei s Frantsiei 25 marta. 6 aprelya 1861 g., s Bel'giei 18/30 iyulya 1862 g. [On the termination of the conventions on literary and artistic property concluded by Russia with France on March 25/April 6, 1861, and with Belgium on July 18/30, 1862]. 1887. PSZ. Sobr. 3. T. V. № 3159. [in Russian]

Pilenko, 1894 – *Pilenko, A.A.* (1894). Mezhdunarodnye literaturnye konventsii. [International literary conventions]. SPb. [in Russian]

Rapport..., 1913 – Droit d'auteur. Organe mensuel du Bureau international de l'Union pour la protection des œuvres littéraires et artistiques, a Berne. 15 Mars 1913. 8: 32. [in French]

Sedel'nik, 1986 – *Sedel'nik, V.* (1986). Dialog literatur – dialog narodov [Dialogue of literatures – dialogue of peoples]. *Voprosy literatury*. 9: 252-258. [in Russian]

Traktat..., 1857 – Traktat o moreplavanii i torgovle mezhdu Rossiei i Frantsiei 1857 goda [A treatise on navigation and trade between Russia and France in 1857]. KAU VO «Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti». F. 14. Op. 1. D. 2078. 73 l. 1857. [in Russian]

Verkhova, 2007 – *Verkhova, N.B.* (2007). Zakonodatel'naya okhrana literaturnykh i izdatel'skikh prav v dorevolutsionnoi Rossii. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. [Legislative protection of literary and publishing rights in pre-revolutionary Russia. Dissertation for the degree of Candidate of legal sciences]. Nizhniy Novgorod, 169 p. [in Russian]

Villey, 1917 – *Villey, E.* (1917). Chronique législative. *Revue d'économie Politique*. 31: 436-444. [in French]

Yastrebova, 2009 – *Yastrebova, E.Yu.* (2009). Okhrana avtorskikh prav v Rossii XVIII – nachala XX vv. (istoriko-pravovoi aspekt). Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. [Copyright protection in Russia of the XVIII – early XX centuries (historical and legal aspect). Dissertation for the degree of Candidate of legal sciences]. SPb. 246 p. [in Russian]

Zakon..., 20 marta 1911 goda – Ob avtorskom prave: Vysochaishe utverzhdenyi odobrennyi Gosudarstvennym sovetom i Gosudarstvennoyu dumoyu zakon. 20 marta 1911 g. (1911) [On copyright: A highly approved law approved by the State Council and the State Duma. March 20, 1911]. 3 PSZ. T. 31. № 34935. Sbornie zakonov. 1911. 30 marta. Otd. I. St. 560. [in Russian].

Zakon..., 1880 – Zakon Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo o pravakh literatorov i khudozhnikov na proizvedeniya ikh deyatel'nosti ot 15 marta 1880 goda (1880) [The Law of the Grand Duchy of Finland on the Rights of Writers and Artists to the works of their Activity dated March 15, 1880]. Sbornik postanovlenii Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo. 1880. № 8. [in Russian]

Влияние Русско-французской конвенции 1911 года на развитие авторского права в Российской империи

Екатерина Александровна Свиридова^{а, *}, Руслан Владимирович Мамедов^а,
Гульнара Флоровна Ручкина^а, Ларина Татьяна Викторовна^а

^а Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены правовое значение и специфика положений Русско-французской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1911 года. Значительное внимание уделяется анализу архивных и историко-правовых документов, а также сравнительному историко-правовому исследованию содержания национальных законодательств Российской империи и Французской Республики и их соотношения с нормами Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года, пересмотренной в Берлине 13 ноября 1908 года. Дополнительным источником исследования выступили международные договоры и правовая доктрина конца XIX – начала XX века, позволившие прийти к выводу о сложном и асимметричном характере взаимного предоставления охраны авторских прав между двумя странами. В статье анализируются ключевые аспекты Конвенции: критерий места первой публикации, охрана фотографических произведений, право на перевод и механическое воспроизведение музыкальных произведений. Цель настоящего исследования заключается в проведении историко-правового анализа влияния двусторонней Конвенции 1911 года на развитие авторско-правовых отношений между Россией и Францией. Сделан вывод о том, что Конвенция не смогла полностью обеспечить принцип взаимной и равноценной авторско-правовой защиты из-за различий в национальных законодательствах. Доказывается, что закон Российской империи от 20 марта 1911 года *de jure* предоставлял более широкую защиту иностранным произведениям, однако её реализация для французских авторов стала возможной лишь после заключения Конвенции 1911 года. Формулируется вывод о значительном преимуществе, которое Конвенция предоставила французским авторам на российском рынке, в то время как российские авторы получили лишь частичную дополнительную защиту во Франции. На основе анализа института «юридического оригинала» и правил о переводе делается вывод о прогрессивном характере российского законодательства, способствовавшего культурному обмену.

Ключевые слова: Русско-французская конвенция 1911 года, история авторского права, закон 1911 года, Бернская конвенция, право на перевод, механическое воспроизведение, взаимность, охрана фотографий.

---

* Корреспондирующий автор

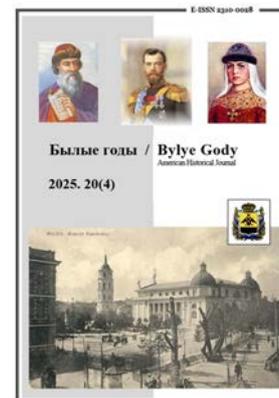
Адреса электронной почты: esviridova@fa.ru (Е.А. Свиридова), rvmamedov@fa.ru (Р.В. Мамедов), gruchkina@fa.ru (Г.Ф. Ручкина), tvlarina@fa.ru (Т.В. Ларина)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2097-2102
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2097

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Letters from the Front as a Historical Source (Using the Example of the Olonets Province)

Andrey A. Baibarin ^{a, *}, Sergei B. Zinkovskii ^b, Alina V. Murashova ^c, Olga V. Popova ^d

^a Moscow University "Synergy", Moscow, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This work is devoted to the analysis of the dynamics of the sentiments of soldiers drafted from the Olonets province in letters to their loved ones during the First World War. The purpose of the study is to show how the moods of military personnel changed from the beginning to the end of the war. The material consisted of letters from soldiers from the Olonets province, published in the collection of some documents of the National Archive of the Republic of Karelia and the Leningrad Regional State Archive "Karelia during the First World War: a collection of documents and materials". The methodological complex includes such methods as the historical and systematic method, the historiographic method, the synthesis method, etc.

An analysis of the epistolary work of the soldiers of the Olonets province, called up to the front, showed that the dynamics of the tonality of front-line letters varies greatly from year to year.

The letters from the beginning of the war (1914) are very pessimistic due to appeals to the poor organization of front-line life, heavy losses, and unsatisfactory training of personnel. At the beginning of 1915, the tone changed, which was probably due to an improvement in the combat situation, but at the end of the year the tone changed again to a pessimistic one, and decadent trends began to be traced, including the uselessness of this war. The letters of the Cossacks and those excerpts of which were published in newspapers are radically different; they are filled with patriotism, bravado and the expectation of an early victory.

It is impossible not to note the influence of censorship: in some letters of 1914, the fighters directly point out the impossibility of writing about the real state of affairs at the front.

Keywords: World War I, letters from the front, Olonets province, epistolary sources, everyday life at the front.

1. Введение

Первая мировая война стала одним из главных мировых кризисов первой половины XX века, нерешённые проблемы которой в итоге выразились и во Вторую мировую. Для России, наряду с революциями 1917 года, она и вовсе стала трагедией, которая повлекла за собой отделение высокоразвитых территорий, таких как Прибалтика, Польское царство, Финляндское княжество и значительной части территорий Закавказья, а также весьма кровопролитное возвращение пытавшихся отделиться национальных государственных образований Средней Азии, Закавказья и Кавказа. Северо-западные территории Российской империи, включая и те, которые входили в Великое княжество Финляндское, также не были в стороне от потрясений, вызванных Первой мировой войной.

Источником, который достаточно чётко проясняет мировоззрение, систему ценностей и мотивы российских подданных, являются письма военнослужащих, отправленные с мест боевых действий.

* Corresponding author

E-mail addresses: andrewbaybarin@gmail.com (A.A. Baibarin)

В данной статье мы попробуем исследовать динамику изменения риторики бойцов, призванных в Олонецкой губернии, в своих письмах с фронта.

2. Материалы и методы

Материалом для данного исследования послужили документы, опубликованные в сборнике «Карелия в годы Первой мировой войны: сборник документов и материалов» ([Карелия в годы..., 2014](#)), выполненном коллективом историков во главе с Е.Ю. Матвеевой, Е.С. Немятовой, М.Е. Неёловой. В данном сборнике собрано более 3 тысяч документов, посвящённых деятельности северо-западных территорий Российской империи, а именно Олонецкой, а также частей Архангельской и Выборгской губерний в годы Первой мировой войны. Труд включает в себя документы 373 фондов Национального архива Республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация) и Ленинградского областного государственного архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Сборник включает в себя документы по таким сферам, как призывная кампания 1914-го года, участие жителей обозначенных территорий в боевых действиях, работа тыла на указанных территориях, а также повседневная жизнь в условиях войны.

Методологическую основу данной работы составляют:

- Историко-системный метод: применён для комплексного исследования динамики эпистолярного жанра представителей Олонецкой губернии, воевавших на фронтах Первой мировой войны с учётом общей политической, социальной, военной и экономической конъюнктуры;
- Историографический метод: использовался для анализа эпистолярных документов жителей Олонецкой губернии;
- Метод синтеза: применялся для формирования результатов и выводов данной работы по исследованию динамики мировоззренческих установок воевавших жителей Олонецкой губернии.

3. Обсуждение

Работ, посвящённых письмам солдат с фронтов Первой мировой войны, достаточно много, причём освещают они весьма разные аспекты данного вопроса.

Из фундаментальных работ отметим исследование А.Н. Розова «Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского крестьянства. Новые материалы из собраний Пушкинского дома» ([Розов, 2012–1014](#)), в котором проанализированы различные фронтовые эпистолярные источники.

Общие вопросы эпистолярного наследия (или, как принято указывать в современной историографии, – эго-документов) российских фронтовиков Первой мировой войны освещены в статьях Ю.Ю. Иерусалимского, А.М. Тиунчика ([Иерусалимский, Тиунчик, 2017](#)), О.В. Петровой ([Петрова, 2020](#)), Н.Д. Постникова ([Постников, 2014](#); [Постников, 2015](#)), В.В. Савиной, Г.А. Сениной ([Савина, Сенина, 2019](#)), С.А. Хубуловой, З.В. Сосрановой ([Хубулова, Сосранова, 2015](#)), И.Р. Чикаловой ([Чикалова, 2021](#)) и др.

Имеются отдельные работы, посвящённые фронтовым письмам отдельных персонажей (см., напр., [Кияшко, 2014](#)).

Значительный пласт работ посвящён фронтовым письмам подданных с отдельных территорий Российской империи. В частности, М.И. Абдулаева анализирует таковые от дагестанцев ([Абдулаева, 2019](#)), В.Л. Агапов – от фронтовиков-жителей Дальнего Востока ([Агапов, 2015](#)), С.В. Казаковцев – от жителей Вятской губернии ([Казаковцев, 2007](#)) и др.

Вместе с тем анализ фронтовых писем жителей Олонецкой губернии в отечественной историографии практически не представлен. Это обуславливает актуальность и новизну данного исследования.

4. Результаты

Рассмотрим письма, высланные с фронта бойцами из Олонецкой губернии в первом году войны, а именно – в 1914-м.

Начнём с письма солдата Горшкова, назначенного в 9-й стрелковый финляндский полк ([Карелия в годы..., 2014: 82](#)). Письмо достаточно лаконично и, по-своему, сурово: военнотрудовой указывает, что назначен в г. Николайштадт в Финляндию и указывает обозначенную выше воинскую часть. Горшков сообщает также, что «...Германия объявила войну России 20 июля. Забрали нас 19 июля. Писать больше нечего. Прощайте» ([Карелия в годы..., 2014: 82](#)). Как видим, настроение у бойца отнюдь не победоносное, писать какие-либо подробности родственникам он не хочет (или не может) и заранее с ними попрощался, что прямо говорит о пессимистичном настроении на предстоящую кампанию.

Следующий источник – мемуары П.А. Маклюинова о пребывании на фронтах Первой мировой войны ([Карелия в годы..., 2014: 83](#)), датированные 27 августа – 22 сентября 1914 года.

Боец весьма скептически отзываясь о буднях войны, в частности, о случаях неосмотрительного применения ручного огнестрельного оружия: солдаты открыли огонь по высоко «висящему» аэроплану, однако выпущенные пули стали ложиться на собственные позиции, поранив несколько

человек; сам Маклионов чудом не был ранен, так как падающая вниз пуля, пробившая крышу амбара, под которой прятался автор, «...ушла в землю передо мной пала на полшага от его ног»; другой боец открыл огонь из револьвера по находящемуся «на две версты выше земли» аэроплану, совершенно не задумываясь о слабой баллистике своего оружия и нисходящей конечной траектории полёта пули, которая вела к собственным позициям. В другом случае солдаты обстреляли свой аэроплан, который был вынужден приземлиться. Маклионов косвенно указывает на неподготовленность личного состава, а также боязнь аэропланов, которая «тогда доходила до комизма» (Карелия в годы..., 2014: 83).

С анатомической подробностью Маклионов рассказывает о различии в действии русской и немецкой шрапнели, сам ужасаясь суровости войны: «Особенно сильно было впечатление от двух трупов, лежащих между молодых елочек у железной дороги... Оба, как бы с полуотрубленными головами, с развороченными краями волосистой части черепа, лежали оба на спине, взгляд открытых голубых глаз, устремленных вперед, и так и застыл!!! Смерть, по-видимому, была моментальная. Пишу это для того, чтобы еще раз показать ужасы войны!..» (Карелия в годы..., 2014: 84).

В целом, из данного письма А.П. Маклионова также можно сделать вывод, что автор скептически относится к организации и подготовке русских войск, что стало причиной отступления на некоторых участках фронта.

Письмо И.Я. Рогачева адресовано его родителям и датируется 7 сентября 1914 года (Карелия в годы..., 2014: 85-86). Солдат также указывает на неудовлетворительное расквартирование по месту службы и серьёзные организационные проблемы в русской армии («...спали на голой земле. Некоторые захворали, пищи не получали совсем, у кого есть деньги, тот купит, а у кого нет, то как хочешь»; «казенных денег не выдают ни на что» и пр.).

Письмо Д.В. Дегтярева датировано 23 сентября 1914 года, написано в городе Экенес и адресовано другу (Карелия в годы..., 2014: 86). Хотя данное письмо не пронизано пессимизмом и скептицизмом, однако указывает на некоторые бытовые трудности в процессе обучения.

Отрывок из письма Я.И. Комисарихина от 5 октября 1914 года адресован родственникам (Карелия в годы..., 2014: 86); он благодарит за присланную денежную посылку, которую пока не получил, говорит о смотре войск его части лично императором. Какого бы то ни было пессимизма в данном письме не прослеживается.

Письмо П.С. Шилова (Кочанова) датировано 25-м октября и адресовано родителям (Карелия в годы..., 2014: 87). Пишет о тяжёлых боях, в ходе которых приходится отступать и нет возможности отдохнуть; сообщает, что он жив и здоров. Письмо лаконичное, без признаков глубокого депрессивного личного состояния.

Следующее письмо было опубликовано в рубрике «Письма с войны» в газете «Олонецкая мысль»; датировано оно 21 ноября 1914 года и принадлежит авторству К. Котова (Карелия в годы..., 2014: 87-88). Котов указывает, что немцы издеваются над попавшими в плен казаками, в то время как «...над другими солдатами таких зверств не слышать» (Карелия в годы..., 2014: 88); также указано, что немцы очень боятся казаков. Есть жалобы на обмундирование (нехватка тёплой одежды). Вместе с тем, прослеживается оптимизм: Котов подчёркивает, что боевой дух высок и настроение у военнослужащих в его части (вероятнее всего, казацкой) победоносное.

Другим опубликованным в газете письмом (а именно, в газете «Олонецкая неделя» от 23 ноября 1914-го года) является письмо М.А. Костеникова своей матери и брату (Карелия в годы..., 2014: 88-89). Автор рассказывает, что с 17 августа по 9 сентября был каждый день в боях без отдыха, особенно тяжёлый бой состоялся 26 августа, в котором он чудом уцелел. Также упоминает о героическом эпизоде, за который получил Георгиевский крест, погоню за отступающими австрийцами и большое количество потерь у врага, в сравнении с потерями российских войск; также говорит о слабом моральном духе противника. Таким образом, можно констатировать, что письмо имеет торжествующий характер и выдержано в бравурных тонах.

Как видим, редакции газет Олонецкой губернии публиковали лишь бравурные письма, в то время как пессимистичные мемуарные и эпистолярные источники стали уделом архивного хранения.

Декабрь 1914-го года отмечен письмом И.И. Коржавина членом Петрозаводского общества взаимопомощи служащих торговых и промышленных предприятий (дата – от 14 декабря 1914 года) (Карелия в годы..., 2014: 89-90). Автор жалуется на фронтовые будни, тяжёлые бои и непростую боевую ситуацию. Обращает внимание и на очерствение морально-нравственных принципов как в связи с боевыми потерями, так и с тяжёлыми бытовыми условиями. Вместе с тем, он указывает на героизм и стойкость русских солдат. Военнослужащий прямо ссылается на то, что работает цензура и у него нет возможности описать ситуацию полноценно. Письмо преисполнено пессимизма, однако упаднические тенденции отсутствуют, прослеживается желание биться до конца.

1915-й год представлен письмом Н.В. Макарова от 17 февраля 1915 года, которое оказалось доступно в отрывке и адресовано родственникам (Карелия в годы..., 2014: 91). Солдат жалуется на плохие бытовые условия, просит прислать денег, бельё и пр.

Следующие два письма датированы 28 апреля (Карелия в годы..., 2014: 92) и 4 мая 1915-го года (Карелия в годы..., 2014: 92-93), соответственно, принадлежат авторству И.И. Коржавина и

адресованы обществу взаимопомощи служащих торговых и промышленных предприятий. Автор благодарит за помощь, на физическое здоровье не жалуется, но «нравственно чувствую себя очень утомленным» (Карелия в годы..., 2014: 92). Указывает на неподготовленность личного состава, в результате чего в вылазках нельзя на него рассчитывать, а также весьма высокие боевые потери. При этом прослеживаются пессимистические настроения и разочарование в войне, а также невысокие надежды на выживание.

Письмо В.И. Пахомова датировано 14 мая 1915 года и адресовано родственникам (Карелия в годы..., 2014: 93); боец жалуется на высокие боевые потери и неопределённость в собственной судьбе.

Вместе с тем, в письмах, отправленных из учебных частей, тон военнослужащих, ещё не побывавших на фронте, достаточно бравый; примером могут служить письма П. Кондратьева (Карелия в годы..., 2014: 94), написанное 23 июня 1915-го года из военно-учебного лагеря в Ходынском поле, г. Москва, и А.А. Лаврукова от 14 ноября 1915-го года (Карелия в годы..., 2014: 96).

Рапорты же (см., в частности, рапорт петрозаводского уездного исправника Иванова в Олонецкое губернское правление о героизме Г.И. Ладыгина и Г.Ф. Анисимова от 12 октября 1915-го года; Карелия в годы..., 2014: 95-96) носят весьма торжествующий характер и превозносят проявивших героизм бойцов, стараясь умалчивать о фронтовых проблемах.

Говорить объективно о 1916 годе возможности нет, так как в нашем распоряжении оказалось лишь одно письмо – бойца П. Орехова от 14 апреля 1916-го года (Карелия в годы..., 2014: 98); находясь в госпитале, солдат пишет предельно лаконично и браво, что, вероятно, может быть связано с усилившейся цензурой.

Впрочем, ничего удивительного нет в том, что из госпиталя солдат пишет патриотические письма, так как практически с самого начала войны лучшие литературные силы Российской империи формировали образ России в Священной войне (Kamensky, 2021: 16-22).

Таким образом, можно сделать вывод, что динамика тональности фронтовых писем весьма различается от года к году. Письма начала войны (1914-го года) весьма пессимистичны в силу апеллирования к плохой организации фронтового быта, больших потерь, неудовлетворительной выучки личного состава. В начале 1915-го года тон меняется, что, вероятно, связано с улучшением боевой обстановки, однако в конце года тональность снова сменяется на пессимистичную, и начинают прослеживаться упаднические тенденции, в том числе – и ненужность данной войны. Кардинальным образом отличаются письма казаков и те, отрывки которых были опубликованы в газетах; они наполнены патриотизмом, бравадой и ожиданием скорой победы.

5. Заключение

Анализ эпистолярного творчества бойцов Олонецкой губернии, призванных на фронт, показал, что динамика тональности фронтовых писем весьма различается от года к году.

Письма начала войны (1914-го года) весьма пессимистичны в силу апеллирования к плохой организации фронтового быта, больших потерь, неудовлетворительной выучки личного состава. В начале 1915-го года тон меняется, что, вероятно, связано с улучшением боевой обстановки, однако в конце года тональность снова сменяется на пессимистичную, и начинают прослеживаться упаднические тенденции, в том числе – и ненужность данной войны. Кардинальным образом отличаются письма казаков и те, отрывки которых были опубликованы в газетах; они наполнены патриотизмом, бравадой и ожиданием скорой победы.

Нельзя не отметить и влияние цензуры: в некоторых письмах 1914-го года бойцы прямо указывают на невозможность написать о реальном положении дел на фронте.

Литература

Абдулаева, 2019 – Абдулаева М.И. Письма дагестанцев с фронтов Первой мировой войны // *Acta Historica: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию*. 2019. Т. 2. № 2. С. 5-10.

Агапов, 2015 – Агапов В.Л. Солдатские письма с фронта Первой мировой войны в дальневосточных газетах 1914–1915 гг. // *Россия и АТР*. 2015. № 4 (90). С. 169-181.

Иерусалимский, Тиунчик, 2017 – Иерусалимский Ю.Ю., Тиунчик А.М. Фронтовые записки и письма времен Первой мировой войны как источник по изучению мировоззрения русских солдат / *Ратные поля – духовная память России. Сборник докладов участников Российского фестиваля православных интеллектуальных клубов и духовно-просветительских центров «Прохоровский прорыв»*. Отв. ред. В.П. Римский. 2017. С. 95-101.

Казаковцев, 2007 – Казаковцев С.В. Письма солдат-вятчан с фронтов Первой мировой войны в фондах госархивов Кировской области // *Отечественные архивы*. 2007. № 3. С. 56-63.

Карелия в годы..., 2014 – Карелия в годы Первой мировой войны: сборник документов и материалов / Под ред. Е.Ю. Матвеевой, Е.С. Немятовой, М.Е. Неёловой. Петрозаводск: Verso, 2014. 494 с.

Кияшко, 2014 – Кияшко Н.В. Письма П.И. Карпенко с фронта как исторический источник о Первой мировой войне / *Вопросы казачьей истории и культуры. Материалы научно-практической конференции*. 2014. С. 112-116.

Петрова, 2020 – Петрова О.В. Восприятие «великой войны» на фронте и в тылу (на основе источников личного происхождения) / *Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием*. Отв. ред. В.В. Карпова. 2020. С. 81-86.

Постников, 2014 – Постников Н.Д. «Этот бой напоминал бородинское сражение». Бои на Равке в письмах с фронта (декабрь 1914 – январь 1915) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2014. № 4. С. 8-19.

Постников, 2015 – Постников Н.Д. «Куда ни взгляни, всюду носится призрак смерти» // *Международная жизнь*. 2015. № 8. С. 167-184.

Розов, 2012–2014 – Розов А.Н. Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского крестьянства. Новые материалы из собраний Пушкинского дома. Отчет о НИР № 12-34-10004. Российский гуманитарный научный фонд. 2012–2014.

Савина, Сенина, 2019 – Савина В.В., Сенина Г.А. Первая мировая война в письмах (концепт krieg и средства его вербализации) / *Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С.Г. Стерлигова*. Отв. ред. Н.А. Воскресенская. 2019. С. 145-151.

Хубулова, Сосранова, 2015 – Хубулова С.А., Сосранова З.В. Эго-документы как исторический источник по Первой мировой войне // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 1. С. 116-122.

Чикалова, 2021 – Чикалова И.Р. Письма с фронта: публикации эго-источников Первой мировой войны / *Актуальные проблемы источниковедения. Материалы VI Международной научно-практической конференции*. 2021. С. 82-85.

Kamensky, 2021 – Kamensky V.S. Literary Propaganda and Litterateurs during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(1): 16-22.

References

Abdulaeva, 2019 – Abdulaeva, M.I. (2019). Pis'ma dagestantsev s frontov Pervoi mirovoi voyny [Letters of Dagestanis from the Fronts of World War I]. *Acta Historica: trudy po istorii, arkheologii, etnografii i obshchestvoznaniyu*. 2(2): 5-10. [in Russian]

Agapov, 2015 – Agapov, V.L. (2015). Soldatskie pis'ma s fronta Pervoi mirovoi voyny v dal'nevostochnykh gazetakh 1914–1915 gg. [Soldiers' Letters from the Front of World War I in Far Eastern Newspapers of 1914-1915]. *Rossiia i ATR*. 4(90): 169-181. [in Russian]

Chikalova, 2021 – Chikalova, I.R. (2021). Pis'ma s fronta: publikatsii ego-istochnikov Pervoi mirovoi voyny [Letters from the front: publications of ego-sources of the First World war]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pp. 82-85. [in Russian]

Ierusalimskii, Tiunchik, 2017 – Ierusalimskii, Yu.Yu., Tiunchik, A.M. (2017). Frontovye zapiski i pis'ma vremen Pervoi mirovoi voyny kak istochnik po izucheniyu mirovozzreniya russkikh soldat [Frontline notes and letters from the time of World War I as a source for studying the worldview of russian soldiers]. *Ratnye polya – dukhovnaya pamyat' Rossii. Sbornik dokladov uchastnikov Rossiiskogo festivalya pravoslavnykh intellektual'nykh klubov i dukhovno-prosvetitel'skikh tseftrov «Prokhorovskii proryv»*. Отв. ред. V.P. Rimskii. Pp. 95-101. [in Russian]

Kamensky, 2021 – Kamensky, V.S. (2021). Literary Propaganda and Litterateurs during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(1): 16-22.

Kareliya v gody..., 2014 – Kareliya v gody Pervoi mirovoi voyny: sbornik dokumentov i materialov [Karelia during the First World War: a collection of documents and materials]. Pod red. E.Yu. Matvevoi, E.S. Nemyatovoi, M.E. Neelovoi. Petrozavodsk: Verso, 2014. 494 p. [in Russian]

Kazakovtsev, 2007 – Kazakovtsev, S.V. (2007). Pis'ma soldat-vyatchan s frontov Pervoi mirovoi voyny v fondakh gosarkhivov Kirovskoi oblasti [Letters of Vyatka soldiers from the fronts of World War I in the collections of the state archives of the Kirov region]. *Otechestvennye arkhivy*. 3: 56-63. [in Russian]

Khubulova, Sosranova, 2015 – Khubulova, S.A., Sosranova, Z.V. (2015). Ego-dokumenty kak istoricheskii istochnik po Pervoi mirovoi voine [Ego-documents as a historical source on the First World war]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 1: 116-122. [in Russian]

Kiyashko, 2014 – Kiyashko, N.V. (2014). Pis'ma P.I. Karpenko s fronta kak istoricheskii istochnik o Pervoi mirovoi voine [Letters of P.I. Karpenko from the Front as a Historical Source on the First World War]. *Voprosy kazach'ei istorii i kul'tury. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pp. 112-116. [in Russian]

Petrova, 2020 – Petrova, O.V. (2020). Vospriyatie «velikoi voyny» na fronte i v tylu (na osnove istochnikov lichnogo proiskhozhdeniya) [Perception of the “Great War” at the Front and in the Rear (based on personal sources)]. *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii. Materialy XI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Отв. ред. V.V. Karпова. Pp. 81-86. [in Russian]

Postnikov, 2014 – *Postnikov, N.D.* (2014). «Etot boi napominal borodinskoe srazhenie». Boi na Ravke v pis'makh s fronta (dekabr' 1914 – yanvar' 1915) [“This battle was reminiscent of the battle of Borodino”. The battles on Ravka in letters from the front (December 1914 – January 1915)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki.* 4: 8-19. [in Russian]

Postnikov, 2015 – *Postnikov, N.D.* (2015). «Kuda ni vzglyani, vsyudu nositsya prizrak smerti» [“Wherever you look, the spectre of death lurks”]. *Mezhdunarodnaya zhizn'.* 8: 167-184. [in Russian]

Rozov, 2012–2014 – *Rozov, A.N.* (2012–2014). Pervaya mirovaya voina v ustnom i pis'mennom tvorchestve russkogo krest'yanstva. Novye materialy iz sobranii Pushkinskogo doma. Otchet o NIR № 12-34-10004. Rossiiskii gumanitarnyi nauchnyi fond. 2012–2014 [The First World War in the Oral and Written Creativity of the Russian Peasantry. New Materials from the Collections of the Pushkin House. Research Report No. 12-34-10004. Russian Humanitarian Scientific Foundation. 2012–2014]. [in Russian]

Savina, Senina, 2019 – *Savina, V.V., Senina, G.A.* (2019). Pervaya mirovaya voina v pis'makh (kontsept krieg i sredstva ego verbalizatsii) [The First World war in letters (the concept of krieg and the means of its verbalization)]. *Yazyki i kul'tury: funktsional'no-kommunikativnyi i lingvopragmaticheskii aspekty. Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati S.G. Sterligova.* Otv. red. N.A. Voskresenskaya. Pp. 145-151. [in Russian]

Письма с фронта как исторический источник (на примере Олонецкой губернии)

Андрей Андреевич Байбарин ^{a, *}, Сергей Борисович Зинковский ^b, Алина Вячеславовна Мурашова ^c, Ольга Владимировна Попова ^d

^a «Московский университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа посвящена анализу динамики настроений бойцов, призванных из Олонецкой губернии, в письмах к своим близким с течением Первой мировой войны. Цель исследования – показать, как изменялись настроения военнослужащих от начала к концу войны. Материалом выступили письма солдат из Олонецкой губернии, опубликованные в сборнике некоторых документов Национального архива Республики Карелия и Ленинградского областного государственного архива «Карелия в годы Первой мировой войны: сборник документов и материалов». Методический комплекс включает такие методы, как историко-системный метод, историографический метод, метод синтеза и др.

Анализ эпистолярного творчества бойцов Олонецкой губернии, призванных на фронт, показал, что динамика тональности фронтовых писем весьма различается от года к году.

Письма начала войны (1914 года) весьма пессимистичны в силу апеллирования к плохой организации фронтового быта, больших потерь, неудовлетворительной выучки личного состава. В начале 1915 года тон меняется, что, вероятно, связано с улучшением боевой обстановки, однако в конце года тональность снова сменяется на пессимистичную, и начинают прослеживаться упаднические тенденции, в том числе – и ненужность данной войны. Кардинальным образом отличаются письма казаков и те, отрывки которых были опубликованы в газетах; они наполнены патриотизмом, бравадой и ожиданием скорой победы.

Нельзя не отметить и влияние цензуры: в некоторых письмах 1914 года бойцы прямо указывают на невозможность написать о реальном положении дел на фронте.

Ключевые слова: Первая мировая война, письма с фронта, Олонецкая губерния, эпистолярные источники, фронтовые будни.

* Корреспондирующий автор

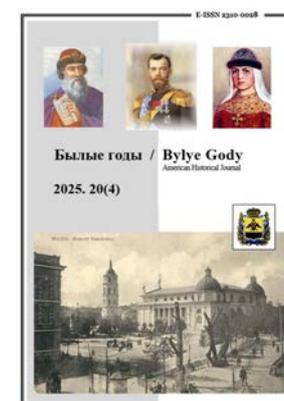
Адреса электронной почты: andrewbaybarin@gmail.com (А.А. Байбарин)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2103-2110
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2103

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Volunteer Movement in the Amur Region during the First World War

Oleg E. Chuikov ^{a, *}, Igor A. Gordeev ^b, Ilya V. Tyurin ^c, Natalia V. Grigorieva ^d

^a Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation

^b Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^c Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^d Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This work is devoted to the study of certain aspects of the volunteer movement in the Amur region. Documents from the Russian State Historical Archive of the Far East were used as materials. The historical-system method, the method of content analysis, the historical-semiotic method, etc. are used as research methods.

In the course of the work done, the authors concluded that the volunteer movement in the Amur region was quite massive. Taking into account the 30,000 mobilized from the reserve, “several thousand volunteers” look like a fairly massive phenomenon. The military leadership noted the high patriotic enthusiasm of the mobilized contingent, but there were also organizational difficulties, in particular, unsatisfactory logistics caused by off-road conditions, poor communication between recruiting stations due to the remoteness of the territories and their weak settlement.

Both retired lower ranks and senior officers, including colonels and lieutenant colonels, applied to the draft as volunteers. These appeals indicate the desire of non-conscripted military personnel to participate in hostilities in every possible way as volunteers. This may indirectly indicate that the patriotic upsurge and the desire to serve the Motherland were quite high even in cases where the command of the recruiting stations was not going to mobilize those who were not conscripted or had a reservation for the mobilization of categories of subjects. In addition to patriotism, in the documents studied by the volunteers, a very difficult financial situation is also noted, namely, a situation of extreme need.

As for the participation of the Korean ethnic group in the volunteer movement, historical documents indicate their contradictory sentiments: there is evidence of the genuine patriotism of the newly adopted subjects, and there are documents that indicate attempts to evade service in the army and, accordingly, at the front, and the desire to enlist in the local militia, thus avoiding combat.

Keywords: World War I, volunteer movement, volunteers, Amur region.

1. Введение

Добровольческому движению Дальнего Востока и, в частности, Приамурской области, незаслуженно, на наш взгляд, уделено недостаточно внимания. Это связано, в первую очередь, с весьма узкой документально-источниковой базой. Вместе с тем, значительная часть исторических исследований, освещающих события Первой мировой войны на Дальнем Востоке, тему добровольческого движения так или иначе затрагивает. Данная статья является попыткой более глубокого изучения добровольческого движения в годы Первой мировой войны на территории Приамурской области.

* Corresponding author

E-mail addresses: chuikov-ru@mail.ru (O.E. Chuikov)

2. Материалы и методы

Материалом для данного исследования послужили документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, опубликованные в сборнике «Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы» (Приамурское генерал-губернаторство..., 2014). Данный сборник составлен и отредактирован Н.А. Троицкой и содержит 200 документов о Первой мировой войне. Из этих документальных источников мы узнаем о повседневности дальневосточного региона в годы войны, некоторых особенностях социальной и экономической жизни российских подданных, особенностях пропагандистской деятельности власти и реакции на эту деятельность простых граждан. По данным материалам мы можем составить исторический портрет крестьян, военнослужащих, в том числе находящихся в запасе и отставке, мещан, интеллигенции, революционного контингента и пр., узнать об особенностях мобилизации, добровольчества, настроений общества и мн. др. В целом, указанный сборник является весьма ценным с точки зрения введения в оборот источниковой базы и материалов для исследователей Дальнего Востока.

Методологическую основу данной работы составляют:

– Историко-системный метод: применялся для комплексного исследования добровольческого движения Приамурья в годы Первой мировой войны в неотрывной связи с повседневностью, социальной ситуацией, пропагандистской работой Российской империи и её противников, интенсивностью боевых действий и пр.;

– Метод контент-анализа. Историкографический метод (или содержательный анализ) в данной работе применялся для изучения документов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, а также исторических исследований по истории Первой мировой войны на Дальнем Востоке;

– Историко-семиотический метод: связан с использованием в нашем исследовании исторических и военных терминов и понятий;

Работа построена с учётом базовых принципов исторического исследования, таких как принцип историзма, опоры на исторические источники, объективности и пр.

3. Обсуждение

Работ по проблеме добровольческого движения в Приамурье в годы Первой мировой войны достаточно немного, что связано, в первую очередь, с весьма скудной источниковой базой.

Работы, непосредственно анализирующие дальневосточное добровольческое движение, весьма немногочисленны. В частности, А.В. Галицкая, А.Д. Одинец, А.И. Левента, Ю.Г. Шапкин и Т.Л. Манаенкова анализируют личности и деятельность известных медиков и женщин добровольческого движения в годы Первой мировой войны (Галицкая и др., 2014).

Большинство же исследований, анализирующих военные события и повседневность Первой мировой войны, являются комплексными, но так или иначе затрагивают проблему добровольческого движения.

Среди фундаментальных исследований отметим монографию В.В. Звезгинцова, в которой делается глубокий анализ Русской императорской армии 1914 г. (Звезгинцов, 1959), монографию Т.Я. Иконниковой, посвящённую деятельности дальневосточного тыла (Иконникова, 1999), диссертационное исследование В.М. Петренко о деятельности территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. (Петренко, 2009), диссертацию И.С. Рудакова о проблеме становления Приамурского военного округа в конце XIX – начале XX в. (Рудаков, 2010) и др.

Из научных статей в периодических изданиях отметим работы Р.С. Авилова, Н.Б. Аюшина и В.И. Калинина (Авилов и др., 2014; Авилов, 2014; Авилов, 2015 и др.), В.В. Бондаревой (Бондарева, 2017), Т.Я. Иконниковой (Иконникова, 2009), М.В. Оськина (Оськин, 2013), Т.З. Позняк (Позняк, 2015; Позняк, 2021), П.И. Чижика, М.А. Аракелян (Чижик, Аракелян, 2023) и др. В каждой из указанных работ проблема добровольческого движения Приамурья так или иначе, но была освещена.

Значительную ценность для исследования представляет и тема детей на войне, а именно бегство детей из тыла на фронт для того, чтобы принять участие в боевых действиях. Эта тема также представляет собой составную часть добровольческого движения, если учесть, что часть детей добралась до фронта, приняла участие в войне и, более того, получила боевые награды. Этой теме уделяли внимание G. Rajović, S.N. Bratanovskii (Rajović, Bratanovskii, 2023), а также А.А. Cherkasov и другие (Cherkasov et al., 2016).

4. Результаты

Рассмотрим некоторые документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, в которых так или иначе затрагивается тема участия приамурских добровольцев и опубликованных в сборнике документов «Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников» (Приамурское генерал-губернаторство..., 2014).

Выдержки из документа «Всепоподданнейшего отчета военного губернатора Приморской области А.Д. Сташевского за 1914 г.» говорят о массовости добровольческого движения. Так, губернатор указывает, что в мобилизации были задействованы не только 30 тыс. человек так называемых «запасников» солдатского состава, но и «несколько тысяч добровольцев» ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 76](#)).

А.Д. Сташевский отмечает «высокий патриотический энтузиазм» мобилизованного контингента; также указываются и некоторые организационные трудности, характерные для Приморского края, в частности, плохая логистика (а именно, бездорожье), значительная удалённость призывных/мобилизационных пунктов от губернского административного центра, каковым с 1888 г. являлся г. Владивосток (что было связано с обширностью территорий Приморской области) и пр.

Следует отметить, что в число добровольцев обращения («прошения») подавали и демобилизованные кадровые военные, находящиеся в отставке, включая даже старший офицерский состав.

Так, в сборнике представлено «Прошение отставного подполковника Заамурского округа пограничной стражи Шелихова командующему войсками округа о призыве в действующую армию» от 15 августа 1914 г. ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 77-78](#)).

Шелихов проживал в г. Старый Харбин¹ и просил командующего Приамурским военным округом, генерала от инфантерии П.А. Лечицкого мобилизовать его в действующую армию. В своём обращении Шелихов указывал, что хорошо владеет немецким и отчасти французским языками, навыками черчения; особенно хорошие навыки имеет в разведывательном деле и фотосъёмке.

Также Шелихов упоминает о том, что является ветераном Русско-японской войны 1904–1905 гг. (причём нёс боевую службу с первого по последний её день), а также свой профиль боевой деятельности – «заведование конно-охотничьей командой в отряде генерал-майора Коссаговского на правом фланге действующей армии». В заключение он указывает, что «обращался с вышеизложенной просьбой к воинскому начальнику Никольска-Уссурийского в рапорте от 26 июля с.г. и телеграммой от 5 августа и к Областному по воинской повинности присутствию за № 68 от 13 августа, но ответа не получил, равно как и призывного листа» ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 78](#)).

Ещё одним примером участия старших офицеров в добровольческом движении Приамурья служит прошение отставного полковника А.С. Черемисинова от 21 февраля 1916 г. ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 104](#)). Доброволец просит мобилизовать его в ополчение, а не в действующую армию.

Также имеются документы о желании нижних чинов призваться добровольцами.

В частности, примером обращения отставника в призывной пункт с рапортом о добровольной мобилизации служит «Прошение в воинское присутствие зауряд-прапорщика² В.В. Новицкого о призыве в действующую армию» от 22 августа 1914 г. ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 78-79](#)).

В своём рапорте Новицкий поясняет, что находится в запасе на офицерском учете и получил «бронь»³ из-за того, что служит околоточным надзирателем⁴, каковые призыву не подлежат. Однако, продолжает Новицкий, звание зауряд-прапорщика к настоящему времени упразднено и теперь оно относится к прапорщикам, то есть к нижним, а не офицерским чинам, что и является препятствием для призыва в действующую армию.

В.В. Новицкий⁵ указывает также, что является ветераном Русско-японской войны, подчёркивает свои боевые навыки, в частности, практику командования зауряд-прапорщиками во время Русско-японской войны подразделениями, вплоть до батальона. Доброволец также указывает на крайнюю нужду: «Добровольно пойти в войска лишают места, благодаря чему, как я уже испытал, после русско-японской войны, приходится быть без места и голодать с семьей» ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 78](#)). Далее он указывает свои награды и отличия в службе и выражает

¹ Современный город Харбин, мегаполис в Китайской народной республике. Основан в 1898 г. русскими поселенцами-строителями Китайско-Восточной железной дороги.

² Старшее воинское звание прапорщиков; в Российской императорской армии приравнивалось к офицерскому.

³ Бронирование от призыва по мобилизации – предоставление временной отсрочки подлежащим призыву отдельным категориям граждан/подданных в силу более значимой реализации их деятельности в тылу.

⁴ Околоточный надзиратель – полицейская должность в Российской империи, аналогичная должности участкового уполномоченного полиции в современной России; в обязанности входил надзор за правопорядком на вверенной территории («околотке») с численностью жителей около 5 тыс. чел.

⁵ Разведчик В.В. Новицкий был добровольцем и героем Русско-японской войны, участвовавшим в крупнейших её сражениях, в частности, под Ляояном и Мукденом, за что был представлен к двум Георгиевским крестам 4-й и 3-й степени.

надежду на то, что его заслуги не останутся без внимания (равно как и его добровольное участие в трёх войнах) и его призвут в действующую армию.

Из других примеров отметим «Прошение отставного мичмана флота А.А. Раковича в Приморское областное присутствие о призыве на воинскую службу» от 14 августа 1915 г., поданное в г. Никольск-Уссурийский ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 102-103](#)).

Весьма возрастной мичман (в прошении указывает возраст в 54 года) был демобилизован в связи с полученной при исполнении службы травмой, однако с началом войны обратился с просьбой о мобилизации его добровольцем. Однако зачислен он был не во флот, а в сухопутные войска. Ракович просит зачислить его именно в действующий флот. Ключевым мотивом, судя по рапорту добровольца, является патриотизм: «Теперь совершенно поправившись от болезни, не имея сил выдерживать и сидеть дома, когда другие отдают свою кровь, и я прошу меня принять на службу во флот» ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 103](#)). Как отмечают исследователи Первой мировой войны (см., в частности, [Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 103](#)), просьба его была удовлетворена.

Вышеуказанные обращения говорят о желании не подлежащих призыву военнослужащих всячески участвовать в боевых действиях в качестве добровольцев. Мы не располагаем данными о массовости подобных обращений к командованию, однако наличие таковых в принципе может косвенно говорить о том, что патриотический подъём и желание служить Родине было достаточно высоким даже в тех случаях, когда командование призывных пунктов не собиралось мобилизовывать непризывные или имеющие бронирование по мобилизации категории подданных.

С другой стороны, помимо патриотизма, в исследованных документах добровольцами отмечается и весьма скверное материальное положение, а именно – ситуация крайней нужды (как, например, в случае с пр-ком Новицким).

Таким образом, можно констатировать, что основными мотивами для добровольной мобилизации непризывных категорий граждан становились патриотизм, желание участвовать в боевых действиях (в силу того, что доброволец не смог реализовать себя в условиях мирной жизни), а также неудовлетворительное материальное состояние и, соответственно, необходимость заработка для содержания себя и семьи – война представлялась им наилучшим способом заработка.

Отметим ещё одну особенность добровольческого движения Приамурья, а именно – нежелание некоторых этнических групп быть призванными в действующую армию.

В сборнике представлен документ «Прошение новопринятых в русское подданство корейцев Янчихинской волости Приморской области о желании призываться в Государственное ополчение», датированный 4 декабря 1914 г. и поданный в призывной пункт (так называемое «военное присутствие») г. Владивосток ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 90-91](#)).

Суть проблемы, как её описывают обратившиеся, была в том, что принятые в русское подданство до 1912 г. корейцы зачислялись на действующую службу, а принятые в 1912-м – в Государственное ополчение (т. е. воинские части, военнослужащие которых служат по месту жительства). Причём в армии службу проходили новопринятые подданные в возрасте с 21 до 30 лет, а с 30 до 43-х лет – в Государственном ополчении; лица старше 43-х лет относились к непризывной категории.

Как указывали обратившиеся подданные, имел место правовой вакуум: старый закон, касающийся корейцев призывного возраста, уже не действовал, а нового принято не было, поэтому волостные военные власти на своё усмотрение причисляли новых российских подданных к призывной или непризывной категории, а также определяли в какие именно части отправлять призывников – в армию или ополчение.

Также корейцы-добровольцы указывали, что в других волостях таких же «новопринятых» в подданство на действующую службу не призывали.

Заявители указывают, что в случае надобности готовы проявить патриотические чувства и участвовать в боевых действиях («...если новый закон будет применяться и на нас, то конечно, мы, хотя русско-подданные молодые, в смысле недавнего принятия присяги на подданство, но, имея чувства патриотизма, во всякое время готовы стать своим животом против варварского врага России») ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 90](#)). Мотивом нежелания служить в действующей армии были названы плохое материальное состояние, голодающие семьи и прочее: «..., но, тем не менее, мы в силу толкающих нас на то обстоятельств, и те рыдания многочисленных семей, оставленных не только без куска хлеба, но и даже без клочка земли, принуждены обратиться к покровительствующим властям с ходатайством о том, чтобы власть, войдя в положение многочисленных семей, нас освободила бы, как крестьян в других волостях от воинской повинности, и зачислили бы в Государственное ополчение» ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 90-91](#)).

Как показывает анализ данного документа, недавно принятые этнические группы, не из числа русскоязычного населения, не желали идти на фронт и участвовать в боевых действиях (в отличие от русскоязычных подданных), а старались пройти службу по своему месту жительства в «облегчённом» варианте.

Однако были и совершенно противоположные случаи, когда этнические корейцы всячески старались помочь России в достижении её целей, стараясь призваться в действующую армию и попасть на фронт.

В качестве примера приведём обращение корейского подданного И.И. Лян к генерал-губернатору Приамурской области с просьбой о призыве добровольцем от 13 октября 1914 г., поданное в г. Хабаровск ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 86](#)).

Лян указывает, что родился в Янчихинской волости Никольск-Уссурийского уезда Приморской области, «свыкся с обычаями и образом русской жизни» и Россию считает своей Родиной. С учётом начала войны всецело готов служить на благо Отчизны в «дань своей благодарности Отцу и Покровителю той страны, где я рожден и вырос, в довольстве получая и духовную, и материальную пищу» и просит зачислить его добровольцем в ряды действующей армии ([Приамурское генерал-губернаторство..., 2014: 86](#)).

В целом, говоря о добровольческо-патриотических настроениях этнических корейцев в русском подданстве, нельзя не согласиться с мнением Т.З. Позняк о том, что «...особенностью добровольческого движения в регионе стала подача прошений, иногда даже коллективных, корейскими подданными, проживавшими в Приморской области, о зачислении в российскую армию. Стилистика подобных прошений была выдержана вполне в духе подобных же обращений от россиян» ([Позняк, 2015: 148](#)).

5. Заключение

В ходе проделанной работы об истории добровольческого движения Приамурья в годы Первой мировой войны были выделены следующие его особенности:

1. Добровольческое движение в Приамурской области было достаточно массовым. С учётом 30 тысяч мобилизованных из запаса, «несколько тысяч добровольцев» выглядят явлением достаточно массовым.

2. Военный генерал-губернатор А.Д. Сташевский отмечал «высокий патриотический энтузиазм» мобилизованного контингента.

3. Также А.Д. Сташевским отмечались организационные трудности, в частности, неудовлетворительная логистика, вызванная бездорожьем, слабая коммуникация между призывными пунктами («военными присутствиями»), обусловленная удалённостью территорий и их слабым заселением.

4. В призыв в качестве добровольцев подавали обращения как отставные нижние чины, так и старшие офицеры, включая полковников и подполковников. Данные обращения говорят о желании не подлежащих призыву военнослужащих всячески участвовать в боевых действиях в качестве добровольцев. Неизвестны данные о массовости подобных обращений к командованию, однако наличие таковых в принципе может косвенно говорить о том, что патриотический подъём и желание служить Родине было достаточно высоким даже в тех случаях, когда командование призывных пунктов не собиралось мобилизовывать непризывные или имеющие бронирование по мобилизации категории подданных.

5. Помимо патриотизма, в исследованных документах добровольцами отмечается и весьма скверное материальное положение, а именно – ситуация крайней нужды.

6. Что касается участия в добровольческом движении корейской этнической группы, то исторические документы говорят об их противоречивых настроениях: есть подтверждения подлинного патриотизма новопринятых подданных, а есть и документы, которые указывают на попытки уклониться от службы в действующей армии и, соответственно, на фронте, и желании призваться в местное ополчение, избегая таким образом боевых действий.

Литература

[Авилов и др., 2014](#) – *Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И.* Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть 2-я. Уроки Порт-Артура. 1906-1917 гг. Владивосток: Дальнаука, 2014. 408 с.

[Авилов, 2014](#) – *Авилов Р.С.* Войска Приамурского военного округа накануне Первой мировой войны: структура и дислокация / *Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы.* Владивосток: РГИА ДВ, 2014. С. 35-54.

[Авилов, 2015](#) – *Авилов Р.С.* Приамурский военный округ в годы Первой мировой войны: войска и оборонительные задачи / *Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX века в истории Дальнего востока России* / Под ред. Л.И. Галлямовой. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С. 5-41.

[Бондарева, 2017](#) – *Бондарева В.В.* Некоторые аспекты добровольческого движения в Тихвинском уезде в годы Первой мировой войны // *Клио.* 2017. № 11 (131). С. 92-97.

[Галицкая и др., 2014](#) – *Галицкая А.В., Одинец А.Д., Левента А.И., Шапкин Ю.Г., Манаенкова Т.Л.* Знаменитые врачи Иркутска и женщины добровольческого движения в годы Первой мировой

войны // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. 2014. № 36. С. 93-99.

Звегинцов, 1959 – Звегинцов В.В. Русская армия 1914 г.: подробная дислокация, формирования 1914–1917 гг., регалии и отличия. Париж, 1959. 132 с.

Иконникова, 1999 – Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 365 с.

Иконникова, 2009 – Иконникова Т.Я. Ополченские дружины Приамурского военного округа в 1914–1917 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 2. С. 35-40.

Оськин, 2013 – Оськин М.В. Государственное ополчение в период Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 2013. № 6. С. 142-152.

Петренко, 2009 – Петренко В.М. Становление и развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в.: дис. канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. 216 с.

Позняк, 2015 – Позняк Т.З. Динамика общественных настроений в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // *Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX века в истории Дальнего востока России* / Под ред. Л.И. Галлямовой. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С. 136-169.

Позняк, 2021 – Позняк Т.З. Тема 6. Дальний восток в начале XX в. (1901 – февраль 1917 гг.) // *История. Электронный научно-образовательный журнал*. 2021. № S21.

Приамурское генерал-губернаторство..., 2014 – Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы / Сост. и ред. Н.А. Троицкая. Владивосток: РГИА ДВ, 2014. 280 с.

Рудаков, 2010 – Рудаков И.С. Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (1884–1917 гг.): дис. канд. ист. наук. Хабаровск, 2010. 200 с.

Чижик, Аракелян, 2023 – Чижик П.И., Аракелян М.А. Военная интервенция стран Антанты и Японии в России (1918–1922 гг.) / *Сборник материалов всероссийской научной конференции, посвященной 105-летию Рабоче-крестьянской красной армии и Рабоче-крестьянского красного флота*. М., 2023. С. 60-69.

Rajović, Bratanovskii, 2023 – Rajović G., Bratanovskii S.N. The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”) // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1532-1538.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. Vol. (5), Is. 1. Pp. 4-11.

References

Avilov et al., 2014 – Avilov, R.S., Ayushin, N.B., Kalinin, V.I. (2014). Vladivostokskaya krepost': voiska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. Chast' 2-ya. Uroki Port-Artura. 1906-1917 gg. [Vladivostok Fortress: Troops, Fortification, Events, People. Part 2. Lessons of Port Arthur]. Vladivostok: Dal'nauka. 408 p. [in Russian]

Avilov, 2014 – Avilov, R.S. (2014). Voiska Priamurskogo voennogo okruga nakanune Pervoi mirovoi voyny: struktura i dislokatsiya [The troops of the Amur Military District on the Eve of World War I: Structure and Dislocation]. *Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoi mirovoi voyny: shtrikhi vremeni, golosa sovremennikov. Dokumenty i materialy*. Vladivostok: RGIA DV. Pp. 35-54. [in Russian]

Avilov, 2015 – Avilov, R.S. (2015). Priamurskii voenniy okrug v gody Pervoi mirovoi voyny: voiska i oboronitel'nye zadachi [The Priamursky military district During the First World War: troops and defensive missions]. *Vglyadyvayas' v proshloe: mirovye voyny XX veka v istorii Dal'nego vostoka Rossii*. Pod red. L.I. Gallyamovoi. Vladivostok: DVO RAN. Pp. 5-41. [in Russian]

Bondareva, 2017 – Bondareva, V.V. (2017). Nekotorye aspekty dobrovol'cheskogo dvizheniya v Tikhvinskom uezde v gody Pervoi mirovoi voyny [Some aspects of the volunteer movement in the Tikhvin district during the First World War]. *Klio*. 11(131): 92-97. [in Russian]

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov, A.A., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 4-11.

Chizhik, Arakelyan, 2023 – Chizhik, P.I., Arakelyan, M.A. (2023). Voennaya interventsia stran Antanty i Yaponii v Rossii (1918–1922 gg.) [Military intervention of the Entente countries and Japan in Russia (1918–1922)]. *Sbornik materialov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 105-letiyu Raboche-krest'yanskoi krasnoi armii i Raboche-krest'yanskogo krasnogo flota*. M. Pp. 60-69. [in Russian]

Galitskaya et al., 2014 – Galitskaya, A.V., Odinets, A.D., Leventa, A.I., Shapkin, Yu.G., Manaenkova, T.L. (2014). Znamenitye vrachi Irkutsk i zhenshchiny dobrovol'cheskogo dvizheniya v gody Pervoi mirovoi voyny [Famous doctors of Irkutsk and women of the volunteer movement during the First World War]. *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya*. 36: 93-99. [in Russian]

- Ikonnikova, 1999** – *Ikonnikova, T.Ya.* (1999). Dal'nevostochnyi tyl Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [Russia's Far Eastern rear during the First World War]. Khabarovsk. 365 p. [in Russian]
- Ikonnikova, 2009** – *Ikonnikova, T.Ya.* (2009). Opolchenskie druzhiny Priamurskogo voennogo okruga v 1914-1917 gg. [Militia squads of the Priamursky military district in 1914–1917]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2: 35-40. [in Russian]
- Os'kin, 2013** – *Os'kin, M.V.* (2013). Gosudarstvennoe opolchenie v period Pervoi mirovoi voyny [State militia during the First World War]. *Voprosy istorii*. 6: 142-152. [in Russian]
- Petrenko, 2009** – *Petrenko, V.M.* (2009). Stanovlenie i razvitiye sistemy territorial'nykh organov voennogo upravleniya na Dal'nem Vostoke vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Formation and development of the system of territorial military command bodies in the Far East in the second half of the 19th – early 20th centuries]: dis. kand. ist. nauk. Khabarovsk. 216 p. [in Russian]
- Poznyak, 2015** – *Poznyak, T.Z.* (2015). Dinamika obshchestvennykh nastroyenii v gorodakh rossiiskogo Dal'nego Vostoka v gody Pervoi mirovoi voyny [Dynamics of public sentiment in the cities of the Russian Far East during the First World War]. *Vglyadyvayas' v proshloe: mirovye voyny XX veka v istorii Dal'nego vostoka Rossii*. Pod red. L.I. Gallyamovoi. Vladivostok: DVO RAN. Pp. 136-169. [in Russian]
- Poznyak, 2021** – *Poznyak, T.Z.* (2021). Tema 6. Dal'nii vostok v nachale XX v. (1901 – fevral' 1917 gg.) [Topic 6. The Far East at the early 20th century (1901 – february 1917)]. *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*. № S21. [in Russian]
- Priamurskoe general-gubernatorstvo..., 2014** – Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoi mirovoi voyny: shtrikhi vremeni, golosa sovremennikov. Dokumenty i materialy [The Priamursky governorate-general during the First World War: touches of time, voices of contemporaries. Documents and Materials]. Sost. i red. N.A. Troitskaya. Vladivostok: RGIA DV. 280 p. [in Russian]
- Rajović, Bratanovskii, 2023** – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N.* (2023). The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”). *Bylye Gody*. 18(3): 1532-1538.
- Rudakov, 2010** – *Rudakov, I.S.* (2010). Stanovlenie Priamurskogo voennogo okruga i ego rol' v ukreplenii oboronosposobnosti Dal'nego Vostoka Rossii (1884–1917 gg.) [Formation of the Priamursky military district and its role in strengthening the defense capability of the Russian Far East (1884–1917)]: dis. kand. ist. nauk. Khabarovsk. 200 p. [in Russian]
- Zvegintsov, 1959** – *Zvegintsov, V.V.* (1959). Russkaya armiya 1914 g.: podrobnaya dislokatsiya, formirovaniya 1914–1917 gg., regalii i otlichiya [The Russian army of 1914: detailed deployment, formations 1914-1917, regalia and awards]. Parizh. 132 p. [in Russian]

Добровольческое движение в Приамурье в годы Первой мировой войны

Олег Евгеньевич Чуйков ^{a, *}, Игорь Анатольевич Гордеев ^b,
Илья Владимирович Тюрин ^c, Наталья Владимировна Григорьева ^d

^a Курский государственный медицинский университет, Курск, Российская Федерация

^b Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^c Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Российская Федерация

^d Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию отдельных аспектов добровольческого движения в Приамурской области. В качестве материалов были задействованы документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. В качестве методов исследования применены историко-системный метод, метод контент-анализа, историко-семиотический метод и др.

В ходе проделанной работы авторами были сделаны выводы о том, что добровольческое движение в Приамурской области было достаточно массовым. С учётом 30 тысяч мобилизованных из запаса, «несколько тысяч добровольцев» выглядят явлением достаточно массовым. Военным руководством отмечается высокий патриотический энтузиазм мобилизованного контингента, однако имелись и организационные трудности, в частности, неудовлетворительная логистика, вызванная бездорожьем, слабая коммуникация между призывными пунктами, обусловленная удалённостью территорий и их слабым заселением.

В призыв в качестве добровольцев подавали обращения как отставные нижние чины, так и старшие офицеры, включая полковников и подполковников. Данные обращения говорят о желании

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: chuiikov-ru@mail.ru (О.Е. Чуйков)

не подлежащих призыву военнослужащих всячески участвовать в боевых действиях в качестве добровольцев. Это косвенно может говорить о том, что патриотический подъём и желание служить Родине были достаточно высокими даже в тех случаях, когда командование призывных пунктов не собиралось мобилизовывать непризывные или имеющие бронирование по мобилизации категории подданных. Помимо патриотизма, в исследованных документах добровольцами отмечается и весьма трудное материальное положение, а именно – ситуация крайней нужды.

Что касается участия в добровольческом движении корейской этнической группы, то исторические документы говорят об их противоречивых настроениях: есть подтверждения подлинного патриотизма новопринятых подданных, а есть и документы, которые указывают на попытки уклониться от службы в действующей армии и, соответственно, на фронте, и желании призываться в местное ополчение, избегая таким образом боевых действий.

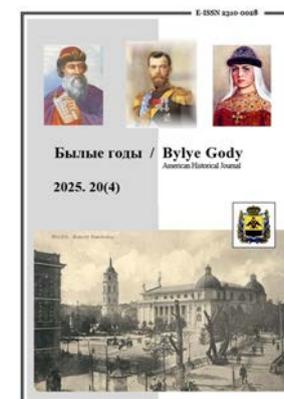
Ключевые слова: Первая мировая война, добровольческое движение, добровольцы, Приамурье.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2111-2120
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2111

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Mechanisms for the Provision of the Forced migrants' Educational Needs in Siberia during the First World War

Alexandra S. Kuzmenko ^{a, b, *}, Lyudmila E. Marinenko ^a, Ekaterina A. Grigoryeva ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

^bKrasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The intensification of migration flows in the context of the escalation of local military conflicts and terrorist danger forces any state to pay special attention to working with forced resettlement, primarily when implementing the political line of national security. The First World War boosted the phenomenon of forced migration, strengthening new adaptation tasks, among which we find the educational aspect. It should be noted, that despite the fact that a number of researchers from different fields were engaged in the study of migration processes at that time, the problem of their adaptation was considered only in the aspect of charity.

Moreover, researchers focus mainly on the problems of organizing the education process for certain ethnic groups, ignoring the broader subject of research – educational activities in relation to migrants in general, as representatives of various social groups and communities. The purpose of this article is to analyze the mechanisms for the provision of educational needs regarding all the categories of forced migrants in Siberia during the First World War. Assuming the scale of forced migration and the complexity of its internal structure, the authors based their research on a system approach. The article is based on historical-sociological and historical-typological methods, the application of which made it possible to identify typical structural mechanisms in the educational field of public activity. As a result of the study, the authors came to the conclusion that the short-sighted policy of the government, that were caught between two stools – an idea of strict subordination of migrants' education to the state and an attempt to pass all the expenses (especially the financial part) to public organizations and regional authorities, discredited and neutralized the positive aspects of the activities. A significant role was also played by the lack of any developed methodology in the field of spiritual assistance to migrants.

Keywords: Forced migrants, education, Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Tatyana Nikolaevna, Siberia, World War I.

1. Введение

Усиление миграционных потоков в условиях эскалации локальных военных конфликтов и вспыхивающих очагов террористической опасности заставляет любое государство уделять особое внимание работе с недобровольным переселением, в первую очередь при реализации политической линии национальной безопасности. Наиболее логичными и общеизвестными на первых этапах, как правило, становятся проблемы обеспечения базовых жизненных потребностей мигрантов такого типа – питание, жилье, минимальное обеспечение одеждой, медицинской помощью и т. п. Нередко (особенно для обывателя) на этом исчерпываются основные формы государственной работы. Однако вскоре становится очевидным, что не менее важными и значимыми оказываются иные адаптационные мероприятия, среди которых далеко не одна помощь в трудоустройстве.

* Corresponding author

E-mail addresses: edu.hi@mail.ru (A.S. Kuzmenko), [lmarinenko@sfu-kras.ru](mailto:lmарinenko@sfu-kras.ru) (L.E. Marinenko), ekgrigoreva@sfu-kras.ru (E.A. Grigoryeva)

Существенным (особенно для сообщества-реципиента) становится вопрос образовательных потребностей мигрантов различных возрастов (не исчерпываясь образованием детей).

Первая мировая война, породив целый ряд проблем, с которыми пришлось столкнуться практически всем участвовавшим странам, также актуализировала феномен недобровольной миграции. В тот период исключительность его заключалась в беспрецедентной массовости: тысячи людей покидали нажитые ими места, устремляясь в незнакомые земли, туда, где их нередко никто не ждал. Тем самым она усилила уже известные и, вероятно, впервые поставила новые адаптационные задачи, среди которых находим и образовательный аспект.

2. Материалы и методы

Источниковой базой работы послужили неопубликованные делопроизводственные документы из фондов нескольких архивов. Фонды Ф. 6787 «Министерство государственного призрения» и Ф. 1769 «Коллекция документальных материалов центральных и местных административных, жандармских, полицейских, судебных учреждений и учебных заведений в Царстве Польском» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация) содержат материалы правительственных учреждений, характеризующие российскую государственную политику в отношении недобровольных мигрантов двух типов – выселенцев и депортированных. Коллекции фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская Федерация) (Ф. 595 «Енисейское Губернское Управление» соответственно) и Государственного архива Иркутской области (ГАИО) (Иркутск, Российская Федерация) (Ф. 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора») позволили выявить особенности деятельности региональной бюрократии и общественных организаций в сфере обеспечения образовательных нужд приезжих.

Кроме того, в работе использовались материалы сибирских журналов и газет дореволюционного периода («Вестник Красноярского Городского Общественного Управления», «Вестник Приенисейского Края», «Сибирская жизнь»), раскрывшие, в первую очередь, публичные механизмы работы с мигрантами и уровень их влияния на сообщество-реципиент.

Также в процессе исследования были проанализированы мемуары Нита Степановича Романова, историка и библиофила (1871–1942), проживавшего в Иркутской губернии в изучаемый период. Его труд, начатый в форме дневниковых записей ещё с 18 лет, запечатлел свидетельства очевидца не только о повседневной жизни сибирского провинциального города. Так как в своей работе он использовал различные документы (в том числе архивные), записки, устные рассказы иркутян, иные труды о Сибири, в ней нашли отражение события времён Первой мировой войны и, конечно, особенности притока недобровольных мигрантов в Иркутскую губернию.

Учитывая масштаб недобровольной миграции и сложность её внутренней структуры, за основу исследования был взят системный подход. Он дал возможность охарактеризовать изучаемые механизмы как явление комплексное, затрагивающее различных акторов и развивающееся под влиянием как внутренних, так и внешних факторов.

В работе применён историко-социологический метод, позволивший исследовать обеспечение образовательных нужд мигрантов как социальный процесс в его временной динамике и развитии. Также в целях выявления типичных структурных механизмов такой общественной деятельности был применён историко-типологический метод.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что изучением миграционных процессов в рассматриваемое время занимался целый ряд исследователей из разных областей (Кудринский, 1997; Керстен, 1917; Волков, 1930; Сидоров и др., 1968; Курцев, 1999; Нам, 2003; Гатрелл, 2001 и др.), проблема их адаптации, как правило, рассматривалась лишь в аспекте благотворительности.

Современники непосредственно в 1910-х – начале 1920-х годов сосредотачивали своё внимание на деятельности различных этнических обществ и всероссийских союзов по финансовой и материальной помощи беженцам (Кустов, 1917; Рацкевич, 1916). При этом довольно значимый пласт составляли фактически анонимные труды. Дело в том, что они представляли собой коллегиальную отчётность различных государственных и негосударственных организаций и выполняли в первую очередь функцию для служебного использования (Краткий обзор, 1916 и др.).

Советская историография эту «неудобную» тему практически не разрабатывала. Сведения, касавшиеся недобровольной миграции, излагались попутно, в рамках более общих трудов или работ по смежным дисциплинам (Анфимов, 1962; Сидоров, 1973; Китанина, 1985; Брук, Кабузан, 1991). Так, Т.Е. Солодков коснулся описываемой проблематики в контексте неспособности имперского правительства справиться с возникшими трудностями, чем охарактеризовал попечительскую политику государства, направленную на беженцев (Солодков, 1967). В целом, как и ранее, научная мысль сосредоточилась на изучении только беженского аспекта недобровольной миграции.

Глубокий анализ проблематики недобровольной миграции представлен в работах современных учёных-историков. Примером может служить комплексный труд под руководством И.П. Щерова, посвящённый в целом миграционной политике в России, и ряд диссертационных работ,

рассматривавших недобровольную миграцию на региональных примерах (Щеров, 2000 и др.). В это же время впервые стал предметом изучения и образовательный аспект. Однако пока исследователи сосредоточиваются преимущественно на обучении в отношении отдельных категорий этносов (Островский, 2012; Сулимов, 2012; Сулимов, Гончаров, 2021). При этом рассматривается только беженское движение, оставляя особенности работы в данном направлении с другими типами недобровольных переселенцев без внимания.

4. Результаты

Обращаясь к предмету нашего изучения, необходимо отметить, что в Российской империи, столкнувшейся с миграцией, вызванной масштабным военным конфликтом, уже в конце 1914 года наблюдался целый ряд различных типов недобровольных переселенческих потоков. При этом ответственность за создание столь «богатого» ранжира полностью лежала на плечах правительственных кругов, как военных, так и гражданских.

Так, специально уполномоченный по делам беженцев С.И. Зубчанов 10 сентября 1915 года, выступая на одном из совещаний, заметил, что «как только наши войска отступают, местное население сбивается в массы и бежит» (Гатрелл, 2001: 49). В другом документе («Справке к вопросу о беженцах», составленной Ставкой Верховного главнокомандующего) также подчеркивалось, что «бегство населения под натиском наступающего противника наблюдалось с самого начала войны... Страх... заставлял отходить впереди отступающих войск, останавливаясь в возможной близости от покидаемых жилищ и укрываясь в лесах, либо размещаясь в селениях, расположенных вне неприятельского обстрела» (Курцев, 1999: 129).

Подобное мнение, действительно, царило в умах военных чиновников. В результате практически все недобровольные мигранты, имевшие российское гражданство, объявлялись беженцами. На практике, однако, добровольное волеизъявление фактически отсутствовало. Люди не только бежали; десятки тысяч жителей прифронтовых губерний по различным причинам (в том числе уголовным наказаниям по «подозрению» в сотрудничестве с врагом) были выселены и перемещены насильно, а тысячи жителей временно подвластной империи Галиции были интернированы в тыловые губернии России.

Лишившись всего, мигранты нуждались в размещении, получении продуктового пайка и срочной медицинской помощи. После удовлетворения этих первейших потребностей возникали проблемы более сложного характера: прибывших необходимо было устроить на работу, чтобы они сами обеспечивали себя и тем самым сняли бремя с государственных и региональных бюджетов.

Другим, казалось бы, ненасущным, однако очень важным оказывался вопрос обеспечения культурных нужд мигрантов. В частности, незамедлительного решения требовала проблема образования детей мигрантов.

При этом она была тесно завязана на обеспечении приезжих рядом пособий. Типичными становились прошения, затрагивавшие этот аспект и направлявшиеся на имя главы Енисейской губернии – Иркутского генерал-губернатора. «В 1915 году мы прибыли не по своей воле в Сибирь и поместили нас на жительство..., где нам должна быть отведена бесплатная квартира и отопления, – находим в обращении от беженцев, размещённых в Канском уезде. – Но мы между прочим до сего времени получали от своего ближайшего Начальства квартирные, а также пособие на пропитание, а ныне нам отказано... При этом объясняем что мы до сего времени из наших семей получали кроме пособия и квартирных и одежду для малолетних детей, но ныне не только выдать обувь для детей, но и отказали в получении нам пособия и квартирных... прибегаем со слезами к стопам Вашим... просим Ваше Превосходительство не откажите сделайте со своей стороны распоряжение о расследовании нашего дела... а также о невыдаче одежды нашим малолетним детям, которые остаются без учения за неполучением средств купить одежду им» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 3435. Л. 178-179).

Решить проблему обеспечения образовательным ресурсом силами самих приезжих было нереально – этим занялись всевозможные государственные, местные и иные благотворительные организации.

«Совещание, – провозглашалось в резолюции Совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 года в Иркутске, – признавая, что соображения о необходимости предотвратить гибель целых поколений детей – диктуют необходимость принятия государством самых широких мер охраны детей школьного возраста, предлагает местным общественным организациям возбудить... вопрос о необходимых ассигнованиях на помощь детей беженцев, не помещенных в школы» (Резолюция, 1916: 86).

Первоначально данной проблемой занимался Комитет Великой княжны Татьяны Николаевны и его региональные отделения. «Настал час широко, по-русски прийти на помощь вынесшему все тяжести неприятельского напора населению пограничных окраин наших», – значилось в циркуляре Комитета, разосланном в сентябре 1914 года по губерниям империи (Сборник циркуляров, 1917: 5).

Образованные на основании этого циркуляра региональные отделения, чьё создание возлагалось в первую очередь на губернскую администрацию, основной деятельностью в этом направлении определили выдачу субсидий различным местным организациям, занявшимся

признанием мигрантов. Отметим, что сотрудники отделений трудились безвозмездно. Кроме того, для контроля за целевым расходованием выделяемых средств Комитет определил своих сотрудников в качестве уполномоченных во все субсидируемые им учреждения и организации.

Комитет старался отвечать на каждый запрос. На местах с определённой регулярностью рассматривались устные обращения выселенцев и беженцев. «Шишко Ефросинья: муж умер по дороге, сама с тремя ребятами 13, 11 и 4 лет. На работу ходить не могу. 2 старших детей учатся, а оставить одного ребенка 4 лет дома не могу, между тем меня лишили пайка» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112. Л. 322).

Для утверждения правил и усиления эффективности работы 3 – 7 мая 1915 года было проведено специальное заседание. Одним из решений этой конференции, собравшей представителей 39 губерний, стало включение в зону ответственности Комитета «лиц из числа мирного населения, лишившихся средств, трудоспособности или единственных кормильцев и сирот, родители которых погибли от действий, связанных с войной» (Очерк..., 1915: 20).

В результате работа Комитета на местах распространилась на вопросы обеспечения образовательных нужд недобровольных мигрантов. Региональные отделения в обязательном порядке стали выделять средства не только на поддержание приютов для этой категории населения, но также на содержание школ и отдельно на заработную плату учительскому персоналу.

Предметом особенного попечения отделений стало устройство общежитий для учащихся-беженцев и предоставление им возможности продолжать своё образование. К примеру, согласно летнему докладу Енисейского губернатора по IV Делопроизводству за 1916 год, содержание школы для детей недобровольных мигрантов (в первую очередь беженцев) на 286 человек за два месяца обходилось почти в 1000 рублей: 230 руб. на учительский состав и 715 руб. на остальные расходы по образовательному учреждению (ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112. Л. 3170б.).

Иные общественные организации (в первую очередь, этнические), участвовавшие в помощи различным категориям недобровольных мигрантов, также стали выделять финансирование на образовательные нужды переселенцев. Так, согласно архивным данным, Уполномоченный Латышского Комитета определил в Енисейской губернии летом того же 1916 года на обучение детей 294 рубля (ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112. Л. 3180б.). Отметим, что указанная сумма проводилась не напрямую, а через утверждение специального Губернского Сопровождающего. При этом изначально Уполномоченный запрашивал сумму почти в два раза больше – 556 рублей (ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112. Л. 3180б.).

Надо сказать, что значительная роль административного актора в деле обеспечения образовательных нужд мигрантов определилась практически сразу. Государство постоянно пыталось монополизировать образовательный процесс. Уже упомянутое выше иркутское заседание 1915 года, признавая, с одной стороны, за каждой национальностью право на культурное самоопределение, и, следовательно, право на организацию школы с преподаванием на родном языке, а с другой – право всех беженцев на организацию школ в местах их нового поселения на государственные средства, выражало чёткое пожелание, что все школы национальных организаций для детей беженцев должны быть организованы на государственные средства (Резолюция..., 1916: 86).

Местные власти, на волне общественного энтузиазма, шли дальше ограниченной политики имперских комитетов. Так, в конце 1914 – середине 1915 года в некоторых городах начали создавать для мигрантов специальные учебные заведения. К примеру, в Красноярске дети прибывающих мигрантов принимались в школу, пока существовали вакансии в учебных заведениях города. Практически всем им школьная секция Красноярского Комитета помощи беженцам выдавала учебные пособия.

Эта позиция на первый взгляд предполагала определённые положительные результаты. Концентрация ресурсов в одном финансовом потоке, непосредственно направляемом государственными органами, давала возможность контролировать само расходование средств на изначально заявленные образовательные нужды. Такое положение снижало риск нецелевых трат – в сметах уже присутствовали довольно обтекаемые статьи типа «административных расходов» и «непредвиденных расходов». Кроме того, уменьшалась банальная переброска сумм на обеспечение иных статей помощи приезжим: например, квартирные пособия и деньги, выделяемые на одежду, обувь и бельё, рассматривались как первостепенные затраты, а соответственно, на деле общественники часто предпочитали увеличить их в обход запланированных организацией позиций.

Однако была и обратная сторона, вскрывавшаяся довольно быстро. Во-первых, в силу своей многофункциональности государственный аппарат был бюрократизирован и ригиден. Ответственные ведомства нередко ходатайствовали о пересмотре выделяемых ассигнований, которые могли рассматриваться месяцами: «...нормы оказания различных видов помощи беженцам совершенно не отвечают существующим в настоящее время ценам на продукты первой необходимости» (ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 88. Л. 200б.).

Во-вторых, в губерниях местная администрация оказывалась под двойным гнѐтом текущего управления местным сообществом и кризис-менеджмента в отношении прибывших масс недобровольных переселенцев. Для енисейского региона ситуация ухудшалась постоянным

поступлением ещё одной категории мигрантов – военнопленных, чьё содержание обходилось государственным органам довольно дорого и лежало исключительно на их плечах.

В результате средств у таких всероссийских государственных комитетов часто не хватало даже на предоставление питания. Уже в начале 1915 года административно ссыльные Нарымского края возбудили перед начальником губернии ходатайство об увеличении казённого пособия. Отмечая в своих прошениях сильный рост цен на продукты, предметы первой необходимости и, в особенности, квартиры, они указывали на невозможность питаться на 7 рублей 20 копеек казённого пайка в месяц. «Почти всех без исключения недостаточность казенного пособия, совершенно несоответствующая дороговизне жизни в крае, заставляет прибегать к долгам, – значилось в официальном прошении.

– Многим же, не имеющим никакой материальной поддержки извне, приходится чуть ли не побираться» (Нарым, 1915: 3).

Закономерно, что при таком раскладе главы Татьянанского общества предпочли экономить именно на духовных потребностях нуждающихся в помощи. Поэтому, через несколько месяцев после активного начала работы, в ноябре того же 1915 года выходит циркуляр, направленный на оказание помощи лишь беднейшим детям учащегося возраста. Отделениям в нём предписывалось непременно и быстро приходить на помощь обращающимся к ним организациям и отдельным нуждающимся лицам в тех случаях, когда отделение признает это необходимым (Сборник циркуляров..., 1917: 56-57). Такая обтекаемая формулировка позволяла перевести в отказ заметное число прошений, поступавших по вопросу финансирования обучения детей мигрантов.

Причём в циркулярах министра народного просвещения, предназначенных попечителям учебных округов, меры ещё более ужесточались: обращаться в комитет за компенсацией расходов на обучение детей мигрантов можно было лишь в особо крайних случаях.

Большая удалённость от фронтовых территорий ограничивала приток недобровольных мигрантов в Енисейскую губернию, что, в свою очередь, отодвигало во времени возникновение тех трудностей, с которыми европейские территории столкнулись уже весной 1915 года. Корреспондент «Вестника Красноярского городского общественного управления» характеризовал Сибирь как «пока еще богатую хлебом и мясом», подчёркивая при этом: «Сложные экономические вопросы выдвинуты самой жизнью и разрешение их властью требуется ходом событий» (Замошин, 1915: 8).

Последнее проявилось довольно скоро: с течением времени поток прибывающих не ослабевал и даже усиливался. Вследствие этого, уже в начале октября 1915 года школы были переполнены. Комитет пришёл к выводу о необходимости открытия отдельного заведения для детей мигрантов.

Исходя из этой вполне определенной нужды, он возбудил ходатайство перед дирекцией народных училищ. Заведующим школой, открывшейся 2 ноября 1915 года, стал учитель-беженец И.А. Остапкович. Кроме него, было нанято ещё две учительницы – О.И. Уманская и Н.И. Разумова, также беженки.

Занятия проходили в Красноярском Доме Просвещения с двух часов дня до шести часов вечера.

К 1 января 1916 года обучение в данной школе проходили 173 человека, к 15 марта эта цифра несколько уменьшилась, до 120 человек, так как многие ученики уехали с родителями в уезд или другие сибирские города (Матасов, 1916: 33). Также были организованы бесплатные завтраки для всех учеников школы.

На всё это Министерство народного просвещения ассигновало сумму размером всего в 30 рублей в месяц на преподавателя. Естественно, красноярский комитет вынужден был выделить дополнительные средства. Всего за четыре месяца существования школы на её содержание было потрачено 2119 руб. 57 коп. Причём наиболее затратной статьёй расхода являлась плата за обучение, поглотившая около 40 % названной суммы (794 руб. 13 коп.). Остальные расходы распределялись следующим образом: 37 % – на учебные принадлежности (782 руб. 58 коп.), 7 % – на завтраки обучающимся (153 руб. 2 коп.), 5% – на бумагу, трико и прочие материалы для шитья одежды школьникам и даже изготовление ортопедического корсета для одной из учениц (103 руб. 74 коп.). Оставшиеся 286 руб. 10 коп. составляли жалование административных служащих, занимавшихся школьным управлением нужд мигрантов (Отчет..., 1916: 52-53).

Другой пример благотворительного энтузиазма был продемонстрирован населением Иркутска. По свидетельству Н.С. Романова, современника описываемых событий, в январе 1916 года здесь также по инициативе местных властей и благотворительных организаций было открыто сразу несколько школ. «Для детей беженцев школы, – пишет он, – в пос[елке] Инокент[ьевском] при женском монастыре, при Князе-Влад[имирском] мон[астыре], при отделении о[бщест]ва Общедост[упных] курсов, школа персонала мужской гимназии и при самом обществе курсов, при духов[ной] семинар[ии] и на дет[ской] площадке. Решено открыть двухкомплект[ные] школы в Знаменс[ком] предме[стье], Рабоч[ей] слободе, Глазково и на Троиц[кой] улице, в общ[ем] на 500 чел[овек] дет[ей]» (Романов, 1994: 214).

Вскоре финансирования стало не хватать, и, хотя школы часто не закрывались, большинство денежных «вспомоществований» были упразднены за неимением возможности их осуществлять. Практика стала себя изживать – слишком затратной и нерациональной она выглядела на тот момент. Общее сокращение финансирующих фондов привело к тому, что к октябрю 1916 года Татьянанский

комитет установил нормы субсидий, расходуемых на образование. В целях «уравнения и планомерности» предписывалось для классических гимназий – 120 рублей, для реальных, коммерческих и женских училищ – 150 рублей в год (Павлова, 2003: 100).

Бедственное положение вынудило государственные структуры урезать расходы. Первыми отказ стали получать общественные благотворительные организации и, в частности, этнические – еврейские, литовские, армянские, польские и др.

При этом необходимо заметить, что именно последние с первых дней войны взяли на себя значительную долю бремени обеспечения беженцев и других недобровольных мигрантов. Их отличительной особенностью являлась «адресная» помощь, то есть направленность на решение проблем мигрантов определённой национальности и конфессиональной принадлежности.

Для Енисейской губернии деятельность таких организаций была особенно значима в силу того, что значительную часть недобровольного миграционного потока составляли высленцы и депортированные, вынужденные переехать по постановлениям чрезвычайного военного командования западных областей империи. «Командующий армией приказал с получением сего, в течение 24 часов, выселить из губернии всех германских и австрийских подданных, причем с лицами мужского пола в возрасте от 19 до 45 лет поступить, как с военнопленными и отправить их за Волгу, а остальным разрешить проезд в свое отечество через нейтральные страны; если же последние откажутся выехать, то высылать по этапу» (ГАРФ. Ф. 1769. Оп. 1. Д. 19. Л. 78).

подавляющее большинство представителей данных двух типов составляли нерусские этносы – латыши, поляки, германские и австрийские подданные. В то же время официально государственное вспомоществование на категорию депортированного и высланного населения не распространялось.

Нерусское население империи, не пострадавшее от войны, с сочувствием следило за судьбой своих едиородцев; постоянно распространялись газеты, сборники и журналы, повествующие о современной ситуации («Армянский сборник», «Щит», «Вестник еврейского просвещения» и т. д.).

Подобная этническая и религиозная солидарность по отношению к «своим братьям» способствовала тому, что данные организации уделяли особое внимание созданию школ. По сути, это была попытка сохранить национальное самосознание, язык и культуру в среде чужеродной и иногда враждебной. Так, Томский комитет вспомоществования бедствующему польскому населению осенью 1915 года открыл дневной приют-ясли. Помимо ухода и кормления, дети, содержащиеся в нём, обучались польской грамоте воспитателями из беженцев (Сиб., 1915: 20). В Красноярске местное благотворительное Католическое Общество летом 1916 года также организовало школу на свои средства. Начав работу 25 октября, она принимала до семидесяти детей беженцев-католиков (Матасов, 1916: 34). Чуть позже, в ноябре того же 1916 года открылась литовская школа в Иркутске. Создана она была непосредственно при убежище беженцев-литовцев; обучение велось на родном языке (Романов, 1994: 277).

Особенно интенсивную помощь оказывали еврейские национальные организации. На всероссийском уровне этим занималось Общество для распространения просвещения между евреями, возникшее ещё в 1863 году. В условиях возникновения массовых потоков переселения оно было вынуждено создавать свои школы в новых районах, где нередко численность еврейского контингента до войны была крайне низка. Сибирь являлась ярчайшим примером, так как входила в список запретных территорий для их проживания.

«Общество должно следовать за рассеянным Израилем – за потоком беженцев, чтобы на новых местах созидать для них школу, в которой они нуждаются, как в хлебе насущном...» – гласило воззвание, разосланное Обществом во все еврейские комитеты помощи. – «Приступая к святому делу культурной помощи нашим скитающимся братьям, Комитет рассчитывает на сочувствие и содействие еврейских общин и учреждений тех мест, как в черте оседлости, так и вне ее, где скопились еврейские беженские массы. К представителям этих общин и учреждений мы обращаемся с призывом – помочь нам в предстоящей сложной работе своим трудом и сбором средств на школьные нужды... От современного потопа должен уцелеть ковчег нашей культуры – еврейская школа» (Мировой кризис..., 2005: 130-131).

Этот призыв широко поддержали. К концу 1916 года, по мнению А.С. Тумановой, на всей территории Российской империи национальные еврейские школы были созданы в 126 населенных пунктах, большую часть из которых составили местности, ранее входившие в «черту оседлости». В них обучалось более 18 тысяч детей (Мировой кризис..., 2005: 132).

К примеру, в Енисейской губернии евреи входили в члены Школьной секции Красноярского Комитета помощи беженцам. Из зарегистрированных в городе на 15 марта 1916 года семерых детей беженцев данной национальности, четверо посещали еврейское училище (последнее, кстати, было создано по инициативе местной общины ещё в 1904 году).

Представители еврейской общественности Иркутской губернии регулярно делали значительные пожертвования, в том числе и на обеспечение образовательных нужд мигрантов. Так, 1 июня 1916 года местные граждане Ю.Д. и З.О. Помус отрядили «в неприкосновенный капитал» еврейской общине 6 тыс. рублей. Проценты с данного финансового капитала должны были идти на нужды синагоги и еврейского бесплатного училища. Это пожертвование было не единичным –

несколькими месяцами ранее они внесли в фонд еврейского благотворительного общества 3 тыс. рублей (Романов, 1994: 204).

Но с течением времени возможности для финансирования сужались, а поток мигрантов всё не ослабевал. В результате национальные общества всё чаще были вынуждены обращаться за помощью к государственным структурам и всероссийским комитетам.

Однако, как уже было сказано, такая же ситуация наблюдалась и у них. «Отсутствие кредита для удовлетворения нужд беженцев, – писал осенью 1916 года томский губернатор в срочной телеграмме в Петроград, – ставит меня в крайне затруднительное положение» (Юшковский, 2005: 177). Ответное молчание столицы привело к тому, что все субсидии из регионального бюджета всем национальным обществам были сокращены практически вдвое. А такие статьи расходов, как «призрение детей» и «культурно-просветительские мероприятия», и вовсе вычеркнуты.

5. Заключение

В итоге недалёковидная политика верхов, метавшихся от идей строгого подчинения образованию государству к попыткам переложить все (особенно финансовую часть) затраты на общественные организации и региональные власти, дискредитировала и фактически нейтрализовала положительные моменты деятельности последних. Значительную роль также сыграло отсутствие какой-либо разработанной методики в области духовной помощи мигрантам, что в первую очередь объяснялось неверным взглядом на значимость образовательных и в целом культурных потребностей для переселенцев.

Ситуацию не изменили даже революция и преобразование политических структур. Короткий период действия Временного правительства, как известно, ознаменовался почти полной преемственностью имперских политических тенденций. В то же время, несмотря на провозглашённый новой советской властью отказ от имперских традиций, на деле занятая ими позиция оказалась точным следованием линии предыдущей власти. В подконтрольных им регионах советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ввиду создания нового органа, должны были заменить все донные существовавшие комитеты и попечительства о беженцах, обязали взять на своё обеспечение всех детей беженцев, обучающихся в различных учебных заведениях. Возврат исключённых за неуплату и строгий запрет на исключение таких учеников легли дополнительным грузом на и без того разорённых учредителей образовательных учреждений. Результатом стала дальнейшая деконструкция как властных полномочий местных административных органов, так и авторитета публичных организаций.

Литература

- Анфимов, 1962 – Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. 383 с.
- Брук, Кабузан, 1991 – Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР / АН СССР. ИНИОН; Об-во «Родина». М., 1991. Вып. 1. 129 с.
- Волков, 1930 – Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 272 с.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гатрелл, 2001 – Гатрелл П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // *Исторические записки*. 2001. №4(122). С. 46-72.
- Замошин, 1915 – Замошин М. Восточно-Сибирской союз городов // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1915. №4-5. С. 8.
- Керстен, 1917 – Керстен Я. Литовцы-беженцы в Туле. Тула, 1917. 35 с.
- Китанина, 1985 – Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л.: Наука, 1985. 340 с.
- Краткий обзор..., 1916 – Краткий обзор деятельности Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам, бывший отдел для оказания помощи беженцам при ЛКВ с 8-го июля 1915 г. по 8 янв. 1916 г. Рига, 1916. 257 с.
- Кудринский, 1997 – Кудринский Ф. Людские волны. Беженцы (переиздание 1917 года) // *Неман*. 1997. № 6. С. 76-194.
- Курцев, 1999 – Курцев А.Н. Беженство / *Россия и Первая мировая война*. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. С. 129-146.
- Кустов, 1917 – Кустов Н.И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам в гор. Москва. М., 1917. 389 с.
- Матасов, 1916 – Матасов М. Отчет о деятельности Школьной секции Красноярского Комитета помощи беженцам с 1-го сентября по 15-е марта 1916 г. // *Вестник Приенисейского Края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии*. 1916. 28 августа. С. 33, 34.

Мировой кризис..., 2005 – Мировой кризис 1914–1920 гг. и судьба восточно-европейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005. 447 с.

Нам, 2003 – Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны / *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV науч. чтения пам. проф. А.П. Бородавкина: сборник научных трудов*. Барнаул, 2003. Кн. II. С. 277-280.

Нарым, 1915 – Нарым // *Сибирская жизнь*. 1915. 13 января. С. 3.

Островский, 2012 – Островский Л.К. Польская школа в Западной Сибири (1890 – 1920 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. История. № 3 (19). С. 23-29.

Очерк..., 1915 – Очерк деятельности Комитета Ее императорского высочества Великой княжны Татианы Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий, со дня основания по 1 января 1916 г. Пг., 1915. 509 с.

Отчет..., 1916 – Отчет в израсходовании сумм Татьянинского Комитета по Красноярскому комитету помощи беженцам по 15 марта 1916 г. // *Вестник Приенисейского Края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии*. 1916. 28 августа. С. 52-53.

Павлова, 2003 – Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003. 152 с.

Рацкевич, 1916 – Рацкевич О.Г. Беженцы в Новороссийске. Новороссийск, 1916. 86 с.

Резолюция..., 1915 – Резолюция Совецания, представителей организаций, ведающих делом помощи беженцам в пределах Иркутского Генерал-Губернаторства / *Совещание по вопросам призрения беженцев (1915; Иркутск). Протоколы Совецания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске*. Иркутск, 1916. С. 86.

Романов, 1994 – Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902 – 1924 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.

Сборник..., 1917 – Сборник циркуляров Комитета ее императорского высочества великой княжны Татианы Николаевны. Вып. 1. С сентября 1914 года по январь 1917 года. Пг.: Б. и., 1917. 114 с.

Сиб., 1915 – Сиб. Сибирское муниципальное обозрение // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 15 сентября 1915 г. С. 20.

Сидоров и др., 1968 – Сидоров А.Л., Бovyкин В.И., Волобуев П.В. Экономические и социальные проблемы Первой мировой войны / *Первая мировая война*. М., 1968. С. 179-191.

Сидоров, 1973 – Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. 655 с.

Солодков, 1967 – Солодков Т.Е. Борьба трудящихся Белоруссии против царизма: 1907 – 1917 гг. Минск: Наука и техника, 1967. 373 с.

Сулимов, 2012 – Сулимов В.С. Гимназии Ишима во второй половине XIX – начале XX веков. Тюмень: ТОГИРРО, 2012. 208 с.

Сулимов, Гончаров, 2021 – Сулимов В.С., Гончаров Ю.М. Обучение польских беженцев в Западной Сибири во время Первой мировой войны / *Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: сб. науч. трудов к 45-летию доктора исторических наук Шайдунова Владимира Николаевича*. Выпуск V. СПб., 2021. С. 190-195.

Щеров, 2000 – Щеров И.П. Миграционная политика России в 1914 – 1922 гг. Смоленск: СГПУ, 2000. 316 с.

Юшковский, 2005 – Юшковский В.Д. Соломон и другие. Томские евреи: лица на полотне. Красноярск: Изд-во «Кларетианум», 2005. 296 с.

Gatrell, 2005 – Gatrell P. A Whole Empire Walking / Bloomington: Indiana University Press, 2005. 317 p.

References

Anfimov, 1962 – Anfimov, A.M. (1962). Rossijskaja derevnja v gody Pervoj mirovoj vojny [Russian village during the First World War]. М. 383 p. [in Russian]

Bruk, Kabuzan, 1991 – Bruk, S.I., Kabuzan, V.M. (1991) Migracionnye processy v Rossii i SSSR [Migration processes in Russia and the USSR]. AN SSSR. INION; Ob-vo «Rodina». М. Т. 1. 129 p. [in Russian]

GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk Region].

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Region].

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossijskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Gatrell, 2001 – Gatrell, P. (2001). Bezhentsy v Rossii v gody Pervoi mirovoj vojny [Refugees in Russia during the First World War]. *Istoricheskie zapiski*. 4(122): 46-72. [in Russian]

Gatrell, 2005 – Gatrell, P.A. (2005). Whole Empire Walking. Bloomington: Indiana University Press. 317 p.

Kersten, 1917 – Kersten, Ya. (1917). Litovtsy-bezhentsy v Tule [Lithuanian refugees in Tula]. Tula. 35 p. [in Russian]

- Kitanina, 1985** – *Kitanina, T.M.* (1985). Voina, khleb i revolyutsiya (Prodovol'stvennyi vopros v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917 g.) [War, bread and revolution (Food issue in Russia. 1914 – October 1917)]. L.: Nauka. 340 p. [in Russian]
- Kratkii obzor..., 1916** – Kratkii obzor deyatel'nosti Pribaltiiskogo Latyshskogo komiteta po okazaniyu pomoshchi bezhentsam, byvshii otdel dlya okazaniya pomoshchi bezhentsam pri LKV s 8-go iyulya 1915 g. po 8 yanv. 1916 g. A brief overview of the activities of the Baltic Latvian Refugee Assistance Committee, a former department for assisting refugees at the LKV from July 8, 1915 to January 8, 1916]. Riga, 1916. 257 p. [in Russian]
- Kudrinskii, 1997** – *Kudrinskii, F.* (1997). Lyudskie volny. Bezhentsy (pereizdanie 1917 goda) [Human waves. Refugees (1917 reissue)]. *Neman*. 6: 76-194. [in Russian]
- Kurtsev, 1999** – *Kurtsev, A.N.* (1999). Bezhenstvo [Fleeing]. *Rossiya i Pervaya mirovaya voina*. SPb.: Izd-vo «Dmitrii Bulanin». Pp. 129-146. [in Russian]
- Kustov, 1917** – *Kustov, N.I.* (1917). Kratkie ocherki o dejatel'nosti nacional'nyh i blagotvoritel'nyh organizacij, okazyvajushhiih pomoshh' bezhencam v gor. Moskva [Brief essays on the activities of national and charitable organizations providing assistance to refugees in Moscow city]. M. 389 p. [in Russian]
- Matasov, 1916** – *Matasov, M.* (1916). Otchet o dejatel'nosti Shkol'noj sekcii Krasnojarskogo Komiteta pomoshhi bezhencam s 1-go sentjabrja po 15-e marta 1916 g. [Report on the activities of the School Section of the Krasnoyarsk Committee for Assistance to Refugees from September 1 to March 15, 1916]. *Vestnik Prieniseiskogo Kraya pomoshchi bol'nyim i ranenym voynam, postradavshim ot voiny, bezhentsam i vyselelentsam i promyshlennosti po snaryazheniyu armii*. 28 avgusta. P. 33, 34. [in Russian]
- Mirovoi krizis..., 2005** – Mirovoi krizis 1914–1920 gg. i sud'ba vostochno-evropeiskogo evreistva [The world crisis of 1914 – 1920 and the fate of East European Jewry]. M.: ROSSPEN, 2005. 447 p. [in Russian]
- Nam, 2003** – *Nam, I.V.* (2003). Chislennost' i nacional'nyj sostav bezhencev v Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny [The number and national composition of refugees in Siberia during the First World War]. *Istoricheskii opyt khozyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri: IV nauch. chteniya pam. prof. A.P. Borodavkina: sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul. Kn. II. Pp. 277-280. [in Russian]
- Narym, 1915** – Narym [Narym]. *Sibirskaya zhizn'*. 1915. 13 yanvary. P. 3. [in Russian]
- Ocherk..., 1915** – Ocherk dejatel'nosti Komiteta Ee imperatorskogo vysochestva Velikoj knjazhny Tatiyany Nikolaevny po okazaniyu vremennoj pomoshhi postradavshim ot voennykh bedstvii, so dnja osnovaniya po 1 yanvarja 1916 g. (1915) [An essay on the activities of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Tatiana Nikolaevna to provide temporary assistance to victims of military disasters, from the date of foundation to January 1, 1916]. Pg. 509 p. [in Russian]
- Ostrovskij, 2012** – *Ostrovskij, L.K.* (2012). Pol'skaja shkola v Zapadnoj Sibiri (1890 – 1920 gg.) [Polish school in Western Siberia (1890 – 1920)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. 3(19): 23-29. [in Russian]
- Otchet..., 1916** – Otchet v izrashodovanii summ Tat'janinskogo Komiteta po Krasnojarskomu komitetu pomoshhi bezhencam po 15 marta 1916 g. (1916) [Report on the expenditure of the sums of the Tatyana Committee on the Krasnoyarsk Committee for Assistance to Refugees on March 15, 1916]. *Vestnik Prieniseiskogo Kraya pomoshchi bol'nyim i ranenym voynam, postradavshim ot voiny, bezhentsam i vyselelentsam i promyshlennosti po snaryazheniyu armii*. 1916. 28 avgusta. Pp. 52-53. [in Russian]
- Pavlova, 2003** – *Pavlova, I.P.* (2003). Social'noe popechenie v Rossii s gody Pervoj mirovoj vojny [Social care in Russia since the First World War]. KrasGAU: Krasnoyarsk. 152 p. [in Russian]
- Rackevich, 1916** – *Rackevich, O.G.* (1916). Bezheny v Novorossiyske [Refugees in Novorossiysk]. Novorossiysk. 86 p. [in Russian]
- Rezolyutsiya..., 1915** – Rezolyutsiya Soveshchaniya, predstavitelei organizatsii, vedayushchikh delom pomoshchi bezhentsam v predelakh Irkutskogo General-Gubernatorstva [Resolution of the Meeting, representatives of organizations in charge of helping refugees within the Irkutsk Governor General]. Soveshchanie po voprosam prizreniya bezhentsev (1915; Irkutsk). Protokoly Soveshchaniya po voprosam prizreniya bezhentsev, sostoyavshegosya 21–23 noyabrya 1915 g. v Irkutске. Irkutsk, 1916. P. 86. [in Russian]
- Romanov, 1994** – *Romanov, N.S.* (1994). Letopis' goroda Irkutsk za 1902 – 1924 gg. [Chronicle of the city of Irkutsk for 1902 – 1924]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. 560 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1917** – Sbornik cirkuljarov Komiteta eja imperatorskago vysochestva velikoj knjazhny Tatiyany Nikolaevny. Vyp. 1 S sentjabrja 1914 goda po janvar' 1917 goda (1917) [Collection of circulars of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Tatiana Nikolaevna. No. 1 From September 1914 to January 1917]. Petrograd : B. i. 114 p. [in Russian]
- Shherov, 2000** – *Shherov, I.P.* (2000). Migracionnaja politika Rossii v 1914 – 1922 gg. [Migration policy in Russia 1914 – 1922]. Smolensk, SGPU. 316 p. [in Russian]
- Sib., 1915** – Sib. Sibirskoe munitsipal'noe obozrenie [Siberian municipal review]. *Vestnik Krasnojarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 15 sentyabrya 1915 g. P. 20. [in Russian]
- Sidorov i dr., 1968** – *Sidorov, A.L., Bovykin, V.I., Volobuev, P.V.* (1968) *Jekonomicheskie i social'nye problemy Pervoj mirovoj vojny* [Economic and social problems of the First World War]. Pervaya mirovaya voina. M. Pp. 179-191. [in Russian]

- Sidorov, 1973** – *Sidorov, A.L.* (1973). *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny* [The economic situation of Russia during the First World War]. M. 655 p. [in Russian]
- Solodkov, 1967** – *Solodkov, T.E.* (1967). *Bor'ba trudjashhihsja Belorussii protiv carizma: 1907 – 1917 gg.* [The struggle of the working people of Belarus against tsarism: 1907 – 1917]. Minsk: Nauka i texnika. 373 p. [in Russian]
- Sulimov, 2012** – *Sulimov, V.S.* (2012). *Gimnazii Ishima vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov* [Ishim gymnasiums in the second half of the XIX – early XX centuries]. Tyumen': TOGIRRO. 208 p. [in Russian]
- Sulimov, Goncharov, 2021** – *Sulimov, V.S., Goncharov, Ju.M.* (2021) *Obuchenie pol'skih bezhencev v Zapadnoj Sibiri vo vremja Pervoj mirovoj vojny* [Training of Polish refugees in Western Siberia during World War I] *Modern historical Siberian studies of the XVIII – early XX centuries.: collection of scientific works to the 45th anniversary of the doctor of historical sciences Shaidurov Vladimir Nikolaevich. Vol. V. Sankt-Peterburg.* Pp. 190-195. [in Russian]
- Volkov, 1930** – *Volkov, E.Z.* (1930). *Dinamika narodonaselenija SSSR za vosem'desjat let* [Population dynamics of the USSR over eighty years]. Moskva; Leningrad: Gos. izd-vo. 272 p. [in Russian]
- Yushkovskii, 2005** – *Yushkovskii, V.D.* (2005). *Solomon i drugie. Tomskie evrei: lica na polotne* [Solomon and others. Tomsk Jews: faces on the canvas]. Krasnoyarsk: Izd-vo «Klaretianum». 296 p. [in Russian]
- Zamoshchin, 1915** – *Zamoshchin, M.* (1915). *Vostochno-Sibirskoi soyuz gorodov* [East Siberian union of cities]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya.* 4-5: 8. [in Russian]

Механизмы обеспечения образовательных нужд недобровольных мигрантов на территории Сибири в годы Первой мировой войны

Александра С. Кузьменко ^{a, b, *}, Людмила Е. Мариненко ^a, Екатерина А. Григорьева ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

^b Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Усиление миграционных потоков в условиях эскалации локальных военных конфликтов и вспыхивающих очагов террористической опасности заставляет любое государство уделять особое внимание работе с недобровольным переселением, в первую очередь при реализации политической линии национальной безопасности. Первая мировая война актуализировала феномен недобровольной миграции, усилив уже известные и поставив новые адаптационные задачи, среди которых находим и образовательный аспект. При этом следует отметить, что, несмотря на то, что изучением миграционных процессов в рассматриваемое время занимался целый ряд исследователей из разных областей, проблема их адаптации, как правило, рассматривалась лишь в аспекте благотворительности. Однако в настоящее время исследовательский интерес концентрируется преимущественно на проблемах организации процесса образования для отдельных этнических групп, игнорируя более широкий предмет исследования – образовательную деятельность в отношении мигрантов в целом, как представителей различных социальных групп и общностей. Целью данной статьи является анализ механизмов обеспечения образовательных нужд недобровольных мигрантов на территории Сибири в годы Первой мировой войны. Учитывая масштаб недобровольной миграции и сложность её внутренней структуры, за основу был взят системный подход. В работе применены историко-социологический и историко-типологический методы, позволившие выявить типичные структурные механизмы общественной деятельности в сфере образования мигрантов. В результате проведённого исследования авторы пришли к выводу, что недальновидная политика верхов, метавшихся от идей строгого подчинения образования государству к попыткам переложить все затраты (особенно финансовую часть) на общественные организации и региональные власти, дискредитировала и фактически нейтрализовала положительные моменты деятельности последних. Значительную роль также сыграло отсутствие какой-либо разработанной методики в области духовной помощи мигрантам.

Ключевые слова: недобровольные мигранты, образование, Комитет Её Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны, Сибирь, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

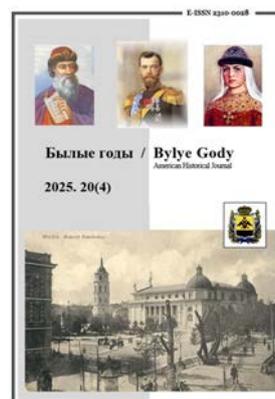
Адреса электронной почты: edu.hi@mail.ru (А.С. Кузьменко), lmarinenko@sfu-kras.ru (Л.Е. Мариненко), ekgrigoreva@sfu-kras.ru (Е.А. Григорьева)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2121-2132
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2121

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Student Labor Squads as a New Form of Volunteer Aid During the World War I (based on the Materials of the Tsaritsyn Region)

Irina N. Litvinova ^{a, *}, Oksana A. Karagodina ^a

^a Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article, based on materials from periodicals of the pre-Soviet period, analyzes the topic of volunteer assistance by labor squads to peasant farms of the Tsaritsyn district of the Saratov Krai. The main attention in the publication is paid by the authors to the active actions of the students to form in June 1915 the first labor squad in the city of Tsaritsyn and the organization of agricultural work. The form of support for peasant farms of front-line families is considered the most priority and rational among charitable practices, which has become a response to patriotic appeals to the student youth of the public and representatives of local government structures about the need to help agriculture. The article reveals the peculiarities of the working everyday life of vigilantes at the time of harvesting cereal crops in the fields of the southernmost district of the Saratov province. For the purpose of objective assessment, everyday life, the reality of the events that took place (hunger, difficulties of living conditions) and the saturated mode of operation of the student squad, but also the total volume of harvested and threshed grain crops in three villages of the county are analyzed. Conclusion: the vigilantes could not play a decisive role in the “battle for the harvest”, at the same time, the work of student squads, consisting of urban youth, should be considered quite productive and productive, in the context of a small particle in the general contribution of the country's citizens to provide food for the army and rear.

Keywords: student youth, youth associations, World War I, labor squads, Tsaritsyn district, villages, everyday life.

1. Введение

Острота проблемы экономической нестабильности в условиях Первой мировой войны из-за недостатка рабочей силы в крестьянских хозяйствах и сокращения производства хлеба приобрела первостепенное значение для власти и общества. Значимыми в области решения продовольственной проблемы и оздоровления аграрной отрасли стали некоторые инициативы общественных активистов и благотворительных структур. Наиболее популярной и актуальной формой социальной помощи семьям фронтовиков, массово охватившей российскую учащуюся молодёжь в военные годы, стали трудовые дружины, на деле доказывавшие свой патриотизм и преданность Отечеству. Позитивный опыт патриотического движения, накопленный в годы Мировой войны, несмотря на смену идеологии, был соответственно оценён и применялся в годы Великой Отечественной войны в качестве ученических сельхоздружин. В этой связи актуальность осмысления позитивного опыта прошлого является важнейшим фактором в сфере духовно-нравственного воспитания молодёжи и развития современного добровольческого движения. Немаловажным обстоятельством для исследования данной проблемы является введение в научный оборот новых документальных источников, свидетельствующих о работе сельскохозяйственных дружин в южном уезде Саратовской

* Corresponding author

E-mail addresses: litvinova@volsu.ru (I.N. Litvinova), karagodina@volsu.ru (O.A. Karagodina)

губернии летом 1915 г., вопреки отсутствию в официальных отчётных данных факта наличия в крае таких дружин.

В мирное время начала XX ст. деятельность молодёжных ассоциаций в большей части была связана с аспектами физического и духовного развития в православных традициях. К этому направлению относились организации «Маяк» и «Союз русского сокольства». К тому же в годы Мировой войны «Союз русского сокольства» дал императорской армии огромное количество молодых, физически крепких и развитых новобранцев. В контексте патриотического воспитания у подростков популярностью пользовались движения «Потешные войска» и юные разведчики (скауты) (Амелян, 2013: 226, 227), причём отряды скаутов действовали не только в столице, но и в Ставрополе, Астрахани, Саратове, Царицыне. Всё же наиболее масштабный характер был свойствен молодёжному движению, зародившемуся и получившему массовое распространение именно в годы Первой мировой войны, – это сельскохозяйственные трудовые дружины двух типов – полевые и огородные. В частности, историк В.В. Страхов считает такого рода дружины своеобразным стержнем всей патриотической деятельности учащейся молодёжи в рассматриваемый период времени (Страхов, 2014).

Следует отметить, что в начале XX ст. широкую популярность в обществе завоевали педагогические идеи Петроградского Родительского кружка, основанного ещё в 1884 г., но с 1906 г. ставшего научным обществом (вскоре после Указа «О временных правилах об обществах и союзах»). Деятельность Кружка была связана с проблематикой педагогики, прежде всего, с духовным образованием и обучением детей, их правильным семейным воспитанием и всесторонним, как духовным, так и физическим развитием (Усольцева, 2019: 45). Психолого-педагогические знания участников Кружка интеллектуальная общественность получала посредством публикаций их докладов и обсуждений в популярных журналах: «Вестник воспитания» (1890–1917), «Русская школа» (1890–1917), «Воспитание и обучение» (1892–1917), а также в собственном периодическом издании научного общества – это «Известия Петроградского Родительского кружка» (Анисимова, 2021: 63).

С началом войны предложения представителей Родительского кружка, поднимавших важные темы, приобрели особую популярность и способствовали продвижению в социуме многих актуальных вопросов, например, связанных с организацией призрения детей фронтовиков в стационарных заведениях, а также с материальной поддержкой сирот-студентов. Более того, акцентировалось внимание общества на важности проблемы трудового воспитания подростков и молодёжи. Согласно педагогической концепции членов Родительского кружка, детей воинов следовало обучать конкретному ремеслу для приобретения ими профессиональных навыков, но важным аспектом являлось также «приучение» подростков к труду и посильной помощи особо нуждавшимся крестьянским хозяйствам в тяжёлое для страны военное время (Петроградский..., 1915: 32-33).

Государственно-общественные структуры в виде Романовского и Елизаветинского комитетов стали ключевыми в реализации и развитии подобных инициатив на практике. Романовский комитет, образованный в ознаменование трёхсотлетия Дома Романовых и состоявший под покровительством императора, особую роль играл в деле призрения сирот русских воинов, причём сельского состояния, что было особо актуально в аграрной стране. Сферой деятельности Комитета Елизаветы Фёдоровны являлась всесторонняя поддержка семей лиц, призванных на военную службу. Многочисленные отделения Елизаветинского комитета в губерниях и областях империи уже к декабрю 1914 г. составили 80 отделений, а в июле 1915 г. – 86 (Рылова, Лобова, 2018: 853). В Царицыне в сентябре 1914 г. усилия отделений Елизаветинского, Романовского комитетов, входивших в состав Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, были объединены в единую Городскую Комиссию с теми же обязанностями, включая учреждение «приютов, яслей, дешёвых и бесплатных квартир, приисканием занятий, устройством работ, выдачею провианта, вещей, топлива и др. необходимых предметов» (Царицынский вестник, 1914).

2. Материалы и методы

В контексте нашей работы ценными источниками являются материалы периодических изданий досоветского периода – журналов и газет. Прежде всего, значимы сведения журнала «Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов», выходившего в свет в Петрограде в 1914–1917 годах. Издание являлось официальным печатным органом Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и учреждено с целью координации усилий государственной, общественной и частной благотворительности в пользу категорий населения, пострадавших от войны. В журнале публиковались выписки из отчётов, статистические сведения о работе благотворительных комитетов, денежных поступлениях в пользу семей мобилизованных в действующие войска и лазаретов для раненых, также публиковались отчёты о работе церковно-приходских советов, в частности, действовавших в сельской местности в различных епархиях. Ценным для нашей работы стал материал о трудовых дружинах из Саратовской губернии, опубликованный в «Известиях» (Саратовская губерния, 1915). Важным документальным источником является журнал «Церковные ведомости» – официальный орган Святейшего Синода Русской церкви, особый интерес вызывает

раздел Приложения с наличием большого количества статистических данных по благотворительности. Значимыми для исследования источниками являются местные газеты, прежде всего, «Волго-Донской Край», «Царицынский вестник», на страницах которых нашли отражение актуальные проблемы по исследуемой тематике. Историография вопроса широко представлена научными статьями в контексте истории трудовых дружин. Анализ научных публикаций в качестве источников для нашей работы показал свойственные особенности организации трудовых дружин для каждого региона, чем и ценны материалы из российской провинции.

Исследование осуществлено с использованием разных методов. Методологической базой работы стали принципы научного исследования: историзм и объективность, которые позволяют видеть исторические процессы, происходившие в гражданском обществе, в т. ч. южной волжской провинции в годы Первой мировой войны, в их реальном развитии и взаимосвязи. Благотворительные мероприятия и волонтерские движения в качестве трудовых дружин рассматриваются в их многогранности и противоречивости, т.е. в совокупности как положительные, так и отрицательных сторон. Работа основана на историографическом и историко-генетическом методах. Историографический метод позволил выполнить обзор научных публикаций и источников, связанных с историей молодёжных движений, а также с историей развития основных педагогических идей, популярных в обществе в военные годы. Данный подход позволил раскрыть влияние Первой мировой войны на развитие отечественной педагогики, концепций по воспитанию молодёжи в духе гражданственности, патриотизма и добровольчества на благо общества. Историко-генетический метод позволяет проследить «генетику» явления – добровольческого движения учащейся молодёжи в форме трудовых дружин. Метод даёт возможность исследовать события, связанные с происхождением и формированием сельхоздружины, организованной в помощь крестьянским хозяйствам фронтовиков в конкретном географическом месте – г. Царицыне, а также проанализировать причины, влияющие на развитие дружины и её становление в непростых условиях сельской жизни. Данный подход позволяет, в том числе, учитывать и понимать факторы, травмирующие и поддерживающие дружинников в обстоятельствах полевых работ и в процессе взаимодействия с сельским обществом.

3. Обсуждение

Историография вопроса создания трудовых дружин показывает, что их появление связано с активизацией общественной инициативы под влиянием военной атмосферы повседневности на детей и взрослых, которое обострило процессы общественного самосознания и патриотизма. Эти процессы обрели различные формы выражения согражданами чувства долга и ответственности перед Отечеством. Сельскохозяйственные дружины – одна из форм, ставшая социальным феноменом трудовой помощи и новых молодёжных практик в чрезвычайных социально-экономических условиях войны. При снижении уровня жизни населения, но прежде всего крестьянских семей воинов, призванных в войска, помощь добровольных ученических дружин была важна и необходима для обеспечения страны продовольствием. Из привлекаемых нами научных трудов, в центре внимания которых находятся вопросы по оказанию помощи семьям воинов в годы Первой мировой войны, отметим авторов: С.В. Букалову (Букалова, 2020; Букалова, 2023), Н.И. Горлову (Горлова, 2018), В.В. Карпову (Карпова, 2016; Карпова, 2020), А.И. Потворова (Потворов, 2022). Содержание и социально-педагогическая значимость патриотического движения российских учащихся в период Первой мировой войны анализируется в работах В.В. Страхова (Страхов, 2009; Страхов, 2014), который считает сельскохозяйственные трудовые дружины, их массовый характер и масштаб – главным компонентом всей патриотической деятельности учащейся молодёжи. В контексте нашего исследования представляют интерес работы психолого-педагогического характера в вопросах нравственного развития подростков довоенного и военного периодов начала XX ст. Психолог И.В. Усольцева анализирует деятельность Петроградского Родительского кружка, концепция которого была направлена на формирование общественной активности и трудового воспитания учащейся молодёжи (Усольцева, 2019). Автору И.В. Усольцевой близки взгляды исследователей-педагогов М.В. Богуславского, А.В. Кудряшева (Богуславский, Кудряшев, 2018), которые подчёркивают силу влияния на широкую общественность Родительского кружка своими важными инициативами, но и в целом воздействие Первой мировой войны на проблематику отечественной педагогической психологии.

В одной из работ С.В. Букаловой анализируется система попечения солдатских детей и полусирот в годы Мировой войны (Букалова, 2023). Даны сведения о новых типах детских учреждений, в т. ч. сельскохозяйственных приютах и очагах, которые получили распространение в военных обстоятельствах и продолжили своё развитие в послереволюционный период. Автор С.В. Букалова на очевидных примерах показывает отличительную специфику оказания помощи семьям фронтовиков в условиях города и сельской местности. Подчёркнута существенная роль общественных институтов, активизировавших механизмы благотворительности в оказании помощи семьям воинов в период Мировой войны. Однако в то же время исследователь не считает трудовые дружины формой гражданской активности молодёжи и благотворительности, а относит данное явление к сфере молодёжной политики военного времени. В данном вопросе нам ближе мнение автора

А.И. Потворова, в том, что «сельскохозяйственные дружины представляют собой один из элементов трудовой мобилизации в условиях войны», что наглядно отражено в названии его работы (Потворов, 2022). Всё же для нашей работы наиболее значимыми являются исследования историка В.В. Карповой. Особо отметим научную статью «Региональные особенности деятельности трудовых дружин учащихся в России в годы Первой мировой войны», в которой анализируется региональная специфика формирования, трудовая деятельность и финансовая сторона, но что ещё примечательно, – повседневность ученических дружин (Карпова, 2020). Автор отмечает, что «повсеместно отмечалось недоверие со стороны крестьянства к самим дружинникам, чужеродному городскому элементу, и к трудовому потенциалу дружин, состоящих из необученной и непривычной к сельским работам молодёжи» (Карпова, 2020: 128). Подобные проблемы преодолевали ученические дружины из г. Царицына во время «сельской жизни».

4. Результаты

Результатом распространения новых педагогических принципов и воззрений в обществе стали и новшества в организации учебно-образовательных занятий, включивших трудовое воспитание во многих детских приютах и дневных очагах. Открывались общественные и частные курсы, кружки по освоению ремёсел среди детей фронтовиков. Для специализированного обучения создавались учебные мастерские – лозоплетения, сапожные, переплётные, швейные, столярные. Как отмечалось, целью деятельности таких мастерских для подростков являлось получение практических навыков, необходимых в дальнейшей трудовой деятельности.

Новшеством являлось открытие Романовским комитетом в некоторых сельских районах земледельческих или сельскохозяйственных приютов для сирот. В целом, к началу 1916 г. в сельской местности было учреждено и действовало 380 приютов «с сельским укладом жизни» с общей численностью в 13 322 воспитанника (Керзум, 2016: 519). Выразительным примером по рассмотрению данного вопроса стало обустройство с 1913 г. крупного земледельческого приюта в Симбирском удельном округе. В основу создания приюта был положен капитал вдовы мануфактурщика-миллионера А.И. Коншиной, и южнее Симбирска был приобретён земельный участок на правом берегу Волги. Вначале площадь участка составляла 1056 кв. м, но была значительно расширена в военный 1915 г., причём основную территорию участка занимали учебные огороды, рядом построена животноводческая ферма, конюшня и прочие вспомогательные постройки (Серягин, 2023: 109, 110). Обучаться труду земледельца в приют принимались дети крестьянского сословия не только из Симбирской, но и из прилегавших губерний – Самарской, Казанской, Нижегородской, Саратовской и Пензенской.

Возвращаясь к вопросу о работе Петроградского Родительского кружка, можно отметить, что выдающимся эпизодом в истории этой организации в апреле 1915 г. стало обращение к учащейся молодёжи, принятое на заседании коллектива кружка. Позднее это обращение в форме воззвания было опубликовано в нескольких газетах как призыв к учащейся молодёжи о необходимости организовать помощь семьям, мобилизованных в войска воинов в полевых работах: «...станьте ближе к земле и к нашему трудовому крестьянству, и облегчите работу осиротевшим семьям» (Призыв..., 1915: 8).

В это же время активизировалось общество «Народная помощь» в Петрограде и созданная при нём Комиссия, ставшая авангардом в воплощении идей по организации трудовых дружин из учащихся старших классов в помощь аграриям, семьям воинов.

Имеется несколько версий возникновения первых дружин в помощь сельскому хозяйству, но мы разделяем мнение автора С.В. Букаловой по данному вопросу: первые трудовые дружины организованы на территории Минской губернии студентами педагогических учебных заведений Витебска и Полоцка и студентами некоторых других вузов Минска (Букалова, 2020: 151). Молодёжь активно откликнулась на призывы общества к труду и стала отвечать оказанием посильной помощи армии, раненым фронтовикам и семьям воинов. Тысячи подростков были причастны к организации и проведению мероприятий для «полезного отдыха» раненых бойцов, находившихся на излечении в лазаретах, кружечных боров для материальной поддержки различных категорий граждан, пострадавших от войны, сельскохозяйственных работ в пользу семей нижних чинов, ушедших на фронт.

Особенно трудоёмкими были полевые работы в сельском хозяйстве, связанные с посадкой и уборкой овощей, но главным образом – с посевом зерновых культур, жатвой и обмолотом зерна. Тяжёлый сельский труд всегда являлся обязанностью мужчин, но в условиях войны, когда мужское население было мобилизовано, и в целом на фронт из народного хозяйства забрали 7,4 млн чел. трудоспособного возраста, по преимуществу сельского населения (Шигалин, 2025), ключевыми для государства стали вопросы организации обеспечения продовольствием армии, флота и гражданского населения. В Саратовском крае, как и в других регионах, ощущался дефицит основной рабочей силы, сокращение посевных земель и острая необходимость в помощи земледельцам. Согласно сведениям земской статистики, к началу 1915 г. 30,7 % хозяйств Саратовской губернии фактически остались без мужчин, что впоследствии привело к удорожанию цен на рабочую силу, особенно в период напряжённых летних работ – косыбы, жатвы и уборки урожая (Цит. по: Фортун, 2019: 376). Помимо этого реквизиция тысяч крестьянских лошадей для нужд армии повлекла за собой сокращение

рабочего скота, т.е. недорогой тягловой силы, необходимой для сельхозработ, что затем повлияло на удорожание продовольствия в целом. Сложная ситуация с нехваткой рабочих рук позднее привела к использованию на сельскохозяйственных работах военнопленных, находившихся в Саратовской губернии, но данный вопрос не входит в сферу интересов нашей темы о новых направлениях добровольческой помощи в годы Первой мировой войны.

Елизаветинский комитет принял на себя ответственность и руководство по объединению усилий в организации трудовой помощи крестьянским семьям воинов, осуществление которой стало приоритетным направлением весной 1915 г. Ключевые вопросы по оказанию помощи в сельхозработах семьям фронтовиков были возложены на местные органы земского самоуправления; из казённых запасов они оказывали помощь семьям крестьян, призванных в войска: семенами, сельхозинвентарем, обозами, а также организованным трудом «рабочих дружин». Большая помощь в организации посевной и затем уборочной кампаний принадлежала сельским обществам, кооперативам, в особенности сельским приходским попечительным советам. Количество последних к началу 1915 г. в стране значительно возросло и достигло 22 934 ед. ([Приходские попечительные..., 1916: 72](#)), а в приходах Саратовской епархии к концу декабря 1915 г. действовало 605 попечительных советов, что было на 122 единицы больше, чем в августе 1914 г. ([О церковно-приходских..., 1917: 16](#)). В этой связи Святейший правительствующий Синод в Определении от 3–4 марта 1915 г. призвал свою паству, приходские попечительные советы оказать «самую деятельную помощь семействам воинов в аграрных работах» ([Обзор деятельности..., 1917: 5](#)). Помимо общественных активистов с воззваниями к населению о помощи крестьянским хозяйствам обратились в прессе некоторые губернаторы и представители земства – во избежание неудач в организации посевной и уборочной кампаний. Призывы к действиям нашли горячие отклики у учащихся городских и уездных училищ, гимназий, семинарий и активистов волонтерских сообществ. Молодёжь пришла на помощь семьям фронтовиков, и помимо такой опоры земств в сельхозработах, как женщины-солдатки, добровольные помощники из учащейся молодёжи заняли достойное место в деле обеспечения продовольствием армии и тыла.

Следует отметить, что помощь, оказываемая трудовыми дружинами крестьянским хозяйствам, стала одной из наиболее продуктивных волонтерских практик военного времени, представляющих интерес для изучения, в т. ч. накопленного опыта. В этой связи картину исследования целесообразно дополнить примерами и эпизодами описания организационных моментов становления и повседневной жизни трудовых дружин в пору полевой страды на примере южных районов Саратовского Поволжья.

Среди учащихся гимназий, реального и коммерческого училищ Царицына ещё до известного призыва Родительского кружка Петрограда (что немаловажно) обсуждалась и оформилась идея о трудовой помощи крестьянам. Новые патриотические взгляды молодёжи отражали переживания за происходившие события в стране и на боевых рубежах, формируя чувства ответственности и долга перед родиной.

В этой связи в мае 1915 г. группа учащихся обратилась к Царицынской земской управе с инициативой помочь им организовать и «оснастить настоящую дружину» для аграрных работ. С этой целью было оформлено и подано в земскую управу прошение «снабдить инструктором по сельскохозяйственным машинам и обеспечить немного деньгами» ([Волго-Донской..., 1915](#)). Однако начинание было ново и необычно для Царицынского уезда, поэтому не нашло поддержки в земской управе. Местные газетчики такую ситуацию о равнодушии и безучастии в ответ на незаурядный почин учащейся молодёжи охарактеризовали по-чеховски: «как бы чего не вышло, и все в этом духе» ([Волго-Донской..., 1915](#)). Инициатива остановилась.

Источники свидетельствуют о том, что были попытки организовать дружину со стороны землевладельца П. Кондратьева, но также безуспешно. Дело сдвинулось и активизировалось после «всесильного циркуляра» Министерства народного просвещения (№ 25716 от 06.06.1915) с предложением попечителям учебных округов и директорам средних учебных заведений содействовать организации из учеников, учителей и студентов дружин для помощи в полевых работах крестьянским хозяйствам и семьям мобилизованных нижних чинов в войска ([Москва..., 2014: 895](#)). Позднее, в апреле 1916 г., вышел новый документ Министерства народного просвещения за № 3952 «О трудовых дружинах», с пояснениями порядка применения труда дружинников, а также о целесообразности и воспитательной значимости сельскохозяйственного труда для городских подростков ([Москва..., 2014: 900](#)).

Следовательно, в условиях военного времени особую важность приобрели вопросы, связанные с нравственным воспитанием и формированием национального самосознания посредством общественного труда, в особенности в деле аграрной добровольной помощи. В этой связи от имени учащейся молодёжи и Царицынского Общества содействия внешкольному образованию (ЦОСВО) к Саратовскому губернатору А.А. Шириному-Шихматову для решения того же вопроса отправился потомственный почётный гражданин, гласный городской думы А.А. Репников. Успешный коммерсант, известный в Нижнем Поволжье общественный деятель и меценат Репников А.А. был учредителем ЦОСВО и нескольких научно-просветительских учреждений, в т. ч. краеведческого

музея, библиотеки (ГАСО. 176. 1. Д. 765. Л. 24). Два года ранее, специально для размещения и работы Общества содействия внешкольному образованию и учреждений данного направления, А. Репниковым с супругой было полностью профинансировано строительство Дома Науки и Искусств за счёт т.н. краткосрочного целевого капитала (ГАВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 4).

Саратовский губернатор полностью поддержал просьбу-прошение об устройстве дружин в сёлах Царицынского уезда; по телеграфу было дано соответствующее распоряжение земской управе об оказании помощи в реализации данного проекта. Идеи учащихся поддержали педагоги, появились денежные средства. В частности, 500 руб. было ассигновано губернатором из средств Елизаветинского комитета, 400 руб. – получено от мужской гимназии и реального училища (из запасных капиталов) (Саратовская губерния, 1915: 251).

Безотлагательно из педагогов и студентов был избран комитет для организации дружин, намечен план работ и открыта запись желающих, которых за два первых дня набралось более 30 человек. Дружины сформировали по 10 чел., во главе с двумя руководителями из преподавателя и студента; состав дружин был смешанным – гимназисты, реалисты и ученики городских училищ, в возрасте 14–18 лет (Саратовская губерния, 1915: 251). Несколько молодых людей из Царицына являлись студентами вуза – Высших сельскохозяйственных курсов в Саратове, которые, приняв участие в аграрных дружинах, стали помощниками руководителей. Важно то, что в дальнейшем предполагалось для каждого дружинника работу определять соответствующую силам и способностям. Земство для сельхозработ выдало две жатки, представлявших собой навесные машины для скашивания сельскохозяйственных культур и транспортировки скошенной массы к молотилке или же для укладки её в валки. Благодаря хлопотам и помощи казённого агронома В. Никольского, принявшего активное участие в организации и дальнейшем обучении дружин, были получены ещё три жатки, а впоследствии конная молотилка.

Руководители ответственно подошли к организации сельхозработ, сначала сами ознакомились на опытном поле с эксплуатацией полученных машин, потом обучали дружинников. Согласно сведениям источника, через четыре дня после получения разрешения от губернатора, т.е. 24 июня 1915 г. партия дружинников численностью в 30 чел. отправилась в намеченные заранее пункты – сёла Давыдовку и Малую Ивановку, Балыклей Царицынского уезда (Саратовская губерния, 1915: 251). В газете «Волго-Донской край» сообщалось следующее: «Необычайно было видеть эту пеструю толпу молодежи, едущей за 60–70 верст от дома на полевые работы. Они, эти слабосильные юноши, завоевали в конце доверие народа. Но не легко им это далось». Ряд трудностей пришлось преодолевать молодым людям, причём отчасти они были связаны с психологическими особенностями крестьян, их консерватизмом и недоверчивостью к восприятию новых идей.

Первые затруднения, с которыми пришлось справляться молодёжным дружинам, – «трудно достать лошадей для проезда» и перевозки машин в пункты назначения из посада Дубовки (на Волге) в села Давыдовку, затем – М. Ивановку и Балыклей. В Дубовку молодежь прибыла из Царицына пароходом. Ситуация с нежеланием перевозить людей и инвентарь была связана с недоверием к юным горожанам крестьян с. Давыдовки, которым на общем сходе предложено было дать безвозмездно лошадей, разъяснена цель приезда дружины и необходимость доставить молодых людей в своё село. Крестьяне отнеслись к этому мероприятию насмешливо, более того, выразили общее мнение о нежелании кормить новых дармоедов, т.к. «своих ртов вдоволь» (Саратовская губерния, 1915: 252). Выезд на места задержался на 3 дня, но всё уладилось, и дружинники в два приёма прибыли в с. Давыдовку, находившуюся более чем в 30 верстах от пристани посада Дубовка и в 78 верстах от Царицына (Минх, 1898: 209-210). Известно, что в конце XIX ст. в селе насчитывалось 9,5 тыс. дес. пахотной земли и 376 дес. – сенокосной, большие площади отведены под бахчи; проживало в селе более 1,5 тыс. жителей – «душ обоего пола» (Минх, 1898: 209-210).

Непредвиденные проблемы только начинались для дружинников, ещё не приступивших к полевым работам. Вновь был созван сход сельского общества, представлявший собой орган крестьянского самоуправления и объединявший всех оставшихся после мобилизации крестьян-домохозяев. Сход решал сложные вопросы, в т.ч. избирал сельского старосту и других должностных лиц. На сходе сделали перепись наиболее нуждающихся в помощи семейств с. Давыдовки и предложили взять себе рабочих и сельхозмашину. Фактически желающих не было, предложение жёнами фронтовиков было встречено настороженно, т.к. посчитали несерьёзным такой подход к делу. От крестьян поступило предложение отдать машины в пользование семьям мобилизованных, а мо лодцам отдохнуть на здешнем «легком» воздухе. Патриотично и решительно настроенные к работе дружинники, преследовавшие цели оказать помощь семьям воинов делом, не предполагали подобного недружелюбного приёма. По сведениям источника, вначале только одна солдатка, «вероятно, самая несчастная», оставшаяся совсем без рабочих рук в хозяйстве, попросила себе «невиданных работников» (Волго-Донской..., 1915: 3).

В разных регионах подошли к вопросу ученических дружин по-разному. Например, по сведениям историка В.В. Карповой, регионы испытывали неодинаковые потребности в предоставлении трудовой помощи, некоторые совсем не развивали это движение за ненадобностью, в т.ч. по причине недоверия крестьян к таким практикам. Подобным образом обстояли дела в

соседней Астраханской губернии, также Семиреченской и Забайкальской областях, где ни в 1915, ни в 1916 г. не было организовано ни одной дружины, а в г. Кустанае крестьяне полностью отказались от помощи трудовых дружин (Карпова, 2020: 135, 136). Сложности возникли в г. Новочеркасске, где жители станиц также отказывались от помощи городской молодёжи. Полагаем, этим провинциям свойственны свои местные особенности и причины не использовать труд молодых активистов. Следовательно, идеалистической картины с привычным радушием и признательностью селян молодёжи за трудовую помощь не складывалось.

Тем не менее, на основании сведений двух источников можно утверждать, что первый же день сельхозработ показал следующее: молодые люди в действительности настроены были работать старательно и на совесть. Такой настрой дружинников и подход к работе дал повод местному населению привлечь городскую молодёжь к сельхозработам, поэтому дружинников крестьяне всё же стали «брать» для надобности в хозяйстве, быстро поделив их между нуждающимися дворами по 2–3 человека.

Недоверие и сомнения в работоспособности ученической дружины, недоброжелательное отношение местных жителей в целом к приезжим сказалось в дальнейшем и на обеспечении их продуктами. Так, если было сломлено «мужицкое недоверие» к юным работникам, недружелюбие не исчезло само собой. Условия, в которых пришлось работать городским «земледельцам», оказались тяжёлыми, чего не могли предусмотреть руководители трудовых дружин. Вероятно, на ситуацию оказала влияние так называемая «хозяйственная крестьянская смекалка», т. к. крестьяне воспользовались ситуацией, полагая, что из новых работников можно и нужно «выжать» побольше, поэтому заставляли работать их с первого дня столько же, сколько работали сами, ничего не желая принимать во внимание: «ни возраста, ни непривычки» (Волго-Донской..., 1915: 3). На практике намерения педагогов определять для каждого дружинника работу, соответствующую силам и способностям оказались невыполнимы. Полевые работы требуют необходимых трудовых навыков и физической готовности, что отсутствовало у юных городских жителей, впервые занявшихся земледелием. Однако беглецов с поля не было.

Несколько дней не решался вопрос с продовольственным обеспечением дружинников. Из описания повседневности быта дружинников можно сделать вывод о скудном питании. После трудоёмких работ в поле кормили усердных земледельцев плохо: каша, хлеб и вода. Молока, яиц и мяса в рационе не имелось. Причины те же – недоброжелательное отношение крестьян, отличавшихся осторожностью к новшествам и не проявлявших особого расположения к «избалованным» городским жителям, а также их новым «придумкам». Не читали крестьяне призывов Петроградского Родительского кружка и губернатора тоже... Оказалось, что в селе или ничего нельзя было достать из продуктов, или же можно было купить по очень дорогой цене: за яйца, например, вместо 15 коп. за десяток хозяйки стали брать с дружинников 22–25 коп., за молоко вместо 7 коп. за крынку – 18–20 коп. За пуд ржаной муки крестьянин просил даже отработать один день на жатке, что в переводе на деньги составило бы рублей 8 – 10 (Саратовская губерния, 1915: 252). Перед отъездом на сельхозработы предусматривалось, чтобы учащиеся взяли с собой немного денег, что позже отчасти и спасало ситуацию с пропитанием.

Необходимо уточнить, что недоброжелательность местных к дружинникам была не везде: у некоторых хозяев молодым людям жилось достаточно хорошо. Всё же полуголодное состояние после тяжёлого труда заставляло некоторых подростков после работы в поле идти за две версты в село, в здание школы, где находилась штаб-квартира дружины, чтобы поужинать сушёной рыбой и хлебом с чаем.

Согласно «Правилам организации трудовых дружин учащихся...», предусматривалось следующее: «Дружинники-учащиеся, как добровольцы, за свой труд не получают никакого особого вознаграждения, но от обслуживаемых крестьянских хозяйств лишь получают обычное крестьянское довольствие» (К циркуляру, 1915: 221). На практике оказалось не совсем так. Следует отметить, что стоимость довольствия в дальнейшем оплачивалась крестьянским семьям местным отделением Комитета вел. кн. Елизаветы Федоровны.

Можно добавить несколько аспектов, связанных с довольно тяжёлыми бытовыми условиями для городских жителей в селе, а именно – опасность вшей (имелись даже рекомендации при отъезде остричься наголо), отсутствие обычного питания, но главное – неимение привычки к крестьянскому труду, и становится очевидным, что жизнь в деревне для молодых людей стала нелёгким испытанием. Однако, несмотря на все сложности, которые пришлось преодолевать, в первую же неделю юными земледельцами и их руководством было убрано немало – 138 дес. посевной площади яровых, что соответствовало 152 га (Саратовская губерния..., 1915: 253). Более того, первые достижения дружинников вдохновили их на новые успехи, придав энергии для дальнейшей деятельности.

Режим работы у ученической дружины был напряжённым и насыщенным: с 4-х часов утра молодёжь была уже на полях, трудовой день длился до 8–9 часов вечера. Молодые люди жали, вязали, копнили, свозили на гумна готовое, молотили, не щадя своих сил. Праздников в уборочную пору не было совсем: вместо праздников производилась работа у «безлошадных» семей на лошадях, которых иногда бесплатно или за деньги давали хозяева лошадей. Отдыхать позволялось только тем,

кто очень устал, но недолго, т. к. каждый человек был на счету, лишь дожди и ураганы вносили коррективы в порядок работ в поле ([Саратовская губерния, 1915: 253](#)).

Спустя некоторое время агроном и сельский староста стали отмечать успехи дружинников, которые трудились уже более усердно и продуктивно, т.к. постепенно приобретался опыт, формировалась привычка к труду, о чём упоминалось в газетных обзорах. Обстоятельства, связанные с трудовыми успехами и усердием, в итоге повлияли на изменения мнения крестьян о городской молодёжи. Понемногу улучшились условия быта и работы, недоброжелательное отношение со стороны сельского общества было побеждено. Крестьяне из семей фронтовиков стали выражать свою признательность как умели: приносили дружинникам продукты, причём бесплатно, наряду с этим жёны воинов организовывали в поле чаепития с самоваром, что, конечно, было воспринято дружинниками с благодарностью. Главный фактор заключался в том, что местные жители стали признавать очевидное: «дружинники не уступают крестьянам и работают очень упорно и горячо». Агроном Никольский в одной из газетных заметок написал: «...Работа учащихся и с технической стороны, и со стороны экономической по производительности, – не оставляет желать лучшего. Известная интеллигентность позволяет схватывать быстро суть работы, а желание... производительнее использовать трудовой день – ускоряет усвоение приемов» ([Волго-Донской..., 1915: 3](#)).

Помощь деревне трудовой дружиной за 1,5 месяца работ была оказана существенная. В общей сложности на полях трёх сёл: Балыклей, М. Ивановка и Давыдовка, работало 120 человек. Часть дружинников уезжали через определённый период времени, другие приезжали, т.е. наблюдается сменяемость состава, безвыездно и бессменно работали только 40 чел., которые и составляли костяк дружины. В итоге выполнены следующие работы: убрано (сжато и свезено) всего хлеба – и озимого, и ярового – около 500 десятин, что соответствует 545 га. Обмолочено более 2500 пуд. ржи, что соответствует 500 ц. Исходя из этих кратких сведений, очевидно, что результаты труда полевых дружин получились успешными, а сами идеи об использовании в сельском хозяйстве учащихся – жизнеспособными и довольно эффективными.

В то же время озадачивают отчётные сведения о действующих трудовых дружинах учащихся учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения за 1915 г., которые приводятся автором В.В. Карповой по губерниям, входящим в учебные округа. За основу взяты материалы фонда 733 Российского государственного исторического архива из отчётов попечителей учебных округов. Согласно этим сведениям за 1915 г. о Саратовской губернии, как и четырёх других, входивших в Казанский учебный округ (Вятская, Казанская, Самарская и Симбирская), отсутствуют данные о наличии ученических дружин любого типа – огородных или полевых ([Карпова, 2020: 136-137](#)). В отчётах МНП сведения о трудовых дружинах всех пяти губерний имеются лишь с 1916 г. Например, в Саратовском крае в 1916 г. было организовано 13 дружин, численностью 418 учащихся ([Карпова, 2020: 136](#)). Вероятно, деятельность 120 дружинников в сёлах Царицынского уезда губернии не была учтена и отражена в отчёте попечителя учебного округа. В 1915 г. наибольшее число дружинников трудилось на полях и огородах следующих губерний: Минской (312 дружинников), Бессарабской (237 чел.), Херсонской (287 чел.), Екатеринославской (179 чел.) ([Карпова, 2020: 137](#)).

5. Заключение

Основные концепции российского педагогического сообщества в вопросах нравственного воспитания молодого поколения и обязательного участия учащихся в «полезном для общества труде» не могли не проявиться в деятельности организаций внешкольного образования, культуры, науки и социального вспомоществования. Общественные ассоциации, действовавшие в мирное время, как и основанные в военные годы, сыграли в дальнейшем существенную роль в распространении патриотического движения среди подростков и молодёжи, но что особо значимо – в реализации социальных практик с активным участием представителей молодого поколения. Прежде всего, забота общественных активистов была направлена на поддержку российской армии и флота, раненых воинов и семей фронтовиков. Тем не менее, при нехватке рабочих рук в деревнях и сёлах основной заботой государства и общества в периоды посевной и уборочной кампаний в тыловых губерниях стала организация помощи сельскому хозяйству, земледельцам и наиболее в ней нуждавшимся семьям крестьян, мобилизованных в войска. Главной целью было обеспечение страны продовольствием.

Довольно успешной формой реализации сельскохозяйственных работ стали трудовые дружины учащейся молодёжи из гимназий, училищ, вузов и сельскохозяйственных школ. Трудовые дружины, возникшие на территории Минской губернии, организовались в дальнейшем в массовое и масштабное добровольческое движение, чему способствовало в т.ч. широкое освещение их деятельности в местной и центральной прессе. Летом и осенью 1915 г. полевые и огородные дружины работали более чем в 20 губерниях и областях империи. В исследуемом нами Царицынском уезде – самом южном в Саратовской губернии, первые трудовые дружины были организованы в конце июня 1915 г. для сельхозработ по уборке озимых и яровых сортов хлеба. Дружинники смогли достойно преодолеть многие трудности, связанные с тяжёлыми условиями быта и труда, а также полуголодным состоянием и отсутствием земледельческих навыков. В завершении сельских практик учащаяся

молодёжь «смогла почувствовать себя настоящими людьми – победителями» (Волго-Донской..., 1915: 3). Первоисточники позволили проанализировать трудовые достижения и не менее интересные факты из повседневной жизни городской молодёжи, участвовавшей в уборке хлеба. Важным фактором являлась готовность молодых людей продуктивно трудиться на пользу Отечества.

Таким образом, в тяжёлое для страны время трудовые дружины представляли собой не только важное явление социальной жизни, но и стали для учащихся лучшей школой совместной деятельности, организованности, трудоспособности и своеобразным стержнем всей патриотической деятельности учащейся молодёжи.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 24-28-01304 «Волонтерские и благотворительные практики российского общества в экстремальных условиях жизнедеятельности (первая четверть XX и XXI веков): сравнительный анализ».

Литература

Амелян, 2013 – Амелян В.В. Возникновение и развитие новых форм молодежного движения в России в первые десятилетия XX в. // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. № 9. С. 224-234.

Анисимова, 2021 – Анисимова Л.Ю. Санкт-Петербургский Родительский кружок о кризисе семейного воспитания в конце XIX – начале XX в. и путях его преодоления // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2021. № 4 (103). С. 107-117.

Богуславский, Кудряшев, 2018 – Богуславский М.В., Кудряшев А.В. Взаимодействие семьи и школы: трудный путь к диалогу в начале XX века // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология*. 2018. 1 (43). С. 98-109.

Букалова, 2020 – Букалова С.В. Трудовая помощь солдатским семьям Центрального Черноземья в годы Первой мировой войны // *Исторический журнал: научные исследования*. 2020. № 5. С. 147-154.

Букалова, 2023 – Букалова С.В. Развитие системы детского призрения в годы I мировой войны // *Вестник Брянского государственного университета*. 2023. №1 (55). С. 27-37.

Волго-Донской..., 1915 – Волго-Донской край. 30 июля 1915 г.

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.

ГАСО – Государственный архив Саратовской области.

Горлова, 2018 – Горлова Н.И. История возникновения и развития добровольных трудовых дружин учащихся как формы волонтерской деятельности молодежи на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2018. № 5 (194). С. 123-128.

История..., 2025 – История молодежных организаций России: от русских соколов до «Юнармии» [Электронный ресурс]. URL: <https://antimaidan.ru/article/10085> (дата обращения: 08.08.2025).

К циркуляру, 1915 – К циркуляру // *Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов*. Вып. 6. Пг., 1915. 352 с.

Карпова, 2016 – Карпова В.В. К вопросу об организационных особенностях формирования ученических трудовых дружин в 1915 г. / *Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. СПб.: Питер, 2016. С. 61-67.

Карпова, 2020 – Карпова В.В. Региональные особенности деятельности трудовых дружин учащихся в России в годы Первой мировой войны // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2020. № 3 (35). С. 128-145.

Керзум, 2016 – Керзум А.П. Романовский Комитет Для Призрения Сирот Сельского Состояния // *Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703-1918. Историческая Энциклопедия*. СПб., 2016. С. 518-520.

Минх, 1898 – Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 2. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Саратов: Типография Губернского земства, 1898.

Москва..., 2014 – Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Документы и материалы. М.: ГБУ «ЦГА Москвы», 2014. 1104 с.

О церковно-приходских..., 1917 – О церковно-приходских попечительствах и сделанных ими пожертвованиях за 1915 г. // *Приложения. Ведомости за 1915 г.* Пг.: Синодальная типография, 1917.

Обзор деятельности..., 1917 – Обзор деятельности Духовного Ведомства за 1915 г. Пг.: Синодальная типография, 1917. 109, 145 с.

Петроградский..., 1915 – Петроградский родительский кружок [Отчет о деятельности]. К 1-му января 1915 года. 1915. 49 с.

Потворов, 2022 – Потворов А.И. Сельскохозяйственные дружины учащихся как элемент трудовой мобилизации в годы Первой мировой войны // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2022. Т. 11. № 3. С. 69-77.

Призыв..., 1915 – Призыв Петроградского Родительского кружка // *Для народного учителя*. 1915. № 8. С. 49.

Приходские попечительные..., 1916 – Приходские попечительные советы и их отношение к нуждам войны / *Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству Православного исповедания за 1914 г.* Пг.: Синодальная Типография, 1916. 144 с.

Рылова, Лобова, 2015 – Рылова Н.Е., Лобова В.В. Благотворительность в сфере народного просвещения в городах Донского края в последней четверти XIX – начале XX века // *Известия Южного федерального университета*. 2015. № 12. С. 45-52.

Саратовская губерния, 1915 – Саратовская губерния // *Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов*. Вып. 6. Пг., 1915.

Серягин, 2023 – Серягин С.Н. «Осуществление проекта огромной важности и огромной будущности...». Забота органов власти и населения Симбирской губернии о детях-сиротах участников Первой мировой войны // *Военно-исторический журнал*. 2023. № 5. С. 108-115.

Страхов, 2009 – Страхов В.В. Патриотическое движение российской учащейся молодёжи в период Первой мировой войны (1914–1917 годы) // *Известия Российской академии образования*. 2009. № 2. С. 25-32.

Страхов, 2014 – Страхов В.В. Молодежь в Первую мировую войну // *Зёрна* [Электронный ресурс]. URL: <https://zyorna.ru/news/publications/molodezh-v-pervuju-mirovuj-u-voynu-2071.html> (дата обращения: 08.08.2025).

Усольцева, 2019 – Усольцева И.В. Влияние Первой мировой войны на проблематику отечественной педагогической психологии (по материалам деятельности Санкт-Петербургского родительского кружка) // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2019. № 1. С. 44-52.

Фортун, 2019 – Фортун А.А. Саратовское земство и военнопленные в годы Первой мировой войны // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. Т. 19. Вып. 3. 2019. С. 375-381.

Царицынский вестник, 1914 – Царицынский вестник. 18 сентября 1914 г.

Циркуляр..., 1916a – Циркуляр Министерства народного просвещения № 1350 «О трудовых дружинах» от 27.04.1916 г. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1916. № 7. С. 22-23.

Циркуляр..., 1916b – Циркуляр Министерства народного просвещения № 3952 «О трудовых дружинах» от 17.02.1916 г. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1916. № 4. С. 80.

Шигалин, 2025 – Шигалин Г.И. Состояние сельского хозяйства и условия снабжения населения и вооруженных сил России продовольствием во время войны // *Военная экономика в Первую мировую войну* [Электронный ресурс]. URL: https://militera.lib.ru/research/shigalin_gi/10.html (дата обращения: 08.08.2025).

Rylova, Lobova, 2018 – Rylova N.E., Lobova V.V. The Don Branch of the Committee of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. Pp. 850-860.

References

Amelyan, 2013 – Amelyan, V.V. (2013). Vozniknovenie i razvitie novykh form molodezhnogo dvizheniya v Rossii v pervye desyatiletiya XX v. [The emergence and development of new forms of youth movement in Russia in the first decades of the XX century]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 9: 224-234. [in Russian]

Anisimova, 2021 – Anisimova L.Yu. (2021). Sankt-Peterburgskij Roditel'skij kruzhok o krizise semejnogo vospitaniya v konce XIX – nachale XX v. i putjah ego preodoleniya [St. Petersburg Parents' Circle on the crisis of family education in the late XIX – early XX centuries and ways to overcome it]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(103): 107-117. [in Russian]

Boguslavskii, Kudryashev, 2018 – Boguslavskii M.V., Kudryashev A.V. (2018). Vzaimodeistvie sem'i i shkoly: trudnyi put' k dialogu v nachale XX veka [Family-School Interaction: a difficult path to dialogue in the early 20th century]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. 1(43): 98-109 [in Russian]

Bukalova, 2020 – Bukalova, S.V. (2020). Trudovaya pomoshch' soldatskim sem'yam Tsentral'nogo Chernozem'ya v gody Pervoi mirovoi voiny [Labor assistance to soldiers' families of the Central Chernozem region during the First World War]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 5: 147-154. [in Russian]

Bukalova, 2023 – Bukalova, S.V. (2023). Razvitie sistemy detskogo prizreniya v gody I mirovoi voiny [The development of the system of children's charity during the First World War]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(55): 27-37. [in Russian]

- Fortun, 2019** – Fortun, A.A. (2019). Saratovskoe zemstvo i voennoplennyye v gody Pervoi mirovoi voyny [Saratov Zemstvo and prisoners of war during the First World War]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 19(3): 375-381. [in Russian]
- GASO** – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [State archive of Saratov region].
- GAVO** – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State archive of Volgograd region].
- Gorlova, 2018** – Gorlova, N.I. (2018). Istoriya vozniknoveniya i razvitiya dobrovol'nykh trudovykh druzhin uchashchikhsya kak formy volonterskoi deyatel'nosti molodezhi na territorii Kurskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voyny [The history of the emergence and development of voluntary labor squads of students as a form of volunteer activity of young people in the Kursk province during the First World War]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5(194): 123-128. [in Russian]
- Istoriya..., 2025** – Istoriya molodezhnykh organizatsii Rossii: ot russkikh sokolov do «Yunarmii» [History of youth organizations in Russia: from Russian falcons to "Yunarmiya"]. [Electronic resource]. URL: <https://antimaidan.ru/article/10085> [in Russian]
- K tsirkulyaru, 1915** – K tsirkulyaru [To the circular]. *Izvestiya Verkhovnogo soveta po prizreniyu semei lits, prizvannykh na voinu, a takzhe semei ranennykh i pavshikh voynov*. Petrograd. 1915. Is. 6. P. 352. [in Russian]
- Karpova, 2016** – Karpova, V.V. (2016). K voprosu ob organizatsionnykh osobennostyakh formirovaniya uchenicheskikh trudovykh druzhin v 1915 g. [On the question of the organizational features of the formation of student labor squads in 1915]. *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. St. Petersburg: Piter. Pp. 61-67. [in Russian]
- Karpova, 2020** – Karpova, V.V. (2020). Regional'nye osobennosti deyatel'nosti trudovykh druzhin uchashchikhsya v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [Regional features of the activities of labor squads of students in Russia during the First World War]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(35): 128-145. [in Russian]
- Kerzum, 2016** – Kerzum, A.P. (2016). Romanovskii Komitet Dlya Prizreniya Sirot Sel'skogo Sostoyaniya [Romanovsky Committee for the Charity of Orphans of the Rural State]. *Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge. 1703-1918. Istoricheskaya Entsiklopediya*. St. Petersburg. Pp. 518-520. [in Russian]
- Minkh, 1898** – Minkh, A.N. (1898). Istoriko-geograficheskii slovar' Saratovskoi gubernii [Historical and geographical dictionary of the Saratov province]. T. 1. Vyp. 2. Yuzhnye uezdy: Kamyshinskii i Tsaritsynskii. Saratov: Tipografiya Gubernskogo zemstva. [in Russian]
- Moskva..., 2014** – Moskva v gody Pervoi mirovoi voyny. 1914-1917 gg.: Dokumenty i materialy [Moscow during the First World War. 1914-1917: Documents and materials]. M.: GBU «TsGA Moskvy», 2014. 1104 p. [in Russian]
- O tserkovno-prikhodskikh..., 1917** – O tserkovno-prikhodskikh popechitel'stvakh i sdelannykh imi pozhertvovaniyakh za 1915 g. [On parish guardianship and donations made by them for 1915]. *Prilozheniya. Vedomosti za 1915 g.* Prilozheniya. Vedomosti za 1915 g. Pg.: Sinodal'naya tipografiya, 1917. [in Russian]
- Obzor deyatel'nosti..., 1917** – Obzor deyatel'nosti Dukhovnogo Vedomstva za 1915 g. [Review of the activities of the Spiritual Department for 1915]. Petrograd: Synodal Printing House, 1917. p. 109, 145. [in Russian]
- Petrogradskii..., 1915** – Petrogradskii roditel'skii kruzhok [Otchet o deyatel'nosti]. K 1-mu yanvaryu 1915 goda [Petrograd Parent Circle [Activity Report]. By January 1, 1915]. 1915. P. 49. [in Russian]
- Potvorov, 2022** – Potvorov, A.I. (2022). Sel'skokhozyaistvennyye druzhiny uchashchikhsya kak element trudovoi mobilizatsii v gody Pervoi mirovoi voyny [Agricultural squads of students as an element of labor mobilization during the First World War]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 11(3): 69-77. [in Russian]
- Prikhodskie popechitel'nye..., 1916** – Prikhodskie popechitel'nye sovety i ikh otnoshenie k nuzhdam voyny [Parish Boards of Trustees and their relation to the needs of war]. *Vsepoddanneishii otchet Oberprokurora Svyateishego Sinoda po Vedomstvu Pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 g.* Petrograd: Synodal Printing House, 1916. P. 144. [in Russian]
- Prizyv..., 1915** – Prizyv Petrogradskogo Roditel'skogo kruzhka [Appeal of the Petrograd Parents' Circle]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 1915. 8: 49. [in Russian]
- Rylova, Lobova, 2015** – Rylova, N.E., Lobova, V.V. (2015). Blagotvoritel'nost' v sfere narodnogo prosveshcheniya v gorodakh Donskogo kraya v poslednei chetverti XIX – nachale XX veka [Charity in the field of public education in the cities of the Don Territory in the last quarter of the XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta*. 12: 45-52. [in Russian]
- Rylova, Lobova, 2018** – Rylova, N.E., Lobova, V.V. The Don Branch of the Committee of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna. *Bylye Gody*. Vol. 48. Is. 2. Pp. 850-860.
- Saratovskaya guberniya, 1915** – Saratovskaya guberniya [Saratov province]. *Izvestiya Verkhovnogo Soveta po prizreniyu semei lits, prizvannykh na voinu, a takzhe semei ranennykh i pavshikh voynov*. Petrograd, 1915. Is. 6. Pp. 251-254. [in Russian]
- Seryagin, 2023** – Seryagin, S.N. (2023). «Osushchestvlenie proekta ogromnoi vazhnosti i ogromnoi budushchnosti...». Zabota organov vlasti i naseleniya Simbirskoi gubernii o detyakh-sirotakh uchastnikov

Pervoi mirovoi voyny [“The implementation of a project of great importance and great future...” The care of the authorities and the population of the Simbirsk province for orphans of the participants of the First World War]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 5: 108-115. [in Russian]

Shigalin, 2025 – Shigalin, G.I. (2025). Sostoyanie sel'skogo khozyaistva i usloviya snabzheniya naseleniya i vooruzhennykh sil Rossii prodovol'stvиеm vo vremya voiny [The state of agriculture and the conditions for supplying the population and the armed forces of Russia with food during the war]. *Voennaya ekonomika v Pervuyu mirovuyu voynu* [Electronic resource]. URL: https://militera.lib.ru/research/shigalin_gi/10.html [in Russian]

Strakhov, 2009 – Strakhov, V.V. (2009). Patrioticheskoe dvizhenie rossiiskoi uchashcheysya molodezhi v period Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gody) [Patriotic movement of Russian students during the First World War (1914–1917)]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya*. 2: 25-32. [in Russian]

Strakhov, 2014 – Strakhov, V.V. (2014). Molodezh' v Pervuyu mirovuyu voynu [Youth in World War I]. *Zerna* [Electronic resource]. URL: <https://zyorna.ru/news/publications/molodezh-v-pervuju-mirovujuv-voynu-2071.html> [in Russian]

Tsaritsynskii vestnik, 1914 – *Tsaritsynskii vestnik*. 18 september, 1914. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1916a – Tsirkulyar Ministerstva narodnogo prosveshcheniya № 1350 «O trudovykh družinakh» ot 27.04.1916 g. [Circular of the Ministry of Education No. 1350 “On Labor Squads” dated 27.04.1916]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1916. 7: 22-23. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1916b – Tsirkulyar Ministerstva narodnogo prosveshcheniya № 3952 «O trudovykh družinakh» ot 17.02.1916 g. [Circular of the Ministry of Education No. 3952 “On Labor Squads” dated 17.02.1916]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1916. 4: 80. [in Russian]

Usol'tseva, 2019 – Usol'tseva, I.V. (2019). Vliyanie Pervoi mirovoi voiny na problematiku otechestvennoi pedagogicheskoi psikhologii (po materialam deyatelnosti Sankt-Peterburgskogo roditel'skogo krúzhka) [The influence of the First World War on the problems of domestic educational psychology (based on the materials of the activities of the St. Petersburg parent circle)]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 1: 44-52. [in Russian]

Volgo-Donskoi..., 1915 – Volgo-Donskoi krai [Volga-Don Krai]. 30 July, 1915. [in Russian]

Трудовые дружины учащихся как новое направление добровольческой помощи в годы Первой мировой войны (на материалах Царицынского края)

Ирина Николаевна Литвинова ^{a, *}, Оксана Александровна Карагодина ^a

^a Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе материалов периодических изданий досоветского периода анализируется тема добровольческой помощи трудовыми дружинами крестьянским хозяйствам Царицынского уезда Саратовского края. Основное внимание в публикации авторы уделяют активным действиям учащейся молодёжи по формированию в июне 1915 г. первой в г. Царицыне трудовой дружины и организации аграрных работ. Форма поддержки крестьянских хозяйств семей фронтовиков рассматривается как наиболее приоритетная и рациональная среди благотворительных практик, ставшая откликом на патриотические призывы общественности и представителей структур местного самоуправления к учащейся молодёжи о необходимости помощи сельскому хозяйству. В статье раскрываются особенности трудовых будней дружинников в пору жатвы злаковых культур на полях южного уезда Саратовской губернии. С целью объективной оценки анализируется повседневность, реальность происходивших событий (голод, трудности бытовых условий) и насыщенный режим работы ученической дружины, а также общий объём убранных и обмолоченных зерновых культур в трёх сёлах уезда. Показано имевшее место недоверие и недоброжелательное отношение местных крестьян к городской, неопытной в земледелии, молодёжи и их общественным инициативам, которое в дальнейшем было успешно преодолено усердием и упорным трудом добровольных помощников. Вывод: дружинники не могли сыграть решающей роли в «битве за урожай», вместе с тем труд ученических дружин целесообразно рассматривать как достаточно продуктивный и результативный, в контексте малой частицы в общий вклад граждан страны по обеспечению продовольствием действующей армии и тыла.

Ключевые слова: учащаяся молодёжь, молодёжные ассоциации, Первая мировая война, трудовые дружины, Царицынский уезд, сёла, повседневность.

* Корреспондирующий автор

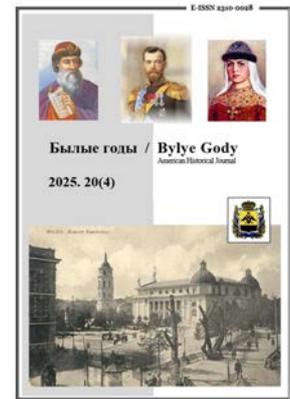
Адреса электронной почты: litvinova@volsu.ru (И.Н. Литвинова), karagodina@volsu.ru (О.А. Карагодина)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2133-2140
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2133

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Creation of Partisan Detachments during the First World War (1914–1918). Part 1

Goran Rajović ^{a, b, c, *}, Sergei N. Bratanovskii ^d, Alexander Y. Epifanov ^e, Ivan N. Kuksin ^f

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c East European Historical Society, Houston, USA

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Synergy University, Moscow, Russian Federation

^f Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This manuscript is devoted to the study of sources about the partisan movement in the Russian Empire during the First World War (1914–1918) and is the first part of our research. The research materials are documents from the Russian State Military Historical Archive, etc., as well as historical works on the problems of the partisan movement in the First World War. Historiographical, historical-genetic, historical-systemic and other methods were used as a methodological complex.

Summing up the results of the first part of their research, the authors conclude that documents related to the partisan movement during the First World War and located in the Russian State Military Historical Archive, namely the “Instruction on the organization, actions, monetary maintenance and reporting of partisan detachments” dated October 30, 1915 and the “List of partisan detachments” Dated the same year, they give an idea of the nature, number and quality of the partisan detachments.

So, a partisan detachment was created under the regular army and was part of a certain combat unit. The number of units on the fronts ranged from 9 to 12. There were 42 partisan detachments on all fronts. The documented number in each of the partisan detachments did not exceed 200 fighters. There was always an officer at the head of the squad. He reported directly to the division commander or ataman. Depending on the number, he relied on several officers and non-commissioned officers to carry out his command. The squad leader himself recruited assistants from among other officers and non-commissioned officers. The fighters in the partisan detachment were recruited on a voluntary basis, but only those who distinguished themselves in battles with bravery and resourcefulness.

The authors noted that most of the detachments had combat horses. As for weapons, automatic weapons – machine guns of the Maxim, Schwarzlose, Bergman, Browning machine guns, Madsen, Hotchkiss manual systems – were observed infrequently: in less than half of the total number of detachments. Artillery in the partisan detachments was extremely rare and was not numerous (of the 42 detachments, only two were armed, and then only five barrels).

Keywords: The First World War, 1914–1918, the partisan movement during the First World War, the Russian Empire.

1. Введение

Партизанское движение в годы Первой мировой войны (1914–1918) – феномен относительно малоизученный. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, сравнительно

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

незначительным продвижением германской армии вглубь российской территории (в сравнении с Великой Отечественной войной), поэтому размах партизанского движения был значительно меньше, чем в войне 1941–1945 годов. Во-вторых, партизанское движение не носило чётко организованного характера, как в Великой Отечественной, что обусловило достаточно скудную источниковую базу.

Также следует указать, что трудов, размещённых в электронном открытом доступе, достаточно немного, что подчёркивает актуальность темы.

В данной работе на основе документов Российского государственного военно-исторического архива, опубликованных в сборнике документов под руководством профессоров С.Г. Темирова и А.В. Бабича (*Кубань и кубанцы, 2025*), попробуем исследовать процесс создания партизанских отрядов на территории Кубанского казачьего войска в период Первой мировой войны.

2. Материалы и методы

Материалами для данной рукописи стали два документа из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация): «Наставление об организации, действиях, денежном содержании и отчетности партизанских отрядов» от 30 октября 1915 года, подписанное А.П. Богаевским (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 78) и «Список партизанских отрядов» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 66. Л. 54-54об.; *Кубань и кубанцы, 2025: 312-316*), опубликованные в сборнике «Кубань и кубанцы в годы Первой мировой войны (1914–1918): сборник документов» (*Кубань и кубанцы, 2025*).

Методологический комплекс данной рукописи составляют следующие методы, применяемые в исторической науке:

- Историографический (контент-) анализ: использовался для исследования содержания архивных источников РГВИА по вопросам партизанского движения в годы Первой мировой войны, а также некоторых исторических изысканий по данной проблематике;
- Историко-генетический метод: применялся для выявления причинно-следственной связи в действиях руководства Российской императорской армии и партизанского движения;
- Историко-системный метод: применён для комплексного анализа партизанского движения с сопутствующими историческими событиями;
- Метод классификации введён для распределения действующих партизанских отрядов по фронтам.

3. Обсуждение

Работ, касающихся партизанского движения в годы Первой мировой войны, относительно немного (в сравнении с партизанским движением в годы Великой Отечественной войны). Сразу отметим также, что анализ историографии в данном исследовании ограничен периодом до падения Российской империи (а именно – отречения императора Николая II), то есть до начала марта¹ 1917 года. И, как уже указывалось выше, количество трудов относительно невелико; в основном, это работы, касающиеся партизанского движения на территориях Белоруссии и Западной Малороссии.

Е.П. Денисенко исследует архивный фонд белорусского историка Михаила Осиповича Бича об организованном армией партизанском движении 1915–1916 гг. в белорусском регионе (*Денисенко, 2024*). Также белорусское партизанское движение анализирует А.И. Смолик (*Смолик, 2017*) и М.В. Цуба (*Цуба, 2011*).

Теме партизанского движения уделяет внимание В.Г. Семенов в очерке «Партизаны-казаки на защите Отечества» (*Семенов, 1994*). Этой же проблематике посвящена монография В.Н. Клембовского «Партизанские действия. Исследование» о действиях партизан в Первую мировую (*Клембовский, 1919*).

И.А. Фирсова, Н.А. Милеишна и Д.Г. Давыдов делают сравнительный анализ деятельности женщин в Первой мировой и Великой Отечественной войнах, включая и участие их в партизанском движении (*Фирсова и др., 2019*).

Указанный перечень трудов не является исчерпывающим, однако, с учётом контент-анализа архивных источников, представляется нам вполне достаточным.

4. Результаты

Как известно, ухудшение экономического и социального положения оккупированных немцами в годы Первой мировой войны территорий Российской империи вызвало сопротивление российских подданных и партизанское движение. Как указывает А.И. Смолик, «...борьба вначале носила неорганизованный характер: крестьяне нападали на продовольственные обозы, угоняли скот в лес, прятали собранный урожай и т.д.» (*Смолик, 2017: 134*).

Об организации этой борьбы со стороны русского военного командования говорит ряд документов, содержащихся в Российском государственном военно-историческом архиве. Одним из первых таких документов стало секретное «Наставление об организации, действиях, денежном

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

содержании и отчетности партизанских отрядов» от 30 октября 1915 года, подписанное начальником штаба императорской армии и начштаба так называемого «походного атамана» (то есть предводителя казачьего отряда – *Прим. авт.*), генерал-майором А.П. Богаевским (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 78).

Анализ источника показывает, что отбор в партизанский отряд осуществлялся на добровольной основе, причём из людей, доказавших не только свою храбрость, но и находчивость, то есть умеющих быть гибкими в меняющейся боевой обстановке, приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям и находить верные решения. Более того, в данном документе речь идёт именно о казаках, что прослеживается не прямо, но косвенно. Количество добровольцев, зачисленных в партизанский отряд, составляло около 5–10 % в целях недопущения ослабления основного воинского подразделения (сотни или эскадрона). Отряд называется фамилией его командира, который не обязательно должен был быть офицером, но должен был обладать незаурядной боевой эффективностью; выбор себе помощников осуществлял только сам командир.

За финансирование отряда отвечал полк, к которому отряд был прикомандирован. Помимо выдачи денег для продовольствия и фуража, командир отряда снабжался 1–2 тысячами рублей (весьма крупная по тем временам сумма – *Прим. авт.*) для непредвиденных расходов, найма проводников и пр.

Что касается вооружения отрядов, то оно предполагалось аналогичным вооружению противника для удобства добычи боеприпасов в тылу неприятеля; при необходимости отряды могли вооружаться взрывными устройствами, пулемётами и даже орудиями; однако последние могли быть даны лишь в случае крайней необходимости, так как партизанский отряд должен был быть, прежде всего, весьма мобильным, а орудия затрудняли его передвижение в условиях леса или пересечённой местности.

Командиру отряда атаманом выдавалось удостоверение личности, а гражданские и военные начальники должны были оказывать отряду полное содействие. Подчинялся командир непосредственно походному атаману.

В другом документе содержится список партизанских отрядов, действующих в 1915 году. Этот ценный документ содержит список всех действующих партизанских отрядов на всех фронтах и является своего рода конкретизацией предыдущего документа.

Источник представляет собой машинописную таблицу, озаглавленную как «Список партизанских отрядов», с указанием конкретной армии и воинской части, к которым относился партизанский отряд, а также фамилии командира («начальника») отряда, количества орудий, пулемётов, офицеров и унтер-офицеров, а также строевых лошадей (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 66. Л. 54-54об.; *Кубань и кубанцы, 2025: 312-316*). Партизанские отряды были преимущественно казачьими и кавалерийскими, что подразумевало умение действовать в тылу в условиях скрытности и леса, а также обладание навыками разведывательно-диверсионной деятельности. Подписан документ исполняющим должность старшего адъютанта Генштаба.

Согласно документу, всего в тылу неприятеля по всем фронтам (Северный, Западный, Юго-Западный и Румынский) действовало 42 партизанских отряда.

1. Северный фронт включал в себя 9 отрядов (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 66. Л. 54-54об.; *Кубань и кубанцы, 2025: 312-313*).

1-й партизанский отряд курировал штаб фронта, командиром числился поручик¹ Грибель. Отряд располагал одним орудием², шестью пулемётами, 250 строевыми лошадьми; личный состав включал 11 офицеров и 196 унтер-офицеров и рядовых бойцов (так называемых «нижних чинов»).

2-й отряд принадлежал 4-й Отдельной кавалерийской бригаде 12-й армии; командовал им штаб-ротмистр³ Офицерской школы фон Глазенап, личный состав включал трёх офицеров, 19 унтеров и 72 рядовых при 93 строевых лошадях. Стрелковое вооружение, помимо личного оружия, включало и один станковый пулемет системы Максима.

3-й отряд Северного фронта относился к 15-й Кавалерийской дивизии 5-й армии. Командиром значился штаб-ротмистр 15-го Гусарского полка Фельдман. Отряд состоял из 6 офицеров, 40 унтеров и 148 бойцов при 223 лошадях; автоматическое оружие состояло из 2-х пулемётов Максим.

4-й отряд курировала 4-я Донская казачья дивизия 5-й армии; командир – подьесаул⁴ 26-го Донского казачьего полка Дронов. Отряд состоял из 148 бойцов, 12 унтеров и 4-х офицеров; на балансе отряда находилось 174 лошади, 2 пулемёта Максим и 4 ручных пулемёта¹.

¹ Поручик Российской императорской армии соответствует воинскому званию старшего лейтенанта Вооружённых сил РФ.

² Это единственный партизанский отряд Северного фронта, который обладал артиллерией.

³ Штаб-ротмистр кавалерии Российской императорской армии соответствовал званию штабс-капитана в пехоте и подьесаула в казачьих войсках; в современных Вооружённых силах России аналогов не имеет, занимает промежуточное положение между старшим лейтенантом и капитаном.

⁴ Подьесаул соответствует званию штаб-ротмистра кавалерии или штабс-капитана пехоты Российской императорской армии.

5-й отряд под командованием ротмистра² Золотухина включён в состав 14-й Кавалерийской дивизии 5-й армии. Состоял из 5 офицеров, 16 унтеров и 116 рядовых. Лошадей насчитывалось 143 шт. Автоматического оружия отряд не имел.

6-й отряд курировался 23-м Донским казачьим полком 5-й армии и руководился подъесаулом Кольшкиным; в составе – 3 офицера, 6 унтеров и 56 бойцов с 66 лошадьми. Автоматического оружия не имелось.

7-й отряд 1-й Кавалерийской дивизии 5-й армии во главе со штаб-ротмистром Аглаимовом располагал 155 бойцами при 5 офицерах и 24 унтерах с 208 строевыми лошадьми. Пулемётов не имел.

8-й отряд 4-й Кавалерийской дивизии 12-й армии под командованием штаб-ротмистра Высоцкого имел 4-х офицеров, 11 унтеров и 100 рядовых со 115 лошадьми. Пулемётов не было.

И, наконец, 9-й партизанский отряд Северного фронта, принадлежащий 3-й Донской казачьей дивизии 12-й армии под командованием сотника³ 20-го Донского казачьего полка Дмитриева, насчитывал 84 бойца при 14 унтерах и 4 офицерах, 104 лошади и 2 «ружья-пулемета» неуказанной системы/модели.

2. Западный фронт имел в своём составе 12 партизанских отрядов (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 66. Л. 54-54об.; Кубань и кубанцы, 2025: 313-314).

1-й отряд Западного фронта курировался Уральской казачьей дивизией 2-й армии. 95 бойцов находились под командованием сотника Коновалова, 24-х унтер-офицеров и 3-х офицеров (включая командира). Лошадей насчитывалось 128 шт. Из автоматического оружия на вооружении стоял один пулемёт, обозначенный в источнике как «герм.»; возможно, имелся в виду германский станковый пулемёт системы Бергмана (Bergmann MG 15); маловероятно, подразумевались австро-венгерский пулемёт системы Шварцлозе (Maschinengewehr Patent Schwarzlose M.07/12) или ручной вариант пулемёта системы Максим MG 08 (Maschinengewehr 08).

2-й отряд Пешего отряда 10-го армейского корпуса под командованием вр. подпоручика⁴ Дмитриева имел в личном составе 1 офицера (собственно, сам командир или, как указано в источнике, «начальник»), 6 унтеров и 84 бойца при 2-х пулемётах неуказанной системы. Количество лошадей не указано.

3-й отряд штабной роты 2-й армии под командованием поручика Якимовича насчитывал 122 рядовых при 13 унтерах; лошадей, пулемётов и орудий не имел.

4-й отряд штабной сотни 2-й армии, которым командовал сотник Наркевич, насчитывал 150 бойцов. Других данных об отряде нет.

5-й отряд Сибирской казачьей дивизии 4-й армии под командованием подъесаула Анненкова в личном составе имел 3-х офицеров, 35 унтеров и 118 бойцов при 163 лошадях. Из автоматического оружия имелось 2 пулемёта, система которых обозначена как «кол.»; имелся в виду станковый пулемёт воздушного охлаждения системы Браунинга (права на который Дж. Браунинг продал фирме «Кольт») – М 1895/1914 «Кольт».

К какой армии принадлежали отряды с 6-го по 9-й, а также 12-й, в таблице документа не указано, однако есть основания предполагать, что 6-й, 7-й, 8-й и 9-й принадлежали к 4-й армии, а 12-й – к 10-й армии.

6-й отряд 16-го Донского казачьего полка имел 86 бойцов под командованием одного офицера и 4-х унтеров при 91-й лошади. Командиром отряда значился прапорщик⁵ Сысоев.

7-й отряд 16-го Донского казачьего полка находился под командованием сотника Власова и включал 3-х офицеров, 17 унтеров и 83 бойца при 93-х лошадях.

8-й отряд 1-го Линейного полка Кубанского казачьего войска во главе с хорунжим⁶ Непокупным имел 2 офицеров, 6 унтеров и 36 бойцов вместе с 48 строевыми лошадьми.

9-й партизанский отряд 1-го Волжского полка Терского казачьего войска под командованием

¹ В источнике указано как «руж.», то есть конкретная система или модель не указаны; более вероятно, имелось в виду «ружье-пулемет» системы Мадсена (7,62 Madsen M 1903-14) или, менее вероятно, системы Гочкиса (Hotchkiss Mle 1909), который также экспортировался в Российскую империю, но в меньших количествах.

² Воинское звание ротмистр (только применительно к кавалерийским частям) Российской императорской армии соответствовало званиям есаула в казачьих частях и званию капитана в пехоте; в современных Вооружённых силах России соответствует званию капитана.

³ Сотник казачьих войск соответствовал званию поручика в пехоте (или званию старшего лейтенанта в Вооружённых силах РФ).

⁴ Подпоручик соответствовал званию лейтенанта в современных Вооружённых силах РФ.

⁵ В Российской императорской армии воинское звание прапорщика являлось младшим из офицерских званий и соответствует званию младшего лейтенанта в Вооружённых силах РФ.

⁶ Первое обер-офицерское звание, соответствующее подпоручику в пехотных частях и корнету в кавалерийских; современный аналог в России – воинское звание лейтенанта.

есаула¹ Агоева в личном составе имел 6 унтеров и 84 рядовых; количество лошадей 91 шт., офицеров, вероятно, ошибочно не указано, однако судя по соотношению количества лошадей и солдат, все бойцы отряда были исключительно всадниками.

Количество орудий и пулемётов в 6-9-м отрядах в источнике не указано; предполагаем, что таковые отсутствовали.

10-й штабной отряд 3-й армии включал 2 офицеров, 16 унтеров; командовал отрядом подьесаул Ермаков. В источнике прямо указано отсутствие в отряде орудий, пулемётов и лошадей.

11-й партизанский отряд Пешего отряда 3-го Сибирского армейского корпуса 10-й армии, командовал которым прапорщик Померанцев, включал 3 офицеров и 163 бойца.

Последний, 12-й партизанский отряд Западного фронта был приписан к 1-й Кубанской казачьей дивизии и находился под командованием корнета² Остроградского. Отряд был кавалерийским: на 4-х офицеров, 34-х унтеров и 101-го бойца приходилось 139 лошадей. Отряд был самым сильным по части артиллерийского вооружения, так как включал по штату 4 орудия.

3. Юго-Западный фронт имел в своём распоряжении 9 партизанских отрядов (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 66. Л. 54-54об.; Кубань и кубанцы, 2025: 314-315).

1-й отряд 35-го Донского казачьего полка Особой армии³. Командир – подьесаул Аврамов. Личный состав: 2 офицера, 7 унтеров, 53 нижних чина. В наличии 64 лошади.

2-й отряд 6-й Кавалерийской дивизии 11-й армии включал 6 офицеров, 19 унтеров и 106 бойцов при 143-х лошадях под командованием подьесаула Гумилевского. Орудий и пулемётов не имел.

Не указано, к какой армии относились 3-й и 4-й партизанские отряды, но авторы предполагают, что к 11-й армии.

3-й отряд 58-го Донского казачьего полка во главе с есаулом Болдыревым насчитывал 45 бойцов, 5 унтеров, 2 офицера и 54 лошади.

4-й отряд 1-й Забайкальской казачьей дивизии под управлением подьесаула 1-го Верхнеудинского полка Резухина включал в состав 84 нижних чина, 18 унтеров и 2 офицера при 122 лошадях. Из автоматического оружия имелись два «ружья-пулемета» (вероятно, системы Мадсена).

5-й отряд под патронажем 11-й Кавалерийской дивизии 8-й армии под началом штаб-ротмистра 11-го Гусарского полка Якубовского насчитывал 112 бойцов, не считая 6 офицеров и 24 унтеров. Все солдаты отряда были всадниками, так как за отрядом числилось 153 лошади.

6-й отряд 5-й Донской казачьей дивизии Особой армии состоял из 3 офицеров, 27 унтеров и 117 бойцов при 152 лошадях; командир – подьесаул Фетисов.

7-й отряд принадлежал 3-й Кавказской казачьей дивизии 8-й армии и находился под командованием хорунжего Новосельцева; включал 4 офицеров, 125 бойцов. Количество унтеров и лошадей не указано.

8-й отряд 9-й Кавказской дивизии 7-й армии во главе с командиром, подполковником 9-го Гусарского полка Апсентовым, насчитывал 5 офицеров, 12 унтеров, 150 бойцов при 170 лошадях.

9-й партизанский отряд 7-й Кавказской дивизии 8-й армии имел 83 бойца, 18 унтеров и 5 офицеров; командовал им штаб-ротмистр Четыркин. Отряд имел 119 лошадей; орудий и пулемётов не имелось.

4. Румынский фронт насчитывал 12 отрядов (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 66. Л. 54-54об.; Кубань и кубанцы, 2025: 315-316).

1-й партизанский отряд Румынского фронта был под началом 3-го Кавказского корпуса; командовал отрядом есаул 3-го Хопёрского полка Кубанского казачьего войска Шкура (так в источнике; правильное написание – А.Г. Шкуро, один из наиболее отчаянных и эффективных командиров Первой мировой и Гражданской войн; в других источниках подразделение называют отрядом особого назначения – *Прим. авт.*). В отряде было 5 офицеров и 188 бойцов.

2-й отряд Туркестанской казачьей дивизии был под командованием подьесаула 2-го Уральского казачьего полка Абрамова; личный состав включал 5 офицеров, 20 унтеров и 101 солдата. В отряде числилось 122 лошади.

3-й отряд под командованием штаб-ротмистра 13-го Уланского полка Миронова входил в состав 13-й Кавалерийской дивизии и состоял из 5 офицеров, 20 унтеров и 103 бойцов при 131 лошади.

4-й партизанский штабной отряд 5-й армии под командованием сотника 34-го Донского казачьего полка Быкадорова включал 5 офицеров, 18 унтеров и 164 нижних чина при 218 лошадях.

¹ Звание в казачьих войсках Российской империи и современной России; в дореволюционный период соответствовало званию капитана пехоты, ротмистра (кавалерии); в современных Вооруженных силах России соответствует званию капитана.

² Аналог подпоручика в пехоте; в современной Российской армии соответствовал бы лейтенанту.

³ Оперативное подразделение Русской императорской армии, образованное во время Первой мировой войны из нескольких частей других соединений, включая отборные части стратегического резерва Русской ставки Верховного главнокомандующего.

Автоматическое оружие отряда состояло из 2-х станковых пулемётов Максим и 4 ручных «ружья-пулемета».

5-й отряд входил в состав штаба 9-й армии, состоял из 5 офицеров и 144 бойцов при 103 лошадях; командир – подъесаул Вик. Личное оружие усилено двумя станковыми пулемётами системы Максима.

6-м партизанским отрядом 8-й Кавалерийской дивизии командовал поручик 8-го Драгунского полка Аглаимов; в личный состав входили 4 офицера и 108 нижних чинов. Также имел 139 строевых лошадей и 3 «ружья-пулемета».

7-м отрядом, входившим в состав Оренбургской казачьей дивизии, командовал подъесаул 9-го Оренбургского казачьего полка Прокофьев. Отряд насчитывал 98 бойцов, не считая 6 офицеров и 25 унтеров. Количество лошадей – 136 шт.

8-й отряд находился в составе 12-й Кавалерийской дивизии и был под командованием штаб-ротмистра 12-го Уланского полка Ткаченко. Насчитывал 5 офицеров и 128 нижних чинов; усилен двумя пулемётами Кольт.

9-й отряд принадлежал штабу 9-й армии; командиром значился поручик Орёл. В личный состав входили 6 офицеров, 35 унтеров и 178 нижних чинов при 191 лошади. Из автоматического оружия отряд располагал двумя станковыми пулемётами Шварцлозе и двумя ручными пулемётами Мадсена.

10-й отряд включён в состав 1-й Донской казачьей дивизии; командир отряда – сотник Воробьев. Состоял из 5 офицеров и 120 бойцов.

11-й отряд Заамурской казачьей дивизии был под командованием ротмистра Петрова и насчитывал 5 офицеров, 9 унтеров, 14 нижних чинов, а также два станковых пулемёта системы Шварцлозе.

И наконец, последний, 12-й партизанский отряд Румынского фронта штатно входил в состав штаба 4-й армии; командир – поручик Приморского полка Миловенский. В составе отряда было 2 офицера, 50 нижних чинов, 64 лошади и 2 пулемёта неназванного типа.

Итак, согласно проанализированным данным, можно отметить, что задокументированная численность партизанских отрядов не превышала 200 бойцов. Количество отрядов во фронтах – от 9 до 12. Во главе отряда всегда стоял офицер. В зависимости от численности, он при осуществлении командования опирался на нескольких офицеров и унтер-офицеров. Большая часть отрядов имела строевых лошадей. Однако автоматическое оружие – пулемёты станковые систем Максима, Шварцлозе, Бергмана, Браунинга, ручные систем Мадсена, Гочкиса, – встречалось нечасто: менее чем в половине из общего количества отрядов. Артиллерия в партизанских отрядах попадалась крайне редко и не была многочисленной (из 42-х отрядов имелась на вооружении только у двух, и то в количестве лишь пяти стволов).

5. Заключение

Документы, касающиеся партизанского движения в годы Первой мировой войны и находящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, а именно «Наставление об организации, действиях, денежном содержании и отчетности партизанских отрядов» от 30 октября 1915 года и «Список партизанских отрядов», датированный тем же годом, дают представление о характере, количестве и качестве партизанских отрядов.

Партизанский отряд создавался при регулярной армии и входил в состав определённого боевого подразделения. Количество отрядов во фронтах – от 9 до 12 (два – по 9 и два – по 12). Всего партизанских отрядов на всех фронтах было 42 шт. Задокументированная численность партизанских отрядов не превышала 200 бойцов.

Во главе отряда всегда стоял офицер. Подчинялся он непосредственно командиру дивизии или атаману. В зависимости от численности, он при осуществлении командования опирался на нескольких офицеров и унтер-офицеров. Помощников из числа других офицеров и унтер-офицеров набирал себе лично сам командир отряда. Бойцов в партизанский отряд набирали на добровольной основе, но лишь тех, кто отличился в боях храбростью и находчивостью.

Большая часть отрядов имела строевых лошадей. Однако автоматическое оружие – пулемёты станковые систем Максима, Шварцлозе, Бергмана, Браунинга, ручные систем Мадсена, Гочкиса, – встречалось нечасто: менее чем в половине из общего количества отрядов. Артиллерия в партизанских отрядах встречалась крайне редко и не была многочисленной (из 42-х отрядов имелась на вооружении только у двух, и то в количестве лишь пяти стволов).

За финансирование отвечало подразделение, в состав которого входил партизанский отряд. Командир всегда имел у себя крупную сумму денег для оплаты непредвиденных расходов. Продовольствие и фураж обеспечивались курирующим подразделением. Любое подразделение Российской императорской армии при предъявлении командиром партизанского отряда удостоверения соответствующего образца обязано было оказать отряду полное содействие.

Литература

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Денисенко, 2024 – Денисенко Е.П. Документы архивного фонда М.О. Бича об армейском партизанском движении 1915–1916 гг. на территории Беларуси // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки.* 2024. № 2. С. 187-191.

Клембовский, 1919 – Клембовский В.Н. Партизанские действия. Исследование. Пг.: Издание Петроградского отдела Главного управления военно-учебных заведений, 1919.

Кубань и кубанцы, 2025 – Кубань и кубанцы в годы Первой мировой войны (1914–1918): сборник документов / Сост. С.Г. Темиров, А.В. Бабищ. Краснодар: Традиция, 2025.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Семенов, 1994 – Семенов В.Г. Партизаны-казаки на защите Отечества / Любовь и восток: эссе, документы, справочная информация, воспоминания, рассказы, стихи. М., 1994. С. 94-97.

Смолик, 2017 – Смолик А.И. Партизанское движение в Беларуси в период немецкой оккупации (1914–1918 гг.) // *Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем.* 2017. № 2. С. 134-140.

Фирсова и др., 2019 – Фирсова И.А., Милеишна Н.А., Давыдов Д.Г. Военно-патриотическая деятельность женщин в Первой мировой и Великой Отечественной войнах: сравнительный анализ // *Гуманитарные науки и образование.* 2019. Т. 10. № 2 (38). С. 133-138.

Цуба, 2011 – Цуба М.В. Партизанскі рух на піншчыне ў гады Першай сусветнай вайны // *Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук.* 2011. № 1. С. 40-45.

References

Denisenko, 2024 – Denisenko, E.P. (2024). Dokumenty arkhivnogo fonda M.O. Bicha ob armeiskom partizanskom dvizhenii 1915–1916 gg. na territorii Belarusi [Documents from the archival collection of M.O. Bicha on the army partisan movement of 1915–1916 in Belarus]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 2: Iskuststvovedenie. Filologicheskie nauki.* 2: 187-191. [in Russian]

Firsova i dr., 2019 – Firsova, I.A., Mileishna, N.A., Davydov, D.G. (2019). Voenno-patrioticheskaya deyatel'nost' zhenshchin v Pervoi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voynakh: sravnitel'nyi analiz [Women's military-patriotic activities in the First World War and the Great Patriotic War: a comparative analysis]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie.* 10. 2(38): 133-138. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State Archives of Krasnodar Krai].

Klembovskii, 1919 – Klembovskii, V.N. (1919). Partizanskie deistviya. Issledovanie [Partisan Actions. Research]. Pg.: Izdanie Petrogradskogo otdela Glavnogo upravleniya voenno-uchebnykh zavedenii. [in Russian]

Kuban' i kubantsy, 2025 – Kuban' i kubantsy v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918): sbornik dokumentov [Kuban and Kuban residents during the First World War (1914–1918): collection of documents]. Sost. S.G. Temirov, A.V. Babich. Krasnodar: Traditsiya, 2025. [in Russian]

РГВИА – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].

Semenov, 1994 – Semenov, V.G. (1994). Partizany-kazaki na zashchite Otechestva [Cossack partisans in defense of the fatherland]. Lyubov' i vostok: esse, dokumenty, spravochnaya informatsiya, vospominaniya, rasskazy, stikhi. M. Pp. 94-97. [in Russian]

Smolik, 2017 – Smolik, A.I. (2017). Partizanskoe dvizhenie v Belarusi v period nemetskoj okkupatsii (1914–1918 gg.) [Partisan Movement in Belarus during the German Occupation (1914–1918)]. *Rossiya i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i nastoyashchem.* 2: 134-140. [in Russian]

Tsuba, 2011 – Tsuba, M.V. (2011). Partyzanski rukh na pinshchyne ў gady Pershai susvetnai voiny [The guerrilla movement in the Pinsk region during the First World War]. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i humanitarnykh nauk.* 1: 40-45. [in Ukrainian]

К вопросу о создании партизанских отрядов в годы Первой мировой войны (1914–1918). Часть 1

Горан Райович ^{a, b, c, *}, Сергей Николаевич Братановский ^d, Александр Егорович Епифанов ^e, Иван Николаевич Куксин ^f

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Восточно-европейское историческое общество, Хьюстон, США

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^f Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная рукопись посвящена изучению источников о партизанском движении в Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1918) и является первой частью нашего исследования. Материалами исследования стали документы Российского государственного военно-исторического архива и др., а также исторические труды, посвящённые проблематике партизанского движения в Первой мировой. В качестве методического комплекса применялись историографический, историко-генетический, историко-системный и другие методы.

Подводя итоги первой части своего исследования, авторы приходят к выводу, что документы, касающиеся партизанского движения в годы Первой мировой войны и находящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, а именно «Наставление об организации, действиях, денежном содержании и отчетности партизанских отрядов» от 30 октября 1915 года и «Список партизанских отрядов», датированный тем же годом, дают представление о характере, количестве и качестве партизанских отрядов.

Так, партизанский отряд создавался при регулярной армии и входил в состав определённого боевого подразделения. Количество отрядов на фронтах варьировалось от 9 до 12. Всего партизанских отрядов на всех фронтах было 42 единицы. Задokumentированная численность в каждом из партизанских отрядов не превышала 200 бойцов. Во главе отряда всегда стоял офицер. Подчинялся он непосредственно командиру дивизии или атаману. В зависимости от численности, он при осуществлении командования опирался на нескольких офицеров и унтер-офицеров. Помощников из числа других офицеров и унтер-офицеров набирал себе лично сам командир отряда. Бойцов в партизанский отряд набирали на добровольной основе, но лишь тех, кто отличился в боях храбростью и находчивостью.

Авторами отмечено, что большая часть отрядов имела строевых лошадей. Что касается вооружения, то автоматическое оружие – пулемёты станковые систем Максима, Шварцлозе, Бергмана, Браунинга, ручные систем Мадсена, Гочкиса, – наблюдалось нечасто: менее чем в половине из общего количества отрядов. Артиллерия в партизанских отрядах встречалась крайне редко и не была многочисленной (из 42-х отрядов имелась на вооружении только у двух, и то в количестве лишь пяти стволов).

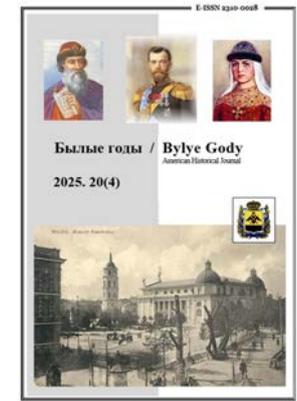
Ключевые слова: Первая мировая война, 1914–1918, партизанское движение в годы Первой мировой войны, Российская империя.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 2141-2149
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.2141

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Creation of Partisan Detachments during the First World War (1914–1918). Part 2

Goran Rajović ^{a, b, c, *}, Sergei N. Bratanovskii ^d, Alexander Y. Epifanov ^e, Ivan N. Kuksin ^f

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c East European Historical Society, Houston, USA

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Synergy University, Moscow, Russian Federation

^f Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This manuscript is the second part of our research and is devoted to the study of sources about the partisan movement in the Russian Empire during the First World War (1914–1918). The materials of the study were documents: the report of podesaul A.G. Shkuro, stored in the Russian State Military Historical Archive, as well as historical works on the problems of the partisan movement in the First World War. Historiographical, historical-genetic, historical-systemic and other methods were used as a methodological complex.

In conclusion, the authors note that the report can be considered a short tutorial that formed the basis of the guerrilla war organized by the Russian Imperial Army. The top military leadership evaluated and accepted this report and established intelligence and sabotage guerrilla activities in accordance with the principles set out in this report.

The tasks of the partisan movement were: Covertly delivering small but frequent attacks on the enemy's rear infrastructure, harming and destroying enemy logistics; the emphasis was on patriotism and volunteerism. The priority was given to high-quality financing of the detachment, carried out through donations from entrepreneurs. The squad leader had to always have cash for bribing, hiring, buying supplies, etc. Taking into account the fact that all military units of the army, without exception, had to contribute to the detachment, we can talk about the elitism of the partisan detachments; their “special” reconnaissance and sabotage purpose was explicitly stated in the documents of that time.

Shkuro called 90–120 horsemen, and exclusively volunteers, the optimal number of fighters in the detachment. The commander himself selected the fighters for his squad. It also justifies the need for partisans to deviate from the provisions of the law, the charter and the rules of warfare.

Keywords: The First World War, 1914–1918, the partisan movement during the First World War, the Russian Empire.

1. Введение

Партизанское движение в годы Первой мировой войны (1914–1918) – феномен относительно малоизученный. Документы, содержащиеся в архивах и постепенно вводимые в научный оборот, проливают свет на процессы организации и функционирования партизанских отрядов.

В данной работе, являющейся продолжением первой части нашего исследования, мы возвращаемся к анализу архивных источников по проблеме организации партизанского движения в годы Первой мировой войны.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

2. Материалы и методы

Материалами для данной рукописи послужили архивные документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация), а именно – рапорт А.Г. Шкуро «Об организации партизанского движения» от 14 октября 1915 года (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 12-14об.).

Неоценимую помощь в нашем исследовании оказал сборник архивных документов по Первой мировой войне, выполненный коллективом кубанских учёных под руководством авторитетных российских историков С.Г. Темирова и А.В. Бабича, – «Кубань и кубанцы в годы Первой мировой войны (1914–1918): сборник документов» (Кубань и кубанцы..., 2025).

Методология данного исследования включает такие методы, как историографический (контент-) анализ (применялся для исследования содержания историографии и архивных документов по организации партизанской работы в период Первой мировой войны), историко-генетический метод (использован для анализа причинно-следственной связи при изучении организационного движения), историко-системный метод (подразумевает комплексное исследование организации партизанской работы), метод синтеза (применён для резюмирования результатов и выводов по проблемам партизанского движения) и др.

3. Обсуждение

Историография и её хронология более подробно описаны в первой части нашего исследования. Здесь укажем лишь, что в своей работе мы апеллировали к трудам по партизанскому движению в годы Первой мировой войны таких авторов, как Е.П. Денисенко (Денисенко, 2024), А.И. Смолик (Смолик, 2017), М.В. Цуба (Цуба, 2011), И.А. Фирсова, Н.А. Милеишна и Д.Г. Давыдов (Фирсова и др., 2019) и др.

Также, помимо указанных трудов, отметим следующие исследования, которые мы использовали в нашей работе. Комплексные работы по партизанскому движению, в которых поднимаются и вопросы деятельности партизанских отрядов в годы Первой мировой войны, исследуются в произведении В.Г. Семенова «Любовь и восток: эссе, документы, справочная информация, воспоминания, рассказы, стихи» (Семенов, 1994) и др. Особого внимания заслуживает монография В.Н. Клембовского «Партизанские действия. Исследование» о действиях партизан в Первую мировую (Клембовский, 1919), а также диссертационное изыскание А.Н. Никитина «Мемуары как источник по истории партизанского движения в Сибири в годы гражданской войны» (Никитин, 1979).

Отдельные персоналии-герои Первой мировой, включая и партизан, исследованы в монографиях Ю.Г. Курепина «Забывшие герои» (Курепин, 2013), В.Г. Семенова «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945 гг. Дополнение к биографическому справочнику» (Семенов, 2009), В.П. Семенович «Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах» (Семенов, Семенова, 2017), В.В. Марковчина «Одиссея атамана Анненкова» (Марковчин, 2010) и др.

Из статей в периодических изданиях о партизанском движении в годы Первой мировой отметим работы В.Г. Семенова о деятельности конно-партизанского отряда 11-й кавалерийской дивизии (Семенов, 2023), А.В. Грачева о деятельности партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии (Грачев, 2019; Грачев, 2021), В.П. Трута (Трут, 2016), В.А. Паршукова (Паршуков, 2023) о деятельности и героизме казаков-партизан, В.А. Шулдякова (Шулдяков, 2008) и О.А. Хорошиловой (Хорошилова, 2014) о партизанских «отрядах особого назначения», М.В. Шиловского (Шиловский, 2016) о повседневности партизанского движения в Сибири и др. Также отметим комплексные исследования по партизанскому движению таких авторов, как Н.С. Ларьков (Ларьков, 2009), А.А. Строков (Строков, 1974), Д.Н. Логофет (Логофет, 1915) и др.

4. Результаты

От качественной организации партизанской войны во многом зависит успех военной кампании в целом; этот тезис в полной мере доказывают Отечественная война 1812 года и Великая Отечественная война 1941–1945 годов.

В период Первой мировой войны военное руководство Российской императорской армии также старалось поставить на массовую основу создание партизанских отрядов, которых, как указано в первой части нашей работы, насчитывалось 42 шт. на четырёх фронтах. Документы, содержащиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, отчасти проливают свет на исследуемый нами процесс.

Одним из таких является рапорт подьесаула 3-го Хоперского полка Кубанского казачьего войска А.Г. Шкуры (Шкуро – Прим. авт.) генерал-квартирмейстеру штаба главнокомандующего армиями Западного фронта «Об организации партизанского движения», датированный 14 октября 1915 года (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 12-14об.; Кубань и кубанцы..., 2025: 316–321). Несмотря на то, что в будущем генерал-лейтенант А.Г. Шкуро оказался одним из руководителей Белого движения, коллаборационистом, работал на нацистскую Германию, был выдан союзниками советским властям и повешен в 1947 году в Москве как предатель, нельзя также не сказать и о том, что Андрей

Григорьевич отличался абсолютным бесстрашием как в бою, так и в «карьерной лестнице», находчивостью и гибкостью мышления, способностью видеть слабые стороны противника, а также умел видеть не только тактические, но и стратегические преимущества определённого манёвра.

Примером его положительных качеств как стратега является, в числе прочего, и рапорт об организационных особенностях налаживания партизанской войны. Тонко и лаконично отмеченные в рапорте тактические и стратегические плюсы партизанского движения вполне заслуживают быть этому рапорту своеобразной методичкой по организации партизанской войны.

Рапорт состоит из нескольких разделов, описывающих цели и задачи партизанского движения, особенности финансирования, организационные вопросы, проблемы взаимодействия с гражданским населением в тылу врага и многое другое. Попробуем проанализировать данный рапорт.

1. «О партизанской борьбе с противником».

В настоящий период борьбы, когда наша армия далеко углубилась в громадные леса и болота, является возможность с большим успехом возродить и применить идею партизанской войны.

Конечно, нынешнюю войну нельзя сравнить с войной 12-го года ни по количеству армий, ни по их технике, но все же дух Дорохова, Сеславина и других славных героев Отечественной войны жив среди русского общества.

Кликните клич – и тысячи сынов Кубани, Терека и Дона, Урала и всей могучей матушки России откликнутся на призыв, бросятся в тыл и фланги дерзкого врага и будут его беспощадно рвать и терзать по кускам, не давая ему ни одной минуты покоя.

Ни современная техника ружейного огня, ни тяжеловесные немецкие чемоданы, ни миллионы их снарядов все же в конце концов не победят могучей России.

Победа будет наша, и враг, посмеявшийся далеко зайти в пределы нашей Родины, обратно выйти не должен и не выйдет.

“Смерть врагам и нет им никакой пощады!”

Это должно быть священным лозунгом каждого русского воина, а потому, считая себя таковым, а также желая принести немцам как можно больше вреда, беру на себя смелость предложить организовать конно-пеший партизанский отряд, с верою в Бога и в правое дело кинуться в тыл к противнику для нанесения ему хотя и мелких, но частых и беспощадных ударов» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 12-14об.; Кубань и кубанцы..., 2025: 316-317).

Как видим, преамбула рапорта освещает цель и задачи партизанского движения, а именно: скрытное нанесение мелких, но частых ударов по тыловой инфраструктуре врага, нанесение вреда и уничтожение логистики противника; упор делается на патриотизм и добровольческое движение.

2. «Денежные средства и их необходимость».

При организации подобных партизанских отрядов, прежде всего, возникает вопрос: откуда брать средства для этой цели? Государство и без того уже несет колоссальные расходы, а тут еще новые расходы на партизанские отряды, полезность коих у многих может вызывать скептическую улыбку. Но т.к. расходы могут быть весьма незначительные, в случае же удачи польза от работы партизана может быть громадная, что, кажется, и скептикам должно быть ясно; попробовать можно, тем более что уже были случаи удачных лихих налетов в тыл к противнику, почему и в данном случае есть большая вероятность удачи. Кроме того, можно и избежать траты государственных средств.

Следует, хотя и не гласно, обратиться к русскому обществу, и средства, безусловно, будут тотчас же. Партизанская война – дело народное, и само общество, конечно, охотно пойдет навстречу подобным организациям.

Я лично не раз слышал от многих русских людей, что на такое дело деньги всегда общество даст; стоит только пошевелить некоторые промышленные центры Москвы и Петрограда, что также могу принять на себя, как деньги явятся; раз будут денежные средства, то дело возможно организовать наивозможно шире, не вводя государство в излишние расходы. Для сбора частных пожертвований необходимо иметь надлежащие удостоверения, все же собранные деньги будут направляться в распоряжение штаба Западного фронта.

Затем может возникнуть вопрос: для чего же собственно партизану нужны деньги?

Известно, что в местности, занятой противником, никаких местных средств как для питания людей, так и лошадей почти не осталось.

Народ, оставшийся на местах, разорен и обездолен; поэтому начальник отряда должен за каждый взятый фунт платить, и платить щедро, чтобы не возбуждать к себе ненависти и в то же время явиться благодетелем для оставшихся жителей; раз не будет никаких недоразумений на почве денежной расплаты, то можно смело рассчитывать на помощь оставшегося населения и на его признательность.

За всякие полученные сведения от жителей надо им платить, и платить хорошо; если за это будут платиться деньги, то многие из жителей рискнут лишний раз пробраться к партизанам и обо всем виденном и слышанном им сообщить.

Нельзя забывать, что отряду, быть может, придется не день и не два, возможно, что и месяц, просидеть в тылу у противника, не имея возможности проскочить к себе обратно; и вот тут-то и будут нужны деньги.

Я уверен, что задача каждого начальника отряда – не терроризировать местное население, а, наоборот, стараться всеми силами и мерами заслужить его полное доверие и любовь, тогда только возможна широкая помощь оставшегося населения.

Кроме того, деньги нужны и для того, чтобы платить хорошее жалование лесникам, полещукам¹ и прочим лесным жителям, которые являются прекрасными проводниками. Можно платить сдельно или поденно, но мне кажется, что лучше платить помесечно, так как каждого проводника сначала надо ближе узнать, прежде чем ему доверяться, а это возможно при более частом общении и постоянном наблюдении. Жалование им можно дать от 50 до 100 руб. в месяц. Сумму же аванса, помимо отпускаемого на довольствие людей и лошадей, я определяю в одну тысячу рублей, максимум две тысячи рублей» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 12-14об.; Кубань и кубанцы..., 2025: 317-318).

А.Г. Шкуро совершенно справедливо, на наш взгляд, ставил финансирование отряда во главу угла, то есть фактически – на первое место после преамбулы. Деньги предлагается брать не казённые, а с помощью народных пожертвований. Основным спонсором партизанской войны должны были стать предприниматели (купцы, промышленники), которых надлежало «пошевелить», то есть изначально подразумевалась мысль о добыче средств так называемым «добровольно-принудительным» путём.

Весьма справедливо Шкуро отмечает необходимость развивать партизанское движение как можно шире, предполагая, что польза от него намного выше, нежели потраченные на него предпринимательские деньги.

Также отмечается необходимость снабжения командира деньгами с избытком на случай непредвиденных расходов (для оплаты агентурной работы, для покупки провианта и фуража на случай блокирования в лесах и невозможности их покинуть и пр., проводникам). Сразу оговаривается тот факт, что категорически нежелательно решать вопросы снабжения отряда за счёт мирного населения в тылу, чтобы не озлобить его.

3. «Организация отряда: пополнение людьми.

Партизанскому отряду необходимо придать вид как бы отдельной сотни. Для пополнения отряда следует вызвать охотников из казачьих полков, как, например, 3-го Хоперского, 1-го Екатеринодарского, 1-го Линейного Кубанского казачьего войска, по 5-7 человек от каждой сотни.

Таким образом, отряд будет состоять от 90 до 120 всадников. Охотники всегда найдутся, и казаки охотно пойдут в партизаны, но думаю, что не все командиры полков захотят отпускать своих казаков, мотивируя свой отказ некомплектотом и т.п.; тогда можно предложить и в другие казачьи части выслать охотников человек по 10-15 от полка; но все же считаю крайне необходимым для пользы дела разрешить мне лично выбирать из своего полка кадры сотни, человек в 30-40. Я возьму людей, которых я знаю и на которых могу положиться.

Кроме этого было бы крайне желательно вызвать охотников из Чешской дружины; эти охотники могут быть очень полезны для дела, так как знают польский и немецкий языки. Помимо этого считаю (пунктуация источника сохранена – *Прим. авт.*) необходимым начальнику отряда предоставить право принимать добровольцев не только из войсковых частей, но и со стороны, а также разрешить ему нанимать полещуков, лесников и прочих жителей леса, которые, усиливая отряд, в то же время будут служить проводниками.

В дальнейшем, если партизаны своими действиями добудут себе право на существование, можно будет войсковые части совершенно избавить от необходимости выделять из себя людей для пополнения партизанских отрядов. Отряды с успехом будут пополняться исключительно добровольцами, не обязанными военной службой, как, например, казаки приговорительного разряда от 19 до 21 года, которые будут прибывать конные, вооруженные и снаряженные» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 12-14об.; Кубань и кубанцы..., 2025: 319).

Проблему пополнения состава партизанского отряда А.Г. Шкуро предлагает решать следующим образом. Прежде всего, кандидаты в отряд должны быть добровольцами. Это вполне логично, так как партизаны действуют в условиях постоянного давления со стороны противника и в случае пленения подвергаются особенно жёсткому отношению. Поэтому «принцип идейности» бойца особенно эффективен в отношении партизан, которые являются, в сущности, диверсантами. Другой принцип – подбор бойцов лично командиром, который также оправдан: разведывательно-диверсионная работа в тылу врага, прежде всего, требует боевого слаживания и доверия к сослуживцу. Третий принцип – в отряде должны быть люди, знающие язык неприятеля. Из третьего вытекает и четвёртый принцип: брать в отряд не только собственных военнослужащих и граждан, но и представителей местного населения за хорошую плату.

¹ Буквально – жители Полесской низменности (Полесья), болотисто-лесистого района площадью около 130 тыс. кв.км., располагающегося на территориях современной России, Украины, Белоруссии и Польши; в тексте имелись в виду местные жители.

4. «Офицерский состав.

На каждые 30-40 всадников считаю необходимым иметь одного офицера; значит, на отряд потребуется 3-4 офицера. Недостатка в офицерах быть не может, так как в кавалерии офицеров пока достаточно.

Право приема офицеров в отряд необходимо предоставить исключительно начальнику отряда.

Полагаю, что офицер сохраняет все свои права и преимущества, которые у него были до поступления в партизаны» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 12-14об.; Кубань и кубанцы..., 2025: 319-320).

Как показывает практика создания партизанских отрядов (см., напр., «Список партизанских отрядов» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 66. Л. 54-54об.), исследованный нами в первой части нашей работы), именно идеи А.Г. Шкуро легли в основу их комплектования; они же фигурируют и в рапорте генерал-майора А.П. Богаевского (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 78), также исследованном нами в первой части работы. Особо оговорено, что только «начальник» (командир) отряда имеет право подбирать себе офицеров.

5. «Пополнение лошаадьми.

Пополнение лошаадьми должно происходить на тех же основаниях, как и в казачьих войсках (книга X), но полагаю, что главным образом конский состав должен пополняться за счет противника» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 12-14об.; Кубань и кубанцы..., 2025: 320).

6. «Вооружение.

Считаю крайне необходимым заменить казачьи винтовки германскими и австрийскими и обязательно со штыком. Из личного опыта знаю, что в пешем строю шашкой трудно что-либо сделать – штык же весьма удобен и хорош. Германские и австрийские ружья удобны в том отношении, что к ним легко добыть патроны, находясь в тылу у противника, своих патронов нигде не достанешь» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 12-14об.; Кубань и кубанцы..., 2025: 320).

Лошадей и боекомплект, по мысли Шкуро, предполагалось брать в тылу противника; упор делался на штыковую атаку при возможных боестолкновениях.

7. «Помощь войсковых частей.

Все войсковые части обязаны оказывать партизану самое широкое содействие, давая все сведения как о противнике, так и о положении дел на фронте, а также удовлетворяя другие насущные нужды отряда, как, например, выдача продуктов питания для людей и лошадей и т.п., для чего начальнику отряда должны быть выданы соответствующие удостоверения» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 12-14об.; Кубань и кубанцы..., 2025: 320).

С учётом того, что партизанский отряд может быть выдвинут противником в места, весьма далёкие от его дислокации, сразу оговаривалась помощь всех воинских частей партизанам. Таким образом, в военных документах того времени и впоследствии в историографии партизанские отряды называли отрядами особого назначения (см., в частности, Хорошилова, 2014; Шиловский, 2016), что подчёркивало их некоторую элитарность в сравнении с общевойсковыми подразделениями.

8. «Инициатива в работе партизана.

Чтобы работа партизана была наиболее продуктивна, считаю крайне важным предоставление начальнику отряда наивозможно большей инициативы.

Работу партизана нельзя подводить ни под какие уставы и законы.

Партизана надо только выбросить к противнику и забыть совершенно о нем; он о себе должен сам напомнить, но только своими лихими действиями. Ни один партизан заранее никогда не сможет сказать, где и когда он будет; все зависит от чисто случайных местных условий, от бдительности противника, а также от личного счастья и удачливости, а потому ставить партизану какую-либо точно определенную задачу нельзя и нельзя требовать от него так же ответа на заранее предложенные вопросы.

Район действий отряда точно так же определить невозможно. Отряд могут травить со всех сторон и загнать далеко в сторону не только фронта своего корпуса, но и даже фронта армии; поэтому безразлично, на фронте какого корпуса или даже армии работает отряд, лишь бы была общая польза.

Партизанскому вопросу в некоторых штабах корпусов хотя и придать чисто местный характер и даже часто смешивают его с разведкой. Считаю это неправильным, и этого, безусловно, быть не должно. Работать надо по всему фронту и, главное, стараться найти какую-либо дырку, в которую хотя и с трудом, но все же можно было бы пролезть, чтобы нагнать на противника панику в тылу и как внезапно налететь, так же внезапно и скрыться, оставив после себя смерть и ужас.

Я лично так понимаю идею партизанской войны, и если Бог поможет, постараюсь провести ее в жизнь.

Верю глубоко, верю искренне, что еще есть порох в пороховницах и что не сгинула казацкая слава.

Пусть воскреснут времена Запорожья и пусть диды наши скажут: “Так, сынку, так, бей их проклятых ворогов поганых, на славу дорогого Державного Вождя и родной дорогой России”» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 12-14об.; Кубань и кубанцы..., 2025: 320-321).

Заключительные положения рапорта говорят о необходимости для партизан отступать от некоторых обязательных в общевойсковых частях вещей, в частности, от строгого соблюдения закона, устава и пр. Упор делается на эффективность отряда, а не на соблюдение правил войны.

5. Заключение

Рапорт подьесаула А.Г. Шкуро можно считать краткой методической инструкцией, которая легла в основу партизанской войны, организованной Русской императорской армией. Высшее военное руководство оценило и приняло данный рапорт и наладило разведывательно-диверсионную партизанскую деятельность в соответствии с принципами, изложенными в данном рапорте.

Задачи партизанского движения являлись следующими: скрытное нанесение мелких, но частых ударов по тыловой инфраструктуре врага, нанесение вреда и уничтожение логистики противника; упор делался на патриотизм и добровольческое движение.

В приоритет ставилось качественное финансирование отряда, осуществляемое за счёт пожертвований предпринимателей. Командир отряда должен всегда иметь наличные деньги для подкупа, найма, покупки запасов и пр. С учётом того, что отряду должны были содействовать все без исключения военные подразделения армии, можно говорить об элитарности партизанских отрядов; их «особое» разведывательно-диверсионное назначение прямо указывалось в документах того времени.

Оптимальным количеством бойцов в отряде Шкуро называл 90–120 всадников, причём исключительно добровольцев. Командир сам подбирал бойцов в свой отряд. Также обосновывается необходимость для партизан отступить от положений закона, устава и правил ведения войны.

Литература

Грачев, 2019 – Грачев А.В. К вопросу о составе и боевой деятельности партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии в Первой Мировой войне (декабрь 1915 – февраль 1917 г.) // *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 2019. № 22. С. 46-51.

Грачев, 2021 – Грачев А.В. Сибирские казахи партизанские отряды на фронте Первой мировой войны / *Регионы России в военной истории страны. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции*. Йошкар-Ола, 2021. С. 164-170.

Денисенко, 2024 – Денисенко Е.П. Документы архивного фонда М.О. Бича об армейском партизанском движении 1915–1916 гг. на территории Беларуси // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки*. 2024. № 2. С. 187-191.

История казачества..., 1995 – История казачества Азиатской России. В 3-х т. / Под ред. В.В. Алексеева. Т. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. Екатеринбург, 1995.

Клембовский, 1919 – Клембовский В.Н. Партизанские действия. Исследование. Пг.: Издание Петроградского отдела Главного управления военно-учебных заведений, 1919.

Кубань и кубанцы..., 2025 – Кубань и кубанцы в годы Первой мировой войны (1914–1918): сборник документов / Сост. С.Г. Темиров, А.В. Бабич. Краснодар: Традиция, 2025.

Курепин, 2013 – Курепин Ю.Г. Забытые герои. Екатеринбург, 2013.

Ларьков, 2009 – Ларьков Н.С. Партизанское движение / *Историческая энциклопедия Сибири*. Новосибирск, 2009.

Логофет, 1915 – Логофет Д.Н. С театра военных действий (впечатления) // *Разведчик*. 1915. 22 дек. (№ 1311). С. 789-791.

Марковчин, 2010 – Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2010.

Никитин, 1979 – Никитин А.Н. Мемуары как источник по истории партизанского движения в Сибири в годы гражданской войны. Автореф. диссерт. канд. истр. наук. Томск, 1979.

Паршуков, 2023 – Паршуков В.А. Подвиги казаков партизанских отрядов на фронтах Первой мировой войны / *Военно-исторические чтения. 1943 год. Время коренного перелома в Великой Отечественной войне. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Симферополь, 2023. С. 187-190.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Семенов, 1994 – Семенов В.Г. Партизаны-казаки на защите Отечества / *Любовь и восток: эссе, документы, справочная информация, воспоминания, рассказы, стихи*. М., 1994.

Семенов, 2009 – Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945 гг. Дополнение к биографическому справочнику. Оренбург, 2009.

Семенов, 2023 – Семенов В.Г. Конно-партизанский отряд 11-й кавалерийской дивизии в годы Первой мировой войны / *Генеалогия и архивы. Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции*. Сост. Н.А. Антипин. Челябинск, 2023. С. 566-572.

Семенов, Семенова, 2017 – Семенов В.Г., Семенова В.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. Оренбург, 2017.

Смолик, 2017 – Смолик А.И. Партизанское движение в Беларуси в период немецкой оккупации (1914-1918 гг.) // *Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем*. 2017. № 2. С. 134-140.

Строков, 1974 – Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974.

Трут, 2016 – Трут В.П. Казачество в Первой мировой войне // *Вестник истории, литературы, искусства*. 2016. Т. 11. С. 261-277.

Фирсова и др., 2019 – Фирсова И.А., Милешина Н.А., Давыдов Д.Г. Военно-патриотическая деятельность женщин в Первой мировой и Великой Отечественной войнах: сравнительный анализ // *Гуманитарные науки и образование*. 2019. Т. 10. № 2 (38). С. 133-138.

Хорошилова, 2014 – Хорошилова О.А. Русские отряды особой важности в период Первой Мировой войны / *Первая Мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей*. Отв. ред. И. Н. Новикова и др. СПб.: СПбГУ, 2014.

Цуба, 2011 – Цуба М.В. Партизанскі рух на піншчыне ў гады Першай сусветнай вайны // *Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук*. 2011. № 1. С. 40-45.

Шиловский, 2016 – Шиловский М.В. Повседневность партизанского движения в Сибири в 1918–1919 гг. (по воспоминаниям В.П. Шевелева-Лубкова) // *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2016. № 3 (8). С. 145-150.

Шулдяков, 2008 – Шулдяков В.А. К предыстории «анненковщины»: Отряд особого назначения Сибирской казачьей дивизии в марте 1917 – феврале 1918 года / *Недбаевские исторические чтения (31 марта 2007 г., 18 ноября 2008 г.)*. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 158-188.

References

Denisenko, 2024 – Denisenko, E.P. (2024). Dokumenty arkhivnogo fonda M.O. Bicha ob armeiskom partizanskom dvizhenii 1915–1916 gg. na territorii Belarusi [Documents from the archival fund of M.O. Bicha on the army partisan movement of 1915–1916. on the territory of Belarus]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki*. 2: 187-191. [in Russian]

Firsova i dr., 2019 – Firsova, I.A., Mileishna, N.A., Davydov, D.G. (2019). Voенно-patrioticheskaya deyatel'nost' zhenshchin v Pervoi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voinakh: sravnitel'nyi analiz [Military-patriotic activities of women in the First World War and the Great Patriotic War: a comparative analysis]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 10. 2(38): 133-138. [in Russian]

Grachev, 2019 – Grachev, A.V. (2019). K voprosu o sostave i boevoi deyatel'nosti partizanskogo otryada Sibirskoi kazach'ei divizii v Pervoi Mirovoi voine (dekabr' 1915 – fevral' 1917 g.) [On the Composition and Combat Activities of the Partisan Detachment of the Siberian Cossack Division in the First World War (December 1915 – February 1917)]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 22: 46-51. [in Russian]

Grachev, 2021 – Grachev, A.V. (2021). Sibirskie kazach'i partizanskie otryady na fronte Pervoi mirovoi voiny [Siberian Cossack partisan detachments on the front of World War I]. *Regiony Rossii v voennoi istorii strany. Materialy III Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ioshkar-Ola. Pp. 164-170. [in Russian]

Istoriya kazachestva..., 1995 – Istoriya kazachestva Aziatskoi Rossii. V 3-kh t. [History of the Cossacks of Asian Russia. In 3 volumes]. Pod red. V.V. Alekseeva. T. 2. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. Ekaterinburg. [in Russian]

Khoroshilova, 2014 – Khoroshilova, O.A. (2014). Russkie otryady osoboi vazhnosti v period Pervoi Mirovoi voiny [Russian detachments of special importance during the First World War]. *Pervaya Mirovaya voina, Versal'skaya sistema i sovremennost': Sbornik statei*. Отв. ред. И. Н. Новикова и др. СПб.: SPbGU. [in Russian]

Klembovskii, 1919 – Klembovskii, V.N. (1919). Partizanskie deistviya. Issledovanie [Partisan Actions. Research]. Pg.: Izdanie Petrogradskogo otdela Glavnogo upravleniya voенно-uchebnykh zavedenii. [in Russian]

Kuban' i kubantsy..., 2025 – Kuban' i kubantsy v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918): sbornik dokumentov [Kuban and Kuban Residents during the First World War (1914–1918): Collection of Documents]. Sost. S.G. Temirov, A.V. Babich. Krasnodar: Traditsiya, 2025. [in Russian]

Kurepin, 2013 – Kurepin, Yu.G. (2013). Zabytye geroi [Forgotten heroes]. Ekaterinburg. [in Russian]

Lar'kov, 2009 – Lar'kov, N.S. (2009). Partizanskoe dvizhenie [Partisan movement]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk. [in Russian]

Logofet, 1915 – Logofet, D.N. (1915). S teatra voennykh deistvii (vpechatleniya) [From the theater of military operations (impressions)]. *Razvedchik*. 22 dek. (№ 1311): 789-791. [in Russian]

Markovchin, 2010 – Markovchin, V.V. (2010). Odisseya atamana Annenkova [Odyssey of Ataman Annenkov]. Kursk: Yugo-Zapadnyi gos. un-t. [in Russian]

Nikitin, 1979 – Nikitin, A.N. (1979). Memuary kak istochnik po istorii partizanskogo dvizheniya v Sibiri v gody grazhdanskoi voiny [Memoirs as a source for the history of the partisan movement in Siberia during the Civil war]. Avtoref. dissert. kand. istr. nauk. Tomsk. [in Russian]

Parshukov, 2023 – Parshukov, V.A. (2023). Podvigi kazakov partizanskikh otryadov na frontakh Pervoi mirovoi voiny [Exploits of Cossack partisan detachments on the fronts of World War I]. *Voенно-istoricheskie chteniya. 1943 god. Vremya korenного pereloma v Velikoi Otechestvennoi voine. Materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Simferopol'. Pp. 187-190. [in Russian]

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].

Semenov, 1994 – *Semenov, V.G.* (1994). Partizany-kazaki na zashchite Otechestva [Cossack partisans in defense of the fatherland]. Lyubov' i vostok: esse, dokumenty, spravoch'naya informatsiya, vospominaniya, rasskazy, stikhi. M. [in Russian]

Semenov, 2009 – *Semenov, V.G.* (2009). Ofiterskii korpus Orenburgskogo kazach'ego voiska 1891–1945 gg. Dopolnenie k biograficheskomu spravochniku [Officer corps of the Orenburg Cossack host 1891–1945. Supplement to the biographical handbook]. Orenburg. [in Russian]

Semenov, 2023 – *Semenov, V.G.* (2023). Konno-partizanskii otryad 11-i kavaleriiskoi divizii v gody Pervoi mirovoi voiny [Horse-partisan detachment of the 11th cavalry division during the First World War]. *Genealogiya i arkhivy. Materialy pyatoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Sost. N.A. Antipin. Chelyabinsk. Pp. 566-572. [in Russian]

Semenov, Semenova, 2017 – *Semenov, V.G., Semenova, V.P.* (2017). Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus. Istoriya v litsakh [Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps. History in faces]. Orenbur. [in Russian]

Shilovskii, 2016 – *Shilovskii, M.V.* (2016). Povsednevnost' partizanskogo dvizheniya v Sibiri v 1918–1919 gg. (po vospominaniyam V.P. Sheveleva-Lubkova) [Everyday life of the partisan movement in Siberia in 1918–1919 (based on the memoirs of V.P. Shevelev-Lubkov)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 3(8): 145-150. [in Russian]

Shuldyakov, 2008 – *Shuldyakov, V.A.* (2008). K predystorii «annenkovshchiny»: Otryad osobogo naznacheniya Sibirskoi kazach'ei divizii v marte 1917 – fevrale 1918 goda [On the prehistory of "annenkovshchina": special purpose detachment of the Siberian Cossack division in march 1917 – february 1918]. *Nedbaevskie istoricheskie chteniya (31 marta 2007 g., 18 noyabrya 2008 g.)*. Omsk: Izd-vo OmGPU. Pp. 158-188. [in Russian]

Smolik, 2017 – *Smolik, A.I.* (2017). Partizanskoe dvizhenie v Belarusi v period nemetskoj okkupatsii (1914-1918 gg.) [Partisan movement in Belarus during the German Occupation (1914–1918)]. *Rossiya i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i nastoyashchem*. 2: 134-140. [in Russian]

Strokov, 1974 – *Strokov, A.A.* (1974). Vooruzhennyye sily i voennoe iskusstvo v Pervoi mirovoi voine [Armed forces and military art in World War I]. M. [in Russian]

Trut, 2016 – *Trut, V.P.* (2016). Kazachestvo v Pervoi mirovoi voine [Cossacks in World War I]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*. 11: 261-277. [in Russian]

Tsuba, 2011 – *Tsuba, M.V.* (2011). Partyzanski rukh na pinshchyne ŷ gady Pershai susvetnai vainy [The guerrilla movement in the Pinsk region during the First World War]. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i humanitarnykh nauk*. 1: 40-45. [in Ukrainian]

К вопросу о создании партизанских отрядов в годы Первой мировой войны (1914–1918). Часть 2

Горан Райович ^{a, b, c, *}, Сергей Николаевич Братановский ^d, Александр Егорович Епифанов ^e, Иван Николаевич Куксин ^f

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Восточно-европейское историческое общество, Хьюстон, США

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^f Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная рукопись является второй частью нашего исследования и посвящена изучению источников о партизанском движении в Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1918). Материалами исследования стали документы: рапорт подъясаула А.Г. Шкуро, хранящийся в Российском государственном военно-историческом архиве, а также исторические труды, посвящённые проблематике партизанского движения в Первой мировой. В качестве методического комплекса применялись историографический, историко-генетический, историко-системный и другие методы.

В заключении авторы отмечают, что рапорт можно считать краткой методичкой, которая легла в основу партизанской войны, организованной Русской императорской армией. Высшее военное руководство оценило и приняло данный рапорт и наладило разведывательно-диверсионную партизанскую деятельность в соответствии с принципами, изложенными в данном рапорте.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Задачами партизанского движения являлись: скрытное нанесение мелких, но частых ударов по тыловой инфраструктуре врага, нанесение вреда и уничтожение логистики противника; упор делался на патриотизм и добровольческое движение. В приоритет ставилось качественное финансирование отряда, осуществляемое за счёт пожертвований предпринимателей. Командир отряда должен был всегда иметь наличные деньги для подкупа, найма, покупки запасов и пр. С учётом того, что отряду должны были содействовать все без исключения военные подразделения армии, можно говорить об элитарности партизанских отрядов; их «особое» разведывательно-диверсионное назначение прямо указывалось в документах того времени.

Оптимальным количеством бойцов в отряде Шкуро называл 90–120 всадников, причём исключительно добровольцев. Командир сам подбирал бойцов в свой отряд. Также обосновывается необходимость для партизан отступать от положений закона, устава и правил ведения войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, 1914–1918, партизанское движение в годы Первой мировой войны, Российская империя.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(4): 2150-2156
DOI: 10.13187/bg.2025.4.2150

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

East European Historical Society (2015–2025): A Review of Its Work

Irina Yu. Cherkasova ^{a, b, c, *}, Larisa A. Koroleva ^d, Valentina S. Nikitina ^e

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c East European Historical Society, Houston, USA

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^e Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

This paper commemorates the 10th anniversary of the East European Historical Society. It goes over the key areas of the Society's work, including its publication activity, its own mass media, its projects designed to popularize academic knowledge, and its contests for the best research work.

The work leans on four groups of sources – (1) collections of published documents, (2) materials from the Society's official website, (3) materials from the citation database Web of Science, and (4) commemorative and other publications.

The study's findings reveal that in the 10-year period of its existence the East European Historical Society has achieved a number of significant outcomes. Its members have published nearly 70 articles, with at least 40 of those appearing in journals indexed by Web of Science. The most significant of the publications is the 850-page 'The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection)', a work which would doubtless be a credit to any modern academic institution.

The Society has produced mass media of its own. Specifically, it published the journal *East European History* from 2015 to 2020 and has produced the journal *Recorder* since 2025. In addition, since 2018 the Society has stewarded a news-focused academic project known as the Eastern European Scientific Information Agency.

The Society has given serious attention to organizational work as well. From 2015 to 2019, the Society was among the organizers of six contests for the best research work – an anniversary commemorative contest (2015) and five 'Slavery in the Past and Present' annual events (2015–2019).

Keywords: East European Historical Society (2015–2025), history, foundation, key areas of development.

1. Introduction

On September 6, 2025, the East European Historical Society turned 10. Virtually right from the moment of its establishment, besides publication and other organizational activity, the Society has also engaged in the activity of reviewing scholarly works for the American historical journal *Bylye Gody*. And in this respect, there exists an inseparable bond between the Society and the journal. The present work summarizes the evolvement and development of the Society, in the light of its 10th anniversary.

2. Materials and methods

The work leans on the following four groups of sources:

---

* Corresponding author

E-mail addresses: Cherkasovairina42@gmail.com (I. Yu. Cherkasova)

1) Collections of published documents. Central here is ‘Cherkas Global University 1992–2022: Collection of Documents’ (Cherkas Global University..., 2022), which offers valuable insight into the establishment and operation of the East European Historical Society.

2) Materials from the official website of the East European Historical Society (www.easteuropeanhistory.org). These materials serve as a source of information regarding the organizational structure and management of the Society.

3) Materials from the citation database Web of Science. These materials give one an idea of the Society’s publication activity.

4) Commemorative and other publications. This category incorporates the article ‘East European Historical Society (2015–2020): Foundation and Development’, produced in conjunction with the Society’s fifth anniversary (Natolochnaya et al., 2020b). The other work to mention here is ‘INCFAR: Characteristics and Challenges (A Fifth Anniversary Tribute)’ (Tarakanov, Ponomareva, 2019).

In working on this paper, use was made of the descriptive, statistical, and problem-historical methods. Doing so helped put together a comprehensive picture of the relevant events in their historical sequence.

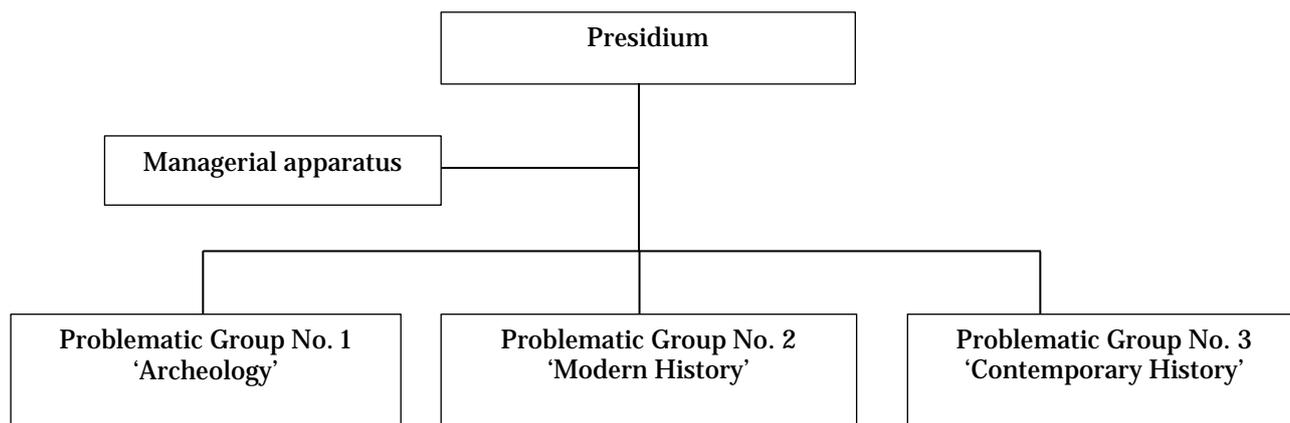
3. Results

3.1. General information

History and mission of the East European Historical Society. The East European Historical Society was founded on September 6, 2015. Its official website is www.easteuropeanhistory.org. Its mission is to promote the comprehensive study of the histories of the nations of Eastern Europe, including Russia, and to foster effective collaboration among scholars specializing in the study of the region.

The initiator behind the creation of the East European Historical Society was the International Network Center for Fundamental and Applied Research (INCFAR)¹ (Cherkas Global University..., 2022: 49).

Structure and symbols of the East European Historical Society. The Society is managed by a relatively small staff, with the core roles being Chairman, General Editor, Treasurer, Secretary, and Committee Members.

Fig. 1. Structure of the East European Historical Society

The Presidium of the East European Historical Society consists of its President and Vice-President², and its managerial apparatus is represented by its Treasurer and Secretariat. The Society is divided into three problematic groups – (1) Problematic Group No. 1 (Archeology), (2) Problematic Group No. 2 (Modern History), and (3) Problematic Group No. 3 (Contemporary History). A researcher joins a particular problematic group based on their specialization.

Members of the Society currently include researchers from the US, Slovakia, the Russian Federation, Serbia, Romania, Bulgaria, Slovenia, Georgia, Moldova, Ukraine, and Great Britain.

The Society’s logo and banner are shown in Figure 2.

¹ On February 19, 2021, the INCFAR was renamed to Cherkas Global University. On that day, the corporation Cherkas Global University was registered in Washington, DC (Cherkas Global University..., 2022: 65).

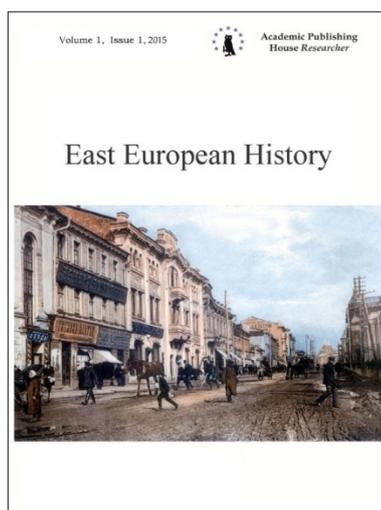
² The post of Vice-President was introduced in 2021. Prior to that, the position was referred to as ‘General Editor’.

Fig. 2. Symbols of the East European Historical Society (left – its logo, right – its banner) (Natolochnaya et al., 2020b: 1409-1412)

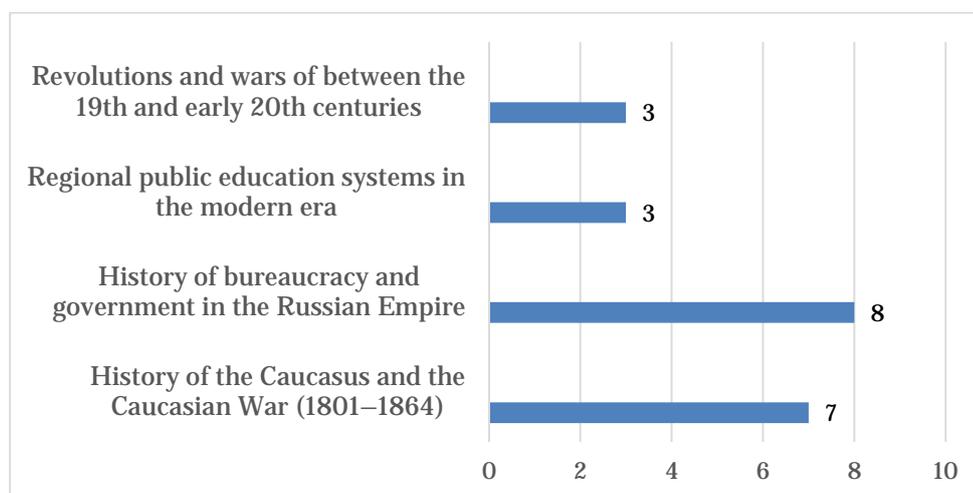
3.2. Activity in 2015–2020

In 2015–2020, the Society published the journal *East European History* (Figure 3). In all, eight issues were produced, with over 30 articles published in them combined.

Fig. 3. Cover of the journal *East European History*

Publication activity of the East European Historical Society. Although the Society was created in the fall of 2015, its first papers appeared in Web of Science-indexed journals only in 2016. Figure 4 illustrates the publication activity of its members in the period from 2016 to 2019.

Fig. 4. Publication activity of the East European Historical Society across a set of subject matter areas in 2016–2019 (Cherkasov et al., 2016; Natolochnaya, 2017; Cherkasov et al., 2017; Peretyatko, 2019; Cherkasov et al., 2017a; Karataev et al., 2017; Vodyasov, Zaitceva, 2018; Peretyatko, 2017; Peretyatko, 2017a; Degtyarev

et al., 2018; Degtyarev et al., 2018a; Degtyarev, Polyakova, 2019; Degtyarev et al., 2019; Degtyarev et al., 2019a; Degtyarev et al., 2019b; Magsumov, Nizamova, 2016; Natolochnaya et al., 2018; Zavhorodnia et al., 2019; Taran et al., 2017; Trut et al., 2017; Cherkasov et al., 2017)

In all, around 35 articles were published in the period from 2016 to 2019, with at least 21 of those appearing in journals indexed by Web of Science.

Essentially, during the first 5 years of its existence the East European Historical Society was undergoing its process of making as an organization. During that period, the Society undertook to produce a journal of its own (*East European History*), established the Eastern European Scientific Information Agency in an effort to help popularize academic knowledge about Eastern Europe, and actively engaged in publication work.

3.3. Activity in 2020–2025

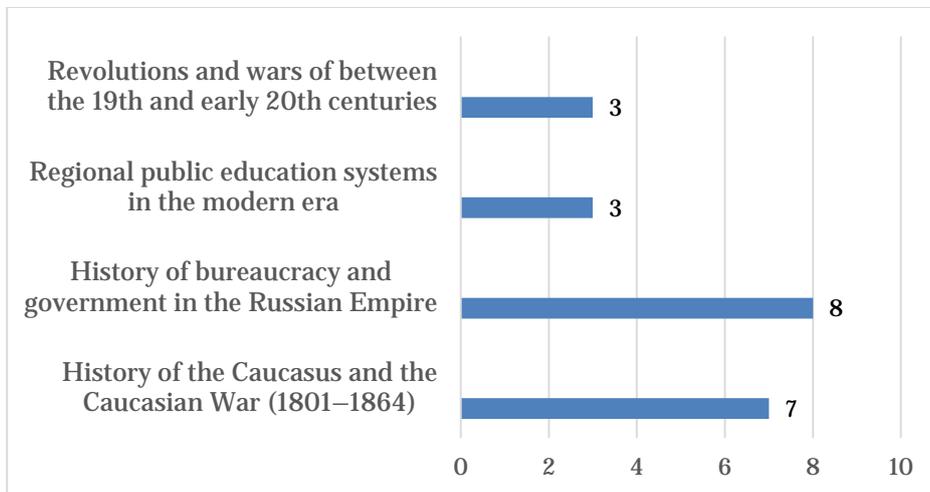
During the following 5-year period, beginning in 2020, the Society has actively engaged in the conduct of contests for the best research work.

In 2020, two contests were held. The first contest was associated with the Society's fifth anniversary celebration (*Cherkas Global University...*, 2022: 59), and the second, 'Slavery in the Past and Present', was focused on research on classical slavery (*Cherkas Global University...*, 2022: 164-166). The works of the first contest's winners would be published in the journal *Bylye Gody*, and the second contest's best entries would be recognized with cash prizes. (The contest's prize purse would be divided among the five best contestants.) The classical slavery contest became an annual event and was held in 2020–2024, with five such events staged in total.

In the 2020–2024 period, the second contest's organizers, the East European Historical Society and Cherkas Global University, paid out nearly \$11,000 in prize money.

Work on the project designed to popularize academic knowledge about Eastern Europe, the Eastern European Scientific Information Agency, has continued. Currently, the Agency's website contains nearly 1,000 pages worth of news.

In 2020–2025, the Society has continued to actively engage in publication work. Figure 5 illustrates some of the outcomes of that work based on Web of Science data. However, it is to be taken into account that the Society's members have published in less prestigious journals, i.e. journals not indexed by Web of Science, too.

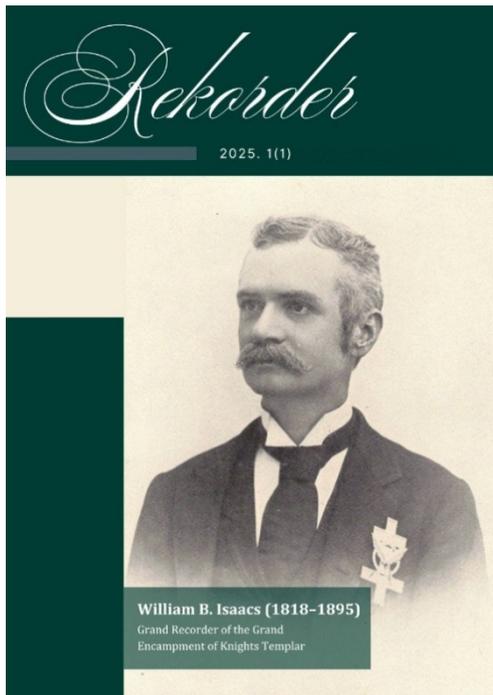

Fig. 5. Publication activity of the East European Historical Society across a set of subject matter areas in 2020–2025 (Degtyarev et al., 2020; Shaidurov et al., 2020; Tkachenko et al., 2020; Degtyarev et al., 2020a; Cherkasov, 2020; Degtyarev et al., 2021; Shaidurov, 2021; Mamadaliev, 2025; Degtyarev et al., 2020b; Degtyarev, Polyakova, 2020; Degtyarev et al., 2020c; Natolochnaya et al., 2020; Natolochnaya et al., 2020a; Cherkasov et al., 2020; Degtyarev et al., 2021; Degtyarev et al., 2021a)

In 2020–2025, the total publication output of the East European Historical Society incorporated at least 16 articles published in Web of Science-indexed journals.

The Society's largest-ever project is the collection of documents 'The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection)' (Cherkasov, 2020: 1415-2266). The project was launched in 2015, i.e. the year the Society was established, and was completed in 2020 with the publication of said collection in the journal *Bylye Gody*. The collection focuses on slavery in Circassia in the period between the late 18th and mid-19th centuries. In all, it contains 1,200 documents, which makes it one of the 21st century's more valuable works on the history of slavery.

In 2025, the East European Historical Society teamed up with Cherkas Global University to produce a quarterly popular science electronic journal – *Recorder*. The journal focuses on the history of Freemasonry in the United States (York Rite) and is produced as part of the implementation, in association with Cherkas Global University, of a program on preparations for America’s 250th anniversary celebration. *Recorder* is housed on the website of the East European Historical Society. When its first issue came out in September 2025 (Figure 6), the Chief Editor column carried the following message: “A reader may wonder why our magazine is called ‘Recorder’. The answer is simple: within the Knights Templar Commanderies, the officer known as the Recorder – or the Secretary in Masonic lodges – has traditionally been responsible for maintaining all documentation: from records of membership to official correspondence. In many cases, Recorders also authored historical or scholarly works about their Commanderies. Thus, the Recorder was not only an administrative officer but also a kind of chronicler and historian, preserving the institutional memory of the Order. In this same spirit, our *Recorder* serves as a modern chronicler dedicated to preserving and sharing the history of Freemasonry and the Knights Templar” (Editor’s Note, 2025: 3).

Fig. 6. Cover of the first issue of the journal *Recorder*

The first issue of the journal carried a variety of material, including commemorative pieces, obituaries, research articles and commentaries, and materials covering the activity of the Museum of the History of the American Knights Templar. It also had a section named ‘Leafing Through Antique Books’.

To conclude this review of the Society’s work over its second 5-year period of operation (2020–2025), it must be noted that its publication activity has decreased a little. Meanwhile, its news-focused project designed to popularize academic knowledge about Eastern Europe, the Eastern European Scientific Information Agency, has carried on. Virtually throughout the 5-year period, the Society has engaged in the staging of contests for the best research work, and in 2025 it also revived the idea of producing mass media of its own, moving ahead with the publication of the journal *Recorder*.

4. Conclusion

In the 10-year period of its existence, the East European Historical Society has achieved a number of significant outcomes. Its members have published nearly 70 articles, with at least 40 of those appearing in journals indexed by Web of Science. The most significant of the publications is the 850-page ‘The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection)’, a work which would doubtless be a credit to any modern academic institution.

The Society has produced mass media of its own. Specifically, it published the journal *East European History* from 2015 to 2020 and has produced the journal *Recorder* since 2025. In addition, since 2018 the Society has stewarded a news-focused academic project known as the Eastern European Scientific Information Agency.

The Society has given serious attention to organizational work as well. From 2015 to 2019, the Society was among the organizers of six contests for the best research work – an anniversary commemorative contest (2015) and five ‘Slavery in the Past and Present’ annual events (2015–2019).

References

- [Cherkas Global University..., 2022](#) – Cherkas Global University 1992–2022: Collection of Documents. Los Angeles, Washington DC, 2022.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2016). The Evolution of Christianity in the Caucasus in the IV–XVIII Centuries. *Bylye Gody*. 41(3): 555-564.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Valleau, A. (2017). The losses of the Russian army in Transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828-1829): The historical-statistical study. *Rusin*. 50(4): 38-60.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The list of captives from the Turkish vessel belifte as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19thcentury. *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije – Series Historia et Sociologia*. 27(4): 851-864.
- [Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.
- [Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.
- [Degtyarev et al., 2018](#) – Degtyarev, S.I., Zavhorodnia, V.M., Polyakova, L.G. (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 50(4): 1530-1537.
- [Degtyarev et al., 2018a](#) – Degtyarev, S.I., Zavhorodnia, V.M., Polyakova, L.G. (2018). On the Establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and Its Coverage in “Kievskaya Starina” Journal. *European Journal of Contemporary Education*. 7(4): 911-917.
- [Degtyarev et al., 2019](#) – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Balanyuk, L.L., Gut, J. (2019). Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries). *Bylye Gody*. 52(2): 491-501.
- [Degtyarev et al., 2019a](#) – Degtyarev, S.I., Mikhaylichenko, M.A., Polyakova, L.G., Gut, J. (2019). Components of the Intra-Noble Status (Analysis of the «Eight-Class» Nobility of the Kharkiv Governorship of 1786–1799). *Bylye Gody*. 54(4): 1514-1523.
- [Degtyarev et al., 2019b](#) – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Yehorova, O.I., Gut, J. (2019). Yakov I. Kostenetsky (1811–1885): Life of a Typical Representative of the Noble Intelligentsia of the XIX century. *Bylye Gody*. 53(3): 1067-1077.
- [Degtyarev et al., 2020](#) – Degtyarev, S.I., Nazarov, M.S., Polyakova, L.G., Gut, J. (2020). The Local Titulature in the System of Civil Rank Production of the Russian Empire on the Ukrainian Lands in the Last Quarter of the XVIII century. *Bylye Gody*. 55(1): 49-56.
- [Degtyarev et al., 2020a](#) – Degtyarev, S.I., Tkachenko, O.G., Polyakova, L.G., Stepanova, D.I. (2020). Formation of a System of Material Support and Encouragement of Civil Servants of the Russian Empire at the end of the 18th – first half of the 19th centuries. *Bylye Gody*. 57(3): 1034-1044.
- [Degtyarev et al., 2020b](#) – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Gut J. (2020). The Social Background of Functionaries in the Russian Empire’s Public Education Sector in the First Half of the 19th century: The Case of the Ukrainian Governorates. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 212-220.
- [Degtyarev et al., 2020c](#) – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Stepanova, D.I. (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 666-678.
- [Degtyarev et al., 2021](#) – Degtyarev, S.I., Nazarov, M.S., Polyakova, L.G., Gut, J. (2021). Representatives of the Unprivileged Social Groups of the Former Hetmanate on Public Service of the Russian Empire (on the example of the Peasant-Cossack Kunits Family). *Bylye Gody*. 16(1): 56-63.
- [Degtyarev et al., 2021](#) – Degtyarev, S.I., Zavhorodnia, V.M., Polyakova, L.G. (2021). Transformations in Public Education in the Ukrainian State in 1918. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 219-230.
- [Degtyarev et al., 2021a](#) – Degtyarev, S.I., Nazarov, M.S., Polyakova, L.G. (2021). Schools for Training Future Clerical Employees in the Russian Empire: Professional Staff and Characteristics of the Learning Process. *European Journal of Contemporary Education*. 10(2): 517-528.
- [Degtyarev, Polyakova, 2019](#) – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G. (2019). Orphan Courts in the System of State Institutions of the Russian Empire of the end of the XVIII – 60s of the XIX centuries: Personal Composition, Competence, Rights and Duties of Guardians. *Bylye Gody*. 51(1): 83-92.
- [Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G. (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century

- (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 451-458.
- [Editor's Note, 2025](#) – Editor's Note (2025). *Recorder*. 1(1): 3.
- [Karataev et al., 2017](#) – *Karataev, V.B., Belyalova, A.M., Artemova, S.F., Yakushev, A.N.* (2017). The Combatant of the Caucasian Army (1801–1864 years): Uniform, Equipment, Traditions. *Bylye Gody*. 45(3): 847-852.
- [Krinko et al., 2017](#) – *Krinko, E.F., Suschiy, S.J., Mamadaliev, A.M.* (2017). Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders. *Bylye Gody*. 45(3): 821-835.
- [Magsumov, Nizamova, 2016](#) – *Magsumov, T.A., Nizamova, M.S.* (2016). The Zemstvo's Activities to Guide the Primary School Teacher Resources Formation and Support. *Bylye Gody*. 41(3): 688-697.
- [Mamadaliev, 2025](#) – *Mamadaliev, A.M.* (2025). The Masonic Organizations in the Russian Empire (XVIII century): Structure and Personalities. *Bylye Gody*. 20(3): 1095-1104.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – *Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Bragina, M.A.* (2018). The Struggle for Literacy in the Russian Troops in the late 1850s – early 1860s. *Bylye Gody*. 47(1): 225-231.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya, O.V., Makarov, Yu.N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A.* (2020). The Public Education System in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679-688.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – *Natolochnaya, O.V., Makarov, Yu.N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A.* (2020). East European Historical Society (2015–2020): Foundation and Development. *Bylye Gody*. 57(3): 1409-1412.
- [Natolochnaya, 2017](#) – *Natolochnaya, O.V., Chikhladze, L.T., Yablochkina, I.V., Gordeev, I.A.* (2017). Sports Training in Parts of the Active Army in the Period of the Caucasian War. *Bylye Gody*. 46(4): 1291-1296.
- [Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2016). The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved. *Bylye Gody*. 41(3): 744-752.
- [Peretyatko, 2017](#) – *Peretyatko A.Yu.* (2017). "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I. *Bylye Gody*. 45(3): 937-948.
- [Peretyatko, 2017a](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2017). "Before Giving to the Nation or Tribe a New Order, One Must First Ask the People of this Nation Whether They Need This Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 on the Don. Part II. *Bylye Gody*. 46(4): 1401-1415.
- [Peretyatko, 2019](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2019). Forgotten Researcher of the Don Economy: Economic and Political Motives in the Late Books of N.I. Krasnov. *Bylye Gody*. 54(4): 1692-1703.
- [Shaidurov et al., 2020](#) – *Shaidurov, V.N., Sinko, G.I., Goncharov, Yu.M.* (2020). Gypsies in Siberia: Resettlement, Family and Economic Activity between the 18th and first half of the 19th century (Historical Aspect). *Bylye Gody*. 56(2): 463-473.
- [Shaidurov, 2017](#) – *Shaidurov, V.N.* (2017). On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century). *Bylye Gody*. 46(4): 1207-1218.
- [Shaidurov, 2021](#) – *Shaidurov, V.N.* (2021). From Siberia to Novgorod Governorate: Revisiting Migration of Polish Exiles in the second half of the 1850s – early 1870s. *Bylye Gody*. 16(2): 717-725.
- [Tarakanov, Ponomareva, 2019](#) – *Tarakanov, V.V., Ponomareva, M.A.* (2019). INCFAR: Characteristics and Challenges (A Fifth Anniversary Tribute). *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 984-992.
- [Taran et al., 2017](#) – *Taran, K.V., Dyuzhov, A.V., Rassolov, I.M.* (2017). The Activities of the Armenian parties Dashnaksutyun and Gnchak on the territory of the Black Sea Province at the beginning of the XX century. *Bylye Gody*. 43(1): 248-256.
- [Tkachenko et al., 2020](#) – *Tkachenko, O.G., Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Gut, J.* (2020). Ivan Klyushnikov and His Time (1811–1895): the Poet's Spiritual Quest. *Bylye Gody*. 56(2): 571-582.
- [Trut et al., 2017](#) – *Trut, V.P., Borodin, S.V., Tarakanov, V.V.* (2017). Position of the Cossacks of the Petrograd garrison during the October uprising in the Capital and Participation of Cossack Units in the Campaign of Kerensky-Krasnov. *Bylye Gody*. 46(4): 1572-1581.
- [Vodyasov, Zaitceva, 2018](#) – *Vodyasov, E.V., Zaitceva, O.V.* (2018). Results of Interdisciplinary Research of Hillfort «Toyanov Gorodok». *Bylye Gody*. 48(2): 456-464.
- [Zavhorodnia et al., 2019](#) – *Zavhorodnia, V.M., Slavko, A.S., Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G.* (2019). Implementing a Value-Oriented Approach to Training Law Students. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 677-691.